ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР

ШПИОН

●

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1974

Вступительная статья
А. Елистратовой

И (Амер)
К92

Иллюстрации
П. Пинкисевича и Андриолли

К $\frac{70304\text{-}248}{028(01)\text{-}74}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1974 г.

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР И ЕГО РОМАНЫ

1

Начало широкой международной известности американской литературы восходит к творчеству Купера. Национальная литература США возникла ранее: она формировалась в годы Войны за независимость, отмеченные бурным расцветом политической поэзии и публицистической прозы. Бенджамин Франклин (1706—1790), первый посол молодой североамериканской республики при французском дворе, был вместе с тем и первым американским философом, естествоиспытателем и литератором, чья слава донеслась и до Европы. Нашли своих читателей не только в США, но и в Англии мрачные романы Чарльза Брокдена Брауна (1771—1810), где нравы и характеры представали в драматическом сцеплении стихийных бедствий и преступлений. Значительно более широкий отклик и на родине, и в Европе получило творчество Вашингтона Ирвинга (1783—1859), в чьей «Истории Нью-Йорка» (1809) и новеллистической прозе («Рип Ван Винкль», «Легенда Сонной лощины» и др.) преобладала совсем иная тональность — шутливый юмор, благодушная ирония и пародийно-бурлескная фантастика.

Романы Купера, однако, еще при жизни писателя завоевали ему мировую известность, затмившую популярность его американских предшественников. При этом — обстоятельство примечательное и многозначительное — слава Купера как выдающегося *национального* писателя за пределами Соединенных Штатов оказалась и более громкой, и более устойчивой, чем среди его соотечественников. Куперу суждено было на собственном примере убедиться в справедливости старого изречения о том, что «нет пророка в своем отечестве». Одна из главных причин этого драматического конфликта, оставившего глубокий след не только в письмах и публицистике, но и в художественных произведениях писателя, заключалась в проницательности,

с какою Купер уловил и осмыслил глубинные противоречия развития американского общества.

В образах его любимейших героев — охотника, следопыта и зверолова Натти Бампо, по прозвищу Кожаный Чулок, и его друзей-могикан, разведчика Гарви Бёрча и других — символически воплотились судьбы народа США.

Литературное наследие Купера огромно: до трех с половиной десятков романов и одна неопубликованная, но поставленная при его жизни комедия («Вверх дном, или Философия в юбке»); многочисленные тома путевых очерков, публицистические статьи, брошюры и книги; обстоятельная «История флота Соединенных Штатов Америки» и примыкающие к ней «Биографии выдающихся американских морских офицеров». Через сто лет после смерти Купера его потомки разрешили публикацию обширного рукописного архива писателя; шеститомное научное издание писем и дневников Купера (1960—1968)[1] позволяет полнее представить себе его творческие искания и жизненный путь.

За полтора века, прошедших со времени выхода первых романов Купера, его литературная репутация претерпела некоторые изменения. Нередко в нем видят по преимуществу писателя для юношества: он разделил в этом отношении участь создателей «Робинзона» и «Гулливера», так же как и судьбу своего старшего современника Скотта. Этому способствовали увлекательные сюжеты большинства романов Купера, где действие развертывается стремительной вереницей приключений и герои совершают в каждой главе чудеса храбрости и находчивости, побеждая бурные стихии природы и разгадывая коварство врагов. Но живость воображения сочеталась у Купера с работой пытливой, требовательной мысли. Его произведения поражали современников не только новизной и яркостью жизненного материала, но и глубиной обобщений. Недаром среди восторженных ценителей его таланта были столь взыскательные художники и мыслители того времени, как Бальзак, Белинский, Лермонтов.

Бальзак «рычал от восторга», читая Купера; эпопея Кожаного Чулка восхищала создателя «Человеческой комедии» не только как произведение американского романиста, но и как труд американского историка. Белинский относил Купера к числу немногих «исполинов» современной литературы, а говоря о его роли в развитии повествовательно-эпического жанра, ставил, как и Вальтера Скотта,— в одном ряду с Гомером и Сервантесом. Впрочем, в глазах Белинского Купер был даже выше Скотта,— что, по всей вероятности, объяснялось тем, что в лучших романах Купера русский критик усматривал и больше драматизма, и более резко выраженное критическое отношение к современному обществу. Белинский с особым удовлетворением убедился в том, что Лермонтов разделяет его точку зрения на Купера. «Недавно

---

[1] «The Letters and Journals of James Fenimore Cooper», v. I—VI. Ed. by James Franklin Beard. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1960—1968.

был я у него в заточении[1] и в первый раз поразговорился с ним от души,— писал Белинский В. П. Боткину 16—21 апреля 1840 г.—...Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше В<альтер> Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целости. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же»[2].

Джеймс Фенимор Купер (1789—1851) начал писать уже вполне взрослым, сложившимся человеком, успевшим многое испытать, пережить и передумать. Он гордился тем, что хорошо знает Америку, и, говоря о своих зрелых романах, не раз заявлял, что пишет только о том, что известно ему по собственным наблюдениям, хотя и дает волю своему воображению. «Конечно, мои описания несколько поэтичны, как и следует, но в основном они достаточно точны» [3],—писал он своему французскому издателю.

Купер вырос в поместье своего отца, Куперстауне, на берегу живописного озера Отсего, в шестидесяти двух милях к западу от Олбани, столицы штата Нью-Йорк. Во времена детства будущего писателя здесь, в глуши, пролегала граница между цивилизованными поселениями и еще не освоенными, заросшими девственным лесом землями. Ребенком Купер мог наблюдать здесь тот мир сложных и подвижных человеческих отношений, который ожил впоследствии на страницах его романов. Он видел индейцев — исконных хозяев обманом или насилием отнятой у них земли, вымирающих или насильственно оттесняемых все дальше на Запад; пионеров — «скваттеров», захватывающих участки целины, чтобы, собрав несколько богатых урожаев на вырубках, двинуться дальше. «Закон» крупной собственности, представителем которого был его отец, судья Уильям Купер, гордившийся тем, что от него зависят «сорок тысяч душ» арендаторов, вторгался в существование множества людей, привыкших к вольному, скитальческому образу жизни — и индейцев, и белых охотников, звероловов, странствующих коробейников, скваттеров... Война за независимость США кончилась всего за шесть лет до рождения Купера; ее предания, использованные им впоследствии в романах «Шпион», «Лионель Линкольн, или Осада Бостона» (1825) и других, были еще свежи; а результаты победы, вырванной у англичан героическими усилиями американских фермеров и ремесленников, оказались спорными и сомнительными. Федералисты, к числу которых принадлежал отец Купера, считали опасной и вредной демократизацию общественно-политического строя США. А народ роптал на высокие налоги, на распродажу имущества, конфискуемого за долги, требовал земли и свободы, обещанной ему Декларацией Независимости. Возникали волнения; восстание фермеров под предводительством Даниэля Шейса, всколыхнувшее страну, разыгралось за два года до рождения Купера, в 1786—1787 годах.

---

[1] Лермонтов находился в это время под арестом в ордонансгаузе из-за своей дуэли с Барантом.

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 508—509.

[3] Cooper. Letters and Journals, v. IV, p. 212.

Противоречия, не разрешенные Войной за независимость и углубившиеся в XIX веке, нашли отражение в романах Купера, хотя в большинстве случаев и не в прямой, а в романтически преображенной, символической форме. До поры до времени яркие впечатления жизни «на границе» колонизации незаметно откладывались в сознании живого, резвого, шаловливого мальчика,— таким запомнился современникам в его школьные годы Джеймс Купер, предпоследний из тринадцати детей судьи из Куперстауна.

Годы учения Купера в Йэльском университете, куда он поступил четырнадцатилетним подростком, были ознаменованы главным образом отчаянными проказами; обдумывая их, будущий романист проявлял неистощимую изобретательность. После того как он взорвал запертую дверь, заложив заряд пороха в замочную скважину, его исключили из университета. Как вспоминал один из его педагогов, Джеймс Купер «был довольно своенравен, терпеть не мог серьезного ученья, особенно отвлеченных наук, и без памяти любил читать романы и забавные повести»[1]. Первым настоящим жизненным университетом для Купера стала морская служба. Семнадцати лет отец отправил его матросом в годичное плавание на торговом судне, совершавшем рейсы между Америкой и Испанией. Затем он стал мичманом военно-морского флота. На некоторое время его откомандировали в район Великих озер, наблюдать за постройкой военных судов. Впечатления этих месяцев воскресли в написанном тридцать лет спустя романе «Следопыт» (1840), действие которого развертывается на озере Онтарио.

В 1811 году, после смерти отца, Купер женился, оставил морскую службу и попытался осесть на земле. Судье Куперу не удалось закрепить своих прав на захваченную им территорию; его наследникам пришлось довольствоваться крохами отцовского состояния. Деятельно занимаясь сельским хозяйством, став даже членом Агрономического общества, Купер не пренебрегает и другими доходными предприятиями: заводит лавку в одном из глубинных, пограничных поселений штата Нью-Йорк, покупает и снаряжает в плавание китобойное судно... По замечанию его биографа Бирда, «самым донкихотским из всех его экспериментов» этого периода оказалось, однако, сочинительство [2].

Первая проба пера, которой дебютировал Купер, роман «Предосторожность» (1820) давно заслуженно забыт и представляет теперь лишь чисто библиографический интерес. Это было бледное подражание английским нравоучительным бытовым романам; ни место действия (английская провинция), ни заурядные персонажи «Предосторожности» не были отмечены печатью самобытности, столь характерной для Купера-художника. Но этот опыт не пропал даром: он показал Куперу, как не надо писать. В своем романе «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» (1821) он обратился к само-

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. I, p. 5.
[2] Там же, p. 24.

му драматическому периоду национальной истории — к переломному этапу Войны за независимость, выбрав местом действия хорошо знакомую ему, как и многим его читателям, округу штата Нью-Йорк. Как вспоминал он впоследствии в предисловии к изданию 1831 года, наполовину закончив роман, он надолго приостановил работу: слишком сомнительной казалась ему попытка заинтересовать патриотическим американским сюжетом читателей, привыкших питаться английской беллетристикой. Успех «Шпиона» рассеял эти сомнения, окрылил Купера и стал важной вехой в истории американского романа.

В 1823 году вышли в свет «Пионеры, или Истоки Сусквеганны» — первое произведение замечательной пенталогии, известной под общим названием «Истории Кожаного Чулка» (по прозвищу главного героя). Над этой пенталогией Купер работал в разные периоды жизни, с начала 20-х годов до 1841 года. Роман «Последний из могикан», входящий в состав настоящего издания, представляет собой одну из частей эпопеи, которая по праву считается шедевром Купера.

За «Пионерами» последовал первый из «морских» романов Купера — «Лоцман» (1824), действие которого, как и в «Шпионе», развертывалось во времена Войны за независимость, а главным героем был знаменитый командир американского военно-морского флота Поль Джонс, нанесший ряд сокрушительных поражений англичанам и воспетый в свое время американским поэтом-демократом Филипом Френо.

Купер чувствовал себя на подъеме. Он пишет одну книгу за другой, экспериментирует, пробуя силы в различных жанрах; его романы завоевывают широкую читательскую публику и в Европе: перепечатываются в Англии и переводятся на большинство европейских языков.

Купер радовался тому, что его романы и в переводе сохраняют свою жизненность; «позвольте Вам заметить, сударыня, что если книга продолжает высоко держать голову после того, как она была отдана на милость французского переводчика, то это значит, что в ней есть кости и мускулы»[1], — шутливо писал он своей приятельнице миссис Джей.

На протяжении первого десятилетия писательской деятельности Купера воодушевляла уверенность в его единстве с общественным мнением Америки. Размышляя об ответственной миссии писателя, он видел свою задачу в том, чтобы «пробудить спящие таланты нации»[2] (письмо Ричарду Генри Дейна от 14 апреля 1823 г.). «Моя цель,—писал он позже,—духовная независимость...» Америки; « и если я смогу сойти в могилу с мыслью, что хоть немногим способствовал достижению этой цели, я буду утешаться сознанием, что не был бесполезен среди моих сверстников»[3] (письмо Сэмюэлю Картеру Холлу от 21 мая 1831 г.).

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. I, p. 209.
[2] Там же, p. 94.
[3] Там же, v. II, p. 84.

Живой отклик, который встретили у него на родине его романы, вдохновленные идеалами освободительной войны 1775—1783 годов, укреплял его надежды на то, что Америка стоит на верном историческом пути. Он гордился, что по праву рождения связан с «этой славной страной, которая скоро будет,— я мог бы сказать, которая уже стала,— образцом для мудрых и добрых людей в любом краю»[1].

Эти строки были написаны во Франции, где Купер с 1826 по 1833 год занимал пост американского консула в Лионе. Должность эта была номинальной. Писатель жил со своею семьей в Париже, в центре политических бурь начала 30-х годов[2]. Он много путешествовал и по другим странам Европы, внимательно следя за событиями, сопоставляя социально-исторический опыт Старого Света с опытом своей страны. Первым литературным итогом этих раздумий был цикл «европейских» романов Купера: «Браво» (1831), «Гейденмауэр» (1832) и «Палач» (1833). Первый из них вызвал восторженный отзыв Белинского: «...какие лица, какие характеры! как сроднилась с ними душа моя, с какою сладкою тоскою мечтаю я о них!.. Коварная, мрачная, кинжальная политика венецианской аристократии; нравы Венеции; регата, или состязание гондольеров; убийство Антонио — все это выше всякого описания, выше всякой похвалы»[3].

Книги эти в совокупности заключали в себе критику феодальных порядков и нравов с точки зрения демократии. Но хотя действие их было отодвинуто в прошлое, проницательные читатели без труда улавливали в этих исторических романах злободневные намеки на современность. В предисловии к позднейшему переизданию «Браво», написанном в 1833 году, Купер вспоминал: «Это произведение было написано главным образом в Париже, где было достаточно удобных случаев... наблюдать, как лицемеры и интриганы издеваются над справедливыми надеждами масс, злоупотребляя их доверием и используя плоды народной энергии в интересах себялюбцев и торгашей»[4]. Купер намекал прежде всего на исход Июльской революции 1830 года во Франции. Но вскоре ему предстояло убедиться в том, что сказанное им здесь о монархии «короля-лавочника» Луи-Филиппа было применимо и к его собственной стране. Свой разлад с Америкой Купер начинает ощущать еще за

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. II, p. 156 (письмо Уильяму Бьюеллу Спрагу от 15 ноября 1831 г.).

[2] В это время укрепились и связи Купера с представителями русской культуры. Он знакомится с русскими дипломатами Д. И. Долгоруким и И. С. Гагариным, с З. А. Волконской, Голицыными и др. и замышляет даже неосуществившуюся поездку в Россию. «Своим первым представлением в европейское общество,— вспоминал он в письме Д. И. Долгорукому 12 июля 1845 г.,— я обязан вниманию русских... Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей».— Цит. по кн.: «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний». Под ред. академика М. П. Алексеева. М.-Л., Изд.-во АН СССР, 1960, с. 274.

[3] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. с. 159—160.

[4] Fenimore Cooper. The Bravo. P., Bandry, 1836, p. 1.

границей; он возвращается в США с мрачными предчувствиями. В письме художнику Данлэпу он признается: «Бесспорно одно — я разошелся с моею страной,— пропасть между нами огромна,— кто впереди, покажет время» [1]. Другому другу, скульптору Гриноу, он пишет, что возвращается домой, чтобы поближе присмотреться к Америке «и убедиться в том, будет ли у меня в остающейся мне жизни родина или нет» [2].

Непосредственным поводом к этому резкому перелому во взглядах и настроениях Купера послужила возмутившая его реакция значительной части американской прессы и общественных деятелей на его публицистические статьи, где он доказывал экономические преимущества демократического республиканского строя США по сравнению с французской монархией. К негодованию Купера, американские виги не только не поддержали его, но и высмеяли его аргументацию и взяли под сомнение его право выступать перед европейской публикой от лица США. Это было прологом новых и гораздо более драматических столкновений с общественным мнением буржуазной Америки,— в том числе гневного публицистического «Письма соотечественникам» (1834), сатиры «Моникины» (1835), целого ряда других более поздних произведений Купера. «Теперешняя политическая борьба в нашей стране представляет собой, по-видимому, конфликт между людьми и долларами», [3]— восклицает он в письме Бедфорду Брауну (24 марта 1838 г.).

«Моникины» — «комико-серио-романтико-ироническая повесть» [4], как анонсировал ее Купер своим издателям еще в 1832 году, представляла собой свифтианскую сатиру, обличавшую и порядки Старого Света (в особенности Англии), и порядки США. Читатель легко узнавал в стране Низкопрыгии — США, а в соперничающей с ней Высокопрыгии — Англию. Населяющие их человечки — моникины [5] — различаются, в сущности, только длиною своих хвостов. Куцые обитатели Низкопрыгии гордятся своею бесхвостостью — мнимым залогом всеобщего равенства; граждане Высокопрыгии, напротив, кичатся своими длинными хвостами (намек на аристократические привилегии и титулы, сохраняющиеся в Англии). Впрочем, появляясь за границей, государственные мужи Низкопрыгии охотно прицепляют себе длиннейшие хвосты — именно так поступает посол Низкопрыгии, которому Купер дает выразительное имя Иуда Друг Народа. Политическая мудрость в Низкопрыгии определяется искусством головокружительных прыжков; в нем соревнуются с равным успехом представители обеих соперничающих партий. Конституция Низкопрыгии — предмет велеречивых восх-

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. II, p. 237 (16 марта 1832 г.).
[2] Там же, p. 268 (июль 1832 г.).
[3] Там же, v. III, p. 317.
[4] Там же, v. II, p. 258 (письмо Кольберну и Бентли от 11 (?) июня 1832 г.).
[5] Это, придуманное Купером, сатирическое наименование строится на ассоциации и со словом «money» (деньги), и со словом «moncky» (мартышка), и со словом «mannikin» (человечек).

валений — представляет собой, по ядовитому определению Купера, не более как Великую Национальную Аллегорию. А общественная и экономическая жизнь этой страны характеризуется периодически наступающими Нравственными Затмениями: в период наибольшего процветания Низкопрыгии светило Морального Принципа, со всеми его спутниками — Истиной, Честностью, Бескорыстием и Патриотизмом, заслоняется Великим Денежным Интересом и скрывается в его тени. Конец затмения возвещается приближением фазы Несчастья и завершается вступлением в фазу Бедствий. Только тут нравственные истины проясняются снова...

Неутешительный прогноз будущего капиталистической Америки высказан Купером в аллегорическом романе-утопии «Кратер» (1848). Поселенцы, обосновавшиеся на необитаемом острове среди океанских просторов, создают процветающую колонию. Но хищнические страсти и раздоры постепенно подрывают ее благополучие. В конце романа колония погибает, разрушенная землетрясением. Автор подсказывал читателям аналогию между этой мрачной «робинзонадой» и историей США.

В последние годы жизни Купер, не будучи аболиционистом, с тревогой следил за углубляющимися противоречиями между рабовладельческим Югом и промышленным Севером. Попытки их компромиссного «умиротворения» оценивались им как «поразительное шарлатанство»[1]. За год до смерти он предсказывал неизбежность гражданской войны. «Каждая неделя выбивает еще одно звено из цепи Союза»[2],— писал он другу своей юности, коммодору Шубрику.

Не раз он с горечью упоминает в своих письмах о том, что его обвиняют в «антиамериканизме». С самого своего возвращения на родину он оказался под обстрелом беспринципной и демагогической прессы. Гротескно-сатирическое изображение нравов американских газетчиков в памятных главах диккенсовских «Приключений Мартина Чезлвита» бледнеет по сравнению со сводом подлинных газетных нападок на Купера. Его объявляли «столь же лишенным обычных человеческих чувств, как самый краснокожий из его индейцев»[3], сравнивали с тигром в зверинце, который рычит при приближении каждого прохожего, а то и просто с бешеной собакой... На собрании обывателей его родного Куперстауна было решено изъять его сочинения из местной библиотеки. Однако Купер не сдавался. Из года в год он методично привлекал к суду за клевету своих диффаматоров и, к их негодованию, выиграл несколько из этих исков. Но малые «победы» не могли, конечно, утолить горького сознания своей отчужденности от собственной страны. Одиночество Купера в последние годы жизни усугублялось тем, что, осуждая власть долларов, он ополчался и против социалистических идей, проникавших в

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. VI, p. 169 (письмо коммодору Шубрику от 13 апреля 1850 г.).

[2] Там же, p. 208 (22 июля 1850 г.).

[3] Там же, v. IV, p. 144.

эту пору в общественную жизнь США по преимуществу в форме социально-утопических экспериментов, и против массовых демократических движений (в частности, борьбы за отмену земельной ренты). Отсюда неровность многих поздних романов Купера,— его дилогии «Домой» (1838) и «Дома» (1838), трилогии, известной под названием «Хроника Литтлпейджей» (или «Трилогия в защиту земельной ренты»), предсмертного его романа «Веяния времени» и других; острые сатирические наблюдения, мудрые обобщения сочетаются здесь с консервативными предубеждениями и социальной близорукостью. Самым цельным и значительным в художественном наследии Купера остались его эпопея о Кожаном Чулке, «Шпион», «Лоцман».

2

Куперу не раз случалось иронизировать над «антипоэтичностью» Америки. «Это не страна для поэтов»[1],— писал он своему другу Гриноу. И вместе с тем, парадоксальным образом, именно он открыл читающему миру в американской жизни новые источники поэзии. В его романах огромную роль играет природа его родной страны; она предстает не статически, как живописный фон, а сама принимает участие в действии: неприступные горные склоны, утесы и пещеры, озерные просторы и бурные речные стремнины, неприметные тропинки и лесные чащи по-своему определяют судьбы действующих лиц, то отдавая их во власть коварных врагов, то открывая им прибежище, неустанно испытывая их наблюдательность, выносливость и силу духа, закаляя их характер. Любимые герои Купера — Гарви Бёрч, Натти Бампо и его друзья-могикане, подобно персонажам народных сказок, понимают язык лесных шорохов, звездного неба, тумана и ветра не хуже, чем человеческую речь. Эту особенность изображения природы у Купера подметил и высоко оценил еще Белинский. Доказывая, что «явления природы могут быть предметом романа» при условии, если среди ее картин займет должное место человек, он писал: «Высочайший образец в сем случае Купер: его безбрежные, безмолвные и величественные степи, леса, озера и реки Америки исполнены дыхания жизни; его дикие, в соприкосновении с белыми, дивно гармонируют с этой девственною жизнию американской природы»[2].

Природа для Купера неотъемлема от жизни народа его страны,— или, точнее говоря, ее народов, ибо он одним из первых писателей США показал в своих романах трагическую судьбу индейских племен, исконных владельцев американских земель, ограбленных, обездоленных, обреченных на вымирание. Заглавие его романа «Последний из могикан», вместившее в себя эту историческую трагедию, стало крылатым словом, своего рода символом. Символическим значением обладают и не менее емкие, исполненные глубокого

---

[1] Cooper. Letters and Journals, v. III, p. 220 (14 июня 1836 г.).
[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, с. 135.

социально-исторического смысла образы других его романтических героев — и Гарви Бёрча, и Натти Бампо, Кожаного Чулка.

В удивительных судьбах этих персонажей раскрываются коренные противоречия американской истории, прозорливо угаданные Купером; отсюда и драматизм куперовских романов.

Та дивная гармония между людьми и природой, которой восхищался в произведениях Купера Белинский, не исключала острых конфликтов, рождалась в борьбе. Эпическая широта и величавое движение повествования у Купера сочетаются с напряженной драматичностью. Читателя поражает стремительная динамичность сюжетов Купера. Увлекательные приключения следуют одно за другим; победа оборачивается поражением, отчаяние сменяется надеждой; коварство свирепых врагов, измена мнимых друзей, слепое буйство стихий — бурь, ураганов, степных и лесных пожаров — все это подвергает новым и новым испытаниям волю, разум и отвагу героев. Превозмогая все препятствия, встающие на их пути, они свято берегут верность долгу и чести, нередко жертвуя при этом своим счастьем и благополучием. В их подвигах для Купера воплощается романтический идеал прекрасной, свободной и гармонической человечности, отрешенной от собственнического, своекорыстного эгоизма.

Этот романтический идеал граничит с утопией, но в основе своей он демократичен. В истории Гарви Бёрча и Натти Бампо отразились действительные судьбы трудового народа США. И это обусловливает глубинный драматизм повествования и в «Шпионе», и в пятикнижии о Кожаном Чулке.

«Шпион» был новаторским произведением не только потому, что автор обратился в нем к славным временам Войны за независимость США, к периоду рождения американского государства. Новаторским был самый *поворот* этой национально-патриотической темы, а соответственно и выбор главного героя. Двигателем действия и средоточием драматического интереса романа Купер сделал не военачальников из ставки Вашингтона и не членов Конгресса Соединенных Штатов, а безвестного коробейника Бёрча. Ежеминутно рискуя жизнью, жертвуя своим добрым именем, отчим кровом, скромным достатком, дружбой односельчан, он самоотверженно несет свою тайную службу разведчика на пограничной «ничьей земле» и в лагере врага. Свято соблюдаемый им закон конспирации заставляет его стоически принимать проклятия и угрозы своих единомышленников-американцев, считающих его агентом англичан. Только чудом избегает он позорной смерти на виселице как предатель дела американской революции, которому он отдает все свои помыслы и силы. Его подвиг не может быть вознагражден по заслугам. Нельзя не почувствовать горечи в том контрастном противопоставлении различных человеческих судеб, которое возникает в последних главах романа. Блестящий командир отряда виргинской конницы, Пейтон Данвуди, обласканный начальством, произведенный в чин подполковника, уезжает с молодой женой на свою плантацию «для поправки здоровья» (гл. XXXIII). А Гарви Бёрч уходит в безвестность, гордо отвергнув золото, предлагаемое ему Вашингто-

ном в уплату за его службу; его ждет одинокая скитальческая жизнь и нужда; все его достояние — пара мозолистых рук и тайное сознание выполненного долга...

В сцене прощания с Бёрчем (глава XXXIV) Купер, при всем своем уважении к личности Вашингтона, отводит ему не слишком завидную роль. Главнокомандующий намерен деньгами рассчитаться с Бёрчем за его самоотверженное служение родине; героический стоицизм разведчика, наотрез отказывающегося от денежной награды, ставит в тупик Вашингтона, выдающего свое недоумение перед лицом столь гордого бескорыстия растерянным вопросом: если не ради денег, «тогда ради чего же» рисковал своею жизнью и добрым именем Бёрч?

Ответ на этот вопрос у Купера тесно связан с его концепцией Войны за независимость. Не сомневаясь в исторической прогрессивности освободительной борьбы американских колоний, автор «Шпиона», однако, не скрывает и глубоких противоречий, возникавших уже тогда среди самих колонистов. Избрав местом действия своего романа узкую полосу «ничьей земли» между передовыми постами враждующих армий, он сумел показать не только «парадные» батальные сцены войны, но и ее изнанку.

Несмотря на общий победный пафос романа, в нем в зачаточном виде заключены и тревожные прогнозы будущего. Ведь, как выясняется по ходу действия, трусливый оппортунизм обывателей вроде Уортона-старшего или хищническое мародерство «живодеров»-скиннеров, прикрывающихся патриотическими лозунгами, составляют ничуть не меньшую опасность для дела американской свободы, чем британское оружие.

Примечателен эпизод предсмертных раздумий капитана Джона Лоутона (глава XXXIII). Купер здесь словно проецирует в образ этого лихого кавалериста, храбреца-рубаки свою романтическую рефлексию. В ночь перед своим последним боем Лоутон с непонятной ему самому «меланхолией» вглядывается в небо, озаренное луной.

«Смотрите, над нами раскинулось безбрежное небо,— размышляет он вслух,— и бесконечно жаль, что такие ничтожные червяки, как люди, в угоду своим страстям портят это великое творение».

«Истинная правда, дорогой Джон,— вторит ему его друг, чудак-хирург Ситгривс,— на земле для всех хватает места, все могли бы жить в мире и радоваться, если бы каждый довольствовался своим...»

Не воскрешает ли этот диалог в памяти русского читателя другие, поэтические строки, строки Лермонтова:

Я думал: жалкий человек!
Чего он хочет?.. Небо ясно;
Под небом места много всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?..

Раздумья лирического героя «Валерика», отделенные двадцатью годами от цитированных выше реплик из романа Купера, сродни им по духу;

и эта перекличка образов, мыслей и настроений позволяет глубже понять, почему Купер был так дорог Лермонтову.

Меланхолическая рефлексия, связанная с ощущением глубокой «дисгармоничности» социально-исторического развития его страны, в значительной мере определяет эмоционально-поэтический колорит и логику характеров главных действующих лиц эпопеи Кожаного Чулка.

Это относится и к роману «Последний из могикан» (1826),— второй части той истории отважного охотника-следопыта Натти Бампо и его друга-индейца Чингачгука, или Великого Змея, которую Купер начал романом «Пионеры». «Образ глубоко меланхолический», как определил его Бальзак, Натти Бампо во многом сродни по своему характеру и сюжетной роли Гарви Бёрчу из романа «Шпион». В его судьбе воплощается незаметный героизм людей из народа, которые, двигая вперед американскую цивилизацию, становятся вместе с тем ее первыми жертвами. На протяжении долгой, восьмидесятилетней жизни Кожаный Чулок находится на самом переднем крае так называемой «границы» американских поселений, неуклонно распространяющихся на Запад, от Атлантического к Тихому океану. Помощь, которую этот отважный «зверобой», следопыт и разведчик оказывает колонизаторам, неоценима. Но по мере того, как «граница» продвигается на Запад и буржуазный закон и собственность утверждают свое господство на некогда вольных просторах, Натти Бампо оказывается в положении пасынка и изгоя. Его любимое лесное раздолье оскверняется стуком топоров; хищнически истребляются звери, птицы и рыба; мелеют озера и реки; заветные тропинки превращаются в проезжие дороги... Кожаному Чулку приходится, покидая родные становища, искать себе приют в чужих краях: начав свой жизненный путь в лесных дебрях будущего штата Нью-Йорк, он находит смерть в далеких прериях, по ту сторону Скалистых гор.

В предисловии к роману Купера «Следопыт» Горький глубоко раскрыл обобщающее значение образа Натти Бампо и его судьбы: «Исследователь лесов и степей «Нового света», он проложил в них пути для людей, которые потом осудили его как преступника за то, что он нарушил их корыстные законы, непонятные его чувству свободы. Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и — оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл.

Такова — часто — судьба многих пионеров-разведчиков,— людей, которые, изучая жизнь, заходят глубоко дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бумпо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь»[1].

Купер создавал эпопею Кожаного Чулка не в хронологическом поряд-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24. М., Гослитиздат, 1953, с. 226.

ке, начиная с юности героя, а «вразбивку», начав почти с самого конца. И это было не случайно: первый роман пятикнижия — «Пионеры», действие которого развертывалось в 1793 году, задавал тон всему циклу и наиболее четко определял его основную коллизию.

Во многом примыкавший к «Шпиону»[1] по своей социальной проблематике, роман «Пионеры» показывал американцев, в чьих руках после победы молодой заокеанской республики в Войне за независимость сосредоточились власть и богатство. Таков судья Мармадьюк Темпль, удесятеривший свое состояние за счет земель, конфискованных у «лоялистов». Этот крупный землевладелец и предприниматель строит новые поселения, корчует леса, ищет залежи каменного угля и вершит суд и расправу в своей округе. На его земле в ветхой лачуге ютятся два друга — семидесятилетний охотник Натти Бампо и его побратим, спившийся старый индеец Джон Могикан. Темпль и его приспешники, деловые люди нового буржуазного века, с трудом мирятся со своевольными замашками этих старых бродяг. Их воспоминания о былых подвигах вызывают досадливую усмешку, как вздорное хвастовство выживших из ума стариков, а упорство, с каким Кожаный Чулок отстаивает свое «естественное» вековечное право свободно охотиться на любую лесную дичь, навлекает на него судебное преследование. За нарушение непонятных ему правил старого охотника приговаривают к штрафу, тюрьме и колодкам. Глубоко оскорбленный, униженный, Натти Бампо навсегда покидает свой родной, но неузнаваемо изменившийся край, где чужаки травят его, как лесного зверя. С тяжелым сердцем, тая обиду, он отправляется на Запад, в страну заходящего солнца, оставляя за собой пепелище своей хижины и могилу старого Джона Могикана.

Необходимо хотя бы вкратце вспомнить драматическую ситуацию, обрисованную в «Пионерах», чтобы яснее представить себе, по контрасту, место и значение «Последнего из могикан» в истории Натти Бампо.

«Пионеры» и «Последний из могикан» являются как бы двумя полюсами всей этой эпопеи.

В «Пионерах», изображая Америку вчерашнего дня, которую могли хорошо помнить многие читатели романа, Купер максимально приблизился к реальности, к действительной прозе буржуазных общественных отношений. В «Последнем из могикан», напротив, действие озарено ослепительным блеском романтики. Хотя сюжет романа, отнесенный к 1757 году, связан с реальными событиями Семилетней войны, философско-поэтический смысл романа не вмещается в эти узкие рамки. История осажденного французами английского форта Уильям-Генри и его сдачи на милость победителей — только частный повод для того, чтобы прославить величие человеческого духа, воплощенное в героях романа. И своею эпической значительностью «Последний из

[1] Среди действующих лиц «Пионеров» фигурировали и персонажи романа «Шпион» — сержант Холлистер и его жена, бывшая маркитантка Бетти Фленеган. Открытый ими трактир носил название «Храбрый драгун» в честь погибшего капитана Лоутона.

могикан» обязан не тому, что в нем воссозданы конкретные перипетии боевых действий английских и французских колониальных войск в 1757 году, а тому, что в нем отразилась грандиозная историческая трагедия индейских племен, «исчезающих под напором или вторжением цивилизации, как опадает листва их родных лесов под дуновением мороза»[1]. Так пояснял смысл своего романа сам Купер в предисловии к переизданию «Последнего из могикан». Образы индейцев и судьба индейских племен затрагивались и ранее в поэзии и прозе американских романтиков, в стихах Френо и Брайента, в очерках Ирвинга. Купер, однако, был первым, кто поставил в центре романа этот «замечательный народ» — народ, «на войне отважный, кичливый, коварный, беспощадный, готовый к самопожертвованию; в мирное время — справедливый, великодушный, гостеприимный, мстительный, суеверный, скромный и обычно целомудренный»[2],— как характеризует он индейцев в том же предисловии к «Последнему из могикан». Исторические судьбы и нравы вымирающих индейских племен имели для творчества Купера такую же философско-эстетическую ценность, как судьбы и нравы распадающихся шотландских кланов для творчества его старшего европейского современника, Вальтера Скотта. Купер-художник, подобно Скотту, сумел возвысить до уровня эпопеи тему трагической гибели целого многовекового жизненного уклада, целого строя понятий и чувств. Безвременная смерть двух прекрасных и юных героев — благородной красавицы креолки Коры и влюбленного в нее Ункаса, «последнего из могикан», как бы символизирует неотвратимость этой гибели. В сцене похорон Ункаса и Коры, провожаемых в могилу индейскими плакальщицами в присутствии всего племени, явственно слышатся поэтические отголоски индейского фольклора.

Чутье художника намного опередило науку. Классический шеститомный труд Генри Скулкрафта — «Исторические и статистические сведения относительно истории, положения и будущего индейских племен Соединенных Штатов» (1851—1857) — начал выходить лишь в год смерти Купера (который, впрочем, знал об изысканиях Скулкрафта). С научной точки зрения в подробностях индейского «местного колорита» здесь, как и в других романах Купера, можно было бы обнаружить много неточного, произвольного или вымышленного. Но неоценима была самая суть художественного открытия, совершенного писателем: он угадал высокую и самобытную эстетическую ценность гибнущей культуры американских индейцев. От широко вводимых Купером в его роман описаний индейских обычаев и поверий, даже от живописных индейских собственных имен, исполненных образного поэтического значения, веет элегической грустью,— речь идет о гибели по-своему гармонического и цельного строя жизни и представлений. Мир благородных могикан и их друзей делаваров, столь поэтически изображенный в романе,

---

[1] J. F. Cooper. Introduction.— In.: «The Last of the Mohicans». P., Bandry, 1835, p. 111.

[2] Там же, p. 1.

противостоит как возвышенная антитеза обрисованному в «Пионерах» суетливому и пошлому мирку приобретателей, законников, крючкотворов и сутяг, где не нашлось места ни для Натти Бампо, ни для Джона Могикана.

Здесь, в «Последнем из могикан», оба эти героя предстают помолодевшими на три с лишним десятка лет, в полном расцвете мужественной зрелости. Тот жизненный уклад, к которому они принадлежат, клонится к закату, но пока они еще хозяева положения и умело и мудро распоряжаются и собственной судьбой, и участью той горсточки людей — сестер Манроу и их спутников,— которую случай отдал под их покровительство. Образы Натти Бампо Соколиного Глаза и Великого Змея Чингачгука, которых Купер впервые представил читателям «Пионеров» затравленными и униженными отщепенцами «цивилизованной» Америки, здесь приобретают героические очертания. Живя в содружестве с природой, они владеют ее секретами и подчиняют себе ее силы. Они разгадывают замыслы коварных врагов и совершают чудеса ловкости и отваги, чтобы перехитрить неминуемую смерть...

Сама нерушимая дружба Натти Бампо с могиканами Чингачгуком и Уикасом — черта примечательная, выразительно и даже полемически оттеняющая нравственное благородство этих людей, сумевших возвыситься над расовыми предрассудками, столь распространенными на родине писателя. В изображении содружества благородных и смелых людей, независимо от их цвета кожи, происхождения и верований, Купер во многом следовал идеалу «естественного человека», чуждого себялюбивым порокам цивилизации, который был выдвинут в XVIII веке европейской литературой Просвещения и в переосмысленном виде воспринят романтиками разных направлений, от Байрона до Шатобриана.

Воплощение этого идеала неминуемо требовало от художника романтического преувеличения. «...Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения»[1],— писал Пушкин в статье «Джон Теннер» (1836). На родине Купера аналогичные упреки сформулировал более пространно Марк Твен, обвинивший создателя романов о Кожаном Чулке в нарушении по меньшей мере восемнадцати из девятнадцати «законов, обязательных для художественной литературы»[2] («Литературные грехи Фенимора Купера», 1895). По юмористическому замечанию Твена, «даже вечным законам природы приходится отступить, когда Купер хочет пустить читателю пыль в глаза...»[3].

Это был спор реалистов с романтиком. Как бы предвидя подобные упреки, Купер в предисловии к «Последнему из могикан» заранее пояснял читателям, что, создавая образы своих героев, он сознательно жертвовал точно-

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М., «Наука», 1964, с. 436.

[2] Марк Твен. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 11. М., Гослитиздат, 1961, с. 431.

[3] Там же, с. 434.

стью изображения ради его поэтической выразительности. Это относилось, в частности, и к его работе над образом Кожаного Чулка, каким он представлен в этом романе. «Сделай я его (Натти Бампо.— *А. Е.*) не столь нравственно возвышенным,— писал Купер,— я, вероятно, был бы ближе к реальности; но он оказался бы менее привлекательным; а задача романиста — всеми силами стремиться к поэтичности»[1].

Эта романтическая поэтичность составляет главное художественное достоинство «Последнего из могикан».

Сюжетный механизм романа кое-где поскрипывает на ходу (литературные условности в еще большей мере сказываются в более раннем романе «Шпион»). Юмор Купера, восходящий к традициям английского романа XVIII века и основанный (как, например, в образах чудаков-педантов Ситгривса и Гамута) на однообразном обыгрывании одной и той же профессиональной «блажи» или мании, может показаться теперь старомодным, а диалоги героев — несколько риторичными. Но романы Купера захватывают читателя своим драматизмом. Всем своим творчеством он славит отвагу и разум свободного и деятельного «естественного человека».

Вслед за Купером поэтический мир индейского фольклора был воссоздан в знаменитой «Песни о Гайавате» (1855) Лонгфелло. В прозе традиции Купера были развиты и углублены замечательнейшим американским романистом XIX века Германом Мелвиллом; в его социально-философских романах «Моби Дик» (1851) и «Израиль Поттер» (1855) обнаруживается преемственная связь и с эпопеей о Кожаном Чулке, и с романом «Шпион». Романы Купера открыли новые горизонты американской литературе.

А. ЕЛИСТРАТОВА

---

[1] J. F. Cooper. Introduction, p. 4.

ШПИОН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

ПЕРЕВОД Э. БЕР И Е. ШИШМАРЕВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автора часто спрашивали, основывался ли он на событиях из реальной жизни, когда обрисовывал характер главного героя своей книги. Самый ясный ответ на этот вопрос автор может дать, просто изложив перед читателем факты, легшие в основу этого романа.

Много лет назад создатель этой книги посетил известного государственного деятеля, который в суровые дни Американской революции не раз занимал высокие посты. Разговор зашел о воздействии, которое оказывают на людей крупные политические события, и об очищающем влиянии любви к родине, когда это чувство с силой пробуждается в целом народе. Наш хозяин, возраст которого, занимаемое им положение и знание людей делали наиболее авторитетным участником подобного разговора, возглавил нашу беседу. Он остановился на том, какой замечательный сдвиг произвела великая борьба всей нации в войну 1775 года, придав новое, высокое направление мыслям и поступкам множества людей, до этого поглощенных самыми низменными житейскими заботами, и привел в доказательство своего утверждения историю, правдивость которой мог подтвердить лично, как ее прямой участник.

Распря между Англией и Соединенными Штатами Америки хотя и не была строго говоря настоящей семейной ссорой, однако имела много черт гражданской войны. Американский народ никогда не был фактически и конституционно подчинен английскому народу, но жители обеих стран были обязаны хранить верность их общему королю. Американцы, как самостоятельная нация, отвергли это обязательство, а англичане поддерживали своего государя в его попытке восстановить свою власть, и в этом конфликте проявились многие черты, присущие междоусобной войне. Большое количество эмигрантов из Европы стало на сторону короля, и было немало округов, где их влияние,

вместе с влиянием американцев, сохранивших верность королю, дало значительный перевес сторонникам королевской власти. Америка была в ту пору еще слишком молода и слишком нуждалась в каждом верном соратнике, чтобы относиться равнодушно к этим местным расколам, даже если общее число их было незначительно. Однако опасность сильно возросла благодаря активности англичан, умело пользовавшихся этими внутренними раздорами; она стала еще серьезней, когда обнаружилось, что англичане пытаются вербовать различные части провинциальных войск и объединять их с прибывшими из Европы полками, чтобы заставить покориться молодую республику. Тогда Конгресс создал специальный тайный комитет, с целью разрушить этот замысел. Мистер Х., рассказчик этой истории, был назначен председателем тайного комитета.

Выполняя возложенные на него новые обязанности, мистер Х. не раз пользовался услугами агента, деятельность которого мало чем отличалась от работы обыкновенного шпиона. Понятно, что человек этот, принадлежавший к низшим слоям общества, скорей других мог согласиться играть такую двусмысленную роль. Он был беден, необразован, если говорить о систематическом обучении, но хладнокровен, проницателен и бесстрашен по натуре. Ему было поручено разузнавать, в какой части страны агенты короля пытаются вербовать людей, отправляться туда, чтобы записаться в их отряд, притворяться горячим сторонником дела, которому якобы служит, а тем временем выведывать как можно больше тайных планов противника. Эти сведения он, разумеется, тотчас сообщал своим начальникам, которые принимали все доступные им меры, чтобы сорвать планы англичан, и часто добивались успеха.

Всякому понятно, что, выполняя такую работу, человек этот рисковал жизнью. Мало того что ему угрожала опасность разоблачения, он каждую минуту мог попасть в руки самих американцев, которые за подобные преступления гораздо строже карали своих соотечественников, чем европейцев. Действительно, агент мистера Х. был несколько раз арестован местными властями, а однажды возмущенные соотечественники приговорили его к виселице. Только поспешный тайный приказ тюремщику спас его от позорной смерти. Ему дали возможность бежать; и эта как будто мнимая, а на деле вполне реальная опасность очень помогла ему играть перед англичанами взятую на себя роль. Американцы же, зная лишь одну сторону его деятельности, считали его дерзким и закоренелым тори. Таким образом, в течение первых лет борьбы он продолжал тайно служить своей стране, ежечасно подвергаясь опасностям и вызывая всеобщее незаслуженное презрение.

В ... году мистер Х. был назначен на высокий и почетный пост при одном европейском дворе. Перед тем как покинуть Конгресс, он кратко изложил его членам описанные выше обстоятельства, разумеется, не называя имени своего агента, и попросил наградить человека, который принес стране столько пользы, подвергая свою жизнь великой опасности. Конгресс постановил выдать агенту значительную сумму денег, а вручение ее поручил председателю тайного комитета.

Мистер Х. принял необходимые меры, чтобы лично повидаться с агентом. Они встретились ночью в лесу. Тут мистер Х. горячо поблагодарил своего помощника за верность и отвагу, объяснил, почему их сотрудничество должно прекратиться, и, наконец, протянул ему деньги. Но тот отступил на шаг и отказался их принять. «Эти деньги нужны родине,— сказал он.— А сам я могу трудиться и как-нибудь заработаю на жизнь». Уговорить его так и не удалось, ибо патриотизм был главной чертой этого замечательного человека; и мистер Х. ушел, унося с собой золото, а вместе с ним и глубокое уважение к человеку, который так долго бескорыстно рисковал жизнью во имя их общего дела.

У автора создалось впечатление, что впоследствии агент мистера Х. согласился принять награду за свои заслуги, но лишь после того, как его страна окрепла и была в состоянии вознаградить его.

Незачем добавлять, что эта история, просто, но с чувством рассказанная одним из ее главных участников, произвела на всех, кто ее слышал, глубокое впечатление.

Много лет спустя чисто случайные обстоятельства, на которых не стоит останавливаться, побудили автора издать роман, ставший впоследствии, чего он тогда не предвидел, первым в довольно длинном ряду романов. Те же случайные обстоятельства, послужившие причиной появления этого романа, определили также место действия и его общий характер. Действие происходило в чужой стране, а общий характер свидетельствовал о беспомощных попытках автора изобразить чужеземные нравы. Когда роман вышел в свет, на автора посыпались упреки его друзей, что он, американец по духу и по рождению, подарил миру книгу, разве что способную, да и то лишь в слабой степени, возбудить воображение его молодых и неопытных соотечественников картинами из жизни общества, столь непохожего на то, в котором он живет. Хотя автор отлично знал, что появление романа было чистой случайностью, он почувствовал, что упреки эти в известной мере справедливы. Считая, что у него есть только один способ исправить дело, он решил издать другую книгу, сюжет которой не сможет осудить ни

общество, ни он сам. Своей темой он выбрал патриотизм, и для тех, кто прочитал это предисловие, да и самую книгу, наверно, незачем добавлять, что он взял героя из только что рассказанной истории, как лучшую иллюстрацию своего замысла.

После первого издания «Шпиона» появилось много откликов от разных лиц, и каждый предполагал, что автор в своей книге имел в виду именно его. Так как мистер X. не назвал имени своего агента, автор ничего не мог сообщить о его сходстве с тем или другим человеком, кроме того, что уже было рассказано. И Вашингтон, и сэр Генри Клинтон имели очень большое число тайных агентов. В войне, имеющей так много общего с междоусобной борьбой, в которой враждующие партии состоят из людей одной крови и одного языка, вряд ли может быть иначе.

Для этого издания книга была пересмотрена автором. Он постарался сделать ее более достойной похвалы, с какой она была встречена; однако он должен признаться, что некоторые ошибки так тесно вплелись в композицию романа, что, как обветшалое здание, его порой легче построить заново, чем исправить. За двадцать пять лет в Америке произошло множество перемен. Среди других достижений успехи, сделанные литературой, заняли не последнее место. В те времена, когда была написана эта книга, все возлагали так мало надежд на успех издания отечественного произведения подобного рода, что прошло несколько месяцев после опубликования первого тома «Шпиона», прежде чем автор решился приступить ко второму. Усилия, затраченные на безнадежное дело, редко бывают достойны того, кто за него взялся, как бы низко мы ни расценивали его заслуги.

Другой случай, связанный с историей этой книги, может дать читателю некоторое представление о возможностях американского писателя в первой четверти нашего столетия. В то время как второй том «Шпиона» медленно набирался с рукописи, листы которой, едва просыхали чернила, тотчас передавались в руки наборщику, издатель заявил, что работа слишком затягивается и это может поглотить все доходы с издания. Чтобы успокоить его, автор написал последнюю главу, которая была отпечатана и пронумерована за несколько недель до того, как предшествующие ей главы родились у него в голове. Хотя это обстоятельство и не служит оправданием автору, оно все же может объяснить, почему действующие в романе лица так поспешно покидают сцену.

С тех пор как была написана эта книга, в стране произошли великие перемены. Нация вышла из младенческого состояния, и общественное сознание шло в ногу с ростом государства. Поход из Веракруса в Мехико проходил под командованием доблестного воина, о котором с глубоким уважением упоминалось в послед-

ней главе этой книги еще четверть века назад. Благодаря этому славному походу и его блестящему — с военной точки зрения — завершению, нация в моральном отношении сделала большой шаг вперед и, став на путь подлинной независимости, приобрела большое политическое влияние. Грохот пушек, заполнивший долину Ацтеков, отозвался эхом на другом берегу Атлантического океана, вызывая там в равной степени надежды и опасения.

Теперь нам нечего бояться врагов, кроме тех, что находятся внутри страны. Если мы научимся относиться к народу как к простым смертным, которым свойственно заблуждаться, и проявим сдержанность, которой учит нас мудрость, обретенная с опытом, у нас есть все основания надеяться, что Провидение, так много помогавшее нам в дни нашей юности, будет по-прежнему улыбаться нам и в годы нашей зрелости.

Куперстаун, 29 марта 1849 г.

ГЛАВА

Его лицо, спокойствие храня,
Скрывало жар души и тайный пыл.
И, чтоб не выдать этого огня,
Его холодный ум на страже был,—
Так пламя Этны меркнет в свете дня.

Томас Кэмпбелл.
Гертруда из Вайоминга[1]

Однажды вечером на исходе 1780 года по одной из многочисленных небольших долин графства Вест-Честер ехал одинокий всадник. Пронизывающая сырость и нарастающая ярость восточного ветра, несомненно, предвещали бурю, которая здесь порой длится несколько дней. Но напрасно всадник зорким глазом всматривался в темноту, желая найти подходящее для себя убежище, где он мог бы укрыться от дождя, уже начавшего сливаться с густым вечерним туманом. Ему попадались только убогие домишки людей низкого звания, и, принимая во внимание непосредственную близость войск, он считал неразумным и даже опасным остановиться в какой-нибудь из этих лачуг.

После того как англичане завладели островом Нью-Йорк, территория графства Вест-Честер стала ничьей землей, и до самого конца войны американского народа за независимость здесь действовали обе враждующие стороны. Значительное число жителей,— то ли в силу родственных привязанностей, то ли из страха,— вопреки своим чувствам и симпатиям, придерживались нейтралитета. Южные города, как правило, подчинялись королевской власти, тогда как жители северных городов, находя опору в близости кон-

[1] Перевод стихотворных эпиграфов, за исключением особо оговоренных, выполнен М. Тарасовой.

тинентальных войск, смело отстаивали свои революционные взгляды и право на самоуправление. Многие, однако, носили маску, которую еще не сбросили к этому времени; и не один человек сошел в могилу с позорным клеймом врага законных прав своих соотечественников, хотя втайне был полезным агентом вождей революции; с другой стороны, если бы открыть секретные шкатулки кой-кого из пламенных патриотов, можно было бы вытащить на свет божий королевские охранные грамоты, спрятанные под британскими золотыми монетами.

Заслышав стук копыт благородного коня, каждая фермерша, мимо жилища которой проезжал путник, боязливо приоткрывала дверь, чтобы взглянуть на незнакомца, и, возможно, обернувшись назад, сообщала результаты своих наблюдений мужу, стоявшему в глубине дома наготове к бегству в соседний лес, где он обычно прятался, если ему грозила опасность. Долина была расположена примерно в середине графства, довольно близко от обеих армий, поэтому нередко случалось, что обобранный одной стороной получал обратно свое имущество от другой. Правда, ему не всегда возвращали его же добро; пострадавшему иногда возмещали понесенный им урон даже с избытком за то, что пользовались его собственностью. Впрочем, в этой местности законность то и дело нарушалась, и решения принимались в угоду интересам и страстям тех, кто был сильнее.

Появление несколько подозрительного на вид незнакомца верхом на коне, хотя и без военной сбруи, но все же гордом и статном, как и его седок, вызывало у глазевших на них обитателей окрестных ферм множество догадок; в иных же случаях, у людей с неспокойной совестью,— и немалую тревогу.

Изнуренному необычайно тяжелым днем всаднику не терпелось поскорее укрыться от бури, бушевавшей все сильнее, и теперь, когда вдруг крупными каплями полил косой дождь, он решил просить приюта в первом же попавшемся жилье. Ему не пришлось долго ждать; проехав через шаткие ворота, он, не слезая с седла, громко постучался во входную дверь весьма неказистого дома. В ответ на стук показалась средних лет женщина, внешность которой столь же мало располагала к себе, как и ее жилище. Увидев у порога всадника, освещенного ярким светом пылающего очага, женщина испуганно отпрянула и наполовину прикрыла дверь; когда она спросила приезжего, что ему угодно, на ее лице вместе с любопытством отразился страх.

Полузакрытая дверь не позволила путнику как следует разглядеть убранство комнаты, но и то, что он заметил, заставило его снова устремить пристальный взор в темноту в надежде отыскать более приветливый кров; однако, с трудом скрывая отвраще-

ние, он попросил дать ему приют. Женщина слушала с явным неудовольствием и прервала его, не дав закончить фразу.

— Не скажу, чтоб я охотно пускала в дом незнакомых: времена нынче тревожные,— сказала она развязно, резким голосом.— Я бедная одинокая женщина. Дома только старый хозяин, а какой от него прок! Вот в полумиле отсюда, дальше по дороге, есть усадьба, уж там-то вас примут и даже денег не спросят. Я уверена, что им это будет куда удобнее, а мне приятнее,— ведь Гарви нет дома. Хотела б я, чтоб он послушался добрых советов и бросил скитаться; денег у него теперь порядочно, пора бы ему образумиться и зажить так, как другие люди его лет и достатка. Но Гарви Бёрч делает все по-своему и в конце концов помрет бродягой!

Всадник не стал больше слушать. Следуя совету ехать дальше по дороге, он медленно повернул коня к воротам, плотнее запахнул полы широкого плаща, готовясь снова пуститься навстречу буре, но последние слова женщины остановили его.

— Так, значит, здесь живет Гарви Бёрч? — невольно вырвалось у него, однако он сдержал себя и ничего больше не добавил.

— Нельзя сказать, что он здесь живет,— ответила женщина и, быстро переведя дух, продолжала:— Он тут почти не бывает, а если и бывает, то так редко, что я с трудом узнаю его, когда он удостоит показаться своему бедному старому отцу и мне. Конечно, мне все равно, вернется ли он когда-нибудь домой... Значит, первая калитка слева... Ну, а мне-то мало дела до того, явится Гарви сюда когда-нибудь или нет...— И она резко захлопнула дверь перед всадником, который рад был проехать еще полмили до более подходящего и более надежного жилища.

Было еще достаточно светло, и путник разглядел, что земли вокруг строения, к которому он подъехал, хорошо обработаны. Дом был каменный, длинный и низкий с двумя небольшими флигелями. Протянувшаяся во всю длину фасада веранда с аккуратно выточенными деревянными столбами, хорошее состояние ограды и надворных построек — все это выгодно отличало усадьбу от простых окрестных ферм. Всадник поставил лошадь за углом дома, чтобы хоть немного защитить ее от дождя и ветра, перекинул на руку свою дорожную сумку и постучал в дверь. Вскоре появился старик негр; очевидно, не считая нужным в такую непогоду докладывать своим господам о посетителе, слуга впустил его, сперва с любопытством оглядев при свете свечи, которую держал в руке. Негр ввел путника в очень уютную гостиную, где горел камин, столь приятный в хмурый октябрьский вечер, когда бушует восточный ветер. Незнакомец отдал сумку заботливому слуге, вежливо попросил старого джентльмена, который поднялся навстречу,

дать ему пристанище, поклонился трем дамам, занимавшимся рукоделием, и начал освобождаться от верхней одежды.

Он снял шарф с шеи, затем плащ из синего сукна, и перед внимательными взорами членов семейного кружка предстал высокий, на редкость хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти. Его лицо выражало чувство собственного достоинства и решительность; у него был прямой нос, близкий по типу к греческому; спокойные серые глаза смотрели задумчиво, даже, пожалуй, печально; рот и подбородок говорили о смелости и сильном характере. Его дорожный наряд был прост и скромен, однако так одевались его соотечественники из высших слоев общества; парика на нем не было, и причесывал он волосы, как военные, а в стройной, статной фигуре сказывалась военная выправка. Внешность незнакомца была столь внушительна и так явно обличала в нем джентльмена, что, когда он снял с себя лишнюю одежду, дамы привстали и вместе с хозяином дома еще раз поклонились ему в ответ на приветствие, с которым он снова к ним обратился.

Хозяин дома был несколькими годами старше путешественника; его манера держаться, платье, окружающая обстановка — все говорило о том, что он повидал свет и принадлежит к высшему кругу. Дамское общество состояло из незамужней особы лет сорока и двух юных девушек по меньшей мере вдвое моложе ее. Краски поблекли на лице старшей леди, но чудесные глаза и волосы делали ее очень привлекательной; очарование придавало ей и милое, приветливое обхождение, каким далеко не всегда могут похвастать многие более молодые женщины. Сестры — сходство между девушками свидетельствовало об их близком родстве — были в полном расцвете молодости; румянец — неотъемлемое свойство вест-честерской красавицы, рдел на их щеках, а ясные голубые глаза сияли тем блеском, который пленяет наблюдателя и красноречиво говорит о душевной чистоте и покое.

Все три леди отличались женственностью и изяществом, присущими слабому полу этого края, а их манеры показывали, что они, как и хозяин дома, принадлежат к высшему обществу.

Мистер Уортон, ибо так звали владельца уединенной усадьбы, поднес гостю рюмку превосходной мадеры и, налив рюмку себе, снова сел к камину. С минуту он молчал, словно обдумывая, не нарушит ли правила вежливости, задав подобный вопрос незнакомцу, наконец, окинув его испытующим взглядом, спросил:

— За чье здоровье я имею честь выпить?

Путник тоже сел; когда мистер Уортон произносил эти слова, он рассеянно смотрел в камин, потом, обратив пытливый взгляд на хозяина дома, ответил с легкой краской в лице:

— Моя фамилия Харпер.

— Мистер Харпер,— продолжал хозяин с церемонностью того времени,— я имею честь выпить за ваше здоровье и надеюсь, что дождь вам не повредил.

Мистер Харпер молча поклонился в ответ на любезность и опять погрузился в раздумье, казалось, вполне понятное и извинительное после долгого пути, проделанного по такой непогоде.

Девушки снова сели за пяльцы, а их тетка, мисс Дженнет Пейтон, вышла, чтобы присмотреть за приготовлениями к ужину для неожиданного гостя. Наступило короткое молчание; мистер Харпер, видимо, наслаждался теплом и покоем, но хозяин снова нарушил тишину, спросив гостя, не помешает ли ему дым; получив отрицательный ответ, мистер Уортон тотчас же взялся за трубку, которую отложил при появлении незнакомца.

Хозяину дома явно хотелось завязать разговор, однако, то ли из опасения ступить на скользкую почву, то ли не желая прерывать очевидно умышленное молчание гостя, он долго не решался заговорить. Наконец его подбодрило движение мистера Харпера, бросившего взгляд в сторону, где сидели сестры.

— Теперь стало очень трудно,— заметил мистер Уортон, для начала осторожно обходя темы, которые ему хотелось бы затронуть,— получать табак, каким я привык баловать себя по вечерам.

— А я думал, нью-йоркские лавки поставляют вам самый лучший табак,— спокойно отозвался мистер Харпер.

— Н-да, конечно,— ответил неуверенно мистер Уортон и посмотрел на гостя, но сразу опустил глаза, встретив его твердый взгляд.— В Нью-Йорке, наверное, полно табаку, но в эту войну любая, даже самая невинная, связь с городом слишком опасна, чтобы рисковать из-за такого пустяка.

Табакерка, из которой мистер Уортон только что набил свою трубку, стояла открытая почти у самого локтя мистера Харпера; он машинально взял из нее щепотку и попробовал на язык, однако мистера Уортона это встревожило. Ничего не сказав о качестве табака, гость снова впал в задумчивость, и хозяин успокоился. Теперь, когда он добился некоторого успеха, мистер Уортон не хотел отступать и, сделав над собой усилие, продолжал:

— Я желаю от всего сердца, чтобы кончилась эта печестивая война и мы опять могли бы встретиться с друзьями и близкими в мире и любви.

— Да, очень хотелось бы,— выразительно сказал мистер Харпер и снова вскинул глаза на хозяина дома.

— Я не слыхал, чтобы со времени появления наших новых союзников произошли какие-либо значительные передвижения войск,—заметил мистер Уортон; выбив пепел из трубки, он повер-

нулся к гостю спиной, будто для того, чтобы взять из рук младшей дочери уголек.

— Видимо, об этом еще не стало широко известно.

— Значит, надо полагать, будут сделаны какие-нибудь серьезные шаги? — спросил мистер Уортон, все еще наклонившись к дочери и в ожидании ответа бессознательно мешкая с раскуриванием трубки.

— Разве поговаривают о чем-нибудь определенном?

— О нет, ни о чем особенном; однако от таких мощных сил, какими командует Рошамбо, естественно чего-то ожидают.

Мистер Харпер кивнул головой в знак согласия, но ничего не сказал, а мистер Уортон, раскурив трубку, продолжал:

— Должно быть, на Юге действуют более решительно. Гейтс и Корнваллис там, видимо, хотят покончить с войной.

Мистер Харпер наморщил лоб, и на его лице мелькнула тень глубокой печали; глаза на миг зажглись огнем, обличавшим сильное скрытое чувство. Восхищенный взор младшей сестры едва успел уловить это выражение, как оно уже исчезло; лицо незнакомца стало опять спокойным и исполненным достоинства, неоспоримо показывая, что разум у него преобладает над чувством.

Старшая сестра приподнялась со стула и с торжеством воскликнула:

— Генералу Гейтсу не повезло с графом Корнваллисом, как повезло с генералом Бергойном.

— Но ведь генерал Гейтс не англичанин, Сара,— поспешила возразить младшая леди; смущенная своей смелостью, она покраснела до корней волос и принялась рыться в рабочей корзинке, втайне надеясь, что на ее слова не обратили внимания.

Пока девушки говорили, гость смотрел то на одну, то на другую; едва уловимое подергивание губ выдавало его душевное волнение, когда он шутливо обратился к младшей из сестер:

— А могу ли я узнать, какой вывод вы делаете из этого?

Когда у Френсис прямо спросили мнения о вопросе, неосторожно затронутом при постороннем, она покраснела еще гуще, но ответа ждали, и девушка, немного запинаясь, нерешительно сказала:

— Просто... просто, сэр... мы с сестрой порой расходимся в оценке доблести англичан.

На ее детски невинном лице заиграла лукавая улыбка.

— А что же, собственно, вызывает у вас разногласия? — спросил мистер Харпер, отвечая на ее живой взгляд почти отечески мягкой улыбкой.

— Сара считает, что англичане не знают поражений, а я не очень-то верю в их непобедимость.

Путник слушал девушку с той ласковой снисходительностью, с какой благородная старость относится к пылкой наивной молодости, но промолчал и, повернувшись к камину, снова устремил взор на тлеющие угли.

Мистер Уортон напрасно старался проникнуть в тайну политических взглядов гостя. Хотя мистер Харпер не казался угрюмым, однако он не проявлял и общительности, напротив — он поражал своей замкнутостью; когда хозяин дома встал, чтобы проводить мистера Харпера к столу в соседнюю комнату, он ровным счетом ничего не знал из того, что́ в те времена было так важно знать о незнакомом человеке. Мистер Харпер подал руку Саре Уортон, и они вместе вошли в столовую; Френсис следовала за ними, спрашивая себя, не задела ли она чувства гостя своего отца.

Буря разыгралась еще сильнее, и проливной дождь, хлеставший в стены дома, будил безотчетное ощущение радости, какую в ненастную погоду испытываешь в теплой, уютной комнате. Вдруг резкий стук в дверь снова вызвал верного слугу-негра в переднюю. Через минуту он вернулся и доложил мистеру Уортону, что еще один застигнутый бурей путник просит приютить его на ночь.

Как только новый пришелец нетерпеливо постучал в дверь, мистер Уортон с явным беспокойством поднялся с места; он быстро перевел взгляд с мистера Харпера на дверь, словно ожидая, что за появлением второго незнакомца последует что-то связанное с первым. Едва он успел слабым голосом приказать слуге ввести путника, как дверь широко распахнулась, и тот сам вошел в комнату. Заметив мистера Харпера, путник на мгновение замялся, потом несколько церемонно повторил свою просьбу, которую только что передал через слугу. Мистеру Уортону и его семейству новый гость крайне не понравился, однако, опасаясь, что отказ в ночлеге в такую жестокую бурю может привести к неприятностям, старый джентльмен скрепя сердце согласился приютить и этого незнакомца.

Мисс Пейтон приказала подать еще кое-какие кушанья, и пострадавший от непогоды был приглашен к столу, за которым только что отужинало небольшое общество. Сбросив с себя верхнюю одежду, пришелец решительно сел на предложенный ему стул и с завидным аппетитом принялся утолять свой голод. Однако при каждом глотке он обращал тревожный взор на мистера Харпера, который так пристально его разглядывал, что ему невольно становилось не по себе. Наконец, налив в бокал вина, новый гость многозначительно кивнул наблюдавшему за ним мистеру Харперу и довольно язвительно сказал:

— Пью за наше более близкое знакомство, сэр. Кажется, мы встречаемся впервые, хотя ваше внимание ко мне наводит на мысль, что мы старые знакомые.

Должно быть, вино пришлось ему по вкусу, ибо, поставив на стол пустой бокал, он на всю комнату причмокнул губами и, подняв бутылку, несколько мгновений держал ее против света, молча любуясь блеском прозрачного напитка.

— Вряд ли мы когда-либо встречались,— следя за движениями нового гостя, с легкой улыбкой отозвался мистер Харпер; видимо, удовлетворенный своими наблюдениями, он повернулся к сидевшей с ним рядом Саре Уортон и заметил:— После развлечений городской жизни вам, наверное, тоскливо в вашем теперешнем жилище?

— О, ужасно тоскливо! — с жаром ответила Сара.— Как и отец, я хочу, чтобы эта ужасная война кончилась скорее и мы снова встретились с нашими друзьями.

— А вы, мисс Френсис, так же горячо жаждете мира, как и ваша сестра?

— По многим причинам, конечно, да,— ответила девушка, украдкой бросив на мистера Харпера застенчивый взгляд. Заметив на его лице прежнее доброе выражение, она продолжала, и ясная улыбка озарила ее живые черты: — Но только не ценою потери прав моих соотечественников.

— Прав! — возмущенно повторила ее сестра.— Чьи права могут быть справедливее, чем права монарха! И разве есть долг более настоятельный, чем долг повиноваться тому, кто имеет законное право повелевать?

— Ничьи, конечно, ничьи,— сказала Френсис, смеясь от души; ласково взяв руку сестры и улыбнувшись мистеру Харперу, она добавила: — Я уже говорила вам, что мы с сестрой расходимся в политических взглядах, зато отец для нас беспристрастный посредник; он любит и своих соотечественников и англичан, а потому не берет ни мою сторону, ни сторону сестры.

— Это так,— с некоторым беспокойством заметил мистер Уортон, взглянув сначала на первого гостя, потом на второго.— У меня близкие друзья в обеих армиях, и, кто бы ни выиграл войну, победа любой из них принесет мне лишь огорчения; поэтому я страшусь ее.

— Как я полагаю, нет особых оснований опасаться победы янки,— вмешался новый гость, спокойно наливая себе еще бокал из облюбованной им бутылки.

— Войска его величества, возможно, лучше обучены, чем континентальные,— несмело вымолвил хозяин дома,— но ведь и американцы одерживали выдающиеся победы.

Мистер Харпер оставил без внимания как первое, так и второе замечание и попросил проводить его в отведенную ему комнату. Слуге-мальчику велели показать дорогу, и, учтиво пожелав всем доброй ночи, путник удалился. Как только за мистером Харпером закрылась дверь, нож и вилка выпали из рук сидевшего за столом непрошеного гостя; он медленно поднялся, осторожно подошел к двери, отворил ее, прислушался к удалявшимся шагам и, не обращая внимания на ужас и изумление семейства Уортон, снова затворил ее. Рыжий парик, скрывавший черные кудри, широкая повязка, прятавшая половину лица, сутулость, благодаря которой гость выглядел пятидесятилетним стариком,— вмиг все исчезло.

— Отец! Дорогой мой отец!—крикнул красивый молодой человек.— Милые мои сестрицы и тетушка! Неужели я наконец с вами?

— Благослови тебя господь, Генри, сын мой! — радостно воскликнул пораженный отец.

А девушки, в слезах, приникли к плечам брата.

Единственным посторонним свидетелем того, как неожиданно объявился сын мистера Уортона, был верный негр, выросший в доме своего хозяина и, словно в насмешку над своим положением раба, названный Цезарем. Взяв протянутую молодым Уортоном руку, он горячо поцеловал ее и вышел. Мальчик-слуга больше не возвращался, но Цезарь снова вошел в гостиную, как раз в ту минуту, когда молодой английский капитан спросил:

— Но кто такой этот мистер Харпер? Он не выдаст меня?

— Нет, нет, масса Гарри! — убежденно воскликнул негр, качая седой головой.— Я видел... Масса Харпер на коленях молился богу. Когда человек молится богу, не будет он доносить на хорошего сына, который пришел к старому отцу... Скиннер сделает такое, но не христианин!

Не один мистер Цезарь Томпсон, как он сам себя величал (немногочисленные знакомые называли его Цезарем Уортоном), так дурно думал о скиннерах. Обстановка, сложившаяся в окрестностях Нью-Йорка, вынуждала командиров американской армии — для выполнения некоторых планов, а также чтобы досаждать неприятелю — принимать на службу людей заведомо преступных нравов. Естественным следствием господства военной силы, которую гражданские власти не сдерживали, были притеснения и несправедливости. Но не такое было время, чтобы заниматься серьезным разбирательством всяческих злоупотреблений. Так выработался определенный порядок, в общем сводившийся к тому, что у своих же соотечественников отнимали считавшиеся личными богатства, прикрываясь при этом патриотизмом и любовью к свободе.

Незаконному распределению земных благ частенько попустительствовали военные власти, и не раз бывало, что какой-нибудь

незначительный военный чиновник узаконивал самые беспардонные грабежи, а порой даже убийства.

Не зевали и англичане, особенно там, где под маской верности короне представлялась возможность дать себе волю. Но эти мародеры вступали в ряды английской армии и действовали куда более организованно, чем скиннеры. Долгий опыт показал их вожакам все выгоды организованных действий, и они не обманулись в расчете, если только предание не преувеличило их подвигов. Их отряд получил забавное название «ковбойского»,— видимо, благодаря нежной любви его солдат к полезному животному — корове.

Впрочем, Цезарь был слишком предан английскому королю, чтобы объединять в своем представлении людей, получавших чины от Георга III, с воинами нерегулярной армии, чьи бесчинства ему не раз доводилось наблюдать и от чьей алчности его самого не спасали ни бедность, ни положение невольника. Итак, Цезарь не выразил ковбоям вполне заслуженного осуждения, а сказал, что только скиннер способен выдать доброго сына, рисковавшего жизнью, чтобы повидать отца.

ГЛАВА II

Познал он радость тихой жизни с ней,
Но смолкло сердце, бившееся рядом,
Навек ушла подруга юных дней,
И стала дочь единственной отрадой.

Томас Кэмпбелл.
Гертруда из Вайоминга

Отец мистера Уортона родился в Англии и был младшим сыном в семье, парламентские связи которой обеспечили ему место в колонии Нью-Йорк. Как и сотни других молодых англичан его круга, он навсегда обосновался в Америке. Он женился, и единственный отпрыск от этого союза был послан в Англию, чтобы воспользоваться преимуществами образования в тамошних учебных заведениях. Когда юноша закончил в метрополии университет, родители дали ему возможность познакомиться с прелестями европейской жизни. Но через два года отец умер, оставив в наследство сыну почтенное имя и обширное поместье, и юноша вернулся на родину.

В те дни, чтобы сделать карьеру, молодые люди из именитых английских семей вступали в армию или во флот. Большую часть высоких должностей в колониях занимали военные, и нередко можно было встретить в высших судебных органах воина-ветерана, который мечу предпочел мантию судьи.

Следуя этому обычаю, старший мистер Уортон решил определить своего сына в армию, однако нерешительный характер молодого человека помешал отцу выполнить свое намерение.

Юноша в течение целого года взвешивал и сравнивал превосходства одного рода войск над другими. Но тут умер отец. Беспечная жизнь, внимание, которым был окружен молодой владелец одного из самых больших поместий в колониях, отвлекли его от честолюбивых замыслов. Дело решила любовь, и, когда мистер Уортон стал супругом, он уже не думал о том, чтобы стать военным. Много лет жил он счастливо в своей семье, пользуясь уважением соотечественников как человек честный и положительный, однако всем его радостям вдруг пришел конец. Его единственный сын, молодой человек, представленный нами в первой главе, вступил в английскую армию и незадолго до начала военных действий вернулся на родину вместе с войсками пополнения, которые военное министерство Англии сочло нужным отправить в восставшие районы Северной Америки. Дочери мистера Уортона были еще совсем молоденькими девушками и жили тогда в Нью-Йорке, ибо только город мог придать необходимый лоск их воспитанию. Его жена прихварывала, и ее здоровье с каждым годом ухудшалось; едва она успела прижать сына к груди, радуясь, что вся семья в сборе, как вспыхнула революция, охватив своим пламенем всю страну от Джорджии до Массачусетса. Болезненная женщина не вынесла потрясения и умерла, когда узнала, что сын уходит в бой и ему предстоит сражаться на Юге с ее же родными.

На всем континенте не было другого места, где бы английские нравы и аристократические понятия о чистоте крови и происхождения не укоренились так прочно, как в районах, примыкавших к Нью-Йорку. Правда, обычаи первых поселенцев — голландцев — несколько смешались с обычаями англичан, но преобладали последние. Преданность Великобритании стала еще крепче благодаря частым бракам английских офицеров с девушками из богатых и могущественных местных семей, влияние которых к началу военных действий чуть было не толкнуло колонию на сторону короля. Впрочем, кое-кто из представителей этих видных семей поддерживал дело народа; упорство правительства было сломлено, и с помощью конфедеративной армии была создана независимая республиканская форма правления.

Только город Нью-Йорк и граничившие с ним территории не признавали новую республику, но и там престиж королевской власти держался лишь силою оружия. При таком положении вещей сторонники короля действовали по-разному — в зависимости от их места в обществе и личных склонностей. Одни с оружием в ру-

ках, не жалея сил, мужественно защищали законные, как они считали, права короля и пытались спасти от конфискации свое имущество. Другие уезжали из Америки, чтобы укрыться от превратностей и бедствий войны в стране, которую они напыщенно называли отчизной, надеясь, однако, через несколько месяцев вернуться назад. Третьи, наиболее осторожные, остались дома, не отваживаясь покинуть свои обширные владения, а может быть, из привязанности к местам, где прошла их юность. К числу таких людей принадлежал и мистер Уортон. Этот джентльмен оградил себя от возможных случайностей, тайно поместив все свои наличные деньги в Английский банк; он принял решение не уезжать из страны и строжайше соблюдать нейтралитет, рассчитывая таким образом сохранить свои владения, чья бы сторона ни взяла верх. Казалось, он был всецело поглощен воспитанием своих дочерей, однако родственник, занимавший важный пост при новом правительстве, намекнул ему, что в глазах соотечественников его пребывание в Нью-Йорке, ставшем лагерем англичан, равносильно пребыванию в столице Англии. Мистер Уортон вскоре и сам понял, что в тех условиях это было непростительной ошибкой, и решил ее исправить, немедля покинув город. В Вест-Честере у него было небольшое поместье, куда он в течение многих лет уезжал на жаркие месяцы; дом содержался в полном порядке, и в нем всегда можно было найти приют. Старшая дочь мистера Уортона уже выезжала, но младшей, Френсис, нужно было еще год или два подготовки, чтобы появиться в обществе в полном блеске; во всяком случае, так полагала мисс Дженнет Пейтон. Эта леди, младшая сестра покойной супруги мистера Уортона, покинула отчий дом в Виргинии и со свойственными ее полу преданностью и любовью взяла на себя заботу об осиротевших племянницах, а потому их отец считался с ее мнением. Итак, он последовал ее совету и, принеся в жертву родительские чувства для блага своих детей, оставил их в городе.

Мистер Уортон отправился в свою усадьбу «Белые акации» с разбитым сердцем,—ведь он оставлял тех, кого доверила ему обожаемая жена,— но он должен был внять голосу благоразумия, настойчиво призывавшему его не забывать о своем имуществе. Дочери остались с теткой в великолепном городском доме. Полк, в котором служил капитан Уортон, входил в состав постоянного гарнизона Нью-Йорка, и мысль, что сын в том же городе, где и дочери, была немалым утешением для отца, постоянно беспокоившегося о них. Однако капитан Уортон был молод и к тому же солдат; он нередко ошибался в людях, а так как очень высоко ставил англичан, то думал, что под красным мундиром может биться только честное сердце.

Дом мистера Уортона стал местом светских развлечений офицеров королевской армии, как, впрочем, и другие дома, удостоившиеся их внимания. Кое-кому из тех, кого посещали офицеры, эти визиты пошли на пользу, многим принесли вред, потому что зародили несбыточные надежды, а для большинства, к несчастью, были губительны. Всем известное богатство отца, а возможно, и близкое соседство отважного брата избавляли от опасений, что беда приключится и с молоденькими дочерьми мистера Уортона; и все же трудно было ожидать, чтобы любезности поклонников, восхищавшихся прелестным личиком и стройной фигурой Сары Уортон, не оставили следа в ее душе. Рано созревшая в благодатном климате красота Сары и ее изысканные манеры сделали девушку общепризнанной первой красавицей города. Казалось, лишь одна Френсис могла бы оспаривать это главенство среди женщин их круга. Впрочем, Френсис недоставало еще полугода до чарующих шестнадцати лет, к тому же мысль о соперничестве и в голову не приходила нежно привязанным друг к другу сестрам. Если не считать удовольствия от болтовни с полковником Уэлмиром, Саре приятнее всего было любоваться расцветающей красотой насмешливой маленькой Гебы, которая подрастала рядом с ней, радуясь жизни со всей невинностью молодости и пылом горячей натуры. Может быть, потому, что на долю Френсис не выпадало столько комплиментов, сколько доставалось ее старшей сестре, а может, и по другой причине, но рассуждения офицеров о превратностях войны производили на Френсис совсем иное впечатление, чем на Сару. Английские офицеры имели обыкновение презрительно отзываться о своих противниках, и Сара принимала пустое бахвальство своих кавалеров за чистую монету. Вместе с первыми политическими суждениями, дошедшими до слуха Френсис, она услышала иронические замечания о поведении своих соотечественников. Сперва она верила словам офицеров, но один генерал, бывавший в доме мистера Уортона, нередко вынужден был отдавать должное врагу, чтобы не умалить собственных заслуг, и Френсис стала с некоторым сомнением относиться к разговорам о неудачах мятежников. Полковник Уэлмир принадлежал к числу тех, кто особенно изощрялся в остроумии по поводу злополучных американцев, и со временем девушка уже слушала его разглагольствования с большим недоверием, а порой и с возмущением.

Однажды в знойный душный день Сара и полковник Уэлмир сидели на диване в гостиной и, переглядываясь, вели обычный легкий разговор; Френсис вышивала в пяльцах в другом конце комнаты.

— Как будет весело, мисс Уортон, когда в город войдет армия генерала Бергойна! — вдруг воскликнул полковник.

— О, как это будет чудесно!— беззаботно подхватила Сара.— Говорят, с офицерами едут их жены — очаровательные дамы. Вот когда повеселимся всласть!

Френсис откинула со лба пышные золотистые волосы, подняла глаза, заблестевшие при мысли о родине, и, лукаво смеясь, спросила:

— А вы уверены, что генералу Бергойну позволят войти в город?

— «Позволят»! — подхватил полковник.— А кто может ему помешать, моя милочка, мисс Фанни?

Френсис была как раз в том возрасте — уже не ребенок, но еще и не взрослая,— когда юные девушки особенно ревниво относятся к своему положению в обществе. Фамильярное обращение «моя милочка» покоробило ее, она опустила глаза, и ее щеки залил румянец.

— Генерал Старк взял немцев в плен,— вымолвила она и сжала губы.— Не сочтет ли и генерал Гейтс англичан слишком опасными, чтобы оставлять их на свободе?

— Но ведь то были немцы, как вы и сказали,— возразил полковник, раздосадованный, что ему приходится вступать в объяснения.— Немцы — всего лишь наемные войска, когда же врагу придется иметь дело с английскими полками, конец будет совсем иной.

— Ну конечно,—вставила Сара, ничуть не разделяя недовольства полковника ее сестрой, но заранее радуясь победе англичан.

— Скажите, пожалуйста, полковник Уэлмир,— спросила Френсис, снова повеселев и подняв на него смеющиеся глаза,— лорд Перси, потерпевший поражение при Лексингтоне, не потомок ли героя старинной баллады «Чеви Чейз»?

— Мисс Фанни, да вы становитесь мятежницей! — сказал полковник, пытаясь за улыбкой скрыть свое раздражение.—То, что вы изволили назвать поражением при Лексингтоне, было лишь тактическим отступлением... вроде...

— ...сражения на бегу...— прервала бойкая девушка, подчеркивая последние слова.

— Право же, молодая леди...

Но раздавшийся в соседней комнате смех не дал полковнику Уэлмиру договорить.

Порыв ветра распахнул двери в маленькую комнату, примыкавшую к гостиной, где беседовали сестры и полковник. У самого входа сидел красивый юноша; по его улыбке можно было видеть, что разговор доставил ему истинное удовольствие. Он тотчас поднялся и, держа шляпу в руках, вошел в гостиную. Это был высо-

кий, стройный молодой человек со смуглым лицом; в его блестящих черных глазах еще таился смех, когда он поклонился дамам.

— Мистер Данвуди! — с удивлением воскликнула Сара.— А я и не знала, что вы здесь. Идите к нам, в этой комнате прохладнее.

— Благодарю вас,— ответил молодой человек,— но мне пора, я должен отыскать вашего брата. Генри оставил меня, как он выразился, в засаде и пообещал вернуться через час.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, Данвуди вежливо поклонился девушкам, холодно, даже надменно кивнул головой полковнику и покинул гостиную. Френсис вышла за ним в переднюю и, густо покраснев, быстро проговорила:

— Но почему... почему вы уходите, мистер Данвуди? Генри должен скоро вернуться.

Молодой человек взял ее за руку. Суровое выражение его лица сменилось восхищением, когда он произнес:

— Вы славно его отделали, моя дорогая кузиночка! Никогда, никогда не забывайте свою родину! Помните: вы не только внучка англичанина, но и внучка Пейтона.

— О,— со смехом отозвалась Френсис,— это не так-то легко забыть,— ведь тетя Дженнет постоянно читает нам лекции по генеалогии!.. Но почему вы уходите?

— Я уезжаю в Виргинию, и у меня много дел.— Он пожал ей руку, оглянулся и уже у самой двери добавил:— Будьте верны своей стране — будьте американкой.

Пылкая девушка послала ушедшему воздушный поцелуй и, прижав красивые руки к горящим щекам, побежала к себе в комнату, чтобы скрыть свое смущение.

Явная насмешка, прозвучавшая в словах Френсис, и плохо скрываемое презрение молодого человека поставили полковника Уэлмира в неловкое положение; однако, не желая показывать при девушке, в которую был влюблен, что он придает значение таким пустякам, Уэлмир высокомерно проронил после ухода Данвуди:

— Весьма дерзкий юноша для человека его круга,— ведь это приказчик, присланный из лавки с покупками?

Мысль о том, что изящного Пейтона Данвуди можно принять за приказчика, и в голову не могла прийти Саре, и она с удивлением взглянула на Уэлмира. Меж тем полковник продолжал:

— Этот мистер Дан... Дан...

— Данвуди! Что вы... он родственник моей тети!— воскликнула Сара.— И близкий друг моего брата; они вместе учились и расстались только в Англии, когда брат записался в армию, а он поступил во французскую военную академию.

— Вот уж, наверное, его родители зря выбросили деньги! — заметил полковник с досадой, которую ему не удалось скрыть.

— Будем надеяться, что зря,— с улыбкой сказала Сара,— говорят, он собирается вступить в армию мятежников. Он прибыл сюда на французском корабле, и его недавно перевели в другой полк; быть может, вы скоро с ним встретитесь с оружием в руках.

— Ну что ж, пусть... Желаю Вашингтону побольше таких героев.— И полковник перевел разговор на более приятную тему — о Саре и о себе самом.

Спустя несколько недель после этой сцены армия Бергойна сдала оружие. Мистер Уортон уже начал сомневаться в победе англичан; желая снискать расположение американцев и доставить радость себе, он вызвал дочерей из Нью-Йорка. Мисс Пейтон согласилась поехать с ними. С той поры и до событий, с которых мы начали наше повествование, они жили все вместе.

Генри Уортон шел с главной армией всюду, куда бы она ни направлялась. Раза два под охраной сильных отрядов, действовавших вблизи усадьбы «Белые акации», он тайно и ненадолго навестил своих родных. Прошел год с тех пор, как он виделся с ними, и вот порывистый молодой человек, преобразившись вышеописанным образом, явился к отцу как раз в тот вечер, когда в доме нашел приют незнакомый и даже не внушающий доверия человек,— хотя теперь у них чужие бывали очень редко.

— Так вы думаете, что он ничего не заподозрил? — взволнованно спросил капитан, после того как Цезарь высказал свое мнение о скиннерах.

— Как он мог заподозрить что-нибудь, если даже сестры и отец тебя не узнали! — воскликнула Сара.

— В его поведении есть что-то загадочное; сторонний наблюдатель не вглядывается в людей с таким вниманием,— задумчиво продолжал молодой Уортон,— и лицо его кажется мне знакомым. Казнь Андре взбудоражила обе стороны. Сэр Генри грозит отомстить за его смерть, а Вашингтон непреклонен, словно покорил полмира. Попадись я, на свою беду, в руки мятежников, они не преминут воспользоваться этим в своих интересах.

— Но, сын мой,— в тревоге вскричал отец,— ведь ты же не шпион, ты не находишься в расположении мятежников... американцев, я хотел сказать... здесь нечего выведывать!

— Я в этом не уверен,— пробормотал молодой человек.— Когда я шел переодетый, я заметил, что их пикеты продвинулись к югу до Уайт-Плейнс. Правда, у меня безобидная цель, но как это доказать? Мой приход сюда могут истолковать как маскировку, за которой скрываются тайные намерения. Вспомните, отец,

как обошлись с вами в прошлом году, когда вы послали мне провизию на зиму.

— Тут постарались мои милые соседи,— сказал мистер Уортон,— они надеялись, что мое поместье конфискуют и они по дешевке скупят хорошие земли. Впрочем, Пейтон Данвуди быстро добился нашего освобождения — нас не продержали и месяца.

— Нас? — удивленно повторил Генри.— Разве сестры тоже были арестованы? Ты не писала мне об этом, Фанни.

— Кажется,— вспыхнув, сказала Френсис,— я упоминала, как с нами был добр наш старый друг майор Данвуди; ведь благодаря ему освободили папу.

— Это верно. Но скажи, ты тоже была в лагере мятежников?

— Да была,— с теплотой сказал мистер Уортон.— Фанни не хотела отпускать меня одного. Дженнет и Сара остались присматривать за усадьбой, а эта девочка была моим товарищем по плену.

— И Фанни вернулась оттуда еще большей бунтаркой, чем раньше,— с негодованием воскликнула Сара,— хотя, казалось бы, муки отца должны были излечить ее от этих причуд!

— Ну, что скажешь в свое оправдание, моя красавица сестренка? — весело спросил Генри.— Не научил ли тебя Пейтон ненавидеть нашего короля больше, чем он сам его ненавидит?

— Никого Данвуди не ненавидит!— воскликнула Френсис и, смущенная своей горячностью, тут же добавила:— А тебя он любит, Генри, он не раз говорил мне об этом.

Молодой человек с нежной улыбкой потрепал сестру по щеке и шепотом спросил:

— А говорил он тебе, что любит мою сестренку Фанни?

— Глупости! — воскликнула Френсис и принялась хлопотать около стола, с которого под ее наблюдением быстро убрали остатки ужина.

ГЛАВА III

Осенний ветер, холодом повеяв,
Сорвал последнюю листву с деревьев,
И медленно над Лóвманским холмом
Плывет луна в безмолвии ночном.
Покинув шумный город, в путь далекий
Отправился разносчик одинокий.

У и л с о н

Буря, которую восточный ветер несет в горы, откуда берет начало Гудзон, редко длится меньше двух дней. Когда на следующее утро обитатели коттеджа «Белые акации» собрались к первому завтраку, они увидели, что дождь бьет по стеклам чуть ли не горизон-

тальными струями; конечно, никому и в голову не могла прийти мысль выставить за дверь в такое ненастье не только человека, но даже животное. Мистер Харпер появился последним; посмотрев в окно, он извинился перед мистером Уортоном, что вынужден из-за непогоды еще некоторое время злоупотреблять его гостеприимством. Казалось, ответ прозвучал столь же любезно, как и извинение, но чувствовалось, что гость примирился с необходимостью, в то время как хозяин дома был явно смущен. Подчиняясь воле отца, Генри Уортон неохотно, даже с отвращением снова изменил свой облик. Он ответил на приветствие незнакомца, который поклонился ему и всем членам семьи, но в разговор ни тот, ни другой не вступали. Правда, Френсис почудилось, что по лицу гостя пробежала улыбка, когда он, войдя в комнату, увидел Генри; но улыбка мелькнула лишь в глазах, лицо же сохранило выражение добродушия и сосредоточенности, свойственное мистеру Харперу и редко его покидавшее. Любящая сестра с тревогой посмотрела на брата, потом она взглянула на незнакомца и встретилась с ним глазами в ту минуту, когда он с подчеркнутым вниманием оказывал ей одну из обычных мелких услуг, принятых за столом. Затрепетавшее сердце девушки стало биться спокойно, насколько это возможно при молодости, цветущем здоровье и жизнерадостности. Все уже сидели за столом, когда в комнату вошел Цезарь; молча положив перед хозяином небольшой пакет, он скромно остановился за его стулом и оперся рукой о спинку, прислушиваясь к разговору.

— Что это такое, Цезарь? — спросил мистер Уортон, поворачивая пакет и с некоторым подозрением рассматривая его.

— Табак, сэр. Гарви Бёрч вернулся и привез вам немножко хорошего табаку из Нью-Йорка.

— Гарви Бёрч! — опасливо произнес мистер Уортон и украдкой взглянул на незнакомца.— Разве я поручал ему купить мне табаку? Ну, уж если привез, надо уплатить ему за труды.

Когда заговорил негр, мистер Харпер на мгновение прервал свою молчаливую трапезу; он медленно перевел взгляд со слуги на хозяина и снова углубился в себя.

Известие, которое сообщил слуга, очень обрадовало Сару Уортон. Она стремительно встала из-за стола и приказала впустить Бёрча, однако сразу одумалась и, посмотрев на гостя виноватым взглядом, добавила:

— Конечно, если мистер Харпер ничего не имеет против.

Добродушное выражение лица незнакомца, который молча кивнул головой, было красноречивее самых длинных фраз, и молодая леди, проникшись к нему доверием, спокойно повторила свое приказание.

В глубоких оконных нишах стояли стулья с резными спинками, а великолепные шторы из узорчатой шелковой ткани, украшавшие прежде окна гостиной в доме на Куин-стрит, создавали ту особую атмосферу уюта, которая позволяет с удовольствием думать о приближении зимы. В одну из этих ниш метнулся капитан Уортон и, чтобы спрятаться от посторонних глаз, задернул за собою шторы; его младшая сестра с неожиданной для ее живого нрава сдержанностью, молча вошла в другую нишу.

Гарви Бёрч начал торговать вразнос еще с юности,— во всяком случае, он часто говорил об этом,—а ловкость, с какой он сбывал свои товары, подтверждала его слова. Он был уроженец одной из восточных колоний; его отец выделялся своим умственным развитием, и это давало соседям основание полагать, что у себя на родине Бёрчи знавали лучшие дни. Однако Гарви ничем не отличался от местных простолюдинов, разве только своей сообразительностью, а также тем, что его действия были всегда окутаны какой-то тайной. Отец с сыном пришли в долину лет десять назад, купили тот убогий домик, в котором мистер Харпер тщетно пытался найти пристанище, и зажили тихо и мирно, не заводя знакомств и не привлекая к себе внимания. Пока ему позволяли возраст и здоровье, отец обрабатывал небольшой участок земли при доме; сын же усердно занимался мелочной торговлей. Благодаря скромности и добропорядочности они со временем заслужили такое уважение во всей округе, что одна девица лет тридцати пяти, отбросив свойственные женщинам предрассудки, согласилась взять на себя заботу об их домашнем хозяйстве. Румянец давным-давно поблек на щеках Кэти Хейнс; она видела, что все ее знакомые — мужчины и женщины — соединились в союзы, столь желанные ее полу, но сама почти потеряла надежду на замужество; однако в семью Бёрчей она вошла не без тайного умысла. Нужда — жестокий властелин, и, за неимением лучшей компаньонки, отец и сын были вынуждены принять услуги Кэти; впрочем, она обладала качествами, благодаря которым стала вполне сносной домоправительницей. Она была чистоплотна, трудолюбива и честна; зато отличалась болтливостью, себялюбием, была суеверна и невыносимо любопытна. Прослужив у Бёрчей около пяти лет, она с торжеством говорила, что услышала — вернее, подслушала — так много, что знает, какая жестокая участь постигла ее хозяев до переселения в Вест-Честер. Если бы у Кэти был хоть небольшой дар предвидения, она могла бы предсказать и то, что ожидало их в дальнейшем. Из тайных разговоров отца и сына она узнала, что пожар превратил их в бедняков и что из некогда многочисленной семьи остались в живых только они двое. Голос старика дрожал, когда он вспоминал об этом несчастье, тронувшем даже сердце Кэти. Но нет в мире преград для низмен-

ного любопытства, и она продолжала интересоваться чужими делами, пока Гарви не пригрозил ей, что возьмет на ее место женщину помоложе; услышав это грозное предостережение, Кэти поняла, что есть границы, которые не следует преступать. С той поры домоправительница благоразумно сдерживала свое любопытство, и, хотя она никогда не упускала возможности подслушать, запасы ее сведений пополнялись очень туго. Тем не менее ей удалось выяснить кое-что, представлявшее для нее немалый интерес, и тогда, руководимая двумя побуждениями — любовью и алчностью,— она поставила перед собой определенную цель, устремив всю свою энергию на то, чтобы ее добиться.

Порой глубокой ночью Гарви тихонько подбирался к очагу в комнате, служившей Бёрчам гостиной и кухней. Тут-то Кэти и выследила своего хозяина; воспользовавшись его отсутствием и тем, что старик был чем-то занят, она вытащила из-под очага один кирпич и наткнулась на чугунок с блестящим металлом, способным смягчить самое черствое сердце. Кэти незаметно положила кирпич на место и уже больше никогда не отваживалась на такой неосторожный поступок. Однако с той минуты сердце девы укротилось, и Гарви не понял, в чем его счастье, только потому, что не был наблюдателен.

Война не препятствовала разносчику заниматься своим делом; нормальная торговля в графстве прекратилась, но это было ему на руку, и, казалось, он только и думал что о барышах. Год или два он без помех продавал свои товары, и его доходы росли; между тем какие-то темные слухи набросили на него тень, и гражданские власти сочли необходимым поближе познакомиться с его образом жизни. Разносчик не раз попадал под стражу, но ненадолго и довольно легко ускользал от блюстителей гражданских законов; военные же власти преследовали его более настойчиво. И все-таки Гарви Бёрч не сдался, хотя и вынужден был соблюдать величайшую осторожность, особенно когда находился неподалеку от северных границ страны, или, иными словами, поблизости от американских войск. Он уже не так часто бывал в «Белых акациях», а в своем жилище появлялся столь редко, что раздосадованная Кэти, как мы уже рассказывали, не вытерпела и излила душу незнакомцу. Казалось, ничто не могло помешать этому неутомимому человеку заниматься своим ремеслом. Вот и сейчас, рассчитывая сбыть кое-какой товар, имевший спрос только в самых богатых домах Вест-Честера, он решился в свирепую бурю пройти полмили, отделявшие его дом от усадьбы мистера Уортона.

Получив приказание своей молодой госпожи, Цезарь вышел и через несколько минут вернулся вместе с тем, о ком только что шла речь. Разносчик был выше среднего роста, худощав, но широк

в кости и мускулист. При первом взгляде на него всякий удивился бы, что он выдерживает тяжесть своей громоздкой ноши; однако Бёрч сбросил ее с удивительным проворством и с такой легкостью, словно в тюке был пух. Глаза у Бёрча были серые, ввалившиеся и беспокойные; в тот краткий миг, когда они останавливались на лице человека, с которым он разговаривал, казалось, что они пронизывают того насквозь.

Впрочем, в его глазах можно было прочесть два разных выражения, говорящих о его характере. Когда Гарви Бёрч сбывал свои товары, его лицо становилось живым и умным, а взгляд на редкость проницательным, но стоило перевести разговор на обыденные житейские темы, как глаза Гарви делались беспокойными и рассеянными. Если же речь заходила о революции и об Америке, он весь преображался. Он долго слушал молча, потом прерывал молчание какой-нибудь незначительной или шутливой репликой, что казалось наигранным, ибо противоречило тому, как он вел себя прежде. Но о войне, как и о своем отце, Гарви говорил только тогда, когда не мог от этого уклониться. Поверхностный наблюдатель счел бы, что главное место в его душе занимает жажда наживы, и, если вспомнить все, что мы знаем о нем, трудно представить себе более неподходящий объект для замыслов Кэти Хейнс.

Войдя в комнату, разносчик сбросил на пол свою ношу — теперь тюк достигал ему почти до плеч — и с подобающей вежливостью приветствовал семью мистера Уортона. Мистеру Харперу он молча отвесил поклон, не поднимая глаз от ковра,— капитана Уортона скрывала задернутая штора. Сара, поспешно поздоровавшись, устремила все свое внимание на тюк и несколько минут вместе с Бёрчем молча вытаскивала из него всевозможные предметы. Вскоре стол, стулья и пол были завалены кусками шелка, крепа, перчатками, кисеей и разными разностями, которые обычно продает бродячий торговец. Цезарь был занят тем, что придерживал края тюка, когда из него извлекали товары; иногда он помогал своей госпоже, обращая ее внимание на какую-нибудь роскошную ткань, благодаря своей пестрой расцветке казавшуюся ему особенно красивой. Наконец, отобрав несколько вещей и сторговавшись с разносчиком, Сара весело промолвила:

— Что же, Гарви, вы не рассказали нам никаких новостей? Наверное, лорд Корнваллис опять разбил мятежников?

Разносчик, видимо, не расслышал вопроса. Склонившись над тюком, он достал восхитительные тонкие кружева и предложил молодой леди полюбоваться ими. Мисс Пейтон уронила чашку, которую она мыла; хорошенькое личико Френсис высунулось из-за шторы, откуда раньше был виден только один веселый глазок, и щеки ее запылали такими красками, которые могли бы посра-

мить яркую шелковую ткань, ревниво скрывавшую фигурку девушки.

Тетка перестала мыть посуду, а Бёрч скоро сбыл изрядную часть своего дорогого товара. Сара и Дженнет так восторгались кружевами, что Френсис не выдержала и тихонько выскользнула из ниши. Тут Сара с ликованием в голосе повторила свой вопрос; впрочем, ее радость была вызвана скорее удовольствием от удачной покупки, чем патриотическими чувствами. Младшая сестра снова села к окну и принялась изучать облака; между тем разносчик, видя, что от него ждут ответа, не спеша сказал:

— В долине поговаривают, будто Тарльтон разбил генерала Самтера на Тайгер-Ривер.

Капитан Уортон невольно отодвинул штору и выставил голову, а Френсис, слушавшая разговор затаив дыхание, заметила, как мистер Харпер оторвал свои спокойные глаза от книги, которую он, казалось, читал, и посмотрел на Бёрча; выражение его лица выдавало, что он слушает с пристальным вниманием.

— Вот как! — торжествующе воскликнула Сара.— Самтер... Самтер... Кто он? Я и булавки не куплю, пока вы не расскажете все новости,— смеясь, продолжала она и бросила на стул кисею, которую только что разглядывала.

Несколько мгновений разносчик колебался; он взглянул на мистера Харпера, все еще сосредоточенно смотревшего на него, и его поведение вдруг резко изменилось. Бёрч подошел к камину и без всякого сожаления к начищенной до блеска решетке выплюнул на нее солидную порцию виргинского табака, после чего вернулся к своим товарам.

— Он живет где-то на Юге, среди негров,— отрывисто сказал разносчик.

— Он такой же негр, как и вы, мистер Бёрч,— язвительно прервал его Цезарь и в раздражении выпустил из рук края тюка.

— Ладно, ладно, Цезарь, нам теперь не до этого,— успокаивающе проговорила Сара, которой не терпелось услышать еще какие-нибудь новости.

— Черный человек не хуже белого, мисс Салли, если он хорошо себя ведет,— обиженно заметил слуга.

— А часто и гораздо лучше,— согласилась с ним госпожа.— Но скажите же, Гарви, кто он такой, этот мистер Самтер?

Легкая тень недовольства мелькнула на лице разносчика, но быстро исчезла, и он спокойно продолжал, будто раздосадованный негр и не прерывал разговора.

— Как я уже говорил, он живет на Юге, среди цветных (Цезарь тем временем снова взялся за тюк), и недавно между ним и полковником Тарльтоном произошло столкновение.

— И, конечно, полковник его разбил! — убежденно воскликнула Сара.

— Так говорят в войсках, стоящих в Моризании.

— А что говорите вы? — тихим голосом отважился спросить мистер Уортон.

— Я только повторяю то, что слышал,— ответил Бёрч и подал Саре штуку материи.

Девушка молча отбросила ее, очевидно, решив узнать все подробности, прежде чем купить еще что-нибудь.

— Однако на равнинах толкуют,— продолжал разносчик, снова обводя глазами комнату и на мгновение останавливая взгляд на мистере Харпере,— что ранен был только Самтер и еще один или двое, а весь отряд регулярных войск расколошматили ополченцы, засевшие в бревенчатом сарае.

— Это маловероятно,— презрительно сказала Сара.— Впрочем, не сомневаюсь, что мятежники прячутся за бревнами.

— По-моему, разумнее заслониться от пуль бревном, чем заслонить собой бревно,— невозмутимо отпарировал Бёрч и снова подал Саре штуку шелка.

Мистер Харпер спокойно опустил глаза на книгу, которую держал в руках, а Френсис поднялась со стула и, улыбаясь, обратилась к разносчику таким приветливым тоном, какого он никогда прежде от нее не слышал:

— Нет ли у вас еще кружев, мистер Бёрч?

Кружева были немедленно извлечены из тюка, и Френсис тоже стала покупательницей. Она велела подать торговцу стакан вина; Бёрч с благодарностью осушил его за здоровье дам и хозяина дома.

— Значит, полагают, что полковник Тарльтон разбил генерала Самтера? — спросил мистер Уортон, делая вид, будто склеивает чашку, разбитую в нетерпении его свояченицей.

— Кажется, так считают в Моризании,— ответил Бёрч.

— А еще какие новости, дружище? — спросил молодой Уортон, снова выглядывая из-за шторы.

— Вы слышали, что майора Андре повесили?

Капитан Уортон вздрогнул и, обменявшись весьма многозначительным взглядом с разносчиком, с деланным равнодушием сказал:

— Это произошло, видимо, несколько недель назад.

— А что, казнь наделала много шума? — спросил хозяин дома, занятый склеиванием разбитого фарфора.

— Люди всякое болтают, сами знаете, сэр.

— А не ожидается ли в долине передвижения войск, опасного

для путешественников, друг мой? — задал вопрос мистер Харпер и пристально посмотрел на Бёрча.

Несколько пачек лент выпало из рук разносчика; его лицо вдруг утратило свое напряженное выражение, и, глубоко задумавшись, он медленно ответил:

— Регулярная кавалерия выступила некоторое время назад, а когда я проходил мимо казармы де Ланси, я видел, что солдаты чистили оружие; не удивительно, если они вскорости и двинутся, ведь виргинская кавалерия уже находится на юге Вест-Честера.

— А много у них солдат? — спросил мистер Уортон в тревоге, бросив возиться с чашкой.

— Я не считал.

Одна лишь Френсис заметила, как изменилось лицо Бёрча, а повернувшись к мистеру Харперу, увидела, что тот опять уткнулся в книгу. Френсис подняла ленты, положила их на место и нагнулась над товарами; пышные локоны заслонили ее лицо, вспыхнувшее румянцем, покрывшим даже шею.

— А я думала, что конница южан направилась к Делавару,— сказала она.

— Может, оно и так,— отозвался Бёрч,— я проходил мимо войск на расстоянии.

Между тем Цезарь выбрал себе кусок ситца с ярко-желтыми и красными полосами на белом фоне; полюбовавшись несколько минут материей, он со вздохом положил ее обратно, воскликнув:

— Очень красивый ситец!

— Верно,— сказала Сара.— Хорошее платье вышло бы для твоей жены, Цезарь.

— Да, мисс Салли! — вскрикнул восхищенный слуга.—У старой Дины сердце запрыгало бы от радости—очень хороший ситец.

— В таком платье Дина будет совсем как радуга,— добродушно вставил разносчик.

Цезарь жадными глазами смотрел на свою молодую госпожу, пока она не спросила у Гарви, сколько он хочет за ситец.

— Смотря с кого,— ответил разносчик.

— Сколько? — повторила удивленная Сара.

-- Судя по тому, кто покупатель; для моей приятельницы Дины отдам за четыре шиллинга.

— Это слишком дорого,— сказала Сара, выбирая что-то еще для себя.

— Огромная цена за простой ситец, мистер Бёрч! — проворчал Цезарь, снова выронив края тюка.

— Тогда, скажем, три, если вам это больше нравится,— продолжал разносчик.

— Конечно, нравится больше,— с довольной улыбкой про-

говорил Цезарь и опять раскрыл тюк.— Мисс Салли нравится три шиллинга, если она дает, и четыре — если получает.

Торг был тут же заключен, но, когда ситец измерили, оказалось, что до десяти ярдов, нужных на рост Дины, немного недостает. Впрочем, опытный торговец ловко вытянул материю до желаемой длины, да еще добавил яркую ленту в тон, и Цезарь поспешил уйти, чтобы порадовать обновкой свою почтенную подругу.

Во время легкой суматохи, вызванной завершением сделки, капитан Уортон отважился снова отодвинуть штору и теперь, стоя у всех на виду, спросил у разносчика, начавшего собирать свои товары, когда тот вышел из города.

— На рассвете,— последовал ответ.

— Так поздно? — изумился капитан, но тотчас спохватился и продолжал уже более спокойно: — И вам удалось в такой поздний час пройти мимо пикетчиков?

— Удалось,— коротко ответил Бёрч.

— Наверное, Гарви, вас теперь знают многие офицеры британской армии,— многозначительно улыбаясь, сказала Сара.

— Кое-кого из них и я знаю в лицо,— заметил Бёрч и, обводя комнату глазами, посмотрел на капитана Уортона, потом на миг задержал взгляд на лице мистера Харпера.

Мистер Уортон напряженно вслушивался в разговор; он совсем забыл о своем напускном равнодушии и так волновался, что раздавил куски чашки, которую столь усердно старался склеить. Когда разносчик затягивал на своем тюке последний узел, мистер Уортон вдруг спросил:

— Неужели враг снова начнет нас беспокоить?

— Кого вы называете врагом? — спросил разносчик и, выпрямившись, в упор посмотрел на мистера Уортона, который смутился и тут же опустил глаза.

— Всякого, кто нарушает наш покой,— вставила мисс Пейтон, заметив, что мистер Уортон не знает, что ответить.— Ну, а королевские войска уже двинулись с Юга?

— Весьма вероятно, что скоро двинутся,— ответил Бёрч, подняв с пола свой тюк и собираясь уходить.

— А континентальные войска,— тихим голосом продолжала мисс Пейтон,— скажите, континентальные войска находятся здесь, в Вест-Честере?

Гарви хотел сказать что-то в ответ, но открылась дверь, и появился Цезарь вместе со своей восхищенной супругой.

Короткие курчавые волосы Цезаря поседели с годами, и это придавало ему особенно почтенный вид. Долгое и усердное применение гребенки выпрямило кудряшки надо лбом, и теперь его волосы стояли стоймя, как щетина, прибавляя ему добрых два дюй-

ма роста. Его черная, в молодости лоснившаяся кожа потеряла блеск и стала темно-коричневой. Глаза, расставленные чересчур широко, были невелики и светились добротой, и лишь изредка, когда он чувствовал себя обиженным, их выражение менялось; впрочем, сейчас они, казалось, плясали от восторга. Нос Цезаря в избытке обладал всеми необходимыми для обоняния свойствами, при этом с редкой скромностью не выпячивался вперед; ноздри были весьма объемисты, однако они не вытеснили щек. Непомерно велик был и рот, но двойной ряд жемчужных зубов примирял с этим недостатком. Цезарь был малого роста, мы сказали бы — он был квадратный, если бы углы и линии его фигуры отличались хоть какой-нибудь геометрической симметрией. Руки у него были длинные и мускулистые, с жилистыми кистями, серовато-черного цвета на тыльной стороне и линяло-розового на ладонях. Но пуще всего разгулялась природа, проявив свой капризный нрав, когда создавала его ноги. Тут уж она и вовсе безрассудно использовала материал. Икры находились не сзади и не спереди, а скорее сбоку и слишком высоко, так что казалось непонятным, как у него сгибаются колени. Если считать, что ступни — это фундамент, на котором покоится туловище, то на них Цезарь не имел причин сетовать; впрочем, они были повернуты к центру, и порой могло показаться, что их обладатель ходит задом наперед. Но какие бы недостатки ни обнаружил в его телосложении скульптор, сердце Цезаря Томпсона помещалось на своем месте, и мы не сомневаемся, что размеры его были такими, как это положено.

В сопровождении своей верной спутницы жизни Цезарь подошел к Саре и поблагодарил ее. Сара добродушно выслушала его, похвалила вкус мужа и заметила, что жене, наверное, материя пойдет. Френсис, лицо которой сияло от удовольствия, не меньше, чем улыбающиеся физиономии Цезаря и его жены, предложила сама сшить Дине платье из этого чудесного ситца. Предложение было почтительно и с признательностью принято.

Разносчик ушел, а следом за ним — и Цезарь со своей супругой, но, закрывая дверь, негр не отказал себе в удовольствии произнести благодарственный монолог:

— Добрая маленькая леди, мисс Фанни... заботится о своем отце... и хочет шить платье для старой Дины...

Неизвестно, что еще сказал Цезарь в порыве благодарности, ибо он отошел на порядочное расстояние и, хотя звук его голоса еще доносился, слов уже нельзя было разобрать.

Мистер Харпер уронил книгу, с мягкой улыбкой наблюдая эту сцену, и Френсис восхитило его лицо, с которого глубокая задумчивость и озабоченность не могли согнать выражения доброты, этого лучшего свойства человеческой души.

ГЛАВА IV

«Лицо таинственного лорда,
Его манеры, облик гордый,
Его осанка и движенья —
Все вызывало восхищенье;
Он был высокий и прямой,
Как грозный замок боевой,
И сколько мужества и силы
Его спокойствие хранило!
Когда случается беда,
Находят у него всегда
Поддержку, помощь и совет,
И хуже наказанья нет,
Чем заслужить его презренье».
Принцесса крикнула в волненье:
«Довольно! Это наш герой,
Шотландец с пламенной душой!»

Вальтер Скотт

После ухода разносчика все долго молчали. Мистер Уортон услышал достаточно, чтобы его беспокойство еще усилилось, а опасения за сына ничуть не уменьшились. Мистер Харпер невозмутимо сидел на своем месте, а молодой капитан про себя желал ему провалиться в тартарары; мисс Пейтон спокойно убирала со стола,— всегда благодушная, она теперь испытывала особенное удовольствие от сознания, что ей досталась немалая толика кружев; Сара аккуратно складывала свои обновки, а Френсис с полным пренебрежением к собственным покупкам заботливо помогала ей, как вдруг незнакомец прервал тишину:

— Я хотел сказать, что если капитан Уортон сохраняет свой маскарад из-за меня, то он напрасно тревожится. Будь у меня даже какие-нибудь причины выдать его, я все равно не смог бы этого сделать при нынешних обстоятельствах.

Младшая сестра, побледнев, в изумлении упала на стул, мисс Пейтон опустила поднос с чайным сервизом, который она в эту минуту сняла со стола, а потрясенная Сара словно онемела, позабыв о покупках, лежавших у нее на коленях. Мистер Уортон оцепенел; капитан на мгновение растерялся от неожиданности, потом выбежал на середину комнаты и, сорвав с себя принадлежности своего маскарадного костюма, воскликнул:

— Я верю вам всей душой, довольно играть эту утомительную комедию! Но я все-таки не понимаю, как вам удалось узнать, кто я.

— Право же, вы куда красивее в своем собственном виде, капитан Уортон,— с легкой улыбкой сказал гость.— Я советовал бы вам никогда не пытаться его изменять. Уж одно это,— и он по-

казал на висевший над камином портрет английского офицера в мундире,— выдало бы вас, а у меня были еще и другие основания для догадок.

— Я льстил себя надеждой,— смеясь, отозвался молодой Уортон,— что на полотне я красивее, чем в этом наряде. Однако вы тонкий наблюдатель, сэр.

— Необходимость сделала меня таким,— сказал мистер Харпер, поднимаясь с места.

У двери его догнала Френсис. Взяв его руку в свои и залившись ярким румянцем, она горячо сказала:

— Вы не можете... вы не выдадите моего брата!

На миг мистер Харпер остановился, молча любуясь прелестной девушкой, потом прижал ее руки к своей груди и торжественно ответил:

— Не могу и не выдам.— Он ласково положил ей руку на голову и добавил: — Если благословение чужого человека может принести вам благо, примите его.

Мистер Харпер повернулся и, низко поклонившись, вышел из комнаты с деликатностью, вполне оцененной теми, кого он успокоил.

Прямодушие и серьезность незнакомца произвели глубокое впечатление на все семейство, а его слова доставили всем, кроме отца, большое облегчение. Вскоре принесли одежду капитана, которую вместе с другими вещами доставили из города; молодой человек, освободившись от стеснявшей его маскировки, смог наконец предаться радостям встречи со своими близкими, ради которых он подвергал себя такой большой опасности.

Мистер Уортон ушел к себе заниматься своими обычными делами; с Генри остались одни дамы, и началась увлекательная беседа на темы, особенно для них приятные. Даже мисс Пейтон заразилась весельем своих юных родственников, и в течение часа все наслаждались непринужденным разговором, ни разу не вспомнив о том, что им, быть может, грозит опасность. Вскоре они стали вспоминать город и знакомых; мисс Пейтон, никогда не забывавшая приятных часов, проведенных в Нью-Йорке, спросила Генри об их старом приятеле, полковнике Уэлмире.

— О! — весело воскликнул молодой капитан.— Он по-прежнему в городе и, как всегда, красив и галантен.

Редкая женщина не покраснела бы, услышав имя человека, в которого если еще и не была влюблена, то готова была влюбиться, и к тому же предназначенного ей досужей молвой. Именно это случилось с Сарой; она потупила глаза с улыбкой, которая вместе с румянцем, покрывшим ее щеки, сделала ее лицо еще прелестнее.

Капитан Уортон, не замечая смущения сестры, продолжал:

— Порой он грустит, и мы уверяем его, что это признак любви.

Сара подняла глаза на брата, потом посмотрела на тетку, наконец встретилась взглядом с Френсис, и та, добродушно смеясь, сказала:

— Бедненький! Неужели он влюблен безнадежно?

— Ну что ты, нет... как можно! Старший сын богатого человека, такой красивый, притом полковник!

— Вот уж действительно великие достоинства, особенно последнее! — деланно засмеявшись, заметила Сара.

— Позволь тебе сказать,— серьезно отозвался Генри,— чин полковника вещь весьма приятная.

— К тому же полковник Уэлмир весьма приятный молодой человек,— добавила младшая сестра.

— Оставь, Френсис,— сказала Сара,— полковник Уэлмир никогда не был твоим любимцем, он слишком предан королю, чтобы прийтись тебе по вкусу.

— А Генри разве не предан королю? — тотчас отпарировала Френсис.

— Полно, полно,— сказала мисс Пейтон,— никаких разногласий насчет полковника — он мой любимец.

— Фанни предпочитает майоров! — вскричал Генри, усаживая младшую сестру себе на колени.

— Глупости! — возразила, покраснев, Френсис, стараясь вырваться из объятий смеющегося брата.

— Больше всего меня удивляет,— продолжал капитан,— что, добившись освобождения нашего отца, Пейтон не постарался задержать мою сестренку в лагере мятежников.

— Это могло бы угрожать его собственной свободе,— с лукавой улыбкой ответила девушка, садясь на прежнее место.— Ты ведь знаешь, что майор Данвуди борется за свободу.

— Свобода! — воскликнула Сара.— Хороша свобода, если вместо одного властителя выбирают пятьдесят!

— Право выбирать себе властителей уже и есть свобода.

— И порой дамы были бы не прочь пользоваться такой свободой,— сказал капитан.

— Прежде всего мы хотели бы иметь возможность выбрать того, кто нам по душе. Не правда ли, тетя Дженнет? — заметила Френсис.

— Ты обращаешься ко мне,— вздрогнув, проговорила мисс Пейтон. — Что я понимаю в этом, дитя мое? Спроси кого-нибудь, кто больше разбирается в таких вопросах.

— Можно подумать, что вы никогда не были молоды! А как же рассказы о прелестной мисс Дженнет Пейтон?

— Вздор, все это вздор, моя дорогая,— сказала тетушка, силясь улыбнуться.— Глупо верить всему, что говорят.

— Вы называете это вздором! — с живостью откликнулся капитан.— Генерал Монтроз по сей день провозглашает тосты в честь мисс Пейтон — я сам это слышал всего лишь несколько недель назад за столом у сэра Генри.

— О Генри, ты такой же дерзкий, как твоя сестра! Хватит болтать глупости... Пойдемте, я покажу вам свои новые рукоделия, я осмелюсь сравнить их с товарами Бёрча.

Сестры и брат пошли вслед за тетушкой, довольные друг другом и всем миром. Когда они поднимались по ступенькам в комнатушку, где мисс Пейтон хранила всякие мелочи домашнего обихода, она все же улучила минуту и спросила племянника, не беспокоит ли генерала Монтроза подагра, как в былые дни их знакомства.

Горьким бывает разочарование, когда, став взрослым, мы обнаруживаем, что даже самые любимые нами существа не лишены слабостей. Но, пока сердце юно и мысли о будущем не омрачены печальным опытом прошлого, наши чувства очень возвышенны; мы с радостью приписываем своим близким и друзьям достоинства, к которым сами стремимся, и добродетели, которые нас учили уважать. Доверчивость, с какой мы проникаемся уважением к людям, кажется присущей нашей натуре, а привязанность наша к родным полна чистоты, так редко сохраняющейся в дальнейшие годы. До самого вечера семья мистера Уортона наслаждалась давно не испытанным счастьем; для юных Уортонов это было счастье нежной любви друг к другу, откровенных дружеских излияний.

Мистер Харпер появился лишь к обеду и, сославшись на какие-то занятия, ушел к себе в комнату, как только встали из-за стола. Несмотря на доверие, которое он завоевал, его уход всех обрадовал: ведь молодой капитан мог оставаться со своими родными не больше нескольких дней — причиной тому были короткий отпуск и опасение быть обнаруженным.

Впрочем, радость встречи вытеснила мысли о грозящей опасности. В течение дня мистер Уортон раза два высказывал сомнения насчет неизвестного гостя, беспокоясь, не выдаст ли тот каким-нибудь образом Генри; однако дети горячо возражали отцу; даже Сара, заодно с братом и сестрой, от всей души вступилась за незнакомца, заявив, что человек с такой наружностью не может оказаться неискренним.

— Наружность, дети мои, часто бывает обманчива,— заметил уныло отец.— Уж если люди, подобные майору Андре, пошли на обман, легкомысленно полагаться на добродетели человека, у которого, возможно, их гораздо меньше.

— Обман! — вскричал Генри.— Но вы забываете, отец, что майор Андре служил своему королю и обычаи войны оправдывают его поведение.

— А разве обычаи войны не оправдывают его казни? — тихим голосом спросила Френсис.

Она не хотела отступаться от того, что считала делом своей родины, и в то же время не могла заглушить в себе сострадание к этому человеку.

— Ни в коем случае! — возразил капитан и, вскочив с места, принялся быстро ходить взад и вперед.— Френсис, ты меня поражаешь! Допустим, что мне суждено сейчас попасть в руки мятежников. Значит, по-твоему, будет справедливо меня казнить... может быть, ты даже придешь в восторг от жестокости Вашингтона?

— Генри,— горестно сказала молодая девушка, бледнея и дрожа от волнения,— ты плохо знаешь мое сердце!

— Прости меня, сестренка, моя маленькая Фанни! — с раскаянием произнес юноша, прижав Френсис к груди и целуя ее лицо, залитое слезами.

— Я знаю, глупо обращать внимание на слова, сказанные в запальчивости,— подхватила Френсис, освобождаясь из рук брата и с улыбкой подняв на него свои еще влажные от слез глаза,— но очень горько слышать упреки от тех, кого мы любим, особенно... когда думаешь... когда уверена...— ее бледное лицо порозовело и, опустив взгляд на ковер, она тихим голосом произнесла: —...что упреки незаслуженны.

Мисс Пейтон встала, подсела к племяннице и, нежно взяв ее за руку, проговорила:

— Не надо так огорчаться. Твой брат очень вспыльчив, ты же знаешь сама, до чего несдержанны мальчишки.

— Если судить по тому, как я себя вел, можете добавить — и жестоки,— сказал капитан и сел рядом с Френсис с другой стороны.— Но смерть Андре всех нас необычайно волнует. Ты его не знала: он был олицетворением храбрости... всяческих достоинств... всего, что заслуживает уважения.

Френсис, чуть улыбнувшись, покачала головой, но ничего не ответила. Заметив тень недоверия на ее лице, Генри продолжал:

— Ты сомневаешься, ты оправдываешь его казнь?

— Я не сомневаюсь в его добродетелях,— мягко сказала девушка,— и уверена, что он заслуживал лучшей участи, но я не могу сомневаться и в справедливости поступка Вашингтона. Я мало знаю обычаи войны и хотела бы знать еще меньше, однако разве могли бы американцы надеяться на успех в своей борьбе, если

бы они подчинялись порядкам, с давних пор установленным лишь в интересах англичан?

— А к чему эта борьба? — с возмущением заметила Сара.— Они мятежники, и все их действия незаконны.

— Женщины словно зеркала— в них отражаются те, кто стоит перед ними,— добродушно вставил молодой капитан.— Во Френсис я вижу образ майора Данвуди, а в Саре...

— ...полковника Уэлмира,— со смехом, вся пунцовая, прервала младшая сестра.— Сознаюсь, своими убеждениями я обязана майору Данвуди... не правда ли, тетя Дженнет?

— Кажется, это в самом деле его взгляды, дитя мое.

— Признаю себя виновной. А ты, Сара, еще не забыла глубокомысленных рассуждений полковника Уэлмира?

— Я никогда не забываю того, что справедливо,— отозвалась Сара, соперничая цветом лица с сестрой, и встала, словно ей было жарко у камина.

Днем не произошло больше никаких происшествий, но вечером Цезарь объявил, что в комнате мистера Харпера слышались какие-то приглушенные голоса. Незнакомца поместили во флигеле напротив гостиной, где обычно собиралась семья мистера Уортона, и, чтобы уберечь своего молодого господина от опасности, Цезарь установил постоянное наблюдение за гостем. Известие взволновало все семейство, но, когда появился сам мистер Харпер, обращение которого, несмотря на его сдержанность, свидетельствовало о доброте и прямодушии, подозрения у всех, кроме мистера Уортона, скоро рассеялись. Его дети и свояченица решили, что Цезарь ошибся, и вечер прошел без новых тревог.

Назавтра в полдень, когда все сидели за чайным столом в гостиной, погода наконец изменилась. Легкое облако, висевшее совсем низко над вершинами холмов, с бешеной скоростью понеслось с запада на восток. Однако дождь продолжал яростно стучать в окна и небо на востоке оставалось темным и угрюмым. Френсис наблюдала за разбушевавшейся стихией, с нетерпением молодости желая поскорее вырваться из томительного плена, как вдруг, словно по волшебству, все затихло. Свист ветра умолк, буря успокоилась. Подбежав к окну, девушка с радостью увидела яркий солнечный луч, озаривший соседний лес. Деревья пылали всем многообразием красок октябрьского убора, а на влажных листьях отражался ослепительный блеск американской осени. Обитатели дома тотчас вышли на южную террасу. Благоуханный воздух был мягок и живителен; на востоке над горизонтом в беспорядке громоздились страшные темные тучи, напоминая отступление разбитой армии. Низко над домом с удивительной быстротой еще неслись на восток клочья тумана, а на западе солнце

уже прорвалось сквозь тучи и излучало свое прощальное сияние на открывшийся внизу пейзаж и на блестящую, вымытую дождем зелень. Такие явления можно наблюдать лишь под небом Америки. Они радуют тем более, чем неожиданнее контраст, когда, избавившись от непогоды, наслаждаешься мирным вечером и прозрачным воздухом, таким, какие бывают в самые мягкие июньские утра.

— Какая величественная картина! — произнес про себя мистер Харпер.— Как она великолепна, как прекрасна! Скорей бы настал такой же покой для моей сражающейся родины, и пусть такой же сияющий вечер завершит день ее страданий!

Только Френсис, стоявшая с ним рядом, слышала эти слова. Она с удивлением посмотрела на него. Мистер Харпер стоял с непокрытой головой, выпрямившись, устремив взор к небу. Глаза его утратили выражение спокойствия, которое, казалось, было его характерной чертой; теперь они светились восторгом, и легкий румянец окрасил его щеки.

«Такого человека нечего бояться,— подумала Френсис.— Только благородным натурам дано так сильно чувствовать».

Раздумья маленького общества прервало неожиданное появление Бёрча; с первыми лучами солнца он поспешил к дому мистера Уортона. Гарви Бёрч шел быстрыми, крупными шагами, не разбирая луж, размахивая руками и выставив вперед голову — обычная походка бродячих торговцев.

— Славный вечер,— начал он и поклонился, не поднимая глаз.— На редкость теплый и приятный для этого времени года.

Мистер Уортон согласился с его замечанием и участливо спросил, как здоровье отца. Некоторое время разносчик стоял в угрюмом молчании; но когда вопрос повторили, он ответил, сдерживая дрожь в голосе:

— Отец быстро угасает. Старость и тяжкая жизнь делают свое дело.

Гарви отвернулся, пряча от всех лицо, но Френсис заметила влажный блеск его глаз и дрожащие губы; во второй раз он поднялся в ее мнении.

Долина, в которой была расположена усадьба мистера Уортона, тянулась с северо-запада на юго-восток; дом стоял на косогоре, на северо-западном крае долины. Благодаря тому что местность за холмом на противоположной стороне круто спускалась к побережью, за вершинами отдаленного леса можно было увидеть Саунд. Море, так недавно яростно бившееся о берег, посветлело и катило длинные спокойные валы, а легкий ветерок, дувший с юго-запада, нежно касался их гребней, будто помогая утихомириться волнению. Теперь можно было разглядеть на воде какие-то темные точки, которые то поднимались, то опускались и

исчезали за продолговатыми волнами. Никто, кроме разносчика, этого не заметил. Он сидел на террасе недалеко от мистера Харпера и, казалось, забыл о цели своего прихода. Как только его блуждающий взгляд остановился на этих темных точках, он с живостью вскочил и стал внимательно глядеть на море. Потом он перешел на другое место, с видимым беспокойством посмотрел на мистера Харпера и сказал, подчеркивая каждое слово:

— Регулярные части, должно быть, двинулись с юга.

— Почему вы так думаете? — нервно спросил капитан Уортон.— Дай бог, чтобы это было правдой: мне нужна охрана.

— Эти десять вельботов не шли бы так быстро, если бы их вел обычный экипаж.

— А может быть,— испуганно спросил мистер Уортон,— это... это континентальные войска возвращаются с острова?

— Нет, похоже, что регулярные,— многозначительно ответил торговец.

— Похоже?—повторил капитан.—Да ведь видны только точки.

Гарви не отозвался на это замечание; казалось, он обратился к самому себе и тихо проронил:

— Они вышли еще до бури... эти два дня стояли у острова... кавалерия тоже в пути... поблизости скоро начнется сражение.

Произнося свой монолог, Бёрч с явным беспокойством поглядывал на мистера Харпера, но по лицу этого джентльмена нельзя было узнать, представляют ли для него слова Бёрча какой-либо интерес. Он стоял молча, любуясь пейзажем, и, казалось, радовался перемене погоды. Однако, как только разносчик договорил, мистер Харпер обратился к хозяину дома и сказал, что дела не позволяют ему больше откладывать свой отъезд, поэтому он воспользуется прекрасным вечером, чтобы еще до наступления ночи сделать несколько миль пути.

Мистер Уортон выразил сожаление, что им приходится так скоро расстаться, но не посмел задерживать своего приятного гостя и тут же отдал необходимые распоряжения.

Беспокойство разносчика возрастало без всякой видимой причины; он то и дело поглядывал на южную сторону долины, словно ожидал оттуда беды. Наконец появился Цезарь, ведя на поводу великолепного коня, которому предстояло увезти мистера Харпера. Разносчик услужливо помог подтянуть подпругу и привязать к седлу дорожный мешок и синий плащ путешественника.

Но вот приготовления закончились, и мистер Харпер стал прощаться. С Сарой и тетушкой Дженнет он расстался сердечно и просто. Когда же он подошел к Френсис, на лице его появилось выражение какого-то особенно нежного чувства, Глаза повторили благословение, которое недавно вымолвили губы. У девушки

вспыхнули щеки и сильно забилось сердце. Хозяин дома и гость напоследок обменялись любезными фразами; капитану Уортону мистер Харпер приветливо протянул руку и внушительно сказал:

— Вы сделали рискованный шаг, который может иметь для вас очень неприятные последствия. Если это случится, я, возможно, смогу доказать свою благодарность вашей семье за доброту ко мне.

— Конечно, сэр,— в страхе за сына, позабыв о вежливости, вскрикнул мистер Уортон,— вы сохраните в тайне то, что узнали, находясь в моем доме!

Мистер Харпер быстро повернулся к старику; суровое выражение, появившееся на его лице, однако, сгладилось, и он мягко ответил:

— Я не узнал в вашем доме ничего такого, чего не знал бы и раньше; однако теперь, когда мне известно, что ваш сын приехал, чтобы повидаться с близкими, он в большей безопасности, чем если бы я этого не знал.

Мистер Харпер поклонился семейству Уортон и, не сказав ничего разносчику, лишь коротко поблагодарил его за услуги, сел на коня, спокойно выехал через небольшие ворота и вскоре исчез за холмом, прикрывавшим долину с севера.

Разносчик следил взглядом за удаляющейся фигурой всадника, пока тот не скрылся из виду, потом облегченно вздохнул, словно избавившись от гнетущей тревоги. Все остальные молча размышляли о неизвестном госте и его неожиданном посещении, а мистер Уортон тем временем подошел к Бёрчу и сказал:

— Я ваш должник, Гарви,— я еще не заплатил за табак, который вы любезно привезли мне из города.

— Если он окажется хуже прежнего,— отозвался разносчик, устремив долгий взгляд туда, где исчез мистер Харпер,— то лишь потому, что теперь это редкий товар.

— Он мне очень нравится,— продолжал мистер Уортон,— но вы забыли назвать цену.

Выражение лица разносчика изменилось: глубокая озабоченность уступила место природной хитрости, и он ответил:

— Трудно сказать, какая ему теперь цена. Я полагаюсь на вашу щедрость.

Мистер Уортон достал из кармана пригоршню монет с изображением Карла III, зажал между большим и указательным пальцами три монеты и протянул их Бёрчу. Глаза разносчика засверкали, когда он увидел серебро; перекинув во рту с одной стороны на другую солидную порцию привезенного им товара, он невозмутимо протянул руку, и доллары с приятным звоном посыпались ему на ладонь. Однако разносчику мало было мимолетной

музыки, прозвучавшей при их падении; он покружил каждую монету на каменной ступеньке террасы и только потом доверил их громадному замшевому кошельку, который так проворно исчез с глаз наблюдателей, что никто не мог бы сказать, в какой части одежды Бёрча он скрылся.

Успешно выполнив столь существенную часть своей задачи, разносчик поднялся со ступеньки и подошел к капитану Уортону; держа под руки своих сестер, капитан что-то рассказывал, а они с живейшим интересом слушали его. Пережитые волнения потребовали нового запаса табака, без которого Бёрч не мог обходиться, и, прежде чем приступить к менее важному делу, он отправил в рот еще одну порцию. Наконец он резко спросил:

— Капитан Уортон, вы уезжаете сегодня?

— Нет,— коротко ответил капитан, нежно посмотрев на своих очаровательных сестер.— Неужели вы хотели бы, мистер Бёрч, чтобы я так скоро покинул их, когда, быть может, мне никогда больше не придется радоваться их обществу?

— Брат! — воскликнула Френсис.— Жестоко так шутить!

— Я полагаю, капитан Уортон,— сдержанно продолжал разносчик,— что теперь, когда буря улеглась и скиннеры зашевелились, вам лучше сократить свое пребывание дома.

— О,— воскликнул английский офицер,— несколькими гинеями я в любое время откуплюсь от этих негодяев, если они мне встретятся! Нет, нет, мистер Бёрч, я останусь здесь до утра.

— Деньги не освободили майора Андре,— холодно сказал торговец.

Сестры в тревоге повернулись к брату, и старшая заметила:

— Лучше последуй совету Гарви. Право же, в этих делах нельзя пренебрегать его мнением.

— Конечно,— подхватила младшая,— если мистер Бёрч, как я думаю, помог тебе пробраться сюда, то ради твоей безопасности и ради нашего счастья послушайся его, дорогой Генри.

— Я пробрался сюда один и один сумею вернуться назад,— настаивал капитан.— Мы договорились только, что он достанет мне все необходимое для маскировки и скажет, когда будет свободен путь; однако в этом случае вы ошиблись, мистер Бёрч.

— Ошибся,— отозвался разносчик, насторожившись,— тем больше у вас оснований вернуться нынче же ночью: пропуск, который я добыл, мог послужить только раз.

— А разве вы не можете сфабриковать другой?

Бледные щеки разносчика покрылись необычным для него румянцем, но он промолчал и опустил глаза.

— Сегодня я ночую здесь, и будь что будет,— упрямо добавил молодой офицер.

— Капитан Уортон,— с глубокой убежденностью и старательно подчеркивая слова, сказал Бёрч,— берегитесь высокого виргинца с громадными усами. Насколько мне известно, он где-то на юге, недалеко отсюда. Сам дьявол его не обманет; мне удалось провести его только раз.

— Пусть он бережется меня! — заносчиво сказал капитан.— А с вас, мистер Бёрч, я снимаю всякую ответственность.

— И вы подтвердите это письменно? — спросил осмотрительный разносчик.

— А почему бы и нет? — смеясь, воскликнул капитан.— Цезарь! Перо, чернила, бумагу — я напишу расписку в том, что освобождаю от обязанностей моего верного помощника Гарви Бёрча, разносчика, и так далее и тому подобное.

Принесли письменные принадлежности, и капитан очень весело, в шутливом тоне, написал желаемый документ; разносчик взял бумагу, бережно положил ее туда, где были спрятаны изображения его католического величества, и, отвесив общий поклон, удалился прежней дорогой. Вскоре Уортоны увидели, как он вошел в дверь своего скромного жилища.

Отец и сестры были так рады задержке капитана, что не только не говорили, но отгоняли даже мысль о беде, которая могла с ним стрястись. Однако за ужином, поразмыслив хладнокровно, Генри изменил свое намерение. Не желая подвергаться опасности, когда он выйдет из-под защиты родительского крова, он послал Цезаря за Бёрчем, чтобы еще раз повидаться с ним. Негр вскоре вернулся с неутешительным известием, — он опоздал. Кэти сказала ему, что за это время Гарви прошел уже, наверное, несколько миль по дороге на север, «он покинул дом с тюком за спиною, как только зажгли первую свечу». Капитану ничего больше не оставалось, как запастись терпением, рассчитывая, что утром какие-нибудь новые обстоятельства подскажут ему правильное решение.

— Этот Гарви Бёрч со своими многозначительными взглядами и зловещими предостережениями сильно беспокоит меня,— заметил капитан Уортон, очнувшись от раздумья и отгоняя мысли об опасности своего положения.

— Почему в такие тревожные времена ему позволяют свободно расхаживать взад и вперед? — спросила мисс Пейтон.

— Почему мятежники так просто отпускают его, я и сам не понимаю,— ответил племянник,— но ведь сэр Генри не даст волосу упасть с его головы.

— Неужели? — воскликнула Френсис, заинтересовавшись.— Разве сэр Генри Клинтон знает Бёрча?

— Должен знать, во всяком случае.

— А ты не считаешь, сынок,— спросил мистер Уортон,— что Бёрч может тебя выдать?

— О нет. Я думал об этом, прежде чем доверился ему: в деловых отношениях Бёрч, по-видимому, честен. Да и зная, какая ему грозит опасность, если он вернется в город, он не совершит такой подлости.

— По-моему,— сказала Френсис в тон брату,— он не лишен добрых чувств. Во всяком случае, они порой проглядывают у него.

— О,— с живостью воскликнула старшая сестра,— он предан королю, а это, по-моему, первейшая добродетель!

— Боюсь,— смеясь, возразил ей брат,— что его страсть к деньгам сильнее любви к королю.

— В таком случае,— заметил отец,— пока ты во власти Бёрча, ты не можешь считать себя в безопасности — любовь не выдержит испытания, если предложить денег алчному человеку.

— Однако, отец,— развеселившись, сказал молодой капитан,— ведь есть же любовь, которая способна выдержать любое испытание. Правда, Фанни?

— Вот тебе свеча, не задерживай папу, он привык в это время ложиться.

ГЛАВА V

Сухой песок и грязь болота —
И день и ночь идет охота,
Опасный лес, обрыв крутой,—
Ищейки Пе́рси за спиной.
Пустынный Эск сменяет топи,
Погоня беглеца торопит,
И мерой мерит он одной
Июльский зной и снег густой,
И мерой мерит он одной
Сиянье дня и мрак ночной.

Вальтер Скотт

В тот вечер члены семейства Уортон склонили головы на подушки со смутным предчувствием, что их привычный покой будет нарушен. Тревога не давала сестрам уснуть; почти всю ночь они не сомкнули глаз, а утром встали, совсем не отдохнув. Однако, когда они бросились к окнам своей комнаты, чтобы взглянуть на долину, там царила прежняя безмятежность. Долина сверкала в сиянии чудесного тихого утра, какие часто выдаются в Америке в пору листопада,— вот почему американскую осень приравнивают к самому прекрасному времени года в других странах. У нас нет весны; растительность не обновляется медленно и постепенно,

как в тех же широтах Старого Света,— она словно распускается сразу. Но какая прелесть в ее умирании! Сентябрь, октябрь, порой даже ноябрь и декабрь — месяцы, когда больше всего наслаждаешься пребыванием на воздухе; правда, случаются бури, но и они какие-то особенные, непродолжительные, и оставляют после себя ясную атмосферу и безоблачное небо.

Казалось, ничто не могло нарушить гармонию и прелесть этого осеннего дня, и сестры спустились в гостиную с ожившей верой в безопасность брата и в собственное счастье.

Семья рано собралась к столу, и мисс Пейтон с той педантичной точностью, какая вырабатывается в привычках одинокого человека, мягко настояла на том, чтобы опоздание племянника не помешало заведенному в доме порядку. Когда явился Генри, все уже сидели за завтраком; впрочем, нетронутый кофе доказывал, что никому из близких отсутствие молодого капитана не было безразлично.

— Мне кажется, я поступил очень умно, оставшись,— сказал Генри, ответив на приветствия и усаживаясь между сестрами,— я получил великолепную постель и обильный завтрак, чего не было бы, доверься я гостеприимству знаменитого ковбойского отряда.

— Если ты мог уснуть,— заметила Сара,— ты счастливее меня и Френсис: в каждом ночном шорохе мне чудилось приближение армии мятежников.

— Что ж, сознаюсь, и мне было немного не по себе,— засмеялся капитан.— Ну, а как ты? — спросил он, повернувшись к младшей сестре, явной его любимице, и потрепал ее по щеке.— Ты, наверное, видела в облаках знамена и приняла звуки эоловой арфы мисс Пейтон за музыку мятежников?

— Нет, Генри,— возразила девушка, ласково глядя на брата,— я очень люблю свою родину, но была бы глубоко несчастна, если бы ее войска подошли к нам теперь.

Генри промолчал; в ответ на любящий взгляд Френсис, он посмотрел на нее с братской нежностью и сжал ее руку.

Цезарь, который тревожился вместе со всей семьей и поднялся на заре, чтобы внимательно осмотреть окрестности, а теперь стоял, глядя в окно, воскликнул:

— Бежать... бежать, масса Генри, надо бежать, если любите старого Цезаря... сюда идут кони мятежников! — Он так побледнел, что его лицо стало почти белым.

— Бежать! — повторил английский офицер и гордо выпрямился по-военному.— Нет, мистер Цезарь, бегство не мое призвание! — С этими словами он неторопливо подошел к окну, у которого, оцепенев от ужаса, уже стояли его близкие.

Примерно в миле от «Белых акаций» по одной из проезжих дорог цепочкой спускались в долину человек пятьдесят драгун. Впереди, рядом с офицером, ехал какой-то человек в крестьянской одежде и указывал рукой на усадьбу. Вскоре от отряда отделилась небольшая группа всадников и понеслась в этом направлении. Достигнув дороги, лежавшей в глубине долины, всадники повернули коней к северу.

Уортоны по-прежнему неподвижно стояли у окна и затаив дыхание наблюдали за всеми движениями кавалеристов, которые тем временем подъехали к дому Бёрча, мигом окружили его и сразу же выставили с десяток часовых. Два или три драгуна спешились и скрылись в доме. Через несколько минут они снова появились во дворе; с ними была Кэти, и по ее отчаянной жестикуляции можно было понять, что дело шло отнюдь не о пустяках. Разговор со словоохотливой экономкой длился недолго; тут же подошли главные силы, драгуны передового отряда сели на коней, и все вместе понеслись галопом в сторону «Белых акаций».

До сих пор никто из семейства Уортон не нашел в себе достаточно присутствия духа, чтобы подумать, как спасти капитана; только теперь, когда беда неминуемо надвигалась и нельзя было медлить, все начали поспешно предлагать разные способы укрыть его, но молодой человек с презрением отверг их, считая для себя унизительными. Уйти в лес, примыкавший к задней стороне дома, было поздно — капитана не преминули бы заметить, и конные солдаты несомненно догнали бы его.

Наконец сестры дрожащими руками натянули на него парик и все прочие принадлежности маскарадного костюма, бывшие на нем, когда он пришел в дом отца. Цезарь на всякий случай хранил их под рукой.

Едва успели наскоро покончить с переодеванием, как по фруктовому саду и по лужайке перед коттеджем рассыпались драгуны, прискакавшие с быстротой ветра; теперь и дом мистера Уортона был окружен.

Членам семейства Уортон оставалось только приложить все усилия, чтобы спокойно встретить предстоящий допрос. Кавалерийский офицер соскочил с коня и в сопровождении двух солдат направился к входной двери. Цезарь медленно, с большой неохотой открыл ее. Следуя за слугой, драгун направился в гостиную; он подходил все ближе и ближе, звук его тяжелых шагов все громче отдавался в ушах женщин, кровь отливала от их лиц, а холод так сжимал им сердце, что они едва не потеряли сознание.

В комнату вошел мужчина исполинского роста, который говорил о его недюжинной силе. Он снял шляпу и поклонился с любезностью, никак не вязавшейся с его внешностью. Густые черные

волосы в беспорядке падали на лоб, хотя и были посыпаны пудрой по моде того времени, а лицо почти закрывали уродовавшие его усы. Однако его глаза, хотя и пронизывающие, не были злыми, а голос, правда низкий и мощный, оказался приятным. Когда он вошел, Френсис осмелилась украдкой посмотреть на него и сразу догадалась, что это тот самый человек, от чьей прозорливости их так настойчиво предостерегал Гарви Бёрч.

— Вам нечего бояться, сударыни,— после короткого молчания сказал офицер, оглядев окружавшие его бледные лица.— Мне надо задать вам лишь несколько вопросов, и, если вы на них ответите, я немедленно покину ваш дом.

— А что это за вопросы? — пробормотал мистер Уортон, поднявшись с места и с волнением ожидая ответа.

— Останавливался ли у вас во время бури посторонний джентльмен? — продолжал драгун, в какой-то степени и сам разделяя явное беспокойство главы семьи.

— Этот джентльмен... вот этот... находился с нами во время дождя и еще не уехал.

— Этот джентльмен! — повторил драгун и повернулся к капитану Уортону. Несколько секунд он разглядывал капитана, и тревога на его лице сменилась усмешкой. С комической важностью драгун подошел к молодому человеку и, низко ему поклонившись, продолжал: — Сочувствую вам, сэр, вы, наверное, жестоко простудили голову?

— Я? — с изумлением воскликнул капитан.— Я и не думал простужать голову.

— Значит, мне показалось. Я так решил, увидев, что вы покрыли такие красивые черные кудри безобразным старым париком. Извините меня, пожалуйста.

Мистер Уортон громко застонал, а дамы, не зная, что, собственно, известно драгуну, в страхе застыли на месте. Капитан невольно протянул руку к голове и обнаружил, что сестры в панике убрали под парик не все его волосы. Драгун все еще с улыбкой смотрел на него. Наконец, приняв серьезный вид, он обратился к мистеру Уортону:

— Значит, сэр, надо понимать, что на этой неделе у вас не останавливался некий мистер Харпер?

— Мистер Харпер? — отозвался мистер Уортон, почувствовав, что с души у него свалилась огромная тяжесть.— Да, был... я совсем позабыл о нем. Но он уехал, и, если его личность чем-нибудь подозрительна, мы ничем не можем вам помочь — мы ничего о нем не знаем, он мне совершенно не знаком.

— Пусть его личность вас не беспокоит,— сухо заметил драгун.— Так, значит, он уехал... Как... когда и куда?

— Он уехал так же, как и явился,— ответил мистер Уортон, успокоенный словами драгуна.— Верхом, вчера вечером, и отправился по северной дороге.

Офицер слушал с глубоким вниманием. Его лицо осветилось довольной улыбкой, и, как только мистер Уортон замолчал, он повернулся на каблуках и вышел из комнаты. На этом основании Уортоны решили, что драгун собирается продолжать поиски мистера Харпера. Они увидели, как он появился на лужайке, где между ним и его двумя подчиненными завязался оживленный и, по-видимому, приятный разговор. Вскоре нескольким кавалеристам был отдан какой-то приказ, и они во весь опор разными дорогами умчались из долины.

Уортонам, с напряженным интересом следившим за этой сценой, не пришлось долго томиться в неизвестности — тяжелые шаги драгуна возвестили о том, что он возвращается. Войдя в комнату, он снова вежливо поклонился и, приблизившись к капитану Уортону, как прежде, с комической важностью сказал:

— Теперь, когда моя главная задача выполнена, я хотел бы, с вашего позволения, разглядеть ваш парик.

Английский офицер неторопливо снял с головы парик, протянул драгуну и, подражая его тону, заметил:

— Надеюсь, сэр, он вам нравится?

— Не могу этого сказать, не погрешив против истины,— ответил драгун.— Я отдал бы предпочтение вашим черным как смоль кудрям, с которых вы так тщательно стряхнули пудру. А эта широкая черная повязка, наверное, прикрывает ужасную рану?

— Вы, видимо, тонкий наблюдатель, сэр. Что ж, судите сами,— сказал Генри, сняв шелковую повязку и открыв ничуть не поврежденную щеку.

— Честное слово, вы хорошеете на глазах! — невозмутимо продолжал драгун.— Если бы мне удалось убедить вас сменить этот ветхий сюртук на великолепный синий, который лежит рядом на стуле, я был бы свидетелем самого приятного из всех превращений с той поры, как сам превратился из лейтенанта в капитана.

Генри Уортон очень спокойно сделал то, о чем его просили, и перед драгуном предстал очень красивый, изящно одетый молодой человек.

Драгун с минуту смотрел на него с присущей ему насмешливостью, потом сказал:

— Вот и новое лицо на сцене. Обычно в таких случаях незнакомые люди представляются друг другу. Я — капитан Лоутон из виргинской кавалерии.

— А я, сэр, капитан Уортон из шестидесятого пехотного полка его величества,— сухо поклонившись, сказал Генри, к которому вернулась его обычная уверенная манера держаться.

Выражение лица капитана Лоутона мгновенно изменилось, от его напускного чудачества не осталось и следа. Он посмотрел на капитана Уортона, который стоял выпрямившись, с надменностью, говорившей, что он не намерен больше таиться, и самым серьезным тоном промолвил:

— Капитан Уортон, мне жаль вас от всей души!

— Если вам его жаль,— в отчаянии воскликнул старый Уортон,— так зачем его преследовать, дорогой сэр! Он не шпион, только желание повидаться с близкими заставило его изменить свой внешний вид и уйти так далеко от своего полка в регулярной армии. Оставьте его с нами! Я с радостью вознагражу вас, я заплачу любые деньги!

— Сэр, только беспокойство за сына может извинить ваши слова,— высокомерно сказал капитан Лоутон. — Вы забываете, что я виргинец и джентльмен! — Обратившись к молодому человеку, он продолжал: — А вы, капитан Уортон, разве не знали, что наши пикеты уже несколько дней стоят здесь, на юге долины?

— Я узнал об этом, только когда поравнялся с ними, но уже было поздно возвращаться,— хмуро ответил молодой человек.— Я пришел сюда, как сказал отец, чтобы повидаться с родными; я думал, что ваши части стоят у Пикскилла, невдалеке от нагорья, иначе я не отважился бы на такой поступок.

— Возможно, что все это истинная правда, но дело Андре заставляет нас быть настороже. Когда в предательстве замешано командование, защитники свободы обязаны быть бдительными, капитан Уортон.

В ответ на это замечание Генри молча поклонился, а Сара решилась сказать несколько слов в защиту брата. Драгунский офицер учтиво, даже сочувственно выслушал ее и, чтобы избежать бесполезных и неприятных для него просьб, успокоительно сказал:

— Я не командир отряда, сударыня. Майор Данвуди решит, как поступить с вашим братом; при любых обстоятельствах с ним обойдутся вежливо и мягко.

— Данвуди! — воскликнула Френсис, и бледность сменилась румянцем на ее испуганном лице.— Слава богу, значит, Генри спасен!

Капитан Лоутон смотрел на нее со смешанным выражением восхищения и сострадания, потом, недоверчиво покачав головой, добавил:

— Будем надеяться. С вашего разрешения, предоставим ему разобраться в этом деле.

Еще недавно бледное от беспокойства лицо Френсис засияло надеждой. Мучительный страх за брата уменьшился, но все же ее бросало в дрожь, она дышала часто и прерывисто, ею овладело необычайное волнение. Она подняла взгляд от пола, посмотрела на драгуна и тут же опять уставилась на ковер — она явно хотела что-то сказать, но не находила в себе силы вымолвить слово. Мисс Пейтон внимательно наблюдала за племянницей и, подойдя, с большим достоинством спросила:

— Это значит, сэр, что мы скоро будем иметь удовольствие видеть майора Данвуди?

— Немедленно, сударыня,— ответил драгун, отводя восхищенный взгляд от лица Френсис.— Гонцы, которые сообщат ему о случившемся, уже в дороге, а получив известие, он тотчас явится сюда в долину, если только по каким-нибудь особым причинам его посещение не доставит кому-нибудь неудовольствия.

— Мы всегда рады видеть майора Данвуди.

— Конечно, он всеобщий любимец. Могу я по этому случаю разрешить моим солдатам спешиться и подкрепиться? Ведь они из его эскадрона.

Мистеру Уортону не понравилась эта просьба, и он отказал бы драгуну, но старику очень хотелось его задобрить, да и что толку отказывать в том, что, возможно, взяли бы силой. Итак, он подчинился необходимости и распорядился, чтобы желание капитана Лоутона было выполнено.

Офицеров пригласили позавтракать вместе с хозяевами; покончив со своими делами вне дома, они охотно приняли приглашение. Бдительные воины не забыли ни одной из мер предосторожности, которых требовало их положение. На отдаленных холмах кругом ходили дозорные, оберегая своих товарищей, и те, благодаря привычке к дисциплине и равнодушию к удобствам, могли наслаждаться покоем, несмотря на грозившую им опасность.

За столом мистера Уортона было трое чужих. Офицеры огрубели от каждодневной тяжелой службы, но у всех были манеры джентльменов, поэтому, хотя уединение семьи и было нарушено вторжением посторонних, правила приличия соблюдались со всей строгостью. Дамы уступили свои места гостям, и те без излишних церемоний принялись за завтрак, отдавая должное гостеприимству мистера Уортона.

Наконец капитан Лоутон, усиленно налегавший на гречневые лепешки, на миг остановился и спросил хозяина дома, нет ли сейчас в долине разносчика Гарви Бёрча, который иногда там бывает.

— Только иногда, сэр,— с опаской ответил мистер Уортон.— Он бывает здесь редко, а я его вовсе не вижу.

— Вот странно! — произнес драгун, пристально глядя на смущенного хозяина.— Ведь он ваш ближайший сосед и, казалось бы, должен был стать своим человеком в вашем доме, да и дамам было бы удобно, если бы он заходил к вам почаще. Я уверен, что за муслин, который лежит на стуле у окна, заплачено вдвое больше, чем спросил бы у вас Бёрч.

Мистер Уортон в замешательстве обернулся и увидел, что кое-какие покупки еще разбросаны по комнате.

Младшие офицеры с трудом удержались от улыбки, но капитан с таким усердием снова принялся за свой завтрак, что, казалось, он не рассчитывает еще когда-нибудь поесть вдоволь. Однако необходимость в дополнительном продовольствии из кладовой Дины вызвала еще одну передышку, и капитан Лоутон не преминул ею воспользоваться.

— Я собирался побеспокоить мистера Бёрча в его уединении и утром побывал у него дома,— сказал он.— Если бы я его застал, то отправил бы в такое местечко, где ему не пришлось бы изнывать от скуки, во всяком случае некоторое время.

— Что же это за место? — спросил Уортон, полагая, что следует поддерживать разговор.

— Гауптвахта,— сдержанно ответил драгун.

— А в чем провинился бедный Бёрч? — спросила капитана мисс Пейтон, подавая ему четвертую чашку кофе.

— «Бедный»! — воскликнул драгун.— Ну, если он бедный, значит, король Георг плохо вознаграждает за услуги.

— Его величество,— заметил один из младших офицеров,— задолжал ему, наверное, титул герцога.

— А Конгресс — веревку,— присовокупил капитан Лоутон, принимаясь за новую порцию лепешек.

— Я огорчен, что один из моих соседей навлек на себя немилость нашего правительства.

— Если я его поймаю,— крикнул драгун, намазывая маслом еще одну лепешку,— он у меня будет качаться на суку березы!

— Он послужит недурным украшением для собственного дома, если будет висеть на акации у входа,— добавил младший офицер.

— Как бы там ни было,— продолжал драгун,— я поймаю его раньше, чем стану майором.

Офицеры — это было совершенно очевидно — не шутили, и говорили они языком, каким свойственно выражаться людям их грубой профессии, когда они раздражены, и Уортоны решили, что благоразумнее переменить тему. Ни для кого из них не было секретом, что Гарви Бёрч на подозрении у американской армии и

что его не оставляют в покое. О том, как он неоднократно оказывался за решеткой и так же часто ускользал из рук американцев при весьма загадочных обстоятельствах, слишком много толковали в округе, чтобы можно было это забыть. В сущности, раздражение капитана Лоутона в немалой степени было вызвано последним необъяснимым побегом разносчика, хотя капитан поручил караулить его двум самым верным своим солдатам.

Примерно за год до описываемых событий, как раз тогда, когда ждали важных передвижений войск, Бёрча видели у штабквартиры американского главнокомандующего. Как только об этом доложили офицеру, которому была доверена охрана дорог, ведущих к американскому лагерю, он тотчас послал вдогонку за разносчиком капитана Лоутона.

Знакомый со всеми горными переходами, неутомимый при исполнении своих обязанностей, капитан ценою огромных усилий и трудов выполнил возложенную на него задачу. С небольшим отрядом он остановился передохнуть на одной ферме, собственноручно запер пленника в отдельной комнате и оставил под охраной двух солдат, как уже было сказано выше. Потом припоминали, что недалеко от караульных какая-то женщина усердно хлопотала по хозяйству; особенно старалась она угодить капитану, когда тот с присущей ему основательностью уселся ужинать.

И женщина и разносчик исчезли; найти их не удалось. Обнаружили только короб, раскрытый и почти пустой, а маленькая дверца, ведущая в комнату, смежную с той, в которой заперли разносчика, была распахнута настежь.

Капитан Лоутон никак не мог примириться с тем, что его одурачили. Он и прежде яростно ненавидел врага, а это оскорбление уязвило его особенно глубоко. Капитан сидел в мрачном молчании, размышляя о побеге своего бывшего пленника, и машинально продолжал поглощать завтрак, хотя за это время он мог бы уже наесться досыта. Вдруг по долине прокатился звук трубы, игравшей воинственную мелодию. Капитан мгновенно встал из-за стола и крикнул:

— Джентльмены, по коням, это Данвуди! — и в сопровождении младших офицеров выбежал из дома.

Все драгуны, кроме часовых, оставленных караулить капитана Уортона, вскочили на лошадей и понеслись навстречу своим товарищам. Лоутон не забыл принять все необходимые меры предосторожности — в этой войне нужна была удвоенная бдительность, так как враги говорили на одном языке и не отличались друг от друга ни видом, ни обычаями. Приблизившись к отряду кавалерии, вдвое большему, чем его отряд, так, что уже можно бы-

ло различить лица, капитан Лоутон пришпорил коня и через минуту оказался подле своего командира.

Лужайку перед домом мистера Уортона снова заполнили кавалеристы; соблюдая те же предосторожности, вновь прибывшие поспешили разделить со своими товарищами приготовленное для тех угощение.

ГЛАВА VI

Великими победами своими
Прославлены навеки полководцы,
Но только тот действительно герой,
Кто, восхищаясь женской красотой,
Способен с ее чарами бороться.

М у р

Дамы семейства Уортон собрались у окна и с глубоким вниманием наблюдали за описанной нами сценой.

Сара смотрела на своих соотечественников с улыбкой, полной презрительного равнодушия; ей не хотелось отдавать должное даже внешнему виду людей, вооружившихся, как она считала, во имя дьявольского дела — мятежа. Мисс Пейтон любовалась великолепным зрелищем, гордая тем, что это были воины отборных полков ее родной колонии; а Френсис волновало лишь одно чувство, захватившее ее целиком.

Отряды не успели еще соединиться, как острый глаз девушки выделил из всех прочих одного всадника. Даже лошадь этого молодого воина, казалось ей, сознавала, что она несет на себе человека необыкновенного. Копыта чистокровного боевого коня едва касались земли — такой легкой и плавной была его поступь.

Драгун сидел в седле с непринужденным спокойствием, показывавшим, что он уверен в себе и в своей лошади; в его высокой, стройной, мускулистой фигуре ощущались и сила и ловкость. Именно этому офицеру рапортовал Лоутон, и они въехали бок о бок на лужайку перед домом мистера Уортона.

Командир отряда на мгновение задержался и окинул взглядом усадьбу. Несмотря на разделявшее их расстояние, Френсис разглядела его черные блестящие глаза; сердце ее забилось так сильно, что у нее перехватило дыхание. Когда всадник соскочил с коня, она побледнела и, почувствовав, что у нее подгибаются колени, присела на стул.

Офицер наскоро отдал распоряжения своему помощнику и быстро пошел по лужайке к дому. Френсис встала и покинула комнату. Он поднялся по ступенькам террасы и только коснулся входной двери, как она уже распахнулась перед ним.

Френсис уехала из города еще совсем юной, и ей не пришлось приносить в жертву тогдашней моде свою природную красоту. Ее густые золотистые волосы не были истерзаны щипцами парикмахера: они падали на плечи естественными, как у детей, локонами и обрамляли лицо, сиявшее очарованием молодости, здоровья и простодушия. Глаза ее говорили красноречивее всяких слов, но губы молчали; она с мольбой протянула руки, и ее склоненная в ожидании фигурка была так прелестна, что Данвуди на миг безмолвно застыл на месте.

Френсис молча проводила его в комнату напротив той, в которой собрались ее родные, живо обернулась к нему и, положив обе руки на его руку, доверчиво промолвила:

— О Данвуди, как я счастлива, что вижу вас, счастлива по многим причинам! Я привела вас сюда, чтобы предупредить, что в соседней комнате друг, которого вы не ожидаете здесь встретить.

— Каковы бы ни были причины,— воскликнул молодой человек, целуя ее руки,— я очень рад, что мы с вами наедине, Френсис! Испытание, которому вы подвергли меня, жестоко; война и жизнь вдалеке друг от друга могут вскоре разлучить нас навеки.

— Мы должны подчиняться необходимости, она сильнее нас. Но теперь не время для разговоров о любви; я хочу сказать вам о другом, более важном деле.

— Но что может быть важнее неразрывных уз, которые сделают вас моей женой! Френсис, вы холодны ко мне... к тому, кто в дни суровой службы и в тревожные ночи ни на миг не забывал ваш образ.

— Дорогой Данвуди,— растроганная до слез Френсис опять протянула ему руку, и ее щеки снова загорелись ярким румянцем,— вы знаете мои чувства... Кончится война, и ничто не помешает вам взять эту руку навеки... Но, пока в этой войне вы противник моего единственного брата, я никогда не соглашусь связать себя с вами узами более тесными, чем узы нашего родства. Вот и сейчас мой брат ждет вашего решения: вернете ли вы ему свободу или пошлете на верную смерть.

— Ваш брат! — вздрогнув и побледнев, вскрикнул Данвуди.— Объяснитесь... что за страшный смысл кроется в ваших словах?

— Разве капитан Лоутон не сказал вам, что сегодня утром он арестовал Генри? — еле слышно продолжала Френсис, устремив на жениха взгляд, полный тревоги.

— Он доложил мне, что задержал переодетого капитана шестидесятого полка, не сказав, где и когда,— так же тихо ответил майор и, опустив голову, закрыл лицо руками, пытаясь скрыть свои чувства.

— Данвуди, Данвуди! — теряя уверенность и охваченная мрачным предчувствием, воскликнула Френсис. — Что означает ваше волнение?

Когда майор поднял лицо, выражающее самое глубокое сострадание, она продолжала:

— Конечно, конечно, вы не выдадите своего друга, вы не допустите, чтобы мой брат... ваш брат... умер позорной смертью.

— Френсис! — с мукой в голосе воскликнул молодой человек.— Что я могу сделать?

— Сделать! — повторила Френсис, с испугом глядя на него. — Неужели майор Данвуди отдаст в руки врагов своего друга... брата своей будущей жены?

— О, не говорите со мной так сурово, дорогая мисс Уортон... моя Френсис! Я готов отдать жизнь за вас... за Генри... но я не могу нарушить долг, не могу забыть о своей чести. Вы первая презирали бы меня, если бы я так поступил.

— Пейтон Данвуди,— произнесла Френсис, и ее лицо покрылось пепельной бледностью,— вы говорили мне... вы клялись, что любите меня...

— Я люблю вас! — горячо сказал молодой человек.

Но Френсис знаком остановила его и продолжала дрожащим от негодования голосом:

— Неужели вы думаете, что я стану женой человека, обагрившего руки кровью моего единственного брата!

— Френсис, вы разрываете мне сердце! — сказал майор и замолчал, чтобы совладать с собою; потом, силясь улыбнуться, добавил: — В конце концов, может быть, мы напрасно терзаем себя опасениями. Возможно, что, когда я узнаю все обстоятельства, окажется, что Генри военнопленный, и только; тогда я смогу отпустить его на честное слово.

Нет чувства более обманчивого, чем надежда, и, видимо, молодости принадлежит счастливое преимущество наслаждаться всеми радостями, какие она может принести. А чем больше мы сами достойны доверия, тем более склонны доверять другим и всегда готовы думать, что произойдет то, на что мы уповаем.

Смутная надежда молодого воина была выражена скорее взглядом, чем словами, но кровь снова прилила к щекам подавленной горем девушки, и она промолвила:

— О, конечно, нет никаких оснований для сомнения. Я знала... знаю... вы никогда не оставите нас в нашей страшной беде!

Френсис не смогла справиться с охватившим ее волнением и залилась слезами.

Одна из самых приятных привилегий любви — это обязанность утешать тех, кого мы любим; и, хотя проблеск надежды, мелькнув-

ший перед ним, не очень успокоил майора Данвуди, он не стал разочаровывать милую девушку, прильнувшую к его плечу. Он вытирал слезы на ее лице, и к ней вернулась вера в безопасность брата и в покровительство жениха.

Когда Френсис оправилась и овладела собой, она поспешила проводить майора Данвуди в гостиную и сообщить родным приятную новость, которую уже считала достоверной.

Майор неохотно пошел за ней, предчувствуя беду, но через несколько мгновений он был уже в кругу родственников и старался собрать все свое мужество, чтобы с твердостью встретить предстоящее испытание.

Молодые офицеры поздоровались сердечно и искренне. Капитан Уортон держался так, точно не случилось ничего, что могло бы поколебать его самообладание.

Между тем неприятная мысль, что он сам в какой-то мере причастен к аресту капитана Уортона, смертельная опасность, грозившая его другу и надрывавшие сердце слова Френсис породили в душе майора Данвуди тревогу, которую, несмотря на все свои старания, он не мог скрыть. Остальные члены семейства Уортон приняли его тепло и по-дружески — они были к нему привязаны и не забыли об услуге, которую он недавно им оказал; к тому же выразительные глаза и зардевшееся лицо девушки, вошедшей вместе с ним, красноречиво говорили, что они не обманутся в своих ожиданиях. Поздоровавшись с каждым в отдельности, Данвуди кивком головы приказал уйти солдату, которого осторожный капитан Лоутон приставил к арестованному молодому Уортону, потом повернулся к нему и приветливо спросил:

— Скажи мне, Генри, при каких обстоятельствах ты перерядился в тот костюм, в котором тебя застал здесь капитан Лоутон, и помни... помните, капитан Уортон, что ответы вы даете совершенно добровольно.

— Я это сделал, майор Данвуди,— серьезно ответил английский офицер,— чтобы иметь возможность навестить своих близких, не подвергаясь опасности попасть в плен.

— Но вы переоделись только тогда, когда увидели, что приближается отряд Лоутона?

— Да, да,— с жаром вмешалась Френсис, в тревоге за брата забыв обо всех подробностях,— мы с Сарой переодели Генри, когда показались драгуны; его узнали лишь благодаря нашей неловкости.

Данвуди слушал объяснения Френсис, глядя на нее с любовью, и лицо его просветлело.

— Вероятно, вещи, которые вы дали ему, были у вас в доме,—

продолжал Данвуди,— вы схватили в последнюю минуту то, что попалось вам под руку?

— Нет, все это было на мне, когда я уходил из Нью-Йорка,— с чувством собственного достоинства сказал капитан Уортон.— Я раздобыл эти вещи именно для этой цели и намеревался сегодня в таком же виде вернуться в город.

Увлеченная горячим чувством, Френсис стояла между братом и женихом, но, когда истина блеснула в ее сознании, она с ужасом отпрянула и опустилась на стул, глядя на молодых людей широко открытыми глазами.

— А пикеты... отряды на равнинах? — побледнев, спросил Данвуди.

— Я прошел мимо них переодетый. Я показал им пропуск, который я купил, а так как на нем стоит подпись Вашингтона, надо полагать, что он поддельный.

Данвуди выхватил из рук капитана бумагу и некоторое время молча смотрел на подпись. Теперь воинский долг заставил его забыть обо всем остальном; повернувшись лицом к пленнику, он спросил, испытующе глядя на него:

— Капитан Уортон, кто вам дал эту бумагу?

— Я полагаю, такой вопрос вы не имеете права задавать, майор Данвуди.

— Извините, сэр, возможно, что мои чувства завели меня слишком далеко.

Мистер Уортон, который с глубоким волнением прислушивался к разговору, нашел в себе силы спросить:

— Ведь эта бумага не может иметь серьезного значения, майор Данвуди: на войне постоянно прибегают к таким уловкам.

— Подпись не подделана,— разглядывая буквы, тихим голосом сказал драгун.— Неужели среди нас скрывается предатель? Кто-то злоупотребил доверием Вашингтона: вымышленное имя написано не той рукой, которой написан пропуск. Капитан Уортон, мой долг не позволяет мне отпустить вас на честное слово — вам придется отправиться со мною в нагорье.

— Другого я и не ожидал, майор Данвуди.

Драгун медленно повернулся к сестрам, и Френсис опять приковала к себе его взгляд. Она поднялась со стула и стояла, с мольбой протягивая к нему руки. Не в силах сдержать свое волнение, молодой человек порывисто сказал, что вынужден на время отлучиться, и покинул комнату. Френсис вышла за ним следом, и, подчиняясь ее взгляду, Данвуди опять вошел в комнату, где происходил первый разговор.

— Майор Данвуди,— едва слышно произнесла Френсис, жестом предлагая ему сесть.

Ее бледные щеки покрыл румянец, вскоре заливший все лицо. Несколько мгновений она боролась с собой, потом продолжала:

— Я уже призналась, что вы мне очень дороги, и даже сейчас, когда вы причиняете мне такие жестокие страдания, я не хочу этого скрывать. Поверьте, единственная вина Генри в том, что он поступил опрометчиво. Наша родина не может быть несправедливой.

Она опять умолкла и почти задыхалась, то бледнея, то краснея; потом кровь бросилась ей в лицо, и она тихо добавила:

— Майор Данвуди, я обещала стать вашей женой, как только на родине воцарится мир. Отпустите брата под честное слово, и я сегодня же пойду с вами к алтарю, отправлюсь в ваш лагерь и, сделавшись вашей женой, научусь переносить все тяготы солдатской жизни.

Данвуди схватил руку, которую девушка в порыве чувств протянула ему, на мгновение прижал ее к груди, потом встал и, глубоко взволнованный, принялся ходить взад и вперед по комнате.

— Умоляю вас, Френсис, ни слова больше, если вы не хотите разбить мне сердце!

— Значит, вы отказываетесь от моей руки? — поднявшись, сказала она с достоинством, но ее бледность и дрожащие губы говорили о том, какая сильная борьба происходит в ней.

— Отказываюсь! Разве я не молил вашего согласия, не молил со слезами? Разве оно не венец всех моих желаний на земле? Но жениться на вас при таких обстоятельствах было бы бесчестием для нас обоих. Будем надеяться, что наступят лучшие времена. Генри должны оправдать, быть может, его даже не станут судить. Я буду для него самым преданным заступником, не сомневайтесь в этом и верьте мне, Френсис, Вашингтон благоволит ко мне.

— Но этот пропуск, злоупотребление доверием, на которое вы ссылаетесь, ожесточат Вашингтона против моего брата. Если бы мольбы и угрозы могли поколебать его суровое представление о справедливости, разве погиб бы Андре? — С этими словами Френсис в отчаянии выбежала из комнаты.

С минуту Данвуди стоял как оглушенный, потом вышел, намереваясь оправдать себя в глазах девушки и успокоить ее. В передней, разделявшей обе гостиные, он натолкнулся на оборванного ребенка, который, быстро оглядев его, сунул ему в руку клочок бумаги и тут же исчез. Все это произошло мгновенно, и взволнованный майор успел лишь заметить, что посыльный был бедно одетым деревенским мальчуганом; в руке он держал городскую иг-

рушку и смотрел на нее с такой радостью, словно сознавал, что честно заработал награду за выполненное поручение. Данвуди опустил глаза на записку. Она была написана на обрывке грязной бумаги, малоразборчивым почерком, однако ему удалось прочитать следующее: «Регулярные подходят — кавалерия и пехота».

Данвуди вздрогнул. Позабыв обо всем, кроме обязанностей воина, он поспешно покинул дом Уортонов. Быстро направившись к своему эскадрону, он увидел на одном из отдаленных холмов мчавшегося галопом конного часового; прогрохотало несколько выстрелов, и в следующее мгновение раздался призывный трубный звук: «К оружию!» Когда майор достиг своего эскадрона, там все было в движении. Капитан Лоутон верхом на лошади, пристально глядя на противоположный край долины, кричал музыкантам, и его могучий голос гремел так же сильно, как и медные трубы.

— Громче трубите, ребята, пусть англичане знают, что тут им конец,— виргинская кавалерия не пропустит их дальше!

Отовсюду начали стекаться разведчики и патрульные; один за другим они быстро рапортовали майору Данвуди, и он отдавал четкие приказания с уверенностью, исключающей и мысль о неповиновении. Только раз, повернув коня в сторону луга, раскинувшегося против «Белых акаций», Данвуди решился бросить взгляд на дом, и его сердце сильно забилось, когда он увидел фигуру женщины: она стояла заломив руки у окна той комнаты, где он виделся с Френсис. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть ее черты, но майор не сомневался, что это была его невеста. Бледность скоро сошла с его лица, и взгляд утратил выражение печали. Когда Данвуди подъезжал к месту, где, как он думал, должна была произойти битва, на его загорелых щеках появился румянец. Солдаты, смотревшие в лицо своего командира, как в зеркало, отражающее их собственную участь, с радостью увидели, что он полон воодушевления и в его глазах горит огонь, как это всегда бывало перед боем. После возвращения дозорных и отсутствовавших драгун численность кавалерийского отряда достигла почти двухсот человек. Кроме того, была еще небольшая группа крестьян, которые обычно служили проводниками; они были вооружены и в случае надобности вливались в отряд в качестве пехотинцев; теперь они по приказу майора Данвуди разбирали заборы, которые могли помешать движению кавалерии. Пехотинцы быстро и успешно справились с этим делом и вскоре заняли место, отведенное им в предстоящем бою.

От своих разведчиков Данвуди получил все сведения о неприятеле, необходимые ему для подготовки к бою. Долина, где майор намеревался развернуть военные действия, понижалась от подножия тянувшихся по обеим ее сторонам холмов

до середины; здесь она переходила в пологий естественный луг, на котором извивалась небольшая речушка, порой разливавшаяся и удобрявшая его. Эту речку можно было легко перейти вброд; только в одном месте, где она сворачивала на восток, ее берега были обрывисты и мешали движению конницы. Тут через речку был переброшен простой деревянный мост, такой же, как тот, что находился в полумиле от «Белых акаций».

Крутые холмы, окаймлявшие долину с восточной стороны, местами врезались в нее скалистыми выступами, чуть ли не вдвое сужая ее. Тыл кавалерийского эскадрона находился поблизости от группы таких скал, и Данвуди приказал капитану Лоутону отойти с двумя небольшими отрядами под их прикрытие. Капитан повиновался угрюмо и нехотя; впрочем, его утешала мысль о том, какое страшное действие произведет на врага его внезапное появление со своими солдатами. Данвуди хорошо знал Лоутона и послал его именно туда, так как опасался его горячности в бою, но в то же время не сомневался, что он будет тут как тут, как только понадобится его помощь. Капитан Лоутон мог забыть об осторожности только в виду неприятеля; во всех других случаях жизни выдержка и проницательность оставались отличительными чертами его характера (правда, когда ему не терпелось вступить в бой, эти качества ему порой изменяли). По левому краю долины, где Данвуди предполагал встретить неприятеля, примерно на милю тянулся лес. Туда отошли пехотинцы и заняли позицию неподалеку от опушки, откуда было удобно открыть рассеянный, но сильный огонь по приближающейся колонне англичан.

Конечно, не следует думать, что все эти приготовления остались незамеченными обитателями «Белых акаций»; напротив, эта картина вызывала в них самые разнообразные чувства, какие только могут волновать сердца людей. Один мистер Уортон не ждал для себя ничего утешительного, каков бы ни был исход сражения. Если победят англичане, его сын будет освобожден, но какая судьба ждет его самого? До сих пор ему удавалось держаться в стороне при самых затруднительных обстоятельствах. Его имущество чуть было не пошло с молотка из-за того, что сын служил в королевской, или, как ее называли, регулярной, армии. Покровительство влиятельного родственника, занимавшего в штате видный политический пост, и собственная неизменная осторожность уберегли мистера Уортона от такой беды. В душе он был убежденным сторонником короля; однако, когда прошлой весной, после возвращения из американского лагеря, раскрасневшаяся Френсис объявила ему о своем намерении выйти замуж за Данвуди, мистер Уортон дал согласие на брак с мятежником не только потому, что желал своей дочери счастья, но и потому, что больше всего ощущал

потребность в поддержке республиканцев. Если бы теперь англичане спасли Генри, общественное мнение сочло бы, что отец с сыном действовали заодно против свободы штатов; если же Генри останется в плену и предстанет перед судом, последствия будут еще ужаснее. Как ни любил мистер Уортон богатство, своих детей он любил еще больше. Итак, он сидел, наблюдая за движением войск, и рассеянное, безучастное выражение лица выдавало слабость его характера.

Совершенно иные чувства волновали сына. Капитана Уортона поручили охране двух драгун; один из них ровным шагом ходил взад и вперед по террасе, другому велели находиться неотлучно при пленнике. Молодой человек наблюдал за распоряжениями Данвуди с восхищением, к которому примешивались серьезные опасения за своих друзей. Особенно ему не нравилось, что в засаде засел отряд под командой капитана Лоутона,— из окон дома было отчетливо видно, как тот, желая умерить свое нетерпение, шагает перед рядами своих солдат. Генри Уортон несколько раз окидывал комнату быстрым испытующим взглядом, в надежде найти возможность бежать, но неизменно встречал глаза часового, следившего за ним с бдительностью Аргуса. Со всем пылом молодости Генри Уортон рвался в бой, однако вынужден был оставаться пассивным зрителем сцены, в которой с радостью стал бы действующим лицом.

Мисс Пейтон и Сара смотрели на приготовления к битве, испытывая разнообразные чувства, и самым сильным из них была тревога за капитана; но когда женщинам показалось, что близится начало кровопролития, они с присущей им пугливостью ушли подальше, в другую комнату. Не такой была Френсис. Она вернулась в гостиную, где недавно рассталась с Данвуди, и с глубоким волнением следила из окна за каждым его шагом. Она не замечала ни грозных сборов к битве, ни перемещения войск — перед глазами у нее был лишь тот, кого она любила, и она глядела на него с восторгом и в то же время цепенея от ужаса. Кровь прилила к ее сердцу, когда молодой воин проехал перед солдатами, воодушевляя и ободряя каждого; через минуту она вся похолодела при мысли, что отвага, которой она так восхищается, быть может, разверзнет могилу перед ее любимым. Френсис не отрывала от него глаз, пока у нее хватало сил.

На лугу, слева от дома мистера Уортона, в тылу войска, стояли люди, занятые совсем другим делом, чем все остальные. Их было трое: двое мужчин и мальчик-мулат. Главным среди них был высокий мужчина, такой тощий, что он выглядел великаном. Безоружный, в очках, он стоял возле своей лошади и, казалось, уделял одинаковое внимание сигаре, книге

и тому, что происходило на равнине перед ним. Этим людям Френсис и решила послать записку, адресованную Данвуди. Торопясь, она набросала карандашом: «Зайдите ко мне, Пейтон, хотя бы на минутку». Из подвала, где помещалась кухня, вышел Цезарь и стал осторожно пробираться вдоль задней стены дома, чтобы не попасться на глаза шагавшему по веранде стражу, который весьма решительно запретил кому бы то ни было выходить из дому. Негр протянул записку высокому джентльмену и попросил передать ее майору Данвуди. Тот, к кому обратился Цезарь, был полковым хирургом, и у африканца застучали зубы, когда он увидел на земле инструменты, приготовленные для будущих операций. Однако сам доктор, казалось, посмотрел на них с большим удовольствием, когда, оторвав взгляд от книги, приказал мальчику отнести записку майору; потом он не спеша опустил глаза на раскрытую страницу и снова углубился в чтение. Цезарь медленно направился к дому, но тут третий персонаж, судя по одежде — младший чин в этом хирургическом ведомстве, сурово спросил, «не желает ли он, чтоб ему оттяпали ногу». Вероятно, вопрос напомнил Цезарю, для чего существуют ноги, ибо он пустил их в ход с такой прытью, что очутился у террасы одновременно с майором Данвуди, который приехал верхом. Дюжий часовой, стоявший на посту, вытянулся и, пропуская офицера, взял на караул, но едва закрылась дверь, как он повернулся к Цезарю и сурово сказал:

— Слушай, черномазый, если ты еще раз выйдешь из дома без спросу, я стану цирюльником и этой бритвой отсеку тебе одно ухо.

Не дожидаясь еще одного предупреждения, Цезарь быстрехонько скрылся на кухне, бормоча какие-то слова, среди которых чаще всего слышались: «живодеры», «мятежники» и «мошенники».

— Майор Данвуди,— обратилась Френсис к своему жениху,— возможно, я была несправедлива к вам... если мои слова показались вам резкими...

Девушка не смогла совладать со своим волнением и залилась слезами.

— Френсис,— пылко воскликнул Данвуди,— вы бываете резки и несправедливы, только когда сомневаетесь в моей любви!

— О Данвуди,— промолвила она рыдая,— вы скоро отправитесь в бой, и ваша жизнь будет в опасности, но помните, что есть сердце, счастье которого зависит от вашего благополучия. Я знаю, вы отважны, будьте же благоразумны...

— Ради вас? — восхищенно спросил молодой человек.

— Ради меня,— ответила Френсис едва слышно и упала ему на грудь.

Данвуди прижал ее к сердцу и хотел что-то сказать, но в эту минуту с южного края долины донесся трубный звук. Майор нежно поцеловал свою невесту в губы, разжал обнимавшие его руки и поспешил к месту боя.

Френсис бросилась на кушетку, спрятала голову под подушку и, натянув на лицо шаль, чтобы ничего не слышать, лежала, пока не смолкли крики сражающихся и не заглох треск ружей и топот лошадиных копыт.

ГЛАВА VII

Стоите, вижу я, как своры гончих,
На травлю рвущиеся.

Шекспир. Король Генрих V[1]

В начале войны с восставшими колониями англичане воздерживались от применения кавалерии. Причиной тому были: отдаленность страны от метрополии, каменистая, невозделанная почва, густые леса, а также возможность быстро перебрасывать войска с одного места на другое благодаря неоспоримому господству Англии на море. В ту пору в Америку был отправлен только один полк регулярной кавалерии.

Однако в тех случаях, когда это диктовалось требованиями военного времени и командиры королевской армии считали это необходимым, конные полки и отдельные отряды формировались на месте. В них нередко вступали люди, выросшие в колониях; иногда же пополнение набиралось из линейных полков, и солдаты, отложив в сторону мушкет и штык, учились владеть саблей и карабином. Таким путем один вспомогательный полк гессенских стрелков превратился в запасный корпус тяжелой конницы.

Против англичан выступили храбрейшие люди Америки. Кавалерийскими полками континентальной армии большей частью руководили офицеры с Юга. Патриотизм и непоколебимая отвага командиров передавались рядовым — этих людей заботливо отбирали, помня о задачах, которые им предстояло выполнить.

Пока англичане без всякой для себя пользы ограничивались тем, что занимали кое-где большие города или делали переходы через местности, где нельзя было добыть никаких военных припасов, легкая кавалерия их врага действовала на всей территории страны. Американская армия терпела беспримерные лишения, но офицеры кавалерии, чувствуя свою силу и сознавая, что они

---

[1] Перевод Е. Бируковой.

борются за правое дело, всячески старались обеспечить свои войска всем необходимым. Американская конница имела хороших лошадей, хорошую пищу и поэтому добивалась выдающихся успехов. Вероятно, в то время во всем мире нельзя было сыскать армии, которая могла бы сравниться с немногочисленными, но отважными, предприимчивыми и стойкими отрядами легкой кавалерии, служившей континентальному правительству.

Солдаты майора Данвуди уже не раз проявляли свою доблесть в схватках с неприятелем; сейчас им не терпелось опять ударить по врагу, которого они почти всегда побеждали. Это желание скоро исполнилось: едва их командир успел снова сесть на коня, как, огибая подножие холма, закрывавшего долину с юга, показались враги. Через несколько минут Данвуди смог уже разглядеть их. В одном отряде он увидел зеленые мундиры ковбоев, в другом — кожаные каски и деревянные седла гессенцев. По численности они примерно равнялись воинской части, которой командовал Данвуди.

Дойдя до открытого места близ дома Гарви Бёрча, неприятель остановился; солдаты выстроились в боевом порядке, очевидно готовясь к нападению. В эту минуту в долине появилась и колонна английских пехотинцев; она двинулась к берегу речки, о которой уже упоминалось.

В решающие минуты хладнокровие и рассудительность майора Данвуди не уступали его обычной безоглядной отваге. Он тотчас же понял преимущества своего положения и не преминул ими воспользоваться. Колонна, которую он вел, стала медленно отходить с поля, и молодой немец, командовавший вражеской конницей, боясь упустить возможность легкой победы, дал приказ к наступлению. Редко солдаты бывали такими отчаянными, как ковбои; они стремительно кинулись вперед, не сомневаясь в успехе — ведь враг отступал и в тылу стояла своя пехота; за ковбоями следовали гессенцы, но медленнее и более ровным строем. Вдруг громко и раскатисто затрубили виргинские трубы, им ответили трубачи отряда, скрывавшегося в засаде, и эта музыка поразила англичан в самое сердце. Колонна Данвуди в полном порядке, сделав крутой поворот, развернулась, а когда была дана команда к бою, из укрытия вышли солдаты капитана Лоутона; командир ехал впереди, размахивая саблей над головой, и его громкий голос заглушал пронзительные звуки труб.

Такого наступления ковбои выдержать не могли. Они рассыпались по всем направлениям и удирали с такой прытью, на какую только были способны их кони — отборные вест-честерские скакуны. Лишь немногих настигла рука противника, однако тем, кого поразило оружие их соотечественников-мстителей, не суждено бы-

ло выжить, чтобы рассказать, от чьей руки они пали. Главный удар обрушился на бедных вассалов германского тирана. Злополучные гессенцы, приученные к строжайшему повиновению, храбро приняли бой, но натиск горячих коней и мощные удары противников разбросали их по долине, подобно тому как ветер раскидывает опавшие листья. Многие были растоптаны в прямом смысле этого слова, и вскоре Данвуди увидел, что поле очищено от неприятеля. Близость английской пехоты помешала ему преследовать врага, и те немногие гессенцы, которым удалось уцелеть, нашли спасение за ее рядами.

Более изворотливые ковбои небольшими группами рассеялись по различным дорогам и устремились к своей старой стоянке возле Гарлема. Немало местных жителей, которых они встретили на пути, жестоко пострадали, лишившись скота и домашнего скарба, ибо, даже удирая, ковбои приносили только беду.

Трудно было ожидать, чтобы в «Белых акациях» не заинтересовались исходом событий, разыгравшихся так близко от них. Действительно, беспокойство переполнило сердца всех обитателей дома, начиная от кухни и до гостиной. Страх и отвращение удерживали дам от наблюдения за боем, однако они сильно волновались. Френсис все еще лежала в той же позе, горячо и бессвязно молясь за своих соотечественников, но в глубине души она отождествляла свой народ с милым образом Пейтона Данвуди. Ее тетка и сестра были менее стойки в своих симпатиях; теперь, когда Сара своими глазами увидела ужасы войны, предвкушение победы англичан уже не доставляло ей большого удовольствия.

На кухне сидело четверо: Цезарь со своей супругой, их внучка — черная-пречерная девица лет двадцати, и мальчик, о котором уже говорилось раньше. Негры были последними из тех чернокожих, что достались мистеру Уортону вместе с усадьбой в наследство от предков по материнской линии, первых колонистов-голландцев. Остальные за эти годы умерли. Мальчика — он был белым — мисс Пейтон взяла в дом для исполнения обязанностей ливрейного лакея.

Став под прикрытием дома, чтобы уберечься от шальной пули, Цезарь с любопытством следил за схваткой. Часовой, находившийся в нескольких шагах от него на террасе, тонким чутьем дрессированной ищейки учуял появление негра. Позиция, благоразумно занятая Цезарем, вызвала у часового презрительную усмешку; он выпрямился и с бравым видом повернулся всем телом в сторону, где шел бой. Поглядев с невыразимым презрением на Цезаря, солдат невозмутимым тоном сказал:

— Ну и дорожите же вы своей прекрасной особой, мистер Негритос!

— Пуля одинаково убивает черного, как и белого,— сердито пробормотал негр, бросив довольный взгляд на свое прикрытие.

— Проверить, что ли? — спросил часовой и, спокойно вытащив из-за пояса пистолет, прицелился в Цезаря.

У негра застучали зубы, когда он увидел наведенный на него пистолет, хотя он и не поверил в серьезность намерений драгуна. В эту минуту колонна Данвуди начала отходить, а королевская конница двинулась в атаку.

— Ага, мистер Кавалерист, — горячо сказал негр, вообразив, будто американцы и в самом деле отступают,— почему ваши мятежники не дерутся?.. Видите... видите... как солдаты короля Георга гонят майора Данвуди! Хороший джентльмен, только регулярных ему не разбить.

— Провались они, твои регулярные! — в бешенстве крикнул драгун.— Потерпи минутку, черномазый, ты увидишь, как капитан Джек Лоутон выйдет из-за того холма и разгонит ковбоев, словно диких гусей, потерявших вожака.

Цезарь думал, что отряд Лоутона спрятался за холмом из тех же побуждений, какие заставили его самого укрыться за стеной, но вскоре слова драгуна подтвердились, и негр с ужасом увидел, что королевская конница в беспорядке бежит с поля боя.

Часовой стал громко выражать свой восторг по случаю победы виргинцев; его крики привлекли внимание другого часового, охранявшего Генри Уортона, и тот подбежал к открытому окну гостиной.

— Гляди, Том, гляди,— радостно крикнул с террасы первый часовой,—капитан Лоутон обратил в бегство кожаные колпаки, этих гессенцев! А вот майор убил лошадь под офицером... Черт побери, лучше бы он убил немца и оставил лошадь в живых!

Вдогонку удиравшим ковбоям гремели пистолетные выстрелы, и пуля разбила оконное стекло в нескольких шагах от Цезаря. Поддавшись великому соблазну, не чуждому и нашей расе,— уйти подальше от опасности,— негр покинул свое ненадежное убежище и тотчас поднялся в гостиную.

Лужайка, раскинувшаяся перед «Белыми акациями», не была видна с дороги; ее окаймлял густой кустарник, под прикрытием которого в ожидании своих всадников стояли связанные вместе лошади двух часовых.

Победители-американцы теснили отступавших немцев, пока те не оказались под защитой огня своей пехоты. В это время два ковбоя, отставшие от товарищей, ворвались в ворота «Белых акаций», намереваясь скрыться позади дома, в лесу. Они почувствовали себя на лужайке в полной безопасности и, увидев ло-

шадей, поддались искушению, перед которым лишь немногие из них могли бы устоять,— ведь был такой удобный случай увести коней. Дерзко, со сноровкой, которая вырабатывается долгой привычкой, они почти одновременно бросились к желанной добыче. Ковбои усердно распутывали связанные поводья, когда часовой, стоявший на террасе, заметил их. Он выстрелил из пистолета и с саблей в руке кинулся к лошадям.

Стоило Цезарю появиться в гостиной, как стороживший Генри часовой удвоил свою бдительность и подошел к пленнику ближе, но крики товарища снова привлекли его к окну. Разразившись проклятиями, солдат перевесился через подоконник, надеясь своим воинственным видом и угрозами вспугнуть мародеров. Генри Уортон не мог устоять перед представившейся ему возможностью бежать. В миле от дома находились три сотни его товарищей, во все стороны мчались лошади без седоков, и Генри, схватив своего ничего не подозревавшего стража за ноги, выбросил его из окна на лужайку. Цезарь выскользнул из комнаты и, спустившись вниз, задвинул засов входной двери.

Солдат упал с небольшой высоты; он быстро оправился и обрушился с угрозами на пленника. Однако влезть через окно обратно в комнату, имея перед собой такого противника, как Генри, солдат не мог, а когда он подбежал к входной двери, то обнаружил, что она заперта.

Его товарищ громко звал на помощь, и, забыв обо всем остальном, ошеломленный солдат бросился ему на выручку. Одна лошадь была немедленно отбита, но вторую ковбой уже успел привязать к своему седлу, и все четверо скрылись за домом, свирепо размахивая саблями и проклиная друг друга на чем свет стоит. Цезарь отпер дверь и, указывая на лошадь, которая спокойно щипала траву на лужайке, крикнул:

— Бежать... сейчас же бежать, масса Генри!

— Да,— воскликнул молодой человек, вскакивая в седло,— теперь действительно время бежать, мой друг.

Он торопливо кивнул отцу, который в безмолвной тревоге стоял у окна, протянув руки к сыну, словно благословляя его.

— Храни тебя господь, Цезарь, поцелуй сестер,— добавил Генри и с быстротой молнии вылетел за ворота.

Негр со страхом следил за тем, как он выскочил на проезжую дорогу, свернул вправо и, бешено проскакав вдоль отвесной скалы, вскоре исчез за ее уступом.

Теперь Цезарь снова запер дверь и, задвинув один засов за другим, до отказа повернул ключ; все это время он разговаривал сам с собой, радуясь счастливому спасению молодого господина:

— Как ловко ездит... Цезарь сам учил его немало... Поцелуй

молодую леди... мисс Фанни не позволит старому негру поцеловать свою румяную щечку.

К концу дня, когда исход сражения определился и пришло время хоронить мертвых, к их числу прибавили двух ковбоев и одного виргинца, которых нашли на лужайке за усадьбой «Белые акации».

На счастье Генри Уортона, в минуту его побега зоркие глаза того, кто его арестовал, разглядывали в подзорную трубу колонну пехотинцев, все еще занимавших позицию на берегу речки, куда теперь в поисках дружеской защиты устремились остатки гессенской кавалерии. Генри Уортон несся на чистокровном виргинском скакуне, который мчал его через долину с быстротой ветра, сердце юноши уже радостно билось при мысли о счастливом освобождении, как вдруг в его ушах громко прозвучал знакомый голос:

— Превосходно, капитан! Не жалейте кнута и, не доезжая до моста, поверните влево!

Генри в изумлении оглянулся и увидел своего бывшего проводника Гарви Бёрча: он сидел на крутом уступе скалы, откуда открывался широкий вид на долину. Тюк, сильно уменьшившийся в размерах, лежал у его ног; разносчик весело помахал шляпой проскакавшему мимо английскому офицеру. Генри воспользовался советом этого загадочного человека и, заметив хорошую тропу, которая вела к проезжей дороге, пересекавшей долину, свернул на нее и вскоре был уже напротив места расположения своих друзей. Через минуту он проехал по мосту и остановил лошадь возле своего старого знакомого, полковника Уэлмира.

— Капитан Уортон!— воскликнул удивленно английский офицер.— В синем сюртуке и на коне мятежников! Уж не свалились ли вы с облаков в таком виде и в таком наряде?

— Слава богу,— с трудом переводя дыхание, ответил ему молодой человек.— Я цел, невредим и вырвался из рук врагов: всего лишь пять минут назад я был пленным и мне грозила виселица.

— Виселица, капитан Уортон! О нет, эти изменники королю никогда не осмелились бы совершить второе убийство. Неужели им мало того, что они повесили Андре! А за что они грозили вам подобной участью?

— Меня обвинили в том же преступлении, что и Андре,— ответил капитан и коротко рассказал окружающим о том, как он попал в плен, какая опасность ему угрожала и каким образом ему удалось бежать.

К тому времени, когда Генри закончил рассказ, позади колонны пехотинцев столпились бежавшие от неприятеля немцы, и полковник Уэлмир громко крикнул:

— От всей души поздравляю вас, мой храбрый друг; милосердие — добродетель, незнакомая этим изменникам, и вам повезло вдвойне, что вы ускользнули от них целым и невредимым. Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь, а скоро я предоставлю вам возможность с честью поквитаться с ними.

— Не думаю, полковник, что люди, которыми командует майор Данвуди, стали бы оскорбительно обращаться с пленным,— слегка покраснев, возразил молодой капитан,— его репутация выше подобных подозрений; кроме того, я считаю неблагоразумным переходить через речку на открытую равнину в виду виргинской кавалерии, еще возбужденной только что одержанной победой.

— По-вашему, разгром случайного отряда ковбоев и этих неповоротливых гессенцев — подвиг, которым можно гордиться?— с презрительной улыбкой спросил полковник Уэлмир.— Вы так говорите об этом, капитан Уортон, словно ваш хваленый мистер Данвуди — ибо какой он майор? — разбил гвардейский полк вашего короля.

— Позвольте заметить, полковник Уэлмир, будь на этом поле гвардейский полк моего короля, он столкнулся бы с противником, с которым опасно не считаться. А мой хваленый мистер Данвуди, сэр,— кавалерийский офицер, гордость армии Вашингтона,— горячо возразил Генри.

— Данвуди! Данвуди! — с расстановкой повторил полковник. — Право же, я где-то видел этого джентльмена раньше.

— Мне говорили, что вы встретились с ним однажды в городе у моих сестер,— скрывая усмешку, сказал Генри.

— Ах да, припоминаю такого молодого человека. Неужели всемогущий конгресс этих взбунтовавшихся колоний доверяет командование подобному воину!

— Спросите командира гессенской конницы, считает ли он майора Данвуди достойным такого доверия.

Полковник Уэлмир был не лишен той гордости, которая заставляет человека отважно держаться перед лицом врага. Он давно служил в английских войсках в Америке, но сталкивался лишь с молодыми рекрутами и местными ополченцами. Они нередко дрались, и даже храбро, но так же часто пускались наутек, не спустив курка. Этот полковник имел обыкновение судить обо всем по внешности, он не допускал и мысли, чтоб американцы могли одержать победу над людьми в таких чистых штиблетах, так мерно чеканящих шаг, умеющих с такой точностью заходить флангом. Ко всему этому они — англичане, и, значит, им всегда обеспечен успех. Уэлмиру почти не приходилось бывать в боях, не то он давно уже расстался бы с этими вывезенными из Англии понятиями—

они укоренились в нем еще глубже благодаря легкомысленной обстановке гарнизонного города. С надменной улыбкой он выслушал пылкий ответ капитана Уортона и спросил:

— Неужели вы хотите, чтобы мы отступили перед этими спесивыми кавалеристами, ничем не омрачив их славы, которую вы, кажется, считаете заслуженной?

— Я хотел бы только предостеречь вас, полковник Уэлмир, от опасности, которой вы подвергаетесь.

— Опасность — неподобающее солдату слово,— с усмешкой продолжал британский полковник.

— Солдаты шестидесятого полка так же мало боятся опасности, как и те, что носят мундир королевской армии! — с запальчивостью воскликнул Генри Уортон.— Отдайте приказ о наступлении, и пусть наши действия говорят сами за себя.

— Наконец-то я узнаю своего молодого друга! — успокоительно заметил полковник Уэлмир.— Но, быть может, вы сообщите какие-нибудь подробности, которые пригодятся нам в наступлении? Вам известны силы мятежников, есть ли у них части в засаде?

— Да,— ответил молодой человек, все еще раздосадованный насмешками полковника,— на опушке леса справа от нас — небольшой отряд пехотинцев, а кавалерия — вся перед вами.

— Ну, она долго здесь не продержится! — вскричал полковник и, обращаясь к офицерам, которые его окружили, сказал: — Джентльмены, мы перейдем через реку, выстроившись в колонну, и развернем фронт на противоположном берегу, иначе нам не удастся заставить этих храбрых янки подойти поближе к нашим мушкетам. Капитан Уортон, я рассчитываю на вашу помощь в качестве адъютанта.

Молодой капитан покачал головой — здравый смысл подсказывал ему, что это опрометчивый шаг; однако он приготовился мужественно исполнить свой долг в предстоящем испытании.

Пока происходил этот разговор — неподалеку от англичан и на виду у американцев,— майор Данвуди собрал рассеявшихся по долине солдат, велел заключить под стражу пленных и отошел на позицию, которую занимал до первого появления неприятеля. Довольный достигнутым успехом и рассчитывая, что англичане достаточно осторожны, и не дадут ему случай разбить их сегодня еще раз, он решил вызвать из леса пехотинцев, а затем, оставив на поле боя сильный отряд для наблюдения за неприятелем, отойти со своими солдатами на несколько миль в облюбованное им место для стоянки на ночь. Капитан Лоутон с неодобрением слушал рассуждения своего начальника; он достал свою неизменную под-

зорную трубу, чтобы посмотреть, нельзя ли все-таки еще раз успешно атаковать врага, и вдруг вскрикнул:

— Что за чертовщина, синий сюртук среди красных мундиров! Клянусь Виргинией, это мой переряженный приятель из шестидесятого полка, красавчик капитан Уортон, — он ускользнул от двух моих лучших солдат!

Не успел он произнести эти слова, как подъехал драгун — тот, что остался в живых после стычки с ковбоями,— ведя на поводу их лошадей и свою собственную; он доложил о смерти товарища и о бегстве пленника. Так как к капитану Уортону был приставлен тот драгун, которого потом убили, а второго нельзя было винить за то, что он бросился спасать лошадей, порученных его охране, то капитан Лоутон выслушал его с огорчением, но не рассердился.

Это известие совершенно изменило планы майора Данвуди. Он сразу понял, что побег Уортона может набросить тень на его собственное доброе имя. Приказ отозвать пехотинцев был отменен, и Данвуди стал наблюдать за врагом, ожидая с таким же нетерпением, как и пылкий Лоутон, малейшей возможности атаковать неприятеля.

Всего лишь два часа назад Данвуди казалось, что самый жестокий удар судьба ему нанесла, сделав Генри его пленником. Теперь он готов был поставить на карту свою жизнь, лишь бы снова задержать своего друга. Все остальные соображения отступили перед муками уязвленного самолюбия, и, возможно, он превзошел бы капитана Лоутона в безрассудстве, если бы в это мгновение полковник Уэлмир и его солдаты не перешли мост и не вышли на открытую равнину.

— Смотрите! — в восторге крикнул капитан Лоутон, показывая пальцем на движущуюся колонну.— Джон Булл сам идет в мышеловку!

— Так и есть! — с жаром отозвался Данвуди.— Вряд ли они развернутся на этой равнине: Уортон, наверное, предупредил их о нашей засаде. Но, если они это сделают...

— ...из их войска не уцелеет и десятка солдат,— прервал его капитан Лоутон, вскочив на коня.

Вскоре все стало ясно: англичане, пройдя небольшое расстояние по ровному полю, развернули фронт с такой старательностью, которая сделала бы им честь во время парада в лондонском Гайд-парке.

— Приготовиться! На коней! — крикнул майор Данвуди.

Капитан Лоутон повторил последние слова, да так зычно, что они прозвенели в ушах Цезаря, стоявшего у открытого окна в доме мистера Уортона. Негр в ужасе отскочил; он уже не думал

больше, что капитан Лоутон трус, и теперь ему почудилось, будто капитан опять вышел из засады, размахивая саблей над головой.

Англичане подходили медленно и в полном порядке, но тут американская пехота открыла сильный огонь, который начал беспокоить части королевской армии, находившиеся ближе к лесу. По совету подполковника, старого вояки, Уэлмир отдал двум ротам приказ выбить из прикрытия американских пехотинцев. Перегруппировка вызвала легкое замешательство, чем Данвуди и воспользовался для наступления. Местность была как будто нарочно выбрана для действий кавалерии, и англичане не могли отразить натиск виргинцев. Чтобы американские солдаты не попали под выстрелы своих же товарищей, спрятавшихся в засаде, удар был направлен на дальний берег реки, против леса, и атака увенчалась полным успехом. Полковник Уэлмир, сражавшийся на левом фланге, был опрокинут стремительным нападением врага. Данвуди подоспел вовремя, спас его от сабли одного из своих солдат, поднял с земли, помог сесть на коня и сдал под охрану ординарцу. Выбить пехотинцев из засады Уэлмир поручил тому самому вояке, который предложил эту операцию, и если бы он действительно их выбил, нерегулярным американским отрядам грозила бы немалая опасность. Но свою задачу они уже выполнили и теперь двинулись по опушке леса к лошадям, оставленным под охраной на северном крае долины.

Американцы обошли англичан слева и, ударив с тыла, на этом участке обратили их в бегство. Однако второй английский командир, следивший за ходом битвы, мгновенно повернул свой отряд и открыл сильный огонь по драгунам, которые подходили, чтобы начать атаку. В этом отряде был и Генри Уортон, вызвавшийся выбить пехотинцев из леса; раненный в левую руку, он был вынужден держать поводья правой. Когда мимо него под воинственную музыку трубачей с громкими криками проскакали драгуны, разгоряченная лошадь Генри перестала слушаться, бросилась вперед, встала на дыбы, и раненному в руку седоку не удалось справиться с ней. Через минуту Генри Уортон волей-неволей мчался рядом с капитаном Лоутоном. Драгун одним взглядом оценил смешное положение своего неожиданного спутника, но тут оба врезались в линию англичан, и он успел только крикнуть:

— Конь знает лучше, чем его седок, чье дело правое! Добро пожаловать в ряды борцов за свободу, капитан Уортон!

Как только наступление кончилось, капитан Лоутон, не теряя времени, снова взял под стражу своего пленника, а увидев, что тот ранен, приказал отвести его в тыл.

Виргинцы не очень церемонились и с отрядом королевской пехоты, которая почти целиком оказалась в их власти. Заметив, что остатки гессенцев снова отважились выйти на равнину, Данвуди пустился в погоню, быстро догнал их слабых, плохо кормленных лошадей и вскоре разбил немцев наголову.

Между тем, воспользовавшись дымом и сумятицей боя, значительной части англичан удалось подойти с тыла к отряду своих соотечественников, которые, сохраняя порядок, все еще стояли цепочкой перед лесом, но вынуждены были прекратить стрельбу, боясь попасть в своих. Подошедшим было велено растянуться второй линией под прикрытием деревьев. Тут капитан Лоутон приказал молодому офицеру, который командовал конным отрядом, стоявшим на месте недавнего сражения, ударить по уцелевшей линии англичан. Приказ был выполнен с такой же быстротой, как и отдан, но стремительность капитана помешала сделать необходимые для успеха атаки приготовления, и кавалеристы, встреченные метким огнем неприятеля, в смятении отступили. Лоутон и его молодой товарищ были сброшены с лошадей. К счастью для виргинцев, в эту критическую минуту появился майор Данвуди. Он увидел беспорядок в рядах своего войска; у ног его в луже крови лежал Джордж Синглтон, молодой офицер, которого он любил и очень ценил; упал с лошади и капитан Лоутон. Глаза майора загорелись. Он проскакал между своим эскадроном и неприятелем, громко призывая драгун выполнить свой долг, и голос его проник им в самое сердце. Его вид и слова произвели магическое действие. Смолкли крики, солдаты быстро и точно выстроились, прозвучал сигнал к наступлению, и виргинцы под предводительством своего командира с неудержимой силой понеслись через долину. Вскоре поле боя было очищено от врагов; уцелевшие бросились искать убежища в лесу. Данвуди медленно вывел драгун из-под огня скрывавшихся за деревьями англичан и приступил к печальной обязанности подбирать убитых и раненых.

Сержант, которому было поручено доставить капитана Уортона к хирургу, торопился выполнить это распоряжение, чтобы как можно скорее вернуться на поле битвы. Они не добрались и до середины долины, как капитан заметил человека, внешность и занятие которого невольно привлекли его внимание. Лысая голова этого чудака была непокрыта, хотя из кармана бриджей торчал обильно напудренный парик. Сюртук он снял и до локтя засучил рукава сорочки; испачканные кровью одежда, руки и даже лицо изобличали его профессию; во рту у него была сигара; в правой руке он держал какие-то странные инструменты, а в левой — обгрызанное яблоко, от которого он иногда откусывал, вынимая изо рта упомянутую сигару. Он стоял, погрузившись в созерцание

лежавшего перед ним бездыханного гессенца. Неподалеку, опершись на мушкеты и устремив взгляд в сторону боя, стояли трое или четверо пехотинцев; с ними рядом, судя по инструментам в руке и окровавленному платью, был помощник хирурга.

— Вот это доктор, сэр,— сухо сказал Генри Уортону его провожатый,— он мигом забинтует вам руку.

Подозвав к себе солдат, он что-то шепнул им, показывая на пленного, и вихрем понесся к своим товарищам.

Генри подошел к забавной фигуре и, увидев, что на него не обращают внимания, хотел попросить, чтобы ему оказали помощь, но тут доктор прервал молчание и заговорил сам с собой:

— Ну, теперь не сомневаюсь — этого человека убил капитан Лоутон. Я в этом так уверен, будто собственными глазами видел, как он нанес удар. Сколько раз я внушал ему, чтоб он выводил врагов из строя, но не губил их! Бессмысленное уничтожение рода человеческого жестоко; к тому же, нанося подобные удары, Лоутон делает ненужной помощь врача, а это значит, что он не уважает свет науки.

— Не найдется ли у вас свободной минутки, сэр,— обратился к доктору Генри Уортон,— чтобы уделить внимание этой пустяковой ране?

— А! — вскричал хирург, встрепенувшись, и оглядел Генри с ног до головы.— Вы откуда, с поля сражения? И много там дела, сэр?

— Много, — ответил Генри, с помощью хирурга снимая сюртук. — Тревожное время, смею вас заверить.

— Тревожное,— повторил доктор, усердно занимаясь перевязкой.— Вы очень порадовали меня, сэр: пока люди тревожатся, в них есть жизнь, а пока не угасла жизнь, есть и надежда. А вот случай, когда мое искусство бесполезно. Я только что вставил мозги в череп одному пациенту, но мне сдается, он был мертвецом раньше, чем я его увидел. Занятный случай, сэр; я вам покажу — он тут недалеко, за изгородью, вместе с другими трупами, их там порядочно... Ага, пуля скользнула по кости, не раздробив ее. Вам повезло, что вами занимается опытный хирург, а не то вы могли бы лишиться руки.

— Неужели? — с некоторым беспокойством воскликнул Генри.— Я не думал, что рана настолько серьезна.

— Нет, рана не серьезна, но у вас такая подходящая для операции рука, что новичок мог бы не устоять перед искушением оттяпать ее.

— Черт возьми! — крикнул капитан.— Разве кому-нибудь может доставить удовольствие уродовать себе подобных?

— Сэр,— с важностью заметил хирург,— ампутировать руку

по всем правилам науки — операция, которая доставляет удовольствие. Не думаю, чтоб молодой хирург устоял перед таким соблазном; увлеченный делом, он не стал бы обращать внимания на разные мелочи.

Разговор прервали драгуны, медленно приближавшиеся к месту своей прежней стоянки; среди них были и легко раненные солдаты, которые просили поскорей оказать им помощь.

Генри Уортона взяли под конвой, и молодой человек с тяжелым сердцем снова направился к дому отца.

В этих схватках англичане потеряли около трети своей пехоты. Уцелевшие собрались в лесу. Понимая, что их позиция почти неуязвима и атаковать их бессмысленно, майор Данвуди оставил на поле сильный отряд под командованием капитана Лоутона, приказав следить за всеми передвижениями англичан и не упускать возможности нанести им урон, прежде чем они сядут на свои суда.

Майору сообщили, что другой неприятельский отряд выступил со стороны Гудзона, и он счел своим долгом быть наготове, чтобы разрушить замыслы и этих вражеских сил. Капитану Лоутону он строго-настрого запретил атаковать врага, пока для этого не представится удобный случай.

Лоутон был ранен в голову и упал с лошади, оглушенный скользнувшей по его черепу пулей; на прощание Данвуди шутя сказал ему, что если он еще раз будет так неосторожен, то люди подумают, будто у него не все дома.

Англичане выступили налегке, без обоза, ибо должны были лишь уничтожить несколько складов с провизией, заготовленной, как полагали, для американской армии. Теперь они отходили через лес в горы и, двигаясь по тропам, недоступным для кавалерии, направились к своим судам.

ГЛАВА VIII

Пожар пылал, и меч сверкал,
Так длилось много дней,
И дети в пламени войны
Теряли матерей.
Потеря близких, мор и беды —
Вот какова цена победы.

Саути

Гул сражения не достигал больше ушей встревоженных обитателей дома мистера Уортона. Наступила томительная тишина. Френсис, в одиночестве у себя в комнате, все еще старалась не слушать шума и тщетно призывала свое мужество, чтобы

пойти узнать об ужасавшем ее исходе битвы. Луг, на котором виргинцы атаковали вражескую пехоту, был расположен не дальше чем в миле от «Белых акаций», и, когда замолкали мушкетные выстрелы, оттуда доносились крики сражавшихся. После того, как Генри удалось бежать, мистер Уортон прошел в комнату, где укрывались его свояченица и старшая дочь, и все трое с трепетом стали ждать вестей. Наконец, не в силах больше выносить мучительную неизвестность, Френсис присоединилась к своим близким; вскоре они послали Цезаря узнать, что творится за пределами дома и чьи победные знамена развеваются над лугом. Отец коротко рассказал изумленным дочерям и мисс Пейтон, при каких обстоятельствах бежал Генри. Не успели они опомниться от удивления, как открылась дверь, и сам Генри вошел в комнату; его сопровождали два солдата, а следом за ними появился и Цезарь.

— Генри... сын мой, сын мой! — вскрикнул, протягивая руки, потрясенный отец, не в состоянии подняться с места от волнения.— Что я вижу! Ты снова в плену... твоя жизнь в опасности?

— Мятежникам посчастливилось больше, чем нам,— ответил молодой человек, силясь улыбнуться.— Я храбро бился за свою свободу, но преступный дух мятежа вселился даже в коней: лошадь, на которой я ехал, против моей воли — могу вас в этом заверить — понесла меня в самую гущу солдат Данвуди.

— И тебя опять задержали? — спросил отец, испуганно взглянув на вооруженных спутников сына.

— Именно так. Мистер Лоутон, который так далеко видит, тотчас же задержал меня.

— А почему не вы его, масса Генри? — с досадой вскрикнул Цезарь.

— Это легче сказать, чем сделать,— улыбаясь, ответил молодой капитан,— тем более,— добавил он, посмотрев на часовых,— что эти джентльмены постарались лишить меня возможности пользоваться правой рукой.

— Ты ранен! — в один голос воскликнули встревоженные сестры.

— Всего лишь царапина,— успокоительно сказал брат и в доказательство своих слов вытянул раненую руку,— но в самую критическую минуту она подвела меня.

Цезарь бросил негодующий взгляд на солдат, словно именно они были повинны в этом, и вышел из комнаты. Капитан в нескольких словах рассказал все, что знал о событиях злополучного дня. По его мнению, исход дела еще не был решен, ибо, когда его увели с поля боя, виргинцы отступали.

— Они заманивали белку,— неожиданно вмешался один из стражей,— и не забыли оставить славного пса, чтоб он схватил зверька, когда тот спустится с дерева.

— Да,— резко добавил его товарищ,— капитан Лоутон пересчитает носы уцелевшим, прежде чем они доберутся до своих вельботов.

Во время этого разговора Френсис стояла, держась за спинку стула; замирая от страха, она ловила каждое слово и то бледнела, то краснела; ноги у нее подкашивались. Наконец, сделав отчаянное усилие, она спросила:

— Кто-нибудь из офицеров ранен... с той или другой стороны?

— Да,— грубовато ответил часовой.— Молодые южане так горячатся в бою, что редко кого-нибудь из них не сшибают. Один раненый сказал мне, будто капитан Синглтон убит, а майор Данвуди...

Больше Френсис ничего не слышала: потеряв сознание, она упала на стул, стоявший у нее за спиной. Заботы родных помогли ей прийти в себя, а капитан встревоженно спросил:

— Но ведь майор Данвуди не ранен?

— За него можно не беспокоиться, — ответил часовой, не обращая внимания на волнение семейства Уортон.— «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет», как говорится; если бы пуля могла попасть в майора Данвуди, его давно бы уже не было в живых. Я хотел сказать, что майора ужасно огорчила смерть капитана Синглтона. Знай я, что леди так интересуется майором, я говорил бы осторожнее...

Френсис живо вскочила с места; щеки ее пылали от смущения, и, опираясь на руку тетки, она уже собиралась покинуть комнату, как вдруг появился сам Данвуди. В первую минуту взволнованная девушка ощутила безграничную радость, но тут же отступила назад, испуганная незнакомым ей выражением лица майора. Суровость боя оставила тень на его чертах, глаза смотрели сосредоточенно и строго, нежная улыбка, озарявшая при встрече с невестой его смуглое лицо, сменилась мрачной озабоченностью. Казалось, его душой владело одно всепоглощающее чувство. Он сразу же приступил к делу.

— Мистер Уортон,— начал он очень серьезно,— в такое время не к месту излишние церемонии. Боюсь, что один из моих офицеров смертельно ранен, и, рассчитывая на ваше гостеприимство, мы принесли его в ваш дом.

— Я счастлив, сэр, что вы это сделали,— сказал мистер Уортон, сразу уразумев, как для него важно расположить к себе американцев.— Нуждающиеся в моей помощи всегда желанные гости в моем доме, а друг майора Данвуди — вдвойне.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Данвуди поспешно,— и за себя и за того, кто не в силах сам поблагодарить вас. С вашего разрешения, мы тотчас же отнесем раненого в комнату, там врач его осмотрит и скажет свое мнение о его состоянии.

Так и было сделано. У Френсис болезненно сжалось сердце, когда ее жених вышел, ни разу не взглянув на нее.

В женской любви есть преданность, не терпящая соперничества. Вся нежность души и вся сила воображения подчинены этой тиранической страсти; а если отдаешь себя целиком, то ждешь взамен того же. Френсис провела долгие мучительные часы, терзаясь беспокойством за Данвуди, а теперь он встретил ее без улыбки, расстался без слова привета. Пылкость ее чувств не ослабела, но надежда поколебалась. Когда мимо Френсис пронесли почти бездыханное тело друга Данвуди, девушка бросила взгляд на того, кто, казалось, отнял у нее любовь.

Она увидела мертвенно-бледное лицо, услышала затрудненное дыхание, и образ смерти мелькнул перед нею в самом страшном ее обличье. Данвуди шел подле Синглтона. Держа его за руку, он строго наказывал людям, несшим раненого, двигаться с осторожностью; словом, проявлял заботливость, на какую в таких случаях способна только нежная дружба. Отвернув голову в сторону, Френсис неслышно прошла вперед и растворила перед ними дверь. Девушка решилась поднять свои кроткие голубые глаза на майора лишь тогда, когда, пройдя мимо, он коснулся ее платья; но он не ответил на ее взгляд, и Френсис, невольно вздохнув, направилась к себе в спальню, чтобы побыть одной.

Капитан Уортон дал слово своим караульным не делать больше попыток к бегству; потом, чтобы помочь отцу, он взял на себя обязанности хозяина дома. Выйдя в коридор, он встретил хирурга, так ловко перевязавшего ему руку; тот направлялся в комнату раненого офицера.

— А! — воскликнул ученик Эскулапа.— Я вижу, вы чувствуете себя неплохо... Но погодите, нет ли у вас булавки? Впрочем, не надо, у меня есть своя. Не застудите рану, а не то кому-нибудь из моих юнцов придется возиться с вами.

— Упаси бог! — пробормотал капитан, старательно поправляя свою повязку.

В эту минуту на пороге показался Данвуди и громким голосом нетерпеливо крикнул:

— Скорей, Ситгривс, скорее! Этак Джордж Синглтон истечет кровью.

— Как, Синглтон? Господи помилуй! Так это Джордж... бедный маленький Джордж! — с искренним волнением воскликнул доктор и поспешил к постели больного.— Слава богу, он жив,

а если не угасла жизнь, есть и надежда. Это первый пациент с серьезным ранением за нынешний день, которого мне принесли не убитым. Капитан Лоутон учит своих солдат наносить такие бесцеремонные удары... Бедняга Джордж... Черт возьми, это же мушкетная пуля!

Юный страдалец, взглянув на жреца науки со слабой улыбкой, попытался протянуть ему руку. В его взгляде и жесте была мольба, глубоко тронувшая хирурга. Он снял очки, чтобы вытереть навернувшиеся на глаза непривычные слезы, и со всей серьезностью приступил к своим обязанностям врача. Однако, пока делались необходимые приготовления, он дал волю своим чувствам и все время бормотал:

— Если только ранила пуля, я никогда не теряю надежды; можно рассчитывать, что рана не смертельна, но, бог ты мой, солдаты Лоутона рубят почем зря направо и налево... Как часто они рассекают то шейную, то сонную артерию, а то и вовсе бьют по голове и выпускают мозги; а все эти раны так плохо поддаются лечению... Чаще всего пациент умирает прежде, чем успеешь за него взяться. Мне только один раз удалось приладить мозги на место, а сегодня я три раза пытался это сделать, и все без толку. Сразу видно, когда в бою сражались солдаты Лоутона: они рубят почем зря.

Друзья капитана Синглтона, собравшиеся у его постели, так привыкли к повадкам своего хирурга, что не обращали внимания на его монологи и не отвечали на них; они терпеливо ждали минуты, когда он приступит к осмотру больного. Данвуди смотрел в лицо врача так, словно хотел проникнуть ему в душу. Больной содрогнулся, когда ему ввели зонд, а физиономия хирурга расплылась в улыбке.

— На этом участке прежде не было ранения...— пробормотал он.

Сняв очки и отбросив в сторону парик, Ситгривс весь ушел в работу. Данвуди стоял в напряженном молчании, держа обеими руками руку страдальца и не сводя глаз с доктора. Наконец Синглтон слабо застонал, и хирург, быстро выпрямившись, громко сказал:

— Да, немалое удовольствие проследить за пулей, которая, так сказать, прошла зигзагами через человеческое тело, не повредив ни одного важного для жизни органа; но, когда солдаты капитана Лоутона...

— Скажите,— прервал его Данвуди,— есть ли какая-нибудь надежда? Вы можете найти пулю?

— Проще простого найти то, что держишь в руке, майор Данвуди,— невозмутимо ответил хирург, готовя перевязку.— Она

прошла, как выразился бы этот грамотей капитан Лоутон, кружным путем, а вот его солдаты рубят саблей наотмашь, хоть я обучал его сотням способов наносить удары по науке. Сегодня, например, я видел лошадь с почти отрубленной головой.

— Это моя работа,— сказал Данвуди,— я убил эту лошадь.— Его щеки опять порозовели, и темные глаза заблистали надеждой.

— Вы! — воскликнул хирург, в изумлении выронив бинт.— Вы! Но ведь вы же знали, что это лошадь.

— Подозревал, не отрицаю,— с улыбкой отозвался майор, поднося питье к губам своего больного друга.

— Такие удары, нанесенные человеку, смертельны,— продолжал доктор, занимаясь своим делом,— они сводят на нет пользу, которую приносит нам свет науки, а в битве, где требуется всего-навсего вывести врага из строя, они бессмысленны. Сколько раз, майор Данвуди, просиживал я в ожидании, пока капитан Лоутон сражался, но мои надежды никогда не оправдывались — не было ни единого случая, достойного упоминания: или жалкие царапины, или убитые; сабля — мрачное оружие в неопытных руках! Да, майор Данвуди, немало часов я загубил, стараясь втолковать сию истину капитану Джону Лоутону.

Нетерпеливый Данвуди молча показал на раненого, и хирург стал работать быстрее.

— Ах, бедняга Джордж, такой трудный случай, но...

Его прервал вестовой, доложивший, что присутствие командира необходимо на поле битвы. Данвуди пожал руку своему другу и, отойдя от кровати, знаком подозвал к себе доктора.

— Как вы полагаете,— спросил он шепотом, когда они вдвоем направились к выходу,— он будет жить?

— Будет!

— Слава богу! — воскликнул молодой человек и поспешил вниз.

Он зашел на минуту в гостиную, где, как обычно, собралось все семейство Уортон. Теперь лицо майора сияло улыбкой, и он сердечно, хотя и торопливо поздоровался со всеми. Бегство и возвращение капитана Уортона не привлекли его внимания; казалось, он считал, что капитан и не уходил оттуда, где они расстались перед боем. На поле сражения они не встретились. Английский офицер гордо отошел к окну и ни словом не прерывал Данвуди.

После всех переживаний этого бурного дня Френсис и Сара очень устали; обе они молчали, а беседу поддерживала лишь мисс Пейтон.

— Есть ли надежда, кузен, что ваш друг выживет? — спросила она и, приветливо улыбаясь, подошла к своему родственнику.

— Конечно, есть, конечно, дорогая мисс Пейтон! — с радостью ответил майор.—Ситгривс сказал, что рана не смертельна, а он никогда меня не обманывал!

— Это известие радует меня не меньше, чем вас,— человек, который дорог вам, майор Данвуди, не может не вызывать теплых чувств в сердцах ваших друзей.

— Добавьте — так заслуженно дорог,— горячо сказал молодой человек.— Синглтон — добрый гений нашего полка, его любят все; он такой мягкий, справедливый, благородный, кроткий, как ягненок, и нежный, как голубка... однако на поле битвы Синглтон превращается в льва.

— Вы говорите о нем, как о возлюбленной, майор Данвуди,— улыбаясь, заметила мисс Пейтон и бросила взгляд на младшую племянницу, которая, побледнев, сидела в углу, прислушиваясь к разговору.

— Я и вправду люблю его, как невесту! — пылко воскликнул взволнованный майор.— Но он нуждается в заботе и покое, теперь все зависит от ухода за ним.

— Поверьте, сэр,— с достоинством сказала мисс Пейтон,— под этой крышей у него ни в чем не будет недостатка.

— Извините меня, дорогая мисс Пейтон, вы — сама доброта, но Синглтону сейчас нужна забота, которая многим мужчинам могла бы показаться докучливой. В такие трудные минуты и так тяжко страдая, воин порой нуждается в женской нежности.

При этих словах он взглянул на Френсис с таким выражением, что у нее опять сжалось сердце. Вспыхнув, она поднялась со стула и сказала:

— Все внимание, какое возможно оказать человеку постороннему, будет оказано вашему другу.

— Ах,— покачав головой, воскликнул майор,— холодное «постороннему» убьет его! Ему нужно ежеминутно облегчать страдания, ходить за ним нежно и любовно.

— Это обязанности жены или сестры.

— Сестры! — повторил Данвуди, и кровь бросилась ему в лицо.— Да, сестры! У него есть сестра; она могла бы появиться здесь завтра с восходом солнца...— Он замолчал, задумался, с беспокойством посмотрел на Френсис, потом тихо добавил: — Это необходимо Синглтону, и это должно быть сделано.

Женщины не без удивления заметили, что выражение лица майора изменилось. Наконец мисс Пейтон сказала:

— Если сестра капитана Синглтона от нас неподалеку, то я и мои племянницы охотно приглашаем ее приехать.

— Так надо, иначе поступить нельзя,— сказал Данвуди с не-

решительностью, которая не вязалась с тоном, каким он только что говорил.— Нужно послать за ней сегодня же вечером.

Словно желая переменить тему, он подошел к капитану Уортону и тихо промолвил:

— Генри Уортон, честь для меня дороже жизни, но я знаю, мне нечего беспокоиться, раз она в ваших руках! Оставайтесь здесь без охраны, пока мы не уйдем из Вест-Честера, а это произойдет через несколько дней.

Отчужденность в поведении молодого Уортона исчезла, и, взяв протянутую Данвуди руку, он с теплотою ответил:

— Я не обману ваше великодушное доверие, Пейтон, даже если буду уверен, что Вашингтон повесит меня, как повесил Андре.

— Генри, Генри Уортон,— с укором сказал Данвуди,— вы плохо знаете человека, который командует нашей армией, иначе не бросили бы ему такого упрека! Но меня призывают мои обязанности, и я должен покинуть дом, где мне хотелось бы остаться и где вы не можете чувствовать себя очень несчастным.

Пройдя мимо Френсис, Данвуди, как бывало, взглянул на нее с нежной улыбкой, и ужасное впечатление, произведенное на нее женихом, когда он вернулся с поля битвы, несколько сгладилось.

В числе ветеранов, которые в это тревожное время, позабыв о своем стариковском покое, стали на защиту родины, был и полковник Синглтон. Он родился в Джорджии и с ранних лет нес солдатскую службу. Как только началась война за свободу, он предложил родной стране свои услуги; из уважения к нему они были приняты. Однако преклонный возраст и слабое здоровье мешали старику участвовать в сражениях, и ему поручали важные посты, на которых он мог верно и бдительно служить своим соотечественникам, не подвергаясь тяготам военных походов. В последний год ему была доверена охрана дорог, ведущих в нагорье; сейчас он вместе с дочерью находился в горах, на расстоянии однодневного перехода от места, где Данвуди сражался с неприятелем. Раненый офицер, о котором мы упоминали, был единственным сыном полковника. Вот к нему-то и собирался Данвуди послать вестового с грустным известием о ранении молодого капитана и с приглашением от семейства Уортон, на которое мисс Синглтон, конечно, должна была отозваться и не мешкая приехать ухаживать за братом.

Майор Данвуди выполнил эту обязанность, но с большой неохотой: казалось, его тревога и смущение еще усилились. Он отправился в поле, где стояли его отряды,— за деревьями уже было видно, как остатки английского войска в полном порядке и с большой осторожностью отступают по горному кряжу к своим судам.

Отряд драгун под командованием капитана Лоутона держался неподалеку от их фланга, нетерпеливо выжидая удобного случая, чтобы нанести удар. Вскоре и американцы и англичане исчезли из виду.

На небольшом расстоянии от «Белых акаций» лежала деревушка, где скрещивалось несколько дорог и откуда поэтому было удобно разъезжать по окрестностям. Здесь не раз располагалась на постой американская кавалерия, а во время разъездов по долине — и легкие конные отряды. Майор Данвуди первый оценил преимущества этой стоянки, и сейчас, когда нужно было задержаться в Вест-Честере до получения приказа от командования, он, конечно, не забыл о ней. Сюда было велено отойти солдатам, взяв с собой раненых; уже приступили и к печальной обязанности хоронить убитых. Распоряжался всеми этими делами наш молодой воин, как вдруг новое обстоятельство привело его в смущение. На поле битвы он увидел полковника Уэлмира, который сидел в одиночестве, задумавшись о своих злоключениях; его размышления прерывались лишь учтивыми приветствиями проходивших мимо американских офицеров. Данвуди, обеспокоенный раной своего друга, ни разу не вспомнил о полковнике и теперь, подойдя к нему, извинился за то, что о нем еще не позаботились. Англичанин холодно выслушал вежливые слова Данвуди и пожаловался на ушибы, полученные будто бы тогда, когда его лошадь, случайно споткнувшись, упала. Данвуди, видевший, как один из его драгун довольно бесцеремонно сбросил полковника с лошади, с легкой улыбкой предложил ему врачебную помощь, а так как хирург находился в «Белых акациях», оба туда и направились.

— Полковник Уэлмир! — воскликнул с изумлением молодой Уортон, когда они вошли в дом.— Значит, судьба обошлась жестоко и с вами! Но мы рады вам, хотя было бы куда приятнее, если бы наша встреча произошла при более счастливых обстоятельствах.

Мистер Уортон принял нового гостя со свойственной ему настороженностью, а Данвуди тут же ушел навестить своего друга. Больной, по-видимому, чувствовал себя лучше, и майор сообщил врачу, что в комнате внизу другой раненый дожидается его искусства. Этих слов было достаточно, чтобы доктор оживился; схватив свои инструменты, он поторопился к новому пациенту. В дверях гостиной он столкнулся с выходившими оттуда дамами. Мисс Пейтон на минуту остановила его, чтобы справиться о здоровье капитана Синглтона, а Френсис, взглянув на забавную фигуру лысого эскулапа, улыбнулась своей прежней лукавой улыбкой; не обратила на него внимания лишь Сара, слишком взволнованная неожиданной встречей с британским офицером. Читатель

уже знает, что полковник Уэлмир был старым знакомым семейства Уортон, однако Сара давно уехала из Нью-Йорка, и этот джентльмен почти забыл о ней; ее же воспоминания были гораздо живее. В жизни каждой женщины приходит пора, когда ее сердце, как говорится, созревает для любви; в это блаженное время детство отступает перед расцветом молодости, наивное сердце бьется, предвкушая радости, которым не дано сбыться, а воображение рисует идеальные образы, подсказанные собственными, ничем не омраченными грезами. Сара покинула город именно в этом счастливом возрасте и увезла с собой туманную картину будущего, которая в уединении «Белых акаций» обрела более яркие краски, и на ее переднем плане поместился полковник Уэлмир. Неожиданность встречи поразила девушку; а когда полковник всем поклонился, она, повинуясь знаку своей наблюдательной тетушки, поднялась и вышла из комнаты.

— Значит, сэр,— заметила мисс Пейтон, выслушав отчет хирурга о здоровье его молодого пациента,— мы можем надеяться, что он поправится?

— Несомненно, сударыня,— ответил доктор, стараясь из уважения к дамам водворить на голову свой парик,— при заботливом и хорошем уходе — несомненно.

— Об этом можете не беспокоиться,— с сердечностью сказала мисс Пейтон.— Все, что у нас есть,— в его полном распоряжении, кроме того, майор Данвуди послал за сестрой больного.

— За его сестрой! — повторил доктор, и взгляд его стал многозначительным.— Ну, если майор послал за ней, значит, она приедет.

— Ведь ее брат опасно ранен, как же ей не приехать!

— Конечно, сударыня,— коротко ответил доктор и с низким поклоном посторонился, чтобы пропустить дам.

Слова и тон Ситгривса не остались незамеченными младшей из сестер — она была вся внимание, когда при ней называли имя Данвуди.

— Сэр,— крикнул хирург, войдя в гостиную и обращаясь к единственному находившемуся там человеку в красном мундире,— мне сказали, что вы нуждаетесь в моей помощи. Слава богу, что не капитан Лоутон был вашим противником, а не то вам уже не нужна была бы никакая помощь.

— Очевидно, произошла ошибка,— высокомерно сказал Уэлмир,— майор Данвуди хотел прислать мне хирурга, а не какую-то старую бабу.

— Это доктор Ситгривс,— поспешил вставить Генри Уортон, с трудом сдерживая смех.— Многочисленные обязанности помешали ему сегодня позаботиться о своем костюме.

— Прошу прощения, сэр,— сказал полковник, неуклюже стаскивая с себя мундир и показывая свою, как он выразился, раненую руку.

— Сэр,— сухо заметил Ситгривс,— если диплом Эдинбургского университета, практика в ваших лондонских госпиталях, ампутация нескольких сот рук и ног, всевозможные операции, осененные светом науки, а также чистая совесть и полномочия Континентального конгресса могут сделать человека хирургом, то хирург к вашим услугам.

— Прошу прощения, сэр,—церемонно повторил полковник,— капитан Уортон уже указал мне на мою ошибку.

— За что приношу капитану Уортону благодарность,— сказал доктор и начал раскладывать свои инструменты с невозмутимостью, от которой полковнику стало холодно.

— В какое место вы ранены, сэр?.. Всего только эта пустяковая царапина на плече! Каким образом вас ранили?

— Мятежный драгун ударил меня саблей,— с надменным видом ответил полковник.

— Не может быть! Даже прикосновение сабли кроткого Джорджа Синглтона не оказалось бы таким безобидным.— Ситгривс достал из кармана кусочек пластыря и залепил ранку на плече офицера.— Вот и все. Этого достаточно для вашей цели, сэр; уверен, что больше от меня ничего не потребуется.

— Какова же, по-вашему, моя цель, сэр?

— Отправить депешу, чтоб вас занесли в списки раненых,— спокойно ответил доктор,— и можете добавить, что перевязала вам раны старая баба—любая старуха вполне справилась бы с этим!

— Удивительно странная манера разговаривать! — пробормотал полковник.

Тут вмешался капитан Уортон. Он объяснил доктору, что полковник Уэлмир неудачно выразился, потому что был рассержен и страдал от боли. Капитану отчасти удалось умаслить оскорбленного хирурга, и тот в конце концов согласился продолжить осмотр раненого, у которого оказались лишь ссадины от падения. Ситгривс быстро залепил их пластырем и исчез.

Отдохнув и собравшись с силами, кавалеристы начали готовиться к отходу на намеченную позицию, а капитан Данвуди занялся размещением пленных. Ситгривса он решил оставить в доме мистера Уортона для наблюдения за Синглтоном. Генри попросил также позволения оставить в «Белых акациях» под честное слово и полковника Уэлмира. Данвуди охотно согласился, а так как остальные пленные были простыми солдатами, их, не мешкая, собрали и под сильным конвоем отправили в тыл. Вскоре тро-

нулись в путь и драгуны. Пехотинцы разделились на небольшие группы и в сопровождении конных патрулей рассыпались по всей окрестности, чтобы образовать цепь от вод Саунда до Гудзона.

Простившись с обитателями «Белых акаций», Данвуди на мгновение задержался возле дома; ему не хотелось уходить, и он думал, что причиной тому было беспокойство о раненом друге. Сердце, еще не огрубевшее в битвах, быстро пресыщается славой, если она куплена ценою человеческих жизней. Теперь, когда улеглось возбуждение этого горячего дня и молодой человек остался один, он почувствовал, что есть на свете иные узы, кроме тех, что связывают воина непреклонными законами чести. Сознание долга не ослабело в нем, однако он ощутил, как силен соблазн. Кровь уже не кипела в нем, как во время боя. Суровое выражение его глаз мало-помалу смягчилось, и мысль о победе не давала удовлетворения, которое вознаградило бы за принесенные ей жертвы. Окидывая последним взглядом дом мистера Уортона, Данвуди помнил лишь о том, что там осталось все самое дорогое его сердцу. Там он покинул друга юности, задержанного при обстоятельствах, грозивших его жизни и доброму имени. Там лежал тяжело раненный кроткий товарищ по оружию, сохранявший нежность и мягкость даже в жестоких утехах войны. Образ девушки, в тот день уже не владевший безраздельно сердцем Данвуди, снова возник перед ним, и обаяние Френсис изгнало из его мыслей ее соперницу — славу.

Последний запоздалый воин скрылся за северным холмом, и майор неохотно повернул свою лошадь в том же направлении. В эту минуту Френсис, терзаемая беспокойством, тихонько вышла на террасу. Стоял ясный, тихий день, на безоблачном небе ослепительно сияло солнце. Шум, еще так недавно нарушавший покой долины, сменился мертвой тишиной; казалось, людские страсти никогда не омрачали светлый пейзаж, открывшийся глазам девушки. Над полем висело одинокое облачко — то был сгустившийся дым битвы, но и оно постепенно растаяло, и над мирными могилами погибших не осталось и следов недавнего сражения. Волновавшие Френсис противоречивые чувства, тревожные переживания этого полного событий дня представлялись ей теперь обманом расстроенного воображения. Она оглянулась и увидела исчезающую вдалеке фигуру того, кто был таким важным действующим лицом в этой картине. Иллюзия рассеялась: девушка узнала любимого человека; действительность воскресила в ней воспоминания, и они заставили ее уйти в комнату с такой же печалью в сердце, какую уносил с собой из долины и Данвуди.

ГЛАВА IX

Окинув горы быстрым взглядом,
Он притаился. Где-то рядом
Раздался вдруг протяжный крик —
Враги спешили,— в тот же миг
Он быстро пересек поляну
И, продолжая неустанно
Бежать, спасаясь от удара,
Достиг долины Юэм-Ва́ра.

Вальтер Скотт

Отряд капитана Лоутона неотступно следовал за отходившими к своим судам англичанами, но удобного случая для нападения на них не представлялось. Опытный офицер, заменивший полковника Уэлмира, слишком хорошо знал силы американцев, чтобы спуститься со скалистых высот, пока он не приблизился к морскому берегу. Прежде чем предпринять этот опасный спуск, он построил своих солдат в плотное каре, внешние стороны которого ощетинились штыками. Горячий капитан Лоутон прекрасно понимал, что при таком построении противника кавалерии не удастся его атаковать, и ему волей-неволей приходилось идти за англичанами, не имея возможности остановить их медленное, но верное движение к побережью. Небольшая шхуна, сопровождавшая их от Нью-Йорка, стояла неподалеку, и ее пушки были наведены на берегу места погрузки. У капитана Лоутона хватило рассудительности понять, что было бы безумием бороться с отрядом, сочетавшим силу с дисциплиной, и англичане беспрепятственно погрузились на свои суда. Драгуны до последней минуты оставались на берегу, потом неохотно повернули назад, к своему главному корпусу.

Отряд Лоутона снова появился на южном крае долины, когда уже начало темнеть и вечерний туман становился все гуще. Удобства ради всадники двигались медленно, растянувшись цепочкой. Капитан ехал впереди бок о бок с лейтенантом Томом Мейсоном, и они беседовали по душам; тыл замыкал молодой корнет, мурлыкая песенку и думая о том, как приятно будет после утомительного дня растянуться на соломе.

— Так она и вас покорила? — спросил капитан.— Она с первого взгляда произвела на меня впечатление; это лицо не скоро забудешь. Клянусь, Том, такой выбор делает честь вкусу майора.

— О, этот выбор сделал бы честь всему нашему полку! — с восторгом воскликнул лейтенант.— Такие голубые глаза могут легко пристрастить человека к более деликатным занятиям, чем наши. Сознаюсь, я вполне допускаю, что такая красотка даже

меня могла бы заставить бросить палаш для штопальной иглы и сменить мужское седло на дамское.

— Да это бунт, сэр, это бунт! — крикнул, смеясь, капитан.— Как, Том Мейсон осмеливается соперничать с блестящим, веселым, обожаемым и вдобавок богатым майором Данвуди?! Вы лейтенант кавалерии, у которого только и есть, что лошадь, да и та не из лучших! А вот ваш капитан — тот крепок, как дуб, и живуч, как кошка!

— Однако,— возразил, улыбаясь, лейтенант,— и дуб можно расколоть, а старая кошка подохнет, если будет часто так бешено кидаться в атаку, как вы сегодня утром. А что, если вас опять стукнет такая кувалда, как та, что опрокинула сегодня на спину?

— И не вспоминайте, дорогой Том! При одной мысли об этом у меня трещит башка,— ответил капитан Лоутон, пожимая плечами.— Я называю это — вызывать прежде времени ночь.

— Ночь смерти?

— Нет, сэр, ночь, которая следует за днем. Я увидел мириады звезд, чего никогда не увидишь при свете дня. Наверное, я остался в живых, к вашему удовольствию, только благодаря толстой треуголке, хоть я и живуч, как кошка.

— Весьма обязан вашей треуголке,— сухо сказал Мейсон,— а может, и изрядной толщине вашего черепа.

— Ладно, Том, ладно! Вы признанный шутник, и я не стану притворяться, что сержусь на вас,— добродушно сказал Лоутон.— Лейтенанту капитана Синглтона, очевидно, повезло сегодня больше, чем вам.

— Надеюсь, мы оба будем избавлены от неприятности получить повышение ценою смерти товарища и друга,— мягко заметил Мейсон,— ведь Ситгривс сказал, что Синглтон останется жив.

— От всего сердца надеюсь на это! — воскликнул Лоутон.— Я еще не встречал такого смельчака среди безбородых юнцов. Меня удивляет, однако, что солдаты устояли, хотя мы с Синглтоном упали одновременно.

— Мне бы следовало поблагодарить вас за комплимент,— сказал, смеясь, лейтенант,— да скромность не позволяет. Я пытался остановить их, но безуспешно.

— Остановить! — рявкнул капитан. — Разве остановишь солдат во время атаки?

— Я полагал, что они бегут не туда, куда надо.

— Вот как! Значит, наше падение заставило их сделать крутой поворот?

— Может быть, и так, а может, они повернули, боясь, как бы самим не упасть. Однако, пока майор Данвуди нас не собрал, в наших рядах был удивительный беспорядок.

— Данвуди! Да ведь майор гнал немцев что было мочи!

— Значит, тогда он уже прогнал их. Майор примчался с двумя отрядами, проскакал между нами и неприятелем с тем грозным видом, какой у него всегда бывает в пылу сражения, и выстроил нас так быстро, что мы и ахнуть не успели. Вот тогда-то,— с живостью добавил лейтенант,— мы и загнали Джона Булла в кусты. Ну и славная была атака! Мы их били в хвост и в гриву, пока не разгромили.

— Черт побери! Какое зрелище я пропустил!

— Вы проворонили все от начала до конца.

— Да,— со вздохом сказал капитан,— для меня и бедняги Синглтона все это пропало. Однако, Том, что скажет этой белокурой девице сестра Джорджа Синглтона, когда приедет в белый коттедж?

— Ничего не скажет. Она повесится на своих подвязках,— заявил лейтенант.— Я отношусь с должным уважением к начальству, но чтобы два таких ангела достались одному человеку — это более чем несправедливо, если только он не турок и не индус.

— Да, да,— тотчас откликнулся капитан,— майор вечно проповедует молодежи мораль, но сам он порядочный повеса. Вы заметили его слабость к этому перекрестку в долине? Если бы я дважды останавливался со своим отрядом в одном и том же месте, все поклялись бы, что там поблизости какая-то юбка.

— Ну, вас-то весь корпус знает.

— Ладно, Том, привычка чернить людей неизлечима, однако...— Капитан вдруг рванулся вперед и стал всматриваться в темноту.— Что там за зверь бежит через поле справа от нас?

— Это человек,— сказал Мейсон, пристально глядя перед собой.

— Судя по горбу, это дромадер,— добавил капитан, не спуская глаз со странного силуэта. Внезапно свернув с дороги, он закричал: — Это Гарви Бёрч! Взять его живым или мертвым!

Только Мейсон и несколько ехавших впереди драгун разобрали слова капитана, но его возглас услышал весь отряд. Человек десять во главе с лейтенантом понеслись вслед за неистовым Лоутоном, да с такой быстротой, что у преследуемого не осталось никакой надежды на спасение.

Пока не стемнело, Гарви Бёрч благоразумно сохранял свою позицию на утесе, где его заметил проезжавший мимо Генри Уортон. С этой высоты разносчик видел все, что происходило в тот день в долине. С бьющимся сердцем наблюдал он за отходом частей, которыми командовал Данвуди, и нетерпеливо ожидал ночи, когда можно будет отправиться домой, не подвергаясь опасности. Ко-

гда стемнело, он пустился в дорогу. Однако он не прошел и четверти пути, как его чуткое ухо уловило топот приближающихся коней. Доверившись сгущающейся тьме, Бёрч все же пошел дальше. Он двигался быстро, пригибаясь к земле, в надежде, что его не заметят. Капитан Лоутон был увлечен разговором с лейтенантом, и его глаза не бегали, как обычно, по сторонам; между тем разносчик, угадав по звуку голосов, что самый страшный его враг проехал мимо, забыл об осторожности и выпрямился, чтобы идти быстрее. В тот миг, когда его фигура выросла над затененной землей, его обнаружили, и началась погоня. Бёрч понял, что беда неминуема; кровь застыла у него в жилах, ноги его подкосились, и на мгновение он почувствовал себя совершенно беспомощным. Но только на мгновение. Бросив тюк и машинально подтянув пояс, разносчик пустился бежать. Он знал, что стоит ему добраться до опушки леса, и преследователи уже не увидят его. Это ему удалось, и он напряг все свои силы, чтобы проскользнуть в чащу, но тут несколько драгун, проскакав на небольшом расстоянии слева, отрезали ему путь. Когда они приблизились, Бёрч бросился на землю, и они пронеслись, не заметив его. Однако долго оставаться в таком положении было чересчур опасно. Он поднялся, все еще держась в тени деревьев; он слышал, как драгуны кричали друг другу «ищите хорошенько», и что есть духу помчался вдоль опушки, в сторону, противоположную той, куда двигались солдаты.

Шум погони слышали все, но никто, кроме драгун, гнавшихся за Бёрчем, толком не понял приказа Лоутона. Задние так и не знали, что от них требуется, а молодой корнет, замыкавший тыл, нетерпеливо расспрашивал соседнего драгуна, в чем, собственно, дело, как вдруг неподалеку от них какой-то человек одним прыжком перескочил через дорогу. В ту же секунду по долине прогремел зычный голос капитана Лоутона:

— Это Гарви Бёрч! Взять его живым или мертвым!

Огонь пятидесяти пистолетных выстрелов осветил местность, и со всех сторон вокруг головы разносчика просвистели пули. Отчаяние сжало сердце беглеца, и он горестно воскликнул:

— Травят, как дикого зверя!

Жизнь со всеми ее тяготами представилась ему невыносимым бременем, и он уже готов был сдаться. Однако природа взяла верх: Бёрч имел все основания опасаться, что, если его схватят, его не ожидает даже видимость суда,— однажды он уже был приговорен к смерти и избежал ее лишь благодаря хитрой уловке, но теперь, всего вероятнее, утреннее солнце озарит своими лучами его позорную казнь. Эта мысль, а также приближающийся топот коней заставили его сделать над собой усилие, и он снова побежал. К счастью для Бёрча, перед ним оказались случайно уцелевшие

среди разрушений войны обломки стены и примыкающий к ней деревянный забор. Разносчик едва успел перекинуть через него свои усталые ноги, как к забору подскакали двадцать его преследователей. Однако лошади отказывались взять в темноте этот барьер — они становились на дыбы, и всадники осыпали их проклятиями. Во время этой сумятицы Бёрч разглядел холм, на вершине которого он мог бы оказаться в полной безопасности. Сердце разносчика радостно забилось, но тут снова прогремел голос Лоутона, приказавшего своим солдатам расступиться. Приказание было выполнено, и бесстрашный воин карьером поскакал к забору, вонзил в коня шпоры и перемахнул через преграду. Восторженное «ура» и громкий топот достаточно ясно говорили Бёрчу, как велика опасность. Казалось, последние силы покинули его, и участь его была уже решена.

— Стой, или смерть тебе! — прозвучало у Гарви над головой.

Он бросил испуганный взгляд через плечо и увидел на расстоянии шага от себя человека, которого боялся больше всего на свете. При свете звезд он разглядел поднятую руку и грозную саблю. Сердце Гарви сжалось от страха, усталости и отчаяния, и он упал Лоутону под ноги. Лошадь споткнулась о распростертое тело разносчика и вместе с всадником рухнула на землю. С быстротой молнии Гарви вскочил и вырвал саблю у ошеломленного драгуна. Жажда мщения — естественная человеческая страсть, и очень немногие отказывают себе в удовольствии поступить с обидчиком так, как тот поступил бы с ними; однако кое-кто знает, что куда сладостнее воздавать добром за зло.

Все пережитые Бёрчем обиды с поразительной ясностью пронеслись перед его мысленным взором. На мгновение злой демон овладел им, и он взмахнул могучим оружием; однако оно тут же опустилось, не причинив никакого вреда офицеру, который уже пришел в себя, но был беспомощен. И разносчик исчез за выступом благодетельной скалы.

— Сюда, на помощь капитану Лоутону! — крикнул Мейсон, подскакав вместе с десятком солдат.— Слезайте с лошадей и ищите в этих скалах, негодяй прячется где-то здесь поблизости.

— Стойте!— проревел сконфуженный капитан, с трудом поднимаясь на ноги.— Любому, кто сойдет с лошади,— смерть! Том, дружище, помогите мне снова сесть на Роноки.

Изумленный лейтенант молча выполнил эту просьбу, а драгуны застыли от удивления, словно приросли к седлам.

— Боюсь, что вы сильно ушиблись,— участливо заметил Мейсон, когда они опять выехали на дорогу, за неимением хорошего табака покусывая кончик сигары.

— Кажется, да,—ответил капитан, еле переводя дух и с трудом

произнося слова.— Хотел бы я, чтобы тут был наш костоправ и проверил, все ли ребра у меня целы.

— Ситгривса оставили в доме мистера Уортона наблюдать за капитаном Синглтоном.

— Значит, там переночую и я. В такие тяжелые времена нечего соблюдать церемонии. Вы помните, Том, этот старый джентльмен как будто проявлял теплые чувства ко всему нашему отряду. Разве можно проехать мимо дома такого близкого друга, не завернув к нему?

— А я проведу солдат в деревню Четыре Угла; если мы все остановимся в одном месте, в округе наступит голод.

— Боже упаси! Гречневые лепешки симпатичной мисс Пейтон пойдут мне больше на пользу, чем сутки в госпитале.

— Ну, если вы способны думать о еде, вы не умрете,— смеясь, сказал Мейсон.

— Если бы я не был способен есть, я бы наверняка умер,— мрачно ответил капитан.

— Капитан Лоутон,— подъехав к командиру, спросил ординарец,— мы сейчас проезжаем мимо дома этого шпиона-разносчика,—прикажете подпалить?

— Нет! — крикнул капитан так громко, что разочарованный сержант вздрогнул.— Ты что — поджигатель? Ты способен хладнокровно сжечь дом? Только попробуй! Рука, которая поднесет к нему хоть одну искру, сделает это в последний раз.

— Вот это голос! — клюя носом, пробормотал корнет, ехавший позади.— Есть еще жизнь в капитане, хоть он и свалился с лошади!

Лоутон и Мейсон ехали молча. Они уже добрались до ворот усадьбы мистера Уортона, а Мейсон все еще размышлял об удивительной перемене, происшедшей с капитаном после того, как он упал с лошади. Отряд отправился дальше, а капитан и лейтенант спешились и в сопровождении вестового медленно пошли к дому.

Полковник Уэлмир уже удалился в отведенную ему комнату, мистер Уортон с сыном заперлись вдвоем, а дамы хлопотали за столом, угощая доктора чаем,— к этому времени он успел осмотреть одного пациента, лежавшего в постели, и удостовериться в том, что второй пациент безмятежно спит. Нескольких дружелюбных вопросов мисс Пейтон было достаточно, чтобы сердце хирурга раскрылось,— тут обнаружилось, что он знал всю ее многочисленную родню в Виргинии и полагал даже, что встречался с нею самой. Добродушная мисс Пейтон улыбнулась, подумав, что, если бы она хоть раз увидела такого чудака, она бы уже не смогла его забыть. Как бы там ни было, это предположение развеяло чувство неловкости, и между ними завязалась непринужденная бе-

седа; племянницы только слушали, впрочем, и сама тетушка говорила немного.

— Как я уже заметил, мисс Пейтон, именно из-за вредоносных испарений с низин плантация вашего брата оказалась непригодной для людей, что же касается четвероногих...

— Господи, что это такое? — вскрикнула мисс Пейтон и побледнела, услышав выстрелы, направленные в Бёрча.

— Это больше всего похоже на сотрясение атмосферы, вызванное огнестрельным оружием,— ответил хирург и совершенно невозмутимо отхлебнул чаю.— Я предположил бы, что это возвращается отряд Лоутона, если бы не знал, что капитан никогда не пользуется пистолетом и всегда злоупотребляет саблей.

— Боже милостивый! — взволнованно воскликнула мисс Пейтон.— Неужели он кого-нибудь ранил?

— Ранил? — с живостью повторил доктор.— Да это верная смерть — Лоутон наносит самые безрассудные удары, какие можно себе представить. Чего только я ему ни говорил, ничего не помогает.

— Но ведь капитан Лоутон — это тот офицер, которого мы видели сегодня утром, и он ваш друг,— тут же сказала Френсис, заметив, что тетка перепугалась не на шутку.

— Ничего дурного я не вижу в дружбе с ним; человек он славный, только не желает усвоить, как надо рубить саблей по науке. Все профессии, мисс Пейтон, имеют право на существование, а что станется с хирургом, если его пациенты будут умирать прежде, чем он успеет их осмотреть!

Доктор пустился в рассуждения о том, возвратится или не возвратится отряд, но тут энергичный стук в дверь вызвал новую тревогу у женщин. Машинально положив руку на пилу, с которой он носился весь день в тщетном ожидании ампутации, доктор спокойно заявил дамам, что защитит их в случае опасности, и пошел открывать дверь.

— Капитан Лоутон! — воскликнул он, увидев драгуна, который, опираясь на плечо младшего офицера, с трудом переступил через порог.

— Это вы, мой дорогой костоправ? Какая удача, что вы здесь и можете исследовать мой костяк! Только бросьте, пожалуйста, эту злодейскую пилу.

Мейсон в нескольких словах объяснил хирургу, при каких обстоятельствах капитан получил ушибы, а мисс Пейтон любезно предложила сделать для него все необходимое. Пока приготовляли комнату и доктор важно отдавал распоряжения, капитан по приглашению дам отдыхал в гостиной. На столе стояло блюдо с кушаньем более существенным, чем те, какие обычно подаются к

чаю, и оно не замедлило привлечь к себе внимание драгуна. Мисс Пейтон вспомнила, что сегодня офицеры, очевидно, ели только один раз — утром за ее столом,— и сердечно пригласила их снова подкрепиться. Долго настаивать не пришлось; через несколько минут оба драгуна с комфортом сидели за столом и занимались делом, которое прерывалось лишь тогда, когда капитан морщился от боли, вызванной каким-нибудь неловким движением. Впрочем, эти перерывы не очень-то ему мешали, и капитан успел справиться со своей серьезной обязанностью, когда появился хирург и объявил, что в комнате на втором этаже все уже готово.

— Вы ужинаете!— воскликнул изумленный врач.— Вам что, умереть захотелось, капитан Лоутон?

— Нет, не в этом цель моих честолюбивых стремлений, но именно поэтому я запасся материалом, необходимым для поддержания жизни,— сказал капитан и, встав из-за стола, вежливо пожелал спокойной ночи дамам.

Хирург что-то недовольно проворчал и вышел вслед за капитаном и Мейсоном из столовой.

В те времена в каждом американском доме была так называемая «парадная комната»; эту комнату благодаря тайным заботам Сары отвели полковнику Уэлмиру. Кровать английского офицера была покрыта стеганым пуховым одеялом, особенно приятным в ясную морозную ночь для ушибленных рук и ног. В массивном серебряном кубке, украшенном фамильным гербом Уортонов, было налито на ночь питье; впрочем, великолепные фарфоровые кружки выполняли то же назначение и в комнатах обоих американцев. Сара, конечно, бессознательно отдала молчаливое предпочтение английскому офицеру, но капитану Лоутону, если бы не его ушибы, не нужны были ни мягкая постель, ни кубок и все прочее, кроме питья, ибо он привык проводить ночи не раздеваясь, а частенько и не слезая с седла. Когда он расположился в небольшой, однако весьма удобной комнате, доктор Ситгривс приступил к осмотру. Только он дотронулся до тела пациента, как тот нетерпеливо закричал:

— Сделайте одолжение, Ситгривс, положите куда-нибудь свою ужасную пилу, а не то мне придется взять для самозащиты саблю. От одного вида вашей пилы у меня в жилах стынет кровь.

— Непонятный страх перед столь полезным инструментом у человека, так часто подвергающего свое здоровье и свою жизнь опасности, капитан Лоутон.

— Спаси меня боже от нее! — вздрогнув, ответил драгун.

— Но не станете же вы презирать свет науки и не откажетесь от хирургической помощи, если понадобится прибегнуть к пиле.

— Откажусь!

— Откажетесь?

— Да, пока я жив и способен себя защищать, я не допущу, чтобы меня пилили, как воловью тушу! — крикнул непоколебимый драгун.— Но я хочу спать. Сломаны у меня ребра или нет?

— Нет.

— А какая-нибудь кость?

— Нет.

— Том, не подадите ли вы мне кувшин? — Проглотив залпом питье, капитан неторопливо повернулся спиной к своим друзьям и добродушно крикнул:— Доброй ночи, Мейсон! Доброй ночи, доктор Гален!

Капитан Лоутон глубоко уважал хирургические таланты своего приятеля, но относился весьма недоверчиво к действию лекарств на человеческие недуги. Он не раз утверждал, что человек с полным желудком, смелым сердцем и чистой совестью может выдержать любые передряги и устоять перед любыми превратностями судьбы. Смелое сердце ему даровала природа, и, по правде говоря, он неизменно стремился к тому, чтобы первое и третье условия его кредо были также выполнены. Он любил говорить, что смерть поражает последними глаза, а предпоследними — челюсти. И в пояснение добавлял, что тут явственно сказывается умысел самой природы: пусть человек сам решает, какую пищу отправить в свое святилище — рот; а уж если кусок невкусный, пеняй на самого себя. Доктор хорошо знал взгляды капитана, и, когда тот бесцеремонно повернулся к нему и Мейсону спиной, он посмотрел на своего пациента с презрительным сожалением, заботливо, чуть ли не благоговейно сложил в сафьяновый чемоданчик свои пузырьки с лекарствами, победоносно повертел в руках пилу и, не удостоив ответом прощальные слова драгуна, вышел из комнаты. Мейсон прислушался к дыханию капитана и, поняв, что слов «доброй ночи» тот все равно не услышит, поспешил откланяться дамам; потом вскочил в седло и во весь опор понесся к Четырем Углам, где разместился отряд.

ГЛАВА X

Когда душа отходит в мир иной
И закрываются глаза навеки,
Душа взывает к жалости людской
И просят слез закрывшиеся веки.

Грей

Владения мистера Уортона раскинулись по обе стороны дома, который он занимал, и бóльшая часть его земли лежала невозделанной. То тут, то там виднелись отдельные постройки, но в них ни-

кто не жил, и они быстро разрушались. Соседство обеих враждующих армий почти вытеснило из графства занятия земледелием. Хозяину не имело смысла затрачивать время и труд на то, чтобы наполнять свои закрома, которые могли опустошить первые же проходящие мимо фуражиры. Все стремились взять с земли лишь необходимое для скудного пропитания — все, кроме тех, кто жил в непосредственной близости к одной из сражающихся сторон и мог чувствовать себя в безопасности от набегов летучих отрядов другой. Для этих фермеров война была золотой нивой; особенно выгодна она была тем, кто имел связи с королевской армией. Мистеру Уортону не было нужды обрабатывать свои поля, чтобы обеспечить семью, он охотно перенял осторожную практику тех дней и ограничивался выращиванием продуктов сельского хозяйства, которые долго не залеживались, или же таких, какие нетрудно было скрыть от пронырливых фуражиров. Вот почему на арене военных действий не осталось ни одного жилого дома, кроме того, что принадлежал отцу Гарви Бёрча. Этот дом стоял между тем местом, где произошло столкновение американской кавалерии с неприятелем, и полем, где драгуны атаковали отряды полковника Уэлмира.

День сражения был для Кэти Хейнс богат событиями. Осмотрительная домоправительница сохраняла в своих политических взглядах строгий нейтралитет. Ее друзья поддерживали дело борцов за свободу, сама же девица уповала на то, что для нее, как и для жещин с более блестящими видами на личное счастье, настанет время, когда понадобится принести любовь к родине в жертву семейному очагу. Однако, несмотря на всю свою мудрость, эта милейшая особа в иные минуты мучилась сомнениями, на какую чашу весов ей следует бросить груз своего красноречия, чтобы без ошибки ратовать за дело, которому сочувствует разносчик. Его слова и образ жизни были так непонятны, что часто, когда она оставалась с ним наедине и уже совсем готова была обрушить обличительную речь на Вашингтона и его последователей, благоразумие сковывало ей уста, и в ее мозгу снова рождались сомнения. Что говорить, поведение этого загадочного существа, за которым она так внимательно наблюдала, могло сбить с толку даже человека с более широким кругозором и лучшим знанием жизни и людей, нежели Кэти.

Сражение на Уайт-Плейнс показало осторожному Вашингтону преимущества врага в организованности, вооружении и дисциплине. Главнокомандующему американской армией предстояло преодолеть многие трудности ценою больших усилий и постоянной бдительности. Он отвел войска в горы северной части Вест-

Честера, отбил атаки королевской армии, а сэр Уильям Хау вернулся в опустевший город Нью-Йорк, завоевание которого не дало ему никаких преимуществ. Впоследствии враждующие армии не мерились больше силами в границах Вест-Честера, хотя, что ни день, там снова появлялись партизаны и случалось, что на утренней заре жители узнавали о бесчинствах, совершенных под покровом ночи.

Разносчик делал свои переходы главным образом в часы, когда люди спят. Нередко вечером солнце расставалось с ним в одном конце графства, а утром встречало в другом. Тюк был его неизменным спутником, и те, кто внимательно следил за Бёрчем, когда он продавал свои товары, полагали, что его единственной целью была нажива. Порой его видели неподалеку от нагорья склоненным под тяжестью своей ноши, порой — вблизи реки Гарлем шагающим легкой походкой, обратив лицо к заходящему солнцу. И всегда он появлялся неожиданно и лишь на краткий миг. В другое время его не видели — разносчик исчезал на долгие месяцы, и никто не знал, куда он отправился.

Сильные отряды охраняли Гарлемские холмы, а северный берег острова Манхаттана щетинился штыками английских часовых; тем не менее Бёрч сновал туда и обратно, но его не замечали, и никто не причинял ему вреда. Он часто появлялся и у линии американских войск, однако с гораздо большими предосторожностями. Часовые, охранявшие горные ущелья, не раз говорили о странной фигуре, пробиравшейся мимо них в вечернем тумане. Рассказы об этом доходили до офицеров, и, как мы уже упоминали, разносчик дважды попадался в руки американцам. В первый раз он ускользнул от капитана Лоутона вскоре после ареста; во второй — его приговорили к смерти. На утро казни клетка оказалась открытой, а птичка улетела. Это непостижимое бегство произошло, когда Бёрч находился под надзором любимого офицера Вашингтона, а на карауле стояли солдаты, которых считали достойными охранять самого главнокомандующего. Таких уважаемых людей нельзя было заподозрить ни в измене, ни в том, что их подкупили, и среди рядовых укоренилось мнение, будто разносчик знается с нечистым. Кэти с негодованием отвергала такие предположения; размышляя об этих событиях, она приходила к заключению, что нечистая сила не платит золотом. Не платит, думала экономка, и Вашингтон; бумажные ассигнации и обещания — вот что мог раздавать своим слугам командующий американскими войсками. После заключения союза с Францией в Америке появилось больше серебра, но, хотя Кэти никогда не упускала случая заглянуть в замшевый кошелек Бёрча, она ни разу не обнаружила ни одной монеты с изображением Людовика между хорошо знакомыми ей монетами с пор-

третом Георга III. Словом, тайный клад разносчика со всей очевидностью доказывал, что его запасы золота получены от англичан.

Американцы часто наблюдали за домом Бёрча с целью арестовать его, но всегда безуспешно; тот, кого подозревали в шпионаже, тайными путями узнавал об их намерениях и неизменно разрушал их планы. Однажды, когда сильный отряд континентальной армии целое лето стоял на постое в деревне Четыре Угла, сам Вашингтон распорядился денно и нощно не спускать глаз с дверей дома Бёрча. Приказ исполнялся в точности, но за все это время разносчик ни разу не появился; отряд отозвали, и на следующий день Бёрч вернулся домой. Вследствие подозрительной репутации сына постоянно беспокоили и отца. Однако, несмотря на самую тщательную слежку за стариком, к нему невозможно было придраться, а его имущество было столь ничтожно, что так называемые «патриоты» сдерживали свой пыл — не стоило усердствовать ради конфискации или покупки таких жалких владений. Старость и печали грозили в любой час избавить отца Гарви Бёрча от дальнейших преследований; масло иссякло в светильнике его жизни. Горестно расставались в последний раз отец и сын, но они покорились тому, что́ оба считали своим долгом. Старик скрывал от соседей, что дни его сочтены, и все еще надеялся увидеться с сыном перед смертью. Волнения минувшего дня и все усиливающийся страх, что Гарви опоздает, приблизили событие, которое старику хотелось отдалить. Ночью ему стало так плохо, что Кэти Хейнс испугалась и отправила случайно забежавшего к ним во время боя мальчика к мистеру Уортону с просьбой прислать кого-нибудь побыть с ней. Отпустить можно было только Цезаря. Отзывчивая мисс Пейтон нагрузила слугу съестными припасами и подкрепляющими сердце средствами и отправила его на помощь Кэти. Впрочем, умирающему старику не были уже нужны лекарства, и, казалось, его волновало лишь желание повидаться с сыном. Шум, сопровождавший погоню за Бёрчем, был слышен в доме, но никто из находившихся там не догадывался о его причине; Кэти и Цезарь знали, что отряд американской кавалерии отошел к югу, и решили, что теперь он возвращается на свою прежнюю стоянку. Они слышали, как кавалеристы медленно проехали мимо, однако экономка, уступив благоразумным наставлениям негра, сдержала свое любопытство и не вышла из дома. Старик лежал с закрытыми глазами; Кэти и Цезарь думали, что он спит. В доме Бёрча были две большие и две маленькие комнаты. Одна большая комната служила кухней и гостиной, во второй лежал больной старик. Одна маленькая была святилищем Кэти, во второй хранилась провизия. В центре дома высилась огромная кирпичная печь, разделявшая большие комнаты,

и в каждой из них был соответствующих размеров очаг. В то время, о котором мы ведем рассказ, яркий огонь горел в очаге на кухне, а возле его громадной пасти сидели Цезарь и Кэти. Африканец внушал экономке, что нужно быть осторожной, и рассуждал о том, как опасно праздное любопытство.

— Лучше не искушать сатану,— сказал Цезарь и так закатил глаза, что белки заблестели в отсвете пламени.— Я сам раз чуть не потерял ухо из-за маленького любопытства; от него бывает много несчастий. Если бы не любопытство, белые люди не ехали бы в Африку, а черные жили бы у себя дома... Скорей бы Гарви пришел!

— Очень неуважительно с его стороны не быть дома в такое время,— строго сказала Кэти.— А что, если отец захочет в последние минуты составить завещание — кто напишет ему такую важную, серьезную бумагу? Гарви очень неуважительный и пустой человек.

— А может, он уже написал эту бумагу?

— Ничего удивительного, если и написал,— ответила экономка,— ведь он целые дни смотрит в Библию.

— Очень хорошая книга,— торжественным тоном заявил негр.— Мисс Фанни читает ее Дине.

— Ты прав, Цезарь, Библия — самая лучшая книга! У того, кто читает ее так часто, как отец Гарви, наверное есть на то особые причины. Это понятно всякому здравомыслящему человеку.

Кэти поднялась со стула, тихонько прокралась к комоду в комнате больного старика, вынула из ящика тяжелую Библию в толстом переплете с массивными медными застежками и вернулась к Цезарю. Книгу быстро раскрыли и принялись перелистывать. Кэти не была большим грамотеем, а Цезарь и вовсе не знал букв. Экономка некоторое время разыскивала слово «Матфей», а когда нашла, с гордостью показала его внимательно следившему за ней Цезарю.

— Хорошо, теперь читай по порядку,— сказал негр, глядя через плечо домоправительницы и держа длинную тонкую свечу из желтого сала так, чтобы ее слабый свет падал на книгу.

— Ладно, но придется начать с самого начала,— отозвалась Кэти, аккуратно перелистывая страницы в обратную сторону. Наконец, перевернув две сразу, она нашла густо исписанный лист.— Вот,— сказала Кэти, задрожав от нетерпения,— вот эти слова. Я ничего бы не пожалела, лишь бы узнать, кому он завещал большие пряжки для башмаков...

— Читай,— коротко сказал Цезарь.

— ...и черный ореховый комод... Гарви не нужна такая мебель, раз он не женится...

— Почему не нужна? Ведь была же она нужна отцу.

— ...и шесть серебряных столовых ложек... Гарви всегда ест оловянной ложкой!

— Может, он это здесь все сказал без многих слов,— заметил многозначительно Цезарь, указывая кривым темным пальцем на раскрытую страницу.

Итак, последовав совету Цезаря и побуждаемая собственным любопытством, Кэти принялась за чтение. Стремясь скорее добраться до наиболее интересной для нее части, она начала сразу с середины:

— «Честер Бёрч, родившийся сентября первого, 1755 года»,— прочитала Кэти с запинками, не делавшими большой чести ее учености.

— Так что он ему дает?

— «Абигайл Бёрч, родилась июля двенадцатого, 1757 года»,— тем же тоном продолжала экономка.

— Ей, верно, отдает ложки.

— «Июня первого, 1760 года. В этот страшный день кара разгневанного бога поразила мой дом...»

Мучительный стон, донесшийся из соседней комнаты, заставил Кэти невольно закрыть книгу, а Цезарь, задрожал от испуга. Никто из них не решился пойти взглянуть на больного, но оба слышали, что он по-прежнему тяжело дышит. Все же Кэти не отважилась снова открыть Библию и, осторожно защелкнув застежки, молча положила книгу на стол. Цезарь опять уселся в кресло и, смущенно оглядевшись вокруг, заметил:

— Видно, пришел его час.

— Нет,— торжественно сказала Кэти,— он проживет до прилива или пока не запоет первый петух.

— Бедняга!— продолжал негр, придвигаясь еще ближе к огню.— Я надеюсь, он будет лежать тихо, когда умрет.

— Нисколько не удивлюсь, если наоборот: говорят, человек, беспокойный при жизни, не знает покоя и в гробу.

— Джонни Бёрч по-своему очень хороший человек. Все не могут быть священниками; если все будут священниками, кто же будет паствой?

— Ах, Цезарь, только тот хорош, кто поступает хорошо! Ну скажи, для чего зарывать честно нажитое золото в землю?

— Господи! Верно, для того, чтобы скиннеры его не нашли. Но, если он знает, где золото, почему он его не выкопает?

— Должно быть, на это есть причины, но тебе их не понять,— ответила Кэти и придвинула стул, чтобы ее платье прикрыло магический кирпич, под которым втайне хранил свое богатство Бёрч; не удержавшись, чтобы не сказать о своем секрете, хоть ей и не хо-

телось выдавать его, Кэти добавила: — Шероховатое снаружи часто содержит гладкое внутри.

Не сумев проникнуть в скрытый смысл этой загадки, Цезарь огляделся по сторонам, и вдруг его блуждающие глаза остановились и зубы застучали от страха. Кэти тотчас заметила, как изменилось лицо негра, и, повернувшись, увидела, что на пороге стоит разносчик.

— Он жив? — спросил Бёрч дрожащим голосом, видимо, страшась услышать ответ.

— Жив,— ответила Кэти и, проворно поднявшись, услужливо предложила свой стул.— Он не умрет до рассвета или пока не кончится прилив.

Разносчик ничего не замечал. Услышав, что отец жив, он на цыпочках прошел в комнату умирающего. Отца и сына связывали далеко не обычные узы. Друг для друга они были самыми дорогими в мире людьми. Если бы экономка прочитала еще несколько слов, написанных на листке, она узнала бы печальную историю их несчастий. Одним ударом они лишились близких и достатка, и с того дня, где бы они ни были, за ними по пятам следовали горе и гонения. Подойдя к постели, Гарви наклонился над больным и, задыхаясь от волнения, прошептал ему на ухо:

— Вы узнаете меня, отец?

Старик медленно открыл глаза, и довольная улыбка мелькнула на его бледном лице; по контрасту с ней печать смерти казалась особенно ужасной. Разносчик поднес к запекшимся губам отца укрепляющее лекарство, которое он принес с собой, и на несколько минут к больному вернулись силы. Он заговорил, медленно и с трудом. Любопытство сковало Кэти уста, на Цезаря такое же действие произвел благоговейный страх, а Гарви едва дышал, прислушиваясь к словам отлетающей души.

— Сын мой...— глухо произнес старик.— Скоро, дитя мое, ты останешься в одиночестве. Я хорошо тебя знаю и предвижу, что ты будешь странником всю свою жизнь. Надломленный тростник может уцелеть, но никогда не выпрямится. В тебе самом те качества, которые поведут тебя по верному пути; продолжай, Гарви, так, как ты начал, ибо нельзя пренебрегать своим долгом и...

Шум в соседней комнате прервал слова умирающего, и встревоженный разносчик поспешил узнать, в чем дело; следом за ним пошли Кэти и Цезарь. Один лишь взгляд, брошенный на фигуру, показавшуюся в дверях, со всей очевидностью сказал Гарви, зачем явился этот человек и какая участь ожидает теперь его самого. Пришелец был не стар годами, но черты его лица изобличали душу, многие годы одержимую дурными страстями. На нем было платье из самой убогой материи и до того изодранное, что, казалось, он

намеренно хотел выглядеть бедняком. Волосы его поседели раньше времени, а запавшие угрюмые глаза бегали по сторонам, уклоняясь от встречи со смелым, честным взором. Резкие и беспокойные движения, вся его манера держаться свидетельствовали о низменной натуре, вызывали отвращение у окружающих и были во вред ему самому. Это был хорошо известный вожак одной из мародерских банд, которые рыскали по графству и, прикидываясь патриотами, совершали множество преступлений, начиная с мелких краж и кончая убийствами. За ним стояло еще несколько человек, одетых не лучше его; их лица выражали полное равнодушие и тупую бесчувственность. У всех были мушкеты со штыками — обычное снаряжение солдат-пехотинцев. Гарви знал, что сопротивляться бесполезно, и спокойно подчинился мародерам. В один миг с него и с Цезаря содрали приличное платье, а взамен дали лохмотья, снятые с двух самых гнусных бандитов. Разносчика и негра поставили в разные углы комнаты и, угрожая мушкетами, приказали отвечать правду на все вопросы.

— Где твой тюк? — прежде всего спросили разносчика.

— Послушайте,— дрожа от волнения, проговорил Бёрч,— в комнате рядом лежит мой отец, он умирает. Позвольте мне пойти к нему принять его благословение и закрыть ему глаза, и вы получите все, да — все.

— Отвечай на вопросы, или мушкет отправит тебя туда, куда собирается этот выживший из ума старик! Где твой тюк?

— Я ничего не скажу, пока меня не пустят к отцу,— твердо сказал разносчик.

Мучитель со злобой поднял руку, готовясь привести свою угрозу в исполнение, но один из дружков остановил его:

— Что ты делаешь! Ты забыл о награде? Скажи, где твое добро, Бёрч, и мы отпустим тебя к отцу.

Бёрч тотчас же повиновался, и одного мародера послали за добычей. Тот вскоре вернулся и, бросив на пол тюк, заявил, что он легок, как перышко.

— Ага,— крикнул вожак,— а где золото, вырученное за товары, которые в нем находились? Отдай нам золото, мистер Бёрч; мы знаем, что оно у тебя есть, не станешь же ты брать никчемные бумажные деньги.

— Вы нарушаете свое обещание,— сказал Бёрч.

— Давай золото! — свирепо рявкнул главарь и прижал к груди разносчика штык с такой силой, что из нее брызнула кровь.

В эту минуту из соседней комнаты донесся легкий шум, и Гарви умоляюще воскликнул:

— Пустите меня... пустите меня к отцу, я вам все отдам!

— Клянусь, я отпущу тебя, если ты отдашь золото,— сказал скиннер.

— Вот, берите этот мусор,— крикнул Бёрч, бросая кошелек, который он умудрился спрятать, несмотря на то что сменил одежду.

Разбойник с дьявольским смехом поднял кошель с пола.

— Ага, только с отцом ты увидишься на небесах!

— Чудовище, неужели у тебя нет никаких чувств, ни веры, ни совести!

— Послушать его, так не подумаешь, что веревка уже была у него на шее,— смеясь, вмешался один из мародеров.

— Можете не беспокоиться, мистер Бёрч, если старик и тронется в путь на несколько часов раньше, вы последуете за ним не позднее, чем завтра в полдень.

Эти безжалостные слова не произвели впечатления на Бёрча. Затаив дыхание, он прислушивался к каждому звуку в комнате отца. Наконец он услышал свое имя, произнесенное глухим, прерывающимся голосом. Больше Бёрч не мог выдержать и закричал:

— Отец! Тсс!.. Отец!.. Я иду! Я иду!..

Он метнулся, оттолкнув караулившего его скиннера, но тотчас же другой бандит пригвоздил его к стенке. К счастью, быстрое движение спасло разносчика от грозившего ему смертью удара — штык проткнул только его платье.

— Нет, мистер Бёрч,— сказал скиннер,— мы слишком хорошо знаем, какой ты ловкий мошенник, и не пустим тебя. Золото, где твое золото?

— Оно у вас,— ответил разносчик, судорожно пытаясь освободиться.

— Да, кошелек у нас, но у тебя есть еще деньги. Король Георг щедро платит, а ты оказал ему немало ценных услуг. Где твой клад? Не отдашь — не видать тебе отца!

— Поднимите камень, на котором стоит эта женщина,— порывисто крикнул разносчик,— поднимите камень!

— Он бредит, он бредит! — завопила Кэти, невольно ступив ногой на другой камень.

Его тут же вытащили, но под ним была лишь земля.

— Он бредит, вы свели его с ума! — вся дрожа, причитала экономка.— Станет ли такой разумный человек, как Бёрч, прятать золото под очагом.

— Замолчи ты, глупая женщина! — крикнул Гарви.— Поднимите камень в углу, и вы найдете для себя богатство, а меня сделаете нищим.

— И все будут вас презирать,— горько заметила Кэти.— Разносчик без товара и денег — презренный человек.

— Себе на веревку ему хватит,— сказал скиннер.

Не мешкая долго, он послушался Гарви и вскоре вытащил из тайника немалый запас английских гиней. Деньги живо высыпали в мешок, не обращая внимания на жалобы Кэти, уверявшей, что ей не заплачено жалованье и что по праву хотя бы десять гиней принадлежат ей.

Очень довольные богатой добычей, которая превзошла все их ожидания, бандиты собрались уйти и решили забрать с собою разносчика, чтобы сдать его американским войскам и потребовать за это обещанную награду. Все было готово, и они уже хотели потащить Бёрча силой, ибо он отказался двинуться с места, как вдруг перед ними выросла фигура, испугавшая даже самых храбрых. Крики сына подняли старика с постели, и, еле держась на ногах, он вышел из своей комнаты. Он закутался в простыню, глаза его были неподвижны, щеки ввалились — казалось, это явился выходец с того света. Даже Кэти и Цезарь подумали, что видят дух старого Бёрча; они опрометью бросились вон из дома, а следом за ними ринулись и перепуганные скиннеры. Возбуждение, придавшее силы умирающему, быстро прошло, и сын, подхватив его на руки, понес обратно в постель.

Наступившая реакция ускорила конец. Остекляневшие глаза старика смотрели на сына, губы шевелились, но голоса его не было слышно. Гарви наклонился и вместе с последним вздохом принял от отца предсмертное благословение. Впоследствии жизнь разносчика почти всегда бывала отравлена нуждой и несправедливостью; однако самые жестокие страдания и злоключения, бедность и клевета, постоянно преследовавшие его, не вытеснили воспоминания об этом благословении; оно озаряло своим светом картины прошлого, утешало в самые горестные минуты отчаяния; оно поддерживало надежду на лучшее будущее и укрепляло в Гарви сознание, что он преданно и верно выполнил священный долг сыновней любви.

Цезарь и Кэти бежали так стремительно, что им было не до размышлений. Впрочем, они вскоре инстинктивно отстали от скиннеров. Остановившись, экономка торжественным тоном сказала:

— О Цезарь, разве не ужасно, что старик встал раньше, чем его опустили в могилу! Видно, деньги его растревожили. Говорят, душа капитана Кида бродит возле того места, где он в прежнюю войну зарыл золото.

— Цезарь не думал, что у Джонни Бёрча такие громадные глаза,— трясясь от страха, сказал негр.

— Я уверена, что всякий живой человек расстроится, потеряв так много денег. Теперь Гарви ничто, он самый презренный,

никчемный бедняк. Хотела бы я знать, на что он надеется. Кто захочет теперь пойти к нему в экономки?

— Может быть, дух унес Гарви тоже,— заметил Цезарь, придвинувшись поближе к своей спутнице.

Но воображением Кэти владела уже новая мысль. А что, если грабители с перепугу бросили свою добычу? Поразмыслив и потолковав немного, Кэти и Цезарь решили вернуться обратно, чтобы выяснить это важное обстоятельство, а если удастся, узнать и о том, какая судьба постигла разносчика. Медленно, с большими предосторожностями они направились к страшному месту, а когда вышли на дорогу, по которой отступали скиннеры, предусмотрительная Кэти в поисках оброненного золота вглядывалась в каждый камешек. Однако, хотя разбойники, напуганные стариком и криком Цезаря, удирали сломя голову, они не выпустили из рук клада, вцепившись в него мертвой хваткой. Увидев, что в доме все спокойно, Кэти наконец отважилась туда войти. Разносчик оставался с отцом, с тяжелым сердцем выполняя последние печальные обязанности. Несколько слов объяснили Кэти, что она заблуждалась и старый Бёрч теперь уже умер, но Цезарь до конца дней своих продолжал изумлять чернокожих обитателей кухни глубокомысленными рассуждениями о духах и рассказами о том, каким жутким был призрак Джонни Бёрча.

Опасность заставила разносчика сократить даже тот короткий срок, в течение которого, по американскому обычаю, близкие остаются с умершими, и с помощью Кэти и негра грустные хлопоты были быстро закончены. Цезарь вызвался заказать гроб и пошел к плотнику, живущему в двух милях от Бёрчей; тело старика, облаченное в его обычную одежду, покрыли простыней и стали ждать возвращения негра.

Скиннеры во всю прыть побежали в лес, находившийся неподалеку от дома разносчика; благополучно укрывшись под его сенью, они произвели смотр своим насмерть перепуганным силам.

— Какой дьявол вселился в ваши трусливые душонки? — в сердцах крикнул главарь, тяжело переводя дух.

— Об этом можно спросить и тебя,— мрачно отозвался один из бандитов.

— Вы так испугались, будто нас нагнал отряд де Ланси! Здорово же вы улепетываете, джентльмены!

— Мы следуем за своим предводителем.

— Так пойдемте со мной назад, схватим этого мошенника и потребуем за него награду.

— Превосходно, но к тому времени, когда мы вернемся к его дому, чернокожий плут приведет туда этого бешеного виргинца. Ей-богу, я охотнее встречусь с полсотней ковбоев, чем с ним одним.

— Болван! — закричал разъяренный главарь.— Разве ты не знаешь, что кавалеристы Данвуди стоят в деревне Четыре Угла, в добрых двух милях отсюда?

— Плевал я на то, где стоят драгуны, но я могу поклясться, что капитан Лоутон вошел в дом старого Уортона — я сам это видел, когда выжидал подходящей минуты, чтобы увести из конюшни коня английского полковника.

— Ну и что ж, пусть является: разве пуля не прихлопнет драгуна с Юга так же, как и солдата из Старой Англии?

— Что верно, то верно, но не желаю я лезть в осиное гнездо. Прихлопнешь одного драгуна, а потом ни одной ночи не сможешь заниматься своим делом.

— Ладно,— пробормотал вожак, углубляясь со своей шайкой в лес,— этот дурень разносчик останется хоронить старого черта, а потом должен будет позаботиться о продаже своего имущества. Во время погребения его нельзя будет даже пальцем тронуть, не то все старухи и священники Америки поднимутся против нас, но завтра ночью он будет в наших руках.

С такой угрозой скиннеры отошли к одной из своих постоянных стоянок, чтобы с наступлением темноты снова заняться грабежом, не опасаясь ареста.

ГЛАВА XI

О горе! Горький, горький, горький день!
Плачевный, самый горький день из всех,
Какие приходилось видеть мне!
Проклятый, страшный, ненавистный день!
Нет, мир не знал таких ужасных дней.
О горький день! О горький день!

Шекспир

В усадьбе «Белые акации» одни спали, другие бодрствовали, но никто из членов семейства Уортон не подозревал о событиях, происходивших в доме Бёрча. Скиннеры всегда нападали так неожиданно, что их жертвы не могли рассчитывать на помощь соседей; нередко из опасения навлечь на себя беду те даже не выражали сочувствия пострадавшим. Новые обязанности подняли дам с постели на час раньше обычного; капитан Лоутон, несмотря на сильные боли, не отступил от своего неизменного обычая и встал, проспав только шесть часов. Таково было одно из немногих правил заботы о здоровье, в котором капитан и полковой хирург кавале-

рии сходились во взглядах. Последний провел ночь у постели капитана Синглтона, так и не сомкнув глаз. Время от времени он заходил в комнату раненого англичанина, но Уэлмир, страдавший скорее нравственно, чем физически, встречал медика весьма нелюбезно. Один раз доктор отважился на мгновение тихонько прокрасться в комнату к своему упрямому другу, но только он собрался пощупать ему пульс, как храбрый воин разразился во сне такими страшными проклятиями, что доктор благоразумно отступил, вспомнив ходившую в полку поговорку: «У капитана Лоутона одно ухо спит, другое слышит». Когда солнце, поднявшись из-за гор, рассеяло клубы тумана, окутавшего низину, дамы и капитан Лоутон встретились в гостиной.

Мисс Пейтон посмотрела из окна в сторону дома разносчика и выразила беспокойство о здоровье больного старика; вдруг из густого облака, стлавшегося над землей и постепенно таявшего в веселых лучах солнца, вынырнула фигура Кэти, быстрым шагом направлявшейся к усадьбе «Белые акации». Лицо экономки выражало необычайное горе, и сердобольная хозяйка отворила перед ней дверь гостиной с искренним желанием утешить ее в печали, казалось, такой глубокой. Взглянув на взволнованное лицо Кэти, мисс Пейтон уверилась в своем предположении; она ощутила удар в сердце, который всегда поражает чувствительных людей, когда они неожиданно узнают о вечной разлуке даже с самыми далекими знакомыми, и тотчас спросила:

— Он ушел от нас, Кэти?

— Нет, мэм,— с большой горечью ответила взбудораженная девица,— пока нет, но теперь пусть он уходит, когда ему вздумается, ведь самое худшее уже случилось. Они не оставили даже денег на новую одежду, чтоб он мог прикрыть свое тело, а та, что на нем, далеко не из лучших, скажу я вам, мисс Пейтон, уж это истинная правда!

— Как,— воскликнула изумленная хозяйка дома,— неужели у кого-нибудь хватит духу ограбить человека в таком несчастье!

— Хватит духу?— задыхаясь, повторила Кэти.— Уж такие-то люди не знают жалости. Именно ограбить в несчастье! Уверяю вас, мэм, в этом чугунке лежало сверху пятьдесят четыре золотых гинеи, а кто знает, сколько там было под ними! Я не трогала их, да и не хотела трогать,— говорят, что чужое золото липнет к рукам... но, уж наверное, там было не меньше двухсот гиней, не считая того, что он хранил в замшевом кошельке. Зато теперь Гарви все равно что нищий, а нищий, мисс Дженнет,— это самое что ни на есть презренное существо в целом свете.

— Бедных надо жалеть, а не презирать,— возразила мисс

Пейтон, все еще не вполне понимая, как велико бедствие, постигшее этой ночью ее соседей.— Но как себя чувствует старик? Его очень расстроила эта потеря?

Непритворное огорчение на лице Кэти уступило место выражению напускной печали:

— К счастью, он освободился от земных забот. Звон золотых монет поднял его с постели, и бедняга не вынес потрясения. Петух пропел через два часа десять минут после смерти старика, а чтобы сказать точно...

Излияния Кэти прервал доктор. Подойдя к ней, он с большим интересом стал расспрашивать, чем страдал покойный. Окинув взглядом своего нового знакомого, домоправительница машинально оправила платье и ответила:

— Тревожные времена и потеря состояния свели его в могилу; он угасал с каждым днем, и все мои заботы и труды пропали даром... А кто заплатит мне за них теперь, когда Гарви совсем разорился?

— За добрые дела вас вознаградит господь,— сочувственно сказала мисс Пейтон.

— Да,— прервала ее Кэти, принимая благочестивый вид, но его тотчас же сменило выражение, говорившее, что ее гораздо больше волнуют мирские заботы,— только Гарви не выплатил мне жалованья за три года, с кого же я получу теперь? Братья сто раз говорили мне, чтоб я стребовала с него свои деньги, но я думала, что счеты между родными сводятся очень просто.

— Так вы, значит, родственница Бёрча? — спросила мисс Пейтон, когда Кэти умолкла.

— Я...— немного замявшись, ответила экономка,— я считала, что мы все равно что родственники. Не знаю, имею ли я право на дом и на сад, хоть и говорят, что имущество Гарви теперь, конечно, конфискуют.

Эти слова Кэти были обращены к капитану Лоутону. Он сидел молча, не двигаясь, и, насупившись, смотрел на нее из-под густых бровей своими проницательными глазами.

— Может быть, этот джентльмен знает — его, кажется, заинтересовал мой рассказ.

— Сударыня,— ответил драгун с низким поклоном,— вы сами и рассказ ваш на редкость интересны (Кэти не могла сдержать улыбку), но мои познания сводятся лишь к тому, что я умею вывести эскадрон на поле боя и командовать им. Я посоветовал бы вам лучше обратиться к доктору Арчибальду Ситгривсу, джентльмену с универсальными знаниями и беспримерному филантропу. Он само милосердие и смертельный враг неосторожных сабельных ударов.

Доктор поднялся и, тихо насвистывая какую-то песенку, принялся разглядывать склянки, стоявшие на столе, а экономка, повернувшись к нему, продолжала:

— Должно быть, сэр, женщина не имеет своей доли в наследстве мужа, если она с ним не обвенчана?

Доктор Ситгривс положил себе за правило не пренебрегать ни одной отраслью знаний; вот почему он, помимо своей профессии, понемногу разбирался во всем. Однако, оскорбленный ироническим тоном приятеля, он сначала решил промолчать, потом, изменив вдруг свое намерение, с добродушной улыбкой сказал:

— Полагаю, что не имеет. Если смерть предшествовала бракосочетанию, боюсь, что у вас нет возможности бороться с ее суровыми законами.

Для Кэти ответ прозвучал обнадеживающе — кроме слов «смерть» и «бракосочетание», она ничего не поняла. Именно на эти слова она и ответила, потупив глаза:

— Я думаю, он ждал только смерти старика, чтобы жениться, но теперь Гарви — презренный человек или, что то же самое, торговец без товара, без дома и без денег. Ну скажите, может ли человек в таком положении найти себе жену? Как вы думаете, мисс Пейтон?

— Я редко задумываюсь о таких вещах,— с достоинством сказала мисс Пейтон.

Во время этого диалога Лоутон с комической серьезностью изучал лицо и манеры экономки; боясь, как бы такой забавный разговор не иссяк, драгун, сделав вид, что все это ему очень любопытно, спросил:

— Так вы полагаете, что преклонный возраст и слабое здоровье были причиной смерти старого джентльмена?

— И тревожные времена. Тревоги доводят больного человека до крайности, вот почему — я так думаю — его час настал; а когда приходит время умирать, тут уж никакие лекарства не помогут.

— Позвольте мне возразить вам на это,— прервал ее доктор,— мы все должны умереть, это верно, но нам дозволено обращаться к свету науки и с ее помощью предотвращать опасность, пока...

— ...мы не умрем secundum artem![1] — воскликнул драгун.

На это замечание доктор не соблаговолил ответить, но, считая, что он уронит свою профессиональную честь, если разговор не будет продолжен, добавил:

— Возможно, что в данном случае разумное лечение задержало бы процесс. Кто наблюдал за больным?

---

[1] По всем правилам искусства (*лат.*).

— Пока никто,— поспешила ответить экономка.— Я надеюсь, до процесса не дойдет, он высказал свою последнюю волю в завещании.

Доктор не обратил внимания на улыбки дам и продолжал расспрашивать:

— Без сомнения, весьма благоразумно подготовиться к смерти. Но я спрашиваю, под чьим наблюдением находился старик во время болезни?

— Под моим,— с важностью ответила Кэти,— но скажу вам прямо, мои труды пущены на ветер: Гарви теперь человек настолько презренный, что его особа не может послужить достаточным вознаграждением.

То, что оба не понимали друг друга, не мешало продолжению диалога, ибо каждый толковал слова собеседника по-своему. Итак, Ситгривс двинулся дальше:

— А какие меры вы принимали?

— Хорошие, конечно,— довольно сухо ответила экономка.

— Доктор спрашивает, какие вы давали лекарства,— заметил капитан Лоутон с выражением лица, которое было бы вполне уместно на похоронах покойного.

— Я лечила его главным образом настойками,— с улыбкой сказала Кэти, поняв свою ошибку.

— Лекарственными травами,— подхватил медик.— Что ж, в руках людей необразованных это безопаснее более сильных средств. Но почему никто не вел профессионального, так сказать, регулярного наблюдения за больным?

— Я уверена, Гарви и так достаточно натерпелся от регулярных за то, что слишком интересовался ими,— ответила экономка.— Он все потерял и теперь должен скитаться по свету, а я проклинаю тот день, когда переступила порог его дома.

— Доктор Ситгривс имел в виду не солдат регулярной армии, а регулярное посещение врача,— вставил драгун.

— О! — воскликнула домоправительница, снова поправляя себя.— По очень простой причине: нельзя было достать доктора, поэтому я сама ухаживала за стариком. Был бы поблизости доктор, мы бы, конечно, пригласили его; сама я обожаю лечиться, хоть Гарви и говорил, будто я убиваю себя лекарствами, но я уверена, что ему все равно, жива я или мертва.

— В этом вопросе сказывается ваш здравый смысл,— заметил доктор, подойдя ближе к Кэти, которая сидела, протянув руки и ноги к благодатному огню ярко горящего камина и стараясь устроиться как можно удобнее, несмотря на все свои заботы и тревоги.

— Вы, видимо, разумная, скромная женщина, и кое-кто, имевший все возможности приобрести правильный взгляд на вещи, может позавидовать вашему уважению к знаниям и свету науки.

Экономка не вполне поняла смысл этой фразы, но догадалась, что ей сделали комплимент; она осталась очень довольна словами хирурга и, еще больше оживившись, воскликнула:

— Про меня всегда говорили, что я и сама могла бы стать врачом. Пока я еще не поселилась у отца Гарви, меня называли доктором в юбке.

— Более справедливо, чем вежливо, сказал бы я,— заметил медик; восхищенный уважением Кэти к лекарскому искусству, он на мгновение забыл, что она женщина.— При отсутствии более просвещенных советчиков скромная матрона своим опытом может весьма успешно помешать развитию болезни; а как огорчительно, сударыня, когда приходится сталкиваться с невежеством и упрямством!

— Вот именно, я это хорошо знаю по опыту! — обрадованно закричала экономка.— В таких делах Гарви упрям, как бессловесное животное. Можно было бы ожидать, что мои заботы об его отце, прикованном болезнью к постели, научат упрямца не относиться с презрением к хорошему уходу. О, когда-нибудь Гарви поймет, что значит иметь в доме заботливую женщину, хотя я уверена, он сам теперь слишком презренный человек, чтобы у него был свой дом.

— Еще бы, представляю себе, какую горькую обиду вы испытывали, имея дело с подобным своевольцем! — отозвался хирург, с упреком взглянув на своего приятеля.— Но вы должны подняться выше подобных суждений и с состраданием смотреть на невежество, которое их порождает.

Экономка, не поняв всего, что сказал хирург, с минуту молчала; однако в его словах она чувствовала участие и доброту и, тщетно стараясь сдержать свою обычную словоохотливость, ответила:

— Сколько раз я твердила Гарви, что он часто ведет себя недостойно, а вчера он убедился, как я была права. Конечно, суждения таких неверующих, как он, не имеют большого значения. Просто страшно подумать, как он иногда поступает! Вот, например, когда он с презрением выкинул иглу...

— Что? — прервал ее хирург.— Неужели он осмелился отнестись с презрением к игле? Такая уж мне выпала участь — каждодневно встречаться с людьми, которые преступным образом не уважают света науки.

При этих словах Ситгривс повернулся лицом к Лоутону, но

капитан наклонил голову, и доктор не увидел, с каким трудом тот сохраняет серьезный вид. Восхищенная Кэти, внимательно слушавшая доктора, прибавила:

— Кроме того, Гарви не верит в приливы.

— Не верит в приливы! — с изумлением повторил целитель телесных ран.— Этот человек не доверяет своим органам чувств? Может быть, он сомневается во влиянии луны?

— Вот именно! — воскликнула Кэти в восторге, что встретила ученого человека, который разделяет ее излюбленные взгляды.— Если бы вы послушали Гарви, вы подумали бы, что он вовсе не верит в существование месяца.

— Беда в том, сударыня, что неверие и невежество сопутствуют друг другу. Когда разум отвергает полезные сведения, он незаметно для себя начинает тяготеть к суевериям и таким взглядам на явления природы, которые не только противоречат истине, но и расходятся с основными принципами человеческих знаний.

Кэти почувствовала такое благоговение к этим словам, что не решалась ответить наобум, а хирург несколько минут молчал, погруженный в философское самосозерцание; наконец он сказал:

— Я даже представить себе не мог, что человек в здравом уме способен сомневаться в таких явлениях, как приливы, но я знаю, до чего опасно предаваться упрямству,— ведь это может привести к самым ужасным ошибкам.

— Вы, значит, думаете, что явление может влиять на приливы? — совсем запутавшись, наугад сказала Кэти.

Мисс Пейтон встала и знаком попросила племянниц помочь ей убрать посуду в буфет в соседней комнате; в это время на лице внимательно слушавшего Лоутона на миг блеснуло оживление, которое он усилием воли погасил, и оно исчезло столь же внезапно, как и появилось.

Поразмыслив, верно ли он понял слова своей собеседницы, хирург решил, что следует поощрить такую любовь к науке, несмотря на отсутствие образования.

— Вы имеете в виду луну. Многие философы не могли решить, в какой степени она действует на приливы; однако, я полагаю, человек, не верящий в то, что она вызывает приливы и отливы на море, сознательно отталкивает от себя свет науки.

Слово «отлив» было незнакомо Кэти, поэтому она решила благоразумно промолчать, но она сгорала от любопытства — уж очень ей хотелось знать, о каком могущественном свете так часто упоминает доктор,— и она спросила:

— Не называется ли в наших краях северным сиянием тот свет, про который вы говорите?

Из сострадания к невежеству экономки Ситгривс собрался было прочитать пространную лекцию о значении света науки, но ему помешало бурное веселье Лоутона. Капитан слушал эту беседу с редким самообладанием, но тут его прорвало. Он хохотал до упаду, пока боль в костях не напомнила ему, что он свалился с лошади: никогда прежде по его лицу не текли такие крупные слезы. Наконец, воспользовавшись минутной паузой, уязвленный хирург сказал:

— Заблуждения необразованной женщины в вопросе, по поводу которого многие годы спорили люди науки, у вас вызывают лишь смех, но вы имели возможность убедиться, что эта почтенная матрона не считает свет... не считает зазорным прибегать к помощи инструментов, способствующих облегчению телесных страданий. Вы не можете отрицать, сэр, что она упомянула об игле.

— Еще бы,— в восторге крикнул драгун,— об игле, которой она штопает разносчику штаны!

Кэти поднялась с явным недовольством и тут же поспешила уверить его, что у нее были более возвышенные занятия.

— Игла служила мне не для штопки, а для важного дела.

— Объяснитесь, сударыня,— нетерпеливо сказал хирург,— пусть этот джентльмен поймет, как мало у него оснований торжествовать.

Кэти некоторое время молчала, стараясь подобрать слова, которые украсили бы ее рассказ. Вот в чем была его сущность. Маленький мальчик, которого комитет призрения бедных поместил в дом Бёрча, однажды напоролся на длинную иглу и сильно поранил себе ногу. Кэти обильно смазала эту иглу жиром, завернула в шерстяную тряпку и спрятала в некий магический уголок камина. Боясь ослабить действие заговора, ранку на ноге мальчика она даже не промыла. Когда разносчик вернулся домой, он испортил весь ее прекрасный метод лечения, прежде всего выбросив иглу. Эту историю Кэти закончила рассказом, к каким ужасным последствиям привело вмешательство Гарви.

— Не мудрено, что мальчишка умер от столбняка!

Доктор Ситгривс высунулся в окно, видимо, любуясь прелестным утром, и старался изо всех сил избегать убийственного взгляда капитана Лоутона; непреодолимое любопытство все же заставило его посмотреть на приятеля. Каждой черточкой своего лица драгун, казалось, выражал сострадание к судьбе ребенка, однако ликование в его глазах задело смущенного мужа науки за живое и, пробормотав несколько слов о необходимости проведать своих пациентов, он быстро удалился.

Мисс Пейтон с глубоким участием стала расспрашивать Кэти о том, что произошло в доме разносчика. И Кэти со всеми подроб-

ностями рассказала о событиях прошлой ночи, а та терпеливо выслушала ее. Экономка не забыла остановиться на размерах денежных потерь Гарви и отчаянно бранила его за то, что он выдал секрет, который можно было так легко сохранить.

— Будь я на его месте, мисс Пейтон,— продолжала Кэти, переведя дух,— я скорее лишилась бы жизни, чем открыла им тайну. Самое большее — они бы только убили его тело, теперь же всякий может сказать, что они убили и тело и душу, или — а это ничуть не лучше — сделали его презренным бродягой. Уж не знаю, на что он надеется, кто захочет стать его женой и кто будет вести его хозяйство! Ну, а я слишком дорожу своим добрым именем, чтобы согласиться жить в доме холостяка, хотя, по правде говоря, он теперь не бывает дома. Я решила сказать ему сегодня же, что ни на один час не задержусь после похорон, если он не сделает мне предложения; только вряд ли я выйду за него замуж, пока он не остепенится и не бросит скитаться.

Добрая хозяйка усадьбы «Белые акации» не прерывала потока слов изливавшей свои чувства экономки, а потом задала два-три тонких вопроса, доказывавших, что извилины человеческой души, раненной стрелой Купидона, ей знакомы лучше, чем можно было ожидать. Из ответов Кэти мисс Пейтон ясно поняла, что Гарви не имел никакого намерения предложить Катарине Хейнс свою руку и разоренное гнездо; поэтому она заметила, что ей самой нужна теперь помощница в хозяйстве и что Кэти могла бы переехать в «Белые акации», если разносчику больше не понадобятся ее услуги. После предварительных коротких переговоров об условиях, начатых хитрой экономкой, они быстро пришли к соглашению. Не преминув еще раз посетовать по поводу своих собственных тяжелых убытков и глупости Гарви, а также выразить интерес к его дальнейшей судьбе, Кэти удалилась, чтобы сделать необходимые приготовления к похоронам, назначенным на этот же день.

Во время разговора двух женщин Лоутон из деликатности вышел. Тревога за капитана Синглтона привела его в комнату, где лежал раненый. Характер этого юноши, как мы уже говорили, привлекал к нему симпатии всех офицеров полка. Он не раз доказал на деле, что его редкая кротость проистекала отнюдь не от недостатка решимости, а почти женственная мягкость манер не мешала ему пользоваться уважением даже самых суровых воякпартизан.

Майор Данвуди любил его, как родного брата, а покорность, с какой он подчинялся распоряжениям Ситгривса, сделала его любимцем и доктора. Офицеры американской кавалерии, раненные во время отчаянно смелых атак, неизбежно попадали в руки своего

хирурга. В таких случаях сей муж науки отдавал пальму первенства в послушании капитану Синглтону, а капитана Лоутона ставил на последнее место. Часто с непревзойденной наивностью доктор совершенно серьезно заявлял, что когда к нему приносят раненых офицеров, то самое большое удовольствие он испытывает при виде Синглтона и никакого — при виде Лоутона. Первый обычно отвечал на комплимент добродушной улыбкой, второй благодарил за порицание, мрачно кланяясь. И вот сейчас торжествующий драгун и оскорбленный в своих лучших чувствах врач встретились в комнате капитана Синглтона — в таком месте, где их интересы не сталкивались. Некоторое время оба они старались своими заботами облегчить участь больного, потом доктор ушел в отведенную ему комнату; через несколько минут, к его удивлению, в дверях показался Лоутон. Победа капитана была столь полной, что он мог себе позволить быть великодушным, и, для начала сбросив мундир, он беспечно крикнул:

— Ситгривс, не соизволит ли свет вашей науки оказать небольшую помощь моим телесным повреждениям?

Хирург теперь находил «свет науки» невозможной темой для разговора, однако, бросив украдкой взгляд на приятеля, он с изумлением увидел, что тот подготовился к осмотру с серьезностью, редко свойственной ему в таких случаях; вместо того чтоб вознегодовать, доктор вежливо спросил:

— Капитану Лоутону нужна моя помощь?

— Взгляните сами, доктор,— мягко сказал драгун,— мое плечо, кажется, окрашено во все цвета радуги.

— Вы не ошиблись,— заметил доктор, очень осторожно и с непревзойденным искусством исследуя указанную часть тела.— По счастью, кости не сломаны. Просто удивительно, как вам удалось уцелеть!

— Ведь я гимнаст еще с юности, и мне не страшно разок-другой свалиться с лошади. Однако, Ситгривс,— мягко добавил он, показывая на старый рубец,— эту свою работу вы помните?

— Великолепно помню, Джек: вы получили пулю, храбро сражаясь, и она была неплохо извлечена. Но не положить ли нам мази на ваше плечо?

— Разумеется,— ответил капитан с неожиданной покорностью.

— А теперь, мой мальчик,— придя в восторг, сказал доктор, смазывая ушибы,— скажите, не лучше ли было бы, дорогой, сделать это еще вчера ночью?

— Весьма возможно.

— Так вот, Джек, если бы вы позволили пустить вам кровь

сразу, как только я вас увидел, это принесло бы вам неоценимую пользу.

— Никакого кровопускания,— решительно сказал драгун.

— А ведь и сейчас еще не поздно. Впрочем, небольшая доза мази славно подсушит ссадины.

Капитан промолчал и только заскрипел зубами, и мудрый доктор переменил тему.

— Жаль, Джек, что вы не поймали того мошенника,— ведь, стараясь его поймать, вы подвергали себя опасности.

Капитан Лоутон ничего не ответил, а хирург, накладывая на плечо повязку, продолжал:

— Если бы у меня было хоть малейшее желание лишать людей жизни, я с удовольствием повесил бы этого изменника.

— Я полагал, ваше дело лечить, а не убивать,— сухо заметил капитан.

— Да, но донесения этого шпиона были причиной наших тяжких потерь, и я не могу относиться к нему с философским спокойствием.

— Вам не следовало бы питать злобных чувств ни к кому из своих ближних,— возразил Лоутон таким тоном, что хирург уронил булавку, которой собирался сколоть бинты.

Он взглянул в лицо пациенту, словно сомневаясь, действительно ли перед ним капитан Джон Лоутон. Удостоверившись, однако, что с ним говорит его старый приятель, Ситгривс оправился от изумления и продолжал:

— Ваша доктрина справедлива, и в целом я под ней подписываюсь... Но, дорогой мой Джон, не мешает ли вам эта повязка?

— Нисколько.

— В принципе я согласен с вами, но, так же как материя делима до бесконечности, нет и правил без исключения... Вам удобно, Лоутон?

— Очень.

— Лишать человека жизни, когда можно достигнуть цели менее суровыми мерами, не только жестоко по отношению к жертве, но порой несправедливо к окружающим... Да, Джек, если бы вы только... двиньте слегка рукой... если бы вы только... надеюсь, вам стало удобнее, дорогой друг?

— Гораздо.

— Если бы вы научили своих солдат более осмотрительно наносить сабельные удары, дорогой Джон, цель все равно была бы достигнута, а мне вы доставили бы великую радость.

Доктор тяжко вздохнул, высказав наконец то, что давно было у него на душе, а драгун невозмутимо надел мундир и, уходя, спокойно проговорил:

— Вряд ли чьи-нибудь солдаты наносят удары более старательно, чем мои. Они обыкновенно рассекают череп от макушки до челюсти.

Разочарованный эскулап собрал свои инструменты и с тяжелым сердцем направился в комнату полковника Уэлмира.

ГЛАВА XII

Мне эти руки, поднятые к небу,
Напоминают молодые ветви,
Дрожащие от ветра в летний вечер,
Да, в этой хрупкой, нежной оболочке
Живет могучий, непреклонный дух.
Возвысившись, он ярко озаряет
Прекрасные глаза сияньем неба.

Дуо

Появление новых и столь разных гостей в «Белых акациях» порядком прибавило забот и хлопот мисс Дженнет Пейтон. К утру все понемногу пришли в себя, кроме молодого драгунского офицера, в котором принимал такое горячее участие Данвуди. Драгун был ранен очень серьезно, хотя доктор продолжал утверждать, что его рана не смертельна. Капитан Лоутон, как мы упоминали, уже встал; проснулся и Генри Уортон — его сон потревожил лишь страшный кошмар, будто ему ампутирует руку хирург-новичок. Убедившись, что это только сон, молодой человек поднялся с постели, чувствуя себя совсем молодцом; к тому же доктор Ситгривс избавил его от всяких опасений, уверив, что не пройдет и двух недель, как он будет совершенно здоров.

Полковник Уэлмир не показывался все утро; он завтракал у себя в комнате и, невзирая на многозначительные улыбки ученого мужа, заявил, что болен и не в силах подняться с постели. Предоставив полковнику переживать свои горести в одиночестве, доктор отправился выполнять более благородную обязанность — посидеть часок возле Джорджа Синглтона. Едва он переступил порог, как заметил легкий румянец на лице своего пациента; быстро подойдя к нему и кончиками пальцев прикоснувшись к его пульсу, доктор знаком велел молодому человеку молчать.

— Пульс бьется чаще — это симптом начинающейся лихорадки,— пробормотал хирург.— Однако глаза стали яснее, а кожа — более влажной. Нет, нет, мой дорогой Джордж, вам надо лежать спокойно и не разговаривать...

— Полно, дорогой Ситгривс,— сказал драгун, взяв его за руку,— у меня нет никакой лихорадки; взгляните, есть ли на моем языке то, что Джек Лоутон называет «инеем»?

— Уж чего нет, того нет,— ответил доктор, засовывая ложку ему в рот и глядя в глубь горла, словно он хотел проникнуть во внутренности своего пациента.— Язык чистый, и пульс становится медленнее. Кровопускание пошло вам на пользу. Чудодейственное средство, особенно для южан. А этот безумец Лоутон упал прошлой ночью с лошади и наотрез отказался пустить себе кровь. Однако, Джордж, ваше ранение делается случаем из ряда вон выходящим,— продолжал хирург, рассеянно сбросив с себя парик,— пульс бьется мягко и ровно, кожа стала влажной, а глаза горят и щеки раскраснелись. О, мне надо хорошенько разобраться в этих симптомах!

— Спокойнее, дорогой друг, спокойнее,— сказал молодой человек, откидываясь на подушку; румянец, так испугавший хирурга, почти сошел с его лица.— Мне кажется, что, вынув пулю, вы сделали все, что от вас требовалось. У меня ничего не болит, я только ослабел, поверьте мне.

— Капитан Синглтон,— с жаром воскликнул его друг,— вы слишком самонадеянны, коль пытаетесь уверить врача, что у вас нет болей! Если бы мы не могли сами судить о таких вещах, к чему нам был бы свет науки? Стыдитесь, Джордж, стыдитесь! Даже этот своенравный Джон Лоутон не поступает так неблагоразумно!

Больной улыбнулся и мягко отстранил руку хирурга, начавшего было снимать с него бинты; краска снова выступила на его щеках, когда он спросил:

— Скажите мне, Арчибальд (когда доктора называли по имени, сердце его обычно смягчалось), что за небесный дух проскользнул ко мне в комнату, когда я лежал, притворившись спящим?

— Если какой-нибудь дух, небесный или земной, вздумает вместо меня лечить моих пациентов, я отучу его совать нос в чужие дела! — запальчиво крикнул Ситгривс.

— Но, дорогой мой, никто не совал нос в ваши дела и не собирался совать; взгляните,— капитан показал на свои повязки,— все в том же виде, в каком вы оставили... этот дух скользнул по комнате с грацией феи, с легкостью ангела.

Убедившись, что к повязкам никто не прикасался, доктор снова неторопливо уселся возле больного и, надев парик, спросил с прямотой, которая сделала бы честь лейтенанту Мейсону:

— А этот дух был в юбке, Джордж?

— Я видел только небесные глаза, пунцовые щечки... плавную походку, легкие движения,— ответил молодой человек, с

излишней, по мнению доктора, горячностью, принимая во внимание состояние больного.

Доктор зажал ему рот рукою, чтобы заставить его замолчать, и сказал:

— Это была, наверное, мисс Дженнет Пейтон, весьма достойная леди, походка у нее.. гм... почти такая же, как вы описали, глаза очень добрые, а что до пунцовых щек, то, осмелюсь сказать, когда она занята делами милосердия, на ее лице появляется такой же яркий румянец, какой украшает лица ее молоденьких племянниц.

— Племянниц? Так у нее есть племянницы? Нет, ангел, которого я видел, может быть дочерью, сестрой, племянницей... только не теткой.

— Тсс, Джордж, тсс! От таких разговоров у вас снова участится пульс. Лежите спокойно и приготовьтесь к встрече с собственной сестрой, она будет здесь не позднее чем через час.

— Как, Изабелла? Но кто послал за ней?

— Майор.

— Как заботлив Данвуди! — прошептал молодой человек и, утомившись, снова откинулся на подушки и замолчал, послушавшись доктора.

Утром, когда капитан Лоутон появился в гостиной, члены семейства Уортон начали наперебой расспрашивать его, как он себя чувствует. Об удобствах же английского полковника позаботился кто-то невидимый. Сара намеренно избегала входить к нему в комнату, однако она знала, где стоит у него каждый стакан, и своими руками налила питье во все графины, стоявшие у него на столе.

В те времена, к которым относится наше повествование, народ Америки не был единодушен во взглядах на общественный строй своей страны. Сара считала своим долгом отстаивать порядки, установленные ее предками — англичанами; впрочем, у девушки были и другие, более веские причины оказывать молчаливое предпочтение английскому полковнику. Его образ первый поразил ее юное воображение, к тому же он был наделен многими из тех соблазнительных качеств, которые способны покорить сердце женщины. Правда, ему не хватало выдающихся достоинств Пейтона Данвуди, зато самоуверенности было хоть отбавляй. Все утро Сара бродила по дому, не сводя нетерпеливого взгляда с комнаты Уэлмира, и, хотя ей очень хотелось узнать, как он себя чувствует, она не отваживалась спросить кого-нибудь об этом, чтобы не выдать своего особого интереса к нему. Наконец Френсис с наивной прямотой обратилась к доктору Ситгривсу с вопросом, который так волновал ее сестру.

— Состояние полковника Уэлмира,— серьезно ответил медик,— я бы сказал, всецело зависит от его собственного желания. Захочет — скажется больным, захочет — может объявить себя здоровым. В этом случае, юная леди, ему не нужно мое искусство врача; ему бы лучше всего обратиться за советом к сэру Генри Клинтону; впрочем, по милости майора Данвуди связь с этим лекарем стала несколько затруднительной.

Френсис улыбнулась, отвернув лицо, а Сара с величием оскорбленной Юноны выплыла из гостиной. Не найдя успокоения у себя в спальне, она снова стала расхаживать по длинной галерее, куда выходили все комнаты дома, и увидела, что дверь в комнату Синглтона открыта. Юноша был один и, казалось, спал. Сара тихонько вошла к нему; в течение нескольких минут она, едва сознавая что делает, прибирала на столиках, где были еда и лекарства, и, возможно, представляла себе, будто оказывает эти небольшие услуги другому. Ее природный румянец разгорелся еще ярче от насмешливых слов доктора, не погас и блеск ее глаз. Услышав приближающиеся шаги Ситгривса, девушка быстро спустилась по внутренней лестнице к Френсис. Сестры вышли подышать свежим воздухом на террасу; прогуливаясь рука об руку, они вели такой разговор.

— В докторе, которого оставил здесь Данвуди, есть что-то неприятное,— начала Сара.— Мне бы хотелось, чтоб он скорей уехал.

Френсис промолчала, но посмотрела на сестру смеющимися глазами; Сара, однако, сразу поняла их выражение и быстро добавила:

— Но я совсем забыла, что он из твоего прославленного виргинского корпуса и говорить о нем надо с почтением.

— Как бы почтительно ты о нем ни говорила, дорогая сестра, вряд ли ты преувеличишь его заслуги.

— В твоих глазах, конечно,— резко отозвалась Сара.— Однако не кажется ли тебе, что мистер Данвуди злоупотребляет правами родственника, превратив дом нашего отца в лазарет?

— Мы должны быть благодарны судьбе, что среди больных этого лазарета нет наших близких.

— А твой брат?

— Верно, верно,— сказала Френсис, покраснев до корней волос,— но он не прикован к постели и считает, что его рана не слишком высокая плата за радость побыть с нами. Только бы,— добавила она, и губы ее задрожали,— развеялось ужасное подозрение, которое пало на него из-за того, что он приехал домой! Тогда я тоже примирилась бы с его раной.

— Вот они, плоды мятежа для нашей семьи: брат ранен,

в плену и, может быть, станет жертвой мятежников; наш покой нарушен; отец в отчаянии, а усадьба — под угрозой конфискации за преданность отца королю.

Френсис молча шла рядом с сестрой. Когда ее взгляд падал на северный край долины, он задерживался на ущелье, где дорога внезапно терялась в горах; каждый раз, поворачивая обратно, девушка замедляла шаг и не сводила глаз с этого места, пока сестра нетерпеливым движением не заставляла ее продолжать прогулку. Наконец вдали показался одноконный кабриолет; осторожно пробираясь между камнями, усеявшими петлявшую по долине проселочную дорогу, он направился к «Белым акациям». Глядя на приближающийся экипаж, Френсис то бледнела, то краснела; когда же она различила фигуру женщины, сидевшей рядом с негром в ливрее, у нее от волнения подкосились ноги, и ей пришлось опереться на Сару. Через несколько минут путешественники подъехали к дому. Ворота широко распахнул ехавший за экипажем драгун — тот самый, которого майор Данвуди послал к отцу капитана Синглтона. Мисс Пейтон и сестры вышли навстречу гостье и приняли ее радушно. Френсис, однако, не могла оторвать испытующего взгляда от ее лица. Это была молодая, тоненькая, хрупкая и очень хорошо сложенная девушка. Большие, широко открытые черные глаза смотрели пристально, порой даже немного диковато. Вопреки моде того времени, ее пышные черные волосы не были напудрены и блестели, как вороново крыло. Локоны, падавшие на щеки, придавали ее мраморно-белой коже почти мертвенный оттенок. Доктор Ситгривс помог гостье выйти из кабриолета; подойдя к террасе, она с волнением поглядела на него.

— Ваш брат вне опасности и желает вас видеть, мисс Синглтон,— сказал хирург.

Изабелла Синглтон залилась слезами. Френсис смотрела на нее с каким-то тревожным восхищением, потом с сестринской горячностью бросилась к ней и, нежно взяв за руку, повела в приготовленную для нее комнату. В сердечном порыве Френсис было так много искренности и простодушной прелести, что мисс Пейтон, не желая мешать девушкам, проводила их лишь взглядом и доброй улыбкой. Эта сцена произвела такое же впечатление и на других; вскоре все разошлись, чтобы заняться своими повседневными делами.

Изабелла беспрекословно подчинилась мягкому жесту Френсис. В комнате, куда та привела ее, гостья долго плакала на плече нежно успокаивающей ее новой подруги, и Френсис подумала, что столь сильное душевное волнение вызвано не только ранением брата. Мисс Синглтон рыдала горько и безудержно, однако, сде-

лав над собой усилие, поддалась ласковым уговорам и перестала плакать. Она встала, повернула голову к Френсис, и ее лицо осветилось улыбкой. Извинившись за свою чрезмерную чувствительность, она попросила проводить ее в комнату раненого.

Брат и сестра встретились тепло, но сестра казалась более сдержанной, чем можно было ожидать, судя по сильному волнению, которое она проявила всего лишь несколько минут назад. Она нашла, что брат выглядит лучше, чем рисовала ей пылкая фантазия, и что состояние его, видимо, не столь опасно. Мисс Синглтон повеселела, и ее отчаяние сменилось чуть ли не радостью. Ее прекрасные глаза зажглись новым блеском, и она так обворожительно улыбнулась, что Френсис, которая, уступив ее настоятельным просьбам, вошла вместе с нею в комнату больного, с изумлением глядела на эту перемену и невольно любовалась изменчивым лицом девушки.

Как только Изабелла высвободилась из объятий брата, он бросил пристальный взгляд на Френсис, и, может быть, впервые мужчина, посмотревший на прелестное личико нашей героини, разочарованно отвел от нее глаза. Капитан, казалось, совсем растерялся; он потер лоб, словно пробудился от сна, задумался, а потом спросил:

— Где же Данвуди, Изабелла? Этот чудесный малый неутомим, когда делает людям добро. После такого тяжелого дня, как вчерашний, он раздобыл мне ночью сиделку, одно присутствие которой способно поднять меня с постели.

Выражение лица мисс Синглтон снова изменилось, она обвела комнату каким-то странным взглядом, встревожившим Френсис, наблюдавшую за ней с неослабным интересом.

— Данвуди! Разве его здесь нет? Я думала, что увижу его у постели моего брата.

— У него есть обязанности, призывающие его в другое место. Говорят, англичане отошли от Гудзона и нападают на отряды нашей легкой кавалерии; если бы не это, Данвуди ни за что не разлучился бы надолго со своим раненым другом. Но, Изабелла, как ты взволнована встречей со мной, ты вся дрожишь!

Девушка не ответила. Она протянула руку к столику, на котором стояло питье для капитана; внимательно следившая за ней Френсис тотчас угадала ее желание и подала ей стакан воды. Немного успокоившись, Изабелла сказала:

— Конечно, у него есть свои обязанности. В горах говорили, что королевский отряд находится на берегу реки; а ведь драгуны были всего лишь в двух милях отсюда, когда я проезжала мимо них.

Последние слова мисс Синглтон произнесла почти шепотом; казалось, она говорила сама с собой, а не со своими собеседниками.

— Они выступили в поход, Изабелла? — взволнованно спросил брат.

— Нет, по-видимому, они расположились на биваке.

Раненый удивленно посмотрел на сестру. Потупив глаза, она сидела с отсутствующим видом, но это ему ничего не объяснило. Он перевел взгляд на Френсис. Пораженная его встревоженным лицом, она встала и торопливо спросила, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Извините меня за бесцеремонность,— сказал молодой офицер, пытаясь приподняться,— но я попросил бы вас позвать сюда на минуту капитана Лоутона.

Френсис тотчас передала капитану просьбу Синглтона и, не в силах побороть свое любопытство, вернулась и села на прежнее место рядом с Изабеллой.

Когда капитан вошел в комнату, раненый нетерпеливо спросил:

— Лоутон, есть у вас сведения о майоре?

Глаза Изабеллы теперь устремились на Лоутона. Он непринужденно, с солдатской простотой поздоровался с ней.

— Он два раза присылал ординарца справиться, как мы тут поживаем в лазарете.

— А почему он не приехал?

— Это вопрос, на который может ответить только он сам: здесь, в Вест-Честере, командует Данвуди. Вы ведь знаете, что красные мундиры выступили; с этих англичан нельзя спускать глаз.

— Да, это так,— протянул Синглтон, словно убежденный доводами капитана.— А почему вы бездельничаете, когда там так много дела?

— Моя правая рука не в блестящем состоянии, к тому же Роноки утром прихрамывал. Я мог бы привести еще одну причину, да боюсь вызвать недовольство мисс Уортон.

— Пожалуйста, говорите, не стесняйтесь меня! — сказала Френсис, и в ответ на добродушную улыбку драгуна ее милое лицо осветилось лукавой усмешкой.

— В таком случае, скажу прямо: запах вашей кухни не позволяет мне покинуть это царство раньше, чем я окончательно не удостоверюсь, что здешняя земля родит прекрасные плоды.

— О, тетя Дженнет изо всех сил старается не уронить честь гостеприимного дома моего отца,— смеясь, ответила девушка.— Однако, уклоняясь от участия в ее трудах, я рискую навлечь на себя немилость,— пойду-ка и предложу ей свою помощь.

Френсис отправилась искать свою тетку, глубоко задумавшись над необычным характером и крайней чувствительностью новой знакомой, которую случай привел в «Белые акации».

Раненый офицер следил взглядом за Френсис, с детской грацией выходившей из комнаты; когда за ней затворилась дверь, он сказал:

— Не часто можно встретить такую тетку и племянницу, Джек; эта девушка похожа на фею, а тетка — на ангела.

— Вы, как я вижу, выздоравливаете, если уже восторгаетесь женским полом.

— Я был бы неблагодарным и бесчувственным человеком, если бы не оценил прелести мисс Пейтон.

— Она, конечно, славная, по-матерински добрая леди, а насчет ее прелести, так это дело вкуса. При всем моем уважении к ее житейскому опыту и благоразумию мне бы она могла понравиться, будь она помоложе.

— Но вряд ли ей больше двадцати,— с живостью возразил Синглтон.

— Это смотря по тому, как вести счет; ежели начать с вершины жизни и идти назад, весьма возможно, что и двадцать; но, ежели считать, как полагается, с рождения, то и все сорок.

— Ты принял старшую сестру за тетку,— вставила Изабелла, приложив свою красивую руку к губам больного.— Помолчи, тебе вредно волноваться!

В комнату вошел доктор Ситгривс. Его несколько встревожило лихорадочное состояние пациента, и он подтвердил слова Изабеллы. Капитан Лоутон отправился выразить соболезнование Роноки, который пострадал прошлой ночью, сделав сальто-мортале вместе со своим седоком. К великой радости драгуна, ординарец сообщил, что лошадь последовала примеру хозяина и дело пошло на поправку; после нескольких часов беспрерывных растираний ее ноги вновь обрели, по выражению Лоутона, способность «систематически передвигаться». Драгун велел оседлать Роноки, намереваясь присоединиться к кавалеристам, стоявшим на постое в деревне Четыре Угла,— правда, не раньше, чем он отведает вкусные яства на предстоящем пиршестве.

Тем временем Генри Уортон зашел навестить Уэлмира, и благодаря его утешениям к полковнику вновь вернулось хорошее расположение духа. Он решил подняться с постели и уже был готов встретиться с противником, о котором отзывался с полным пренебрежением, хотя, как показали события, не имел на то никаких оснований. Уортон прекрасно знал, что причиною их беды — так оба они называли свое поражение — была опромет-

чивость полковника, но он добродушно приписывал все лишь несчастной случайности; из-за нее-то англичане лишились в бою своего командира и их отряд пришел в смятение.

— Короче говоря, Уортон,— сказал полковник, спустив одну ногу с кровати,— то, что случилось, можно объяснить стечением ряда досадных обстоятельств; даже ваша лошадь вдруг понесла, и вам не удалось передать майору мой приказ ударить во фланг мятежников.

— Совершенно верно,— ответил капитан и подтолкнул к кровати полковника туфлю,— если бы нам удалось открыть по ним сильный огонь, мы обратили бы в бегство этих бравых виргинцев.

— Да, да, и в два счета! — крикнул полковник, спустив вторую ногу.— К тому же нам пришлось выбивать пехотинцев из засады, а это и дало виргинцам возможность обрушиться на нас.

— Еще бы! — согласился капитан, отправляя вторую туфлю вслед за первой.— Уж майор Данвуди никогда такой возможности не упустит.

— Мне кажется,что, если бы можно было начать все сначала,— продолжал полковник, вставая,— мы весьма основательно изменили бы положение. Впрочем, и сейчас мятежники могут бахвалиться лишь тем, что взяли меня в плен,— ведь им так и не удалось вытеснить нас из леса.

— Конечно, не удалось бы, если бы даже они и попытались это сделать,— заметил капитан и бросил Уэлмиру остальные принадлежности его костюма.

— Ну, это одно и то же,— возразил полковник, начав одеваться.— В военном искусстве самое главное — найти тактику, которая устрашает врага.

— Ну конечно, вы же помните, как в одной из атак мы разбили их наголову.

— Верно, верно! — с воодушевлением воскликнул полковник.— Будь я там, я воспользовался бы нашим перевесом, и мы поменялись бы с янки ролями!

С этими словами Уэлмир проворно закончил свой туалет и вскоре предстал перед обитателями коттеджа. Он снова был преисполнен самого высокого о себе мнения и нисколько не сомневался, что попал в плен по причинам, неподвластным человеческой воле.

Когда в доме узнали, что полковник Уэлмир выйдет к столу, все стали еще усерднее готовиться к торжественному обеду. Сара, ответив на приветствие этого джентльмена, начала сердечно расспрашивать, не беспокоят ли его раны, затем она поторопилась

на кухню, чтобы советом и делом принять участие в подготовке к пиршеству — развлечению, столь часто украшавшему сельскую жизнь в те времена и, пожалуй, сохранившемуся в обиходе и до наших дней.

ГЛАВА XIII

...Я сяду и поем,
Будь даже эта трапеза последней.

Шекспир. Буря[1]

Аромат, привлекший внимание капитана Лоутона, начал проникать во все уголки коттеджа, и кое-какие особенно соблазнительные запахи, поднимавшиеся из подземных владений Цезаря, сообщили драгуну приятную уверенность в том, что его обоняние, не менее острое в таких случаях, чем его зрение — в других, его не подвело. Чтобы полнее наслаждаться ароматами поблизости от их источника и не дать ни одной струйке испарений, насыщенных пряностями Востока, унестись к небесам, минуя его нос, капитан устроился у окна над кухней. Однако, прежде чем занять эту выгодную позицию, он не забыл достойно подготовить к званному обеду собственную персону, конечно в меру возможностей своего скромного гардероба. Кавалерийский мундир всегда открывал ему доступ в самые лучшие дома; правда, этот предмет одежды уже несколько потускнел от бесцеремонного с ним обращения и долгой службы, но для такого торжественного случая его тщательно вычистили и отутюжили. Голова капитана, которую природа украсила черными, как смоль, волосами, теперь блистала снежной белизной, а его жилистая рука, так искусно владевшая саблей, выглядывала из-под кружевной гофрированной манжеты почти с девичьей робостью. Вот, пожалуй, и все изменения в туалете капитана, если не считать более чем празднично сверкавших сапог и шпор, искрившихся в лучах солнца, хотя они и были сделаны из самого обыкновенного железа.

Цезарь расхаживал по комнатам, и на его лице было еще более важное выражение, чем накануне, когда он выполнял печальный долг перед покойным Бёрчем. Послушный приказу своей хозяйки, он рано вернулся от гробовщика, куда его послал утром разносчик, и тотчас же принялся за неотложные дела. Обязанности Цезаря были теперь так обширны, что он мог лишь урывками делиться впечатлениями об удивительных событиях прошедшей знаменательной ночи со своим черным собратом, явившимся в «Белые акации» вместе с мисс Синглтон. Впрочем,

[1] Перевод М. Донского.

не упуская ни одной свободной минуты, Цезарь успел зайти так далеко в своем повествовании, что у гостя от изумления глаза полезли на лоб. Врожденная страсть к чудесам могла бы совсем затуманить головы этих негров, если б не вмешалась мисс Пейтон и не приказала Цезарю отложить конец его истории до более подходящего времени.

— Ох, мисс Дженнет! — покачивая головой, воскликнул Цезарь, вновь переживая все то, что ему хотелось рассказать.— Ох, и страшно было увидеть Джонни Бёрча на ногах, когда он уже помер!

На том и кончилась беседа. Впрочем, Цезарь твердо решил вознаградить себя в дальнейшем, что́ он и сделал, много раз рассказывая об этом необычайном событии.

С духом старика Бёрча было, таким образом, пока что покончено, и дела в ведомстве мисс Пейтон потекли как по маслу. К тому времени, когда полуденное солнце совершило свой двухчасовой путь от меридиана, началось церемониальное шествие из кухни в гостиную во главе с Цезарем. Он шел в авангарде, неся с ловкостью эквилибриста блюдо с индейкой на своих вытянутых морщинистых ладонях.

За ним следовал вестовой капитана Лоутона; не сгибая колен, он широко шагал, словно приноравливался к поступи своего коня; в руках у него был жирный окорок истинно виргинского происхождения — дар брата мисс Пейтон из Аккомака. Солдат, которому было доверено столь ароматное кушанье, не спускал с него глаз с чисто военной привычкой к дисциплине. Когда он достиг места назначения, трудно было сказать, где было больше сока — у него ли во рту или в аккомакском беконе.

Третьим шел слуга полковника Уэлмира; в одной руке он нес блюдо с фрикасе из цыплят, а в другой — пирожки с устрицами.

Следующим выступал помощник доктора Ситгривса; недолго думая он схватил громадную суповую миску,— вероятно, она больше всего напоминала ему знакомые предметы его ремесла,— и не выпускал ее, пока пар от супа совсем не затуманил стекла его очков — знака его медицинской профессии. Когда он дошел до гостиной, то вынужден был опустить свою ношу на пол и снять очки; лишь тогда он увидел, как можно пробраться между столами, заставленными фарфором и грелками для посуды.

Далее шествовал солдат, приставленный к капитану Синглтону. Словно соразмеряя свой аппетит с самочувствием раненого капитана, он нес всего лишь двух жареных уток; однако их дразнящий аромат заставил его раскаяться в том, что он совсем недавно уничтожил два завтрака: свой и приготовленный для сестры капитана.

Шествие замыкал белый мальчик-слуга, один из постоянных домочадцев «Белых акаций»; он стонал под тяжестью блюд со всевозможной зеленью, которыми нагрузила его сбившаяся с ног кухарка, не рассчитавшая его слабых сил.

Но этим далеко не исчерпывались приготовления к приему гостей. Едва Цезарь поставил на стол индейку, которая всего лишь неделю назад летала в горах Детчеса, даже не мечтая так скоро возглавить столь роскошный стол, как он тотчас же, словно заведенный, повернулся на каблуках и снова отправился на кухню. Его пример заразил остальных; прежним строем они торжественно проследовали друг за другом сперва на кухню, потом обратно в гостиную.

Благодаря такому идеальному порядку в дополнение к прочей снеди на стол были водворены стаи голубей и перепелок, многие виды вальдшнепов и целые косяки камбалы и морского окуня.

В третий раз процессия доставила к столу основательные порции картофеля, лука, свеклы, шинкованной капусты, риса,— словом, всего того, что еще требовалось для отменного обеда.

Стол ломился от изобилия, присущего американской кухне. Окинув весьма одобрительным взглядом эту выставку яств и передвинув каждое блюдо, поставленное не его руками, Цезарь пошел докладывать хозяйке дома, что благополучно выполнил доверенное ему дело.

Примерно за полчаса до описанного нами кулинарного парада дамы исчезли столь же непостижимым образом, как исчезают ласточки перед наступлением зимы. Но вот настала весна их возвращения, и все общество собралось в комнате, которая называлась гостиной только потому, что в ней не было обеденного стола и стоял диван, обитый пестрой тканью.

Добрая мисс Пейтон не только считала, что празднество заслуживает из ряда вон выходящих приготовлений в ее кулинарном ведомстве, но и позаботилась достойным образом принарядить свою собственную особу ради гостей, которых она с радостью принимала.

На голове у мисс Пейтон красовался чепчик из тончайшего батиста, отделанный широким кружевом, откинутым назад, чтобы был виден букетик искусственных цветов, приколотый над ее красивым лбом.

На ее волосах лежал такой толстый слой пудры, что трудно было сказать, какого они цвета; строгость прически несколько смягчали слегка завитые кончики волос, придававшие лицу женственную нежность.

Платье из тяжелого шелка лилового цвета было низко вырезано на груди; туго облегающий корсаж из той же ткани подчеркивал красоту фигуры. Широкая юбка говорила о том, что в те времена не скупились на материю для туалетов. Небольшие фижмы оттеняли красоту ткани, и фигура мисс Пейтон казалась еще более величественной.

Природа наградила эту леди немалым ростом, а каблуки на туфельках из того же шелка, что и платье, делали ее выше еще чуть ли не на два дюйма.

Рукава, сверху узкие, падали ниже локтя широкими свободными складками; благодаря батистовым оборкам, отделанным дрезденскими кружевами, ее руки, сохранившие правильную форму и белизну, казались удивительно нежными. Три нитки крупного жемчуга обвивали ее шею; грудь, видневшуюся в вырезе лифа, мисс Пейтон, не забывая о своих сорока годах, прикрыла кружевным платочком.

В этом наряде она стояла прямая и статная, с горделивой осанкой, свойственной женщинам того времени, и, право же, могла бы повергнуть в прах целый рой современных красавиц.

Сара была одета с таким же вкусом: ее голубое атласное платье, отличавшееся от тетушкиного лишь материей и цветом, не менее выгодно обрисовывало ее стройную фигуру. В двадцать лет незачем прибегать к тому, что подсказывает благоразумие в сорок, и глубокий вырез в атласном платье Сары лишь чуть-чуть прикрывало фишю из тончайших кружев. Шея и покатые плечи блистали всей своей естественной красотой. Как и тетка, Сара надела три нитки жемчуга, в ушах у нее были жемчужные серьги. Она была без чепчика, а откинутые назад волосы открывали прелестный лоб, гладкий, как мрамор, и белый, как снег. Несколько непокорных завитков красиво падали на шею; надо лбом, словно корона, высилась гирлянда из искусственных цветов.

Мисс Синглтон доверила брата заботам доктора Ситгривса; ему удалось заставить своего пациента спокойно уснуть, сперва избавив его от лихорадочного жара, охватившего больного после свидания с сестрой. Радушная хозяйка уговорила мисс Синглтон присоединиться к остальному обществу, и теперь Изабелла сидела рядом с Сарой, почти такая же нарядная, как и соседка. Впрочем, Изабелла не напудрила свои черные локоны. Необычайно высокий лоб, огромные блестящие глаза, а может быть, и бледность лица придавали ей задумчивый вид.

Последней по счету, но отнюдь не по очарованию на этой выставке женской красоты была младшая дочь мистера Уортона. Френсис, как мы уже говорили, покинула Нью-Йорк, не достигнув того возраста, когда женщины начинают следовать моде.

В эту пору кое-кто уже решился повести наступление на устаревшие обычаи, так долго стеснявшие прекрасный пол, и юная Френсис отважилась положиться на то, что даровала ей природа. Правда, не во многом, но это немногое было безупречно. В течение утра она не раз собиралась уделить больше, чем обычно, внимания своей внешности. Но всякий раз она обращала пристальный взгляд на север и неизменно отказывалась от своего намерения.

В назначенный час наша героиня появилась в гостиной в небесно-голубом шелковом платье, сшитом почти так же, как и платье сестры. Пышные волосы стягивала на затылке длинная узкая черепаховая гребенка желтого цвета, едва заметная на свободно падающих золотистых локонах. На платье ее не было ни складочки, ни морщинки; оно сидело как влитое, так что можно было подумать, будто лукавая девушка превосходно знает, чем может похвастать. Вставочка из роскошных дрезденских кружев придавала ее лицу особенную нежность. На голове у Френсис не было никаких украшений, но на шею она надела золотую цепочку с великолепным сердоликом.

На мгновение, лишь на одно мгновение, Лоутон увидел выглянувшую из-под платья прелестную ножку в голубой туфельке с бриллиантовой пряжкой. Драгун невольно вздохнул, подумав, как должна быть грациозна эта ножка в плавном менуэте, хотя ее и невозможно вообразить себе в стремени.

Но вот на пороге комнаты показался Цезарь и сделал глубокий поклон, в продолжение многих десятков лет означавший: «кушать подано». Мистер Уортон в суконном фраке с громадными пуговицами церемонно подошел к мисс Синглтон и, низко склонив напудренную голову, предложил девушке руку, а она протянула ему свою.

Доктор Ситгривс с такой же почтительностью предложил руку мисс Пейтон; милостиво приняв ее, леди немного задержалась, чтобы надеть перчатки.

Сара наградила полковника Уэлмира улыбкой, когда он подошел к ней с тем же церемонным поклоном; Френсис по-девически застенчиво подала кончики своих тонких пальцев капитану Лоутону.

Понадобилось немало времени и хлопот, чтобы разместить всех за столом, не нарушив правил этикета и законов старшинства, но наконец, к великому удовольствию Цезаря, все расселись. Он отлично знал, что кушанья не становятся вкуснее, если долго стоят на столе, и понимал, как неприятно есть остывший обед, но при всем своем философском складе ума не мог постигнуть, какое важное значение имеет для общества соблюдение привычного ритуала.

Первые десять минут все за столом, кроме капитана Лоутона, были довольны собой и друг другом. Впрочем, и капитан был бы вполне счастлив, если бы излишняя чопорность хозяина дома и мисс Пейтон не помешала ему сразу же приступить к своему любимому занятию — отведывать разные блюда и выбирать их себе по вкусу.

Наконец обед начался, и рвение, с каким все приступили к еде, красноречивее всяких слов говорило о кулинарном искусстве Дины. Потом стали пить за здоровье дам, и так как вино было превосходное, а бокалы объемистые, то драгун отнесся к перерыву в еде вполне благодушно. Он так боялся кого-нибудь задеть или отклониться от какого-нибудь правила этикета, что, отдав долг вежливости своей ближайшей соседке, продолжал пить за прекрасный пол, пока каждая из дам не преисполнилась уверенности, что он не оказал предпочтения другой. Можно ли было осудить капитана Лоутона, так долго не пробовавшего хорошего вина, что он поддался соблазну и то и дело прикладывался к рюмке?

Мистер Уортон принадлежал к числу нью-йоркских политиков, главным занятием которых до войны было собираться вместе для глубокомысленных рассуждений о знамениях времени. Их вдохновляла некая влага, выжатая из винограда, растущего на южных склонах гор острова Мадейры, и попадавшая в колонии Северной Америки через Вест-Индию с небольшой остановкой в западном архипелаге, имевшей целью проверить благодатные свойства его климата. Мистер Уортон вывез из своих нью-йоркских погребов солидные запасы такой влаги, и теперь перед капитаном стояла бутылка с вином, сверкавшим в косых лучах солнца, как янтарь.

Хотя мясные и овощные блюда следовали одно за другим в полном порядке, уход их со сцены был подобен отступлению ополченцев. Казалось, что на еду набросились мифические гарпии: остатки этого богатого пира хватали, швыряли, опрокидывали, сгребали в кучу, а когда наконец все исчезло, двинулась новая процессия яств. На столе появилась целая гора всяких сластей и того, что подается обычно вместе с ними.

Мистер Уортон наполнил вином бокал дамы, сидевшей от него справа, и, пододвинув бутылку гостю слева, с низким поклоном сказал:

— Мисс Синглтон, окажите нам честь и произнесите тост.

Хотя было принято обращаться к даме с подобными просьбами, Изабелла вздрогнула. Стараясь собраться с мыслями, она сначала покраснела, потом побледнела, и ее смущение привлекло к ней всеобщее внимание. Наконец она сделала над собой усилие

и с таким видом, словно никакое другое имя не пришло ей в голову, тихо сказала:

— За здоровье майора Данвуди.

Все охотно выпили за его здоровье, только полковник Уэлмир едва пригубил бокал и стал выводить на столе узоры, размазывая пролитое вино. Затем, прервав наступившее молчание, он громко сказал, обращаясь к капитану Лоутону:

— Полагаю, сэр, что армия мятежников повысит в чине этого майора Данвуди за то, что он использовал выгоды, которые доставила ему приключившаяся со мною беда.

Драгун полностью удовлетворил свой аппетит и теперь не мог стерпеть ни малейшей обиды ни от одного смертного, если не считать Вашингтона и своего непосредственного начальника. Налив себе вина из полюбившейся ему бутылки, он с полным спокойствием сказал:

— Прошу прощения, полковник Уэлмир, но майор Данвуди служит Соединенным Штатам Америки, служит верой и правдой. Такой человек не мятежник. Я надеюсь, что он и в самом деле получит повышение — прежде всего потому, что он этого заслуживает, а еще и потому, что у нас следующий за ним по званию — это я. Не знаю, что вы называете «бедой», если не разумеете столкновение с виргинской кавалерией.

— Не все ли равно, как выразиться,— надменно отозвался полковник.— Я сказал так, как мне подсказывает долг перед моим королем. Но разве вы не считаете, что потеря командира — это беда для его отряда?

— Конечно, иногда бывает и так,— многозначительно ответил драгун.

— Мисс Пейтон, не окажете ли и вы нам честь произнести тост! — воскликнул встревоженный хозяин дома, желая прекратить этот диалог.

Мисс Дженнет с достоинством наклонила голову, и легкий румянец выступил на ее лице, когда она промолвила:

— За здоровье генерала Монтроза.

— Нет слова более неопределенного, чем беда,— вмешался в разговор доктор, не обращая внимания на тонкий маневр мистера Уортона.— Многие люди называют бедой одно, тогда как другие — совсем иное. Беда не приходит одна; сама жизнь — беда, ибо она приносит всякие беды; смерть — тоже беда, ибо она сокращает радости жизни.

— Беда, что у нас за офицерским столом не подают такого вина,— прервал его драгун.

— Не откажите произнести тост; вино, кажется, вам понравилось,— вставил мистер Уортон.

Капитан Лоутон наполнил бокал до краев и выпил за «скорый мир или за победоносную войну».

— Я принимаю ваш тост, капитан Лоутон,— сказал доктор,— хотя не согласен с вашим представлением о военных действиях. По моему скромному мнению, кавалерию следует держать в арьергарде, чтобы она закрепляла победу, а не посылать вперед, чтобы ее завоевывать. Вот каково естественное назначение кавалерии, если дозволено применить такое определение к противоестественному роду войск, ибо история учит, что кавалерия больше всего приносит пользы, когда ее держат в резерве.

Столь поучительное рассуждение напомнило мисс Пейтон, что пора встать из-за стола. Она поднялась и вышла из комнаты вместе с племянницами. Почти тотчас же встали и мистер Уортон с сыном и, извинившись, сказали, что их ждут в доме умершего соседа.

Доктор извлек из кармана сигару и сунул ее, по своему обыкновению, в уголок рта, что нисколько не мешало ему разговаривать.

— Только приятное сознание, что переносишь страдания в обществе таких милых дам, как те, которые только что покинули нас, может облегчить и плен и раны,— галантно заметил английский полковник, проводив до двери хозяек дома и усаживаясь на прежнее место.

— Сочувствие и доброта благотворно влияют на организм человека,— глубокомысленно заметил доктор, стряхивая кончиком мизинца пепел с сигары.— Физические и моральные ощущения тесно связаны между собой, но чтобы лечить... чтобы вернуть здоровье, нарушенное болезнью или вследствие несчастного случая, недостаточно влияния никем не управляемых симпатий. При этих условиях свет...— Доктор вдруг встретился взглядом с Лоутоном и остановился; раза три затянувшись сигарой, он попытался закончить фразу: — При этих условиях знание, которое проистекает от света...

— Продолжайте, сэр...— сказал полковник Уэлмир, потягивая вино.

— Смысл моих слов сводится к тому,— закончил доктор, повернувшись спиной к Лоутону,— что хлебными припарками не срастить сломанную руку.

— Тем хуже — ведь это самое безобидное употребление хлеба, если только его не съели! — воскликнул драгун.

— Я обращаюсь к вам как к человеку просвещенному, полковник Уэлмир,— снова заговорил доктор. (Уэлмир поклонился.)— Вы, конечно, заметили, какое ужасное опустошение произвели в ваших рядах виргинцы под командованием сего джентль-

мена. (Уэлмир снова нахмурился.) Так вот, когда сабельные удары обрушились на ваших несчастных солдат, они лишились жизни, не имея надежды на помощь науки; зияющие раны были нанесены им с полным пренебрежением к искусству самого опытного хирурга. Я торжественно обращаюсь к вам, сэр: скажите, пожалуйста, разве ваш отряд не был бы разбит с тем же успехом, если бы, вместо того чтобы лишиться головы, все солдаты потеряли бы, например, по правой руке?

— Ваше торжественное обращение, сэр, несколько преждевременно,— вставил Уэлмир.

— Разве бессмысленная жестокость на поле боя хоть на шаг продвигает вперед дело свободы? — продолжал доктор, оседлав своего конька.

— Насколько мне известно, джентльмены из армии мятежников ничуть не способствуют делу свободы,— возразил полковник.

— Не способствуют делу свободы! Боже мой, за что же тогда мы боремся?

— За рабство, сэр. Да, именно за рабство. Вместо доброго и снисходительного монарха вы возводите на трон тираническую чернь. В чем же логика вашей хваленой свободы?

— Логика! — Услышав такой уничтожающий выпад против дела, которое он всегда считал святым, доктор растерянно оглядел ся.

— Да, сэр, у вас нет логики. Ваш конгресс мудрецов выпустил манифест, провозгласивший всеобщее равенство в политических правах.

— Да, это верно, и составлен манифест очень толково.

— Против этого я не спорю, но если то, что написано в манифесте, правда, так почему вы не отпускаете на свободу своих невольников?

Этот довод соотечественники полковника считали самым неопровержимым против многих красноречивых фактов, и он, казалось, прозвучал еще более убедительно благодаря тону, каким был высказан.

Каждый американец испытывает унижение, когда ему приходится защищать свою страну от обвинений в несправедливости ее законов. Подобное же чувство овладевает честным человеком, когда он вынужден отводить от себя какое-нибудь позорное обвинение, хоть он и уверен в своей правоте. В сущности, Ситгривс обладал здравым смыслом, и теперь, когда его задели, он принялся со всей серьезностью отстаивать свои взгляды.

— Для нас свобода — означает иметь решающий голос в совещаниях конгресса, который нами правит. Мы считаем недопу-

стимым подчиняться воле короля, чей народ живет в трех тысячах миль от нас, не имеет и не может иметь с нами общих политических интересов. Я уже не говорю о притеснениях, которым мы подвергаемся, но ребенок вырос и получил право на привилегии совершеннолетнего. В таких случаях есть только один заступник за права нации — это сила, и к ее помощи мы теперь прибегаем.

— Может быть, такие теории годятся для ваших целей,— с усмешкой сказал Уэлмир,— но не кажется ли вам, что они противоречат взглядам и обычаям цивилизованных народов?

— Нет, они соответствуют обычаям всех народов,— отпарировал хирург, отвечая улыбкой на улыбку и на кивок капитана Лоутона, который весьма одобрительно относился к здравому смыслу своего приятеля, хотя и не выносил его медицинских поучений.— Кто позволит, чтоб им управляли другие, когда он может управлять собою сам? Разумен только один взгляд на вещи: каждое общество имеет право на самоуправление, если, конечно, оно не нарушает законов бога.

— А вы не нарушаете этих законов тем, что держите своих собратьев в рабстве? — внушительно спросил полковник.

Хирург выпил стаканчик вина, произнес «гм» и снова ринулся в бой.

— Сэр,— сказал он,— невольничество появилось в давние времена и, видимо, не зависит ни от формы правления, ни от религии; все цивилизованные государства Европы держат или держали своих собратьев в рабской зависимости.

— Для Великобритании вам придется сделать исключение! — заносчиво воскликнул полковник.

— О нет, сэр,— уверенно продолжал доктор, чувствуя, что война теперь перебросилась на вражескую территорию,— я не могу сделать исключение для Великобритании. Ее сыны, ее корабли и ее законы ввели рабство в наших колониях, и ответственность за это должна пасть на нее. Здесь нет ни пяди земли, принадлежащей Англии, где бы негры не были рабами. В Англии нет невольников, но там есть избыток рабочей силы, и часть рабочих влачит нищенское существование. То же самое происходит во Франции и в большинстве европейских стран. Пока мы мирились с нашим положением колоний, о рабстве в нашей стране не говорили; теперь же, когда мы решили добиться свободы, в которой нам отказывают несправедливые законы метрополии, нас упрекают в том, в чем повинна сама же Англия. Освободит ли ваш король рабов своих подданных, если ему удастся подчинить себе новые штаты, или же он осудит белых на такую же неволю, в какой он так долго и спокойно соглашался видеть негров? Да, у нас

существует рабство, но мы в конце концов найдем средство от него избавиться, иначе совершится еще большее зло, чем то, от которого мы страдаем. Мы будем двигаться вперед, и вместе с нашими успехами придет и освобождение рабов; и наконец на нашей прекрасной земле не останется ни одного человека, чье положение заставило бы его усомниться в божьей милости.

Заметив, что разговор становится щекотливым, англичанин встал и ушел в другую комнату к дамам. Он подсел к Саре и нашел себе более приятное развлечение, рассказывая ей о светских событиях Нью-Йорка и вспоминая тысячи забавных случаев из жизни их прежних общих знакомых. Мисс Пейтон за чайным столом угощала гостей печеньем и с удовольствием слушала болтовню полковника, а Сара то и дело склоняла пылающее личико к рукоделию, смущенная комплиментами своего кавалера.

Описанный нами спор помог установить полное перемирие между доктором и капитаном Лоутоном, а после того, как доктор побывал у Синглтона, приятели простились с дамами и сели на коней. Они отправились в деревню Четыре Угла. Ситгривс решил навестить раненых, а Лоутон — присоединиться к своему отряду. Но у ворот их задержало происшествие, о котором мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА XIV

Я не увижу этих локонов седых
И милых сердцу кротких глаз твоих,
Но ты обрел покой — я слез не лью,
Ты в чистой вере прожил жизнь свою,
Ты в бедности доволен был судьбой,
И добротой овеян образ твой.

Крабб

Мы упоминали уже, что, по американским обычаям, мертвых оставляют с живыми ненадолго, а необходимость позаботиться о своей безопасности заставила разносчика сократить это и без того короткое время. В суматохе и волнениях минувшей ночи смерть старшего Бёрча ни на кого не произвела большого впечатления; но все же его ближайшие соседи не замедлили собраться, чтобы отдать последний долг покойному. Вот эта скромная похоронная процессия, двигавшаяся по дороге, остановила драгуна и доктора. На грубо сколоченных носилках четыре человека несли гроб, а еще четверо шли впереди, готовые сменить своих товарищей. За гробом, рядом с Кэти Хейнс, лицо которой выражало безутешную скорбь, шел разносчик, а за ними — мистер Уортон

с сыном. Шествие замыкали несколько старух и стариков и стайка мальчишек. Капитан Лоутон сидел на лошади, погрузившись в суровое молчание. Когда процессия поравнялась с ним, Гарви Бёрч вдруг поднял глаза и увидел совсем близко от себя своего заклятого врага. Первой мыслью разносчика было бежать, однако он овладел собой и устремил взгляд на гроб отца; сердце у него замерло, но он прошел мимо драгуна твердым шагом. Лоутон неторопливо обнажил голову и не надевал своей треуголки, пока перед ним не прошли мистер Уортон и Генри; потом он медленно, все так же молча последовал вместе с доктором за похоронной процессией.

Из кухни, помещавшейся в подвале коттеджа, вынырнул Цезарь и присоединился к шествию. Торжественное выражение словно застыло на его лице, хотя он весьма скромно держался на почтительном расстоянии от всадников. Старик повязал руку повыше локтя ослепительно белой салфеткой — заманчивая возможность появиться на кладбище в трауре, принятом среди невольников, представилась ему впервые со времени приезда из Нью-Йорка. Цезарь всегда любил строго соблюдать правила приличия, к тому же ему хотелось показать своему черному другу из Джорджии, как принято вести себя на похоронах в Нью-Йорке. Он с полным успехом осуществил свое намерение. Правда по возвращении домой, ему пришлось выслушать наставление мисс Пейтон, которая мягко объяснила ему, что и когда бывает уместно. Она нашла, что он поступил похвально, явившись на похороны, но салфетку мог бы и не повязывать, ибо выполнение такого обряда излишне на похоронах человека, не имевшего лакея.

Кладбище было расположено во владениях мистера Уортона, который несколько лет назад отвел для него участок земли и огородил его каменным забором. Однако никого из семейства Уортон там не хоронили. До пожара, вспыхнувшего в тот день, когда британские войска завладели Нью-Йорком, позолоченная дощечка на стене в церкви Тринити, превратившейся вскоре в пепел, возвещала о добродетелях покойных родителей мистера Уортона: их кости тлели под мраморной плитой аристократической гробницы в одном из приделов этого храма. Шествие свернуло с проезжей дороги в поле, где находились могилы простых смертных, и капитан двинулся было вслед за ним, но доктор вовремя напомнил ему, что им надо в другую сторону.

— Скажите, капитан Лоутон, какой из принятых способов избавления от бренных останков людей вы предпочитаете? — спросил доктор, когда они отъехали от небольшой процессии, сопровождавшей гроб.— В некоторых странах труп оставляют на съедение диким зверям; в других — его вешают, чтоб субстан-

ция разлагалась в воздухе; есть такие края, где умерших сжигают на костре; в иных странах их опускают в недра земли; у каждого народа свой способ погребения. Какой же из них предпочитаете вы?

— Все они неплохи,— ответил драгун, следя взглядом за кучкой людей, от которых они с доктором недавно отделились,— впрочем, чем быстрее хоронят покойников, тем раньше освобождается место для живых. А вам какой больше всего нравится?

— Последний — тот, что принят у нас, ибо три прочих исключают всякую возможность анатомировать трупы; при нашем способе гроб может быть вполне благопристойно предан земле, хотя бы до этого останки послужили благородным целям науки. Ах, капитан Лоутон, такая приятная возможность выпадает на мою долю гораздо реже, чем я надеялся, когда вступал в армию.

— А сколько раз в году вы получаете подобное удовольствие? — спросил капитан, отводя взгляд от кладбища.

— Десять или двенадцать. Честное слово, не больше. Лучший улов бывает тогда, когда наш отряд действует самостоятельно; если же мы идем вместе с армией, так много юнцов-медиков требуют своей доли, что мне редко достается приличный экземпляр. Эти юноши жадны, как коршуны, и расточительны, как моты.

— Только десять или двенадцать! — удивленно отозвался драгун.— Да ведь я один поставляю вам такое количество пациентов.

— Ах, Джек,— мягко сказал доктор, с величайшей деликатностью ступая на эту скользкую почву,— я редко могу воспользоваться пациентами, которых поставляете мне вы,— они ведь вконец обезображены. Поверьте мне как другу, Джек, ваша система в корне неправильна: вы бесцельно лишаете врагов жизни и при этом так уродуете тела, что их нельзя даже использовать для единственного дела, на какое они пригодны.

Драгун молчал, считая это наиболее верным способом поддерживать мирные отношения. Когда они огибали холм, скрывавший из виду долину, доктор повернул голову, в последний раз взглянул на кладбище и, подавив вздох, сказал:

— Было бы у нас время и подходящие условия, мы могли бы ночью унести с кладбища тело этого человека, умершего естественной смертью. Покойный, наверное, был отцом той леди, которую мы видели сегодня утром.

— Доктора в юбке! Той, у которой цвет лица подобен северному сиянию,— заметил драгун с улыбкой, смутившей его спут-

ника.— Нет, эта леди не дочь умершего джентльмена, она была при нем лишь служителем медицины, а Гарви, имя которого она рифмовала с каждым словом своего рассказа, и есть знаменитый разносчик-шпион.

— Что! Тот человек, который сшиб вас с лошади?

— Никто никогда меня с лошади не сшибал, доктор Ситгривс,— серьезно ответил драгун.— Я упал потому, что случилось несчастье с Роноки. Всадник и конь оба поцеловали землю.

— Горячий поцелуй, если судить по ссадинам на вашей коже. Тысячу раз сожалею, что мы не знаем, где прячется этот болтливый негодяй!

— Он шел за телом своего отца.

— И вы упустили его! — воскликнул доктор, осаживая свою лошадь.— Немедленно назад, и схватим его! А завтра его повесят, Джек, и я вскрою труп этого проклятого шпиона!

— Спокойнее, спокойнее, дорогой мой Арчибальд. Неужели вы способны арестовать человека, когда он выполняет свой последний долг перед умершим отцом? Предоставьте это мне. Даю слово, что он получит по заслугам.

Досадуя, что мщение откладывается, доктор что-то недовольно проворчал, но, чтобы не уронить свою репутацию человека, соблюдающего приличия, вынужден был согласиться, и они продолжали путь к Четырем Углам, увлеченные разговором о том, что́ нужно людям для их благополучия.

Бёрч был скорбно-сосредоточен, как подобает в таких случаях близким покойнику мужчинам, а Кэти взяла на себя роль опечаленной представительницы слабого пола. Иные люди могут изливать свои чувства в слезах, только находясь в соответствующем обществе,— такой склонностью обладала и добродетельная старая дева. Обведя взглядом небольшую группу присутствующих, она заметила, что женщины смотрят на нее с напряженным ожиданием, и это тотчас на нее подействовало: Кэти искренне заплакала, завоевав немалую симпатию зрительниц и даже славу женщины с нежным сердцем. Лицо сына дрогнуло, когда на гроб его отца упал первый ком земли, своим гулким, мрачным звуком напоминая, что все люди смертны. Разносчик согнулся, словно от невыносимой боли; пальцы его безжизненно висящих рук задрожали, а выражение лица говорило, что сердце его разрывается от горя. Однако он быстро справился с собой, выпрямился, глубоко вздохнул и, подняв голову, огляделся; казалось, он даже улыбается от сознания, что так хорошо владеет собой. Могилу скоро засыпали; два небольших камня, положенных по краям, указывали ее границы; отдавая последнюю дань старым обычаям, могильный холмик украсили дерном, который своей поблекшей зеленью напоминает

о судьбе умерших. И вот церемония окончилась. Соседи, помогавшие при выполнении печального обряда, стояли, обнажив голову, и выжидающе глядели на Бёрча — теперь он по-настоящему почувствовал, что остался один на всем белом свете. Он снял шляпу и, собравшись с силами, проговорил:

— Друзья и соседи, благодарю вас за то, что вы помогли предать земле тело моего умершего отца.

После того как были произнесены эти общепринятые слова, наступила торжественная тишина и все молча разошлись. Несколько человек проводили разносчика и Кэти, но у дверей дома почтительно покинули их. Впрочем, один человек, которого в округе важно называли «делец», вошел вместе с ними. Сердце Кэти забилось в предчувствии беды, однако хозяин, очевидно ожидавший этого визита, вежливо подал гостю стул. Разносчик подошел к двери, окинул внимательным взором долину, но тут же вернулся и сказал:

— Солнце уже опустилось за вершину восточного холма, времени у меня в обрез. Вот документы на дом и на землю. Все сделано по закону.

«Делец» взял бумагу и принялся медленно читать, так как был человеком осторожным, а также потому, что, к несчастью, его плохо учили в детстве. Пока он с трудом вникал в смысл бумаги, Гарви собрал кое-какие вещи, намереваясь присоединить их к тем, которые должны были вместе с ним покинуть дом. Кэти уже успела спросить разносчика, оставил ли покойный завещание; теперь она с полным безразличием смотрела, как Гарви положил Библию на дно нового тюка, который она сшила для него. Однако, когда он аккуратно положил туда же шесть серебряных ложек, Кэти вдруг охватило возмущение при виде такого явного урона, нанесенного ей, и она сказала:

— Вам могут понадобиться ложки, когда вы женитесь, Гарви.

— Я никогда не женюсь.

— Но незачем давать поспешные зароки, даже самому себе. Наперед никогда нельзя знать, какой тебе может представиться случай. Для чего холостяку столько ложек? Я считаю, что долг каждого обеспеченного человека — жениться и заботиться о своей семье.

В те времена, когда Кэти высказывала эти взгляды, богатство женщины ее сословия обычно составляли корова, кровать и несколько простынь, наволочек и одеял своей работы; у тех же, к кому судьба была особенно благосклонна, имелось еще полдюжины серебряных ложек. Многое из всего этого расчетливая старая дева приобрела своим собственным трудом, и можно предста-

вить себе ее негодование, когда она увидела, что ложки, которые она привыкла считать своими, тоже очутились в громадном тюке разносчика. Последние слова Бёрча отнюдь не утешили ее. Однако Гарви, не обращая внимания ни на ее недовольство, ни на высказанное ею мнение, продолжал укладывать вещи в тюк, который вскоре вырос почти до своих обычных размеров.

— Я не очень-то спокоен насчет этой бумаги,— сказал «делец», разобравшись наконец в содержании документа.

— Почему же?

— Боюсь, что суд не признает ее законной. Мне известно, что два ваших соседа собираются завтра утром пойти и потребовать конфискации вашего дома. Хорош буду я, если уплачу сорок фунтов и останусь ни с чем.

— Лишить прав могут только меня,— возразил разносчик.— Заплатите мне двести долларов, и дом будет ваш. Вы всем известны как виг, и вас-то уж не станут беспокоить.

Разносчик говорил с горечью, которая удивительным образом уживалась со старанием как можно выгоднее продать свое имущество.

— Согласитесь на сто, и ударим по рукам,— сказал покупатель и осклабился, полагая, что добродушно улыбается.

— Ударим по рукам? — с удивлением повторил разносчик.— Я полагал, что мы уже заключили сделку.

— Сделка еще не заключена, пока мне не вручили бумагу и вам не выплатили деньги.

— Бумага у вас.

— Я оставлю ее у себя, если вы сбавите цену,— сказал покупатель и хихикнул.— Ну, полтораста долларов, ведь это не малая цена. Вот деньги у меня с собой.

Разносчик выглянул в окно и со страхом увидел, что близится вечер. Он знал, что подвергается опасности, оставаясь в доме после наступления темноты, но ему трудно было смириться с мыслью, что его так нагло грабят, после того как сделка была заключена по всем правилам. Видя, что он колеблется, покупатель встал и заявил:

— Что ж, может быть, вы сторгуетесь с кем-нибудь другим до утра, завтра ваши бумаги уже ничего не будут стоить.

— Соглашайтесь, Гарви,— вмешалась Кэти; она не могла устоять перед английскими гинеями, которые покупатель выложил на стол.

Ее голос вывел разносчика из раздумья; казалось, он вдруг вспомнил о чем-то.

— Хорошо,— сказал он и, повернувшись к Кэти, положил часть денег ей в руку,— если бы у меня была другая возможность

расплатиться с вами, я скорее согласился бы все потерять, чем позволил бы так обобрать себя.

— Вы и без того можете все потерять,— пробормотал «делец» и, злобно улыбнувшись, вышел из дома.

— Да,— произнесла Кэти, проводив его взглядом,— он знает, чего вам недостает, Гарви: он, как и я, считает, что теперь, когда старый джентльмен скончался, вам нужен друг, который бы заботился о вас.

Занятый приготовлениями в дорогу, разносчик пропустил мимо ушей этот намек. Старая дева, однако, не унималась. Она поняла, что мечте, которую она лелеяла так много лет, не суждено осуществиться, и мысль о разлуке причинила ей большое огорчение; к тому же она никак не ожидала, что способна на сочувствие к нищему и всеми покинутому человеку.

— Где вы теперь будете жить, где вы найдете другой дом? — спросила Кэти.

— Господь пошлет мне дом.

— Но он может вам не понравиться.

— Бедняк не должен привередничать.

— Уж про меня никак не скажешь, что я привередлива,— быстро отозвалась экономка.— Хоть я и люблю, чтоб в доме были приличные вещи и все стояло на своем месте, но я, пожалуй, согласилась бы покинуть эти края. Не сказала бы я, что мне очень нравится, как люди живут в этой долине.

— Долина эта прекрасна,— горячо сказал Гарви,— а люди повсюду одни и те же. Но мне теперь все равно; все места для меня одинаковы и все лица чужие.

Штука материи, которую он укладывал, выпала у него из рук, и он опустился на сундук, смотря вперед невидящим взглядом.

— Что вы, что вы! — возразила Кэти, придвигая свой стул поближе к разносчику.— Что вы, Гарви, мое-то лицо уж во всяком случае для вас не чужое.

Бёрч медленно посмотрел на Кэти и увидел в ее чертах больше чувства и меньше себялюбия, чем это бывало обычно. Он ласково взял ее за руку, и выражение страдания несколько сгладилось на его лице.

— Да, добрая женщина, вы, конечно, мне не чужая, вы можете быть справедливой ко мне. Когда люди будут меня поносить, вы, по доброте сердечной, скажете что-нибудь в мою защиту.

— Я заступалась за вас и всегда буду заступаться,— с жаром ответила Кэти,— я буду защищать вас до последней капли крови, пусть только посмеют поносить вас! Вы правильно сказали, Гарви, я справедлива и хорошо к вам отношусь. Что за беда, если вам

нравится король! Мне часто доводилось слышать, что он, в сущности, неплохой человек, плохо только то, что в Англии нет религии; все говорят, что тамошние священники — сущие дьяволы!

Охваченный глубокой душевной тоской, разносчик начал ходить взад и вперед по комнате, в глазах его мелькало что-то безумное. Никогда Кэти не видела его таким, и ее пугала какая-то странная величавость в его размеренном шаге.

— Пока жил мой отец,— не в силах больше сдерживать свои чувства, прошептал Гарви,— на свете был человек, читавший в моем сердце. О, как отрадно было, вернувшись после тайных скитаний, полных опасностей, после всех перенесенных несправедливых обид услышать похвалу, принять его благословение! Но он умер,— Гарви остановился и растерянным взглядом посмотрел туда, где обычно сидел его отец.— Кто же будет знать о моей правоте?

— О Гарви, Гарви!

— Да, есть один человек, который узнает, должен узнать меня, прежде чем я умру. Как ужасно умереть, оставив после себя лишь опозоренное имя!

— Не говорите о смерти, Гарви,— сказала экономка; оглядевшись по сторонам, она подбросила дров в очаг, чтобы пламя дало побольше света.

Волнение Гарви, вызванное событиями минувшего дня и уверенностью, что его ждут новые беды, улеглось: у этого необыкновенного человека чувства недолго господствовали над разумом. Заметив, что тьма уже окутала все кругом, разносчик поспешно закинул на плечи свой тюк и ласково взял Кэти за руку.

— Мне жаль расставаться с вами, добрая женщина,— сказал он,— но час наступил, и я должен уходить. Все, что здесь осталось, принадлежит вам, мне ничего больше не нужно, а вам эти вещи могут пригодиться. До свиданья, мы еще увидимся...

— В аду,— вдруг раздался голос.

И разносчик в отчаянии опустился на сундук, с которого он только что поднялся.

— Как, еще один тюк! И здорово же вы успели его набить, мистер Бёрч.

— Неужели тебе мало зла, которое ты совершил! — воскликнул, вскочив на ноги, разносчик, к которому снова вернулась твердость духа.— Разве мало того, что ты омрачил последние минуты умирающего и ограбил меня? Чего тебе еще надо?

— Твоей крови,— с холодной злобой сказал скиннер.

— Ради денег! — горестно воскликнул разносчик.— Ты, как Иуда, хочешь разбогатеть ценою крови!

— Цену за нее дают немалую. Пятьдесят гиней — почти столько золота, сколько потянет чучело из твоего трупа, мой джентльмен!

— Вот пятнадцать гиней,— поспешно сказала Кэти,— этот комод и кровать принадлежат мне; если вы обещаете оставить Гарви в покое только на час, они будут ваши.

— На час,— оскалив зубы, повторил скиннер и алчно посмотрел на деньги.

— Только на час, вот берите!

— Стойте, не доверяйте этому негодяю!— крикнул разносчик.

— Плевал я на ее доверие!— с жестокой радостью отозвался мародер.— Деньги в надежных руках, а твою наглость я уж как-нибудь стерплю за пятьдесят гиней, которые мне дадут, когда я притащу тебя на виселицу!

— Идем! — гордо сказал разносчик.— Отведи меня к майору Данвуди, он, может быть, окажется добрым и справедливым человеком.

— А для чего мне идти в такую даль, да еще в такой позорной компании? К тому же этот мистер Данвуди отпустил на все четыре стороны двух или трех тори. Отряд капитана Лоутона стоит в полумиле, и, чтобы мне выдали награду, его расписка годится так же, как расписка майора. Как вам нравится мысль поужинать сегодня вечером с капитаном Лоутоном, мистер Бёрч?

— Отдайте мои деньги или отпустите Гарви! — завопила в испуге экономка.

— Ваша взятка маловата, почтенная леди, разве что у вас найдутся еще денежки в кровати.

Мародер ткнул штыком в матрац и распорол его, глядя со злорадным удовольствием, как рассыпалась по комнате солома.

— Если есть еще в нашей стране закон, я найду на вас управу! — крикнула Кэти, в тревоге за свою новую собственность забыв об опасности, грозящей ей самой.

— На нейтральной территории закон на стороне того, у кого сила, а мой штык длиннее вашего языка; так уж лучше придержите его, не то как бы вам не остаться в убытке.

В темноте за дверью стояло несколько скиннеров, среди них маячила фигура человека, казалось не желавшего, чтобы его заметили. Однако, когда кто-то подбросил дров в очаг, вспышка пламени осветила его лицо, и Бёрч узнал в нем покупателя своих скромных владений. Он перешептывался с мародером, стоявшим рядом с ним, и это навело Гарви на мысль, что его жестоко одурачили и негодяй был в стачке со скиннерами. Но было поздно возмущаться, и Гарви Бёрч твердым шагом двинулся за своими преследователя-

ми, словно его ждал триумф, а не виселица. Когда они шли через двор, вожак шайки, споткнувшись о бревно, упал и слегка ушибся.

— Окаянный чурбан! — в ярости воскликнул он, вскочив на ноги.— В такую темень далеко не уйдешь. Киньте-ка головню в ту кучу пакли, чтоб было посветлей!

— Стойте, вы подожжете дом! — закричал «делец».

— Тем лучше будет видно,— ответил скиннер и бросил горящую головню в кучу сухого мусора.

В одну минуту дом запылал.

— Теперь пошли в горы, пока пламя освещает нам дорогу.

— Злодеи! — завопил «делец» в отчаянии.— Вот она, ваша благодарность, вот награда за то, что я помог вам поймать разносчика!

— Коли ты собираешься нас оскорблять, то лучше отойди подальше от огня: при таком ярком свете я не промахнусь! — крикнул вожак шайки.

В следующее мгновение он выстрелил, но, к счастью, не попал ни в онемевшего от страха «дельца», ни в столь же перепуганную экономку, которая из довольно зажиточной женщины сразу превратилась в нищую. Благоразумие подсказало обоим, что лучше отступить, и побыстрей. На другое утро на том месте, где был дом разносчика, торчала лишь громадная труба, уже упомянутая в нашем повествовании.

ГЛАВА XV

Ревнуют не затем, что есть причина,
А только для того, чтоб ревновать.
Сама собой сыта и дышит ревность.

Шекспир. Отелло[1]

Тихая, ясная погода, стоявшая после описанной нами бури, как это часто бывает в американском климате, неожиданно испортилась. К вечеру с гор подул холодный, порывистый ветер, а внезапный снегопад не оставлял сомнений, что на дворе ноябрь — пора, когда летнюю жару сменяет зимняя стужа. Френсис стояла в своей комнате у окна; глубокая печаль, с какой она наблюдала за медленно проходившей похоронной процессией, была, очевидно, вызвана не только этим зрелищем. Что-то в скорбном погребальном обряде отвечало ее чувствам. Когда Френсис оглянулась, она увидела деревья, сгибавшиеся под напором ветра, с такой силой

[1] Перевод Б. Пастернака.

мчавшегося по долине, что сотрясались даже постройки; ветер срывал листья с ветвей и уносил их в беспорядочном вихре, а лес, еще так недавно сиявший на солнце разнообразными красками, на глазах терял свою красоту. Вдалеке, на возвышенностях, можно было разглядеть фигуры кавалеристов, охранявших горные проходы, которые вели к расположению американских войск; они склонялись над седлами и плотнее закутывались в плащи, спасаясь от жестокого ветра, проносившегося над просторами пресноводных озер.

Френсис смотрела, как медленно опускали деревянный гроб, как он скрылся во тьме могилы, и после этого зрелища все кругом показалось ей еще более унылым. Подле спящего капитана Синглтона находился его вестовой, а Изабеллу убедили уйти в ее комнату отдохнуть после долгого ночного путешествия. Кроме двери, выходившей в общий коридор, в комнате мисс Синглтон была еще одна дверь, ведущая в спальню сестер Уортон. Заметив, что эта дверь приоткрыта, Френсис подошла к ней с добрым намерением узнать, хорошо ли устроилась гостья. К своему удивлению, девушка увидела, что та, кого она думала застать спящей, не только не спит, но даже не собирается ложиться. Черные волосы, во время обеда лежавшие тугими косами вокруг ее головы, теперь были распущены и пышными волнами падали на плечи и грудь, придавая несколько мрачное выражение чертам Изабеллы; мраморную белизну ее лица подчеркивали жгучие черные глаза, взгляд которых был прикован к портрету, который она держала в руке. Френсис чуть не потеряла сознание, когда случайное движение Изабеллы позволило ей увидеть, что то был портрет человека в хорошо знакомом ей мундире виргинского полка. Едва дыша, Френсис инстинктивно приложила руку к сердцу, чтобы умерить его биение: ей показалось, что она узнает образ того, кто так глубоко запечатлелся в ее воображении. Она сознавала, что нескромно вторгается в чужую священную тайну, но волнение мешало ей говорить, и она опустилась на стул, не в силах оторвать взгляд от гостьи. Изабелла же не замечала трепещущей свидетельницы ее переживаний и прижимала портрет к губам с жаром, изобличавшим пылкую страсть. Френсис едва успевала следить за тем, как изменялось лицо красивой гостьи: одно чувство быстро вытеснялось другим, столь же сильным и столь же волнующим. Однако выражение печали и восхищения на лице Изабеллы было сильнее других. О печали говорили слезы; они падали крупными каплями на портрет и так неудержимо текли по щекам, что казалось, были вызваны глубоким горем. В каждом жесте Изабеллы сказывалась пламенная натура, и каждое новое чувство всецело овладевало ее сердцем. Ярость ветра, налетавшего на дом, отвечала душевной тревоге

Изабеллы. Наконец она встала и направилась к окну. Теперь она скрылась из глаз Френсис, которая уже собиралась подняться и подойти к ней, как вдруг звуки трепетной песни приковали ее к месту. Мелодия была очень странная, и голос не отличался силой, но такого выразительного исполнения Френсис никогда не слыхала. Она стояла затаив дыхание, пока песня не была пропета до конца.

Тяжелый туман над замерзшим ручьем
Навис седой пеленой,
И ветер шумит над пустынным холмом,
Где дуб чернеет нагой.
Затихла природа в преддверии сна,
Но грудь моя вновь беспокойством полна.
Внезапно обрушился страшный шторм
На мой свободный народ,
Но выстоял он под жестоким напором,
И враг сюда вновь не придет.
Борьба была долгой, и наши герои
В решительный бой нас вели за собою.
Ревет, завывая от ярости, вьюга,
И дуб чернеет нагой,
Но кажется мне, будто солнце юга
Струит свой убийственный зной.
Пусть ветер холодный гудит над горами,—
Бушует в душе моей грозное пламя.

Песня глубоко запала в душу Френсис, а слова вместе с воспоминаниями о событиях последних дней пробудили в груди впечатлительной девушки незнакомую ей прежде тревогу. Когда отзвучали последние звуки мелодии, Изабелла отошла от окна, и взгляд ее упал на бледное лицо восхищенной Френсис. Девушки одновременно вспыхнули, голубые глаза хозяйки на миг встретились с черными блестящими глазами гостьи, и обе смущенно их опустили; однако они бросились навстречу друг другу и взялись за руки, хотя ни одна из них не отваживалась взглянуть в лицо другой.

— Внезапная перемена погоды и беспокойство за брата навеяли на меня грусть,— проговорила Изабелла тихим, дрожащим голосом.

— Говорят, теперь он вне опасности,— так же смущенно заметила Френсис.— Вот если бы вы видели вашего брата, когда его привез майор Данвуди...

Френсис замолчала, словно почувствовала себя виноватой, хотя и не знала, в чем. Подняв глаза, она увидела, что Изабелла пристально вглядывается в нее, и кровь снова прилила к ее щекам.

— Вы сказали — майор Данвуди,— едва слышно произнесла Изабелла.

— Да, он был с капитаном Синглтоном.

— Вы знакомы с Данвуди? Вы часто с ним видитесь?

Френсис снова решилась посмотреть на Изабеллу и снова встретила ее испытующий взгляд,— казалось, гостья хотела проникнуть в самую глубину ее сердца.

— Говорите, мисс Уортон, майор Данвуди вам знаком?

— Он мой родственник,— ответила Френсис, испуганная тоном гостьи.

— Родственник!— повторила Изабелла.— Близкий родственник? Говорите, мисс Уортон, умоляю вас!

— Наши матери двоюродные сестры,— нерешительно произнесла Френсис.

— И он ваш жених? — с жаром спросила гостья.

Этот откровенный вопрос неприятно задел Френсис. Подняв глаза, она несколько надменно посмотрела на гостью, но лишь только увидела бледные щеки и дрожащие губы Изабеллы, как ее возмущение тут же прошло.

— Это правда, я догадалась? Отвечайте же, мисс Уортон! Умоляю вас, из сострадания к моим чувствам скажите мне... вы любите Данвуди?

Трогательная мольба, прозвучавшая в голосе мисс Синглтон, обезоружила Френсис, и, закрыв свое горящее лицо руками, она в смущении опустилась на стул.

Несколько минут Изабелла молча ходила взад и вперед по комнате; наконец, справившись со своим волнением, она подошла к Френсис, которая сидела не поднимая глаз, чтобы скрыть испытываемую ею неловкость, взяла ее за руку и, с явным усилием сохраняя самообладание, сказала:

— Простите, мисс Уортон, если непреодолимое волнение заставило меня забыть о приличиях... серьезнейший повод... жестокая причина...

Она замялась. Френсис подняла голову, их взгляды снова встретились. Они обнялись, прижавшись друг к другу пылающими щеками. Объятие длилось долго, оно было искренним и пылким, но ни одна из девушек не заговорила, а когда их руки разжались, Френсис молча ушла в свою спальню.

Пока в комнате мисс Синглтон разыгрывалась эта удивительная сцена, в гостиной обсуждались вопросы исключительной важности. Хозяйке пришлось немало поломать голову, прикидывая, как использовать остатки описанного нами обеда. Хотя немало кусков дичины нашло себе место в карманах вестового капитана Лоутона, а кое-чем запасся даже помощник доктора, не надеясь за-

держаться надолго на таком прекрасном постое, все же провизии осталось так много, что заботливая мисс Пейтон не знала, как разумнее ею распорядиться. Вот почему Цезарь и его госпожа уединились и долго совещались по этому важному вопросу; вот почему полковник Уэлмир был всецело предоставлен гостеприимству Сары Уортон. Когда обычные темы для разговора были исчерпаны, полковник с некоторым смущением, часто сопутствующим сознанию собственных ошибок, слегка коснулся событий прошедшего дня.

—Когда мы впервые встретились с этим мистером Данвуди в вашем доме на Куин-стрит, кто мог бы подумать, что он станет знаменитым воякой! — сказал полковник Уэлмир, пытаясь за улыбкой скрыть свое огорчение.

— Знаменитым, если вспомнить, какого сильного противника он победил,— щадя чувства полковника, заметила Сара.— Конечно, этот несчастный случай был для вас неудачей во всех отношениях. Если бы он не произошел, победу, как обычно, одержала бы королевская армия.

— Зато благодаря этому несчастному случаю я попал в такое прелестное общество. Удовольствие от пребывания здесь вознаграждает меня за душевные и физические раны,— добавил полковник, и голос его прозвучал необычайно сладко.

— Надеюсь, ваши раны неглубоки,— сказала Сара и, желая скрыть румянец, заливший ее щеки, наклонилась над лежавшим у нее на коленях рукоделием, словно собираясь перекусить нитку.

— Совсем неглубоки в сравнении с душевными ранами,— тем же сладким голосом ответил полковник.— Ах, мисс Уортон, в такие минуты как никогда дорожишь дружбой и сочувствием.

Кто не испытал подобных чувств, тот вряд ли способен представить себе, как может в течение недолгого получаса разгореться любовь увлекающейся женщины, особенно если все вокруг нее к этому располагает. Разговор, коснувшийся дружбы и сочувствия, так увлек Сару, что она не решилась вымолвить ни слова и остановить полковника. Она только подняла на него глаза, и восхищение, с каким он смотрел на ее красивое лицо, показалось ей столь же красноречивым и приятным, как самые пылкие речи.

Целый час они оставались наедине, и, хотя наш джентльмен не сказал ровно ничего такого, что опытная женщина приняла бы за признание в любви, многие его слова очаровали Сару, и впервые после ареста брата она ушла в свою комнату с радостью в сердце.

ГЛАВА XVI

Бокалами, полными до ободка,
В бокалы ударим, ребята.
Солдат не младенец, а жизнь коротка,
За ваше здоровье, солдаты!

Шекспир. Отелло[1]

Мы уже упоминали, что отряд драгун расположился на постой в излюбленном месте своего командира. Там под прямым углом скрещивались две дороги, и деревенька, состоявшая из нескольких ветхих домишек, называлась по этой причине Четыре Угла. Как это издавна повелось, в доме, наиболее приличном на вид, помещался, выражаясь языком того времени, «Постоялый двор для людей и лошадей». На грубой дощечке, прибитой к столбу, напоминавшему виселицу, когда-то красовалась такая вывеска. Теперь же на ней было нацарапано красным мелком: «Собственный Отель Элизабет Фленеган» — плод остроумия какого-то досужего шутника драгуна. Женщина, которая неожиданно возвысилась, получив почетное звание хозяйки «отеля», обычно исполняла обязанности маркитантки, прачки, и, по выражению Кэти Хейнс, доктора в юбке. Бетти была вдовой солдата, убитого в бою. Как и ее муж, она родилась в далекой Британии. В поисках счастья, оба они давным-давно переселились в колонии Северной Америки. Бетти постоянно следовала за войсками, и, хотя они лишь в редких случаях задерживались где-либо больше двух суток, нагруженная товарами маленькая тележка проворной женщины неизменно появлялась в лагере, что всегда обеспечивало ее хозяйке дружеский прием. Бетти располагалась на месте почти со сверхъестественной быстротой и тотчас принималась за торговлю. Иногда лавкой ей служила тележка, а иногда солдаты наспех сколачивали навес из первого попавшегося под руку материала. Теперь же Бетти заняла пустовавший дом и, заткнув окна грязными солдатскими штанами, чтобы внутрь не проникал пронзительный ветер, устроила, по ее выражению, «шикарное жилье». Солдат расквартировали в соседних сараях, а офицеры поселились в «Отеле Фленеган», который они в шутку называли своей штаб-квартирой. В отряде все до единого знали Бетти. И она звала каждого по имени или прозвищу — в зависимости от ее собственной причуды. Она была любимицей этих воинов-партизан, хотя те, кто не свыкся с ней и не знал ее добродетелей, совершенно ее не выносили. В числе ее слабостей можно было назвать чрезмерное пристрастие к спиртным напиткам, крайнюю неопрятность и полное пренебрежение

[1] Перевод Б. Пастернака.

к соблюдению приличий в выражениях; зато ей были присущи такие достоинства, как безграничная любовь к своей новообретенной родине, безупречная честность в торговых делах и редкостное добродушие. Кроме того, к заслугам Бетти следует добавить изобретение напитка, в наши дни хорошо знакомого всем патриотам, странствующим зимой по коммерческим и политическим центрам нашего великого государства,— напитка под названием «коктейль». Элизабет Фленеган, в прямом смысле слова взращенная на основном ингредиенте этого зелья, научилась у своих клиентов-виргинцев всюду применять мяту, начиная от вкусной лекарственной настойки до горячительной смеси, о которой идет речь. Таким образом, воспитание и обстоятельства прекрасно подготовили Бетти к совершенствованию ее изобретения, которое со временем приобрело мировую славу. Вот какова была хозяйка «отеля».

Невзирая на ледяные порывы северного ветра, она высунула за дверь цветущее лицо, чтобы встретить своего любимца, капитана Лоутона, и его спутника — доктора Ситгривса, своего начальника в области врачевания.

— Клянусь надеждой на повышение, я рад видеть вас, моя нежная Элизабет! — воскликнул драгун, соскакивая с седла.— Коварные испарения пресных вод Канады пронизали меня насквозь, и от холода у меня разболелись кости, но один взгляд на ваше пылающее личико бодрит, как рождественский камин.

— Ну, ну, капитан Джек, вы же известный любезник,— отозвалась маркитантка, беря под уздцы лошадь драгуна.— Ступайте живо в дом, радость моя, там вы разом согреете себе душу и тело; ведь тут заборы не такие крепкие, как у нас в горах.

— Я вижу, вы успели уже наложить контрибуцию на заборы. Что ж, моим косточкам не повредит огонь в камине,— спокойно ответил капитан,— а что касается моей души, так я успел хлебнуть из хрустального графинчика на серебряном подносе, и вряд ли меня потянет на ваше виски раньше, чем через месяц.

— Коли вы намекаете на золото и серебро, так их у меня нету, хотя малость континентальных денег и найдется,— сказала Бетти недовольно,— зато есть такое питье, которое заслуживает алмазной посудины.

— Что она хочет этим сказать, Арчибальд? — спросил капитан.— Вид у этой бабы такой, будто она чего-то не договаривает!

— По всей вероятности, излишнее употребление спиртных напитков затуманило ей мозги,— заметил доктор; он не спеша перенес левую ногу через луку седла и соскочил с лошади на правую сторону.

— Вот-вот, этого я и ждала от вас, драгоценный доктор, хотя все в отряде слезают с другой стороны,— подмигнула Бетти ка-

питану.— Знаете, пока вас тут не было, я на славу угостила ваших раненых.

— Какая дикость, какое варварство,— воскликнул насмерть перепуганный доктор,— давать тяжелую пищу людям, которых трясет лихорадка! Женщины, о женщины, вы способны погубить искусство самого Гиппократа!

— Еще чего! — хладнокровно ответила Бетти.— Стоит ли поднимать шум из-за глотка водки; и дала-то я всего один галлон на двадцать человек — заместо сонных капель, чтобы бедняги скорей уснули.

Лоутон и его спутник вошли в дом, и первое, что бросилось им в глаза, объяснило загадочный смысл многообещающего заявления Бетти. Посредине «бара» — самой большой комнаты в доме — стоял длинный стол, сбитый из досок, содранных со стены какой-то пристройки, а на нем красовался скудный набор глиняной посуды. Из кухни, находившейся рядом, доносился запах кушаний; но главной приманкой служила солидных размеров бутыль, которую Бетти поместила на возвышении, как предмет, достойный особого внимания. Лоутон не замедлил выяснить, что этот сосуд до краев наполнен янтарным соком, выжатым из виноградных лоз, и прислан майору Данвуди из «Белых акаций» его другом, капитаном королевской армии Уортоном.

— Поистине королевский дар! — с улыбкой заметил младший офицер, сообщивший, откуда взялось вино.— Майор угощает нас в честь победы, а главные расходы, как и полагается, несет неприятель. Ей-богу, глотнув такого напитка, мы в два счета смогли бы прорваться в штаб-квартиру сэра Генри и самого этого рыцаря захватить в плен.

Драгунский капитан был не прочь весело завершить так приятно начавшийся для него день. Вскоре его окружили товарищи и стали наперебой расспрашивать о последних событиях, а доктор тем временем с замиранием сердца отправился проведать своих раненых. Во всех каминах трещал огонь; яркое пламя, отбрасываемое пылающими дровами, избавляло от необходимости зажигать свечи. Здесь собралось человек двенадцать — всё люди молодые, но испытанные в боях; партизанская грубоватость в обращении и языке странным образом сочеталась у них с манерами джентльменов. Одежда на них была опрятная, хотя и простая; неиссякаемой темой разговора служили подвиги воинов и достоинства их лошадей. Одни пытались уснуть, растянувшись на скамьях, стоявших у стен, другие расхаживали по комнатам, третьи сидели и с увлечением спорили о повседневных делах. Иногда дверь в кухню растворялась, и шипенье сковород вместе с соблазнительным запахом еды тотчас же прерывало все занятия; в эти мгновения даже те, кто

дремал, приоткрывали глаза и поднимали головы, чтобы узнать, как подвигаются приготовления к обеду. Данвуди, сидевший в одиночестве у камина, в раздумье смотрел на огонь, и никто из офицеров его не тревожил. Он заботливо справился у Ситгривса о здоровье Синглтона, и все выслушали ответ доктора в почтительном молчании, но, как только доктор замолчал, а Данвуди снова сел, почувствовали себя, как обычно, непринужденно и свободно.

Миссис Фленеган собирала на стол без особых церемоний. Цезарь был бы глубоко возмущен, если бы увидал, что такому большому обществу важных особ блюда подавались без всякого порядка, да к тому же были удивительно похожи одно на другое. За стол офицеры, однако, усаживались строго по чинам — несмотря на вольность обхождения, правила военного этикета соблюдались в армии во все времена чуть ли не с религиозным благоговением. Драгуны так проголодались, что им и в голову не приходило привередничать. Не то было с капитаном Лоутоном. Кушанья, поданные маркитанткой, вызывали в нем отвращение. Он не утерпел и бросил вскользь несколько замечаний насчет тупых ножей и грязных тарелок. Добродушие и привязанность к капитану некоторое время сдерживали Бетти, и она не отвечала обидчику, пока, положив в рот кусок обугленного мяса, он не спросил тоном избалованного ребенка:

— Интересно бы знать, что это было за животное при жизни, миссис Фленеган?

— А что вы скажете, коль это была моя буренушка? — отозвалась маркитантка с горячностью, вызванной отчасти недовольством ее любимца, а отчасти огорчением оттого, что она лишилась коровы.

— Как! — заревел капитан, чуть не подавившись куском, который он собирался проглотить.— Старушка Дженни!

— Черт побери! — воскликнул другой офицер, выронив нож и вилку.— Та самая, что проделала с нами всю джерсийскую кампанию?

— Она самая, — ответила хозяйка «отеля» с выражением глубокой скорби на лице.— Эта кроткая скотинка могла прокормиться воздухом, да и не раз кормилась, когда другой пищи не было. Конечно, это ужасно, джентльмены, сожрать такую верную подружку.

— И это все, что от нее осталось? — осведомился Лоутон, показывая ножом на стоявшее на столе недоеденное мясо.

— Нет, капитан,— лукаво ответила маркитантка,— я продала две ляжки солдатам; но не такая я дура, чтоб сказать молодцам, что они купили старого друга, и испортить им аппетит.

— Ну и ведьма! — крикнул Лоутон, притворившись сердитым.— От такой еды мои драгуны свалятся с ног, они будут бояться англичан, как виргинский негр — надсмотрщика.

— М-да,— пробормотал лейтенант Мейсон и, сделав горестную мину, отложил вилку и нож,— у меня челюсти более чувствительны, чем у иного человека сердце. Они положительно отказываются жевать останки старой приятельницы.

— Хлебните-ка маленько этого подарочка,— примиряюще сказала Бетти и, налив в чашку солидную порцию вина, стала медленно смаковать его, словно выполняя обязанности дегустатора.— Фу ты, да ведь в нем нету никакой крепости!

На этот раз лед был сломан. Данвуди подали стакан вина, и, поклонившись товарищам, он выпил при общем глубоком молчании. Пока осушались первые стаканы, соблюдался обычный церемониал, произносились патриотические тосты, прочувствованные речи... Однако вино оказало свое неизменное действие; не успел смениться второй часовой, как веселье уже было в полном разгаре, забылись связанные с ужином огорчения и тревожные мысли.

Доктор Ситгривс выходил к раненым и опоздал, ему не досталось ни кусочка мяса Дженни, но свою долю вина, подаренного капитаном Уортоном, он получил.

— Спойте же нам, спойте, капитан Лоутон! — в один голос закричали несколько драгун, заметив, что тот не в таком хорошем настроении, как обычно.— Тише, капитан Лоутон будет петь!

— Джентльмены,— сказал Лоутон; от вина его глаза немного затуманились, однако голова оставалась ясной,— меня не назовешь соловьем, но так и быть, спою, чтоб вас не обидеть.

— Послушайте, Джек,— сказал Ситгривс, покачиваясь на стуле,— вспомните песню, которой я вас научил, и... но погодите, у меня в кармане бумажка со словами этой песни.

— Постойте, дорогой доктор, постойте,— возразил с полным спокойствием драгун, наливая себе стакан,— я вечно путаю мудреные имена. Лучше, джентльмены, я вам спою песню своего собственного скромного сочинения.

— Тише, капитан Лоутон будет петь! — закричали сразу несколько человек.

Капитан запел звучным красивым голосом на мелодию известной застольной песни:

Пускай стаканы звенят, звенят,
Пускай стаканы звенят.
Опасность близка,
А жизнь коротка,
И выпить хочет солдат.

Пускай вино течет в стакан,
Сегодня пей и пой,
Сегодня весел ты и пьян,
А завтра — снова в бой.
Сражаясь каждый день с врагом,
Не знаем мы, когда умрем.
Старушка Фленеган,
Скорей наполни мой стакан,
Мы выпьем и опять нальем,
За Бетти Фленеган.
Когда владеет лень тобой,
Когда покой по вкусу,
Дрожи, когда грохочет бой,
И называйся трусом.
Бесстрашно мчимся мы верхом,
И нам опасность нипочем.
Старушка Фленеган,
Скорей наполни мой стакан,
Мы выпьем и опять нальем,
За Бетти Фленеган.
Нам всем отчизна дорога,
Мы за нее умрем,
И чужеземного врага
Встречаем мы огнем.
Своей рискуя головой,
Освободим мы край родной.
Старушка Фленеган,
Скорей наполни мой стакан,
Мы выпьем и опять нальем,
За Бетти Фленеган.

Все подхватили припев, да с таким жаром, что шаткий дом содрогнулся от пола до крыши. Всякий раз, когда упоминалось имя Бетти, она выходила вперед и, к великому удовольствию певцов и немалой радости для себя, в точности выполняла все, о чем говорилось в песне. Напиток, которым запаслась хозяйка, был куда более крепок и приходился ей больше по нраву, чем безобидный подарок капитана Уортона, так что она без труда могла разделять веселье своих гостей. Лоутону все дружно зааплодировали, за исключением, впрочем, медика; во время первого исполнения припева он с негодованием классика вскочил со скамьи и принялся расхаживать по комнате. Крики «браво» и «брависсимо» на время всё заглушили, потом стали замирать, а когда совсем смолкли, доктор обратился к певцу:

— Меня поражает, капитан Лоутон, что джентльмен и храбрый офицер в такие тяжелые времена не находит для своей музы более подходящей темы, чем грубое обращение к этой пользующейся дурной славой маркитантке, грязнуле Элизабет Фленеган. Мне кажется, богиня свободы могла бы вдохновить вас на более благородную мысль, а страдания нашей родины подсказать более достойную тему.

— Вот как! — с угрозой подступая к доктору, вскричала Бетти.— Это кто же называет меня грязнулей? Ах, вы, мистер Клизма! Мистер Пустомеля!..

— Довольно,— сказал Данвуди, лишь слегка возвысив голос, однако в комнате тотчас воцарилась мертвая тишина.— Уйдите, Бетти! Доктор Ситгривс, сядьте, пожалуйста, и не мешайте веселью.

— Продолжайте, продолжайте,— произнес доктор и выпрямился с чувством собственного достоинства.— Я полагаю, майор Данвуди, что мне известны правила приличия и законы доброго товарищества.

Бетти быстро отступила в собственные владения, хотя и не совсем крепко держалась на ногах; она привыкла всегда подчиняться приказаниям командира.

— Майор Данвуди окажет нам честь и споет лирическую песню,— сказал Лоутон и поклонился своему командиру с почтительным видом, который он порой умел на себя напускать.

Майор мгновение колебался, но потом очень мило исполнил такую песню:

Одним по вкусу южный зной
И свет, что льется над землей
Сверкающим потоком.
Но ничего прекрасней нет,
Чем тихий северный рассвет
И блеск луны далекой.
Иного радует тюльпан,
Ему оттенок редкий дан,
Как пламя золотое,
Но тот, в чей свадебный венок
Любовь вплетает свой цветок,—
Тот, право, счастлив вдвое.

Голос Данвуди всегда производил большое впечатление на слушателей, и, хотя последовавшие аплодисменты были менее бурными, чем те, какими наградили капитана Лоутона, они казались куда более лестными.

— Если бы вы получше овладели классическим стилем, сэр,— сказал доктор, хлопавший вместе со всеми,— то при вашей изысканной фантазии вы сделались бы недурным поэтом-любителем.

— Тот, кто критикует, должен уметь и творить,— улыбаясь, ответил Данвуди.— Покажите же нам, доктор, образец стиля, которым вы восхищаетесь.

— Песню, доктор Ситгривс! Спойте песню! — весело закричали все сидевшие за столом.— Классическую оду, доктор Ситгривс!

Медик с достоинством поклонился, допил свой стакан вина и несколько раз откашлялся, чем доставил немалое удовольствие трем или четырем молодым корнетам, сидевшим в конце стола.

Наконец он приступил к делу и надтреснутым голосом фальшиво спел такую песню:

Когда стрела любви коснулась
Твоей груди украдкой,
Внезапно сердце встрепенулось
От этой боли сладкой,
К любви попал ты в тяжкий плен,—
Тебя не вылечит Гален.

— Ура! — крикнул Лоутон.— Арчибальд затмил самих муз. Его стих струится, как лесной ручеек при лунном свете, а в голосе слышатся и трели соловья, и крики совы.

— Капитан Лоутон! — вскричал раздосадованный хирург.— Презирать свет классических знаний — одно, но вызывать презрение своим невежеством — это уж совсем другое!

Тут раздался громкий стук в дверь, и шум сменился полной тишиной; драгуны инстинктивно схватились за оружие, готовясь к самому худшему. Дверь открыли, и вошли скиннеры, таща за собой разносчика, сгибавшегося под тяжестью своего тюка.

— Кто тут капитан Лоутон? — спросил главарь шайки, с некоторым удивлением озираясь кругом.

— Я к вашим услугам! — сухо отозвался драгун.

— Тогда передаю вам с рук на руки разоблаченного изменника: это Гарви Бёрч, разносчик-шпион.

Лоутон вздрогнул, посмотрев в лицо своему старому знакомому, потом опустил глаза и, повернувшись к скиннеру, спросил:

— А вы кто такой, кто дал вам право так бесцеремонно говорить о своих ближних? Прошу прощения, сэр,— он поклонился Данвуди и добавил:— Вот наш командир, и извольте обращаться к нему.

— Нет,— мрачно заговорил скиннер,— я передаю разносчика вам и от вас требую награды.

— Ты Гарви Бёрч? — спросил Данвуди, подойдя к разносчику с таким властным видом, что скиннер немедленно отступил в угол комнаты.

— Да, я,— спокойно ответил Бёрч.

— Ты изменил нашей родине,— сурово продолжал майор.— Известно ли тебе, что я обязан казнить тебя сегодня ночью?

— Господь не велел отправлять к нему души с такой поспешностью,— торжественным тоном сказал Бёрч.

— Ты прав,— ответил Данвуди.— Тебе продлят жизнь на несколько коротких часов, но, так как ты совершил самое

гнусное преступление в глазах солдата, то и кара будет солдатская; завтра ты умрешь.

— Да свершится воля божья.

— Я потратил немало времени, чтоб схватить этого мошенника,— сказал скиннер, подойдя чуть поближе.— Надеюсь, вы дадите мне расписку, чтоб я мог получить награду,— ведь за него обещали заплатить золотом.

— Майор Данвуди,— обратился к командиру дежурный офицер, входя в комнату,— патруль доложил, что неподалеку от вчерашнего поля сражения сгорел дом.

— Это сгорела лачуга разносчика,— пробормотал вожак бандитской шайки,— мы и черепицы на ней не оставили; теперь ему некуда сунуться. Давно бы спалили мы этот сарай, да он нам был нужен как приманка, чтоб изловить хитрую лису.

— Вы, как видно, здорово изобретательный «патриот»,— заметил Лоутон.— Капитан Данвуди, я поддерживаю требование этого достойного джентльмена и прошу, чтоб мне поручили наградить его и его дружков.

— Не возражаю. А ты, несчастный, готовься к участи, которая постигнет тебя завтра еще до захода солнца.

— Жизнь мало прельщает меня,— ответил Гарви и, подняв глаза, медленно обвел взглядом незнакомые лица драгун.

— Идемте, достойные сыны Америки! — сказал Лоутон.— Идемте за мной, вы получите свою награду!

Разбойники, нимало не мешкая, последовали за капитаном в отведенное для его солдат помещение.

Не в характере Данвуди было глумиться над поверженным врагом, и, подумав немного, он добавил несколько мягче:

— Ведь тебя уже судили, Гарви Бёрч, и было доказано, что ты слишком опасный враг свободы Америки, чтобы можно было оставить тебя в живых.

— Доказано! — вздрогнув, повторил разносчик и выпрямился, точно тюк, висевший у него за плечами, ничего не весил.

— Да, доказано! Тебя обвиняют в том, что ты бродил поблизости от континентальной армии, собирая сведения о ее передвижениях, и сообщал их неприятелю, тем самым помогая англичанам расстраивать планы Вашингтона.

— И вы полагаете, что Вашингтон подтвердил бы это?

— Конечно, подтвердил бы; даже правосудие Вашингтона и то обвинило бы тебя.

— Нет, нет и нет! — крикнул разносчик таким голосом и с таким выражением, что Данвуди был поражен.— Вашингтон умеет распознать лживость тех людей, которые только прикидываются патриотами. Разве сам он не поставил свою жизнь на

карту? Если для меня уготована виселица, не угрожала ли и ему подобная участь? Нет, нет и нет... Вашингтон никогда не сказал бы: ведите его на виселицу.

— Может быть, у тебя есть доказательства, несчастный, которые убедили бы главнокомандующего в твоей невиновности? — спросил майор, придя в себя от изумления, вызванного словами разносчика.

Бёрч дрожал, волнуемый противоречивыми чувствами. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он вытащил из-за пазухи жестяную коробочку и открыл ее — там лежал маленький клочок бумаги. Мгновение глаза разносчика были прикованы к этой бумажке, затем он протянул ее Данвуди, но вдруг отдернул руку и сказал:

— Нет... Это умрет вместе со мной. Я помню условия моей службы и не куплю жизнь тем, что нарушу их... это умрет вместе со мной.

— Отдай бумагу, и, быть может, тебя помилуют! — воскликнул Данвуди, полагая, что документ откроет ему что-нибудь важное для дела свободы.

— Это умрет вместе со мной,— повторил Гарви, и его бледное лицо озарилось каким-то удивительным сиянием.

— Схватить изменника, вырвать у него тайну! — закричал майор.

Приказ поспешили исполнить, но разносчик оказался проворнее: он мигом проглотил бумажку. Офицеры, пораженные, замерли, а доктор воскликнул:

— Держите его, я дам ему рвотного.

— Не надо,— рассудил Данвуди, останавливая рукой доктора,— если его преступление велико, таким же будет и наказание.

— Ведите меня,— произнес Гарви и, сбросив с плеч тюк, с непостижимым достоинством пошел к дверям.

— Куда? — удивленно спросил Данвуди.

— На виселицу.

— Нет, — сказал майор, сам ужаснувшись своему решению.— Долг повелевает мне приказать казнить тебя, но, конечно, не так поспешно. Подготовься к ужасной смерти, она произойдет завтра, в девять часов утра.

Данвуди шепотом отдал распоряжение младшему офицеру и знаком велел разносчику удалиться. Так кончилось веселье за столом.

Офицеры разошлись, и вскоре воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелыми шагами часового, ходившего взад и вперед по мерзлой земле перед «Отелем Фленеган».

ГЛАВА XVII

Есть люди, чьи подвижные черты
Не могут утаить движений сердца;
У них надежда, жалость и любовь,
Как в зеркале, находят отраженье.
Но трезвый опыт учит нас скрывать
Тепло души за маской лицемерной,
Необходимой в этом мире лживом.

Дуо

Офицер, которому Данвуди доверил разносчика, передал своего поднадзорного сержанту охраны. Подарок капитана Уортона не преминул оказать испытанное действие на молодого лейтенанта: все предметы вокруг покачивались и подпрыгивали у него перед глазами, и это навело его на мысль, что не мешало бы подкрепиться сном. Наказав сержанту не сводить глаз с арестованного, он закутался в плащ, растянулся на скамье перед камином и вскоре обрел желанный покой.

Позади дома стоял грубо сколоченный сарай; в глубине его была отгорожена небольшая каморка, служившая кладовой для мелких земледельческих орудий. Однако в те времена беззакония все, что имело какую-нибудь ценность, быстро растаскивали; когда же появилась Бетти Фленеган и окинула зорким взглядом этот уголок, она сразу же решила устроить там склад для своих пожитков и убежище для собственной особы. Туда же снесли запасы оружия и кое-какое имущество отряда. Все эти сокровища находились под надзором часового, который шагал взад и вперед по сараю, охраняя тыл штаб-квартиры. Другой солдат, сторживший неподалеку от дома и присматривавший за лошадьми офицеров, мог наблюдать за наружной стеной. Сарай был без окон и лишь с одной дверью, поэтому предусмотрительный сержант рассудил, что лучшего места для узника не найти — пускай себе сидит здесь до часа казни. Сержант Холлистер пришел к такому решению по многим причинам; одной из них было отсутствие маркитантки, которая пристроилась возле очага на кухне и любовалась во сне отрядом виргинцев, атакующим неприятеля, причем свист, исходивший из ее носа, она принимала за звуки горна. Вторая причина объяснялась взглядами сержанта на жизнь и на смерть, благодаря которым этот ветеран слыл в своей среде редким образчиком благочестия и добродетели. Ему было уже за пятьдесят, и половину своей жизни он провел в армии. Не раз ему приходилось видеть, как люди внезапно умирают; впечатление, которое производило на него это зрелище, резко отличалось от того, какое оно обычно

производило на других, и в своем отряде он считался не только самым степенным, но и достойным наибольшего доверия солдатом. В награду за верность капитан Лоутон назначил его своим ординарцем.

Сопровождая Бёрча, сержант молча подошел к кладовой, которая должна была стать местом заключения; открыв одной рукой дверь, другой он поднял фонарь, чтобы осветить разносчику его тюрьму. Сержант уселся на бочонок с любимым напитком Бетти, жестом предложил Бёрчу сесть на второй и поставил фонарь на пол. Некоторое время он внимательно смотрел на узника, а потом сказал:

— Судя по вашему лицу, вы встретите смерть как храбрый человек. Я привел вас в такое место, где вас никто не потревожит и вы сможете спокойно собраться с мыслями.

— Ужасное место для прощания с жизнью,— заметил Гарви, оглядывая с безучастным видом жалкую комнатушку.

— Не все ли равно,— возразил старый вояка,— где человек выстраивает свои мысли, чтобы произвести им последний смотр перед судом на том свете. У меня тут есть книжечка, я всегда ее почитываю, когда мы собираемся в бой, и полагаю, что в трудные минуты жизни она приносит большое утешение.

С этими словами он вытащил из кармана Библию и протянул ее разносчику. Бёрч взял книгу с должным почтением, но вид у него был рассеянный и глаза блуждали, из чего сержант заключил, что страх подавил все другие его чувства. И тогда, чтобы утешить разносчика, он повел такую речь:

— Если что-нибудь мучает вас, теперь самое время снять с души эту тяжесть... Если вы причинили кому-нибудь зло, поверьте слову честного драгуна, я протяну вам руку помощи, чтоб восстановить справедливость.

— Редкий человек не причинил кому-нибудь зла,— отозвался разносчик, снова бросив на своего стража рассеянный взгляд.

— Что верно, то верно... все мы грешны, но бывает, иногда сделаешь такое, о чем потом сожалеешь. Ведь не хочется умирать с тяжелым грехом на совести.

Гарви уже успел основательно разглядеть помещение, где ему предстояло провести ночь, но не нашел никаких путей к бегству. Надежда — чувство, которое последним покидает человеческое сердце, вот почему Гарви вдруг пристально посмотрел на сержанта. Он так уставился на его загорелое лицо, что тот опустил глаза перед этим испытующим взором.

— Меня учили складывать бремя грехов к стопам спасителя,— ответил разносчик.

— Оно, конечно, так,— согласился драгун,— но справедливость надо восстанавливать, пока не поздно. С тех пор как началась война, для страны настали времена, полные жестоких событий, и многие лишились своей кровной собственности. Моя чувствительная совесть с трудом мирится с этим, даже если чужое добро отбирают по закону.

— Эти руки,— сказал Гарви, протягивая свои худые, костлявые пальцы,— долгие годы трудились, но никогда не грабили.

— Вот и хорошо, если так,— произнес добродетельный солдат,— теперь это приносит вам, конечно, большое утешение. Есть три великих греха, и если ни один из них не лежит на совести, то человек, милостью божьей, может надеяться выдержать испытание и попасть на небо; эти грехи: грабеж, убийство и дезертирство.

— Благодарение богу,— с жаром воскликнул Гарви,— я никогда не лишал жизни своего ближнего!

— Когда убиваешь в честном бою, выполняешь только свой долг. Ежели дело неправое, вина за убийство, знаете сами, падает на нацию, и человек наказывается здесь, на земле, вместе со всем народом; но преднамеренное убийство в глазах господа бога почти то же самое, что дезертирство.

— Я никогда не был солдатом и потому не мог дезертировать,— сказал разносчик и с удрученным видом закрыл лицо рукой.

— Но дезертир не только тот, кто бросает знамя полка, хотя это, конечно, худший случай измены; дезертир и тот, кто бросает родину в трудное для нее время.

Разносчик закрыл лицо обеими руками. Он весь дрожал. Сержант с подозрением посмотрел на него, но добродушие пересилило неприязнь, и он продолжал гораздо мягче:

— Все же я думаю, этот грех может быть прощен, если искренне раскаяться в нем; не все ли равно, как и когда умереть? Главное — умереть христианином и не трусом. Советую вам помолиться, потом отдохнуть, это придаст вам и мужества и благочестия. Нет никакой надежды на прощение: полковник Синглтон строго-настрого распорядился казнить вас, как только вас захватят. Да...да... ничто не может спасти вас.

— Вы верно сказали! — воскликнул Гарви.— Слишком поздно... Я сам уничтожил свою единственную возможность на спасение, но *он-то* в конце концов восстановит мое доброе имя.

— О чем это вы? — спросил сержант, в котором вдруг пробудилось любопытство.

— Да так, ни о чем,— ответил разносчик и опустил голову, чтобы не встретиться глазами с внимательным взглядом сержанта.

— А кто такой «он»?

— Никто,— отрезал Гарви.

— «Ни о чем» да «никто» теперь не помогут,— заключил сержант, поднимаясь.— Ложитесь-ка на постель миссис Фленеган и сосните малость, утром я вовремя вас разбужу; от всей души хотел быть вам полезным, уж очень мне не по нутру, когда человека вешают, словно пса.

— Но вы могли бы спасти меня от позорной смерти,— сказал Гарви, вскакивая и хватая драгуна за руку.— О, чего бы только я не дал вам за это в награду.

— А как спасти? — спросил сержант, глядя на него с удивлением.

— Вот,— вымолвил разносчик, доставая из-за пазухи несколько гиней,— это мелочь в сравнении с тем, что я дам, если вы поможете мне бежать.

— Будь вы даже тот, чье изображение вычеканено на золотых монетах, я все равно не пошел бы на такое преступление,— ответил драгун с негодованием и бросил деньги на пол.— Будет вам, несчастный, примиритесь-ка лучше с господом; только это может помочь вам теперь.

Сержант взял фонарь и ушел с возмущенным видом, оставив разносчика во власти печальных дум о своей неминуемой участи. Отчаяние охватило Гарви, и он бессильно опустился на соломенный тюфяк маркитантки, а сержант в это время отдавал распоряжения часовым. Свои наставления солдату, охранявшему Бёрча в сарае, Холлистер закончил такими словами:

— Ты ответишь своей жизнью, если он сбежит. Пусть до утра никто не входит в чулан и не выходит оттуда.

— Но,— возразил солдат,— мне приказано впускать и выпускать маркитантку, когда только ей вздумается.

— Так и быть, ее можешь пускать, но смотри, как бы негодяй-разносчик не удрал, спрятавшись у нее в юбках.— И сержант продолжал обход, отдавая такие же распоряжения часовым, охранявшим сарай.

После ухода сержанта в каморке заключенного сначала было тихо, потом караульный услышал тяжелое дыхание, вскоре перешедшее в мерный храп крепко спящего человека. Солдат расхаживал перед дверью, дивясь подобному равнодушию к жизни, которое позволяет предаваться спокойному сну на пороге могилы. Впрочем, к этим размышлениям не примешивалась жалость: имя Гарви Бёрча с давних пор было всем ненавистно в отряде. Кроме сержанта, выказавшего участие к узнику, вероятно, никто из драгун не обошелся бы с ним так добродушно, и каждый из них точно так же отверг бы предложенную им взятку, хотя,

быть может, по причинам и не столь возвышенным. Убедившись, что разносчик наслаждается сном, которого сам он был лишен, караульный почувствовал нечто вроде досады; его раздражало такое явное проявление безразличия к казни — самой суровой военной каре за измену делу свободы Америки.

Драгун не раз порывался насмешками и бранью пробудить от сна разносчика, но в душе сознавал жестокость такого постыдного поступка, да и привычка к дисциплине останавливала его.

Размышления часового прервала маркитантка; она появилась в дверях кухни и, едва держась на ногах, принялась на чем свет стоит поносить офицеров, которые так расшумелись, что не дали ей поспать у очага. Из ее ругательств часовой кое-как понял, в чем было дело, но все его попытки поговорить со взбешенной женщиной оказались тщетными, и он впустил ее в каморку, так и не растолковав, что там уже кто-то есть. Сначала послышался шум, свидетельствовавший о том, что грузное тело Бетти опустилось на кровать, затем наступила тишина, нарушаемая лишь ровным дыханием разносчика, а через несколько минут он уже опять захрапел, словно никто и не потревожил его. Тут как раз пришла смена. Часовой был уязвлен неуважением разносчика к смерти. Передав сменившему его товарищу приказание сержанта, он сказал, уходя:

— Можешь согреваться пляской, Джон. Слышишь, шпион-разносчик настроил свою скрипку; не успеешь оглянуться, как и Бетти заведет шарманку.

Шутка вызвала громкий смех у караульных. В эту минуту дверь каморки отворилась, и снова показалась Бетти. Слегка пошатываясь, она направилась к кухне.

— Стой! — крикнул часовой, схватив ее за платье.— Уж не спрятала ли ты шпиона у себя в кармане?

— Разве не слышишь, как этот жулик храпит у меня в комнате, болван ты эдакий! — воскликнула Бетти, вся дрожа от ярости.— Так-то вы обращаетесь с почтенной вдовой — впустили к ней в комнату мужчину, лоботрясы!

— Подумаешь! Не все ли тебе равно, если завтра его повесят. Слышишь, он и сейчас уже спит, а завтра уснет навек.

— Убери лапы, разбойник! — завопила маркитантка, оставив в руках у солдата бутылку, которую ему удалось вырвать у нее.— Уж я найду на вас управу, я спрошу капитана Джека, он ли приказал поместить в мою комнату висельника-шпиона! На мою вдовью кровать, ворюга ты этакий!

— Тише, старая ведьма,— со смехом сказал солдат, на минуту отрываясь от бутылки, чтобы перевести дыхание.— Этак ты

разбудишь джентльмена... Неужели ты можешь потревожить последний сон человека?

— Я пойду разбужу капитана Джека, разбойник окаянный, я приведу его сюда! Уж он-то наведет порядок, всем вам не поздоровится за оскорбление одинокой вдовы!

С этими словами, вызвавшими у часовых только смех, Бетти обошла сарай и нетвердой походкой отправилась искать защиты у своего любимца — капитана Лоутона. Однако ни капитан, ни маркитантка этой ночью тут больше не появлялись, и ничто уже не нарушало покоя разносчика: к удивлению всех караульных, он по-прежнему громко храпел, показывая этим, что мысль о виселице ничуть его не волнует.

ГЛАВА XVIII

О, Даниил здесь судит! Даниил!
Почет тебе, о мудрый судия!

Шекспир. Венецианский купец[1]

Скиннеры поспешно следовали за капитаном Лоутоном к месту расположения кавалерийского отряда. Отчаянная храбрость, с какой капитан Лоутон служил своему делу, презрение к опасностям, которым он сам подвергался, сражаясь с врагом,— все это в соединении с исполинским ростом и суровом лицом создало ему репутацию страшного человека, не похожего на других офицеров. Его неустрашимость принимали за свирепость, а горячность — за склонность к жестокости. Напротив, несколько милосердных поступков майора Данвуди, а вернее, его неподкупная справедливость дали кое-кому повод считать его чрезмерно снисходительным. Лишь в очень редких случаях общественное мнение осуждает или одобряет человека действительно по заслугам.

В присутствии Данвуди главарь шайки скиннеров ощущал неловкость, какую обычно испытывает порок перед лицом истинной добродетели; но едва лишь он вместе с Лоутоном вышел из «отеля», как сразу решил, что Лоутон одного с ним поля ягода и при случае может быть полезен. В обращении капитана была какая-то мрачность, обманывавшая большинство людей, не знавших его близко. Недаром в отряде многие говорили: «Капитан смеется только тогда, когда собирается кого-нибудь наказать».

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Подойдя к Лоутону поближе, мародер завел такой доверительный разговор:

— Всегда полезно уметь отличать друзей от врагов.

На это вступление капитан ответил лишь неопределенным звуком, что́ разбойник истолковал как знак одобрения.

— Майор Данвуди, видать, на хорошем счету у Вашингтона,— продолжал скиннер; в его тоне слышалось, однако, сомнение.

— Некоторые так думают.

— В Вест-Честере многие патриоты хотели бы, чтобы кавалерией командовал другой офицер. А что до меня, так я бы мог оказать немало услуг Америке, ежели бы меня и моих молодцов порой прикрывали войска. Таких услуг, что в сравнении с ними поимка разносчика — сущие пустяки.

— Вот как! Какие же это услуги?

— А такие, что были бы не менее выгодны офицеру, чем нам,— ответил скиннер, бросив на капитана многозначительный взгляд.

— И что вы можете сделать? — несколько нетерпеливо спросил Лоутон и ускорил шаг, чтоб спутники не услышали разговора.

— А вот что: мы могли бы даже под дулами пушек славно поживиться неподалеку от расположения королевской армии, если бы виргинская кавалерия защитила нас от солдат де Ланси и прикрыла отступление, чтоб нам не отрезали путь со стороны Кингс-Бриджа.

— А я-то думал, что ковбои там все прибрали к рукам.

— Понемногу и прибирают, но им приходится с нами делиться. Я был там два раза и заключил с ними соглашение; в первый раз они поступили по совести, но во второй напали на нас и всю добычу захватили себе.

— Какой бесчестный поступок! Неужто порядочный человек станет связываться с такими негодяями?

— Приходится вступать в соглашение кое с кем из них, а не то мы можем завалиться; но, конечно, бесчестный человек хуже последней скотины. А как по-вашему, майору Данвуди можно доверять?

— В делах чести, вы хотите сказать?

— Конечно. Знаете, ведь все были хорошего мнения об Арнольде, пока не поймали майора королевских войск.

— Не думаю, чтоб майор Данвуди согласился продать своих, как это собирался сделать Арнольд, но вряд ли ему можно довериться в таком щекотливом деле, как ваше.

— Я тоже так думаю,— заметил скиннер с самодовольным

видом, говорившим о том, что он в восторге от своей проницательности. Они подошли к довольно богатому фермерскому дому. Обширные строения во дворе были по тем временам совсем в хорошем состоянии. В сараях разместились солдаты; под длинным навесом, защищавшим от пронизывающего северного ветра, стояли лошади и спокойно жевали сено. Они были оседланы; и их можно было быстро взнуздать. Извинившись перед своими спутниками, Лоутон на минуту вошел в дом. Он вернулся, держа в руке обыкновенный конюшенный фонарь, и повел скиннеров в большой фруктовый сад, с трех сторон окружавший постройки. Мародеры молча шли за капитаном, полагая, что он ищет уединенное место, чтобы продолжить столь интересный разговор, не опасаясь быть услышанным.

Тут-то главарь шайки возобновил беседу, надеясь еще больше расположить к себе капитана и произвести на него впечатление человека с головой.

— А как вы думаете, возьмут колонии в конце концов верх над королем? — спросил он с важным видом политика.

— Возьмут ли колонии верх? — повторил капитан запальчиво, однако сдержался и продолжал спокойно: —А как же иначе? Если французы помогут нам оружием и деньгами, мы прогоним королевские войска не позже чем через шесть месяцев.

— Я тоже на это надеюсь. Тогда у нас будет свободное правительство, и мы, борцы, получим награду.

— Еще бы! — воскликнул Лоутон.— Ваши права неоспоримы. А всех этих подлых тори, которые живут припеваючи у себя дома и хлопочут только о своих фермах, по заслугам заклеймят позором. У вас, конечно, нет фермы?

— Пока что нет, но худо будет, если я не обзаведусь домиком до заключения мира.

— Верно. Тот, кто блюдет свои интересы, соблюдает интересы родины; превозносите свои заслуги, ругайте почем зря тори, и ставлю свои шпоры против ржавого гвоздя, что вам предложат в Вест-Честере должность клерка.

— А не кажется ли вам, что люди из отряда Паулдинга сваляли дурака, не дав уйти адъютанту генерала? — уже отбросив всякую осторожность, спросил скиннер, обманутый простотой обращения Лоутона.

— «Сваляли дурака»! — с горьким смехом вскричал Лоутон.— Еще бы: король Георг заплатил бы им куда больше, чем конгресс,— ведь он богаче! Он даровал бы им и дворянство! Но, слава богу, в нашем народе живет замечательный дух. Люди, у которых нет ни гроша за душой, действуют так, словно в награду за верность, получат все богатства Индии. Не все же та-

кие мерзавцы, как ты, не то мы давно были бы уже рабами Англии!

— Как! — отскочив, воскликнул скиннер и навел мушкет на грудь Лоутона.— Меня предали, вы мне враг!

— Негодяй! — крикнул Лоутон, и его сабля, зазвенев в ножнах, вышибла мушкет из рук скиннера.— Попробуй-ка еще раз прицелиться в меня, и я разрублю тебя пополам.

— Так вы не заплатите нам, капитан Лоутон?— спросил мародер, дрожа всем телом, потому что он увидел, как конные драгуны молча окружили его шайку.

— Не заплатим? Ну как же, свое вы получите сполна! Вот деньги, которые полковник Синглтон прислал за поимку шпиона.— И Лоутон с презрением бросил к ногам мародера мешок с золотом.— Сложите оружие, негодяи, и проверьте, все ли здесь на месте.

Перепуганные бандиты выполнили приказ, и, пока они с жадностью считали гинеи, несколько солдат незаметно для них выбили кремни из их мушкетов.

— Ну как, не надули вас? — нетерпеливо спросил капитан.

— Нет, все деньги тут,— ответил главарь.— Теперь мы, с вашего позволения, разойдемся по домам.

— Стой! Свое обещание мы выполнили, а теперь восстановим справедливость. Мы заплатили вам за поимку шпиона, но накажем вас за поджоги, грабежи и убийства. Хватайте их, ребята, и всыпьте каждому по сорок горячих.

Приказ не пришлось повторять. Со скиннеров мигом сорвали одежду и всех привязали недоуздками к яблоням. Обнажились сабли, и на землю, словно по волшебству, упало пятьдесят веток; самые гибкие из них тут же разобрали драгуны, которые вызвались наказать грабителей. Капитан Лоутон отдал команду, и в саду началось настоящее столпотворение. Голос вожака заглушал крики остальных, как видно, по вине капитана Лоутона, напомнившего солдату, который сек этого бандита, что тот имеет дело с командиром и должен оказать ему особую честь. Экзекуция была произведена быстро и четко, по всем правилам, если не придавать значения тому, что каратели начали отсчитывать удары лишь после десятого или двенадцатого, так как, по их словам, сначала им надо было приноровиться. Успешно закончив операцию, солдаты по приказанию Лоутона позволили скиннерам одеться, а сами сели на коней, ибо отряд отправлялся в дозор к югу от Вест-Честера.

— Вот видишь, приятель,— сказал капитан Лоутон вожаку,— в некотором смысле я могу и прикрыть тебя, когда надо. Если мы будем чаще встречаться, тебя всего покроют

рубцами, может, и не очень почетными, зато вполне заслуженными.

Скиннер промолчал. Он схватил мушкет и велел своим дружкам поторапливаться. Они с мрачными лицами пошли по направлению к поросшим густым лесом холмам, которые высились неподалеку. Взошла луна и ярко осветила драгунский отряд. Тут мародеры неожиданно повернули назад, прицелились и нажали курки. Маневр был замечен, и солдаты, услышав щелканье спущенных курков, ответили на тщетную попытку открыть огонь издевательским смехом, а капитан крикнул во весь голос:

— Ага, я знал, какие вы мошенники, и велел выбить кремни.

— Зря не выбили и тот, что у меня в подсумке,—отозвался главарь, и в то же мгновенье раздался выстрел. Пуля оцарапала капитану ухо, но он только покачал головой, и, засмеявшись, сказал:

— Промазал почти на милю!

Один драгун заметил приготовления скиннера, который отстал от шайки во время неудачной попытки отомстить, и тотчас после выстрела пришпорил коня. До леса было совсем недалеко, но, чтобы удрать от скакавшего за ним драгуна, разбойнику пришлось бросить и мушкет и мешок с деньгами. Солдат вернулся с добычей и хотел отдать деньги капитану, но тот отказался их взять и велел хранить, пока мародер не явится за своею собственностью. Впрочем, если бы он и явился, не очень-то легко было бы судебным властям новых штатов заставить драгун возвратить деньги, так как, не долго раздумывая, сержант Холлистер честно разделил их между своими драгунами. Патрульные отправились в дозор, а капитан медленно пошел к себе, собираясь отдохнуть. Вдруг он заметил между деревьями фигуру, быстрыми шагами направлявшуюся в ту сторону леса, где скрылись мародеры. Круто повернув, бдительный воин подошел к ней. Легко представить себе удивление капитана, когда в таком месте и в такой поздний час он увидел маркитантку.

— Что вы тут делаете, Бетти? Бродите во сне или грезите наяву? — вскричал драгун.— И вы не боитесь встречи с духом старушки Дженни на ее любимом пастбище?

— Ах, капитан Джек,— сказала Бетти, произнося слова с присущим ей сильным ирландским акцентом; она так качалась, что не в силах была поднять голову.—И вовсе не Дженни мне нужна и не ее дух, а целебная травка для раненых. Ее надо сорвать, когда первые лучи луны упадут на землю, не то от нее не будет никакого проку. Травка растет вон там, под скалой, я хочу поспеть, пока заклинанье имеет силу.

— Вот сумасшедшая! Вам бы в постели лежать, а не бродить среди скал. Еще свалитесь, того и гляди, и все кости себе переломаете. Да и скиннеры убежали в ту сторону; если встретитесь с ними, они вас вздуют как следует в отместку за расправу, которую я им учинил. Шли бы лучше назад, матушка, да выспались как следует, утром мы трогаемся в путь.

Бетти не послушалась этого совета. Описывая кривые, она продолжала брести по склону холма; при упоминании о скиннерах она на мгновение остановилась, но тотчас же двинулась дальше и вскоре исчезла среди деревьев.

Когда Лоутон подошел к «отелю», стоявший у входа часовой спросил, не встретилась ли ему миссис Фленеган; он добавил, что она прошла мимо, осыпая проклятиями своих обидчиков, и все допытывалась, где капитан. Лоутон с удивлением выслушал часового. Казалось, его осенила какая-то новая мысль — он было направился к фруктовому саду, но тут же вернулся назад; потом он стал шагать взад и вперед перед дверью, наконец быстро вошел в дом, не раздеваясь бросился на кровать и вскоре крепко уснул.

Тем временем мародеры благополучно добрались до вершины холма и, рассыпавшись в разные стороны, скрылись в лесной чаще. Увидев, что в этом месте можно не опасаться нападения — кавалеристы не взобрались бы на такую высоту,— вожак свистнул и собрал весь свой отряд.

— Так вот,— начал один из разбойников, когда они разложили костер, чтобы согреться, ибо холод пробирал все сильнее,— нашим делам в Вест-Честере крышка, надо убираться отсюда. Виргинская конница скоро здесь так разойдется, что нельзя будет и нос высунуть.

— Я пущу из него кровь,— пробормотал вожак,— даже если это будет стоить мне жизни.

— Что и говорить, в лесу ты герой! — вскричал другой мародер, злобно расхохотавшись.— Чего же ты, меткий стрелок, промахнулся на расстоянии в тридцать ярдов!

— Мне помешал драгун, который погнался за мной, не то я прихлопнул бы этого капитана Лоутона. К тому же я дрожал от холода, и моя рука потеряла твердость.

— Скажи лучше — дрожал от страха, и ты не соврешь. Зато мне уж, видно, никогда не станет холодно — спина горит, будто к ней приложили тысячу раскаленных решеток для пытки огнем.

— И ты готов все это стерпеть, может быть, даже поцелуешь розгу, которой тебя отстегали?

— Не так-то просто ее поцеловать. Розга, которой меня отстегали, разлетелась вдребезги на моей спине, и не найти такого

кусочка, чтоб на нем поместились губы. Нет, уж лучше я потеряю половину своей шкуры, чем всю, да еще и уши в придачу. А так оно и будет, если мы еще раз разозлим этого бешеного виргинца. Видит бог, я хоть сейчас отдал бы ему столько кожи, что хватило б на охотничьи сапоги, лишь бы вырваться живым из его рук! Знали бы мы раньше, лучше б нам держаться майора Данвуди — тому хоть меньше известно про наши дела, чем Лоутону.

— Замолчи ты наконец, пустомеля! — гаркнул разъяренный главарь.— От твоей болтовни пухнет голова! Мало того, что нас ограбили и избили,— приходится еще терпеть твои глупости! Достань-ка лучше провизию, если что-нибудь осталось в мешке, и заткни себе глотку едой.

Приказание было выполнено. Разбойники с громкими криками и стонами — так сильно у них болели спины — взялись за приготовления к скудному ужину. В расщелине скалы ярким пламенем горел костер; понемногу все стали приходить в себя после поспешного бегства и собираться с мыслями. Наевшись и сбросив с себя лишнюю одежду, чтобы перевязать раны, скиннеры начали строить планы мести. Они толковали битый час, но все их замыслы были так опасны и требовали такого мужества, что, естественно, эти планы были отвергнуты. Нечего было и думать о том, чтобы застигнуть драгун врасплох,— они всегда были начеку; не было надежды и встретить капитана без его солдат — он всегда был занят делом или передвигался со своим отрядом с такой быстротой, что столкнуться с ним можно было только случайно. К тому же мародеры никак не могли рассчитывать, что встреча кончится удачно именно для них. Драгунский капитан славился своей ловкостью, и, хотя земли Вест-Честера были изрезаны высокими холмами и речками, бесстрашный воин делал отчаянные переходы, и даже каменные стены не могли задержать атак южной кавалерии. Мало-помалу разговор принял иное направление, и наконец мародеры остановились на плане, который мог не только утолить их жажду мести, но и кое-чем вознаградить за хлопоты. Дело обсудили во всех подробностях, назначили час, уговорились, как действовать,— словом, предусмотрели все, что требовалось для осуществления злодейского замысла.

Вдруг где-то поблизости раздался громкий голос:

— Сюда, капитан Джек, вот где эти негодяи! Они сидят у костра... Скорее сюда, смерть грабителям! Слезайте с коней и стреляйте!

Этих угрожающих слов было достаточно, чтобы все мудрые рассуждения вылетели у скиннеров из головы. Они мигом вскочили на ноги и помчались в глубь леса, а так как они заранее

условились о месте встречи, то сразу разбежались во все стороны. Некоторое время слышался шум и голоса, но скиннеры умели быстро исчезать, и вскоре все звуки замерли вдали.

Тут из темноты вынырнула Бетти Фленеган; с полным спокойствием она стала собирать провизию и одежду — все то, что побросали скиннеры, потом уселась и с большим удовольствием поужинала. С часок она сидела, подперев голову руками и глубоко задумавшись; затем отобрала себе по вкусу кое-какие вещи и двинулась в чащу. Пламя костра отбрасывало мерцающий свет на ближайшие скалы, пока не догорела последняя головня, но скоро наступила тишина, и все вокруг погрузилось во мрак.

ГЛАВА XIX

Сомненья наполняют грудь,
От скорбных мыслей не уснуть,
Остаться — смерть, уйти — безумье,
Скорее прочь, оставь раздумья.

Лапландская любовная песня

Товарищи майора Данвуди крепко спали, позабыв обо всех волнениях и опасностях, но сам майор был встревожен и то и дело просыпался. Истомленный беспокойно проведенной ночью, Данвуди поднялся со своей жесткой постели, на которую бросился накануне как был, в одежде, и, не разбудив никого, вышел из дому, надеясь, что свежий воздух принесет ему облегчение. Мягкие лучи луны уже начали бледнеть в свете раннего утра; ветер стих, а легкий туман предвещал еще один из тех теплых дней, которые в этом непостоянном климате со сказочной быстротой сменяют бурю. Час, назначенный для выступления отряда, еще не настал, и Данвуди, предоставив своим воинам отдыхать, побрел в сторону сада, где ночью драгуны выпороли скиннеров, размышляя о своем сложном положении, в котором долг столкнулся с любовью. Хотя он нисколько не сомневался в чистоте намерений Генри Уортона, однако он не был уверен, что военный трибунал разделит это мнение; Данвуди не только мучила мысль о судьбе Генри — он прекрасно понимал, что смертный приговор навсегда лишит его надежды на брак с сестрой осужденного. Накануне вечером Данвуди отправил нарочного к полковнику Синглтону с донесением о взятии в плен английского капитана; написав, что считает его невиновным, майор спрашивал у начальника, как поступить с пленным. Приказ полковника вот-вот должен был прийти, и, по мере того как приближалась роковая минута, которая

могла лишить друга его покровительства, волнение Данвуди все возрастало. В таком душевном смятении он прошел через сад и задержался у холмов, под защиту которых бежали скиннеры. Все еще не отдавая себе отчета, где он оказался, Данвуди хотел было повернуть назад, но тут его остановил повелительный окрик:

— Стой, или смерть тебе!

Данвуди, пораженный, обернулся и увидел неподалеку от себя, на выступе скалы, человека, целившегося в него из мушкета. Дневной свет еще только разгорался, и трудно было что-нибудь разглядеть в окружающем мраке; однако пристальнее всмотревшись в силуэт незнакомца, Данвуди, к своему удивлению, узнал разносчика. Он мгновенно понял, какая опасность ему угрожает, но, не желая просить о пощаде или бежать, если бы это и было возможно, с твердостью сказал:

— Если хочешь меня убить — стреляй, пленником твоим я не стану.

— Нет, майор Данвуди,— ответил разносчик, опуская ружье,— я не собираюсь ни убивать вас, ни брать в плен.

— Тогда чего же ты хочешь, загадочное существо? — спросил майор, с трудом заставляя себя поверить, что перед ним человек, а не призрак, созданный воображением.

— Чтобы вы не думали обо мне дурно,— с чувством сказал разносчик.— Мне хотелось бы, чтоб все хорошие люди судили меня по справедливости.

— Разве тебе не все равно, как судят о тебе люди? Ты, кажется, недосягаем для их суда.

— Когда господь находит нужным, он сохраняет жизнь своим слугам,— торжественным тоном произнес разносчик.— Несколько часов назад я был вашим пленником и мне угрожала виселица, теперь вы в моей власти, но вы свободны, майор Данвуди. В этих скалах прячутся люди, которые не обойдутся с вами так милостиво, как я. Какой толк был бы вам от вашей сабли, если у меня в руках ружье? Послушайтесь совета того, кто никогда не делал и не сделает вам зла: не подходите к лесной опушке один и пешком.

— У тебя, наверное, есть друзья, которые помогли тебе бежать, и они не так великодушны, как ты?

— Нет... нет... я совсем одинок... Меня знают только бог и *он*.

— Кто — он? — спросил майор с нескрываемым интересом.

— Никто,— овладев собой, ответил разносчик.— Но у вас иная судьба, майор Данвуди. Вы молоды и счастливы, есть люди, которые вам дороги, они недалеко отсюда. Тем, кого вы любите больше всего, угрожает опасность... У них в доме и за его стенами.

Удвойте осторожность, усильте дозоры и молчите... Если я скажу больше, вы при вашем недоверии ко мне заподозрите ловушку. Охраняйте тех, кто вам всего дороже!

С этими словами он выстрелил в воздух и бросил ружье к ногам Данвуди. Когда дым рассеялся и Данвуди, едва придя в себя от удивления, посмотрел на скалу, там никого не было.

Конский топот и трубные звуки вывели молодого офицера из оцепенения, в которое повергла его эта странная сцена. Выстрел услышали дозорные и подняли тревогу. Данвуди поспешил вернуться в лагерь, где застал всех под ружьем, готовыми к выступлению; отряд ждал только своего командира. Офицер, распоряжавшийся приготовлениями к казни шпиона, приказал сорвать вывеску «Отель Фленеган», и столб был превращен в виселицу. Данвуди сказал, что выстрелил он сам из ружья, видимо брошенного удиравшими скиннерами,— он уже знал о том, как капитан Лоутон расправился с ними,— а о своей встрече с разносчиком решил промолчать.

Офицеры предложили майору совершить казнь над шпионом прежде, чем отряд тронется с места. Данвуди все еще казалось, что ему привиделся сон. Однако он пошел с группой офицеров вслед за Холлистером к темнице разносчика.

— Ну, сэр,— сказал майор часовому, караулившему у двери,— надеюсь, пленник в целости и сохранности?

— До сих пор дрыхнет,— ответил солдат,— да так храпит, что я чуть не прослушал тревогу.

— Отвори дверь и выведи его.

Дверь тут же отворили, и, к величайшему удивлению честного сержанта, в каморке оказался немалый беспорядок; на кровати валялся сюртук разносчика, а большая часть гардероба Бетти была раскидана по полу. Сама она крепко спала в том самом наряде, в каком ее видели в последний раз,— недоставало только неизменной черной наколки, украшавшей ее голову днем, а ночью, как все думали, служившей ей чепчиком. Шум и восклицания разбудили маркитантку.

— Вам чего, завтракать захотелось? — протирая глаза, спросила она.— Вид у вас такой, будто вы готовы слопать меня живьем. Потерпите малость, соколики мои, и я такое жаркое вам подам, что пальчики оближете.

— Жаркое! — вскричал сержант, забыв о своих религиозных воззрениях и о присутствии офицеров.— Мы тебя зажарим, чертовка! Это ты помогла треклятому разносчику бежать?

— Ах, чтоб ты провалился заодно с этим окаянным разносчиком! Это я-то чертовка, мистер сержант? — завопила Бетти, которую нетрудно было вывести из себя.— Что еще за разносчики

такие, кто бежал, куда бежал? А я тут при чем? Я могла бы стать женой торговца и ходила бы в шелку, кабы у меня хватило ума выйти за Соуни Мак-Твила, а не таскаться следом за бессовестными драгунами, у которых нет никакого уважения к одинокой вдове.

— Негодяй бросил мою Библию,— сказал сержант, поднимая с пола книгу.— Вместо того чтоб ее читать да готовиться к смерти, как подобает христианину, он замышлял побег.

— А кому охота дожидаться, пока его повесят, как собаку! — вскричала Бетти, начиная понимать, что случилось.— Не всякому на роду написан такой конец, как вам, мистер Холлистер.

— Молчать! — приказал Данвуди.— В этом деле, джентльмены, надо как следует разобраться. Здесь нет другого выхода, кроме двери, и разносчик мог выйти лишь в том случае, если часовой помог ему бежать или уснул на посту. Позвать всю стражу!

Часовые были уже свободны, но любопытство удерживало их возле сарая; все они в один голос стали уверять, что никто из кладовой не выходил. Только первый часовой признался, что мимо него прошла Бетти, и в свое оправдание сослался на приказ не задерживать ее.

— Ты лжешь, разбойник ты эдакий, лжешь! — вскричала Бетти, прислушавшись к объяснениям.— Ты хочешь опозорить почтенную вдову. Как ты смеешь говорить, будто я шаталась в полночь по лагерю! Да я всю ночь проспала тут, как невинный младенец!

— Смотрите, сэр,— почтительно обратился сержант к Данвуди,— в моей Библии что-то написано, а раньше там ничего не было, у меня ведь нет семьи, я не записывал семейных событий и не потерпел бы маранья в такой священной книге.

Один офицер прочитал вслух:

— «Заявляю, что ежели мне удастся освободиться, то лишь благодаря помощи господа, и я смиренно вверяю себя его покровительству. Мне пришлось взять кое-что из платья этой женщины, и в своем кармане она найдет вознаграждение. Написанное я удостоверяю своей подписью. *Гарви Бёрч*».

— Как,— завопила Бетти,— этот вор обобрал одинокую вдову! Повесьте его... Поймайте и повесьте его, майор, коль есть правда и справедливость в нашей стране!

— Загляните-ка в свой карман,— сказал один молодой офицер, безмятежно забавлявшийся этой сценой.

— Фу ты черт! — воскликнула маркитантка, доставая из кармана гинею.— Что за сокровище этот разносчик! Пошли ему

господь долгие годы и бойкой торговли! Спасибо, что взял мое тряпье, а если его когда-нибудь повесят, то я скажу, что на свободе гуляют преступники почище его.

Данвуди повернулся к выходу и увидел капитана Лоутона. Сложив руки на груди, тот в глубоком молчании наблюдал за происходившим. Сосредоточенный вид капитана, обычно порывистого и стремительного, поразил Данвуди. Взгляды их встретились, и, отойдя в сторону, оба несколько минут о чем-то тихо переговаривались. Потом Данвуди пошел в «отель» и отпустил часовых. Сержант Холлистер остался один на один с маркитанткой, а так как гинея с лихвой возмещала понесенный Бетти урон, настроение у нее было превосходное. Она уже давно с нежностью поглядывала на ветерана и про себя задумала покончить со своим щекотливым положением в отряде, сделав сержанта преемником своего покойного супруга. С некоторых пор сержанту, видимо, льстило оказываемое ему предпочтение, и Бетти, подумав, что ее запальчивость могла обидеть поклонника, решила непременно загладить свою вину. К тому же при всей ее грубости и неотесанности она обладала женским чутьем, которое подсказывало ей, что в минуты примирения женщина укрепляет свою власть над мужчиной. Итак, чтобы умилостивить сержанта, она налила стаканчик своей любимой смеси и поднесла ему со словами:

— Маленькая перебранка промеж друзей — сущий пустяк, сами знаете, сержант; я больше всего ругала Майкла Фленегана, когда крепче всего любила его.

— Майкл был хороший человек и храбрый вояка,— заметил сержант, осушив стакан.— Он пал, когда наш эскадрон прикрывал его полк с фланга; я в тот самый день проезжал мимо его тела. Бедняга! Он лежал на спине, и лицо у него было такое спокойное, точно он умер натуральной смертью, после того как целый год пил без просыпу.

— О, Майкл был истинный пропойца, можете не сомневаться; когда двое таких, как мы с ним, наваливались на выпивку, все запасы кончались. Но вы, мистер Холлистер, человек непьющий и рассудительный, были бы мне настоящим помощником.

— Ах, миссис Фленеган, мне так хочется поговорить с вами о том, что камнем лежит у меня на сердце, и я готов вам открыться, ежели вы удосужитесь выслушать меня.

— Выслушать! — нетерпеливо воскликнула Бетти.— Да я могу слушать вас целый день, сержант, хотя бы из-за этого офицерам не пришлось проглотить больше ни кусочка. Но выпейте еще чуток, дорогой, это придаст вам храбрости.

— Я уж и так осмелел,— отклоняя угощение, сказал ветеран.— Как вы думаете, Бетти, я и вправду запер вчера в этой комнате шпиона-разносчика?

— Кого же еще, коль не его, милок?

— Кого? Нечистого!

— Как, самого дьявола?

— Да, самого Вельзевула, прикинувшегося разносчиком, а те, кого мы приняли за скиннеров, были его дьяволята.

— Конечно, дорогой сержант, это вы верно говорите; скиннеры, что шляются по Вест-Честеру, сущие дьяволы.

— Миссис Фленеган, я хочу сказать, это были настоящие бесы во плоти; только дьявол мог знать, что нам не терпится арестовать разносчика Бёрча, вот он и принял его обличье, чтобы попасть к вам в комнату!

— А на кой я могла ему понадобиться! — крикнула в сердцах Бетти.— Мало тут в отряде дьяволов, чтобы являлся еще один из преисподней пугать одинокую вдову!

— Счастье ваше, Бетти, что ему было дозволено уйти. Ведь он вышел через дверь, приняв ваш вид, а это показывает, какая вас ждет судьба, если вы не измените свою жизнь. Я видел, как он задрожал, когда я дал ему святую книгу. Разве стал бы добрый христианин писать что-нибудь в Библии, кроме пометок о рождении, смерти и других таких летописей, как вы думаете, дорогая Бетти?

Маркитантке понравилось деликатное обращение ее избранника, но рассердили намеки на ее образ жизни. Однако она сдержала гнев и с присущей ее соотечественникам живостью отпарировала:

— Неужто дьявол заплатил бы за платье, да еще с лихвой, а?..

— Деньги эти, без сомнения, фальшивые,— заметил солдат, несколько сбитый с толку доказательством честности того, о ком он был самого низкого мнения.— Он и меня соблазнял блестящей монетой, но господь дал мне силу устоять.

— Моя золотая монета, кажись, настоящая, да я все равно обменяю ее нынче у капитана Джека. Ему нипочем и дьяволы и черти!

— Бетти, Бетти,—отозвался сержант,— не говорите так неуважительно о нечистом! Он всегда тут как тут и разозлится на вас за ваши слова.

— Еще чего! Коли у него есть хоть малость души, он не обидится на бедную одинокую вдову, если она подковырнет его словечком; я уверена, ни один христианин не был бы на меня в обиде.

— Но у нечистого нет души, ведь он хочет погубить род человеческий,— сказал сержант, с ужасом оглядываясь назад,—

лучше всего водить дружбу со всеми, ведь никто не знает наперед, что может случиться. Право же, человек не мог бы выйти отсюда и незаметно пройти мимо часовых; это грозное предостережение для вас, Бетти, а вы...

Тут разговор прервали: явился солдат с приказом немедленно подавать завтрак, и маркитантка рассталась с сержантом; она — втайне надеясь, что проявленное им участие носит более земной характер, чем он хотел показать; он — решив приложить все усилия, чтобы вырвать душу маркитантки из когтей нечистого, который слоняется по лагерю в поисках жертв.

Во время завтрака примчалось несколько гонцов; один доставил донесение о численности и цели вражеской экспедиции, которая расположилась на берегу Гудзона; другой привез распоряжение полковника Синглтона отправить капитана Уортона под конвоем драгун к первому посту в горах. Это письмо, или, вернее, строгий приказ, не допускавший никаких возражений, вконец огорчил Данвуди. Образ Френсис, отчаявшейся и глубоко несчастной, постоянно стоял у него перед глазами; сотни раз готов он был сесть на коня и поскакать к «Белым акациям», но какое-то безотчетное чувство удерживало его. Небольшой эскорт под командованием офицера отправился в коттедж за Генри Уортоном, чтобы доставить его к месту назначения; с тем же офицером Данвуди передал Генри письмо, в котором ободрял своего друга, уверяя, что тому нечего опасаться и что сам он будет неустанно хлопотать за него. Лоутон с частью драгун был оставлен в деревне при раненых; основной же отряд сразу после завтрака покинул лагерь и выступил к Гудзону. Данвуди несколько раз повторил Лоутону свои наставления, снова и снова перебирая в уме каждое слово разносчика и стараясь проникнуть в их загадочный смысл, но не пришел ни к какому выводу, а откладывать свой отъезд у него больше не было повода. Вдруг он вспомнил, что не распорядился насчет полковника Уэлмира и, вместо того чтобы двинуться за отрядом, поддался искушению и повернул коня на дорогу, ведущую к «Белым акациям». Лошадь Данвуди была быстра, как ветер,— казалось, не прошло и минуты, как перед ним открылась уединенная долина. Когда он спускался по склону холма, вдали промелькнули фигуры Генри Уортона и сопровождавших его драгун, цепочкой проходивших в ущелье, которое вело к постам в горах. Это зрелище взбудоражило Данвуди, и он поскакал еще быстрее; он круто обогнул выступ скалы и вдруг натолкнулся на ту, которой были заняты его мысли. Френсис издали следила за конвоем, уводившим ее брата, а когда он скрылся из виду, она почувствовала, что лишилась самого дорогого для нее на свете. Необъяснимое отсутствие Данвуди и потрясение, вызванное разлукой с Генри при та-

ких ужасных обстоятельствах, сломили ее мужество; она опустилась на придорожный камень и зарыдала так, что, казалось, ее сердце вот-вот разорвется. Данвуди соскочил с коня, закинул поводья ему на шею и в одно мгновение очутился подле плачущей девушки.

— Френсис... моя Френсис! — вскричал он.— Зачем так отчаиваться! Пусть вас не пугает положение брата. Как только я выполню порученное мне дело, я кинусь к ногам Вашингтона и умолю его освободить Генри. Отец нашей родины не откажет в такой милости одному из своих любимых питомцев.

— Благодарю вас, майор Данвуди, за сочувствие к моему бедному брату,— сказала дрожащая Френсис; она встала, вытерла слезы и с достоинством добавила:— Но вы не должны так говорить со мной.

— Не должен! Разве вы не моя невеста... с согласия вашего отца, тети, брата... И разве сами вы не дали согласия, моя дорогая Френсис!

— Я не хочу становиться между вами и другой женщиной, возможно, она имеет больше прав на вашу привязанность.

— Никто, клянусь, никто, кроме вас, не имеет на меня прав!— горячо воскликнул Данвуди.— Одной вам принадлежит мое сердце.

— У вас такой большой опыт, и вы так успешно им пользуетесь, что вам ничего не стоит обманывать нас, доверчивых женщин,— произнесла Френсис, делая отчаянное усилие улыбнуться.

— Так говорят только с негодяем, мисс Уортон. Когда я обманывал вас? Каким опытом пользовался, чтобы покорить ваше чистое сердце?

— Так почему же майор Данвуди с некоторых пор стал избегать дом отца своей невесты? Разве он забыл, что в этом доме один его друг прикован к постели, а другой — поражен глубокой печалью? Неужели он не помнит, что там живет его будущая жена? Не боится ли он встречи с другой, которая могла бы предъявить на него права? О, Пейтон, Пейтон, как жестоко я в вас ошиблась! С детской доверчивостью я видела в вас олицетворение благородства, отваги, великодушия и верности.

— Я понимаю, Френсис, что ввело вас в заблуждение! — воскликнул Данвуди, и кровь бросилась ему в лицо.— Но вы несправедливы ко мне. Клянусь тем, что мне дороже всего на свете, вы несправедливы ко мне!

— Не клянитесь, майор Данвуди,— прервала его Френсис, и в ее кротких глазах вспыхнуло выражение женской гордости,— прошло то время, когда я верила клятвам.

— Мисс Уортон, неужто вы хотели бы, чтобы я, словно фат, хвастался тем, что могло бы вернуть мне ваше расположение, но уронило бы меня в собственных глазах?

— Не обольщайтесь, вернуть мое расположение не так легко, сэр,— сказала Френсис, сделав несколько шагов в сторону дома.— Мы говорим друг с другом в последний раз... Но отец... быть может, отец пожелает увидеться с родственником моей матери.

— Нет, мисс Уортон, теперь мне нельзя войти в его дом, я сейчас не ручаюсь за себя. Вы гоните меня, Френсис, и я в полном отчаянии. Я иду в очень опасный поход и могу погибнуть. Если судьба будет ко мне сурова, отдайте справедливость хотя бы моей памяти. Помните — до последнего вздоха я буду желать вам счастья.

С этими словами он сунул ногу в стремя, но девушка остановила его взглядом, казалось проникшим в самую глубину его души.

— Пейтон, майор Данвуди,— сказала она,— неужели вы можете забыть, что служите святому делу? Долг перед богом, перед родиной должен удерживать вас от опрометчивых поступков. Вы нужны родине, кроме того...— Голос ее задрожал, и она умолкла.

— Кроме того? — повторил молодой человек и бросился к ней, протягивая руки.

Но Френсис уже справилась с волнением; она холодно отстранила его и снова пошла к дому.

— Так вот мы как расстаемся! — не помня себя от горя, крикнул Данвуди.— Неужели вы так презираете меня, что можете быть ко мне столь жестокой! Нет, вы никогда не любили меня и хотите оправдать свое непостоянство, упрекая меня в том, чего вы не желаете объяснить!

Френсис замерла на месте и устремила на жениха взор, полный такой душевной чистоты, что пристыженный Данвуди готов был на коленях молить о прощении; жестом приказав ему молчать, она сказала:

— В последний раз выслушайте меня, майор Данвуди! Очень горько вдруг узнать, что есть кто-то лучше тебя, и я это недавно испытала. Вас я ни в чем не виню... ни в чем не упрекаю, даже в мыслях. Я недостойна вас, даже если бы имела право на ваше сердце. Такая робкая, слабая девушка, как я, не может дать вам счастья. Да, Пейтон, вы родились для великих и славных дел, отважных, блистательных подвигов, и вы должны соединить свою судьбу с подругой, похожей на вас,— с такой, что способна побороть в себе женскую слабость. Я была бы для вас обузой, которая тянула бы вас вниз, меж тем как с другой спутницей вы сможете воспарить к вершинам земной славы. Такой женщине я добровольно,

хотя не могу сказать, что с радостью, уступаю вас; и молю бога, страстно молю, чтоб с ней вы были счастливы.

— Прелестная фантазерка! — воскликнул Данвуди.— Вы не знаете ни себя, ни меня. Только такую нежную, кроткую, беззащитную женщину, как вы, могу я любить. Не обманывайтесь ложными представлениями о великодушии, которое сделает меня несчастным.

— Прощайте, майор Данвуди,— сказала взволнованная девушка и на миг остановилась, чтобы перевести дыхание,— забудьте, что когда-то знали меня. И помните о своем долге перед нашей истекающей кровью родиной. Будьте счастливы!

— Счастлив! — с горечью повторил молодой офицер, глядя вслед легкой фигурке, которая скользнула в калитку и исчезла за кустарником.— Нечего сказать — счастлив!

Он вскочил в седло, пришпорил коня и скоро догнал свой эскадрон, медленно двигавшийся по горной дороге к берегам Гудзона.

Как ни тяжело было Данвуди после столь неожиданного исхода его свидания с невестой, ему все же было несравненно легче, чем ей. Острым взором ревнивой любви Френсис без труда открыла, что Изабелла Синглтон неравнодушна к Данвуди. Застенчивая, стыдливая, она не могла и вообразить себе, что Изабелла испытывает неразделенную страсть. Пылкой Френсис было чуждо притворство, и она сразу заметила, что молодой человек смотрит на нее с восхищением. Но Данвуди пришлось долго и упорно искать ее расположения, доказывать ей свою нежную преданность, прежде чем он добился взаимности. Ответная любовь была безраздельной, всепоглощающей. Удивительные события последних дней, изменившееся поведение жениха, его загадочное к ней равнодушие, и главное, романтическая влюбленность Изабеллы пробудили в душе Френсис новые чувства. Ужасаясь при мысли, что Данвуди ей неверен, она в то же время со скромностью, свойственной чистым натурам, стала сомневаться в собственных достоинствах. В минуты самоотречения ей казалось что она способна с легкостью уступить своего жениха другой, более достойной его женщине, но может ли воображение заглушить голос сердца! Едва Данвуди скрылся, как наша героиня ощутила всю глубину своего несчастья, и если обязанности командира несколько отвлекали Данвуди от мыслей о своем горе, то у Френсис не было этого утешения; заботы, которых требовала от нее привязанность к отцу, не приносили ей облегчения.

Отъезд сына едва не лишил мистера Уортона последней капли энергии, и понадобилась вся сила любви дочерей, чтобы поддержать в нем еле теплившуюся жизнь.

ГЛАВА XX

На похвалы, на лесть ее ловите,
Чернавку божьим ангелом зовите,—
На то мужчине и дается речь,
Чтоб мог он в сети женщину завлечь.
Шекспир. Два веронца [1]

Приказав капитану Лоутону остаться с сержантом Холлистером и двенадцатью драгунами охранять раненых и тяжелый обоз, Данвуди не только выполнил распоряжения, данные ему в письме полковником Синглтоном, но и позаботился о своем пострадавшем от ушибов товарище. Напрасно Лоутон клялся, что он в силах выполнить любую задачу, и уверял, что его солдаты не пойдут в атаку за Томом Мейсоном с такой охотой и рвением, как за ним самим,— его начальник остался непоколебим, и раздосадованный капитан вынужден был скрепя сердце подчиниться. Перед выступлением Данвуди повторил ему свою просьбу хорошенько следить за обитателями «Белых акаций» и оберегать их; а в случае, если поблизости будет замечено что-нибудь подозрительное, майор приказал капитану покинуть лагерь и перебраться с отрядом в усадьбу мистера Уортона. Слова разносчика заронили в сердце Данвуди смутную тревогу за обитателей коттеджа, хотя он и не представлял себе, какая им может грозить опасность и откуда ее следует ожидать.

Вскоре отряд ушел, а капитан остался. Он шагал взад и вперед перед «отелем», проклиная в душе судьбу, которая обрекла его на бесславную праздность как раз в ту минуту, когда появилась надежда встретиться с врагом. Изредка он отвечал на вопросы Бетти, а та, сидя у окна, то и дело пронзительным голосом спрашивала его о подробностях бегства разносчика: оно все еще казалось ей непостижимым. Тут к капитану подошел доктор Ситгривс; все это время он занимался своими пациентами, которых разместили довольно далеко от постоялого двора, и не подозревал ни о том, что без него произошло, ни об уходе отряда.

— Куда девались часовые, Джон? — спросил он, с удивлением озираясь вокруг.— И почему вы остались один?

— Ушли, все ушли! Данвуди увел их к реке. А нас с вами оставили охранять раненых и женщин.

— Я очень рад,— сказал доктор,— что у майора Данвуди хватило благоразумия не перевозить раненых. Эй вы, миссис Эли-

[1] Перевод В. Левика.

забет Фленеган, дайте-ка мне чего-нибудь поесть, я очень голоден! И поскорей, мне еще предстоит вскрывать труп.

— Эй вы, мистер доктор Арчибальд Ситгривс,— отвечала тем же тоном Бетти, высовывая в разбитое кухонное окошко свое краснощекое лицо,— вы, как всегда, опоздали; здесь можно закусить только шкурой Дженни да еще тем трупом, о котором вы говорите.

— Женщина,— ответил доктор в сердцах,— вы, верно, принимаете меня за людоеда! Как вы смеете так разговаривать со мной? Уймите ваш мерзкий язык и дайте поскорей что-нибудь подходящее для пустого желудка.

— И вы думаете, что обед тотчас же выскочит на стол, будто ядро из пушки? — ответила Бетти, подмигивая капитану.— А я говорю, что вам придется поголодать, пока я не приготовлю для вас кусок шкуры Дженни. Ребята слопали все подчистую.

Тут в разговор вмешался Лоутон и, желая восстановить мир, сообщил доктору, что уже послал людей за провиантом для отряда.

Это заявление немного утихомирило хирурга, а вскоре он и вовсе забыл про голод и объявил, что немедля приступит к вскрытию трупа.

— А чей же это труп? — спросил Лоутон.

— Разносчика,— ответил Ситгривс, взглянув на столб, с которого сняли вывеску.— Я велел Холлистеру установить помост на такой высоте, чтобы шея не сместилась, когда труп опустится вниз, и теперь постараюсь сделать из него самый хорошенький скелетик во всех Северных Штатах. У парня много достоинств и кости хорошо сочленены. Уж я превращу его в настоящего красавчика. Я давно мечтал послать что-нибудь в этом роде на память моей старой тетушке в Виргинию,— она была очень добра ко мне, когда я был еще мальчишкой.

— Черт возьми! — воскликнул Лоутон.— Неужели вы собираетесь послать старой леди кости мертвеца?

— А почему бы и нет? — ответил доктор.— Разве есть в природе что-нибудь совершеннее тела человека? А скелет можно назвать его первоосновой. Но что же вы сделали с трупом?

— Он тоже исчез.

— Как исчез? Кто посмел унести мою собственность?

— Не иначе, как сам дьявол,— заметила Бетти.— Погодите, вас он тоже скоро унесет, не спросивши у вас разрешения.

— Помолчи-ка ты, ведьма! — сказал Лоутон, давясь от смеха.— Как ты смеешь так разговаривать с офицером?

— А зачем он назвал меня мерзкой Элизабет Фленеган? — закричала маркитантка и с презрительной гримасой прищелкну-

ла пальцами.— Друга я помню целый год, а врага не забуду целый месяц.

Однако доктора не трогали ни дружба, ни вражда миссис Фленеган: он думал только о своей потере, и Лоутону пришлось наконец объяснить своему приятелю, что́ без него произошло.

— И это счастье для вас, драгоценный мой доктор,— воскликнула Бетти, когда капитан закончил рассказ.— Сержант Холлистер столкнулся с ним лицом к лицу и уверяет, что это был дьявол, а вовсе не разносчик, или, вернее, тот торговец, что разносит повсюду ложь, воровство и прочий непотребный товар. Хороши бы вы были, кабы вздумали потрошить самого сатану, если б только майору удалось его повесить. Да, нелегко бы вам пришлось, уж наверное обломали бы свой нож!

Ситгривс потерпел двойное разочарование: ему не удалось ни пообедать, ни заняться любимым делом, и он заявил, что в таком случае отправится в «Белые акации» и посмотрит, как чувствует себя капитан Синглтон. Лоутон вызвался его сопровождать, они сели на лошадей и вскоре выехали на дорогу; однако доктору пришлось выслушать еще немало насмешек Бетти, прежде чем ее голос замер вдали. Некоторое время всадники ехали молча, но Лоутон видел, что его спутник сильно помрачнел, обманувшись в своих ожиданиях и попав на острый язычок маркитантки, а потому постарался его развлечь.

— Вчера вечером вы начали петь прелестную песню, Арчибальд,— сказал он,— но вас прервали люди, которые привели разносчика. Намек на Галена был очень кстати.

— Я так и знал, что песня вам понравится, Джек, когда винные пары вылетят у вас из головы. Поэзия — благородное искусство, хотя ей недостает ясности точных наук и полезности естественных. Рассматривая поэзию с точки зрения жизненных потребностей человека, я скорее назвал бы ее средством размягчающим, чем подкрепляющим.

— Однако в вашей оде было много пищи для подкрепления ума.

— Мою песню ни в коем случае нельзя назвать одой; я считаю ее классической балладой.

— Весьма возможно,— заметил капитан,— но, прослушав лишь один куплет, трудно определить характер всего произведения.

Тут доктор невольно начал откашливаться и прочищать горло, вовсе не думая о том, к чему он делает эти приготовления. Капитан устремил темные глаза на приятеля и, видя, что тот все еще не успокоился и недовольно вертится в седле, продолжал;

— Кругом тишина и дорога пустынна, почему бы вам теперь не закончить свою песню? Никогда не поздно наверстать упущенное.

— Дорогой мой Джон, если я могу рассеять этим заблуждения, которым вы предаетесь в силу привычки и по легкомыслию, то с большой радостью исполню вашу просьбу.

— Сейчас мы подъедем к скалам по левой стороне дороги, там эхо усилит ваш голос, и мое удовольствие еще увеличится,— заметил Лоутон.

Получив такое поощрение и считая, что он и вправду с большим вкусом сочиняет стихи и поет, доктор весьма серьезно приготовился выполнить свою задачу. Он еще раз откашлялся и как бы настроил свой голос, а затем не мешкая принялся за дело, к тайной радости Лоутона:

Когда стрела любви...

— Тш-шш-шш!..— внезапно прервал его капитан.— Что это за шорох среди скал?

— Наверное, это шуршит мелодия. Мощный голос подобен дыханию ветра,— ответил доктор и продолжал:

Когда стрела любви...

— Слушайте!..— закричал Лоутон, останавливая лошадь. Он не успел промолвить и слова, как вдруг к его ногам упал камень и, никому не причинив вреда, скатился с дороги.

— Это дружеский выстрел! — воскликнул капитан.— Ни снаряд, ни сила удара не говорят о злых намерениях.

— Удар камнем обычно причиняет только контузию,— заметил доктор, тщетно оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть, чья рука метнула этот безобидный снаряд.— Уж не метеорит ли упал с неба? Кругом, кроме нас с вами, нет ни души.

— Ну, за этими скалами мог бы спрятаться целый полк,— возразил капитан и, спрыгнув с коня, поднял камень.

— Э, да тут, кажется, есть и объяснение тайны,— сказал он, увидев записку, искусно привязанную к обломку скалы, так неожиданно упавшему к его ногам; развернув ее, Лоутон прочел следующие довольно неразборчиво написанные строки:

— «Пуля летит дальше камня, и в скалах Вест-Честера есть кое-что поопаснее, чем целебные травы для раненых солдат. А ведь и самый добрый конь не взберется на крутую скалу».

— Ты сказал правду, странный человек,— заметил Лоутон,— отвага и ловкость не спасут нас от тайных убийц, которые

прячутся в скалистых ущельях.— И, снова вскочив на коня, он громко крикнул: — Спасибо, неизвестный друг! Мы не забудем твоего предупреждения.

Из-за выступа скалы на мгновение показалась худая рука и тут же скрылась. Больше ничего не было ни видно, ни слышно — двух приятелей окружала глубокая тишина.

— Вот удивительное происшествие! — сказал изумленный доктор.— И какое загадочное послание!

— Ну, это просто глупая шутка какого-нибудь деревенщины, вообразившего, будто двух виргинцев можно запугать подобной чепухой,— ответил капитан, спрятав записку в карман.— Но позвольте сказать вам, мистер Арчибальд Ситгривс, что вы только что собирались распотрошить чертовски честного парня.

— Я собирался вскрыть труп разносчика, одного из самых опасных шпионов нашего врага; и должен заметить, что считаю великой честью для подобного человека, если он может послужить на пользу науке.

— Возможно, что он шпион... да, вернее всего, шпион,— сказал Лоутон задумчиво,— но сердце у него не злопамятное, а душа сделала бы честь истинному солдату.

Пока капитан произносил эту тираду, доктор стоял, устремив на него рассеянный взгляд; между тем зоркие глаза Лоутона уже успели разглядеть впереди группу высоких скал, которые огибала дорога.

— Преграду, недоступную для конских копыт, могут преодолеть человеческие ноги! — воскликнул капитан.

Снова спрыгнув с седла, он перескочил через невысокую каменную ограду и начал так быстро взбираться на холм, что вскоре был уже на вершине и с высоты птичьего полета мог рассмотреть упомянутые нами скалы, со всеми их ущельями. Как только капитан поднялся наверх, он увидел какого-то человека, который тотчас скользнул между камней и скрылся по другую сторону холма.

— Вперед, Ситгривс, пришпорьте коня! — закричал капитан, бросаясь вниз, не разбирая дороги.— Подстрелите негодяя, пока он не сбежал!

Доктор тотчас исполнил первую часть приказания: не прошло и минуты, как он увидел впереди вооруженного мушкетом человека, перебегавшего дорогу с явным намерением укрыться в густом лесу.

— Остановитесь, мой друг, подождите, пожалуйста, пока не подъедет капитан Лоутон! — закричал наш доктор, глядя, как тот улепетывает с такой быстротой, что за ним не угнаться и лошади.

Однако эти слова, казалось, только усилили страх беглеца, и он помчался еще быстрей, пока не достиг лесной опушки; тут он вдруг обернулся, выстрелил в своего преследователя и мгновенно пропал в чаще. Пока Лоутон спустился на дорогу, вскочил в седло и прискакал к товарищу, беглец уже исчез.

— В какую сторону он побежал? — спросил офицер.

— Джон,— ответил спокойно врач,— не забывайте, что я принадлежу к тем, кто не участвует в сражениях.

— Куда сбежал этот негодяй? — закричал Лоутон нетерпеливо.

— Туда, куда вы не пуститесь за ним,— в лес. Но повторяю, Джон: не забывайте, что я не участвую в сражениях.

Раздосадованный капитан, убедившись, что враг исчез, повернулся к доктору и бросил на него гневный взгляд; но мало-помалу лицо его смягчилось, сурово сдвинутые брови распрямились, резкие складки разгладились и в сердитых глазах снова зажглись искорки смеха, которые так часто в них мелькали. Доктор с достоинством сидел на лошади, выпрямив свое тощее тело и высоко вскинув голову, как человек, возмущенный несправедливым обвинением.

— Почему вы дали этому негодяю сбежать? — спросил капитан.— Если б я только достал его своей саблей, вы получили бы хороший труп для вскрытия.

— Я ничего не мог поделать,— ответил доктор, указывая на изгородь, перед которой он остановил свою лошадь.— Мошенник перепрыгнул через ограду, а я остался по эту сторону, как видите. Он не пожелал слушать мои уговоры и не обратил никакого внимания на то, что вы хотели побеседовать с ним.

— Этакий невежа, что и говорить! Но почему вы не перескочили через забор и не задержали его? Смотрите, в нем не хватает нескольких перекладин — даже Бетти Фленеган могла бы перебраться через него верхом на корове.

Только тут доктор оторвал взгляд от места, где скрылся беглец, и посмотрел на товарища. Однако он все так же гордо держал голову, когда ответил:

— По моему скромному разумению, капитан Лоутон, ни миссис Элизабет Фленеган, ни ее корова не могут служить примером для доктора Арчибальда Ситгривса: было бы сомнительной честью для науки, если бы доктор медицины безрассудно сломал себе обе ноги, ударившись о перекладины какой-то загородки.

И с этими словами доктор вытянул свои нижние конечности, придав им почти горизонтальное положение,— поза, в которой он и вправду не мог бы преодолеть никакое препятствие; но

капитан не стал смотреть на это наглядное доказательство невозможности действовать и сердито возразил:

— Какие глупости! Тут вас ничто бы не задержало. Я мог бы перескочить через этот забор с целым взводом в полном вооружении, даже не пришпорив коня. Когда мы ходили в атаку на пехоту, мы не раз брали барьеры куда опаснее вашего забора!

— Я попросил бы вас помнить, капитан Джон Лоутон, что я отнюдь не берейтор вашего полка, не сержант, обучающий солдат, и не взбалмошный корнет; нет, сэр, говорю это с должным уважением к чинам, установленным Континентальным конгрессом, и я не ветреный капитан, который так же мало ценит свою жизнь, как и жизнь своих врагов. Я только бедный, скромный ученый, сэр, всего лишь доктор медицины, недостойный питомец Эдинбургского университета и хирург драгунского полка; только и всего, капитан Джон Лоутон, смею вас уверить.

Закончив свою речь, доктор повернул лошадь и двинулся по направлению к усадьбе «Белые акации».

— Увы, вы говорите правду,— проворчал капитан.— Будь со мной самый плохонький всадник из моего отряда, я изловил бы мерзавца и отдал бы хоть одну жертву правосудию. Но право, Арчибальд, ни один человек не может хорошо ездить верхом, так широко расставив ноги, словно колосс Родосский. Вы не должны стоять все время на стременах: сжимайте посильнее бока лошади коленями.

— Хотя я отношусь с должным уважением к вашей опытности, капитан Лоутон,— ответил доктор,— однако не считаю себя неспособным судить о мускульной силе, будь то в коленях или в другой части человеческого тела. И, если даже образование у меня довольно скромное, я все же отлично знаю, что чем шире основание, тем прочнее держится постройка.

— Значит, вы хотите загородить всю дорогу, на которой могли бы уместиться шесть всадников в ряд, и потому вытягиваете ноги в стороны подобно косам на древних колесницах?

Упоминание о древнем обычае немного смягчило возмущенного доктора, и он ответил уже не так высокомерно:

— Вы должны отзываться с почтением об обычаях наших предков, ибо, хотя они и были несведущи в вопросах науки и особенно в хирургии, им принадлежит немало блестящих догадок, которые нам пришлось только развивать. И я не сомневаюсь, сэр, что Гален оперировал воинов, раненных именно теми косами, о которых вы упоминали, хотя мы и не встречаем подтверждения этому у современных писателей. О, эти косы, наверное, наносили ужасные раны и, без сомнения, причиняли немало затруднений медикам того времени.

— Иногда тело бывало перерезано пополам, и лекарям приходилось проявлять все свое мастерство, чтобы соединить куски в одно целое. Но я не сомневаюсь, что при их учености и великом искусстве им это удавалось.

— Как! Соединить человеческое тело, разрезанное на две части острым инструментом, и вдохнуть в него жизнь?

— Ну да, части тела, разрезанного косой, вновь соединяли в одно для выполнения воинского долга.

— Но это невозможно, совершенно невозможно! — воскликнул доктор.— Напрасно человеческое искусство пыталось бы бороться с законами природы, капитан Лоутон. Вы только подумайте, дорогой мой, ведь в таком случае разрезали все артерии, все внутренние органы, разрывали все нервы, сухожилия, и вдобавок, что еще существенней...

— Довольно, довольно, доктор Ситгривс. Вы убедили бы даже члена враждебной вам школы. Теперь ничто не заставит меня добровольно подвергнуть себя подобному непоправимому расчленению.

— Разумеется, мало радости получить рану, которая по природе своей неизлечима.

— Я тоже так думаю,— сухо заметил Лоутон.

— А как вы полагаете, что приносит в жизни больше всего радости? — вдруг спросил доктор.

— Как на чей вкус.

— Вовсе нет! — вскричал доктор.— Всего радостнее убеждаться или чувствовать, как свет науки, действуя заодно с силами природы, побеждает всевозможные болезни. Однажды я нарочно сломал себе мизинец, для того чтобы срастить перелом и следить за его излечением. Это был лишь небольшой опыт, вы понимаете, милый Джон, и все же, с трепетом наблюдая, как срастается кость, как искусство человека действует заодно с природой, я пережил такую радость, какой никогда не испытывал в жизни. А если б поврежден был более важный член, например нога или рука, насколько сильнее было бы испытанное мной удовольствие!

— А еще лучше — шея,— заметил капитан.

Тут они подъехали к усадьбе Уортона, и их довольно бессвязный разговор прервался. Никто не вышел им навстречу, не пригласил их войти, и капитан направился прямо в комнату, где, как он знал, обычно принимали гостей. Он отворил дверь, но остановился на пороге, удивленный открывшейся ему картиной. Прежде всего его взгляд упал на полковника Уэлмира: наклонившись к раскрасневшейся Саре, он что-то так горячо говорил ей, что они оба не заметили прихода посторонних. Острый

взгляд капитана сразу схватил кое-какие многозначительные подробности этой сцены, и он тут же разгадал тайну молодых людей. Он уже собирался тихонько удалиться, не выдавая своего присутствия, но тут Ситгривс отстранил его и стремительно вошел в комнату. Доктор направился прямо к креслу Уэлмира и, схватив его за руку, воскликнул:

— Что это? Пульс учащенный и неровный, лицо красное, глаза блестят. Явные признаки лихорадки. Надо сразу же принять меры.

С этими словами доктор, привыкший действовать быстро и не раздумывая — обычай многих врачей на войне,— тут же вытащил ланцет и взялся за приготовления, свидетельствовавшие о том, что он намерен немедля приступить к делу.

Но полковник Уэлмир, быстро овладев собой, встал со своего места и надменно сказал:

— Не беспокойтесь, сэр, в комнате душно, вот почему меня бросило в жар. К тому же я и так слишком многим обязан вашему искусству и не хочу вас больше утруждать. Мисс Уортон подтвердит, что я совсем здоров, а я могу вас заверить, что никогда не чувствовал себя лучше и счастливей.

Последние слова были сказаны с особым пылом и, должно быть, доставили удовольствие мисс Саре, ибо ее щеки снова зарделись. Доктор, следивший за взглядом своего пациента, тотчас же это заметил.

— Прошу вас, сударыня, дайте мне руку,— сказал он, подойдя к ней с поклоном.— Тревога и бессонница, должно быть, отразились на вашем хрупком здоровье, и я вижу кое-какие симптомы, которыми не следует пренебрегать.

— Простите, сэр,— ответила Сара, как истая женщина быстро справившись со своим смущением,— тут слишком душно, я выйду и извещу мисс Пейтон о вашем приходе.

Бесхитростного, вечно погруженного в свои мысли доктора ничего не стоило обмануть, но Саре пришлось еще поднять глаза на Лоутона, чтобы ответить на его поклон, когда он, почтительно склонив голову, растворил перед нею дверь. И этот взгляд ему все объяснил. У Сары хватило выдержки, чтобы со спокойным достоинством выйти из комнаты, но едва она осталась наедине с собой, как сразу бросилась в кресло и предалась смешанному чувству стыда и радости. Слегка уязвленный упрямством английского полковника, Ситгривс еще раз предложил ему свои услуги, но снова получил отказ и отправился в комнату молодого Синглтона, куда Лоутон ушел еще раньше.

ГЛАВА XXI

О Генри, если ты попросишь,
Как мне противиться судьбе?
Как мне согласьем не ответить
И руку не отдать тебе?

Уорквортский отшельник

Бывший питомец Эдинбургского университета нашел, что его пациент быстро поправляется и совсем избавился от лихорадки. Изабелла, которая была, если это только возможно, еще бледней, чем в день приезда, не отходила от постели брата и с любовью ухаживала за ним, а обитательницы усадьбы, несмотря на множество забот и волнений, не забывали выполнять обязанности гостеприимных хозяек. Френсис чувствовала сильное влечение к опечаленной гостье, хотя и не могла отдать себе отчета, чем вызван этот глубокий интерес. В воображении она бессознательно соединила судьбу Данвуди с судьбой Изабеллы и с романтическим пылом великодушного сердца считала, что оказывает услугу своему бывшему жениху, окружая нежным вниманием его избранницу. Изабелла с благодарностью принимала ее заботы, однако ни одна из девушек ни разу не заговорила о тайной причине своей грусти. Мисс Пейтон, не отличавшаяся большой наблюдательностью, замечала лишь то, что всем бросалось в глаза, и ей казалось, что положение Генри Уортона вполне объясняет и бледность Френсис и слезы, часто туманившие ее взор. А отчего Сара кажется менее озабоченной, чем сестра, это понимала даже ее недальновидная тетка. Любовь — высокое чувство и, овладев непорочным женским сердцем, озаряет все, чего ни коснется. Мисс Пейтон искренне горевала, думая об опасности, нависшей над племянником, но она знала, что жестокая война — вечная помеха любви, и не следует упускать минуты счастья, если они порой выпадают в такое тяжелое время. Так прошло несколько дней, в течение которых ничто не нарушало ни мирной жизни обитателей усадьбы, ни обычных занятий отряда драгун, стоявшего в деревне Четыре Угла. Семейство Уортон поддерживала уверенность в невиновности Генри и надежда на дружескую поддержку Данвуди, а в отряде с нетерпением ждали известий о столкновении с врагом, что могло произойти с часу на час, и приказа о выступлении. Однако капитан Лоутон напрасно ожидал этих вестей. Как ему сообщал в письме майор Данвуди, неприятель, узнав о поражении посланного ему в подмогу отряда, отступил к форту Вашингтон, где и отсиживается, все время угрожая нанести американцам удар в отместку за свою неудачу. Майор приказывал Лоутону быть бдительным и в зак-

лючение хвалил его за верную службу, за рвение и непоколебимую отвагу.

— Я чрезвычайно польщен, майор Данвуди,— пробормотал капитан и, отбросив полученное письмо, принялся шагать взад и вперед по комнате, чтобы немного охладить свое раздражение.— Что и говорить, вы подобрали подходящего стража! Итак, посмотрим, в чем состоит моя служба: я должен охранять выжившего из ума нерешительного старика, который сам не знает, за нас он или за наших врагов; четырех женщин, из которых три довольно милы, но отнюдь не жаждут моего общества, а четвертая хоть и приветлива, но уже далеко шагнула за сорок; нескольких негров; болтливую экономку, у которой на уме только золото да побрякушки, суеверия да приметы, и, наконец, беднягу Джорджа Синглтона. Ну что ж, если товарищ попал в беду, ему надо помочь, и я постараюсь сделать все, что могу.

Закончив свой монолог, капитан уселся на стул и принялся насвистывать, чтобы убедить себя, будто ему на все наплевать, как вдруг, неосторожно протянув ногу в высоком сапоге, он толкнул флягу, в которой хранился весь его запас водки. Он ловко подхватил флягу и, когда ставил ее на место, заметил на скамье записку. Распечатав ее, он прочитал: «Луна не взойдет раньше полуночи — вот лучшее время для темных дел». Ошибки быть не могло: записку писала та же рука, что недавно спасла его от спрятавшегося убийцы, и капитан глубоко задумался об этих двух предостережениях, стараясь понять, почему разносчик взялся охранять своего злейшего врага, как он делал это все последнее время. Лоутону было известно, что Бёрч — английский шпион. Он передал английскому главнокомандующему план передвижения американского отряда — это было точно доказано на суде в присутствии Лоутона. Правда, благодаря счастливой случайности предательство Бёрча не имело роковых последствий: Вашингтон отдал приказ об отводе этого отряда незадолго до появления англичан и им не удалось его отрезать, однако это нисколько не умаляло преступления. «Быть может,— подумал драгун,— разносчик хочет заручиться моей дружбой на случай, если его снова поймают? Но так или иначе, в первый раз он не убил меня, а во второй — спас от смерти. Постараюсь и я быть таким же великодушным и молю бога, чтобы долг никогда не противоречил моим чувствам».

Капитан не знал, кому грозит беда, о которой сообщалось в записке,— жителям «Белых акаций» или ему самому,— но скорей склонялся к последнему и потому решил с наступлением темноты не ездить без некоторых предосторожностей. Всякому человеку, живущему в мирной стране, среди тишины и порядка, казалось бы

непонятным равнодушие, с каким капитан обычно относился к угрожавшим ему опасностям. Он гораздо больше думал о том, как захватить врагов, нежели о том, как избежать их ловушек. Однако размышления его были прерваны доктором, вернувшимся после очередного визита в «Белые акации». Ситгривс передал Лоутону приглашение от хозяйки дома, которая просила капитана оказать ей честь и прийти пораньше, сегодня же вечером.

— Эге! — воскликнул драгун.— Видно, они тоже получили письмо.

— Думаю, что это весьма вероятно,— заметил доктор.— У них сейчас капеллан королевской армии. Он приехал для обмена ранеными и привез с собой приказ полковника Синглтона о выдаче ему раненых англичан. Но, по-моему, ничего не может быть глупее, чем возить раненых с места на место.

— Вы говорите, там капеллан? Что же он — пьяница, бездельник, обжора, способный уничтожить запасы целого полка, или, скорее, человек, который относится серьезно к своим обязанностям?

— Он очень почтенный и добропорядочный джентльмен, отнюдь не склонный к чревоугодию, судя по внешним признакам,— ответил доктор,— и молитву перед едой читает по всем правилам.

— Он останется у них ночевать?

— Да, конечно. Он дожидается еще каких-то официальных бумаг. Но поспешим, Джон, у нас очень мало времени. Я еще должен навестить двух-трех раненых англичан, которых завтра увезут, и пустить им кровь, чтобы предупредить воспаление... Через минуту я вернусь.

Капитан Лоутон быстро натянул на свое богатырское тело парадный мундир, доктор тоже не заставил себя ждать, и они вместе направились к усадьбе. Несколько дней отдыха пошли на пользу и Роноки, и его хозяину. Теперь Лоутон, проезжая мимо памятной скалы и осаживая своего быстрого скакуна, горячо желал, чтобы перед ним оказался давешний вероломный враг верхом на коне и с оружием в руках. Но они не встретили на пути ни врагов, ни каких-либо препятствий и доехали до «Белых акаций» к тому времени, когда лучи заходящего солнца озарили долину и позолотили верхушки облетевших деревьев. Капитан всегда с первого взгляда улавливал все подробности происходящей перед ним сцены, если они не были тщательно скрыты, и, едва ступив на порог, он сразу заметил больше, нежели Ситгривс увидел бы за целый день. Мисс Пейтон приветствовала вошедших с улыбкой, которая выражала не только обычную учтивость, но свидетельствовала и о более глубоких чувствах. Френсис в вол-

нении ходила по комнате с глазами, полными слез, а мистер Уортон встречал гостей, стоя у двери в бархатном камзоле, который сочли бы уместным и в самой нарядной гостиной. Полковник Уэлмир был в мундире королевской гвардии, а Изабелла Синглтон — в светлом платье, хотя выражение ее лица отнюдь не соответствовало праздничному наряду. Сидевший с ней рядом брат внимательно наблюдал за всем происходящим, глаза у него блестели, щеки разгорелись, и он нисколько не походил на больного. Он уже третий день, как поднялся с постели, и доктор Ситгривс с удивлением уставился на своего пациента, даже позабыв пожурить его за неосторожность. Один капитан Лоутон держался со спокойным достоинством человека, на крепкие нервы которого не может оказать влияние никакая неожиданность. Он любезно поклонился маленькому обществу, и все ответили ему тем же; потом, обменявшись двумя-тремя словами с каждым из присутствующих, он подошел к врачу, который стоял в сторонке в полной растерянности, стараясь прийти в себя от удивления.

— Джон,— шепнул он капитану с внезапно проснувшимся любопытством,— что означает это торжество?

— То, что ваш парик и мои черные волосы следовало бы присыпать горстью муки из запасов Бетти Фленеган; но теперь уже слишком поздно, и нам придется вступить в бой с тем оружием, какое у нас есть.

— Смотрите-ка, вот и капеллан в полном облачении. Что он будет делать?

— Обменивать раненых,— ответил капитан.— Раненные Купидоном должны встретиться с этим божеством, свести с ним счеты и произнести брачные обеты, чтобы больше не страдать от его стрел.

Тут доктор приложил палец к носу, начиная понемногу догадываться, к чему клонится дело.

— Просто стыд и позор, что мы позволяем побитому герою, да еще нашему врагу, похитить один из самых прелестных цветов, взращенных на нашей земле,— проворчал Лоутон.— Такой цветок достоин украсить грудь лучшего человека!

— Если он не окажется более покладистым мужем, чем был пациентом, боюсь, Джон, что у его жены будет очень беспокойная жизнь.

— Ну и пускай! — ответил возмущенный капитан.— Если уж она выбрала себе мужа среди недругов своей родины, пусть ее избранник покажет ей, каковы добродетели этих пришельцев.

Разговор их прервала подошедшая мисс Пейтон, которая сообщила им, что они приглашены на бракосочетание ее старшей племянницы с полковником Уэлмиром. Оба джентльмена

поклонились, а добрая тетушка, всегда стоявшая на страже благопристойности, добавила, что это давнее знакомство, а отнюдь не внезапно вспыхнувшее чувство. В ответ Лоутон снова поклонился, еще церемоннее прежнего, а доктор, любивший поговорить с почтенной леди, заметил:

— У разных людей разум устроен по-разному. У одних впечатления ярки, но мимолетны, у других они глубоки и долговременны; некоторые философы считают, что между физическим и духовным складом всякого живого существа можно установить определенную связь, я же думаю, сударыня, что одни больше поддаются влиянию обычаев и общества, а другие повинуются законам природы.

Мисс Пейтон молча наклонила голову, как бы соглашаясь с этим замечанием, и с достоинством удалилась, чтобы привести в комнату племянницу. Наступило время, когда, по американскому обычаю, жених и невеста должны давать друг другу брачные обеты. Следом за тетушкой в гостиную вошла Сара, вся раскрасневшаяся от волновавших ее чувств. Уэлмир бросился ей навстречу и взял ее руку, которую она протянула ему, отвернув головку. Казалось, полковник только сейчас по-настоящему понял, какую важную роль предстояло ему сыграть в готовящейся церемонии. Прежде у него был рассеянный и встревоженный вид, теперь же на лице появилось выражение спокойной уверенности в своем счастье, и все остальное, видимо, потеряло значение, когда перед ним засияла красота его невесты. Гости встали, и капеллан уже открыл священную книгу, но тут все заметили отсутствие Френсис. Мисс Пейтон отправилась на поиски младшей племянницы и нашла ее в спальне, всю в слезах.

— Полно, милочка, пойдем, дело только за тобой,— ласково сказала тетка, взяв девушку под руку.— Постарайся успокоиться и подобающим образом почтить твою сестру и ее жениха.

— А он... Стоит ли он ее?

— Ну может ли быть иначе! — ответила мисс Пейтон.— Ведь он истинный джентльмен и храбрый воин, хоть и потерпел неудачу. Конечно, дорогая моя, у него есть все достоинства, которые могут составить счастье женщины.

Френсис, тревожась в душе, собралась с силами и, спустившись вниз, присоединилась к обществу. Между тем священник, чтобы заполнить время неловкого ожидания, задал несколько вопросов жениху и на один из них получил весьма неудовлетворительный ответ. Уэлмиру пришлось сознаться, что он не запасся обручальным кольцом; а между тем, как заявил капеллан, без кольца невозможно совершить свадебный обряд. Священник обратился к мистеру Уортону, и тот подтвердил пра-

вильность его слов; впрочем, старик ответил бы отрицательно, если бы почувствовал, что от него ждут отрицательного ответа. Несчастье с сыном нанесло владельцу «Белых акаций» такой тяжелый удар, что он утратил последние остатки своей и без того слабой воли и теперь так же легко согласился с возражениями священника, как прежде принял поспешное предложение Уэлмира. Это препятствие поставило всех в тупик; тут в комнату вошли мисс Пейтон и Френсис. Доктор Ситгривс подошел к тетушке и, подводя ее к креслу, сказал:

— Сударыня, оказывается, неблагоприятные обстоятельства помешали полковнику Уэлмиру обзавестись всеми украшениями, которые обычай, древние правила и церковные законы считают необходимыми для всякого желающего вступить в брак.

Мисс Пейтон окинула спокойным взглядом смущенного жениха и, решив, что он одет достаточно парадно, принимая во внимание военное время и неожиданность этого брака, обернулась к доктору и вопросительно посмотрела на него, как бы прося объяснения.

Ситгривс понял ее молчаливый вопрос и тотчас пустился в рассуждения.

— У нас принято считать,— сказал он, что сердце расположено в левой части тела и что органы, находящиеся с левой стороны, более тесно связаны с этим средоточием жизни, если можно так его назвать, нежели те, которые помещаются справа. Однако это заблуждение, и объясняется оно незнанием анатомии человеческого тела. Исходя из этого ошибочного мнения, считают, будто безымянный палец на левой руке обладает особой силой, которой лишены все остальные окончания этого длановидного органа, а потому во время брачной церемонии его заключают в обруч или кольцо, словно для того, чтобы приковать чувство брачной цепью, хотя его гораздо прочнее приковывает женское обаяние.

Закончив эту речь, доктор с чувством прижал руку к сердцу и склонился в поклоне чуть не до земли.

— Я не уверена, сэр, что правильно поняла вашу мысль,— сказала мисс Пейтон, и ее непонятливость была вполне извинительна.

— Нет кольца, сударыня, а для бракосочетания необходимо кольцо.

Как только доктор ясно выразил свою мысль, мисс Пейтон поняла, в какое они попали затруднительное положение. Она обернулась и поглядела на своих племянниц: в глазах Френсис она прочитала тайное торжество, чем была весьма недовольна, а на лице Сары — глубокое смущение, причина которого была тетке вполне понятна. Ни за что на свете не стала бы она нарушать

ни одного правила, предписанного приличиями. Все три женщины тут же невольно вспомнили, что обручальное кольцо покойной миссис Уортон мирно покоится среди других драгоценностей, спрятанных в тайнике, который был устроен давно, чтобы спасти семейные богатства от грабителей и мародеров, рыскающих по всему графству. В этом тайном погребе прятали на ночь столовое серебро и все, что было ценного в доме; не один год пролежало там и это забытое всеми кольцо. Однако с незапамятных времен было принято, чтобы венчальное кольцо приносил жених, и ни за какие блага в мире мисс Пейтон не согласилась бы отступить от старых обычаев в этом торжественном случае; разумеется, лишь до тех пор, пока жених не искупил бы нанесенного им оскорбления должной дозой тревоги и раскаяния.

Итак, все три скрыли существование этого кольца: тетка — из женского такта, невеста — из стыдливости, а Френсис — радуясь, что это замешательство так или иначе отсрочит свадьбу сестры. Доктор Ситгривс первый нарушил неловкое молчание.

— Сударыня, если простое колечко, принадлежавшее моей покойной сестре...— Он на минуту запнулся и продолжал: — Если такое колечко сочтут достойным подобной чести, его будет нетрудно достать: оно лежит у меня на квартире в Четырех Углах, и я не сомневаюсь, что оно придется на пальчик, который в нем так нуждается. Я нахожу большое сходство между... гм... моей умершей сестрой и мисс Уортон, я разумею — в строении тела. А ведь в анатомии обычно сохраняются все пропорции — это наблюдается у всех живых существ.

Мисс Пейтон взглядом напомнила полковнику Уэлмиру, в чем состоит его долг, и он, вскочив со стула, горячо поблагодарил доктора и сказал, что тот окажет ему величайшую услугу, если пошлет за кольцом. Хирург церемонно поклонился и вышел, чтобы выполнить свое обещание и послать кого-нибудь в деревню. Тетушка не задержала его, однако ей не хотелось, чтобы посторонние принимали участие в ее семейных делах, и потому, выйдя вслед за доктором, она попросила отправить за кольцом Цезаря, а не кого-нибудь из людей Ситгривса. Кэти Хейнс было велено привести негра в соседнюю комнату, и мисс Пейтон вместе с доктором направились туда, чтобы дать ему нужные наставления.

Мистер Уортон дал согласие на поспешную свадьбу Сары с Уэлмиром, да еще в такое время, когда жизнь члена его семьи была в опасности, лишь потому, что боялся, как бы беспорядки в стране не помешали влюбленным когда-либо встретиться вновь, а также из тайного страха, что ему не пережить гибели сына и с его смертью дочери останутся без покровителя. Хотя мисс Пейтон и поддержала желание брата воспользоваться

случайным приездом священника, однако она не считала нужным оповещать о предстоящей свадьбе соседей, даже если б у нее и было на это время; поэтому теперь ей казалось, что она сообщает экономке и старому слуге глубокую тайну.

— Цезарь,— начала она, улыбаясь,— я должна тебе сообщить, что твоя молодая госпожа, мисс Сара, сегодня вступает в брак с полковником Уэлмиром.

— Кажется, я понял это раньше,— заметил Цезарь, добродушно посмеиваясь.— Старый негр видит, когда молодая мисс что-то держит на уме.

— Правда, Цезарь, ты замечаешь гораздо больше, чем можно ожидать. Ну, раз уж ты догадался, по какой причине нам понадобились твои услуги, выслушай указания этого джентльмена и в точности выполни все, что он скажет.

Цезарь почтительно повернулся к доктору, который начал так:

— Цезарь, твоя госпожа уже сообщила тебе о важном событии, которое скоро совершится в этом жилище; но нам не хватает обруча или кольца, чтобы надеть его на палец невесте. Таков старинный обычай, он сохранился в свадебном обряде многих ветвей христианской церкви, и даже священник при возведении в сан епископа не может обойтись без кольца, как ты, конечно, понимаешь.

— Быть может, масса доктор повторит еще разок свои слова,— попросил старый слуга, голова которого сдала в ту самую минуту, когда Ситгривс так одобрительно отозвался о его понятливости.— Я, наверное, сумею заучить это на память со второго раза.

— Нельзя выжать масла из камня, Цезарь, а потому я сокращу свое объяснение. Отправляйся в Четыре Угла и отвези эту записку сержанту Холлистеру или миссис Элизабет Фленеган; кто-нибудь из них передаст тебе необходимый нам залог супружеской любви, и ты вернешься с ним домой.

Письмо, переданное доктором в руки черного посланца, содержало следующие строки:

«Если у Кайндера прошел жар, то покормите его. Уотсону выпустите еще три унции крови. Обыщите госпиталь, не пронесла ли туда эта Фленеган спиртного. Джонсону перемените повязки и смените на дежурстве Смита. С подателем сего письма пришлите мне кольцо, которое висит на цепочке моих часов,— я оставил их, чтобы больным вовремя давали лекарства.

Арчибальд Ситгривс,

доктор медицины, хирург драгунского полка».

— Цезарь,— сказала Кэти, когда осталась с негром наедине,— положи кольцо в левый карман, он ближе к сердцу, и не вздумай примерять кольцо на свой палец — это приносит несчастье.

— Примерять кольцо?— воскликнул негр, растопыривая свои узловатые пальцы.— И вы думаете, колечко мисс Салли налезет на палец старого Цезаря?

— Это неважно, налезет или нет,— ответила экономка,— но надевать чужое обручальное кольцо после свадьбы — дурная примета, а уж перед свадьбой это еще опасней.

— Говорю вам, Кэти, я и не думал надевать никакого кольца.

— Тогда ступай, Цезарь, да смотри не забудь про левый карман. А когда поедешь мимо кладбища, непременно сними шляпу. Да поторапливайся: я уверена, ничто так не изводит человека, как ожидание свадьбы, когда он уже совсем приготовился жениться.

С такими напутствиями Цезарь вышел из дому и вскоре прочно сидел в седле. Как и все представители его народа, Цезарь смолоду привык ездить верхом и был отличным наездником, но, когда ему перевалило за шестой десяток, африканская кровь маленько поостыла. Ночь была темная, и резкий ноябрьский ветер уныло завывал в долине. Поравнявшись с кладбищем, Цезарь снял шляпу со своей поседевшей головы и стал с суеверным ужасом озираться по сторонам, ожидая, что вот-вот увидит что-нибудь потустороннее. Было достаточно светло, чтобы разглядеть какое-то вполне земное существо, пробиравшееся среди могил, должно быть, с намерением выйти на проезжую дорогу. Рассудок и склонность к философии не способны бороться с непосредственными впечатлениями, а бедный Цезарь был лишен поддержки даже этих ненадежных союзников. Но так как он прочно сидел на упряжной лошади мистера Уортона, то, не раздумывая, припал к ее спине и отпустил поводья. Холмы, деревья, скалы, заборы, дома замелькали мимо него с быстротой молнии, и негр только начал соображать, куда и зачем он несется очертя голову, как лошадь его уже выскочила на перекресток и перед ним вырос полуразрушенный «Отель Фленеган» во всем своем неприглядном обличье. Увидев в окне веселый огонек, негр сразу понял, что перед ним человеческое жилье, и к нему тут же вернулся прежний страх перед кровожадными виргинцами. Однако он должен был выполнить поручение, а потому, спешившись, привязал к ограде свою взмыленную лошадь и осторожно подкрался к окну, чтобы разведать обстановку.

Перед пылающим камином сидели сержант Холлистер и Бетти Фленеган, предаваясь обильным возлияниям.

— Говорю вам, дорогой мой,— сказала Бетти, на минуту отрывая губы от кружки,— нельзя поверить, чтоб это был кто-то другой, а не разносчик. Ну скажите, где же был запах серы, куда девались хвост и копыта? К тому же, сержант, нехорошо говорить одинокой женщине, будто она пустила в свой дом сатану.

— Это неважно, миссис Фленеган, лишь бы вы потом избежали его клыков и когтей,— ответил старый вояка и хлебнул из кружки изрядный глоток.

Этого разговора было достаточно, чтобы убедить Цезаря, что парочка у камина вряд ли опасна для него. У негра уже начали стучать зубы от холода, и его невольно потянуло в эту теплую комнату. Он осторожно подошел к дому и тихонько постучался в дверь. Появление в дверях Холлистера с обнаженной саблей в руке, грубым голосом спросившего, кто стучит, нимало не успокоило взволнованных чувств негра; но страх придал ему силы кое-как объяснить свой приход.

— Входи,— сказал сержант и, вытащив негра на свет, подозрительно уставился на него.— Входи и давай сюда письмо. Ты знаешь пароль?

— Не знаю, что это такое,— сказал Цезарь, трясясь от страха.— Масса послал меня и говорил много вещей, но я очень мало понимал.

— Кто послал тебя с этим поручением?

— Сам масса доктор, и негр скакал галопом, он всегда быстро выполняет приказы доктора.

— Да, это доктор Ситгривс, вечно он забывает пароль! Поверь мне, приятель, будь это капитан Лоутон, уж он не послал бы тебя сюда мимо часового, не сказав тебе пароля; ты легко мог получить пулю в башку, и, право, это не доставило бы тебе удовольствия. Хоть ты и черный, но я не из тех, кто считает, будто у негров нет души.

— Конечно, у негра такая же душа, как и у белого,— сказала Бетти.— Подойди сюда, старина, и погрей свои старые кости у нашего огонька. Я уверена, что гвинейский негр так же любит тепло, как солдат — водку.

Цезарь молча послушался. Между тем разбудили мальчишку-мулата, спавшего на скамейке в той же комнате, и отправили его с письмом доктора в тот дом, где помещались раненые.

— Возьми,— сказала Бетти, протягивая Цезарю кружку с напитком, который был для нее лучшей усладой в жизни.— Отпей-ка глоток: это согреет твою черную душу и грешное тело и придаст тебе храбрости на обратном пути.

— Повторяю вам, Элизабет,— заметил сержант,— души у нег-

ров точно такие же, как и у нас. Сколько раз добрый мистер Уайтфилд говорил при мне, что на небе не придают никакого значения цвету кожи. Поэтому мы можем смело полагать, что у этого негра душа такая же белая, как у меня или у самого майора Данвуди.

— Конечно, она такая же! — воскликнул Цезарь с излишней горячностью: его храбрость заметно усилилась после того, как он отведал напитка миссис Фленеган.

— Как бы то ни было, а у майора очень хорошая душа,— заметила маркитантка.— Душа у него добрая и к тому же смелая; вы тоже подтвердите мои слова, сержант, ведь правда?

— Что касается душ, то о них может судить лишь тот, кто стоит выше самого Вашингтона,— ответил сержант,— но я могу сказать, что майор Данвуди не из тех джентльменов, кто говорит: «Ступайте вперед, ребята»,— а из тех, кто говорит: «Идите за мной, ребята». И, если у бедного драгуна не хватает шпоры или мундштука, либо порвалась сбруя, майор всегда достанет серебряную монету, чтобы покрыть нехватку, и притом частенько из собственного кармана.

— Так почему же вы прохлаждаетесь тут, когда тем, кто ему так дорог, грозит ужасная опасность? — закричал вдруг чей-то резкий голос.— На коней, на коней и мчитесь к капитану! Хватайте оружие и скачите скорей, не то будет поздно!

Это неожиданное вторжение привело в замешательство трех собутыльников. Цезарь, не раздумывая, отошел поближе к камину и остался там, не обращая внимания на пылающий огонь, который, наверное, изжарил бы белого человека. Сержант Холлистер мигом повернулся на месте и схватил саблю, клинок которой ярко сверкнул при свете пламени; но тут он увидел, что на пороге двери, ведущей во двор, стоит разносчик, и стал медленно отступать к позиции, занятой негром, ибо военный инстинкт велел ему сосредоточивать силы в одном месте. Бетти осталась одна возле шаткого стола. Она долила в кружку изрядную порцию напитка, известного среди солдат под названием «вырви глаз», и протянула ее разносчику. У маркитантки уже давно выступили слезы пьяного умиления, и, добродушно поглядев на Бёрча, она закричала:

— Ей-богу, хорошо, что вы зашли, мистер разносчик, или мистер Бёрч, или мистер Вельзевул, или как вас там зовут! Во всяком случае, вы честный дьявол, и я рада, если мое платье пришлось вам впору. Подойдите сюда и станьте поближе к огню; сержант Холлистер вас не тронет, он побоится, как бы вы потом не отплатили ему с лихвой,— ведь правда, дорогой мой сержант?

— Уходи отсюда, нечестивец! — крикнул старый вояка, все теснее прижимаясь к Цезарю и отдергивая от огня то одну, то другую опаленную жаром ногу.— Уходи отсюда с миром! Здесь нет людей, готовых тебе служить, и зря ты пристаешь к этой женщине. Есть высшая благодать, которая спасет ее от твоих когтей.— Сержант перестал говорить вслух, но губы у него продолжали беззвучно шевелиться, и изредка в его тихом бормотанье слышались отдельные слова молитвы.

Голова у Бетти была как в тумане, и она плохо поняла, что хотел сказать ее собутыльник, но тут у нее мелькнула новая мысль, и она воскликнула:

— А если даже он пришел за мной, что за беда, скажите на милость? Разве я не одинокая вдова и не вольна распоряжаться собой? Хоть вы и толковали мне о своих нежных чувствах, сержант, но я их что-то не вижу. Во всяком случае, мистер Вельзевул может беседовать со мной о чем захочет. И думаю, он будет рад, если я выслушаю его.

— Женщина, помолчи,— сказал разносчик,— а вы, нелепый человек, хватайте оружие, прыгайте в седло и скачите на помощь своему офицеру, если вы достойны дела, которому служите, и не хотите опозорить свой мундир.

Тут разносчик внезапно скрылся из глаз с такой быстротой, что опешившая троица не могла сообразить, в какую сторону он убежал.

Узнав голос старого друга, Цезарь выскользнул из своего угла и без всякого страха подошел к тому месту, где Бетти все время занимала твердую позицию, хотя в голове у нее была полная сумятица.

— Я хочу остановить Гарви,— сказал негр.— Если нам по дороге, я хочу ехать с ним. Я не верю, что Джонни Бёрч убил собственного сына.

— Бедный глупый негр! — воскликнул старый солдат, переводя дух и снова обретая дар речи.— Неужели ты думаешь, что это было существо из плоти и крови?

— Плоти у Гарви мало, это правда, но у него очень умная голова,—возразил негр.

— Ладно, погодите-ка, сержант,— заговорила Бетти,— будьте хоть раз благоразумны и послушайте, что вам говорит знающий человек: созовите своих молодцов и поезжайте к капитану Джеку; вспомните, что он велел вам быть готовым и скакать к нему по первому сигналу.

— Да, но не по приказу нечистого! Пусть мне прикажет капитан Лоутон, лейтенант Мейсон или корнет Скипуит, и никто быстрей меня не вскочит в седло!

— А сколько раз вы хвастались мне, что ваши солдаты не испугаются и самого дьявола?

— Конечно, не испугаются в честном бою и при свете дня, но безрассудно и опасно искушать сатану в такую ночь: слышите, как ветер свистит в ветвях? А теперь прислушайтесь хорошенько — это воет сам злой дух!

— Я видел духа,— проговорил Цезарь, так сильно тараща глаза, что, казалось, он мог бы разглядеть даже бесплотное существо.

— Где? — прервал его сержант, невольно хватаясь за рукоятку сабли.

— Нет, нет,— ответил негр,— я видел, как Джонни Бёрч вышел из гроба. Он вышел прежде, чем его похоронили.

— Ага, значит, и правда он провел очень греховную жизнь,— сказал Холлистер.— Праведные души спокойно дожидаются Страшного суда, но грешной душе дурные дела не дают покоя ни в этой, ни в загробной жизни.

— Но что же будет в этой жизни с капитаном Джоном? — закричала Бетти в сердцах.— Значит, вы не хотите слушать ни его приказаний, ни нового предупреждения? Тогда я запрягу свою кобылу и сама отправлюсь к нему, уж я расскажу ему, как вы тут перетрусили при виде какого-то покойника или Вельзевула, и доложу, что ему нечего ждать от вас помощи! Никак не возьму в толк, кто же будет командовать солдатами завтра утром, да только не Холлистер, уж это как пить дать!

— Ладно, Бетти, ладно,— сказал сержант, бесцеремонно положив руку ей на плечо,— уж если кому-то надо скакать ночью по лесу, пусть это будет тот вояка, чей долг — собрать солдат и показать им пример. Авось бог смилостивится и пошлет нам врагов из плоти и крови!

Опрокинув еще стакан, сержант подкрепил свое решение, принятое только из страха рассердить капитана, и созвал двенадцать драгун, оставленных под его началом. Тут появился и мальчик с кольцом, которое Цезарь старательно спрятал в жилетный карман над сердцем; затем негр сел на лошадь, закрыл глаза, покрепче ухватился за гриву, помчался во весь опор, еле живой от страха, и пришел в себя, лишь когда его конь остановился у двери в теплую конюшню, из которой недавно отправился в путь.

Драгуны же, получив приказ выступать, двигались значительно медленней, ибо ехали с большими предосторожностями, чтобы неожиданно не наткнуться на самого дьявола.

ГЛАВА XXII

Заставь навек умолкнуть тяжкий стыд,
Будь вероломным, вкрадчивым и льстивым
И в добродетель преврати порок.

Шекспир. Комедия ошибок

Общество, собравшееся в гостиной мистера Уортона, чувствовало себя весьма неловко все время, пока отсутствовал Цезарь. Конь его проявил такую удивительную резвость, что на поездку за четыре мили и на возвращение после описанных выше происшествий ушло всего около часа.

Разумеется, мужчины старались развлекать общество, чтобы томительные минуты пролетели как можно быстрей, однако долгое ожидание счастья отнюдь не возбуждает веселья. Невесте и жениху в таких случаях издавна разрешается молчать, но на этот раз их друзья, видимо, были тоже склонны последовать этому примеру. Неожиданная отсрочка радостного события больше всех раздражала английского полковника, и, сидя рядом с Сарой, он то и дело менялся в лице; а невеста, казалось, воспользовалась этой задержкой, чтобы набраться сил перед ожидаемой церемонией. Наконец среди общего молчания доктор Ситгривс обратился к мисс Пейтон, с которой он уселся рядом:

— Брак, сударыня, перед лицом бога и людей считается священным установлением, и можно сказать, что в наше время он не противоречит законам природы и нравственности. Древние народы, освящая многоженство, нарушали предначертания природы и обрекали тысячи людей на нищету, но с развитием науки в обществе распространились мудрые правила, по которым мужчина может иметь только одну жену.

Уэлмир злобно посмотрел на доктора, и лицо его выразило сильную досаду, ясно говорившую о том, каким несносным он считает этот разговор; а мисс Пейтон возразила с легким замешательством, словно боясь коснуться запретной темы:

— Я считала, сэр, что нашими правилами морали в этом вопросе мы обязаны христианской религии.

— Вы, правы, сударыня, в писаниях апостолов сказано, что мужчины и женщины равно подчиняются этому закону. Однако в какой мере многоженство несовместимо с чистотой жизни? Мы, вероятно, обязаны осуждением этого обычая мудрости святого Павла, который был весьма силен в науке и, должно быть, вел частые беседы по этому вопросу с Лукой, а тот, как известно, много занимался медициной...

Трудно сказать, как далеко полет прихотливой фантазии занес бы Ситгривса, увлеченного этой темой, если б его не прервали. Лоутон, который до сих пор внимательно наблюдал за всеми, не произнося ни слова, вдруг резко спросил:

— Скажите, полковник, какое наказание полагается в Англии за двоеженство?

Уэлмир вздрогнул, и губы у него побелели. Однако, быстро овладев собой, он ответил с учтивостью, приличествующей счастливому жениху:

— Смертная казнь, чего и заслуживает подобное преступление.

— Да, смертная казнь с последующим вскрытием трупа,— подхватил хирург.— Закон редко упускает случай извлечь пользу из преступника. Однако двоеженство — отвратительное преступление!

— Вы полагаете, что двоеженство хуже безбрачия? — спросил Лоутон.

— Конечно, хуже,— невозмутимо ответил простодушный хирург.— Тот, кто пребывает в одиночестве, может посвятить жизнь науке и, вместо того чтобы производить себе подобных, распространять полезные знания. Но негодяй, который злоупотребляет кротостью и доверчивостью, свойственными женскому полу, совершает тяжкий грех и еще усугубляет его низким обманом.

— Не думайте, сэр, что женщины будут очень благодарны вам за то, что вы приписываете им природную мягкость и легковерие.

— Капитан Лоутон, физическая природа мужчины значительно крепче женской. Его нервы менее чувствительны, весь организм менее гибок и более устойчив; что же удивительного, если женщина склонна искать опору в мужчине?

Казалось, у Уэлмира иссякло терпение: не в силах больше слушать столь неуместный разговор, он вскочил и принялся в раздражении шагать по комнате. Священник, терпеливо дожидавшийся возвращения Цезаря, из сочувствия к жениху переменил тему беседы, а спустя несколько минут появился и черный гонец. Он вручил записку доктору Ситгривсу, ибо мисс Пейтон решительно запретила Цезарю впутывать ее в порученное ему дело. В записке коротко сообщалось о том, что приказания доктора выполнены, а кольцо послано с негром. И Цезарь немедля передал кольцо доктору. С минуту хирург стоял, разглядывая золотое колечко, и облако грусти омрачило его лицо. Он, видимо, забыл, для чего и где находится, и заговорил сам с собой:

— Бедная Анна! Твое юное сердце было весело и невинно, когда этому кольцу предстояло скрепить твой брачный союз, но, прежде чем настал час обряда, господь взял тебя в свою обитель. С тех пор прошли годы, сестра моя, но я не забыл тебя, милый друг моего детства! — Тут доктор подошел к Саре, не замечая, что все смотрят на него, надел кольцо ей на палец и продолжал: — Та, кому оно предназначалось, уж давно лежит в могиле, а юноша, который вручил ей этот дар, вскоре последовал за ее святой душой. Возьмите это кольцо, мисс Сара, и дай бог, чтобы оно принесло вам такое счастье, какого вы заслуживаете.

Сара была глубоко тронута горячим порывом доктора, но тут Уэлмир подал ей руку, подвел к священнику, и венчанье началось. При первых словах торжественного обряда в комнате наступила мертвая тишина. Служитель божий приступил к молитвам и поучениям, затем выслушал взаимные обеты верности жениха и невесты, за которыми следовало перейти к обмену кольцами. Но в суматохе и волнении кольцо забыли снять с пальца Сары, на который его надел доктор Ситгривс, и произошла легкая заминка. Едва священник собрался возобновить прерванный обряд, как в комнату проскользнул посторонний и внезапно остановил его. То был разносчик. Глаза Бёрча смотрели с горькой иронией, а рука протянулась к священнику, словно запрещая ему продолжать венчание.

— Как может полковник Уэлмир терять здесь драгоценное время, когда жена его пересекла океан, чтобы повидаться с ним? Ночь длинна, луна освещает дорогу, за несколько часов он мог бы добраться до города! — проговорил Бёрч.

Ошеломленный этим неожиданным вмешательством, Уэлмир несколько секунд не мог прийти в себя. Вторжение Бёрча и его странные слова не испугали Сару; но, чуть оправившись от удивления, она перевела вопрошающий взгляд на лицо того, кому только что поклялась в верности, и прочла на нем жестокое подтверждение всего, что сказал разносчик. Комната закружилась у нее перед глазами, и она упала без сознания на руки своей тетки. Женщинам присуща врожденная чуткость, и порой она одна руководит ими. Дамы окружили потерявшую сознание невесту и тотчас унесли ее,— в гостиной остались одни мужчины.

Воспользовавшись всеобщим смятением, разносчик скрылся с такой быстротой, что никто не успел и подумать о преследовании. Уэлмир словно застыл посреди комнаты, и все взоры устремились на него в зловещем молчании.

— Это ложь, гнусная ложь! — воскликнул он, ударив себя по лбу.— Я всегда отвергал домогательства этой женщины, и законы моей страны не заставят меня признать ее права.

— Но что говорят божеские законы и ваша совесть? — спросил Лоутон.

— Хорошо, сэр,— высокомерно ответил Уэлмир, отступая к выходу.— Мое положение дает вам сейчас преимущество, но придет время...

Он был уже у дверей, когда его остановил легкий удар по плечу: капитан Лоутон с многозначительной улыбкой знаком приглашал его следовать за собой. Сейчас Уэлмир готов был уйти куда угодно, лишь бы избежать полных презрения и ненависти взглядов, направленных на него со всех сторон. Молча дошли они до конюшни, и тут Лоутон крикнул:

— Выведите Роноки!

Тотчас появился солдат, ведя под уздцы оседланную лошадь. Лоутон спокойно закинул поводья на шею коню, вынул пистолеты из седельных сумок и сказал:

— Эти пистолеты не раз служили правому делу и бывали только в достойных руках, сэр. Они принадлежали моему отцу. Он с честью пользовался ими в войне с Францией и отдал их мне, чтобы я сражался за родину. Что ж, разве я не послужу родине, если уничтожу негодяя, который хотел погубить одну из прекраснейших ее дочерей?

— Я отплачу вам за нанесенные мне оскорбления! — вскричал Уэлмир, схватив протянутый ему пистолет.— И да падет кровь на голову того, кто захотел ее пролить.

— Аминь! Но погодите минуту, сэр. Вы сейчас свободны, в кармане у вас пропуск, подписанный Вашингтоном, и я уступаю вам первый выстрел! Если я погибну, вам достанется лошадь, которая спасет вас от любых преследователей, и я советую вам скакать отсюда без промедления, иначе даже Арчибальд Ситгривс возьмется за оружие, а уж от драгун не ждите пощады.

— Вы готовы?— спросил Уэлмир, скрежеща зубами от злобы.

— Станьте здесь, Том, и посветите нам. Ну, пли!

Уэлмир выстрелил, и от эполета капитана отлетел кусочек золотого шнура.

— Теперь мой черед,— сказал Лоутон, хладнокровно поднимая пистолет.

— Нет, мой! — крикнул чей-то голос, и оружие было выбито из руки капитана.— Клянусь самим дьяволом, ведь это бешеный виргинец! Сюда, ребята, держите его! Вот неожиданная удача!

Застигнутый врасплох и обезоруженный, Лоутон, однако, не потерял присутствия духа. Он понимал, что попал в такие руки, от которых нечего ждать пощады, и, когда на него набросились четверо скиннеров, напряг всю свою богатырскую силу. Трое из них схватили его за руки и за горло, стараясь удержать, чтобы

скрутить веревками. Но он оттолкнул одного с такой яростью, что тот отлетел к стене и, оглушенный ударом, остался лежать на земле. Тут четвертый поймал капитана за ноги, и Лоутон, не в силах бороться с целой оравой, упал на землю, увлекая за собой всех своих противников. Схватка была короткая, но жестокая; мародеры осыпали драгуна проклятиями и гнусными ругательствами, тщетно призывая на помощь товарищей, которые неподвижно стояли вокруг, тараща глаза и не смея приблизиться. Слышалось чье-то тяжелое дыхание, ему вторили глухие стоны полузадушенного человека; вдруг кто-то вскочил на ноги и отбросил вцепившихся в него людей.

Уэлмир и вестовой капитана убежали: полковник спрятался в конюшне, а солдат бросился за подмогой, унося с собой фонарь, и все погрузилось во мрак. Поднявшийся с земли человек вскочил в седло не замеченного скиннерами коня, из-под копыт брызнули искры, и в их мимолетной вспышке все увидели, что капитан Лоутон несется как ветер к большой дороге.

— Он сбежал, разрази его гром!— закричал главарь шайки, задыхаясь от ярости.— Стреляйте, сбейте его с лошади! Стреляйте, не то будет поздно!

Раздались выстрелы, и все замерли, прислушиваясь; но напрасно скиннеры надеялись услышать шум падения могучего тела.

— Он не свалится, даже если мы его ухлопали,— сказал один из разбойников.— Я видел, как эти виргинцы сидят в седле, получив две-три пули в бок: они даже мертвые не падают с лошади.

Свежий порыв ветра донес стук копыт мчавшегося в долину коня, и, судя по его ровному бегу, можно было сказать, что им правит твердая рука.

— У них лошади хорошо обучены и всегда останавливаются, если всадник упадет,— заметил один из скиннеров.

— Коли так, он цел и невредим! — закричал главарь, в бешенстве ударив прикладом мушкета об землю.— Ну, скорей за дело! Не пройдет и получаса, как тут появится их ханжа-сержант вместе с драгунами. Счастье еще, если они не бросились сюда на наши выстрелы! Живо по местам и поджигайте дом с четырех углов, черный пепел славно заметает темные дела.

— А что нам делать с этим чурбаном? — спросил другой скиннер, толкая ногой все еще не очнувшегося товарища, которого Лоутон отбросил к стене.— Если хорошенько растереть его, он, пожалуй, отойдет.

— Пусть валяется,— злобно сказал главарь.— Будь он мужчина, а не тряпка, этот чертов драгун был бы теперь в моих

руках. Входите же в дом и поджигайте комнаты. Здесь есть чем поживиться — всем хватит и денег, и серебряной посуды. И карманы набьем, и отплатим за все!

Мысль о серебре была весьма соблазнительна, и скиннеры, бросив своего товарища, подававшего лишь слабые признаки жизни, шумной толпой кинулись к дому. Уэлмир поспешил воспользоваться случаем, вывел из конюшни свою лошадь и, никем не замеченный, выбрался на проезжую дорогу. С минуту он колебался, ехать ли ему к посту, где, как он знал, разместилась охрана, и попытаться спасти семейство Уортон или же, воспользовавшись свободой, полученной им благодаря обмену ранеными, вернуться в королевскую армию. Стыд и сознание своей вины заставили его выбрать последнее, и он направился в Нью-Йорк, терзаясь при мысли о своей низости и страшась предстоящей встречи с разъяренной женщиной, на которой он женился во время своей последней поездки в Англию. Теперь, когда она ему надоела, он решил не признавать ее прав.

Среди всеобщего смятения и тревоги за Сару никто не обратил особого внимания на исчезновение Лоутона и Уэлмира, тем более что состояние мистера Уортона требовало и забот врача, и утешений священника. Неожиданно раздавшиеся выстрелы предупредили собравшихся, что им грозит новая опасность, а минуту спустя в комнату ворвалась шайка скиннеров во главе со своим предводителем.

— Сдавайтесь,— закричал он,— руки вверх, слуги короля Георга,— и приставил дуло мушкета к груди Ситгривса,— не то я выпущу из вас всю верноподданническую кровь!

— Тише, тише, мой друг,— ответил доктор,— вы, несомненно, лучше умеете наносить раны, чем их лечить. Оружие, которое вы так небрежно держите в руках, весьма опасно для жизни.

— Сдавайся или получишь весь заряд!

— Кому и зачем я должен сдаваться? Я не участвую в боях. Переговоры об условиях капитуляции вам следует вести с капитаном Лоутоном. Впрочем, я полагаю, что в этом вопросе он не очень покладист.

Тем временем главарь шайки оглядел всех присутствующих и пришел к заключению, что тут нечего опасаться сопротивления, а так как ему не терпелось поскорей завладеть своей долей добычи, он отбросил мушкет и вместе со своими сообщниками принялся запихивать в мешки столовое серебро. Странное зрелище представляло теперь жилище мистера Уортона. Женщины хлопотали вокруг все еще не очнувшейся Сары в дальней комнате, на которую мародеры не обратили внимания. Ошеломленный мистер Уортон

сидел, слушая слова утешения, которые говорил ему священник, но был не способен их понять. Синглтон лежал на диване, дрожа от слабости и не замечая того, что творится кругом, а доктор давал ему лекарства и поправлял повязки с хладнокровием, которое ничто не могло поколебать. Цезарь и вестовой капитана Синглтона спрятались в лесу позади дома, а Кэти Хейнс бегала по коттеджу и поспешно складывала в узел ценные вещи, но со щепетильной честностью пренебрегала всем, что не было ее неоспоримой собственностью.

Однако вернемся к отряду, оставшемуся в Четырех Углах. Когда драгуны по приказу старого вояки вооружились и сели на коней, маркитанткой овладело неудержимое желание присоединиться к ним и разделить славу и опасности этого похода. Мы не беремся утверждать, пришла ли она к такому решению из страха остаться одной или желая поспешить на помощь своему любимцу, но так или иначе, когда Холлистер подал команду выступать, все услышали пронзительный голос Бетти, закричавшей:

— Погодите минутку, дорогой сержант, пускай ребята запрягут мою телегу, и я двинусь вместе с вами. Уж кого-нибудь подстрелят, не иначе, и тогда я отвезу его домой.

Хотя сержант в душе был очень рад всякой отсрочке похода, который его ничуть не привлекал, он все же выразил неудовольствие такой задержкой.

— Только пушечное ядро может выбить из седла одного из моих молодцов,— сказал он,— но я не думаю, чтобы нас встретили пушечным или даже мушкетным огнем, ведь эта битва — просто выдумка дьявола. Итак, Элизабет, вы можете ехать с нами, ежели вам охота, но телега ваша нам не понадобится.

— Ну, сержант, милый мой, вот вы и солгали,— ответила Бетти, которая все еще находилась под влиянием винных паров.— Разве пуля не сбила с лошади капитана Синглтона всего дней десять назад? И даже самого капитана Джека: разве он не лежал на земле кверху лицом, что твой мертвец? Еще ребята подумали, будто он убит, повернули оглобли и давай улепетывать от регулярных войск.

— Сами вы лжете! — сердито закричал сержант.— И тот солжет, кто скажет, что мы не выиграли битву.

— Убежали ненадолго, я ничего не говорю,— продолжала Бетти.— Майор Данвуди повернул вас назад, и тогда вы всыпали регулярным. А все же капитан упал, а ведь лучшего ездока не сыщешь в целом свете; так что видите, сержант, моя телега может пригодиться. Ну-ка, пусть двое из вас запрягут мою кобылу, а уж завтра я не пожалею вам виски. Да подложите кусок шкуры

Дженни под седелку, лучшей подстилки не найти при здешних скверных дорогах.

Сержант дал согласие, и экипаж миссис Фленеган был быстро приведен в полную готовность.

— Мы не можем предвидеть, нападут ли на нас с фронта или с тыла,— сказал Холлистер,— а потому пусть пятеро едут впереди, а остальные сзади, и в случае, если нас оттеснят к деревне, они прикроют отступление. Какая ужасная обязанность для неученого человека, Элизабет, командовать отрядом в такую минуту! Больше всего я хотел бы, чтоб тут оказался кто-нибудь из офицеров. Пока же вся моя надежда на господа.

— Да ну вас, как вам не стыдно! — ответила Бетти, с удобством устраиваясь в телеге.— Нет тут поблизости никаких врагов, дьявол их забери! А ну-ка, вперед, да поживей. Я пущу свою кобылу рысью, а вы марш-марш, не то увидите, капитан Джек вам спасибо не скажет!

— Хоть я и не умею вести переговоры с духами или сражаться с мертвецами, миссис Фленеган,— сказал сержант,— я все же недаром участвовал в прошлой войне да еще пять лет воюю в нынешней и знаю, как следует охранять обоз. Разве Вашингтон не велит всегда прикрывать тылы? Я сам знаю свои обязанности, уж не обозной крысе меня учить! Слушаться моих приказаний, по местам, ребята!

— Ладно, как хотите, только двигайтесь наконец! — закричала Бетти в нетерпении.— Негр уже давно там. Вот увидите, попадет вам от капитана за опоздание!

— А ты уверена, что тот, кто привез нам письмо, был и вправду негр? — спросил сержант и занял место между двумя взводами, где он мог разговаривать с Бетти и в то же время быть наготове, чтобы отразить нападение как с фронта, так и с тыла.

— Нет, ни в чем я не уверена, мой милый. Но почему твои парни еле трусят рысцой и не пришпорят лошадей? Даже моя кляча рвется вперед, ведь в этой проклятой долине совсем не жарко, к тому же мы не похоронное шествие...

— Потихоньку да полегоньку, миссис Фленеган, и с осторожностью: безрассудная отвага не делает человека хорошим командиром. Если нам повстречается злой дух, уж он, вероятнее всего, захочет напасть на нас врасплох. Лошади не очень ловки в темноте, а я не хочу потерять свое доброе имя, милая моя.

— Потерять доброе имя! А разве капитан не может потерять тем временем свое имя да еще и жизнь в придачу?

— Стой! — крикнул вдруг сержант.— Кто это там крадется слева, у подножия скалы?

— Да никого там нет, разве только душа капитана Джека явилась сюда, чтобы подогнать вас и заставить шевелиться побыстрей.

— Бетти, ты слишком легкомысленна для такого серьезного похода. А ну, выходи-ка кто-нибудь вперед и осмотри это место. Сабли наголо! Сомкните строй!

— Тьфу ты! — воскликнула Бетти.— Ты кто, круглый дурак или просто трус? А ну-ка, ребята, сойдите с дороги, я в один миг доскачу до того места на своей кобыле и не побоюсь никаких духов.

Между тем посланный на разведку к скалам вернулся и сказал, что там ничто не угрожает отряду, и все снова двинулись вперед, но медленно и с большой осторожностью.

— Смелость и осторожность — лучшие украшения солдата, миссис Фленеган,— сказал сержант,— но одна без другой ничего не стоят.

— Осторожность ничего не стоит без смелости — вы это хотели сказать? Да, верно, я и сама так думаю. Но посмотрите, как лошадь тянет поводья.

— Терпение, о женщина... Но что это? Слышите? — воскликнул Холлистер, насторожившись (впереди раздался выстрел Уэлмира).— Готов поклясться, что стреляли из настоящего пистолета, и притом кто-то из нашего полка. Вперед, сомкните ряды! Миссис Фленеган, я вынужден вас покинуть.

Услышав столь хорошо знакомый ему звук, сержант вновь обрел мужество и, отдав приказ, стал во главе своих солдат с самым воинственным видом, чего, однако, Бетти не разглядела из-за темноты. Вскоре ветер донес до них залп мушкетных выстрелов, и сержант скомандовал:

— Вперед, марш!

Через минуту на дороге послышался конский топот: навстречу им скакал всадник, да с такой скоростью, будто дело шло о жизни и смерти. Холлистер остановил свой отряд, а сам выехал вперед, чтобы встретить незнакомца.

— Стой! Кто едет! — закричал он.

— А, Холлистер, это ты? — воскликнул Лоутон.— Как всегда, наготове и на своем посту. А где же отряд?

— Он здесь, сэр, и последует за вами хоть на край света.— Почувствовав, что он освободился от ответственности, Холлистер готов был с юношеским пылом броситься на врага.

— Прекрасно,— ответил капитан, подъезжая к отряду.

Он сказал солдатам несколько ободряющих слов и повел их в долину почти с такой же скоростью, с какой только что прискакал. Жалкая кляча маркитантки осталась далеко позади;

оказавшись не у дел, Бетти отъехала на край дороги и предалась размышлениям.

«Сразу видно, что теперь их ведет капитан Джек; они несутся за ним, как стая негритят на деревенский праздник. Привяжу-ка я лучше свою кобылу к этому забору, а сама пойду поглядеть, что там у них делается: зачем подвергать опасности глупое животное».

А солдаты ехали за Лоутоном, ни о чем не раздумывая и ничего не опасаясь. Они не имели понятия, предстоит ли им стычка с ковбойским отрядом или с одной из частей королевской армии, но они знали, что идут за мужественным офицером, известным своей отвагой, а такие качества всегда вызывают доверие беззаботных солдат.

Подъехав к воротам «Белых акаций», капитан остановил свой отряд и приготовился к нападению. Соскочив с коня, он приказал спешиться восьмерым драгунам и, повернувшись к Холлистеру, приказал:

— Стой тут с отрядом и охраняй лошадей. Если кто-нибудь попытается пройти, задержите его, а не послушается — зарубите...

Тут из слуховых окон и из-под кедровой крыши дома вдруг вырвались яркие языки пламени, и все вокруг осветилось, как днем.

— Вперед! — крикнул капитан.— Вперед! И никому не давать пощады, пока не свершится правосудие!

В голосе его звучали такая сила и решимость, что даже у злодеев, бесчинствовавших в доме, дрогнули сердца. Главарь скиннеров выронил из рук награбленную добычу и на миг замер, охваченный страхом, а затем кинулся к окну и спустил выдвижную раму. В эту минуту в комнату вбежал Лоутон с обнаженной саблей в руке.

— Умри, злодей! — крикнул он и разрубил голову одному из мародеров.

Однако главарь шайки выскочил в окно и избежал возмездия. Услышав крики женщин, Лоутон взял себя в руки и послушался уговоров священника, молившего капитана позаботиться о безопасности семьи Уортон. Еще один разбойник столкнулся с драгунами и был убит, а остальные бросились наутек и успели скрыться.

Поглощенные заботами о Саре, окружавшие ее женщины не заметили ни появления скиннеров, ни пожара, хотя в доме уже бушевало пламя, грозя каждую минуту разрушить стены. Наконец, услышав крики Кэти и перепуганной жены Цезаря, а также топот и шум, доносившиеся из другой половины дома, мисс Пейтон и Изабелла поняли, что им грозит какая-то опасность.

— Боже милостивый,— воскликнула встревоженная тетушка,— в доме творится что-то ужасное, боюсь, как бы не началось кровопролитие!

— Но там некому сражаться,— возразила Изабелла, еще более бледная, чем мисс Пейтон.— Доктор Ситгривс самый мирный человек, и я не думаю, что капитан Лоутон способен забыться до такой степени...

— Все южане вспыльчивы и горячи,— заметила мисс Пейтон,— и даже ваш брат, несмотря на слабость и болезнь, сегодня весь день казался раздраженным и сердитым.

— Боже упаси! — воскликнула Изабелла и, вдруг ослабев, опустилась на постель возле Сары.— По натуре он кроток, как ягненок, но если вспылит, то становится страшнее льва.

— Мы должны вмешаться: наше присутствие умерит их пыл и, быть может, спасет кому-нибудь жизнь.

И мисс Пейтон, желая выполнить то, что она считала своим долгом женщины и хозяйки дома, двинулась к двери с гордым видом оскорбленной невинности, а Изабелла последовала за ней. Комната, в которую отнесли Сару, находилась во флигеле, соединенном с главным зданием длинным и темным коридором. Теперь коридор был ярко освещен, и в его дальнем конце метались какие-то фигуры, с такой быстротой, что невозможно было разглядеть, чем они заняты.

— Пойдемте к ним,— сказала мисс Пейтон твердым голосом, которому противоречила бледность ее лица.— Они должны отнестись с уважением к женщинам.

— Да, должны! — воскликнула Изабелла и пошла вперед.

Френсис осталась одна возле сестры. Несколько минут стояла тишина, как вдруг в комнатах наверху раздался ужасный треск, и в открытую дверь ворвался такой яркий свет, что все засверкало, словно в солнечный полдень. Сара сразу села на своей постели, бросая вокруг дикие взгляды, и прижала руки ко лбу, словно стараясь прийти в себя.

— Так я на небе, а ты — светлый небесный дух! О, какое дивное сияние! Да, я знала, счастье мое было слишком прекрасно для земной жизни. Но мы снова встретимся с ним! Да, да, мы встретимся вновь!

— Сара! Сара! — в ужасе закричала Френсис.— Сестра моя, любимая сестра! Не улыбайся как безумная! Это я. Неужели ты меня не узнаешь? Ах, ты разрываешь мне сердце!

— Тише,— сказала Сара, жестом останавливая ее,— он отдыхает, не тревожь его. Скоро он придет за мной в могилу. Разве в могиле могут быть две жены? Нет, нет, нет — одна... только одна, только одна.

Френсис уткнулась лицом в колени сестры и в отчаянии горько заплакала.

— Ты льешь слезы, светлый ангел? — ласково спросила Сара.— Значит, и на небе бывают огорчения? Но где же Генри? Ведь его казнили, и он должен быть здесь. А может быть, они придут вместе. О, как радостна будет наша встреча!

Френсис вскочила и принялась ходить взад-вперед по комнате. Сара следила за ней с детским восхищением во взоре.

— Ты похожа на мою сестру. Наверное, все добрые и любящие души похожи друг на друга. Скажи мне, была ли ты когда-нибудь замужем? Отдала ли свое сердце человеку, которого полюбила больше отца, брата и сестры? Если нет, я жалею тебя, бедняжка, хоть ты и попала на небо.

— Молчи, молчи, Сара, умоляю тебя! — закричала Френсис, бросаясь к ее постели.— Молчи, или ты убьешь меня! Молчи, или я умру тут, у твоих ног.

Снова раздался страшный треск, и весь дом дрогнул до основания. Это обвалилась часть кровли, и пламя, вырвавшись на волю, залило ярким светом весь сад вокруг коттеджа, так что сквозь окна все стало видно снаружи, как днем. Френсис подбежала к окну и увидела кучку растерянных людей на лужайке. Среди них были ее тетушка и Изабелла. Они с отчаянием указывали на горящее здание и, видимо, умоляли драгун войти в него. Теперь только Френсис поняла, какая им грозит опасность. С диким криком бросилась она в коридор, сама не зная, куда бежит.

Густой, удушливый столб дыма преградил ей путь. Она остановилась, задыхаясь, теряя сознание, но тут какой-то человек подхватил ее на руки и сквозь тучи искр и пепла вынес на свежий воздух. Через минуту девушка очнулась и, увидев, что обязана жизнью Лоутону, бросилась перед ним на колени с криком:

— Сара! Сара! Сара! Спасите мою сестру, и да благословит вас бог!

Силы оставили ее, и она без чувств упала на траву. Капитан указал на нее Кэти и, поручив девушку ее заботам, снова бросился к дому. Пламя уже лизало деревянную веранду и оконные рамы, а весь фасад дымился. Проникнуть в дом можно было, лишь преодолев многие опасности, и даже беззаветно смелый Лоутон приостановился в раздумье. Но только на одно мгновенье и тут же ринулся сквозь палящий жар и густой дым, стараясь отыскать дверь; однако, проплутав с минуту вслепую, он выскочил назад на лужайку. Глубоко вдохнув свежего воздуха, он опять попытался войти в дом, и опять безуспешно. Он бросился в третий раз и вдруг столкнулся с человеком, шатавшимся под

тяжестью бесчувственного тела. Здесь было не место и не время для разговоров и расспросов; капитан схватил обоих в свои могучие объятия и вынес из дыма. К своему удивлению, Лоутон обнаружил, что он вытащил хирурга и одного из убитых скиннеров.

— Арчибальд! — воскликнул капитан.— Во имя господа, зачем вы вздумали спасать этого злодея? Его черные дела взывают к небу!

Доктор, избежавший неминуемой гибели, был так ошеломлен, что не мог сразу ответить; однако, отерев влажный лоб и откашлявшись, чтобы очистить легкие от дыма, которого он наглотался, доктор заговорил жалобно:

— Увы, все кончено! Если б я мог вовремя остановить кровотечение из шейной артерии, он был бы спасен; но жара вызвала кровоизлияние, и, конечно, наступила смерть. Ну как, есть еще раненые?

Вопрос его повис в воздухе: Френсис унесли к другой стороне дома, где собрались ее друзья, а Лоутон снова скрылся.

Тем временем огонь разгорелся еще ярче, удушливый дым рассеялся, и капитан наконец отыскал дверь во флигель; но только он переступил порог, как столкнулся с человеком, который нес на руках потерявшую сознание Сару. Не успели они отойти на лужайку, как из окон вырвалось яркое пламя и огонь охватил все здание.

— Слава создателю! — воскликнул спаситель Сары.— Как ужасно умереть такой смертью!

Капитан отвернулся от горящего здания и взглянул на говорившего — к его удивлению, то был не один из его солдат, а снова разносчик.

— Как, опять шпион! — вскричал он.— Клянусь небом, вы вечно появляетесь передо мной, как привидение!

— Капитан Лоутон,— сказал Бёрч, вдруг ослабев и прислонясь к ограде сада, к которой они отошли, спасаясь от огня,— я снова в вашей власти, ибо не в состоянии ни бежать, ни сопротивляться.

— Свобода Америки для меня дороже жизни,— ответил капитан,— но родина не может требовать, чтобы ее сыны забывали о благодарности и чести. Бегите, несчастный, пока никто вас не заметил, или я уже буду не в силах вас спасти.

— Да пошлет вам бог удачу и победу над врагами,— сказал Бёрч, сжав руку драгуну словно железными тисками; такой силы от него никак нельзя было ожидать, судя по тощей фигуре.

— Постойте! — сказал Лоутон.— Одно слово: кто вы? Тот ли, кем кажетесь, или вы...

— Шпион короля, — прервал его Бёрч, отворачиваясь и пытаясь высвободить свою руку из схватившей ее руки капитана.

— Тогда бегите, жалкое создание! — сказал драгун, отпуская его.— Не знаю, корысть или заблуждение совратили это благородное сердце.

Яркое пламя пылающего дома освещало широкий круг, но едва Лоутон успел произнести последние слова, как длинная фигура разносчика скользнула в тень и растворилась во мраке.

Глаза капитана некоторое время были устремлены туда, где только что стоял этот загадочный человек, затем он перевел взгляд на Сару, все еще лежавшую без чувств, нагнулся, взял ее на руки и понес, словно уснувшего ребенка, к ее родным.

ГЛАВА XXIII

Настало время для печали,
Поблекли светлые черты.
Увы, цветы весны увяли,
Исчезли юные мечты!
О, как жесток
Судьбы поток,
О, как изменчивы года!
Неужто все покинут скоро
Ее, лишенную опоры,
Покинут навсегда?

Грот Дианы

Обгорелые стены — вот все, что осталось от «Белых акаций»; они стояли черные, закопченные, без террас и без украшений, лишь напоминая о недавнем времени, когда здесь царило довольство и спокойствие. Кровля и все деревянные перекрытия обрушились, и слабый отблеск догорающих углей озарял зияющие окна. Поспешное бегство скиннеров позволило драгунам дружно заняться спасением мебели и вещей, и теперь они лежали сваленные в кучи на лужайке, довершая мрачную картину разорения. Порой из дома вырывался яркий столб света, и на заднем плане четко вырисовывались фигуры Холлистера и неподвижно сидевших в седле солдат, а рядом с ними —кобылка миссис Фленеган с опущенными поводьями, мирно щипавшая траву у дороги. Сама же Бетти подошла к сержанту и с необыкновенным хладнокровием наблюдала за всем, что творилось вокруг. Не раз она пыталась ему внушить, что, коли битва окончена, пора приступать к дележу добычи, но сержант, ссылаясь на полученный им приказ, был стоек и непоколебим.

Увидев Лоутона, который вышел из-за угла здания с Сарой на руках, Бетти отступила и скрылась среди солдат. Капитан опустил Сару на диван, вытащенный из горящего дома двумя драгунами, и отошел, оставив ее на попечении дам. Мисс Пейтон и Френсис бросились к Саре, чтобы принять ее из рук капитана; не помня себя от радости, что она спасена, они на минуту забыли обо всем. Но ее блуждающий взгляд и пылающие щеки сразу напомнили им, что произошло.

— Сара, дитя мое, милая моя девочка, ты спасена,— говорила тетушка, обнимая свою ничего не сознающую племянницу,— и да благословит бог твоего спасителя!

— Смотрите,— сказала Сара, тихонько отстраняя тетку и показывая на пламенеющие развалины,— окна освещены в честь моего приезда. Так всегда встречают новобрачную. Он говорил мне о такой встрече. Прислушайтесь — вот зазвонили в колокола!

— Здесь нет ни новобрачной, ни свадьбы, ничего, кроме горя! — закричала Френсис, казавшаяся почти такой же безумной, как и ее сестра.— О боже, верни ей разум, верни ее нам!

— Тише, тише, глупая девушка,— ответила Сара, с жалостью улыбаясь ей.— Не могут все быть счастливы в один и тот же час. Скажи, разве у тебя нет ни брата, ни мужа, который утешил бы тебя? Ведь ты красавица и скоро найдешь себе жениха. Но смотри,— и она понизила голос до шепота,— смотри, чтоб у него не было другой жены: страшно подумать, что может случиться, если окажется, что он дважды женат.

— От горя у нее помутился рассудок! — ломая руки, вскричала мисс Пейтон.— Моя девочка, моя красавица Сара помешалась!

— Нет, нет, нет! — воскликнула Френсис.— У нее горячка, она бредит. Но она выздоровеет, она должна выздороветь!

Мисс Пейтон с радостью ухватилась за эту надежду, и тотчас велела Кэти привести доктора Ситгривса. Кэти вскоре отыскала медика: он был занят тем, что настойчиво выпытывал у здоровых и невредимых драгун, какие они получили увечья, а затем внимательно рассматривал каждую царапину и каждый синяк. Услышав просьбу мисс Пейтон, он с готовностью последовал за Кэти и через минуту был уже подле больной.

— Какое печальное завершение столь счастливо начавшегося вечера, сударыня! — заметил доктор с сочувствием.— Но войне всегда сопутствуют многие несчастья, хотя, несомненно, она часто ведется за дело свободы и благодаря ей совершенствуются знания и искусство хирургии.

Мисс Пейтон была не в силах произнести ни слова и лишь с отчаянием указала ему на свою племянницу.

— Это горячка,— сказала Френсис.— Посмотрите, какой у нее остановившийся взгляд и как горят щеки.

Доктор постоял несколько мгновений, пристально вглядываясь в девушку, а потом молча взял ее за руку. Серьезное и сосредоточенное лицо хирурга редко выражало сильное волнение; он умел обуздывать свои чувства, и в его чертах обычно не отражалось то, что испытывало сердце. Однако на этот раз от внимательных взоров сестры и тетки не укрылась его тревога. Подержав с минуту обнаженную до локтя и украшенную драгоценностями руку Сары, он отпустил ее и, прикрыв глаза ладонью, с печальным вздохом отвернулся.

— У нее нет горячки, сударыня. Излечить ее могут лишь время и заботливый уход; только это поможет ей, коли будет на то воля божья.

— А где же негодяй, виновник этого ужасного несчастья? — воскликнул Синглтон, отталкивая руку вестового, хотевшего его поддержать, и приподнимаясь с кресла, в котором он полулежал от слабости.— К чему нам победы над врагами, если они и после поражения способны наносить нам такие раны!

— Неужели вы думаете, наивный юноша,— отозвался Лоутон с горькой улыбкой,— что англичане признают за колонистами право на чувства? Для Англии Америка — лишь сателлит, который должен идти туда же, куда и она, подражать ей во всем и своим сиянием усиливать блеск старшей сестры. Вы, видно, забыли, что для колониста великая честь пострадать от руки истинного британца.

— Но я не забыл, что у меня есть сабля,— возразил Синглтон, снова бессильно падая в кресло.— Неужели здесь не нашлось смелой руки, чтобы отомстить за эту прелестную мученицу и воздать негодяю за горе ее седовласого отца?

— Для такого дела, сэр, не было недостатка ни в сильных руках, ни в горячих сердцах,— пылко ответил драгун,— но часто удача благоприятствует виновному. Клянусь небом, я отдал бы самого Роноки, лишь бы встретиться в бою с этим обманщиком!

— Ну нет, дорогой капитан, вам никак нельзя расставаться с вашим конем,— вмешалась Бетти.— Это не какая-нибудь клячонка, ведь такого рысака ни за какие деньги не достанешь! Его ничем не собьешь с ног, а скачет — что твоя белка!

— Глупая женщина, пятьдесят лучших коней, вскормленных на берегах Потомака, были бы ничтожной платой за возможность снести голову такому негодяю.

— Послушайте,— вмешался тут доктор,— ночная сырость отнюдь не полезна Джорджу, да и нашим дамам тоже; их следует

отвести в такое место, где они могли бы воспользоваться заботами врача и подкрепиться. Здесь же ничего не осталось, кроме дымящихся развалин да вредных испарений с болота.

На это благоразумное замечание нечего было возразить, и Лоутон отдал необходимые распоряжения, чтобы перевезти все общество в Четыре Угла.

В эпоху, о которой идет речь, в Америке было еще мало каретных мастеров, к тому же они были весьма неискусны, и все сколько-нибудь сносные кареты изготовлялись в Лондоне. Когда мистер Уортон покинул Нью-Йорк, он был одним из очень немногих владельцев экипажей и упряжных лошадей; а когда сей джентльмен удалился в свой загородный дом, мисс Пейтон и его дочери последовали за ним в той самой тяжелой карете, которая прежде торжественно громыхала по извилистой Куин-стрит или же величественно катилась по широкому Бродвею. Сейчас эта колымага преспокойно стояла на том самом месте, где ее поставили по приезде, а что касается лошадей, то лишь почтенный возраст спас этих любимцев Цезаря от конфискации ближними неприятельскими частями. С тяжелым сердцем черный слуга помогал драгунам закладывать карету. Этому громоздкому экипажу с выцветшей обивкой, обтрепавшимися сиденьями и облупившимся кузовом явно следовало бы снова попасть в руки умелому мастеру, который когда-то придал ему блеск и изящество. Из-под герба Уортонов, на котором был изображен лежащий лев, проступал пышный герб прежнего владельца — геральдическая митра, говорившая о его высоком духовном сане. Кабриолет, в котором приехала мисс Синглтон, тоже уцелел, ибо огонь не коснулся ни сараев, ни конюшни. Мародеры, конечно, собирались увести с собой и всех лошадей, но неожиданное нападение Лоутона не только помешало им выполнить это намерение, но расстроило и другие их планы. Теперь на месте пожара была выставлена стража под командой Холлистера, который, убедившись, что противники его оказались самыми обычными смертными, занял свою позицию с отменным хладнокровием и принял разумные меры предосторожности на случай внезапной вылазки врага. Он отвел свой маленький отряд на такое расстояние от догоравших развалин, что солдаты скрылись в темноте и в то же время, при довольно ярком свете тлеющих углей, могли разглядеть всякого, кто вздумал бы выйти на лужайку и заняться грабежом.

Одобрив действия сержанта, капитан Лоутон велел все приготовить к отъезду. Мисс Пейтон, обе ее племянницы и Изабелла поместились в карете, а тележке миссис Фленеган, на которую погрузили кровать и множество одеял, выпала честь везти капитана

Синглтона и его вестового. Доктор Ситгривс занялся мистером Уортоном и сел вместе с ним в кабриолет. Куда же девались в эту богатую событиями ночь остальные обитатели «Белых акаций»,— неизвестно, из слуг нашелся один Цезарь, если не считать экономки. Рассадив таким образом все общество, Лоутон отдал приказ выступать. Сам он на несколько минут задержался на лужайке, чтобы собрать разбросанную повсюду серебряную посуду и другие ценные вещи, боясь, как бы они не соблазнили его солдат; когда же он решил, что на земле не осталось больше ничего способного поколебать их честность, он вскочил в седло с мужественным намерением прикрывать тыл.

— Стойте! Стойте! — раздался вдруг женский голос.— Неужто вы бросите меня здесь одну на растерзание убийцам! Моя ложка, наверное, расплавилась в огне, и, если в этой несчастной стране есть справедливые законы, мне должны возместить убытки!

Лоутон обернулся на этот голос и увидел вышедшую из развалин женскую фигуру, нагруженную громадным узлом, не уступавшим по размерам знаменитому тюку разносчика Бёрча.

— Кто это; существо, рожденное из пепла, словно Феникс?— спросил капитан.— Ба! Клянусь душой Гиппократа, ведь это тот самый доктор в юбке, который знаменит своим лечением иглой. Итак, почтенная особа, что означают ваши крики?

— Крики? — повторила Кэти, с трудом переводя дух.— Мало того, что я лишилась серебряной ложки, вдобавок меня хотят еще оставить одну в этом гиблом месте, где меня ограбят, а может, и убьют разбойники! Гарви так со мной не обращался. Когда я жила у Гарви, ко мне всегда относились с уважением, правда, он слишком хорошо хранил свои тайны и слишком плохо прятал деньги, но меня не обижал.

— Значит, сударыня, вы были из числа домочадцев мистера Гарви Бёрча?

— Вы можете смело сказать, что я была его единственным домочадцем,— ответила женщина.— В доме не было никого, кроме Гарви, меня и старого хозяина. Может, вы знали старика?

— Нет, не имел этого счастья. И долго вы прожили в семье мистера Бёрча?

— Не помню точно, но уж не меньше девяти лет. Да только мне не было от этого никакого проку.

— Возможно. Я тоже не вижу, какой прок это могло вам принести. Но скажите, вы не замечали каких-либо странностей в характере и поступках этого мистера Бёрча?

— Странности слишком слабое слово для его необъяснимого поведения! — возразила Кэти, понизив голос и оглядываясь

по сторонам.— Он был необыкновенно беспечный человек, для него гинея значила не больше, чем для меня пшеничное зерно. Но помогите мне добраться до мисс Дженнет, и я расскажу вам много чудес про Гарви и его жизнь.

— Ну что ж! — заметил капитан в раздумье.— Тогда позвольте мне взять вас за руку повыше локтя. Я вижу, кости у вас крепкие, да и кровь, должно быть, не застаивается.— С этими словами он подхватил старую деву и так быстро повернул, что у нее на миг потемнело в глазах, а когда она пришла в себя, то увидела, что сидит очень прочно, если и не очень удобно, на крупе его коня.

— Теперь, сударыня, утешайтесь мыслью, что под вами конь не хуже, чем у Вашингтона. Он крепко стоит на ногах, а скачет что твоя пантера.

— Спустите меня на землю! — закричала Кэти, пытаясь вырваться из железной лапы капитана, но в то же время боясь упасть.— Так не сажают даму на лошадь! К тому же я не могу ездить верхом без дамского седла.

— Потише, сударыня,— ответил Лоутон,— мой Роноки никогда не оступается на передние ноги, но иногда встает на дыбы. И он совсем не привык, чтоб его дубасили каблуками по бокам, как по турецкому барабану в день полкового смотра. Стоит раз его пришпорить, и он помнит об этом две недели. Право, очень неразумно так колотить его: это строгий конь, он не любит насилия.

— Спустите меня вниз, говорю вам! — визжала Кэти.— Я упаду и разобьюсь. Мне тут не удержаться, разве вы не видите — у меня полные руки вещей!

— И верно,— сказал драгун, заметив, что он втащил ее на коня вместе с огромным узлом и другими пожитками.— Вы, видно, принадлежите к интендантскому сословию. Но я могу обхватить вашу тонкую талию своей портупеей и пристегнуть вас к себе.

Кэти была так польщена комплиментом, что не стала спорить, и он привязал ее к своему могучему стану, а затем пришпорил коня и помчался с такой быстротой, что дальнейшие протесты были бы бесполезны. Проскакав некоторое время с резвостью, которая была совсем не по вкусу старой деве, Роноки догнал тележку маркитантки, ехавшей осторожно по каменистой дороге, чтобы не растревожить раны капитана Синглтона. События этой бурной ночи сначала вызвали у него нервное возбуждение, но вскоре оно сменилось упадком сил, и теперь капитан лежал, заботливо укутанный в одеяла своим вестовым, и молча раздумывал о недавних происшествиях. Во время быстрой скачки беседа Лоутона с его

спутницей оборвалась, но, когда лошадь пошла спокойным шагом, капитан возобновил расспросы:

— Значит, вы долго жили в одном доме с Гарви Бёрчем?

— Больше девяти лет,— ответила Кэти, переводя дух и радуясь, что тряска кончилась.

Как только маркитантка услышала густой бас капитана, она отвернулась от кобылы, которой правила, сидя на передке, и при первой же возможности вмешалась в разговор.

— Коли так, голубушка, уж вы, верно, знаете: правда ли, что он сродни Вельзевулу? — спросила она.— Это говорил сам сержант Холлистер, а про него никто не скажет, что он дурак.

— Какой гнусный наговор! — гневно воскликнула Кэти.— Нет на свете разносчика добрее Гарви. Никогда он не возьмет с друга лишнего фартинга за платье или фартук. Хорош Вельзевул! Зачем же он читает Библию, если водится с сатаной?

— Во всяком случае, он честный дьявол. Я уж говорила — гинеи у него не фальшивые. Но сержант считает, что с ним дело нечисто, а у мистера Холлистера учености хоть отбавляй.

— Ваш сержант просто дурак! — запальчиво вскричала Кэти.— Если бы Гарви не был так нерасчетлив, он мог бы стать богатым человеком. Как часто я твердила ему, что, кабы он занимался только своей торговлей и пускал барыш в дело да еще женился и обзавелся своим хозяйством, а не путался с регулярной армией и со всякими чужаками, он зажил бы припеваючи. Уж тогда он заткнул бы за пояс и вашего сержанта Холлистера.

— Еще чего! — возразила Бетти и добавила философским тоном: — Вы забываете, что Холлистер наполовину офицер и по чину идет сразу вслед за корнетом. Но разносчик и впрямь молодчина: сегодня ночью он первый поднял тревогу, и, как знать, удалось ли бы капитану Джеку спасти свою голову, кабы не подошло подкрепление.

— Что вы сказали, Бетти? — воскликнул капитан, наклоняясь к ней с седла.— Это Бёрч сообщил вам о грозившей нам опасности?

— Он самый, моя радость! А уж как я торопила ребят, пока они не двинулись в путь! Не скажу, чтоб я очень испугалась, что вы не справитесь сами с мародерами, но, когда я узнала, что и дьявол за вас, я уж совсем успокоилась. Одно меня удивляет: почему в таком деле, где замешан Вельзевул, нам досталось так мало добычи.

— Я должен поблагодарить вас за помощь и признаться, что чувствую себя вашим должником.

— Вы это о добыче? Но я и не думала о ней, пока не увидала, что на земле валяются не только обгоревшие и поломанные вещи, но и целые, совсем новехонькие. А ведь недурно было бы завести для отряда хоть одну перинку!

— Клянусь небом, вы подоспели вовремя! Если б Роноки не мчался быстрее их пуль, они бы меня свалили. Этого коня я ценю на вес золота!

— Ну, это, пожалуй, слишком накладно. Золото — вещь тяжелая, и в Штатах его не так уж много. Кабы негр с налитыми кровью глазами не торчал перед сержантом и не пугал его болтовней о привидениях, мы приехали бы вовремя и перебили бы этих разбойников, а тех, кто уцелел, забрали бы в плен.

— Все и так обошлось хорошо, Бетти,— сказал Лоутон.— Я верю, что наступит день, когда эти злодеи получат по заслугам, а если они и не предстанут перед судом, то будут осуждены своими же честными согражданами. Придет время, когда Америка научится отличать патриотов от разбойников.

— Говорите потише,— заметила Кэти,— еще есть немало людей, которые очень много о себе воображают, а сами водятся со скиннерами.

— Коли так, они воображают о себе гораздо больше, чем другие воображают о них! — воскликнула Бетти.— Вор — это вор, что ни говори, крадет ли он ради короля Георга или ради конгресса.

— Я так и знала, что скоро быть беде,— заметила Кэти.— Солнце вчера село в черную тучу, а наша собака выла весь вечер, хотя я накормила ее своими руками; к тому же не прошло недели, как я видела во сне, что зажглась тысяча свечей и пироги сгорели в печке.

— Ну, а я редко вижу сны,— сказала Бетти.— Если совесть у тебя спокойна, а брюхо набито, ты спишь, как невинный младенец. В последний раз я видела сон, когда ребята насыпали мне колючек в постель, и мне привиделось, будто драгун капитана Джека чистит меня скребницей заместо Роноки. Да все это чепуха, коли у тебя цела шкура и здоров желудок, так я считаю.

— Ну, знаете,— и Кэти выпрямилась с таким достоинством, что чуть не спихнула Лоутона с седла,— ни один человек никогда не посмеет дотронуться до моей постели; это неприлично и недопустимо.

— Чушь! — закричала Бетти.— Когда ездишь за конным отрядом, приходится сносить веселые шутки. Что сталось бы со Штатами и со свободой, если б некому было дать ребятам чистую рубаху или каплю виски для подкрепления? Спросите ка-

питана Джека, госпожа Вельзевул, станут ли солдаты драться, коль у них не будет чистых рубашек, чтоб отпраздновать победу.

— Я женщина незамужняя, и моя фамилия Хейнс,— ответила Кэти, а потому прошу вас в разговоре со мной не давать мне унизительных кличек.

— Будьте снисходительны к некоторой бойкости языка миссис Фленеган, сударыня,— вмешался капитан.— Капля виски, о которой она говорила, бывает порой довольно велика, а потому, находясь среди солдат, Бетти привыкла к вольности в обращении.

— Что вы, дорогой капитан,— воскликнула Бетти,— зачем останавливать эту бедную женщину? Говорите, что вам угодно, милая моя, у вас не такой уж глупый язык, и в голове тоже не пусто! Смотрите-ка, вот тут сержант остановил свой отряд сегодня вечером, думая, что вокруг бродят злые духи. Тучи так черны, как душа Арнольда, и даже звезды не мерцают в небе, черт возьми! Хорошо, что моя кобыла привыкла ходить в темноте и чует дорогу, как гончая — след.

— Теперь уж скоро взойдет луна,— заметил капитан.

Он подозвал ехавшего впереди драгуна, отдал ему кое-какие распоряжения и велел хорошенько заботиться о Синглтоне; затем, сказав несколько ободряющих слов самому раненому, пришпорил Роноки и, обогнав телегу, поскакал вперед, да так быстро, что Кэтрин Хейнс тотчас растеряла все свои философские соображения.

— Счастливого пути, храбрый всадник! — крикнула маркитантка ему вдогонку.— Если повстречаете мистера Вельзевула, то придержите коня и скажите ему, что вы подобрали его супругу. Я думаю, он не станет долго чесать с ней язык. Ладно, ладно, хоть мы и спасли ему жизнь — он сам это сказал,— однако все же не послал нам добычи.

Капитан так привык к болтовне и крикам Бетти, что не стал ей отвечать. Несмотря на необычную ношу на спине, Роноки продолжал скакать галопом и пробежал расстояние между телегой Бетти и каретой мисс Пейтон так быстро, как того хотелось капитану, что отнюдь не доставило удовольствия его спутнице. Лоутон нагнал карету невдалеке от сторожевого поста; в ту же минуту из-за плотных туч появилась луна и осветила все кругом.

По сравнению с изящной и комфортабельной усадьбой «Белые акации» «Отель Фленеган» казался просто лачугой. В полах, не прикрытых коврами, и в грубо сколоченных стенах зияли щели, на окнах не было занавесок и добрая половина зеленоватых сте-

кол была выбита, а дырки заделаны досками или бумагой. Капитан Лоутон постарался сделать все, что было в его силах, чтобы получше устроить гостей, и, прежде чем они прибыли, в комнатах уже пылали камины. Драгуны, которым капитан поручил заняться этими приготовлениями, собрали кое-какую мебель, так что мисс Пейтон и ее спутницы, войдя в дом, увидели, что их ожидает некое подобие жилого помещения. Мысли Сары все еще блуждали неведомо где, и во время поездки ее больное воображение придавало всему окружающему тот смысл, какой отвечал ее заветным желаниям.

— Невозможно облегчить страдания души, которая вынесла подобный удар,— сказал Лоутон, обращаясь к Изабелле.— Только время и божья воля способны излечить ее. Однако мы можем еще сделать кое-что в доме и устроить всех поудобнее. Вы дочь солдата и, наверное, попадали в такие положения; помогите же мне уберечь всех от холода.

Мисс Синглтон сразу согласилась ему помочь, и, пока Лоутон старательно затыкал снаружи щели и выбитые стекла, Изабелла пыталась соорудить нечто вроде занавесок.

— Я уже слышу стук телеги,— сказал капитан в ответ на ее вопрос, где брат.— Это Бетти; не бойтесь, у нее доброе сердце, она устроит беднягу Джорджа не только в безопасности, но и с удобством, можете мне поверить.

— Благослови ее бог за заботы, и всех вас тоже! — горячо откликнулась Изабелла.— Доктор Ситгривс пошел к ним навстречу... Но что это там блестит при лунном свете?

Прямо против окна, у которого они остановились, стоял сарай, и острые глаза Лоутона тотчас разглядели в тени блестящий предмет, на который она указывала.

— Это ружье! — крикнул драгун и бросился к Роноки, стоявшему еще под седлом у дверей.

Лоутон двигался с быстротой мысли, но не успел сделать и шага, как грянул выстрел и мимо просвистела пуля. В доме послышался крик, и капитан вскочил в седло — все это произошло в одно мгновение.

— На коней! За мной! — прогремел капитан, и, прежде чем удивленные драгуны поняли причину тревоги, Роноки перемахнул с седоком через ограду, за которой скрылся неведомый враг. Беглец был на волосок от смерти, но скалы оказались снова слишком близко, и разочарованный Лоутон увидел, как его противник исчез в расселине, куда конь не мог последовать за ним.

— Клянусь жизнью Вашингтона,— пробормотал капитан, пряча саблю в ножны,— я разрубил бы его пополам, если б он был не такой проворный. Но мое время еще придет!

С этими словами он повернул назад с невозмутимым видом человека, готового в любую минуту отдать свою жизнь за родину. Непонятный шум в доме заставил его поспешить, и, когда он подошел к двери, насмерть перепуганная Кэти сообщила ему, что предназначавшаяся ему пуля попала в грудь мисс Синглтон.

ГЛАВА XXIV

И кажется ему — он на свиданье
И снова слышит голос дорогой,
Он ощущает легкое дыханье
Подруги, отошедшей в мир иной.

Томас Кэмпбелл.
Гертруда из Вайоминга

Чтобы разместить дам, драгуны наспех приготовили две смежные комнаты: дальняя должна была служить спальней. По просьбе Изабеллы ее тотчас перенесли туда и положили на грубо сколоченную кровать рядом с ничего не сознающей Сарой. Когда мисс Пейтон и Френсис кинулись к Изабелле на помощь и увидели, что ее бледные губы улыбаются, а лицо спокойно, они подумали, что пуля ее не задела.

— Слава богу! — воскликнула тетушка, дрожа от волнения.— Когда раздался выстрел и вы упали, я страшно испугалась. Право, мы пережили слишком много ужасов, хорошо, что хоть этого мы избежали!

Изабелла все еще улыбалась, прижимая руку к груди, но лицо ее так помертвело, что у Френсис застыла кровь.

— Где Джордж, он далеко отсюда? — спросила Изабелла.— Скажите ему... Пусть он скорее придет ко мне... Я хочу еще раз повидать своего брата.

— О боже, этого я и боялась! — вскричала мисс Пейтон.— Но вы улыбаетесь, неужто вы ранены?

— Мне хорошо, я счастлива,— промолвила Изабелла.— Это избавление от всех страданий.

Сара, лежавшая без движения, приподнялась и устремила на девушку безумный взгляд. Она наклонилась над Изабеллой и отвела ее руку от груди. Рука была вся в крови.

— Смотрите,— сказала Сара,— разве кровь еще не смыла вашу любовь? Обвенчайтесь с ним, дитя мое, и тогда никто не вырвет его из вашего сердца. Но только,— прибавила она шепотом, поникнув головой,— если другая не заняла раньше вашего места; тогда умрите и ступайте на небо... На небе ведь не бывает жен.

Бедная помешанная закрыла лицо простыней и за весь вечер больше не проронила ни слова. В эту минуту вошел Лоутон. Он бестрепетно встречал любую опасность и привык к ужасам партизанской войны, но теперь был не в силах хладнокровно смотреть на лежащую перед ним невинную жертву. Капитан склонился над хрупкой фигурой раненой девушки, и в его суровых глазах отразился весь жар его души.

— Изабелла,— произнес он, помолчав,— я знаю, вы обладаете не женским мужеством.

— Говорите,— ответила она серьезно.— Если вам нужно что-нибудь сказать мне, говорите без опаски.

Капитан отвернулся и проговорил:

— Тот, кто получил такую рану, обречен.

— Я не боюсь умереть, Лоутон,— ответила Изабелла.— Благодарю вас за то, что вы не усомнились во мне; я сразу почувствовала, что рана смертельна.

— Вас не должны были касаться все эти события,— продолжал драгун,— довольно того, что Британия вызывает на поле брани наших юношей; но, когда такие нежные создания становятся жертвами войны, я начинаю питать отвращение к своему ремеслу.

— Выслушайте меня, капитан Лоутон,— сказала Изабелла, приподнимаясь с трудом, но отказываясь от чужой помощи.— С ранней юности и до последних дней я жила в лагерях и гарнизонах, стараясь скрашивать досуг моего старого отца. Неужели вы думаете, что я променяла бы эту жизнь, полную опасностей и лишений, на спокойное, легкое существование? Нет! В мой последний час меня утешает сознание, что я сделала в жизни все, что по силам женщине.

— Кто может проявить малодушие при виде такого мужества? Я видел сотни обливавшихся кровью воинов, но никогда не встречал такой силы духа.

— Увы, сильна только душа,— сказала Изабелла,— моя женская природа лишила меня той стойкости, которая мне всего дороже. Но к вам, капитан Лоутон, природа была более благосклонна: вы отдали ваше отважное сердце и твердую руку на служение правому делу, и я знаю, они не изменят ему до конца. А Джордж и...— губы ее дрогнули, она умолкла и опустила глаза.

— И Данвуди? — закончил капитан.— Вы хотели сказать — Данвуди?

— Не называйте его имени,— молвила Изабелла, снова опускаясь на свое ложе и закрывая лицо.— Идите, Лоутон, подготовьте бедного Джорджа к нежданному удару.

Лоутон печально глядел, как судорога пробегала по ее телу, прикрытому тонким покрывалом, а потом вышел, чтобы поговорить с ее братом. Встреча Синглтона с сестрой была очень горестна; на одну минуту Изабелла поддалась охватившему ее горячему чувству, но, зная, что часы ее сочтены, первая опомнилась и овладела собой. Она решительно потребовала, чтобы, кроме брата, в комнате остались только капитан Лоутон и Френсис. Несмотря на многократные просьбы врача, она отказалась принять его помощь, и он, скрепя сердце, был вынужден удалиться.

— Приподнимите меня,— сказала умирающая,— и дайте еще раз взглянуть на любимое лицо.

Френсис молча исполнила ее просьбу, и Изабелла с сестринской нежностью посмотрела на Джорджа.

— Осталось недолго, мой дорогой, через несколько часов все будет кончено.

— Не умирай, Изабелла, любимая моя сестра! — вскричал молодой человек, не в силах совладать со своим горем.— Ах, отец, бедный мой отец!..

— Да, моя смерть нанесет ему глубокую рану. Но он солдат и христианин. Мисс Уортон, я хочу поговорить с вами о том, что волнует вас, пока у меня есть еще силы.

— Не надо,— мягко ответила Френсис,— поберегите себя; я не хочу, чтобы, желая меня утешить, вы подвергали опасности жизнь, столь дорогую для... для... многих.— Голос ее прерывался от волнения, ибо Изабелла затронула самую больную струну в ее сердце.

— Бедная, чувствительная девушка! — сказала Изабелла, ласково глядя на нее.— Вся жизнь у вас впереди, зачем же я буду разрушать счастье, которое она может вам дать! Мечтайте о нем, милое невинное дитя! И, даст бог, не скоро настанет день, когда развеются ваши грезы.

— Ах, мне осталось так мало в жизни для счастья! — сказала Френсис, пряча свое лицо.— Все, что я любила, лишь ранило мне сердце.

— Нет, — остановила ее Изабелла,— вы должны любить жизнь, у вас есть то, что всего важнее для сердца женщины. Но вам мешает заблуждение, рассеять которое может только смерть.— Утомившись, она замолкла, а ее слушатели ждали затаив дыхание, пока, собравшись с силами, она не заговорила вновь, еще более кротким голосом, положив свою руку на руку Френсис.

— Мисс Уортон, если есть на свете душа, близкая Данвуди и достойная его любви, то это ваша.

Горячая краска залила лицо Френсис, и она подняла на Изабеллу глаза, в которых просияла глубокая радость; но, увидев, что девушка угасает, Френсис подавила это чувство, и головка ее вновь склонилась над постелью раненой. Изабелла следила за ее лицом, и в глазах у нее отражались жалость и восхищение.

— Такие же чувства испытала и я,— продолжала Изабелла.— Но теперь, мисс Уортон, Данвуди принадлежит вам одной.

— Будь справедлива к себе, сестра! — воскликнул Джордж.— Не надо ради романтического великодушия забывать о себе самой.

Изабелла выслушала его с выражением нежного внимания, а затем, медленно покачав головой, промолвила:

— Не романтическое великодушие, а стремление к правде заставляет меня говорить. Ах, сколько пережила я за один час! Мисс Уортон, я родилась под горячим солнцем юга, и мои чувства дышали зноем его лучей, я была создана лишь для пылкой страсти.

— Не говори так, прошу тебя, не говори! — вскричал ее глубоко взволнованный брат.— Вспомни, как преданно ты любила нашего старого отца, как бескорыстна и нежна была твоя привязанность ко мне!

— Да, правда,— проговорила Изабелла, и улыбка кроткой радости осветила ее лицо.— С этой мыслью я уйду в могилу.

Несколько минут она молчала; ни Френсис, ни Джордж не прерывали ее размышлений, но скоро, словно очнувшись, она заговорила вновь:

— Видно, мои чувства будут владеть мной до последнего вздоха. Америка и ее свобода были моей первой страстью, а потом...— Она снова замолчала, и Френсис подумала, что Изабелла борется со смертью, но, собравшись с силами, она продолжала: — К чему мне таиться на краю могилы? Данвуди был моей второй и последней страстью. Но,— и она закрыла руками лицо,— он отверг мою любовь.

— Изабелла! — воскликнул ее брат и, вскочив с места, принялся в смятении шагать по комнате.

— Видите, как мы становимся рабами нашей гордыни и светских предрассудков; Джордж страдает, узнав что его любимая сестра не сумела стать выше чувств, внушенных ей природой.

— Не говорите так,— прошептала Френсис,— вы приводите в отчаяние нас обоих! Не говорите, умоляю вас!

— Я должна говорить, чтобы оправдать Данвуди, и поэтому, брат, ты должен выслушать меня. Ни единым словом, ни единым

поступком Данвуди никогда не давал мне повода думать, будто он хочет быть для меня больше, чем другом. Нет! Мало того; в последнее время я со стыдом замечала, что он избегает моего общества.

— Неужели он посмел? — гневно вскричал Синглтон.

— Успокойся, брат, и слушай,— продолжала Изабелла, приподнимаясь в последнем усилии.— Тут нет его вины, и вот в чем его оправдание. Мисс Уортон, мы обе выросли без матери, но у вас была тетка, кроткая, любящая, рассудительная, и благодаря ей вы одержали победу. О, как много теряет девушка, с юных лет лишенная воспитательницы! Я открыто выказывала те чувства, которые вас приучили скрывать. Могу ли я хотеть жить после этого?

— Изабелла, бедная моя Изабелла! Ты просто бредишь!

— Еще одно слово, ибо я чувствую, как моя горячая кровь слишком быстро струится из раны, и знаю, что это непоправимо. Ценят только ту женщину, которой надо добиваться, она таит от всех свои душевные волнения, и блаженны те, чьи переживания так чисты, что им не надо лицемерить, ибо только они могут быть счастливы с такими людьми, как... как Данвуди.— Голос ее ослабел, и, замолчав, она снова упала на подушку. Синглтон вскрикнул, и все окружили ее постель. Но смерть уже коснулась ее чела; у нее хватило силы лишь взять руку Джорджа и на миг прижать к своей груди, но пальцы ее тут же разжались, по телу пробежал легкий трепет, и она угасла.

До сих пор Френсис казалось, что она несчастна лишь потому, что ее брату угрожает смертельная опасность, а сестра потеряла рассудок; но облегчение, которое принесли ей предсмертные слова Изабеллы, показало, что еще одна печаль тяготила ее сердце и усиливала горе. И ей сразу открылась вся правда: она оценила мужественную деликатность Данвуди, и его достоинства еще возросли в ее глазах; теперь Френсис горько сожалела, что чувство долга и ложная гордость заставили ее думать о нем хуже, чем он того заслуживал, и она укоряла себя за то, что своим поведением оттолкнула его и вынудила уйти с тоской, а может быть, и с отчаянием в душе. Однако молодости несвойственно терять всякую надежду, и среди множества огорчений Френсис втайне сумела найти крупицу счастья, которая придала ей новые силы.

Наутро после этой трагической ночи на безоблачном небе встало яркое солнце, словно смеясь над ничтожными горестями всех, кого оно согревало своими лучами. Лоутон приказал пораньше оседлать Роноки и, как только солнце осветило верхушки холмов, был уже готов. Отдав нужные распоряжения, он молча

вскочил в седло и, с горьким сожалением взглянув на узкое ущелье, где скрылся скиннер, отпустил поводья и медленно двинулся в долину.

На дороге стояла мертвая тишина, нигде не осталось и следа от ночных событий, ничто не нарушало прелести ясного утра. Пораженный этим контрастом между природой и жизнью человека, бесстрашный драгун спокойно проехал мимо опасных ущелий, даже не помышляя о том, что́ ему здесь может угрожать; он оторвался от своих размышлений, лишь когда его гордый конь, втянув в себя свежий утренний воздух, заржал, приветствуя лошадей из отряда сержанта Холлистера.

Здесь, конечно, все говорило о ночной схватке, но капитан взглянул вокруг с равнодушием человека, привычного к подобным зрелищам. Не тратя времени на бесплодные сожаления, он сразу приступил к делу.

— Видел ты кого-нибудь? — спросил он сержанта.

— Ни одного существа, которое стоило бы задержать,— ответил Холлистер.— Только раз мы вскочили на лошадей, когда услышали выстрел вдалеке.

— Так, так,— сказал Лоутон мрачно.— Ах, Холлистер, я отдал бы своего коня за то, чтоб ты оказался между негодяем, выстрелившим в ту минуту, и дурацкими утесами, которые торчат здесь со всех сторон, как будто их разбросали нарочно, чтобы нигде не могло ступить копыто!

— Когда приходится воевать при дневном свете и с людьми из плоти и крови, я дерусь не хуже другого; но не могу сказать, чтобы мне доставляло удовольствие сражаться с теми, кого не берет ни пуля, ни кинжал.

— Что за глупые бредни! Неужто ты веришь этой чепухе, преподобный Холлистер?

— Мне не понравилась темная фигура, которая с самого рассвета шаталась по лесной опушке, а ночью два раза прошла по лужайке при свете костра, и не иначе, как с дурными намерениями.

— Ты говоришь вон о том темном пятне, которое чернеет под кленом возле утеса? Оно и вправду шевелится.

— Но оно не похоже на земное существо,— сказал сержант, с ужасом глядя вперед,— оно скользит по земле, но никто из охраны не видел у него ног.

— Будь у него хоть крылья, я его словлю. Стойте на месте и ждите меня.— Не успел капитан произнести эти слова, как Роноки уже мчался по долине, словно стараясь выполнить обещание хозяина.

— Вот проклятые утесы! — вскричал драгун, заметив, что

беглец, которого он преследует, приближается к скалистому кряжу; однако то ли по неопытности, то ли со страху, но странное существо миновало это удобное убежище и бросилось на открытую равнину.

— Человек или дьявол — теперь ты мой! — закричал Лоутон, выхватив саблю из ножон.— Стой и проси пощады!

Беглец, по-видимому, решил подчиниться приказу: услышав этот грозный окрик, он кинулся на землю и остался лежать без движения, похожий на бесформенный черный тюк.

— Что это такое? — воскликнул Лоутон, подъезжая к нему.— Уж не парадное ли платье добрейшей мисс Пейтон? Оно, видно, бродит вокруг места своего рождения и тщетно разыскивает свою огорченную госпожу!

Тут он привстал на стременах, наклонился вперед и, приподняв кончиком сабли край шелковой одежды, обнаружил под ней почтенного служителя божия, сбежавшего накануне из горящего дома в своем священном облачении.

— Не мудрено, что Холлистер испугался: кавалеристы всегда боялись армейских капелланов.

Теперь священник немного пришел в себя и разглядел, что перед ним знакомое лицо. Слегка смущенный проявленной им трусостью и недостойной его сана позой, в какой его застали, он поспешил подняться на ноги и дать кое-какие объяснения. Лоутон слушал капеллана с добродушной улыбкой, хотя и не вполне доверял его словам; затем, сообщив ему о положении в долине, капитан из учтивости сошел с седла, и они вместе направились к отряду.

— Я так мало знаком с формой мятежников, сэр, что был не в состоянии разобрать, принадлежат ли эти люди, которых вы называете драгунами, к шайке грабителей или нет.

— Вам незачем оправдываться, сэр,— заметил, улыбаясь, капитан — вы, как служитель божий, не обязаны разбираться в военных мундирах. Знамя, под которым вы служите, у нас все признают.

— Я служу под знаменем его королевского величества Георга Третьего,— ответил капеллан, отирая со лба капли холодного пота.— Но, право, мысль о том, что тебя могут оскальпировать, способна напугать такого новичка, как я.

— Оскальпировать! — повторил Лоутон, невольно останавливаясь от удивления, но тут же, овладев собой, спокойно добавил: — Если вы имеете в виду эскадрон виргинских драгун Данвуди, то я должен вам сообщить, что обычно вместе с кожей они сносят и кусок черепа.

— О, я не имел в виду таких джентльменов, как вы, вас я

не боюсь,— заметил капеллан с заискивающей улыбкой,— я боюсь только туземцев.

— Туземцев! Я имею честь быть одним из них, уверяю вас, сэр.

— Прошу вас, поймите меня правильно — я имел в виду индейцев; тех, которые только и делают, что грабят, убивают и разрушают.

— И скальпируют?

— Да, сэр, и скальпируют,— ответил капеллан, с некоторым подозрением посматривая на капитана.— Я говорю о диких краснокожих индейцах.

— И вы думаете встретить этих дикарей с украшениями в носу на нейтральной территории?

— Конечно. Мы считаем в Европе, что внутренняя Америка кишит такими племенами.

— И вы полагаете, что находитесь в самой глубине Америки? — воскликнул Лоутон, останавливаясь, и взглянул в лицо священнику с таким неподдельным изумлением, что его нельзя было заподозрить в притворстве.

— Разумеется, сэр, я считаю, что мы в глубине Америки.

— Постойте,— сказал Лоутон, указывая на восток.— Вы видите вдали такую широкую поверхность моря, что ее нельзя измерить взглядом? За ней лежит Англия, которую вы считаете достойной владеть половиной земного шара. Вы видите отсюда вашу родину?

— Невозможно разглядеть что-либо на расстоянии в три тысячи миль! — воскликнул удивленный капеллан, подозревая, что у его собеседника слегка помутился рассудок.

— Да, очень жаль, что силы человека значительно уступают его честолюбию. Теперь взгляните на запад. Посмотрите на другую водную гладь, которая отделяет берега Америки от Китая.

— Я вижу одну землю,— ответил священник дрожа,— здесь не видно никакой воды.

— Да, невозможно разглядеть что-либо на расстоянии в три тысячи миль! — повторил Лоутон и зашагал вперед.— И если вы боитесь дикарей, то ищите их среди солдат вашего короля. Их верность поддерживают лишь ром да золото.

— Быть может, я ошибался,— сказал капеллан, поглядывая украдкой на громадную фигуру и усатое лицо своего спутника,— но, наслушавшись разных слухов дома и не ожидая встретить здесь таких врагов, как вы, я бросился бежать при вашем появлении.

— Это было неразумно с вашей стороны,— сказал капитан,— ведь Роноки быстро догнал бы вас, да к тому же, сбежав от Сцил-

лы, вы попали бы к Харибде; в здешних лесах и среди скал прячутся те самые враги, которых вы боитесь.

— Дикари? — воскликнул капеллан, невольно ускоряя шаг и обгоняя капитана.

— Хуже, чем дикари: люди, которые под видом патриотов рыщут по округе, грабят все, что ни попадется под руку, и убивают жителей с такой жестокостью, перед которой бледнеют зверства индейцев; эти разбойники вечно твердят о свободе и братстве, но в сердце у них только жадность и злоба. Молодцы эти называются скиннерами.

— Я слышал, как о них говорили в нашей армии,— заметил испуганный священник,— но считал, что это и есть туземцы.

— Вы были несправедливы к индейцам.

Они приблизились к поляне, где их ждал Холлистер, который с удивлением уставился на пленника, пойманного капитаном. Лоутон отдал распоряжение, и его люди тотчас принялись собирать всю уцелевшую мебель, чтобы увезти ее отсюда, а капитан со своим почтенным спутником, которому дали свежую лошадь, направился к месту расположения драгунского отряда.

По желанию Синглтона тело его сестры должны были перевезти в форт, которым командовал их отец, и все занялись приготовлениями к дороге. Раненые англичане были отданы на попечение капеллану, и в середине дня, когда все было готово к отъезду, Лоутон подумал, что пройдет всего несколько часов, и он останется в деревне один со своим отрядом.

Капитан стоял у дверей и в мрачном молчании глядел в ту сторону, где он вчера преследовал беглеца; вдруг он услышал конский топот и в то же мгновение увидел драгуна из своего эскадрона, который мчался по дороге, как видно, с чрезвычайно важным поручением. Когда драгун подскакал, от его лошади шел пар, а сам он казался утомленным, как после целого дня тяжелой работы. Не говоря ни слова, он подал Лоутону письмо и повел свою лошадь в конюшню. Капитан узнал руку майора Данвуди и тотчас прочитал следующее:

«С радостью сообщаю Вам, что по приказу Вашингтона следует перевезти семью Уортона из «Белых акаций» в нагорье. Родным разрешено увидеться с капитаном Уортоном, и сразу после того, как будут выслушаны их показания, состоится суд. Прошу Вас сообщить им об этом приказе и не сомневаюсь, что Вы сделаете это с должной деликатностью. Английский отряд движется вверх по Гудзону; как только Уортоны будут в безопасности, выступайте и возвращайтесь в свою часть. Когда мы снова соединимся, нам предстоит немало работы: как стало известно, сэр Генри поручил

командование английским отрядом храброму офицеру. Все рапорты направляйте коменданту Пикскилла, так как полковник Синглтон вызван в главный штаб и назначен председателем суда, который будет разбирать дело бедного Уортона. Получен новый приказ повесить разносчика, если удастся его захватить, но он подписан не главнокомандующим. Выделите несколько человек для охраны дам и выступайте как можно скорей.

Искренне ваш *Пейтон Данвуди*».

Это письмо сразу изменило все планы. Если отец Изабеллы покинул свой пост, уже не было нужды везти туда тело его дочери, и Синглтон скрепя сердце согласился, не откладывая, предать земле останки сестры. Был выбран красивый, уединенный уголок у подножия скал и сделаны все приготовления, какие позволили время и место. Собралось несколько окрестных жителей, кто из любопытства, кто из сочувствия, а мисс Пейтон и Френсис горько поплакали над могилой. Заупокойную службу читал тот самый священник, который только накануне совершал совсем другой торжественный обряд. Лоутон склонил голову и прикрыл рукой глаза, когда вслед за словами молитвы раздался стук первого кома земли о крышку гроба.

Вести, сообщенные в письме Данвуди, вдохнули новые силы в семейство Уортон, а старый Цезарь опять захлопотал возле лошадей. Вещи, сохранившиеся после пожара, были доверены честному соседу, и наконец вся семья с бесчувственной Сарой и вместе с ранеными американскими солдатами двинулась в путь под охраной четырех драгун. За ними выехал и капеллан с ранеными английскими солдатами — он спешил доставить их к берегу моря и передать на дожидавшийся там военный корабль. Лоутон с удовольствием наблюдал за этим разъездом. Как только последний солдат скрылся из виду, он приказал трубить поход. Все разом пришло в движение. Кобылка миссис Фленеган была тут же запряжена в телегу, долговязая фигура Ситгривса снова закачалась в седле, а драгуны вскочили на лошадей, радуясь своему освобождению. Лоутон отдал приказ выступать; бросив гневный взгляд на место, где скрылся скиннер, и с грустью поглядев на могилу Изабеллы, он выехал на дорогу во главе отряда; за ним в мрачном раздумье следовал доктор, а сержант Холлистер и Бетти Фленеган прикрывали тыл. Свежий южный ветер теперь свободно гулял по опустевшему «Отелю Фленеган», со свистом врываясь в разбитые окна и открытые двери дома, где еще так недавно звучали то соленые шутки и раскаты смеха храбрых вояк, то печальные сетования женщин.

ГЛАВА XXV

Зефир весны не достигает гор,
Зима заводит с маем долгий спор,
Пустынны скалы без ковра цветов,
И только слышен штэрма злобный рев.

Голдсмит

В ту пору дороги в Вест-Честере были еще хуже, чем в других графствах страны. Об их плачевном состоянии мы уже упоминали на страницах нашего рассказа, поэтому читатель легко представит себе, какая трудная задача выпала на долю Цезаря, когда он взялся править тяжелой каретой английского прелата по извилистой горной дороге, поднимавшейся на один из наименее известных перевалов Гудзонской возвышенности.

В то время как Цезарь и его лошади выбивались из сил, ехавшие в карете были так поглощены собственными заботами, что не думали о том, как тяжело приходится их слугам. Теперь воображение Сары не создавало больше странных видений, но, приходя понемногу в себя, она становилась все более замкнутой, а прежняя живость и возбуждение мало-помалу сменялись мрачной печалью. Бывали минуты, когда ее встревоженным спутникам казалось, будто к ней начинает возвращаться рассудок. Но эти мимолетные проблески сознания вызывали на ее лице выражение такого глубокого горя, что родные принуждены были с болью в сердце желать, чтобы болезнь и дальше избавляла ее от мучительных мыслей. День прошел почти в полном молчании, а на ночь путники разместились в нескольких деревенских домиках.

Утром общество разделилось. Раненых американцев повезли к реке, чтобы отправить на судах из Пикскилла к верховьям Гудзона, в американские лазареты.

Сингльтона на носилках отправили в ту часть нагорья, где расположился штаб его отца и где капитан мог завершить свое лечение; карета мистера Уортона и следовавший за ней фургон с экономкой и кое-какими уцелевшими вещами поехали туда, где томился в неволе Генри Уортон, ожидавший приезда родных, чтобы предстать перед судом, на котором должна была решиться его судьба.

Между проливом Лонг-Айленд и Гудзоном, на сорок миль вверх по течению, тянется полоса земли, покрытая высокими холмами и изрезанная долинами. Дальше местность постепенно понижается, становится ровнее, мягче и переходит в прелестные равнины и луга Коннектикута. Но, если вы приближаетесь к Гудзону, пейзаж становится все более диким и замыкается суровой горной грядой. Здесь кончалась нейтральная территория. Королевские

войска занимали две высоты, господствующие над южной частью текущей среди гор реки, а все остальные горные проходы были в руках американцев.

Мы уже говорили, что континентальная армия часто выдвигала заставы далеко на юг, преграждая долины, и ее передовые отряды не раз занимали деревушку Уайт-Плейн. Но случалось также, что американцы перебрасывали свои передовые посты к северным границам этой области, и тогда, как мы видели, покинутая территория попадала в руки грабителей, которые бродили между двумя армиями, не служа ни в одной из них.

Путешественники выбрали не большую дорогу, соединявшую два главных города этого штата, а уединенную и мало кому известную тропу, которая поднималась в горы возле восточной границы, пересекала их и снова спускалась в долину в нескольких милях от Гудзона.

Уставшие лошади мистера Уортона были не в силах втащить тяжелую колымагу на длинный и крутой подъем; поэтому двое драгун, по-прежнему сопровождавших путешественников, раздобыли еще пару крестьянских лошадей, не посчитавшись с желаниями их владельцев. С помощью этого подкрепления карета с Цезарем на козлах снова двинулась в путь, медленно и с большим трудом взбираясь на гору. Чтобы немного развеять грусть на свежем воздухе, а также чтобы лошадям было полегче, Френсис выскочила из кареты у подножия горы. Она увидела, что Кэти последовала ее примеру и тоже собирается взойти по крутой дороге пешком. Солнце еще не зашло, и драгуны сказали, что с вершины можно разглядеть вдалеке цель их путешествия. Френсис пошла вперед легким шагом, свойственным молодости, а Кэти двигалась позади, немного поотстав от нее, и вскоре они потеряли из виду громоздкую карету, которая медленно ползла в гору, то и дело останавливаясь, чтобы дать передохнуть лошадям.

— Ах, мисс Фанни, в какое ужасное время мы живем! — заметила Кэти, когда они обе остановились перевести дух.— Впрочем, я сразу поняла, что нас ждут большие несчастья, как только увидела кровавые полосы в облаках.

— Кровь льется на земле, Кэти, но вряд ли можно найти кровь в облаках.

— Вы думаете, в облаках не бывает крови? Еще как бывает! — воскликнула Кэти.— Бывают и кометы с огненными хвостами. Разве люди не видели на небе вооруженных воинов в тот год, когда началась война? А в ночь накануне битвы на равнине гром гремел совсем как пушечная пальба. Ах, мисс Фанни, боюсь я,

что ничего хорошего не выйдет из восстания против помазанника божия!

— Конечно, сейчас происходят ужасные события,— ответила Френсис. — Они могут смутить самые смелые сердца. Но что же делать, Кэти? Храбрые и свободолюбивые люди не могут подчиняться насилию, и я боюсь, что такие события неизбежны, когда идет война.

— Если б я видела хоть что-нибудь, за что стоило бы сражаться,— продолжала Кэти, стараясь поспеть за своей молодой госпожой,— я бы не так огорчалась. Но сначала говорили, будто король хочет забрать весь чай для своей семьи, потом — будто он потребовал, чтобы колонии отдавали ему все свои доходы. А это уж достаточный повод для войны, и я считаю, что никто — будь то король или сам бог — не имеет права забирать все доходы у другого. Теперь же говорят, будто все это враки, а дело в том, что Вашингтон хочет сам стать королем. Просто не знаешь, кого слушать и чему верить.

— Не верьте никому — все это пустая болтовня. Я вовсе не говорю, что сама понимаю все причины войны, Кэти, но мне кажется неестественным, чтобы такой страной, как наша, управляла другая страна, да еще такая далекая, как Англия.

— То же самое говорил, бывало, Гарви своему покойному отцу,— заметила Кэти и, подойдя поближе к девушке, прибавила, понизив голос: — Сколько раз я слышала, как они разговаривали по ночам, когда все соседи спали. Уж они такое говорили, что вы бы своим ушам не поверили! Да, по правде сказать, Гарви был большой чудак, совсем как тот ветер, о котором говорится в священной книге, что никто не мог сказать, откуда он налетел и куда умчится.

Френсис внимательно посмотрела на свою собеседницу, как видно, желая узнать еще что-нибудь о разносчике.

— О жизни Гарви ходят темные слухи,— сказала она,— и я была бы очень огорчена, если бы они подтвердились.

— Все это клевета, тут нет ни слова правды! — закричала Кэти сердито.— Гарви так же связан с сатаной, как вы или я. И я уверена, что если б он продался дьяволу, то уж постарался бы сорвать с него побольше денег; хотя, коли говорить правду, он всегда был слишком прост и нерасчетлив.

— Нет, нет,— возразила Френсис, улыбаясь,— у меня нет таких оскорбительных подозрений на его счет; но не продал ли он себя земному господину, и притом столь привязанному к своему острову, что не может быть справедливым к нашей стране?

— Его королевскому величеству? — спросила Кэти.— Но,

мисс Фанни, ведь ваш собственный брат, тот, что сидит в тюрьме, тоже служит королю Георгу.

— Это верно,— согласилась Френсис,— но служит ему не тайно, а открыто, честно и смело.

— Говорят, что и он шпион, а чем один шпион лучше другого?

— Это неправда. Никогда мой брат не пойдет на обман. Он не способен совершить бесчестный поступок: с низкой целью получить деньги или высокий чин.

— Что ж тут такого? — сказала Кэти, немного смущенная горячностью Френсис.— Я считаю, что коли ты работаешь, то должен получать за это плату. Во всяком случае, Гарви не из тех, кто отказывается от заработанных денег. И, должна вам сказать, мне думается, что король Георг и посейчас у него в долгу.

— Значит, вы говорите, что он связан с британской армией?— спросила Френсис.— Должна признаться, бывали минуты, когда я этому не верила.

— Боже мой, мисс Фанни, Гарви странный человек — никому не понять, что́ у него на уме. Хотя я прожила у него в доме много лет, я никогда не могла разобрать, принадлежит ли он к «верхним» или к «нижним». В ту пору, когда взяли в плен Бергойна, Гарви вернулся домой и вел долгие разговоры со старым хозяином, но хоть убейте меня, я не могла бы сказать, радуются они или огорчаются. А в тот день, когда знаменитый британский генерал — право, я так расстроилась от всех этих бед и несчастий, что его имя вылетело у меня из головы...

— Андре,— подсказала Френсис.

— Да, да, Эндрю... Когда его повесили на площади, старый хозяин чуть с ума не спятил — он не смыкал глаз ни днем, ни ночью, пока Гарви не возвратился домой. В тот раз он привез немало золотых гиней. Да только скиннеры все отобрали, и теперь он стал нищим или, вернее, жалким бедняком, что, впрочем, одно и то же.

Френсис ничего не ответила на эти слова. Она продолжала подниматься на гору, углубившись в свои мысли. История Андре напомнила ей о положении ее собственного брата.

Вскоре они одолели трудный подъем; дойдя до вершины, Френсис присела на камень, чтобы полюбоваться видом и отдохнуть. Внизу, у ее ног, открывалась глубокая лощина с редкими возделанными участками, погруженная в сумрак ноябрьского вечера. Напротив высилась гора, и на ее суровых склонах громоздились лишь дикие скалы да низкорослые дубы, которые свидетельствовали о том, какая скудная почва их взрастила.

Чтобы судить о красоте этого края, его следует увидеть сразу после осеннего листопада. Тогда он особенно хорош, ибо ни

скудная листва, покрывающая летом деревья, ни зимние сугробы не прячут от глаз резких очертаний гор. Эти уединенные места дики и мрачны; их своеобразная красота не меняется вплоть до марта, когда свежая зелень смягчает, но не украшает пейзаж.

День стоял серый, холодный, легкие облака все время заволакивали горизонт. Казалось, они вот-вот рассеются, но тут же набегали снова, и Френсис напрасно старалась поймать последние лучи заходящего солнца. Но вот одному лучу все же удалось пробиться сквозь тучи: он ярко осветил подножие горы, на которую смотрела Френсис, легко скользнул вверх по склону, пока не достиг ее вершины, и на минуту замер, окружив темную громаду золотым сиянием. Свет был так ярок, что все незаметные прежде подробности рельефа сразу выступили ясно и отчетливо. С некоторым трепетом Френсис неожиданно проникла в тайны этого уединенного места и пристально рассматривала открывшуюся перед ней картину, как вдруг среди редких деревьев и беспорядочно нагроможденных скал увидела нечто вроде грубой постройки. То была низенькая, сколоченная из темных бревен хижина, и девушка ее бы не заметила, если б не более светлая крыша и не блеснувшее случайно на солнце окно. Френсис была поражена, обнаружив человеческое жилище в таком диком месте, но изумление ее еще возросло, когда неподалеку от него она разглядела какую-то фигуру. Это, несомненно, был человек, но со странным, уродливым туловищем. Он стоял на краю утеса чуть повыше хижины, и девушка решила, что он, должно быть, следит за экипажами, поднимающимися в гору. Однако расстояние было так велико, что Френсис не могла хорошенько его разглядеть. С минуту девушка, затаив дыхание, всматривалась в темный силуэт и уж подумала, что ей почудилось и перед ней просто выступ на утесе, как вдруг этот выступ зашевелился и быстро скрылся в хижине, рассеяв все ее сомнения. То ли Френсис была под впечатлением разговора, который только что вела с Кэти, то ли она и вправду заметила какое-то сходство, но мелькнувшее странное существо сразу напомнило ей разносчика Бёрча, согнувшегося под своим тюком. Она продолжала рассматривать таинственное жилище, но луч света потух, и в тот же миг послышались звуки трубы, отдаваясь эхом в ущельях и долинах. Испуганная девушка вскочила, услышав вблизи конский топот: из-за скалы показался отряд драгун в хорошо знакомых ей мундирах Виргинского полка и остановился невдалеке от нее. Снова раздались веселые звуки горна, и не успела Френсис прийти в себя от изумления, как Данвуди, опередив отряд, соскочил с коня и подошел к ней.

Он смотрел на нее серьезно и участливо, но в его обращении чувствовалась некоторая натянутость. В нескольких словах он объяснил девушке, что за отсутствием капитана Лоутона получил приказ явиться сюда с отрядом драгун и дождаться суда над Генри, который назначен на завтра. Данвуди беспокоился, благополучно ли Уортоны миновали горные перевалы, и выехал им навстречу. Френсис дрожащим голосом объяснила ему, почему она опередила остальных, и сказала, что ее отец будет здесь через несколько минут. Стесненность в обращении майора невольно передалась и ей, так что появление кареты принесло обоим облегчение. Данвуди помог Френсис сесть в экипаж, сказал несколько ободряющих слов мистеру Уортону и мисс Пейтон и, снова вскочив в седло, направился к Фишкилской долине, которая открылась взорам путников словно по волшебству, как только они обогнули высокую скалу. Не прошло и получаса, как они подъехали к воротам фермы, где Данвуди позаботился подготовить помещение для семейства Уортон и где Генри тревожно ожидал их приезда.

ГЛАВА XXVI

От страха не бледнели эти щеки,
И руки огрубели от оружья,
Но твой рассказ, правдивый и печальный,
Меня гнетет и мужества лишает.
Я весь дрожу от странного озноба,
И слезы по моим глубоким шрамам
Бегут из глаз солеными ручьями.

Дуо

Родные Генри Уортона были так твердо уверены в его невиновности, что не могли понять, какая опасность ему угрожает. Однако чем больше приближался день суда, тем Генри становился тревожнее; просидев накануне со своей опечаленной семьей до глубокой ночи, он встал наутро после неспокойного и короткого сна, ясно сознавая всю серьезность своего положения и понимая, как мало у него возможностей сохранить жизнь. Высокий чин Андре, значительность задуманных им планов, а также видное положение связанных с ним лиц привлекли к его казни гораздо больше внимания, чем к другим подобным событиям. А между тем шпионов ловили очень часто, и военные власти, не откладывая, подвергали их суровому наказанию. Эти факты были хорошо известны и Данвуди и заключенному, вот почему приготовления к суду вызывали у обоих сильную тревогу. Однако они ничем не выдавали своего беспокойства, так что ни мисс Пейтон, ни Френсис не догадывались, как основательны были их опасения. Усилен-

ная охрана была расставлена вокруг фермы, где содержался узник, на ведущих к ней дорогах стояли караулы, а от дверей его комнаты не отходил часовой. Уже был назначен состав суда для разбора дела Генри и решения его судьбы.

Наконец наступила минута, когда все участники предстоящего расследования были в сборе. Френсис, вошедшая в зал суда вместе со своими родными, оглядела присутствующих, и у нее перехватило дыхание. Трое судей, в парадных мундирах, сидели поодаль за столом с важным видом, соответствующим данному случаю и их высокому званию. В центре сидел человек преклонного возраста, весь облик которого носил отпечаток долгих лет военной службы. То был председатель суда, и Френсис, окинув быстрым недоверчивым взглядом его помощников, повернулась к нему, думая, что только человек с таким доброжелательным выражением лица может стать спасителем ее брата. В чертах старого ветерана проглядывало что-то мягкое и снисходительное, резко отличавшееся от суровой холодности его сотоварищей, и это привлекло к нему Френсис. На нем был парадный мундир, как того требовал в подобных обстоятельствах военный устав; но, хотя он держался строго по-военному, его пальцы бессознательным движением непрерывно теребили кусок крепа, обвивавший эфес сабли, на которую он слегка опирался, и во всей его фигуре было что-то старозаветное. В нем чувствовалась внутренняя тревога, хотя его мужественное лицо оставалось торжественным и не выдавало сострадания, которое вызывал в нем этот процесс. Помощниками его были офицеры из восточных полков, которые охраняли крепость Вест-Пойнт и примыкающие к ней горные проходы. Это были люди среднего возраста, и мы тщетно стали бы искать в их лицах следы страстей или волнений: казалось, человеческие слабости им чужды. Они держались с суровой, холодной сдержанностью. Если черты их не выражали ни свирепости, ни пугающей жестокости, то не было в них и участия, способного вызвать доверие. То были люди, издавна привыкшие слушаться лишь строгих приказаний рассудка, и все их чувства, казалось, полностью подчинялись ему.

Перед этими вершителями его судьбы и предстал Генри Уортон, которого ввели в зал под конвоем. Едва он вошел, наступила глубокая, зловещая тишина, и у Френсис застыла в жилах кровь при виде мрачной торжественности этого собрания. Обстановка суда не отличалась пышностью и не подействовала на ее воображение, но суровая бесстрастность этой сцены показала ей, как серьезно дело ее брата, и она поняла, что на карту поставлена его жизнь. Двое членов суда с холодным вниманием разглядывали человека, которого они собирались допрашивать, но председа-

тель по-прежнему рассеянно осматривался вокруг, и мускулы его лица конвульсивно подергивались, свидетельствуя о волнении, несвойственном человеку его возраста и положения. Это был полковник Синглтон, который только накануне узнал о трагической участи Изабеллы, но, несмотря на свое горе, твердо выполнял долг, порученный ему родиной. Воцарившаяся в комнате тишина и множество глаз, устремленных на него с выражением ожидания, наконец заставили его опомниться, и, сделав усилие, он овладел собой.

— Подведите подсудимого,— сказал он тоном человека, привыкшего отдавать приказания, и сделал знак рукой. Часовые опустили штыки, и Генри Уортон твердым шагом вышел на середину зала. Все смотрели на него — одни с волнением, другие с любопытством. Френсис почувствовала за спиной тяжелое, прерывистое дыхание Данвуди и на мгновение с благодарностью обернулась к нему, но ее внимание тотчас снова сосредоточилось на брате, и в сердце остался лишь страх за него.

В глубине комнаты разместились члены семьи владельца фермы, а позади них выглядывали черные как уголь лица негров с блестевшими от любопытства глазами. Среди невольников виднелось и потускневшее, печальное лицо Цезаря.

— Говорят, что вы Генри Уортон,— начал председатель,— капитан шестидесятого пехотного полка его британского величества.

— Да, сэр, это так.

— Мне нравится ваша правдивость, сэр; она свидетельствует о благородных чувствах истинного солдата и должна произвести благоприятное впечатление на суд.

— Следует предупредить подсудимого,— сказал один из судей,— что он обязан говорить лишь то, что считает нужным, и хотя у нас тут военный суд, мы признаем законы всех свободных государств.

Молчавший член суда одобрительно кивнул головой на это замечание, и председатель продолжал, внимательно сверяясь с протоколом предварительного следствия, который он держал в руках.

— Против вас выдвинуто обвинение, что двадцать девятого октября вы, офицер вражеской армии, прошли через пикеты американских войск возле Уайт-Плейна, переодевшись в чужое платье, а потому вас подозревают в действиях, враждебных Америке, и хотят подвергнуть наказанию, как шпиона.

Мягкий, но решительный тон председателя, медленно и четко излагавшего сущность обвинения, звучал очень внушительно. Обвинение было выражено так ясно, доказательства так просты,

улики столь очевидны, а наказание столь заслуженно, что, казалось, невозможно его избежать.

Однако Генри ответил просто и серьезно:

— То, что я прошел через ваши пикеты в чужом платье, верно, но...

— Стойте! — прервал его председатель.— Законы войны и так достаточно строги, вам незачем ничего добавлять и тем усугублять свою вину.

— Подсудимый может взять обратно свои слова, если захочет,— заметил первый судья.— Его признание лишь подтверждает обвинение.

— Я не отрекаюсь от правдивых показаний,— гордо сказал Генри.

Два члена суда выслушали его молча и бесстрастно, на их суровых лицах не мелькнуло и тени торжества. Теперь председатель как будто стал проявлять больше интереса к происходящему.

— Ваши чувства благородны, сэр,— заметил он,— и я жалею, что молодой солдат в своем рвении мог зайти так далеко, что стал обманщиком.

— Обманщиком! — воскликнул Уортон.— Я считал, что действую благоразумно, стараясь не попасть в плен к моим врагам.

— Солдат должен встречаться с врагом только открыто, с оружием в руках, капитан Уортон. Я служил двум королям Англии, а теперь служу моей родине, но никогда не приближался к неприятелю иначе, как при свете дня и с честной уверенностью, что он меня видит.

— Вы можете объяснить, что побудило вас зайти на территорию, занятую нашими войсками, переодевшись в чужое платье?— спросил первый судья, слегка скривив рот.

— Я сын престарелого джентльмена, который сидит здесь перед вами,— ответил Генри.— Чтобы повидаться с отцом, я не побоялся подвергнуть себя опасности. Кроме того, ваши войска редко спускаются в низины, и само название «нейтральная территория» дает право обоим противникам свободно проходить по этой земле.

— Однако это название не утверждено законом — оно появилось лишь в военной обстановке. Но, куда бы ни двигалась армия, она везде утверждает свои правила, а первое из них — умелая защита от врага.

— Я не казуист, сэр,— ответил молодой человек,— я только знал, что мой отец имеет право на мою любовь, и, принимая во внимание его возраст, готов был пойти на еще больший риск, лишь бы доказать ему свою привязанность.

— Весьма похвальное чувство! — воскликнул председатель.— Кажется, джентльмены, дело предстает в другом освещении. Признаюсь, вначале оно казалось мне весьма мрачным; но никто не может осудить сына за желание повидаться с родителями.

— А есть у вас доказательства, что вы ставили себе только эту цель?

— Да, вот они,— ответил Генри, и в душе у него блеснул луч надежды,— вот мои доказательства: мой отец, моя сестра, майор Данвуди — все они это знают.

— В таком случае,— сказал бесстрастный судья,— мы еще можем оправдать вас. Но нужно произвести дальнейшее расследование дела.

— Несомненно,— с охотой подтвердил председатель.— Пусть подойдет мистер Уортон-старший и даст присягу.

Старый отец собрался с духом и, подойдя неверными шагами, выполнил все формальности, требуемые судебной процедурой.

— Вы отец обвиняемого? — спросил Синглтон мягко, немного помолчав из уважения к чувствам свидетеля.

— Он мой единственный сын.

— Что вы знаете о его посещении вашего дома двадцать девятого октября?

— Он пришел, как уже сказал вам, чтобы повидаться со мной и со своими сестрами.

— Он был одет в чужое платье? — спросил первый судья.

— Да. Он не был в мундире своего полка.

— Чтобы повидаться с сестрами,— с волнением повторил председатель. — У вас есть и дочери, сэр?

— Да, у меня две дочери, и обе они здесь.

— На нем был парик? — вмешался первый судья.

— Я как будто заметил у него на голове что-то вроде парика.

— А как давно вы не видались с сыном?— спросил председатель.

— Год и два месяца.

— Он был в широком плаще из грубого сукна?— спросил судья, просматривая материалы обвинения.

— Да, он был в плаще.

— И вы думаете, он пришел только для того, чтобы повидаться с вами?

— Да, со мной и с моими дочерьми.

— Смелый юноша,— шепнул председатель суда своему молчаливому коллеге.— Я не вижу большого зла в этой выходке. Он поступил неосторожно, но благородно.

— Вы уверены, что ваш сын не получал никакого поручения от сэра Генри Клинтона и что поездка к родным не была лишь предлогом, чтобы скрыть его истинную цель?

— Как я могу знать об этом? — ответил испуганный мистер Уортон.— Разве сэр Генри доверил бы мне такое дело?

— Известно ли вам что-нибудь об этом пропуске? — И судья протянул ему бумагу, которая осталась у Данвуди после ареста Уортона.

— Нет, даю слово, мне ничего не известно о нем! — воскликнул старик и отшатнулся от бумаги, словно она была заразной.

— Вы клянетесь?

— Клянусь!

— Есть у вас еще свидетели, капитан Уортон? Этот не может быть вам полезен. Вас задержали при обстоятельствах, которые могут стоить вам жизни, и вам остается только самому доказать свою невиновность. Обдумайте все хорошенько и не теряйте спокойствия.

Было что-то пугающее в бесстрастии этого судьи, и Генри побледнел. Заметив сочувствие полковника Сингглтона, он чуть не позабыл о грозившей ему опасности, но суровый и сосредоточенный вид двух других судей напомнил ему, какая ждет его участь. Он замолк и лишь бросал умоляющие взгляды на своего друга. Данвуди понял его и вызвался выступить как свидетель. Он дал присягу и пожелал рассказать все, что знает. Но его показания не могли изменить существа дела, и Данвуди вскоре почувствовал это. Сам он знал очень немного, да и это немногое скорее шло во вред Генри, чем на пользу. Показания Данвуди были выслушаны в полном молчании, и безмолвный судья в ответ лишь покачал головой, но так выразительно, что всем стало ясно без слов, какое впечатление они произвели.

— Вы тоже считаете, что у обвиняемого не было иной цели, кроме той, в которой он признался?

— Никакой, я готов поручиться собственной жизнью! — горячо воскликнул Данвуди.

— Вы можете присягнуть в этом?

— Как я могу дать присягу? Один бог читает в сердцах людей. Но я знаю этого человека с детства: он был всегда правдив. Он выше лжи.

— Вы говорите, что он бежал и был снова взят в плен с оружием в руках? — спросил председатель.

— Да, и был ранен в бою. Вы видите, он и сейчас еще не вполне владеет рукой. Неужели вы полагаете, сэр, что он бросился бы туда, где рисковал снова попасть к нам в руки, если бы не был уверен в своей невиновности?

— А как вы думаете, майор Данвуди, Андре сбежал бы с поля боя, если бы близ Территауна разгорелось сражение? — спросил бесстрастный судья.— Разве молодость не жаждет славы?

— И вы называете это славой? — воскликнул майор.— Позорную смерть и запятнанное имя!

— Майор Данвуди,— ответил судья с непоколебимой важностью,— вы поступили благородно. Вам пришлось выполнить тяжелый и суровый долг, но вы справились с ним, как честный человек и верный сын своей родины; и мы должны поступить точно так же.

Все собравшиеся в зале суда с величайшим вниманием следили за допросом. Отдаваясь безотчетному чувству, которое мешает нам разбираться в причинах и следствиях, бóльшая часть слушателей считала, что если даже Данвуди не удалось смягчить сердца судей, то это уж никому не удастся. Тут из толпы выдвинулась нескладная фигура Цезаря; его выразительное лицо, на котором была написана глубокая печаль, так резко отличалось от физиономий остальных негров, глазевших на все с пустым любопытством, что обратило на себя внимание молчаливого судьи. Он впервые разжал губы и произнес:

— Пусть негр пройдет вперед.

Теперь было поздно отступать, и Цезарь, не успев собраться с мыслями, оказался перед офицерами американской армии. Допрашивать негра предоставили тому судье, который его вызвал, и он приступил к делу с подобающей строгостью:

— Знаете ли вы подсудимого?

— Еще бы не знать,— ответил Цезарь таким же внушительным тоном, как и судья, задавший вопрос.

— Когда он снял парик, он отдал его вам?

— Цезарю не нужен парик,— проворчал негр,— у него свои хорошие волосы.

— Передавали вы кому-нибудь письма или, может, выполняли какие-нибудь другие поручения, когда капитан Уортон был в доме вашего хозяина?

— Я всегда делал, что велит хозяин.

— Но что он велел вам делать?

— Как когда: то одно, то другое...

— Довольно,— сказал с достоинством полковник Синглтон,— вы получили благородное признание джентльмена,— что́ можете вы услышать нового от этого невольника? Капитан Уортон, вы видите, о вас создается неблагоприятное мнение. Можете вы представить суду других свидетелей?

У Генри оставалось очень мало надежды. Появившаяся было вера в благополучный исход дела понемногу таяла, но тут у него

мелькнула неясная мысль, что милое личико сестры окажет ему поддержку, и он устремил на побледневшую Френсис умоляющий взгляд. Она встала и нерешительно направилась к судьям; однако бледность ее сразу сменилась ярким румянцем, и она подошла к столу легкой, но решительной походкой. Френсис откинула густые локоны со своего гладкого лба, и судьи увидели такое прелестное и невинное лицо, которое могло бы смягчить и более жестокие сердца. Председатель на минуту прикрыл глаза рукой, словно пылкий взгляд и выразительные черты Френсис напомнили ему другой образ. Но он тотчас овладел собой и сказал с жаром, который выдавал его скрытое желание ей помочь:

— Вероятно, брат сообщил вам о своем намерении тайно повидаться со своей семьей?

— Нет, нет! — ответила Френсис, прижимая руку ко лбу, словно стараясь собраться с мыслями.— Он ничего не говорил мне — мы не знали об этом, пока он не пришел к нам. Но разве надо объяснять благородным людям, что любящий сын готов подвергнуться опасности, лишь бы повидаться с отцом, да еще в такое трудное время и зная, в каком положении мы находимся?

— Но было ли это в первый раз? Он никогда раньше не говорил о том, что придет к вам? — спрашивал полковник, наклоняясь к девушке с отеческой мягкостью.

— Говорил, говорил! — воскликнула Френсис, заметив, что он смотрит на нее с участием.— Он пришел к нам уже в четвертый раз.

— Я так и знал,— сказал председатель, с удовлетворением потирая руки.— Это отважный, горячо любящий сын, и ручаюсь, джентльмены,— пылкий воин в бою. В каком костюме приходил он к вам раньше?

— Ему не надо было переодеваться: в ту пору королевские войска стояли в долине и свободно пропускали его.

— Значит, теперь он в первый раз пришел не в мундире своего полка? — спросил полковник упавшим голосом, избегая пристальных взглядов своих помощников.

— Да, в первый раз! — воскликнула девушка.— Если в этом его вина, то он провинился впервые, уверяю вас.

— Но вы, наверное, писали ему и просили навестить вас; уж конечно, молодая леди, вы хотели повидать вашего брата,— настаивал полковник.

— Разумеется, мы хотели его видеть и молили об этом бога— ах, как горячо молили! Но, если б мы держали связь с офицером королевской армии, мы могли бы повредить нашему отцу и потому не смели ему писать.

— Выходил ли он из дому по приезде и встречался ли с кем-нибудь, кроме родных?

— Ни с кем. Он никого не видел, за исключением нашего соседа — разносчика Бёрча.

— Кого? — вскричал полковник, внезапно побледнев, и отшатнулся, словно его укусила змея.

Данвуди громко застонал, стиснул голову руками и, вскрикнув: «Он погиб!» — выбежал из комнаты.

— Только Гарви Бёрча,— повторила Френсис, растерянно глядя на дверь, за которой исчез майор.

— Гарви Бёрча! — словно эхо, проговорили все судьи.

Два бесстрастных члена суда обменялись быстрыми взглядами и испытующе уставились на обвиняемого.

— Для вас, джентльмены, конечно, не новость, что разносчика Гарви Бёрча подозревают в том, что он служит королю,— сказал Генри, снова выступив вперед.— Он был приговорен вашим судом к тому же наказанию, какое, я вижу, грозит и мне. Поэтому я хочу объяснить вам, что с его помощью я только добыл себе платье, в котором прошел через ваши дозоры; но пусть меня ждет смерть, я до последнего вздоха буду твердить, что намерения мои были так же чисты, как слова невинной девушки, стоящей здесь перед вами.

— Капитан Уортон,— проговорил торжественно председатель суда,— противники свободы Америки находят множество хитрых способов подорвать наше могущество. И среди наших врагов нет более опасного, чем этот разносчик из Вест-Честера. Это шпион — ловкий, коварный, проницательный, ему нет равных среди людей его породы. Сэр Генри не мог придумать ничего лучше, чем установить связь между ним и своим офицером для последней попытки спасти Андре. Без сомнения, молодой человек, это знакомство может оказаться роковым для вас.

Благородное негодование, отразившееся на лице старого ветерана, встретило полную поддержку в суровых взорах его товарищей.

— Я погубила его! — вскрикнула Френсис, в ужасе ломая руки.— Вы тоже отвернулись от нас? Тогда он погиб!

— Молчите, невинное дитя, молчите! — сказал полковник в сильном волнении.— Вы никого не погубили, не приводите всех нас в отчаяние.

— Неужели любить своих близких — преступление? — пылко продолжала Френсис.— Неужели Вашингтон — великодушный, справедливый, беспристрастный Вашингтон — судил бы так жестоко? Обождите, пусть Вашингтон сам рассудит это дело.

— Это невозможно,— ответил председатель, прикрывая рукой глаза, как будто стараясь не видеть прелестную девушку.

— Невозможно? Ах, отложите суд хотя бы на неделю! На коленях молю вас, ведь и вы сами тоже будете нуждаться в милосердии в тот час, когда человеческое могущество становится бессильным. Молю вас, дайте ему хоть один день!

— Невозможно,— повторил полковник еле слышным голосом.— Мы выполняем строгие предписания, и так мы уже дали ему слишком долгую отсрочку.

Он отвернулся от стоявшей на коленях девушки, но не мог или не захотел вырвать у нее свою руку, которую она сжимала с отчаянной горячностью.

— Уведите арестованного,— сказал один из судей офицеру, охранявшему Генри.— Полковник Синглтон, мы удалимся из зала?

— Синглтон, Синглтон! — как эхо, повторила Френсис.— Значит, вы сами отец и можете понять, что значит горе отца: вы не станете, не захотите ранить и без того кровоточащее сердце. Выслушайте меня, полковник Синглтон, как господь бог выслушает ваши предсмертные молитвы, и пощадите моего брата!

— Уведите ее,— сказал полковник, пытаясь осторожно высвободить свою руку.

Но никто не двинулся с места. Френсис силилась прочесть выражение его лица, но он отвернулся, а она все не отпускала его.

— Полковник Синглтон! Еще совсем недавно ваш сын был тоже в смертельной опасности. Его приютили под крышей моего отца; в нашем доме он нашел покровительство и заботливый уход. Представьте себе, что этот сын — ваша гордость и утешение, что он единственный покровитель ваших младших детей, и тогда, если сможете, осудите моего брата!

— Какое право имеет Хис делать из меня палача! — с болью вскричал старый воин и вскочил — кровь прилила к его лицу, вены на висках вздулись от волнения.— Но я забылся, идемте, джентльмены, мы должны выполнить этот тяжелый долг.

— Нет, нет, не уходите! — закричала Френсис.— Можете ли вы так спокойно отнять сына у отца, брата у сестры? И этого требует дело, которое я так горячо любила? И это люди, которых я привыкла глубоко уважать? Но вы, кажется, медлите, вы слушаете меня, вы сжалитесь и простите его!

— Выходите, джентльмены,— сказал полковник, указывая на дверь; он выпрямился с величественным видом, тщетно пытаясь смирить свои чувства.

— Постойте, выслушайте меня! — воскликнула Френсис, су-

дорожно схватив его за руку.— Полковник Синглтон, вы же отец — будьте милосердны! Сжальтесь над сыном! Сжальтесь над дочерью! Ведь и у вас была дочь. У меня на груди она испустила свой последний вздох. Вот эти руки в смертный час закрыли ей глаза... Да, да, эти руки, которые сейчас с мольбой сжимают ваши, оказали ей последние услуги. Неужто теперь мне придется оказать их и моему несчастному брату, которого вы хотите осудить!

Старого воина охватило сильное волнение, но он поборол себя, и лишь тяжелый стон вырвался из его груди. Гордясь этой победой над собой, он огляделся кругом, но тут им овладел новый приступ горя, и он склонил свою убеленную семьюдесятью зимами голову на плечо горячей просительницы. Верный меч, старый товарищ во многих кровавых битвах, выпал из его ослабевшей руки, и он воскликнул:

— Да благословит вас за это господь! — и громко зарыдал.

Долго не мог справиться полковник Синглтон с бушевавшими в нем чувствами, но наконец, взяв себя в руки, передал потерявшую сознание Френсис ее тетке и, с непреклонным видом повернувшись к своим товарищам, сказал:

— Теперь, джентльмены, нам надлежит выполнить наш долг офицеров. Своим чувствам мы предадимся потом. Какое решение вы приняли по делу подсудимого?

Один из судей вручил ему приговор, который он написал, пока полковник говорил с Френсис, и заявил, что такого же мнения придерживается и второй член суда.

В бумаге коротко сообщалось, что Генри Уортон был пойман как шпион, когда он переходил линию американских войск, переодевшись в чужое платье. По военным законам за это полагается смерть, и суд приговаривает капитана Уортона к казни через повешение; приговор должен быть приведен в исполнение не позже девяти часов следующего утра.

Применять самую суровую кару, даже к врагу, было не принято без утверждения главнокомандующего, а во время его отсутствия — без санкции заменяющего его офицера. Главный штаб Вашингтона помещался в Нью-Виндзоре, на западном берегу Гудзона, а потому можно было вполне успеть получить от него ответ.

— Срок очень короткий,— сказал полковник, держа в руке перо и медля без видимой причины.— Меньше суток — и за это время такой молодой человек должен успеть приготовиться к смерти!

— Королевские офицеры дали Хэйлу всего один час,— ответил член суда.— Мы же даем положенный срок. Но Вашингтон может продлить его и даже помиловать виновного.

— Тогда я сам поеду к Вашингтону! — воскликнул полковник, возвращая подписанную им бумагу.— Если заслуги такого старого воина, как я, что-нибудь значат и генерал согласится выслушать меня, я спасу этого юношу!

С этими словами он уехал, горя великодушным желанием помочь Генри Уортону.

Решение суда было с должной осторожностью сообщено заключенному. Отдав нужные распоряжения дежурному офицеру и отправив в главный штаб курьера с донесением, два члена суда сели на лошадей и с тем же бесстрастным видом поборников высшей справедливости, с каким они держались на суде, отправились в свои воинские части.

ГЛАВА XXVII

Что? Не было отмены приговора,
И Клавдио умрет?

Шекспир. Мера за меру[1]

После того как Генри был сообщен приговор, он провел несколько часов в кругу семьи. Мистер Уортон в беспомощном отчаянии оплакивал предстоящую безвременную гибель сына, а очнувшаяся после обморока Френсис испытывала такую острую душевную боль, что сама смерть показалась бы ей облегчением. Одна мисс Пейтон еще сохранила крупицу надежды или хотя бы присутствие духа, необходимое, чтобы подумать о том, что следует предпринять при подобных обстоятельствах. Относительная сдержанность доброй тетушки отнюдь не свидетельствовала о недостатке любви к племяннику, но ее поддерживала бессознательная вера в Вашингтона. Она родилась в одной с ним колонии, и хотя его ранний уход в армию, а ее частые отлучки в дом сестры, где она вскоре обосновалась, мешали их встречам, однако она слышала о его семейных добродетелях и знала, что в частной жизни он не проявлял такой непоколебимой суровости, какой отличался на политическом поприще. В Виргинии он слыл твердым, но справедливым и доброжелательным хозяином, и теперь мисс Пейтон с гордым чувством думала о том, что ее земляк командует армиями и держит в руках судьбы Америки. Она знала, что Генри не совершил преступления, за которое его осудили, и с присущей всем невинным сердцам простодушной верой в правду не могла представить себе, как можно с помощью разных хитросплетений и произвольных толкований закона наказать невинного человека. Од-

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

нако даже ее наивным надеждам суждено было вскоре угаснуть при виде спешных приготовлений к исполнению рокового приговора. К полудню отряд ополченцев, расположившихся на берегу реки, снялся с места и подошел к ферме, где находилась наша героиня со своей семьей; солдаты разбили палатки с очевидным намерением дождаться здесь следующего утра, чтобы придать больше торжественности казни британского шпиона.

Данвуди уже выполнил все полученные им приказания и мог вернуться к своему эскадрону, который нетерпеливо дожидался возвращения командира, чтобы выступить навстречу вражескому отряду, медленно продвигавшемуся по берегу реки и прикрывавшему группу фуражиров, действовавших в тылу. Майор приехал на ферму в сопровождении нескольких драгун из отряда Лоутона, полагая, что их показания понадобятся на суде; ими командовал лейтенант Мейсон. Однако признание капитана Уортона сделало излишними всякие новые свидетельства.

Данвуди не хотелось видеть горе родных Генри, он боялся под их влиянием утратить мужество и все это время в сильной тревоге одиноко бродил невдалеке от их жилища. Подобно мисс Пейтон, он не терял надежды на милосердие Вашингтона, но порой им овладевали жестокие сомнения, и его душу терзало отчаяние. Он хорошо знал суровость военных законов и привык видеть в своем генерале лишь строгого военачальника, а не снисходительного человека. Да и недавний ужасный пример со всей ясностью доказал, что Вашингтону чужды подобные слабости: он не пощадит никого в угоду собственному добросердечию. Данвуди нервно шагал между деревьями фруктового сада, то предаваясь самым мрачным сомнениям, то вновь находя проблеск надежды, когда к нему подошел Мейсон в полной походной форме.

— Я подумал, что вы могли позабыть о донесениях, доставленных нам утром с низовьев реки, сэр, и потому взял на себя смелость приказать отряду быть готовым к выступлению,— спокойно сказал лейтенант, сбивая саблей в ножнах головки растущих вокруг полевых цветов.

— О каких донесениях? — вздрогнув, спросил Данвуди.

— Я имел в виду лишь сообщение о том, что в Вест-Честер вступил Джон Булл с целой вереницей фургонов, а уж если ему удастся их нагрузить, то нам останется только искать провиант за горами. Этим обжорам англичанам приходится туговато в Йорк-Айленде, и, когда им удается вырваться оттуда, они заметают все подчистую, так что какая-нибудь наследница-янки не наберет даже соломы, чтобы набить себе тюфяк.

— Где обнаружил их дозорный? Это донесение совсем вылетело у меня из головы.

— На высотах позади Синг-Синга,— ответил лейтенант, не выказывая никакого удивления.— Дорога там похожа на сенной рынок, а все свиньи вокруг жалобно хрюкают, когда зерно везут мимо них к Кингс-Бриджу. Ординарец Джорджа Синглтона, который привез эту новость, уверяет, будто наши лошади держат совет, не следует ли им спуститься в долину, а то потом им вряд ли придется скоро набить себе желудки. Если мы позволим англичанам вывезти их добычу, то сами не найдем ни одной жирной свиной туши, чтобы зажарить к рождеству.

— Оставьте, лейтенант Мейсон, не повторяйте глупостей этого ординарца,— с досадой воскликнул Данвуди,— и пусть он научится ждать приказаний старших.

— Прошу за него прощения, майор Данвуди,— ответил Мейсон,— видно, он заблуждался, как и я. Мы оба думали, что генерал Хис приказал нам нападать на врага и досаждать ему, как только он высунет нос из своей норы.

— Прекратите, лейтенант Мейсон,— сказал майор,— или мне придется напомнить вам, что вы получаете приказы только от меня.

— Я знаю, майор Данвуди, отлично знаю. И мне очень жаль, что память вам изменила и вы забыли, как я всегда беспрекословно выполняю их.

— Простите меня, Мейсон! — воскликнул Данвуди и сжал обе руки лейтенанта.— Да, да, вы храбрый и исполнительный офицер. Простите мою вспыльчивость... Но это злосчастное дело... Есть ли у вас друг?

— Что вы, майор,— прервал его лейтенант,— это вы простите меня и мое искреннее усердие! Я знал, какие были даны приказы, и боялся, как бы мой начальник не навлек на себя неприятности. Но оставайтесь здесь, и пусть только кто-нибудь посмеет сказать хоть слово против нашего полка, как все сабли тотчас сами выскочат из ножен; да и англичане совсем недавно двинулись в дорогу, а от Кротона до Кингс-Бриджа не ближний путь. Что бы там ни было, а я уверен — мы настигнем их прежде, чем они успеют добраться до места.

— Ах, скорей бы возвращался курьер из главного штаба!— воскликнул Данвуди.— Такое ожидание невыносимо!

— Ваше желание исполнилось! — крикнул Мейсон.— Вон скачет курьер, и похоже, что он везет добрые вести. Дай бог, чтоб так оно и было! Что до меня, то мне совсем не хотелось бы увидеть, как храбрый парень ни за что запляшет на веревке.

Данвуди пропустил мимо ушей это прочувствованное заявление, ибо не успел лейтенант произнести и половины фразы, как майор перескочил через ограду и остановился перед гонцом.

— Какие вести? — закричал Данвуди, как только тот осадил коня.

— Хорошие! — ответил курьер, без колебаний доверяясь такому всем известному офицеру, как майор Данвуди, и, протянув ему пакет, добавил: — Но вы можете сами прочитать, сэр.

Данвуди не стал тратить время на чтение: он радостно бросился в комнату заключенного. Часовой его знал и пропустил, ничего не спросив.

— О Пейтон,— вскричала Френсис, когда он вбежал к ним,— вы похожи на посланца небес! Неужели вы несете весть о помиловании?

— Идите сюда, Френсис, подойди, Генри, сюда, милая кузина Дженнет! — воскликнул молодой человек и дрожащими руками сломал печать.— Вот письмо, посланное капитану охраны... Но слушайте...

Все замерли в глубокой тревоге. Но вдруг они увидели, как радость на лице Данвуди сменилась выражением ужаса, и горечь обманутой надежды еще усилила их отчаяние. В пакете лежал судебный приговор, а внизу были написаны простые слова:

Утверждаю. *Дж. Вашингтон.*

— Он погиб! Он погиб! — вскрикнула Френсис, падая на руки тетки.

— Мой сын! Мой сын! — простонал отец.— На земле нет милосердия, пусть же небо сжалится над ним! И да будет Вашингтон навсегда лишен того сострадания, в котором он отказывает моему неповинному сыну!

— Вашингтон! — растерянно повторил за ним Данвуди, с ужасом оглядываясь вокруг.— Да, Вашингтон сам подписал бумагу, это его рука, здесь стоит его имя, он утвердил страшный приговор...

— Жестокий, жестокий Вашингтон! — вскричала мисс Пейтон.— Привычка к крови сделала его другим человеком!

— Не осуждайте его,— возразил Данвуди,— так поступил генерал, а не человек. Клянусь жизнью, ему самому больно, когда он вынужден наносить такие удары.

— Как я в нем ошиблась!—воскликнула Френсис.— Он не спаситель своей родины, а холодный и безжалостный тиран. Ах, Пейтон, Пейтон, как неверно описали вы мне его характер!

— Тише, дорогая Френсис, ради бога, успокойтесь. Не говорите так о нем. Ведь он стоит на страже закона.

— Да, вы правы, майор Данвуди,— сказал Генри, придя в се-

бя после ужасного удара, лишившего его последней надежды и приблизился к отцу.— Даже я, приговоренный к смерти, не осуждаю его. Мне было оказано все снисхождение, на какое я мог надеяться. На пороге могилы я не могу быть несправедливым. В такую минуту, когда дело Вашингтона только что подверглось опасности из-за предательства, меня не удивляет непреклонность его решений. Теперь мне остается лишь приготовиться встретить мою неизбежную казнь, которая свершится так скоро. А к тебе, Данвуди, у меня есть одна просьба.

— Какая? — с трудом проговорил майор.

Генри обернулся и, указывая на горько оплакивающих его родных, продолжал:

— Будь сыном этому старцу, поддержи его в минуту слабости, защити от гонений, которые может вызвать наложенное на меня позорное клеймо. Среди правителей этой страны у него не много друзей — пусть же твое влиятельное имя останется среди них.

— Обещаю.

— Не оставь и эту беспомощную невинную девушку,— продолжал Генри, указывая на Сару, не понимавшую, что происходит вокруг.— Я надеялся воздать по заслугам тому, кто причинил ей зло, —и лицо его вспыхнуло от негодования,— но это дурные мысли, и сейчас мне грешно думать о мести. Под твоим покровительством, Пейтон, она найдет приют и участие.

— Обещаю,— прошептал Данвуди.

— Наша добрая тетя и так имеет на тебя права, и я не буду говорить о ней. Но вот самый драгоценный дар,— и, взяв за руку Френсис, он с глубокой братской любовью посмотрел ей в лицо.— Прижми ее к своей груди и помни, что на твоем попечении сама невинность и добродетель.

В горячем порыве майор быстро протянул руку, чтобы принять бесценное сокровище, но Френсис отшатнулась от него и спрятала лицо на груди у тетки.

— Нет, нет, нет! — прошептала она.— Ни один человек, способствовавший гибели моего брата, не может быть мне близок.

Несколько минут Генри смотрел на нее с нежным сожалением, а затем продолжал разговор, который, как все чувствовали, был особенно важен для него.

— Значит, я ошибался. Я думал, Пейтон, что моя сестра поняла и оценила твои достоинства, твою благородную преданность делу, которое ты защищаешь, твои заботы о нашем отце, когда он попал в плен, твою дружбу ко мне — словом, оценила все великодушие твоего сердца.

— О да, так и было,— прошептала Френсис, все крепче прижимаясь лицом к груди мисс Пейтон.

— Дорогой Генри,— сказал Данвуди,— я думаю, что сейчас нам не стоит этого касаться.

— Ты забываешь,— возразил Генри с грустной улыбкой,— что мне еще надо сделать очень много, а времени осталось совсем мало.

— Я боюсь,— промолвил Данвуди, и лицо его вспыхнуло огнем,— что у мисс Уортон создалось превратное мнение обо мне и потому ей было бы слишком тягостно исполнить твое желание, но это мнение уже невозможно изменить.

— Нет, нет, нет! — вскричала Френсис с живостью.— Нет, Пейтон, вы оправданы. С последним вздохом она развеяла мои сомнения.

— Великодушная Изабелла!..— прошептал Данвуди.— Но будет, Генри, пощади теперь свою сестру, пощади и меня.

— Я говорю из жалости к самому себе,— возразил Генри, ласково освобождая Френсис из объятий тетки.— Как можно в наше время оставлять двух таких прелестных девушек без покровителя? Кров их разрушен, и вскоре скорбь лишит их и последнего защитника,— тут Генри с тревогой взглянул на отца.— Разве могу я умереть спокойно, зная, какие им угрожают опасности?

— Ты забываешь обо мне,— проговорила мисс Пейтон, содрогнувшись при мысли о свадебном обряде в такую минуту.

— Нет, дорогая тетя, я не забыл о вас и никогда не забуду, пока мне не изменит память. Это вы забываете, в какое время и среди каких опасностей мы живем. Добрая хозяйка этого дома уже послала за служителем божиим, который облегчит мне переход в иной мир. Френсис, если ты хочешь, чтобы я умер спокойно, чтобы тревоги улеглись в моей душе и я мог обратить все свои помыслы к богу, ты позволишь этому священнику соединить тебя с Данвуди.

Френсис ничего не ответила, но покачала головой.

— Я знаю, ты не сможешь радоваться и быть счастливой еще долго, быть может, много месяцев. Но получи хоть право носить его имя и дай ему неоспоримое право защищать тебя...

И снова девушка решительно покачала головой.

— Ради этой беззащитной страдалицы,— молвил Генри, указывая на Сару,— ради тебя самой и ради меня, милая сестра...

— Молчи, Генри, или ты разобьешь мне сердце! — воскликнула Френсис в глубоком волнении.— Ни за что на свете не произнесу я брачного обета в такую минуту, иначе я буду несчастна всю жизнь!

— Ты его не любишь,— с упреком сказал Генри.— Ну что ж. Я не стану уговаривать тебя поступить против твоего сердца.

Френсис закрыла лицо одной рукой, а другую протянула Данвуди и сказала горячо:

— Теперь ты несправедлив ко мне, как прежде был несправедлив к себе.

— Тогда обещай мне,— сказал Генри, немного помолчав в раздумье,— что, как только пройдет острота твоего горя, ты на всю жизнь отдашь руку моему другу.

— Обещаю,— ответила Френсис и тихонько отняла у Пейтона руку, которую он тотчас выпустил, даже не осмелившись поднести к губам.

— А теперь, дорогая тетушка,— продолжал Генри,— будьте добры, оставьте меня ненадолго с моим другом. Мне надо дать ему несколько печальных поручений, и я хотел бы избавить вас и сестру от душевной муки, которую вызовут у вас мои слова.

— У нас есть время еще раз побывать у Вашингтона,— сказала мисс Пейтон, направляясь к двери, и добавила с чувством собственного достоинства: — Я сама съезжу к нему; конечно, он не откажется выслушать уроженку его колонии! Ведь наши семьи состоят в дальнем родстве.

— А почему бы нам не обратиться к мистеру Харперу? — спросила Френсис, впервые вспомнив слова, сказанные перед уходом их недавним гостем.

— Харперу? — повторил Данвуди и с быстротой молнии повернулся к ней: — Харперу? Разве вы знаете его?

— Это ни к чему,— сказал Генри, отводя друга в сторону.— Френсис хватается за всякую надежду с горячностью любящей сестры. Выйди, любовь моя, и оставь нас вдвоем.

Но Френсис прочитала в глазах Данвуди такое волнение, что, казалось, приросла к полу. Она постаралась овладеть собой и продолжала:

— Он прожил с нами два дня и был у нас, когда арестовали Генри.

— И вы... вы знаете его?

— Нет,— ответила Френсис, немного оживляясь при виде глубокого интереса Данвуди,— мы его не знаем; он заехал к нам в ненастную ночь и пробыл у нас в доме, пока не кончилась буря. Но он выказал Генри большое участие и обещал ему свою помощь.

— Как! — воскликнул пораженный Пейтон.— Он знает и вашего брата?

— Конечно, именно по его совету Генри скинул парик и чужое платье.

— Но, верно, он не знал,— продолжал Данвуди, побледнев от волнения,— что Генри офицер королевской армии?

— Напротив. Разумеется, знал,— ответила мисс Пейтон,— и даже говорил нам, что Генри поступил крайне неосторожно.

Данвуди поднял роковую бумагу, которая выпала у него из рук и все еще лежала на полу, и принялся внимательно разглядывать ее. Казалось, что-то в этом письме поставило его в тупик, и он задумчиво провел по лбу рукой. Глаза родных были устремлены на него в мучительной тревоге — все боялись снова поддаться возродившейся надежде и вновь испытать жестокое разочарование.

— Что он говорил? Что обещал? — произнес наконец Данвуди в лихорадочном нетерпении.

— Он велел Генри обратиться к нему в случае опасности и обещал отблагодарить сына за гостеприимство отца.

— Он сказал это, зная, что Генри британский офицер?

— Именно это он, несомненно, имел в виду, говоря об опасности.

— В таком случае, ты спасен! — громко крикнул Пейтон, не в силах сдержать восторг.— Да, спасен, теперь я спасу тебя! Никогда Харпер не нарушает своего слова.

— Но обладает ли он достаточной властью? — спросила Френсис.— Может ли он изменить твердое решение Вашингтона?

— Да, может! — воскликнул Данвуди.— Если кто-нибудь может, то это он, только он! Влияние Грина, Хиса и молодого Гамильтона не может сравниться с властью Харпера! Но повторите мне,— и, бросившись к своей невесте, Данвуди крепко сжал ее руки,— повторите, что он сказал. Он дал вам слово?

— Ну да, конечно, Пейтон. Он дал торжественное обещание помочь Генри, зная все его затруднения.

— Тогда успокойтесь,— воскликнул Данвуди и на миг прижал девушку к своей груди.— Успокойтесь — Генри спасен!

И, не вдаваясь в объяснения, он выбежал из комнаты, покинув ошеломленную семью Уортона. Все застыли в молчании, спрашивая себя, что же это значит, и вскоре услышали топот коня, выскочившего на дорогу с быстротой стрелы, выпущенной из лука.

После внезапного отъезда Пейтона его взбудораженные друзья долгое время обсуждали, удастся ли ему добиться успеха. Однако своей уверенностью он вдохнул в них некоторую бодрость. Каждый чувствовал, что для Генри снова затеплилась надежда, и это всех оживило и поддержало их силы. Один Генри не поддавался общему настроению. Положение его было так ужасно,

что он не мог о нем забыть. Он был обречен томиться в неведении несколько часов и знал, что это ожидание несравненно тягостнее, чем даже уверенность в неминуемой смерти. Иное дело Френсис. Влюбленная девушка беззаветно верила Данвуди и не терзала себя сомнениями, которые все равно не могла бы рассеять. Считая, что ее жених способен сделать все, что только в силах выполнить человек, и сохранив живое воспоминание об участии и доброжелательстве Харпера, она всецело отдалась вновь вспыхнувшей надежде.

Мисс Пейтон была более сдержанна и не раз предостерегала племянницу, чтоб та не предавалась неумеренному восторгу, пока еще нет твердой уверенности в том, что ее ожидания действительно сбудутся. Однако при этом на губах мисс Дженнет порой мелькала легкая улыбка, противоречившая ее наставлениям.

— Но почему, милая тетя,— весело возразила Френсис на одно из ее замечаний,— вы хотите, чтобы я подавила в себе радость, которую чувствую при мысли о спасении Генри? Ведь вы сами столько раз говорили, что люди, стоящие во главе нашей страны, не могут осудить невинного человека.

— Конечно, я считала, что этого не может быть, дитя мое, и думаю так по-прежнему; но люди должны уметь сдерживать свою радость так же, как и печаль.

Тут Френсис вспомнила признание Изабеллы и, со слезами благодарности взглянув на свою добрейшую тетушку, ответила:

— Вы правы. Но есть такие чувства, которые не повинуются рассудку... Ах, смотрите, вон собираются чудовища во образе людей, чтобы поглядеть на смерть своего ближнего! Они окружают поле, как будто это зрелище для них все равно что военный парад.

— Для наемного солдата смерть и вправду значит немногим больше,— сказал Генри, пытаясь забыть о нависшей над ним опасности.

— Ты смотришь так внимательно, милочка, как будто придаешь большое значение этому военному параду,— заметила мисс Пейтон, видя, что ее племянница не отрывает от окна пристального и задумчивого взгляда.

Но Френсис ничего не ответила.

Она стояла у окна, откуда был ясно виден горный проход, по которому они пересекли высокую гряду, а прямо перед ней возвышалась гора, на вершине которой она заметила таинственную хижину. Каменистые склоны были бесплодны и суровы. Их преграждали огромные и, казалось, неприступные скалистые

барьеры, кое-где поросшие низкорослыми дубами с облетевшей листвой. Ферма была не больше чем в полумиле от подошвы горы, и сейчас внимание Френсис привлекла фигура человека, который внезапно появился из-за резко очерченной скалы и тут же снова скрылся за ней. Человек несколько раз повторил этот маневр, и, судя по его действиям, можно было заключить, что это беглец, старающийся хорошенько разглядеть передвижения отряда и ознакомиться с положением дел в долине. Несмотря на дальность расстояния, Френсис тотчас решила, что это Бёрч. Быть может, такое впечатление сложилось у нее отчасти под влиянием внешнего облика незнакомца, но главным образом благодаря воспоминанию о фигуре, виденной ею недавно на вершине этой горы. Френсис была уверена, что это тот же самый человек, хотя теперь у него и не было горба, который она тогда приняла за тюк разносчика.

В ее сознании образ Гарви был так тесно связан с таинственным поведением Харпера, что после всех тревог, пережитых со времени приезда на ферму, она решила скрыть от родных свои наблюдения. Поэтому Френсис сидела молча, раздумывая о вторичном появлении разносчика и стараясь уловить, какая может быть связь между этим непонятным человеком и судьбой ее семьи. Несомненно, он немного смягчил тяжелый удар, обрушившийся на Сару, и вообще никогда не вел себя как враг ее близких.

Френсис долго смотрела на склон в тщетной надежде еще раз увидеть скрывшуюся темную фигуру и наконец повернулась к родным. Мисс Пейтон сидела подле Сары, которая как будто начинала кое-что понимать, но оставалась по-прежнему безучастной и к радости и к горю.

— Мне кажется, милочка, ты уж достаточно ознакомилась с военными маневрами,— заметила мисс Пейтон.— Впрочем, это весьма полезно для жены офицера.

— Я еще не жена офицера,— возразила Френсис, покраснев до ушей.— И у нашей семьи, право, мало причин желать второй свадьбы.

— Френсис! — воскликнул ее брат, вскочив с места, и принялся в волнении шагать взад и вперед по комнате.— Прошу тебя не касаться этой раны в моем сердце. Пока еще неизвестно, как решится моя судьба, и я не хотел бы ни к кому испытывать вражды.

— Так пусть же кончится эта неизвестность! — вскричала Френсис, бросаясь к двери.— Вон идет Пейтон с радостной вестью о твоем помиловании!

Не успела она произнести эти слова, как дверь отворилась и вошел майор. Глядя на него, трудно было сказать, добился ли

он чего-нибудь: лицо его выражало лишь недовольство и досаду. Он пожал руку, от всей души протянутую ему Френсис, но тотчас же отошел и устало опустился на стул.

— Ты ничего не добился? — спросил Генри, и сердце у него дрогнуло, но он сохранил внешнее спокойствие.

— Вы видели Харпера? — побледнев, закричала Френсис.

— Нет, не видел. Я переправился через реку с одного берега, а он, как видно,— с другого, и мы разминулись. Я тотчас же вернулся назад и несколько миль следовал за ним по западному горному проходу, но вдруг он исчез непонятно куда. Я приехал к вам, чтобы успокоить вас и еще раз уверить, что сегодня же ночью я непременно увижу его и привезу Генри освобождение.

— Но вы повидали Вашингтона?— спросила мисс Пейтон.

Данвуди несколько мгновений смотрел на нее с рассеянным видом, и она повторила вопрос. Тогда он сдержанно ответил:

— Главнокомандующий покинул свою штаб-квартиру.

— Но, Пейтон,— воскликнула Френсис, вновь охваченная ужасом,— если они не встретятся сегодня, будет уже поздно. Ведь Харпер не сможет один нам помочь.

Молодой человек медленно обернулся к ней, внимательно посмотрел на ее встревоженное лицо и задумчиво сказал:

— Вы говорили, что Харпер обещал помочь Генри?

— Конечно, обещал сам, без нашей просьбы, в благодарность за наше гостеприимство.

Данвуди покачал головой с озабоченным видом:

— Мне не нравится слово «гостеприимство» — оно слишком неопределенно: Харпера могло обязать лишь что-нибудь более значительное. Я боюсь, не было бы тут ошибки. Расскажите мне еще раз обо всем, что у вас произошло.

Френсис в волнении поспешила исполнить его просьбу. Она рассказала, как незнакомец приехал в «Белые акации», как его приняли в их доме, и описала все последовавшие затем события, стараясь не упустить ни малейшей подробности, насколько позволила ей память. Когда она передавала беседу своего отца с нежданным гостем, майор усмехнулся, но промолчал. Затем Френсис рассказала о появлении Генри и обо всем, что случилось на другой день. Она остановилась на том, как настойчиво Харпер убеждал ее брата сбросить чужое платье, и с удивительной точностью вспомнила все, что он говорил о том, как опрометчив совершенный Генри поступок. Она даже повторила странную фразу, сказанную их гостем ее брату: «Теперь вы даже в большей безопасности, когда я узнал, кто вы такой». Со свойственным молодости горячим увле-

чением Френсис рассказала, какое участие принял Харпер в ней самой, и передала подробности его прощания со всеми членами семьи.

Вначале Данвуди слушал ее лишь с серьезным вниманием, но мало-помалу лицо его все больше светлело от удовольствия. Когда Френсис вспомнила о своих беседах с гостем, он улыбнулся с гордостью, а когда она закончила свой рассказ, воскликнул в восторге:

— Он спасен! Он спасен!

Но тут его прервали, а кто — мы узнаем из следующей главы.

ГЛАВА XXVIII

Сова летает по ночам,
А жаворонок — днем,
Отважный сокол — в небесах,
А голубь — под окном.

Дуо

Во всякой стране, населенной, как наши Штаты, людьми, покинувшими родную землю и любимый домашний очаг и пострадавшими за свои религиозные убеждения, свято соблюдаются все обряды и обычаи, сопровождающие смерть человека, если только этому не препятствуют особые обстоятельства. Сердобольная хозяйка фермы строго следовала всем предписаниям пуританской церкви, к которой она принадлежала. Священник, читавший проповеди в ближнем приходе, внушил ей сознание ее греховности, и она верила, что только этот пастырь может своими поучениями подготовить к смерти Генри, которому так мало осталось жить. Она знала, что ожидание смерти всегда очень страшно, и, лишь только Генри был вынесен судебный приговор, велела Цезарю оседлать одну из лучших лошадей на ферме и тотчас скакать за этим пастырем. Фермерша распорядилась, не посоветовавшись ни с Генри, ни с его родными, и объяснила причину отсутствия Цезаря, лишь когда он понадобился для каких-то домашних услуг. Молодой человек сначала и слышать не хотел, чтобы подобный духовный наставник напутствовал его перед смертью; однако, по мере того как рвутся наши связи с жизнью, предрассудки и привычки утрачивают свое влияние, и в конце концов Генри вежливо поклонился доброжелательной хозяйке, благодаря ее за заботы.

Черный слуга вскоре вернулся, и из его довольно сбивчивых объяснений можно было заключить, что служитель божий должен явиться не позже чем в конце дня. Приход хозяйки дома и был

причиной того перерыва, о котором мы упомянули в предыдущей главе. По ходатайству Данвуди, дежурный офицер отдал приказ часовому, стоявшему у двери в комнату Генри, в любое время пропускать к нему членов его семьи, в том числе и Цезаря, который мог ему понадобиться. Однако всякий другой посетитель должен был подвергнуться строгому допросу. Майор включил и себя в число родственников британского офицера и от имени всей семьи дал слово, что никто не будет делать попыток его освободить. Между хозяйкой дома и капралом охраны произошел теперь короткий разговор у двери в комнату заключенного, которую часовой распахнул, предвосхитив решение своего начальника.

— Неужели вы откажете в духовном утешении своему ближнему, осужденному на смерть? — спросила фермерша с горячим чувством.— Неужели вы готовы ввергнуть его душу в адское пламя, тогда как служитель божий может указать ей прямую и ближнюю дорогу на небо?

— Вот что я скажу вам, добрая женщина,— ответил капрал, легонько отстраняя ее.— Право, моя спина совсем не похожа на дорогу, ведущую прямо в рай. И как я буду смотреть в глаза моему начальнику, если не выполню его приказаний? Ступайте-ка вниз да спросите разрешения у лейтенанта Мейсона, а тогда можете вводить к арестанту хоть целый полк попов! Еще и часу не прошло, как мы сменили на посту ополченцев, и я не хочу, чтобы про нас говорили, будто мы несем службу хуже, чем какая-то пехтура.

— Пропустите эту женщину,— сказал Данвуди строго: он только теперь заметил, что на посту стоит солдат из его отряда.

Капрал отдал честь своему офицеру и молча отступил. Солдат взял на караул, и хозяйка вошла к Генри.

— Внизу дожидается преподобный отец,— сказала она,— он приехал облегчить вашу душу, готовую расстаться с телом, и заменит нашего духовника, ибо тот отлучился, чтобы выполнить обряд, который нельзя отложить: он хоронит старого мистера Х.

— Просите его войти,— ответил Генри с лихорадочным нетерпением.— Но пропустит ли его часовой? Я бы не хотел, чтобы друга вашего священника без всякого почтения задержали на пороге как подозрительного человека.

Теперь все смотрели на Данвуди, который, взглянув на часы, вполголоса обменялся несколькими словами с Генри и быстро вышел из комнаты. Френсис последовала за ним. Генри высказал майору свое желание повидаться также с другим священником по собственному выбору, и майор обещал прислать пастыря

из города Фишкила, через который он должен был проехать на пути к парому, где хотел дождаться возвращения Харпера. Вскоре на пороге появился Мейсон. Он охотно согласился выполнить просьбу хозяйки, и преподобного отца пригласили войти.

Вошедший с Цезарем священник, за которым следовала и фермерша, был человек средних лет; вернее, он перевалил за вершину жизни и уже спускался вниз по склону. Он был выше среднего роста; впрочем, может, он только казался высоким из-за чрезмерной худобы; все черты его резкого и строгого лица как будто застыли в суровой неподвижности. Должно быть, радость и милосердие никогда не смягчали его нахмуренного чела, омраченного ненавистью ко всем человеческим порокам. Черные косматые брови нависали над ввалившимися глазами, смотревшими сквозь зеленые стекла громадных очков с такой свирепостью, словно возвещали о приближении Страшного суда. Все в нем дышало фанатизмом и беспощадным стремлением карать. Черные с проседью волосы, разделенные прямым пробором, падали длинными прядями ему на плечи, прикрывая щеки, словно темные шторы. На этой отталкивающей голове красовалась большая треугольная шляпа, надвинутая на самый лоб и затенявшая всю физиономию. Одет он был в черный порыжевший сюртук, такого же цвета штаны и чулки, а на ногах носил тусклые башмаки, наполовину скрытые громадными пряжками. Священник важно вошел в комнату, сухо кивнул всем головой и молча, с достоинством уселся на поданный ему негром стул. Несколько минут никто не прерывал зловещего молчания; Генри, сразу проникшийся к посетителю неприязнью, тщетно старался ее преодолеть, а странный пастырь то и дело испускал тяжелые вздохи и стоны, которые, казалось, грозили разорвать слабую связь между его возвышенной душой и ее безобразной оболочкой. Старый мистер Уортон, глядевший на эти мрачные приготовления с тем же чувством, что и его сын, увел Сару из комнаты. Священник отнесся к его уходу с насмешливым пренебрежением и принялся напевать всем известный псалом тем унылым, гнусавым голосом, каким принято петь псалмы в Восточных штатах.

— Цезарь,— сказала мисс Пейтон,— подай джентльмену что-нибудь подкрепляющее: после такой поездки он в этом, наверное, нуждается.

— Я черпаю силы не из земных источников,— проговорил священнослужитель глухим, замогильным голосом.— Сегодня я уже трижды служил моему господу и не ослабел; однако будет благоразумнее поддержать эту бренную плоть, ибо сказано: «Трудящийся достоин награды за труды свои».

И, раскрыв громадную пасть, он влил в нее изрядную толику поданного ему коньяку и проглотил его с такой же легкостью, с какой простой смертный обычно склоняется к греху.

— Я опасаюсь, сэр, что усталость помешает вам выполнить обязанности, которые, по доброте сердечной, вы взяли на себя.

— О женщина! — с силой воскликнул пришелец.— Кто может сказать, что я когда-либо уклонялся от выполнения долга? Но «не судите, да не судимы будете», и не воображайте, будто смертный может познать промысел божий.

— Что вы! — кротко возразила мисс Пейтон, которую немного коробили его речи.— Я никогда не сужу ни поступков, ни намерений моих ближних, а тем более предначертаний всевышнего.

— Это похвально, женщина, весьма похвально! — крикнул священник, вскинув голову с высокомерным презрением.— Смирение приличествует твоему полу и положению, иначе твоя слабость приведет тебя к грехопадению, и тогда «бездна разверзнется пред тобою».

Мисс Пейтон, пораженная странным поведением этого пастыря, но привыкшая говорить почтительно обо всем, что касается религии, хотя порой было бы лучше промолчать, ответила:

— Есть высшая сила, которая всегда готова помочь нам в добрых делах, если мы призываем ее с верой и смирением.

Священник угрюмо взглянул на нее и, состроив постную мину, продолжал таким же неприятным тоном:

— Не всякий, кто взывает к милосердию, будет услышан. Пути господни неисповедимы, и на земле «много званых, но мало избранных». Легче говорить о смирении, нежели смириться душой. Хватит ли у тебя смирения, о жалкий червь, чтобы отречься от себя и тем прославить господа? А если нет, то убирайся прочь, как мытарь и фарисей!

Такой жестокий фанатизм был необычен в Америке, и мисс Пейтон начала опасаться, не поврежден ли у посетителя рассудок, однако, вспомнив, что его послал очень известный и почитаемый священнослужитель, она отогнала это подозрение и сказала сдержанно:

— Быть может, я ошибаюсь, считая, что бог милосерд ко всем, но это утешительная вера, и я не хотела бы ее утратить.

— Милосердие даруется только избранным! — воскликнул ее собеседник с необыкновенной горячностью.— Вы же находитесь в «долине греха, осененной смертью». Разве вы не поклонница суетных церемоний, введенных тщеславной церковью, которую хотят утвердить здесь наши тираны, вместе с законами о гербовом

сборе и пошлиной на чай? Отвечай мне, о женщина, и помни, что небо слышит твои слова,— разве ты не принадлежишь к этим идолопоклонникам?

— Я поклоняюсь богу моих предков,— ответила мисс Пейтон, делая Генри знак, чтобы он молчал,— и не создаю себе иных богов, несмотря на мое невежество.

— Да, да, я знаю вас, все вы люди самодовольные, преданные папе, любители церемоний и обрядов и почитатели книжных проповедей. Неужели ты думаешь, женщина, что святой Павел читал по написанному, когда обращался с проповедью к верующим?

— Боюсь, что я мешаю вам,— сказала мисс Пейтон, вставая с места.— Лучше я оставлю вас наедине с моим племянником и пойду помолюсь одна, хотя мне и хотелось присоединиться к его молитвам.

С этими словами она вышла из комнаты вместе с фермершей, которая была немало удивлена и огорошена неумеренным пылом своего нового знакомого; и, хотя добрая женщина думала, что мисс Пейтон и все ее единоверцы стоят на прямом пути к гибели, она все же не привыкла слушать такие резкие и оскорбительные предсказания об ожидающей их участи.

Генри с трудом подавлял в себе возмущение этим ничем не вызванным нападением на его кроткую и безобидную тетушку; однако, как только дверь захлопнулась за ней, он дал волю своим чувствам.

— Должен сознаться, сэр,— горячо воскликнул он,— что, принимая служителя божия, я надеялся увидеть христианина, человека, сознающего свои слабости и потому снисходительного к слабостям других. Вы ранили кроткое сердце добрейшей женщины, и, по правде сказать, мне совсем не хочется, чтобы к моим молитвам присоединился такой беспощадный заступник.

Священник стоял, с достоинством выпрямив свою тощую фигуру, и проводил выходящих женщин взглядом, полным презрительной жалости. Он выслушал запальчивое замечание капитана совершенно равнодушно, не обратив на него никакого внимания. Вдруг в комнате раздался какой-то новый голос:

— Такие разоблачения довели бы многих женщин до обморока; впрочем, мои слова и так оказали нужное действие.

— Кто здесь? — вскрикнул Генри, с удивлением озираясь вокруг и отыскивая того, кто это сказал.

— Это я, капитан Уортон,— сказал Гарви Бёрч и, сняв зеленые очки, открыл свои проницательные глаза, блестевшие из-под наклеенных бровей.

— Боже милостивый — Гарви!

— Молчите,— серьезно ответил разносчик.— Это имя не следует произносить, и, уж во всяком случае, не здесь, в сердце американской армии.

С минуту Бёрч молчал, оглядываясь вокруг с волнением, лишенным низкого чувства страха, и продолжал мрачно:

— Одно это имя привлечет тысячу палачей, и, если меня снова схватят, у меня останется очень мало надежды на спасение. Я затеял сейчас весьма опасное дело, но я не могу спать спокойно, зная, что невинному человеку грозит собачья смерть, тогда как я мог бы его спасти.

— Нет,— возразил Генри, и лицо его вспыхнуло от благодарности.— Если вам угрожает такая ужасная опасность, уходите так же, как вы сюда пришли, и предоставьте меня моей участи. Данвуди сейчас принимает решительные меры, чтобы спасти меня; и, если ему удастся в течение этой ночи встретить мистера Харпера, то я, наверное, буду на свободе.

— Харпера! — повторил разносчик, так и застыв с поднятыми руками, ибо собирался вновь надеть зеленые очки.— Что вы знаете о Харпере? И почему вы думаете, что он вам поможет?

— Он сам обещал мне. Разве вы забыли недавнюю встречу с ним в доме моего отца? Тогда он обещал мне свою помощь.

— Помню. Но разве вы знаете, кто он... то есть, почему вы думаете, что он в силах вам помочь? И почему вы уверены, что он помнит данное вам слово?

— Если есть на свете человек, чье лицо — воплощенное благородство, доброта и честность, то это Харпер,— ответил Генри.— К тому же у Данвуди есть могущественные друзья в мятежной армии, и мне лучше дождаться решения моей судьбы, сидя на месте, чем обрекать вас на верную смерть, если вы будете обнаружены.

— Капитан Уортон,— сказал Бёрч серьезно и настойчиво, с опаской озираясь вокруг,— если я не спасу вас, никто вас не спасет. Ни Харпер, ни Данвуди не сохранят вам жизнь. Если вы не уйдете отсюда со мной в течение часа, завтра утром вы умрете на виселице, как убийца. Да, таковы у нас законы: тому, кто сражается, убивает и грабит, оказывают всякие почести, а тому, кто служит своей родине как шпион, будь он самый верный, самый бескорыстный человек, достается всеобщее презрение, и его казнят, как самого подлого преступника.

— Вы забываете, мистер Бёрч,— с возмущением возразил молодой человек,— что я не подлый тайный шпион, который обманывает и предает! Ведь я не совершил преступления, в котором меня обвиняют.

Бледное, худое лицо разносчика вспыхнуло огнем, но кровь тут же отхлынула от его щек, и он спокойно ответил:

— Я сказал вам правду. Сегодня поутру я встретил Цезаря, ехавшего по вашему поручению, и мы составили вместе с ним план побега, который спасет вас, если нам удастся его выполнить, иначе вы погибли. И я повторяю еще раз: кроме меня, никакая сила в мире, даже сам Вашингтон, не в состоянии вас спасти.

— Я согласен,— сказал Генри, убежденный его серьезным тоном и поддаваясь страху, вновь проснувшемуся в его душе.

Разносчик знáком велел ему молчать и, подойдя к двери, открыл ее с тем же бесстрастным, суровым видом, с каким недавно вошел в комнату.

— Послушай, друг, никого не впускай сюда,— сказал он часовому,— мы будем молиться и хотим быть одни.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь вздумал помешать вам,— ответил солдат, насмешливо прищурив глаза,— но, если родным заключенного придет в голову войти к нему, я не имею права их останавливать; я получил приказ и должен его выполнять, к тому же мне, ей-богу, все равно, попадет ли англичанин в рай или нет.

— Дерзкий грешник! — воскликнул мнимый пастырь.— Неужели ты не знаешь, что такое страх божий? Говорю тебе, если ты хочешь избежать наказания в день Страшного суда, не впускай сюда никого из этих идолопоклонников, да не помешают они молениям праведных.

— Хо-хо-хо! Из вас вышел бы достойный начальник для сержанта Холлистера! От ваших проповедей он онемел бы во время переклички. А ну-ка, потише,— коли вы поднимете здесь такой шум своими разглагольствованиями, что заглушите нашу сигнальную трубу и ребята, сидя за грогом, прозевают сигнал и пропустят вечерний сбор, уж вам непоздоровится, верьте моему слову! Если вам так хочется побыть с ним одному, то вставьте свой нож в дверной замок. Или вам нужен целый кавалерийский полк, чтобы охранять ваш молельный дом?

Разносчик послушался этого совета и тотчас запер дверь, приняв меры предосторожности, которые ему подсказал драгун.

— Вы переигрываете,— заметил Уортон, боявшийся, что все откроется,— и проявляете слишком большое рвение.

— Для пехотинца или ополченца из Восточных штатов это, может, и было бы чересчур заметно,— сказал Гарви, развязывая узел, который ему подал Цезарь,— но с этими драгунами надо держаться смело. Робкий человек, капитан Уортон, ничего у них не добьется. Однако подойдите сюда: вот черная оболочка для вашего красивого лица,— и он вынул черную маску из пергамента

и надел ее на Генри.— Хозяин и слуга должны на время поменяться местами.

— По-моему, он ни капли не похож на меня,— сказал Цезарь, с отвращением разглядывая своего преобразившегося молодого господина.

— Погоди минутку, Цезарь,— ответил разносчик со свойственным ему порой скрытым юмором.— Надо еще прикрыть ему голову шерстью.

— Так еще хуже, чем было! — воскликнул раздосадованный слуга.— Разве цветной человек походит на овцу? Никогда у меня не была такая губа, Гарви: эта губа толстая, как сосиска.

Немало труда положили заговорщики, чтобы с помощью разных ухищрений изменить наружность капитана Уортона, но, когда все было закончено, они добились под умелым руководством Бёрча такого полного превращения, что заметить подделку мог бы только необыкновенно проницательный наблюдатель.

Темной маске придали такую форму, что она передавала не только цвет, но и все особенности африканского лица, а искусно сделанный из черной и белой шерсти парик почти не отличался от черных с проседью волос Цезаря; даже сам он одобрил его и нашел, что эта прекрасная подделка отличается от образца только качеством материала.

— Во всей американской армии лишь один человек мог бы узнать вас, капитан Уортон,— сказал разносчик, с удовлетворением осматривая дело своих рук,— но он не встретится у нас на пути.

— Кто же это?

— Тот, кто вас задержал! Он разглядел бы вашу белую кожу даже сквозь деревянную обшивку. А теперь скиньте оба все, что на вас надето, и поменяйтесь платьем.

Цезарь, получивший подробные наставления от разносчика еще во время утренней встречи, принялся быстро сбрасывать свою грубую одежду, в которую молодой человек начал облачаться, не в силах отделаться от некоторого неприятного чувства.

В поведении разносчика проглядывала странная смесь осмотрительности и юмора; первую черту порождало ясное сознание угрожавшей им опасности и необходимости принимать все меры, чтобы ее избежать, вторую же — понимание комизма создавшегося положения.

Бёрч действовал быстро и хладнокровно, что объяснялось его давнишней привычкой к такого рода рискованным предприятиям.

— А теперь, капитан,— сказал он и, взяв пучок шерсти, начал набивать чулки Цезаря, которые Генри уже успел натянуть

себе на ноги,— необходимо изменить форму ваших икр. Когда вы сядете верхом на лошадь, вы выставите ноги напоказ, а у наших южан острый глаз: стоит им взглянуть на ваши тонкие икры, как они сразу скажут, что эти ноги никогда не принадлежали негру.

— Ловко! — сказал Цезарь и улыбнулся, растянув рот до ушей.— Штаны масса Генри мне в самый раз.

— Тебе, но не твоим ногам,— заметил разносчик, спокойно продолжая заниматься костюмом Генри.— Теперь наденьте его куртку, капитан. Даю слово, в таком наряде вы могли бы отправиться прямо на бал-маскарад. А ты, Цезарь, натяни на свои кудри этот напудренный парик, садись тут, смотри в окно и не поворачивайся, сколько бы ни отворялась дверь, а главное — молчи, не говори ни слова, или ты все погубишь.

— Как видно, Гарви думает — этот негр не может держать язык за зубами! — проворчал Цезарь, садясь на указанное ему место.

Теперь все было готово, и разносчик настойчиво повторил наставления обоим участникам предстоящей сцены. Он убеждал капитана забыть о военной выправке и на время перенять робкую походку слуги своего отца, а Цезарю он снова приказал молчать и не шевелиться как можно дольше, пока будет возможно. Закончив все приготовления, он отворил дверь и громко позвал часового, отошедшего в дальний конец коридора, чтобы до него не долетали молитвы и слова утешения, которые предназначались только для заключенного.

— Позовите сюда хозяйку,— сказал Гарви с той же суровостью, какую он раньше напускал на себя,— и пусть она придет одна. Заключенный погрузился в благочестивые размышления, и нельзя их прерывать.

Цезарь закрыл лицо руками, и солдат, заглянув в комнату, решил, что арестант и вправду глубоко задумался. Бросив на священника насмешливый взгляд, часовой громко позвал хозяйку. Она поспешила на призыв и вошла с тайной надеждой, что ей удастся услышать предсмертные покаяния грешника.

— Сестра моя,— произнес пастырь внушительным тоном,— имеется ли в вашем доме книга «Последние минуты христианина, совершившего преступление, или Мысли о вечности для тех, кто осужден на насильственную смерть»?

— Я никогда не слышала об этой книге,— ответила опешившая хозяйка.

— Это не удивительно: есть много книг, о которых вы не слыхали. Но бедный осужденный не может умереть с миром, если не получит утешений из этой книги. Один час чтения «Мыслей» стоит всех проповедей, прослушанных за целую жизнь.

— Боже мой, что за сокровище эта книга! Где же ее напечатали?

— Впервые ее напечатали в Женеве на греческом языке, а затем ее перевели и издали в Бостоне. Эта книга, сестра моя, должна быть у каждого христианина, особенно у того, кто присужден к повешению. Велите сейчас же оседлать лошадь для этого негра, он поедет со мной к моему собрату, и я пришлю сюда эту книгу, пока еще не поздно. Успокойся, брат мой, теперь ты на верном пути к спасению!

Цезарь слегка заерзал на стуле, однако сумел овладеть собой и не отнял от лица рук, на которых были надеты перчатки. Хозяйка фермы ушла, чтобы выполнить разумное требование священника, и заговорщики были снова предоставлены самим себе.

— Пока все сошло хорошо,— сказал Гарви,— но гораздо труднее будет обмануть офицера, командующего караулом; этот лейтенант служит под начальством капитана Лоутона и научился у него разбираться в таких вещах. Помните, капитан Уортон,— продолжал он внушительно,— наступает минута, когда все будет зависеть от вашего хладнокровия.

— Моя участь не может быть хуже, чем она есть, мой отважный друг, но ради вас я сделаю все, что в моих силах.

— А кто может терпеть бóльшие невзгоды и преследования, чем я? — воскликнул разносчик, и на лице его мелькнуло горестное выражение, которое часто омрачало его черты.— Но я обещал *ему* спасти вас, а я никогда не нарушаю данного *ему* слова.

— *Ему?* О ком вы говорите? — спросил Генри с проснувшимся любопытством.

— Ни о ком.

Тут вернулся часовой и объявил, что лошади ждут у крыльца. Гарви взглянул на капитана и пошел вперед, но перед уходом еще раз попросил хозяйку оставить узника одного, чтобы тот мог на покое усвоить данную ему так поздно благотворную пищу духовную.

Стоявший у дверей часовой уже успел рассказать товарищам о странностях священника, и, когда Гарви и Уортон вышли во двор, они увидели с дюжину слонявшихся без дела драгун, дожидавшихся фанатического пастыря, чтобы посмеяться над ним, но делавших вид, будто они осматривают лошадей.

— Прекрасный конь,— сказал зачинщик этой проделки,— только он слегка отощал! Видно, вы задаете ему немало работы, выполняя вашу святую задачу.

— Моя задача, быть может, тяжела и для меня, и для этого верного животного, но зато близится день расплаты, когда мне

воздастся за мои лишения и труды,— ответил Бёрч, ставя ногу в стремя и собираясь сесть в седло.

— А разве вы работаете за плату, как и мы? — крикнул другой солдат.

— А как же! Всякий трудящийся достоин награды за труды свои.

— Послушайте, нам хотелось бы, чтоб вы сказали небольшую проповедь. У нас как раз выдалась свободная минута, и вы представить себе не можете, сколько добра принесет ваше короткое поучение таким грешникам, как мы; вот, станьте сюда, на эту колоду, и выберите проповедь из любой книги.

Драгуны, предвкушая предстоящую забаву, собрались вокруг разносчика, а он, выразительно взглянув на капитана, который уже сел на лошадь, отвечал:

— Я готов, ибо таков мой долг. Но ты, Цезарь, поезжай вперед и отвези мою записку. Бедный заключенный ждет святой книги, а часы его сочтены.

— Да, да, вперед, Цезарь, и поторапливайся! — закричали сразу несколько голосов, и солдаты еще теснее столпились вокруг воображаемого проповедника, собираясь хорошенько повеселиться.

Разносчик втайне опасался, как бы бесцеремонные солдаты не схватили его за платье и не сдвинули шляпу и парик,— тогда он был бы разоблачен, а потому решил исполнить их просьбу. Взобравшись на колоду, он бросил несколько тревожных взглядов на капитана, сидевшего на лошади, не двигаясь с места, раза два откашлялся и начал говорить:

— Я хочу обратить ваше внимание, дорогие братья, на то место во второй книге Самуила, где говорится: «И король оплакал Абенера и вопросил: умер ли Абенер понапрасну? Руки твои были не связаны, ноги не закованы: ты пал, как человек падает от руки разбойника. И весь народ возрыдал над ним»... Цезарь, я сказал тебе, отправляйся вперед и привези книгу, о которой я говорил. Твой хозяин томится и стенает от желания прочесть ее.

— Какой прекрасный текст! — закричали драгуны.— Валяйте дальше и дайте послушать проповедь этому беловолосому негру — ему это так же полезно, как и всем.

— Что вы здесь делаете, бездельники? — раздался вдруг голос Мейсона, неожиданно появившегося после небольшой прогулки: он ходил на вечернюю перекличку ополченцев, чтобы немного поразвлечься.— А ну-ка, все по местам, и смотрите, чтобы к моему обходу каждая лошадь была вычищена и у всех лежала свежая подстилка!

Голос офицера произвел поистине магическое действие, и никакой проповедник не мог бы найти более безмолвной паствы, хотя он мог бы пожелать, чтобы она была более многочисленна, ибо не успел Мейсон договорить, как подле разносчика осталась лишь одинокая фигура Цезаря. Бёрч воспользовался случаем и тотчас сел на лошадь, однако он постарался при этом сохранить торжественную медлительность движений, ибо замечание драгуна о худобе его скакуна было вполне справедливо, а тут же рядом стояли под седлом с десяток упитанных драгунских коней, готовых в любую минуту принять седоков и броситься в погоню.

— Ну как, удалось вам взнуздать того бедного малого, сэр,— спросил Мейсон,— и подготовить к последней поездке в царство божие?

— Речи твои греховны, нечестивый человек! — воскликнул проповедник, воздев кверху руки и устремив глаза к небу, словно в священном ужасе.— Я уезжаю от тебя и спасаюсь от греха, как Даниил спасся из львиного рва.

— Ну и уезжай, лицемерный псалмопевец, жалкий ханжа, мошенник в рясе! — с гневом ответил Мейсон.— Клянусь жизнью Вашингтона, всякого честного человека возмущает, что такое жадное воронье, как ты, опустошает страну, за которую он проливает кровь. Попадись ты мне только на виргинской плантации, я бы живо заставил тебя обирать гусениц с табачных кустов вместе с индюшками!

— Я покидаю тебя и отрясаю прах с моих ног, чтобы ни одна пылинка из этого вертепа греха не осквернила одежды праведника!

— Уезжай скорей, не то я сам выбью пыль из твоего сюртука, грязный пройдоха! Вздумал читать проповеди моим солдатам! Хватит с них и того, что Холлистер морочит им голову своими поучениями; эти негодяи скоро станут такими сердобольными, что не решатся поднять руку на врага и оцарапать ему кожу. А ты постой! Куда это ты отправился, черномазый, в такой богобоязненной компании?

— Он едет,— поспешно ответил пастырь вместо своего спутника,— за священной книгой, которая очистит от скверны его молодого господина, чья грешная душа быстро станет белой, если бы даже лицо у него было такое же черное, как у этого негра. Неужели вы откажете умирающему в духовном утешении?

— Нет, нет, судьба этого бедняги и так слишком печальна... А каким отменным завтраком накормила нас его гостеприимная тетушка! Но послушайте, господин Обличитель, если этому моло-

дому человеку предстоит умереть secundum artem, то пусть уж его напутствует настоящий священник, и мой вам совет: чтоб ваша тощая фигура никогда больше не появлялась среди нас, иначе я без всяких церемоний спущу с нее шкуру.

— Я покидаю тебя, безбожник и нечестивец! — ответил Бёрч, медленно отъезжая от него, чтобы не уронить свое достоинство, и направился к дороге, сопровождаемый Цезарем.— Но оставляю тебе мое осуждение и увожу от тебя надежду на радостное очищение от грехов!

— Будь ты проклят! — пробормотал драгун ему вслед.— Этот кащей сидит на лошади, как палка, а ноги у него торчат в стороны, словно углы его треуголки. Хотел бы я встретиться с ним подальше в горах, где не так строго соблюдают законы, уж я бы...

— Капрал, капрал! Начальник охраны! — закричал часовой, стоявший у двери заключенного. — Капрал! Подите сюда!

Лейтенант спустился по узкой лестнице, ведущей к комнате арестанта, и спросил часового, в чем дело.

Солдат стоял у приоткрытой двери и с подозрением разглядывал пленного офицера. Увидев подошедшего лейтенанта, он с должной почтительностью отступил от двери и сказал задумчиво, слегка смущенный:

— Я и сам не знаю, в чем дело, сэр. Но у арестанта какой-то странный вид. С тех пор как ушел проповедник, он сам на себя не похож. Однако,— продолжал солдат, внимательно глядя на узника через плечо офицера,— это может быть только он. Та же напудренная голова и та же заплата на мундире, которую сделали в тот день, когда его ранили в стычке с врагом.

— Значит, ты поднял весь этот шум только потому, что тебе почудилось, будто этот бедный офицер не наш арестант, так, что ли? Кто же другой здесь может быть, черт возьми?

— Я не знаю, кто это может быть,— угрюмо ответил солдат,— но только он стал меньше и толще, если это он; и, посмотрите сами, сэр, он весь трясется, как в лихорадке.

Это была истинная правда. Цезарь в страхе слушал этот короткий разговор и, порадовавшись удачному бегству своего молодого хозяина, естественно, начал тревожиться при мысли о том, как это бегство отразится на его собственной особе. Молчание, наступившее за последним замечанием часового, нисколько не успокоило его взволнованных чувств. Лейтенант Мейсон продолжал разглядывать подозрительную фигуру заключенного, и Цезарь заметил это, бросив вбок тревожный взгляд сквозь слегка растопыренные пальцы, которыми он по-прежнему закрывал себе

лицо, чтоб его не узнали. Капитан Лоутон сразу разгадал бы обман, но Мейсон был далеко не так проницателен, как его командир. Поэтому он повернулся к солдату и презрительно сказал, понизив голос:

— Этот анабаптист, методист, квакер или как его там зовут, словом, мошенник псалмопевец, совсем напугал беднягу рассказами о кипящей сере и вечном пламени. Пойду-ка к нему и подбодрю его разумной беседой.

— Я слыхал, что от страха люди белеют,— сказал солдат, делая шаг назад и так тараща глаза, что они чуть не вылезли у него на лоб,— но сейчас королевский капитан, кажется, почернел!

Дело в том, что Цезарь не слышал замечаний говорившего вполголоса Мейсона, а так как страх его все усиливался и он хотел знать, что ему грозит, то он осторожно сдвинул парик с одного уха, чтобы лучше слышать, забыв при этом, что цвет кожи может его выдать. Часовой, не сводивший глаз с заключенного, тотчас это заметил. Тут и Мейсон обратил внимание на это обстоятельство и, отбросив всякую деликатность по отношению к несчастному собрату по оружию или, вернее, забыв обо всем, кроме позора, грозящего его отряду, кинулся в комнату и схватил за горло насмерть перепуганного негра; а Цезарь, поняв, что они разглядели цвет его кожи, и зная, что теперь ему не миновать разоблачения, едва услышал громкие шаги Мейсона, как тотчас вскочил со стула и забился в угол.

— Кто ты такой? — закричал Мейсон, стукая старого негра головой о стенку при каждом вопросе.— Кто ты, черт тебя подери, и где английский офицер? Отвечай же, негодяй! Говори, чучело, не то я вздерну тебя на виселицу!

Цезарь держался стойко. Ни угрозами, ни тумаками лейтенанту не удалось вырвать у него ни слова, пока тот не изменил тактику и, подняв ногу в тяжелом сапоге, не нанес невольнику сильный удар в самое чувствительное место — в голень. Тут даже твердокаменный человек не мог бы потребовать, чтобы Цезарь дольше терпел такие мученья, и бедняга сдался.

— Что вы, масса! Вы думаете, я ничего не чувствую? — закричал он.

— Боже праведный! Да ведь это старый слуга-негр! — воскликнул Мейсон.— Ах ты, плут, где твой хозяин? Кто этот проповедник? — И он хотел возобновить нападение.

Но Цезарь завопил, прося пощады и обещая рассказать все, что знает.

— Кто этот проповедник? — повторил драгун, поднимая свою ужасную ногу и держа ее наготове для нового удара.

— Гарви, Гарви! — кричал Цезарь, прыгая с ноги на ногу и пытаясь увернуться от сапога.

— Какой Гарви? — нетерпеливо вскричал лейтенант.— Говори, черная образина! — И, дав волю ноге, угрожавшей негру, с размаху отвесил ему тяжелый удар.

— Бёрч! — завопил Цезарь, падая на колени, и крупные слезы покатились по его лоснящемуся лицу.

— Гарви Бёрч! — как эхо, повторил лейтенант и, отшвырнув старого слугу, бросился вон из комнаты.

— К оружию! К оружию! Пятьдесят гиней за голову шпиона-разносчика! Не давать пощады ни тому, ни другому! На коней! К оружию! Вперед!

Поднялась суматоха: драгуны, спеша и толкаясь, бросились толпой к лошадям, а Цезарь поднялся с пола и принялся осматривать полученные им повреждения. К счастью для него, на этот раз ему расшибли только голову, и он решил, что дешево отделался.

ГЛАВА XXIX

Напялив шляпу на парик,
Пустился Джи́лпин в путь,
Не думал он, что сможет вмиг
Так дело повернуть.

Купер

Чтобы скрыться в горах, разносчику и капитану надо было проехать с полмили по открытой дороге, которая была отлично видна из дверей дома, недавно служившего Генри тюрьмой: она тянулась вдоль плодородной долины, доходившей до самого подножия гор, вздымавшихся впереди отвесными скалистыми уступами; здесь дорога резко поворачивала вправо и, петляя по извилистым ущельям, исчезала среди горных склонов.

Желая подчеркнуть расстояние, отделяющее священнослужителя от невольника-негра, Гарви ехал впереди, сохраняя спокойный, важный вид, соответствующий его роли. Справа возле дороги были раскинуты палатки, где отдыхали пехотинцы, о которых мы говорили выше, а неподалеку от них мерным шагом расхаживали часовые, охранявшие лагерь.

Первым побуждением Генри было пустить лошадь галопом, чтобы поскорей ускакать от них и избавиться от смертельной тревоги за свою жизнь. Но едва он рванулся вперед, как разносчик тотчас остановил его.

— Стойте! — закричал он и, быстро повернув свою лошадь, преградил ему путь.— Вы что́, хотите погубить и себя и меня?

Не забывайте — негр должен ехать позади своего хозяина. Вы, кажется, видели драгунских кровных скакунов: они стоят оседланные и взнузданные на солнышке перед домом. Долго ли продержится ваша жалкая голландская кляча, если за ней помчатся сытые кони виргинцев? Каждый фут, выигранный нами до начала погони, стóит целого дня жизни. Поезжайте спокойно за мной и не вздумайте оглядываться назад. Эти драгуны хитры, как лисицы, и кровожадны, как волки!

Генри с трудом подавил свое нетерпение и послушался разносчика. Но воображение его все время рисовало страшные картины, и ему чудился шум погони, хотя Бёрч, который иногда оборачивался, как будто для того, чтобы отдать ему распоряжение, уверял его, что пока все спокойно.

— Однако,— заметил Генри,— Цезаря, несомненно, должны скоро узнать. Не лучше ли нам сразу пустить лошадей в галоп? Пока драгуны будут раздумывать, почему мы так несемся, мы успеем добраться до опушки леса.

— Вы, видно, плохо знаете их, капитан Уортон,— возразил Бёрч.— Смотрите, вон на нас глядит их сержант, и вид у него такой, словно он чует, что тут дело нечисто. Он уставился на меня и следит, будто притаившийся тигр, готовый к прыжку. Когда я стоял на колоде, он уже начал в чем-то меня подозревать. Нет, нет, придержите вашу лошадь — мы должны ехать медленно, спокойно. Я вижу, он уже положил руку на луку своего седла. Если он вскочит на коня — мы пропали. Пехотинцы могут застрелить нас из мушкетов.

— А теперь что он делает? — спросил Генри, сдерживая лошадь и в то же время прижимая каблуки к ее бокам, чтобы быть наготове, если придется броситься вскачь.

— Он отвернулся от своего коня и смотрит в другую сторону. Теперь можете ехать рысцой... Не спешите, не спешите. Поглядите на часового, вон там в поле, чуть впереди: он уставился на нас — глаз не спускает.

— Пехотинцы меня не пугают,— нетерпеливо сказал Генри,— они могут только нас застрелить, а вот драгуны могут снова взять меня в плен. Слушайте, Гарви, я слышу топот позади нас. Вы ничего там не видите?

— Гм! — пробормотал разносчик.— Кое-что вижу, но не там, а в чаще, слева. Поверните-ка слегка голову, посмотрите сами и сделайте нужные выводы.

Генри живо воспользовался этим разрешением, посмотрел влево, и кровь застыла у него в жилах: они проезжали мимо виселицы, сооруженной, несомненно, для него самого. Он отвернулся, не скрывая ужаса.

— Это предостережение, чтобы вы были осторожны,— сказал разносчик назидательным тоном, каким он часто говорил теперь.

— Какое страшное зрелище! — воскликнул Генри и на мгновение прикрыл глаза рукой, словно стараясь отогнать грозное видение.

Разносчик, слегка обернувшись назад, сказал с болью и горечью:

— И, однако, капитан Уортон, вы смотрите на виселицу издали, и вас освещают лучи заходящего солнца, вы дышите свежим воздухом, и перед вами выступают зеленые холмы. С каждым шагом вы удаляетесь от проклятой перекладины, и каждое темное ущелье, каждый дикий утес может дать вам приют и скрыть вас от мстительных врагов. Я же видел плаху там, где ничто не сулило избавления. Дважды бросали меня в тюрьму, и много ночей я томился в оковах, ожидая, что утренняя заря принесет мне позорную смерть, и холодный пот покрывал мое иссохшее тело. А когда я подходил к крошечному окошку с железной решеткой, откуда в темницу проникал свежий воздух, и хотел обрести утешение, взглянув на природу, которую бог сотворил для всех, даже для самых отверженных своих созданий, перед моими глазами вставала виселица, и это видение терзало меня, как нечистая совесть — умирающего грешника. Четыре раза я был в их власти, не считая сегодняшнего дня; и дважды я считал, что пришел мой смертный час. Тяжело расставаться с жизнью, когда ты счастлив и любим, капитан Уортон, но еще ужаснее встречать смерть в полном одиночестве, ни у кого не видя жалости; знать, что ни один человек не подумает об ожидающей тебя судьбе; помнить, что через несколько часов тебя выведут из темницы, которая кажется тебе желанной при мысли о том, что́ тебя ждет; представлять себе, как при свете дня люди будут разглядывать тебя, словно дикого зверя, а потом ты покинешь земную обитель, осыпанный насмешками и оскорблениями твоих ближних,— вот, капитан Уортон, что значит настоящая смерть.

Потрясенный Генри слушал речь своего спутника, который говорил с необычной для него горячностью. Казалось, оба забыли о грозившей им опасности и о взятых на себя ролях.

— Неужели вы так часто смотрели в глаза смерти?

— Вот уже три года за мной охотятся здесь в горах, как за диким зверем! — ответил Гарви.— Один раз меня уже подвели к виселице, я взошел на помост, и меня спасли только внезапно появившиеся королевские войска. Приди они на четверть часа позже, и я бы погиб. Я стоял, окруженный толпой равнодушных мужчин, любопытных женщин и детей, глазевших на меня, как

на мерзкое чудовище. Когда я начинал молиться богу, меня оскорбляли, повторяя россказни о моих преступлениях, и, оглядываясь вокруг, я не находил ни одного дружеского лица, ни одного человека, который пожалел бы меня,— ни одного! Все проклинали меня и называли негодяем, продавшим за деньги свою родину. Солнце, казалось, сияло ярче, чем всегда, но для меня оно сияло в последний раз. А поля весело зеленели кругом, и мне думалось, что лучше не может быть и в раю. Ах, какой желанной казалась мне жизнь в ту минуту! То был страшный час, капитан Уортон, такого вам еще не довелось пережить! У вас есть родные и друзья, они скорбят о вас, у меня же не было никого, кроме отца,— он горевал бы обо мне, если б узнал о моей гибели. Но здесь я не видел ни участия, ни сострадания, никто не пытался облегчить мои муки. Я даже думал, что и *он* забыл о моем существовании.

— Как, неужели вы думали, что сам бог забыл о вас, Гарви?

— Господь никогда не забывает своих слуг,— проникновенно возразил Бёрч, высказывая искреннее благочестие, хотя недавно только притворялся благочестивым.

— Про кого же вы сказали «он»?

Тут разносчик выпрямился в седле с чопорным видом, снова превратившись в пастыря, которого он изображал. Огонь, горевший в его глазах, угас, а взволнованное выражение сменили сухая сдержанность и непреклонность, и он ответил так, словно разговаривал с негром:

— На небесах людей не различают по цвету кожи, брат мой, и потому выполняйте данное вам серьезное поручение, а позже дадите мне подробный отчет.— Тут он понизил голос и продолжал: — Возле дороги стоит последний часовой. Если жизнь вам дорога, не оглядывайтесь назад.

Генри вспомнил о своем положении и тотчас принял смиренную позу, соответствующую его роли. Вскоре он забыл о неожиданной горячности разносчика, ибо думал лишь об угрожавшей ему опасности, и его вновь охватила затихшая было тревога.

— Что вы видите, Гарви? — воскликнул он, заметив, что разносчик с мрачным лицом внимательно смотрит на покинутую ими ферму.— Что происходит возле дома?

— То, что я вижу, не сулит нам ничего хорошего,— ответил лжесвященник.— Теперь вы должны владеть в совершенстве всеми своими органами чувств, сбросьте с себя парик и маску и киньте их на дорогу; впереди нам бояться некого, но те, что остались позади, готовят нам беспощадную погоню!

— Тогда не будем терять время! — вскричал капитан, бросая на землю маску и парик.— До поворота остается всего четверть мили, почему не поскакать во весь опор?

— Спокойнее, капитан. Они подняли тревогу, но драгуны не бросятся за нами без офицера, если не увидят, что мы удираем от них. Вот он вышел, идет к конюшне... Теперь переходите на рысь; вот с десяток солдат вскочили в седла, но офицер задержался, чтобы подтянуть подпругу... они надеются незаметно подкрасться к нам... вот и офицер в седле. Теперь скачите, капитан Уортон, коли вам дорога жизнь, и не отставайте от меня! Если задержитесь — все пропало!

Разносчику не пришлось повторять свой совет. Как только Бёрч пустил лошадь вскачь, капитан бросился следом за ним, отчаянно погоняя свою несчастную клячу. Бёрч сам выбрал себе коня, и, хотя он далеко уступал откормленным драгунским скакунам, все же был не в пример лучше жалкого пони, которого сочли вполне достойным возить Цезаря Томпсона. Стоило этой лошадке сделать несколько прыжков, как Генри увидел, что спутник быстро удаляется от него, а бросив испуганный взгляд назад, убедился, что враги так же быстро его нагоняют. Несчастье кажется нам вдвое тягостней, когда мы вынуждены переносить его в одиночестве, и капитан в отчаянии закричал разносчику, чтобы тот его не покидал. Гарви тотчас придержал коня и обождал, пока капитан на своем пони не поравнялся с ним. Когда лошадь разносчика пустилась вскачь, треугольная шляпа и парик свалились у него с головы, и это превращение, произошедшее на глазах у драгун, окончательно разоблачило беглецов; солдаты подняли оглушительный крик, и нашим всадникам показалось, что он раздался у них прямо за спиной, так ясно были слышны вопли и так сильно уменьшилось расстояние между беглецами и преследователями.

— Не лучше ли нам соскочить с лошадей,— спросил Генри,— и добежать до холмов пешком, по полям влево от дороги? Ограда задержит драгун.

— Этот путь ведет прямо к виселице,— ответил разносчик.— Драгуны скачут вдвое быстрее, чем мы, а ограда задержит их не больше, чем нас — рытвины в поле. До поворота совсем недалеко, а за ним в лес идут две дороги. Солдаты могут там задержаться, пока решат, по какой дороге скакать за нами, и мы выиграем немного времени.

— Но моя клячонка уже задыхается. Ей не проскакать и полумили! — крикнул Генри, подгоняя пони концом повода.

Тут Гарви подстегнул ее несколько раз тяжелым хлыстом.

— Пусть она пробежит только четверть мили — этого нам довольно,— сказал разносчик.— С нас хватит даже четверти мили — и мы спасены, если вы будете слушаться меня.

Немного успокоенный хладнокровием и уверенностью своего спутника, Генри продолжал молча погонять свою лошадь. Через несколько минут беглецы достигли желанного поворота, и огибая низкие кусты, бросили взгляд назад, на растянувшихся вдоль дороги драгун. У Мейсона и сержанта были более резвые кони, они далеко опередили остальных и скакали гораздо ближе, чем Гарви мог ожидать.

У подножия холмов, на некотором расстоянии от темного ущелья, вившегося между горами, росла густая молодая поросль на месте прежнего леса, срубленного на топливо. Увидев этот подлесок, Генри снова предложил разносчику сойти с коней и спрятаться в нем; но Бёрч решительно отказался. Упомянутые им две дороги проходили недалеко от поворота, образуя острый угол, и разбегались в разные стороны, так что издали была видна лишь небольшая их часть. Разносчик выбрал левую дорогу, но вскоре свернул вправо по тропинке между деревьями, пересек правую дорогу и начал подниматься вверх по склону, расположенному прямо перед ним. Эта уловка спасла беглецов. Доскакав до развилки, драгуны бросились влево по следам копыт, но проскочили мимо тропинки, куда свернули беглецы, и лишь позже заметили, что следы копыт кончились. Когда усталые и запыхавшиеся лошади Генри и Бёрча взбирались на подъем, беглецы услышали внизу громкие голоса драгун, кричавших отставшим товарищам, чтобы они сворачивали на правую дорогу. Тут Генри снова предложил разносчику бросить лошадей и спрятаться в чаще.

— Нет, нет, еще рано,— ответил Бёрч тихо.— Эта дорога доходит до самой вершины и так же круто спускается вниз. Сначала взберемся на гору.

Наконец они добрались до долгожданной вершины и оба соскочили с лошадей. Генри сразу скрылся в густой чаще, покрывавшей склоны горы, а Гарви задержался и несколько раз сильно ударил обеих лошадей хлыстом; они помчались вниз по дороге, спускавшейся по ту сторону горы, и тогда разносчик присоединился к Генри.

Бёрч вошел в лес осторожно, стараясь, по возможности, не ломать веток и не шуметь. Едва он успел спрятаться в зарослях, как на вершину выехал драгун и крикнул вниз:

— Я только что видел, как одна из их лошадей скрылась за поворотом!

— За ними! Пришпорьте коней, вперед, ребята! — закричал Мейсон.— Англичанина пощадите, но разносчика сбейте с лошади и прикончите на месте!

Генри почувствовал, что Гарви крепко сжал ему руку, прислушиваясь к этим возгласам. Тотчас вслед за ними раздался стук

копыт, и мимо проскакал десяток всадников с такой быстротой и яростью, что беглецы ясно увидели, как плохо бы им пришлось, если б они понадеялись на своих утомленных лошадей.

— А теперь,— сказал разносчик, выглядывая из укрытия, и немного помолчал, соображая, куда идти,— теперь каждый выигранный шаг — для нас двойной выигрыш, потому что, пока мы будем взбираться наверх, они будут спускаться вниз. Пошли!

— А вы не думаете, что они выследят нас и окружат гору? — заметил Генри, вставая и подражая осторожному, но быстрому шагу разносчика.— Вспомните, ведь у них есть не только кавалерия, но и пехота. А мы в этих горах умрем с голоду.

— Не бойтесь, капитан Уортон,— твердо ответил Гарви.— Это еще не та гора, на которую я хотел попасть, но жизнь сделала меня опытным проводником в этих дебрях. Я проведу вас в такое место, куда не посмеет пойти за нами ни один человек. Смотрите, солнце уже садится за западные вершины гор, а луна взойдет только через два часа. Как вы думаете, кто решится преследовать нас темной ноябрьской ночью среди этих скал и обрывов?

— Слушайте! — воскликнул вдруг Генри.— Драгуны что-то кричат друг другу. Должно быть, они нас потеряли.

— Взойдите на вершину этой скалы, и вы их увидите,— сказал разносчик, спокойно усаживаясь на землю, чтобы передохнуть.— Смотрите, они как будто заметили нас: вон указывают на вас пальцами. Один из них выстрелил из пистолета, но это ни к чему — расстояние слишком велико даже для мушкета.

— Сейчас они погонятся за нами,— нетерпеливо закричал Генри,— бежим!

— Об этом им и думать нечего,— возразил разносчик, срывая чернику, покрывавшую чахлую почву вокруг, и принялся невозмутимо жевать ее вместе с листьями, чтобы освежить рот.— Как они влезут сюда в тяжелых сапогах со шпорами и с длинными саблями на боку? Нет, нет, они могут только вернуться обратно и послать за нами пехоту, а кавалерийские лошади и днем проходят через эти ущелья, дрожа от страха. Ну, теперь идите за мной, капитан Уортон; нам предстоит тяжелый переход, но зато я приведу вас в такое место, куда никто не посмеет сунуться ночью.

С этими словами они двинулись в путь и вскоре затерялись среди скал и ущелий высокой горы.

Расчеты Гарви оказались совершенно правильными. Мейсон и его отряд бросились вниз, думая, что преследуют беглецов, но,

спустившись, обнаружили у подножия горы лошадей без седоков. Они потратили некоторое время, обшаривая ближний лес и отыскивая дорогу, по которой они могли бы продолжать погоню на своих конях, как вдруг один из драгун увидел разносчика и Генри на описанной выше скале.

— Сбежал!— пробормотал Мейсон, с яростью глядя на Гарви.— Сбежал, а мы опозорены! Клянусь небом, никогда Вашингтон не доверит нам охранять ни одного подозрительного тори, если мы допустим, чтобы этот негодяй одурачил весь наш отряд! А вон сидит и чертов англичанин и смотрит на нас со снисходительной улыбкой! Мне кажется, я вижу отсюда, как он усмехается. Так, так, милейший, ты неплохо устроился, признаюсь, это куда лучше, чем болтаться в воздухе, но ты еще не добрался до берегов Гарлема, и я постараюсь перехватить тебя раньше, чем ты донесешь сэру Генри обо всем, что видел у нас,— даю слово солдата!

— Разрешите мне выстрелить и пугнуть разносчика,— попросил один драгун, вынимая пистолет из кобуры.

— А ну-ка, сгони птичек с ветки, посмотрим, куда они полетят.

Солдат выстрелил из пистолета, и Мейсон продолжал:

— Клянусь святым Георгием, эти негодяи, кажется, смеются над нами! Однако надо отправляться домой, иначе они начнут скатывать камни нам на голову, и королевские газеты сообщат, будто двое сторонников короля обратили в бегство целый полк мятежников. Они печатали и не такие небылицы!

Драгуны хмуро последовали за своим офицером, а он направился к штаб-квартире, раздумывая о том, как же теперь организовать погоню. Уже смеркалось, когда отряд Мейсона въехал во двор фермы, где перед домом собралось много офицеров и солдат, делившихся самыми преувеличенными слухами о бегстве шпиона. Мрачные драгуны, повесив голову, рассказывали товарищам о своем неудачном походе, а большинство офицеров окружило Мейсона, чтобы решить, что же теперь делать. Мисс Пейтон и Френсис, сидевшие никем не замеченные у окна над головами собравшихся, с глубоким волнением слушали все эти толки.

— Надо что-то предпринять, и как можно скорей,— заметил командир полка, раскинувшего палатки перед фермой.— Этот английский офицер, без сомнения, недавно помог врагам нанести нам тяжелый удар. К тому же его бегство задевает нашу честь.

— Давайте обыщем лес! — закричало сразу несколько голосов.— К утру они будут в наших руках.

— Тише, тише, джентльмены,— остановил их полковник,— никто не может ходить ночью по горам, если не знает проходов. К тому же там не обойтись без кавалерии, а я думаю, что лейтенант Мейсон не захочет действовать, не получив приказа от своего майора.

— Да, конечно, я не посмею,— ответил Мейсон, серьезно покачав головой,— если вы не возьмете на себя ответственность, приказав мне выступать. Но майор Данвуди вернется через два часа, и мы еще успеем передать сообщение нашим патрулям до рассвета; они устроят облаву и обыщут всю местность между двумя реками, а жителям мы пообещаем награду, так что беглецы не смогут ускользнуть, если только им не удастся добраться до своих, которые, говорят, уже вышли к Гудзону.

— Весьма недурной план! — воскликнул полковник.— Он вполне может удаться. Но пошлите гонца за Данвуди, не то он просидит у переправы так долго, что будет уже поздно; хотя беглецы, наверное, проведут ночь в горах.

Мейсон согласился, и к Данвуди был тут же послан курьер с сообщением о том, что пленник бежал и майору необходимо вернуться, чтобы возглавить погоню. Условившись о дальнейших действиях, офицеры разошлись.

Услышав о бегстве Генри, мисс Пейтон и Френсис едва поверили своим ушам. Они обе твердо надеялись, что Данвуди добьется успеха, и сочли поступок юноши крайне неосторожным; однако теперь было уже поздно думать об этом. Слушая разговоры офицеров, они поняли, как плохо придется Генри, если его снова поймают, и дрожали от страха, узнав, какие серьезные меры собираются предпринять для его поимки. Впрочем, мисс Пейтон старалась успокоить себя и убедить племянницу, что беглецы будут идти всю ночь и успеют добраться до нейтральной территории прежде, чем всадники сообщат горным патрулям об их бегстве. Отсутствие Данвуди казалось ей очень обнадеживающим, и бесхитростная тетушка обдумывала разные планы, чтобы подольше задержать майора и дать как можно больше времени племяннику. Но у Френсис было совсем другое на уме. Теперь она не сомневалась, что человек, которого она видела в горах, был Бёрч, и была почти уверена, что ее брат не станет спускаться в долину к врагам, а задержится на ночь в таинственной хижине.

Френсис и мисс Пейтон долго спорили, обсуждая положение дел, но в конце концов добрая тетушка сдалась на убеждения племянницы. Она крепко обняла девушку, поцеловала в похолодевшие щеки и горячо благословила, разрешив ей уйти и совершить подвиг сестринской любви.

ГЛАВА XXX

Затерянный в краю глухом,
Устало я бреду,
Все пусто, все мертво кругом,
И все сулит беду.

Голдсмит

Уже спускалась темная, холодная ночь, когда Френсис Уортон с сильно бьющимся сердцем, но легкими шагами прошла через маленький садик позади фермы, служившей тюрьмой ее брату, и направилась к подножию горы, где недавно видела человека, которого приняла за разносчика. Было еще довольно рано, но темнота угрюмого ноябрьского вечера, наверное, испугала бы юную девушку и заставила вернуться обратно, если бы ее не увлекал такой горячий порыв. Не останавливаясь, не раздумывая, она мчалась вперед, словно все опасности были ей нипочем, не задерживаясь, даже чтобы перевести дыхание, пока не пробежала половину дороги до скалы, на которой, как ей показалось в то памятное утро, она увидела Бёрча.

Уважение к женщине — вот самое верное доказательство цивилизованности страны, и, пожалуй, ни один народ не может так гордиться своим отношением к женщине, как американцы. Френсис не опасалась спокойных и положительных пехотинцев, ужинавших возле дороги напротив поля, через которое она бежала. Это были ее земляки, и она знала, что ополченцы из Восточных штатов, составлявшие этот отряд, относятся почтительно к женскому полу. Но она гораздо меньше доверяла легкомысленным и бесшабашным кавалеристам-южанам. Настоящие американские солдаты редко оскорбляли женщин, однако Френсис была очень чувствительна и боялась даже тени обиды. Поэтому, как только она услышала позади стук копыт медленно идущей по дороге лошади, она боязливо спряталась в рощице на пригорке, с которого, журча, сбегал ручеек.

Дозорный — ибо то был один из них — проехал мимо, не разглядев ее: она вся сжалась, стараясь сделаться как можно незаметнее, а он продолжал свой путь, мурлыкая себе под нос песенку и, должно быть, вспоминая какую-нибудь красотку, оставшуюся на берегах Потомака.

Френсис с тревогой прислушивалась к затихающему топоту копыт, а когда он совсем замер вдали, решилась осторожно выйти из своего убежища; но, пройдя несколько шагов по полю, она вновь остановилась, испуганная мрачным, зловещим пейзажем, и задумалась о том, что она затеяла. Опустив капюшон своего плаща, она оперлась о какое-то деревце и посмотрела на вершину

горы — далекую цель ее путешествия. Гора вздымалась над долиной, как громадная пирамида, но сейчас был виден только ее контур. Вершина едва выделялась на фоне более светлых туч, а между ними кое-где проглядывали звезды и, блеснув на миг, снова скрывались в клубах густого тумана, который ветер гнал значительно ниже облаков.

Если она вернется назад, Генри и разносчик, наверное, проведут ночь на этой горе, считая, что здесь они в безопасности; и Френсис устремила пристальный взор на вершину в тщетной надежде, что там мелькнет огонек и поможет ей найти дорогу. Обдуманное и, как ей казалось, непоколебимое решение офицеров вновь захватить беглецов еще звучало у нее в ушах и гнало ее вперед; но уединенность этих мест, поздний час, опасность восхождения на гору и неуверенность, удастся ли ей найти хижину, или, что было бы еще страшнее, не окажется ли она занятой неизвестными и, может быть, опасными постояльцами,— все это побуждало ее вернуться назад.

Темнота сгущалась и с каждой минутой все больше поглощала окружающие предметы, грозные тучи теснились вокруг вершины, и контуры ее все расплывались, пока она совсем не скрылась из глаз; Френсис откинула назад свои густые локоны, чтобы они не мешали ей слышать и видеть, но понемногу гора совсем исчезла во мраке. Вдруг Френсис заметила вдалеке огонек. Он мерцал в той стороне, где, как ей казалось, стояла хижина; свет то вспыхивал, то пропадал,— возможно, то было пламя костра. Вскоре и это видение пропало; горизонт прояснился, и из тучи выглянула вечерняя звезда, как будто выдержав тяжелую борьбу, чтобы пробиться к жизни. Девушка все глядела на черный силуэт горы, высившейся слева от сияющей планеты; внезапно длинный луч мягкого света лег на фантастические очертания дубов, карабкавшихся по склонам, медленно скользнул вниз, и плавно взошедший месяц осветил всю темную громаду. Теперь, с помощью благожелательного светила, озарившего долину, наша героиня могла бы пуститься в трудный путь, однако она медлила. Девушка не только увидела впереди цель, к которой стремилась, но и все препятствия, какие ей предстояло преодолеть.

Френсис стояла в сомнении, то поддаваясь робости, свойственной ее полу и возрасту, готовая отказаться от своего замысла, то решая спасти брата, несмотря ни на какие опасности; она с тревогой взглянула на восток, где зловещие тучи грозили снова погрузить всю долину во мрак, и отскочила как ужаленная! Даже от змеи она не отпрянула бы с таким ужасом, как от того предмета, к которому она невольно прислонилась: то были два высоких

столба с перекладиной, а внизу — грубый помост; это сооружение без слов сказало ей, для чего оно предназначено. Веревка была уже прилажена и висела на железном кольце, качаясь туда-сюда в ночном мраке. Френсис больше не колебалась — она не побежала, а перелетела как птица через лужайку и вскоре была уже у самой подошвы горы, где надеялась отыскать тропинку, ведущую к вершине. Здесь ей пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Она воспользовалась этим и осмотрелась вокруг. Подъем был крут, но она отыскала овечью тропу, которая вилась среди скал и деревьев и могла немного облегчить ей путь. Бросив назад испуганный взгляд, мужественная девушка собралась с духом и двинулась вверх. Наша юная героиня черпала силы в своем благородном решении и поднималась по склону упругим, легким шагом. Вскоре она вышла из лесистой полосы на открытый и более пологий откос, где поселенцы вырубили деревья, чтобы расчистить место для пашни. Но то ли война, то ли скудость почвы вынудили их забросить отвоеванное у чащи поле, и теперь оно снова поросло вереском и кустарником, словно плуг никогда не прокладывал здесь глубокие борозды и не вспахивал питавшей растения почвы.

Френсис подбодрили эти следы человеческого труда, и она двинулась по пологому склону с новой надеждой на успех. Теперь тропинка разделилась на множество разбегавшихся во все стороны ответвлений, и Френсис рассудила, что не стоит идти по ним. На первом же повороте она покинула тропинку и стала взбираться прямо вверх, выбирая, как ей казалось, самый короткий путь. Вскоре девушка миновала расчищенное место, но тут дорогу ей преградили густой лес и высокие скалы, громоздившиеся на обрывистых склонах. Френсис заметила тропку, которая вилась по краю лужайки и скрывалась среди высокой травы и росших повсюду кустов, однако ни одна дорожка не шла прямо к вершине горы. Клочья шерсти, висевшие на кустиках вереска, ясно говорили о том, кто проложил эти тропки, и Френсис справедливо предположила, что человек, спускавшийся с горы, должен был тоже знать их и они значительно облегчали ему путь.

Устав, девушка присела на камень, чтобы отдохнуть и поразмыслить.

Тучи расступились, и месяц мягко освещал всю долину, раскинувшуюся у ее ног.

Прямо под горой тянулись ровные ряды белых палаток пехоты. В окне мисс Пейтон горел огонек, и Френсис ясно представила себе, как тетушка вглядывается в темную гору, а сердце у нее трепещет от тревоги за племянницу.

Фонари поблескивали возле конюшен, где, как она знала, стояли верховые лошади; и при мысли о том, что драгуны уже

готовятся к ночному походу, она снова вскочила и бросилась вперед.

Нашей героине оставалось еще пройти больше четверти мили, хотя она уже преодолела около двух третей подъема. Но теперь перед ней не было ни тропинки, ни каких-либо следов, указывающих путь. К счастью, гора, как и большинство гор этой цепи, имела коническую форму, и Френсис могла быть уверена, что, идя все время вверх, она в конце концов выйдет к хижине, стоящей на самой вершине. Больше часу боролась она со множеством препятствий, вставших у нее на пути — не раз выбивалась из сил, не раз чуть не срывалась в пропасть,— но наконец все-таки добралась до небольшой площадки на верхушке горы.

Изнемогая от усилий, непривычных для ее хрупкого организма, она бросилась на камень, чтобы передохнуть и собраться с силами для предстоящей встречи. На это ушло всего несколько мгновений — она тотчас встала и принялась разыскивать хижину.

Все окрестные горы были ясно видны в ярком свете месяца, и Френсис могла указать с высоты, где проходит дорога, поднимавшаяся из долины. Проследив взглядом за линией дороги, Френсис нашла то место, откуда она в первый раз увидела таинственное жилище; она знала, что хижина стоит прямо против этого места.

Холодный ветер свистел в оголенных ветвях корявых и узловатых дубов; Френсис тихонько пробиралась вперед, еле шурша опавшими листьями и стараясь выйти туда, где она надеялась найти потайное убежище; но кругом не было ничего, хоть отдаленно напоминающего человеческое жилье. Тщетно вглядывалась она в каждую расщелину в утесах, в каждый скалистый выступ, надеясь отыскать наконец лачугу разносчика. Она не видела ни хижины, ни следов человека. Мысль о полном одиночестве леденила душу оробевшей девушки, и, подойдя к краю скалы, она нагнулась, чтобы взглянуть, не видны ли в долине какие-нибудь признаки жизни, но тут ее вдруг ослепил яркий луч света и обдало струей теплого воздуха.

Как только Френсис пришла в себя от изумления, она поглядела вниз, на небольшую площадку, и увидела, что стоит как раз над хижиной, которую искала. В крыше было проделано отверстие для дыма, и, когда ветер отогнал густые клубы, девушка увидела, что в грубом каменном очаге прыгает яркий, веселый огонь. К хижине вела извилистая тропинка, огибавшая скалу, на которой стояла Френсис, и, спустившись по ней, она приблизилась к двери.

Три стены этого странного дома — если можно так его назвать — были сложены из бревен и поднимались немного выше

человеческого роста, четвертой служила скала, к которой прилепилась лачуга. Крыша была покрыта древесной корой, разложенной длинными полосами до самой скалы; щели между бревнами были замазаны глиной, но местами она отвалилась, и ее заменили сухими листьями, чтобы защитить хижину от ветра. В передней стене было всего одно окошко с четырьмя стеклами, но сейчас его тщательно прикрыли доской, чтобы свет от очага не пробивался наружу. Остановившись и оглядев это диковинное жилище, которое, как Френсис была уверена, служило кому-то тайным убежищем, она посмотрела в щелку, чтобы узнать, каково оно внутри. В хижине не было ни лампы, ни свечи, но пылавшие в очаге сухие сучья отбрасывали такой яркий свет, что при нем можно было бы читать. В углу лежал соломенный тюфяк, а на нем были небрежно брошены два-три одеяла, как будто кто-то недавно укрывался ими. На колышках, вбитых в трещины скалы и в щели бревенчатых стен, висело множество всевозможной одежды — мужской и женской, для разного роста и сложения, общественного положения и возраста. Тут мирно уживались рядом английские и американские военные мундиры; на одном и том же колышке висело полосатое ситцевое платье, какие обычно носили деревенские жительницы, и густо напудренный парик — короче говоря, в этом гардеробе было столько разнообразных нарядов, что можно было бы одеть целый приход.

В углу у скалы, против горящего очага, стоял открытый буфет, в котором виднелись две-три тарелки, кружка и остатки пищи. Перед очагом стоял стол со сломанной ножкой, сколоченный из грубо отесанных досок, а перед ним — единственный стул, вот и вся обстановка этой лачуги, не считая кое-каких кухонных принадлежностей. На столе лежала закрытая книга, судя по ее переплету и толщине — должно быть, Библия. Однако внимание Френсис приковал к себе находившийся в хижине человек. Он сидел за столом, опершись головой на руку, скрывавшую его лицо, и был поглощен чтением каких-то бумаг. Возле него на столе лежала пара необычных, богато отделанных кавалерийских пистолетов, а между его коленями высовывался эфес шпаги тонкой чеканки, на который он небрежно опустил другую руку. Рослая фигура этого неожиданного посетителя хижины и его атлетическое телосложение нисколько не напоминали ни Гарви, ни ее брата, и девушке не надо было разглядывать его одежду, чтобы сразу убедиться, что это не тот, кого она искала. На незнакомце был застегнутый до подбородка, плотно облегавший его сюртук, рейтузы из буйволовой кожи и военные сапоги со шпорами. Зачесанные кверху волосы не закрывали ему лица и, согласно моде того времени, были обильно напудрены. Рядом, на каменном полу,

лежала круглая шляпа, вероятно сброшенная им со стола, чтобы освободить место для развернутой карты и разных бумаг.

Для нашей героини это был весьма неприятный сюрприз. Твердо уверенная, что дважды виденный ею на горе человек, несомненно, разносчик и что именно он помог ее брату бежать, она не сомневалась, что застанет его вместе с братом в этой хижине, а теперь хижина оказалась занятой посторонним. Френсис пристально смотрела в щелку, не зная, что ей делать: то ли уйти, то ли подождать в надежде, что позже появится и Генри, как вдруг незнакомец, сидевший в глубокой задумчивости, убрал руку, которой прикрывал глаза, и девушка сразу узнала строгое, но приятное и доброе лицо Харпера.

В голове у нее мигом пронеслись слова Данвуди о его влиянии и могуществе, мелькнули воспоминания о его добром, отеческом отношении к ней, об обещании помочь ее брату, и, распахнув дверь, девушка бросилась к его ногам и, обнимая ему колени, закричала:

— Спасите его! Спасите его! Молю вас, спасите моего брата! Вспомните ваше обещание и спасите его!

Когда дверь отворилась, Харпер встал, и его рука потянулась к пистолету, но движения его были спокойны, и он тут же остановился. Наклонившись, он откинул капюшон, закрывавший Френсис лицо, и воскликнул с изумлением и неудовольствием:

— Как, мисс Уортон? Не может быть, чтобы вы пришли сюда одна!

— Совсем одна! Со мной нет никого, кроме вас и господа бога. Его святым именем молю вас — вспомните ваше обещание и спасите моего брата!

Харпер ласково поднял девушку и, усадив на стул, попросил успокоиться и объяснить ему, что привело ее сюда. Френсис тотчас чистосердечно рассказала ему все и объяснила, как она попала в это уединенное место одна, в такой поздний час.

Всегда трудно проникнуть в мысли человека, так хорошо умеющего владеть своими чувствами, как Харпер, но теперь, когда он слушал бесхитростный и пылкий рассказ молодой девушки, в его умных глазах блеснул теплый огонек, и черты его замкнутого лица смягчились. С глубоким вниманием выслушал он описание бегства Генри и блужданий Френсис по лесу и в продолжение всего рассказа глядел на нее с горячим участием и снисходительностью. Ее опасения, как бы брат не задержался слишком долго в горах, казалось, встревожили и его, ибо, когда она кончила, он раза два молча прошелся взад-вперед по хижине, погрузившись в раздумье.

Френсис колебалась, не зная, что еще добавить, и рука ее бессознательно гладила рукоятку одного из пистолетов; бледность ее встревоженного личика сменилась ярким румянцем, когда после недолгого молчания она снова заговорила:

— Конечно, мы можем положиться на дружбу майора Данвуди, но у него такие строгие взгляды на честь, что... вопреки его чувствам... его желанию нам помочь... он, наверное, сочтет своим долгом снова захватить в плен моего брата. К тому же он думает, что это ничем не грозит Генри, потому что полагается на вашу помощь.

— На мою помощь? — спросил Харпер, с удивлением глядя на нее.

— Да, на вашу помощь. Когда мы рассказали ему о вашем добром участии, он уверил нас, что вы пользуетесь большим влиянием и если дали обещание, то наверняка добьетесь прощения для Генри.

— А еще что он вам сказал? — спросил Харпер с некоторым беспокойством.

— Больше ничего, он только повторил, что Генри нечего опасаться. А теперь он разыскивает вас.

— Мисс Уортон, в прискорбной борьбе между Англией и Америкой я играю немаловажную роль, было бы бесполезно это отрицать. И побег вашего брата удался потому, что я знал о его невиновности и помнил свое обещание. Однако майор Данвуди ошибается, полагая, будто я могу открыто добыть Генри прощение. И все же я могу вмешаться в его судьбу и даю вам слово, что имею некоторое влияние на Вашингтона и приму меры, чтобы вашего брата снова не взяли в плен. Но и вы должны тоже дать мне обещание: скройте от всех нашу встречу и держите в тайне все, что было здесь сказано, пока я не разрешу вам говорить об этом.

Френсис обещала Харперу молчать, и он продолжал:

— Скоро сюда придет разносчик с вашим братом, однако британский офицер не должен видеть меня, иначе Бёрч может поплатиться жизнью.

— Никогда! — горячо воскликнула Френсис.— Генри никогда не поступит так низко и не выдаст человека, спасшего ему жизнь!

— Мисс Уортон, мы не играем в детскую игру. Жизнь и судьба многих людей висят на волоске, и ничего нельзя оставлять на волю случая. Если бы сэр Генри Клинтон узнал, что разносчик видится со мной, да еще при таких подозрительных обстоятельствах, несчастный Бёрч немедленно поплатился бы собственной головой. Поэтому, если вы цените человеческую жизнь и желаете

спасти вашего брата, будьте осторожны и молчите. Расскажите им обоим все, что вы слышали на ферме, и убедите их немедленно уйти отсюда. Если им удастся проскользнуть до утра мимо наших последних постов, то дальше уж я позабочусь, чтобы никто их не перехватил. А у майора Данвуди найдутся дела поважней, чем подвергать опасности жизнь своего друга.

С этими словами Харпер заботливо свернул карту, которую он изучал, и положил в карман вместе с бумагами, лежавшими на столе. Он еще был занят этим делом, когда на скале у них над головой раздался необычно громкий голос Бёрча:

— Подите-ка сюда, капитан Уортон, и вы увидите палатки, освещенные луной. Пускай они теперь скачут на своих лошадях, у меня есть укромный уголок, где мы спрячемся с вами и просидим сколько захотим.

— Где ж этот уголок? Признаться, последние два дня я почти не ел и теперь умираю с голоду.

— Гм! — откашлялся разносчик и заговорил еще громче.— Гм! Гм! Из-за этого тумана я совсем охрип. Двигайтесь потихоньку, будьте осторожны, не поскользнитесь, а то как раз угодите на штык часового внизу. Подниматься в гору тяжеленько, а вниз можно скатиться в один миг.

Харпер прижал палец к губам, напоминая Френсис о ее обещании, взял пистолеты и шляпу, чтобы не оставлять никаких следов своего пребывания в хижине, и отошел в дальний угол; там он отодвинул несколько платьев, открыл вход в небольшую пещеру, вошел в нее и, опустив платья, скрылся. При ярком свете очага Френсис заметила, что то была естественная ниша в скале, где лежала лишь кое-какая домашняя утварь.

Легко себе представить, как были удивлены разносчик и Генри, когда увидели в хижине Френсис. Не тратя времени на объяснения или вопросы, пылкая девушка бросилась на шею брату и залилась слезами. Но разносчика, по-видимому, волновали совсем иные чувства. Прежде всего он взглянул на огонь и убедился, что в него недавно подбросили дров, потом выдвинул небольшой ящик в столе и с тревогой обнаружил, что он пуст.

— Вы здесь одна, мисс Фанни? — спросил он с беспокойством.— Неужели вы пришли сюда одна?

— Одна, как видите, мистер Бёрч,— ответила Френсис, высвобождаясь из объятий брата, и бросила на скрытую пещеру выразительный взгляд, который был тотчас перехвачен и понят проницательным разносчиком.

— Но зачем и каким образом ты сюда попала? — воскликнул удивленный Генри.— И откуда ты узнала об этой хижине?

Френсис поспешила вкратце рассказать обо всем, что произошло на ферме после бегства брата и как она решила его разыскать.

— Однако,— заметил Бёрч,— почему вам вздумалось искать нас здесь, в то время как мы были на другой стороне горы?

Тут Френсис поведала ему, как она увидела блеснувшее окно хижины и фигуру разносчика в тот день, когда ехала через горный перевал, а потом снова заметила его на другой день и как она сразу решила, что именно здесь беглецы будут искать убежища на ночь.

Бёрч пристально всматривался в лицо девушки, слушая ее бесхитростный рассказ о том, как она случайно проникла в его тайну, а когда она замолчала, вскочил и, схватив палку, ударил по стеклу и выбил его.

— Это была единственная роскошь, какую я себе позволил,— сказал он,— но даже и этим маленьким удобством пользоваться небезопасно! Мисс Уортон,— добавил он с той горечью, которая не раз сквозила в его словах, и подошел к ней,— в этих горах за мной охотятся, как за диким зверем, но, когда я выбиваюсь из сил и прячусь в этом убежище, каким бы оно ни было бедным и жалким, я все же могу провести здесь спокойную ночь. Неужели вы сделаете жизнь затравленного человека еще более ужасной?

— Никогда! — с жаром закричала Френсис.— Я никому не выдам вашей тайны.

— Даже Данвуди? — тихонько спросил разносчик, и его пытливые глаза, казалось, заглянули девушке в душу.

Френсис на минуту опустила голову, но тут же вновь подняла свое вспыхнувшее личико и горячо воскликнула:

— Никогда, никогда, Гарви! Пусть бог услышит мою клятву!

Разносчик как будто успокоился; он отошел в глубь хижины и, улучив минуту, когда Генри отвернулся, проскользнул между платьями в пещеру.

Френсис и ее брат, полагавший, что Гарви вышел в дверь, продолжали обсуждать создавшееся положение. Вскоре Генри согласился, что им следует немедленно уходить, чтобы опередить Данвуди, который, повинуясь своему долгу, не откажется от преследования беглеца. Генри вынул записную книжку и, вырвав из нее листок, набросал на нем несколько строк, а потом сложил его и протянул сестре.

— Френсис,— сказал он,— сегодня ночью ты доказала, что ты необыкновенная девушка. Если ты любишь меня, передай эту записку Данвуди, не читая ее, и помни, что два часа отсрочки — для меня спасение.

— Я все сделаю, будь спокоен, но зачем вам задерживаться? Бегите сейчас же, не теряйте драгоценных минут!

— Ваша сестра права, капитан Уортон,— сказал Бёрч, незаметно вернувшийся в комнату.— Мы должны выходить немедля. Возьмем еду с собой и подкрепимся на ходу.

— Но кто же позаботится об этой самоотверженной девушке? — воскликнул капитан.— Я не могу покинуть ее одну в таком глухом месте.

— Оставь меня, не бойся! — отвечала Френсис.— Я спущусь вниз так же, как поднялась наверх. Не сомневайся во мне, ты еще не знаешь, как много во мне мужества и силы.

— Это правда, я не знал, на что ты способна, дорогая моя, но теперь, когда я оценил твое сердце, могу ли я бросить тебя одну? Ни за что!

— Капитан Уортон,— сказал Бёрч, распахивая дверь,— если у вас несколько жизней, вы можете играть ими, у меня же всего одна, и я должен ее беречь. Уходить ли мне одному или вы пойдете со мной?

— Иди, иди, Генри, дорогой! — вскричала Френсис, обнимая его.— Иди же, подумай о нашем отце, подумай о Саре.— И, не дожидаясь ответа, она ласково вытолкнула брата за дверь и заперла ее.

Тут между Генри и разносчиком разгорелся короткий, но жаркий спор; однако Бёрч, видимо, убедил капитана, и Френсис затаив дыхание услышала удаляющиеся шаги беглецов, поспешно сходивших с откоса.

Как только шаги затихли вдали, Харпер вышел из своего убежища.

Он молча взял Френсис за руку и вывел из хижины. Казалось, он хорошо знает дорогу; он уверенно провел девушку на скалу над хижиной, пересек площадку на вершине горы и стал спускаться вниз, заботливо указывая ей на препятствия, попадавшиеся у них на пути, и охраняя ее, чтоб она не ушиблась.

Идя рядом со своим странным спутником, Френсис чувствовала, что ее сопровождает выдающийся человек: твердость его поступи и уверенность движений свидетельствовали об отважном и решительном характере. Выйдя на дорогу по другую сторону горы, они быстро двинулись вперед, не подвергаясь опасности. Френсис потратила на этот подъем больше часу, теперь же они спустились за десять минут и вышли на уже описанный нами очищенный от леса участок. Харпер свернул тут на овечью тропу и, быстро пройдя лужайку, подошел к спрятанному в кустах коню под богатым военным седлом. При виде хозяина благородное

животное фыркнуло и стало бить землю копытом, а Харпер подошел и вложил пистолеты в седельные кобуры.

Затем, повернувшись к Френсис, он взял ее за руку и сказал:

— Мисс Уортон, сегодня вы спасли вашего брата. Я не могу объяснить вам, почему на этот раз я не в состоянии прийти ему на помощь. Однако, если вам удастся задержать кавалеристов на два часа, он будет в полной безопасности. После всего, что вы совершили, я думаю, вы справитесь и с этой задачей. Бог не дал мне детей, милая леди, но, если бы по его святой воле мой брак не остался бездетным, я молил бы его послать мне такое сокровище, как вы. И все же вы — мое дитя: все жители этой обширной страны — мои дети, и я должен заботиться о них. Примите же благословение человека, который надеется встретить вас в более счастливые дни.

И с этими словами, произнесенными так торжественно, что они проникли в самое сердце Френсис, он положил руку ей на голову. Простодушная девушка подняла на него свой взор. Капюшон снова соскользнул с ее волос, и луна осветила ее прелестное личико. По щекам у нее скатились две слезинки, а чистые голубые глаза с благоговением смотрели на Харпера.

Он наклонился, запечатлел у нее на лбу отеческий поцелуй и добавил:

— Любая из этих овечьих троп выведет вас в долину. Здесь мы должны расстаться: у меня много дел, и мне предстоит далекий путь. Вспоминайте меня, но только в ваших молитвах.

Тут он сел на коня и, махнув шляпой, стал спускаться с горы, пока не скрылся за деревьями. С облегченным сердцем Френсис бросилась вперед и, выбрав первую тропинку, сбегавшую вниз, через несколько минут уже очутилась в долине, в целости и сохранности. Когда она уже вышла в поле и тихонько пробиралась к дому, она услышала вдали стук копыт и, вздрогнув, подумала, что порой следует гораздо больше опасаться людей, чем полного одиночества. Забившись в уголок за изгородью неподалеку от дороги, она замерла, вглядываясь в проезжавших. Мимо нее проскакал небольшой отряд драгун, но не в форме Виргинского полка, а за отрядом ехал человек, завернувшись в широкий плащ; она сразу признала в нем Харпера. Позади скакал негр в ливрее, а двое юношей в военных мундирах замыкали кортеж. Вместо того чтобы выехать на дорогу, ведущую к лагерю, они вдруг круто свернули влево и скрылись в горах.

Спрашивая себя, кто же этот неизвестный могущественный друг ее брата, Френсис прокралась через поле, со многими предосторожностями проскользнула к ферме и наконец бесшумно вошла в дом, никем не замеченная, живая и невредимая.

ГЛАВА XXXI

Прочь, лицемерье робкое! На помощь
Приди ко мне, святое простодушье!
Твоей женой я стану, если ты
Меня захочешь взять.

Шекспир. Буря[1]

От мисс Пейтон Френсис узнала, что Данвуди еще не вернулся. Однако, желая избавить Генри от внушений назойливого фанатика, он уговорил весьма почтенного священника той же церкви, что и семейство Уортон, переправиться через реку и оказать узнику последнюю услугу. Этот служитель божий недавно приехал и уже с полчаса вел поучительную беседу с любезной тетушкой, которая всячески избегала упоминания о происшедших в доме событиях.

Мисс Пейтон в волнении засыпала Френсис вопросами о том, как удался ее романтический поход, но девушка ответила лишь, что дала слово молчать, и посоветовала добрейшей тетушке следовать ее примеру. Однако во время беседы с мисс Дженнет улыбка порхала вокруг хорошеньких губок племянницы, и это убедило тетку, что все идет хорошо. Она стала уговаривать Френсис подкрепиться после столь утомительного путешествия, но тут раздался стук копыт въезжавшего в ворота коня, возвестивший о приезде майора. Посланный Мейсоном гонец нашел Данвуди возле переправы, где он нетерпеливо дожидался возвращения Харпера. Узнав о бегстве друга, майор тотчас бросился к месту его заключения, и в груди у него закипели тысячи противоречивых чувств. Сердце Френсис отчаянно забилось, когда она услышала его приближающиеся шаги. Прошел всего один час из тех двух, что были необходимы для благополучного бегства ее брата, как сказал разносчик. Даже влиятельный Харпер, при всем своем желании помочь Генри, считал очень важным задержать виргинцев по меньшей мере на два часа. Не успела Френсис собраться с мыслями, как Данвуди вошел в одну дверь, а мисс Пейтон, со свойственной женщинам деликатностью, выскользнула в другую.

Лицо майора раскраснелось и выражало разочарование и досаду.

— Как это неосторожно и как неблагородно с его стороны! — воскликнул он, бросаясь в кресло.— Бежать в ту минуту, когда я заверил его, что теперь он спасен! Право, Френсис, я все больше убеждаюсь, что вам доставляет удовольствие сталкивать наши чувства с нашим долгом.

---

[1] Перевод М. Донского.

— Быть может, мы по-разному понимаем наш долг,— ответила девушка, подходя к нему и прислоняясь к стене,— но чувства у нас одинаковые, Пейтон. Вы, наверное, тоже радуетесь бегству Генри.

— Но ему не грозила опасность! Харпер дал обещание, а на его слово можно положиться. Ах, Френсис, Френсис! Если бы вы знали этого человека, вы никогда не усомнились бы в нем и не поставили бы меня в такое трудное положение!

— В какое положение? — спросила Френсис, глубоко сочувствуя ему, но стараясь воспользоваться любым предлогом, чтобы оттянуть время.

— Как — в какое положение? Разве я не буду вынужден теперь провести эту ночь в седле и охотиться за Генри, когда я так надеялся сегодня лечь в постель со счастливым сознанием, что сделал все, чтобы его спасти! Вы заставляете меня поступать так, словно я ваш враг, меня, который готов отдать за вас последнюю каплю крови! Повторяю, Френсис, он был неправ, он поступил неблагородно и сделал ужасную ошибку!

Френсис, наклонившись к Данвуди, одной рукой застенчиво взяла его за руку, а другой ласково откинула ему кудри с пылающего лба.

— А зачем вам ехать за ним, милый Пейтон? — спросила она.— Вы уже так много сделали для вашей родины, она не может требовать от вас еще и этой жертвы.

— Френсис! Мисс Уортон! — воскликнул молодой человек, вскакивая и начиная в волнении шагать взад-вперед по комнате; на щеках его сквозь загар проступила краска, а глаза засверкали от возмущения.— Этой жертвы требует не родина, а моя честь. Ведь Генри бежал из-под охраны моих солдат. Если б не это, быть может, я избежал бы необходимости ответить ударом на удар. Впрочем, если виргинцев можно провести обманом и хитростью, то кони у них резвы, а сабли остры. Пусть только взойдет солнце, и мы посмотрим, кто осмелится сказать, будто красота сестры послужила прикрытием для бегства брата. Да, да,— прибавил он с горьким смехом,— хотел бы я услышать, как какой-нибудь негодяй посмеет тогда намекнуть, будто я изменил своему делу!

— Ах, Пейтон, дорогой Пейтон,— воскликнула Френсис, отступая перед его гневным взглядом,— от ваших слов у меня леденеет кровь! Неужели вы хотите убить моего брата?

— Я готов умереть за него,— ответил Данвуди, и взгляд его смягчился,— и вы это знаете, но я предвижу, какое ужасное подозрение навлечет на меня его поступок. Что подумает обо мне Вашингтон, когда узнает, что я стал вашим мужем?

— Если только это заставляет вас так жестоко поступать

с Генри,— проговорила Френсис дрожащим голосом,— пусть наша свадьба не состоится, и Вашингтону нечего будет узнавать.

— И вы думаете, что утешили меня, Френсис?

— Ах, дорогой Пейтон, я не хотела сказать ничего жестокого или несправедливого, но не придаете ли вы нам обоим слишком большое значение в глазах Вашингтона, когда этого нет на деле?

— Я уверен, что главнокомандующему небезызвестно мое имя,— ответил майор с некоторой гордостью.— Да и вы из скромности умаляете свое значение. Я верю вам, Френсис, когда вы говорите, что жалеете меня, и я должен доказать, что достоин ваших чувств... Однако я теряю драгоценные минуты. Мы должны сегодня же ночью перевалить через горы и успеть отдохнуть перед завтрашним походом. Мейсон уже готов и ждет моего приказа. Френсис, я покидаю вас с тяжелым сердцем; пожалейте меня, но не тревожьтесь за вашего брата: хотя он должен снова попасть в плен, ни один волос не падет с его головы.

— Постойте, Данвуди, умоляю вас! — вскричала Френсис, задыхаясь от волнения, ибо она видела, что часовая стрелка еще далеко не дошла до желанного часа.— Прежде чем вы отправитесь выполнять вашу тяжелую обязанность, прочитайте эту записку. Генри оставил ее для вас, считая, конечно, что обращается к другу своего детства.

— Френсис, я понимаю ваши чувства, но надеюсь, придет время, когда вы будете справедливее ко мне.

— Это время уже пришло,— молвила Френсис, протягивая ему руку, не в силах дольше выказывать ему недовольство, которого не испытывала.

— Откуда у вас эта записка? — воскликнул молодой человек, пробегая ее глазами.— Бедный Генри, ты и вправду мой друг! Если кто-нибудь желает мне счастья, то один ты!

— О да, это правда! — горячо подхватила Френсис.— Он желает вам счастья от всей души. Верьте тому, что он пишет, каждое его слово — правда.

— Я верю ему, любимая моя Френсис, но он ждет от вас подтверждения его слов. Ах, если б я мог так же верить в вашу привязанность!

— Вы можете, Пейтон,— ответила Френсис, глядя на жениха с невинной доверчивостью.

— Тогда прочитайте это письмо и подтвердите слова Генри,— прервал ее Данвуди и протянул записку.

Френсис взяла ее и с удивлением прочитала:

«Жизнь слишком драгоценна, чтобы доверять ее случаю. Я ухожу, Пейтон, никто не знает об этом, кроме Цезаря, и я прошу

вас — будьте снисходительны к нему. Однако меня гнетет тяжелая забота. Не оставьте моего старого, больного отца. Ему придется расплачиваться за мнимое преступление сына. Не оставьте и моих беспомощных сестер, брошенных мной без покровителя. Докажите, что вы любите всех нас. Пусть священник, которого вы привезете с собой, соединит вас сегодня же с Френсис и сделает вас сразу братом, сыном и супругом».

Записка выпала у Френсис из рук, девушка подняла глаза и взглянула на Данвуди, но тут же в смущении снова опустила их.

— Достоин ли я такого доверия? Пошлете ли вы меня сегодня ночью на поиски моего брата или офицер Конгресса будет преследовать офицера королевских войск?

— А разве вы будете менее ревностно выполнять ваш долг, если я стану вашей женой, майор Данвуди? Разве мое согласие улучшит положение Генри?

— Я повторяю вам, Генри ничто не угрожает. Слово Харпера служит тому порукой. Но я хочу показать всему миру, как новобрачный из чувства долга не побоялся арестовать брата своей жены,— сказал Пейтон, быть может слегка лукавя перед самим собой.

— И вы думаете, мир поймет такие тонкие чувства? — спросила Френсис с сомнением, однако ее тон зародил в душе влюбленного горячую надежду.

По правде сказать, для Френсис это было великим искушением. Конечно, ей казалось, что у нее нет иной возможности задержать Данвуди до истечения рокового часа. Ведь сам Харпер недавно сказал ей, что не может открыто помочь Генри и все зависит от того, будет ли отсрочена погоня,— эти слова не выходили у нее из головы. Быть может, у нее также промелькнула мысль, что, если Пейтон настигнет ее брата и тот подвергнется наказанию, ей придется навсегда расстаться с женихом. Очень трудно проникнуть в человеческие чувства, а в нежном женском сердце они вспыхивают и исчезают с быстротой молнии.

— Почему вы колеблетесь, дорогая Френсис? — вскричал Данвуди, следивший, как меняется выражение ее лица.— Через несколько минут я мог бы получить права супруга и охранять вас.

У Френсис закружилась голова. С тревогой взглянула она на часы, но стрелки, казалось, медлили на циферблате, нарочно терзая ее.

— Говорите, Френсис,— прошептал Данвуди.— Могу ли я позвать нашу добрую тетушку? Решайте, время не ждет.

Она попыталась отвечать, но ей удалось прошептать лишь

несколько невнятных слов, которые ее жених, пользуясь извечной уловкой влюбленных, истолковал как согласие. Он повернулся и бросился к двери, когда его возлюбленная вновь обрела дар речи.

— Постойте, Пейтон! Я не могу произнести торжественный обет с нечистой совестью. Я видела Генри после побега и знаю, что для него важнее всего выиграть время. Вот вам моя рука. Если вы, зная, какие последствия может повлечь задержка, не оттолкнете ее, я добровольно даю ее вам.

— Оттолкнуть вашу руку! — воскликнул восхищенный Пейтон.— Я принимаю ее, как самый драгоценный дар, посланный мне небом. Нам на все хватит времени. Переход через горы займет два часа, а завтра к полудню я вернусь от Вашингтона с прощением для вашего брата, и своим присутствием Генри оживит наше свадебное торжество.

— Тогда обождите меня здесь десять минут,— промолвила Френсис, радуясь тому, что с души ее свалилась тяжесть, и окрыленная надеждой на спасение Генри,— я скоро вернусь и произнесу обеты, которые навеки свяжут меня с вами.

Данвуди задержался на миг, чтобы прижать ее к груди, и тотчас побежал передать свою просьбу священнику.

Мисс Пейтон выслушала Френсис с бесконечным удивлением и некоторым неудовольствием. Такая поспешная свадьба нарушала все правила и обычаи. Тем не менее Френсис кротко, но твердо заявила, что не изменит своего намерения; она уже давно получила согласие родных на этот брак и несколько месяцев по своей воле откладывала его. Теперь она дала обещание Данвуди и хочет его выполнить; больше она ничего не сказала, боясь, как бы нечаянно не упомянуть о Бёрче или Харпере и не повредить им обоим. Не привыкшая спорить и к тому же очень любившая Пейтона, тетушка приводила лишь слабые возражения, которые сразу разбивались о твердое решение племянницы. Мистер Уортон, утративший всякую волю, полностью подчинялся обстоятельствам и не посмел возражать человеку, имеющему такое влияние в американской армии, как Данвуди.

Итак, через десять минут девушка вернулась в комнату вместе с отцом и тетушкой. Данвуди и викарий уже ждали их.

Молча и без показной застенчивости Френсис вручила жениху обручальное кольцо своей матери, и, после того как мистер Уортон и она сама приготовились к церемонии, тетушка разрешила приступить к венчанию.

Часы находились как раз перед Френсис, и она не раз бросала на них тревожные взгляды; но вскоре торжественные слова молитвы поглотили все ее внимание, и мысли сосредоточились на

брачных обетах, которые она произносила. Но вот свадебный обряд окончился, и, когда священник благословил новобрачных, пробило девять часов. Прошли два часа, которые Харпер считал столь важными для беглеца, и Френсис почувствовала, как у нее с сердца скатился тяжелый камень.

Данвуди заключил ее в объятия, много раз благодарил кроткую тетушку и с жаром пожимал руки мистеру Уортону и священнику. Вдруг среди горячих поздравлений раздался резкий стук в дверь, и на пороге появился Мейсон.

— Драгуны в седле,— сказал лейтенант,— и, с вашего разрешения, я думаю выступать. Я поведу солдат: на вашей резвой лошади вы догоните нас, когда сочтете нужным.

— Да, да, дорогой друг, выступайте! — воскликнул Данвуди, с радостью хватаясь за этот предлог, чтобы немного задержаться.— Я догоню вас на первом привале.

Лейтенант ушел, чтобы выполнить приказ майора, за ним вышли мистер Уортон и священник.

— Теперь, Пейтон,— сказала Френсис,— вы и вправду отправитесь на розыски вашего брата. И я уверена, мне незачем напоминать вам, чтоб вы пощадили Генри, если, к несчастью, найдете его.

— Скажите — к счастью,— вскричал молодой офицер,— и я уверен, что тогда он будет танцевать на нашей свадьбе. Ах, если б я мог убедить его в правоте нашего дела! Ведь мы сражаемся за его родину, и я дрался бы за нее с еще большим жаром, Френсис, если б он был рядом со мной!

— Не говорите так, мне страшно думать об этом!

— Не буду вас пугать,— ответил Пейтон.— Однако теперь мне надо вас покинуть. Чем скорее я уеду, дорогая, тем скорее вернусь к вам.

Но тут послышался топот копыт: к дому подъехал всадник, и не успел Данвуди попрощаться с молодой женой и с тетушкой, как часовой ввел в комнату офицера. Он был в форме адъютанта, и майор сразу понял, что он из штаба Вашингтона.

— Майор Данвуди,— сказал офицер, поклонившись дамам,— главнокомандующий велел мне передать вам этот приказ.— И, выполнив поручение, гонец немедленно удалился, сославшись на неотложные дела.

— Вот видите, все неожиданно обернулось по-другому! — вскричал майор.— Но я понимаю, что произошло: Харпер получил мое письмо, и вы можете убедиться, какое он имеет влияние!

— Эти новости касаются Генри? — воскликнула Френсис, подбегая к нему.

— Послушайте и судите сами:

«Сэр, по получении сего выступайте с Вашим эскадроном и к десяти часам утра будьте на Кротонских высотах, где Вы должны построить драгун перед неприятельским отрядом, посланным для прикрытия фуражиров. Вы найдете там отряд пехоты, который послужит Вам подкреплением. Мне сообщили о бегстве английского шпиона, но поимка его менее важна, чем дело, которое я Вам поручаю. А потому отзовите Ваших людей, если они были посланы в погоню за ним, и постарайтесь остановить продвижение врага.

Ваш покорный слуга *Джордж Вашингтон*».

— Слава богу! — вскричал Данвуди.— Я избавился от обязанности ловить Генри и могу с честью выполнить свой долг.

— Но будьте осторожны, дорогой Пейтон,— промолвила Френсис, смертельно побледнев,— помните, что теперь у вас есть новые обязанности, и берегите свою жизнь.

Молодой человек с восхищением поглядел на прелестное бледное личико и, прижав девушку к сердцу, ответил:

— Я буду беречь себя ради вас, чистая душа!

Френсис разрыдалась, припав к его груди, но он вырвался из ее объятий и вышел.

Мисс Пейтон увела племянницу, считая необходимым перед отходом ко сну дать ей несколько наставлений относительно ее будущих супружеских обязанностей. Френсис терпеливо выслушала тетушку, хотя и не вполне усвоила ее урок. Мы очень сожалеем, что предание не донесло до нас этих ценных поучений, но, несмотря на все наши изыскания, нам удалось лишь узнать, что в них было не больше смысла, чем в рассуждениях холостяка о воспитании детей.

А теперь нам придется на время покинуть обеих леди и вернуться к капитану Уортону и разносчику Бёрчу.

ГЛАВА XXXII

Последнего лишен он слова —
Веревка для него готова!

Рокби

Разносчик и его спутник вскоре спустились в долину. Там они остановились, прислушиваясь, но не уловили ни звука, свидетельствующего о том, что погоня уже началась, и вышли на большую дорогу. Бёрч, обладавший крепкими ногами, привыкшими к долгой ходьбе, прекрасно знал все горные проходы и шел впе-

реди крупным, размеренным шагом, свойственным людям его профессии; ему недоставало лишь тюка с товарами, а в остальном он сохранял свой обычный деловой вид. Когда они приближались к одному из многочисленных американских постов, разбросанных в горах, они делали крюк и скрывались от часовых, бесстрашно ныряя в лесную чащу или взбираясь на крутой откос, казавшийся на первый взгляд неприступным. Разносчику был знаком каждый поворот горных тропинок, он твердо помнил, где можно перебраться через глубокое ущелье и где перейти вброд быструю речку. Раза два Генри казалось, что дальше пройти уже невозможно, однако его умелый проводник так хорошо изучил эту местность, что находил выход из любого затруднения. Пройдя часа три быстрым шагом, они вдруг свернули с дороги, отклонявшейся на восток, и двинулись на юг, прямо через горы. Разносчик объяснил Генри, что они пошли по этому направлению, чтобы избежать встречи с американскими частями, охраняющими южные склоны гор, а также чтобы сократить путь. Поднявшись на вершину небольшой горы, Гарви уселся возле ручейка и, раскрыв мешок, который он нес за плечами вместо обычного тюка с товаром, предложил своему спутнику разделить с ним скромную трапезу.

Все это время Генри не отставал от Бёрча, но не столько благодаря своей выносливости, сколько подгоняемый тревогой, вполне естественной в его положении. Делать привал в такую минуту, когда конный отряд мог отрезать им путь через нейтральную полосу, показалось ему неразумным. Он высказал свои опасения и постарался убедить разносчика продолжать путь.

— Лучше последуйте моему примеру, капитан Уортон,— возразил Бёрч, принимаясь за свой скудный ужин.— Если драгуны уже выехали, то никакой пешеход не сможет от них уйти; если же нет, то скоро им поручат такое дело, что мысли о нас с вами тотчас вылетят у них из головы.

— Вы сами говорили, что для нас важнее всего задержать их на два часа, а если мы здесь замешкаемся, то утратим полученное нами преимущество.

— Два часа прошли, и теперь майор Данвуди меньше всего думает о преследовании двух беглецов, ибо на берегу реки его ждут сотни врагов.

— Тише! — прервал его Генри.— Какие-то всадники скачут у подножия горы. Я слышу, как они переговариваются и хохочут. Тш-ш... Вот голос самого Данвуди. Он разговаривает с товарищами, да так весело, словно ничто его не тревожит. Я мог бы ожидать, что он будет огорчен, узнав, в какую беду попал его друг. Наверное, Френсис не успела передать ему мою записку...

Услышав первое восклицание капитана, Бёрч встал с места и тихонько подошел к крутому обрыву, прячась в тени утесов, чтобы его не могли заметить снизу, и пристально всматриваясь в проезжающий отряд. Он глядел ему вслед и прислушивался, пока быстрый топот копыт не замер вдали, а затем спокойно вернулся на место и с неподражаемым хладнокровием продолжал прерванный ужин.

— Вам предстоит далекий и трудный поход, капитан Уортон,— сказал он,— берите пример с меня и подкрепитесь на дорогу. Когда мы пришли в хижину над Фишкилом, вы были голодны, неужели усталость прогнала ваш аппетит?

— Тогда мне казалось, что я в безопасности, но известия, принесенные сестрой, так встревожили меня, что теперь я не могу есть.

— Однако сейчас у вас меньше причин тревожиться, чем было все время с того вечера, когда вы отказались принять мою помощь и скрыться со мной, из-за чего и попали в плен,— возразил Бёрч.— Майор Данвуди не такой человек, чтобы шутить и смеяться, зная, что другу его угрожает опасность. Идите-ка лучше сюда да поешьте, и ни одна лошадь нас не догонит, если мы сможем отшагать без передышки еще четыре часа и если солнце взойдет не раньше положенного ему времени.

Самообладание разносчика подбодрило и его спутника. Решив слушаться указаний Бёрча, Генри последовал его совету и принялся за незатейливый ужин, в котором качество, несомненно, уступало количеству. Покончив с едой, они снова двинулись в путь.

Генри следовал за своим проводником, слепо подчиняясь его воле. В течение двух часов они с трудом пробирались по опасным хребтам и ущельям, без всякой дороги, находя нужное направление лишь по месяцу, который то скрывался в набегавших облаках, то снова заливал землю ярким светом. Наконец горы стали понемногу снижаться, переходя в неровные каменистые холмы, и наши путники, покинув голые, бесплодные скалы и обрывы, вышли к плохо обработанным полям на нейтральной территории.

Теперь разносчик шел с большей осторожностью, всячески стараясь избежать встречи с летучими отрядами американских войск. Что до регулярных постов, он хорошо знал их местоположение и потому не опасался неожиданно натолкнуться на них. Двигаясь по холмам и долинам, он то выходил на большую дорогу, то снова покидал ее, как будто инстинктивно чувствуя опасность. Его походка не отличалась изяществом, он мерил дорогу громадными шагами, наклонив вперед свое тощее тело,

но казалось, что он не делает никаких усилий и не знает усталости.

Месяц зашел, и на востоке прорезалась слабая полоска света. Капитан Уортон уже не мог скрывать, что силы его на исходе, и спросил, не добрались ли они до такого места, где можно без опасений попросить приюта в какой-нибудь ферме.

— Поглядите сюда,— ответил разносчик, указывая на гору неподалеку.— Видите — на ее вершине шагает человек. Повернитесь так, чтобы он оказался на свету. Теперь взгляните: он пристально смотрит на восток — это часовой королевских войск. На этой горе размещено двести солдат регулярной армии, и уж они, наверное, спят, не выпуская оружия из рук.

— Так пойдем же к ним! — вскричал Генри.— И все опасности останутся позади.

— Тише, тише, капитан Уортон,— ответил сухо разносчик.— Недавно вы были среди трехсот королевских солдат, и, однако, нашелся человек, который сумел вырвать вас у них. Разве вы не видите темный силуэт на другой горе, вон там, против первой, над кукурузным полем? Там находятся эти... мятежники, как называем их мы, верные слуги короля. Они ждут только рассвета, чтобы сразиться за эти земли.

— Если так, я присоединюсь к солдатам моего короля,— вскричал пылкий юноша,— и разделю их участь, что бы их ни ожидало.

— Вы забываете, что отправитесь в бой с веревкой на шее. Нет, нет, я обещал человеку, которого не могу обмануть, что доставлю вас живым и невредимым в безопасное место, и, если вы не забыли, сколько я для вас сделал и чем рисковал, капитан Уортон, вы пойдете за мною в Гарлем.

Молодой человек почувствовал, что обязан подчиниться, и неохотно последовал за разносчиком, повернувшим к городу. Вскоре они уже подошли к Гудзону. Немного поискав на берегу, Бёрч нашел небольшой челнок, как видно, хорошо ему знакомый. Путники сели в него и быстро переправились на другую сторону реки, южнее Кротона. Бёрч объявил, что теперь они в полной безопасности: здесь королевские войска сдерживают континентальную армию, не подпуская к Гудзонову заливу, и англичане настолько сильны, что даже летучие отряды американцев не решаются приближаться к низовьям реки.

Во время всего этого опасного побега разносчик проявил редкое хладнокровие и присутствие духа, которые, казалось, невозможно было поколебать. Словно все лучшие качества его натуры достигли высшего совершенства и ему стали чужды человеческие слабости. Генри слушался его, как ребенок, и теперь был воз-

награжден: сердце его запрыгало от радости, когда он узнал, что ему больше нечего бояться и он может быть спокоен за свою жизнь.

Крутой и трудный подъем вывел их на восточный берег Гудзона, который в этих местах значительно выше морского побережья. Немного отойдя от большой дороги, разносчик вошел в тенистую кедровую рощу, где бросился на плоский камень и заявил своему спутнику, что наконец настало время отдохнуть и подкрепиться.

Уже совсем рассвело, и даже отдаленные предметы были видны совершенно отчетливо. Внизу тянулась на юг прямая линия Гудзона и убегала вдаль, насколько хватало глаз. На севере виднелись изломанные очертания высоких гор, вздымавших к небу свои могучие вершины, а ниже густой туман скрывал водную гладь реки, и по этому белому покрову можно было проследить ее путь среди гор и холмов, конические верхушки которых громоздились друг над другом, как будто кто-то нарочно разбросал их здесь, тщетно пытаясь преградить быстрое течение. Вырвавшись из каменных тисков, река, словно обрадованная победой в борьбе с великанами, разливалась широким заливом, который украшала кайма из невысоких плодородных берегов, скромно спускавшихся к этому обширному бассейну. На противоположном, западном берегу утесы Джерси сбились таким тесным строем, что их прозвали «палисадами»; они поднимались на несколько сотен футов, как будто защищая богатую, раскинувшуюся позади них равнину от нападения неприятелей; однако река, точно презирая этих врагов, гордо текла у подножия утесов в неудержимом стремлении к океану. Луч восходящего солнца скользнул по легкому облачку, повисшему над безмятежной рекой, и вся сцена сразу ожила и заиграла красками, непрерывно меняясь и принимая новые формы и очертания. Каждое утро, как только солнце вставало и прорывало завесу тумана, на реке появлялись стаи белых парусов и медлительных лодок, которые сразу оживляли пейзаж, свидетельствуя о близости столицы большого и процветающего государства; но Генри и разносчик при свете солнца увидели лишь реи и высокие мачты военного корабля, стоявшего на рейде в нескольких милях от них. Стройные мачты выступили из тумана еще до того, как он начал рассеиваться, и над одной из них слегка трепетал на дувшем вдоль реки ветерке длинный вымпел. Когда же туман начал расходиться, перед путниками мало-помалу показались черный корпус, многочисленные снасти, большой парус и мачты с широко расставленными реями.

— Вот здесь, капитан Уортон,— сказал разносчик,— безопасное убежище для вас. Если вы укроетесь на палубе этого

судна, Америка к вам не дотянется. Его прислали сюда для прикрытия отряда фуражиров и поддержки действующей армии. Офицеры регулярных войск любят слушать пальбу со своих кораблей.

Не считая нужным возражать на ироническое замечание своего спутника, а быть может, просто не обратив на него внимания, Генри с радостью принял предложение Бёрча, и было решено, что, как только они немного передохнут, Уортон постарается пробраться на судно.

Наши беглецы принялись усердно утолять свой голод, как вдруг они услышали вдалеке звуки ружейной стрельбы и замерли, прервав свое весьма важное занятие. Сначала раздалось несколько отдельных выстрелов, за ними последовала оживленная и длительная ружейная перестрелка, а потом прокатились один за другим несколько залпов.

— Ваше пророчество сбылось! — воскликнул Генри, вскакивая на ноги.— Наши войска схватились с мятежниками. Я готов отдать шестимесячное жалованье, лишь бы увидеть эту битву!

— Гм,— ответил его спутник, спокойно продолжая жевать,— на битвы хорошо любоваться издали. Что до меня, то мне сейчас больше по вкусу вот эта свиная грудинка, хоть она и холодная, чем горячий огонь континентальных войск.

— Залпы довольно сильны для такого небольшого отряда; но мне кажется, они ведут беспорядочный огонь.

— Это коннектикутские ополченцы ведут рассеянный огонь,— сказал разносчик, поднимая голову и прислушиваясь,— они даром не трещат, у них каждый выстрел попадает в цель. А залпами стреляют регулярные, вы ведь знаете — англичане всегда палят по команде... если только могут.

— Мне не нравится эта стрельба, которую вы называете рассеянным огнем,— заметил капитан, с тревогой вглядываясь в даль.— Она скорее напоминает барабанный бой, нежели выстрелы летучего отряда.

— Нет, нет, я не говорил, что это летучий отряд,— возразил Бёрч, встав на одно колено и переставая есть.— Когда ополченцы крепко стоят на месте, с ними не справятся и лучшие полки королевской армии. Каждый солдат спокойно делает свое дело, как будто он на работе, к тому же все они стреляют обдуманно и не палят в облака, когда надо попадать в людей на земле.

— Вы так говорите, сэр, словно желаете им успеха! — гневно сказал Генри.

— Я желаю успеха только правому делу, капитан Уортон. Надеюсь, вы так хорошо знаете меня, что не можете сомневаться, какой стороне я сочувствую.

— О, всем известно, что вы на стороне короля, мистер Бёрч. Но, кажется, залпы прекратились.

Оба внимательно прислушивались. Беспорядочная стрельба стала реже, но вскоре вновь послышались тяжелые залпы.

— Они взялись за штыки,— заметил разносчик.— Регулярные пустили их в ход, и мятежники отошли.

— Да, мистер Бёрч, штык — вот истинное оружие британского солдата. Он любит сражаться штыком.

— Ну, а по-моему,— возразил разносчик,— невозможно любить сражаться таким ужасным оружием. Насколько мне известно, ополченцы придерживаются того же мнения, ибо у половины из них нет этих отвратительных тычков. Боже мой, капитан, я хотел бы, чтобы вы разок сходили со мной в неприятельский лагерь и послушали, какие лживые рассказы повторяют там о Банкер-Хилле и о Бергойне! Слушая их, можно подумать, будто для этих людей штыковой бой — самое приятное занятие.

Насмешливое лицо разносчика приняло самое невинное выражение, и раздосадованный Генри решил ничего не отвечать.

Теперь слышались лишь отдельные беспорядочные выстрелы, изредка прерываемые громкими залпами. Оба беглеца стояли, с тревогой вслушиваясь в эти звуки, как вдруг неподалеку показался вооруженный мушкетом человек, который осторожно подкрадывался к ним, прячась в густой тени кедровника, покрывавшего склоны горы. Генри первый заметил подозрительного незнакомца и тотчас указал на него своему спутнику. Бёрч вздрогнул и невольно сделал движение, как будто хотел бежать, но тут же спохватился и продолжал стоять в мрачном молчании, пока незнакомец не остановился в нескольких ярдах от них.

— Я друг,— сказал тот, опуская на землю приклад ружья, но, как видно, боясь подойти поближе.

— Идите-ка вы обратно,— сказал ему Бёрч,— отсюда до регулярных войск рукой подать, а драгун Данвуди нет поблизости, так что вам сегодня не удастся меня захватить.

— Будь проклят Данвуди со своими драгунами! — закричал главарь шайки скиннеров (ибо то был он).— Боже, спаси короля Георга и пошли ему скорую победу над мятежниками! Если вы укажете мне безопасную дорогу к пристанищу ковбоев, мистер Бёрч, я хорошо вам заплачу и навсегда останусь вашим другом.

— Дорога так же открыта для вас, как и для меня,— ответил Бёрч, отворачиваясь от него с плохо скрытым отвращением.— Если вы хотите присоединиться к ковбоям, вы сами знаете, где их найти.

— Но я побаиваюсь идти к ним один. А вас здесь все хорошо знают, и вам ведь не повредит, если вы возьмете меня с собой и проводите к ним.

Тут в разговор вмешался Генри и, потолковав со скиннером, согласился взять его с собой при условии, что тот отдаст им свое оружие. Скиннер тотчас принял условие, и Бёрч поспешно завладел его ружьем; однако, прежде чем положить его на плечо и отправиться в дорогу, разносчик тщательно осмотрел, заряжено ли оно, и с удовольствием убедился, что в него вложен хороший сухой патрон с пулей.

Как только договор был заключен, все трое двинулись вперед. Идя вдоль берега реки, Бёрч держался пути, где никто не мог их увидеть, пока они не остановились прямо против фрегата; тут разносчик подал условный знак, и к ним с корабля выслали ботик. Прошло немало времени, пока моряки со множеством предосторожностей решились пристать к берегу; Генри наконец удалось уговорить командовавшего ими офицера взять его на борт, после чего беглец благополучно присоединился к своим товарищам по оружию. Прощаясь с Бёрчем, капитан отдал ему свой кошелек, довольно туго набитый по тем временам. Разносчик принял подарок и, улучив минуту, когда скиннер отвернулся, незаметно сунул его в потайной карман, приспособленный, чтобы прятать подобные сокровища.

Когда ботик отчалил от берега, Бёрч повернулся и глубоко вздохнул, как человек, у которого с души свалилась огромная тяжесть, а затем снова направился в горы своими громадными размеренными шагами. Скиннер последовал за ним — так шли они вместе, бросая друг на друга подозрительные взгляды, и оба сохраняли непроницаемое молчание.

По дороге вдоль реки ехали фургоны; иногда их сопровождали конные отряды, охранявшие добычу, захваченную во время набегов на деревни и отправляемую в город.

У разносчика были особые соображения — он старался избегать встреч с этими отрядами и отнюдь не искал их покровительства. Несколько миль Бёрч прошел по самому берегу реки, и все это время, несмотря на многократные попытки скиннера завязать с ним приятельскую беседу, продолжал упорно молчать, крепко сжимая в руках ружье и недоверчиво поглядывая на своего спутника; потом он вдруг свернул на большую дорогу, собираясь, видимо, двинуться прямо через горы на Гарлем. В эту минуту из-за ближнего холма выехал конный отряд и оказался возле Бёрча прежде, чем тот его заметил. Отступать было уже поздно, но, приглядевшись к солдатам, Бёрч обрадовался встрече, подумав, что она, быть может, избавит его от опостылевшего ему спутника. От-

ряд состоял из восемнадцати или двадцати всадников в драгунских мундирах и на драгунских седлах, однако в них совсем не чувствовалось военной выправки. Впереди ехал плотный человек средних лет, черты которого выражали много безрассудной отваги и очень мало ума, как того и требовало его ремесло. На нем был офицерский мундир, однако одежда его не отличалась щегольством, а движения — изяществом, свойственными обычно джентльменам, носящим форму королевской армии. Его крепкие ноги, казалось, не гнутся, и, хотя он прочно и уверенно сидел в седле, поводья он держал так, что его поднял бы на смех самый захудалый наездник из виргинцев. Как и ожидал разносчик, начальник отряда тотчас его окликнул, и голос у него оказался таким же неприятным, как и внешность.

— Эй, джентльмены! Куда вы так спешите? Уж не послал ли вас Вашингтон шпионить за нами?

— Я скромный разносчик,— ответил Гарви мягко,— и спустился с гор, чтобы закупить в городе новых товаров.

— А как ты думаешь пробраться в город, мой скромный разносчик? Ты, верно, считаешь, что мы заняли форты у Кингс-Бриджа специально для того, чтобы такие бродячие мошенники, как ты, могли ходить взад-вперед в город и из города?

— Я надеюсь, что мой пропуск позволит мне войти туда,— ответил разносчик, с самым равнодушным видом протягивая ему бумагу.

Офицер — ибо таковым он считался — прочел ее и бросил на Гарви удивленный и любопытный взгляд. Затем он повернулся к солдатам, загородившим по его приказу разносчику дорогу, и крикнул:

— Зачем вы задержали этого человека? Пропустите его, пусть идет себе с миром. А ты кто такой? О тебе в пропуске ничего не сказано!

— Нет, сэр,— ответил скиннер, с подобострастным видом снимая шляпу.— Я бедный обманутый человек, служивший в мятежной армии, но, благодарение господу, я понял свои заблуждения и решил искупить прежние ошибки, записавшись в армию помазанника божия.

— Тьфу ты, да это дезертир, скиннер! И готов поклясться, он жаждет примазаться к ковбоям! В последней схватке с этими негодяями я еле отличал моих солдат от врагов. У нас еще не хватает мундиров, а что касается людей, то эти мошенники так часто перебегают из одной армии в другую, что их лица вас просто сбивают с толку. Ну что ж, вперед! Уж мы постараемся так или иначе пристроить тебя к делу.

Как ни был неприветлив этот прием, однако если судить о

чувствах скиннера по его поведению, то он был им просто восхищен. Он с готовностью направился к городу и был так рад избавиться от суровых взглядов и устрашающих вопросов грубого начальника, что отбросил всякие другие соображения. Но человек, выполнявший обязанности сержанта в этом летучем отряде, подъехал к своему командиру и завел с ним тихий и, по-видимому, секретный разговор. Они беседовали шепотом, то и дело бросая на скиннера испытующие взгляды, и вскоре тот решил, что ему оказывают особое внимание. Ему был даже приятен такой интерес, тем более что он заметил на губах офицера улыбку, хотя и довольно суровую, однако все же выражавшую удовольствие. Эта пантомима продолжалась все время, пока всадники ехали по лощине, и закончилась, лишь когда они поднялись на гору. Тут капитан и сержант, приказав отряду остановиться, сошли с лошадей. Оба взяли из седельной сумки по пистолету, что само по себе не вызывало ни тревоги, ни подозрений, ибо в то время все принимали такие меры предосторожности, а затем велели разносчику и скиннеру следовать за ними. Вскоре они подошли к месту, где гора нависала над рекой, почти отвесно обрываясь вниз. На краю этого обрыва стоял заброшенный, полуразвалившийся амбар. В кровле его недоставало многих досок, а широкие ворота были выломаны: одна створка лежала перед амбаром, а другая — на середине крутого склона, куда ее, видимо, забросило ветром.

Войдя в этот неприютный сарай, ковбойский офицер спокойно вытащил из кармана короткую трубку, которая от долгого употребления приобрела не только цвет, но и блеск черного дерева, табакерку и небольшой кожаный мешочек, где хранились огниво, кремень и трут. С помощью этих приспособлений он вскоре разжег трубку и вставил ее в рот — без этого старого товарища он был не в состоянии думать, уж такова была его давнишняя привычка. Как только столб дыма поднялся у него над головой, капитан протянул руку сержанту, а тот вынул из кармана короткую веревку и передал своему командиру. Капитан продолжал пускать густые клубы дыма, пока они совсем не скрыли его лицо, а сам пристально осматривал стены постройки. Наконец, вытащив трубку изо рта и глотнув чистого воздуха, он снова сунул ее обратно и принялся за дело. Наверху, под крышей амбара, проходила толстая поперечная балка, как раз перед выходившими к югу воротами, откуда открывался вид на реку, убегавшую вдаль к Нью-Йоркскому заливу. Через эту балку капитан перекинул один конец веревки и, поймав его, соединил с другим, который держал в руке. Неподалеку стоял на полу старый, рассохшийся бочонок без дна, как видно брошенный тут за негодностью. Сержант по знаку офицера поставил его под балкой. Все эти приготовления

делались с отменным хладнокровием и теперь, по-видимому, закончились к полному удовлетворению начальника.

— Подойди сюда,— спокойно сказал он скиннеру, который молча наблюдал за всеми его действиями, словно сторонний зритель.

Тот повиновался. И, только когда с него сорвали шейный платок и отбросили в сторону шапку, скиннер почувствовал некоторую тревогу. Однако он сам столько раз прибегал к подобным приемам, чтобы вырвать у противника признания или добычу, что отнюдь не испытывал того ужаса, какой почувствовал бы новичок в такую страшную минуту. С тем же непоколебимым спокойствием, с каким делались все эти приготовления, ему накинули на шею петлю, бросили на бочонок кусок доски и велели влезть на него.

— Но бочонок может упасть,— возразил скиннер, только теперь начиная дрожать.— Я вам расскажу все, что вы пожелаете, даже как вам подстеречь наш отряд возле Понда. Вам незачем затевать всю эту канитель, я все выложу сам — ведь отрядом командует мой собственный брат.

— Мне не нужно никаких сведений,— ответил его палач (ведь теперь он и вправду действовал как палач) и, снова перебросив конец веревки через балку, слегка подтянул ее, так что скиннер почувствовал опасность своего положения; затем, закрепив веревку, он еще раз закинул ее конец так высоко, чтоб его никто не мог достать.

— Ваша шутка заходит слишком далеко,— с упреком воскликнул скиннер, вставая на цыпочки и тщетно пытаясь вытащить голову из петли.

Но офицер был достаточно опытен и ловок, чтобы не дать ему возможности выскользнуть.

— Куда ты девал лошадь, которую украл у меня, мошенник?— проворчал капитан, выпуская клубы дыма в ожидании ответа.

— Она пала во время погони,— поспешно ответил скиннер,— но я укажу вам место, где можно найти коня еще резвей и лучшей породы.

— Лжец! Я сам достану себе коня, если мне понадобится. Лучше бы ты обратился к богу, ибо пришел твой смертный час.— С этим утешительным напутствием он крепко ударил своим высоким сапогом по бочонку, и клепки его разлетелись в разные стороны, а скиннер завертелся в воздухе. Руки у него не были связаны, он ухватился за веревку и изо всех сил подтянулся кверху.

— Будет, капитан,— сказал он заискивающим голосом, хотя уже начал хрипеть, а ноги его дрожали.— Хватит вам шутить,

вы уж достаточно посмеялись надо мной. Руки у меня устали, и я долго не продержусь.

— Слушайте-ка, господин разносчик,— обратился капитан к Бёрчу тоном, не допускавшим ослушания,— вы мне тут не нужны. Вот вам бог, а вот порог — марш отсюда! И только посмейте тронуть этого пса — живо повисните на его месте, хотя бы двадцать сэров Генри ждали ваших услуг.

С этими словами он вышел из сарая и направился к дороге вместе с сержантом, а разносчик бросился вниз, к берегу реки.

Но, едва Бёрч добежал до кустов, которые помогли ему скрыться от ковбоев, как почувствовал непреодолимое желание увидеть, чем кончится эта жестокая сцена.

Оставшись один, скиннер принялся со страхом озираться вокруг, стараясь угадать, куда скрылись его мучители. Кажется, наконец у него в голове мелькнула страшная мысль, что ковбои серьезно решили его прикончить. Он стал молить, чтобы они отпустили его, бессвязно обещая сообщить им какие-то очень важные сведения, и перемешивал свои жалобы с вымученными шутками, не желая верить, что положение его и вправду так ужасно, как кажется. Но, когда он услышал удаляющийся топот лошадей и, глядя по сторонам, увидел, что некому прийти ему на помощь, он задрожал всем телом, а глаза его от ужаса выкатились из орбит. Он делал отчаянные усилия, чтобы дотянуться до балки, однако так обессилел от прежних попыток, что это ему не удалось; тогда он попробовал перегрызть веревку зубами, но тоже безуспешно, и наконец повис всей тяжестью на вытянутых руках. Теперь он уже не кричал, а вопил:

— Помогите! Перережьте веревку! Капитан! Бёрч! Добрый разносчик! Долой Конгресс! Сержант! Помогите, ради господа бога! Ура королю! О, боже, боже! Смилуйтесь, помогите! Помогите! Помогите...

Голос его замирал. Он попытался просунуть одну руку между веревкой и шеей, и это ему отчасти удалось, но другая рука сорвалась и повисла вдоль туловища. По телу его пробежала долгая судорога, и вскоре на веревке висел уже страшный труп.

Бёрч смотрел на эту сцену как завороженный. Когда послышались последние крики скиннера, он заткнул себе уши и бросился со всех ног на дорогу. Долго крики о помощи звучали у разносчика в голове, и прошла не одна неделя, прежде чем это ужасное зрелище изгладилось у него из памяти.

Отряд ковбоев безмятежно двигался по дороге, как будто ничего не случилось, а тело скиннера висело, тихонько покачиваясь на ветру, висело долго, пока в сарай случайно не забрел какой-то бродяга.

ГЛАВА XXXIII

Пусть на твоей могиле
Всегда растут цветы,
Друзья тебя любили —
Для них не умер ты.
Холлек

Пока происходили описанные выше события, капитан Лоутон выйдя из деревни Четыре Угла, медленно и осторожно вел свой маленький отряд навстречу неприятелю. Он так успешно маневрировал, что ему вскоре удалось провести врага, тщетно пытавшегося его окружить; в то же время капитан ловко скрыл малочисленность своего отряда и держал противника под страхом нападения американской армии. Такой осмотрительной тактики Лоутон придерживался, следуя строгому приказанию, полученному им от своего командира. Когда Данвуди покидал отряд, было известно, что англичане не спеша продвигаются вперед, и майор приказал Лоутону кружить возле них, пока он сам не вернется назад вместе с пехотным полком, который поможет ему отрезать врагу отступление. Капитан буквально следовал этому приказу, но все время мучился от нетерпения, ибо при своем горячем нраве выходил из себя всякий раз, когда его не пускали в атаку.

Во время этих переходов Бетти Фленеган неустанно следовала за отрядом, пробираясь между скалами Вест-Честера в своей тележке, и то спорила с сержантом о нравах и обычаях злых духов, то вступала в схватки с доктором по поводу разных способов лечения, и не проходило часу, чтоб между ними не возникало недоразумений. Однако теперь пришло время покончить со спорами, ибо приближалась минута, когда американцы должны были помериться силами со своими врагами. Отряд ополченцев из Восточных штатов вышел из укрытий и двинулся на неприятеля.

Встреча Лоутона со вспомогательным отрядом пехоты произошла в полночь, и капитан немедленно начал совещание с командиром пехотинцев. Выслушав мнение ополченца, презрительно отозвавшегося о доблестях противника, начальник пехотного отряда решил не дожидаться прихода Данвуди с его конницей и напасть на англичан, чуть только рассветет и можно будет разглядеть расположение их войск. Когда было принято это решение, Лоутон покинул дом, где происходило совещание, и присоединился к своему небольшому отряду.

Драгуны капитана привязали коней неподалеку от большого стога сена и улеглись под его защитой, собираясь ненадолго соснуть. Доктор Ситгривс, сержант Холлистер и Бетти Фленеган устроились в сторонке, расстелив несколько попон на плоском

камне. Лоутон, завернувшись в плащ, растянулся во всю длину своего богатырского тела возле хирурга и, облокотившись на руку, погрузился в глубокие размышления, следя глазами за плывшим по небу месяцем. Сержант сидел, вытянувшись в струнку из уважения к доктору, а маркитантка то поднимала голову, чтобы высказать одно из своих излюбленных изречений, то вновь опускала ее на ящик с джином, тщетно пытаясь уснуть.

— Таким образом, сержант,— говорил Ситгривс, продолжая начатую беседу,— если вы наносите противнику удар саблей снизу вверх, то ваш удар не получает дополнительной силы от веса вашего тела и потому менее губителен, хотя все же содействует целям войны, ибо выводит врага из строя.

— Что за глупости! — заметила маркитантка.— Не верьте ему, сержант. Разве грех убить врага во время битвы? И разве регулярные щадят наших ребят? Спросите вот капитана Джека, сможет ли наша страна добиться свободы, если наши ребята не будут драться что есть мочи. Для этого я и даю им столько виски!

— Конечно, нельзя предполагать, что такая невежественная женщина, как вы, миссис Фленеган, способна понять тонкости хирургической науки,— ответил доктор с таким презрительным спокойствием, что его слова еще сильнее уязвили Бетти.— Не можете вы разбираться и в сабельных ударах, и потому обсуждение вопроса о правильном употреблении этого оружия не имеет для вас ни теоретического, ни практического значения.

— А мне нет дела до всей этой болтовни. Одно я знаю: битва — не забава и нечего раздумывать, как ты бьешь и куда ты бьешь, лишь бы попасть во врага.

— Завтра у нас, кажется, будет горячий денек, капитан Лоутон? — спросил доктор.

— Да, это более чем вероятно,— ответил капитан.— Эти ополченцы то ли со страху, то ли по неопытности очень плохо дерутся, и настоящим солдатам приходится отдуваться за них.

— Уж не больны ли вы, Джон? — воскликнул доктор и, взяв руку капитана в свою, по привычке пощупал ему пульс; но спокойные, равномерные удары говорили о полном здоровье, и физическом и духовном.

— У меня болит сердце, Арчибальд, когда я думаю о безумии наших командиров, считающих, что можно вступать в бой и одерживать победы с помощью парней, которые машут ружьями, словно цепами, зажмуривают глаза, когда спускают курок, а равняясь, выстраиваются в зубчатую линию. Мы полагаемся на этих людей и даром проливаем кровь наших лучших воинов.

Доктор слушал, пораженный. Его удивлял не столько смысл, сколько тон этих слов. Обычно перед битвой капитан был полон

задора и оживления, в отличие от неизменного хладнокровия во всех других случаях. Но сегодня в голосе его слышалось уныние, а в манерах проглядывала усталость, что резко противоречило его всегдашнему поведению. Хирург на минуту замолчал, думая, как бы ему воспользоваться этим изменением в настроении капитана, чтобы убедить его драться по придуманной им системе, а затем сказал:

— Разумнее всего, Джон, посоветовать полковнику стрелять по врагам с дальнего расстояния: пуля на излете выводит врага из строя...

— Нет! — нетерпеливо вскричал капитан.— Пусть эти бездельники опалят себе усы о дула английских мушкетов, если только удастся заставить их подойти к ним поближе... Но хватит об этом! Скажите, Арчибальд, вы верите, что луна — такой же мир, как наша земля, и что на ней есть такие же живые существа, как мы?

— Весьма вероятно, Джон. Мы знаем размеры луны, и если провести аналогию, то можно предположить, что она обитаема. Но мы не знаем, удалось ли жителям луны достигнуть того же совершенства в науках, что и людям, ибо это в большой степени зависит от условий жизни ее общества и в немалой степени — от ее физического состояния.

— Мне нет дела до их учености, Арчибальд, но меня поражает могущество той силы, что создала подобные миры и управляет их движением. Не знаю почему, но меня невольно охватывает печаль, когда я гляжу на это светящееся тело с темными пятнами — морями и горами, как вы уверяете. Мне представляется, что там находят приют отлетевшие души.

— Глотните-ка немножко виски, дорогой,— сказала Бетти, снова поднимая голову и протягивая ему собственную фляжку,— ночная сырость студит кровь, да к тому же разговоры с проклятыми ополченцами претят горячему человеку. Глотните капельку, дорогой, и вы спокойно проспите до утра. Я сама накормила Роноки: чует мое сердце, что завтра ему придется немало поскакать.

— Смотрите, над нами раскинулось безбрежное небо,— продолжал Лоутон тем же тоном, не обращая внимания на замечание Бетти,— и бесконечно жаль, что такие ничтожные червяки, как люди, в угоду своим страстям портят это великое творение.

— Истинная правда, дорогой Джон; на земле для всех хватает места, все могли бы жить в мире и радоваться, если бы каждый довольствовался своей долей. Однако у войны есть некоторые достоинства: в частности, война содействует быстрому распространению знаний по хирургии...

— А вон звезда,— продолжал Лоутон, не желая прерывать свою мысль,— ее лучи стараются пробиться сквозь летящие облака. Быть может, это тоже мир, населенный разумными существами вроде нас. Как вы думаете, они тоже знают войны и кровопролития?

— Осмелюсь сказать, сэр,— заметил сержант Холлистер, невольно прикладывая руку к треуголке,— в священной книге сказано, что, когда Иисус Навин сражался с врагами, бог приказал солнцу остановиться. Я полагаю, он сделал это для того, сэр, чтобы тот мог при свете дня напасть на противника с фланга, или, быть может, ударить ему в тыл, или сделать еще какой-нибудь маневр. Если уж сам бог пришел ему на помощь, стало быть, сражаться не грешно. Хотя я часто удивлялся, слыша, что прежде бились на колесницах, вместо того чтобы снаряжать отряды драгун, которые наверняка могли бы лучше прорвать линию пехотинцев и даже остановить эти боевые телеги и, внезапно наскочив, изрубить их на куски вместе с лошадьми.

— Вы не знаете, как были устроены древние колесницы, сержант Холлистер, и потому неправильно судите о них,— ответил доктор.— Они были снабжены острыми косами, торчащими из колес, и могли изрезать на куски и разметать отряд пехотинцев. Я не сомневаюсь, что, если бы сделать подобные приспособления на тележке миссис Фленеган, она и теперь могла бы внести полное смятение в ряды противника.

— Не хватает только, чтоб моя кобыла отправилась к врагам! Они бы тотчас застрелили ее,— проворчала Бетти, высовываясь из-под попоны.— Когда мы ловили грабителей — еще в те времена, когда мы гонялись за ними по всему Джерси,— мне приходилось тащиться позади всех, потому что сам черт не заставил бы мою кобылу и шагу ступить, когда впереди гремели выстрелы. Капитан Джек на своем Роноки сам справится с красными мундирами, уж он обойдется без меня и моей клячи.

Тут с высоты, занятой англичанами, прокатился долгий барабанный бой, возвестивший, что наступление начинается, и тотчас со стороны американцев ему ответил сигнал тревоги. Послышались воинственные звуки трубы виргинцев, и через минуту обе горы — одна занятая англичанами, а другая американцами — ожили и запестрели вооруженными солдатами.

Заря занималась, и противники готовились наносить и отражать удары. По численности американцы превосходили неприятеля, но по дисциплине и вооружению преимущество было явно на стороне англичан. Приготовления к бою были быстро закончены, и, как только взошло солнце, ополченцы двинулись вперед.

Неровности почвы затрудняли действия кавалерии, а потому драгунам было приказано лишь дожидаться победы и постараться закрепить ее. Вскоре Лоутон посадил своих всадников в седло и, оставив их под командой Холлистера, поехал вдоль линии пехотинцев, одетых в разношерстное платье, недостаточно вооруженных и стоявших толпой, лишь отдаленно напоминавшей военное построение. Насмешливая улыбка скользнула по лицу капитана, когда он умелой рукой направил Роноки вдоль их неровных рядов. Тут послышалась команда выступать, и, объехав пехоту с фланга, Лоутон двинулся следом за ней. Чтобы сблизиться с противником, американцы должны были спуститься в небольшой овраг, пересечь его, а затем подняться на гору.

Спуск вниз был проведен довольно четко, когда же пехотинцы подошли к подножию горы, навстречу им стройными шеренгами двинулись королевские войска, прикрытые с флангов горными склонами.

Как только вражеские силы выступили вперед, ополченцы открыли по ним меткий огонь, и поначалу англичане смешались. Однако их офицеры быстро восстановили порядок, и солдаты вскоре принялись выпускать залп за залпом по американцам.

Некоторое время продолжался упорный, сокрушительный обстрел, а потом англичане взялись за штыки. Ополченцы были недостаточно дисциплинированны, чтобы выдержать такой натиск. Ряды их дрогнули, остановились, и вскоре все войско распалось на отдельные части и небольшие группы, которые начали отступать, беспорядочно отстреливаясь.

Лоутон молча наблюдал за сражением и не разжимал губ, пока поле боя не покрылось толпами бегущих ополченцев. Но тут, увидев, что войскам его родины грозит позор, капитан вскипел. Пришпорив Роноки, он поскакал по склону горы и закричал во всю силу своих богатырских легких, стараясь остановить отступающих. Он указывал ополченцам на врагов и спрашивал их:

— Куда вы? Вот в какую сторону надо бежать!

В голосе его звучала такая насмешка, такое бесстрашие, что бегущие начали останавливаться, потом собираться в отряды, и вскоре, заразившись примером драгуна, они вновь обрели мужество и стали просить его повести их на врага.

— Так вперед же, друзья! — загремел капитан, поворачивая коня: он был недалеко от фланга англичан.— Вперед, молодцы, и стреляйте вовсю! Подпалите англичанам брови!

Солдаты бросились за ним, но ни с той, ни с другой стороны не слышалось выстрелов, пока противники не сошлись вплотную. Вдруг английский сержант, спрятавшийся за скалой и взбешенный храбростью офицера, презиравшего английское оружие, вы-

скочил из своего укрытия и, остановившись в нескольких ярдах, навел на капитана мушкет.

— Только выстрели — и тебе конец! — крикнул Лоутон, и, дав шпоры коню, прыгнул вперед.

Этот прыжок и тон Лоутона испугали англичанина: он нажал на собачку дрожащей рукой. Роноки взвился вверх, но тут же рухнул на землю и вытянулся бездыханным трупом у ног своего убийцы. Лоутон вскочил и оказался лицом к лицу с врагом. Тот выставил вперед штык, тщетно пытаясь проткнуть драгуну сердце. Но капитан встретил штык ударом сабли и отбросил его на пятьдесят футов вверх, выбив целый сноп огненных искр. В следующее мгновение сраженный англичанин упал, содрогаясь, на землю.

— Вперед! — закричал Лоутон, увидев, что из-за скалы появился вражеский отряд, открывший сильный огонь.— Вперед! — повторил он, гневно потрясая саблей.

И вдруг его громадное тело медленно опрокинулось назад как подкошенное — так падает могучая сосна, срубленная под корень топором. Но, падая на землю, он еще раз взмахнул саблей и низким голосом произнес:

— Вперед!

Шедшие за ним солдаты остановились, охваченные ужасом, затем повернулись и побежали, оставив территорию королевским войскам.

Преследование неприятеля отнюдь не входило в намерения английского командира, ибо он отлично знал, что к американцам скоро подойдет сильное подкрепление; поэтому он велел только подобрать раненых, а затем, построив солдат в каре, приказал им отступать к стоянке кораблей. Спустя полчаса после гибели Лоутона и англичане и американцы покинули поле боя.

Когда жителей колоний призвали под ружье, командованию, естественно, пришлось послать в воинские части врачей, знакомых с хирургией, однако в те времена они были еще довольно невежественны. Доктор Ситгривс питал к этим лекарям такое же презрение, как Лоутон — к ополченцам. Теперь наш доктор бродил по полю, неодобрительно поглядывая на своих собратьев, занятых несложными операциями; однако, не найдя среди отступавших отрядов своего товарища и друга, он поспешил к тому месту, где стоял Холлистер с драгунами, чтобы узнать, вернулся ли Лоутон, и, разумеется, получил отрицательный ответ. Хирург в сильной тревоге, не обращая внимания на опасности и совсем не думая о том, что может угрожать ему на пути, торопливо зашагал через поле в тот конец, где, как он знал, произошла последняя схватка. Однажды ему довелось спасти своего друга от смерти

при подобных же обстоятельствах, и он шел, втайне радуясь своему искусству, как вдруг увидел вдали Бетти Фленеган; она сидела на земле и держала на коленях голову человека, которого доктор тотчас узнал по росту и одежде,— это мог быть только капитан. Когда хирург подошел, его не на шутку встревожил вид маркитантки. Ее черный чепец валялся в стороне, а поседевшие пряди волос в беспорядке падали на лицо.

— Джон, дорогой Джон! — тихонько сказал доктор, осторожно взяв капитана за запястье, и тут же отпустил его безжизненную руку, внутренним чутьем угадывая истину.— Джон, дорогой мой, куда вы ранены? Позвольте мне помочь вам!

— Вы говорите с бездыханным телом,— промолвила Бетти, покачиваясь из стороны в сторону и машинально перебирая рукой черные кудри капитана.— Ничего он больше не услышит, и не помогут ему ни ваши бинты, ни ваши лекарства. Ох, горе нам, горе! Что станется теперь с нашей свободой! Кто будет воевать и добиваться победы?

— Джон,— твердил хирург, не в силах поверить собственным глазам,— дорогой Джон, отвечайте мне, скажите что-нибудь, молвите хоть слово, только отвечайте! О, боже мой, он умер! Зачем я не умер вместе с ним!

— Какой толк теперь жить и воевать, когда они погибли оба: и он, и его конь! — воскликнула Бетти.— Глядите, там лежит бедное животное, а тут — его хозяин! Нынче утром я сама задала корму его коню; и последний съеденный Джеком ужин был тоже приготовлен моими руками. Ох, горе, горе! Кто бы мог подумать, что нашего капитана ухлопают эти регулярные!

— Джон, дорогой мой Джон! — повторял доктор, судорожно всхлипывая.— Твой час настал, а сколько более осторожных людей пережили тебя! Но нет среди них никого добрей, никого храбрей. Ты был мне верным другом, Джон, любимым другом. Философ не должен горевать, но тебя, Джон, я буду оплакивать, ибо горечь наполняет мое сердце!

Доктор закрыл лицо руками и несколько минут сидел, рыдая, не в силах справиться со своим горем, а Бетти изливала свою печаль в потоке слов, раскачиваясь всем телом и поглаживая пальцами одежду своего любимца.

— Кто же будет теперь подбадривать ребят? — говорила она.— Ох, капитан Джек, вы были душой нашего полка, и с вами мы не знали, что такое опасность! Ох, никогда-то он не был привередой, никогда не бранил бедную вдову, если у нее пригорал ужин или запаздывал завтрак!.. Хлебните глоточек, дорогой, может быть, это оживит вас. Ох, нет, никогда он уже больше не глотнет из фляжки! Взгляните, сердце мое, вот доктор, над которым вы

столько потешались, он так горюет, бедняга, словно готов умереть вместо вас... Ох, он погиб, он погиб, а вместе с ним погибла и наша свобода!

На дороге, проходившей недалеко от того места, где лежал капитан, послышался громкий топот копыт, и тотчас появился весь виргинский эскадрон во главе с майором Данвуди. До него уже дошла весть о гибели Лоутона, и, увидев распростертого капитана, он остановил драгун и, спешившись, подошел к нему. Внешне Лоутон нисколько не изменился, но во время битвы суровые складки пролегли у него между бровей и застыли навек. Он лежал, спокойно вытянувшись, словно во сне. Данвуди взял его руку и с минуту молча смотрел на него; но вскоре черные глаза майора загорелись огнем и на его побледневших щеках вспыхнули красные пятна.

— Я отомщу за него его же мечом! — вскричал он, пытаясь вынуть оружие из руки капитана, но ему не удалось разжать застывшие пальцы.— Так пусть же их похоронят вместе. Ситгривс, позаботьтесь о нашем друге, а я отомщу за его смерть.

Майор поспешно вскочил на коня и двинулся вслед за врагом.

Пока Данвуди стоял возле погибшего, весь эскадрон смотрел на тело капитана Лоутона, который был всеобщим любимцем. Это зрелище глубоко взволновало драгун и зажгло в них жажду мести. Солдаты и офицеры, утратив хладнокровие, необходимое для успешного проведения военной операции, яростно пришпорили коней и помчались вслед за своим командиром.

Англичане, выстроившись в каре, посредине которого шли раненые,— кстати сказать, их было совсем немного,— медленно отступали по неровному, каменистому склону, когда их настигли драгуны. Построив конницу в колонну, Данвуди скакал во главе отряда, горя желанием отомстить; он надеялся, что, врезавшись в каре, рассеет англичан одним ударом. Но неприятель знал, в чем его сила: крепко стоя на месте, он встретил кавалеристов штыками. Лошади виргинцев отпрянули, всадники пришли в замешательство, а задние ряды англичан открыли по ним сильный огонь и сшибли с лошади майора и нескольких драгун. Отбившись от врага, англичане продолжали правильное отступление.

Тогда серьезно, но не смертельно раненный Данвуди запретил своим всадникам преследовать неприятеля, ибо в этой неровной гористой местности их попытки были обречены на неудачу.

Теперь драгунам оставалось лишь выполнить печальный долг. Они медленно отошли в горы, увозя с собой раненого командира и убитого капитана. Лоутона они похоронили возле укреплений

одного из горных постов, а Данвуди поручили нежным заботам его огорченной жены.

Прошло несколько недель, прежде чем майор Данвуди поправился настолько, что его можно было увезти домой. Сколько раз за эти недели благословлял он минуту, давшую ему право на заботливый уход его прелестной сиделки! Она не отходила от его постели, нежно ухаживая за ним, собственноручно выполняла все предписания, назначенные неутомимым Ситгривсом, и муж с каждым часом все сильнее любил и уважал ее.

По приказу Вашингтона американские войска вскоре ушли на зимние квартиры, а Данвуди вместе с чином подполковника получил отпуск и разрешение отправиться на родину для окончательного выздоровления. Итак, все семейство Уортон удалилось с арены войны и, пригласив с собой капитана Синглтона, отправилось в спокойное и уютное имение майора Данвуди. Однако перед отъездом из Фишкила они получили письмо, написанное незнакомой рукой, в нем сообщалось, что Генри здоров и благополучен, а также, что полковник Уэлмир покинул континент и отправился на свой родной остров, потеряв уважение всех порядочных людей в королевской армии.

Да, то была счастливая зима для Данвуди, а на хорошеньких губках Френсис вновь заиграла улыбка.

ГЛАВА XXXIV

Среди сверкающих огней,
Среди шелков и соболей
В костюме скромном он стоял,
И на него смотрел весь зал.

Дева озера

Начало следующего года американцы вместе со своими союзниками провели в серьезных приготовлениях, чтобы раз и навсегда покончить с войной. На Юге Грин вел с Роудоном кровопролитные бои, которые покрыли славой полки английского военачальника, однако кончились полной победой американского, ясно доказав, который из двух генералов обладал бóльшими талантами.

Союзные армии постоянно угрожали Нью-Йорку. Держа английское командование в непрерывной тревоге за безопасность этого города, Вашингтон добился того, что неприятель не мог посылать подкреплений Корнваллису и не помог ему добиться успеха.

Когда подошла осень, все указывало на то, что наступил решительный момент. Французские войска, пройдя по нейтральной

территории, сблизились с королевской армией и, согласуя свои действия с крупными силами американцев, угрожали ей нападением возле Кингс-Бриджа. Союзники не давали покоя английским постам, подходили вплотную к Джерси и постоянно грозили атаковать королевские войска. Приготовления союзников говорили о том, что ожидаются осада и штурм. Тем временем сэр Генри Клинтон, перехвативший несколько писем Вашингтона, отсиживался за укреплениями и из осторожности отказывал Корнваллису, просившему о помощи.

В конце ненастного сентябрьского дня большая группа офицеров собралась возле двери здания, находившегося в самом центре американских войск, угрожавших Джерси. Возраст, мундиры и важная осанка многих из этих воинов говорили об их высоком положении. Но одному из них все оказывали особое уважение, слушали его с особой почтительностью, и было ясно, что он здесь самый главный. Одежда его была проста, но ее украшало множество знаков военных отличий. Он сидел верхом на благородном коне темно-гнедой масти, а вокруг несколько молодых офицеров в блестящих мундирах, как видно, ждали его приказаний и поручений. Те, к кому он обращался, тотчас снимали шляпы, когда же он говорил, все слушали его с глубоким вниманием, свидетельствующим о гораздо большем почтении, чем требует воинский устав. Наконец генерал снял шляпу и спокойно поклонился окружающим. Все поклонились ему в ответ и начали расходиться; с ним остались только личная свита и адъютант. Сойдя с седла, генерал отошел на несколько шагов и заботливо оглядел своего коня, а затем, бросив быстрый, но выразительный взгляд своему адъютанту, вошел в дом. Адъютант последовал за ним.

Войдя в комнату, как видно заранее приготовленную для него, генерал опустился в кресло и некоторое время сидел, погрузившись в размышления, как человек, привыкший советоваться с самим собой. Все это время адъютант стоял, ожидая приказаний. Наконец генерал поднял глаза и сказал обычным для него спокойным голосом:

— Пришел ли человек, которого я хотел повидать?

— Да, ваше превосходительство, он ждет вашего приказа.

— Приведите его сюда, пожалуйста, и оставьте нас одних.

Адъютант молча наклонил голову и вышел. Через несколько минут дверь приоткрылась, и в комнату проскользнул человек. Ни слова не говоря, он скромно остановился у входа. Генерал не слышал, как он вошел, и сидел, глядя на огонь, в глубоком раздумье. Прошло несколько минут, и он произнес вполголоса, как бы обращаясь к самому себе:

— Завтра мы должны поднять завесу и раскрыть наши планы. Да поможет нам небо!

Тут вошедший слегка шевельнулся, и генерал, обернувшись, увидел, что он не один. Генерал молча указал посетителю на камин, и тот подошел поближе, хотя был так плотно закутан — видимо, больше для маскировки, чем для защиты от холода,— что не мог озябнуть. Учтивым движением руки генерал указал ему на стул, но посетитель, скромно поклонившись, отказался сесть. Снова последовало молчание. Наконец генерал встал и, открыв шкатулку, стоявшую на столе перед ним, достал небольшой, но, видимо, тяжелый мешочек.

— Гарви Бёрч,— сказал он незнакомцу,— пришло время порвать всякую связь между нами. Отныне мы должны навсегда стать чужими.

Разносчик откинул капюшон плаща, скрывавший его лицо, и с минуту пристально вглядывался в своего собеседника. Затем опустил голову на грудь и промолвил:

— Как вам будет угодно, ваше превосходительство.

— Это необходимо. Когда я занял пост, на котором теперь нахожусь, я счел своим долгом подобрать многих людей, которые, как и вы, служили мне орудием для получения сведений. Вам я доверял больше, чем всем остальным; я давно заметил в вас любовь к истине и верность своим принципам и могу с радостью сказать, что ни разу в вас не обманулся. Вы один знаете моих тайных агентов в этом городе, и от вашей самоотверженности зависит не только их благосостояние, но даже сама жизнь.

Он помолчал, словно раздумывая, как бы воздать разносчику по заслугам, и продолжал:

— Мне кажется, вы один из очень немногих людей, ни разу не изменивших нашему делу, и, хотя вас считали шпионом наших врагов, вы ни разу не выдали им сведений, которые вас просили не разглашать. Только я, один я в целом свете, знаю, что вы действовали из глубокой любви к свободе Америки.

Слушая эту речь, Гарви понемногу поднимал опущенную на грудь голову и выпрямлялся, а на щеках его все ярче проступал румянец. Когда генерал замолчал, лицо Гарви разгорелось от волнения, он стоял, вскинув голову и гордо выпрямив стан, но скромно потупив глаза.

— Теперь я должен отплатить вам за ваши услуги. До сих пор вы упорно откладывали день расплаты, и долг мой стал очень велик — я не хочу преуменьшать опасностей, которым вы подвергались. Здесь сто дублонов; вы знаете, как бедна наша страна, и поймете, чем вызвана скудость этого вознаграждения.

Разносчик поднял глаза на говорившего, но, когда тот протянул ему деньги, отступил, отказываясь взять мешочек.

— За вашу верную службу, за все опасности, которые вам угрожали, это очень мало, я понимаю,— продолжал генерал,— но это все, что я могу вам уделить, быть может, когда закончится война, я смогу увеличить это скромное вознаграждение.

— Неужели вы думаете, ваше превосходительство, что я рисковал жизнью и опозорил свое имя ради денег?

— Тогда ради чего же?

— Что привело ваше превосходительство на поле боя? Ради чего вы всякий день и всякий час подвергаете смертельной опасности вашу драгоценную жизнь, участвуя в битвах и походах? Стоит ли говорить обо мне, если такие люди, как вы, готовы пожертвовать всем ради нашей родины? Нет, нет, я не возьму у вас ни доллара, бедная Америка сама в них нуждается!

Мешочек выскользнул из рук генерала и упал к ногам разносчика, где пролежал забытым до конца этой беседы.

— Мною руководят многие соображения, однако вам они неизвестны. Мы с вами в разном положении: меня все знают как командующего армией, а вам придется до самой могилы слыть врагом своей родины. Не забывайте, что маску, скрывающую ваше истинное лицо, вам не позволят снять еще много лет, а быть может — никогда.

Бёрч снова опустил голову, но это движение не выражало согласия.

— Ваша молодость уже позади, вы скоро состаритесь. Чем вы станете добывать себе пропитание?

— Вот чем,— ответил разносчик, протягивая руки, огрубевшие от работы.

— Но они когда-нибудь вам откажут; примите помощь, которая поддержит вас в старости. Вспомните, чем вы рисковали и какие трудности вам пришлось преодолеть. Я уже говорил вам, что судьба многих видных людей зависит от вашего молчания. Как я докажу им, что они могут на вас положиться?

— Скажите им,— ответил Бёрч, шагнув вперед и, сам того не замечая, наступив на мешочек с деньгами,— скажите, что я не взял золота.

Суровые черты генерала смягчила добрая улыбка, и он крепко пожал руку разносчика.

— Да, теперь я хорошо узнал вас! И, хотя причины, заставлявшие меня прежде подвергать опасности вашу жизнь, существуют и сейчас и не позволяют мне открыто восстановить ваше доброе имя, я могу втайне оставаться вашим другом. Обращайтесь ко

мне всякий раз, как вас настигнет нужда или болезнь, и, пока господь бог не оставит меня своими милостями, я с радостью поделюсь с человеком, который питает такие высокие чувства и совершает такие благородные поступки. Если когда-нибудь вы утратите силы и впадете в бедность, а нашей стране улыбнется счастье и наступит долгожданный мир, отыщите двери того, кого вы столько раз встречали под именем Харпера, и он без краски стыда узнает вас и воздаст вам по заслугам.

— Мне очень мало надо в этой жизни,— промолвил Гарви,— и, пока бог дает мне здоровье и честный заработок, я ни в чем не буду нуждаться; но дружба вашего превосходительства для меня такое сокровище, которое я ценю выше всего золота английского казначейства.

Несколько минут генерал стоял в глубоком раздумье. Затем подошел к столу, взял листок бумаги, написал на нем несколько слов и протянул разносчику.

— Я верю, что провидение предназначило нашей стране великую и славную судьбу, когда вижу, какой высокий патриотизм живет в сердцах самых скромных ее граждан,— сказал он.— Для такого человека, как вы, должно быть ужасно сойти в могилу с клеймом врага свободы; но вы знаете, что, открыв свое истинное лицо, вы погубите несколько жизней. Сейчас невозможно оказать вам справедливость, однако я без страха вверяю вам этот документ. Если мы больше не встретимся с вами, он может послужить вашим детям.

— Моим детям? — воскликнул разносчик.— Могу ли я дать семье свое опозоренное имя!

С глубокой грустью слушал генерал взволнованную речь Гарви и снова потянулся к золоту, но, взглянув в лицо своему собеседнику, остановился. Угадав его намерение, Бёрч покачал головой и продолжал более мягко:

— Вы и вправду дали мне сокровище, ваше превосходительство, и оно будет в целости и сохранности. Есть люди, которые могут подтвердить, что я ставил ни во что свою жизнь, когда надо было сохранить ваши тайны. Я не потерял ту бумагу, как говорил вам, а проглотил ее, когда виргинцы схватили меня. То был единственный раз, что я обманул ваше превосходительство, первый и последний. Да, конечно, это сокровище для меня... Быть может,— продолжал он с печальной улыбкой,— после моей смерти люди узнают, кто был моим другом, а если нет — что ж, обо мне некому пожалеть.

— Не забывайте,— сказал генерал в сильном волнении,— что во мне вы всегда найдете тайного друга; но я не могу открыто признать вас.

— Знаю, знаю,— ответил Бёрч,— я знал это еще в ту пору, когда взялся за эту работу. Я, наверное, никогда больше не увижу ваше превосходительство. Да пошлет вам бог свое святое благословение! — Он замолчал и тихонько двинулся к двери.

Генерал с горячим участием смотрел ему вслед.

Разносчик еще раз обернулся, поглядел на спокойное, но властное лицо генерала, и в глазах его отразились почтение и печаль. Потом он низко поклонился и вышел.

Американская и французская армии под руководством своего славного командира выступили против англичан, сражавшихся во главе с Корнваллисом, и кампания, начавшаяся с неудач, закончилась блестящей победой американцев. Вскоре Великобритании стала в тягость эта война, и она признала независимость Соединенных Штатов.

Годы шли за годами. Многие участники войны и их потомки с гордостью вспоминали о подвигах, совершенных во имя дела, принесшего их родине так много всяческих благ. Но имя Гарви Бёрча затерялось среди множества имен других агентов, о которых было известно, что они втайне действовали против законных прав своих сограждан. Однако образ разносчика часто вспоминался могущественному генералу, который один знал его истинную историю и неоднократно приказывал наводить о нем тайные справки, стараясь узнать его дальнейшую судьбу; но только один раз ему удалось напасть на след. Генералу сообщили, что некий разносчик, по внешности схожий с Бёрчем, но под другим именем, бродил по новым поселкам, которые возникали в отдаленных районах, и мужественно боролся с надвигавшейся старостью и нуждой. Смерть генерала прервала дальнейшие поиски, и долгое время никто не слышал о разносчике.

ГЛАВА XXXV

В деревне этой и права и честь
Умеют от тирана защищать,
И скромный Кромвель здесь, должно быть, есть,
И Мильтон, не умеющий писать.

Грей

Прошло тридцать три года после описанной выше беседы, и американская армия вновь выступила против английских войск, но теперь военные действия развернулись не на берегах Гудзона, а близ Ниагары.

Вашингтон уже давно покоился в могиле, и тело его превратилось в прах. Время быстро стирает все злобные чувства, как политическую вражду, так и личную зависть, и его имя с каждым днем сияло все ярче, а его прямота и справедливость с каждым часом ценились все больше — не только на родине, но и во всем мире. Теперь он стал признанным героем века разума и просвещения. И пылкие сердца многих юношей, бывших гордостью нашей армии в 1814 году, начинали биться сильней, когда произносили имя великого американца, и загорались горячим желанием прославиться подобно ему. Однако ни в чьем сердце подобные стремления не были жарче, чем в груди молодого офицера, который вечером 25 июля этого кровавого года стоял на плоской скале и наблюдал великий водопад. Юноша был высок и хорошо сложен, в самом расцвете сил и энергии; его блестящие черные глаза смотрели пытливо и весело. Когда он глядел на бурный поток, разбивавшийся у его ног, во взоре его светились смелость и упорство, говорившие о горячей и восторженной натуре. Однако гордое выражение лица смягчала шаловливая улыбка тонко очерченного и прекрасного, как у женщины, рта. В лучах заходящего солнца светлые кудри юноши отливали золотом, а когда легкий ветерок от водопада отбрасывал их со лба, то, судя по белизне его кожи, можно было заключить, что только солнце и ветер придали смуглый оттенок этому здоровому молодому лицу. Рядом с красивым юношей стоял другой офицер, и по интересу, с каким оба рассматривали водопад, было ясно, что они впервые видят это чудо западного мира. Они долго стояли в полном молчании, как вдруг спутник описанного нами молодого офицера вздрогнул и, указывая саблей на пропасть у них под ногами, воскликнул:

— Взгляни, Уортон, вон человек переплывает реку под самым водопадом в челноке не больше ореховой скорлупки!

— Я вижу ранец у него за плечами. Должно быть, это солдат,— заметил его товарищ.— Пойдем встретим его у пристани, Мейсон, и узнаем, какие новости он привез.

Они потратили немало времени, чтобы добраться до места, куда пристало суденышко.

Вопреки ожиданиям молодых людей, в челноке оказался человек преклонного возраста и, по-видимому, не имеющий отношения к армии. Ему было лет семьдесят, но об этом свидетельствовали скорей его поредевшие серебристые волосы, падавшие на морщинистый лоб, нежели сухое тело, не казавшееся дряхлым. Он шел сгорбившись, но, должно быть, в силу привычки, а не от слабости, ибо мускулы у него, видно, лишь окрепли за полвека неустанной работы. Одежда его была бедна; множество

разнообразных заплат говорило о бережливости хозяина. На спине он нес довольно жалкий тюк, который и ввел в заблуждение офицеров. Обменявшись с ним приветствиями, молодые люди подивились, что такой пожилой человек не боится подплывать к водоворотам у самого водопада, а он слегка дрожащим голосом спросил у них, какие вести из сражающихся армий.

— На днях мы разбили красные мундиры в равнинах Чиппевы,— ответил тот, которого звали Мейсоном.— С тех пор мы играли в прятки с их кораблями. А теперь идем снова туда, откуда начали, и, уж поверьте, зададим им перцу.

— Быть может, у вас есть сын среди солдат? — спросил его товарищ гораздо более мягким, приветливым тоном.— Если так, скажите мне, как его зовут и в каком он служит полку, и я отведу вас к нему.

Старик покачал головой и, проведя рукой по своим серебряным волосам, ответил кротко и смиренно:

— Нет, я совсем один на свете.

— Тебе следовало бы добавить, капитан Данвуди,— воскликнул беззаботный Мейсон,— что ты отведешь его к сыну, если тебе удастся найти и полк и солдата, потому что добрая половина нашей армии уже двинулась в путь и, очень возможно, стоит теперь под стенами форта Джорджа, если только у меня правильные сведения.

Тут старик вдруг остановился и стал переводить пристальный взгляд с одного офицера на другого. Заметив это, они тоже остановились.

— Я не ослышался? — спросил незнакомец, защищая глаза рукой от лучей заходящего солнца.— Как вас назвал этот офицер?

— Меня зовут Уортон Данвуди,— ответил, улыбаясь, молодой человек.

Незнакомец жестом попросил юношу снять шляпу, и, когда тот исполнил эту просьбу, его шелковистые кудри разлетелись и открылось красивое, приветливое лицо.

— Вот так и вся наша страна! — горячо воскликнул старик.— Она с каждым днем расцветает, да благословит ее бог!

— Что ты так пристально смотришь на него, лейтенант Мейсон? — спросил со смехом капитан Данвуди.— Ты не казался таким удивленным, даже когда глядел на водопад!

— Что мне водопады! На них должны бы любоваться в лунную ночь твоя тетушка Сара и этот славный старый холостяк — полковник Синглтон. А таких малых, как я, этим не удивишь, меня гораздо больше занимают подобные встречи.

Необыкновенная горячность незнакомца, едва вспыхнув, тут же угасла. Однако он прислушивался к разговору молодых людей с глубоким интересом. Данвуди, став немного серьезнее, возразил:

— Ладно, ладно, Том, не смейся над моей милой тетушкой; ведь она — сама доброта, и я слышал, что в молодости она пережила большое несчастье!

— А я слышал,— ответил Мейсон,— что полковник Синглтон каждый год в день святого Валентина предлагает ей руку и сердце — об этом болтают в Аккомаке,— а кое-кто добавляет, что твоя бабушка Дженнет поддерживает его.

— Бабушка Дженнет! — со смехом воскликнул Данвуди.— Вот тоже добрая душа! Да только вряд ли она думает о чьей-нибудь свадьбе, с тех пор как умер доктор Ситгривс! Прежде поговаривали, будто он ухаживал за ней, да, видно, дело не пошло дальше взаимных любезностей. Вообще я думаю, что все эти слухи возникли из-за дружбы моего отца с полковником Синглтоном. Ты же знаешь, они с ним старые товарищи по полку, как и с твоим отцом.

— Конечно, знаю; но, пожалуйста, не говори мне, что этот старый холостяк так часто бывает в поместье генерала Данвуди только ради того, чтобы поболтать с ним о старых битвах. В прошлый мой приезд к вам желтолицая длинноносая экономка твоей матери увела меня в кладовую и уверяла, что полковник — очень выгодная партия, как она выразилась, и что его плантации в Джорджии приносят весьма неплохой доход,— ей-богу, я позабыл, сколько она насчитала.

— Весьма возможно,— заметил капитан.— Кэти Хейнс отлично умеет считать.

Молодые люди замолчали и оглянулись на незнакомца, не зная, следует ли им распрощаться с ним.

Старик ловил каждое их слово с напряженным вниманием. К концу разговора по его серьезному лицу пробежала легкая улыбка. Он покачал головой, провел рукой по лбу и, казалось, задумался о былых временах. Мейсон, не обратив внимания на выражение лица старика, продолжал:

— Мне кажется, эта экономка уж слишком себялюбива.

— Но ее себялюбие никому не вредит,— возразил Данвуди.— Самая ее неприятная черта — это враждебность к неграм. Она говорит, что за всю свою жизнь чувствовала расположение только к одному негру.

— К кому же это?

— К слуге моего покойного дедушки Уортона, по имени Цезарь. Ты, наверное, его не помнишь: он умер в тот же год,

что и его хозяин, когда мы еще были детьми. Кэти каждый год справляет по нему панихиду, и он, право, это заслужил. Я слышал, что он помог моему английскому дяде — так мы называем генерала Уортона,— когда тот попал в беду во время прошлой войны. Мама всегда говорит о нем с большой любовью. Когда она вышла замуж, Кэти и Цезарь приехали с ней в Виргинию. Моя мать...

— ...сущий ангел! — докончил старик с такой горячностью и верой, что молодые люди вздрогнули от неожиданности.

— Разве вы знали ее? — с удивлением воскликнул Данвуди, вспыхнув от удовольствия.

Но ответ незнакомца был заглушен внезапным и сильным грохотом артиллерии, а за ним последовали частые ружейные залпы, и воздух наполнился гулом оживленной и упорной перестрелки. Офицеры встрепенулись и бросились к своему лагерю, а их новый знакомый последовал за ними. Волнение и тревога перед готовящейся битвой помешали продолжению разговора, и все трое, торопясь к месту боя, лишь перебрасывались замечаниями о причине схватки и возможности крупного сражения. Во время этого короткого и поспешного перехода капитан Данвуди дружески поглядывал на старика, который шагал за молодыми людьми с удивительной для его возраста легкостью; сердце юноши потеплело от хвалебных слов незнакомца, ибо он нежно любил свою мать. Вскоре офицеры пришли в свою часть, и капитан, крепко пожав руку старику, попросил, чтобы тот непременно разыскал его на следующее утро и пришел к нему в палатку. На этом они расстались.

В американском лагере все говорило о предстоящем сражении. В нескольких милях слышалась такая громкая пушечная и ружейная пальба, что ее не мог заглушить даже рев водопада. Вскоре все войско пришло в движение и выступило для поддержки полков, уже начавших бой. Однако ночь спустилась прежде, чем резервные и нерегулярные полки достигли Ландис-Лена — дороги, ведущей от реки и пересекавшей невысокий конусообразный холм неподалеку от большого Ниагарского шоссе. На вершине этого холма англичане установили пушку, а у его подножия оборонялись остатки славной шотландской бригады, которая долгое время вела неравный бой и показала чудеса храбрости. Одной колонне американских войск было приказано выстроиться в линию параллельно дороге и атаковать этот холм. Ударив на англичан с фланга и пустив в ход штыки, американцы овладели пушкой. К ним тотчас присоединились товарищи, и неприятель был сброшен с холма. Но английскому генералу немедленно прислали сильное подкрепление, а его войска были так отважны, что не могли

примириться с поражением. Они предприняли несколько кровопролитных атак, стараясь отбить свое орудие, однако вскоре были отброшены назад и понесли тяжелые потери. Во время одного из последних боев полный молодого задора капитан, о котором мы уже говорили, вывел своих солдат далеко вперед, чтобы рассеять дерзкий вражеский отряд. Он добился успеха, но, вернувшись в свой полк, заметил, что среди его людей нет Мейсона. После того как была отражена последняя атака, американским войскам был дан приказ возвращаться в лагерь. Британских солдат уже нигде не было видно, и американцам велели подобрать всех раненых, каких можно унести. Уортон Данвуди, в тревоге за своего друга, схватил горящий факел и, взяв с собой двух солдат, отправился сам отыскивать его там, где он мог упасть. Вскоре они нашли Мейсона на склоне холма: лейтенант сидел с завидным спокойствием, но не мог ступить на ногу — она была сломана. Увидев товарища, Данвуди бросился к нему со словами:

— Дорогой Том! Я так и знал, что найду тебя впереди всех, возле самого неприятеля!

— Тише, тише, со мной надо обращаться осторожно,— ответил лейтенант.— К тому же ты ошибся, какой-то храбрый малый подобрался к врагу еще ближе, чем я, только не знаю, кто это. Он выскочил из дыма перед моим взводом, стараясь захватить кого-то в плен, но не вернулся назад. Вон он лежит на вершине холма. Я много раз окликал его, но, кажется, он уже никогда не ответит.

Данвуди поднялся на холм и, к своему удивлению, увидел старого незнакомца.

— Это тот старик, что знал мою мать! — закричал он.— Ради нее мы похороним его с почетом. Возьмите это тело и отнесите в наш лагерь. Пусть его кости покоятся в родной земле.

Солдаты подошли, чтобы поднять тело. Старик лежал на спине, и факел ярко осветил ему лицо. Глаза его были закрыты словно во сне. Запавшие с годами губы были слегка сжаты, но не от боли, скорее казалось, что он чуть улыбается. Подле него лежал солдатский мушкет; руки его были прижаты к груди, и в одной из них он сжимал какой-то предмет, блестевший, как серебро. Данвуди нагнулся и, отведя его руку, увидел, что пуля пробила ему грудь и попала прямо в сердце. В руке старик бережно держал жестяную коробочку, пробитую роковой пулей: как видно, последним усилием он достал ее из кармана на груди. Данвуди открыл ее и, найдя в ней бумагу, с удивлением прочитал:

«Серьезные политические обстоятельства, от которых зависела жизнь и благосостояние многих людей, принуждали меня хранить в тайне то, что теперь раскроет эта записка. Гарви Бёрч многие годы верно и бескорыстно служил своей родине. Если люди не воздадут ему по заслугам, да наградит его господь!

Джордж Вашингтон».

Это был шпион с нейтральной территории. Он умер, как и жил, преданным сыном своей родины и мучеником за ее свободу.

КОНЕЦ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О 1757 ГОДЕ

Не презирай меня за черноту:
Ливреей темной я обязан солнцу!

Шекспир. Венецианский купец [1]

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ПЕРЕВОД П. МЕЛКОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель, который раскроет эту книгу в надежде найти в ней вымышленную романтическую картину событий, никогда не имевших места в действительности, по всей вероятности, разочарованно отложит ее в сторону. Сочинение наше представляет собой то, что обещает надпись на его титульном листе, а именно — повесть о 1757 годе. Но поскольку описаны в нем происшествия, о которых, может быть, осведомлены не все и в особенности маловероятно, чтобы о них известно было тем наделенным богатым воображением представительницам прекрасного пола, многие из коих, приняв книгу за роман, соизволят прочесть ее, интересы автора побуждают его объяснить кое-какие малоизвестные исторические ссылки. Необходимость этого подсказана ему горьким опытом, нередко убеждавшим его, что стоит любому предмету, сколь ни мало он знаком публике, предстать на строгий ее суд, как каждый читатель в отдельности и все они вместе проникаются убеждением,— хотя, должен добавить, непроизвольным,— будто знают об этом предмете больше, нежели человек, знакомящий их с ним; в то же время,— как это ни противоречит изложенному выше бесспорному факту,— автор пошел бы на весьма небезопасный эксперимент, полагаясь на чью-либо фантазию, кроме собственной. Поэтому ни одна подробность, которую можно объяснить, не должна оставаться загадкой. Подобный опыт доставил бы своеобразное удовольствие лишь тем редким читателям, которые находят странное наслаждение в том, чтобы тратить больше времени на домысливание книг, чем денег на их покупку. Дав это предварительное объяснение причин, побудивших автора употребить столь большое число непонятных слов в самом начале повествования, он и приступает к своей задаче. Разумеется, речь здесь не пойдет, да и не

может идти о том, что уже известно людям, мало-мальски знакомым с индейскими древностями.

Величайшая трудность, встающая перед каждым, кто занимается историей краснокожих, заключается в вопиющей путанице имен и названий. Однако, если вспомнить, что эту путаницу поочередно и по праву победителей насаждали голландцы, англичане и французы, а туземцы, говорящие не только на родных языках, но и на множестве производных от них диалектов, еще усугубляли ее, подобная трудность становится скорее предметом сожалений, нежели удивления. Нам же остается лишь надеяться, что, встретив на страницах книги какие-либо неясности, читатель оправдает их вышеизложенными причинами.

Когда на огромном пространстве от Пенобскота до Потомака и от Атлантического океана до Миссисипи появились европейцы, они застали эту огромную область во власти народности, происходящей от единого корня. Кое-где границы ее бескрайних владений несколько расширялись за счет соседних племен или, напротив, сужались под их напором, но в общих чертах занимаемая ею территория была именно такова. Родовое имя этой народности было уапаначки, сами же представители ее любили называть себя лениленапе, что означает «люди несмешанной крови». Перечисление даже половины общин и племен, на которые делилась эта народность, непосильная задача для автора. У каждого племени было свое имя, свои вожди, свои охотничьи угодья и — нередко — свой особый диалект. Подобно старинным феодальным княжествам, эти племена воевали между собой и пользовались большинством прочих привилегий суверенного государства. Тем не менее они признавали общность происхождения, языка и тех нравственных устоев, которые с такой удивительной стойкостью поддерживались традицией и обычаем. Одна из ветвей этой многочисленной народности жила на живописных берегах реки под названием Ленапуихиттак, где с общего согласия находился «Длинный дом» или «большой костер совета» всех этих родственных племен.

Областью, которая обнимает сейчас юго-восточную часть Новой Англии, равно как лежащую к востоку от Гудзона территорию штата Нью-Йорк, и землями, простирающимися еще дальше к югу, владело в те времена могучее племя, называвшее себя «махиканни» или — что привычнее нам — «могикане». Это последнее название принято у нас теперь повсюду.

Могикане тоже не представляли собой единого целого. Они оспаривали у своих соседей, владевших «Длинным домом», право считаться самой древней ветвью народности, а уж их притязания на звание «старшего сына» их общего «праотца» никто не ставил под сомнение. Естественно, что именно эта древнейшая

часть исконного населения страны первой лишилась своих земель в результате прихода белых. Немногие уцелевшие еще представители ее затерялись среди других племен, не сохранив никаких памятников былого могущества и славы, кроме печальных воспоминаний.

Племя, охранявшее священные угодья, где помещался «дом совета», испокон веков называло себя лестным прозвищем «ленапе», но когда англичане переименовали реку в «Делавар», этим же словом стали обозначать себя и обитатели ее берегов. Равно пользуясь обоими терминами, они в разговорах между собой очень тонко передавали двумя этими словами различные смысловые оттенки. Последние — весьма характерная особенность языка делаваров, которая привносит задушевность в общение их друг с другом и придает энергический пафос их красноречию.

Вдоль северной границы владений ленапе на много сотен миль протянулись земли другой народности, родственной им по происхождению, языку и внутриплеменной структуре. Соседи называли ее «менгуэ». Эти северные дикари довольно долго были менее могущественны и едины, чем ленапе. Стремясь изменить это невыгодное для них положение, пять наиболее сильных и воинственных племен менгуэ, живших ближе всего к «дому совета» своих соперников, объединились в целях взаимозащиты; в сущности, они основали наиболее древнюю федеральную республику в истории Северной Америки. Этими племенами были могауки, онейда, сенека, кайюга и онондага. Позднее в это сообщество была возвращена и признана его полноправным членом со всеми соответствующими политическими привилегиями еще одна оторвавшаяся и «ушедшая ближе к солнцу» ветвь народности менгуэ. Поскольку с включением этого племени (тускарора) число членов федерации возросло, англичане переименовали «Союз пяти племен» в «Союз шести племен». В ходе нашего повествования читатель увидит, что мы иногда употребляем слово «племя» применительно к роду, а иногда — к народности в самом широком смысле. Соседи-индейцы часто называли менгуэ макуасами, а порою, презрительно, мингами. Французы окрестили их ирокезами, прозвищем, которое, видимо, представляет собой искаженную форму какого-то французского слова.

Истории доподлинно известно, какими постыдными уловками голландцы, с одной стороны, и менгуэ, с другой, сумели убедить ленапе разоружиться, доверить защиту своих интересов менгуэ и тем самым, по образному выражению туземцев, «превратиться в женщин». Такой шаг голландцев при всем его кажущемся великодушии оказался верным политическим ходом. С этого момента началось падение крупнейшего и наиболее цивилизованного

из индейских племен, проживавших в нынешних пределах Соединенных Штатов. Обкрадываемые белыми, истребляемые и угнетаемые дикарями, делавары еще какое-то время держались вокруг своего костра совета, но в конце концов распались на отдельные роды и ушли искать прибежища в пустынях Запада. Подобно гаснущей лампе, слава их вспыхнула наиболее ярко в тот момент, когда они уже вымирали.

Об этой любопытной народности и ее позднейшей истории можно было бы рассказать много больше, но мы полагаем, что это не существенно для композиции нашего произведения. С кончиной благочестивого, достойного и многоопытного Хекиуэлдера источник сведений о делаварах иссяк, и эта потеря, как мы опасаемся, никем уже не будет восполнена. Он долго и упорно трудился на благо злополучного племени, стараясь не только очистить его нравы, но, в равной степени, восстановить его доброе имя.

С этим кратким предисловием к предмету изложения автор вверяет свою книгу читателю. Однако, движимый если уже не чувством справедливости, то, во всяком случае, честностью, он рекомендует всем молодым леди, чьи представления обычно ограничены четырьмя стенами комфортабельной гостиной, холостым джентльменам, склонным принимать слухи на веру, а также духовным лицам отказаться от намерения прочесть этот томик, коль скоро последний попадется им под руку. Он дает этот совет подобным молодым леди потому, что прочтя его книгу, они объявят ее неприличной; холостякам — потому, что она может нарушить их сон; почтенному же духовенству — потому, что оно способно найти себе более полезное занятие.

ГЛАВА I

Мой слух открыт, моя душа готова.
Ты сообщишь лишь о земных потерях?
Державу потерял я?

Шекспир. Король Ричард II[1]

Отличительная особенность колониальных войн в Северной Америке заключалась в том, что, прежде чем сойтись в кровавом бою, обеим сторонам приходилось претерпевать невзгоды и опасности скитаний по дикому краю. Владения враждовавших меж собой Франции и Англии были отделены друг от друга широкой полосой почти непроходимых лесов. Отважный колонист и вымуштрованный европеец, сражавшиеся бок о бок, тратили порой долгие месяцы на борьбу с речными порогами и крутыми горными тропами, лишь после этого обретая возможность проявить свою храбрость в столкновении, более привычном для солдата. Но, соревнуясь в терпении и самоотверженности с туземными воинами, они научились преодолевать любые трудности, и не было, казалось, таких непроглядных чащ, таких укромных уголков леса, куда не вторгались бы люди, готовые положить жизнь, мстя за личные обиды или во имя эгоистической политики далеких европейских монархов.

Быть может, на всем бесконечном пограничном рубеже не было места, которое наглядней свидетельствовало бы о жестоком, варварском и беспощадном характере тогдашних войн, чем область между истоками Гудзона и соседними озерами.

Местность там от природы чрезвычайно удобна для передвижения войск, а это — преимущество, которым не следовало пре-

[1] Перевод А. И. Курошевой.

пебрегать. Озеро Шамплейн, широкой полосой протянувшееся от границ Канады в глубь соседнего штата Нью-Йорк, представляло собой естественный путь сообщения, следуя по которому французы покрывали почти половину расстояния, отделявшего их от неприятеля. У южной оконечности Шамплейна с ним сливается другое озеро, чьи воды столь прозрачны, что миссионеры-иезуиты облюбовали его для символического свершения над туземцами обряда крещения и соответственно нарекли озером Святых даров. Англичане, люди менее набожные, решили, что окажут незамутненным волнам этого озера достаточную честь, присвоив ему имя правившего тогда Великобританией короля, второго из Ганноверского дома. Но и англичане и французы оказались едины в одном: они лишили простодушных владетелей этих лесистых мест права и впредь называть озеро его исконным туземным именем Хорикэн.

Извиваясь между бесчисленными островками, Святое озеро, окаймленное невысокими горами, простирается еще на добрый десяток лье к югу. Там, от плоскогорья, преграждающего водам дальнейший путь, начинался встарь многомильный волок, по которому путешественник выбирался к берегам Гудзона как раз в том месте, где кончаются столь частые в верховьях пороги или перекаты, как их называли тогда жители нашей страны, и река становится судоходной.

Нетрудно догадаться, что, осуществляя свои смелые воинственные замыслы и в своей неустанной предприимчивости добираясь даже до отдаленных и недоступных ущелий Аллеган, французы, наблюдательность которых вошла в поговорку, не могли не заметить естественных преимуществ описанной нами выше местности. Она прежде всего и стала той кровавой ареной, где разыгрались главные сражения за владычество над североамериканскими колониями. В различных пунктах, господствующих над путями сообщения, воздвигались форты, которые переходили из рук в руки, разрушались и вновь отстраивались в зависимости от того, кому улыбалась фортуна. Пока мирные земледельцы уходили подальше от опасных горных проходов и укрывались за надежными стенами старинных поселений, целые армии, порой еще более многочисленные, нежели те силы, которыми располагали правители в метрополиях, находили себе могилу в здешних лесах, откуда возвращалась лишь горстка людей, сломленных тяготами похода или подавленных поражением.

Несмотря на то что мирные ремесла не прививались в этом зловещем крае, леса его кишели людьми, поляны и лощины то и дело оглашались военной музыкой, а эхо разносило по горам то смех, то боевой клич множества юных храбрецов, стекавшихся

сюда, чтобы в расцвете сил погрузиться в бесконечную ночь забвения.

Именно здесь, на этой обагренной кровью земле, в третий год последней войны между Англией и Францией за обладание краем, удержать который, к счастью, не суждено было ни той, ни другой, и произошли события, чей ход мы попытаемся описать.

Бездарность военачальников в заморских владениях и пагубная нерешительность министров в метрополии низвергли престиж Великобритании с тех гордых высот, на которые вознесли его таланты и отвага ее былых полководцев и государственных мужей. Она давно перестала внушать страх врагам, и слуги ее быстро утрачивали спасительное самоуважение, этот залог уверенности в своих силах. Колонисты, не повинные в промахах метрополии и слишком незначительные в ее глазах для того, чтобы помешать ей делать новые ошибки, оказались тем не менее сопричастны ее постыдному унижению. Совсем недавно они стали очевидцами того, как отборная армия, приплывшая из страны, которую они почитали своей матерью и в непобедимость которой свято верили, армия во главе с полководцем, избранным за свои незаурядные военные дарования из множества самых опытных военачальников, была позорно разгромлена горстью французов и индейцев и спасена от полного истребления лишь благодаря хладнокровию и мужеству духа юноши-виргинца, чья стойкость и высокий дух сделали его с тех пор знаменитым в самых отдаленных уголках христианского мира. Это непредвиденное поражение оставило беззащитной значительную часть границы, и бедствия, действительно угрожавшие населению, усугубились множеством мнимых опасностей и страхов. В каждом порыве ветра, доносившемся из бескрайних лесов на Западе, встревоженным колонистам чудился боевой крик дикарей. Жестокость их беспощадных врагов неизмеримо усиливала испуг, вселяемый в мирных людей неизбежными ужасами войны. В их памяти были еще свежи бесчисленные случаи кровопролития во время предыдущих войн, и не было на территории провинции человека, остававшегося безучастным к страшным рассказам о полночных убийствах, где главными действующими лицами выступали туземные обитатели лесов. Когда легковерный и слишком возбужденный путешественник повествовал о рискованных приключениях в лесу, то даже в крупнейших городах, которым не угрожала никакая опасность, у робких людей кровь стыла от ужаса, и матери бросали тревожные взгляды на своих мирно спавших детей. Короче говоря, всеобщая и все нараставшая паника сводила на нет любые доводы разума и превращала тех, кому следовало бы помнить о том, что они мужчины, в рабов самой низменной из человеческих слабос-

тей. Даже в сердца наиболее твердых и стойких закралось сомнение в благополучном исходе войны, и число малодушных, уже предвидевших, что вскоре все английские владения в Америке достанутся французам или будут опустошены их безжалостными союзниками-индейцами, возрастало с каждым часом.

Вот почему, когда весть о том, что Монкальм появился на Шамплейне с войском, «несметным, как листья в лесу», достигла форта, господствовавшего над южным концом волока между Гудзоном и озерами, она была встречена там скорее с робкой покорностью людей, приверженных к мирным занятиям, нежели с мрачной радостью, которая приличествует воинам, узнавшим о близости врага. Известие это, вместе с настоятельной просьбой Манроу, коменданта форта на берегу Святого озера, немедленно прислать ему сильное подкрепление, было доставлено гонцом-индейцем под вечер летнего дня. Мы уже упоминали, что расстояние между двумя этими укреплениями не превышало пяти лье. Лесная тропа, первоначально соединявшая их, была затем расширена, чтобы по ней могли проходить повозки, так что расстояние, которое сын леса прошел бы за два часа, военный отряд с надлежащим обозом мог покрыть между восходом и заходом летнего солнца. Первой из этих лесных твердынь верные слуги британской короны дали имя форта Уильям-Генри, второй — форта Эдуард, назвав каждую в честь одного из принцев царствующего дома. Только что упомянутый ветеран-шотландец Манроу командовал фортом Уильям-Генри, где стоял полк регулярных войск и небольшой отряд колонистов, гарнизон, бесспорно, слишком малочисленный, чтобы противостоять грозной силе, которую Монкальм вел к земляным валам форта. Во втором укреплении, однако, находился командующий королевскими армиями в северных провинциях генерал Вэбб с гарнизоном в пять с лишним тысяч человек. Стянув туда еще несколько частей из тех, что состояли у него под началом, он мог добиться почти двойного превосходства в силах над предприимчивым французом, рискнувшим отдалиться на такое большое расстояние от источника подкреплений с армией, лишь немного превышающей армию противника.

Однако, подавленные неудачами, английские командиры и солдаты предпочитали отсиживаться в укреплениях и дожидаться там грозного врага, вместо того чтобы последовать удачному примеру французов у форта Дюкен и остановить продвижение противника, нанеся ему удар на подходе.

После того как улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, по всему английскому лагерю, который протянулся вдоль берега Гудзона в виде цепи отдельных укреплений,

прикрытых траншеями и, в свою очередь, прикрывавших самое крепость, разнесся слух, что на рассвете отборный полуторатысячный отряд выступит в форт Уильям-Генри, к северному концу волока. Этот первоначальный слух вскоре подтвердился: из ставки командующего в части, отобранные им для экспедиции, полетели приказы о немедленном выступлении. Все сомнения насчет намерений Вэбба рассеялись, и часа на два-три лагерь, оглашенный топотом бегущих ног, заполонили озабоченные лица. Новобранцы хватались за что попало, суетились и лишь замедляли сборы чрезмерным рвением, скрывавшим некоторую тревогу; опытные ветераны снаряжались в путь с серьезностью, исключавшей какую бы то ни было спешку, хотя их посуровевшие черты и озабоченный взгляд достаточно явственно свидетельствовали, что они не так уж сильно рвутся в еще незнакомые им чащи, где их ждут жестокие схватки. Наконец солнце, озарив лучами дальние холмы на западе, скрылось за ними; ночь окутала пустынную местность своим покровом, и шум сборов постепенно утих; в бревенчатых офицерских хижинах погас последний свет; на горы и журчащий поток легли сгустившиеся тени деревьев, и вскоре в лагере воцарилась та же глубокая тишина, что и в окружавших его бескрайних лесах.

В соответствии с отданным накануне приказом солдаты были вырваны из тяжелого сна грохотом барабанов, раскатистое эхо которых разнеслось в сыром утреннем воздухе по самым отдаленным просекам; занимался день, и косматые контуры высоких сосен все отчетливей вырисовывались на фоне ясного безоблачного неба, уже посветлевшего на востоке. В мгновение ока лагерь ожил: даже самый ленивый солдат вскочил на ноги, чтобы проводить выступающих товарищей и разделить с ними волнение прощальных минут. Уходящий отряд быстро занял несложный походный порядок. Хорошо обученные регулярные части королевских наемников с присущим им высокомерным видом проследовали на правый фланг; на левом же скромно разместились менее требовательные волонтеры-колонисты, приученные долгим опытом держаться в тени. Первыми выступили разведчики; сильный конвой окружил спереди и сзади обоз с амуницией и припасами, и не успели лучи восходящего солнца пронизать утренний сумрак, как отряд вытянулся в колонну и покинул лагерь с таким воинственным видом, который не мог не рассеять тревожные опасения многих новобранцев, еще только ожидавших боевого крещения. Солдаты, строго соблюдая строй, гордо маршировали под восхищенными взглядами товарищей, пока звуки волынок не замерли в отдалении и лес не поглотил наконец эту живую массу, медленно исчезавшую в его лоне.

Колонна удалилась и стала незрима, последний отставший солдат уже скрылся из виду, и порывы ветра не доносили больше даже самых громких всплесков музыки, но в лагере, у самой просторной и удобной из офицерских хижин, перед которой расхаживали часовые, охранявшие особу английского генерала, все еще были заметны признаки сборов в дорогу. Здесь стояло с полдюжины оседланных лошадей, две из которых, по всей видимости, предназначались для высокопоставленных леди, каких не часто встретишь в подобной глуши. Из седельных кобур третьей торчали пистолеты, свидетельствовавшие о том, что на ней должен ехать кто-то из офицеров. Остальные, судя по простоте сбруи и притороченным вьюкам, принадлежали солдатам конвоя, которые явно только ждали минуты, когда господа соблаговолят тронуться в путь. На почтительном расстоянии от этой группы кучками толпились праздные зеваки, привлеченные необычным зрелищем: одни восторгались резвостью и статями породистого офицерского коня; другие с тупым любопытством невежд глазели на приготовления к отъезду.

Среди зрителей присутствовал, однако, человек, резко выделявшийся среди остальных обликом и манерами: он не выглядел ни праздным, ни чрезмерно невежественным. Сложен этот примечательный человек был на редкость нелепо, хотя и не отличался никаким особым уродством. Туловище и конечности у незнакомца были как у остальных людей, только лишены обычных пропорций: стоя, он казался выше соседей; сидя, он как бы сокращался до размеров, присущих простому смертному. То же несоответствие сказывалось и в остальном. Голова у него была слишком велика, плечи чрезмерно узки; длинные руки болтались поразительно низко, но заканчивались маленькими и даже изящными кистями; бедра и голени отличались почти бесплотной худобой, зато колени казались бы чудовищно толстыми, если бы их не затмевали широченные ступни, служившие пьедесталом для этого несуразного создания, которое кощунственно попирало все понятия о соразмерностях человеческого тела. Неумело и безвкусно подобранный наряд делал внешность чудака особенно нелепой: из небесно-голубого камзола с короткими широкими полами и низким воротником, на потеху насмешникам, торчали длинная тонкая шея и еще более длинные худые ноги. Плотно облегающие панталоны из желтой нанки были стянуты у колен большими белыми бантами, изрядно засаленными от долгой носки. Костюм долговязого увальня довершали грязные бумажные чулки и башмаки, к одному из которых была прилажена шпора накладного серебра; словом, ни один изгиб и ни один изъян этой фигуры не маскировались одеждой, а, напротив, подчеркивались ею — то ли по на-

пвности, то ли из тщеславия ее обладателя. Из-под клапана вместительного кармана на заношенном жилете из тисненого шелка, щедро отделанного потускневшим серебряным галуном, высовывался некий инструмент, который среди воинской амуниции легко мог сойти за какое-то неведомое и опасное оружие. Несмотря на скромные свои размеры, инструмент этот неизменно привлекал внимание находившихся в лагере европейцев, хотя кое-кто из колонистов брал его в руки без опаски, как вещь хорошо знакомую. Голову чудака увенчивала высокая треуголка, вроде тех, что лет тридцать назад носили пасторы; она придавала достоинство его добродушному и несколько рассеянному лицу — без помощи этого искусственного сооружения оно едва ли могло бы сохранять важность, которая подобает особе, облеченной высоким и чрезвычайным доверием.

В то время как простой люд, проникнутый священным трепетом, держался подальше от штаб-квартиры Вэбба и приготовлявшихся к отъезду путешественников, только что описанный нами человек, бесстрашно врезался в самую гущу коноводов, без всякого стеснения высказывая свои замечания о лошадях, хваля одних и браня других.

— Вот эта лошадка не наша, а из-за границы, может быть, даже с того самого островка за синим морем, верно, приятель? — заговорил он, поразив всех мягкостью и благозвучием голоса не меньше, чем необычными пропорциями своей фигуры.— Скажу, не хвастаясь: я в таких вещах толк знаю, потому как побывал в обеих гаванях: и в той, что находится в устье Темзы и называется так же, как столица нашей старой Англии; и в той, которую именуют просто Нью-Хейвен — Новая гавань. Я нагляделся там на четвероногих: их грузят на барки и бригантины, словно в ковчег, и отправляют на остров Ямайку для продажи и обмена, но отродясь не видывал коня, так напоминающего слово Писания: «Роет ногою землю и восхищает силою; идет навстречу оружию... При трубном звуке он издает голос: «Гу!Гу!» и издалека чует битву, громкие голоса вождей и крик»[1]. Так и кажется, что перед тобой потомок коня Израилева, верно, приятель?

Не получив ответа на это необычное обращение, хотя оно, по справедливости, заслуживало известного внимания, ибо произнесено было в полную силу звучного голоса, человек, пропевший слова Священного писания, взглянул на молчаливую фигуру своего невольного слушателя, и взор его нашел в незнакомце новый и еще более достойный предмет изумления. Это был стройный, невозмутимый индеец-скороход, принесший накануне в ла-

[1] Библия, Иов, XXXIX, 21, 25.

герь нерадостное известие. Хотя дикарь стоял неподвижно и с характерным для его расы стоицизмом не обращал, казалось, никакого внимания на суету и шум вокруг, в нем под маской равнодушия чувствовалась такая мрачная свирепость, что он, безусловно, заинтересовал бы куда более искушенного наблюдателя, нежели тот, кто сейчас пристально и с нескрываемым изумлением всматривался в краснокожего. Хотя, по обычаю своего племени, индеец был вооружен томагавком и ножом, внешность не выдавала в нем настоящего воина. Напротив, во всем его облике ощущалась некая небрежность, словно он не успел еще превозмочь недавней огромной усталости. Полосы боевой раскраски на его свирепом лице расплылись, и случайное смещение их делало его смуглые черты еще более страшными и отталкивающими. Природную дикость краснокожего выдавали только глаза, сверкавшие, словно яркие звезды из-за толщи туч. На мгновение скрестив свой пристальный и настороженный взгляд с удивленным взором наблюдателя, он тут же — то ли из хитрости, то ли из высокомерия,— отвел его в сторону и уставился куда-то в пространство.

Не беремся судить, какое неожиданное замечание вырвалось бы у долговязого белого человека после такого обмена взглядами с существом, не менее странным, чем он сам, не будь его настойчивое любопытство отвлечено новым поворотом событий. Внезапно слуги засуетились, и негромкий звук нежных голосов возвестил о приближении тех, кого только и ждали, чтобы кавалькада могла тронуться в путь. Простодушный воспеватель офицерского коня тут же отошел к своей низкорослой поджарой кобылке с подвязанным хвостом, которая лениво пощипывала невдалеке жухлую траву, облокотился одной рукой на одеяло, заменявшее ему седло, и принялся наблюдать за приготовлениями к отъезду, не мешая жеребенку, подбежавшему к кобылке с другой стороны, совершать утреннюю трапезу.

Молодой человек в офицерском мундире подвел к лошадям двух леди, которые, судя по их наряду, явно подготовились к утомительному путешествию по лесам. Внезапный порыв утреннего ветерка откинул в сторону зеленую вуаль, ниспадавшую с касторовой шляпы на лицо той из путниц, которая казалась помоложе, хотя обе они были очень юны, и девушка бесхитростно явила взглядам собравшихся ослепительный цвет лица, золотисто-белокурые волосы и голубые глаза. Краски рассвета, все еще разливавшегося над соснами,— и те были менее яркими и нежными, чем румянец на ее щеках; занимающийся день — не столь радостен, как улыбка, которою она наградила молодого человека, когда он помог ей сесть в седло. Вторая девушка — она, видимо, в равной мере была предметом забот молодого офицера — постаралась,

напротив, скрыть от взоров солдат свои чары, как это и подобало особе лет на пять старше. Тем не менее нельзя было не заметить, что фигура ее, отличавшаяся, как и у спутницы, изысканностью пропорций и изяществом, которого не могло скрыть даже дорожное платье, выглядела несколько более полной и зрелой.

Как только девушки сели на лошадей, молодой человек вскочил в седло, и все трое поклонились Вэббу,— генерал учтиво ожидал их отъезда, стоя на пороге своей хижины; затем повернув лошадей, они в сопровождении конвоя легкой рысью направились к северным воротам лагеря. Покрывая это небольшое расстояние, путники не обменялись ни словом, и только младшая всадница тихонько вскрикнула, когда индеец-скороход неожиданно проскользнул мимо нее и, обогнув кавалькаду, первым двинулся по военной дороге. Хотя внезапное и пугающее появление индейца не исторгло ни звука из уст ее старшей спутницы, она тоже была настолько удивлена, что выпустила из рук край вуали, чьи разлетевшиеся по ветру складки позволили прочесть сострадание, восхищение и ужас, с которыми ее темные глаза следили за легкой поступью индейца. Волосы у этой леди были блестящие и черные, как вороново крыло. Лицо ее, однако, было отнюдь не смуглым, а, напротив, играло такими красками, что, казалось, прикоснись к нему — и кровь брызнет. В то же время цвет его был лишен какой бы то ни было вульгарности и отличался богатством оттенков, а черты изысканной правильностью, благородством и редкой красотой. Словно извиняясь за свою забывчивость, она улыбнулась и сверкнула зубами, с которыми не могла поспорить белизной даже самая лучшая слоновая кость; потом поправила вуаль, наклонила голову и поехала дальше с видом человека, чьи мысли витают далеко от окружающего.

ГЛАВА II

Олá, олá, о-го-го! Олá, олá!
Ш е к с п и р. Венецианский купец [1]

В то время как одна из прелестных девушек, которых мы представили читателю в такой необычной обстановке, погрузилась в задумчивость, другая быстро оправилась от мимолетного испуга и, рассмеявшись над собственной слабостью, шутливо обратилась к ехавшему рядом с ней молодому офицеру:

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— Скажите, Хейуорд, такие привидения часто попадаются в здешних лесах или это просто представление, устроенное в нашу честь? Если это представление, признательность обязывает нас молчать; если же нет, нам с Корой еще до встречи с грозным Монкальмом потребуется все наше фамильное мужество, которым мы так гордимся.

— Этот индеец служит скороходом в нашей армии и по понятиям своего племени может почитаться героем,— ответил молодой офицер.— Он вызвался провести нас к озеру по мало кому известной тропе; поэтому мы доберемся до места быстрее, чем следуя за отрядом, да и дорога будет для нас более приятной.

— Он мне не по душе,— объявила девушка, вздрогнув от страха — искреннего, однако, несколько преувеличенного.— Но вы, конечно, хорошо его знаете, Дункан, коль скоро доверились ему?

— Я доверяю ему не меньше, чем вам, Алиса,— выразительно отозвался молодой человек.— Я знаю этого индейца, иначе не положился бы на него, особенно в данном случае. Говорят, он из Канады, однако служит нам вместе с нашими друзьями могауками, которые, как вам известно, являются одним из шести племен, входящих в Союз. Я слышал, что он попал к нам после какого-то странного происшествия, имевшего касательство к вашему отцу; кажется, с индейцем этим обошлись очень сурово... Впрочем, я уже позабыл, что́ об этом болтают; довольно того, что сейчас он наш друг.

— Он мне еще больше не по душе, раз был врагом моего отца! — воскликнула девушка, теперь уже не на шутку встревоженная.— Пожалуйста, заговорите с ним, майор Хейуорд: я хочу услышать его голос. Как это ни глупо, я всегда сужу о человеке по его голосу, в чем не раз вам и признавалась.

— Заговаривать с ним бесполезно: он, вероятнее всего, ответит односложным восклицанием. Может быть, он понимает наш язык, но, как большинство его соплеменников, притворяется, будто не знает по-английски. А уж сейчас, когда война требует от него свято блюсти достоинство воина, он и подавно не снизойдет до разговора с нами... Однако проводник остановился; наверно, тут начинается наша тропа.

Предположение майора Хейуорда оправдалось. Когда путники достигли места, где стоял индеец, указывая пальцем в чащу леса, окаймлявшего военную дорогу, они увидели еле заметную тропу, настолько узкую, что ехать можно было только гуськом.

— По ней мы и двинемся,— шепнул молодой человек.— Не проявляйте признаков недоверия, иначе навлечете на себя именно ту опасность, которой страшитесь.

— А ты как думаешь, Кора? — нерешительно осведомилась блондинка.— Не безопаснее ли и спокойнее путешествовать вместе с отрядом, как ни утомительно многолюдное общество?

— Вы плохо знакомы с нравом дикарей, Алиса, поэтому не представляете себе, где таится подлинная опасность,— возразил Хейуорд.— Если противник уже вышел к волоку, что, впрочем, совершенно исключено,— его обнаружили бы наши разведчики,— он непременно постарается окружить колонну в надежде добыть побольше скальпов. Маршрут всего отряда ему известен, наш же остается тайной: мы лишь в последнюю минуту решили свернуть на тропу.

— Вправе ли мы не доверять человеку только потому, что у него темная кожа и повадки не схожи с нашими? — холодно вставила Кора.

Колебания Алисы кончились: она вытянула хлыстом своего нэррегенсета, первая раздвинула тонкие ветви кустов и последовала за скороходом по темной извилистой тропе. Молодой человек с нескрываемым восхищением воззрился на Кору и так усердно принялся прокладывать ей дорогу, что даже позволил ее белокурой, хотя отнюдь не более красивой спутнице, одной углубиться в чащу. Конвой, видимо, заранее получивший приказ, не последовал за ними в гущу зарослей, а поскакал вдогонку за колонной. Эта мера, как объяснил Хейуорд, была принята по настоянию их опытного проводника с целью оставить поменьше следов на тот маловероятный случай, если канадские дикари настолько обгонят вражескую армию, что доберутся даже сюда. Некоторое время путники молчали — прихотливость тропы не давала возможности поддерживать разговор; наконец они миновали широкую полосу подлеска и вступили под высокие зеленые своды. Двигаться стало легче, и проводник, заметив, что девушки опять способны управляться с лошадьми, немедленно прибавил шагу, да так, что всадницам пришлось перейти на рысь. Молодой человек обернулся, намереваясь заговорить с черноглазой Корой, как вдруг отдаленный стук копыт по обнаженным древесным корням на тропе заставил его придержать коня; в ту же секунду его спутницы тоже натянули поводья, и кавалькада застыла на месте, чтобы выяснить причину непредвиденной остановки.

Еще через несколько минут они увидели жеребенка, мчавшегося с быстротой молодого оленя между стройными соснами, а вслед за ним появилась нескладная фигура описанного в предыдущей главе незнакомца, который догонял путников со всей быстротой, какую способна была развить его тощая кобылка, не рискуя грохнуться замертво. За короткое время, потребовавшееся путникам, чтобы дойти от ставки Вэбба до коноводов, им не пред-

ставилась возможность замстить человека, приближавшегося теперь к ним. Даже пеший, он привлекал к себе любопытные взгляды своим ростом, а уж его наездническая грация и подавно заслуживала внимания. Непрестанно пришпоривая одной пяткой свою клячу, он добился этим только того, что задние ноги у нее шли легким галопом, а передние помогали им лишь изредка, разве что в самые критические моменты, в остальное же время двигались каким-то странным аллюром, отдаленно напоминавшим рысь. Эти быстрые переходы от галопа к рыси создавали, вероятно, некую оптическую иллюзию, умножавшую возможности животного, потому что сам Хейуорд,— а глаз у него на лошадей был наметанный,— при всей своей опытности так и не смог решить, шагом или вскачь гонится за ними по пятам их настойчивый преследователь.

Посадка и движения всадника были не менее примечательны, чем побежка его лошади. При каждом ее маневре незнакомец привставал на стременах, чрезмерно выпрямляя ноги, отчего то внезапно вырастал, то опять съеживался, не позволяя составить точное представление о своем истинном росте. А если прибавить, что вследствие однобокого применения шпоры, казалось, что лошадь его бежит одной стороной быстрее, чем другой, да еще подчеркивает мерными взмахами хвоста, какой из боков ее страдает сильнее, изображение клячи и восседавшего на ней наездника будет окончательно завершено.

Недовольная складка, прорезавшая было красивый открытый мужественный лоб Хейуорда при виде незнакомца, постепенно разгладилась, и по губам его скользнула улыбка. Алиса, не удержавшись, расхохоталась, и даже в темных задумчивых глазах Коры засверкала насмешливость, которой скорее по привычке, чем по складу характера девушка обычно не давала воли.

— Ищете кого-нибудь? — осведомился Хейуорд, когда незнакомец подъехал поближе и поневоле сдержал своего скакуна.— Надеюсь, вы не привезли дурных вестей?

— Вот именно,— отозвался новоприбывший, прилежно размахивая касторовой треуголкой, чтобы создать хоть какое-то подобие ветерка в неподвижном лесном воздухе, и предоставляя слушателям решать, на какой из вопросов молодого человека он ответил своим замечанием. Однако, отдышавшись и освежив лицо, он продолжал:

— Я слышал, вы держите путь в форт Уильям-Генри, и, поскольку сам направляюсь туда же, решил, что поездка в приятной компании доставит удовольствие как мне, так и вам.

— Насколько я понимаю, вы несправедливо присвоили себе решающий голос,— заметил Хейуорд.— Нас здесь трое, а вы посоветовались только с самим собой.

— Это не более несправедливо, чем одному взять на себя попечение о двух юных леди,— отпарировал незнакомец тоном, граничившим и с простодушием, и с грубым балагурством.— К тому же, если вы настоящий мужчина, а они настоящие женщины, то при любых разногласиях они обязательно поступятся своим мнением и склонятся к вашему; следовательно, вам, как и мне, надлежит советоваться лишь с самим собой.

Блондинка, опустив смеющиеся глаза, уставилась на уздечку своей кобылы, и нежный румянец на ее щеках заметно сгустился; зато яркие краски на лице ее спутницы сменились бледностью, и она медленно двинулась вперед с видом человека, которому наскучил разговор.

— Если вы направляетесь к озеру, то сбились с пути,— высокомерно бросил Хейуорд.— Большая дорога осталась, по крайней мере, в полумиле позади вас.

— Вот именно! — воскликнул незнакомец, нисколько не обескураженный холодным приемом.— Я прожил в форте Эдуард целую неделю и не разузнать дорогу мог лишь в том случае, если бы лишился языка, а это означало бы конец моему призванию.

Тут он слегка хихикнул, как человек, скромность которого не позволяет ему более откровенно восхититься собственной остротой, решительно, впрочем, не понятой его слушателями, и продолжал с подобающей торжественностью:

— Человеку моей профессии не приличествует быть накоротке с теми, кого он призван наставлять; по этой причине я и не последовал за отрядом; кроме того, я полагаю, что джентльмен вроде вас лучше разбирается в том, что касается способов передвижения. Вот я и решил примкнуть к вам, дабы сделать переезд более приятным и украсить его беседой.

— В высшей степени произвольное, чтобы не сказать необдуманное решение! — вскричал Хейуорд, не зная, то ли дать выход нарастающему раздражению, то ли расхохотаться в лицо чудаку.— Но вы упомянули о своей профессии и обязанности наставлять других; уж не состоите ли вы учителем благородной науки нападения и защиты? А может быть, вы один из тех, кто чертит линии да углы под предлогом занятий математикой?

Незнакомец с нескрываемым изумлением уставился на Хейуорда, а затем, без каких-либо признаков самодовольства, торжественно и скромно ответил:

— Надеюсь, о нападении ни с той, ни с другой стороны нет и речи; о защите я тоже не помышляю, так как по соизволению божию не свершил ни одного тяжкого прегрешения с тех пор, как в последний раз молил господа простить меня. Намека вашего

на углы и линии я вовсе не понял; учить же ближних предоставляю тем, кто избран для этого святого дела. Я притязаю на дарование и почитаю себя сведущим лишь в славном искусстве воздавать хвалу и благодарность посредством псалмопения.

— Этот человек, несомненно, питомец Аполлона,— со смехом воскликнула Алиса, оправившись от недолгой растерянности,— и я беру его под свое особое покровительство. Полно, Хейуорд, перестаньте хмуриться и позвольте ему ехать с нами хотя бы из сострадания к моему слуху, жаждущему нежных звуков. Кроме того,— торопливым шепотом прибавила она, бросая беглый взгляд на Кору, которая, опередив их, медленно следовала за молчаливым и по-прежнему угрюмым проводником,— при нужде у нас будет лишний друг.

— Неужто вы думаете, Алиса, что я повез бы тех, кого люблю, по этой незнакомой тропе, если бы предполагал, что такая нужда может возникнуть?

— Да нет же, я вовсе теперь так не думаю. Но этот чудак забавляет меня, и если впрямь «душа его полна музыки», не стоит неучтиво отказывать ему в нашем обществе.

Она повелительно указала хлыстом на дорогу, и глаза их встретились; молодой человек помедлил, чтобы продлить это мгновение, а затем, повинуясь своей нежной повелительнице, пришпорил коня и в несколько скачков нагнал Кору.

— Рада встретить вас, друг мой,— продолжала Алиса, сделав незнакомцу знак поравняться с ней и вновь пуская рысью своего нэррегенсета.— Пристрастные родственники почти убедили меня, что я не лишена известных способностей в пении дуэтом, и мы могли бы скрасить нашу поездку, предаваясь любимому занятию. К тому же мне, несведущей, было бы чрезвычайно полезно услышать мнение искушенного знатока.

— В подобающих случаях псалмопение есть поистине отрада для души и тела,— отозвался незнакомец, без колебаний приняв предложение девушки следовать за нею,— и ничто на свете не успокаивает мятущийся разум надежнее, нежели такой утешительный способ общения с ближними. Однако для полноты гармонии необходимы четыре голоса. У вас, по всем признакам, мягкое и звучное сопрано. Я, при известном усилии, могу брать самые высокие теноровые ноты, но нам недостает контральто и баса. Правда, офицер королевской армии, так долго колебавшийся, прежде чем допустить меня в свое общество, мог бы, судя по его интонациям в обычном разговоре, исполнить басовую партию...

— Не судите слишком поспешно: внешние признаки часто обманчивы,— с улыбкой возразила девушка.— Хотя майор Хейуорд разговаривает подчас на низких нотах, подлинный голос его,

поверьте, можно скорее назвать сладким тенором, нежели басом, как вам почудилось.

— Значит, он тоже искушен в искусстве псалмопения? — осведомился ее простодушный спутник.

Алиса чуть не расхохоталась, но подавила приступ веселья и ответила:

— Боюсь, что он предпочитает светские романсы. Тревоги и лишения солдатской жизни мало благоприятствуют серьезным наклонностям.

— Голос, равно как другие таланты, дан человеку, дабы пользоваться им на благо ближним, а не употреблять его во зло,— объявил ее собеседник.— Меня, например, никто не упрекнет в том, что я пренебрег своим дарованием. Хотя юность моя, подобно юности царя Давида, была потеряна для музыки, я ежечасно благодарю господа за то, что ни разу не осквернил свои уста грубым светским стихом.

— Значит, вы ограничиваетесь исключительно духовным пением?

— Вот именно. Как псалмы Давида превосходят любые другие творения, так и мелодии, на которые они были положены богословами и учеными нашей страны, стоят выше суетных светских напевов. К счастью, я с гордостью могу заявить, что пою лишь о помыслах и чаяниях царя израильского, и, хотя новые времена потребовали известных незначительных изменений в переводе псалмов, текст их, которым мы пользуемся в колониях Новой Англии, настолько затмевает все остальные варианты, что по богатству, точности и одухотворенной простоте остается весьма близок к великому созданию боговдохновенного автора. Где бы я ни очутился, сплю я или бодрствую, со мной всегда и всюду экземпляр этой несравненной книги, выпущенной в Бостоне двадцать шестым изданием в тысяча семьсот сорок четвертом году от рождества Христова под заглавием: «Псалмы, гимны и духовные песнопения Ветхого и Нового заветов, достоверно переложенные английскими стихами на пользу, поучение и утешение верующим, особенно верующим Новой Англии, как в частной, так и в общественной жизни».

Произнося этот панегирик великому творению своих единоплеменников, псалмопевец вытащил из кармана книжку, водрузил на нос очки в железной оправе и раскрыл томик с осторожностью и почтением, подобающими столь священному предмету. Затем без дальнейших разговоров и пояснений произнес магическое слово: «Воспоем!» — приложил к губам вышеописанный неизвестный инструмент и извлек из него пронзительный, высокий звук, за которым, октавой ниже, последовала первая нота, взятая голо-

сом самого псалмопевца, голосом звучным, нежным и мелодичным, который не могли испортить ни музыка, ни стихи, ни даже неровные скачки плохо выезженной лошади.

Кто праведен и чист душою,
Тому нельзя забыть,
Сколь вместе братьям хорошо
И сколь приятно жить.

Такая дружба — как елéй,
У Аарона вниз
Стекающий с густых кудрей
По бороде до риз.

Псалмопевец сопровождал исполнение этих искусных виршей непрерывными взмахами правой руки, отбивавшей такт: она то опускалась, и пальцы на мгновение касались страниц книги, то вновь взлетала вверх таким причудливым жестом, что надеяться воспроизвести его мог только посвященный. Этот аккомпанемент, усовершенствованный им за время его долгой практики, он не прерывал до тех пор, пока достодолжным образом не завершил гимн, выделив важное слово, которое безымянный поэт так удачно поставил в конце последнего стиха.

Подобное нарушение лесной тишины, естественно, не осталось незамеченным остальными путниками, лишь немного отъехавшими вперед. Индеец на ломаном английском языке что-то пробормотал Хейуорду, а тот, в свою очередь, обратился к незнакомцу, прервав его музыкальные упражнения и на время положив им конец:

— Хотя нам сейчас ничто не угрожает, простое благоразумие требует, чтобы мы как можно меньше шумели в лесу. Извините, Алиса, но мне придется временно лишить вас удовольствия и попросить этого джентльмена отложить пение до более благоприятного случая.

— Вы действительно лишаете меня удовольствия, Дункан,— с лукавой улыбкой ответила девушка.— Я еще никогда не слышала, чтобы столь превосходное исполнение и дикция сочетались с такими скверными стихами, и уже собиралась пуститься в ученый спор о причинах такого несоответствия звуков смыслу, когда ваш ужасный бас прервал мои размышления.

— Не знаю, за что вы именуете мой голос «ужасным басом»,— отпарировал Хейуорд, явно задетый за живое ее замечанием.— Зато я знаю, что безопасность ваша и Коры мне дороже целого оркестра, исполняющего музыку Генделя.

Он умолк, быстро обвел глазами чащу и подозрительно уставился на проводника, который все так же невозмутимо и спокойно

шел вперед ровным шагом. Затем молодой человек презрительно усмехнулся над собственными опасениями, решив, что принял какие-то блестящие ягоды за сверкающие зрачки подкрадывающегося дикаря, и двинулся вперед, продолжая разговор, прерванный родившимися у него подозрениями.

Но, увы, майор Хейуорд совершил лишь одну ошибку: он позволил своей благородной юношеской гордости взять верх над осторожностью. Едва кавалькада отъехала чуть подальше, ветви густых кустов бесшумно раздвинулись и из них вдогонку удалявшимся всадникам глянуло такое отталкивающе свирепое лицо, каким только могли сделать его искусная боевая раскраска и печать необузданных страстей. Злобное торжество озарило мрачные черты жителя лесов, когда он проводил взглядом свои будущие жертвы, беззаботно продолжавшие путь. Легкие грациозные фигуры всадниц мелькали между деревьями, то появляясь, то вновь исчезая; рядом с ними на каждом повороте тропы возникала мужественная фигура Хейуорда; позади всех трясся неуклюжий псалмопевец, но наконец и он скрылся за темными рядами бесчисленных деревьев.

ГЛАВА III

А встарь тут не было хлебов —
Стоял привольный лес,
Под музыку речных валов
Вздымаясь до небес,
И мчал поток, и пел ручей,
И ключ звенел в тени ветвей.

Брайент

Предоставив ничего не подозревающему Хейуорду и его доверчивым спутникам все дальше углубляться в лес, населенный столь вероломными обитателями, мы воспользуемся правом автора и перенесемся на несколько миль к западу от того места, где видели их в последний раз.

В этот же день, на берегу небольшой, но быстрой речки, протекавшей на расстоянии часа пути от лагеря Вэбба, расположились два человека, весь вид которых показывал, что они ждут либо кого-то третьего, либо каких-то событий. Необозримый лес подступал к самому берегу потока, и ветви балдахином нависали над водой, затеняя ее темно-синюю зеркальную гладь. Лучи солнца уже стали менее жгучи, неистовый зной дня спадал, и прохладные испарения легкой дымкой повисали в воздухе над обрамленными листвой родниками и ручьями. Безмолвие, отличи-

тельная примета американского июльского пейзажа, окутанного сонной духотой, царило в этом укромном уголке, оживляясь лишь негромкими голосами двух помянутых выше людей, резким и ленивым постукиванием встрепенувшегося дятла, пронзительным криком пестрой сойки да шумом отдаленного водопада, глухим гулом отдававшимся в ушах.

Эти редкие слабые звуки были настолько привычны обоим обитателям лесов, что не отвлекали их внимания и не мешали интересному разговору. В одном из собеседников, судя по оружию и красному цвету кожи, нетрудно было угадать туземца; более светлое, хотя и сильно загорелое лицо второго, несмотря на грубый, почти первобытный наряд, выдавало его европейское происхождение. Краснокожий сидел на конце замшелого бревна в позе, позволявшей ему подкреплять свои немногословные доводы в споре скупыми, но выразительными жестами. Его полуобнаженное тело, расписанное черной и белой краской, являло собой грозную эмблему смерти. На гладко выбритой голове его, с оставленной по известному рыцарственному обычаю индейцев прядью волос для скальпирования, красовалось одно-единственное украшение — орлиное перо, свисавшее на левое плечо. За поясом у него торчали томагавк и скальпировальный нож английской работы; на обнаженном мускулистом колене лежало короткое солдатское ружье, какими белые из политических соображений вооружали своих союзников-дикарей. Широкая грудь, мощные члены и серьезное лицо воина свидетельствовали, что жизнь его уже достигла зенита, но еще не начала склоняться к закату.

Белый, судя по не прикрытым одеждой частям его тела, казался человеком, с самой ранней юности познавшим лишения и невзгоды. Сложения он был мускулистого, скорее худощавого, и каждая мышца, каждая жила его доказывали, насколько он крепок и закален непрестанными опасностями и тяжелым трудом. Одежда его состояла из охотничьей рубахи цвета лесной зелени с оторочкой из выцветшей желтой бахромы и летней кожаной шапки. За вампумом, расшитым ракушками поясом, похожим на тот, который дополнял скудный наряд индейца, тоже торчал нож, но томагавка не было. Мокасины его, по обычаю туземцев, были украшены пестрой вышивкой, а штаны из оленьей кожи зашнурованы по бокам и перехвачены выше колен оленьими жилами. Кожаный подсумок и рог с порохом дополняли его снаряжение; ружье с очень длинным стволом, благодаря которому, как убедила изобретательных белых теория баллистики, оно представляло собой наиболее опасный вид огнестрельного оружия, он прислонил к дереву. Небольшие глаза этого охотника, а может быть, и разведчика, сверкали живостью и проницательностью; за раз-

говором он все время поглядывал по сторонам, то ли высматривая дичь, то ли остерегаясь нежданного нападения из засады. Несмотря на эту привычную настороженность, лицо его казалось не только бесхитростным, но в ту минуту выражало и неколебимую честность.

— Даже ваши предания говорят о том, что я прав, Чингачгук,— произнес он на том наречии, которое было знакомо всем тогдашним туземным обитателям области между Гудзоном и Потомаком и которое мы для удобства читателя будем воспроизводить в вольном переводе, стараясь при этом все-таки сохранить известные особенности языка и слога собеседников.— Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, перебрались через Великую реку, сразились с теми, кто жил здесь до них, и захватили их землю. Мои же приплыли со стороны красного утреннего неба по соленому озеру и поступили по примеру твоих предков; пусть же рассудит нас бог, а нам, друзьям, не стоит тратить слова впустую.

— Мои прадеды сражались с обнаженными краснокожими людьми,— сурово возразил индеец на том же наречии.— Неужели, Соколиный Глаз, ты не видишь разницы между стрелой с каменным наконечником и свинцовой пулей, которой убиваете вы?

— Природа сотворила индейца краснокожим, но разум есть и у него,— ответил белый, покачав головой с видом человека, который не пропустил мимо ушей этот призыв к справедливости. На мгновение он, казалось, счел себя побежденным в споре, но тут же овладел собой и опроверг возражение противника со всей убедительностью, на какую был способен при своих скудных познаниях.— Я — человек неученый и не скрываю этого, но, судя по тому, что я видел во время оленьей травли или охоты на белок, которую устраивают молодые щеголи из города, мне сдается, что ружье в руках их дедов было менее опасно, чем лук из орешника, натянутый умелой рукой индейца, и добрая кремневая стрела, посланная в цель зорким глазом краснокожего.

— Вы повторяете слова ваших отцов,— холодно отпарировал его собеседник, гордо и презрительно отмахнувшись рукой.— Что говорят ваши старики? Может быть, они рассказывают вашим молодым воинам, что индейцы встретили бледнолицых в боевой раскраске и вооруженные каменным топором и деревянным луком?

— Я человек беспристрастный и не из тех, кто хвастается преимуществами рождения, хотя злейшие мои враги ирокезы — и те не дерзнут отрицать, что я чистокровный белый,— отозвался охотник, не без тайного удовлетворения взглянув на свои костлявые жилистые руки, с которых уже начал сходить загар.— И я готов признать, что не одобряю многие поступки своих единопле-

менников. У них, например, принято записывать в книги то, что они видели или свершили, вместо того чтобы просто рассказывать об этом в своих селениях, где трусливый хвастун был бы немедленно уличен во лжи, а храбрый воин в подтверждение своих слов мог бы сослаться на свидетельство сотоварищей. Вследствие этого дурного обычая человек, слишком совестливый, чтобы бесцельно убивать время в обществе женщин, может, даже постигнув смысл черных значков на бумаге, никогда не узнать о подвигах своих отцов и не исполниться гордым желанием превзойти их. Что до меня, то я убежден, что все Бампо умели стрелять, так как сам от природы умею управляться с ружьем, а это дар, который наверняка передается из поколения в поколение: недаром же наши святые заповеди учат, что наследуется все — и хорошее и дурное. Впрочем, за других отвечать не берусь. Но раз в каждом деле участвуют две стороны, ответь мне, Чингачгук, что произошло, когда наши предки впервые встретились друг с другом.

Последовала пауза. Индеец с минуту молчал, но наконец, преисполнясь сознанием важности того, что скажет, начал свое краткое повествование тоном, сама торжественность которого уже как бы подтверждала правдивость рассказчика.

— Слушай, Соколиный Глаз, и в уши твои не проникнет ложь. Вот что поведали мои отцы, вот что совершили могикане.— Тут говоривший заколебался, бросил на собеседника испытующий взгляд и продолжал не то вопросительно, не то утвердительно: — Разве поток, струящийся у ног наших, не течет по направлению к солнцу, пока воды его не станут солеными, и разве течение не поворачивает потом вспять?

— Не стану спорить: ваши предания в обоих случаях правдивы,— согласился белый.— Я был там и видел это своими глазами, хоть так и не сумел понять, почему вода, такая сладкая в тени, становится горькой на солнце.

— А течение? — вставил индеец, ожидавший ответа с тем интересом, какой человек испытывает, когда ему подтверждают истину, в которой он не сомневается, хотя и дивится ей.— Отцы Чингачгука не лгали!

— Сама святая Библия не более правдива, чем они, а правдивей Библии нет ничего на свете. Обратное течение называется приливом, и объяснить его нетрудно. Шесть часов воды изливаются в море, следующие шесть часов текут из моря назад, и вот по какой причине: если воды в море стоят выше уровня реки, они переливаются в нее до тех пор, пока уровень реки не станет выше, и тогда она снова изливается в море.

— Лесные реки и большие озера текут вниз до тех пор, пока вода в них не станет ровной, вот как моя рука,— возразил ин-

деец, горизонтально вытянув руку перед собой,— и потом перестают течь.

— Ни один честный человек не станет отрицать этого,— подтвердил разведчик, слегка уязвленный скептицизмом, с каким было принято его объяснение тайны приливов и отливов.— Допускаю, что это правильно на малых пространствах и там, где местность ровная. Тут все зависит, с какой точки зрения смотреть на вещи. В малых масштабах земля плоская, а вся целиком — круглая. Вот почему в лужах, прудах, даже больших пресных озерах вода может быть стоячей, в чем мы не раз с тобой убеждались. Но если покрыть водой большое, скажем, размером с море, пространство, где земля закругляется, то как же ей там стоять спокойно? С равным успехом можно ожидать, что она остановится на краю вон тех черных скал милей выше, хотя твои собственные уши говорят тебе, что в эту самую минуту она падает вниз.

Даже если индеец остался неудовлетворен философствованиями собеседника, прирожденное чувство достоинства не позволило ему выказать недоверие. Он выслушал все с видом человека, который убежден приведенными ему доводами, и прежним торжественным тоном возобновил свое повествование.

— Мы шли сюда из страны, где солнце прячется на ночь за бескрайними равнинами, на которых пасутся стада бизонов, и двигались до тех пор, пока не добрались до Великой реки. Там мы вступили в бой с аллигевами, и земля покраснела от их крови. От берегов же Великой реки до соленого озера мы не встретили никого. Только макуасы издали следовали за нами. Мы объявили нашим весь край от того места, где воды этого потока перестают течь вспять, до реки, что струится в стране лета на расстоянии двадцати дневных переходов отсюда. Мы завоевали эту землю, как воины; мы владели ею, как мужчины. Мы прогнали макуасов в леса, где много медведей, и соль они пробовали теперь лишь у пересохших соляных источников; не они ловили рыбу из большого озера, а мы бросали им кости...

— Все это я уже слышал и всему верю,— отозвался белый, увидев, что индеец смолк.— Но это же было задолго до того, как здесь появились англичане.

— На том месте, где сейчас стоит каштан, в то время росла сосна. Первые бледнолицые, которые пришли к нам, говорили не по-английски. Они приплыли на большой пироге в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными краснокожими людьми зарыли томагавк в землю. И тогда, Соколиный Глаз,— продолжал он, выдавая глубокое свое волнение лишь низкими гортанными звуками, придавшими речи удивительную мелодичность,— тогда, Соколиный Глаз, мы стали единым народом и были счастливы.

Соленое озеро давало нам рыбу, лес — оленей, воздух — птиц. Мы брали себе жен, и они рожали нам детей. Мы поклонялись Великому духу, а макуасов держали на таком расстоянии, что до них не доносились даже звуки наших победных песен.

— А известно ли тебе что-нибудь о твоих собственных предках? — осведомился белый.— Для индейца ты — очень справедливый человек и, как я полагаю, унаследовал это от них. Они, наверно, были храбры в бою и мудры у костра совета.

— Мое племя — пращур всех народов, а сам я — беспримесный могиканин,— сказал индеец.— В жилах моих течет чистая кровь вождей, и такою она останется навсегда... Так вот, на нашей земле высадились голландцы и принесли моим соплеменникам огненную воду; люди пили ее до тех пор, пока им не почудилось, будто земля сливается с небом, и они в ослеплении своем решили, что видят наконец Великого духа. И тогда им пришлось расстаться со своей землей. Шаг за шагом их оттесняли от берегов, и теперь я, вождь и сагамор, вижу солнечные лучи лишь сквозь листву деревьев, и мне ни разу не удалось побывать на могилах моих отцов.

— Могилы — дело святое: они внушают благоговение и часто поддерживают человека в добрых намерениях, хоть сам-то я знаю, что мои кости останутся непогребенными — они истлеют в лесной глуши и достанутся волкам,— отозвался разведчик, глубоко тронутый сдержанной скорбью Чингачгука.— Но скажи, где теперь твои соплеменники, которые много весен тому назад пришли в страну родственных им делаваров?

— А где теперь цветы тех весенних дней? Опали и осыпались один за другим. Вот так, каждый в свой черед, отправились в страну духов и мои сородичи. Я еще на вершине горы, но мне тоже предстоит спуститься в долину; когда же за мною последует Ункас, кровь сагаморов иссякнет, потому что сын мой — последний из могикан.

— Ункас здесь,— проговорил совсем рядом с ним другой голос с тем же мягким гортанным акцентом.— Кто спрашивал Ункаса?

Белый охотник выхватил из-за пояса нож, и рука его невольно потянулась к ружью; Чингачгук же, услышав эти нежданные звуки, не шевельнулся и даже не повернул головы.

Еще через секунду молодой воин беззвучно проскользнул между собеседниками и уселся на берегу быстрого потока. Отец его ни единым восклицанием не выдал своего удивления, и несколько минут оба молчали, не задавая вопросов и не получая ответов,— каждый, казалось, ждал удобной минуты, когда можно будет заговорить, не выказав при этом ни женского любопытства, ни дет-

ской нетерпеливости. Белый, явно подражая обычаям индейцев, выпустил из рук ружье и тоже погрузился в сосредоточенное молчание. Наконец Чингачгук медленно перевел взгляд на сына и спросил:

— Не осмелились ли макуасы оставить отпечатки своих мокасин в этих лесах?

— Я шел по их следам и знаю, что число их равно числу пальцев на обеих моих руках, но они, как трусы, спрятались в чаще,— ответил молодой индеец.

— Мошенники высматривают, кого бы ограбить и скальпировать,— прибавил белый охотник, которого мы, по примеру его собеседников, будем именовать Соколиным Глазом.— Этот неугомонный француз Монкальм, без сомнения, зашлет лазутчиков даже в самый лагерь англичан, лишь бы вызнать, по какой дороге движутся наши.

— Довольно! — прервал его индеец-отец, взглянув в сторону заходящего солнца.— Мы выгоним их из кустов, как оленей. Поедим сегодня, Соколиный Глаз, а завтра покажем макуасам, что мы настоящие мужчины.

— Согласен и на то и на другое,— отозвался разведчик.— Но чтобы разбить этих мошенников-ирокезов, надо их сначала найти; а чтобы поесть, надо разжиться дичью... Ну, что ты скажешь! Стоит вспомнить про черта, как сразу хвост его видишь! Вот там, внизу, самый крупный олень, какого я встречаю за нынешнее лето. Смотри, Ункас, как он раздвигает рогами кусты! А теперь,— шепотом прибавил он, рассмеявшись беззвучно, как человек, привыкший всегда быть начеку,— ставлю три полных рога с порохом против одного фута вампума, что всажу ему пулю между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

— Не может быть! — воскликнул молодой индеец, с юношеской порывистостью вскакивая с места.— Ведь над кустами видны лишь кончики его рогов.

— Он еще совсем мальчик,— бросил белый Чингачгуку, с усмешкой покачав головой.— Неужто он полагает, что охотник, видя часть животного, не сумеет определить, где все его тело?

Он вскинул ружье и уже совсем было собрался продемонстрировать свое искусство, которым так гордился, как вдруг старший индеец, подняв руку, отвел его оружие в сторону и проронил:

— Уж не хочешь ли ты боя с макуасами, Соколиный Глаз?

— Ну и чутье у этих индейцев! Откуда они только знают, что творится в лесу? — промолвил разведчик, опуская ружье и отворачиваясь, словно человек, признающий, что ошибся.— При-

дется тебе, Ункас, подстрелить оленя из лука, не то и впрямь свалим его мы, а достанется он на ужин этим ворам-ирокезам.

Как только отец молодого индейца выразительным жестом одобрил это предложение, Ункас припал к земле и стал бесшумно подползать к оленю. В нескольких ярдах от кустов он с величайшей осторожностью приладил стрелу; рога зашевелились, словно их обладатель почуял в воздухе опасность. А еще через секунду запела тетива, светлая полоска влетела в кусты, и раненое животное, выскочив из чащи, ринулось прямо на притаившегося врага. Ловко увернувшись от рогов разъяренного оленя, Ункас подскочил к нему сбоку и полоснул по шее ножом. Олень добежал до реки и рухнул, далеко кругом окрасив воду кровью.

— Вот это по-индейски!— одобрил Соколиный Глаз и беззвучно, но с явным удовлетворением рассмеялся.— Приятно было смотреть! Однако стрела хороша лишь на близком расстоянии, да и ею одной, без ножа, не обойдешься.

— Ха! — выдохнул его собеседник и, словно гончая, почуявшая дичь, круто обернулся.

— Клянусь богом, да тут их целое стадо! — вскричал охотник, и глаза его загорелись в предвкушении привычного занятия.— Если они подойдут на выстрел, я все-таки пущу в них пулю-другую, даже если за нами следят все Шесть племен! А что слышишь ты, Чингачгук? Мои уши глухи к голосу леса.

— Здесь был всего один олень, и он убит,— возразил индеец, наклонившись так низко, что ухо его почти коснулось земли.— Я слышу звук шагов.

— Быть может, этого оленя гнали волки, и теперь они бегут по его следам?

— Нет. Приближаются лошади белых,— отозвался индеец и, выпрямившись, с достоинством и невозмутимостью сел на прежнее место.— Это твои братья, Соколиный Глаз. Поговори с ними.

— Поговорю, да еще на таком английском, что сам король — и тот не постыдился бы мне ответить,— объявил охотник на языке, знанием которого так гордился.— Но я ничего не вижу и не слышу — ни топота ног, ни стука копыт. Странно, что индеец умеет распознавать звуки, производимые белыми, лучше, чем человек, которого даже враги считают чистокровным европейцем, хоть он и жил среди краснокожих так долго, что может быть заподозрен в принадлежности к ним... Ага! Ветка хрустнула. Теперь и я слышу, как шелестят кусты. Да, да, это шум шагов, который я принял за гул водопада. А вот и люди, храни их, господи, от ирокезов!

ГЛАВА IV

Иди! Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу.

Шекспир. Сон в летнюю ночь[1]

Не успел охотник произнести эти слова, как появился передовой всадник отряда, чье приближение было уловлено чутким ухом индейца. Натоптанная тропа, вроде тех, что прокладывают олени на пути к водопою, змеилась по соседней лощинке и выходила к реке как раз в том месте, где расположились белый разведчик и его краснокожие друзья. Путники, появление которых в самой чаще леса казалось таким неожиданным, медленно подъезжали к Соколиному Глазу, выступившему вперед и готовому встретить их.

— Кто идет?— спросил он, как бы невзначай вскинув ружье левой рукой и положив указательный палец правой на курок, хотя и постарался, чтобы этот жест не выглядел угрозой.— Кто пришел в эту глушь, не боясь опасностей и диких зверей?

— Христиане, друзья закона и короля,— ответил всадник.— Мы с самого рассвета едем через этот дремучий лес, ничего не ели и вконец измучены трудной дорогой.

— Значит, вы заблудились,— перебил охотник,— и поняли наконец, насколько беспомощен тот, кто не знает, куда свернуть — направо или налево.

— Вот именно. Грудные дети — и те не более беспомощны, чем мы; ростом мы, правда, побольше и по годам тоже вполне взрослые, а вот нужными познаниями не запаслись. Скажите, далеко ли отсюда до королевского форта под названием Уильям-Генри?

— Ого!— громко расхохотался охотник, но тут же подавил неосторожный смех, решив, что повеселиться можно и без риска, что тебя услышит шныряющий поблизости враг.— Вы так же далеки от дороги, как собака от следа оленя, когда между ним и ею лежит озеро Хорикэн. Уильям-Генри!.. Вот это ловко! Если вы друзья короля и у вас дела с его армией, поезжайте лучше вниз по реке к форту Эдуард и потолкуйте с Вэббом, который засел там, вместо того чтобы проложить себе дорогу в теснины да прогнать этого наглого француза за Шамплейн, обратно в его берлогу.

Прежде чем путник успел ответить на это неожиданное предложение, заросли раздвинулись, и второй всадник, пришпорив коня, обогнал своего товарища.

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— Сколько же отсюда до форта Эдуард?— осведомился он.— Мы выехали из него нынче утром и держим путь к верховьям озера.

— Значит, вы ослепли еще до того, как заблудились: дорога через волок имеет добрых две сажени в ширину и, как я понимаю, не уступит любой лондонской улице, даже той, на которую выходит королевский дворец.

— Не будем спорить о достоинствах этой дороги,— улыбнулся Хейуорд, ибо, как читатель уже догадался, это был он.— Достаточно сказать вам, что мы положились на проводника-индейца, который взялся провести нас более короткой, хоть и глухой тропой, но обманулись в нем: он сам заплутался. Одним словом, мы не знаем, где сейчас находимся.

— Индеец — и заплутался в лесу? — переспросил охотник, с сомнением покачав головой.— Да еще когда солнце опаляет верхушки деревьев и мох на любой березе подскажет вам, в какой стороне неба вспыхнет ночью Полярная звезда? В лесу полным-полно оленьих троп, ведущих к водопоям и соляным источникам, а уж эти места каждый знает; да и гуси еще не улетели к канадским водам. Очень странно, что индеец сбился с пути между Хорикэном и излучиной реки! Он случайно не могаук?

— Родом нет, хотя и принят в это племя; мне кажется, он из мест, что лежат севернее, и принадлежит к тем краснокожим, которых вы именуете гуронами.

— Ха! — воскликнули оба спутника белого охотника, до сих пор сидевшие неподвижно и выказывавшие полное безразличие, а теперь разом вскочившие на ноги,— изумление, видимо, взяло верх даже над их выдержкой.

— Гурон? — повторил суровый разведчик и вновь с откровенным недоверием покачал головой.— Это племя воров, и каждый гурон останется вором, кто бы там ни принял его к себе. Все они бродяги и трусы, их не переделаешь. Удивляюсь, как это вы, доверившись одному из них, до сих пор не угодили в руки целой шайки.

— Ну, это нам не угрожает: отсюда до форта Уильям-Генри много миль. Кроме того, не забывайте, что наш проводник теперь могаук, а значит, друг нам и служит нашей армии.

— А я повторяю: кто родился гуроном, тот им и умрет. Могаук! Нет, мне вы подайте делавара или могиканина—вот это честные люди, да и в бою настоящие воины, хотя не все, потому что позволили своим коварным врагам макуасам превратить себя в слабых женщин. Но если уж они решили драться, выбирайте воинов только из делаваров и могикан.

— Довольно,— нетерпеливо прервал его Хейуорд.— Я не спрашиваю вас о человеке, который хорошо знаком мне и вовсе

неизвестен вам. Вы так и не ответили на мой вопрос: далеко ли отсюда до форта Эдуард, где находятся наши главные силы?

— А это зависит от того, кто поведет вас. Надо полагать, такой конь, как ваш, покроет немалое расстояние за время от восхода до заката.

— Не будем попусту препираться, приятель,— сказал Хейуорд, подавив досаду и взяв более приветливый тон.— Если вы скажете, сколько миль до форта Эдуард, и проводите нас туда, ваш труд не останется невознагражденным.

— А почем я знаю, что, поступив так, не приведу в нашу крепость врага и лазутчика Монкальма? Не всякий, кто говорит по-английски,— честный человек.

— Если вы действительно состоите у нас на службе, а мне сдается, вы — наш разведчик, то, конечно, знаете шестидесятый королевский полк?

— Шестидесятый? Немного вы мне расскажете о королевской армии в Америке, чего я не знал бы сам, хоть на мне не красный мундир, а всего лишь охотничья рубаха.

— Тогда вам, кроме всего прочего, вероятно, знакома фамилия одного майора из этого полка?

— Майора? — перебил охотник, выпрямляясь с видом человека, гордого доверием, которым он пользуется.— Если в этой стране есть человек, знающий майора Эффингема, то он перед вами.

— В этом полку несколько майоров, Эффингем — старший из них производством, а я говорю о самом младшем, о том, что командует батальоном в форте Уильям-Генри.

— Да, я слышал, что эту должность занял какой-то юный и очень богатый джентльмен из дальних южных провинций. Он, по-моему, слишком молод для такого поста — не ему командовать людьми, чьи головы уже поседели. Впрочем, говорят, это человек храбрый и знаток военного дела.

— Каков бы он ни был и что бы о нем ни говорили, он сейчас беседует с вами и не может быть врагом, которого следует опасаться.

Разведчик окинул Хейуорда изумленным взглядом, снял шляпу и тоном менее самоуверенным, но все же не чуждым сомнений ответил:

— Я слышал, что нынче утром из лагеря к берегам озера должны были отправить отряд...

— Это правда. Но я предпочел путь покороче, положившись на опытность индейца, о котором уже упоминал.

— А он обманул вас и бросил?

— Ни то, ни другое. Во всяком случае, не бросил, потому что сейчас он здесь, в хвосте отряда.

— Погляжу-ка я на него. Если это настоящий ирокез, его выдадут вороватый взгляд и раскраска,— сказал разведчик, обходя коня Хейуорда и выбираясь на тропу позади клячи псалмопевца, к которой уже примостился жеребенок, воспользовавшийся остановкой, чтобы насладиться материнским молоком.

Раздвинув кусты, Соколиный Глаз сделал несколько шагов и вскоре увидел девушек, с беспокойством и не без опаски ожидавших конца переговоров. В отдалении, прислонившись к дереву, стоял скороход, который бесстрастно выдержал испытующий взгляд разведчика; лицо его было так мрачно и свирепо, что само по себе могло внушить страх. Удовлетворенный результатами осмотра, охотник повернул назад. Проходя мимо девушек, он на мгновение замедлил шаг, чтобы полюбоваться их красотой, и откровенно восхищенным взглядом ответил на легкий кивок и улыбку Алисы. Затем он подошел к кормившей жеребенка кобыле псалмопевца и потратил несколько минут на тщетные попытки понять, кто же ее всадник, после чего, покачав головой, направился к Хейуорду.

— Минг всегда останется мингом — таким его создал бог, и ни могауки, ни иное племя его не переделают,— сказал он, возвращаясь на прежнее место.— Будь вы один и согласись вы оставить своего благородного коня на съедение волкам, я сам довел бы вас до форта Эдуард, потому что отсюда до него всего час пути; но коль скоро с вами женщины, это невозможно.

— Почему? Они, конечно, устали, но вполне способны проехать еще несколько миль.

— Совершенно невозможно! — решительно повторил разведчик.— С наступлением ночи я не соглашусь пройти и мили по здешним местам в обществе вашего скорохода, даже если мне обещают за это лучшее ружье в колониях. В чаще засели ирокезы, их там полным-полно, и этот ваш ублюдок-могаук слишком хорошо знает, где их найти, чтобы я избрал его своим спутником.

— Вы в самом деле так думаете? — спросил Хейуорд, наклонившись с седла и понизив голос почти до шепота.— У меня, признаюсь, тоже возникли подозрения, хотя я пытался скрыть их и казаться спокойным, чтобы не тревожить моих спутников. Вот почему я не позволил индейцу идти впереди, а приказал ему следовать за нами.

— Я с первого же взгляда понял, что он обманщик,— подхватил разведчик, приложив палец к носу в знак того, что призывает к осторожности.— Этот вор стоит сейчас, прислонившись вон к тому молодому деревцу, что виднеется из-за кустов; правая нога его на одной линии со стволом, и я— тут он похлопал по ружью — одним выстрелом могу со своего места вогнать ему пулю между

щиколоткой и коленом, что, по крайней мере, на месяц лишит его возможности шляться по лесам. Если же я вторично подойду к нему, хитрая бестия заподозрит неладное и скроется в зарослях, как вспугнутый олень.

— Нет, нет, не надо. Возможно, он невиновен, да и вообще мне это не по душе. Впрочем, будь я уверен в его предательстве...

— Можете не сомневаться: ирокез всегда предатель,— сказал разведчик, почти непроизвольно вскидывая ружье.

— Постойте! — остановил его Хейуорд.— Так не годится. Надо придумать что-то другое, хотя у меня достаточно оснований предполагать, что негодяй обманул меня.

Разведчик, подчинившись приказу офицера и отказавшись от намерения подстрелить скорохода, на минуту задумался, затем сделал знак, и его краснокожие спутники тотчас же подошли к нему. У них начался серьезный разговор на языке делаваров, но судя по тону и жестам белого, то и дело указывавшего в сторону деревца, Соколиный Глаз вел речь о проводнике. Его друзья быстро сообразили, чего он от них хочет: отставив ружья, они разошлись по обеим сторонам тропы и углубились в чащу с такой осторожностью, что шагов их совершенно не было слышно.

— А теперь ступайте к своим и отвлеките этого чертова индейца разговором,— вновь обратился охотник к Хейуорду.— Могикане возьмут его так, что даже раскраску не попортят.

— Нет,— гордо возразил Хейуорд,— я сам его возьму.

— Вздор! Разве вам справиться с индейцем в зарослях, да еще сидя на лошади!

— Я спешусь.

— И вы полагаете, что, увидев, как вы вынули ногу из стремени, он станет ждать, пока вы вынете вторую? Кто попадает в эти леса и имеет дело с индейцами, тот должен перенять их обычаи, иначе ему не видеть удачи... Ну, вперед, и поговорите с этим злодеем поласковее — пусть думает, что вы считаете его лучшим своим другом.

Хотя Хейуорд и согласился, задача, возложенная на него, внушала ему глубокое отвращение. Однако молодого человека с каждой минутой все сильнее угнетало сознание того, в каком опасном положении оказались дорогие ему люди из-за его беззаботности и доверчивости. Солнце уже зашло, лес, внезапно погрузившийся во мглу, казался особенно мрачным, и это остро напомнило молодому человеку, что подходит час, который дикари обычно выбирают для своих варварских и безжалостных деяний. Подгоняемый нараставшей тревогой, он молча покинул разведчика, а тот сразу же затеял громкую беседу с псалмопевцем, столь бесцеремонно втершимся утром в общество наших

путников. Проезжая мимо девушек, Хейуорд бросил им несколько ободряющих слов и с удовольствием отметил про себя, что спутницы его хотя и устали, но, видимо, не заподозрили опасности и считают непредвиденную остановку чисто случайной. Убедив сестер, что ему надо посоветоваться с проводником о дальнейшем маршруте, Хейуорд пришпорил коня и вновь натянул поводья не раньше, чем благородное животное оказалось лишь в нескольких ярдах от места, где, по прежнему прислонившись к дереву, стоял мрачный индеец.

— Видишь, Магуа,— начал он как можно более спокойно и непринужденно,— подходит ночь, а мы не ближе к форту Уильям-Генри, чем на восходе солнца, когда покидали лагерь Вэбба. Ты заблудился, да и я оплошал. К счастью, нам повстречался охотник,— слышишь, он сейчас разговаривает с певцом? — человек этот знает тут все оленьи тропы и самые глухие уголки леса и обещает показать нам место, где можно безопасно отдохнуть до утра.

Индеец впился в Хейуорда сверкающим взглядом и на ломаном английском языке осведомился:

— Он один?

— Один? — нерешительно повторил Хейуорд, не привыкший лгать.— Ну, конечно, не совсем один: теперь с ним мы.

— В таком случае Хитрая Лисица уходит,— холодно отчеканил скороход, поднимая лежавшую у ног его сумку.— Пусть бледнолицые остаются с людьми своей крови.

— Кто уйдет? Кого это ты называешь Лисицей?

— Это имя дали Магуа его канадские отцы,— ответил индеец, и лицо его ясно показало, что он гордится своим прозвищем, совершенно не понимая истинного его смысла.— Раз Манроу ждет его, Хитрой Лисице все равно, день сейчас или ночь.

— А что скажет Лисица начальнику форта Уильям-Генри о его дочерях? Посмеет ли он признаться этому вспыльчивому шотландцу, что дочери его остались без проводника, хотя Магуа обещал довести их до места?

— У Седой Головы громкий голос и длинные руки, но дотянется ли он до Магуа и услышит ли тот его в глубине лесов?

— А что скажут могауки? Они сошьют Магуа юбку и велят ему сидеть в вигваме вместе с женщинами, потому что ему нельзя доверять мужское дело.

— Хитрая Лисица знает дорогу к Великим озерам и сумеет отыскать могилы своих отцов,— невозмутимо отпарировал индеец.

— Довольно, Магуа! — оборвал его Хейуорд. Разве мы не друзья? Зачем говорить друг другу горькие слова. Манроу обещал тебе награду за услуги, я тоже твой должник. Лучше дай

отдых усталым членам, развяжи сумку и поешь. Времени у нас мало, не будем же тратить его на споры, как вздорные женщины. Когда леди отдохнут, мы снова тронемся в путь.

— Бледнолицые служат своим женщинам, как собаки,— проворчал индеец на родном языке.— Захочет женщина есть, и воин, отложив в сторону томагавк, тут же бросается кормить лентяйку.

— Что ты сказал, Лисица?

— Хитрая Лисица сказал: «Хорошо».

Индеец опять впился глазами в открытое лицо Хейуорда, но, встретив его взгляд, быстро отвел их в сторону, неторопливо опустился на землю, вытащил из сумки остатки провизии и, настороженно осмотревшись по сторонам, неторопливо принялся за еду.

— Вот и прекрасно! — продолжал Хейуорд.— Теперь у Лисицы прибавится сил, окрепнет зрение, и утром он отыщет тропу.— Тут, услышав в кустах шорох листьев и треск переломившейся сухой ветки, молодой офицер на мгновение запнулся, но разом спохватился и закончил: — Мы должны выехать до восхода, иначе, того гляди, наткнемся на Монкальма, и он отрежет нам путь к крепости.

Магуа опустил поднесенную ко рту руку и, по-прежнему не отрывая глаз от земли, повернул голову; ноздри его раздулись, и даже уши, казалось, оттопырились больше обычного, придавая ему вид статуи, олицетворяющей напряженное внимание.

Хейуорд, бдительно следивший за каждым его движением, небрежно вынул ногу из стремени и протянул руку к седельным кобурам из медвежьей шкуры. Все его усилия понять, что же именно встревожило скорохода, оказались тщетны: глаза Магуа непрерывно перебегали с одного предмета на другой, хотя лицо оставалось неподвижным.

Пока майор колебался, как ему поступить, Лисица поднялся на ноги, но так медленно и осторожно, что не произвел при этом ни малейшего шума. Хейуорд почувствовал, что пора действовать и ему. Он перебросил ногу через седло и спрыгнул на землю, решив положиться на свои собственные силы и схватить предателя. Однако, желая избежать ненужной суматохи, он постарался сохранить спокойный, дружелюбный вид.

— Хитрая Лисица не ест,— сказал он, назвав скорохода прозвищем, которое, по его мнению, особенно льстило краснокожему.— Его маис плохо прожарен и, видимо, совсем жесток. Посмотрю-ка я, нет ли в моих запасах чего-нибудь, что придется ему по вкусу.

Магуа протянул сумку, видимо, согласившись воспользоваться предложением. Он даже позволил майору дотронуться до его

руки, не выказав при этом никакого волнения, хотя и храня на лице выражение настороженности. Но едва пальцы Хейуорда скользнули по его обнаженному плечу, он оттолкнул руку молодого человека, увернулся с пронзительным воплем и одним прыжком нырнул в чащу. Секунду спустя из-за кустов выросла фигура Чингачгука, которому боевая раскраска придавала вид привидения; могиканин пересек тропу и ринулся в погоню. Затем раздался крик Ункаса, и лес озарился внезапной вспышкой, за которой послышался раскатистый грохот ружья белого охотника.

ГЛАВА V

В такую ночь
Пугливо по росе ступала Фисба
И, тень от льва увидев раньше льва,
Бежала в ужасе...

Шекспир. Венецианский купец [1]

Внезапное бегство проводника и дикие крики его преследователей на мгновение ошеломили Хейуорда, и он словно прирос к месту. Затем, вспомнив, как важно схватить беглеца, раздвинул кусты и ринулся вперед, чтобы принять участие, в погоне. Однако, не пробежав и ста ярдов, наткнулся на охотника и двух его друзей, потерпевших неудачу и уже возвращавшихся назад.

— Почему вы так быстро отчаялись? — воскликнул офицер.— Негодяй, без сомнения, прячется где-то неподалеку в чаще, и его еще можно взять. Пока он на свободе, мы в опасности.

— Разве облако догонит ветер? — возразил приунывший охотник.— Я слышал, как этот дьявол шуршал в сухих листьях, когда полз по земле, словно гремучая змея, и, мельком завидев его вон за тою высокой сосной, пустил ему вдогонку пулю. Но куда там! И все же, не спусти я сам курок, я, принимая во внимание характер цели, назвал бы этот выстрел удачным, а уж я, поверьте, кое-что в таких делах смыслю. Видите вон тот сумах? Листья его красны, хотя всем известно, что в июле это дерево цветет желтым цветом.

— Это кровь Лисицы! Он ранен и, может быть, свалится по дороге.

— Нет, нет,— решительно возразил разведчик.— Я, вероятно, лишь продырявил ему шкуру, и от этого мошенник припустился еще быстрее. Ружейная пуля, слегка задев животное на бегу,

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

действует на него, как шпоры на коня: ускоряет его бег и придает жизни, вместо того чтобы отнять ее. Зато уж если она пробьет дыру навылет, то после нескольких прыжков приходит конец — как оленю, так и индейцу.

— Но ведь нас четверо здоровых мужчин против одного раненого!

— Разве вам наскучило жить? — прервал разведчик.— Этот краснокожий дьявол подведет вас под удары томагавков своих сотоварищей раньше, чем вы вспотеете от погони. Я сам, не раз слыхавший, как воздух сотрясается от боевого клича индейцев, поступил неблагоразумно, дав выстрел так близко от засады. Но уж очень велик был соблазн! Где тут удержаться! Идемте, друзья, и перенесем нашу стоянку таким манером, чтобы пустить хитрого минга по ложному следу, иначе завтра до захода солнца наши скальпы уже будут сохнуть на ветру перед палаткой Монкальма.

Грозное предсказание, сделанное разведчиком со спокойной уверенностью человека, знающего, что такое опасность, и не боящегося смотреть ей в лицо, напомнило Хейуорду о принятой им на себя ответственности. Осмотревшись вокруг в тщетной надежде разглядеть что-нибудь во мгле, сгущавшейся под сводами леса, молодой человек почувствовал себя отрезанным от всего мира и подумал, что его беззащитные спутницы скоро угодят в руки не знающих жалости врагов, которые, как хищные звери, ждут лишь наступления темноты, чтобы легче было расправиться со своими жертвами. Его растревоженное воображение, обманутое неверным меркнущим светом, превращало каждый пень, каждый колеблемый ветром куст в фигуры людей, и ему то и дело чудилось, что он различает отталкивающие лица врагов, которые выглядывают из засады, неотступно следя за каждым шагом путников. Он посмотрел на небо: прозрачные барашки облачков уже утрачивали нежный розоватый оттенок, и глубокий поток, струившийся поблизости от места, где стоял Хейуорд, был различим лишь благодаря темной кайме лесистых берегов.

— Что же нам делать? — спросил он, осознав в этот отчаянный миг всю свою беспомощность.— Не покидайте меня, бога ради! Останьтесь, защитите девушек, которых я сопровождаю, и, не стесняясь, требуйте любого вознаграждения.

Однако охотник и его краснокожие друзья, разговаривавшие чуть поодаль на своем наречии, не обратили внимания на этот внезапный пламенный призыв. Хотя беседа их велась тихо и осторожно, приблизившийся к ним Хейуорд легко отличал возбужденный голос молодого воина от неторопливой речи старших его собеседников. Они явно обсуждали какой-то план, непосред-

ственно касавшийся судьбы путников. Непреодолимый интерес к предмету их разговора и боязнь промедления, чреватого новыми опасностями, побудили майора еще ближе подойти к трем темным фигурам, чтобы предложить им более определенное вознаграждение, как вдруг белый охотник, махнув рукой с видом человека, уступающего в споре, повернулся и произнес по-английски нечто вроде монолога, обращенного к самому себе.

— Уикас прав! Недостойно мужчин бросить беспомощных девушек на волю случая, пусть даже вмешательство будет стоить нам нашего надежного убежища. Если вы хотите, сэр, уберечь эти нежные цветы от укуса самых ядовитых змей на свете, не теряйте время и отбросьте колебания.

— Как вы можете сомневаться в том, что я хочу их спасти? Кто, как не я, обратился к вам с предложением...

— Обратите лучше свои молитвы к господу, да ниспошлет он нам довольно мудрости, чтобы перехитрить дьяволов, заполонивших этот лес,— холодно прервал его охотник.— И еще — перестаньте предлагать нам деньги. Быть может, вы не выполните своего обещания, а я не воспользуюсь им: оба не доживем. Мы с могиканами сделаем все, на что способен человеческий разум, лишь бы спасти эти цветы, нежные и благоухающие, но никак не созданные для здешних диких мест, и сделаем это без всякой надежды на иное вознаграждение, кроме того, которым бог неизменно воздает за доброе дело. Но сначала обещайте мне от имени своего и своих спутников две вещи, иначе мы не выручим вас и лишь повредим себе.

— Назовите ваши условия.

— Первое: что бы ни случилось, молчать, как молчит этот спящий лес. Второе: навсегда сохранить от людей тайну убежища, в которое мы вас отведем.

— Я сделаю все, чтобы выполнить ваши требования.

— Тогда идем! Мы тратим минуты, столь же дорогие для нас, как дороги раненому оленю последние капли крови его сердца.

Сквозь толщу вечерних сумерек Хейуорд разглядел нетерпеливый жест разведчика и быстро направился вслед за ним туда, где оставил своих спутников. Присоединившись к заждавшимся и обеспокоенным девушкам, он коротко изложил условия их нового проводника, добавив, что всем им надлежит отбросить всякие опасения и немедленно начать действовать. Тревожное сообщение Хейуорда преисполнило Алису и Кору тайным ужасом, однако серьезность и решительность молодого человека, а вероятно, и мысль о грозной опасности заставили сестер взять себя в руки и приготовиться к непредвиденному и необычному испытанию. Не мешкая, в полном молчании, они с помощью офи-

цера спрыгнули наземь и торопливо спустились к реке, куда охотник, действуя больше с помощью выразительных жестов, нежели слов, уже созвал остальных.

— Что же делать с этими бессловесными тварями? — пробурчал Соколиный Глаз, явно взявший на себя единоличное руководство всеми дальнейшими маневрами.— Прирезать их и бросить в реку — значит потерять время; оставить здесь — значит дать понять мингам, что хозяева лошадей где-то неподалеку.

— В таком случае бросим поводья, пусть себе уходят в лес,— рискнул предложить Хейуорд.

— Нет, лучше собьем дикарей с толку: пускай думают, что им надо бежать за нами вдогонку. Именно так! Это ослепит их глаза, которые видят даже ночью... Тс-с! Чингачгук, что это там в кустах?

— Жеребенок.

— Вот его придется прикончить,— решил разведчик и протянул руку, пытаясь схватить проворное животное за гриву, но жеребенок отскочил в сторону.— Ункас, пусти стрелу!

— Постойте! — громко вскричал владелец приговоренного к смерти жеребенка, не считаясь с тем, что остальные говорят шепотом.— Пощадите жеребенка моей Мириам! Это красивый отпрыск верной лошади, и от него никому нет вреда.

— Когда человек борется за жизнь, дарованную ему богом, даже собственных своих собратьев он жалеет не больше, чем зверей в лесу,— угрюмо оборвал его разведчик.— Еще одно слово, и я оставлю вас в руках макуасов. Не промахнись, Ункас! На вторую стрелу у нас уже нет времени.

Его глухой угрожающий голос еще не смолк, как раненый жеребенок сперва встал на дыбы, потом рухнул на колени. Чингачгук молниеносно полоснул его ножом по горлу, столкнул в реку свою бьющуюся в агонии жертву, и животное заскользило вниз по течению, шумно втягивая воздух в последней борьбе за жизнь. Этот поступок, по видимости жестокий, но продиктованный крайней необходимостью, был истолкован всеми как предвестие серьезной опасности, а спокойная, но неколебимая решительность действующих лиц этой сцены еще более усугубила мрачные предчувствия путников. Сестры вздрогнули и прижались друг к другу, а Хейуорд непроизвольно сжал в руке один из своих пистолетов, только что вытащенных им из кобур, и встал между девушками и лесом, стена которого была теперь, словно непроницаемым покровом, окутана густой тенью.

Тем временем индейцы, схватив под уздцы испуганных, упирающихся лошадей, свели их в реку.

Пройдя несколько шагов, они повернули, и вскоре их скрыл от глаз нависший над водой берег; под его прикрытием краснокожие двинулись вверх по течению. Между тем разведчик отыскал тайник под низкими кустами, ветви которых, колеблемые течением, касались воды, вывел оттуда пирогу из березовой коры и знаком предложил девушкам садиться. Они беспрекословно повиновались, хотя то и дело боязливо и тревожно всматривались в сгущающийся мрак, который, словно темная ограда, встал теперь по берегам потока.

Как только Алиса и Кора уселись, разведчик велел Хейуорду войти в воду и поддерживать утлый челн с одного борта, а сам взялся за другой и повел суденышко против течения. Хозяин погибшего жеребенка удрученно последовал за ними. Так они прошли несколько десятков сажен в безмолвии, нарушаемом лишь журчаньем весело игравшей вокруг них воды да тихими всплесками ее под их шагами. Управлять пирогой Хейуорд предоставил разведчику, который то подводил ее к берегу, то вновь отдалялся от него, лавируя между торчащими из волн камнями и избегая глубоких мест с ловкостью, доказывавшей, что путь хорошо ему знаком. По временам он останавливался и в полной, но словно живой тишине, которой придавал особую выразительность глухой, но все нараставший шум водопада, напряженно вслушивался в каждый звук, возникавший в спящем лесу. Удостоверившись, что все по-прежнему безмолвно и что даже его многоопытный слух не в состоянии уловить признаков приближения врага, он все так же медленно и осмотрительно продолжал двигаться вперед. Наконец они добрались до места, где настороженный взгляд Хейуорда упал на какую-то массу, черневшую там, где высокий берег отбрасывал на воду особенно густую тень. Не зная, продолжать ему путь или задержаться, офицер указал спутнику на препятствие.

— Да,— спокойно промолвил разведчик,— мои друзья-могикане со свойственным индейцам здравым смыслом спрятали тут лошадей. Следов на воде не остается, а в такой кромешной тьме даже сова ничего не разглядит.

Скоро весь отряд вновь оказался в сборе, и разведчик вместе с новыми своими товарищами устроил военный совет, на котором путники, чья судьба зависела теперь от честности и находчивости незнакомых им лесных жителей, получили возможность более основательно разобраться в своем положении.

Река была зажата между высокими крутыми скалами, одна из которых нависала как раз над тем местом, где остановилась пирога. На скалах этих, в свой черед, росли огромные деревья, словно повисшие над бездной и ежеминутно готовые рухнуть

в нее. Казалось, поток течет в глубокой и узкой теснине. Под причудливо изогнутыми ветвями и косматыми верхушками деревьев, которые то тут, то там смутно вырисовывались на фоне звездного неба, царил непроглядный мрак. Позади путников река делала излучину, закрывая горизонт все тою же темной стеной деревьев, а впереди и, по-видимому, совсем невдалеке вода словно вздымалась к небесам и ниспадала затем в расщелины, наполняя вечерний воздух глухим гулом. Это место было словно создано для уединения, и, любуясь романтической, хотя и мрачной красотой пейзажа, сестры исполнились успокоительным чувством безопасности. Однако им недолго пришлось наслаждаться очарованием, которое ночь придавала дикой местности,— проводники их засуетились, и это вернуло девушек к горестному сознанию своего бедственного положения.

Лошади были привязаны к редким кустам, росшим в расщелинах скал; здесь, стоя в воде, животным предстояло провести ночь. Разведчик велел Хейуорду и его обескураженным спутникам занять места на носу пироги, сам же встал на корме так твердо и прямо, словно плыл на судне из куда более прочного материала. Индейцы осторожно вернулись на прежнее место, а Соколиный Глаз, упершись шестом в скалу, мощным толчком направил свой утлый челн на самую середину бурного потока. За этим последовало несколько долгих минут ожесточенной борьбы между легкой пирогой и быстрым течением, исход которой не раз представлялся сомнительным. Не решаясь пошевелиться и даже вздохнуть поглубже, чтобы не опрокинуть хрупкое суденышко и не отдать его во власть яростной стихии, пассажиры с лихорадочным волнением взирали на кипящие волны. Десятки раз им казалось, что их затянет в водоворот, но умелая рука кормчего неизменно выравнивала ход пироги, и глазам их представали лишь беспорядочные массы разбушевавшихся вод — так быстро неслась по ним лодка. Долгая, отчаянная и, как уже чудилось девушкам, безнадежная борьба завершилась благополучно. В ту минуту, когда Алиса, решив, что сейчас их затянет в водоворот у подножия водопада, зажмурила глаза, пирога причалила к скале, чье плоское основание едва выдавалось над уровнем воды.

— Где мы? И что делать дальше? — спросил Хейуорд, поняв, что усилия охотника не пропали даром.

— Мы у подножия Гленна,— в полный голос ответил Соколиный Глаз, зная, что грохот водопада заглушит шум разговора.— А сейчас нам нужно высадиться так, чтобы не опрокинуть пирогу, не то вы опять проделаете весь наш тяжкий путь — только в обратном направлении и пожившее, чем раньше. Перебираться через такую быстрину в полноводье — дело нелегкое; к тому же

пять человек — чрезмерный груз для суденышка из коры, промазанной смолою. Сухим тут, пожалуй, не останешься. Ну, выбирайтесь-ка все на эту скалу, а я съезжу за могиканами и олениной. Лучше уж остаться без скальпа, чем голодать, когда у тебя полным-полно провизии.

Путники с радостью исполнили распоряжение Соколиного Глаза. Как только последний из них перескочил на скалу, пирога повернула обратно, и высокая фигура разведчика, на мгновение мелькнув над водой, исчезла в непроглядном мраке, окутывавшем реку. Покинутые проводником, путники беспомощно топтались на месте, не зная, на что решиться, и боясь сделать даже шаг по неровным камням, где каждое неверное движение грозило им падением в одну из глубоких гулких расщелин, куда со всех сторон с ревом низвергалась вода. Однако тревожное ожидание длилось недолго: пирога, управляться с которой охотнику помогали теперь искусные туземцы, стрелой пронеслась над водоворотом и вновь причалила к низкой скале даже раньше того срока, какой, по мнению путников, нужен был Соколиному Глазу, чтобы добраться до своих краснокожих друзей.

— Ну, теперь у нас есть и крепость, и гарнизон, и провиант! — вскричал повеселевший Хейуорд.— Больше нам не страшны ни Монкальм, ни его союзники. Скажите же мне, наш бдительный хранитель, не встретился ли вам на материке один из тех, кого вы называете ирокезами?

— Я называю ирокезом каждого туземца, который говорит на неизвестном мне языке и которого я считаю врагом, даже если он притворяется, будто служит нашему королю. Если Вэббу нужны честные и верные индейцы, пусть призовет на помощь делаваров, а этих жадных и лживых мошенников могауков и онейдов со всеми их шестью племенами гонит туда, где им и надлежит быть,— к чужеземцам, к французам!

— В таком случае мы променяли бы воинов на бесполезных друзей. Я слышал, что делавары спрятали подальше свои томагавки и не стыдятся, когда их равняют с женщинами.

— Да падет вина за это на голландцев и ирокезов, которые своими дьявольскими уловками подбили делаваров заключить позорный договор. Но я знаюсь с ними уже двадцать лет и назову лжецом каждого, кто посмеет сказать, что в жилах делаваров течет кровь трусов. Вы оттеснили это племя от моря, а теперь для успокоения совести верите клевете их врагов. Нет, нет, для меня любой индеец, говорящий не на их языке,— ирокез, где бы ни была его крепость — в Канаде или в провинции Нью-Йорк.

Сообразив, что неколебимая симпатия охотника к своим друзьям-делаварам или могиканам, поскольку и те и другие были

ветвями одного и того же многочисленного племени, может втянуть его в нескончаемый и бесполезный спор, Хейуорд ловко перевел разговор на другой предмет:

— Как бы там ни было, я прекрасно вижу, что оба ваши товарища — смелые и мудрые воины. Видели они наших врагов?

— Индейца сначала чуешь, потом уже видишь,— ответил разведчик, взобравшись на скалу и с облегчением сбросив с плеч убитого оленя.— Выслеживая мингов, я полагаюсь не на глаза.

— А слух не говорит вам, что они напали на наши следы, ведущие к этому убежищу?

— Мне было бы очень невесело, будь оно так, хотя место это такое, что смелым людям нетрудно здесь продержаться. Не стану, однако, отрицать, что, проходя мимо лошадей, я видел, как они жались в кучу, словно чуя волков; а волки всегда рыщут там, где в засаде индейцы,— звери надеются поживиться остатками оленя.

— Вы забываете, что у ваших ног тожё лежит олень. А может быть, их привлек зарезанный жеребенок? Кто это там еще бормочет?

— Бедная Мириам, твоему жеребенку предопределено было стать добычей хищников! — теперь уже более членораздельно произнес чудаковатый певец. Затем внезапно возвысил голос и, сливая его с немолчным шумом воды, запел:

Египет твой, о фараон,
Господь не пощадил:
Зверей и человеков он
Их первенцев лишил.

— Гибель жеребенка гнетет сердце его хозяина,— промолвил охотник.— А когда человек печалится о своих бессловесных друзьях, это хороший знак. Но кто верует в бога, тот помнит: что тебе на роду написано, то с тобой и будет; и эта утешительная мысль скоро поможет вашему спутнику примириться с разумной необходимостью убить четвероногое ради спасения человеческих жизней... Может быть, вы и правы,— продолжал разведчик, отвечая на последнее предположение Хейуорда.— Тем скорее нам нужно освежевать оленя и сбросить кости в реку, иначе на скалах рассядется целая стая волков и поднимет вой, завидуя каждому куску, который мы отправим в рот. К тому же, хоть ирокезы понимают язык делаваров не лучше, чем умеют читать, эти хитрые бестии быстро смекнут, почему волки развылись.

Во время этой тирады разведчик успел собрать необходимое и, произнеся последнее слово, бесшумно скользнул мимо путни-

ков; следом за ним, как будто угадав намерение своего друга, двинулись могикане, и все трое поочередно исчезли, словно растаяв в тени невысокой черной скалы, возвышавшейся в нескольких ярдах от берега.

ГЛАВА VI

Из песен, оглашавших встарь Сион,
Он выбирал одну и с миной строгой
Затягивал псалом, призвав: «Восславим бога!»

Бернс

Хейуорд и его спутницы не без тайной тревоги наблюдали за столь загадочным исчезновением своих проводников: хотя белый охотник до сих пор вел себя безупречно, его грубый наряд, резкость в речах и глубокая ненависть к врагам, равно как облик его молчаливых сподвижников, были достаточно веской причиной для того, чтобы пробудить подозрения в людях, встревоженных недавним предательством индейца. Один только чудаковатый певец ни на что не обращал внимания. Он уселся на выступ скалы и не подавал признаков жизни, если не считать частых и глубоких вздохов, выдававших его душевное смятение. Однако вскоре послышались приглушенные голоса, словно люди перекликались где-то в недрах земли, и внезапно в глаза путникам ударил сильный свет, раскрыв им тайну столь хваленого убежища разведчика и его друзей.

В дальнем углу узкой и глубокой пещеры, которая благодаря ракурсу и освещению казалась, вероятно, много больше истинных своих размеров, сидел разведчик с пучком пылающих сосновых щепок в руке. Яркий отблеск пламени падал на суровые, обветренные черты и одежду жителя лесов, придавая причудливо романтический вид этому человеку, который при обычном дневном свете поразил бы глаз лишь странным костюмом, каменной неподвижностью и необычным сочетанием постоянной настороженности и неподдельного простодушия, попеременно читавшихся на его мужественном лице. Чуть поодаль от него, ближе к выходу из пещеры и поэтому на самом виду, стоял Ункас. Путники с волнением смотрели на стройный, гибкий стан молодого могикани-на, его грациозную позу и непринужденные движения. Как и белый разведчик, он был в зеленой охотничьей рубахе с бахромой, но голова его оставалась непокрытой, являя взорам темные, сверкающие, бесстрашные глаза, грозные и вместе с тем спокойные; смелые очертания гордого лица, не тронутого боевой раскраской; благородный лоб и изящную форму головы, начисто выбритой, за исключением густой пряди на макушке. Дункан и его спутни-

цы, впервые получив возможность разглядеть характерные лица своих проводников-индейцев, разом отбросили всякие сомнения при виде гордого, решительного, хотя и сурового лица молодого воина. Они почувствовали, что такой человек, даже пребывая во тьме невежества, не может намеренно поставить на службу своекорыстию и предательству те дары, которыми его взыскала природа. Алиса дивилась его открытым чертам и гордой осанке с тем же любопытством, с каким взирала бы на драгоценную статую, изваянную резцом древнего грека и чудом ожившую, а Хейуорд, хоть и не раз наблюдавший у чистокровных туземцев подобное совершенство форм, откровенно выражал свое восхищение этим образцом благороднейших человеческих пропорций.

— Я могла бы спокойно спать, зная, что меня охраняет такой неустрашимый и великодушный часовой, как этот юноша,— прошептала Алиса.— Никогда не поверю, Дункан, что все те жестокие убийства и ужасные пытки, о которых мы столько читаем и слышим, могут твориться в присутствии подобного человека.

— Да, этот молодой воин, несомненно, редкий и блистательный пример тех природных достоинств, какими, говорят, отличается этот своеобразный народ,— ответил офицер.— Согласен с вами, Алиса: такой лоб и такие глаза способны страшить, но не обманывать. Однако не будем заблуждаться, ожидая от него иных добродетелей, кроме тех, что в обычае у краснокожих. Высокие достоинства не часто встречаются у христиан; не менее исключительны и редки они у индейцев, хотя, к нашей общей чести, эти достоинства не чужды ни тем, ни другим. Будем же надеяться, что могиканин не разочарует нас и окажется тем, кем выглядит,— смелым и преданным другом.

— Вот теперь майор Хейуорд говорит, как подобает майору Хейуорду,— вставила Кора.— Разве, глядя на такое творение природы, можно думать о том, какого цвета у него кожа?

За этим красноречивым замечанием последовала краткая и несколько неловкая пауза; ее прервал разведчик, позвав путников в пещеру.

— Огонь разгорается так ярко, что мы, того и гляди, наклич сюда мингов себе на погибель,— бросил он, когда путники вошли.— Ункас, опусти одеяло — пусть эти бестии ничего не видят... Конечно, ужин у нас не тот, на какой вправе рассчитывать майор американской королевской армии, но я не раз видывал военных, которые были рады куску сырого мяса без всякой приправы. А у нас и соли в достатке, и жаркое не заставит себя ждать. Вот свежие ветви сассафраса — пусть леди присядут: это хоть и не кресла красного дерева с обивкой из кожи морских свинок, зато пахнут они куда лучше, чем кожа любой свиньи...

Входите, друг, и перестаньте сокрушаться о жеребенке — он был невинным созданием и еще не успел познать горести. Смерть избавила его от многих бед — и от усталости в натруженных ногах, и от ломоты в спине.

Ункас исполнил тем временем распоряжение разведчика, и, когда Соколиный Глаз смолк, гул водопада уже звучал глухо, словно отдаленные раскаты грома.

— А не опасно нам оставаться в этой пещере? — спросил Хейуорд.— Не застанут ли нас здесь врасплох? Ведь достаточно одному вооруженному человеку встать у входа, и мы в его власти!

В этот миг за спиной разведчика вынырнула похожая на привидение фигура и, схватив горящую головню, осветила дальний конец пещеры. При виде этого страшного существа Алиса вскрикнула и даже Кора вскочила, но Хейуорд быстро успокоил их, заверив, что пришелец — всего-навсего их проводник Чингачгук. Индеец приподнял другое одеяло и показал, что у пещеры два выхода. Затем с головней в руке проскользнул по глубокому узкому проходу, тянувшемуся под прямым углом к пещере, где сидели путники, но, в отличие от нее, не имевшему потолка, и проник в другую пещеру, совершенно схожую с первой.

— Таких матерых лис, как мы с Чингачгуком, не часто поймаешь в норе с одним выходом,— усмехнулся Соколиный Глаз.— Теперь видите, как хитро мы выбрали место? Скала эта из черного известняка, породы, как известно каждому, мягкой — она легко сойдет за подушку там, где нет кустов или сосен. Так вот, когда-то водопад располагался на несколько ярдов ниже и, смею вас уверить, был так же ровен и красив, как гладь Гудзона. Но годы уносят красоту — в этом наши прелестные юные леди еще убедятся! Местность, к сожалению, изменилась. В скалах появились трещины; там, где порода мягче, вода проточила себе глубокие ходы; футах в ста отсюда повернула обратно; где-то пробилась, где-то нет, и теперь в водопадах этих — ни складу, ни ладу.

— В какой же части их мы находимся? — поинтересовался Хейуорд.

— Близ того места, какое по воле провидения и было для них предназначено, да только они взбунтовались и выбрали себе другое. Скалы справа и слева от нас оказались чересчур мягкими, и вода, предварительно вырыв две эти небольшие пещеры для нашего убежища, потекла по сторонам от них, а старое русло пересохло и обнажилось.

— Значит, мы на островке?

— Ну да. По правую и левую руку от нас водопады, а река выше и ниже нас. Будь сейчас день, вам стоило бы взобраться на вершину этой скалы да поглядеть на причуды воды. Она несет-

ся, как ей вздумается: то прыгает, то падает, тут кувыркается, там бурлит; в одном месте она белая, как снег, в другом — зеленая, как трава; здесь, поблизости от нас, она низвергается в глубокие выбоины с таким грохотом, что земля трясется; чуть дальше — журчит и поет, словно ручей; а потом начинает крутиться водоворотом и размывает старый камень, как будто это глина. Весь рисунок реки теперь перепутался. Сначала она течет прямо, как ей и положено, но вдруг круто сворачивает. Есть немало мест, где она вообще возвращается вспять, словно не желая расстаться с лесными чащами и слиться с соленой волной. Да, милые леди, тонкая, как паутинка, вуаль, обвивающая вашу шею,— и та груба, как невод, в сравнении с узорами, какие вышивает река там, где она, наперекор всякому порядку, вытворяет, что ей вздумается, а я могу показать вам немало таких местечек. Но к чему все это приводит? Набушуется она, словно иной строптивец, сколько ей влезет, и несколькими саженями ниже опять преспокойно течет себе к морю, как ей и было предопределено от сотворения мира.

Это простодушное описание гленнских водопадов вселило в слушателей утешительную уверенность в надежности их убежища, хотя мнение их о дикой прелести здешних мест сильно расходилось с оценкой Соколиного Глаза. Но сейчас им было не до красот природы: поскольку разведчик и во время беседы не прекратил своих кулинарных трудов, отрываясь от них разве что на секунду, дабы ломаной вилкой изобразить какой-либо особо капризный изгиб непослушной реки, все сосредоточились теперь на более необходимом, хотя менее поэтичном занятии — ужине.

Трапеза сильно выиграла от добавления кое-каких деликатесов, которые Хейуорд, расставаясь с лошадьми, успел захватить с собой, и основательно подкрепила усталых путников. Ункас оказывал девушкам все знаки внимания, на какие был способен, и прислуживал им со смесью достоинства и радушия, что очень забавляло Хейуорда,—офицер отлично знал, насколько это идет вразрез с обычаем индейцев, запрещающим воинам снисходить до домашних трудов, особенно в угоду женщинам. Но, поскольку гостеприимство почитается у краснокожих священным долгом, это маленькое нарушение законов мужского достоинства не навлекло на Ункаса порицания со стороны Чингачгука. Присутствуй там человек, достаточно праздный, чтобы предаваться наблюдениям, он заметил бы, что молодой вождь ведет себя не совсем беспристрастно. Подавая, например, Алисе флягу со свежей водой или кусок оленины на блюде, искусно вырезанном из перцового дерева, он только соблюдал должную вежливость; оказывая же подобные услуги ее сестре, он задерживал взгляд на ее красивом выразительном лице, и гордый блеск его темных глаз сменялся

выражением нежности. Раз-другой ему пришлось заговорить, чтобы привлечь внимание сестер. В таких случаях он изъяснялся на английском языке, ломаном и неправильном, но все же понятном. Его глубокий гортанный голос придавал английской речи такую мягкость и мелодичность, что Алиса и Кора всякий раз с восхищенным изумлением посматривали на собеседника. Таким образом, за ужином девушки обменялись с Ункасом несколькими фразами, благодаря чему между ними установилось нечто вроде дружеских отношений.

Тем временем Чингачгук по-прежнему сохранял невозмутимое спокойствие. Он сидел у костра, озаренный его светом, и путники, то и дело с тревогой поглядывавшие на индейца, рассмотрели наконец истинное выражение его лица под наводящей ужас боевой раскраской. Они нашли, что отец и сын весьма похожи друг на друга, если не считать того различия, которое создается годами и лишениями. Черты Чингачгука, утратив обычную свирепость, выражали теперь лишь безмолвное и ясное спокойствие, характерное для индейского воина в те минуты, когда ему нет нужды всячески изворачиваться ради того, чтобы отстоять свою жизнь. Однако по теням, набегавшим порой на смуглое его лицо, нетрудно было догадаться, что стоит пробудить в нем гнев — и в действие вступит та сила, чью грозную эмблему, на страх врагам, он изобразил на своем теле. В отличие от индейца, разведчик не знал покоя. Он ел и пил с аппетитом, которого не умаляло даже сознание опасности, но ни на секунду не забывая о бдительности. Десятки раз рука его, подносившая ко рту флягу или кусок жареного мяса, замирала в воздухе, и он поворачивал голову, словно прислушиваясь к отдаленным и подозрительным звукам. Это движение неизменно побуждало путников отвлекаться от созерцания непривычной обстановки и вспоминать об опасности, которая привела их сюда. Но так как эти частые паузы не сопровождались никакими замечаниями, беспокойство, вызываемое ими, вскоре рассеивалось и на время забывалось.

— Вот что, друг,— сказал под конец ужина Соколиный Глаз, вытащив из-под кучи листьев небольшой бочонок и обращаясь к псалмопевцу, который рядом с ним усердно отдавал должное его кулинарному мастерству,— отведайте-ка этого напитка: он прогонит мысли о жеребенке и согреет вам кровь. Пью за дружбу и надеюсь, что бедная лошадка не станет причиной вражды между нами. Как вас зовут?

— Гамут, Давид Гамут,— ответил учитель пения, машинально утерев рот и готовясь залить свои горести добрым глотком крепкого и сильно приправленного пряностями напитка.

— Прекрасное имя! — одобрил охотник, переводя дух после

глотка, длительность которого свидетельствовала о том, сколь высоко ценит он свои винодельческие таланты.— Уверен, что оно досталось вам от честных дедов. Люблю звучные имена, хотя христианам в этом смысле далеко до индейцев. Самого скверного труса, какого я знавал, звали Лев, а жена его Ангелина оглушала вас руганью быстрее, чем олень, преследуемый охотником, успевает пробежать сажень. У индейца же имя — дело чести: он обычно таков, как называет себя. Разумеется, Чингачгук, что значит «Великий Змей»,— вовсе не змея, большая или маленькая; это имя подразумевает, что он знает все извилины и закоулки человеческой души, что он молчалив и наносит врагу удар, когда тот меньше всего этого ждет... Чем вы занимаетесь?

— Я недостойный учитель псалмопения.

— Не понимаю.

— Я обучаю пению молодых коннектикутских рекрутов.

— Вы могли бы заняться чем-нибудь получше. Эти щенки и без того слишком много смеются и распевают в лесу, когда им следует сидеть, затаив дыхание, как лисица в норе. Вы умеете обращаться с мушкетом или ружьем?

— Мне, слава всевышнему, никогда не приходилось иметь дело со столь смертоносным оружием!

— А может, вы умеете прокладывать путь по компасу, наносить на бумагу русло рек и расположение гор и лесов, чтобы люди, которые придут вслед за вами, могли разыскать их по названиям?

— Нет, с этим делом я тоже незнаком.

— Но у вас такие длинные ноги, что с ними любая дорога короткой покажется. Вы, наверно, вестовщик при генерале?

— Отнюдь! Я следую лишь своему высокому призванию и обучаю людей духовной музыке.

— Странное призвание! — неприметно усмехнувшись, бросил Соколиный Глаз.— Истратить жизнь на то, чтобы, как пересмешник, повторять высокие и низкие звуки, которые вырываются у человека из горла! Впрочем, друг, таков уж ваш талант, и никто не вправе порицать вас за него, как нельзя порицать за меткую стрельбу или другие более полезные дарования. Послушаем-ка лучше, что вы умеете, а потом по-дружески распрощаемся на ночь: молодым леди надо набраться сил для трудного и долгого пути, в который мы выступим на рассвете, пока еще не зашныряли вокруг макуасы.

— С превеликим удовольствием,— отозвался Гамут, вновь водрузил на нос очки в железной оправе и, вытащив свой любимый томик, незамедлительно протянул его Алисе.— Что может быть приличнее и успокоительней, чем вознести хвалу господу на склоне дня, полного безмерных опасностей!

Алиса улыбнулась, но, взглянув на Хейуорда, вспыхнула и заколебалась.

— Не стесняйтесь,— шепнул офицер.— Разве можно в такую минуту отвергать предложение достойного тезки царя-псалмопевца?

Ободренная его словами, Алиса сделала то, к чему ее побуждало собственное благочестие и любовь к музыке. Она раскрыла книжечку и выбрала гимн, который соответствовал положению путников и в котором поэт, не задаваясь честолюбивой целью превзойти царя израильского, обнаружил скромное, но достойное похвал дарование. Кора тоже выразила желание подпевать сестре, после чего педантичный Давид, проделав уже знакомую нам процедуру с камертоном, задал тон, и полился тихий, торжественный напев.

Иногда голоса прелестных девушек, склоненных над книгой, звучали в полную силу; иногда понижались так, что глухой, словно аккомпанемент, шум воды почти перекрывал мелодию. Давид с его природным вкусом и безошибочным слухом руководил пением, соразмеряя силу звуков с масштабами небольшой пещеры, каждая расщелина и выбоина которой вторила трепетным модуляциям свежих голосов. Индейцы, вперив взоры в скалу, слушали с таким вниманием, словно сами превратились в каменные изваяния. Однако суровые черты разведчика, который, подперев голову рукой, сидел поначалу с видом холодным и равнодушным, стали постепенно смягчаться, и, по мере того как стих сменялся стихом, он все отчетливей чувствовал, как слабеет его железная воля и воспоминания уносят его в далекое детство, когда в поселениях родной провинции он внимал подобным же гимнам, хотя исполняли их и не столь приятные голоса. Беспокойные глаза его увлажнились, и еще не кончилось пение, как из них, этого, казалось бы, давно пересохшего источника, закапали крупные жгучие слезы, стекая по щекам, которые чаще орошались потоками дождя, низвергающимися с неба, нежели соленой влагой, свидетельствующей о слабости человеческой. Певцы закончили пение одним из тех низких, замирающих аккордов, которые слух впивает с особенной жадностью, словно сознавая, что наслаждение вот-вот придет к концу... И вдруг снаружи раздался вопль, непохожий на крик человека или иного обитателя земли; он потряс воздух и проник не только во все уголки пещеры, но и в самые сокровенные сердечные глубины каждого, кто его слышал. Вслед за ним наступила тишина, такая полная, словно воды и те, оцепенев от ужаса, остановили свой бег.

— Что это? — прошептала Алиса, стряхнув наконец с себя парализовавший ее страх.

— Что это? — громко повторил Хейуорд.

Ни Соколиный Глаз, ни индейцы не ответили. Они прислушивались, ожидая, очевидно, повторения вопля, повергшего даже их в молчаливое изумление. Наконец они быстро и встревоженно заговорили меж собой по-делаварски, после чего Ункас осторожно выскользнул из пещеры через ее дальний скрытый выход. Когда он исчез, разведчик вновь перешел на английский:

— Мы не можем сказать, ни что это было, ни что это значит, хотя двое из нас странствуют по лесам уже лет тридцать с лишним. Я считал, что мое ухо знает любой звук, испускаемый индейцем или зверем, но этот вопль доказывает, что я был просто самонадеянным и тщеславным хвастуном.

— Разве это был не боевой клич, которым воины пугают врага? — полюбопытствовала Кора, поправляя вуаль со спокойствием, явственно отличавшим ее от младшей сестры.

— Нет, нет, в этом зловещем, потрясающем вопле было что-то неестественное. Кто хоть раз слышал боевой клич индейцев, тот его уже ни с чем не спутает. Ну, Ункас,— перешел он на язык делаваров, обращаясь к возвратившемуся молодому вождю,— что ты видел? Не проникает ли свет от костра наружу?

Последовал краткий, но, видимо, исчерпывающий ответ на том же языке.

— Снаружи ничего не видно,— продолжал Соколиный Глаз, недовольно покачивая головой.— Тайна нашего убежища все еще не раскрыта. Ступайте в соседнюю пещеру и ложитесь спать — вам нужен отдых; мы должны быть на ногах задолго до восхода, чтобы добраться до форта Эдуард, пока минги наслаждаются утренним сном.

Кора беспрекословно повиновалась, подав пример мужества более робкой Алисе. Однако, выходя из пещеры, она все-таки шепотом попросила Дункана проводить их. Ункас откинул перед сестрами одеяло, и, обернувшись, чтобы поблагодарить его за внимание, они увидели, что разведчик вновь сидит у догорающего костра, подперев голову руками и, вероятно, усиленно раздумывая о природе необъяснимого крика, прервавшего их пение.

Хейуорд прихватил с собой горящую ветку, которая слабо озарила узкое пространство их нового жилища. Укрепив этот факел в расщелине скалы, офицер подошел к сестрам, впервые оставшимся с ним наедине с тех самых пор, как они покинули дружественные стены форта Эдуард.

— Не оставляйте нас, Дункан,— взмолилась Алиса.— Нам не заснуть в таком месте, особенно сейчас, когда у нас в ушах еще звучит этот ужасный вопль.

— Сначала проверим, достаточно ли надежна ваша крепость,— ответил он,—а уж после поговорим обо всем остальном.

Хейуорд проследовал в дальний угол пещеры, к выходу, также завешенному одеялом, и, отогнув этот тяжелый занавес, вдохнул живительную свежесть, которой веяло с водопадов. Один рукав реки тек по узкому и глубокому ущелью, проточенному в мягком камне, и вода, струившаяся прямо под ногами молодого человека, представляла собой, на его взгляд, отличную защиту от опасности с этой стороны. Несколькими саженями выше река, низвергаясь со скал, билась, скользила и бешено рвалась вперед.

— С этой стороны природа воздвигла для наших врагов непреодолимую преграду,— заметил он и, прежде чем опустить одеяло, указал рукой на отвесный утес над горным потоком.— Вход же, как вам известно, охраняют наши добрые и верные проводники. Не вижу поэтому оснований пренебрегать советом нашего честного хозяина. Полагаю, Кора согласится со мной и подтвердит, что вам обеим надо поспать.

— Кора может согласиться с вашим советом, но вряд ли последует ему,— возразила старшая сестра, опускаясь на ветви сассафраса рядом с Алисой.— Не будь даже этого таинственного вопля, нам все равно было бы трудно заснуть. Подумайте сами, Хейуорд, в состоянии ли дочери забыть о тревоге, которую испытывает их отец, не зная, где они и что с ними могло случиться в лесной глуши, среди бесчисленных опасностей?

— Он — солдат и знает не только опасности, но и преимущества лесов.

— Он — отец и не может подавить в себе отцовские чувства.

— Как снисходителен он был к моим капризам! С какой нежностью предупреждал любое мое желание! — всхлипнула Алиса.— Мы были эгоистками, сестрица, настояв на приезде сюда во что бы то ни стало.

— Быть может, я поступила неблагоразумно, вынудив его согласиться на наш приезд в такую трудную минуту, но мне хотелось доказать, что если другие могут покинуть его в опасности, то уж дочери всегда останутся ему верны.

— Когда он узнал о вашем решении приехать в форт Эдуард,— мягко вмешался Хейуорд,— в душе его началась жестокая борьба между страхом и любовью, и любовь, усугубленная,— если ее можно усугубить,— долгой разлукой, взяла верх. «Их ведет сюда мужество и благородство моей Коры, Дункан, и я не хочу препятствовать ей,— сказал он мне.— Дай бог каждому, кому выпала честь защищать его величество короля, быть хоть вполовину столь же стойким, как она!»

— А про меня он ничего не сказал, Хейуорд? — с ревнивой нежностью спросила Алиса.— Не мог же он не вспомнить о своей маленькой Элси!

— Разумеется, не мог: он ведь так хорошо ее знает,— успокоил девушку офицер.— Он наговорил про вас множество ласковых слов, повторить которые я не решусь, хотя готов поручиться в том, что они заслуженны. Он сказал...

Тут Дункан внезапно умолк: в тот момент, когда он впился глазами в Алису, которая в порыве дочерней любви повернулась к нему, жадно ловя каждое его слово, снаружи вновь раздался тот же ужасный вопль, и Хейуорд лишился дара речи. Наступила долгая пауза, и все трое уставились друг на друга, с трепетом ожидая повторения страшного воя. Наконец одеяло медленно приподнялось, и в отверстии появился разведчик: таинственные звуки, предвещавшие неведомую опасность, перед которой бессильны были весь его опыт и находчивость, поколебали, видимо, даже его твердость.

ГЛАВА VII

...Они не спят.
Мне ясно все они видны
Вон там, на скалах.

Грей

— Услышать в лесу такой звук и отсиживаться в пещере — значит пренебречь спасительным предупреждением,— объявил Соколиный Глаз.— Пусть девушки останутся здесь, а я с могиканами займу пост на скале, где, полагаю, компанию нам составит и майор шестидесятого полка.

— Значит, опасность действительно близка? — спросила Кора.

— Только тому, кто сотворил существо, издающее в предостережение людям столь странные вопли, известно, что нам угрожает. И я сочту себя недостойным ослушником его воли, если укроюсь в норе, когда в воздухе носится такое знамение! Даже ваш слабодушный спутник, убивающий дни свои на распевание псалмов,— и тот настолько встревожен, что уверяет, будто «готов восстать на бой». Но сводить все только к тому, чтобы принять бой, это было бы дело, привычное для всех нас, и мы с ним легко бы справились. Я слышал, что, когда такие вопли раздаются меж небом и землей, они возвещают о схватке совсем иного рода.

— Если все наши опасения, друг мой, объясняются лишь сверхъестественными причинами, нам незачем тревожиться,— невозмутимо продолжала Кора.— Но не кажется ли вам, что это враги придумали новый хитроумный способ запугать нас и тем облегчить себе победу?

— Леди,— торжественно возвысил голос разведчик,— я тридцать лет прислушиваюсь ко всем лесным звукам, как только может прислушиваться человек, чья жизнь зависит от чуткости его уха. Меня не обманут ни мурлыканье пумы, ни посвист пересмешника, ни дьявольские уловки мингов. Я слыхал, как лес стонет, словно человек в скорби, и как шумит ветер, играя в ветвях; слышал я и треск молнии, когда она факелом вспыхивала в небе, рассыпая снопы искр и меча языки пламени. Но у меня никогда не возникало сомнения в том, что я слышу лишь те звуки, источник которых сотворил создатель, радуясь делу рук своих. Теперь же ни могикане, ни я, чистокровный белый, не в силах объяснить, что это был за вопль. Вот почему мы считаем его небесным знамением, ниспосланным нам во спасение.

— Непостижимо! — воскликнул Хейуорд и взял пистолеты, которые, входя в пещеру, положил на камень.— Но чем бы ни был этот крик — провозвестием мира или призывом к войне, нам все равно нужно узнать, что́ происходит. Показывайте дорогу, друг мой: я — за вами.

Все выбрались из убежища и сразу почувствовали облегчение, вдохнув не душный воздух пещеры, а бодрящую прохладу водопадов и стремнин. Над рекой дул сильный ветер, уносивший, казалось, рев воды в глубину пещер, где стоял глухой, непрерывный гул, который напоминал раскаты грома за далекими холмами. Луна уже взошла, и свет ее кое-где озарял поверхность воды, но выступ скалы, служивший путникам наблюдательным пунктом, все еще утопал в густом мраке. Если не считать шума падающей воды да порывистых вздохов ветра, проносившегося мимо, все было так безмолвно, как бывает лишь ночью в безлюдной глуши. Наблюдатели напрасно всматривались в противоположный берег: там не видно было никаких признаков жизни, которые могли бы объяснить происхождение страшного вопля. Лунный свет обманывал напряженное зрение, и встревоженный взгляд встречал лишь голые скалы да прямые неподвижные деревья.

— Ничего не видно! Всюду только тьма и покой дивной летней ночи,— прошептал Дункан.— Как любовались бы мы ландшафтом, как упивались бы его звенящей тишиной, будь это в другое время! Представьте себе на минуту, Кора, что вы в безопасности. То, что сейчас вселяет в вас ужас, сразу стало бы для вас источником наслаждения.

— Тс-с! — прервала его Алиса.

Предупреждение было излишним. Над рекой, словно взмыв с ее ложа и вылетев из стиснувших ее утесов, вновь разнесся тот же звук, прокатился по лесу, и отголоски его замерли где-то в отдалении.

— Может ли кто-нибудь из вас сказать, что это за вопль? — спросил Соколиный Глаз, когда отзвуки эха затерялись в лесу.— Если может, пусть скажет. Я же считаю, что таких звуков на земле не бывает.

— В таком случае здесь найдется человек, который сумеет рассеять ваше заблуждение,— возразил Дункан.— Мне этот звук хорошо знаком: я не раз слышал его на поле боя при обстоятельствах, нередко случающихся в жизни солдата. Это страшный крик, исторгаемый у лошади чаще всего болью, а иногда и страхом. Мой конь либо достался в жертву лесным хищникам, либо чует опасность, избежать которой бессилен. В пещере я еще мог не узнать этот звук, на открытом же воздухе не ошибусь.

Разведчик и его товарищи выслушали это простое объяснение с интересом людей, усваивающих новое понятие, которое вынуждает их отказаться от старых, не оправдавших себя представлений. Могикане, когда им стало ясно, в чем дело, ограничились своим обычным выразительным «ха!»; разведчик же, немного подумав, ответил:

— Не стану спорить — я плохо знаком с повадками лошадей, хотя и родился там, где их полным-полно. Вероятно, на берегу, у них над головами, собрались волки, и перепуганные животные на свой лад взывают к людям о помощи. Уикас,— окликнул он по-делаварски,— сядь в пирогу, спустись по течению да швырни горящей головней в стаю, иначе то, чего не сделать волкам, сделает страх, и к утру мы останемся без лошадей, а двигаться нам нужно быстро.

Молодой индеец, выполняя приказание, уже спустился к воде, как вдруг над рекой разнесся протяжный вой и тут же стал удаляться в глубь леса, словно чем-то напуганные звери добровольно отказались от своей добычи. Повинуясь инстинкту, Уикас поспешно вернулся обратно, и трое обитателей леса вновь принялись совещаться.

— Мы вроде охотников, много дней не видавших солнца и уже забывших, где север, где юг,— сказал Соколиный Глаз, отходя от могикан и приближаясь к своим подопечным.— Теперь мы опять распознаём приметы пути, и он очищен от терний. Сядьте-ка в тени берега — тут темнее, чем под соснами, и подождем, что еще ниспошлет нам господь. Говорите только шепотом, а еще лучше и разумнее будет, если каждый некоторое время побеседует с самим собой.

Тон разведчика по-прежнему оставался серьезным и внушительным, но в голосе его не чувствовалось больше суеверной тревоги. Было ясно, что его минутная слабость прошла, как только

разрешилась загадка, которую не мог объяснить его опыт, и что он с присущими ему твердостью и мужеством готов встретить опасность, хотя полностью сознает ее истинные размеры. То же чувство, без сомнения, испытывали и могикане, разместившиеся так, чтобы, оставаясь незамеченными, видеть оба берега сразу. В этих обстоятельствах здравый смысл побудил Хейуорда и его спутниц последовать примеру своих мудрых проводников. Молодой офицер принес из пещеры охапку сассафраса, расстелил ее в проходе, соединявшем обе части убежища, и сестры спрятались там в безопасности от вражеских выстрелов и в полной уверенности, что им не грозит неожиданное нападение. Сам Хейуорд расположился неподалеку, чтобы иметь возможность переговариваться с ними, не повышая голоса и, следовательно, не подвергая их лишнему риску, а Давид, подражая обитателям леса, так ловко залег в расщелине скалы, что его неуклюжая фигура больше не привлекала к себе внимания.

Проходил час за часом, но все оставалось спокойно. Луна вошла в зенит, и ее кроткие лучи падали прямо на сестер, мирно уснувших в объятиях друг друга. Дункан накрыл девушек большой шалью Коры, лишив себя тем самым зрелища, которое так любил созерцать, и приклонил голову на камень, заменивший ему подушку. Давид издавал носом такие звуки, какие, если бы он бодрствовал, непременно оскорбили бы его тонкий слух. Одним словом, все, кроме Соколиного Глаза и могикан, поддались непреодолимой власти сна и утратили всякое представление о действительности. Только три бдительных стража не знали ни сна, ни отдыха. Неподвижные, как скала, с которой, казалось, срослись их тела, они лежали, не сводя глаз с деревьев, темными рядами окаймлявших берега узкого потока. Из их уст не вырывалось ни звука, и самый внимательный наблюдатель не решился бы сказать, дышат они или нет. Было совершенно очевидно, что такая необычная осторожность воспитана в них долгим опытом и что она — надежная порука против любой вражеской хитрости. Однако ничто не нарушало спокойствия ночи. Наконец луна зашла, и бледная полоска над верхушками деревьев чуть ниже излучины реки возвестила о приближении дня.

Только теперь Соколиный Глаз впервые пошевелился. Он прополз вдоль скалы и растолкал крепко спавшего Дункана.

— Пора в путь,— прошептал он.— Будите девушек и приготовьтесь сесть в пирогу, как только я подведу ее к скале.

— Спокойно ли прошла ночь? — осведомился Дункан.— Что до меня, то сон, кажется, поборол мою бдительность.

— Покамест все так же тихо, как в полночь. Но молчите и не мешкайте.

Окончательно проснувшись, Дункан откинул шаль, прикрывавшую спящих девушек. Почувствовав это, Кора протянула руку, словно для того, чтобы оттолкнуть его, Алиса же пролепетала нежным голоском:

— Нет, нет, дорогой отец, мы не остались одни — с нами был Дункан.

— Да, голубка моя,— умиленно прошептал молодой человек,— Дункан здесь и не покинет вас в опасности, пока жив... Кора! Алиса! Проснитесь! Пора в путь.

В ответ он внезапно услышал пронзительный крик Алисы, вслед за которым Кора вскочила, выпрямилась и застыла на месте, оцепенев от ужаса. Не успел Хейуорд раскрыть рот, как раздался такой невообразимый вой, что даже молодая горячая кровь Дункана прилила к сердцу. С минуту казалось, будто все демоны ада взмыли в воздух, изливая свою лютую злобу в диких завываниях. Определить, откуда доносятся эти вопли, было невозможно— они заполонили весь лес и, как чудилось испуганным слушателям, вырывались из пещер, низвергались с небес, поднимались с реки и от водопадов. Услышав этот адский шум, Давид выпрямился во весь рост, зажал уши руками и вскричал:

— Откуда эта какофония? Уж не разверзлись ли своды преисподней? Человек не способен издавать такие звуки!

Неосторожный порыв псалмопевца привел лишь к тому, что на противоположном берегу засверкали вспышки, грянул залп из дюжины ружей, и несчастный учитель пения без чувств рухнул на камни, между которыми так долго спал. Могикане бестрепетно ответили на устрашающий боевой клич врагов, торжествующе взвывших при падении Гамута, своим собственным боевым кличем. Завязалась перестрелка, но обе стороны были слишком опытны, чтобы хоть на секунду остаться без прикрытия. Дункан напрягал слух, надеясь уловить плеск весел: ему казалось, что единственный выход теперь — бегство. Река текла с обычной быстротой, но на черной ее поверхности все еще не было видно пироги. Хейуорд уже вообразил, что разведчик бессердечно бросил их, как вдруг внизу под скалой сверкнуло пламя, и свирепый вой, с которым слился предсмертный стон, доказал, что посланница смерти, отправленная не знающим промаха ружьем Соколиного Глаза, отыскала свою жертву. Этого отпора оказалось достаточно, чтобы враги тут же отступили, и мало-помалу вокруг воцарилась прежняя тишина.

Дункан, воспользовавшись передышкой, подскочил к Гамуту и оттащил его в узкий проход, служивший убежищем обеим сестрам. А еще через минуту все защитники островка собрались на совет в этом относительно безопасном месте.

— Бедняга уберег свой скальп,— невозмутимо заметил Соколиный Глаз, проводя рукой по голове Давида.— Он — живое доказательство того, что человек может родиться с чересчур длинным языком. Ну, не безумие ли выставлять напоказ шесть футов собственной плоти и крови на голой скале перед разъяренными индейцами? Удивляюсь одному — как он остался жив!

— Разве он не убит? — спросила Кора хриплым голосом, который явно свидетельствовал о том, насколько ожесточенно ужас борется в ней с напускной твердостью.— Можем мы как-нибудь помочь несчастному?

— Он жив, сердце бьется. Дайте ему отлежаться, прийти в себя, и он доживет до назначенного ему часа, если, конечно, малость поумнеет,— ответил Соколиный Глаз, еще раз искоса взглянув на бесчувственное тело певца и одновременно с отменной сноровкой перезаряжая ружье.— Втащи-ка его в пещеру, Ункас, и уложи на ветви сассафраса. Чем дольше он пролежит, тем лучше: на скалах для такого верзилы вряд ли найдется подходящее прикрытие, а пение не защитит его от ирокезов.

— По-вашему, они возобновят атаку? — осведомился Хейуорд.

— Можно ли надеяться, что голодному волку хватит кусочка мяса? Они потеряли воина, а после первой потери или неудачной попытки напасть врасплох они всегда отступают; но они обязательно вернутся, придумав новый способ взять нас в кольцо и заполучить наши скальпы. У нас,— продолжал он, подняв голову, и на его обветренное лицо темной тучкой легла тень тревоги,— одна надежда: удержать скалу, пока Манроу не пришлет нам на выручку солдат. Дай бог, чтобы это произошло поскорее и чтобы командир их хорошо знал повадки индейцев!

— Вы поняли, Кора, что нас ожидает? Рассчитывать теперь мы можем лишь на опыт вашего отца и его тревогу о дочерях,— сказал Дункан.— Ступайте же с Алисой в пещеру, где вам, по крайней мере, не будут опасны смертоносные ружья наших врагов и где вы с присущей вам добротой позаботитесь о нашем злополучном спутнике.

Девушки проследовали за ним в первую пещеру, где Давид, судя по всему, уже начал приходить в себя. Оставив раненого на попечение сестер, Хейуорд заторопился обратно.

— Дункан! — дрожащим голосом окликнула его Кора, когда он был уже у выхода.

Молодой человек обернулся и, увидев, что румяную свежесть на ее лице сменила смертельная бледность, губы дрожат, а глаза с глубоким чувством смотрят на него, тут же возвратился к ней.

— Помните, Дункан, сколь необходима ваша жизнь для того, чтобы сохранить нашу! Помните, что вы облечены святым родительским доверием и что очень многое зависит от вашей предусмотрительности и заботливости. Словом, помните,— заключила она, залившись красноречивым румянцем,— как заслуженно дорожат вами все, кто носит имя Манроу.

— Если что-нибудь и может усугубить мою эгоистическую любовь к жизни, то именно такая уверенность,— отозвался Хейуорд, бессознательно переводя взгляд на юные черты безмолвной Алисы.— Наш честный проводник подтвердит вам, что я, майор шестидесятого полка, не могу не принять участия в бою. Но задача у нас нетрудная: нам надо всего несколько часов продержать этих кровожадных псов на расстоянии.

Хейуорд сделал над собой усилие и, не дожидаясь ответа, ушел от сестер к охотнику и могиканам, по-прежнему укрывавшимся в проходе между двумя пещерами.

— А я тебе говорю, Ункас,— произнес Соколиный Глаз, когда майор приблизился к ним,— ты напрасно сыплешь так много пороху: это усиливает отдачу, и пуля летит мимо цели. Пороху сыпь поменьше, пулю бери полегче, целься подольше,— и минг почти наверняка взвоет перед смертью! Во всяком случае, так учит мое знакомство с этими бестиями. По местам, друзья,— никто ведь не знает, когда и откуда макуас нанесет удар.

Индейцы молча заняли указанные им посты в расщелинах скалы, откуда, оставаясь сами под прикрытием, они могли взять на прицел каждого, кто приблизится к подножию водопадов. В самой середине островка возвышалось несколько чахлых низкорослых сосен; в эту рощицу с быстротой оленя и бросился Соколиный Глаз, за которым проворно последовал Хейуорд. Здесь они, насколько возможно тщательно, укрылись меж кустов и разбросанных вокруг камней. Над ними отвесно вздымалась голая скала, по обеим сторонам которой, клубясь и пенясь, низвергалась в пропасть вода. Теперь, когда рассвело, противоположные берега уже не казались бесформенной расплывчатой массой, а были отчетливо видны, и Соколиный Глаз с майором, вглядываясь в чащу, ясно различали все, что происходило под густым навесом мрачных сосен и кустов.

Осажденные долго с тревогой ожидали атаки, но никаких признаков ее не обнаруживалось, и Дункан уже начал надеяться, что их огонь оказался более убийственным, чем они предполагали, и что противник успешно отброшен. Но когда он решился высказать свои предположения разведчику, Соколиный Глаз, с сомнением покачав головой, возразил:

— Плохо же вы знаете макуасов, если думаете, что они так легко отступят да еще без скальпов! Утром здесь вопил не один,

а штук сорок этих дьяволов, и они слишком хорошо знают, сколько нас и в каком мы положении, чтобы так скоро отказаться от преследования. Тс-с! Посмотрите-ка на реку вверх по течению — вон туда, где струи дробятся о камни. Я не я буду, если эти окаянные бестии не переправились вплавь по самой быстрине и не добрались, на наше несчастье, до верхнего конца острова. Легче, друг, легче, не то один взмах ножа — и макушка у вас навсегда останется безволосой.

Хейуорд выглянул из-за прикрытия и увидел нечто, по справедливости показавшееся ему чудом быстроты и ловкости. Поток сточил край мягкой скалы таким образом, что первый уступ ее оказался менее крутым и отвесным, чем это обычно бывает на водопадах. И вот, ориентируясь лишь на мелкую рябь в том месте, где вода огибала с двух сторон верхний конец островка, несколько неукротимых дикарей отважились броситься в реку и вплавь переправиться на скалу, предвидя, что в случае удачи им будет нетрудно добраться до своих жертв. Едва Соколиный Глаз умолк, над бревнами, случайно прибитыми течением к голой скале, показались четыре головы. Эти бревна, видимо, и внушили краснокожим мысль об осуществимости их рискованной затеи. В следующую секунду из зеленой пены вынырнула пятая голова, но чуть ниже нужного места. Дикарь отчаянно боролся за жизнь и, подхваченный течением, уже протянул было руку соратникам, как вдруг бурлящий поток вновь подхватил его и подбросил вверх. Гурон, растопырив руки и выпучив глаза, словно взлетел в воздух, но тут же с глухим всплеском исчез в зияющей бездне, над которой на мгновение повис. Из пучины, перекрыв глухой гул водопада, донесся отчаянный пронзительный вопль, и над рекой вновь воцарилась могильная тишина.

Первым побуждением великодушного Дункана было броситься на помощь несчастному, но железная рука непреклонного разведчика приковала его к месту.

— Вы хотите обречь нас на верную смерть, показав мингам, где мы прячемся? — сурово спросил Соколиный Глаз.— Смерть его сберегла нам один заряд, а боевые припасы нам нужны сейчас не меньше, чем передышка загнанному оленю. Перезарядите-ка лучше пистолеты — от водопада столько брызг, что порох, пожалуй, отсырел. И будьте готовы к рукопашной, а я обстреляю их на подходе.

Он заложил палец в рот, громко и протяжно свистнул, и могикане, охранявшие нижний конец скалы, ответили ему тем же. Когда сигнал разнесся в воздухе, Дункан заметил, как над бревнами мелькнули головы и столь же мгновенно исчезли из виду. Затем его внимание привлек какой-то шорох позади, и, повернув голову,

он увидел в нескольких футах от себя подползавшего Ункаса. Соколиный Глаз бросил ему несколько слов по-делаварски, и молодой вождь крайне осторожно, но с тем же невозмутимым спокойствием занял новую позицию. Хейуорд был уже весь во власти лихорадочного нетерпения, но разведчик счел момент подходящим для того, чтобы прочесть своим младшим товарищам лекцию о благоразумном обращении с огнестрельным оружием.

— Из всех ружей,— начал он,— опаснее всего то, у которого длинный, хорошо отполированный ствол из ковкого металла, хотя полностью его достоинства использует только тот, у кого твердая рука, верный глаз и безошибочное чутье на нужную величину заряда. Оружейники, видимо, плохо знают свое ремесло, когда мастерят короткие дробовики и кавалерийские...

Ункас прервал его еле слышным, но выразительным «ха!».

— Вижу, мальчик, вижу,— отозвался Соколиный Глаз.— Они готовятся к нападению, иначе не подняли бы свои поганые спины над бревнами. Ну и пускай!— добавил он, осматривая кремень.— Вожака их, будь то даже сам Монкальм, ожидает верная смерть.

В ту же секунду из лесу донесся новый взрыв воя, и по этому сигналу четверо дикарей выскочили из-за прикрывавших их бревен. Хейуорд был настолько взвинчен ожиданием, что чуть было не поддался сильному искушению ринуться им навстречу, и на месте его удержало лишь спокойствие разведчика и Ункаса. Когда враги с громким воплем большими прыжками перемахнули через возвышавшуюся перед ними гряду черных камней и оказались в нескольких саженях от засады, ружье Соколиного Глаза медленно поднялось над кустами и послало в цель роковую пулю. Передовой индеец подпрыгнул, как подстреленный олень, и плашмя грохнулся наземь.

— Вперед, Ункас! — вскричал разведчик, сверкая глазами и выхватывая длинный нож.— На твою долю вон тот из этих воющих дьяволов, что сзади. С остальными двумя мы управимся сами.

Ункас повиновался, и перед белыми осталось лишь двое врагов. Хейуорд передал Соколиному Глазу один из своих пистолетов и вместе с разведчиком ринулся вниз по склону; они выстрелили одновременно, но оба неудачно.

— Так я и знал! Так я и говорил!— проворчал охотник и с горьким презрением швырнул маленький пистолет в водопад.— Ну, кровожадные адские псы, подходите! Сейчас вы померяетесь с человеком беспримесной крови!

Не успел он договорить, как перед ним вырос исполински сложенный дикарь со свирепым лицом. В тот же миг Хейуорд

схватился врукопашную с другим индейцем. Соколиный Глаз и его противник с одинаковой ловкостью сдавили друг другу поднятые руки, в которых сверкали страшные ножи. С минуту они стояли лицом к лицу и, напрягая мускулы, старались пересилить один другого. Наконец белый с его закаленными мышцами взял верх над менее крепким индейцем. Рука краснокожего, постепенно слабея, выпустила кисть разведчика, и тот, внезапным движением вырвав ее из вражеских тисков, всадил острый нож в обнаженную грудь противника, прямо под сердце. Между тем поединок Хейуорда с другим индейцем принял еще более опасный характер. Дикарь сразу же выбил у офицера из рук тонкую шпагу, и, поскольку иными средствами защиты майор не располагал, жизнь его теперь зависела только от физической силы и решительности. Правда, недостатка ни в той, ни в другой у него не было, но противника он встретил себе по плечу. К счастью, ему вскоре удалось обезоружить индейца, чей нож упал им под ноги на скалу, и с этой секунды началась ожесточенная борьба — одному из них предстояло сбросить противника с головокружительной высоты в ближний водопад. С каждым движением придвигались они к роковому обрыву, где, как отчетливо понимал Дункан, им придется сделать последнее, решающее усилие. Оба собрали для этого все свое мужество и теперь, раскачиваясь, стояли над пропастью. Хейуорд чувствовал, как пальцы противника, впившиеся ему в горло, душат его, видел мстительную усмешку гурона, который надеялся увлечь за собой в пропасть врага, чтобы тот разделил его страшную участь. Тело майора медленно поддавалось непреодолимой силе, и молодой человек с отчаяньем в душе уже готовился встретить страшный конец, как вдруг, в миг наивысшей опасности, перед его глазами мелькнула смуглая рука со сверкающим ножом, пальцы гурона разжались из отсеченной его кисти ручьем хлынула кровь, и, пока спасительная рука Ункаса оттаскивала Дункана от края скалы, молодой офицер так и не смог оторвать зачарованного взгляда от перекошенных бессильной яростью черт врага, летевшего в бездонную пропасть.

— Под прикрытие! Под прикрытие! — крикнул Соколиный Глаз, только что покончивший со своим противником. — Прячьтесь, кому жизнь дорога! Дело еще и наполовину не сделано!

Молодой могиканин издал громкий победный клич, проворно взбежал вместе с Дунканом по склону, с которого они спустились перед схваткой, и оба укрылись под дружественной сенью кустов и камней.

ГЛАВА VIII

...Ждут они,
Отмстители родной страны.
Грей

Предупреждение разведчика оказалось не лишним. Пока длилась только что описанная нами смертельная схватка, в рев водопада не вплетался ни один звук человеческого голоса. Дикари, затаив дыхание, неотступно следили с другого берега за ходом боя, а быстрые движения сражающихся и частая перемена позиций мешали им стрелять, потому что они боялись угодить в своих. Но едва все кончилось, поднялся такой страшный вой, на какой способны лишь люди, сгорающие от дикой жажды мести. Вслед за этим в лесу неистово заполыхали вспышки выстрелов, загремели залпы, и на голую скалу посыпался свинцовый град, словно нападающие срывали свою бессильную злобу на бесчувственных камнях, ставших ареной губительного столкновения.

В ответ раздались неторопливые, но меткие выстрелы Чингачгука, который во время стычки с непоколебимой твердостью оставался на своем посту. Лишь когда победный клич Уикаса достиг ушей обрадованного отца, тот возвысил голос и ответил коротким криком, после чего опять умолк, и только энергичная работа его ружья доказывала теперь, что он с неослабевающим усердием охраняет порученную ему сторону острова. Так, с быстротой мысли, пролетело немало минут. С берега гремели то оглушительные залпы, то редкие одиночные выстрелы. И хотя окрестные скалы, деревья и кусты были изрешечены пулями, убежище осажденных оказалось настолько надежным и они столь неукоснительно оставались под прикрытием, что до сих пор от руки врага пострадал один Давид.

— Пусть себе жгут порох! — невозмутимо бросил разведчик, слыша, как свистят пули над камнем, который служил ему надежной защитой.— Мы насобираем тут порядком свинца, когда все кончится, а я полагаю, забава наскучит этим дьяволам раньше, чем скалы запросят у них пощады! Уикас, мальчик, ты сыплешь слишком много пороха: при сильной отдаче пуля идет мимо. Я сказал тебе, когда ты взял на мушку этого негодяя: «Цельсь так, чтобы угодить ему под белую черту»,— а ты вогнал пулю двумя дюймами выше. Сердце у мингов расположено гораздо ниже, человеколюбие же требует, чтобы змею убивали одним ударом.

Гордые черты могиканина озарились спокойной улыбкой, доказавшей, что он понимает по-английски и уловил смысл слов охотника; однако Уикас промолчал и не сказал ни слова в свое оправдание.

— Я не могу слышать, как вы обвиняете Уикаса в пеловкости и неблагоразумии,— вмешался Дункан.— Он проявил такую стремительность и такое хладнокровие, спасая мне жизнь, что приобрел во мне друга, которому не придется напоминать о его долге.

Уикас приподнялся и протянул Хейуорду руку. Молодые люди подкрепили дружеское рукопожатие красноречивым взглядом, который заставил Дункана забыть, что его новый товарищ — всего лишь краснокожий дикарь. Соколиный Глаз, невозмутимо, но благожелательно наблюдавший за этой вспышкой юношеского чувства, спокойно заметил:

— В лесах друзья частенько бывают обязаны друг другу жизнью. Смею уверить, мне тоже случалось оказывать Уикасу подобные услуги, и я отлично помню, что он пять раз становился между мною и смертью: три раза в бою с минго, раз при переправе через Хорикэн и...

— А вот этот выстрел был более метким! — воскликнул Хейуорд, невольно отшатнувшись от камня, о который срикошетировала пуля.

Соколиный Глаз подобрал бесформенный кусочек свинца, повертел его в руках и покачал головой.

— Пуля на излете никогда не сплющивается. Вот если б она упала из туч — тогда другое дело.

Тут Уикас медленно поднял ружье, его друзья устремили взгляды вверх, и загадка быстро разъяснилась. На противоположном берегу реки, почти напротив того места, где они заняли позицию, рос могучий дуб, который, алча простора, так наклонился вперед, что верхние его ветви нависли над водой. В листве, скупо прикрывавшей ветви старого дерева, примостился краснокожий: до этого он прятался за стволом, а сейчас выглядывал из-за него, чтобы убедиться, попал ли в цель его предательский выстрел.

— Эти дьяволы готовы на небо влезть, лишь бы с нами покончить,— сказал Соколиный Глаз.— Подержи-ка его на мушке, мальчик, пока я заряжу свой оленебой; а потом мы попробуем снять его огнем с обеих сторон.

Уикас выждал сигнала разведчика, затем одновременно прогремели два выстрела, в воздухе закружились листья и кусочки дубовой коры, но дикарь лишь насмешливо захохотал и послал в ответ врагам новую пулю, сбившую с Соколиного Глаза шапку. В лесу снова раздались дикие вопли, и свинцовый град застучал над головами осажденных, словно для того, чтобы приковать их к месту, где им вскоре предстояло стать легкой добычей предприимчивого дикаря, засевшего на дереве.

— С ним пора разделаться! — тревожно оглядываясь, объ-

явил разведчик.—Уикас, позови отца: нам понадобятся все наши ружья, чтобы согнать этого мошенника с насеста.

Сигнал был незамедлительно подан, и не успел Соколиный Глаз перезарядить ружье, как Чингачгук уже присоединился к ним. Когда сын указал ему местоположение их опасного врага, с уст опытного воина слетело лишь обычное «ха!», и больше он ничем не выразил ни удивления, ни тревоги. Соколиный Глаз и могикане о чем-то оживленно посовещались на делаварском языке, а затем все, выполняя намеченный план, спокойно разошлись по своим постам.

Дикарь, обнаруженный на дубе, не прекращал частой, но бесполезной пальбы. Хорошенько прицелиться он не мог: стоило ему высунуться, как ружья бдительных его противников открывали огонь. Тем не менее пули его залетали и под прикрытие. Мундир Хейуорда, делавший майора особенно заметной целью, был разорван в нескольких местах, на одном рукаве его проступила кровь от легкой раны.

Наконец, ободренный долгим и терпеливым молчанием противников, гурон решил прицелиться потщательней. Зоркие глаза могикан заметили в нескольких дюймах от ствола темнокожую ногу дикаря, которую тот неосторожно высунул из скудной листвы. Ружья их прогремели одновременно, индеец осел, и часть его тела оказалась на виду. Соколиный Глаз молниеносно воспользовался этим и разрядил свое губительное оружие в верхушку дуба. Листва заколыхалась, ружье гурона, грозившее осажденным такой большой опасностью, полетело в воду, и дикарь, после нескольких отчаянных, но напрасных попыток удержаться, рухнул вниз, однако в последний миг успел ухватиться за сук и повис, раскачиваясь на ветру.

— Добейте его еще одной пулей, бога ради! — взмолился Дункан, в ужасе отводя взгляд от несчастного.

— Дробинки не истрачу! — упрямо возразил Соколиный Глаз. — Ему все равно конец, а у нас нет лишнего пороху: бой с индейцами длится иногда по нескольку дней. Одно из двух — или их скальпы, или наши. А ведь бог, сотворив нас, вложил нам в душу любовь к жизни.

Против такого сурового и неоспоримого довода, со всей очевидностью подкрепленного здравым смыслом, возражать не приходилось. С этого мгновения крики в лесу смолкли, выстрелы прекратились, и все взгляды — как друзей, так и врагов — неотрывно следили за безнадежными усилиями несчастного, повисшего между небом и землей. Порывы ветра раскачивали тело гурона, и хотя с уст его не срывалось ни стона, ни ропота, он по временам мрачно поглядывал на противников, и тогда, несмотря на расстояние, они

читали на его лице муки холодного отчаяния. Три раза, поддаваясь состраданию, разведчик поднимал оленебой; три раза благоразумие брало верх, и он молчаливо опускал ружье. Наконец одна рука гурона, обессилев, разжалась и опустилась. Дикарь сделал отчаянную, но безуспешную попытку вновь уцепиться за ветвь, но рука его судорожно ловила лишь пустоту. Молния — и та сверкнула бы не быстрее, чем выстрел Соколиного Глаза. Руки и ноги гурона свела судорога, голова поникла, и тело, как свинец, бесследно кануло в пенящиеся воды, с прежней яростью сомкнувшиеся над ним.

Это событие ни у кого не исторгло победного клича, и даже суровые могикане лишь с ужасом переглянулись. Из леса донесся страшный крик, и все опять стихло. Соколиный Глаз, который, казалось, один сохранил способность рассуждать, покачал головой в осуждение своей минутной слабости и даже вслух упрекнул себя:

— Это был последний заряд в пороховнице, последняя пуля в подсумке! Я вел себя, как мальчишка. Ну, не все ли равно мне было, живым или мертвым грохнется он о подводные камни! Так или этак, он разом потерял бы сознание. Уикас, мальчик, спустись в пирогу и принеси большой рог. Это весь запас пороха, который у нас остался, и он понадобится нам до последней крупицы, или я плохо знаю мингов.

Молодой могиканин немедленно повиновался, предоставив разведчику бесполезно шарить в подсумке и досадливо встряхивать пороховницу. Однако от этого унылого занятия его оторвал вскоре пронзительный крик Уикаса, который даже неискушенным ухом Дункана был воспринят как предвестие новой нежданной беды. Снедаемый всепоглощающей тревогой за бесценные сокровища, укрытые им в пещере, молодой человек вскочил на ноги, начисто забыв об опасности, которую навлекает на себя. Его товарищи, словно повинуясь единому порыву, последовали за ним и с такой быстротой ринулись вниз, к спасительной пещере, что град пуль, посыпавшийся на них с враждебного берега, не причинил им никакого вреда. Необычный возглас Уикаса вынудил сестер вместе с раненым Давидом покинуть убежище, и сейчас всем достаточно было одного взгляда, чтобы понять, какое несчастье поколебало даже испытанную стойкость их молодого краснокожего защитника.

Невдалеке от скалы, выплывая на быстрину реки, двигалась их легкая пирога, без сомнения, направляемая чьей-то невидимой рукой.

При этом страшном зрелище разведчик, повинуясь инстинкту, мгновенно вскинул ружье и спустил курок, но ствол не ответил выстрелом на яркие искры, выбитые кремнем.

— Поздно! Поздно! — воскликнул Соколиный Глаз, в отчаянии выпуская из рук бесполезное оружие.— Злодей уже миновал стремнину, и, даже если бы у нас не кончился порох, свинец вряд ли нагнал бы теперь пирогу!

Не успел он договорить, как из-за борта скользившей по течению лодки показалась голова находчивого гурона, который, взмахнув рукой, издал клич, означающий у индейцев удачу. В ответ из лесу донесся дикий вой и такой насмешливый хохот, словно полсотни дьяволов изрыгали богохульства, празднуя погибель христианской души.

— Смейтесь, смейтесь, исчадия ада! — проворчал разведчик, опустившись на выступ скалы и уронив ружье на землю.— Три самых лучших, самых метких ружья в здешних лесах теперь не опаснее палок или прошлогодних оленьих рогов.

— Что же делать? — спросил Дункан, уныние которого уступило место желанию действовать.— Что с нами будет?

Соколиный Глаз молча обвел пальцем вокруг темени, и движение это было так выразительно, что ни у кого не осталось сомнений насчет его истинного значения.

— Полно, полно! Не может же наше положение быть таким безвыходным! — воскликнул молодой человек.— Пока гуроны еще не добрались сюда, мы можем укрепить пещеры и помешать высадке.

— Чем? — холодно отпарировал разведчик.— Стрелами Упкаса или женскими слезами? Конечно, вы молоды, богаты, у вас много друзей. Я понимаю, как трудно умирать в таком возрасте, но...— тут он перевел взгляд на могикан,— не будем забывать, что мы с вами белые. Докажем обитателям этих лесов, что белые, когда приходит их час, умирают не менее бесстрашно, чем краснокожие.

Дункан посмотрел в ту же сторону, куда глядел разведчик, и поведение индейцев подтвердило наихудшие его опасения. Чингачгук, сидя в полной достоинства позе на другом выступе скалы, уже положил рядом с собой нож и томагавк, снял с головы орлиное перо и приглаживал теперь единственную прядь волос, словно приуготовляя ее к последнему ужасному назначению. Лицо его было спокойно, хотя и задумчиво, свирепый блеск сверкающих глаз постепенно уступал место иному выражению, более подобающему тем событиям, которые должны были вот-вот произойти.

— Наше положение не безвыходно, не может быть безвыходным!— настаивал Дункан.— С минуты на минуту подоспеет подмога. И я не вижу врагов! Им, без сомнения, наскучила борьба, в которой они рискуют многим ради ничтожной выгоды.

— Эти змеи подкрадутся к нам, может быть, через минуту, может быть, через час, а пока что вероятней всего лежат и слушают наши разговоры,— ответил Соколиный Глаз.— Но придут они обязательно, и придут так, что у нас не останется никаких надежд на спасение. Чингачгук, брат мой,— по-делаварски обратился он к индейцу,— мы с тобой сражались сегодня в последний раз. И теперь макуасы будут торжествовать при мысли о смерти мудрого могиканина и бледнолицего, для глаз которого туча все равно что легкий пар над источником, ибо они и ночью видят не хуже, чем днем.

— Пусть жены мингов оплакивают убитых мужей! — со свойственной ему гордой и неколебимой стойкостью отозвался индеец.— Великий Змей могикан свил свои кольца в их вигвамах и отравил их торжество плачем детей, отцы которых не вернутся домой. Со времени таяния снегов одиннадцать воинов лежат вдали от могил своих отцов, и когда язык Чингачгука навеки смолкнет, уже никто не скажет, где их найти. Пусть же минги обнажат самые острые ножи, пусть взметнут в воздух самые быстрые томагавки, потому что у них в руках их злейший враг! Уикас, сын мой, лучшая ветвь благородного древа, зови этих трусов, поторопи их, не то сердца их дрогнут, и они превратятся в женщин!

— Они ищут своих мертвых среди рыб! — подхватил низкий, звучный голос молодого вождя.— Гуроны плавают со скользкими угрями, они падают с дубов, как спелые желуди, а могикане смеются!

— Ого! — пробормотал разведчик, с глубоким вниманием прислушиваясь к этим удивительным излияниям туземцев.— Кажется, индейские чувства так сильно разгораются в наших друзьях, что их насмешки, того и гляди, подстегнут макуасов. Но мне, чистокровному белому, подобает умереть, как умирают люди моего цвета кожи,— без брани на устах и без горечи в сердце.

— А зачем умирать? — произнесла Кора, оторвавшись от скалы, к которой ее до сих пор приковывал страх.— Путь в обе стороны открыт, бегите в лес и молите бога о помощи. Ступайте, храбрые люди, мы без того уже слишком обязаны вам и не вправе требовать, чтобы вы разделили с нами наш злополучный жребий!

— Плохо же вы знаете ирокезов, леди, если надеетесь, что эти хитрые бестии не отрезали нам дороги в лес,— возразил Соколиный Глаз и тут же, без всякой задней мысли, прибавил: — Конечно, если пуститься вплавь, течение быстро унесет тебя на такое расстояние, что и пуля не догонит, и голосов их не услышишь.

— Значит, попытайтесь спастись вплавь. Зачем медлить и позволять нашим беспощадным врагам множить число жертв?

— Зачем? — повторил разведчик, гордо поведя головой.— Затем, что легче умереть со спокойной душой, чем жить с нечистой совестью! Что мы ответим Манроу, когда он спросит, где и как мы оставили его дочерей?

— Ступайте к нему и скажите, что вы оставили их для того, чтобы поскорей привести к ним подмогу,— великодушно и пылко воскликнула Кора, подходя к разведчику.— Скажите, что гуроны уводят их в северные леса, но что, действуя быстро и осмотрительно, их еще можно спасти. А если по воле божьей помощь, несмотря ни на что, запоздает,— продолжала она, понизив свой твердый голос до чуть слышного шепота,— передайте нашему отцу благословение и последний любовный привет от его дочерей. Пусть не оплакивает их раннюю смерть, а живет предвкушением встречи с ними за гробом, как подобает христианину.

Разведчик слушал, и его суровое обветренное лицо судорожно подергивалось. Когда Кора умолкла, он подпер голову рукой, словно тщательно взвешивая ее предложение.

— А в этих словах есть резон! — сорвалось наконец с его сжатых, но все равно дрожащих губ.— Да и мысль в них подлинно христианская: то, что справедливо и прилично на взгляд краснокожего, грех для белого,— он ведь не может оправдывать себя своим невежеством. Чингачгук, Ункас, слышите вы, что говорит черноглазая девушка?

Он объяснялся с индейцами по-делаварски, и, хотя речь Соколиного Глаза текла спокойно и плавно, тон ее казался твердым и решительным. Старший могиканин сосредоточенно слушал разведчика и, видимо, обдумывал каждое его слово, словно сознавая всю важность сказанного. Поколебавшись, он сделал утвердительный жест и произнес по-английски: «Хорошо»,— с выразительностью, присущей туземцам. Затем, вновь сунув за пояс нож и томагавк, воин молча направился к тому месту скалы, которое хуже всего просматривалось с занятых врагами берегов реки. Там он помедлил, многозначительно указал на расстилавшийся внизу лес, промолвил несколько слов на родном языке, словно определяя намеченный им путь, прыгнул в воду и скрылся с глаз наблюдателей этой сцены, взволнованно следивших за каждым его движением.

Разведчик задержался, чтобы перемолвиться с великодушной девушкой, а она облегченно вздохнула, убедившись, что речь ее возымела действие.

— Мудрость дается иногда не только старикам, но и молодым,— сказал он.— Совет ваш мудр, чтобы не сказать больше. Если вас,— я имею в виду тех, кого сочтут нужным временно пощадить,— уведут в леса, заламывайте по дороге веточки на кустах и старайтесь оставлять как можно больше следов. И если человеческий глаз

сможет их углядеть, у вас, не сомневайтесь, найдется друг, который не расстанется с вами, даже если ему придется для этого идти на край света.

Соколиный Глаз сердечно пожал руку Коре, поднял ружье, грустно оглядел его, бережно отложил в сторону и подошел к месту, где только что исчез Чингачгук. На мгновение он повис, ухватившись за скалу руками, озабоченно огляпулся и с горечью бросил:

— Будь у меня порох, я никогда бы не допустил такого позора!

Затем он разжал руки, нырнул и тоже пропал из виду.

Все взоры обратились теперь на Ункаса, который стоял, прислонившись к неровной скале, и не двигался с места. Выждав немного, Кора указала на реку и промолвила:

— Как видите, ваших друзей не заметили, и теперь они, наверно, уже в безопасности. Не пора ли и вам последовать за ними?

— Ункас остается,— невозмутимо ответил могиканин на своем ломаном английском языке.

— Чтобы сделать плен еще более ужасным для нас и уменьшить наши шансы на спасение? Ступайте, великодушный юноша!— продолжала Кора, опуская глаза под пылким взглядом могикапина и, вероятно, инстинктом почувствовав свою власть над ним.— Ступайте к моему отцу, к которому я уже послала остальных, и будьте самым моим доверенным посланцем. Скажите, чтобы он положился на вас и дал вам денег на выкуп его дочерей. Ступайте! Я так хочу! Я прошу вас, ступайте!

При этих словах твердое и решительное лицо молодого воина помрачнело, но колебания его кончились. Он беззвучными шагами прошел по скале и бросился в бурный поток. Оставшиеся, затаив дыхание, не сводили глаз с реки, пока голова его не показалась над водой далеко внизу. Затем Ункас набрал воздуха и снова нырнул.

Этот неожиданный и, по-видимому, успешный маневр отнял лишь несколько столь драгоценных теперь минут. Проводив глазами Ункаса, Кора повернулась к Хейуорду и дрогнувшим голосом промолвила:

— Я слышала, что вы тоже славитесь умением плавать, Дункан. Последуйте же примеру этих простых и верных людей.

— Неужели Кора Манроу ждет именно такого доказательства преданности от своего защитника? — с печальной улыбкой отозвался молодой человек, и в голосе его прозвучала горечь.

— Сейчас не время для праздных препирательств и показного благородства,— возразила девушка.— Настала минута, когда каждый обязан понять, в чем состоит его долг. Оставшись, вы нам

не поможете; уйдя, спасете свою жизнь для других, более близких вам людей.

Дункан промолчал и только посмотрел на прелестную Алису, по-детски беспомощно прижавшуюся к его руке.

— Подумайте,— продолжала Кора, после краткой паузы, во время которой, казалось, ее обуревало чувство еще более мучительное, нежели страх.— В самом худшем случае нам угрожает лишь смерть, а смерти в назначенный богом час не избегнет никто.

— Есть вещи пострашней смерти,— хрипло возразил Дункан, словно досадуя на ее упорство.— Но присутствие человека, готового отдать за вас жизнь, может отвратить даже их.

Кора прекратила уговоры и, закутав вуалью лицо, увела полубесчувственную Алису в самый дальний угол пещеры.

ГЛАВА IX

...Будь веселой
И разгони улыбкой облака,
Твое чело мрачащие.

Смерть Агриппины

Внезапный, словно по мановению волшебной палочки, переход от бурных событий боя к безмолвию, опять воцарившемуся вокруг, показался возбужденному воображению Хейуорда каким-то кошмарным сном. Хотя все действующие лица и подробности сцен, свидетелем которых он стал, глубоко запечатлелись у него в памяти, ему трудно было убедить себя, что все это произошло на самом деле. Не зная, какова судьба людей, вверивших свою жизнь бурному потоку, он долго прислушивался в надежде уловить какой-нибудь звук или сигнал тревоги, которые могли бы возвестить об успехе или неудаче рискованной затеи беглецов. Но он напрасно напрягал внимание: с исчезновением Ункаса последний след смельчаков пропал, и молодой офицер остался в полном неведении о дальнейшей участи лесных жителей.

Снедаемый печальными сомнениями, Дункан осматривался кругом, забыв об осторожности, совсем незадолго до этого вынуждавшей его держаться под прикрытием скал. Однако все поиски малейшего намека на приближение врага были так же тщетны, как и попытки узнать, что же произошло с их недавними спутниками. Лесистые берега снова казались безжизненными. Крики, несколько минут тому назад эхом отдававшиеся под зелеными сводами чащи, затихли, и только волны в реке то вздымались, то опускались под порывами теплого летнего ветра. Ястреб-рыбо-

лов, который, укрывшись на верхушке сухой сосны, издали наблюдал за боем, слетел со своего высокого насеста и, описывая широкие круги, парил над водой в поисках добычи; сойка, чей пронзительный голос терялся раньше в хриплом вое дикарей, огласила воздух нестройным криком, словно вновь полагая себя неоспоримой владычицей лесных просторов. Эти звуки, такие обычные в глуши, заронили в Дункане проблеск надежды, и он с воскресшей верой в успех собрал все свои силы для предстоящей борьбы.

— Гуронов не видно,— сказал он Давиду, который все еще не вполне оправился от оглушившего его удара.— Спрячемся в пещеру и вверим себя провидению.

— Насколько мне помнится, мой голос, сливаясь с голосами двух этих прелестных девушек, воссылал хвалу и благодарность всевышнему,— растерянно отозвался учитель пения,— после чего меня, за грехи мои, постигла тяжкая кара. Я погрузился в некое подобие сна, но слух мой раздирали звуки столь нестройные, что казалось, круговорот времен пришел к концу и природа утратила былую гармонию.

— Бедняга! Это вы сами, по правде сказать, были близки к концу. Встаньте и ступайте за мной. Я отведу вас в такое место, где вы не услышите никаких звуков, кроме собственного пения.

— В гуле водопада звучит мелодия, и журчание вод ласкает слух,— отозвался Давид, растерянно потирая лоб.— Но разве воздух не полон воплями и стонами, словно души грешников...

— Нет, уже нет,— нетерпеливо заверил Хейуорд.— Теперь они прекратились, и те, кто их издавал, тоже, надеюсь, исчезли. Кроме воды, все безмолвно и спокойно. Идемте же туда, где у вас будет возможность распевать ваши любимые псалмы.

Давид лишь печально улыбнулся, хотя при упоминании об излюбленном занятии лицо его озарилось лучом радости. Не колеблясь более, он согласился удалиться в пещеру, опершись на руку спутника и вошел в убежище, где, как ему было обещано, он мог успокоить свои расстроенные чувства чистыми радостями псалмопения. Дункан схватил охапку сассафраса и завалил ветвями проем в скале, тщательно скрыв какой бы то ни было намек на вход. Позади этой ненадежной баррикады он пристроил одеяла, брошенные там обитателями лесов, преградив таким образом доступ свету; однако легкий отблеск дня проникал все же во вторую пещеру из узкого ущелья, по которому мчались воды одного из рукавов реки, сливавшегося с другим несколькими саженями ниже.

— Не по сердцу мне обычай туземцев отказываться от борьбы, когда она кажется безнадежной,— заметил молодой человек, не

прекращая работы.— Наше правило: «Пока ты жив, жива и надежда». Это более утешительно и больше приличествует солдату. Вам, Кора, я не стану говорить пустых ободряющих слов — ваша стойкость и разум сами подскажут вам, как вести себя. Но как нам осушить глаза бедняжки, рыдающей у вас на груди?

— Я уже успокоилась, Дункан,— сквозь слезы пролепетала Алиса, высвобождаясь из объятий сестры и силясь казаться твердой.— Совершенно успокоилась. В этом укромном убежище нам, конечно, ничто не угрожает, нас не найдут, нам не причинят зла; мы вполне можем надеяться на помощь великодушных проводников, которые ради нас уже подверглись стольким опасностям.

— Вот теперь наша кроткая Алиса заговорила, как подобает дочери Манроу,— заметил Хейуорд и, подойдя ко входу в пещеру, остановился там и пожал маленькую ручку девушки.— Мужчине, у которого перед глазами два таких примера отваги, остается лишь одно — стать героем.

С этими словами майор уселся посредине пещеры, стиснув в руке уцелевший пистолет и мрачно сдвинув брови с видом человека, принявшего бесповоротное отчаянное решение.

— Если гуроны явятся, взять нас им будет потрудней, чем они думают,— тихо бросил он, прислонился головой к скале и, не отрывая глаз от входа в убежище, стал терпеливо ждать развязки.

Когда звук его голоса замер, воцарилась долгая, глубокая, почти мертвая тишина. Свежий утренний ветерок проник в пещеру, и обитатели ее почувствовали на себе его живительное воздействие. Минуты текли, но ничто не нарушало покоя, и в душе путников зародилась надежда, хотя каждый боялся высказать вслух предположение, которое в следующую же секунду могло быть опровергнуто самым страшным образом.

Один Давид не разделял общего волнения. Луч света, проникавший через расщелину, озарял его изможденное лицо и падал на томик, который он опять принялся перелистывать, словно отыскивая псалом, наиболее соответствующий данной минуте. Им вероятнее всего руководило сейчас смутное воспоминание о словах Дункана насчет того, что в пещере он сможет предаться любимому занятию. Наконец его терпеливое усердие было вознаграждено: ничего не объясняя и даже не попросив извинения, певец громко объявил: «Остров Уайт»,— извлек из своего камертона долгий нежный звук и голосом, еще более нежным и мелодичным, пропел первые такты только что названного им песнопения.

— Не опасно ли это? — подняв на Хейуорда темные глаза, осведомилась Кора.

— Голос бедняги слишком слаб, чтобы его расслышали за грохотом водопада,— последовал ответ.— Кроме того, звук скрадывается стенами пещеры. Пусть же усладится любимым занятием, благо предаваться ему можно без риска.

— «Остров Уайт»,— повторил Давид, обводя присутствующих тем внушительным, исполненным достоинства взглядом, каким с давних пор привык добиваться молчания от своих шумливых, перешептывающихся учеников.— Это прекрасная мелодия, и положены на нее высокие слова. Исполним же гимн с подобающим благоговением.

Певец выразительно помолчал, выжидая, пока установится тишина, и наконец полились тихие звуки, которые, постепенно нарастая, заполнили узкую пещеру и показались слушателям особенно трогательными из-за слабого, дрожащего голоса раненого. Мелодия, очаровательная несмотря ни на что, мало-помалу захватила присутствующих. Она заставила их забыть об убогой переделке песни Давидовой, с таким усердием выбранной певцом из целого тома подобных же излияний,— проникновенная гармония звуков искупила бессмысленность слов. Алиса машинально утерла слезы и устремила на бледное лицо Гамута взгляд, полный умиления и восторга, который она не могла, да и не старалась скрыть. Кора одобрительно улыбнулась тезке царя израильского в награду за благочестивое рвение, а растроганный Хейуорд оторвал свой суровый взор от входа в пещеру и смотрел теперь то на Давида, то на лучистые влажные глаза Алисы. Нескрываемое сочувствие зрителей вдохновило страстного любителя музыки, и голос его вскоре обрел звучность и полноту, не утратив той волнующей задушевности, которая придавала ему такую прелесть. Гамут до предела напряг свои восстановившиеся силы, и своды пещеры вновь загудели от протяжных мощных звуков, как вдруг снаружи донесся вой; священный гимн мгновенно прервался, и певец смолк так резко, словно сердце его буквально подступило к горлу и пресекло дыхание.

— Мы погибли! — вскрикнула Алиса, бросаясь Коре на грудь.

— Нет, еще нет! — взволнованно, но бесстрашно возразил Хейуорд.— Вой донесся с середины острова — он вырвался у дикарей при виде убитых соплеменников. Они еще не обнаружили наше убежище; значит, надежда не потеряна.

Как ни маловероятны, даже ничтожны были виды на спасение, слова Дункана не пропали даром, потому что сестры нашли в себе силы молча ждать дальнейших событий. За первым воплем незамедлительно последовал второй, после чего голоса зазвучали во всех концах острова; наконец, совсем рядом с голой скалой, на-

висшей над пещерами, послышался дикий победный клич, сопровождаемый такими жуткими завываниями и возгласами, на какие способен только человек, да и то пребывающий в состоянии самой закоснелой дикости.

Шум доносился со всех сторон. Одни индейцы окликали других с окраин острова, те отвечали им с высоты скалы. Крики раздавались и в опасной близости от соединявшей обе пещеры расщелины, смешиваясь с хриплым ревом, который поднимался из глубины ущелья. Одним словом, дикие звуки разносились по голой скале с такой быстротой, что когда испуганным слушателям казалось, будто эта адская музыка раздается где-то внизу, она на самом деле гремела уже выше и вокруг них.

Наконец в это оглушительное смятение ворвался торжествующий клич, раздавшийся всего в нескольких футах от замаскированного входа в пещеру. Хейуорд, решив, что их убежище обнаружено, оставил всякую надежду. Однако он вновь воспрянул духом, услышав, что голоса приблизились к тому месту, где белый разведчик так неохотно расстался со своим ружьем. Среди доносившихся до него выкриков на разных индейских наречиях он ясно различал не только отдельные слова, но даже целые фразы на франко-канадском диалекте. Целый хор голосов внезапно завопил: «La Longue Carabine!»[1] Гулкое лесное эхо громко подхватило возглас, и Хейуорд, вспомнив, что это прозвище было дано врагами прославленному охотнику и разведчику англичан, только теперь понял, кто был его недавним спутником.

«Длинный Карабин! Длинный Карабин!» — переходило из уст в уста, пока наконец вся шайка не столпилась вокруг трофея, возвещавшего, по всей видимости, о гибели его грозного владельца. Индейцы устроили шумное совещание, то и дело прерывавшееся оглушительными взрывами дикого веселья, после чего вновь рассеялись по острову, выкрикивая имя врага, чей труп, как догадался по их восклицаниям Хейуорд, они рассчитывали отыскать в одной из расщелин.

— Вот теперь наступает решительная минута! — шепнул он дрожащим сестрам.— Если наше убежище не привлечет внимания гуронов, мы спасены! Но в любом случае, судя по тому, что я слышал, нашим друзьям удалось бежать, и часа через два мы можем ждать помощи от Вэбба.

Наступила устрашающая тишина: дикари, как сообразил Хейуорд, принялись за поиски более настойчиво и тщательно. Не раз различал он шаги гуронов, задевавших за ветви сассафраса, не раз слышал, как шуршат сухие листья и ломаются сучья.

---

[1] Длинный Карабин *(франц.)*.

Наконец груда ветвей слегка осела, угол одеяла упал, и внутрь пещеры проник слабый луч света. Кора в отчаянье прижала Алису к груди, а Дункан с быстротой молнии вскочил на ноги. В ту же секунду раздался крик, словно исходивший из недр скалы, а это могло означать только одно: враги ворвались наконец в первую пещеру. Еще через минуту число голосов умножилось, и они стали громче,— признак того, что возле убежища собралась вся шайка.

Так как внутренние входы в обе пещеры были расположены вблизи друг от друга, Дункан сразу понял, что бежать невозможно. Он покинул Давида и девушек и в ожидании роковой встречи встал так, чтобы принять на себя первый удар. Потом, подавленный безвыходностью положения, он вплотную приблизился к жалкой преграде, за которой, всего в нескольких футах, находились его беспощадные преследователи, прижался лицом к случайной щелке и с равнодушием отчаяния стал наблюдать за гуронами.

На расстоянии вытянутой руки он увидел мускулистое плечо индейца исполинского роста, чей низкий повелительный голос, видимо, и отдавал приказания. Чуть позади него, под сводом первой пещеры толпа дикарей ворошила и ломала нехитрую утварь разведчика. Кровь из раны Давида окрасила листья сассафраса в цвет, который, как отлично было известно индейцам, не соответствовал времени года. Это явное доказательство успеха исторгло у дикарей ликующий вой, подобный тому, какой издает свора псов, вновь напавших на потерянный след. Испустив свой победный клич, краснокожие растащили благоуханные ветви, послужившие путникам постелью, вынесли их в расщелину и разбросали по сторонам, словно подозревая, что под ними спрятано тело того, кого они так долго ненавидели и боялись. Свирепого и дикого вида воин подошел к предводителю с охапкой сассафраса в руках и, возбужденно указывая на темно-красные пятна, выразил свою радость громкими воплями, смысл которых Хейуорд уловил лишь благодаря частому повторению имени «Длинный Карабин». Когда неистовый восторг дикаря несколько умерился, он швырнул свою охапку на кучу ветвей, наваленную Дунканом у входа во вторую пещеру, и закрыл таким образом щель, через которую смотрел майор. Его примеру последовали другие: они вытаскивали ветви из первой пещеры и бросали их на растущую груду, не подозревая, что сами прячут тех, кого ищут. Ненадежность преграды оказалась главным ее достоинством: никому из дикарей не пришло в голову раскидать ветви, которые, как сочли они в сумятице торопливых поисков, были набросаны руками их же товарищей.

Когда под тяжестью все новых охапок зелени одеяла подались назад, а ветви, осев под собственной тяжестью, забили проход,

Дункан вновь вздохнул свободней. Мягкими шагами и с легким сердцем он вернулся на середину пещеры и занял прежнее место, с которого мог наблюдать за вторым выходом, обращенным к реке. Между тем индейцы, словно повинуясь единому порыву и мгновенно переменив свои планы, всей гурьбой выскочили из расщелины и ринулись обратно, к месту их высадки на островок. Новый жалобный вопль доказал, что они опять собрались вокруг трупов своих соплеменников.

Только теперь Дункан отважился взглянуть на спутников: до этого, в минуты наибольшей опасности, он боялся, что тревога, написанная на его лице, еще сильнее перепугает тех, кто и так был не в состоянии противиться страху.

— Они ушли, Кора! — прошептал он.— Алиса, они вернулись туда, где высадились, и мы спасены! Хвала небу— только оно избавило нас от столь беспощадных врагов!

— В таком случае возблагодарим его! — промолвила девушка и, выскользнув из объятий Коры, преклонила колени в порыве пылкой признательности.— Оно спасло от слез нашего седовласого отца, сохранило жизнь тем, кто мне дороже всего на свете...

Хейуорд и более сдержанная Кора с глубокой симпатией внимали этому искреннему и непроизвольному излиянию, и майор подумал, что благочестие едва ли может предстать глазам в образе более привлекательном, нежели юная Алиса. Глаза девушки сияли безмерной благодарностью, на щеках вновь заиграл нежный румянец, и душа ее, казалось, трепетно жаждала выразить чувство, которым она переполнена. Но едва уста ее раскрылись, как слова молитвы замерли на них, словно девушку сковал внезапный холод. Румянец сменился мертвенной бледностью, сияющие глаза потухли, лицо исказилось от ужаса, а руки, воздетые к небу, медленно опустились, указывая вперед сведенными судорогой пальцами. Хейуорд мгновенно обернулся и над выступом скалы, служившим как бы порогом открытого выхода из пещеры, увидел злобное, свирепое, безобразное лицо Хитрой Лисицы.

Как ни ужасна была неожиданность, Хейуорд не потерял самообладания даже в эту минуту. По отсутствующему выражению лица индейца майор догадался, что глаза Магуа, привыкшие к дневному свету, еще не успели ничего разглядеть в плотном сумраке пещеры. Дункан хотел было спрятаться в углублении стены, которое еще могло скрыть его и спутников, как вдруг торжество, внезапно озарившее черты дикаря, подсказало ему, что отступать теперь слишком поздно — они обнаружены.

Откровенно ликующий вид Магуа, раскрывший Дункану страшную правду, привел офицера в неудержимую ярость. Забыв обо всем на свете и повинуясь только порыву гнева, он вскинул

пистолет и спустил курок. Пещера загудела от выстрела, словно ее сотрясло извержение вулкана; когда же ветер, дувший из ущелья, развеял дым, на том месте, где только что стоял вероломный проводник, уже никого не было. Ринувшись к выходу, Хейуорд увидел, как темная фигура мелькнула по краю низкой и узкой площадки и тут же исчезла.

После грохота, вырвавшегося из недр скалы, среди индейцев воцарилась гробовая тишина; но когда Лисица, возвысив голос, издал протяжный и хорошо им понятный радостный клич, ответом ему был единодушный вой. Оглушительные звуки вновь стали приближаться к пещере, и, прежде чем Дункан оправился от потрясения, хрупкая баррикада из ветвей разлетелась и в пещеру с обоих ее концов ворвались дикари. Хейуорда и его спутников выволокли из убежища, и толпа гуронов с ликованием окружила их.

ГЛАВА X

Боюсь, что утром так же мы проспим,
Как незаметно за ночь засиделись.

Шекспир. Сон в летнюю ночь[1]

Как только Хейуорд опомнился от внезапно обрушившегося на них несчастья, он принялся наблюдать, как выглядят и ведут себя взявшие их в плен индейцы. Вопреки обыкновению опьяненных победой туземцев, гуроны не тронули ни дрожащих девушек, ни даже его самого. Правда, краснокожие то и дело принимались ощупывать богатые украшения его мундира, и глаза их горели от неудержимого желания завладеть блестящим шитьем и галунами. Но прежде чем они успевали пустить в ход силу, грозный окрик уже упомянутого нами индейца-исполина останавливал протянутую руку, и это убедило Хейуорда, что до поры до времени пленников решено щадить.

Пока молодые и, следовательно, более тщеславные гуроны выказывали эти признаки слабости, более опытные воины обыскивали обе пещеры с усердием, которое явно доказывало, что они отнюдь не удовлетворены плодами своей победы. Не обнаружив новых жертв, эти прилежные мстители обступили пленников-мужчин, выкрикивая имя «Длинный Карабин» со свирепостью, последствия которой не трудно было себе представить. Дункан при-

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

творился, будто не понимает этих злобных и настойчивых вопросов, а Давид был избавлен даже от такой необходимости, потому что не знал по-французски. В конце концов, утомленный назойливостью победителей и боясь привести их в ярость слишком упорным молчанием, Дункан оглянулся и поискал глазами Магуа, чтобы тот перевел его ответы на вопросы, с каждой минутой становившиеся все более настойчивыми и угрожающими.

Хитрая Лисица вел себя совсем по-иному, нежели его товарищи. В то время как они всячески старались удовлетворить свою ребяческую страсть к безделушкам, присваивая даже скудные пожитки разведчика, или с кровожадной мстительностью во взоре продолжали разыскивать их отсутствующего владельца, Лисица стоял поодаль от пленников со спокойным и удовлетворенным видом, свидетельствовавшим, что уж он-то, Магуа, во всяком случае, достиг великой цели, ради которой стал предателем. Встретившись глазами с бывшим проводником, майор в ужасе отвернулся — так зловещ, хотя и невозмутим был этот взгляд. Однако молодой человек переборол отвращение и заставил себя обратиться к удачливому врагу, хоть и глядя в сторону.

— Хитрая Лисица слишком отважный воин, чтобы не объяснить безоружному человеку, о чем говорят победители,— осторожно начал он.

— Они спрашивают, где охотник, который знает все пути в лесу,— на ломаном английском языке ответил Магуа, со злобной улыбкой дотронувшись рукой до повязки из листьев, прикрывавшей рану на плече.— Длинный Карабин! У него меткое ружье, глаза его всегда открыты, но ни его ружье, ни короткое ружье белого вождя не в силах отнять жизнь у Хитрой Лисицы.

— Лисица слишком храбр, чтобы помнить о ранах, которые получил в битве, и о том, кто их нанес.

— Разве была битва, когда усталый индеец отдыхал под сахарным деревом и хотел поесть маиса? Кто послал в кусты врагов, чтобы они подползли к Лисице? Кто вытащил нож? Чей язык говорил о мире, а сердце жаждало крови? Разве Магуа сказал, что томагавк вырыт из земли и разве его рука сделала это?

Дункан не решился возразить обвинителю и напомнить, кто первый совершил предательство; оправдываться он счел ниже своего достоинства и потому промолчал. Магуа был, видимо, тоже рад прекратить спор, равно как всякие дальнейшие разговоры,— он вновь прислонился к скале, от которой отошел в приливе раздражения. Но едва он прервал свой короткий диалог с Дунканом, как нетерпеливые дикари, заметив это, опять завопили:

— Длинный Карабин! Длинный Карабин!

— Слышишь? — бросил Магуа все тем же равнодушным тоном.— Гуроны требуют жизни Длинного Карабина или крови тех, кто его прячет.

— Он ушел, спасся. Им не поймать его.

С холодной и презрительной усмешкой Лисица возразил:

— Умирая, белый человек надеется обрести покой. Но краснокожие умеют мучить даже души своих врагов. Где его труп? Дай гуронам взглянуть на его скальп.

— Он не умер, он бежал.

Магуа недоверчиво покачал головой и прибавил:

— Разве он птица и умеет парить на крыльях? Или рыба, что плавает, не видя солнца? Неужели белый вождь вычитал в своих книгах, что гуроны — глупцы?

— Длинный Карабин не рыба, но умеет плавать. Когда у него кончился порох, а глаза гуронам закрыло облако, он уплыл вниз по течению.

— А почему белый вождь остался? — все еще недоверчиво спросил индеец.— Разве он камень, что идет ко дну? Или ему надоел его скальп?

— Я — не камень, и это, будь он еще жив, мог бы подтвердить твой воин, упавший в водопад,— возразил задетый за живое молодой человек, заговорив с досады тем хвастливым тоном, который, вероятно, должен был прийтись индейцу по вкусу.— Белые люди считают, что женщин бросают только трусы.

Магуа что-то пробормотал сквозь зубы и громко продолжал:

— Разве делавары плавают так же ловко, как ползают по кустам? Где Великий Змей?

Убедившись по этим канадским прозвищам, что враги знакомы с его недавними соратниками лучше, нежели он сам, Дункан осторожно ответил:

— Он тоже уплыл по течению.

— А Быстроногий Олень?

— Я не знаю, кого ты называешь Быстроногим Оленем,— отозвался Дункан, с радостью пользуясь случаем выиграть время.

— Ункаса,— с еще бóльшим трудом, чем английские слова, выговорил Магуа делаварское имя.— Белые люди называют молодого могиканина «Бегущим Лосем».

— Тут какая-то путаница в именах, Лисица,— подхватил Дункан, надеясь углубиться в спор.— Лось — не олень, а того, кто быстроног, лучше называть не оленем, а ланью.

— Бледнолицые болтливы, как женщины. У них для всего есть по два слова, а краснокожий умеет выразить все, что угодно, одним лишь звуком голоса,— процедил Магуа на родном языке и, перейдя на английский, продолжал: — Лань быстра, но слаба;

олень быстр, но силен. Сын Змея — Быстроногий Олень. Он тоже убежал по реке в лес?

— Если ты имеешь в виду молодого могиканина — да, он тоже скрылся.

Индейцу такой способ бегства отнюдь не представлялся невероятным, и Магуа поверил сказанному с готовностью, лишний раз подтвердившей, как мало его интересуют такие заурядные пленники. Однако остальные краснокожие явно придерживались совсем иного мнения.

Гуроны с присущим индейцам терпением ожидали исхода этих недолгих переговоров; они умолкали один за другим, и наконец воцарилась полная тишина. Едва Хейуорд кончил говорить, как вся шайка разом повернулась к Магуа и выразительными взглядами потребовала у него объяснений. Переводчик указал на реку и отчасти словами, отчасти жестами познакомил собравшихся с результатами разговора. Уразумев, что́ случилось, дикари подняли страшный вой, доказавший, сколь глубоко они разочарованы. Одни, неистово размахивая руками, вне себя от ярости ринулись к реке; другие принялись плевать в воду, словно мстя ей за то, что она коварно отняла законную добычу у победителей. Третьи, причем отнюдь не самые смирные и слабосильные, начали бросать на попавших к ним в руки пленников косые взгляды, свирепость которых умерялась лишь привычным для индейцев самообладанием. Иные выражали свой гнев в угрожающих жестах; было очевидно, что ни женская слабость, ни красота сестер не могут больше служить им защитой. Увидев, как один из дикарей вцепился смуглой рукой в роскошные кудри Алисы и поводит ножом вокруг ее головы, словно показывая, каким страшным способом девушку лишат ее природного украшения, молодой человек изо всех сил рванулся вперед — но безуспешно. Руки Хейуорда были крепко-накрепко связаны, и при первом же его движении пальцы исполина-индейца, командовавшего шайкой, железными тисками сдавили ему плечо. Уразумев, насколько бесцельно бороться против таких превосходящих сил, майор покорился судьбе и теперь пытался лишь подбодрить своих нежных спутниц, тихонько уверяя их, что туземцы чаще сыплют угрозы, чем исполняют их.

Но, пытаясь развеять страх сестер словами утешения, Дункан не обманывал себя. Он отлично знал, насколько условен авторитет индейского вождя, чаще поддерживаемый физической силой, чем признанием нравственного превосходства. Таким образом, степень угрожавшей им опасности целиком зависела от числа дикарей и прихоти их. Даже самый категорический приказ того, кто казался признанным вожаком, в любую минуту мог быть нарушен кем-

либо из краснокожих, возымевшим намерение принести жертву для умиротворения дум своих погибших друзей или родных. Вот почему, несмотря на внешнее спокойствие и твердость, сердце молодого человека замирало всякий раз, когда один из свирепых победителей приближался к беззащитным сестрам или окидывал мрачным взглядом хрупких девушек, столь мало способных противостоять насилию.

Тревога его, однако, несколько улеглась, когда он увидел, что предводитель собрал воинов на совет. Переговоры оказались краткими; решение, судя по молчанию большинства,— единодушным. А если принять во внимание, что немногочисленные ораторы то и дело указывали в сторону лагеря Вэбба, было несомненно, что они боятся удара оттуда. Этот довод заставил их безотлагательно принять решение и ускорил дальнейшие события.

Пока длился совет, Хейуорд, получив передышку от томивших его опасений, не уставал удивляться предусмотрительности и осторожности гуронов даже в минуту затишья после боя.

Как мы уже сказали, верхняя часть островка представляла собой голую скалу, где не было никакого прикрытия, если не считать нескольких прибитых течением бревен. Именно это место дикари выбрали для внезапного нападения и, обойдя водопад, притащили на себе по лесу легкую пирогу. С дюжину гуронов сложили оружие в челнок, ухватились за его края и вверили свою жизнь этому хрупкому суденышку, которым управляли два наиболее искусных воина, расположившиеся так, чтобы все время держать под наблюдением опасный проход. Этот хитрый маневр помог им достигнуть верхней части островка в том месте, которое стало роковым для первых смельчаков, но теперь их уже было много, и они имели при себе огнестрельное оружие.

Когда дикари принесли пирогу с верхнего края скалы и спустили ее на воду неподалеку от входа в первую пещеру, Дункан сразу сообразил, что пленников переправят на берег тем же вышеописанным способом. В самом деле, предводитель знаком приказал им спуститься и сесть в лодку.

Поскольку сопротивляться было немыслимо, а спорить бесполезно, Хейуорд показал пример покорности, спустился вниз и вскоре уже сидел в пироге вместе с обеими девушками и Давидом, все еще не оправившимся от изумления. Хотя гуроны, конечно, не могли знать, где проходит фарватер между водоворотами и быстринами потока, им были зато хорошо известны правила подобных переправ, и они не совершили ни одного мало-мальски существенного промаха. Едва кормчий, которому поручено было вести пирогу, занял свое место, индейцы снова попрыгали в реку, челнок заскользил по течению, и через несколько минут пленники оказа-

лись на южном берегу реки, почти напротив того места, где они высадились накануне.

Здесь дикари еще раз недолго, но серьезно посовещались, после чего вывели из укрытия лошадей, испуг которых их владельцы считали главной причиной своего несчастья. Теперь шайка гуронов разделилась. Неоднократно упомянутый нами предводитель-исполин сел на коня Хейуорда, вплавь перебрался через реку и исчез в лесу; за ним последовало большинство воинов, оставив пленников на попечение шести дикарей во главе с Хитрой Лисицей.

Все эти маневры усугубили тревогу Хейуорда. Необычное поведение индейцев внушило ему мысль о том, что его как пленника собираются доставить к Монкальму. А поскольку наш мозг никогда не дремлет в беде и ничто так не подстегивает воображения, как надежда, пусть даже самая слабая, Дункан уже представлял себе, что Монкальм попробует сыграть на отцовских чувствах Манроу, дабы заставить того изменить долгу: хотя французский главнокомандующий был повсеместно известен храбростью и предприимчивостью, он слыл также человеком, искушенным в политических интригах, которые не всегда отвечают высоким требованиям морали и которые наложили такое пятно на европейскую дипломатию того времени.

Однако действия индейцев разом опровергли все эти хитроумные домыслы Дункана. Часть шайки, последовавшая за предводителем-исполином, направилась к низовьям Хорикэна, и Хейуорд со спутниками могли теперь надеяться лишь на то, что они останутся заложниками в руках победителей-дикарей. Решив узнать все, пусть даже самое худшее, и, в случае необходимости, испробовать силу денег, майор преодолел свое отвращение к Магуа, который держался теперь повелительно, как человек, имеющий под началом целый отряд, и заговорил с бывшим проводником как можно более дружески и доверительно:

— Я хотел бы сказать тебе, Магуа, то, что подобает слышать лишь великому вождю.

Окинув молодого человека презрительным взглядом, индеец ответил:

— Говори. У деревьев нет ушей.

— Но гуроны не глухи. А от слов, предназначенных для великих вождей, молодые воины могут захмелеть. Если Магуа не желает слушать, то офицер короля умеет молчать.

Магуа небрежно бросил несколько слов соплеменникам, неумело седлавшим лошадей для обеих сестер, и отошел в сторону, осторожным жестом позвав за собой Дункана.

— А теперь говори, если слова твои достойны слуха Магуа,— сказал он.

— Хитрая Лисица доказал, что он по праву носит славное имя, данное ему его канадскими отцами,— начал Хейуорд.— Я вижу, как он мудр, вижу, сколько он сделал для нас, и не забуду этого, когда придет время вознаградить его. Да, Лисица доказал, что он мудр не только на совете вождей — он умеет еще обмануть врага.

— Что же сделал Лисица? — холодно осведомился индеец.

— Как! Разве он не увидел, что лес переполнен сидящими в засаде врагами и что даже змея не проползет незаметно мимо них? Разве он сбился с пути не для того, чтобы обмануть гуронов? Не притворился, будто возвращается к их племени, которое дурно обошлось с ним и прогнало его, как пса, от своих вигвамов? И разве, поняв его замысел, мы не помогли ему ввести гуронов в заблуждение? Разве не сделали мы вид, что считаем своего друга врагом? Разве все это неправда? А когда мудрость Хитрой Лисицы ослепила глаза и заткнула уши гуронам, разве не забыли они, что когда-то обидели его и вынудили бежать к могаукам? И разве они, как глупцы, не оставили его на южном берегу с пленниками, а сами не отправились на север? Разве Лисица не собирается, как настоящая лиса, пойти обратно по собственному следу и привести к богатому седовласому шотландцу его дочерей? Да, да, Магуа, я все это вижу и уже подумал, как щедро надо воздать за такую мудрость и преданность! Начальник форта Уильям-Генри первый вознаградит твои старания, как подобает великому вождю. Магуа получит медаль уже не из олова, а из чистого золота; в его пороховнице никогда не иссякнет порох; а долларов в его сумке будет столько же, сколько камешков на берегу Хорикэна. Олени будут лизать ему руку, зная, что им не спастись от выстрела из того ружья, которое получит вождь. Что до меня, то я еще не знаю, как затмить щедрость шотландца, но я, конечно...

— Что же даст мне молодой белый вождь, пришедший с восхода? — полюбопытствовал гурон, заметив, что Хейуорд колеблется и не заканчивает перечень благ, который мог бы составить предел мечтаний любого индейца.

— Он сделает так, что перед вигвамом Магуа быстрей, чем шумный Гудзон, потечет река огненной воды с островов соленого озера и будет течь до тех пор, пока сердце индейца не станет легче перышка колибри, а дыхание слаще запаха жимолости.

Лисица с глубочайшим вниманием слушал неторопливую и лукавую речь Хейуорда. Когда молодой человек упомянул о том, как ловко индеец провел соплеменников, лицо Магуа приняло настороженное и серьезное выражение. При намеке на обиды, которые якобы вынудили гурона уйти из родного племени, глаза краснокожего вспыхнули такой неукротимой яростью, что Дункан по-

нял — его рискованная фраза затронула нужную струну. А дойдя до того места речи, где он так ловко подкрепил жажду мести корыстолюбием, офицер, во всяком случае, пробудил в дикаре глубочайший интерес. Вопрос о награде Лисица задал спокойно, с присущим индейцу достоинством; теперь же его задумчивое лицо доказывало, что он тщательно взвешивает каждое ответное слово. С минуту гурон размышлял, затем, дотронувшись до грубой повязки на раненом плече, не без запальчивости возразил:

— Разве друзья оставляют такие знаки?

— Неужели Длинный Карабин ранил бы врага так легко?

— Разве к тем, кого они любят, могикане подползают, извиваясь, как змея перед нападением?

— Неужели Великий Змей даст услышать свое приближение тому, кого хотел бы видеть глухим?

— А белый вождь всегда пускает порох в лицо собратьям?

— Разве он дает промах, когда хочет убить? — возразил Дункан с хорошо разыгранной надменной улыбкой.

За этими нравоучительными вопросами и находчивыми ответами вновь последовала долгая выжидательная пауза. Дункан понимал, что индеец колеблется. Чтобы закрепить за собой победу, майор собрался было вновь перечислить награды, но Магуа выразительным жестом остановил его и сказал:

— Довольно. Лисица — мудрый вождь, а как он поступит — будет видно. Иди и держи рот закрытым. Когда Магуа заговорит, у тебя найдется время ответить.

Заметив, что его собеседник с опаской поглядывает на остальных индейцев, Хейуорд немедленно отошел, чтобы не навлечь на себя подозрений в сговоре с их предводителем. Магуа возвратился к лошадям и сделал вид, будто очень доволен усердием и ловкостью сотоварищей. Затем знаком велел офицеру помочь девушкам сесть в седло: до употребления английского языка он снисходил только при крайней необходимости, а ее сейчас не возникло.

Благовидных причин для дальнейшего промедления больше не было, и Дункан нехотя подчинился приказу. Подсаживая спутниц, которые из боязни увидеть свирепые лица победителей не отрывали глаз от земли, он шепнул дрожащим девушкам о своих воскресших надеждах. Кобылку Давида увели с собой индейцы, последовавшие за предводителем-исполином, и псалмопевцу, равно как Дункану, пришлось продолжать путь пешком. Однако молодой офицер нисколько об этом не сокрушался, так как, двигаясь медленно, мог задержать весь отряд. Он все еще тоскливо посматривал в сторону форта Эдуард, тщетно надеясь обнаружить в лесу признаки того, что к ним спешат на выручку.

Когда сборы закончились, Магуа дал знак выступать и пер-

вым тронулся в дорогу, чтобы самолично вести отряд. За ним шагал Давид, все яснее осознававший истинное положение вещей, по мере того как утихала боль от раны. За ним ехали сестры, Хейуорд держался рядом с ними, а по сторонам и сзади отряда шли индейцы, с неусыпной бдительностью наблюдавшие за пленниками.

Так шествовали они в полном молчании, которое нарушали только Хейуорд, временами обращавшийся к девушкам со словами утешения, да Давид, изливавший душу в жалобных восклицаниях и полагавший, что выражает этим покорность судьбе. Отряд двигался к югу, в направлении, прямо противоположном форту Уильям-Генри. Магуа точно выполнял решение, единодушно принятое индейцами на совете, и тем не менее Хейуорд не верил, что краснокожий так скоро забыл о его соблазнительных предложениях; кроме того, он слишком хорошо знал, что индеец никогда не избирает прямой путь, особенно в тех случаях, когда обстоятельства требуют изворотливости и хитрости. Миля за милей двигался отряд по нескончаемому лесу, но конца путешествию не было видно. Майор поглядывал на полуденное солнце, лучи которого пробивались сквозь листву, и ждал, когда же Магуа выберет дорогу, лучше отвечающую его, Хейуорда, намерениям. Иногда ему казалось, что хитрый индеец, не видя возможности безопасно обогнуть расположение армии Монкальма, держит путь к хорошо известному пограничному поселению, где проживал один заслуженный офицер королевской армии, большой друг Шести племен и владелец обширного поместья. Разумеется, Хейуорд предпочитал попасть к сэру Уильяму Джонсону, чем затеряться в чащах Канады, но и для этого надо было пройти по лесу много-много миль, а каждый шаг уводил его все дальше от театра военных действий, куда его призывали не только честь, но и долг.

Одна только Кора не забыла прощальных наставлений разведчика и все время искала случая заломить или загнуть попадавшиеся под руки ветки. Но гуроны были настолько бдительны, что принять эту меру предосторожности оказалось и трудно и опасно. Зоркий, настороженный взгляд индейцев неизменно заставлял девушку отказываться от своего намерения и делать вид, будто она испугалась или поправляет платье. Один-единственный раз ей удалось обломать большую ветку сумаха и в ту же секунду уронить перчатку. Этот знак для друзей, которые, может быть, уже следовали за ними, был замечен одним из гуронов; индеец поднял перчатку и обломал на кусте другие ветви, чтобы дело выглядело так, словно они искалечены каким-то запутавшимся в них животным; затем он положил руку на томагавк и бросил на Кору настолько выразительный взгляд, что ей поневоле пришлось оставить всякие попытки украдкой отметить свой путь.

Обе шайки индейцев вели с собой лошадей; значит, надежда на то, что друзья смогут найти их по следам, тоже не оправдалась.

Хейуорд уже раз двадцать собирался обратиться к вожаку с вопросом, но мрачное молчание дикаря никак не поощряло его намерения. Магуа редко оборачивался и до сих пор не произнес ни слова. Руководствуясь только положением солнца да еле видными приметами, понятными одним туземцам, он шел через пустоши и плодородные лощинки, переправлялся через ручьи и речки, поднимался на холмы и спускался с них, и чутье помогало ему преодолевать все эти препятствия почти по столь же прямой линии, по какой летит птица. Он ни разу не остановился, не замедлил шаг, не заколебался. Как бы ни изменялась тропа, которая то была еле различима, то вовсе исчезала, то, напротив, расстилалась впереди наторенной дорожкой, уверенность ни на секунду не покидала Магуа. Казалось, он не знает, что такое усталость. Когда бы измученные путники ни отрывали глаз от сухой листвы, усеивавшей дорогу,— впереди между деревьями неизменно маячила темнокожая фигура Лисицы, и легкие перья на его голове, которой он почти не поворачивал, колыхались в такт быстрым шагам.

Но усердие и поспешность индейца оказались не напрасны. Пройдя через глубокую лощину, по дну которой струился ручеек, он повел отряд в гору по такому крутому и неприступному склону, что сестрам пришлось спешиться. Достигнув вершины холма, путники очутились на ровной, скудно поросшей деревьями площадке. Под одним из них уже растянулся на земле Магуа, решивший, очевидно, дать себе отдых, который был не меньше нужен и остальным.

ГЛАВА XI

Шейлок
...Будь проклят весь мой род,
Коль я ему прощу.

Шекспир. Венецианский купец[1]

Индеец выбрал для желанного привала один из тех крутых пирамидальных холмов, которые так часто встречаются на равнинах Америки и весьма походят на искусственные сооружения. Холм этот был высокий, крутой, с плоской, как всегда, вершиной и с необыкновенно обрывистым склоном. Единственное преимущество этого места отдыха заключалось в том, что высота и форма холма почти исключали возможность неожиданного нападения и очень облегчали оборону. Хейуорд, однако, уже не ждал, что их выручат,—

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

время и расстояние делали эту перспективу маловероятной,— а потому оглядел холм безучастными глазами и полностью посвятил себя заботам о своих более слабых спутниках, всячески стараясь подбодрить их. Нэррегенсетов пустили ощипывать листья с деревьев и кустов, разбросанных там и сям по вершине холма, а майор разложил оставшуюся провизию под сенью бука, чьи горизонтальные ветви балдахином нависали над ними.

Хотя отряд двигался безостановочно, один из гуронов успел все же застрелить из лука запутавшегося в кустах молодого оленя и, отрезав наиболее лакомые части туши, терпеливо нес их на плечах до самой стоянки. Теперь он вместе с соплеменниками уписывал эту удобоваримую пищу, не прибегая к помощи кулинарной науки. Один Магуа сидел в стороне, не принимая участия в отвратительном пиршестве и, видимо, погрузясь в глубокое раздумье.

Такая воздержанность, столь непривычная в индейце, привлекла наконец внимание Хейуорда. Молодой человек тут же убедил себя, что гурон обдумывает наиболее верный способ обмануть бдительность своих воинов и заполучить обещанную награду. Желая укрепить его в этом намерении новыми соблазнами, Дункан покинул гостеприимную сень бука и с праздным видом приблизился к месту, где сидел Лисица.

— Разве Магуа недостаточно долго шел лицом к солнцу, что все еще боится канадцев? — спросил он таким тоном, словно нисколько не сомневался в преданности индейца.— И не будет ли начальнику форта Уильям-Генри приятнее увидеть дочерей прежде, чем еще одна ночь разлуки поможет ему свыкнуться с мыслью об утрате и сделает его менее щедрым?

— Разве бледнолицые любят утром своих детей меньше, чем ночью? — холодно спросил индеец.

— Отнюдь нет,— горячо запротестовал Хейуорд, силясь исправить возможную свою ошибку.— Правда, белый часто забывает могилы отцов, а иногда перестает помнить даже о тех, кого обязан любить и лелеять, но отцовское чувство никогда в нем не умирает.

— Но мягкое ли сердце у седовласого вождя и вспомнит ли он о детях, которых родили ему жены? Он жесток со своими воинами, и глаза у него каменные.

— Он суров к ленивым и малодушным, но он справедливый и добрый начальник для тех, кто трезв и храбр. Я не раз встречал нежных и ласковых отцов, но еще не знавал человека, чье сердце было бы столь полно любви к своим детям. Ты, Магуа, конечно, видел старого начальника только во главе его воинов, но я замечал, как глаза у него наполнялись слезами, когда он говорил о дочерях, которые находятся теперь в твоей власти!

Хейуорд смолк, не зная, как объяснить себе странное выра-

жение, промелькнувшее на смуглом лице внимательно слушавшего индейца. Поначалу, когда ему описывали отеческие чувства, которые должны были служить порукой будущих щедрот, воспоминание об обещанной награде, казалось, с новой силой ожило в его душе. Но чем дольше говорил Хейуорд, тем больше радость Магуа уступала место злобному, беспощадному торжеству, и молодой человек не мог не заметить, что это дикое ликование порождено страстью более зловещей, нежели алчность.

— Ступай,— сказал гурон, мгновенно скрыв свои чувства под маской мертвенного спокойствия,— ступай к черноволосой дочери вождя и скажи, что Лисица хочет говорить с ней. Отец не забудет того, что пообещает дочь.

Дункан, истолковавший эти слова как желание лишний раз убедиться, что обещанная награда будет вручена, медленно и неохотно возвратился туда, где отдыхали сестры, и передал Коре содержание своего разговора.

— Вы понимаете теперь, чего хочет индеец,— сказал он в заключение, провожая ее к месту, где ожидал гурон.—Не скупитесь, обещайте побольше одеял и пороха. Не забывайте, однако, что дороже всего он ценит спиртное. Не худо будет, если вы посулите ему подарок и от себя, выказав при этом все присущее вам обаяние. Помните, Кора, от вашей находчивости и самообладания в значительной мере зависит ваша жизнь и жизнь Алисы.

— И ваша тоже, Хейуорд!

— Моя жизнь — дело десятое: она давным-давно продана королю, и ее может отнять любой враг, у которого хватит на это сил. У меня нет отца, никто меня не ждет, и лишь немногие друзья пожалеют о моей участи, которой я сам же добивался с неукротимым пылом тщеславной молодости. Но тс-с! Мы подходим к индейцу. Магуа, вот леди, с которой ты хотел говорить.

Индеец медленно встал и с минуту молча стоял на месте, а затем знаком велел Хейуорду удалиться, холодно прибавив:

— Когда гурон говорит с женщиной, его соплеменники закрывают уши.

Дункан медлил, видимо, не желая подчиняться, и Кора со спокойной улыбкой сказала:

— Вы слышали, Хейуорд? Вам следует уйти — хотя бы из деликатности. Ступайте к Алисе и утешьте ее рассказом о наших воскресших надеждах.

Она выждала, пока Дункан удалится, повернулась к индейцу и со всем достоинством, на какое способна женщина, спросила:

— Что скажет Лисица дочери Манроу?

— Слушай,— ответил индеец и положил руку девушке на плечо, словно требуя от нее величайшего внимания, но Кора реши-

тельно, хотя спокойно, отстранила дикаря и высвободилась.— Магуа родился воином и вождем в племени Красных гуронов, живших у озер, и двадцать раз видел, как летнее солнце растапливало снега двадцати зим, прежде чем встретил первого бледнолицего. И Магуа был счастлив! Потом его канадские отцы пришли в леса, научили его пить огненную воду, и Магуа стал негодяем. Гуроны прогнали его от могил отцов и преследовали, как бизона. Магуа бежал по берегам озер, пока не достиг Города Пушек. Там он охотился и ловил рыбу, но люди опять погнали его через леса прямо в руки врагам. И вождь, рожденный гуроном, стал наконец воином своих врагов могауков!

— Мне об этом что-то уже рассказывали,— вставила Кора, заметив, что краснокожий запнулся и старается побороть чувства, вспыхнувшие в нем слишком ярким пламенем при воспоминании о якобы нанесенных ему обидах.

— Разве Лисица виноват, что голова у него не из камня? Кто дал ему огненную воду? Кто сделал его негодяем? Бледнолицые, люди с кожей, как у тебя.

— А разве я в ответе за то, что на земле существуют легкомысленные и бессовестные люди, кожа у которых такого же цвета, как у меня? — хладнокровно спросила Кора у возбужденного дикаря.

— Нет, не в ответе. Магуа — мужчина, а не глупец; такие, как ты, не подносят к губам огненную воду. Великий дух даровал тебе мудрость.

— Что же я могу в таком случае сказать или сделать, чтобы помочь тебе в твоих несчастьях, вернее, в твоих заблуждениях?

— Слушай,— повторил индеец еще более торжественным тоном.— Когда английские и французские отцы вырыли томагавк из земли, Лисица встал в ряды могауков и пошел войной на свое племя. Бледнолицые согнали краснокожих с земли, где те охотились, и теперь, когда индейцы сражаются, в бой их ведет белый человек. Старый вождь с Хорикэна, твой отец, был главным предводителем нашего отряда. Он отдавал могаукам приказы, и могауки повиновались. Он объявил закон: индеец, который напьется огненной воды и войдет в полотняный вигвам его воинов, будет наказан. Магуа, как глупец, раскрыл рот, и жидкое пламя привело его в хижину Манроу. Пусть дочь Седой Головы скажет, что сделал ее отец?

— Он не забыл своих слов и по справедливости наказал виновного,— ответила неустрашимая девушка.

— По справедливости! — повторил индеец, искоса бросая злобный взгляд на спокойное лицо Коры.— Творить зло, а потом наказывать за него — разве это справедливость? Магуа был уже не

Магуа: говорил и делал вовсе не он, а огненная вода, но Манроу не поверил этому. На глазах у бледнолицых воинов вождя гуронов связали и избили прутьями, как собаку.

Кора промолчала: она не знала, как объяснить неосторожный поступок своего отца так, чтобы индеец понял его необходимость.

— Гляди! — продолжал Магуа, срывая с разрисованной груди еле прикрывавший ее лоскут тонкого ситца.— Вот это шрамы, оставленные ножами и пулями — ими воин может похваляться перед соплеменниками. Но Седая Голова оставил на спине вождя гуронов отметины, которые тот, как женщина, должен скрывать под раскрашенными тканями бледнолицых.

— Я думала, что индейский воин терпелив и дух его не подвластен боли, которую испытывает тело,— возразила Кора.

— Когда чиппевеи привязали Магуа к столбу и нанесли ему эту рану,— отпарировал индеец, с гордостью дотрагиваясь пальцем до глубокого шрама на груди,— гурон смеялся им в лицо и твердил, что только женщины колют так слабо! Душа его тогда парила высоко в небе. Но когда он терпел побои Манроу, душа его лежала под березовыми прутьями. А душа гурона никогда не пьянеет и никогда ничего не забывает.

— Но ее можно умилостивить. Если мой отец обидел тебя, докажи, что индеец умеет прощать обиды, и верни ему дочерей. Майор Хейуорд уже сказал тебе...

Магуа покачал головой в знак того, что запрещает повторять посулы, вызывающие в нем лишь презрение.

— Чего же ты хочешь? — продолжала Кора после томительной паузы, уже предчувствуя, что слишком радужно настроенный и доверчивый Дункан жестоко обманут коварным индейцем.

— Того, что хочет каждый гурон: добра за добро, зла за зло.

— То есть выместить обиду, нанесенную тебе Манроу, на его беззащитных дочерях? А не приличнее ли мужчине предстать перед ним и потребовать удовлетворения, достойного воина?

— У бледнолицых длинные руки и острые ножи,— со злобным смехом ответил дикарь.— Зачем Лисице подставлять себя под мушкеты воинов Седой Головы, если он и без того держит в руках его душу?

— Что ты задумал, Магуа? — спросила Кора, изо всех сил стараясь говорить спокойно.— Ты собираешься увести нас в леса или замыслил что-нибудь похуже? Неужели нет награды или иного средства загладить твою обиду и смягчить твое сердце? На худой конец отпусти мою юную сестру и вымести свою злобу на мне. Разбогатей ценой ее спасения и утоли жажду мести одной жертвой. Потеря обеих дочерей наверняка сведет нашего старого отца в могилу. Какое же удовлетворение получит тогда Лисица?

— Слушай,— еще раз повторил индеец.— Ясноглазая вернется на берега Хорикэна и расскажет все старому отцу, если Темноволосая поклянется Великим духом своих отцов, что не солжет.

— Что я должна обещать? — спросила Кора, чье спокойствие и женское достоинство все еще, словно незримой уздой, сдерживали неукротимые страсти индейца.

— Когда Магуа ушел от своего племени, жену его отдали другому вождю. Теперь он опять подружился с гуронами и вернется к могилам своих отцов на берега Великого озера. Пусть дочь английского вождя последует за ним и навсегда поселится в его вигваме.

Как ни возмутило Кору подобное предложение, каким отвращением ни преисполнило оно девушку, она нашла в себе достаточно хладнокровия, чтобы без малейшего признака слабости ответить:

— А приятно ли будет Магуа делить жилище с женой, которую он не любит, с женщиной из чуждого племени и с другим цветом кожи? Лучше уж ему принять золото от Манроу и купить щедрыми подарками сердце гуронской девушки.

С минуту индеец не говорил ни слова, но его свирепый взгляд был столь красноречиво устремлен на Кору, что она стыдливо потупилась, впервые в жизни изведав, каково порядочной женщине, когда на нее так смотрят. Она вся сжалась, опасаясь, что сейчас слух ее будет ранен каким-нибудь еще более оскорбительным предложением. Наконец Магуа с неописуемым злорадством бросил:

— Когда рубцы от побоев на спине Магуа начнут опять саднить, он будет знать, что рядом женщина, которой тоже больно. Дочь Манроу будет носить для него воду, молоть зерно, жарить дичь. Тело Седой Головы будет под охраной пушек, но сердце его — под ножом Хитрой Лисицы.

— Чудовище! Ты действительно заслужил свою подлую кличку! — вскричала Кора в неудержимом порыве дочернего негодования.— Только демон способен измыслить такую месть! Но ты переоценил свои силы. Да, сердце Манроу в твоих руках, но оно не боится твоей безмерной злобы.

Индеец ответил на этот смелый вызов зловещей улыбкой, подтвердившей неколебимость его решения, и знаком отослал девушку прочь, словно давая понять, что с переговорами навсегда покончено. Кора пожалела уже о своей резкости, но вынуждена была повиноваться, потому что Магуа встал и направился к своим прожорливым соплеменникам. Хейуорд бросился к взволнованной девушке и спросил, чем кончился разговор, за которым он с нео-

слабным интересом наблюдал издали. Но Кора, боясь перепугать Алису, уклонилась от прямого ответа, и лишь по ее лицу и взгляду, беспокойно следившему за каждым движением дикарей, можно было догадаться, что переговоры не увенчались успехом. В ответ на настойчивые расспросы сестры о дальнейшей их участи она лишь указала рукой на темную кучку индейцев и, с нескрываемым возбуждением прижав к груди Алису, прошептала:

— Ничего, ничего! Прочти наш жребий на их лицах. Но мы еще посмотрим! Еще посмотрим!

Жест и задыхающийся голос Коры были настолько выразительней любых объяснений, что спутники ее разом взглянули туда же, куда впилась глазами она с напряжением, которое мыслимо лишь тогда, когда дело идет о жизни и смерти.

Между тем Магуа подошел к дикарям, закончившим свою отвратительную трапезу и с удовольствием растянувшимся на земле, и обратился к ним со всей торжественностью, на какую способен индейский вождь. При первых же его словах слушатели привстали и приняли позы, выражавшие почтительное внимание. Гурон говорил на родном языке, и пленники, хотя осторожные индейцы держали их в пределах досягаемости томагавков, могли судить о смысле его речи лишь по выразительным жестам, которыми индеец иллюстрировал свои периоды.

Сначала голос и движения Магуа казались спокойными и неторопливыми. Когда же вождь в достаточной мере завладел вниманием краснокожих, он стал часто указывать в сторону Великих озер, и Хейуорд предположил, что дикарь говорит о родной стране и родном племени. Слушатели то и дело поощряли оратора сочувственными возгласами и, издав свое выразительное «ха!», с откровенным одобрением переглядывались друг с другом. Лисица был слишком хитер, чтобы упустить достигнутое преимущество. Теперь он рассуждал о трудностях долгого пути, который они проделали, покинув свои обширные, обильные дичью леса и мирные селения ради того, чтобы прийти сюда и сразиться с врагами их канадских отцов. Он поименно перечислял всех воинов отряда, описывал их подвиги, припоминал бесчисленные заслуги, пересчитывал полученные ими раны и снятые ими скальпы. Всякий раз, когда слова его касались одного из присутствующих (а хитрый Магуа никого не забыл), смуглое лицо польщенного дикаря озарялось восторгом, и он без стеснения подтверждал правдивость сказанного одобрительными жестами и возгласами.

Внезапно голос говорившего понизился и утратил торжественные интонации, с какими он перечислял успехи и победы товарищей. Теперь Магуа описывал Гленнский водопад, неприступный скалистый островок с его пещерами, окружавшие его многочислен-

ные водовороты и пороги. Он произнес слова «Длинный Карабин», сделал паузу и молчал до тех пор, пока эхо не принесло снизу, из лесу, последние отголоски громкого вопля, которым было встречено ненавистное имя. Он указал на пленного молодого офицера и описал смерть отважного воина, сброшенного в бездну рукой Хейуорда. Он не только рассказал о том, какое страшное зрелище являл глазам собратьев несчастный, повиснув между небом и землей, но даже изобразил, схватившись за ветку молодого деревца, весь ужас его положения, его мужество и гибель. Затем Магуа вкратце пересказал обстоятельства смерти каждого из их соратников, не забыв восхвалить храбрость и наиболее признанные добродетели усопших. Когда же повествование об этих событиях пришло к концу, голос его, снова изменившись, стал жалобным, и в нем зазвучали низкие гортанные ноты, мягкие и не лишенные мелодичности. Теперь Магуа говорил о женах и детях убитых, об их горе, несчастье, нужде, одиночестве и, наконец, об их неотмщенной обиде. Затем, внезапно повысив голос в полную меру своих сил и свирепости, он заключил речь целым залпом вопросов:

— Разве гуроны — собаки, чтобы терпеть все это? Кто поведает жене Минаугуа, что его скальп достался рыбам, а родное племя не отомстило за его смерть? Кто, так и не обагрив руки вражеской кровью, дерзнет взглянуть в глаза матери Уассаутими, этой женщины с насмешливым языком? Что мы ответим старикам, когда они спросят нас о скальпах, а у нас не окажется даже волоса с головы бледнолицего? Женщины будут указывать на нас пальцами. На имени гуронов лежит пятно позора, и мы должны смыть его кровью!

Голос Хитрой Лисицы потонул в хоре бешеных воплей, сотрясших воздух так, словно в лесу находился не маленький отряд, а целые полчища воющих краснокожих. Во время речи Магуа пленники, наиболее заинтересованные его слушатели, могли с полной отчетливостью прочесть успех оратора на лицах его друзей. Дикари отвечали на печаль собрата сочувствием и грустью, на утверждения — одобрительными жестами, на хвастовство — взрывами восторга. Когда он говорил о мужестве, взгляды их становились твердыми и решительными. Когда намекал на обиды, нанесенные им, глаза их загорались гневом. Когда Магуа упомянул о насмешках женщин, все со стыдом опустили головы, а заговорив о мщении, он задел струну, которая всегда эхом откликается в душе индейца. При первом же намеке на то, что для мести им достаточно лишь протянуть руку, вся шайка, как один человек, вскочила на ноги и, излив свою ярость в неистовых криках, ринулась на пленников с занесенными ножами и поднятыми томагавками. Хейуорд бросился вперед, заслонил

собой сестер и с такой отчаянной силой сдавил руками первого подбежавшего индейца, что на секунду смирил ярость дикаря. Этот неожиданный отпор дал Магуа время вмешаться и вновь привлечь к себе внимание дикарей выкриками и оживленной жестикуляцией. Умело выбирая слова, он отговорил соплеменников от немедленной расправы с пленными и посоветовал им продлить муки жертв. Его предложение было встречено громкими одобрительными криками и молниеносно осуществлено.

Два рослых воина набросились на Хейуорда, а третий взялся за менее ловкого учителя пения. Однако ни один из пленников не дался им в руки без отчаянного, хотя и бесполезного сопротивления. Давид — и тот свалил своего противника на землю. Хейуорда тоже удалось одолеть не раньше, чем победа над Давидом позволила третьему индейцу подоспеть на помощь к двум первым. Затем майора скрутили и привязали к молодому дереву, повиснув на ветви которого Магуа разыграл пантомиму, изображавшую агонию и падение погибшего гурона. Когда Дункан пришел в себя, он воочию убедился, что остальные пленники разделили его судьбу. Справа от него, привязанная, как и он, к дереву, стояла Кора, бледная и взволнованная, но по-прежнему следившая за действиями врагов твердым и неустрашимым взглядом. Слева майор увидел Алису. Ноги у нее подкашивались, и только ивовые прутья, которыми она была прикручена к сосне, поддерживали ее хрупкую фигурку и не давали ей осесть на землю. Руки она сложила, как для молитвы, но вместо того, чтобы вознести взор к небу, которое одно могло еще спасти ее, она бессознательно, по-детски покорно поглядывала на Дункана. Давид, впервые в жизни вступивший в схватку, молчаливо размышлял теперь, приличествует ли ему подобный поступок.

Мстительность гуронов придала их мыслям новое направление, и они готовились сейчас осуществить свой план с той варварской изобретательностью, какую развил в них опыт многих столетий. Одни собирали коряги и хворост для большого костра; кто-то делал из сосновых веток острые колышки, чтобы горящими вонзить их в тело пленников; остальные пригнули к земле два деревца, собираясь привязать к ним Хейуорда, а потом отпустить их. Однако Магуа измыслил еще более гнусный и злобный способ насладиться местью.

Пока его не столь утонченные приспешники готовили на глазах у жертв эти хорошо известные и грубые орудия пыток, он подошел к Коре и с ненавистью в глазах указал пальцем на место предстоящей казни.

— Ха! — произнес он.— Что скажет теперь дочь Манроу? Она слишком прекрасна, чтобы опустить голову на подушку в

вигваме Лисицы? Она предпочитает, чтобы голова ее скатилась с этого холма на забаву волкам? Она не желает прижимать к груди детей гурона? Пусть же индейцы плюют ей в лицо!

— Что хочет сказать это чудовище? — изумился Хейуорд.

— Ничего,— прозвучал краткий, но твердый ответ.— Он дикарь, жестокий, невежественный дикарь, и не ведает, что творит. Найдем же перед смертью время попросить бога, чтобы он ниспослал ему раскаяние и прощение.

— Прощение? — подхватил свирепый гурон, не поняв в своем исступлении слов Коры.— Память индейца длиннее, чем руки бледнолицых, а милосердия у него еще меньше, чем у них справедливости! Отвечай, посылать мне Золотоволосую к отцу или нет? Последуешь ты за Магуа к Великим озерам, чтобы носить ему воду и кормить его маисом?

Не в силах побороть отвращения, Кора сделала ему знак уйти.

— Оставь меня! — молвила она таким проникновенным голосом, что на мгновение смирила даже беспощадного дикаря.— Ты отравляешь горечью мои молитвы и встаешь между мной и небом.

Однако впечатление, которое тон ее произвел на индейца, вскоре рассеялось, и Магуа, насмешливо указав пальцем на Алису, продолжал:

— Смотри! Дитя плачет! Ей рано умирать! Отошлем ее к Манроу — пусть она расчесывает старику седые волосы и поддерживает в нем жизнь.

Не сумев побороть желания взглянуть на сестру, Кора встретила умоляющий взгляд Алисы, красноречиво говоривший, как ей хочется жить.

— Что он говорит, милая Кора? — прозвучал ее дрожащий голосок.— Он, кажется, сказал, что отошлет меня к отцу?

С минуту старшая сестра смотрела на младшую, и по лицу ее было видно, как ожесточенно борются в ней противоречивые чувства. Наконец она заговорила, и в голосе ее, утратившем прежнюю твердость и спокойствие, зазвучала почти материнская нежность.

— Алиса,— сказала она,— гурон предлагает нам с тобой жизнь... Нет, более того, он предлагает освободить Дункана, нашего бесценного Дункана... отправить вас с ним к друзьям... к нашему осиротевшему, убитому горем отцу, если только я подавлю в себе мятежную, упрямую гордость и соглашусь...

Тут голос ее внезапно пресекся, и она, стиснув руки, устремила взор к небу, словно в отчаянии своем искала совета у мудрости, не знающей предела.

— Договаривай, Кора! — вскричала Алиса.— На что ты должна согласиться? Ах, если бы такое предложение сделали мне!

Спасти тебя, утешить нашего старого отца, освободить Дункана!.. С какой радостью я умерла бы ради этого!

— Умереть!— повторила Кора уже более спокойно и твердо.— Умереть нетрудно. Он требует от меня не такой малости. Он хочет...— продолжала она, невольно понижая голос при мысли об унизительном предложении дикаря,— он хочет, чтобы я последовала за ним в леса, в поселение гуронов и осталась там. Одним словом, он хочет, чтобы я сделалась его женой. Говори же, Алиса, дитя мое, сестричка моя родная! И вы тоже говорите, мистер Хейуорд! Наставьте советом мой слабый разум. Стоит ли жизнь подобной жертвы? Согласна ли ты, Алиса, получить ее из моих рук такой ценой? А вы, Дункан? Говорите, руководите мной, распорядитесь вдвоем моей судьбою, потому что я всецело принадлежу вам!

— Согласен ли я? — взорвался негодующий и потрясенный Хейуорд.— Кора! Кора! Вы смеетесь над нашим несчастьем! Не упоминайте больше об этом гнусном выборе: одна мысль о нем страшнее тысячи смертей!

— Я знала, что вы ответите именно так! — воскликнула Кора, и на щеках ее заиграл румянец, а в темных глазах ярко вспыхнула искра глубокого, скрытого чувства.— Но что скажет моя Алиса? Ради нее я безропотно подчинюсь чему угодно.

Хейуорд и Кора, напрягшись до боли, с глубочайшим вниманием ждали, что скажет Алиса, но в ответ не раздалось ни слова. Выслушав сестру, девушка вся как бы сжалась. Ее хрупкая, изящная фигурка поникла, руки бессильно упали, пальцы судорожно подергивались, голова опустилась на грудь; девушка словно повисла на дереве,— законченное воплощение поруганной женственности,— безжизненная и в то же время глубоко страдающая. Однако через несколько секунд она шевельнулась и медленно покачала головой, как бы выражая искреннее, неудержимое возмущение; краска девичьего стыда залила ее нежное лицо, глаза зажглись негодованием, и она нашла в себе силы пролепетать:

— Нет, нет, лучше умереть вместе, как жили!

— Вот и умирай! — заревел Магуа, яростно метнув томагавк в беззащитную девушку и заскрежетав зубами от необузданного гнева, в который его привела такая неожиданная твердость той, кого он считал самой слабой и робкой среди своих жертв. Топор просвистел в воздухе перед лицом Хейуорда, срезал несколько золотистых локонов Алисы и задрожал в стволе дерева над ее головой. Это зрелище довело Дункана до исступления. Собрав все силы, он разорвал путы и бросился на другого дикаря, который, громко вопя, целился в девушку, чтобы нанести ей более меткий удар. Они сцепились и рухнули наземь. Хейуорд не сумел как следует ухва-

тить полуголого противника, и тот, выскользнув из рук майора, привстал, уперся коленом в грудь молодого человека и всем своим огромным весом прижал его к земле. Дункан уже увидел сверкнувший в воздухе нож, как вдруг у него над ухом что-то просвистело, и вслед за этим, а вернее, одновременно с этим, раздался грохот выстрела. Хейуорд почувствовал, что с груди его свалился придавивший ее груз, и увидел, как свирепость на лице его противника сменилась тупым ужасом, а еще через секунду индеец мертвым свалился рядом с ним на опавшие сухие листья.

ГЛАВА XII

Я скрываюсь,
Но ручаюсь:
Скоро, сэр, я к вам вернусь.

Шекспир. Двенадцатая ночь

Пораженные внезапной смертью товарища, гуроны на миг замерли. Но едва они убедились в роковой меткости руки, которая послала пулю во врага, рискуя попасть в друга, как из уст их вырвалось имя Длинный Карабин, сопровождаемое диким и горестным воем. В ответ на него маленькая рощица, где неосмотрительные индейцы сложили свое оружие, огласилась громким криком, и мгновение спустя оттуда выскочил Соколиный Глаз. Он слишком спешил, чтобы перезарядить свое вновь обретенное ружье, и ринулся на дикарей, потрясая им, как дубиной, и разрезая воздух широкими, мощными взмахами. Но как проворен ни был разведчик, его обогнала легкая, гибкая фигура, которая с невероятной смелостью врезалась в кучку гуронов и остановилась перед Корой, вращая томагавком над головой и угрожающе размахивая ножом. Быстрее, чем гуроны успели прийти в себя от этого неожиданного и дерзкого нападения, вслед за первой фигурой появилась еще одна, разрисованная эмблемой смерти, и, мелькнув, как призрак, перед глазами врагов, с грозным видом встала по другую сторону Коры. Мучители пленников невольно отступили перед этими незваными воинственными пришельцами, и вопли сменились сперва возгласами изумления, а затем хорошо знакомыми и пугающими именами:

— Быстроногий Олень! Великий Змей!

Но осторожного и бдительного предводителя гуронов было не так легко смутить. Окинув зорким взглядом маленькую площадку, он сразу понял, кто и как на них напал, и, подбадривая соплеменников криками, а также собственным примером, обнажил длинный острый нож и с громким боевым кличем бросился на ожидавшего его Чингачгука. Это послужило сигналом, и началась общая схват-

ка. Ни у той, ни у другой стороны не было ружей, так что исход борьбы решался теперь в самом опасном из всех видов боя — рукопашной.

Ункас, ответив на боевой клич, ринулся на одного из гуронов и проломил ему череп метко направленным ударом томагавка. Хейуорд вырвал топор Магуа из дерева и пылко бросился в битву. Так как теперь обе стороны сравнялись в численности, каждый выбрал себе одного противника. Удары сыпались с яростью урагана и быстротой молнии. Соколиный Глаз устремился к новому гурону и уложил его одним взмахом своего смертоносного оружия. Хейуорд, сгорая нетерпением, не стал ждать приближения врага и рискнул пустить в него томагавком. Топор обухом попал индейцу в лоб и на мгновение ошеломил его. Ободренный этим небольшим успехом, молодой человек рванулся вперед и с голыми руками напал на врага. Через секунду он уже пожалел о своем опрометчивом поступке: ему пришлось увертываться от ударов ножа, который гурон пустил в ход с мужеством отчаяния. Не в силах больше отражать такого изворотливого и ловкого противника, майор обхватил индейца и сковал его своим стальным объятием. Однако он понимал, что долго ему такого напряжения не выдержать. В эту критическую минуту Дункан услышал у себя над ухом крик:

— Бей злодеев! Не щадите проклятых мингов!

А еще через секунду Соколиный Глаз обрушил приклад ружья на голову врага, чьи мускулы разом обмякли от удара, и безжизненное тело, выскользнув из рук Дункана, опустилось на землю.

Меж тем Ункас, размозжив голову первому противнику, как голодный лев, искал себе новую жертву. Пятый гурон, единственный, кто не принял участия в бою, выждав минуту и увидев, что все остальные поглощены ожесточенной схваткой, решил довершить прерванную месть. Испустив победный клич, он бросился к беззащитной Коре и еще издали метнул в нее острый томагавк, этот грозный предвестник его приближения. Топор оцарапал девушке плечо, но зато перерубил путы, привязывавшие ее к дереву, и дал ей возможность бежать. Проворно ускользнув от дикаря и забыв о собственной безопасности, она бросилась к Алисе и дрожащими, плохо повинующимися пальцами попыталась разорвать ивовые прутья, которыми была привязана к дереву ее сестра. Чудовище и то смягчилось бы при виде такой беспредельной, великодушной преданности, но сердце разъяренного гурона было чуждо состраданию. Ухватив Кору за волосы, шелковистым потоком струившиеся по плечам, он оторвал девушку от сестры и жестоким рывком поставил на колени. Затем намотал развевающиеся пряди на руку и, подняв их, с торжествующим хохотом начал водить

ножом вокруг прелестной головки своей жертвы. Однако миг злобного наслаждения дорого обошелся ему — он лишился возможности свершить задуманное злодеяние. Зрелище привлекло внимание зоркого Ункаса. Молодой могиканин сделал прыжок, секунду словно парил в воздухе и, камнем рухнув на грудь врага, отшвырнул его далеко в сторону. Толчок был так силен, что и сам Ункас, не устояв на ногах, упал рядом с противником. Оба одновременно вскочили, пустили в ход ножи, и полилась кровь. Но исход поединка был уже предрешен. Томагавк Хейуорда и приклад Соколиного Глаза обрушились на череп гурона в ту секунду, когда нож Ункаса пронзил ему сердце.

Бой закончился, затянулся лишь поединок Лисицы с Великим Змеем. Эти свирепые воины еще раз доказали, что недаром носят свои красноречивые прозвища, данные им за прошлые подвиги. В начале схватки они некоторое время старались увернуться от быстрых и метких ударов, сыпавшихся с обеих сторон. Затем они внезапно кинулись друг на друга, сцепились и рухнули наземь, сплетясь в клубок, словно извивающиеся змеи. К моменту, когда остальные победители развязали себе руки, на месте, где боролись эти опытные и мужественные воины, виднелось лишь облако пыли и сухих листьев, которое, словно подгоняемое вихрем, двигалось от середины площадки к ее краю. Побуждаемые сыновней любовью, дружбой и признательностью, Ункас, Соколиный Глаз и Хейуорд ринулись вперед и окружили облако, балдахином нависшее над бойцами. Но тщетно метался вокруг них Ункас, пытаясь всадить нож в сердце врагу своего отца; тщетно поднималось и застывало в воздухе грозное ружье Соколиного Глаза, а Хейуорд пробовал схватить гурона руками, которые словно парализовал страх за друга. Запыленные, окровавленные противники извивались так ловко и быстро, как будто тела их сплелись в одно. Смуглый гурон и украшенная эмблемой смерти фигура могиканина со столь неимоверной быстротой мелькали перед глазами друзей Чингачгука, что они просто не знали, когда и как нанести удар его врагу. Правда, в иные мгновения за пеленой пыли показывались огненные глаза Магуа, сверкавшие, словно взгляд мифического василиска, и, казалось, читавшие в ненавистных чертах врагов роковой исход борьбы. Но прежде чем вражеский удар успевал опуститься на обреченную голову, на месте ее уже оказывалось мрачное лицо Чингачгука. Таким образом, арена поединка переместилась из центра площадки к ее краю. Наконец, улучив удобный момент, могиканин нанес неприятелю сильный удар ножом. Магуа внезапно разжал руки и, по-видимому, испустив дух, опрокинулся навзничь. Его противник вскочил на ноги и огласил своды леса победным кличем.

— Молодцы, делавары! Победа за могиканином! — вскричал Соколиный Глаз, замахиваясь прикладом своего длинного, не знающего промаха ружья.— Последний удар чистокровного белого не умалит заслуг победителя и не лишит его законных прав на вражеский скальп!

Но в ту самую секунду, когда смертоносное оружие разведчика засвистело в воздухе, хитрый гурон, лежавший у края площадки, скатился по склону, вскочил на ноги и одним прыжком скрылся в густых низкорослых кустах, окаймлявших холм. Могикане, уже считавшие врага мертвым, вскрикнули от изумления и ринулись вслед за беглецом, словно гончие за оленем, но своеобразный пронзительный крик разведчика вынудил их отказаться от своего намерения и вернуться на вершину холма.

— Хитер, ничего не скажешь! — воскликнул Соколиный Глаз, ненависть которого к мингам часто брала верх над присущим ему от природы чувством справедливости.— Лживый, подлый обманщик! Честный делавар, окажись он побежденным, остался бы лежать и бесстрашно встретил бы удар по голове, но эти мошенники макуасы цепляются за жизнь, как дикие кошки. Оставьте его, пусть бежит: он теперь один, без ружья и без лука, а его друзья французы далеко. Как гремучая змея, у которой вырваны ядовитые зубы, он не повредит нам, пока будет оставлять следы своих поганых мокасин на песчаной почве. А за это время уйдем и мы. Смотри, Ункас, твой отец уже снимает скальпы! — добавил он по-делаварски.— Не худо бы пройтись и пощупать этих мерзавцев, а то, чего доброго, еще один упорхнет в лес, как сойка, у которой отросли крылья.

С этими словами честный, но неумолимый разведчик обошел убитых и всадил каждому в грудь свой нож с таким хладнокровием, словно это были трупы животных. Впрочем, его уже опередил старший могиканин, успевший снять несколько победных трофеев с голов тех, кто не мог больше сопротивляться.

Однако Ункас, изменяя своему обычаю, можно даже сказать, своей натуре, с бессознательной деликатностью бросился вслед за Хейуордом на помощь сестрам и мгновенно освободил Алису, тут же упавшую в объятия Коры. Мы не будем пытаться передать ту признательность вершителю судеб человеческих, которая преисполнила прелестных девушек, столь неожиданно возрожденных к жизни и возвращенных друг другу. Их молитва была искренней и безмолвной; жертвенная благодарность их кротких душ возгорелась ярким и чистым пламенем на тайном алтаре сердца, а воскресшие земные чувства выразились в долгом и пылком, но молчаливом объятии. Поднявшись с колен, Алиса вновь упала на грудь вставшей вместе с нею Коры и, рыдая, произнесла имя их ста-

рого отца, а в ее кротких, как у голубки, глазах засверкала ожившая надежда, сообщив чертам выражение такого неземного блаженства, какое редко доводится изведать слабым смертным.

— Мы спасены! Спасены! — лепетала она.— Мы вернемся к нашему дорогому, любимому отцу, и горе не разобьет ему сердце. И ты, Кора, моя сестра, нет, больше, чем сестра, мать, ты тоже спасена! И Дункан! — прибавила она, взглянув на молодого человека с невыразимо чистой и невинной улыбкой.— Наш храбрый, благородный Дункан — и он остался цел и невредим.

Кора ответила на эти пылкие, почти бессвязные слова лишь тем, что прижала юную сестру к груди и с трогательной нежностью склонилась над ней. Мужественный Хейуорд без всякого стыда ронял слезы, глядя на эту волнующую картину. Ункас, раненый, весь залитый кровью, сохранял внешнее спокойствие, но глаза его, утратившие свирепый блеск, светились сочувствием, столь высоко поднимавшим его над нравственным уровнем соплеменников, что в эту минуту он, вероятно, опередил их на целые века.

Во время этих сердечных и вполне естественных в данных обстоятельствах излияний Соколиный Глаз, бдительно удостоверившись, что гуроны, чьи трупы портили трогательное зрелище, не в состоянии нарушить его гармонию, подошел к Давиду и освободил певца от пут, в которых тот с образцовым терпением томился до последней минуты.

— Ну вот,— облегченно вздохнул разведчик, отбрасывая в сторону ивовые прутья,— теперь вы снова хозяин собственных рук и ног, хотя, по правде говоря, пользуетесь ими не лучше, чем в день, когда появились на свет. Если вы не посчитаете за обиду совет человека, который хоть и не старше вас, но провел почти всю жизнь в лесу и, можно сказать, набрался опыта не по годам, я охотно поделюсь с вами своими мыслями. А мысли у меня такие — продайте-ка первому же встречному дураку маленький дрянной инструментик, что торчит у вас из кармана, и купите на вырученные деньги какое-нибудь полезное оружие, ну, хоть обыкновенный кавалерийский пистолет. Трудом и старанием вы, может быть, и добьетесь какого-нибудь места, а до тех пор, надеюсь, поймете, что черный ворон более полезная птица, чем пересмешник: ворон, по крайней мере, убирает с глаз людских падаль, а пересмешник только поднимает шум в лесу да вводит в заблуждение тех, кто его слышит.

— Бряцанье оружия и трубные звуки сопутствуют битве, а благодарственные и хвалебные гимны — победе! — отозвался освобожденный Давид.—Друг,—прибавил он, с признательностью протягивая Соколиному Глазу тонкую красивую руку и мигая увлажнившимися глазами,—благодарю вас за то, что волосы мои

остались там, где им положено быть от природы. Хотя у многих они и кудрявей и шелковистее, однако же я как-то свыкся с мыслью, что для моей головы они подходят. То, что я не вступил в бой, объясняется не столько нежеланием сражаться, сколько путами, которыми меня скрутили язычники. Зато вы показали себя отважным и ловким бойцом, а потому спешу поблагодарить вас, прежде чем приступлю к другим, более важным обязанностям. Повторяю, вы доказали, что достойны хвалы из уст христианина.

— Пустяки! Поживете с нами — еще не раз такое увидите,— ответил разведчик, изрядно подобревший к учителю пения после такого комплимента.— Я вернул себе старого друга и спутника, свой оленебой,— добавил он, поглаживая ружье,— а это само по себе уже победа. Ирокезы хитры, но на этот раз перемудрили, оставив оружие так далеко от места привала. Если бы Ункас и его отец набрались терпения, свойственного обычно индейцам, мы бы угостили этих негодяев тремя пулями вместо одной и разом покончили со всей шайкой, включая и того мошенника, что удрал. Впрочем, так уж, видно, было предопределено, а значит, все к лучшему.

— Хорошо сказано! — одобрил Давид.— Вы уловили подлинную суть христианства. Кому суждено спастись — спасется; кому суждено погибнуть — погибнет. Это и есть истинное учение, столь утешительное и успокоительное для верующего человека.

Суровый разведчик, усевшись тем временем на камень и по-отечески заботливо осматривая свое ружье, с нескрываемым неудовольствием взглянул на псалмопевца и довольно грубо прервал ход его рассуждений:

— Истинно это учение или нет, но придумано оно на радость мошенникам и на горе честному человеку! Я готов поверить, что тому вон гурону предопределено было пасть от моей руки, так как воочию убедился в этом. Но никто на свете не докажет мне, пока я не увижу этого собственными глазами, что его по смерти ждет награда, а Чингачгука, например,— вечные муки.

— Но у вас нет ни оснований для столь смелого умозаключения, ни достаточных аргументов в поддержку его! — запальчиво вскричал Давид, отдавая дань духу своего времени, когда люди, особенно люди его профессии, нагромождали вокруг мудрой простоты откровения господня множество противоречивых толкований, постоянно пытаясь проникнуть в непостижимую тайну природы божества и тем самым подменяя подлинную веру всевозможными домыслами, приводившими толкователей лишь к абсурду и сомнению.— Ваш храм воздвигнут на песке, и первая же буря сметет его с лица земли. Я требую, чтобы вы подкрепили свое голо-

словное утверждение ссылкой на авторитетные источники. (Заметим, что, подобно многим другим адептам различных вероучений, Давид не всегда был сдержан в выражениях.) Назовите главу, стих и ту священную книгу, на которую вы опираетесь.

— Книгу? — повторил Соколиный Глаз с каким-то особым и плохо скрываемым презрением.— Уж не принимаете ли вы меня за плаксивого мальчишку, который держится за бабушкин фартук: мое доброе ружье — за перо из гусиного крыла; воловий рог — за чернильницу, а кожаный подсумок — за узелок со вчерашним обедом? Книгу! Да какое дело до ваших книг мне, воину и жителю лесов, хотя и чистокровному белому? Я читаю лишь одну книгу, и слова, написанные в ней, так просты и ясны, что не требуют большой учености. И скажу, не хвалясь, что я вот уже сорок долгих трудовых лет изучаю эту книгу.

— А как она называется? — полюбопытствовал Давид, неверно истолковав слова охотника.

— Она у вас перед глазами, и тот, кто владеет ею, щедро дозволяет всем читать ее,— ответил Соколиный Глаз.— Говорят, есть люди, которые заглядывают в книги, чтобы найти в них доказательство того, что бог существует. Только в душных городах человек способен настолько изуродовать творение господне, чтобы торгаши и священники могли усомниться в том, что так ясно для нас, живущих в глухом лесу. Да попадись мне такой Фома-неверующий и походи он со мной от восхода до восхода по извилистым лесным тропам, он увидел бы достаточно, чтобы понять, что он глуп и что самая большая его глупость заключается в желании сравняться с тем, кому нет равных ни в милосердии, ни в могуществе.

Как только Давид убедился, что говорит с человеком, черпающим веру из источника, имя которому — природа, источника, не замутненного тонкостями различных богословских доктрин, он охотно прекратил спор, не суливший ему ни выгоды, ни славы. Предоставив разведчику продолжать, он уселся рядом с ним и, вытащив из кармана томик и очки в железной оправе, приготовился совершить то, чему так помешала неожиданная атака на его символ веры, а именно — исполнить свой долг.

Давида Гамута можно было бы, по справедливости, назвать бардом западного континента, бардом, разумеется, более поздней эпохи, нежели те даровитые певцы, которые в старину восхваляли мирскую славу баронов и государей, но все-таки бардом своего народа и своей страны, и сейчас он был готов продемонстрировать свое искусство, дабы отпраздновать недавнюю победу, или, вернее сказать, вознести благодарение за нее.

— Я приглашаю вас, друзья мои, воздать вместе со мной хвалу за наше чудесное избавление от рук дикарей-язычников, излив свои

чувства в утешительном и торжественном песнопении на мотив, именуемый «Нортгемптон».

Затем он назвал страницу и стих, с которого начинались избранные им талантливые строфы, и поднес к губам камертон с обычной невозмутимой торжественностью, с какой привык проделывать это в храме. На сей раз, однако, никто не присоединился к нему, так как сестры были поглощены теми нежными излияниями, о которых мы уже упоминали. Тем не менее, нисколько не смущаясь малочисленностью аудитории, состоявшей, по правде говоря, лишь из одного нахмурившегося разведчика, он возвысил голос и пропел гимн до конца без помех и перерывов.

Соколиный Глаз слушал, хладнокровно поправляя кремень и перезаряжая ружье: голос певца, никем не поддержанный и прозвучавший в неподходящей обстановке, не всколыхнул на этот раз его чувств. Никогда еще менестрель, или как бы там ни назвали мы Давида, не расточал свой талант перед более равнодушными слушателями, хотя, если принять во внимание искренность и бескорыстие побуждений певца, можно предположить, что ни один исполнитель мирских песен не издавал, вероятно, звуков, более достойных вознестись к престолу того, кого всем нам подобает чтить и восхвалять. Разведчик послушал, покачал головой, невнятно пробормотал несколько слов, среди которых можно было разобрать лишь «ирокезы» и «глотка», и пошел собирать и осматривать арсенал, оставшийся от гуронов. Чингачгук поспешил ему на помощь и обнаружил среди трофеев как свое ружье, так и ружье сына. Теперь оружием снабдили даже Хейуорда и Давида, в пулях и порохе тоже не было недостатка.

Когда обитатели лесов распределили и разобрали снаряжение, разведчик громко объявил, что пора в путь. К этому времени Гамут кончил петь, а сестры нашли в себе силы умерить проявления своих нежных чувств. С помощью Дункана и молодого могиканина девушки спустились с крутого склона, на который еще так недавно карабкались при совершенно иных обстоятельствах и вершина которого чуть не стала местом их гибели. У подножия холма они нашли своих нэррегенсетов, щипавших траву и листья на кустах. Кора и Алиса сели на лошадей и последовали за тем, кто уже столько раз в минуту смертельной опасности оказывался их проводником и другом. Путешествие, однако, длилось недолго. Соколиный Глаз свернул направо с глухой тропы, по которой пришли гуроны, углубился в чащу, пересек звонкий ручей и остановился в узкой долине под сенью редких вязов. Путники находились всего в нескольких сотнях сажен от рокового холма, и лошади понадобились девушкам лишь для того, чтобы перебраться через ручей.

Это уединенное место было, видимо, хорошо знакомо разведчику и могиканам, потому что они тут же приставили ружья к деревьям, разгребли сухие листья и вырыли в синей глинистой почве неглубокую яму, откуда вскоре забил прозрачный сверкающий ключ. Белый охотник осмотрелся, словно что-то разыскивая и удивляясь, что не может найти это сразу.

— Ясное дело! — пробормотал он.— Тут побывали эти неряхи могауки со своими собратьями онондагами и тускарорами. Воду пили, а бутыль из тыквы куда-то забросили! Вот и делай добро неблагодарным псам! Сам господь не поленился приложить сюда руку и в такой непроходимой глуши извести из недр земли источник, который посрамит самую богатую аптеку во всех колониях. А эти негодяи — вы только посмотрите! — истоптали глину и загадили чистое красивое место так, словно они скоты, а не люди.

Тут Ункас молча протянул Соколиному Глазу бутыль, которой тот в порыве досады не заметил, хотя она была аккуратно повешена на ветку вяза. Охотник наполнил ее водой, отошел в сторону, где земля была сухой и твердой, уселся и с нескрываемым наслаждением сделал несколько больших глотков, после чего приступил к осмотру сумки со съестными припасами, оставшейся от гуронов и висевшей у него на плече.

— Благодарю, мальчик,— продолжал он, возвращая Ункасу пустую бутыль.— А теперь поглядим, чем обжирались эти бесноватые гуроны, пока сидели в засаде... Скажите на милость! Мошенники знают, как выбрать самые лакомые куски из оленьей туши. Можно подумать, что они умеют резать и жарить мясо не хуже искуснейшего повара во всей стране! Впрочем, нет: мясо-то сырое. Эти ирокезы — сущие дикари. Ункас, возьми-ка мое огниво да разведи костер. Сочный кусок жареного мяса — вот что подкрепит нас после такой передряги.

Заметив, что их проводники увлеченно занялись приготовлением пищи, Хейуорд помог девушкам спешиться и сел рядом с ними, не без удовольствия предвкушая несколько минут благодатного отдыха после недавней кровавой схватки. Пока готовился обед, любопытство вынудило Дункана осведомиться, какие счастливые обстоятельства помогли разведчику и его друзьям так нежданно и своевременно прийти к ним на выручку.

— Как случилось, что мы так скоро опять увидели вас, мой великодушный друг, да еще без подмоги из форта Эдуард?

— Если бы мы сперва отправились в крепость, то не спасли бы ваших скальпов и поспели бы сюда лишь для того, чтобы забросать ваши трупы сухими листьями,— хладнокровно ответил охотник.— Нет, мы не стали понапрасну тратить силы и время на

прогулку в форт, а залегли неподалеку под берегом Гудзона, чтобы выждать и понаблюдать, что предпримут гуроны.

— Значит, вы были свидетелями всего, что произошло?

— Ну, конечно, не всего: индейцев не проведешь — у них слишком острое зрение. Но находились мы все-таки неподалеку от вас. Трудненько было, скажу по правде, удержать этого юного могиканина в засаде. Ах, Ункас Ункас! Ты вел себя скорее как любопытная женщина, чем как воин, идущий по следу врага.

Зоркие глаза Ункаса на секунду остановились на суровом лице разведчика, но он ничего не сказал и не обнаружил никаких признаков раскаяния. Напротив, Хейуорду показалось, что молодой могиканин смотрит несколько презрительно, пожалуй, даже сердится и старается подавить вспышку гнева лишь из уважения к слушателям, равно как из чувства почтения к своему белому другу.

— Вы видели, как нас взяли в плен? — продолжал расспрашивать Хейуорд.

— Мы это слышали,— последовал многозначительный ответ.— Вопли индейцев — язык, понятный людям, которые всю жизнь провели в лесах. Но когда вас перевезли с островка на берег, нам пришлось ползти по сухой листве, как змеям, а затем мы и вовсе потеряли вас из виду до тех самых пор, пока вас не прикрутили к деревьям и вы уже ожидали смерти от рук индейцев.

— Да, в нашем избавлении виден перст божий! Ведь это чудо, что вы не ошиблись тропинкой! Гуроны разделились на два отряда, и при каждом были лошади.

— Верно! Вот тут-то мы так сбились с толку, что потеряли бы след, не будь с нами Ункаса,— рассказывал разведчик с видом человека, который не прочь похвастать тем, как удачно он вышел из недавних затруднений.— Но мы все-таки двинулись по тропе, ведущей в глубь леса, так как рассудили,— и правильно рассудили,— что дикари поведут пленников именно в эту сторону. Однако, пройдя много миль и не увидев ни одной заломанной по моему совету ветки, я уже начал поддаваться сомнениям, особенно когда заметил, что все следы оставлены мокасинами.

— Наши победители из предосторожности заставили всех нас обуть мокасины,— пояснил Дункан, поднимая ногу и показывая украшенную ярким узором обувь.

— Вот именно! Не худо придумано и очень похоже на индейцев, только мы — люди слишком опытные, нас такой простой уловкой не обманешь.

— Чему же тогда мы обязаны спасением?

— А тому, в чем я как чистокровный белый даже стыжусь признаться,— мудрости молодого могиканина в таких делах, в кото-

рых я должен бы разбираться лучше, чем он. Даже теперь, воочию убедившись, насколько он был прав, я с трудом верю своим глазам.

— Поразительно! Но объясните же нам эту загадку.

— Уикас имел смелость заявить, что лошади молодых леди,— продолжал Соколиный Глаз, не без любопытства посматривая на кобылок Коры и Алисы,— одновременно ступают обеими ногами одной стороны, чего не делает ни одно из известных мне четвероногих, за исключением медведя. Тем не менее эти лошади ходят так, в чем я убедился собственными глазами и что доказывают их следы на протяжении целых двадцати миль.

— Но такая поступь и есть главное достоинство этой породы. Она выведена на берегах бухты Нэррегенсет, в небольшой провинции Провиденс-Плантейшенс, и славится своей выносливостью и этой своеобразной легкой побежкой — иноходью, хотя последней нередко обучают и других лошадей.

— Возможно, возможно,— отозвался Соколиный Глаз, с особым вниманием выслушав объяснение офицера.— Хотя в жилах моих течет кровь белых, я знаю об оленях и бобрах больше, чем о вьючных животных. У майора Эффингема немало породистых чистокровных коней, но я ни разу не видел, чтобы хоть один из них ходил таким образом.

— Верно — он выбирает лошадей совсем за другие достоинства. И все-таки нэррегенсеты ценятся очень высоко, особенно женщинами.

Могикане, прервав свои занятия у пылающего костра, тоже внимательно слушали и, когда Дункан закончил, многозначительно переглянулись, причем индеец-отец не преминул издать обязательный возглас удивления. Разведчик промолчал, переваривая только что приобретенные сведения, и, еще раз бросив на лошадей любопытный взгляд, продолжил рассказ:

— В городах, смею сказать, можно увидеть и более странные вещи. Человек, к сожалению, обезображивает природу, когда ему удается взять над нею верх. Впрочем, какой бы побежкой ни ходили лошади — обыкновенной или иноходью, Уикас все заметил, и след животных привел нас к обломанному кусту. Одна из веток, близ следов нэррегенсетов, была заломана и загнута вверх, как это делают женщины, срывая цветок, но все остальные были покалечены и торчали во все стороны так, словно их изломала сильная мужская рука. Вот я и решил, что хитрые злодеи заметили загнутую ветку и переломали весь куст, чтобы нам показалось, будто в нем запутался рогами олень.

— Ваша наблюдательность не обманула вас: что-то в этом роде действительно произошло.

— Ну, заметить это было совсем нетрудно,— возразил охотник, ни в коей мере не сознавая, какую необыкновенную проницательность он выказал.— Это полегче, чем узнать лошадей-бокоходов по следам... Возле куста я и сообразил, что минги направятся к здешнему источнику: эти мошенники отлично знают свойства его воды.

— Разве она так уж знаменита? — полюбопытствовал Хейуорд, с возросшим интересом оглядывая уединенную ложбинку и ключ, бивший из земли.

— Мало кто из краснокожих, побывавших к югу и востоку от Великих озер, не слышал об этом источнике. Не хотите ли отведать?

Хейуорд взял бутыль, но, отпив глоток, с гримасой отвращения отбросил ее в сторону. Охотник рассмеялся своим добродушным беззвучным смехом и, удовлетворенно покачав головой, продолжал:

— Ага! Вам эта вода не по вкусу, потому что вы еще не привыкли к ней. Было время, когда она и мне нравилась не больше, чем вам, но теперь я притерпелся и пью ее с таким же удовольствием, с каким олень лижет соль. Краснокожие, особенно когда болеют, любят эту воду сильнее, чем белые — вино с пряностями... Однако Ункас уже развел костер, пора подумать и о еде: путь нам предстоит неблизкий, и он еще весь впереди.

Прервав разговор столь резкой переменой темы, разведчик тут же занялся остатками припасов, уцелевших от прожорливых гуронов. Быстро завершив несложные приготовления, Соколиный Глаз и могикане приступили к скромной трапезе со спокойствием и основательностью людей, которые подкрепляются перед большим и трудным делом.

Когда с этой необходимой и, к счастью, приятной обязанностью было покончено, каждый из трех обитателей леса нагнулся и выпил на прощание глоток воды из тихого уединенного источника, не подозревая, что пятьдесят лет спустя к нему и соседним родникам в погоне за здоровьем и развлечениями будут толпами стекаться самые богатые, красивые и талантливые люди целого полушария. Затем Соколиный Глаз объявил, что пора выступать. Сестры сели на лошадей, Дункан и Давид взяли ружья и последовали за девушками, разведчик занял место во главе маленького отряда, а могикане составили арьергард. Путники быстро двинулись по узкой, уходившей на север тропке, предоставив целебным водам беспрепятственно сливаться с соседним ручьем, а телам гуронов истлевать без погребения на вершине ближнего холма: участь их была слишком обычна для лесных воинов, чтобы возбуждать в ком-нибудь интерес или жалость.

ГЛАВА XIII

Полегче я дорогу поищу.

Парнелл

Путь, избранный Соколиным Глазом, пролегал по песчаным равнинам, время от времени оживлявшимся плодородными долинами и невысокими холмами. Это была та самая дорога, по которой утром вел пленников предатель Магуа. Солнце уже заметно клонилось к вершинам дальних гор, путники углубились в нескончаемый лес, и зной перестал их томить. Продвигались они поэтому довольно быстро и задолго до наступления сумерек оставили позади не один десяток утомительных миль.

Охотник, подобно дикарю Магуа, место которого он теперь занял, словно инстинктом находил дорогу по еле видным приметам, лишь изредка замедляя шаг и ни разу не остановившись, чтобы осмотреться и поразмыслить. Он то бросал мимолетный взгляд на мох, которым поросли деревья, то поднимал глаза на заходящее солнце, то зорко посматривал на течение многочисленных ручьев, попадавшихся по пути, и этого было ему достаточно для того, чтобы выбрать дорогу и отбросить всякие сомнения. Тем временем зелень начала менять цвет, утрачивая ярко-изумрудные оттенки, украшавшие днем ветвистые своды леса, а это предвещало наступление вечера.

Взоры сестер старались уловить сквозь просветы между деревьями лучи золотого потока, который окружал солнце ослепительным, кое-где прорезанным багровыми полосами ореолом и окрашивал в ярко-желтый цвет зубчатую кайму облаков, громоздившихся над холмами на западе, как вдруг Соколиный Глаз повернулся и, указав на величественное закатное небо, сказал:

— Вот откуда подается человеку знак, что пора позаботиться о пище и отдыхе. Люди стали бы и лучше и мудрей, если бы умели понимать язык природы и брать пример с птиц небесных и зверей полевых. Для нас, впрочем, ночь будет сегодня короткой: с восходом луны нам придется подняться и продолжать путь. Я помню, как сражался в здешних местах с макуасами в прошлую войну, когда я впервые пролил человеческую кровь. Тогда, спасая свои скальпы от этих хищных злодеев, мы соорудили тут из бревен нечто вроде блокгауза. Если приметы меня не обманывают, мы найдем его развалины немного левее.

Не ожидая ни согласия спутников, ни даже ответа, суровый охотник смело свернул в густую рощу молодых каштанов, раздвинул их буйно разросшиеся, чуть ли не закрывавшие землю вет-

ви с видом человека, уверенного, что на каждом шагу встретит издавна знакомые приметы. Память не обманула разведчика. Пробравшись через кусты, несмотря на бесчисленные колючки, и пройдя шагов сто, он очутился на открытой поляне, окружавшей невысокий холм, вершина которого была увенчана развалинами вышепомянутого блокгауза. Это заброшенное нехитрое строение представляло собой одно из тех укреплений, какие возводились в минуту крайней необходимости и оставлялись, как только минет опасность. Теперь оно понемногу разваливалось в лесной глуши, забытое, равно как забыты и обстоятельства, вынудившие воздвигнуть его. Такие следы человека и его борьбы с себе подобными нередко встречаются в широкой полосе дремучих лесов, некогда разделявшей враждебные колонии. Руины эти, неразрывно связанные с историей заморских владений, как нельзя лучше гармонируют с мрачным ландшафтом.

Крыша блокгауза давно рухнула, истлела и смешалась с землей, но огромные, наскоро сложенные сосновые бревна все еще сохраняли первоначальное положение, хотя один из углов постройки осел под собственной тяжестью, ежеминутно грозя обвалиться и увлечь за собой все ветхое сооружение.

Хейуорд и его спутники заколебались, не решаясь подойти к столь обветшалому строению, Соколиный же Глаз и могикане вошли под прикрытие невысоких стен не только без опасений, но с явным любопытством. Пока охотник осматривал развалины снаружи и изнутри с интересом человека, в котором с каждой минутой оживают воспоминания, Чингачгук с гордым видом победителя рассказывал сыну о сражении, разыгравшемся в этом уединенном месте еще тогда, когда он был молодым воином. Однако в торжественном тоне, коим он вел свое повествование, то и дело слышались нотки печали, придававшие голосу могиканина мягкость и мелодичность.

Тем временем сестры с удовольствием спрыгнули с лошадей в надежде, что на этот раз ничто, кроме случайного лесного зверя, не может нарушить их покой и помешать им насладиться вечерней прохладой.

— Не лучше ли, мой достойный друг, поискать для отдыха более укромный уголок? — осторожно осведомился Дункан, заметив, что разведчик закончил беглый осмотр здания.— Быть может, нам стоит выбрать менее известное и реже посещаемое место?

— Почти все, кто знал о постройке блокгауза, уже мертвы,— последовал медленный, задумчивый ответ.— Про схватки могикан и могауков не пишут ни романов, ни рассказов. А между тем они вели настоящую войну. Тогда я был юнцом и дрался на стороне

делаваров, зная, что племя их жестоко обижено и оклеветано. Сорок дней и ночей проклятые дьяволы могауки, алча нашей крови, осаждали этот сруб, план которого я сам придумал и отчасти собственноручно осуществил, хотя, как вы знаете, я не индеец, а чистокровный белый. Делавары тоже взялись за работу, и она пошла нам на пользу, потому что могауков было вдвое больше; а когда число воинов с обеих сторон почти уравнялось, мы сделали вылазку, и ни один из этих псов не вернулся домой, чтобы рассказать о судьбе их отряда. Да, в ту пору я был еще молод, не приучен к виду крови, и меня ужасала мысль, что тела существ, наделенных, как я, душою, будут валяться на голой земле и достанутся диким зверям, а кости их истлеют под дождем. Вот я своими руками и похоронил убитых под тем самым холмиком, где вы расположились. Удобное получилось место для сидения, хоть оно и возвышается над кучей человеческих костей!

Хейуорд и сестры, как ужаленные, вскочили с заросшей травой могилы. Невзирая на страшные испытания, через которые они недавно прошли, Кора с Алисой не могли подавить в себе естественное чувство ужаса, оказавшись в таком близком соседстве с убитыми могауками. Мертвая тишина бескрайнего леса, сумеречный свет, безрадостная поляна, поросшая темной травой, густая кайма кустарника и безмолвная стена сосен, вздымавшихся, казалось, до самых облаков,— все здесь наводило на мрачные мысли.

— Они мертвы, а значит, безвредны,— продолжал Соколиный Глаз, махнув рукой и грустно улыбнувшись при виде нескрываемого испуга девушек.— Больше они не издадут боевой клич и не нанесут удар томагавком! А из всех, кто помог уложить их туда, где они теперь, в живых остались лишь Чингачгук да я! Наш отряд состоял из братьев и сородичей могиканина, и сейчас перед вами все, что осталось от его славного рода.

Слушатели невольно устремили взгляды в сторону индейцев, искренне сострадая их печальной судьбе. Темные фигуры могикан были еще различимы в тени блокгауза. Ункас слушал рассказ со всем вниманием, какое могла пробудить в нем повесть о славных подвигах тех, чьи имена он с детства привык считать символом отваги и суровой добродетели.

— А я-то думал, что делавары — мирное племя,— удивился Дункан.— Мне казалось, что они никогда не брались за оружие, предоставляя защищать свою землю тем самым могаукам, которых вы перебили.

— Тут есть доля правды, а в целом — подлая ложь,— возразил разведчик.— В давние времена стараниями коварных голландцев, стремившихся обезоружить туземное население и завладеть

страной, где они обосновались, такой мирный договор, действительно, был заключен. Однако могикане, хотя они ветвь племени делаваров, никогда не вступали в эту глупую сделку, потому что имели дело исключительно с англичанами. Они полагались на собственное мужество, что, в сущности, сделали и остальные делавары, когда глаза их наконец открылись. Вы видите перед собой первого из великих могиканских сагаморов. Когда-то род его мог преследовать оленя на просторах, превышающих протяженностью угодья любого олбенского землевладельца, и не встретить на своем пути ни ручья, ни холма, которые не принадлежали бы могиканам. А что осталось их потомку? Получить свои шесть футов земли, когда наступит его смертный час, и сохранить их, если у него найдется друг, который выроет ему могилу поглубже, чтобы лемех плуга не потревожил его останки.

— Довольно! — попросил Дункан, опасаясь, как бы эта тема не нарушила мирного спокойствия их беседы и не потревожила его прелестных спутниц.— Мы долго были в пути, и не каждый меж нами наделен такой выносливостью, как вы, не знающий, что такое утомление или слабость.

— Да, выносливостью я могу потягаться с любым человеком. Этим и держусь,— согласился охотник, глянув на свои мускулистые руки с простодушным удовлетворением, свидетельствовавшим, насколько приятна ему похвала.— В городах найдутся, конечно, люди покрупней и поплотней меня, но вам долго придется искать человека, способного пройти пятьдесят миль, не сделав ни одной передышки, или несколько часов кряду не отставать на охоте от гончих. Но вы правы: плоть и кровь у каждого человека разные, и вполне разумно будет предположить, что наши хрупкие леди нуждаются в отдыхе после всего, что им довелось сегодня увидеть и испытать. Расчисти-ка родник, Уикас, а мы с твоим отцом соорудим для женщин навес из ветвей каштана и постель из травы да сухих листьев.

На этом разговор прервался, и охотник с друзьями занялся устройством ночлега для своих подопечных. Родник, много лет назад побудивший могикан выбрать это место для постройки временного укрепления, вскоре был очищен от листьев, и кристально чистая струя ударила вверх, орошая зеленый холмик. Один угол строения был накрыт импровизированной крышей, которая призвана была защищать спящих от росы, весьма обильной в тамошних краях. Под крышу для сестер натаскали большие охапки душистой травы и сухих листьев.

Пока обитатели лесов усердно хлопотали об устройстве ночлега, Кора с Алисой, побуждаемые не столько голодом, сколько чувством долга, подкрепили силы ужином. Затем они удалились

в блокгауз, вознесли благодарность всевышнему, улеглись на душистое ложе и, невзирая на тяжелые воспоминания и тревожные предчувствия, погрузились в сон. Дункан приготовился было провести ночь неподалеку от них, на страже у наружной стены блокгауза, но разведчик, угадав его намерения, указал рукой на Чингачгука и, спокойно укладываясь на траву, сказал:

— Глаза белого слишком близоруки, а взор медлителен, чтобы караулить ночью. Охранять нас будет могиканин, а посему заляжем-ка спать.

— Прошлой ночью я позорно заснул на посту и меньше нуждаюсь в отдыхе, чем вы, столь достойно поддержавшие свою воинскую честь,— возразил Хейуорд.— Пусть же сегодня все ложатся спать, а на часах останусь я.

— Находись мы среди белых палаток шестидесятого полка да перед лицом такого врага, как французы, я не пожелал бы нам часового лучше,— ответил разведчик.— Но в темноте, наполненной звуками леса, вы, как ребенок, можете наделать глупостей и все ваше бдение окажется напрасным. Возьмите же пример с Ункаса и меня, ложитесь и спите спокойно.

Хейуорд увидел, что, пока они разговаривали, молодой могиканин, действительно, растянулся на склоне холмика, как человек, решивший наилучшим образом употребить время, отпущенное на передышку, и что он нашел себе подражателя в лице Давида, у которого язык буквально прилипал к гортани от лихорадки, вызванной ранением и обостренной утомительным переходом. Не желая затягивать бесполезный спор, молодой человек сделал вид, что согласен с советом охотника, и полулежа прислонился головой к срубу, решив про себя не смыкать глаз до тех пор, пока не передаст девушек в руки Манроу. Соколиный Глаз, сочтя, что убедил майора, вскоре уснул, и уединенные развалины погрузились в то же безмолвие, в каком их застали путники.

Некоторое время Дункан боролся со сном и чутко прислушивался к каждому звуку, возникавшему в лесу. Когда вечерние тени окутали землю и над головой зажглись звезды, зрение его обострилось: он ясно различал своих растянувшихся на земле спутников и фигуру сидевшего Чингачгука, неподвижную и прямую, как деревья вокруг. Дункан все еще слышал легкое дыхание сестер, спавших в нескольких футах от него, и ни один шелест листа на ветру не ускользал от его слуха. Но мало-помалу жалобные стоны козодоя стали сливаться в его ушах с уханьем совы; слипающиеся глаза все ленивей устремлялись к звездам, которые, казалось ему, он видит сквозь сомкнутые веки. Иногда он пробуждался и принимал

куст за фигуру могиканина, охранявшего сон путников, но наконец голова майора склонилась на плечо, плечо, в свой черед, соскользнуло на землю, все тело расслабилось и обмякло, и молодой человек погрузился в глубокий сон. Ему снилось, будто он — средневековый рыцарь и несет полночную стражу перед шатром освобожденной им принцессы, надеясь заслужить ее милость этим доказательством неизменной преданности.

Усталый Дункан сам не знал, как долго он пробыл в таком бессознательном состоянии, но видения его полусна давно уже растворились в глубоком забытьи, когда его разбудило легкое похлопывание по плечу. Хейуорд мгновенно вскочил на ноги, растерянно вспомнив о тех обязанностях, какие сам возложил на себя с вечера.

— Кто здесь? — выдохнул он, невольно хватаясь за бок, на котором обычно носил шпагу.—Говори: друг или враг?

— Друг,— отозвался низкий голос Чингачгука, и могиканин, указав пальцем на луну, чей мягкий свет лился сквозь листву деревьев на место стоянки, добавил на ломаном английском языке: — Луна взошла, форт белых далеко. Время идти, пока сон смежает французу оба глаза.

— Да, ты прав! Буди своих, седлайте лошадей, а я подготовлю спутниц к походу.

— Мы проснулись, Дункан,— донесся из блокгауза нежный, серебристый голосок Алисы.— Мы хорошо выспались и готовы ехать очень быстро, но вы-то не сомкнули глаз после такого тяжелого дня, и все по нашей вине!

— Скажите лучше, собирался не смыкать, но мои глаза подвели меня: я уже дважды оказался недостоин вашего доверия.

— Нет, Дункан, не спорьте,— с улыбкой прервала его Алиса, выходя из тени блокгауза на залитую лунным светом площадку, где красота ее засияла всей своей свежей прелестью.— Я знаю, вы беспечны по отношению к себе, но слишком даже бдительны, когда речь идет о других. Нельзя ли задержаться здесь подольше пока вы не отдохнете? Пусть все эти храбрые люди немного поспят, а мы с Корой будем рады, очень рады посторожить вместо них.

— Если стыд может отучить от сонливости, я никогда в жизни не сомкну больше глаз,— смущенно выдавил молодой человек, вглядываясь в бесхитростное лицо Алисы, где, однако, не прочел подтверждения своей догадке о том, что девушка насмехается над ним.— Вы правы, считая, что после того, как я навлек на вас опасность своим легкомыслием, я не способен даже охранять ваш сон, как подобает солдату.

— Только сам Дункан вправе обвинять себя в подобной слабости! — искренне запротестовала Алиса, которая со всей женской доверчивостью и великодушием видела в своем юном поклоннике верх совершенства.— Идите спать. И поверьте: хоть мы с Корой всего лишь слабые женщины, мы не покинем свой пост.

Молодой человек хотел было продолжить свои извинения, но тихий возглас Чингачгука и настороженная поза, в которой застыл сын вождя, отвлекли его внимание.

— Могикане слышат врага! — прошептал Соколиный Глаз, проснувшийся, как и остальные.— Они чуют приближение опасности.

— Не дай-то бог! — воскликнул Хейуорд.— Довольно с нас кровопролития!

Тем не менее молодой офицер схватил ружье и выступил вперед, приготовившись искупить свою ошибку, весьма, впрочем, простительную, готовностью отдать жизнь ради тех, кто ему вверен.

— Это, видимо, какой-нибудь лесной зверь рыщет вокруг в поисках пищи,— промолвил он шепотом, когда его слуха достиг слабый шорох, насторожив ший могикан.

— Тс-с! — внимательно вслушиваясь, прервал его разведчик.— Это человек. Даже я различаю теперь шаги, как ни груб мой слух в сравнении со слухом индейца! Гурон, давший тягу, наткнулся, видимо, на авангард Монкальма и теперь с целым отрядом идет по нашему следу. Не хотелось бы мне больше проливать кровь на этом месте,— добавил он, встревоженно оглядывая смутные контуры блокгауза,— но чему быть, того не миновать! Отведи-ка лошадей в блокгауз, Ункас, а вы, друзья, тоже отправляйтесь туда. Как ни ветхи и стары эти стены, они еще могут послужить прикрытием, а к выстрелам им не привыкать.

Все мгновенно повиновались: могикане ввели нэррегенсетов под прикрытие развалин, а за ними, строго храня молчание, проследовали и остальные.

Приближающиеся шаги слышались теперь так отчетливо, что у путников не осталось сомнений: им грозит новая опасность. Вскоре раздались голоса, перекликавшиеся на индейском наречии, и разведчик шепотом подтвердил Хейуорду, что это язык гуронов. Когда индейцы достигли того места, где лошади свернули в кусты, окружавшие блокгауз, краснокожие, видимо, потеряли след и, озадаченные, остановились.

Судя по шуму, там вскоре собралось человек двадцать, и все они высказывали свои соображения и догадки.

— Эти мошенники наверняка знают, что нас мало,— прошептал Соколиный Глаз, который стоял рядом с Хейуордом в густой тени, глядя в щель между бревнами,— иначе они двигались бы побыстрей и не празднословили бы, как женщины. Вы послушайте только этих мерзавцев! Можно подумать, что у каждого по два языка, но зато лишь одна нога!

Как ни смел, даже неистов был Дункан в бою, в минуту такого мучительного ожидания он не смог решительно ничего ответить на меткое замечание хладнокровного разведчика. Он только крепче сжал ружье и теснее прильнул глазами к узкой щели, с возрастающей тревогой глядя на озаренную луной поляну. Немного погодя оттуда донесся твердый, повелительный голос, и мгновенно установившаяся тишина доказала, с каким почтением воспринимают краснокожие приказы или, вернее, советы говорящего. Затем, судя по шороху листвы и треску хвороста, дикари разделились на две группы и отправились на поиски утерянного следа. К счастью для преследуемых, луна, заливавшая мягким сиянием полянку вокруг блокгауза, светила недостаточно сильно и лучи ее не проникали под темные своды леса, где по-прежнему лежала плотная тень и предметы вырисовывались неясно. Поиски оказались безуспешными: путники так круто и неожиданно свернули с тропинки, что их следы затерялись во тьме леса.

Однако не прошло и нескольких минут, как неутомимые дикари принялись обшаривать кусты, постепенно подбираясь к внутренней кромке полосы молодых каштанов, окаймлявших площадку вокруг блокгауза.

— Идут! — прошептал Хейуорд, пытаясь просунуть дуло ружья в щель между бревнами.— Встретим их огнем на подходе!

— Уберите ружье! — приказал разведчик.— Щелчок кремня, запах пороха, и вся эта голодная шайка ринется сюда... Ну, а уж если нам придется сражаться за свои скальпы, положитесь на опыт людей, которые знают повадки краснокожих и редко мешкают, услышав боевой клич.

Дункан с тревогой оглянулся и увидел, что дрожащие сестры забились в дальний угол постройки, а могикане, прямые и неподвижные, словно две статуи, стоят в тени, готовясь и, видимо, горя желанием ринуться в бой, как только это будет нужно. Подавив нетерпение, молодой человек вновь выглянул наружу и молча стал ждать дальнейшего развития событий. В этот миг кусты раздвинулись, и на площадке появился высокий вооруженный гурон. Пока он всматривался в безмолвный блокгауз, лунный свет озарил его свирепое лицо, на котором читались изумление и любопытство.

Он издал возглас, обычно выражающий у индейца удивление, затем тихо подозвал товарища, и тот немедленно присоединился к нему.

Дети лесов несколько минут постояли бок о бок, указывая пальцами на ветхое строение и о чем-то совещаясь на языке своего племени. Затем медленно и осторожно, останавливаясь на каждом шагу, словно пугливые олени, в которых любопытство борется с тревогой, они стали приближаться к блокгаузу. Внезапно один из них ступил на холмик и нагнулся, чтобы получше рассмотреть его. В этот миг Хейуорд увидел, что охотник опустил ружье и обнажил нож. Повторяя его движения, молодой человек приготовился к схватке, казавшейся теперь неизбежной.

Дикари находились так близко, что лошадям стоило шевельнуться или хотя бы вздохнуть громче, нежели обычно, как беглецы были бы обнаружены. Но едва гуроны сообразили, что это за холмик, мысли их приняли другое направление. Они заговорили между собой, и голоса их звучали тихо и торжественно, словно краснокожих преисполняли благоговение и страх. Затем дикари осторожно попятились, не отрывая глаз от развалин и словно ожидая, что из этих безмолвных стен вот-вот появятся призраки усопших. Наконец, достигнув края площадки, они медленно вошли в кусты и исчезли.

Соколиный Глаз взял ружье к ноге и с долгим вздохом облегчения внятно прошептал:

— Да, мертвых они чтят, и сегодня это спасло жизнь им, а может быть, и кое-кому получше, чем они.

Хейуорд выслушал охотника, но промолчал и тут же повернулся в сторону тех, кто интересовал его сейчас гораздо больше. Он услышал, как оба гурона выбрались из кустов, и вскоре убедился, что остальные преследователи собрались вокруг них, с глубоким вниманием слушая их рассказ. Серьезный и спокойный разговор, совершенно не похожий на первое шумное совещание, продлился несколько минут; затем голоса стали отдаляться, затихать и растаяли наконец в глубине леса.

Соколиный Глаз выждал, пока Чингачгук не уверил его, что шайка удалилась на достаточное расстояние, после чего подал Хейуорду знак вывести лошадей и подсадить девушек в седло. Как только это было сделано, маленький отряд, покинув полуразвалившийся блокгауз, двинулся в направлении, противоположном тому, откуда пришел, и сестры пугливо оглядывались на безмолвную могилу и ветхий блокгауз, пока не пересекли залитую мягким лунным светом поляну и не углубились в непроглядный мрак леса.

ГЛАВА XIV

Часовой
Qui est là?
Жанна д'Арк
Paysans, pauvres gens de France.

Шекспир. Король Генрих VI [1]

Покидая блокгауз и углубляясь в чащу, каждый из путников был так поглощен одним желанием — спастись, что не рискнул произнести ни слова, даже шепотом. Разведчик снова занял место во главе отряда, но теперь, оставив между собой и противником достаточное расстояние, двигался еще осторожней, чем во время предыдущего перехода, потому что был совершенно незнаком с этой частью леса. Он то и дело останавливался, чтобы посоветоваться с могиканами, указывая на луну и необыкновенно тщательно осматривая кору деревьев. Во время этих коротких остановок Хейуорд и сестры, напрягая обостренный сознанием опасности слух, пытались уловить какие-нибудь признаки, указывающие на близость врага. Но необъятный лес спал, казалось, беспробудным сном: из него не доносилось ни звука, кроме еле слышного журчания отдаленного родника. Птицы, животные и люди, если только последние вообще могли очутиться в подобной глуши, были равно объяты дремотой. Однако лепет ручья, как ни был он слаб, все же рассеял сомнения проводников, и они тотчас направили к нему свои беззвучные шаги.

Выйдя на берег потока, Соколиный Глаз опять остановился, снял с ног мокасины и предложил Хейуорду и Давиду последовать его примеру. Затем вошел в воду и целый час вел отряд по руслу ручья, чтобы не оставлять опасных следов. Луна уже скрылась за черной громадой туч, нависших над западной частью горизонта, когда путники выбрались наконец из неглубокого извилистого ручья и вновь очутились на лесистой песчаной равнине. Здесь охотник почувствовал себя спокойнее и двинулся вперед с уверенностью и быстротой человека, знающего, что он делает. Вскоре тропинка стала менее ровной, и путники заметили, что с обеих сторон к ней подступают горы и что они входят в горловину широкого ущелья. Внезапно Соколиный Глаз остановился и, выждав, пока подойдут остальные, заговорил приглушенным голосом, придававшим во тьме оттенок особой торжественности его словам:

— Научиться находить тропу в лесу и отыскивать в глуши солонцы и родники — дело нехитрое. Но кто, глядя на эту мест-

[1] Кто идет? — Крестьяне, бедные французы *(франц.)*.
Перевод Е. Бируковой.

ность, решится утверждать, что среди вон тех молчаливых деревьев и нагих гор расположилась сейчас на отдых целая армия?

— Значит, мы уже недалеко от форта Уильям-Генри? — с интересом спросил Хейуорд, подходя поближе к разведчику.

— Нет, до форта нам еще предстоит долгий и утомительный путь, и самый трудный теперь для нас вопрос — как добраться туда,— последовал ответ.— Видите? — разведчик указал на видневшееся между деревьев небольшое озеро, гладь которого отражала яркие звезды.— Это Кровавый пруд. Я не только часто бывал на его берегах, но и дрался там с врагами от восхода до заката.

— Вот как! Значит, эта унылая полоса воды — могила павших в битве храбрецов? Я слышал про это озеро, но никогда не видел его.

— Мы за один день дали здесь три сражения этому чертову французскому немцу! — продолжал Соколиный Глаз, скорее следуя течению собственных мыслей, чем отвечая Дункану.—Мы собирались устроить засаду и преградить ему путь, но дрался он храбро и вскоре погнал нас, как стадо испуганных оленей, по ущелью к берегам Хорикэна. Однако тут сэр Уильям, который именно за это дело и получил титул, подал команду, мы залетли за поваленными деревьями и под прикрытием их расквитались за утренний позор! В тот день сотни французов видели солнце в последний раз. Сам Дискау, их начальник, угодил к нам в руки до того изрешеченный свинцом, что ему пришлось вернуться на родину: он уже не мог больше участвовать в войне.

— Да, вы дали врагу хороший отпор! — по-юношески пылко воскликнул Хейуорд.—Молва о нем быстро долетела к нам, в южную армию.

— Но на этом дело не кончилось. Майор Эффингем, по личной просьбе сэра Уильяма, послал меня в обход французского фланга через волок в крепость на Гудзоне с известием о поражении противника. Как раз вон там, в леске, на склоне горы, я встретил отряд, спешивший к нам на подмогу, и повел его прямо туда, где французы устроили привал и закусывали, не подозревая, что резня еще не кончена.

— И ваше появление оказалось для них неожиданностью?

— Да, если смерть может оказаться неожиданностью для людей, думающих только о том, как утолить голод! Мы даже опомниться им не дали: они крепко пощипали нас в утренней схватке, и в нашем отряде мало кто не потерял из-за них друга или родича. Когда все кончилось, мертвых,— а кто говорит, и умирающих,— побросали в этот маленький пруд. Я собственными глазами видел, как он окрасился от крови в такой цвет, какого не увидишь ни в одном водоеме, берущем свое начало из земного источника.

— Ну что ж, это удобная и, надеюсь, спокойная могила для солдата! Значит, вы долго и много воевали здесь, на границе?

— Я-то? — переспросил разведчик, с истинно воинской гордостью выпрямляясь во весь рост.— В этих лесах почти нет места, где эхо не вторило бы моему ружью, и между Хорикэном и рекой не найдется даже квадратной мили, на которой оленебой не уложил бы врага или лесного зверя. А что касается пруда, который вы назвали спокойной могилой,— то это не совсем так. Ведь принято думать, что людей нельзя хоронить, прежде чем дух не покинет тело, иначе мертвецу по смерти покоя не будет. Но в тот вечер у врачей из-за спешки наверняка не хватило времени определить, кто живой, кто мертвый... Тс-с! Вам не кажется, что по берегу пруда кто-то бродит?

— Вряд ли в этом дремучем лесу найдутся другие бездомные скитальцы, кроме нас.

— Бывают и такие, кому не нужны ни дом, ни кров, а ночная роса не вымочит того, кто проводит дни свои в воде,— возразил Соколиный Глаз, с такой судорожной силой вцепившись Хейуорду в плечо, что боль помогла молодому офицеру уразуметь, какой суеверный ужас овладел обычно неустрашимым разведчиком.— Клянусь небесами, сюда направляется нечто в облике человеческом! К оружию, друзья мои,— мы ведь не знаем, кого можем встретить!

— Qui vive?[1] — окликнул суровый низкий голос, прозвучавший в этом зловещем безлюдном месте, как зов из потустороннего мира.

— Что оно говорит? — прошептал разведчик.— Оно говорит не по-индейски и не по-английски.

— Qui vive? — повторил тот же голос, и вслед окрику грозно забряцало оружие.

— France![2] — отозвался Хейуорд, выходя из тени деревьев на берег озера в нескольких ярдах от часового.

— D'où venez-vous et où allez-vous d'aussi bonne heure?[3] — спросил гренадер на языке и с акцентом жителя доброй старой Франции.

— Je viens de la découverte et je vais me coucher[4].

— Etes-vous officier du roi?[5]

— Sans doute, mon camarade; me prends-tu pour un provin-

---

[1] Кто идет? *(франц.)*
[2] Франция *(франц.)*.
[3] Откуда вы и куда в такую рань? *(франц.)*
[4] Возвращаюсь из разведки и иду спать *(франц.)*.
[5] Вы — офицер королевской армии? *(франц.)*

cial! Je suis capitaine de chasseurs[1],— ответил Хейуорд, успев приметить, что собеседник его — солдат линейного полка.— J'ai ici avec moi, les filles du commandant de la fortification. Aha! Tu en as entendu parler! Je les ai faîtes prisonnières près de l'autre fort et je les conduis au général [2].

— Ma foi! mesdames, j'en suis fâché pour vous[3],— воскликнул молодой солдат, учтиво и не без изящества откозыряв девушкам.— Mais — fortune de guerre! Vous trouverez notre général un brave homme et bien poli avec les dames[4].

— C'est le caractère des gens de guerre[5],— с поразительным самообладанием подхватила Кора.— Adieu, mon ami; je vous souhaiterais un devoir plus agréable à remplir[6].

Солдат низко и почтительно поклонился в ответ на любезность. Хейуорд бросил: «Bonne nuit, camarade!»[7]—и путники осторожно двинулись вперед, оставив часового расхаживать взад и вперед по берегу молчаливого озера. Не допуская мысли, что враги способны на такую безумную дерзость, он беззаботно напевал песенку, пришедшую ему на ум при виде женщин, а быть может, навеянную воспоминанием о далекой прекрасной Франции:

Vive le vin, vive l'amour, etc[8].

— Хорошо, что вы столковались с этим мошенником! — шепнул разведчик, когда они отошли на некоторое расстояние, и вновь опустил ружье.— Я сразу сообразил, что он из этих забияк-французов. Счастье его, что разговаривал он мирно и дружелюбно! В противном случае его костям нашлось бы местечко среди скелетов его соотечественников.

Слова Соколиного Глаза были прерваны долгим глухим стоном, донесшимся с пруда, словно призраки убитых в самом деле бродили там вокруг своей водной могилы.

— Нет, это наверняка был живой человек,— продолжал разведчик.— Призраку ни за что так ловко с ружьем не управиться!

— Несомненно, живой, но вот жив ли он и сейчас — в этом я сомневаюсь,— отозвался Хейуорд, быстро оглянувшись и заме-

---

[1] Разумеется, приятель; неужели ты принял меня за деревенщину? Я капитан егерей *(франц.)*.

[2] Тут со мной дочери коменданта форта. А, ты уже слышал о них! Я взял их в плен у другого форта и веду к генералу *(франц.)*.

[3] Клянусь, сударыни, мне очень жаль вас *(франц.)*.

[4] Что поделаешь! Превратности войны! А генерал у нас славный и очень любезен с дамами *(франц.)*.

[5] Это в обычае военных *(франц.)*.

[6] До свиданья, друг мой. Желаю вам более приятных обязанностей *(франц.)*.

[7] Доброй ночи, приятель *(франц.)*.

[8] Да здравствует вино, да здравствует любовь и т. д. *(франц.)*.

тив, что с ними нет Чингачгука. Раздался еще один стон, слабее первого, потом всплеск воды, и все стихло, словно ничто никогда не нарушало первозданного безмолвия на берегах страшного озера. Пока путники медлили в нерешительности, которая с каждой минутой становилась все более тягостной, из кустов выскользнул нагнавший их Чингачгук, одной рукой привязывая к поясу еще дымящийся скальп несчастного молодого француза, а другой засовывая на место нож и томагавк, обагренные кровью жертвы. Затем он занял свое место с удовлетворенным видом человека, свершившего похвальное деяние.

Разведчик поставил ружье между ногами, оперся руками о дуло и на несколько секунд погрузился в глубокое молчаливое раздумье. Затем грустно покачал головой и пробормотал:

— Конечно, подобный поступок, соверши его белый человек, можно было бы назвать и жестоким и бесчеловечным; но такова уж натура индейца, и с нею, сдается мне, ничего не поделаешь. А все-таки жаль, что такая участь постигла веселого молодого парня из старой Франции, а не какого-нибудь минга!

— Довольно! — остановил его Хейуорд, опасаясь, как бы ничего не подозревавшие сестры не догадались о причине задержки, и подавив в себе отвращение доводами, весьма напоминавшими мысли разведчика.— Дело сделано, а сделанного не воротишь, хотя было бы лучше, если бы этого не произошло. Как видите, мы пересекли линию вражеских аванпостов. Куда вы думаете направиться?

— Верно,— согласился Соколиный Глаз, словно очнувшись.— Теперь уже поздно сожалеть о случившемся. Однако, я вижу, французы всерьез обложили форт, и задача нам предстоит не из легких.

— Да и времени на то, чтоб ее выполнить, у нас немного,— подхватил Хейуорд, глядя на тучи, которые закрыли заходящую луну.

— Да, немного,— повторил разведчик.— А выполнить ее можно двумя способами, да и то, если нам посчастливится, чего может и не случиться.

— Какими? Говорите скорей — время не ждет.

— Первый — спешить девушек, отпустить лошадей на волю и послать вперед могикан. Они уберут с нашей дороги вражеских часовых, и мы пройдем в форт по трупам французов.

— Нет, нет, не годится! — перебил великодушный Хейуорд.— Солдат может пробиться силой, но только не в сопровождении женщин.

— Да, это в самом деле слишком кровавая тропа для таких нежных ножек,— согласился разведчик, не менее осмотрительный, чем майор.— Но я счел своим долгом упомянуть о таком способе — он больше всего подобает мужчине. Итак, нам придется

повернуть обратно, миновать аванпосты французов, круто свернуть на запад и уйти в горы. А уж там я спрячу вас так, что все дьявольские ищейки Монкальма за целый месяц не разыщут наш след.

— Пусть будет так, и чем скорее, тем лучше,— нетерпеливо ответил молодой человек.

Дальнейших переговоров не потребовалось. Соколиный Глаз скомандовал: «За мной!»—и пошел назад тою же дорогой, что привела путников к нынешнему критическому и даже смертельно опасному положению. Они шли осторожно и бесшумно: в любую минуту отряд мог наткнуться на неприятельский дозор или сидящий в засаде секрет. Когда они молча проходили мимо пруда, Хейуорд и разведчик тайком друг от друга еще раз опасливо взглянули на его мрачные воды. Но тщетно они искали глазами труп того, кто так недавно расхаживал по безмолвному берегу: лишь мелкая рябь на поверхности, доказывавшая, что вода еще не успокоилась, напоминала о страшном и кровавом деле, свидетелями которого они стали. Вскоре, однако, угрюмые берега маленького озера, как и все окружающее, поглотила тьма. Оно исчезло во мраке за спиной быстро удалявшихся путников.

Вскоре Соколиный Глаз свернул с тропинки и направился к цепи гор, окаймлявших узкую равнину с запада. Быстрым шагом вел он спутников, стараясь держаться в густой тени, отбрасываемой высокими зубчатыми вершинами. Теперь дорога стала нелегкой, так как шла по местности, усеянной валунами, а кое-где прорезанной оврагами, и двигаться приходилось медленнее. Суровые черные скалы, громоздившиеся вокруг путников, вселяли в них чувство безопасности, в какой-то мере искупая этим трудности пути. Наконец маленький отряд начал медленно подниматься на крутой скалистый склон по тропинке, причудливо извивавшейся между утесов и деревьев. Первые она огибала, вторые как бы служили ей точками опоры, из чего явствовало, что проложили ее люди, хорошо знакомые с условиями жизни в пустынной местности. По мере того как путники поднимались в гору, густой туман, предшествующий обычно наступлению дня, начал редеть, и ландшафт предстал их глазам в чистых и ярких красках, свойственных ему от природы. Выйдя из-под сени редких деревьев, цеплявшихся корнями за нагие склоны горы, отряд оказался на ее вершине, представлявшей собой скалистую замшелую площадку, и встретил здесь восход солнца, вспыхнувшего над зелеными соснами, которые высились на горе по ту сторону Хорикэна.

Разведчик велел сестрам слезть с измученных лошадей, разнуздал нэррегенсетов, потом расседлал их и пустил искать себе скудное пропитание — щипать редкие кусты и чахлую траву.

— Ступайте добывать корм там, где его заготовила для вас природа, да смотрите сами не достаньтесь в пищу прожорливым волкам, рыщущим в здешних горах,— сказал он вдогонку животным.

— Разве лошади нам больше не понадобятся? — осведомился Хейуорд.

— А вы посмотрите сами и подумайте,— отозвался разведчик, подходя к восточному краю скалы и знаком подозвав туда остальных.— Если бы заглянуть в душу человеческую было так же просто, как во всех подробностях рассмотреть отсюда лагерь Монкальма, на свете осталось бы мало лицемеров, а вся хитрость мингов не стоила бы выеденного яйца в сравнении с честностью делаваров.

Подойдя к краю пропасти, путники разом убедились в справедливости слов разведчика и поняли, какую он выказал предусмотрительность, когда повел их на вершину этой горы.

Она возвышалась почти на тысячу футов и представляла собой конус, несколько выдававшийся вперед из горной цепи, которая тянется вдоль западного берега Хорикэна на много миль, а затем, встретившись с такими же громадами, обступавшими озеро с другой стороны, простирает дальше, к Канаде, свои скалистые изломанные отроги, скудно поросшие вечнозеленым хвойным лесом. Внизу, под ногами путников, расстилался южный берег Хорикэна — широкий полукруг между горами, переходящий в неровную и слегка возвышенную равнину. К северу прозрачной и, как казалось с головокружительной высоты, узкой лентой тянулось Святое озеро, изрезанное бесчисленными бухтами, украшенное причудливыми мысами, испещренное несчетными островками. Вдали, на расстоянии нескольких миль, водная полоса то пряталась в горах, то скрывалась в толще тумана, который медленно катился над волнами, подгоняемый легким утренним ветерком. Однако в узкой расселине между двумя высокими горными кряжами явственно обнаруживался проход; по нему воды Хорикэна пролагали себе дорогу дальше к северу, чтобы еще раз сверкнуть чистой прозрачной струей, перед тем как влиться в далекий Шамплейн. С южной стороны лежало уже не раз упомянутое нами широкое ущелье или, вернее, холмистая равнина. Тут горы, словно нехотя уступая свое первенство, на протяжении нескольких миль заметно понижались и расходились в стороны, постепенно превращаясь в песчаную равнину, по которой мы сопровождали наших искателей приключений, следуя за ними туда и обратно. Вдоль обеих горных цепей, окаймлявших противоположные берега озера и долину, из глубины безлюдных лесов спирально поднимались к небу или лениво скатывались по откосам, сливаясь

с висевшим над низинами туманом, легкие испарения; похожие на дым из труб каких-то невидимых хижин. Над равниной медленно плыло одинокое белоснежное облачко, повисшее сейчас в небе как раз над безмолвной гладью Кровавого пруда.

На самом берегу Хорикэна, ближе к его западному краю, виднелись длинные земляные валы и приземистые постройки форта Уильям-Генри. Два широких бастиона, казалось, уходили своими фундаментами в озеро, в то время как с других сторон форт был защищен глубоким болотом и рвами изрядной протяженности. На довольно большом пространстве вокруг укреплений лес был вырублен, но дальше ландшафт сохранял свой природный зеленый покров, кроме тех мест, где прозрачные воды ласкали взор или грозные скалы гордо возносили свои черные обнаженные вершины над волнистым контуром горных цепей. Вокруг крепости были расставлены сторожевые посты, где часовые несли свою нелегкую службу, зорко наблюдая за многочисленным неприятелем, а внутри крепости можно было разглядеть солдат, еще дремавших после проведенной под ружьем ночи. К юго-востоку от форта, но в непосредственной от него близости, виднелся окруженный траншеями лагерь, расположенный на скалистой возвышенности — месте, гораздо более удобном для самой крепости. Соколиный Глаз указал товарищам на уже расквартированные в лагере полки подкрепления, которые столь недавно одновременно с путниками отправились сюда с берегов Гудзона. Чуть южнее из глубины леса поднимались густые клубы черного дыма, которые было нетрудно отличить от чистой дымки испарений и которые, как заметил разведчик Хейуорду, доказывали, что там сосредоточены крупные силы противника.

Однако молодого офицера куда больше интересовало то, что происходило на западном берегу озера, хотя и очень близко от южной его оконечности. Там, на полосе земли, казавшейся слишком узкой, чтобы на ней разместилось так много людей, но на самом деле протянувшейся на целые сотни ярдов от берегов Хорикэна до подошвы горы, белели палатки лагеря десятитысячной французской армии со всем надлежащим снаряжением и обозом. Батареи уже выдвинулись вперед, и пока наши путники, волнуемые самыми различными чувствами, взирали на эту картину, расстилавшуюся, словно карта, у них под ногами, в долине загрохотали пушки, и гул канонады покатился вдоль восточной цепи гор.

— Внизу уже светает, и часовые надумали будить спящих выстрелами из пушек,— неторопливо и задумчиво молвил разведчик.— Мы опоздали на несколько часов! Монкальм успел-таки наводнить лес своими проклятыми ирокезами.

— Да, форт в самом деле со всех сторон обложен,— отозвался Дункан.— Но неужели нет способа пробраться туда? Лучше уж сидеть в осаде за стенами крепости, чем снова угодить в руки бродящим по лесу индейцам.

— Смотрите! Ядро попало в дом коменданта, только камни полетели! — воскликнул разведчик, невольно привлекая внимание Коры к жилищу ее отца.— Французы, кажется, разнесут его побыстрее, чем он был построен, хотя стены у него и прочные и толстые.

— Хейуорд, я не могу спокойно смотреть издали, как мой отец подвергается опасности! — встревожилась неустрашимая девушка.— Пойдем к Монкальму и попросим пропустить нас. Он не решится отказать в этом дочери своего противника.

— Вы вряд ли доберетесь до палатки француза, сохранив волосы на голове,— оборвал Кору разведчик.— Будь у меня хотя бы одна из множества пустых лодок, что качаются вдоль того берега, можно было бы еще попробовать... Э! Стрельба-то скоро кончится: опускается туман, и день вот-вот превратится в ночь, а стрела индейца станет опаснее, чем самая тяжелая пушка. Словом, если вы готовы идти за мной, я попробую прорваться: мне хочется попасть в лагерь хотя бы для того, чтобы разогнать этих псов-мингов, которые хозяйничают вон в том березняке.

— Мы готовы! — твердо ответила Кора.— Ради возвращения к отцу мы пойдем на любой риск.

Разведчик повернулся к ней и с откровенно одобрительной улыбкой сказал:

— Хотел бы я иметь под началом тысячу молодцов, сильных, зорких и так же мало боящихся смерти, как вы! Тогда я еще до конца недели загнал бы этих безмозглых французов обратно в берлогу, и взвыли бы они у меня, что твои собаки на сворке или стая голодных волков! Но пошевеливайтесь! — добавил он, обращаясь к остальным.— Туман наползает так быстро, что у нас еле-еле достанет времени спуститься в долину и воспользоваться им как прикрытием. И запомните: если со мной что-нибудь случится, держитесь левой щекой к ветру, а еще лучше — не отставайте от могикан. Они-то уж и днем и ночью дорогу найдут.

Соколиный Глаз махнул рукой, сделав своим друзьям знак следовать за ним, и быстро, хотя осторожно начал спускаться по крутому склону. Хейуорд помог сестрам, и уже через несколько минут маленький отряд очутился у подножия горы, на которую только что взобрался с таким мучительным трудом.

Следуя за разведчиком, путники вскоре выбрались на равнину почти напротив ворот в западной куртине форта; до них от места, где остановился разведчик, поджидая Дункана с де-

вушками, было сейчас каких-нибудь полмили. Быстрая ходьба и сравнительно легкая дорога помогли путникам обогнать густой туман, наползавший с озера, и им пришлось простоять на месте до тех пор, пока он не окутал своим плотным плащом лагерь противника. Могикане воспользовались остановкой и выскользнули из лесу, чтобы осмотреть местность. Разведчик последовал за ними, держась, однако, на некотором расстоянии: ему важно было поскорей получить сведения, которые добудут его друзья, и, хотя бы поверхностно, самому ознакомиться с обстановкой.

Он быстро возвратился, весь багровый от злости, излил свое недовольство в малоизысканных выражениях и добавил:

— Хитрый француз выставил дозор прямо у нас на пути. Там и белые и краснокожие. В таком тумане угодить им в руки ничуть не труднее, чем проскользнуть незамеченными.

— Нельзя ли сделать крюк и обойти дозор, а когда опасность минует, снова вернуться на тропу? — спросил Хейуорд.

— Кто, хоть раз сойдя в туман с дороги, может сказать, где и когда надо повернуть, чтоб вновь выйти на нее? Туман на Хорикэне — это вам не колечки из трубки мира или дымок костра, разведенного для защиты от мошки!

Не успел Соколиный Глаз договорить, как прогремел пушечный выстрел, в чащу вкатилось ядро, ударилось о ствол дерева и, задержанное этим препятствием, срикошетировало об землю. Почти одновременно с этим страшным вестником смерти появились, словно его верные спутники, оба могиканина, и Уикас поспешно начал что-то объяснять на делаварском наречии.

— Возможно, ты и прав, мой мальчик,— проворчал разведчик, когда индеец умолк.— Смертельную лихорадку настойкой от зубной боли не вылечишь. Пошли! Туман надвигается.

— Стойте! — крикнул Хейуорд.— Сперва объясните, на что вы надеетесь.

— Объяснить нетрудно, надеяться же почти не на что, хотя даже это все-таки лучше, чем ничего. Вот перед вами ядро,— прибавил разведчик, толкая ногой уже безвредный снаряд.— По пути из форта оно взбороздило землю, и в случае, если все остальные приметы потеряются, мы отыщем эту борозду. Но довольно слов! Следуйте за мною, не то туман рассеется на полдороге, и мы станем мишенью для обеих армий.

Хейуорд сообразил, что теперь в самом деле наступила критическая минута, когда действия нужней слов, схватил девушек за руки и потащил их вперед, стараясь не терять из виду разведчика, чья фигура смутно вырисовывалась впереди. А еще через несколько минут всем стало ясно, что Соколиный Глаз отнюдь не преувеличивал густоту тумана: путники не прошли и двадцати

ярдов, как перестали различать друг друга в окутавшей их влажной пелене.

Сделав небольшой крюк влево, они опять повернули направо и прошли уже, по мнению Хейуорда, чуть не половину расстояния, отделявшего их от дружественной крепости, как вдруг футах в двадцати раздался резкий окрик:

— Qui va là?[1]

— Не останавливайтесь! — шепотом бросил разведчик, опять беря влево.

— Не останавливайтесь! — повторил Хейуорд, когда снова раздался окрик, подхваченный теперь целой дюжиной угрожающих голосов.

— C'est moi[2],— крикнул Дункан, скорее волоча, чем ведя за собой спутниц.

— Bête! Qui moi?[3]

— Un ami de la France[4].

— Tu m'as plus l'air d'un ennemi de la France. Arrête! Ou pardieu je te ferai ami du diable. Non? Feu, camarades, feu![5]

Приказ был немедля выполнен, и вспышки полусотни выстрелов прорезали туман. К счастью, цель была плохо видна, и пули прошли в стороне от беглецов, хотя так близко от них, что неопытному слуху Давида и девушек показалось, будто они просвистели у них над самым ухом. Снова раздались окрики, сопровождаемые отчетливо слышным приказом не только стрелять, но и пуститься в погоню. Когда Хейуорд наспех объяснил разведчику смысл этих криков, Соколиный Глаз остановился, быстро принял решение и твердо объявил:

— Дадим по ним залп. Они решат, что наши пошли на вылазку, и либо отступят, либо подождут подкрепления.

План был хорош, но цели не достиг. Едва французы услышали ответные выстрелы, равнина словно ожила, и на всем ее протяжении, от берегов озера до самых дальних границ леса, затрещали мушкеты.

— Так мы накличем себе на голову всю их армию и доведем дело до приступа! — бросил Дункан.— Вперед, вперед, друг мой, если дорожите нашей жизнью и своей собственной!

Разведчик охотно последовал бы этому совету, но из-за поспешности марша, сумятицы и частых поворотов сам потерял

---

[1] Кто идет? *(франц.)*

[2] Я *(франц.)*.

[3] Кто это я, дурак? *(франц.)*

[4] Друг французов *(франц.)*.

[5] А по-моему, ты враг французов. Стой, или ты у меня с чертом подружишься. Не остановился? Огонь, ребята! Пли! *(франц.)*

направление. Напрасно поворачивал он к ветру то одну, то другую щеку — обе одинаково ощущали прохладу. В эту трудную минуту Ункас напал на борозду от пушечного ядра там, где оно разметало три стоявшие друг возле друга муравейника.

— Дайте-ка мне взглянуть! — скомандовал Соколиный Глаз, нагнулся, присмотрелся к борозде и быстро двинулся по ней вперед.

Крики, проклятия, оклики, выстрелы безостановочно раздавались со всех сторон. Внезапно сильная вспышка света прорезала туман, он густыми кольцами пошел вверх, и пушки огласили равнину неистовым грохотом, которому тяжело и гулко завторило горное эхо.

— Это из форта! — воскликнул Соколиный Глаз, круто поворачивая назад.— А мы-то, дураки шальные, бежали в лес, прямо под ножи этих мошенников-макуасов!

Обнаружив свою ошибку, маленький отряд не пожалел усилий, чтобы исправить ее. Дункан охотно уступил Ункасу право поддерживать Кору, а Кора не менее охотно оперлась на руку молодого могиканина. Каждое мгновение им грозили плен или смерть: распаленные до бешенства французы гнались за ними почти что по пятам.

— Point de quartier aux coquins! [1] — вопил один из ретивых преследователей, по всей видимости, руководивший погоней.

— Сомкнуть ряды! Ружья на изготовку, храбрецы шестидесятого! — неожиданно загремел сверху властный голос.— Выждать противника! Целиться в ноги! Очистить гласис от врагов!

— Отец! Отец! — донесся из тумана пронзительный женский вопль.— Это я, Алиса, твоя Элси! Не стреляй! Спаси своих дочерей!

— Отставить! — в исступленном отцовском отчаянии закричал тот же голос, и звуки его, донесшиеся до самого леса, были подхвачены громким эхом.— Это Алиса! Господь вернул мне детей!.. Открыть ворота! На вылазку, шестидесятый, на вылазку! Не стрелять, иначе убьете моих овечек! В штыки на французских собак!

Услышав скрип ржавых петель, Дункан метнулся на звук к воротам и встретил там солдат в темно-красных мундирах, хлынувших на гласис. Он узнал свой королевский американский батальон, встал во главе него и быстро обратил преследователей в бегство.

Дрожащие Кора и Алиса на мгновение остановились, пораженные внезапным исчезновением своего защитника. Но прежде

---

[1] Не жалеть негодяев! *(франц.)*

чем они вновь обрели дар речи или хотя бы собрались с мыслями, офицер исполинского роста, с волосами, убеленными временем и долголетней службой, но сохранивший безупречную выправку, неожиданно появился из тумана и прижал девушек к груди. По его бледным морщинистым щекам катились жгучие слезы, и он с неподражаемым шотландским акцентом воскликнул:

— Слава тебе, господи! Пусть теперь приходит любая опасность — твой слуга готов встретить ее!

ГЛАВА XV

Тогда пойдем, чтоб выслушать посла:
Хоть я заранее могу сказать,
О чем француз там будет говорить.

Шекспир. Король Генрих V[1]

Следующие несколько дней были целиком заполнены лишениями, тревогами и опасностями осады, заставить снять которую Манроу не имел никакой возможности, так как обложивший крепость противник обладал неизмеримым превосходством в силах. Вэбб, казалось, спокойно дремал со своей армией на берегах Гудзона, решительно забыв о бедственном положении соотечественников. Монкальм наводнил леса на волоке своими союзниками-индейцами, каждый вопль и боевой клич которых, доносясь в английский лагерь, леденил сердца людей, без того уже склонных преувеличивать опасность и терзать себя надуманными страхами.

Однако в стенах самого форта Уильям-Генри царило совсем иное настроение. Воодушевленные речами и примером офицеров, солдаты собрали все свое мужество и поддерживали воинскую репутацию гарнизона с упорством, делавшим честь характеру его сурового командира. К тому же, удовлетворившись успешным завершением трудного и утомительного марша через леса навстречу противнику, французский командующий при всем своем бесспорном таланте не позаботился занять соседние высоты, откуда он мог бы легко уничтожить осажденных, то есть воспользоваться преимуществом, которым не пренебрег бы ни один современный нам генерал. Такое пренебрежение к высотам, а вернее, боязнь трудного подъема на них, было типической слабостью тогдашнего военного искусства. Объясняется она той легкостью, с какой одерживались победы над индейцами в те времена, когда, в силу самого характера военных действий и густоты лесов, крепости строились редко и артиллерия была почти не нужна. Небреж-

[1] Перевод Е. Бируковой.

ность, порожденная этим, дала себя знать даже в годы Войны за независимость, лишив Штаты важной крепости Тикондерога и открыв армии Бургойна путь в сердце страны. Сейчас, оглядываясь назад, мы можем лишь изумляться подобному невежеству или, если угодно, безрассудству. Теперь уже хорошо известно, что пренебрежение высотами,— трудность подъема на которые, как, например, на Маунт-Дифайенс, кстати, вообще сильно преувеличивалась,— сразу погубило бы репутацию инженера, вздумай он построить укрепление у подошвы горы, а заодно и репутацию генерала, вынужденного защищать подобное укрепление.

Путешественникам, больным или просто любителям красот природы, катящим сейчас в запряженном четверкой экипаже по описанным нами местам в погоне за впечатлениями, здоровьем или удовольствиями, равно как тем, кто плывет по каналам, которые появились здесь при государственном деятеле, не побоявшемся рискнуть престижем ради весьма проблематичных результатов подобного новшества, не следует думать, что предки их перебирались через холмы и переправлялись через реки с такими же удобствами. Перевозка одного-единственного тяжелого орудия уже приравнивалась тогда к победе, особенно в тех случаях, когда трудности пути не оставляли его без боевых припасов и не превращали в бесполезную груду железа.

Прискорбные последствия такого положения вещей тяжелым грузом легли на плечи решительного шотландца, защищавшего сейчас форт Уильям-Генри. Противник его хотя и пренебрег высотами, но на равнине расставил свои батареи со знанием дела и принял меры, чтобы действовали они искусно и энергично. Огню их осажденные могли противопоставить лишь весьма несовершенные пушки, которые удалось на скорую руку привести в порядок гарнизону крепости, расположенной в лесной глуши, куда нельзя было даже подвезти подкрепления по водным путям, тогда как более удачливому врагу последние, напротив, открывали удобный доступ из Канады в эти края.

На пятый день осады и на четвертый день своего пребывания в крепости майор Хейуорд воспользовался тем, что комендант вступил в переговоры с неприятелем, и вышел на валы одного из приозерных бастионов, решив подышать свежим воздухом и посмотреть, насколько продвинулись осадные работы противника. Дункан был один, если не считать расхаживавшего взад-вперед часового: артиллеристы тоже не преминули использовать перерыв в военных действиях для отдыха от своих нелегких обязанностей. Вечер был упоительно тих, с прозрачной глади озера тянуло легким ласковым ветерком. Казалось, сама природа, радуясь прекращению канонады и ружейной пальбы, не упустила удобный

случай принять самый свой кроткий и чарующий вид. Солнце заливало землю прощальным сиянием, уже не обжигая ее зноем, столь томительным в такое время года при здешнем климате. Одетые свежей зеленью горы, озаренные мягким светом и кое-где уже подернутые полупрозрачной дымкой испарений, были изумительно красивы. Между многочисленными островками, которые, то словно вкрапленные в воду, то возвышаясь над нею зелеными бархатными холмами, усеивали лоно Хорикэна, виднелись лодки с солдатами осаждающей армии; они надумали порыбачить и теперь работали веслами, лавируя среди этих островков, или покачивались на зеркальной поверхности озера, мирно предаваясь своему занятию.

Зрелище это было исполнено оживления и покоя одновременно. Все, что определялось в нем природой, было прекрасно и даже величественно; все, что зависело от настроения и движений человека, дышало гармонией.

Друг против друга — один на внешнем выступе форта, другой на передовой батарее осаждающих — развевались два небольших белоснежных флага, служивших эмблемой перемирия, словно положившего конец не только военным действиям, но и вражде воюющих сторон. Позади них, то развеваясь, то свертываясь тяжелыми складками, колыхались знамена двух соперниц — Англии и Франции.

Человек сто молодых, веселых, беззаботных французов тащили невод к каменистому берегу в опасной близости от грозных, но безмолвных сейчас пушек форта, и горное эхо на восточной стороне озера вторило громким крикам и звонкому смеху, которыми солдаты сопровождали эту забаву. Другие бежали к озеру и с наслаждением плескались в воде; третьи, с присущим их нации любопытством, неутомимо лазили по окрестным горам. Часовые противника, наблюдавшие за крепостью, да и сами осажденные взирали на эти игры и развлечения с праздным, но сочувственным видом. То тут, то там дозоры затягивали песню или пускались в пляс, неизменно собирая вокруг себя толпу угрюмых дикарей, покидавших свои лесные убежища и с немым изумлением дивившихся забавам белых союзников. Одним словом, все напоминало скорее долгий праздничный день, нежели краткий час, похищенный у трудов и опасностей жестокой, кровопролитной войны.

Дункан несколько минут задумчиво любовался этой картиной, как вдруг его внимание привлек звук шагов: кто-то приближался по гласису к уже упомянутым нами воротам форта. Хейуорд вышел на угол бастиона и увидел разведчика, которого вел к крепости французский офицер. Лицо у Соколиного Глаза осунулось и выглядело измученным, вид был подавленный, словно он

испытывал глубочайшее унижение из-за того, что оказался во власти врага. Любимого ружья с ним не было, и руки его были стянуты за спиной ремнями из оленьей кожи. В последнее время белые флаги, служившие залогом безопасности парламентеров, появлялись так часто, что майор сперва окинул подходивших равнодушным взглядом: он был уверен, что это просто новый парламентер. Но едва он узнал высокую фигуру и по-прежнему суровое, хотя удрученное лицо своего друга, обитателя лесов, как вздрогнул от изумления, круто повернулся, спустился с бастиона и поспешил в крепость.

Однако звук знакомых голосов заставил его на минуту забыть о своем намерении. Обогнув один из внутренних выступов вала, он встретил Кору с Алисой, прогуливавшихся вдоль бруствера: подобно ему, они вышли подышать свежим воздухом и размяться после долгого сидения в четырех стенах. Дункан не встречал девушек с той тягостной для него минуты, когда он покинул сестер перед фортом, чтобы спасти их. Оставил он их изнемогающими от страха и сломленными усталостью, а вновь увидел свежими и цветущими, хотя по-прежнему встревоженными и озабоченными. Можно ли удивляться, что при таких обстоятельствах молодой человек, забыв обо всем на свете, поддался желанию заговорить с ними? Однако пылкая юная Алиса опередила его.

— А! Вот он, изменник, неверный рыцарь, покидающий дам в беде ради того, чтобы вступить в поединок! — с притворным упреком воскликнула она, хотя сияющие глаза и протянутые к Дункану руки девушки были приятным опровержением ее слов.— Вот уже много дней, нет, целую вечность мы ждем, когда ж вы падете к нашим ногам, умоляя нас забыть и простить вам ваше коварное исчезновение, а вернее сказать — бегство... Ведь вы в самом деле бежали от нас с такой быстротой, что потягались бы с раненым оленем, как выражается наш друг разведчик!

— Вы понимаете, конечно, что этими словами Алиса хочет выразить нашу беспредельную признательность,—вмешалась более серьезная и осмотрительная Кора.— Но, по правде говоря, мы в самом деле удивлялись, почему вы так тщательно обходите дом, где вас ждет благодарность не только дочерей, но и отца.

— Ваш отец подтвердит, что, даже будучи лишен удовольствия видеть вас, я не переставал думать о вашей безопасности,— возразил молодой человек и прибавил, указывая в сторону обнесенного траншеями лагеря: — Все эти дни шла борьба вон за те хижины. Кто овладеет ими, тот может не сомневаться, что станет хозяином форта и всего в нем находящегося. Вот почему, после того как мы расстались, я дневал и ночевал в лагере — это мой долг. Но,— прибавил он с огорчением, которое тщетно пытался

скрыть,— если бы я хоть на миг предположил, что мое поведение, казавшееся мне прямой обязанностью солдата, может быть истолковано так превратно, я тем более не показался бы вам на глаза — мне помешал бы стыд.

— Хейуорд! Дункан! — воскликнула Алиса, наклоняясь, чтобы заглянуть в лицо потупившемуся майору, и ее золотистый локон упал на заалевшую щечку, скрыв навернувшиеся на глаза слезы.— Если бы я могла вообразить, что моя глупая болтовня так огорчит вас, я бы до самой смерти не раскрыла больше рта! Кора подтвердит, как высоко мы ценим ваши услуги и как глубоко, больше того, пылко мы благодарны вам.

— А Кора действительно подтвердит это? — вскричал молодой человек, и облачко грусти на его лице сменилось улыбкой нескрываемого удовлетворения.— Что скажет ваша строгая сестра? Оправдает ли она нерадивость рыцаря солдатским долгом?

Кора ответила не сразу: она отвернулась и сделала вид, что созерцает водную гладь Хорикэна. Когда же она перевела глаза на молодого человека, в них еще читалась такая мука, что сердце Хейуорда в ту же секунду заполонила нежность и жалость к девушке.

— Вам, наверно, нездоровится, дорогая мисс Манроу? — воскликнул он.— Мы тут шутим, а вы страдаете.

— Пустяки,— ответила Кора, по-женски кротко, но сдержанно отстраняя поданную ей Дунканом руку.— То, что я не всегда замечаю лишь солнечную сторону жизни, как наша бесхитростная и восторженная Алиса,— добавила она, обняв за плечи взволнованную сестру,— лишь расплата за опыт и, быть может, несчастная черта моего характера. Оглянитесь,— продолжала девушка с усилием, словно подавляя минутную слабость чувством долга,— посмотрите вокруг, майор Хейуорд, и скажите, что должна испытывать сейчас дочь солдата, который видит величайшее счастье в том, чтобы сохранить свою честь и доброе имя воина?

— Ни его честь, ни его доброе имя не могут пострадать из-за не зависящих от него обстоятельств,— горячо запротестовал Дункан.— Но ваши слова напомнили мне о моем долге. Я как раз иду к вашему доблестному отцу, чтобы узнать его последнее решение относительно обороны форта. Да благословит вас бог, благородная Кора,— я вправе и буду называть вас так!

Кора от всего сердца протянула ему руку, но губы ее при этом дрогнули, а щеки мертвенно побледнели.

— Я знаю, вы всегда и всюду останетесь красой и гордостью своего пола,— прибавил молодой человек, повернулся, и восхищение, звучавшее в его голосе, сменилось беспредельной нежно-

стью.— До свиданья, Алиса! Мы скоро увидимся, и, надеюсь, увидимся победителями среди всеобщего ликования.

Не дожидаясь ответа, майор сбежал вниз по заросшим травой ступеням бастиона, торопливо пересек плац и вскоре оказался у коменданта форта. Манроу с пасмурным лицом огромными шагами расхаживал по узкой комнате.

— Вы предупредили мое желание, майор Хейуорд,— сказал он.— Я только что собирался просить вас сюда.

— Я крайне огорчен, сэр, что гонец, которого я так горячо рекомендовал, вернулся назад пленником французов. Надеюсь, у вас нет оснований сомневаться в его верности?

— Верность Длинного Карабина давно и хорошо мне известна,— отозвался Манроу.— Он выше подозрений — просто на этот раз ему, видимо, изменила обычная удача. Он угодил в руки Монкальма, и тот с проклятой французской учтивостью отослал его обратно ко мне, лицемерно велев мне передать, что не смеет задерживать моего лазутчика, зная, как высоко я его ценю. Иезуитский способ напомнить человеку о его несчастье, не правда ли, майор Хейуорд?

— Но помощь от генерала Вэбба?..

— Разве вы не видели его армию, когда по пути в форт оглядывались на юг? — горько усмехнулся старый солдат.— Легче, легче, нетерпеливый юноша! Почему вы не хотите, сэр, дать этим джентльменам время спокойно проследовать сюда?

— Значит, армия придет? Разведчик подтвердил вам?

— К сожалению, этот болван Вэбб забыл или не пожелал сообщить — когда и по какой дороге. Впрочем, он, кажется, все-таки написал мне, и это единственная отрадная подробность во всей истории. Судя по любезности маркиза Монкальма,— кстати, могу побиться об заклад, Дункан, что у нас в Лотьене можно купить хоть дюжину таких титулов,— я полагаю, что если бы в письме содержались очень уж дурные вести, этот французский месье по доброте своей обязательно переправил бы его сюда.

— Значит, сэр, он оставил письмо у себя, хотя освободил посланца?

— Вот именно, и поступил он так из того, что называется у них «bonhomie»[1]. Головой ручаюсь,— если, конечно, правде суждено когда-нибудь обнаружиться,— что дед этого молодца обучал благородному искусству танца.

— Но что говорит сам разведчик? У него же есть и глаза, и уши, и язык! Что он передал вам на словах?

---

[1] Добродушие *(франц.)*.

— Разумеется, сэр, он не обделен природой, обладает всеми органами чувств, и никто не мешает ему рассказать, что он видел и слышал. Но сводится это вот к чему: на берегу Гудзона стоит крепость его величества, названная, как вам небезызвестно, фортом Эдуард в честь его высочества герцога Йоркского, и форт этот, как подобает, полон вооруженных солдат.

— Но разве там не заметно никаких сборов, никаких признаков того, что нам намерены прийти на помощь?

— Там утром и вечером устраиваются смотры, а если какой-нибудь провинциальный олух,— вы таких видели, Дункан, вы же сами наполовину шотландец,— варя себе похлебку, нечаянно просыпает порох, то порох этот, упав на угли, вспыхивает! — Тут Манроу, неожиданно переменив свой горький, иронический тон на серьезный, задумчиво прибавил: — А все-таки в письме что-то есть, не может не быть, и нам не худо бы узнать — что именно.

— Мы не вправе медлить с решением! — сказал Дункан, с радостью воспользовавшись этой переменой в настроении Манроу для того, чтобы перейти к главному предмету разговора.— Не скрою от вас, сэр, что долго нам лагерь не удержать, и с огорчением прибавлю, что в самой крепости дела обстоят не лучше: у нас разорвалось больше половины пушек.

— Может ли быть иначе? Часть их мы выудили со дна озера; другие ржавели в лесах с того дня, как была открыта эта страна; третьи же никогда не были настоящими орудиями, а служили игрушкой для каперов — и только! Уж не надеялись ли вы, сэр, найти второй «Вулвич Уоррен» в лесной глуши за три тысячи миль от Великобритании?

— Стены валятся нам на голову, провиант подходит к концу,— продолжал Хейуорд, не обращая внимания на эту новую вспышку.— Даже солдаты начинают выказывать недовольство и тревогу.

— Майор Хейуорд,— прервал Манроу, поворачиваясь к молодому офицеру со всем достоинством человека почтенного возраста и высокого звания,— я напрасно бы прослужил его величеству полвека и заработал на этой службе седины, если бы сам не знал всего, о чем вы сказали, и не представлял себе, сколь трудно наше положение. Тем не менее честь королевского оружия и наша собственная еще не понесли урона. Пока у меня остается надежда на подкрепление, я буду защищать крепость, хотя бы это пришлось делать камнями, собранными на берегу озера. Поэтому нам совершенно необходимо увидеть письмо и узнать намерения того, кто замещает сейчас графа Лаудена.

— Могу я быть чем-нибудь полезен?

— Можете, сэр. В довершение любезности маркиз Монкальм предлагает встретиться с ним где-нибудь на полдороге между фортом и его лагерем, дабы, как он уверяет, сообщить мне кое-какие дополнительные сведения. Я же полагаю неблагоразумным выказывать чрезмерную готовность к подобному свиданию и хочу послать туда своим представителем одного из старших офицеров, а именно — вас. Я не вправе уронить честь Шотландии, позволив кому бы то ни было превзойти в учтивости одного из ее сынов.

Считая излишним входить в рассмотрение вопроса о том, какая из двух наций учтивее, Дункан охотно согласился заменить ветерана на предстоящей встрече. За этим последовали длительные конфиденциальные переговоры, в ходе которых молодой человек получил дополнительные наставления от своего опытного и наделенного прирожденной проницательностью начальника, после чего наконец удалился.

Поскольку Дункан выступал всего лишь как представитель коменданта форта, церемонии, сопутствующие встрече командующих враждебными сторонами, пришлось отменить. Перемирие еще продолжалось, поэтому не прошло и десяти минут после получения майором инструкций, как забил барабан, и Хейуорд под прикрытием белого флага вышел из ворот крепости. Его встретил высланный вперед французский офицер и после обычных формальностей немедля проводил к стоявшему в отдалении шатру прославленного воина, возглавлявшего неприятельскую армию.

Французский генерал принял молодого парламентера, окруженный офицерами штаба и целой толпой индейских вождей, которые вели с ним в поход воинов своих племен. Хейуорд окинул глазами краснокожих и остановился как вкопанный: прямо перед собой он увидел злобное лицо Магуа, смотревшего на него спокойным, но мрачным взглядом, столь характерным для этого коварного дикаря. С уст молодого человека сорвался негромкий возглас изумления, но, вспомнив, какая миссия на него возложена и в чьем присутствии он находится, Хейуорд подавил свое негодование и повернулся к неприятельскому командующему, который уже шагнул ему навстречу.

В описываемый нами период маркиз де Монкальм находился в расцвете сил и, осмелимся добавить, в зените славы. Но даже в этом завидном положении он отличался приветливостью и соблюдал правила вежливости не менее строго, чем законы рыцарственной отваги, за которую, всего лишь два недолгих года спустя, заплатил жизнью на Авраамовых полях.

Дункан с удовольствием перевел глаза со злобного лица Магуа на благородные, утонченные черты улыбающегося фран-

цузского полководца, невольно отметив про себя его подлинно воинскую выправку.

— Monsieur,— начал Монкальм,— j'ai beaucoup de plaisir à ... Bah! Où est cet interprète?[1]

— Je crois, monsieur, qu'il ne sera pas nécessaire: je parle un peu français[2],— скромно отозвался Хейуорд.

— Ah! j'en suis bien aise[3],— сказал Монкальм, дружески беря Дункана под руку и отводя в глубь шатра, где их не могли слышать присутствующие.— Je déteste ces fripons-là; on ne sait jamais sur quel pied on est avec eux[4]. Итак, сударь,— по-французски же продолжал он,— хотя я почел бы за честь встретиться с вашим начальником лично, я тем не менее счастлив, что он нашел возможным прислать сюда такого достойного и, не сомневаюсь, такого любезного офицера, как вы.

Дункан низко поклонился: несмотря на героическое решение не поддаваться уловкам, способным заставить его забыть об интересах короля, комплимент польстил ему. Монкальм помолчал, словно собираясь с мыслями, и продолжал:

— Ваш комендант — смельчак, который умеет отражать наши приступы. Но не пора ли, сударь, прислушаться к голосу гуманности, а не руководствоваться только велениями отваги? Человеколюбие — такая же характерная примета героя, как и храбрость.

— Мы полагаем, что эти добродетели неразделимы,— с улыбкой возразил Дункан.— Но если отвага вашего превосходительства вынуждала нас отвечать на нее тем же, повода ответить гуманностью на вашу гуманность у нас до сих пор еще не было.

Монкальм, в свой черед, слегка поклонился, но сделал это с видом человека достаточно искушенного и потому не придающего значения лести. Немного подумав, он добавил:

— Быть может, моя подзорная труба обманывает меня и ваши укрепления лучше противостоят огню моих пушек, нежели я предполагал? Вам известно, какие у нас силы?

— Наши сведения расходятся,— небрежно отпарировал Дункан.— Всего у вас, однако, не больше двадцати тысяч человек.

Француз прикусил губу и устремил проницательный взгляд на собеседника, словно пытаясь прочесть его мысли. Затем, со свойственным ему самообладанием, продолжал, как будто под-

---

[1] Сударь, я очень рад... Ба! Куда запропастился переводчик? *(франц.)*

[2] Полагаю, сударь, что он не нужен: я немного говорю по-французски *(франц.)*.

[3] Вот как? Очень приятно *(франц.)*.

[4] Терпеть не могу этих прохвостов: никогда не знаешь, как с ними держаться *(франц.)*.

утверждая названную цифру, хотя прекрасно понимал, что она умышленно преувеличена вдвое:

— Это не слишком лестный комплимент нашей воинской бдительности, сударь. Что мы ни предпринимаем, нам никак не удается скрыть численность армии, а ведь, казалось бы, чего уж проще сделать это в здешних лесах... Итак, вы полагаете, что внять голосу человеколюбия еще рано? — добавил он с лукавой улыбкой.— Смею, однако, надеяться, что рыцарские чувства не чужды такому молодому человеку, как вы. А я слыхал, что дочери коменданта пробрались в форт уже после начала осады.

— Это правда, сударь, но они не только не лишают нас мужества своим присутствием, а, напротив, подают нам пример отваги и неустрашимости. Если бы для отражения натисков такого искусного полководца, как маркиз де Монкальм, довольно было одной решительности, я с радостью поручил бы защиту форта Уильям-Генри старшей из них.

— В нашем салическом законе есть мудрое положение, которое гласит: «Да не перейдет корона Франции от копья к прялке»,— сухо и не без надменности отчеканил Монкальм, но тотчас же с прежней непринужденностью и теплотой прибавил: — Впрочем, поскольку душевное благородство передается по наследству, я охотно верю вам, хотя повторяю: отвага имеет свои пределы, и о гуманности никогда не следует забывать. Я полагаю, сударь, вы уполномочены вести переговоры о сдаче?

— Разве ваше превосходительство находит нашу оборону настолько слабой, что подобная мера необходима?

— Я буду чрезвычайно огорчен, если оборона затянется настолько, что это раздразнит моих краснокожих друзей,— молвил Монкальм, бросив взгляд на группу мрачных молчаливых индейцев и не отвечая на вопрос Хейуорда.— Мне уже и без того трудно удерживать их в рамках правил ведения войны.

Хейуорд промолчал: на него нахлынули страшные воспоминания о недавно избегнутых опасностях, и перед ним возникли образы беззащитных девушек, разделивших с ним страдания.

— Ces messieurs-là [1],— продолжал Монкальм, спеша воспользоваться впечатлением, произведенным, казалось, его последними словами,— особенно страшны, когда добыча ускользает от них, и мне нет нужды рассказывать вам, сколь трудно обуздать их ярость. Итак, сударь, поговорим об условиях капитуляции?

— Боюсь, что ваше превосходительство заблуждается насчет способности форта Уильям-Генри к обороне и численности его гарнизона.

---

[1] Эти господа *(франц.)*.

— Передо мною не Квебек, а всего-навсего земляные укрепления, защищаемые двадцатью тремя сотнями смельчаков,— последовал лаконичный, хотя учтивый ответ.

— Не спорю, валы у нас земляные и расположены не на скалах мыса Даймонд, но форт наш стоит на том самом берегу, который оказался роковым для Дискау и его доблестного отряда. А всего в нескольких часах пути отсюда находится сильная армия, на помощь которой мы можем рассчитывать при обороне.

— Шесть — восемь тысяч человек! — равнодушно бросил Монкальм.— И тот, кто командует ими, резонно считает, что держать их в стенах крепости благоразумней, чем выводить на поле боя.

Теперь настал черед Хейуорда прикусить губу. Он знал, что так хладнокровно упомянутая численность английских солдат тоже сильно преувеличена.

Некоторое время собеседники молча раздумывали, после чего Монкальм возобновил разговор в таких выражениях, из которых явствовало, что неприятельский командующий убежден: гость прибыл к нему с одной целью — обсудить условия капитуляции. Хейуорд же, со своей стороны, всячески пытался сделать так, чтобы французский генерал проговорился о содержании письма Вэбба. Однако хитрости обеих сторон не увенчались успехом, и после продолжительной, но бесплодной беседы Дункан откланялся, унося приятное впечатление от учтивости, любезности и талантов французского полководца, однако пребывая в прежнем неведении относительно того, что пришел узнать. Монкальм проводил его до порога, повторив на прощание, что предлагает коменданту форта немедленно лично встретиться с ним на равнине между двумя лагерями.

Тут они расстались, и Дункан добрался до французского аванпоста в сопровождении того же самого офицера, а оттуда немедленно направился в форт и проследовал в дом коменданта.

ГЛАВА XVI

Эдгар
Перед битвой
прочтите, герцог, это вот письмо.

Шекспир. Король Лир[1]

Хейуорд застал Манроу в обществе дочерей. Алиса забралась на колени к отцу и перебирала нежными пальчиками его седые волосы, а когда он притворно хмурился в ответ на ее шалости,

[1] Перевод Б. Пастернака.

укрощала его напускной гнев, прижимаясь своими коралловыми губками к морщинистому лбу старика. Кора сидела рядом и спокойно созерцала эту картину, взирая на ребячества юной сестры с материнской нежностью, отличавшей ее любовь к Алисе. Девушки были настолько поглощены нежной семейной сценой, что, казалось, на время позабыли не только те опасности, через которые совсем недавно прошли, но и те, которые нависли над ними. Они словно пользовались коротким перемирием для того, чтобы посвятить минуты его самой чистой и прочной из земных привязанностей. Мгновение тишины и покоя помогло дочерям забыть свои страхи, отцу — заботы. Дункан, который, торопясь доложить о своем возвращении, вошел без доклада, умиленно наблюдал за этим зрелищем. Но живые глаза непоседы Алисы вскоре заметили его отражение в зеркале, и она, вспыхнув и соскочив с колен отца, громко и удивленно вскрикнула:

— Майор Хейуорд!

— Почему ты о нем вспомнила? — осведомился отец.— Я послал его поболтать с французом... А, вот и вы, сэр! Что ж, молодость всегда проворна. А ну-ка, шалуньи, бегом марш отсюда! Мало было у солдата забот, так у него еще вся крепость наводнена болтушками!

Алиса, смеясь, последовала за сестрой, которая поспешила уйти, как только поняла, что дальнейшее присутствие их нежелательно. Манроу не стал расспрашивать молодого человека об исходе переговоров, а несколько минут расхаживал по комнате, заложив руки за спину и опустив голову, как человек, погруженный в глубокое раздумье. Наконец он поднял глаза, светившиеся отцовской нежностью, и воскликнул:

— Они — прелестные девочки, Хейуорд! Любой отец может гордиться такими детьми.

— Вы уже слышали мое мнение о ваших дочерях, полковник Манроу.

— Верно, мой мальчик, верно,— нетерпеливо прервал его старик.— Вы собирались поподробней и пооткровенней поговорить со мной на этот счет еще в первый день вашего прибытия в крепость, но я счел, что старому солдату не подобает рассуждать об отцовских благословениях и свадебных хлопотах, когда враги его короля, того и гляди, окажутся незваными гостями на брачном пиру! Но я был неправ, Дункан, мальчик мой, да, неправ и готов теперь выслушать вас.

— Ваше согласие преисполняет меня радостью, сэр, но я прежде всего обязан передать вам поручение Монкальма.

— Пусть этот француз убирается к дьяволу со всеми своими полками! — сурово нахмурившись, вскричал ветеран.— Он еще

не хозяин форта Уильям-Генри и никогда им не станет, если Вэбб окажется тем, кем должен быть. Нет, сэр, мы еще не в таком отчаянном положении, чтобы кто-нибудь был вправе сказать, будто Манроу так прижат к стене, что у него нет времени подумать о своих отцовских обязанностях. Ваша мать, Дункан, была единственной дочерью моего ближайшего друга, и я выслушаю вас, даже если все кавалеры ордена Святого Людовика с самим этим французским святым во главе будут стоять у ворот форта и просить у меня, как милости, ответить им хоть слово. Нечего сказать, хорош боевой орден, который можно купить за бочку сладкого вина! А уж эти маркизаты по два пенни за штуку!.. То ли дело наш Чертополох! Вот это древний почетный орден, и девиз у него воистину рыцарский: «Nemo me impune lacessit!»[1] В числе кавалеров этого ордена были ваши предки, Дункан, и люди эти были украшением шотландского дворянства.

Заметив, что начальник его со злорадным удовольствием подчеркивает свое пренебрежение к тому, что велел передать французский генерал, и зная, что это продлится недолго, Хейуорд уступил прихоти старика и ответил насколько возможно спокойнее:

— Как вам известно, сэр, я осмелился притязать на честь именоваться вашим сыном.

— Да, да, мой мальчик, вы высказали свою мысль достаточно понятно и ясно. Но позволю себе спросить, сэр: так же ли ясно вы дали это понять моей дочери?

— Клянусь честью, нет! — пылко воскликнул Дункан.— Я злоупотребил бы вашим доверием, если бы воспользовался преимуществами своего положения для такой цели.

— У вас понятия истинного джентльмена, майор Хейуорд, и это весьма похвально. Но Кора Манроу — девушка достаточно благоразумная, и чувства ее настолько возвышенны, что она не нуждается в опеке, даже отцовской.

— Кора?

— Ну да, Кора. Мы же говорим о ваших притязаниях на руку мисс Манроу, не так ли, сэр?

— Я... я... Насколько помнится, я не называл ее имени,— запинаясь, выдавил растерявшийся Дункан.

— Так чьей же руки вы просили у меня, майор Хейуорд? — спросил старый солдат, с видом оскорбленного достоинства выпрямляясь во весь рост.

— У вас есть еще одна не менее прелестная дочь.

---

[1] Никто не коснется меня безнаказанно! *(лат.)*

— Алиса? — воскликнул старик с не меньшим удивлением, чем Дункан повторил перед этим имя ее сестры.

— Да, сэр, таково было мое намерение.

Молодой человек замолчал, ожидая ответа на свои слова, которые произвели такое необыкновенное впечатление и так сильно удивили полковника. Несколько долгих минут Манроу быстрыми большими шагами расхаживал по комнате, суровое лицо его конвульсивно подергивалось, и казалось, он весь был поглощен своими мыслями. Наконец, остановившись прямо против Хейуорда и в упор глядя на него, он сказал дрожащим от сильного волнения голосом:

— Дункан Хейуорд, я любил вас ради того, чья кровь течет в ваших жилах; любил вас за ваши собственные достоинства; любил, наконец, потому что полагал: вы составите счастье моей дочери. Но вся эта любовь превратилась бы в ненависть, окажись правдою то, чего я опасаюсь.

— Не дай бог, чтобы какой-нибудь мой поступок или даже мысль повлекли за собой такую перемену! — воскликнул молодой человек, ни на секунду не потупив глаза под испытующим взором Манроу.

Хотя полковник не допускал, что Дункан может находиться в полном неведении относительно причин, так сильно взволновавших собеседника, гнев старика тем не менее несколько улегся, когда он увидел, как твердо Хейуорд выдержал его взгляд.

— Вы хотите стать моим сыном, Дункан, а между тем не знаете жизни человека, которого намерены назвать отцом,— продолжал ветеран уже более спокойным голосом.— Садитесь, юноша, и я в немногих словах обнажу перед вами свое изболевшееся сердце.

Теперь послание Монкальма было равно забыто как тем, кто его принес, так и тем, кому оно предназначалось. Мужчины пододвинули себе стулья, и, пока старик-ветеран собирался с печальными мыслями, молодой человек с трудом сдерживал нетерпение, скрывая его под маской почтительного внимания. Наконец шотландец заговорил:

— Вы знаете, майор Хейуорд, что я — отпрыск древнего и знатного рода, чьи доходы, увы, не соответствовали его высокому положению. Примерно в вашем возрасте я обменялся обетом верности с Алисой Грейем, единственной дочерью довольно богатого соседнего помещика. Однако отец ее не одобрял нашего союза, и не только по причине моей бедности. Поэтому я сделал то, что должен был сделать порядочный человек: вернул девушке слово, поступил на службу в королевскую армию и покинул страну. Я перевидал уже много чужих краев и пролил там немало крови,

когда наконец по долгу службы попал на Вест-Индские острова. Там судьба свела меня с женщиной, ставшей затем моей женой и матерью Коры. Она была дочерью местного джентльмена и одной леди, имевшей, если хотите, несчастье,— гордо подчеркнул старик,— состоять в родстве, правда, отдаленном, с той несчастной расой, которая так бесстыдно ввержена в рабство ради благополучия праздных богачей! Да, сэр, вина за это ложится и на Шотландию, коль скоро она состоит в противоестественном союзе с чуждым ей народом торгашей. Но если мне случится встретить среди соотечественников человека, который из-за происхождения матери презрительно глянет на мою дочь, он испытает на себе силу отцовского гнева! Впрочем, что я? Вы ведь тоже уроженец Юга, майор Хейуорд, а там этих несчастных почитают низшей расой.

— К великому сожалению, это правда, сэр,— подтвердил Дункан, смутившись и невольно потупив глаза.

— И вы ставите это в упрек моей дочери? Вы боитесь унизить себя, смешав кровь Хейуордов с презренным существом, хотя моя Кора и прекрасна и добродетельна? — яростно настаивал ревнивый отец.

— Сохрани меня бог питать предубеждение, столь недостойное разумного человека! — возразил Дункан, отдавая себе в то же время отчет, что это низкое чувство укоренилось в его душе так глубоко, словно всосано с молоком матери.— Вы несправедливы ко мне, полковник Манроу: нежность, красота, очарование вашей младшей дочери — разве этого не довольно, чтобы объяснить мои побуждения?

— Вы правы, сэр,— согласился старик, теперь уже мягким, даже ласковым тоном.— Эта девушка — вылитый портрет матери в том возрасте, когда бедняжка еще не познала горя. Когда жена моя умерла, я, став благодаря женитьбе на ней состоятельным человеком, вернулся в Шотландию. И поверите ли, Дункан? Этот кроткий ангел Алиса Грейем прожила двадцать долгих лет в безрадостном одиночестве, так и не нарушив слово, данное человеку, способному позабыть ее! Более того, сэр, она простила мне измену и, поскольку все помехи нашему браку были теперь устранены, согласилась выйти за меня.

— И стала матерью Алисы? — вскричал Дункан с такой горячностью, что она могла бы оказаться опасной для него, будь Манроу не столь поглощен своими мыслями.

— Да,— подтвердил старик, и лицо его передернулось.— Она дорого заплатила за счастье, которое дала мне. Но сейчас она в раю, и человеку, стоящему одной ногой в гробу, не подобает скорбеть о ее блаженной участи. Мы прожили с ней один-един-

ственный год, а это слишком недолгий срок для той, чья молодость увяла в безысходной печали!

В скорби старого солдата было нечто столь величавое и суровое, что Хейуорд не решился утешать его. Манроу, казалось, совсем забыл о собеседнике: лицо старика конвульсивно искажалось, словно его обжигала боль воспоминаний, тяжелые крупные слезы катились по щекам и падали на пол. Наконец он шевельнулся, как будто неожиданно придя в себя, встал, еще раз прошелся по комнате, остановился перед собеседником, по-военному приосанился и строго спросил:

— Вы, кажется, сказали, майор Хейуорд, что у вас ко мне поручение от маркиза де Монкальма?

Дункан, в свой черед, вскочил и, запинаясь, изложил полузабытое поручение. Не стоит упоминать ни о том, как изворотливо, хотя и чрезвычайно учтиво, французский генерал отклонил все попытки Хейуорда выяснить, что именно хочет он, Монкальм, сообщить Манроу; ни о том, сколь решительно, хотя тоже в высшей степени любезно, он давал понять противнику, что если тот не согласится выслушать это сообщение лично, то вовсе не услышит его. По мере того как Манроу слушал рассказ Дункана, его отцовские чувства уступали место сознанию возложенного на него долга, и, умолкнув, молодой человек увидел перед собой только ветерана, чья воинская честь уязвлена услышанным.

— Вы сказали достаточно, майор Хейуорд! — воскликнул разгневанный старик.— Достаточно для того, чтобы написать целый трактат о пресловутой французской вежливости. Этот джентльмен приглашает меня посовещаться, а когда я посылаю к нему достойного заместителя,— да, да, Дункан, вы достойный офицер, невзирая на вашу молодость! — он отвечает мне загадками.

— Возможно, маркиз составил себе не столь лестное мнение о вашем заместителе, сэр,— с улыбкой возразил Дункан.— Не забывайте также, что приглашение, которое он повторяет через меня, было послано коменданту форта, а не его помощнику.

— Согласен, сэр, но разве заместитель не облечен всей властью и прерогативами того, кем уполномочен? Итак, французу угодно побеседовать с Манроу! Что ж, сэр, я склонен удовлетворить его требования: пусть он увидит, что ни многочисленность его армии, ни дерзость его притязаний еще не лишили нас твердости. По-моему, это недурной дипломатический ход, верно, молодой человек?

Считая сейчас самым важным как можно скорее узнать содержание перехваченного у разведчика письма, Дункан охотно поддержал начальника:

— Ваша невозмутимость, сэр, едва ли укрепит в Монкальме приятную уверенность в победе.

— На редкость разумно сказано! Я, конечно, предпочел бы, чтобы этот маркиз во главе своих штурмовых колонн атаковал форт при дневном свете. Это позволило бы нам наиболее точно определить силы врага и было бы для нас выгоднее артиллерийского обстрела, которым он предпочитает принудить нас к сдаче. Увы, хитроумное искусство господина Вобана изрядно умалило красоту военного дела и роль мужества в нем, майор Хейуорд. Наши предки стояли выше такой ученой трусости.

— Вероятно, вы правы, сэр, но теперь поневоле приходится отвечать искусством на искусство. Что вы решили насчет встречи?

— Я отправлюсь на нее немедленно и без всяких опасений, как это подобает слуге моего венценосного повелителя. Ступайте, майор, угостите французов барабанной дробью и вышлите вперед ординарца — пусть объявит им, кто идет. Мы проследуем туда с небольшим эскортом, приличествующим тому, кто представляет здесь особу монарха. И вот что, Дункан,— прибавил он шепотом, хотя они были одни.— Не худо бы иметь под рукой подкрепление на тот случай, если за всем этим кроется предательство.

Выслушав приказ, молодой человек покинул коменданта и, так как день близился к концу, поспешил отдать необходимые распоряжения. На то, чтобы построить небольшой отряд и выслать вперед с белым флагом ординарца, который должен был объявить о приближении коменданта форта, ушли считанные минуты. Сделав все это, Дункан повел эскорт к воротам крепости, где его уже поджидал Манроу, и после обычных военных церемоний ветеран, его молодой помощник и конвой покинули крепость.

Не отошли они и на сто ярдов от укреплений, как из ложбины, служившей руслом ручью, который протекал между фортом и вражескими батареями, показался французский генерал со свитой, сопровождавшей его к месту встречи. Выйдя из форта для встречи с врагом, Манроу приосанился, и выправка его стала безукоризненной. Едва полковник завидел белое перо, развевавшееся на шляпе Монкальма, глаза его засверкали отвагой, и годы, казалось, утратили всякую власть над его крупной и все еще мускулистой фигурой.

— Скажите нашим молодцам, сэр, пусть не зевают,— тихо бросил он Хейуорду.— Велите проверить кремни и курки: от слуги этих Людовиков можно ждать чего угодно. И пусть заодно он видит, как уверены в себе наши воины. Ясно, майор Хейуорд?

Его прервал барабанный бой приближающихся французов, на который немедленно ответили барабаны англичан, после чего каждая сторона отрядила вперед ординарца с белым флагом, и

осторожный шотландец остановился, имея за спиной эскорт. После краткого обмена воинскими почестями Монкальм, быстрым и легким шагом приблизившись к ветерану, почтительно обнажил голову, причем белоснежное перо на его шляпе почти коснулось земли. Манроу выглядел более величественным и мужественным, но ему недоставало непринужденности и вкрадчивой утонченности француза. С минуту противники помолчали, не без интереса и любопытства присматриваясь друг к другу. Затем, как полагалось ему по старшинству и по самой природе встречи, Монкальм первым нарушил молчание. Сказав Манроу несколько обычных приветственных слов, он повернулся к Дункану, улыбнулся ему, как старому знакомому, и продолжал по-французски:

— Очень рад, сударь, что вы присутствуете при нашем разговоре. Нам не придется прибегать к услугам переводчика, а на вас в этом смысле я полагаюсь так же, как если бы сам говорил на вашем языке.

Дункан слегка поклонился в ответ на любезность, и Монкальм, обернувшись к своему эскорту, который, подражая англичанам, придвинулся почти вплотную к нему, скомандовал:

— En arrière, mes enfants! Il fait chaud; retirez-vous un peu[1].

Прежде чем ответить доверием на доверие и подать такую же команду, майор Хейуорд обвел глазами равнину и с тревогой заметил на ней многочисленные темные кучки краснокожих, высыпавших из чащи леса и с любопытством наблюдавших за встречей.

— Господин де Монкальм, несомненно, отдает себе отчет в неравенстве наших положений,— несколько смущенно заметил он, указывая на этих опасных, нахлынувших со всех сторон врагов.— Отпустив наш конвой, мы рискуем угодить в руки дикарей.

— Сударь, порука вашей безопасности — слово французского дворянина,— отпарировал Монкальм, выразительно положив руку на сердце.— Этого, надеюсь, достаточно?

— Да, вполне. Отвести людей! — приказал Дункан офицеру, командовавшему эскортом.— Отойдите на такое расстояние, сэр, чтобы не слышать наших разговоров, и ждите распоряжений.

Манроу, явно встревоженный этим маневром, немедленно потребовал объяснений.

— Проявлять недоверие — не в наших интересах, сэр,— ответил молодой человек.— Маркиз де Монкальм дал слово, что мы в безопасности, и я распорядился отвести солдат чуть подальше, чтобы доказать, насколько мы полагаемся на его уверения.

---

[1] Назад, ребята! Здесь жарко, отойдите немного *(франц.)*.

— Может быть, вы и правы, сэр, но я не очень-то полагаюсь на слово всех этих новоявленных маркизов. Их дворянские грамоты достаются им слишком дешево, и нельзя поручиться, что они скреплены печатью истинного благородства.

— Не забывайте, сэр, что мы имеем дело с человеком, равно прославившим себя и в Европе и в Америке. Солдата с его репутацией можно не опасаться.

Манроу развел руками, словно покоряясь неизбежности, хотя в его суровых чертах по-прежнему читалось недоверие, объяснявшееся скорей врожденным презрением к французам, чем какими-либо разумными основаниями, которые могли бы оправдать подобное чувство. Монкальм терпеливо дождался конца этой беседы вполголоса, затем подошел поближе и открыл переговоры.

— Я пожелал встретиться с вашим командиром, сударь,— начал французский генерал,— в надежде убедить его, что он уже сделал все возможное для поддержания чести своего государя и должен теперь прислушаться к голосу человеколюбия. Я готов в любое время и где угодно засвидетельствовать, что он отважно оборонялся и прекратил сопротивление лишь тогда, когда исчерпал все средства защиты.

Когда Дункан перевел Манроу эту вступительную тираду, тот ответил с большим достоинством, хотя и достаточно учтиво:

— Как высоко я ни ценю свидетельство маркиза де Монкальма, оно станет еще более веским, если я в полной мере заслужу его.

Хейуорд перевел, и французский генерал с улыбкой заметил:

— В том, что так охотно воздается истинному мужеству, можно и отказать бессмысленному упрямству. Не угодно ли полковнику осмотреть мой лагерь и воочию убедиться как в многочисленности нашей армии, так и в невозможности успешно сопротивляться ей?

— Я знаю, что у французского короля хорошие слуги,— отчеканил непоколебимый шотландец, едва Дункан кончил переводить,— но у моего венценосного повелителя столь же большая и столь же верная армия.

— К счастью для нас, ее здесь нет,— возразил Монкальм, в пылу нетерпения не дождавшись вмешательства переводчика.— В каждой войне бывают свои превратности, которым храбрый воин покоряется с таким же мужеством, с каким смотрел в лицо врагу.

— Предполагай я, что маркиз де Монкальм столь хорошо владеет английским, я не стал бы утруждать себя переводом, да

еще весьма несовершенным,— сухо отозвался раздосадованный Дункан, вспомнив, о чем они с Манроу только что говорили.

— Извините, сударь,— запротестовал француз, и его смуглые щеки слегка покраснели.— Понимать чужой язык и говорить на нем — две решительно разные вещи, а потому попрошу вас и впредь помогать мне.— Затем он помолчал и добавил: — Здешние высоты дают полную возможность наблюдать за вашей крепостью, господа, и я, пожалуй, не хуже вас самих знаю слабые ее места.

— Спросите французского генерала, не виден ли в его подзорную трубу Гудзон и не знает ли он, когда и откуда ожидать нам армию Вэбба,— гордо отрезал Манроу.

— Пусть генерал Вэбб сам ответит на этот вопрос,— дипломатично объявил Монкальм, неожиданно протянув Манроу вскрытый конверт.— Из этого письма, сударь, вы узнаете, что передвижения генерала Вэбба не поставят мою армию в затруднительное положение.

Не дожидаясь, пока Дункан переведет слова Монкальма, ветеран схватил письмо с нетерпением, говорившим о том, какое большое значение он придает его содержанию. Однако по мере того как глаза его пробегали строку за строкой, горделивое выражение на лице полковника сменилось глубокой скорбью, губы дрогнули, рука выронила листок и голова опустилась на грудь, словно у человека, чьи надежды разбиты одним ударом. Дункан поднял письмо, даже не попросив извинения за подобную вольность, и с одного взгляда уловил его роковую суть. Их общий начальник не только не поддерживал Манроу в намерении сопротивляться, но, напротив, советовал безотлагательно сдать форт, черным по белому объясняя неизбежность капитуляции тем, что не может отрядить на помощь гарнизону ни единого человека.

— Здесь нет подделки! — объявил Хейуорд, тщательно обследовав бумагу с обеих сторон.— Вот подпись Вэбба. Это и есть перехваченное письмо!

— Он предал меня! — горестно вскричал Манроу.— Он покрыл бесчестьем род, на который еще никогда не ложилось пятно, он опозорил мои седины!

— Не говорите так! — перебил его Дункан.— Мы пока еще хозяева форта и нашей чести! Продадим же нашу жизнь такой ценой, чтобы враг счел покупку слишком дорогою!

— Благодарю, мой мальчик! — воскликнул старик, выходя из оцепенения.— Ты напомнил Манроу о долге. Идем же назад и выроем себе могилы за этими валами!

— Господа,— сочувственно и великодушно остановил их Монкальм, делая шаг вперед,— вы плохо знаете Луи де Сен-

Верана, если считаете, что он способен воспользоваться этим письмом с целью унизить храбрецов или приобрести таким неблаговидным путем сомнительную славу. Выслушайте раньше мои условия, а потом уж уходите.

— Что говорит француз? — сурово осведомился ветеран.— Уж не ставит ли он себе в заслугу, что перехватил разведчика с письмом из штаб-квартиры? Скажите ему, сэр, что если он хочет запугать врага словами, пусть снимет осаду с нашей крепости и обложит форт Эдуард.

Дункан объяснил Манроу, что говорит маркиз.

— Господин де Монкальм, мы слушаем вас,— уже более спокойно молвил полковник.

— Удержать форт невозможно,— сказал его благородный противник.— Интересы моего монарха требуют, чтобы укрепление это было снесено. Что же касается вас и ваших доблестных сотоварищей, то нет такой почести, дорогой сердцу солдата, в которой вам будет отказано.

— Знамена? — спросил Хейуорд.

— Увезите их в Англию и покажите своему королю.

— Оружие?

— Оставьте его себе. Никто не сумеет употребить его в дело лучше, нежели вы.

— Наш уход и сдача форта?

— Все будет обставлено наипочетнейшим для вас образом.

Дункан повернулся и перевел эти предложения своему командиру, который выслушал их с изумлением: его глубоко тронуло такое необычное и неожиданное великодушие.

— Ступайте, Дункан,— приказал он.— Ступайте с этим маркизом,— а он таки настоящий маркиз,— к нему в палатку и обо всем договоритесь. Вот уж не думал, что увижу под старость две небывалые вещи: англичанина, который боится поддержать друга, и француза, слишком честного, чтобы воспользоваться преимуществами своего положения!

С этими словами ветеран вновь поник головой и медленно направился к форту, всем своим убитым видом показывая встревоженному гарнизону, что несет дурные вести.

Дункан остался обсудить условия капитуляции. Вернулся он уже почью, во время первой смены караула, тайно посовещался с комендантом и снова покинул форт. Сразу же после его ухода Манроу объявил о прекращении военных действий и о том, что он подписал соглашение, в соответствии с которым крепость будет утром сдана, но гарнизон сохранит оружие, знамена, личное имущество, а следовательно, по воинским понятиям, и свою честь.

ГЛАВА XVII

Мы нить прядем и ткем, и вот
Сеть паутины жертву ждет.

Грей

Войска противников, стоявшие друг против друга на пустынном берегу Хорикэна, провели ночь на 9 августа 1757 года примерно так же, как если бы встретились на славнейшем поле боя в Европе. Побежденные были молчаливы, угрюмы, подавлены; победители ликовали. Но и печали и радости бывает предел, а потому еще задолго до предутренней смены караула все смолкло, и тишина бескрайних лесов лишь изредка оглашалась веселым возгласом какого-нибудь пылкого молодого солдата на французских аванпостах или угрожающим окриком с валов форта, к которым английские часовые до самого момента капитуляции попрежнему не подпускали противника. Но даже эти редкие звуки смолкли в этот глухой час, предшествующий наступлению дня, и путник, сколько бы он ни прислушивался, ни за что не обнаружил бы на берегах Святого озера две погруженные в сон армии.

Глубокое безмолвие длилось уже довольно долго, когда полотнища, закрывавшие вход в одну из просторных палаток во французском лагере, вдруг раздвинулись, и оттуда вышел человек. Он был закутан в плащ, который в равной мере мог служить защитой как от холодной лесной росы, так и от нескромных взглядов, потому что закрывал и лицо и фигуру. Он беспрепятственно прошел мимо гренадера, охранявшего сон французского командующего, и солдат в соответствии с уставом почтительно взял на караул, после чего незнакомец быстро миновал палаточный городок и направился к форту Уильям-Генри. Встречая на пути многочисленных часовых, он быстро и, видимо, правильно отвечал на их оклики, потому что пропускали его без дальнейших расспросов.

Если не считать этих частых, но кратких остановок, незнакомец без задержки и молча проследовал от центра лагеря до самых аванпостов, где наконец поравнялся с солдатом, стоявшим на часах в непосредственной близости от неприятельских укреплений. Послышался обычный оклик:

— Qui vive?[1]

— France[2],— прозвучало в ответ.

— Le mot d'ordre?[3]

---

[1] Кто идет? *(франц.)*

[2] Франция *(франц.)*.

[3] Пароль? *(франц.)*

— La victoire[1],— громким шепотом произнес незнакомец, подходя поближе, чтобы солдат мог расслышать его.

— C'est bien[2],— ответил часовой, вновь беря ружье на плечо.— Vous vous promenez bien matin, monsieur[3].

— Il est nécessaire d'être vigilant, mon enfant[4],— бросил пришелец, откинул с лица плащ, посмотрел в глаза солдату и двинулся дальше к укреплениям англичан. Солдат вздрогнул, и ружье, которое он с величайшим почтением взял на караул, негромко звякнуло; когда же он снова взял ружье на плечо и вернулся на пост, у него сквозь зубы вырвалось:

— Il faut être vigilant, en vérité; je crois que nous avons là un caporal qui ne dort jamais[5].

Меж тем офицер продолжал свой путь, ничем не показав, что слышал слова изумленного часового. Больше он уже не останавливался, пока не достиг низкого берега, где очутился в опасной близости от западного бастиона форта. Затянутая облаками луна светила слабо, но все же позволяла различать контуры окружающих предметов. Из предосторожности офицер укрылся за стволом дерева и простоял там довольно долго, пристально вглядываясь в темные безмолвные валы английской крепости. Он предавался этому занятию отнюдь не как праздный или любопытный зритель: взгляд его, перебегавший с одной части фортификаций на другую, доказывал, что наблюдатель хорошо знаком с военным делом и что осмотр он производит не без некоторой подозрительности. В конце концов незнакомец, видимо, остался удовлетворен результатами наблюдений. Он нетерпеливо посмотрел на вершину восточной горы, словно желая поторопить наступающий день, и уже собирался повернуть обратно, как вдруг услышал легкий шорох на внешнем выступе бастиона и замер на месте.

В этот момент фигура приблизилась к краю вала и остановилась, видимо, для того, чтобы, в свой черед, бросить взгляд на отдаленные палатки французского лагеря. Новопришедший тоже повернул голову к востоку, словно с таким же нетерпением ожидал восхода; затем он оперся о парапет и устремил взор на зеркальную поверхность озера, которая, словно некий подводный небосклон, сверкала тысячами мнимых звезд. Скорбный вид этого человека, в раздумье стоявшего в такой ранний час на

---

[1] Победа *(франц.)*.

[2] Правильно *(франц.)*.

[3] Раненько вы идете гулять, сударь *(франц.)*.

[4] Надо быть бдительным, сынок *(франц.)*.

[5] Верно! Надо быть бдительным: у нас теперь такой начальник, который никогда не спит *(франц.)*.

валу английской крепости, равно как его мощная, осанистая фигура разом позволили внимательному наблюдателю угадать, кто перед ним. Чувство деликатности, а также осторожность подсказали французскому офицеру, что ему лучше удалиться. С этой целью он уже выскользнул из-за дерева, как вдруг другие звуки привлекли его внимание и вновь остановили его шаги. Это был тихий, почти неуловимый плеск воды, за которым последовал скрип прибрежной гальки. Через секунду офицер увидел, как из озера, в нескольких футах от места, где он стоял, вынырнула темная фигура и украдкой направилась к берегу. Затем вверх медленно поднялось дуло ружья, но, прежде чем грянул выстрел, рука французского офицера легла на курок.

— Ха! — вырвалось у дикаря, чей предательский выстрел был так внезапно предотвращен.

Французский офицер ничего не ответил, а лишь опустил руку на плечо индейца и молча отвел его подальше от места, где разговор их мог повлечь за собой опасные последствия и где один из них, видимо, искал себе жертву. Затем, распахнув плащ и показав краснокожему свой мундир с орденом Святого Людовика на груди, Монкальм строго спросил:

— Что это значит? Разве мой сын не знает, что его канадские и английские отцы зарыли томагавк в землю?

— А что делать гуронам? — возразил дикарь на ломаном французском языке.— Наши воины еще не сняли ни одного скальпа, а бледнолицые уже стали друзьями!

— А, это ты, Хитрая Лисица! Сдается мне, ты слишком уж старателен для друга, который еще недавно был нашим врагом. Сколько раз село солнце с тех пор, как Лисица ушел из лагеря англичан?

— Где сейчас солнце? — угрюмо молвил дикарь.— Оно за горой, темное и холодное. Но, взойдя снова, станет горячим и ярким. Лисица — солнце своего племени. Между ним и его народом пролегло много темных туч и высоких гор, но теперь это солнце сияет снова, и небо прояснилось.

— Мне хорошо известно, что Лисица имеет власть над соплеменниками,— согласился Монкальм.— Еще вчера он охотился за их скальпами, а сегодня они слушают его у костра совета.

— Магуа — великий вождь!

— Пусть он докажет это, научив свое племя правильно вести себя с нашими новыми друзьями.

— Для чего вождь канадцев привел в леса своих молодых воинов и стрелял из пушки в земляной дом? — спросил находчивый индеец.

— Для того чтобы захватить его. Эта земля принадлежит моему господину, и он приказал мне, твоему отцу, прогнать поселившихся на ней англичан. Они согласились уйти, и теперь я не называю их больше врагами.

— Так. Но Магуа взялся за томагавк, чтобы окрасить его кровью. Сейчас он блестит; когда он станет красным, Магуа зароет его.

— Но Магуа поклялся не пачкать французские лилии. Кто враг великому королю, живущему за соленым озером, тот враг и тебе. Друзья его — друзья гуронов.

— Друзья! — с горечью и презрением подхватил индеец.— Пусть мой отец даст Магуа руку.

Понимая, что влияние на воинственные племена, собранные под его знаменами, легче сохранять уступками, чем силой, Монкальм нехотя выполнил просьбу дикаря. Краснокожий приложил палец французского генерала к глубокому шраму на своей груди и торжественно спросил:

— Знает ли мой отец, что это такое?

— Разве воин может не узнать следы ран? Сюда попала свинцовая пуля.

— А это? — продолжал индеец, поворачиваясь к французу обнаженной спиной, вопреки обыкновению не прикрытой куском ситца.

— Это? Мой сын был жестоко оскорблен! Кто нанес ему побои?

— Магуа слишком крепко заснул в английских вигвамах, и палки оставили след на его спине,— ответил индеец с глухим смехом, который не мог, однако, скрыть дикую злобу, душившую краснокожего. Но он тут же овладел собой и с врожденным достоинством прибавил: — Ступай и скажи своим молодым воинам, что наступил мир. Хитрая Лисица сам знает, как говорить с гуронами.

Не удостоив генерала дальнейшими разговорами и не дожидаясь ответа, дикарь взял ружье под мышку и медленно направился через лагерь к лесу, где расположились его соплеменники. На каждом шагу его окликали часовые, но он упрямо шел вперед, не обращая ни малейшего внимания на солдат, которые не застрелили его только потому, что хорошо знали фигуру и походку индейца, а также его неукротимую смелость.

Монкальм долго стоял на берегу, где расстался с краснокожим, и печально думал о непокорном нраве своего союзника. Репутация его уже пострадала однажды из-за кровавой сцены, разыгравшейся при обстоятельствах, до ужаса походивших на теперешние. Чем дольше он размышлял, тем острее сознавал ту

огромную ответственность, которую берет на себя человек, не брезгующий никакими средствами для достижения цели, и ту страшную опасность, какой он подвергает себя, пуская в ход силу, способную вырваться из-под его власти. Наконец Монкальм отогнал мрачные мысли, которые показались ему непростительной слабостью в минуту столь полного торжества, и направился к себе в палатку, отдав на ходу приказ играть зорю и поднимать лагерь.

Первый раскат французских барабанов эхом отозвался в глубине крепости, и вскоре всю долину огласила военная музыка; ее энергичные и оживленные звуки не замедлили заглушить барабанную дробь. Горны победителей гремели бодро и весело, пока самый нерадивый солдат — и тот не занял свой пост, но тотчас же смолкли, как только британские волынки подали свой пронзительный голос. Тем временем окончательно рассвело, и, когда французская армия выстроилась для встречи своего командующего, на оружии и амуниции солдат уже играли яркие лучи солнца. Монкальм официально сообщил войскам об успехе, без того уже давно всем известном. Отряд, удостоившийся чести быть назначенным для охраны форта, продефилировал перед генералом и направился к месту назначения; англичанам сигналом сообщили о его приближении, и на расстоянии пушечного выстрела от форта французы совершили обычные церемонии, связанные с переходом крепости из одних рук в другие.

Совершенно иную картину являли глазам ряды англо-американских войск. Едва прозвучал сигнал, возвещавший о приближении победителей, все в крепости пришло в движение, и люди начали готовиться к быстрому и вынужденному уходу. Солдаты, взяв на плечо незаряженные ружья, становились в строй с угрюмым видом людей, кровь которых еще не остыла после недавних схваток и которые ждут лишь желанного случая отмстить за обиду, так сильно ранившую их честь, хотя скрывают это, строжайшим образом соблюдая военный этикет. Женщины и дети метались с места на место, собирая пожитки или разыскивая в рядах солдат тех, в ком они видели естественных защитников.

Когда Манроу появился перед молчаливыми шеренгами, лицо его было печально, но твердо. Видно было, что нежданный удар поразил ветерана в самое сердце, хотя он и переносит свое горе со стойкостью настоящего мужчины.

Сдержанная и величавая скорбь старика глубоко тронула Дункана. Хейуорд уже выполнил возложенные на него обязанности и теперь подошел к полковнику, чтобы осведомиться, чем он еще может быть полезен.

— Мои дочери! — последовал краткий, но выразительный ответ.

— Боже мой! Да разве вы до сих пор не приняли меры, чтобы облегчить им путешествие?

— Сегодня я только солдат,— отрезал ветеран.— Все, кого вы видите здесь, имеют равное право считаться моими детьми.

Но Дункан уже не слушал его. Не теряя ни одной, столь драгоценной теперь, минуты, майор бросился к дому Манроу на розыски сестер. Он застал Кору и Алису на пороге приземистого здания уже готовыми к отъезду и окруженными толпой рыдающих женщин, которые сбежались сюда, безотчетно надеясь, что именно здесь они, вероятнее всего, найдут защиту. Хотя Кора была бледна и встревожена, она не утратила твердости; воспаленные же глаза Алисы говорили о том, как долго и горько она плакала. Обе девушки встретили молодого человека с нескрываемой радостью, и Кора, вопреки обыкновению, заговорила первая.

— Форт сдан,— промолвила она с грустной улыбкой.— Надеюсь, однако, наша честь не пострадала?

— Она сияет ярче, чем прежде! Но, дорогая мисс Манроу, пора перестать думать о других и позаботиться о себе. Военные обычаи и честь, та самая честь, о которой вы так печетесь, требуют, чтобы ваш отец и я какое-то время шли во главе колонны. Где же нам найти надежного защитника, который сумел бы оберечь вас от различных случайностей, возможных в сумятице отступления?

— Нам никого не нужно,— возразила Кора.— Кто в такую минуту дерзнет оскорбить или обидеть дочерей подобного отца?

— Я не согласился бы оставить вас одних, даже если бы мне за это предложили командовать лучшим полком королевской армии,— продолжал Дункан, торопливо оглядываясь вокруг.— Не забывайте: наша Алиса не обладает вашей твердостью, а ведь один бог знает, какие ужасы ей предстоит испытать.

— Возможно, вы правы,— согласилась Кора, снова улыбнувшись, но уже куда печальней.— Чу! Слышите? Судьба посылает нам друга как раз в ту минуту, когда он более всего нужен.

Дункан прислушался и сразу понял, что она имеет в виду. Низкие торжественные звуки священной мелодии, столь хорошо известной в восточных провинциях, коснулись его слуха, и он тут же ринулся в соседнюю, уже покинутую обитателями, хижину. Там он нашел Давида, изливавшего свои чувства единственным доступным для него способом. Дункан выждал, пока рука Гамута, вторившая пению, замерла в воздухе, и, видя, что гимн окончен, дотронулся до плеча псалмопевца, чтобы привлечь к себе его внимание, и в нескольких словах изложил ему свою просьбу.

— Вот именно! — отозвался простодушный подражатель царя израильского, когда молодой человек умолк.— В этих девушках много привлекательного, много гармонического, и нам, пережившим вместе столько опасностей, не следует, конечно, разлучаться и в мирное время. Я готов сопровождать их, как только закончу свои утренние молитвы, к которым осталось добавить лишь славословие. Не хотите ли подтянуть мне, мой друг? Размер стиха простой, а поется гимн на всем известный мотив под названием «Саутуэл».

Затем, вытащив из кармана маленький томик и с величайшей тщательностью задав тон камертоном, Давид от начала до конца исполнил гимн с решительностью, исключавшей всякую возможность помешать ему. Хейуорду пришлось дождаться последнего такта, после чего, увидев, как Давид снял очки и сунул книжку в карман, майор продолжил прерванный разговор:

— Ваша обязанность — следить за тем, чтобы никто не дерзал приближаться к девушкам с каким-нибудь недобрым намерением или насмехаться в их присутствии над несчастиями их доблестного отца. Вам, разумеется, помогут слуги полковника Манроу.

— Вот именно!

— Возможно, к вам прорвутся индейцы или какие-нибудь мародеры из неприятельского лагеря. В таком случае напомните им об условиях капитуляции и пригрозите, что доложите Монкальму об их поведении. Этого, без сомнения, будет достаточно.

— А если нет, у меня найдется, чем усмирить их,— ответил Давид, указывая на свой томик со странной смесью самоуверенности и кротости.— Здесь имеется стих, который, если произнести или, вернее, прогреметь его с надлежащей выразительностью и четкостью, укротит самого необузданного человека. Вот он:

Зачем мятутся столькие народы

— Довольно! — прервал Хейуорд его музыкальные излияния.— Мы поняли друг друга; теперь каждому пора исполнять свои обязанности.

Гамут охотно согласился, и они вдвоем отправились за девушками. Кора встретила своего нового и несколько необычного защитника достаточно любезно, и даже бледное личико Алисы вновь засветилось лукавством, когда она благодарила Хейуорда за его заботу. Дункан воспользовался случаем и уверил сестер, что сделано все возможное и, как он надеется, вполне достаточно для того, чтобы они чувствовали себя спокойно, тем более что

опасности не предвидится. Затем, с веселым видом сообщив сестрам, что присоединится к ним, как только пройдет с отрядом несколько миль по дороге к Гудзону, он торопливо распрощался.

В эту минуту раздался сигнал к выступлению, и английская колонна тронулась. Сестры невольно вздрогнули при этом звуке и, оглянувшись, увидели вокруг белые мундиры французских гренадеров, уже успевших занять ворота крепости. В то же мгновение над их головами словно поплыло большое облако, и, подняв глаза, они увидели, что стоят под широкими складками французского знамени.

— Идем! — сказала Кора.— Здесь больше не место для дочерей английского офицера.

Алиса прижалась к сестре, и они покинули плац в сопровождении толпы женщин, по-прежнему не отставшей от них.

Когда сестры проходили через ворота, французские офицеры, уже узнавшие, кто перед ними, почтительно и низко кланялись девушкам, воздерживаясь, однако, с присущим французам тактом от предложения своих услуг, которые могли оказаться неприятны дочерям коменданта. Поскольку все повозки и вьючные животные были отданы больным и раненым, Кора предпочла вынести все трудности пешего перехода, лишь бы не отнимать места у несчастных: многие раненые и слабосильные солдаты и без того уже вынуждены были плестись в хвосте отряда из-за недостатка в этой глуши необходимых средств передвижения. Впрочем, так или иначе, двигались все: хворые и раненые — через силу и охая, здоровые — молча и угрюмо, женщины и дети — дрожа от безотчетного страха.

Когда скучившаяся, оробевшая толпа вышла из-под прикрытия крепостных валов на равнину, глазам англичан представилось печальное зрелище. Неподалеку, справа, в полной боевой готовности стояла французская армия, потому что Монкальм, заняв форт своим авангардом, немедленно стянул все остальные части в одно место. Солдаты его молча, но внимательно наблюдали за отходом побежденных, отдавая им подобающие воинские почести и не позволяя себе никаких насмешек и оскорблений в адрес менее удачливых противников. Отряды и группы англичан, общей численностью около трех тысяч человек, медленно продвигались по равнине, стекаясь воедино по мере приближения к сборному пункту — просеке между величественными деревьями там, где дорога на Гудзон поворачивала в лес. Вдоль широкой его опушки темной тучей сгрудились индейцы, пожирая глазами своих врагов или кружа около них на приличном расстоянии, словно стервятники, не смеющие броситься на добычу, потому что присутствие многочисленной французской армии сдерживало дикарей. Неко-

торые гуроны затесались в ряды побежденных и сновали там с угрюмым и недовольным видом, пристально, хотя и сдержанно наблюдая за уходящими англичанами.

Авангард во главе с Хейуордом уже достиг просеки и медленно исчезал из виду, когда до слуха Коры донеслись звуки перебранки, и девушка повернула голову в сторону шума. Какой-то недисциплинированный волонтер отстал от колонны, чтобы подобрать кое-какие пожитки, и был наказан за это: у него их отняли. Мародер был рослый малый и слишком жаден, чтобы подобру-поздорову расстаться с награбленным. В ссору не замедлили вмешаться посторонние: одни — с целью воспрепятствовать грабежу, другие — чтобы самим попользоваться чужим добром. Голоса становились все громче и озлобленней, как вдруг, словно по волшебству, там, где еще минуту назад было не больше десятка дикарей, выросла теперь целая сотня их. В ту же секунду Кора увидела Магуа, который шнырял между соплеменниками, пуская в ход весь зловещий арсенал своего красноречия. Толпа женщин и детей остановилась, сбившись в кучу, словно стая перепуганных дрожащих птиц. К счастью, индейцы быстро удовлетворили свою алчность, и остановившиеся было группы англичан снова медленно двинулись вперед.

Гуроны отошли в сторону, видимо, решив дать врагам проход и не чинить им дальнейших препятствий. Но когда мимо дикарей проходила толпа женщин, внимание одного из индейцев привлекла яркая шаль, и он, не задумываясь, ринулся вперед, чтобы завладеть ею. Женщина, поддавшись скорее страху, чем желанию сохранить нарядную вещь, поспешно завернула в нее ребенка и прижала его к груди. Кора уже собиралась посоветовать ей поскорее отдать шаль, как вдруг дикарь выпустил из рук пеструю ткань и вырвал плачущего ребенка из объятий матери. Несчастная бросила свои пожитки окружившим ее дикарям и, совершенно обезумев, кинулась отнимать малыша у индейца. Гурон с мрачной ухмылкой протянул к ней одну руку, словно предлагая обмен, а другой схватил младенца за ноги и завертел над головой, словно для того, чтобы повысить цену выкупа.

— Вот!.. Вот!.. Все! Все бери! — задыхаясь, молила женщина, непослушными, дрожащими пальцами срывая с себя украшения и все, что попадало под руку.— Бери все, только отдай ребенка!

Дикарь презрительно отверг ненужные ему тряпки, но, увидев, что шаль уже досталась другому гурону, испустил неистовый вопль; мрачная усмешка на его лице сменилась свирепой яростью; он размахнулся, ударил ребенка головкой о скалу и швырнул бездыханное тельце к ногам матери. Секунду женщина стояла

неподвижно, словно живая статуя отчаяния, безумными глазами глядя на обезображенный трупик младенца, еще так недавно с улыбкой прижимавшегося к ее груди; затем она подняла лицо к небу, как бы призывая бога обрушить проклятие на виновника злодеяния. Но она не успела принять на себя этот грех — рассвирепевший от потери добычи и распаленный видом крови дикарь милосердно рассек ей лоб томагавком. Несчастная рухнула наземь, но перед смертью успела притянуть к себе ребенка, сжав его в холодеющих объятиях с такой же любовью, с какой укачивала при жизни.

В этот критический момент Магуа, приложив руки ко рту, издал пронзительный зловещий боевой клич. При этом хорошо знакомом звуке рассыпанные по лесу индейцы встрепенулись, словно боевые кони, заслышавшие сигнал, и под ветвистыми сводами чащи, а также на равнине, немедленно раздался такой вопль, какой не часто вырывается из человеческого горла. Всех, кто с замиранием сердца внял этому вою, охватил не меньший ужас, чем если бы они услышали трубу Страшного суда.

В ответ на этот сигнал из лесу выскочило более двух тысяч краснокожих, которые с неимоверной быстротой рассыпались по роковой равнине. Не станем останавливаться на кошмарных сценах, следовавших одна за другой. Повсюду, в самом своем ужасном и отвратительном обличии, царила смерть. Сопротивление только распаляло убийц, продолжавших осыпать жертву страшными ударами даже после того, как она давно уже рассталась с жизнью. Потоки крови можно было сравнить лишь с рекой, прорвавшей плотину. Многие из дикарей, все более сатаневших и терявших рассудок от этого зрелища, опускались на колени и, словно дьяволы, ликуя и захлебываясь, утоляли жажду багровой влагой.

Дисциплинированные регулярные части быстро сомкнули ряды, пытаясь устрашить нападающих видом военного строя. Попытка их отчасти удалась, хотя многие солдаты, тщетно силясь обуздать дикарей, лишились незаряженных ружей, которые были попросту вырваны у них из рук краснокожими.

Долго ли продолжалась резня — этого, разумеется, никто не заметил. Парализованные ужасом, Кора и Алиса беспомощно простояли на месте минут десять, показавшиеся им целой вечностью. Как только посыпались первые удары, женщины, толпившиеся вокруг сестер, еще плотнее, с криком и воплями, окружили их, лишив возможности искать спасения в бегстве. Теперь же, когда страх и смерть рассеяли толпу, девушки не трогались с места и продолжали стоять в полном одиночестве: куда бы они ни направились, все равно их всюду поджидали вражеские то-

магавки. Со всех сторон неслись крики, стоны, мольбы, проклятия. В эту минуту Алиса заметила высокую фигуру отца, спешившего по равнине к французскому лагерю. Старый полковник, пренебрегая опасностью, действительно торопился к Монкальму, чтобы потребовать у противника запоздалого конвоя, полагавшегося англичанам по условиям капитуляции. Сотни сверкающих топоров и оперенных дротиков угрожали жизни ветерана, но индейцев, даже в самом пароксизме ярости, останавливало его спокойствие. Порой он отстранял вражеское оружие все еще сильной рукою, порой гуроны сами уступали ему дорогу, словно не находя в себе мужества осуществить свои угрозы. Кроме того, мстительный Магуа, к счастью, искал сейчас свою жертву именно в шеренгах того отряда, который только что покинул полковник.

— Отец! Мы здесь, отец! — закричала Алиса, когда Манроу проходил недалеко от сестер, видимо, не замечая их.— Отец, на помощь, или мы погибнем!

Девушка вновь и вновь повторяла свои отчаянные призывы таким тоном, который мог, казалось, растопить даже каменное сердце, но ответа не последовало. Один только раз старик как будто уловил звук ее голоса, потому что остановился и прислушался, но тут Алиса без чувств упала на землю, а Кора опустилась рядом с ней на колени и с беспредельной самоотверженностью прикрыла собою ее безжизненное тело. Манроу, решив, что ослышался, печально покачал головой и заторопился дальше, побуждаемый сознанием своей ответственности и долга.

— Леди,— заговорил Гамут, которому, при всей его беспомощности и никчемности, даже в голову не пришло покинуть вверенных ему девушек и пуститься в бегство.— Это праздник исчадий ада, где не место христианам. Встаньте, и бежим!

— Ступайте,— ответила Кора, не спуская глаз с бесчувственной сестры.— Спасайте свою жизнь! Мне вы уже не поможете.

Выразительный жест, сопровождавший ее слова, дал понять Давиду, что решение девушки бесповоротно. С минуту псалмопевец стоял, наблюдая за темнокожими дикарями, которые, со всех сторон окружив его, продолжали свое страшное дело; наконец он выпрямился во весь свой огромный рост, грудь его начала вздыматься, лицо оживилось, свидетельствуя о силе переполнявших его чувств.

— Если израильский отрок смирял больную душу Саула звуками своей арфы и словами святых песнопений, то не уместно ли и теперь испытать могущество музыки? — сказал он.

И, возвысив голос, он запел с такой силой, что его услышали даже здесь, среди шума резни. Дикари не раз бросались к ма-

ленькой группе в надежде ограбить беззащитных сестер и унести с собой их скальпы, но всякий раз останавливались послушать, как поет этот странный, словно приросший к месту человек. Изумление их вскоре сменялось восхищением, и они устремлялись к другим, не столь отважным жертвам, откровенно восторгаясь мужеством, с каким белый воин пел свою предсмертную песню. Ободренный и обманутый таким успехом, Давид еще более напряг голос, чтобы усилить благотворное, как он полагал, воздействие духовной музыки. Однако непривычные звуки привлекли к себе внимание проходившего вдалеке дикаря, и тот бросился на голос, перебегая от группы к группе, как хищник, который, облюбовав для себя наиболее достойную жертву, не желает тратить силы на остальное стадо.

Это был не кто иной, как Магуа, и, сообразив, что его бывшие пленники вновь у него в руках, он издал ликующий вопль.

— Идем! — бросил он, хватаясь окровавленной рукой за платье Коры.— Вигвам гурона все еще открыт для тебя. Разве там не лучше, чем здесь?

— Прочь! — вскричала Кора, закрывая глаза ладонью, чтобы не видеть его отвратительного лица.

Индеец с насмешливым хохотом поднял в ответ окровавленную руку.

— Рука у меня красная, но окрашена она кровью белых!

— Чудовище! У тебя кровь не только на руке — на душе, целое море крови! Это ты виновник резни!

— Магуа — великий вождь! — ликуя, ответил индеец.— Темноволосая пойдет с ним к его племени?

— Ни за что! Лучше убей меня и доверши свою дьявольскую месть!

Краснокожий на мгновение заколебался, затем вскинул на плечо хрупкое тело Алисы, по-прежнему остававшейся без сознания, и быстро зашагал через равнину к лесу.

— Стой! — как безумная, закричала Кора, бросаясь вдогонку.— Оставь девочку, злодей! Что ты делаешь?..

Но Магуа, казалось, ничего не слышал: он сознавал, что победа за ним, и хотел воспользоваться ее плодами.

— Остановитесь, леди! Погодите! — взывал Гамут к Коре, но ей было сейчас не до него.— Священное песнопение начинает оказывать свое волшебное действие, и скоро этот содом прекратится.

Заметив, что Кора не слушает его, верный Давид припустился за обезумевшей девушкой и на ходу снова запел псалом, отбивая такт длинной тощей рукой. Таким образом, они, минуя бегущих, раненых и мертвых, пересекли равнину. Свирепый

гурон мог в любую минуту постоять и за себя, и за жертву, которую нес на руках, но Кора рано или поздно рухнула бы под ударами беспощадных врагов, если бы за ней не следовала по пятам странная фигура, в которой изумленные дикари немедленно усмотрели человека, находящегося под защитой духа безумия.

Магуа, умевший уклоняться от опасности и ускользать от погони, спустился в неглубокий овраг и по нему вошел в лес, где быстро разыскал нэррегенсетов, совсем недавно брошенных путниками и теперь находившихся под охраной индейца не менее злобного и свирепого вида, чем сам Магуа. Перебросив Алису через седло одной из лошадей, Лисица сделал Коре знак сесть на другую.

Невзирая на ужас, который внушал ей похититель, девушка все же почувствовала облегчение, покинув равнину, ставшую ареной страшного кровопролития. Она села на лошадь и протянула руки к сестре с такой любовью и мольбой, что даже гурон не решился ей отказать. Он перенес Алису на лошадь Коры, взял нэррегенсета за повод и двинулся в путь, с каждым шагом все дальше углубляясь в чащу. Давид, увидев, что его не сочли нужным даже убить, а просто покинули, перебросил длинную ногу через седло второй лошади, оставленной индейцами за ненадобностью, и поскакал вдогонку с такой быстротой, какую только позволяла развить узкая извилистая тропа.

Вскоре она пошла в гору, но так как движение мало-помалу привело Алису в чувство, Кора, слишком поглощенная заботами о сестре и взволнованная криками, все еще доносившимися с равнины, не успела заметить, в каком направлении ее увозят. Однако, когда они выбрались на плоскую вершину горы и приблизились к восточному ее склону, девушка узнала то место, куда однажды, но при несравненно более отрадных обстоятельствах, ее уже приводил разведчик. Здесь Магуа приказал сестрам спешиться, и любопытство, которого не смог подавить даже страх, заставило пленницу, несмотря на их отчаянное положение, еще раз бросить взгляд вниз на ужасное зрелище.

Резня продолжалась. Злополучные побежденные убегали во все стороны от безжалостных преследователей, а колонны вооруженных солдат короля-христианина стояли на месте, пребывая в бездействии, до сих пор необъяснимом и оставившем несмываемое пятно на безупречной дотоле репутации Монкальма. Смерть опустила меч, лишь когда алчность заглушила в индейцах жажду мести. Только тогда стали стихать стоны раненых и вой убийц, пока наконец эти ужасные звуки не утонули в громком, пронзительном победном кличе торжествующих дикарей.

ГЛАВА XVIII

Как мне назваться?
Да как вам угодно.
Убийцей честным... Я не в гневе мстил,
А жертву чести приносил, как думал.

Шекспир. Отелло [1]

Кровавая и бесчеловечная сцена, которую мы скорее упомянули, нежели описали в конце предыдущей главы, навсегда запечатлена на самых знаменательных страницах истории колоний и заслуженно наименована «Бойней у форта Уильям-Генри». Она наложила еще одно пятно на репутацию Монкальма, уже опороченную в связи с таким же предыдущим событием, пятно, смыть которое не смогла даже безвременная героическая смерть французского генерала. Теперь, за далью времени, пятно это начало стираться, и тысячи людей, знающих, что Монкальм геройски погиб на Авраамовых полях, даже не подозревают, насколько ему недоставало той нравственной высоты, без которой человек не может почитаться истинно великим. Можно написать много страниц, демонстрируя на этом знаменитом примере все несовершенство нашей природы; можно показать, как легко отступают перед эгоизмом великодушие, учтивость и рыцарское мужество, и тем самым явить глазам всего мира человека, безусловно, выдающегося во второстепенных проявлениях характера, но оказавшегося несостоятельным там, где строгие нравственные принципы были бесконечно важнее тонкой дипломатии. Такая задача, однако, превосходит прерогативы романиста, а поскольку историки, равно как влюбленные, нередко склонны наделять своих героев воображаемыми достоинствами, то не исключено, что и Луи де Сен-Веран окажется для потомства лишь храбрым защитником своей страны, а его бесчеловечное бездействие на берегах Освего и Хорикэна будет предано забвению. Глубоко сожалея об этой слабости родственной нам музы, мы покинем здесь священные пределы ее владений и замкнемся в более скромных рамках нашего собственного призвания.

После сдачи форта прошло уж почти три дня, но наше повествование требует, чтобы мы еще на несколько часов задержали читателя на берегах Святого озера. Когда мы в последний раз взирали на окрестности крепости, они были ареной шумных сцен насилия. Теперь повсюду царили тишина и смерть. Обагренные кровью победители удалились, и на месте их лагеря, где еще

---

[1] Перевод Б. Пастернака.

недавно кипело многоголосое веселье торжествующей армии, остались лишь безмолвные брошенные хижины. Форт представлял собой дымящиеся руины: обугленные бревна, останки взорванных пушек и обломки каменных строений беспорядочно громоздились на его земляных валах.

Погода также резко изменилась. Солнце, скрывшись за непроницаемыми тучами, унесло с собою тепло, и сотни изуродованных человеческих тел, почерневших от августовского зноя, стыли теперь на холодном ветру. Волнистые прозрачные туманы, проплывавшие раньше над горами в сторону севера, возвратились обратно в виде бесконечной мрачной пелены, подгоняемой яростью бури. Зеркальной глади Хорикэна больше не было — вместо нее вздымались зеленоватые волны, неистово бившиеся о берег, словно затем, чтобы выбросить на него трупы, которые осквернили прозрачные воды озера. И все же оно сохранило частицу прежней чарующей красоты, хотя в глубинах его отражались ныне лишь черные угрюмые тучи, громоздившиеся на небе. Обычно свойственная этим местам прозрачная и влажная атмосфера, обволакивавшая дымкой четкие контуры гор и смягчавшая суровый климат, уступила место холодному северному ветру, бушевавшему над огромным водным пространством с такой резкостью и силой, что глаз человека не мог обнаружить, а воображение — предположить присутствие здесь живого существа, которое сделало бы эту картину хоть чуточку менее безотрадной.

Под суровым дыханием стихии зеленая равнина так поблекла, что казалось, ее опалила молния. Однако кое-где картина всеобщего запустения уже оживлялась островками темно-зеленой травы, этими первыми плодами почвы, которую напитала человеческая кровь. Пейзаж, казавшийся столь прекрасным при благоприятном освещении и ясной погоде, выглядел ныне словно аллегорическое изображение жизни, где все предстает в суровых, но правдивых красках, не искажаемых игрою света и тени.

Одинокие чахлые былинки раскачивались под порывами ветра, нагие неприютные горы и скалы вырисовывались особенно отчетливо, и глаз человека тщетно искал бы отдохновения даже в бескрайней пустыне небес, скрытой сейчас от взоров мрачной рваной пеленой непрерывно движущегося тумана.

Ветер дул неровно: он то льнул к земле, словно нашептывая жалобы в холодные уши мертвецов, то вдруг с пронзительным печальным свистом врывался в лес и наполнял воздух дождем сорванных им по пути листьев и веток. Иногда этот противоестественный ливень подхватывал и уносил с собой нескольких голодных воронов, но едва птицам удавалось миновать расстилавшийся под ними зеленый океан лесов, как стервятники опять

опускались на первый попавшийся труп и возобновляли свое отвратительное пиршество.

Одним словом, ландшафт являл собой картину дикости и запустения: казалось, мощная и беспощадная рука смерти поразила каждого, кто дерзнул проникнуть сюда. Но теперь заклятие ее было уже снято, и впервые после того, как виновники злодеяний покинули эту страшную местность, в ней осмелились появиться живые люди.

За час до заката вышеупомянутого дня из узкой прогалины между деревьями, где дорога сворачивала на Гудзон, вышли пять человек и направились к развалинам форта. Сперва они продвигались медленно и осторожно, словно испытывая отвращение к месту жуткой резни или опасаясь повторения страшных сцен. Шедший впереди, гибкий и стройный путник, осматривавший каждый встречный холмик с настороженностью и зоркостью, которые выдавали в нем туземца, жестами указывал сотоварищам нужное направление. Впрочем, другие не уступали ему в осторожности и предусмотрительности, столь необходимых для войны в лесах. Один из них, тоже индеец, шел с краю и наблюдал за опушкой леса глазами, с младенчества привыкшими подмечать малейший признак надвигающейся опасности. Остальные трое были белые, хотя одежда их и по цвету и по материалу больше соответствовала характеру их рискованного путешествия, нежели мундир отступающей армии.

Страшные картины, непрерывно встречавшиеся им на пути к озеру, производили на них столь же разное впечатление, сколь различны были их характеры. Юноша, шедший первым, украдкой бросал угрюмые взгляды на обезображенные жертвы, стесняясь выказать свое естественное волнение и в то же время не умея, по неопытности и молодости, подавить и скрыть его. Напротив, его старший краснокожий друг был выше подобной слабости. Он шагал мимо груд мертвых тел с таким спокойствием и невозмутимостью, какие приобретаются лишь долголетней привычкой и опытом. Белых также обуревали различные, хотя и одинаково печальные чувства. Один из них, седоволосый морщинистый человек, осанка и походка которого, несмотря на грубую простую одежду обитателя лесов, выдавали в нем воина, не стыдился издавать громкие стоны при виде какого-нибудь особенно страшного зрелища. Его юный спутник содрогался, но из сострадания к старику силился сохранять хладнокровие. Только один из пятерых, тот, кто замыкал шествие, выражал свои мысли вслух, не заботясь ни о том, что о нем подумают, ни о последствиях, которые могут быть вызваны его словами. Его, казалось, возмущала скорее нравственная, чем физическая сторона дела. Когда

он взирал на самые страшные картины, ни один мускул не дрогнул у него на лице и взгляд его оставался неколебимо тверд, но в нем читалось такое глубокое и неподдельное негодование, что нельзя было не заметить, сколь сильно возмущает этого человека гнусная безнравственность чудовищной бойни.

Читатель, разумеется, сразу узнал в путниках могикан, их белого друга-разведчика, а также Хейуорда и Манроу. Полковник в самом деле отправился на поиски дочерей в сопровождении молодого человека, принимавшего столь большое участие в их судьбе, и трех отважных лесных жителей, уже доказавших свою ловкость, честность и верность.

Когда шедший первым Ункас выбрался на середину равнины, у него вырвался крик, на который не замедлили сбежаться остальные. Молодой воин стоял перед грудой женских тел, беспорядочно наваленных друг на друга. Несмотря на охвативший их ужас, Манроу и Хейуорд, движимые порывом любви, которую ничто не могло угасить, бросились разыскивать в пестрой куче лохмотьев хоть какие-нибудь следы тех, кого они искали. Но вскоре отец и влюбленный вздохнули с облегчением, хотя оба вновь были обречены на мучительную неизвестность, выносить которую, пожалуй, не легче, нежели самую ужасную правду. Когда разведчик подошел к ним, они молча и задумчиво стояли над страшной грудой трупов. С пылающим от ярости лицом глядя на печальное зрелище, суровый обитатель лесов в первый раз с тех пор, как они вышли на равнину, громко и внятно произнес:

— Я побывал не на одном поле боя, прошел по кровавому следу немало миль, но еще нигде не видел руку дьявола так ясно, как здесь! Месть — чувство, свойственное индейцам, а я, как вам известно, чистокровный белый. Но вот что я скажу перед лицом неба: клянусь господом, чье всемогущество столь зримо проявляется на каждом шагу в этих пустынных местах, что если французы окажутся от меня на расстоянии выстрела, то уж мое ружье будет выполнять свой долг, пока кремень высекает искру, а порох горит! Томагавк и нож я оставляю тем, кто от природы владеет ими искусней, чем я. А что скажешь ты, Чингачгук? — добавил он на языке делаваров.— Неужели мы позволим гуронам похваляться этим кровавым делом перед своими женщинами, когда холмы покроются снегом?

На смуглом лице вождя могикан вспыхнуло мгновенное негодование. Он обнажил нож, но тут же отвернулся от страшного зрелища, и черты его вновь приняли выражение бесстрастного спокойствия, словно Чингачгуку были вовсе неведомы порывы страстей.

— Монкальм! Монкальм! — продолжал глубоко взволнованный и менее сдержанный разведчик.— Говорят, наступает день, когда все, что мы свершили, предстает на суд того, чьи глаза не страдают несовершенствами, присущими зрению смертных. Горе злодею, которому суждено будет в тот страшный час созерцать эту равнину и ожидать приговора, уже произнесенного его душе! Ха! Не будь я белым, если вон там не лежит индеец и на голове у него нет ее природного украшения. Осмотри-ка его, делавар. Быть может, это один из ваших соплеменников, заслуживающий погребения, потому что был стойким воином. Э, да я вижу по твоим глазам, сагамор, что кто-нибудь из гуронов заплатит жизнью за этот труп еще раньше, чем осенние ветры унесут отсюда запах крови!

Чингачгук подошел к изуродованному телу, повернул его и увидел на нем отличительные приметы одного из так называемых Шести союзных племен, которые сражались, правда, на стороне англичан, но находились в непрерывной вражде с делаварами. Он оттолкнул тело ногой и отвернулся от него с таким равнодушием, словно это была падаль. Разведчик, сообразив, что ошибся в своих предположениях, спокойно двинулся дальше, продолжая, однако, с прежним негодованием поносить французского командующего:

— Истреблять людей в таких количествах вправе только всемогущий носитель высшей мудрости. Только он может решиться на подобную меру, ибо никто иной не в силах восполнить гибель творений его. Пока не съеден первый олень, я считаю грехом убивать второго, разве что предстоит идти в поход или надолго сесть в осаду. Другое дело, конечно, когда воины встречаются в открытой, честной схватке: так уж им суждено — умереть с ружьем или томагавком в руках, смотря кем они родились, белыми или краснокожими. Ункас! Иди сюда, мальчик,— не мешай ворону опуститься на минга. Я по опыту знаю: вороны предпочитают мясо онейдов; так почему бы птице не полакомиться любимой пищей?

— Ха! — выдохнул вдруг молодой могиканин, приподнялся на цыпочки и уставился на что-то, спугнув голосом и движением ворона, который тут же полетел искать другую добычу.

— В чем дело, мальчик? — шепотом осведомился разведчик, припадая к земле, как пума перед прыжком.— Дай бог, чтобы это оказался мародер-француз, шныряющий в поисках поживы! Смею думать, оленебой сегодня не промахнется!

Ункас, не ответив, сорвался с места, еще через секунду торопливо отцепил от куста обрывок зеленой вуали со шляпы Коры и торжествующе поднял его над головой. Увидев жест мо-

лодого могиканина и его находку, а также услышав радостный крик, вторично сорвавшийся с его уст, путники без промедления вновь собрались вокруг него.

— Дитя мое! — отчаянно вскрикнул Манроу.— Верните мне мое дитя!

— Ункас попробует,— последовал короткий и трогательный ответ.

Простые, но многозначительные слова индейца прошли мимо ушей взволнованного отца. Он схватил лоскуток вуали, и взгляд его тревожно забегал по соседним кустам, словно старик страшился и в то же время надеялся проникнуть в их тайну.

— Здесь нет мертвецов,— глухим, почти сдавленным от боязни голосом бросил Хейуорд.— Буря, кажется, обошла это место.

— Это совершенно очевидно и яснее неба над нашей головой,— спокойно отозвался невозмутимый разведчик.— Но судя по всему сама девушка или те, кто ограбил ее, проходили мимо куста, потому что я помню эту ткань: она закрывала ею лицо, на которое всем так нравилось смотреть. Ты прав, Ункас, темноволосая была здесь и, как испуганная лань, убежала в лес; любой, кто умеет бегать, не стал бы стоять и ждать, пока его убьют. Поищем-ка следы,— может, она их оставила. Мне иногда кажется, что глаз индейца замечает даже след колибри в воздухе.

При этих словах молодой могиканин исчез с быстротой летящей стрелы, и не успел разведчик договорить, как с опушки донесся победный крик. Подбежав к Ункасу, встревоженные путники увидели еще один обрывок вуали, развевающийся на нижней ветке бука.

— Легче, легче! — остановил Хейуорда Соколиный Глаз, преграждая ему дорогу своим длинным ружьем.— Теперь мы знаем, что нам делать, только не затопчите следы. Один поспешный шаг может стоить нам часа поисков. Но на след мы напали — этого уж нельзя отрицать.

— Благослови вас господь, достойный человек, благослови вас господь! — воскликнул растроганный отец.— Куда же бежали мои девочки? Где они?

— Выбор пути зависел от многих причин. Если они убежали одни, то могли пойти и по кругу, и по прямой, так что, возможно, находятся милях в двенадцати от нас. Если же их захватили гуроны или другие французские индейцы, они, вероятно, сейчас уже у границ Канады. Но что из того? — спокойно вставил разведчик, заметив, как встревожены и разочарованы слушатели.— Мы с могиканами стоим на одном конце следа, значит, найдем и другой, даже если их разделяют сотни миль. Тише, тише, Ун-

кас! Ты нетерпелив, как горожанин. Не забывай: ножка легкая — след слабый.

— Ха! — вскрикнул Чингачгук, который все это время тщательно осматривал проход, проделанный кем-то в низком, окаймлявшем лес кустарнике. Теперь индеец выпрямился и указывал пальцем на землю с видом и в позе человека, наткнувшегося на омерзительного гада.

— Это же ясный след мужской ноги! — вскричал Хейуорд, наклоняясь над указанным местом.— Ошибка исключена — человек шел по краю лужи. Девушки в плену!

— Что ж, лучше плен, чем голодная смерть в пустыне! — отозвался разведчик.— Да и следов теперь станет побольше. Ставлю пятьдесят бобровых шкур против пятидесяти кремней, что не позже, чем через месяц, мы с могиканами войдем в вигвамы гуронов! Нагнись-ка, Ункас, и попробуй узнать все, что можешь, про этот мокасин, потому что это явно мокасин, а не башмак.

Молодой могиканин склонился над следом и, убрав рассыпанные вокруг листья, стал всматриваться в него с таким вниманием, с каким в наши дни, когда бумажные деньги вызывают к себе явное недоверие, ростовщик разглядывал бы подозрительный банкнот. Наконец Ункас встал с колен, видимо, удовлетворенный результатами осмотра.

— Ну, мальчик, что говорит след? — спросил насторожившийся разведчик.— Ты что-нибудь узнал?

— Хитрая Лисица.

— А, опять этот бесноватый дьявол! Нет, не будет конца его штучкам, пока оленебой не скажет ему теплое словцо!

Хейуорд нехотя, но все же согласился с этой догадкой и выразил скорее надежду, чем сомнение, сказав:

— Возможно, тут ошибка: все мокасины похожи друг на друга.

— Все мокасины похожи друг на друга! Вы еще скажете, что все ноги похожи друг на друга. А ведь каждый знает, что бывают ноги большие и ноги маленькие; у одних ступня широкая, у других — узкая; у одних высокий подъем, у других — низкий; одни ходят носком наружу, другие — внутрь. Мокасины так же мало похожи друг на друга, как книги, хотя тот, кто сумел прочесть одну книгу, может и не разобраться в другой. Но оно и к лучшему — таким образом каждый человек получает возможность использовать свои природные преимущества... Дай-ка мне тоже взглянуть, Ункас. Ни книге, ни мокасину не повредит, если о них выскажут не одно мнение, а два.— Разведчик нагнулся, тут же снова выпрямился и добавил: — Ты прав, мальчик, след тот же самый, что так часто попадался нам, когда мы гнались за гуро-

нами в прошлый раз. Этот парень не упускает случая выпить, а пьющий индеец расставляет ноги шире, чем обычный дикарь. Так уж ходят все пьяницы — и белые и краснокожие. Кроме того, ширина и длина следа те же, что раньше. Взгляни-ка, сагамор: ты ведь не раз вымерял следы, когда мы гнались за злодеями от Гленна до целебного источника.

Чингачгук повиновался и, встав с колен после непродолжительного осмотра, все так же спокойно и невозмутимо произнес лишь одно слово:

— Магуа.

— Значит, все ясно: здесь прошли темноволосая и Магуа.

— Без Алисы? — всполошился Хейуорд.

— Ее следов мы пока что не нашли,— отозвался разведчик, пристально разглядывая деревья, кусты и землю.— А это что такое? Уикас, притащи-ка сюда штучку, что болтается вон на том кусте терновника.

Когда молодой воин исполнил просьбу, Соколиный Глаз взял находку, высоко поднял ее и рассмеялся своим добродушным беззвучным смехом.

— Глядите! — сказал он.— Это же писклявое оружие певца! Ну, теперь мы вышли на след, с которого священник — и тот не собьется! Уикас, поищи-ка следы башмака таких размеров, чтобы ступня могла выдержать шесть футов два дюйма ковыляющей плоти... Нет, этот малый начинает подавать надежды. Уж если он перестал драть горло, значит, может заняться чем-нибудь путным.

— По крайней мере, слову он не изменил, и у Коры с Алисой есть друг,— вставил Хейуорд.

— Да, он будет развлекать их пением,— с откровенным презрением сказал Соколиный Глаз, опуская ружье на землю и опираясь на него.— Но сумеет ли он подстрелить оленя им на обед, определить направление по мху на березах или перерезать глотку гурону? Если нет, то у любой птицы мозгов больше, чем у него. Ну, что, мальчик, нашел след?

— Вон тут я вижу нечто вроде следа ноги, обутой в башмак,— вмешался обрадованный Хейуорд, чтобы отвести разговор от бедного Давида, которому он был сейчас глубоко признателен.

— Уж не наш ли друг оставил его?

— Поосторожней с листьями, не то следы сотрете! Вот! Вот отпечаток ноги, но это башмачок темноволосой. До чего же он маленький для девушки такого высокого роста и величавой осанки! Наш певец весь этот след одной своей пяткой накроет.

— Где? Где? Дайте мне взглянуть на след моей девочки! — вскричал Манроу, нетерпеливо раздвигая кусты и с нежностью склоняясь над еле заметным отпечатком ноги.

Как ни быстры и легки были шаги, оставившие след, он все еще не стерся окончательно. Старый воин затумапившимся взором смотрел на землю; он долго не вставал с колен, и Хейуорд заметил, как тяжелые и горячие слезы закапали из глаз старика на отпечаток изящных ножек его дочери. Чтобы рассеять грозившую вырваться наружу скорбь отца и как-нибудь отвлечь его, молодой человек сказал разведчику:

— Раз уж мы вышли на верный след, тронемся поскорее в путь. Нашим пленникам каждая минута промедления кажется сейчас вечностью.

— Не того оленя, который на ногу скор, труднее всего поймать,— возразил разведчик, не отрывая глаз от примет, попавших в поле его зрения.— Здесь прошли хитрый гурон, темноволосая и певец — это мы знаем. А где золотоволосая щебетунья с голубыми глазами? Ростом она, правда, невелика и в смелости уступает сестре, но смотреть на нее и говорить с ней приятно. Разве у нее нет здесь друзей? Почему никто о ней не думает?

— Даст бог, у нее никогда не будет в них недостатка! Разве мы и сейчас не ищем ее? Да я первый не прекращу поисков, пока не найду девушку!

— В таком случае, нам, вероятно, придется идти разными дорогами, потому что, как ни легки ее шаги, здесь она не проходила.

Хейуорд отступил назад: у него сразу пропало всякое желание продолжать путь. Не обращая внимания на неожиданный поворот в настроении собеседника, разведчик, подумав немного, продолжал:

— В этой глуши, кроме темноволосой и ее сестры, нет женщины, способной оставить такой след. Мы знаем, что старшая была здесь, но где же следы младшей? Пойдем-ка по следу, а если ничего не обнаружим, вернемся на равнину и поищем другую тропу. Вперед, Ункас, и не спускай глаз с сухих листьев. Я буду следить за кустами, а твой отец пусть смотрит на землю. Пошли, друзья, солнце уже покатилось за горы.

— Неужели я ничем не могу быть полезен? — с огорчением осведомился Хейуорд.

— Вы? — переспросил разведчик, который вместе со своими краснокожими друзьями уже приступил к выполнению намеченного плана.— Можете. Держитесь позади нас и не затаптывайте нам следы.

Не пройдя и полусотни футов, индейцы остановились и с особым интересом принялись рассматривать что-то на земле. Отец и сын громко и быстро заговорили, то поглядывая на предмет, привлекший их внимание, то с нескрываемым удовлетворением окидывая взором друг друга.

— Они нашли след маленькой ножки! — воскликнул разведчик и, позабыв о собственной задаче, ринулся вперед.— Что у вас тут? Здесь была засада?.. Нет, клянусь самым метким ружьем на всей границе, здесь опять побывали лошади-бокоходы! Ну, теперь тайна раскрылась, и все ясно, как Полярная звезда в полночь. Да, вот тут они сели на лошадей, привязанных к этому деревцу; а вон там широкая тропа уходит прямо на север, в Канаду.

— И все-таки здесь нет следов Алисы — я хотел сказать, младшей мисс Манроу,— возразил Дункан.

— Кроме блестящей побрякушки,— видите, Ункас поднимает ее с земли. Дай-ка эту штучку сюда, мальчик, и поглядим.

Хейуорд мгновенно узнал безделушку, которую любила носить Алиса. Цепкая память влюбленного подсказала ему, что в роковое утро резни он видел этот медальон на прелестной шейке предмета своих воздыханий. Он схватил столь драгоценную для него вещицу, и находка исчезла с глаз изумленного разведчика, который тщетно искал ее на земле: Дункан еще не успел подтвердить, что медальон действительно принадлежит Алисе, как последний уже покоился на его груди, рядом с учащенно забившимся сердцем.

— Ну, что ты скажешь! — с досадой процедил Соколиный Глаз, переставая ворошить листья прикладом ружья.— Если зрение слабеет,— значит, подошла старость. Штучка блестит так ярко, а я не вижу ее! Ну, да ладно! Целиться я еще могу, а этого довольно, чтобы сводить счеты с мингами. И все-таки надо бы разыскать безделушку, хотя бы для того, чтобы вернуть законной владелице,— ведь таким образом мы бы соединили оба конца длинного-предлинного следа. А пока что нас с девушкой разделяет ширь реки Святого Лаврентия или даже Великих озер.

— Тем больше у нас оснований не медлить с выступлением,— вставил Хейуорд.— В путь!

— Верно говорится: молодая кровь — горячая кровь. Мы отправляемся не белок стрелять и не оленя загонять в Хорикэн. Нам придется много дней и ночей брести по диким пустынным местам, где редко ступает нога человека и никакие книжные знания не помогут сберечь свою шкуру. Индеец ни за что не двинется в такой поход, не выкурив трубку у костра совета; а я хоть и чистокровный белый, но уважаю туземные обычаи, в особенности

этот, потому что они благоразумны и мудры. Вот почему мы сейчас вернемся назад и разведем на развалинах форта костер; утром же, со свежими силами, возьмемся за дело так, как подобает мужчинам, а не болтливым женщинам и нетерпеливым юнцам.

По тону разведчика Хейуорд понял, что спорить бесполезно. Манроу вновь погрузился в апатию, которая овладела им после всех несчастий и вывести из которой его, видимо, могло только новое сильное потрясение. Покорившись необходимости, молодой человек взял ветерана под руку и последовал за индейцами и разведчиком, уже направлявшимися назад к равнине.

ГЛАВА XIX

Саларино

Ну, я уверен, если он и просрочит,
не станешь же ты требовать его мяса:
на что оно годится?

Шейлок

Чтоб рыбу на него ловить!
Пусть никто не насытится им — оно
насытит месть мою.

Шекспир. Венецианский купец[1]

Когда путники достигли руин форта Уильям-Генри, вечерние тени уже окутали равнину и вид ее стал еще более мрачным. Разведчик и его друзья сразу же занялись приготовлениями к ночлегу, но их молчаливость и угрюмые лица позволяли судить, какое сильное впечатление произвела картина окружающих ужасов даже на этих привычных ко всему людей. Путники приставили к почерневшей стене несколько обгорелых бревен, Ункас набросал на них веток, и временное пристанище было готово. Окончив работу, молодой индеец выразительно указал на эту грубую хижину, и Хейуорд, поняв значение молчаливого жеста, заботливо предложил Манроу войти в нее. Оставив осиротевшего старика наедине со своим горем, Дункан тотчас же снова вышел на воздух: он был слишком взволнован, чтобы заснуть, хотя и рекомендовал это своему престарелому другу.

Пока индейцы и Соколиный Глаз разводили костер и ели скудный ужин, состоявший из вяленой медвежатины, молодой человек отправился взглянуть на тот бастион разрушенной крепости, что выходил на Хорикэн. Ветер заметно поутих, и волны

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

уже более спокойно и размеренно плескались о расстилавшийся внизу песчаный берег. Тучи, словно утомленные бешеной гонь-бой, мало-помалу расползлись в разные стороны: более тяжелые скапливались черными массами на горизонте, более легкие клубились над водой или парили между вершинами гор, словно птицы, кружащие над гнездами. То тут, то там сквозь плывущий туман проглядывала огненно-красная звезда, на мгновение озаряя мрачный небосвод. Между окрестными горами уже царил непроницаемый мрак, и равнина казалась огромным заброшенным склепом, непробудный сон многочисленных злополучных обитателей которого не нарушали ни шорох, ни дуновение.

Дункан простоял несколько минут, погрузясь в созерцание этой картины, так соответствовавшей тем леденящим сердце ужасам, которые недавно происходили здесь. Он перевел взор с вала, где обитатели лесов сидели вокруг пылающего костра, на небо, еще еле-еле мерцавшее бликами света, а затем устремил его вдаль и долго тревожно всматривался в непроглядный мрак, словно символ запустения, простиравшийся там, где покоились мертвецы. Вскоре ему почудилось, что оттуда доносятся необъяснимые звуки, такие к тому же слабые и невнятные, что невозможно было понять не только их происхождение, но и раздаются ли они вообще. Наконец, устыдившись своих страхов, молодой человек повернулся к воде и, чтобы отвлечься, стал всматриваться в отражение звезд на колеблющейся поверхности озера. Однако его перенапряженный слух продолжал выполнять свою неблагодарную задачу, словно желая предостеречь от некой тайной опасности. Наконец Дункан совершенно отчетливо расслышал во тьме чей-то быстрый топот. Не в силах совладать с охватившей его тревогой, он полушепотом окликнул разведчика и попросил его подняться к нему. Соколиный Глаз, перебросив ружье через плечо, подошел к Хейуорду, но с таким спокойным и бесстрастным видом, что молодой человек сразу понял, насколько его друг уверен в их безопасности.

— Послушайте сами,— предложил он, когда разведчик встал рядом с ним.— С равнины доносятся какие-то приглушенные звуки. Не означает ли это, что Монкальм еще не покинул место, где одержал победу?

— Ну, тогда выходит, что уши надежнее глаз,— невозмутимо отпарировал разведчик; он только что отправил в рот кусок медвежатины и потому говорил медленно и невнятно, как человек, чьи челюсти заняты двойной работой.— Я сам видел, как он засел в Тайе со всей своей армией: эти французы, отмочив какую-нибудь ловкую штуку, всегда возвращаются домой поплясать и отпраздновать удачу.

— Не уверен. Индеец редко спит на войне, и кто-нибудь из гуронов ради поживы мог остаться здесь после ухода своего племени. Не худо бы погасить костер и выставить часового... Слышите? Это тот самый звук, про который я говорил.

— Индеец еще реже рыщет среди могил. Хотя он всегда готов убивать и не очень разборчив в средствах, но обычно довольствуется скальпом, если только не слишком разгорячен видом крови и сопротивлением. Стоит душе противника покинуть тело, как индеец забывает о вражде и оставляет убитого вкушать вечный покой. Но раз уж мы заговорили о душе, скажите, майор, как по-вашему, рай для всех один — и для нас, белых, и для краснокожих?

— Без сомнения, без сомнения! Но я, кажется, опять слышу этот звук. А может быть, это шелестит листва на вершине бука?

— Что до меня,— продолжал Соколиный Глаз, небрежно бросив мимолетный взгляд в сторону, куда указывал Хейуорд,— я верю, что рай создан для блаженства и люди наслаждаются там сообразно своим склонностям и дарованиям. Поэтому я полагаю, краснокожий недалек от истины, веря, что найдет на том свете те обильные охотничьи угодья, о которых рассказывается в индейских легендах. Если уж на то пошло, то и чистокровному белому нисколько не зазорно проводить время в...

— Слышите? Опять этот звук!

— Да, да, волки смелеют, когда пищи слишком мало или слишком много,— невозмутимо отозвался разведчик.— Будь сейчас посветлей и найдись у нас время для охоты, мы могли бы разжиться полудюжиной шкур этих дьяволов! Что же касается загробной жизни, майор, то мне доводилось слышать, как проповедники в поселениях утверждали, будто рай — место отдохновения и радостей. Но люди-то по-разному понимают слово «радость». Я вот как ни почитаю предначертания провидения, а не хотел бы сидеть взаперти в тех пышных чертогах, о которых рассказывают пасторы: у меня от природы страсть к бродячему образу жизни и охоте.

Выяснив происхождение беспокоивших его звуков, Дункан стал более внимателен к избранной разведчиком теме.

— Трудно сказать, как преобразуются наши чувства в миг последней великой перемены.

— В самом деле, не малая будет перемена для человека, привыкшего проводить дни и ночи под открытым небом и промышлять охотой в верховьях Гудзона, если ему придется вдруг мирно спать бок о бок с воющими могауками! — согласился простодушный разведчик.— И все-таки утешительно сознавать, что все мы служим милосердному творцу, хотя каждый по-своему и хотя

между нами пролегли бескрайние пустынные просторы... Это еще что такое?

— Вы же сказали, что это волки.

Соколиный Глаз медленно покачал головой и знаком велел Дункану отойти с ним подальше, куда не доходил свет костра. Приняв эту меру предосторожности, разведчик долго и напряженно прислушивался, не повторится ли негромкий, но так поразивший его звук. Старания его, однако, оказались тщетны, потому что, выждав с минуту, он шепнул Дункану:

— Позовем-ка Ункаса. У мальчика слух и зрение индейца: он заметит то, что недоступно нам. Не скрою, мне, белому, это не по силам.

Молодой могиканин, тихо разговаривавший с отцом, встрепенулся, заслышав жалобный крик совы; он проворно вскочил и устремил взгляд в сторону черневшего во мраке вала, словно отыскивая место, откуда донесся звук. Разведчик повторил сигнал, и не прошло минуты, как Дункан увидел Ункаса, осторожно пробиравшегося к ним вдоль земляной насыпи.

Соколиный Глаз бросил ему несколько слов по-делаварски. Как только Ункас узнал, зачем его позвали, он бросился на землю и, как показалось Дункану, долго лежал пластом. Удивленный неподвижностью молодого воина и сгорая от желания узнать, каким образом тот получает нужные сведения, Хейуорд сделал несколько шагов вперед и нагнулся над темным пятном, с которого все это время не спускал глаз. Только тогда он обнаружил, что Ункас исчез, а на насыпи чернеют лишь контуры какой-то неровности.

— А где могиканин? — изумился он, отступая назад к разведчику.— Он же был там — я видел, как он упал, и я готов был дать голову на отсечение, что он так и лежит на одном месте.

— Тс-с! Говорите потише. Мы не знаем, чьи уши слушают нас, а минги — народ сообразительный. Что же до Ункаса, то мальчик уже на равнине, и если там бродят макуасы, они встретят достойного противника.

— Значит, вы полагаете, что Монкальм не увел с собой всех своих индейцев? Давайте поднимем наших и возьмемся за оружие. Нас здесь пятеро, и все мы не в первый раз встречаемся с врагом.

— Никому ни слова, если вам дорога жизнь! Взгляните на сагамора. Видите, как невозмутимо сидит у костра этот великий вождь? Если во мраке и шныряют какие-нибудь проходимцы, они ни за что не догадаются по его виду, что мы чуем близкую опасность.

— Но они могут заметить его, а это — верная смерть: он слишком ясно виден при свете костра и неизбежно станет их первой жертвой.

— Не спорю, вы говорите правду,— согласился разведчик менее хладнокровно, чем обычно.— Но что поделаешь? Один подозрительный взгляд, и нападение произойдет раньше, чем мы изготовимся его отразить. Чингачгук слышал сигнал, который я подал Ункасу, и знает, что мы обнаружили что-то неладное. Я сообщу ему, что мы напали на след мингов, а инстинкт подскажет индейцу, как поступить.

Разведчик заложил два пальца в рот и издал тихий шипящий звук, от которого Дункан отскочил в сторону, решив, что к нему подползла змея. Чингачгук сидел, подперев голову рукой и погрузившись в глубокое раздумье; но едва индеец заслышал предупредительное шипение пресмыкающегося, чье имя носил, он выпрямился, и темные глаза его быстро и зорко обшарили окружающую темноту. Кроме этого единственного и, может быть, непроизвольного движения, он ничем не выдал своего изумления и тревоги. Он даже не потянулся к ружью, которое, как и раньше, оставалось у него под рукой. Больше того: он дал томагавку выпасть на землю из-за пояса, расстегнутого для удобства, и вся фигура краснокожего словно обмякла, как у человека, решившего дать отдых мышцам и нервам. Приняв прежнее положение и лишь лениво сменив руку, словно для того, чтобы дать ей отдых, могиканин стал ждать надвигающихся событий со спокойствием и мужеством, на какие способен только индейский воин.

Неопытному глазу могло показаться, что Чингачгук спит, но Хейуорд видел, что ноздри вождя раздуваются, голова слегка повернута, чтобы лучше слышать, а зоркий взгляд непрестанно перебегает с одного предмета на другой.

— Нет, вы только поглядите на это благородство! — прошептал разведчик, стиснув Хейуорду руку.— Он понимает, что один взгляд, одно движение могут свести на нет все наши планы и отдать нас в руки этих исчадий ада...

Внезапная вспышка и ружейный выстрел прервали его. Над костром, на который был устремлен изумленный и полный восторга взгляд Хейуорда, взметнулся огненный сноп искр. Когда же майор снова посмотрел туда, Чингачгук исчез. Тем временем разведчик, держа ружье наизготовку, нетерпеливо ожидал появления врага. Но атака, видимо, ограничилась неудачным покушением на жизнь Чингачгука. Правда, раз-другой слушателям показалось, будто кусты зашелестели и в чащу скользнули чьи-то неясно очерченные тени, но вскоре Соколиный Глаз узнал в них волков, поспешно удиравших от кого-то, кто вторгся в их вла-

дения. Несколько минут прошли в тревожном ожидании; затем послышался плеск воды и сразу же вслед за ним прогремел выстрел из другого ружья.

— Это Ункас! — объявил разведчик.— У мальчика ружье на славу. Я знаю его звук не хуже, чем отец лепет своего ребенка: оно принадлежало мне, пока я не разжился другим, получше.

— Что все это значит? — спросил Дункан.— За нами следят и, видимо, собираются нас прикончить?

— Вон те разлетевшиеся головешки доказывают, что тут действительно замышлялось недоброе, а этот индейский вождь может подтвердить, что нам не причинили никакого вреда,— ответил разведчик, хладнокровно опустив ружье и направляясь к Чингачгуку, который вновь появился в круге света на самой середине крепости.— Ну что, сагамор? Минги всерьез взялись за нас, или это только один из гадов, которые примазываются к отряду, чтобы скальпировать мертвецов, а потом бахвалиться перед женщинами своими подвигами в битвах с бледнолицыми?

Чингачгук неторопливо уселся на прежнее место и молчал, покуда не обследовал головню, в которую угодила пуля, чуть не ставшая для него роковой. Но и тогда он удовольствовался тем, что поднял палец вверх и кратко ответил по-английски:

— Один.

— Так я и думал,— отозвался Соколиный Глаз, усаживаясь в свой черед.— А так как он успел прыгнуть в озеро раньше, чем Ункас накрыл его, мошенник будет теперь плести всякие небылицы о многочисленной засаде, на которую он наткнулся, идя по следу двух могикан и белого охотника. Об офицерах он не упомянет — в таких переделках они не в счет. Ну и пусть плетет! В каждом племени есть честные люди,— хотя, видит бог, среди макуасов их не слишком много,— которые оборвут негодяя, когда он понесет околесицу! А злодей-то чуть не прикончил тебя, сагамор,— пуля просвистела над самым твоим ухом!

Чингачгук бесстрастно и равнодушно глянул на место, куда ударила пуля, и принял прежнюю позу со спокойствием, из которого его не мог, видимо, вывести такой пустяк. В эту секунду в световой круг бесшумно вступил Ункас, усевшийся у огня с тем же бесстрастием, что и его отец. Хейуорд с глубоким интересом и изумлением наблюдал, как ведут себя обитатели лесов. Ему казалось, что они владеют какими-то тайными, непонятными способами делиться друг с другом мыслями и ощущениями. Вместо оживленного и пространного рассказа, которым разразился бы на месте Ункаса белый юноша, чтобы описать,— а может

быть, заодно и преувеличить,— свои похождения во мраке равнины, молодой воин довольствовался сознанием того, что его дела говорят сами за себя. Здесь, да еще в такой час, индейцу было не место и не время хвастаться своими подвигами, и не задай Хейуорд вопрос, на эту тему, вероятно, не было бы сказано ни слова.

— Что с нашим врагом, Ункас? — осведомился Дункан.— Мы слышали твой выстрел и надеемся, что он не пропал даром.

Молодой вождь раздвинул складки своей охотничьей рубахи и невозмутимо показал зловещий скальп, символ его победы. Чингачгук протянул руку, взял трофей и с минуту пристально рассматривал. Затем отбросил его и с гримасой отвращения на своем мужественном и выразительном лице проговорил:

— Ха! Онейд.

— Онейд? — повторил разведчик, уже потерявший было интерес ко всей этой истории и сидевший с не менее равнодушным видом, чем его краснокожие друзья; теперь он встрепенулся, подошел к Ункасу и с необычным вниманием осмотрел кровавый трофей.— Если онейды идут по нашему следу, то, клянусь богом, эти аспиды обложат нас со всех сторон. Глаз белого не видит разницы между этим скальпом и скальпом любого другого индейца, а вот сагамор утверждает, что он снят с головы минга. Мало того, он даже назвал племя бедняги с такой легкостью, словно этот скальп — страница книги, а каждый волос — буква. Вправе ли белые христиане кичиться своей ученостью, если индеец свободно владеет языком, которого не постичь наимудрейшему из них? А ты что скажешь, парень? Из какого племени был этот бездельник?

Ункас посмотрел разведчику в лицо и ответил своим мягким певучим голосом:

— Из онейдов.

— И этот туда же! Из онейдов! Ну, что ж. Утверждение одного индейца — и то уже почти всегда достоверно; если же его подтверждает другой, вы можете полагаться на их слова, как на Библию.

— Бедняга просто принял нас за французов — он не стал бы покушаться на жизнь друзей,— вставил Хейуорд.

— Что? Вы думаете, он способен был принять могиканина в боевой раскраске за гурона? С равным успехом вы могли бы спутать белые мундиры гренадеров Монкальма с алыми куртками англичан,— возразил разведчик.— Нет, нет, эта гадина знала, что делает. К тому же большой ошибки все равно не произошло: делавары и минги не любят друг друга, на чьей бы стороне ни

сражались их племена во время распрей между белыми. Хотя онейды вместе со мной служат его величеству королю Английскому, я, не задумываясь, пристрелю одного из этих негодяев, если, по счастливой случайности, он подвернется мне под руку.

— Это было бы нарушением договора и поступком, недостойным вас.

— Когда человек часто имеет дело с одним народом, то если люди там честные и сам он не мошенник, между ними возникает дружба,— продолжал разведчик.— Верно, конечно, и то, что белые своими уловками перессорили между собой индейские племена и внесли путаницу в понятия «друг» и «враг». Взять, к примеру, гуронов и онейдов: говорят они на одном языке или почти на одном, а охотятся за скальпами друг друга. Делавары тоже разделились: меньшинство их сидит у костра совета на родной реке и сражается на той же стороне, что и минги; а большая часть их осела в обеих Канадах из прирожденной ненависти к макуасам. Вот так и создается неразбериха во время войны. И все-таки краснокожий не способен менять свои обычаи и повадки с каждым новым поворотом в политике белых. Поэтому дружба могикан с мингами сильно смахивает на приязнь белого к змее.

— Грустно слышать. Я полагал, что туземцы, живущие в наших владениях, не раз имели случай убедиться в справедливости и великодушии англичан, а значит, должны преданно стоять за нас против французов.

— Так-то оно так,— отозвался разведчик,— только я полагаю, что человек — и это вполне естественно — первым делом стоит сам за себя, а не за чужеземцев. Что до меня, то я во всем люблю справедливость и не скажу, что ненавижу мингов, потому как это несовместимо ни с моей верой, ни с моим цветом кожи; и все-таки еще раз повторяю, что лишь тьма помешала оленебою всадить пулю в этого проклятого онейда.

Затем, удовлетворясь своими доводами и не заботясь о том, убежден ими или нет его собеседник, честный, но непримиримый разведчик охотно воспользовался случаем прервать спор и отвернулся от огня. Хейуорд же снова отправился на вал: он не привык к войне в лесах и был слишком встревожен, чтобы спокойно отдыхать, когда возможность вторичного коварного нападения была отнюдь не исключена. Могикане и разведчик настроились, однако, совсем иначе. Их чутье, развитое долгим опытом и обостренное сверх всякого мыслимого предела, помогло им не только обнаружить опасность, но заодно определить ее размеры и продолжительность. Ни один из них, по-видимому, не питал сейчас сомнений в полной своей безопасности, что немедленно доказали устроенное ими совещание и дальнейшие их действия.

Путаница в отношениях между племенами и даже отдельными ветвями их, о которой упомянул Соколиный Глаз, достигла в это время апогея. Могучие узы одного языка и, разумеется, общего происхождения разорвались во многих местах, вследствие чего делавары и минги (как именовали индейцев, входивших в Союз шести племен) воевали на одной стороне и равно охотились за скальпами гуронов, хотя минги почитали последних своими родоначальниками. Среди делаваров царил полный разлад. В то время как любовь к земле праотцев удерживала сагамора могикан вместе с кучкой приверженцев в форте Эдуард под знаменами английского короля, большая часть его племени принадлежала к числу союзников Монкальма и сражалась в рядах его армии. Даже если читатель не почерпнул достаточных сведений из нашего повествования, ему, вероятно, и без того известно, что делавары, или ленапе, мнили себя родоначальниками того многочисленного народа, который владел когда-то большей частью восточных и северных штатов Америки и в который община могикан входила в качестве самой древней и почетной ветви.

Полностью отдавая себе отчет в этой сложной и запутанной игре интересов, сделавшей врагами друзей и вынудившей наследственных врагов сражаться в одних рядах, разведчик и могикане приступили к обсуждению плана, которого им следовало держаться в обстановке соперничества стольких диких племен. Дункан, хорошо знавший обычаи краснокожих, быстро сообразил, почему огонь был разведен вторично и почему воины, не исключая Соколиного Глаза, с такой важностью и торжественностью заняли места вокруг дымящегося костра. Он примостился на краю вала, откуда можно было наблюдать за этой сценой, следя в то же время, чтобы опасность не застала их врасплох, и стал ждать исхода переговоров со всем терпением, на какое был способен.

После краткой, но многозначительной паузы Чингачгук раскурил трубку с деревянным чубуком, искусно выточенную из мягкого местного камня, и сделал несколько глубоких затяжек. Вдоволь насладившись ароматным успокаивающим зельем, он передал трубку разведчику. Таким образом она среди полного безмолвия трижды совершила круг. Затем сагамор, как старший по возрасту и положению, в немногих спокойных, исполненных достоинства словах изложил предмет обсуждения. Разведчик ответил ему и, видимо, не согласился с ним, потому что Чингачгук заговорил снова. Молодой Уункас почтительно хранил молчание, пока Соколиный Глаз из вежливости не спросил и его мнения. По манерам говоривших Хейуорд заключил, что отец и сын придерживаются одного взгляда на вещи, а разведчик — другого.

Спор разгорался, и становилось все ясней, что собеседники начинают вкладывать в него и чувства.

Однако, невзирая на горячность дружеских пререканий, участники самого торжественного собрания у христиан, не исключая даже их духовных пастырей, могли бы поучиться сдержанности, терпимости и вежливости у трех этих простых людей. Слова Уикаса были выслушаны с таким же глубоким вниманием, как и преисполненная более зрелой мудрости речь его отца. Ни один из собеседников не проявлял ни малейшего нетерпения и отвечал не прежде, чем успевал подумать над тем, что сказано другими.

Слова могикан сопровождались настолько выразительными жестами, что Хейуорду не составляло труда следить за ходом их рассуждений. Напротив, смысл речей разведчика оставался неясным: верный своему происхождению, Соколиный Глаз говорил спокойно и безыскусно, как это свойственно англо-американцам любого общественного положения. Судя по тому, что индейцы то и дело упоминали о найденных в лесу следах, могикане, несомненно, настаивали на погоне по суше, тогда как разведчик, указывая рукой в направлении Хорикэна, отстаивал водный путь.

Охотник, видимо, быстро терял свои позиции, и вопрос должен был вот-вот решиться не в его пользу, как вдруг он вскочил на ноги, стряхнул с себя напускное равнодушие и внезапно заговорил как настоящий индеец, пустив в ход весь арсенал туземного красноречия. Подняв руку, он описал ею путь движения солнца и повторил этот жест столько раз, сколько, по его мнению, требовалось дней для достижения цели. Затем он обрисовал долгий тяжелый путь через горы и бурные потоки. Преклонный возраст и слабость уснувшего Манроу тоже были изображены жестами, слишком наглядными для того, чтобы не уловить их смысла. Дункан заметил, что оратор мимоходом коснулся и его самого — недаром разведчик вытянул раскрытую ладонь и произнес слова «Щедрая Рука», прозвище, которое Хейуорд заслужил своей щедростью у дружественных племен. Затем Соколиный Глаз воспроизвел легкое грациозное покачивание пироги в качестве резкого контраста заплетающимся шагам ослабевшего, изнуренного человека. В заключение он указал на скальп онейда, повидимому, советуя выступать немедленно и не оставлять следов.

Могикане слушали внимательно, и лица их отражали чувства говорящего. Доводы разведчика постепенно возымели действие, и под конец тирады его слова уже сопровождались одобрительным «ха!». Короче говоря, Уикас и его отец признали разумность точки

зрения Соколиного Глаза и отказались от высказанной ими ранее мысли с такой прямотой и естественностью, что, будь они представителями одной из великих цивилизованных наций, подобная непоследовательность навсегда погубила бы их политическую репутацию.

Как только вопрос решился, спор и все с ним связанное было мгновенно предано забвению. Соколиный Глаз даже не подумал упиваться своим торжеством и ловить восхищенные взгляды слушателей, а преспокойно растянулся во весь рост у потухающего костра, закрыл глаза и отошел ко сну.

Предоставленные на миг самим себе, могикане, все время которых было до сих пор посвящено чужим интересам, поспешили воспользоваться случаем и побеседовать о собственных делах. Сбросив маску торжественной суровости, столь характерной для индейского вождя, Чингачгук заговорил с сыном нежным, ласковым и шутливым тоном. Уикас радостно отозвался на дружеские слова отца, и не успело ровное дыхание разведчика возвестить, что он уснул, как в облике его спутников произошла разительная перемена.

Невозможно передать музыкальность их речи, прерываемой иногда задушевным смехом: она понятна лишь тем, кто своими ушами слышал подобную мелодию.

Диапазон их голосов, особенно голоса юноши, был поразительно широк: от самых низких, басовых нот они переходили к тонам почти женственной нежности. Глаза отца с нескрываемым восторгом следили за непринужденными пластическими движениями сына, и он каждый раз встречал улыбкой заразительный, хотя и тихий смех Уикаса. Естественное отцовское чувство стерло все признаки свирепости со смягчившегося лица сагамора. Страшная эмблема смерти, изображенная у него на груди, походила теперь скорее на шуточный маскарад, чем на безжалостное предупреждение о том, что носитель ее готов сокрушать и сметать любую преграду на своем пути.

Посвятив целый час излиянию самых лучших и сокровенных чувств, Чингачгук внезапно объявил о своем намерении уснуть, укутал голову одеялом и растянулся на голой земле. Уикас мгновенно стал серьезен, тщательно сгреб угли, чтобы тепло их согревало ноги отца, и выбрал себе ложе среди развалин.

Спокойствие многоопытных лесных жителей вселило в Хейуорда уверенность в том, что им не грозит никакая опасность; майор последовал примеру индейцев, и задолго до полуночи путники, укрывшиеся в развалинах крепости, погрузились в сон, не менее крепкий и безмятежный, чем тот, который сковал людей, чьи кости уже начали белеть на равнине.

ГЛАВА XX

Албания!.. Склоняю взор. Привет,
Кормилица крутая непокорных.

Байрон. Чайльд-Гарольд[1]

Соколиный Глаз поднял спящих, когда небо было еще усеяно звездами. Услышав голос его у входа в убежище, где они провели ночь, Манроу и Хейуорд сбросили с себя плащи, вскочили, вышли из-под навеса и увидели ожидавшего их разведчика, который вместо приветствия многозначительным жестом призвал офицеров к молчанию.

— Помолитесь про себя,— прошептал охотник, когда они подошли к нему.— Тот, к кому вы обращаетесь, понимает любой язык, в том числе и язык сердца. Ни слова вслух! Голос белого редко уместен в тишине леса, что мы и видели на примере этого жалкого дурня-певца. Идемте,— прибавил он, направляясь к валам форта,— спустимся в ров с этой стороны, и смотрите ступайте только на камни и бревна.

Спутники повиновались, хотя для одного из них причины таких необыкновенных предосторожностей пока еще оставались тайной. Очутившись во рву, с трех сторон окружавшем крепость, они обнаружили, что он почти доверху завален обломками. Осторожно и терпеливо следуя за разведчиком, офицеры в конце концов выбрались на песчаный берег Хорикэна.

— Такой след можно учуять разве что нюхом,— удовлетворенно сказал разведчик, оглянувшись на пройденный ими нелегкий путь.— Травяной ковер — ловушка для беглецов, а на дереве и камне мокасины не оставляют отпечатка. Будь на вас армейские сапоги, нам, пожалуй, было бы чего опасаться, но в обуви из хорошо выделанной оленьей кожи человек может спокойно ходить по горам... Подгони пирогу к земле, Ункас: следы на песке будут видны так же ясно, как на масле, которое делают голландцы с берегов Могаука. Легче, парень, легче: лодка не должна уткнуться носом в берег, иначе мошенники сообразят, каким путем мы ушли.

Молодой воин точно выполнил предписание. Разведчик, перебросив доску с земли на борт, знаком велел офицерам садиться. Когда это было проделано, Соколиный Глаз тщательно восстановил на берегу прежний беспорядок и умудрился добраться до легкого суденышка, не оставив следов, которых так боялся. Хейуорд молчал до тех пор, пока индейцы, осторожно работая веслами, не отплыли на известное расстояние от форта под прикрытие

[1] Перевод Г. Шенгели.

широкой полосы тени, отбрасываемой восточными горами на зеркальную гладь озера. Здесь он осведомился:

— Почему мы уезжаем украдкой и с такой поспешностью?

— Если бы кровь онейда могла окрасить всю ширь чистой воды, по которой мы плывем, вам на вопрос ответили бы ваши собственные глаза,— отозвался разведчик.— Разве вы забыли о мошеннике, ставшем вчера жертвой Ункаса?

— Ни в коем случае. Но вы сами сказали, что он был один, а мертвецов нечего опасаться.

— Да, на свое дьявольское дело он отправился один! Но индеец, чье племя насчитывает столько воинов, может не сомневаться, что вслед за тем, как прольется его кровь, прозвучит предсмертный стон одного из его врагов.

— Но наше присутствие и авторитет полковника Манроу, безусловно, послужили бы нам защитой от гнева наших же союзников, особенно в данном случае, потому что негодяй вполне достоин своей участи. Надеюсь, вы ни на фут не отклонились от прямой дороги к нашей цели из-за такого пустяка?

— Неужто вы полагаете, что пуля мошенника прошла бы мимо, окажись на ее пути хоть сам король? — упрямо возразил разведчик.— Вы думаете, слово белого так уж сильно действует на индейца? Отчего же тогда этот великий француз, генерал-губернатор Канады, не приказал гуронам зарыть томагавк в землю?

Хейуорд хотел было ответить, но ему помешал тяжкий стон, вырвавшийся из груди Манроу. Выждав минуту из уважения к горю престарелого друга, майор возобновил разговор.

— Только бог — судья поступку маркиза де Монкальма,— торжественно объявил он.

— Вот теперь в ваших словах есть резон, потому что они подсказаны вам религией и честностью. Одно дело послать полк белых мундиров на защиту пленников от ярости краснокожих, а совсем другое — задабривать свирепого дикаря дружеской речью и называть его «сын мой» в надежде, что он забудет про нож и ружье. Нет, нет,— прибавил разведчик, оглянувшись на быстро исчезавшие из виду расплывчатые очертания руин форта Уильям-Генри и рассмеявшись своим беззвучным задушевным смехом.— Пусть нас лучше разделяет вода. И если только эти мошенники не сведут дружбу с рыбами и не узнают от них, кто сегодня на рассвете плыл по озеру, мы оставим позади себя весь Хорикэн, прежде чем они додумаются, гнаться за нами по суше или по воде.

— Враги впереди, враги сзади! Похоже, нам предстоит опасное путешествие.

— Опасное? — спокойно повторил Соколиный Глаз.— Нет, не слишком. Тонкий слух и острый глаз помогут нам опередить

негодяев на несколько часов, а уж если придется взяться за ружье, то трое из нас управляются с ним получше любого человека на здешней границе. Нет, опасности не предвидится, но марш, как выразились бы вы, предстоит форсированный. Нас могут ждать и стычки, и засады, и прочие развлечения в этом же роде, но все это в таких местах, где есть хорошее прикрытие; кроме того, боевые припасы у нас тоже в изобилии.

Возможно, что, несмотря на всю храбрость Хейуорда, представления его об опасности несколько отличались от представлений Соколиного Глаза. Во всяком случае, он не ответил разведчику и молча стал наблюдать, как пирога скользит по воде, оставляя позади милю за милей. С рассветом они вошли в узкие протоки, осторожно и быстро лавируя между бесчисленными островками. Именно по этой дороге Монкальм увел назад свою армию, и путники, которые не знали, не оставил ли он в засаде союзных индейцев, чтобы прикрыть себя с тыла и подобрать отставших, строго хранили молчание.

Ункас и разведчик ловко вели пирогу по извилистым, запутанным протокам, где каждый пройденный фут мог угрожать встречей с опасностью, а Чингачгук отложил весло в сторону. Пытливый взгляд сагамора перебегал с островка на островок, с одних зарослей на другие; когда же лодка выплывала на простор озера, его зоркие глаза всматривались в обнаженные скалы и леса, хмуро нависшие над узкими протоками.

Хейуорд, любуясь красотой ландшафта, испытывал в то же время вполне естественную в его положении тревогу, и как раз в ту минуту, когда он уже склонен был уверовать в неосновательность своих опасений, Чингачгук подал сигнал, и весла замерли.

— Ха! — выдохнул Ункас почти одновременно с легким ударом о борт лодки, которым его отец возвестил о надвигающейся опасности.

— Ну что еще? — удивился разведчик.— Озеро гладко, словно ветры здесь отродясь не дули, и я вижу на много миль вперед. Кругом ни души, разве что черная головка гагары над водой мелькнет.

Индеец медленно поднял весло и указал им в ту сторону, куда был устремлен его пристальный взор. Дункан взглянул в том же направлении. Впереди, на расстоянии в несколько десятков футов, виднелся невысокий лесистый островок, но он казался таким спокойным и мирным, словно на него никогда не ступала нога человека.

— Ничего не вижу: вокруг только вода да пятнышко суши,— сказал он.— А пейзаж, действительно, очень красив.

— Тс-с! — одернул разведчик.— Да, сагамор, ты-то уж никогда ничего зря не сделаешь! Правда, это всего лишь тень, но тень неестественная. Видите, майор, вон ту полоску в воздухе над островком? Туманом ее не назовешь — она скорее похожа на легкое облачко.

— Это испарения, поднимающиеся над водой.

— То же самое вам любой ребенок скажет. Но что это за кромка дыма на нижнем крае облачка, которая исчезает в чаще орешника? На мой взгляд, она поднимается от наспех притушенного костра.

— За чем же остановка? Подплывем туда и разрешим наши сомнения,— предложил нетерпеливый Дункан.— На таком крохотном островке много народу не уместится.

— Если вы будете судить о хитрости индейцев по примерам, вычитанным из книг, или руководствоваться повадками белых, то наделаете ошибок, а то и вовсе погибнете,— возразил Соколиный Глаз, с присущей ему проницательностью вглядываясь в приметы местности.— Если мне позволено высказать свое мнение, я скажу, что нам остается одно из двух: или повернуть обратно и отказаться от попытки выследить гуронов...

— Ни за что! — воскликнул Хейуорд слишком громко для тех обстоятельств, в каких они находились.

— Ладно, ладно,— продолжал Соколиный Глаз, знаком советуя офицеру умерить свой пыл.— Я и сам разделяю ваше мнение, хотя, имея опыт в подобных делах, счел своим долгом сказать вам все. Итак, мы должны двигаться вперед, и если в протоках засели индейцы или французы, нам надо прорваться между вон теми нависшими над озером скалами. Как по-твоему, сагамор, прав я или нет?

Вместо ответа индеец опустил весло в воду и погнал пирогу вперед. А так как управление лодкой лежало всецело на нем, это движение ясно говорило, на что он решился. Теперь все гребцы усиленно заработали веслами, и через минуту они оказались на месте, откуда был виден скрытый до сих пор северный берег островка.

— Вот тут они и засели, если приметы нас не обманывают! — прошептал разведчик.— Две пироги и дым! Как видно, мошенники еще не успели продрать глаза, не то бы мы уже услышали их проклятый боевой клич. Навались, друзья! Мы уходим. Еще немного, и выстрелы нас не достанут.

Хорошо знакомый треск ружья, свист пули над водой и пронзительный крик, донесшийся с острова, прервали разведчика, дав знать путникам, что они замечены. Еще через секунду гурьба дикарей прыгнула в пирогу и пустилась в погоню. Однако, на-

сколько мог заметить Дункан, появление этих страшных предвестников неизбежной схватки не изменило ни выражения лица, ни поведения трех проводников, разве что взмахи весел стали чаще и сильнее, отчего легкий челн рванулся вперед, словно живое, наделенное волей существо.

— Не подпускай их ближе, сагамор! — хладнокровно бросил Соколиный Глаз, оглянувшись через левое плечо и продолжая работать веслом.— Ни в коем случае не подпускай. У гуронов во всем племени нет ружья, которое накрыло бы нас на таком расстоянии. А вот ствол моего оленебоя не подведет.

Убедившись, что могикане и без него выдержат нужную дистанцию, разведчик спокойно отложил весло и поднял роковое ружье. Трижды он вскидывал его к плечу и трижды, когда вот-вот должен был прогреметь выстрел, вновь опускал, требуя, чтобы могикане дали противнику немного приблизиться. Наконец его меткий и многоопытный глаз, видимо, удовлетворился, и разведчик, положив ствол на левую руку, медленно поднял дуло, как вдруг восклицание Уикаса, сидевшего на носу, опять вынудило его повременить с выстрелом.

— В чем дело, мальчик? — осведомился Соколиный Глаз.— Ты избавил наши уши от предсмертного вопля гурона. Какие у тебя к тому причины?

Уикас указал вперед, где, отделившись от скалистого берега, наперерез им мчалась другая пирога. Положение, в котором они очутились, было настолько отчаянным, что доказывать это не приходилось. Разведчик отложил ружье и схватился за весло, а Чингачгук взял поближе к западному берегу, чтобы увеличить расстояние между лодкой и новым противником. Тем временем дикие вопли торжества не переставали напоминать путникам о том, что нападение угрожает им и сзади. Это страшное зрелище вывело даже Манроу из глубокой апатии, в которую он погрузился под бременем обрушившихся на него несчастий.

— Держите к скалам. Высадимся на берег и дадим там бой дикарям,— предложил он с твердостью бывалого солдата.— Упаси бог меня или моих людей еще раз довериться слову слуги Людовиков!

— Тому, кто хочет побеждать в войне с индейцами, надо не носиться со своей гордостью, а учиться сообразительности у туземцев,— возразил разведчик.— Держи под самым берегом, сагамор. Мы обходим этих мошенников, но они, того и гляди, додумаются перерезать нам дорогу.

Соколиный Глаз не ошибся. Когда гуроны увидели, что могут оказаться позади тех, кого преследуют, они свернули с курса и начали понемногу забирать в сторону, так что вскоре обе пироги

уже скользили параллельно на расстоянии двухсот ярдов друг от друга. Теперь дело свелось к состязанию в быстроте. Легкие суденышки шли так ходко, что вода вскипала перед ними мелкими барашками, и лодки покачивало от собственной скорости. Вероятно, из-за этой качки, а также в силу необходимости использовать все руки на веслах, гуроны до сих пор и не прибегли к огнестрельному оружию. Однако беглецам долго было не выдержать: им приходилось делать слишком большие усилия, потому что преследователи превосходили их числом. Дункан с беспокойством заметил, что разведчик тревожно оглядывается, словно ища новых средств облегчить бегство.

— Возьми чуть в сторону от солнца, сагамор,— скомандовал несгибаемый житель лесов.— Я вижу, мошенники снимают одного человека с весел для стрельбы. А ведь одна перебитая кость может стоить нам скальпов. Уходи от солнца, и мы прикроемся от них островом.

Маневр удался. Невдалеке тянулся низкий продолговатый островок, и когда пирога беглецов пошла вдоль берега, преследователям волей-неволей пришлось плыть вдоль противоположного. Разведчик и его друзья не преминули воспользоваться таким преимуществом и, оказавшись под прикрытием кустов, удвоили свои усилия, хотя они и без того казались сверхчеловеческими. Когда обе лодки, обогнув островок, выскочили на стрежень, подобно двум несущимся во весь опор скакунам, беглецы оказались впереди. Правда, расстояние между челнами сократилось, но зато соответственно изменилось их взаиморасположение.

— Ты доказал, что нехудо разбираешься в лодках из березовой коры, Ункас, когда из всех гуронских пирог выбрал именно эту,— похвалил разведчик, по всей видимости, более обрадованный тем, что они выигрывают гонку, нежели забрезжившей надеждой уйти от опасности.— Мошенники опять навалились на весла, и нам придется защищать свои скальпы с помощью обструганных палок, а не дымящихся стволов и метких глаз! А ну, друзья, налегай! Шире взмах, греби дружней!

— Они изготовились к стрельбе,— крикнул Хейуорд.— И вряд ли промахнутся: мы с ними на одной линии.

— А тогда ложитесь с полковником на дно лодки, да поживее! — крикнул разведчик.— Вот у них и станет целей поменьше.

— Дурной пример подадут старшие по чину, если начнут прятаться, когда солдаты под огнем! — с улыбкой возразил Хейуорд.

— Боже правый! Вот она, храбрость белого человека! — возмутился разведчик.— Как и многие другие его понятия, она не в ладах с разумом. Разве сагамор, Ункас и даже я сам, чистокровный белый, стали бы раздумывать, прятаться или нет, когда

драться в открытую бесполезно? Для чего французы воздвигли Квебек, если сражения обязательно должны происходить в чистом поле?

— Все, что вы говорите, вполне справедливо, мой друг,— ответил Хейуорд.— Тем не менее наши обычаи не позволяют нам поступить так, как вы желаете.

Ружейный залп гуронов прервал этот спор, и, когда вокруг засвистели пули, Хейуорд заметил, что Ункас обернулся и посмотрел на него и Манроу. Несмотря на близость врагов и грозившую ему самому опасность, лицо молодого воина, как показалось Дункану, не выразило ничего, кроме изумления при виде людей, без всякой надобности подвергающих себя риску. Чингачгук, по-видимому, был лучше знаком с обычаями белых: он не счел нужным отрывать глаза от курса, которым вел пирогу. Вскоре пуля вышибла из рук вождя легкое отполированное весло, которое отлетело далеко вперед. Гуроны завопили и, воспользовавшись случаем, дали еще один залп. Однако Ункас описал веслом широкую дугу по воде, лодка рванулась вперед, Чингачгук поймал свое весло и, высоко подняв его, издал боевой клич могикан, после чего изо всех сил и со всем умением вновь отдался своему важному делу.

Позади них из гуронских пирог донеслись громкие крики: «Великий Змей! Длинный Карабин! Быстроногий Олень!» — которые, казалось, удвоили рвение преследователей. Разведчик поднял левой рукою свой оленебой и с победоносным видом погрозил им врагам. Дикари ответили на оскорбление воем, за которым последовал еще один залп. Пули забарабанили по воде, а одна даже пробила борт суденышка. Но и в эту критическую минуту спокойствие и хладнокровие не изменили могиканам, чьи суровые черты не выражали ни тревоги, ни надежды. Разведчик же повернул голову и, рассмеявшись своим беззвучным смехом, сказал Хейуорду:

— Мошенникам нравится слышать грохот своих ружей, но среди мингов нет ни одного, чей глаз мог бы точно определить расстояние до пляшущей на воде пироги! Вы видите, эти болваны сняли одного человека с весел для заряжания ружей, а мы, на самый худой конец, проходим три фута, пока они делают два.

Хотя такая оценка дистанции успокоила Дункана куда меньше, чем его спутников, он тем не менее обрадовался, что благодаря ловкости гребцов их пирога явно начинает уходить от вражеских лодок. Гуроны опять открыли огонь, и пуля угодила в весло Соколиного Глаза, не причинив ему, однако, вреда.

— Ну и ну! — проговорил разведчик, с любопытством осмотрев выбоинку.— Такой выстрел не оцарапал бы кожу ребенка,

не то что мужчины, который, как мы, прошел огонь и воду. Так вот, майор, если вы попробуете управиться с этой обструганной палкой, мой оленебой примет наконец участие в разговоре.

Хейуорд схватил весло и принялся грести с усердием, искупавшим отсутствие умения и навыка, а Соколиный Глаз проверил заряд, быстро прицелился и выстрелил. Гурон, сидевший на носу передней лодки и уже привставший для выстрела, опрокинулся навзничь, и ружье его упало в воду. Однако через секунду он снова вскочил на ноги, неистовыми жестами выражая свою растерянность. В то же мгновение его соплеменники бросили грести, пироги сошлись борт к борту и остановились. Чингачгук и Ункас воспользовались этим, чтобы перевести дух, а Дункан продолжал работать веслом. Отец и сын обменялись вопросительными, но по-прежнему спокойными взглядами, выясняя, не пострадал ли кто-нибудь из них от вражеского огня: оба хорошо знали, что в такую ответственную минуту ни тот, ни другой не позволили бы себе криком либо восклицанием выдать свое волнение или боль. Несколько крупных капель крови скатилось по плечу сагамора, но, заметив, что глаза Ункаса слишком долго задержались на них, Чингачгук зачерпнул пригоршню воды, смыл багряные следы и этим бесхитростным жестом дал понять, что рана его — не больше чем царапина.

— Легче, легче, майор! — бросил разведчик, успевший перезарядить ружье.— Мы и так уже ушли слишком далеко, чтобы оленебой мог блеснуть своими достоинствами, а вы видите — эти бродяги-минги держат совет. Дайте им подойти на выстрел,— в таких делах на мой глаз можно положиться! — и я заставлю этих мошенников гнаться за нами через весь Хорикэн, причем ручаюсь, что их выстрелы в самом худшем случае оцарапают нам шкуру, а мой оленебой из трех жизней возьмет две.

— Мы забываем о нашей цели,— возразил Хейуорд.— Ради бога, воспользуемся нашим преимуществом и оторвемся от врага.

— Верните мне детей! — хрипло выдавил Манроу.— Не шутите над горем отца, верните мне моих девочек!

Давняя привычка уважать приказы старших научила разведчика повиновению. Бросив последний взгляд на далеко отставшие пироги, он отложил ружье, сменил утомленного Дункана и взялся за весло мускулистой, словно не знающей устали рукой. Могикане поддержали его усилия, и вскоре беглецы удалились на такое расстояние от противника, что Хейуорд снова свободно вздохнул.

Озеро сделалось заметно шире, и лодка шла теперь вдоль берега, окаймленного высокими скалами. Островки попадались редко, и обходить их было нетрудно. Удары весел стали размеренней и медленней: едва успев избавиться от грозившей им смертью

погони, гребцы опять работали так хладнокровно, словно все это время предавались занятию спортом, а не пытались выйти из трудного, даже отчаянного положения.

Хотя цель их путешествия требовала держаться западного берега, осторожный могиканин взял курс на горы, через которые Монкальм, как стало уже известно, увел свою армию в неприступную крепость Тикондерога. Поскольку гуроны, по всей видимости, прекратили погоню, к такой чрезмерной осторожности, казалось, не было повода. Тем не менее она соблюдалась еще много часов, пока путники не достигли бухты на северном конце озера. Здесь беглецы высадились и вытащили пирогу на берег. Соколиный Глаз взобрался с Хейуордом на соседний утес, откуда разведчик долго и внимательно разглядывал расстилавшееся внизу водное пространство, а затем указал Дункану на темную точку, видневшуюся у мыса в нескольких милях от них.

— Видите? — спросил он.— Чем сочли бы вы эту точку, если бы, руководствуясь понятиями белого человека, сами отыскивали путь в этой глуши?

— Не будь она так велика для подобного расстояния, я принял бы ее за птицу.

— Нет, это пирога из добротной березовой коры, и сидят в ней на веслах свирепые, сильные минги. Хотя провидение наградило тех, кто живет в лесах, зоркостью, ненужной обитателям городов, где существуют всякие машинки, помогающие видеть на дальнее расстояние, тем не менее ничей глаз не в силах усмотреть все опасности, которые окружают нас в эту минуту. Мошенники-минги притворяются, будто заняты ужином, но, как только стемнеет, пустятся вдогонку за нами, как собаки по следу. Мы должны сбить их с толку, иначе нам придется отказаться от погони за Хитрой Лисицей. Озеро — полезная вещь, особенно когда на воде много дичи, но укрыться здесь могут разве что рыбы,— продолжал разведчик, озабоченно оглядываясь вокруг.— Бог знает, что станет с этой страной, если поселения расползутся вширь от берегов обеих рек. И охота и война — все потеряет свою прелесть.

— Не будем терять ни минуты без явной и веской к тому причины.

— Не нравится мне дымок, что ползет по скале над пирогой,— проворчал поглощенный своими мыслями разведчик.— Клянусь жизнью, его видят не только наши глаза и не только мы понимаем, что он означает. Ну, ладно! Словами дела не поправишь, надо что-то предпринимать.

Соколиный Глаз покинул наблюдательный пункт и спустился на берег. Он по-делаварски сообщил могиканам об увиденном,

после чего состоялось короткое, но серьезное совещание. Закончив его, трое лесных жителей немедленно принялись выполнять новые свои решения.

Пирогу вытащили из воды, подняли на плечи, и весь отряд углубился в лес, стараясь оставлять за собой возможно более широкий и отчетливый след. Вскоре беглецы вышли к ручью, перебрались через него вброд и продолжали двигаться до тех пор, пока не достигли большой нагой скалы. С этого места, где уже можно было надеяться, что следов их не обнаружат, они повернули и двинулись обратно, пятясь и тщательно стараясь ступать по собственным следам. Небольшой пригорок скрывал их от взглядов с мыса, а берег озера был на значительном расстоянии окаймлен густыми, спускавшимися к самой воде кустами. Пользуясь этим естественным прикрытием, беглецы терпеливо и усердно двигались по воде, пока разведчик не объявил, что, по его мнению, можно опять безопасно высадиться на сушу.

Привал длился до тех пор, пока очертания предметов не расплылись в меркнущем вечернем свете. Тогда под кровом благоприятствовавшей им темноты беглецы снова пустились в путь и, безмолвно налегая на весла, погнали пирогу к западному берегу. Хотя Дункан не мог обнаружить никаких примет в скалистых контурах гор, к которым они направлялись, могиканин без труда ввел лодку в маленькую бухту, избранную им с уверенностью и точностью опытного лоцмана.

Пирогу снова подняли на плечи и унесли в лес, где тщательно спрятали под кучей хвороста. Путешественники разобрали свои ружья и сумки, после чего разведчик объявил Манроу и Хейуорду, что он с могиканами готов двинуться в путь.

ГЛАВА XXI

> Ну что же, если ты найдешь в корзине кого-нибудь живого, можешь прищелкнуть его ногтем.
>
> *Шекспир. Виндзорские насмешницы*[1]

Путники высадились на границе области, которая и поныне менее известна жителям Штатов, чем Аравийская пустыня или монгольские степи. Эта суровая, сильно пересеченная местность отделяет бассейн Шамплейна от притоков Гудзона, Могаука

[1] Перевод С. Маршака и М. Морозова.

и реки Святого Лаврентия. Конечно, за то время, что прошло после событий, описанных в настоящем повествовании, предприимчивые жители нашей страны успели опоясать эту область кольцом богатых и процветающих поселений, но даже теперь в глубину ее проникают лишь охотники да дикари.

Однако Соколиному Глазу и могиканам уже не раз случалось пересекать горы и долины этой обширной пустыни; поэтому они углубились в нее с уверенностью людей, привычных к трудностям и лишениям, с которыми сопряжено пребывание в подобной глуши. Много часов путники прокладывали себе нелегкую дорогу, то руководствуясь положением звезд, то следуя течению ручья, пока разведчик не предложил наконец сделать привал. После короткого совещания индейцы развели костер и занялись приготовлениями к ночлегу на избранном месте.

Положившись на своих более опытных спутников, Манроу и Дункан проспали по их примеру ночь если не совсем спокойно, то, во всяком случае, без особой тревоги. Когда путешественники снова тронулись в путь, роса уже успела испариться, а солнце, разогнав туман, заливало землю яркими лучами.

Пройдя несколько миль, Соколиный Глаз, следовавший во главе отряда, стал особенно осторожен и внимателен. Он то и дело останавливался, осматривал деревья и, прежде чем пересечь ручей, долго и пристально приглядывался к быстроте течения, глубине русла и цвету воды. Не полагаясь лишь на собственное суждение, он часто обращался к Чингачгуку и подолгу озабоченно совещался с ним. Во время одной из таких остановок Хейуорд заметил, что Ункас с интересом прислушивается к разговору, хотя по-прежнему терпеливо хранит молчание. Майору очень хотелось заговорить с молодым вождем и узнать его мнение, но спокойное, исполненное достоинства поведение индейца убедило его, что молодой могиканин, как и он сам, целиком полагается на мудрость и проницательность старших. Наконец разведчик заговорил по-английски и сразу объяснил, в чем трудность их положения.

— Увидев, что дорога к становищу гуронов направляется на север, я тут же — хотя это может понять и человек без моего многолетнего опыта — сообразил, что они пойдут долинами и будут держаться между Гудзоном и Хорикэном, пока не достигнут истоков канадских рек, а уж те выведут их в самое сердце французских владений. Однако мы добрались почти до Скруна и ни разу не наткнулись на след! Возможно, мы пошли по ложному пути — человеку свойственно ошибаться.

— Упаси нас бог от подобной ошибки! — воскликнул Хейуорд.— Вернемся по нашим следам и еще раз как можно тщатель-

нее осмотрим дорогу... А не посоветует ли нам что-нибудь Уикас в такой беде?

Молодой могиканин украдкой взглянул на отца, но лицо его мгновенно приняло прежнее бесстрастное выражение, и он ни словом не нарушил молчания. Чингачгук перехватил взгляд сына и жестом разрешил ему говорить. В ту же секунду черты Уикаса озарились радостью, а его суровая сдержанность сменилась оживлением. Он рванулся вперед, как молодой олень, несколькими прыжками взлетел на пригорок, начинавшийся в полусотне футов от места, где стояли путники, и с торжествующим видом остановился над свежими комьями земли, которую, казалось, совсем недавно взрыли копыта какого-то крупного животного. Путники, удивленно следившие за движениями молодого могиканина, сразу же поняли по его ликующему виду, что поиски увенчались успехом.

— Вот он, след! — вскричал разведчик, подбегая к месту, где стоял Уикас.— У мальчика хорошие глаза и острый ум для его возраста.

— Удивительно, что он так долго молчал о своем открытии! — вполголоса бросил Дункан, последовавший за Соколиным Глазом.

— Было бы еще удивительней, если бы он заговорил, прежде чем его спросят! Конечно, белый юноша, набравшийся ума из книг и мерящий людей по числу прочитанных страниц, волен воображать, что превосходит старика отца не только быстротой ног, но и познаниями. Там же, где учителем является опыт, ученик знает цену прожитым годам и относится к ним с соответственным почтением.

— Смотрите,— промолвил Уикас, указывая на четкие отпечатки следов, идущих с юга на север.— Темноволосая ушла в страну морозов.

— Гончая — и та никогда не брала лучшего следа! — отозвался разведчик, без задержки пускаясь в указанном направлении.— Нам повезло, крупно повезло, и теперь можно идти вперед, задрав нос. А вот и обе ваши лошадки-бокоходы. Наш гурон разъезжает, что твой генерал у бледнолицых! Карающая длань господня настигла этого малого — он начисто рехнулся! Теперь не хватает только найти следы от колес, сагамор,— продолжал он, обернувшись и заливаясь довольным смехом.— Скоро дурень в карете разъезжать начнет. И надо же до такого додуматься, когда у него в тылу три пары самых зорких глаз на всей границе!

Ликование разведчика и поразительная удача, выпавшая на их долю после сорокамильного кружения по лесам, не замедлили

пробудить надежду в сердце путников. Теперь они шли быстро, с уверенностью человека, двигающегося по широкой проезжей дороге. Если след порой прерывался из-за глыбы камня, ручья или клочка земли, более твердой, чем остальная почва, зоркий глаз разведчика неизменно отыскивал его на некотором расстоянии, так что отряд не терял больше почти ни минуты. Облегчала им путь и уверенность в том, что Магуа избрал дорогу через долины; это обстоятельство помогало путникам не сбиваться с верного направления. Гурон, однако, не отказался начисто от уловок, к которым обычно прибегают индейцы, когда хотят оторваться от противника. Ложные следы и неожиданные петли попадались всюду, где это позволяло строение почвы или наличие ручья, но преследователи редко давались в обман и всякий раз обнаруживали свою ошибку раньше, чем двинуться не в ту сторону.

В середине дня они миновали Скрун и пошли вслед за солнцем, начавшим клониться к закату. Спустившись с возвышенности в лощину, прорезанную быстрым ручьем, они неожиданно очутились на месте, где отряд Лисицы сделал привал. У воды валялись потухшие головни, вокруг были разбросаны остатки оленины, а на деревьях виднелись явственные следы того, что листву их долго щипали лошади. Неподалеку Хейуорд обнаружил шалаш и с нежностью посмотрел на этот кров, под которым, как он предполагал, отдыхали Кора и Алиса. Но хотя земля здесь была истоптана, а отпечатки ног и копыт отчетливо видны, след внезапно обрывался.

Отыскать следы лошадей оказалось совсем нетрудно, но нэррегенсеты, видимо, просто бродили сами по себе в поисках пищи. Наконец Ункас, осматривавший вместе с отцом путь, которым шли кони, наткнулся на совсем свежие следы копыт. Прежде чем отправиться дальше, он известил спутников о своей удаче, и, пока они совещались, молодой воин вернулся к ним, ведя в поводу обоих иноходцев с такими изломанными седлами и настолько засаленной изодранной сбруей, словно животные уже несколько дней бегали на свободе.

— Что это значит? — изумился Дункан, бледнея и оглядываясь вокруг, словно из боязни, что кусты и листья вот-вот выдадут какую-то страшную тайну.

— А то, что путешествие наше подходит к концу и мы находимся в стране врагов,— ответил разведчик.— Если бы за Магуа гнались, а у девушек не было лошадей и они не могли поспевать за отрядом, мерзавец, не задумываясь, снял бы с них скальпы. Но когда неприятель не идет за ним по пятам, а в его распоряжении такие отличные кони, он не тронет и волоска на голове пленниц. Я знаю, о чем вы подумали, и позор тем белым, которые внушили

вам подобные мысли. Кто полагает, что туземец, будь то даже минг, способен опозорить женщину, тот не знает ни индейцев, ни законов леса: в самом худшем случае краснокожий лишь убьет ее ударом томагавка. Полно, полно, успокойтесь! Я слышал, что французские индейцы отправились в здешние горы охотиться на лося, и мы, как видно, приближаемся к их лагерю. Почему бы им не поохотиться? Каждый день, утром и вечером, по этим горам разносится выстрел пушки в Тайе, так как французы прокладывают сейчас новую линию укреплений между Канадой и владениями нашего короля. Лошади, правда, здесь, но гуроны ушли. Давайте же поищем дорогу, по которой они отправились.

Соколиный Глаз и могикане всерьез принялись за дело. Они очертили круг с диаметром в добрую сотню футов, и каждый принялся обследовать один из сегментов. Обследование оказалось, однако, безрезультатным. Следов было много, но все они, по-видимости, были оставлены людьми, бродившими на этом месте без всякого намерения удалиться отсюда. Разведчик и его друзья вновь обошли стоянку, медленно следуя один за другим, пока еще раз не очутились в центре, зная не больше, чем знали раньше.

— Что за дьявольщина! — воскликнул Соколиный Глаз, перехватив разочарованные взгляды своих помощников.— Мы должны разгадать эту уловку, сагамор. Начнем от ручья и осмотрим местность дюйм за дюймом. Нет, гурон не будет у меня хвастаться перед своим племенем, что нога его не оставляет следов!

Подавая пример сотоварищам, разведчик с удвоенным рвением приступил к поискам. Ни один листок не остался нетронутым. Был поднят весь валежник, сдвинуты все камни: индейцы, прибегая к военной хитрости, нередко прикрывают этими предметами отпечатки своих шагов. Тем не менее все усилия оказались тщетны. Наконец Ункас, которому проворство позволило закончить работу раньше остальных, принялся заваливать землей мутный ручеек, вытекавший из главного ручья, и скоро отвел воду в сторону. Как только русло выше запруды обнажилось, молодой воин нагнулся и всмотрелся в него своими зоркими, проницательными глазами. Восторженный крик тотчас же возвестил об успехе юноши. Путники сгрудились вокруг него, и могиканин показал им отпечаток мокасина на влажной наносной земле.

— Мальчик станет гордостью своего племени и бельмом на глазу у гуронов! — объявил Соколиный Глаз, глядя на след с таким же восхищением, с каким естествоиспытатель взирал бы на бивень мамонта или ребро мастодонта.— Но это не след индейца: нога слишком опирается на пятку, и носок слишком ровен, словно француз-танцор выкаблучивался здесь перед соплеменниками! Беги-ка назад, Ункас, да притащи сюда мерку ноги певца.

Ты найдешь прекрасный след его напротив вон той скалы, как раз у подошвы холма.

Пока молодой могиканин исполнял поручение, разведчик и Чингачгук продолжали внимательно исследовать найденный отпечаток. Мерка совпала, и Соколиный Глаз решительно объявил, что это след ноги Давида, которого еще раз принудили сменить башмаки на мокасины.

— Теперь вся история ясна для меня так, как если бы я воочию видел проделки Лисицы,— добавил он.— Поскольку главные приметы певца — это глотка и ноги, его пустили первым, а остальные пошли за ним, стараясь ступать в его следы.

— Однако,— вскричал Дункан,— я не вижу...

— Следов нежных девушек,— докончил за него разведчик.— Негодяй умудрился каким-то образом нести их, пока не уверился, что сбил погоню со следа. Клянусь жизнью, через несколько десятков футов мы вновь обнаружим отпечатки их прелестных маленьких ножек.

Отряд двинулся вдоль ручейка, не отрывая тревожных взглядов от следа размеренных шагов. Вода скоро вернулась в старое русло, но разведчик, всматриваясь в землю по обеим сторонам ручейка, вел спутников вперед: теперь он знал, что следы оставлены на дне. Так они прошли более полумили, пока ручеек, обогнув большую нагую скалу, не заструился у самого ее подножия. Здесь путники остановились, чтобы удостовериться, вышел гурон из воды или нет.

Это было счастливое решение. Проворный и неутомимый Ункас вскоре нашел отпечаток ноги на клочке мха, куда, по всей видимости, нечаянно ступил один из индейцев. Молодой могиканин двинулся в направлении, подсказанном ему примятым мхом, углубился в чащу и напал там на след, не менее отчетливый и свежий, нежели тот, что привел их к роднику. Новый громкий крик возвестил путникам об успехе Ункаса и разом положил конец поискам.

— А фокус-то придуман со всей индейской изобретательностью! — одобрил разведчик, когда все собрались вокруг Ункаса.— И, разумеется, любой белый попался бы на эту удочку.

— Что же мы мешкаем? — спросил Хейуорд.

— Легче, легче! Дорога нам известна; но в положение вещей надо все-таки вникнуть поосновательнее. Так требует мой учебник, майор, а кто пренебрегает этой книгой, того даже рука провидения наставит не лучше, чем вздорная баба ленивого мальчишку. Мне ясно все, кроме одного: каким образом мошенник сумел переправить девушек по этому незримому следу? Заставить их брести по воде — на это не хватило бы духу даже у гурона.

— Не поможет ли решить вопрос вот это? — спросил Хейуорд, указывая на обломки чего-то вроде носилок, кое-как слаженных из стянутых ивовыми прутьями ветвей и теперь, очевидно, брошенных за ненадобностью.

— Ну вот, загадка и разгадана! — радостно воскликнул Соколиный Глаз.— Мошенники убили не один час на то, чтобы скрыть свои следы! Что ж, я знаю случаи, когда они тратили на это целый день и все равно без толку. Вот они — три пары мокасин и две пары маленьких ног. Поражаюсь, как это человек может ходить на таких крохотных ножках! Дай-ка мне кожаный ремень, Ункас,— я хочу измерить длину этой ступни. Ей-ей, она не больше, чем у ребенка, а ведь девушки-то высокие и статные! Да, провидение раздает свои дары далеко не беспристрастно, но значит, у него есть на это какие-то мудрые резоны, с которыми не поспоришь.

— Нежные ножки моих дочерей не приспособлены для таких мук,— вздохнул Манроу, с отеческой нежностью вглядываясь в легкие следы своих детей.— Как бы мы не застали их уже без чувств!

— Этого опасаться не приходится,— возразил разведчик, медленно покачав головой.— Шаг у них хоть и легкий, но твердый и ровный, а следы совсем свежие. Смотрите, вот здесь пятка едва коснулась земли, а тут Темноволосая перепрыгнула с корня на корень. Нет, нет, насколько я понимаю, ни той, ни другой обморок не грозил. А вот певец стер себе ноги и начал сдавать— это ясно видно по его следу. Посмотрите сами: здесь он поскользнулся, тут шел, спотыкаясь и широко расставляя ноги, а дальше просто волочил их, вроде как на лыжах. Да, у человека, который работает только глоткой, редко бывают крепкие ноги.

Отправляясь от этих бесспорных доказательств, опытный обитатель лесов восстановил истину почти с такой же точностью и уверенностью, как если бы сам был очевидцем событий, в которых его проницательность помогла ему столь легко разобраться. Ободренные его уверениями и убежденные его доводами, вескими и в то же время простыми, путники позволили себе непродолжительную остановку и, наспех перекусив, отправились дальше.

Разведчик, бросив взгляд на заходящее солнце, зашагал с такой быстротой, что Хейуорду и все еще крепкому старику Манроу приходилось напрягать все силы, чтобы не отстать. Путь их пролегал сейчас по уже помянутой выше лощине. Поскольку гуроны не пытались больше маскировать свои следы, преследователи двигались быстро и уверенно. Не прошло, однако, и часа, как Соколиный Глаз заметно сбавил шаг, и если раньше он смот-

рел только вперед, то теперь начал подозрительно оглядываться по сторонам, словно чувствуя приближающуюся опасность. Вскоре он вообще остановился, поджидая остальных.

— Я чую гуронов,— бросил он могиканам.— Вон там, за верхушками деревьев, виднеется небо, и мы подходим слишком близко к их лагерю. Возьми вправо, по склону горы, сагамор; Ункаса отправим влево, вниз по ручью, а сам я попробую не отрываться от следа. Если что-нибудь случится, сигнал — трехкратное карканье ворона. Я видел, эта птица кружит вон над тем сухим дубом,— лишнее доказательство того, что мы недалеко от лагеря.

Индейцы, не сказав ни слова в ответ, разошлись по указанным направлениям, а Соколиный Глаз в сопровождении Манроу и Хейуорда стал осторожно пробираться вперед. Майор нагнал разведчика и пошел рядом с ним, сгорая желанием поскорее увидеть врагов, которых преследовал с таким упорством и нетерпением. Соколиный Глаз велел ему пробраться к опушке леса, окаймленной, как всегда, кустами, и подождать там: разведчик решил разобраться в кое-каких подозрительных приметах по другую сторону тропы. Дункан повиновался и вскоре очутился на прогалине, откуда ему открылось зрелище, поразившее его своей необычностью и новизной.

На пространстве во много акров лес был вырублен, и мягкие лучи вечернего солнца падали на расчищенную от деревьев поляну, образуя резкий контраст с царившим в лесу полумраком. Неподалеку от места, где стоял Дункан, ручеек разливался в небольшое озеро, занимавшее почти всю лощину между двумя горами. Вода уходила из этого обширного бассейна через водопад, но низвергалась по нему так спокойно и размеренно, что он казался скорее созданием рук человеческих, нежели природы. Около сотни глиняных хижин высились на краю озера и даже над его водами, создавая впечатление, будто оно вышло из берегов. Искусно вылепленные круглые кровли, отлично защищавшие от непогоды, свидетельствовали, что на возведение хижин было затрачено больше труда и стараний, чем обычно тратят индейцы на свои постоянные жилища, не говоря уже о временных, которые служат им во время охоты или войны. Словом, вся деревня или город — как ни называй это поселение — была выстроена с такой обдуманностью и тщанием, какие, по мнению белых, отнюдь не свойственны краснокожим. Тем не менее выглядело поселение заброшенным,— так, во всяком случае, сначала подумал Дункан, но затем ему показалось, что он видит множество человеческих фигур, приближающихся к нему на четвереньках и волочащих за собой какое-то тяжелое и, как немедленно вообразил офицер, грозное

оружие. В ту же минуту из хижин высунулись темные головы, и поляна ожила, но непонятные существа с такой быстротой перебегали от одного прикрытия к другому, что невозможно было угадать, ни чем они заняты, ни каковы их намерения. Встревоженный этими подозрительными и необъяснимыми перебежками, майор уже собирался издать условный сигнал — карканье ворона, как вдруг неподалеку зашуршала листва, и это отвлекло его внимание в другую сторону.

Молодой человек вздрогнул и невольно отступил на несколько шагов: в сотне ярдов от себя он увидел какого-то индейца. Однако, мгновенно овладев собой, он воздержался от сигнала, который мог оказаться для него роковым, и стал внимательно приглядываться к незнакомцу.

Еще через минуту Дункан убедился, что его присутствие пока что не замечено. Индеец, как и сам офицер, видимо, наблюдал за низкими постройками селения и бесшумными движениями его обитателей. Хотя уродливая раскраска не давала разглядеть лицо туземца, оно показалось Дункану скорее грустным, нежели свирепым. Голова его, кроме макушки, была по индейскому обычаю наголо обрита. Из оставшегося пучка волос свисало несколько вылинявших соколиных перьев. Изодранный плащ из бумажной ткани кое-как прикрывал верхнюю часть его туловища, а нижняя была облачена в обыкновенную рубаху, чьи рукава выполняли функцию иной, гораздо более удобной принадлежности мужского туалета, именуемой штанами. Голые колени его были в кровь изодраны колючками, ноги же обуты в добротные мокасины из оленьей кожи. В целом, человек этот являл собой жалкое зрелище, и вид у него был растерянный.

Дункан все еще с любопытством разглядывал своего соседа, когда к нему осторожно и бесшумно приблизился разведчик.

— Как видите, мы добрались до их деревни или лагеря,— прошептал молодой человек.— А вот и один из дикарей, занимающий такую позицию, что он может помешать нам следовать дальше.

Увидев индейца, на которого указывал ему Дункан, Соколиный Глаз вздрогнул и вскинул ружье. Затем опустил смертоносное дуло и вытянул длинную шею, словно пытаясь попристальнее вглядеться в туземца.

— Мошенник не из гуронов и вообще не принадлежит ни к одному из канадских племен,— объявил он.— И в то же время одежда его доказывает, что негодяй ограбил белого человека! Да, Монкальм недаром шарил по лесам: он набрал себе для набегов шайку славных головорезов!.. Вы не заметили, куда он девал свое ружье или лук?

— По-моему, он безоружен и не выглядит свирепым и злонамеренным. Если только он не подаст сигнала своим приятелям, шныряющим у воды, мы можем его не опасаться.

Разведчик повернулся к Хейуорду и с нескрываемым изумлением воззрился на офицера. Затем широко раскрыл рот и залился неудержимым, хотя по-прежнему беззвучным смехом, к которому приучила его жизнь среди постоянных опасностей.

— Приятели, шныряющие у воды! — повторил он и добавил: — Вот что значит учиться по книгам и расти в городе! Однако ноги у этого злодея длинные, и доверять ему не годится. Держите его на мушке; а я подползу к нему через кусты и возьму мошенника живым. Только ни в коем случае не стреляйте!

Соколиный Глаз уже скользнул в кусты, когда Хейуорд, протянув руку, остановил его и осведомился:

— А могу я выстрелить, если увижу, что вы в опасности?

Соколиный Глаз посмотрел на него так, словно не знал, как понять его вопрос; потом покачал головой, снова беззвучно рассмеялся и бросил:

— Стреляйте хоть один за целый взвод, майор!

В следующую секунду он скрылся в зарослях.

Дункан провел несколько минут в лихорадочном ожидании, прежде чем опять увидел разведчика. Соколиный Глаз осторожно полз по земле, на которой его можно было различить лишь с большим трудом; наконец он очутился позади своего будущего пленника и, когда между ними осталось всего несколько ярдов, медленно и бесшумно поднялся на ноги. В этот момент раздались громкие всплески и, мгновенно обернувшись, Дункан успел увидеть, как сотня темных фигур гурьбой бросилась в воду. Он покрепче сжал в руках ружье и опять перевел взгляд на стоявшего неподалеку индейца. Ничего не подозревающий дикарь отнюдь не встревожился, а, напротив, вытянул шею и с тупым любопытством уставился на озеро, словно тоже наблюдая, что́ там происходит. В это мгновение над ним поднялась рука Соколиного Глаза, но тут же, без всякой видимой причины, вновь опустилась, и разведчика охватил внезапный приступ веселья. Когда же взрыв его искреннего, но своеобразного смеха наконец улегся, Соколиный Глаз не только не схватил свою жертву за горло, а наоборот, легонько хлопнул по плечу и громко воскликнул:

— Ну что, приятель? Никак, вы задумали обучать бобров пению?

— Вот именно,— раздался незамедлительный ответ.— По всей видимости, тот, кто наградил их столь необыкновенными способностями, не отказал им и в голосе, чтобы славить его.

ГЛАВА XXII

О с н о в а. Вся наша компания в сборе?
П и г в а. Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции.
Ш е к с п и р. Сон в летнюю ночь [1]

Читатель быстрее и лучше представит себе изумление Хейуорда, чем мы опишем его. Шныряющие индейцы неожиданно превратились в четвероногих грызунов, озеро — в бобровую запруду, водопад — в плотину, возведенную этими трудолюбивыми, умными животными, а неведомый враг — в верного друга и учителя псалмопения Давида Гамута. Вид последнего вселил в душу молодого человека так много неожиданных надежд насчет участи обеих сестер, что майор, не задумываясь, выскочил из засады и присоединился к двум главным действующим лицам этой сцены.

Веселье Соколиного Глаза улеглось не скоро. Он бесцеремонно поворачивал Давида во все стороны, твердя, что его наряд делает честь вкусу гуронов. Затем, схватив руку собеседника, он пожал ее с такой силой, что у кроткого Давида выступили на глазах слезы, и пожелал ему удачи на новом поприще.

— Вы вроде бы собирались поупражнять глотку в обществе бобров, так ведь? — полюбопытствовал он.— Хитрые зверюги уже отчасти знакомы с этим занятием: вы только что слышали, как они отбивают такт хвостом. И сделали они это в самое время, не то мой оленебой первым задал бы им тон. Я на своем веку видывал дураков, которые умели читать и писать, но были не в пример глупее бывалого старого бобра. Что же касается умения драть глотку, тут уж ничего не поделаешь — бедняги родились бессловесными! А как вам понравится вот такая песня?

Услышав карканье ворона, Давид заткнул свои чувствительные уши, а Хейуорд невольно поднял голову в поисках птицы, хотя и был заранее предупрежден о сигнале.

— Вот видите,— со смехом продолжал разведчик, указывая на остальных путников, которые в ответ на зов уже приближались к ним.— Эта музыка тоже не лишена известных достоинств: она привела ко мне два метких ружья, не говоря уж о ножах и томагавках. Но коль скоро вы целы и невредимы, рассказывайте поскорей, что с девушками.

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— Они в плену у язычников и, хотя душой сильно встревожены, телом пребывают в добром здравии и безопасности,— ответил Давид.

— Обе? — задыхаясь, спросил Хейуорд.

— Вот именно. Правда, путь наш был тяжким, а пища скудной, но других причин жаловаться на похитителей у нас нет, если, конечно, не считать того, что нас силой увели в плен в чужую далекую страну.

— Да благословит вас бог за ваши слова! — дрожащим голосом воскликнул Манроу.— Значит, мои девочки вернутся такими же ангельски непорочными, какими я потерял их!

— Не знаю, так ли уж скоро вам удастся их вернуть,— с сомнением возразил Давид.— Вождь этих индейцев одержим бесами, и никому, кроме всемогущего, его не усмирить. Я пробовал воздействовать на него, и когда он спал, и когда он бодрствовал, но ни звуки, ни слова не находят отклика в его душе...

— Где сейчас этот мерзавец? — перебил разведчик.

— Сегодня он охотится на лося вместе с молодыми воинами, а завтра, как я слышал, они уйдут в леса, поближе к границам Канады. Старшую девушку отвели к соседнему племени, чьи хижины расположены вон за той черной остроконечной горой, а младшую оставили под присмотром гуронских женщин, которые живут всего в двух милях отсюда, на плоскогорье, где огонь выполнил миссию топора, очистив место для их селения.

— Алиса, бедная моя Алиса! — простонал Хейуорд.— Она лишилась последнего утешения — общества сестры.

— Вот именно. Но если хвалы и псалмопение могут утешить страдающую душу, то недостатка в таком утешении она не испытывала.

— Разве музыка способна сейчас доставить ей удовольствие?

— Да, самое серьезное и возвышенное! Впрочем, должен признать, что, несмотря на все мои усилия, девушка чаще плачет, чем улыбается. В такие минуты я воздерживаюсь от священных песнопений; но в редкие часы сладостного успокоения наши согласные голоса поражают слух дикарей.

— А почему вам позволено разгуливать на свободе?

Давид принял вид, изображавший, как ему казалось, кроткое смирение, и скромно ответил:

— Такой ничтожный червь, как я, не вправе хвалить себя. Но хотя псалмопение утратило свою чудодейственную силу на страшном поле кровавой битвы, через которое мы прошли, оно теперь вновь возымело действие на души язычников; поэтому мне и разрешают ходить где угодно.

Разведчик рассмеялся и, многозначительно постучав себя по лбу, дал более удовлетворительное объяснение снисходительности дикарей:

— Индейцы не трогают того, кто не в своем уме. Но почему же, коль скоро путь перед вами открыт, вы не вернулись по собственным следам,— они, слава богу, поотчетливей беличьих! — и не поспешили с вестями в форт Эдуард?

Разведчик, вероятно, не сообразил, что требование, предъявленное им Давиду, было по плечу лишь человеку с такой же стальной волей, как у него самого. Но Давид все так же кротко ответил:

— Хотя душа моя возликовала бы, доведись мне снова посетить жилища христиан, стопы мои предпочли последовать за моими нежными подопечными даже во владения идолопоклонников иезуитов и не пожелали сделать ни шага вспять, пока бедняжки чахнут в плену от печали.

Хотя образная речь Давида оказалась слишком замысловата для слушателей, в значении твердого, искреннего взгляда и жаркого румянца, вспыхнувшего на честном лице псалмопевца, ошибиться было невозможно. Ункас подошел к нему поближе и посмотрел на него признательными глазами, а отец молодого вождя выразил свое удовлетворение обычным одобрительным возгласом. Соколиный же Глаз только покачал головой и заметил:

— Господь сотворил человека не затем, чтобы тот пользовался одной лишь глоткой в ущерб остальным своим гораздо более важным талантам! Но наш певец имел, вероятно, несчастье воспитываться под крылышком глупой женщины вместо того, чтобы расти под открытым небом, среди красот лесной природы. Вот, приятель, ваша свистулька: я собирался помешать ею костер, но раз она так вам дорога, держите и забавляйтесь в свое удовольствие.

Гамут схватил камертон, выразив свою радость настолько явственно, насколько это было, по его мнению, совместимо с возложенными на него важными обязанностями. Сделав несколько проб и сравнив достоинства инструмента с собственным голосом, он убедился, что камертон не испортился, и выказал серьезное намерение исполнить несколько строф одного из самых длинных гимнов, содержавшихся в столь часто упоминаемом нами томике.

Хейуорд поспешил, однако, воспрепятствовать этому благочестивому порыву и принялся задавать певцу вопросы о положении пленниц, делая это уже более последовательно, чем в начале разговора, когда наплыв чувств мешал ему собраться с мыслями. Хотя Давид и поглядывал жадными глазами на свое сокровище, ему поневоле пришлось отвечать, тем более что почтенный отец

девушек тоже принял участие в расспросах, а интерес его грешно было не удовлетворить; да и разведчик не упускал случая выяснить ту или иную существенную подробность. Таким образом, хотя и не без частых перерывов, заполняемых угрожающими звуками вновь обретенного камертона, путники познакомились с рядом обстоятельств, небесполезных для главной их цели — освобождения сестер. Рассказ Давида был прост, факты, сообщенные им, немногочисленны.

Магуа выждал на вершине горы, пока не представилась возможность без опаски двинуться в путь, а затем спустился вниз и двинулся вдоль западного берега Хорикэна по направлению к Канаде. Хитрый гурон прекрасно знал все тропы и был уверен, что в данную минуту им не угрожает погоня; поэтому шли они сравнительно медленно и не утомляясь. Из бесхитростного повествования Давида со всей очевидностью вытекало, что индейцы скорее терпели его присутствие, чем радовались ему: даже сам Магуа был не чужд благоговейного чувства, с каким индейцы относятся к тем, кого Великий дух лишил разума. Перед ночлегом к пленницам относились особенно заботливо — отчасти из желания уберечь их от лесной сырости, а также для того, чтобы воспрепятствовать побегу. У источника лошадей, как уже известно, отпустили на волю, а индейцы, несмотря на пройденное немалое расстояние, не пренебрегли никакими уловками лишь бы скрыть следы, которые могли выдать маршрут их отступления. Прибыв в становище гуронов, Магуа, по обычаю, почти всегда соблюдаемому туземцами, разлучил пленниц, и Кору отправили к племени, временно поселившемуся в соседней долине. Давид, слишком плохо знакомый с историей и нравами туземцев, не смог ни рассказать что-либо вразумительное об этом племени, ни даже назвать его. Он знал только, что оно не принимало участия в недавней экспедиции против форта Уильям-Генри, но было в союзе с Монкальмом, как и дикие воинственные гуроны, с которыми это племя поддерживало дружественные, хотя и настороженные отношения и с которыми временно пришло в близкое и неприятное соприкосновение лишь благодаря случайному стечению обстоятельств.

Могикане и разведчик слушали этот путаный, сбивчивый рассказ со все возраставшим интересом, и когда Давид попытался объяснить, чем занимается племя, держащее Кору в плену, разведчик перебил его вопросом:

— Заметили вы, какие у них ножи? Английского или французского изготовления?

— Мысли мои были далеки от столь суетных безделушек: я думал лишь об одном — как утешить девушек.

— Наступит день, когда вы перестанете считать нож индейца такой уж суетной безделушкой,— возразил разведчик с нескрываемым презрением к неразумию певца.— А бывают у них праздники сбора зерна? И можете ли вы что-нибудь рассказать об их племенных тотемах?

— Зерно у них в большом употреблении: размоченное в молоке, оно приятно на вкус и полезно для желудка. Что такое тотемы — я не знаю, но если они имеют отношение к индейской музыке, то о ней не стоит даже говорить. Люди этого племени не сливают голосов в хвале господу и, несомненно, относятся к числу самых закоснелых идолопоклонников.

— Вот уж тут вы клевещете на индейцев. Даже минги — и те поклоняются лишь одному истинному и живому богу. Сказки, будто индейцы чтут собственноручно изготовленных идолов,— это злобная ложь белых, говорю это к стыду людей моего цвета кожи. Правда, туземцы стараются жить в ладу со злым духом, как поступаем и мы с врагом, сломить которого нам не под силу, но за милостью и помощью они обращаются только к доброму Великому духу.

— Может быть и так,— сказал Давид,— но я видел странные, фантастически раскрашенные изображения, которые приводят индейцев в восторг и служат предметом поклонения, сильно смахивающим на идолопоклонство. В особенности одно — притом существа отвратительного и мерзкого.

— Змеи? — торопливо вставил разведчик.

— Почти что. Это изображение противной презренной черепахи.

— Ха! — в один голос выдохнули внимательно слушавшие могикане, а разведчик покачал головой, словно человек, сделавший важное, но отнюдь не приятное открытие. Затем Чингачгук заговорил по-делаварски с такой серьезностью и достоинством, что его слова привлекли к себе внимание даже тех, кому были непонятны. Они сопровождались выразительными и по временам энергическими жестами. Один раз он высоко поднял руку, легкий плащ вождя распахнулся от этого движения, обнажив грудь, и Чингачгук приложил к ней палец, словно желая подчеркнуть важность сказанного им. Дункан, чьи глаза неотрывно следили за индейцем, увидел на смуглой груди сагамора изображение вышепомянутого животного, искусно нанесенное синей краской, хотя контуры рисунка уже несколько стерлись. Все, что он когда-то слышал о расколе многочисленного племени делаваров, разом ожило у него в памяти, и с нетерпением, которое было почти невыносимым,— так много стояло на карте,— он ждал теперь случая вмешаться в разговор. Его, однако, опередил

разведчик; отвернувшись от своего краснокожего друга, он сказал:

— Мы сделали открытие, которое может пойти нам и на пользу и во вред,— это уж как господь соизволит. В жилах Чингачгука течет благородная кровь делаваров, и он — великий вождь Черепах! Из слов певца следует, что среди племени, о котором он рассказал, находятся сейчас индейцы из этого рода. Конечно, потрать он на осторожные расспросы хоть половину времени, убитого им на то, чтобы превращать свою глотку в трубу, мы знали бы теперь число их воинов. В общем-то мы идем по опасному пути: друг, отвернувшийся от тебя, часто опасней кровожадного врага, охотящегося за твоим скальпом.

— Объяснитесь,— попросил Дункан.

— Это давняя грустная история, и мне не хочется вспоминать ее, потому что повинны в ней главным образом люди с белой кожей, чего никто и не отрицает. Кончилась она тем, что брат поднял томагавк на брата, а минги оказались в одном лагере с делаварами.

— Значит, вы полагаете, что часть племени, у которого живет сейчас Кора, составляют делавары?

Разведчик утвердительно кивнул, хотя ему явно хотелось избежать дальнейших разговоров на эту болезненную для него тему. Нетерпеливый Дункан поспешил предложить несколько планов спасения сестер — один другого нелепей. Манроу, казалось, вышел из состояния глубокой подавленности и выслушал безрассудные выдумки молодого человека с почтением, не подобающим ни его сединам, ни преклонному возрасту. Разведчик же, дав влюбленному излить свой пыл, нашел доводы, убедившие Дункана, что торопливость в деле, требующем величайшего хладнокровия и предусмотрительности, равносильна полному безумию.

— Хорошо бы,— добавил Соколиный Глаз,— отправить певца обратно в лагерь: пусть потолчется, как обычно, среди индейцев и осторожно предупредит девушек о том, что мы близко. А когда нам понадобится посовещаться с ним, мы вызовем его сигналом. Сумеете вы, приятель, отличить карканье ворона от свиста козодоя?

— Козодой — приятная птица: у него мягкий и печальный голос,— отозвался Давид.— Впрочем, поет он слишком отрывисто и не в такт.

— Ну, что ж, раз вам нравится его свист, пусть он и будет сигналом,— согласился разведчик.— Итак, запомните: если вы три раза подряд услышите свист козодоя, вам следует прийти в кусты, где, по вашему мнению, прячется эта птичка...

— Погодите,— прервал его Хейуорд.— Я иду с ним.

— Вы? — изумленно вскричал разведчик.— Вам что, надоело видеть восход и закат солнца?

— Давид — живое доказательство того, что даже гуроны могут быть милосердны.

— Да, но Давид умеет драть глотку так, как это не удастся ни одному человеку в здравом уме.

— Я тоже могу разыграть роль безумца, дурачка, героя, словом, кого угодно, лишь бы вызволить из плена девушку, которую люблю. Не возражайте — я все равно поступлю так, как решил.

С минуту Соколиный Глаз молчал, остолбенело глядя на молодого человека. Но Дункан, который из уважения к опыту и заслугам разведчика до сих пор беспрекословно повиновался ему, теперь заговорил тоном старшего, да так повелительно, что противоречить ему оказалось немыслимо. Он заранее отмахнулся от всех возможных возражений и затем, уже более спокойно, продолжал:

— Вы можете изменить мою внешность — переодеть меня, даже раскрасить,— одним словом, превратить в кого угодно, хоть в шута...

— Разве такому, как я, подобает изменять внешность человека, созданного могучей дланью провидения? — недовольно буркнул разведчик.— Но, посылая войска в бой, вы, надеюсь, из предосторожности уславливаетесь хотя бы о сигналах и местах стоянок, чтобы те, кто сражается на вашей стороне, знали, где и когда они могут встретиться со своими?

— Послушайте,— перебил Дункан.— Вам уже известно от преданного спутника пленниц, что эти индейцы принадлежат к двум разным племенам, а может быть, и народам. У одних, тех, кого вы считаете ветвью делаваров, живет девушка, которую вы называете Темноволосой; младшая же ее сестра, несомненно, находится во власти наших врагов-гуронов, и выручать ее надлежит мне — по годам и по положению. Поэтому пока вы с вашими друзьями будете вести переговоры об освобождении старшей, я вызволю младшую или умру.

Глаза молодого человека сверкали отвагой, и весь он словно вырос под влиянием нахлынувшего возбуждения. Как ни хорошо знал Соколиный Глаз хитрость индейцев, как ни ясно виделись ему все опасности подобного предприятия, даже он не представлял себе, какими доводами воспрепятствовать внезапной решимости Хейуорда. Вероятно, в плане молодого человека было нечто импонировавшее его собственной отважной натуре и тайной склонности к безрассудным затеям, которая росла в нем вместе с опы-

том, пока наконец опасность и риск не сделались для него первым условием наслаждения жизнью. Как бы то ни было, настроение его резко изменилось, и вместо того, чтобы оспаривать план Хейуорда, разведчик решил содействовать ему.

— Ладно,— с добродушной улыбкой уступил он.— Уж раз олень направился к воде, надо не гнаться за ним, а упредить его. У Чингачгука с собой не меньше разных красок, чем у офицерской жены, которая пишет с натуры на бумажку, да так, что горы похожи на копны прелого сена, а до неба рукой дотянуться можно. Сагамор тоже умеет ими пользоваться. Садитесь-ка на бревно, и, клянусь жизнью, он живо превратит вас в шута, а вам только это и нужно.

Дункан повиновался, и могиканин, внимательно прислушивавшийся к разговору, охотно взялся за дело. Многолетние познания в виртуозном искусстве раскраски помогли ему быстро и ловко превратить лицо молодого человека в фантастическую маску, узоры которой считаются у туземцев символом дружелюбия и веселости. Он тщательно избегал линий, которые могли быть сочтены признаками затаенной воинственности, и, напротив, старательно выводил приметы, свидетельствующие о благорасположении. Одним словом, он пожертвовал всеми атрибутами храброго воина ради облика шута и потешника. Подобные люди — не редкость среди индейцев, а так как одежда жителя лесов и без того уже сильно изменила внешность Дункана, у путников были все основания надеяться, что молодой офицер при его знании французского языка сойдет за шарлатана из Тикондероги, бродящего по землям союзных дружественных племен.

Когда раскраска была сочтена удовлетворительной, разведчик дал майору дружеские наставления, уговорился с ним насчет сигналов и назначил место встречи на случай, если все пройдет успешно. Прощание Манроу с его молодым другом было более печальным и трогательным, хотя полковник покорился разлуке с таким равнодушием, какого этот пылкий и честный человек никогда бы не проявил, будь он не столь угнетен и подавлен. Разведчик отвел Хейуорда в сторону и сообщил, что намерен оставить ветерана в каком-нибудь безопасном месте на попечении Чингачгука, а сам вместе с Ункасом отправится на разведку к племени, которое они имеют основание считать делаварским. Затем он еще раз повторил свои наставления и заключил с теплотой и торжественностью, глубоко тронувшими Дункана:

— А теперь благослови вас бог! Вы показали себя человеком мужественным, и это мне по душе: отвага — примета юноши с горячей кровью и благородным сердцем. Но помните совет человека, который знает, что говорит: чтобы перехитрить и одолеть

минга, вам понадобятся вся ваша храбрость и ум поострей того, какого можно набраться из книг! Благослови вас бог! Если ваш скальп достанется гуронам, положитесь на меня и двух моих друзей, неустрашимых воинов: гуроны дорого заплатят за свою победу — за каждый ваш волос мы возьмем жизнь врага! Итак, майор, да не оставит вас провидение в вашем предприятии: оно задумано с благой целью. И не забывайте: ради того, чтобы перехитрить этих негодяев, вы имеете законное право прибегать к уловкам, которые, быть может, и не в характере белого человека.

Дункан горячо пожал руку своему достойному и предусмотрительному другу, еще раз попросил его позаботиться о старом полковнике, в свой черед пожелал ему успеха и знаком предложил Давиду отправляться в путь. Соколиный Глаз с нескрываемым восхищением проводил долгим взглядом отважного и предприимчивого молодого человека, а затем, с сомнением покачав головой, увел остальных своих спутников в чащу леса.

Дорога, по которой двинулись Дункан и Давид, шла через прогалину, расчищенную бобрами, и вдоль их запруды. Оставшись наедине с певцом, человеком бесхитростным и неспособным оказать помощь в минуту опасности, Хейуорд впервые осознал всю трудность затеянного им предприятия. В угасавшем свете дня дикая и безлюдная глушь, со всех сторон окружавшая путников, казалась еще более мрачной, и даже от хаток бобров, как ни густо они были населены, веяло чем-то зловещим и безжизненным. При виде искусных построек и удивительной предусмотрительности их умных обитателей Хейуорду пришла в голову мысль, что животные, населяющие эти обширные и дикие области, наделены инстинктом, почти не уступающим его собственному разуму. Он не без содрогания подумал о той неравной борьбе, в которую так опрометчиво ввязался. Но тут перед ним возник прелестный образ Алисы, он вспомнил о ее горе, о беде, нависшей над нею, и все опасности, угрожавшие ему самому, померкли в сиянии ее красоты. Подбодрив Давида, он еще быстрее двинулся вперед легким, пружинистым шагом молодого искателя приключений.

Наполовину обогнув запруду, путники повернули и пошли вверх по склону небольшого холма, возвышавшегося в лощине, по которой они двигались.Полчаса спустя они выбрались на новую прогалину, тоже, по-видимому, расчищенную бобрами, хотя позднее эти умные животные покинули ее и перебрались на более удобное место, занимаемое ими теперь. Прежде чем сойти со скрытой кустами тропы, Дункан на минуту приостановился, что было вполне естественно: так всегда делает человек, чтобы собраться с силами, которые, как он знает, без остатка потребуются ему в предстоящем рискованном предприятии. Хейуорд воспользо-

вался остановкой также и для того, чтобы получить все сведения, какие только может дать торопливый беглый осмотр.

На противоположной стороне прогалины, там, где ручей низвергался со скал, высилось более полусотни хижин, грубо сложенных из бревен, ветвей и глины. Хижины были разбросаны в беспорядке, словно при возведении их никто не задумывался ни о красоте, ни об опрятности, и в этом смысле так сильно уступали поселению бобров, которое совсем недавно наблюдал Дункан, что он внутренне приготовился к еще какому-нибудь не менее неожиданному сюрпризу. Эти предчувствия отнюдь не ослабели, когда в неверном свете сумерек майор заметил десятка три фигур, которые поочередно поднимались из высокой густой травы, росшей перед хижинами, а затем опять скрывались из виду, как будто проваливались сквозь землю. Они появлялись и исчезали столь внезапно, что казались скорее мрачными мимолетными призраками или какими-то другими неземными существами, нежели обыкновенными людьми из плоти и крови. На мгновение в воздухе возникала худая, обнаженная фигура, неистово размахивавшая руками, и место тут же пустело, а фигура опять вырастала чуть дальше или сменялась другой, не менее загадочной.

Заметив, что спутник его остановился, Давид посмотрел в ту же сторону и до известной степени привел Хейуорда в себя, объяснив:

— Здесь много плодородной почвы, только она еще не обработана. И могу добавить без греховного хвастовства, что за недолгое время моего пребывания в этом языческом вертепе я разными окольными путями сумел посеять немало добрых семян.

— Эти племена предпочитают охоту мирному труду,— рассеянно отозвался Дункан, по-прежнему не отрывая глаз от странных фигур.

— Духовные песнопения можно считать скорее наслаждением, нежели трудом, но, к несчастью, эти мальчишки пренебрегают дарованиями, ниспосланными им свыше. Мне редко доводилось видеть отроков столь юного возраста, которых природа щедрее одарила бы способностью к псалмопению. За три ночи, проведенные мною здесь, я не раз собирал их, дабы привлечь к участию в песнопениях, но они неизменно отвечали на мои попытки криками и воплями, от которых у меня в жилах стыла кровь.

— О ком вы?

— Да об этих исчадиях сатаны, которые вон там убивают драгоценное время на шалости. Увы! Целительная узда дисциплины мало известна этому предоставленному себе народу. Здесь, в стране берез, вы не увидите розги; не удивительно поэтому,

что лучший дар провидения расточается тут на бессмысленные крики.

И Давид зажал уши, чтобы не слышать раздавшегося в эту минуту пронзительного вопля целой ватаги юных дикарей, а Дункан, презрительно усмехнувшись при мысли о своих суеверных страхах, решительно скомандовал:

— Пошли.

Не отнимая рук от ушей, учитель пения повиновался, и оба смело направились к хижинам, которые Давид время от времени не без удовольствия именовал «шатрами филистимскими».

ГЛАВА XXIII

Хоть для охотника — закон,
Когда оленя травит он,
Сперва попридержать собак,
Но это все бывает так,
Когда хотят оленя гнать;
А кто же станет проверять,
Где и когда прикончен лис?..

Вальтер Скотт. Дева озера [1]

В отличие от более цивилизованных белых, туземцы не имеют обыкновения выставлять вооруженных часовых для охраны своих становищ. Отлично осведомленный о надвигающейся опасности, даже когда она еще далека, индеец полагается на знание лесных примет и длину труднопроходимых троп, отделяющих его от тех, кого он имеет основания остерегаться. Поэтому враг, которому по счастливому стечению обстоятельств удается обмануть бдительность краснокожих разведчиков, редко встречает в самом селении стражей, способных поднять тревогу. Но дело было не только в этом общепринятом обычае. Племена, состоявшие в союзе с французами, слишком хорошо знали, какой тяжелый удар только что нанесен англичанам, и, следовательно, не опасались нападения враждебных племен, дружественных британской короне.

Вот почему появление Дункана и Давида среди ватаги ребятишек, поглощенных вышепомянутыми шалостями, оказалось полной неожиданностью для юных дикарей. Однако как только пришельцев заметили, вся компания, словно сговорившись, разразилась громким предостерегающим воплем, после чего, как по волшебству, скрылась из виду. Смуглые нагие тела припавших к земле мальчишек до того хорошо сливались в сумерках с бурой

[1] Перевод Т. Сильман.

поблекшей травой, что Дункану в первую минуту показалось, будто шалуны провалились сквозь землю. Однако, несколько оправившись от изумления, он с любопытством стал присматриваться и обнаружил, что на него со всех сторон устремлены быстрые черные глаза.

Эти пытливые недружелюбные взгляды, как бы предвещавшие более серьезные испытания, через которые ему предстояло пройти при встрече с туземцами не столь юного возраста, не сулили молодому человеку ничего хорошего, и он на секунду почувствовал сильное желание отступить. Однако он тут же понял, что теперь поздно не только отступать, но даже колебаться. На крик детей из ближайшей хижины высыпала дюжина воинов и мрачно сгрудилась, настороженно и угрюмо ожидая приближения тех, кто так неожиданно пожаловал к ним.

Давид, уже привыкший отчасти к подобным зрелищам, направился прямо к хижине с решительностью, поколебать которую смогло бы разве что очень серьезное препятствие. Хижина представляла собой центральную постройку селения, хотя, как и остальные, была так же грубо сложена из бревен и веток: в ней, в течение временного своего пребывания на границе английских владений, племя собиралось на совет и общие сходки. Пробираясь между смуглыми фигурами индейцев, столпившихся у порога, Дункану нелегко было принять равнодушный вид, столь необходимый ему сейчас. Но, сознавая, что жизнь его зависит от самообладания, он положился на благоразумие спутника и, следуя за ним по пятам, попытался на ходу собраться с мыслями. Кровь леденела у него в жилах,— он ведь находился в непосредственной близости от свирепых, беспощадных врагов, однако молодой человек так хорошо владел собой, что добрался до середины хижины, ничем не выдав своего волнения. Там, следуя мудрому примеру Гамута, он вытащил охапку душистых веток из большой груды, сваленной в углу, и молча уселся на нее.

Как только гость вошел в хижину, воины, наблюдавшие за ним с порога, расположились вокруг него, терпеливо выжидая, когда чужеземец сочтет уместным заговорить, не уронив этим своего достоинства. Большинство дикарей остались стоять, лениво прислонившись к столбам, на которые опиралась кровля, а несколько старейших и наиболее почитаемых вождей уселись, по индейскому обычаю, прямо на земле, чуть впереди прочих.

В хижине горел яркий факел, и его красноватый колеблющийся свет выхватывал из темноты фигуры то одного, то другого дикаря. Воспользовавшись этим, Дункан устремил жадный взор на лица хозяев и попытался прочесть по ним, какого приема следует ему ожидать. Однако проницательность его оказалась бессиль-

ной перед холодным бесстрастием окружающих. Сидевшие впереди старейшины едва удостоили его взглядом; глаза их были устремлены в землю, а это могло быть в равной мере истолковано и как признак почтения, и как выражение недоверия. Дикари, стоявшие в тени, оказались не столь сдержанны. Дункан вскоре почувствовал на себе их беглые испытующие взгляды, дюйм за дюймом обшаривавшие и самого пришельца, и его наряд; ни один его жест, ни одна линия раскраски и даже особенность покроя одежды не ускользнули от внимания и оценки наблюдателей.

Наконец один из дикарей, в волосах которого уже пробивалась седина, хотя его мускулистое тело и твердая поступь свидетельствовали о том, что он еще способен успешно справляться с многотрудными обязанностями мужчины, вышел на свет из темного угла, куда, вероятно, забрался с намерением украдкой понаблюдать за чужеземцем, и начал речь. Говорил он на языке вейандотов или гуронов, и слова его были непонятны Хейуорду, хотя, судя по жестам, которыми они сопровождались, смысл их был скорее дружелюбным, чем враждебным. Хейуорд покачал головой и жестом дал понять, что не может ответить.

— Разве никто из моих братьев не говорит по-французски или по-английски? — задал он вопрос на французском языке, оглядывая окружающих в надежде увидеть утвердительный кивок.

Несколько голов повернулось к нему, словно пытаясь уловить смысл сказанного, но ответа на вопрос не последовало.

— Мне было бы грустно думать,— медленно продолжал Дункан, выбирая самые простые французские слова,— что ни один человек из вашего мудрого и храброго племени не понимает языка, на котором Великий Отец говорит со своими детьми. Его сердце преисполнилось бы печалью, если бы он узнал, что краснокожие воины так мало чтут его!

Последовала долгая тягостная пауза, во время которой никто из индейцев ни словом, ни жестом не показал, какое впечатление произвела эта тирада. Помня, что молчаливость почитается у дикарей добродетелью, Дункан с радостью воспользовался этим обычаем краснокожих, для того чтобы собраться с мыслями. Наконец тот же воин, который первым обратился к нему, сухо ответил на наречии канадских французов:

— Разве, обращаясь к своему народу, наш Великий Отец говорит на языке гуронов?

— Он не делает различия между своими детьми, какого бы цвета ни была у них кожа — красная, черная или белая, хотя больше всего он любит храбрых гуронов,— уклончиво ответил Дункан.

— А что он скажет, когда гонцы назовут ему число скальпов, которые пять ночей тому назад украшали головы ингизов? — не унимался подозрительный вождь.

— Ингизы — его враги; поэтому он, без сомнения, похвалит вас и скажет: «Мои гуроны — доблестные воины!» — с невольным содроганием отозвался Дункан.

— Наш канадский Отец так не думает. Он не вознаградил гуронов и отвернулся от них. Его заботят не они, а мертвые ингизы. Что это может значить?

— У такого великого вождя мыслей больше, чем слов. Он беспокоится, как бы враги не пошли по его следам.

— Пирога мертвого воина не поплывет по Хорикэну,— угрюмо возразил индеец.— Уши нашего Отца открыты для делаваров, с которыми мы не дружим, и те наполняют их ложью.

— Этого не может быть. Как видишь, он приказал мне, человеку, умеющему исцелять недуги, пойти к его детям, Красным гуронам с Великих озер, и узнать, нет ли меж ними больных.

Едва Дункан объяснил роль, которую он взял на себя, снова наступило продолжительное, глубокое молчание. Все глаза разом устремились на него, словно пытаясь решить, правда или ложь таится в его словах, и глаза эти светились таким умом и проницательностью, что предмет их внимания затрепетал при мысли о том, чем может кончиться его затея. Однако опасения его рассеял все тот же дикарь.

— Разве ученые люди из Канады раскрашивают лицо? — холодно продолжал гурон.— Мы слышали, что они похваляются своей белой кожей.

— Когда индейский вождь приходит к своим белым отцам, он снимает одежду из бизоньей шкуры и надевает предложенную ему рубашку,— твердо отпарировал Дункан.— Мои братья дали мне краски, и я раскрасил себе лицо.

По хижине пронесся негромкий одобрительный гул, доказывавший, что индейцы благосклонно приняли этот комплимент своему племени. Старейший из вождей сделал одобрительный жест, который был поддержан большинством его сотоварищей, вытянувших вперед руки с коротким удовлетворенным возгласом. Дункан перевел дух, считая, что самое трудное позади; а так как он уже придумал простой и правдоподобный рассказ в подтверждение своей выдумки, будто он лекарь, его надежды на успех сильно возросли.

После непродолжительного молчания, которое, видимо, понадобилось индейцам, чтобы обдумать подобающий ответ на речь гостя, поднялся еще один воин, всем своим видом показывая,

что хочет говорить. Но едва он открыл рот, как из лесу донесся глухой, ужасающий вопль, и за ним тут же последовал другой, более высокий и пронзительный, который становился все более протяжным, пока не перешел наконец в нескончаемое жалобное завывание, вроде волчьего. Этот внезапный зловещий шум заставил Дункана вскочить с места: молодой человек забыл обо всем, кроме впечатления, произведенного на него страшным звуком. В то же мгновение гуроны толпой ринулись вон из хижины, и воздух огласился громкими криками, почти заглушившими жуткий вой, все еще по временам доносившийся до ушей Дункана из-под сводов густого леса. Не владея больше собой, молодой человек сорвался с места и через секунду очутился в гуще беспорядочной толпы, к которой уже присоединились все жители селения. Мужчины, женщины, дети, престарелые и немощные, здоровые и сильные — все высыпали из хижин. Одни орали во всю глотку, другие исступленно и радостно били в ладоши, выражая дикий восторг по поводу какого-то неожиданного события. Изумленный сперва этим столпотворением, Хейуорд вскоре уяснил себе его причину.

Было еще достаточно светло, и яркие просветы между верхушками деревьев позволяли различить несколько тропинок, уходивших с прогалины в чащу. По одной из них, медленно приближаясь к жилищам, гуськом двигались воины. Тот, что шел впереди, нес короткий шест, на котором, как оказалось впоследствии, висело несколько скальпов. Дикие звуки, так поразившие Дункана, были тем, что белые довольно метко окрестили «кличем смерти» — каждое повторение его возвещало племени о печальной участи, постигшей врага. Пока что познаний Хейуорда хватало на то, чтобы понимать смысл происходящего, и, сообразив, что переполох вызван лишь неожиданным возвращением победоносного отряда гуронов, он успокоился и даже мысленно поздравил себя со счастливым избавлением, поскольку индейцы сейчас начисто позабыли о нем.

В нескольких сотнях футов от хижин прибывшие воины остановились. Их жалобный, зловещий вопль, в равной мере воспроизводивший как стон умирающих, так и ликование победителей, наконец смолк. Один из воинов, выкрикнул какие-то слова, в которых не содержалось, по-видимому, ничего страшного, хотя понять их было сложнее, нежели прежние выразительные вопли. Трудно дать верное представление о том диком восторге, с каким были встречены новости, сообщенные таким путем. В мгновение ока все становище превратилось в арену самой неистовой сумятицы и смятения. Мужчины выхватили ножи и, размахивая ими над головой, выстроились в две шеренги, проход между которыми

протянулся от хижин до места, где остановились пришедшие воины. Женщины хватали дубины, топоры, любое подвернувшееся под руку оружие и бежали к мужчинам, чтобы, в свой черед, принять участие в предстоящей жестокой игре. Даже дети не составляли исключения: мальчишки, еще не способные владеть оружием, выхватывали у отцов из-за пояса томагавки и проскальзывали между шеренгами, с увлечением подражая варварскому обычаю родителей.

На прогалине были разбросаны большие кучи хвороста, и теперь какая-то пожилая индианка предусмотрительно поторопилась поджечь их, чтобы осветить предстоящее зрелище. Вспыхнувшее пламя затмило слабый свет уходящего дня и, яснее обозначив контуры предметов, придало им зловещий вид. Сцена представляла собой как бы поразительную картину, рамой для которой служила чреда высоких сосен. На заднем плане виднелись фигуры вновь пришедших воинов. Чуть впереди стояли двое мужчин, видимо, избранные исполнителями главных ролей в предстоящем представлении. И хотя освещение было недостаточно сильным, чтобы черты их стали отчетливо видны, ни у кого не могло возникнуть сомнения, что оба эти человека находятся во власти совершенно разных чувств.

Один стоял прямо и твердо, готовый встретить свою судьбу, как герой; другой уронил голову на грудь, словно пораженный ужасом или охваченный стыдом. Благородное сердце Дункана разом прониклось глубоким состраданием к первому и восхищением перед ним, хотя он, разумеется, ничем не мог выразить свой великодушный порыв. Он лишь зорко следил за каждым движением незнакомца и, вглядываясь в изящные очертания его поразительно пропорциональной и гибкой фигуры, пытался убедить себя, что если телесная мощь в союзе с непоколебимой решительностью способны помочь человеку выйти из тяжких испытаний, то этот юный пленник может надеяться на победу в предстоящем ему отчаянном поединке. Незаметно для себя Хейуорд подошел ближе к темным шеренгам гуронов и, едва дыша от волнения, стал ждать, когда же начнется зрелище. Наконец прозвучал громкий вой, послуживший сигналом, и мертвая тишина сменилась взрывом воплей, затмивших своей силой все слышанное раньше. Второй пленник остался неподвижен, первый же, услыхав сигнал, сорвался с места с легкостью и быстротой оленя. Он не побежал между выстроившимися врагами, как те ожидали, а лишь вступил в проход и, прежде чем ему успели нанести первый удар, круто повернул, перепрыгнул через головы детей и очутился на внешней, менее опасной стороне зловещей шеренги. Эта хитрость была встречена проклятиями из сотни глоток, и

возбужденная толпа, смешав ряды, в полном беспорядке рассеялась по прогалине.

Теперь последнюю озаряла уже целая дюжина пылающих костров, придавая ей вид какой-то фантастической адской арены, где собрались злобные демоны, чтобы свершить свои нечестивые и кровавые обряды. Фигуры на заднем плане казались призраками, которые мелькали перед глазами, рассекая воздух исступленными, бессмыслепными жестами; когда они пробегали мимо костров, на озаренных ярким пламенем лицах с ужасающей отчетливостью читались обуревавшие дикарей необузданные страсти.

Само собой разумеется, что среди такого скопища беспощадных врагов беглецу было не до передышки. Был момент, когда казалось, что он вот-вот достигнет леса, но целая гурьба врагов преградила ему дорогу и оттеснила его назад, в самую гущу безжалостных преследователей. Круто повернув, как олень, столкнувшийся лицом к лицу с охотником, он с быстротой стрелы очутился у костра, одним прыжком перемахнул через столб пламени и, благополучно миновав разъяренную толпу, очутился на противоположной стороне прогалины. Но здесь несколько более пожилых и хитрых гуронов тоже встретили его и вынудили повернуть обратно. Пленник попытался еще раз ринуться в толпу, словно ища спасения в царившей вокруг суматохе; затем последовало несколько мгновений, когда Дункан уже решил, что мужественный юноша определенно погиб.

Все слилось в одну темную массу человеческих тел, мечущихся в неописуемой сумятице. В воздухе мелькали томагавки, сверкающие ножи, увесистые дубинки, но удары, видимо, сыпались наугад. Страшное впечатление, производимое этой сценой, усугублялось пронзительными воплями женщин и свирепым боевым кличем воинов. Время от времени Дункану удавалось различать легкую фигуру юноши, прорезавшую воздух отчаянными прыжками, и он скорее надеялся, чем верил, что пленник еще не совсем утратил силы и проворство. Внезапно толпа отхлынула к месту, где стоял Хейуорд. Мужчины, нажимая на оказавшихся впереди женщин и детей, валили их на землю. Среди этой свалки еще раз мелькнула фигура незнакомца. Однако выдерживать дальше столь жестокое испытание было уже не в человеческих силах. Это, несомненно, понимал сам пленник. Воспользовавшись тем, что перед ним на мгновение открылся проход, юноша стрелой промчался мимо воинов, сделав отчаянную и, как показалось Дункану, последнюю попытку достичь леса. Словно угадав, что со стороны Хейуорда ему не грозит опасность, пленник на бегу почти столкнулся с майором. Высокий могучий гурон, видимо, приберегавший до сих пор силы и гнавшийся теперь по пя-

там за юношей, уже занес руку для рокового удара. Однако Дункан проворно подставил ему ногу, и не в меру рьяный дикарь грохнулся во весь рост, пролетев вперед на несколько футов. Преследуемый молниеносно воспользовался этим преимуществом: он повернул, снова метеором промелькнул перед глазами Дункана и через мгновение, когда майор, придя в себя, оглянулся и поискал глазами пленника, тот уже спокойно стоял у невысокого раскрашенного столба перед входом в главную хижину.

Опасаясь, как бы участие, принятое им в судьбе юноши, не оказалось роковым для него самого, Дункан поспешил покинуть место, где стоял. Он примкнул к гуронам, которые стягивались к хижине, угрюмые и разочарованные, как всякая толпа, обманутая в надежде насладиться зрелищем казни. Любопытство, а может быть, и более высокое чувство побудило Дункана подойти к незнакомцу. Тот стоял, охватив одной рукой спасительный столб и тяжело, учащенно дыша после неимоверного напряжения, но ни жестом, ни взглядом не выдавая своих страданий. Сейчас он находился под защитой древнего священного обычая и мог ничего не опасаться, пока племя не соберется на совет и не решит его судьбу. Однако, судя по чувствам, обуревавшим толпу, решение это нетрудно было предугадать.

В лексиконе гуронов не было такого бранного слова, которое разочарованные женщины не бросили бы в лицо удачливому незнакомцу. Они насмехались над его усилиями спастись, с язвительными улыбками заявляли, что ноги у него лучше, чем руки, и что ему следовало бы обладать крыльями, коль скоро он не способен пустить в дело ни стрелу, ни нож. На все это пленник не отвечал ни словом и неизменно сохранял прежнюю позу, дышавшую чувством собственного достоинства и бесконечного презрения к недругам. Выведенные из себя его успехом и спокойствием, женщины бранились все злей и бессвязней, пока наконец ругань не перешла в пронзительные, визгливые крики. В эту минуту пожилая женщина, столь предусмотрительно зажегшая костры, протиснулась через толпу и очистила себе место перед пленником. Отвратительная грязная внешность этой ведьмы давала все основания предполагать, что она не обыкновенная смертная, а, вероятно, колдунья. Откинув легкое покрывало, она издевательски вытянула вперед длинную костлявую руку и на языке ленапе, более понятном предмету ее насмешек, во весь голос принялась поносить его.

— Слушай, ты, делавар,— сказала она, щелкнув пальцами перед лицом пленника,— ваше племя — племя баб, и мотыга больше вам по руке, чем ружье! Ваши матери производят на свет робких оленей: родись у вас медведь, или дикая кошка, или змея,

вы все разбежались бы со страху! Гуронские девушки сошьют тебе юбку, и мы подыщем тебе мужа!

За этим выпадом последовал оглушительный взрыв дикого издевательского хохота, в котором мягкий мелодичный смех девушек странным образом слился с надтреснутым, хриплым голосом их злобной товарки. Но все усилия женщин не могли поколебать незнакомца. Лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, и он, казалось, никого не замечал, кроме тех редких случаев, когда его надменный взор останавливался на темных фигурах воинов, мрачно и безмолвно наблюдавших за этой сценой.

Разъяренная невозмутимостью пленника, старая карга подбоченилась и в этой вызывающей позе разразилась новым потоком слов, изложить которые на бумаге повествователь просто не решается — для этого у него не хватит искусства. Но старуха тратила силы впустую: хотя она славилась среди соплеменников умением браниться, а сейчас довела себя до такого накала, что на губах у нее выступила пена, на неподвижном лице незнакомца не дрогнул ни один мускул. Равнодушие пленника начало действовать и на остальных зрителей: какой-то подросток, едва ступивший за порог детства, попытался помочь старой ведьме и, размахивая томагавком перед лицом жертвы, присоединил к ее брани свои пустые хвастливые слова. Тут пленник действительно повернулся лицом к свету и глянул на молокососа с высокомерием, еще более уничтожающим, чем презрение. А еще через секунду он уже опять спокойно стоял, прислонясь к столбу. Однако это движение и перемена позы позволили Дункану поймать твердый, проницательный взгляд незнакомца, и он понял, что перед ним Уикас.

Потрясенный и глубоко подавленный отчаянным положением друга, Хейуорд попятился из боязни, как бы этот обмен взглядами не ускорил решение участи пленника. Однако пока что оснований для подобных страхов не было. В эту минуту один из воинов проложил себе дорогу через разъяренную толпу. Повелительным жестом отстранив женщин и детей, он взял Уикаса за руку и повел к двери в хижину совета. Туда же проследовали вожди и самые заслуженные воины, вместе с которыми, не привлекая к себе опасного внимания, удалось кое-как протиснуться и Хейуорду.

Несколько минут ушло на то, чтобы присутствующие разместились согласно положению и влиятельности среди соплеменников. Порядок, в общем, соблюдался тот же, что и во время допроса Хейуорда: пожилые люди и главные вожди заняли середину хижины, озаренную светом пылающего факела, а их младшие и не столь именитые сородичи разместились на заднем плане, обра-

мив всю картину мрачным кольцом раскрашенных смуглых лиц. В самом центре постройки, под отверстием, сквозь которое проникал мерцающий свет редких звезд, стоял Ункас, невозмутимый, собранный, величавый. Его горделивая и благородная осанка не преминула произвести впечатление на гуронов; взгляды дикарей то и дело останавливались на его лице, и хотя в них читалась прежняя непреклонность, но вместе с ней сквозило и восхищение перед мужеством незнакомца.

Совсем по-иному обстояло дело с человеком, которого Дункан видел рядом с Ункасом перед отчаянной попыткой молодого могиканина и который не только не принял участия в погоне, а, напротив, во время всей этой суматохи неподвижно стоял на месте, подобно статуе, олицетворяющей стыд и бесчестие. Хотя ни одна рука не протянулась к нему с приветствием и ни одни глаза не дали себе труд следить за ним, он тоже вошел в хижину, словно понуждаемый велением судьбы, которому, по-видимому, подчинялся без малейшего сопротивления. Хейуорд воспользовался первым же удобным случаем, чтобы рассмотреть его, хотя втайне опасался опять увидеть знакомые черты, но человек этот оказался ему чужим и — что еще удивительнее — все обличие его выдавало в нем гурона. Однако он не смешался с толпой соплеменников, а сел в стороне, одинокий среди многолюдства, и сидел, боязливо съежившись и словно силясь занимать как можно меньше места. Когда каждый расположился там, где ему подобало, и в хижине воцарилась мертвая тишина, седовласый вождь, уже знакомый читателю, громко заговорил на языке лениленапе.

— Делавар,— начал он,— ты хоть и принадлежишь к племени женщин, но выказал себя мужчиной. Я предложил бы тебе пищу, но тот, кто ест вместе с гуроном, становится его другом. Отдыхай с миром до восхода солнца, а с зарей узнаешь наше решение.

— Семь ночей и столько же летних дней я обходился без пищи, идя по следу гуронов,— холодно отозвался Ункас.— Сыны ленапе умеют идти тропой справедливости, не думая о еде.

— Два моих молодых воина преследуют твоего спутника,— продолжал гурон, не обратив внимания на похвальбу пленника.— Когда они вернутся, наши старейшины скажут, что ждет тебя — жизнь или смерть.

— Разве у гуронов нет ушей? — язвительно воскликнул Ункас.— С тех пор как делавар стал вашим пленником, он дважды слышал выстрелы хорошо знакомого ружья. Ваши молодые воины никогда не вернутся.

За этим уверенным заявлением последовала краткая зловещая пауза. Сообразив, что молодой могиканин намекает на роко-

вое ружье Соколиного Глаза, Дункан подался вперед, чтобы лучше видеть, какое впечатление произведут эти слова на победителей. Но вождь ограничился весьма простым возражением:

— Если ленапе столь искусны, почему один из храбрейших их воинов находится здесь?

— Он преследовал убегавшего труса и попал в западню. Мудрого бобра — и того можно поймать.

С этими словами Ункас указал пальцем на одиноко сидевшего гурона, но не счел нужным дольше задерживать свое внимание на таком презренном существе. Ответ и сам вид говорившего произвели сильное впечатление на слушателей. Все взоры устремились на этого человека, и по толпе прокатился глухой угрожающий ропот. Зловещие звуки докатились до входа, в хижину стали протискиваться женщины и дети, и скоро там не осталось ни одного промежутка между плечами, из которого не выглядывало бы смуглое и полное жадного любопытства лицо.

Тем временем старейшины, расположившиеся в середине хижины, стали обмениваться короткими отрывистыми фразами. Впустую не тратилось ни слова: каждый выражал свое мнение просто и сжато. Затем вновь наступило долгое торжественное молчание. Каждому из присутствующих было известно, что оно — предвестник серьезного, важного решения. Стоявшие сзади приподнялись на цыпочки, и даже сам преступник, на минуту позабыв о своем позоре под наплывом более сильного чувства, поднял голову и тревожно уставился на темную группу вождей. Наконец глубокое, внушительное молчание было нарушено, и слово взял пожилой воин, о котором мы уже часто упоминали. Он поднялся с земли, прошел мимо неподвижного Ункаса и остановился перед преступником в величественной, исполненной достоинства позе. В ту же секунду старая ведьма с факелом в руке протиснулась в круг и, медленно приплясывая, забормотала бессвязные невнятные слова, очень похожие на заклинания. Хотя вторжение ее нарушало обычай, никто не обратил на это внимания.

Подойдя к Ункасу, она подняла пылающую головню так, чтобы красный отблеск ее падал на пленника и давал возможность разглядеть малейший признак волнения на его лице. Однако вождь могикан сохранял прежний твердый, надменный вид, и глаза его, словно не снисходя до ответа на пытливый взгляд старухи, были так упорно устремлены в пространство, как если бы они, преодолевая все преграды, смотрели в будущее. Удовлетворенная осмотром, женщина с довольным видом отошла от пленника и приблизилась к своему провинившемуся соплеменнику, чтобы подвергнуть его такому же испытанию.

Молодой гурон был в боевой раскраске, и одежда еле прикры-

вала его отменно сложенную фигуру. Свет отчетливо обрисовывал каждую его мышцу, и Дункан в ужасе отвернулся: он увидел, что индеец судорожно корчится от страха. При этом постыдном зрелище женщина издала жалобный вопль, но вождь протянул руку и мягко отстранил ее.

— Гибкий Тростник,— сказал он на языке гуронов, называя преступника по имени,— хотя Великий дух наделил тебя приятной для глаз наружностью, лучше бы ты не родился на свет. В деревне твой язык болтает громче всех, но в сражении немеет. Никто из моих молодых воинов не вгонит томагавк в боевой столб глубже тебя, но ни один из них не ударяет ингизов легче, нежели ты. Враг нагляделся на твою спину, но не знает, какого цвета твои глаза. Трижды тебя вызывали на бой, и трижды ты забывал дать ответ. Имя твое никогда больше не прозвучит в родном племени: оно уже забыто.

В то время как вождь произносил эти слова, разделяя фразы внушительными паузами, преступник поднял голову из почтения к годам и рангу говорящего. Стыд, ужас и гордость отчаянно боролись в нем, и борьба эта отражалась на выразительном лице. Его сузившиеся от отчаяния глаза блуждали, останавливаясь на лицах тех, от кого зависело его доброе имя, и на минуту гордость взяла в нем верх. Он встал на ноги, обнажил грудь и твердым взглядом встретил острый сверкающий нож, уже занесенный неумолимым судьей. Когда же оружие медленно вонзилось ему в тело, гурон даже улыбнулся, словно радуясь, что смерть не так страшна, как он думал, и тяжело рухнул лицом вниз к ногам сурового и непоколебимого Ункаса.

Женщина издала громкий жалобный вопль и швырнула факел на землю, погрузив помещение в непроглядный мрак. Зрители, содрогаясь, один за другим, словно потревоженные призраки, выскользнули из хижины, и Дункану почудилось, будто он остался наедине с трепещущим телом жертвы индейского правосудия.

ГЛАВА XXIV

Мудрец сказал, царь распустил совет,
И разошлись вожди царю вослед.

Поп. Илиада

Не прошло и мгновения, как молодой человек убедился в своей ошибке. На плечо ему легла чья-то сильная рука, и Ункас прошептал:

— Гуроны — собаки. Вид крови труса не может привести в содрогание настоящего воина. Седая Голова и сагамор в безо-

пасности, а ружье Соколиного Глаза не дремлет. Иди! Ункас и Щедрая Рука не знают друг друга. Я сказал.

Хейуорд был бы рад услышать больше, но мягкий толчок дружеской руки вынудил его направиться к выходу и вспомнить об опасности, которая угрожала бы им, стань гуронам известно об их разговоре. Уступая необходимости, он медленно и неохотно покинул хижину и смешался с толпившимися поблизости туземцами. Угасавшие на прогалине костры освещали тусклым неверным светом темные фигуры, молча слонявшиеся взад и вперед. По временам пламя вспыхивало ярче, и лучи его проникали во мрак хижины, озаряя Ункаса, по-прежнему спокойно стоявшего над трупом гурона.

Вскоре кучка воинов вошла туда и вернулась с бренными останками своего соплеменника, которые они затем отнесли в соседний лес. После этого торжественного финала Дункан, которого никто не замечал и не тревожил расспросами, принялся бродить между хижинами в поисках той, ради кого он пошел на неслыханный риск. Племя пребывало сейчас в таком расположении духа, что Хейуорду, приди ему в голову эта мысль, не составило бы труда скрыться и вернуться к спутникам. Но сейчас к постоянной его тревоге за судьбу Алисы прибавилось беспокойство об участи Ункаса, и это накрепко привязало его к месту. Вот почему он упорно переходил от хижины к хижине, заглядывая в каждую лишь для того, чтобы в очередной раз испытать разочарование, пока наконец не обошел всю деревню. В конце концов он прекратил поиски, оказавшиеся столь бесплодными, и возвратился к хижине совета, решив разыскать Давида, расспросить его и тем самым избавиться от мучительной неизвестности.

Дойдя до строения, послужившего одновременно и залом суда, и местом казни, молодой человек заметил, что возбуждение уже улеглось. Воины, собравшись в кружок, спокойно курили и степенно рассуждали о главных событиях недавнего похода к верховьям Хорикэна. Хотя приход Дункана должен был бы напомнить им о его профессии и подозрительных обстоятельствах его появления в деревне, они, по-видимому, не обратили на него особого внимания. Ужасная сцена до сих пор благоприятствовала его планам, а так как ему не нужно было лучшего суфлера, чем обуревавшие его чувства, он понял, как важно наилучшим образом воспользоваться неожиданным и счастливым стечением обстоятельств.

Ничем не выдавая снедавших его опасений, он вошел в хижину и занял свое место с важным видом, который как нельзя более гармонировал с повадками его хозяев. Ему хватило одного мимолетного, но пытливого взгляда, чтобы убедиться, что Ункас по-

прежнему находится там же, где он оставил его, а Давид так и не появлялся. Свобода пленника была, казалось, ничем не ограничена, кроме зорких глаз расположившегося неподалеку молодого гурона да вооруженного воина, облокотившегося на столб, который служил одной из притолок узкого входа. Во всех других отношениях Ункас был, по-видимому, ничем не стеснен, хотя не принимал никакого участия в разговоре и походил скорее на прекрасную статую, чем на человека, наделенного жизнью и волей.

Хейуорд слишком недавно был очевидцем быстроты, с какой исполняется приговор у племени, во власти которого он находился, и отчетливо понимал, что разоблачит себя первой же неосторожной выходкой. Поэтому он предпочел не разговаривать, а молчать и думать: он ведь прекрасно знал, какими роковыми последствиями грозит ему раскрытие его истинного лица. К сожалению, хозяева, видимо, не разделяли этого благоразумного решения, потому что не успел он занять место, которое предусмотрительно выбрал в самой глубокой тени, как один из воинов, говоривший по-французски, обратился к нему.

— Мой канадский Отец не забывает своих детей,— сказал вождь.— И я благодарен ему. В жену одного из моих воинов вселился злой дух. Может ли искусный и мудрый пришелец изгнать его?

Хейуорд был немного знаком с приемами, к каким прибегают в таких случаях индейские знахари. Он сразу сообразил, что просьба вождя может послужить его, Дункана, собственным целям. Дикари едва ли могли сделать ему предложение, которое устроило бы его больше, чем это. Понимая, однако, что ему следует сохранять достоинство, подобающее его мнимой профессии, он подавил волнение и ответил с надлежащей таинственностью:

— Духи бывают разные: одни покоряются силе мудрости, другие — чересчур могущественны.

— Мой брат — великий врачеватель! — настаивал хитрый индеец.— Пусть он все же попробует.

Хейуорд ответил знаком согласия. Гурон удовольствовался этим, снова взялся за трубку и стал выжидать, когда прилично будет отправиться в путь. Нетерпеливый Хейуорд, проклиная в душе церемонность дикарей, обычаи которых обязывают приносить чувства в жертву показному бесстрастию, с великим трудом напустил на себя не менее равнодушный вид, чем вождь, бывший и в самом деле близким родичем больной женщины. Минуты тянулись одна за другой и казались новоявленному врачевателю часами; наконец гурон отложил трубку в сторону, прикрыл грудь плащом и собрался было идти в жилище больной. Однако в этот

момент вход в хижину заполнила могучая фигура воина. Пришелец молча проследовал между насторожившимися индейцами и уселся на охапку веток, на другом конце которой сидел Хейуорд. Молодой человек бросил нетерпеливый взгляд на нового соседа и невольно похолодел от ужаса: рядом с ним расположился Магуа.

Неожиданное возвращение коварного и страшного вождя задержало гурона. Погасшие трубки вновь задымились, а новоприбывший, не говоря ни слова, вытащил из-за пояса томагавк, набил табаком отверстие на полой его рукоятке и затянулся ароматным дымом с такой невозмутимостью, словно и не провел целых долгих два дня на утомительной охоте. Так прошло минут десять, показавшиеся Дункану вечностью, и воины уже утонули в облаках густого дыма, когда один из них молвил:

— Добро пожаловать! Выследил ли мой друг лося?

— Молодые воины шатаются под тяжестью ноши,— ответил Магуа.— Пусть Гибкий Тростник выйдет на охотничью тропу и встретит их.

За упоминанием запретного имени последовало глубокое зловещее молчание. Все разом вынули изо рта трубки, словно вдохнули в этот момент что-то нечистое. Дым мелкими кольцами заклубился над головами индейцев и, свившись спиралью, быстро улетучился через отверстие в кровле, благодаря чему воздух внизу очистился и смуглые лица стали отчетливо видны. Взоры большинства воинов были потуплены, и лишь несколько молодых и наименее умных гуронов таращили глаза на убеленного сединами дикаря, который сидел между двумя самыми почитаемыми вождями племени. Ни в наружности, ни в наряде этого индейца не было, казалось, ничего, что давало бы ему право на такой почет. Вид у него, в отличие от остальных, был скорее подавленный, чем горделивый; одежду он носил такую, в какой обычно ходят рядовые члены племени. Как и большинство окружающих, он с минуту сидел, не отрывая глаз от земли. Наконец, подняв голову и осмотревшись по сторонам, он заметил, что стал предметом всеобщего внимания. Тогда он встал и среди всеобщего молчания громко объявил:

— Это ложь. У меня не было сына! Тот, кто называл себя этим именем, навсегда забыт: кровь у него была бледная, и текла она не в жилах гурона. Лукавый чиппевей обольстил мою жену. Великий дух повелел, чтобы род Уисс-ентуша пресекся. Счастлив тот, кто знает, что зло в его роду умрет вместе с ним! Я сказал.

Отец труса оглянулся вокруг, словно пытаясь прочесть во взорах слушателей одобрение своему стоицизму. Но суровые обычаи племени предъявляли к его членам требования, непосильные для хилого старика. Выражение его глаз противоречило образной

и хвастливой речи, и каждый мускул морщинистого лица судорожно подергивался от душевной муки. Постояв с минуту, чтобы насладиться своим горьким торжеством, он отвернулся, словно вид людей стал ему невыносим, закрыл лицо плащом и, выйдя из хижины бесшумной походкой индейца, направился искать утешения в тиши своего убогого жилища у такой же старой, несчастной, утратившей сына матери.

Индейцы, верящие, что добродетели, равно как пороки, передаются по наследству, проводили его полным молчанием. Затем один из вождей, выказав такую утонченную вежливость, какой мог бы позавидовать любой представитель более цивилизованного общества, отвлек внимание молодых воинов от только что виденного ими проявления человеческой слабости и весело заговорил с Магуа, обратиться к которому, как к новоприбывшему, его обязывала учтивость:

— Делавары, словно медведи в поисках сотов, бродили вокруг моей деревни. Но разве кому-нибудь удавалось застать гурона спящим?

Темная грозовая туча, предвестница бури,— и та была не мрачней лица Магуа, когда он воскликнул:

— Озерные делавары?

— Нет, не они, а те, что носят женские юбки на берегу своей реки. Один из них проник на земли нашего племени.

— Мои молодые воины добыли его скальп?

— Ноги у него оказались хороши, хотя руки владеют мотыгой лучше, чем томагавком,— ответил вождь, указывая на неподвижного Ункаса.

Магуа отнюдь не проявил женского любопытства и не поспешил насладиться зрелищем пленного сына племени, которое имел так много причин ненавидеть, а, напротив, продолжал курить с тем задумчивым видом, какой обычно принимал, когда ему не надо было прибегать ни к хитрости, ни к красноречию. Хотя его немало изумили сведения, почерпнутые им из речи старого отца казненного, он не позволил себе никаких расспросов, отложив их до более подходящей минуты. Лишь после довольно продолжительной паузы он выбил из трубки пепел, заткнул томагавк обратно за пояс, подтянул его, поднялся и в первый раз бросил взгляд на пленника, стоявшего чуть позади него. Настороженный, хотя с виду безучастный ко всему, Ункас уловил его движение и, внезапно повернувшись к свету, встретился с ним взглядом. Чуть ли не целую минуту смелые и неукротимые враги стояли, в упор глядя друг на друга, и ни один из них не выказал ни малейшего признака слабости под свирепым взором противника. Ункас словно вырос, ноздри его раздулись, как у тигра перед схваткой,

но поза могиканина по-прежнему оставалась настолько величавонеподвижной, что его легко можно было принять за великолепное, совершенное изваяние индейского божества войны. Судорожно подергивавшееся лицо Магуа оказалось более подвижным: черты его постепенно утратили вызывающее выражение, которое уступило место свирепой радости. Он глубоко вздохнул и громко произнес грозное имя:

— Быстроногий Олень!

Услыхав хорошо знакомое прозвище, воины вскочили на ноги, и на секунду изумление взяло верх над стоическим спокойствием краснокожих. Они хором повторили ненавистное, хотя уважаемое имя врага, и его мгновенно услышали за стенами хижины. Женщины и дети, сновавшие у входа, дружным эхом подхватили его, повторяя на все лады, и деревня разом огласилась пронзительным жалобным воем. Но не успело отзвучать последнее эхо, как волнение мужчин улеглось. Каждый, словно устыдясь своего удивления, занял прежнее место, но прошло еще немало времени, прежде чем гуроны перестали бросать любопытные взгляды на пленника, который так много раз доказывал свою отвагу в схватках с лучшими и достойнейшими сынами их племени.

Уикас наслаждался победой, но проявил свое торжество лишь спокойной усмешкой — эмблемой презрения у всех народов всех времен. Заметив это, Магуа поднял руку, погрозил пленнику и под звон серебряных подвесок на своем браслете мстительно крикнул по-английски:

— Ты умрешь, могиканин!

— Целебные источники не вернут жизнь мертвым гуронам! — ответил Уикас на мелодичном языке делаваров.— Быстрые реки моют их кости! Мужчины их — бабы, женщины — совы. Иди и созови собак-гуронов — пусть посмотрят на воина. Ноздри мои оскорблены: они чуют запах крови труса.

Последний намек не на шутку задел присутствующих,— он был слишком обиден. Многие из них понимали язык, на котором говорил пленник, и к числу их относился Магуа. Хитрый дикарь мгновенно оценил свое преимущество и воспользовался им. Сбросив с плеч легкий кожаный плащ, он вытянул руку и разразился потоком опасного и хитроумного красноречия. Как ни подорвал он свое влияние на товарищей пристрастием к огненной воде и бегством от родного племени, краснокожему нельзя было отказать ни в смелости, ни в ораторском даровании. У него всегда находились слушатели, и ему редко не удавалось убедить их. В данном же случае его природные способности подкреплялись еще и жаждой мести.

Он снова вспомнил подробности нападения на остров у Гленна, рассказал о смерти соплеменников и бегстве самых заклятых врагов его народа. Затем описал местоположение и вид горы, на которую привел пленников, попавших в руки гуронов. О своих кровожадных намерениях в отношении девушек и неудавшемся коварстве Магуа не упомянул, а сразу перешел к внезапному нападению отряда Длинного Карабина и роковому исходу схватки. Тут он сделал паузу и оглянулся вокруг с притворным благоговением перед памятью усопших, а на самом деле затем, чтобы проверить, какое впечатление произвела вступительная часть его речи. Как обычно, все глаза были устремлены на него. Каждая смуглая фигура словно превратилась в живую статую — так неподвижны были позы индейцев и так велико их внимание.

Затем Магуа понизил голос, до сих пор звонкий и сильный, и перечислил заслуги погибших. Ни одно их достоинство, способное вызвать симпатию у краснокожих, не было обойдено молчанием. Один никогда не возвращался с охоты без добычи; другой был неутомим, идя по следу врага. Этот был храбр, тот щедр. Словом, Лисица так искусно рассыпал похвалы, что умудрился затронуть каждую струну, которая могла найти отголосок в сердце представителей племени, состоявшего из сравнительно небольшого числа семей.

— Разве кости моих молодых воинов покоятся среди родных могил? — заключил он.— Нет, и вы знаете это. Их души ушли в Край заходящего солнца и уже пересекают великие воды на пути к Стране вечно счастливой охоты. Но они ушли без пищи, ружей, ножей и мокасин, ушли нищие и нагие, какими родились на свет. Можно ли это допустить? Неужели души их войдут в Страну справедливости, подобно голодным ирокезам и обабившимся делаварам, а не явятся на встречу с друзьями с оружием в руках и одеждой на плечах? Что подумают наши праотцы, когда увидят, чем стало племя вейандотов? Они посмотрят на своих детей мрачным взглядом и скажут: «Уходите! Под именем гуронов сюда проникли чиппевеи». Не забывайте о мертвых, братья! Память краснокожего никогда не засыпает. Нагрузим наши дары на спину этого могиканина, пока он не зашатается под их тяжестью, и отправим его вслед за моими молодыми воинами. Они взывают к нам о помощи, а уши наши заткнуты; они молят: «Не забывайте нас!» Когда же они увидят, как душа могиканина следует за ними со своей ношей, они поймут, что мы помним о них. И тогда они будут счастливы, а дети наши скажут: «Так поступали с друзьями наши отцы, так должны поступать и мы». Что значит один ингиз? Мы убили многих, а земля все еще не напиталась кровью. Пятно на

имени гурона может быть смыто лишь кровью индейца. Пусть делавар умрет!

Вряд ли трудно угадать, какое действие могла возыметь такая речь, произнесенная взволнованным голосом и сопровождаемая выразительными жестами. Магуа так ловко переплел естественные привязанности слушателей с их суевериями, что гуроны, у которых всегда существовал обычай приносить кровавые жертвы душам усопших соплеменников, окончательно утратили всякую человечность — ее заглушила жажда мести. Один воин, человек с диким, свирепым лицом, прислушивался к словам оратора с особым вниманием, выделявшим его среди остальных. Черты его ежеминутно меняли свое выражение под наплывом различных чувств, пока не превратились наконец в застывшую маску смертельной злобы. Едва Магуа кончил речь, как воин этот вскочил и с дьявольским воплем завертел над головой томагавком, чье лезвие засверкало в свете факела. Движение и крик краснокожего оказались настолько неожиданными, что никто не успел хоть словом помешать его кровавым намерениям. Из его руки словно брызнул яркий луч, тут же перерезанный отчетливой темной линией. Лучом был брошенный томагавк, линией же — рука Магуа, отклонившая удар от цели. Быстрое и ловкое вмешательство Лисицы не запоздало. Острое оружие перерубило боевое перо на головном уборе Ункаса и, словно пущенное мощной катапультой, пробило насквозь хрупкую стену хижины.

Заметив угрожающее движение дикаря, Дункан вскочил на ноги: сердце его хотя и похолодело, но было полно самых великодушных намерений по отношению к другу. Однако он с одного взгляда убедился, что удар попал мимо цели, и ужас его сменился восхищением. Ункас стоял все так же спокойно, с невозмутимым равнодушием глядя врагу в глаза. Мрамор — и тот не мог быть холодней, бесстрастней и тверже, чем лицо могиканина при этом неожиданном и злобном нападении. Затем, словно сожалея о столь счастливой для него неумелости врага, он улыбнулся и бросил несколько презрительных слов на своем мягком, мелодичном языке.

— Нет! — сказал Магуа, убедившись, что пленник невредим.— Его позор должно осветить солнце, трепет его тела должны видеть женщины и дети, иначе наша месть станет ребяческой забавой. Уведите его туда, где царит безмолвие. Посмотрим, спокойно ли проспит делавар ночь, зная, что утром умрет!

Молодые воины, которым поручено было стеречь пленника, крепко связали ему руки ивовыми прутьями и в глубоком, мрачном, зловещем молчании вывели его из хижины. Лишь на самом

пороге ее Ункас, словно заколебавшись, замедлил твердые шаги. Он обернулся, окинул круг своих врагов высокомерным взглядом, и Дункан с радостью прочел на лице его выражение, которое счел свидетельством того, что надежда на спасение не покинула окончательно молодого вождя.

Магуа был слишком доволен успехом и поглощен своими тайными планами, чтобы оставаться с сородичами. Запахнув плащ, он тоже покинул хижину без дальнейших разговоров, которые могли оказаться роковыми для его соседа. Несмотря на всю свою природную твердость, нарастающее негодование и тревогу за участь Ункаса, Хейуорд почувствовал значительное облегчение, когда его опасный и хитрый враг ушел. Возбуждение, вызванное речью Магуа, мало-помалу улеглось. Воины заняли прежние места, и хижина вновь наполнилась облаками табачного дыма. Целых полчаса никто не произносил ни слова и не поворачивал головы. Все погрузились в глубокое задумчивое молчание, которое у этих необузданных людей, отличающихся в то же время поразительным самообладанием, неизменно следует за бурной вспышкой страстей.

Докурив трубку, вождь, попросивший помощи Дункана, вторично и на этот раз успешно сделал попытку уйти. Он поманил пальцем мнимого лекаря, приглашая его следовать за собой, и, когда они выбрались из продымленной хижины, Дункан больше всего обрадовался возможности беспрепятственно подышать чистым освежающим воздухом прохладного летнего вечера.

Спутник Дункана направился отнюдь не к хижинам, где Хейуорд уже производил безуспешные поиски, а взял в сторону и двинулся прямо к подошве соседней горы, возвышавшейся над временным становищем гуронов. Ее окаймляла широкая полоса густого кустарника, и путникам пришлось пробираться по узкой извилистой тропинке. На прогалине мальчишки, возобновившие свои игры, изображали сейчас погоню за пленником вокруг боевого столба. Стремясь придать игре возможно большее сходство с действительностью, один из самых смелых шалунов подложил головешки в оставшиеся незажженными кучи хвороста. Пламя одного из этих костров освещало путь вождя и Дункана, придавая еще более дикий характер суровому ландшафту. На небольшом расстоянии от вставшей перед ними нагой скалы они наткнулись на поросшую травой расселину и вошли в нее. Как раз в эту минуту мальчишки подбросили в костер свежее топливо, и яркий свет залил даже это отдаленное место. Он озарил белую поверхность скалы и, отразившись от нее, упал на какое-то темное загадочное существо, нежданно преградившее дорогу идущим.

Индеец остановился, словно решая, продолжать путь или нет, и это позволило Хейуорду нагнать его. Большой черный шар, казавшийся до этого неподвижным, заворочался непонятным для Дункана образом. Огонь вспыхнул еще ярче и осветил таинственное существо. Верхняя часть его туловища неуклюже и беспокойно двигалась, хотя само животное, казалось, сидело на земле, и теперь даже Хейуорд без труда узнал в нем медведя. Зверь громко и свирепо рычал, глаза его злобно блестели, но других признаков враждебности он не проявлял. Гурон, во всяком случае, не возымел никаких сомнений в миролюбии незваного гостя, потому что, внимательно разглядев его, преспокойно двинулся дальше.

Зная, что индейцы нередко держат прирученных медведей, Дункан последовал примеру спутника: он предположил, что четвероногий любимец племени забрался в кусты в поисках пищи. И в самом деле зверь беспрепятственно пропустил их. Гурон, сперва так настороженно присматривавшийся к странному животному, прошел теперь мимо него, не теряя ни секунды на дальнейшие наблюдения, но Хейуорд, опасаясь нападения сзади, невольно оглянулся, и тревога его нисколько не уменьшилась: зверь, переваливаясь с боку на бок, следовал за ними по тропинке. Дункан хотел уже сообщить об этом спутнику, но тут индеец отворил сплетенную из веток дверь и вошел в пещеру, расположенную в глубине горы.

Воспользовавшись такой удобной возможностью избавиться от медведя, Хейуорд с радостью шагнул вслед за проводником и уже притворил за собой дверь, как вдруг почувствовал, что ее вырывают у него из рук, обернулся и увидел косматую фигуру, заполнившую собой вход. Они находились теперь в прямой длинной галерее, тянувшейся между двумя скалами, и уйти отсюда, не столкнувшись со зверем, было немыслимо. Молодой человек стремительно бросился вперед, стараясь держаться как можно ближе к спутнику, а медведь, не отставая от него, то и дело рычал и несколько раз даже опускал огромную лапу ему на плечо, словно пытаясь не пустить его в глубь пещеры.

Трудно сказать, как долго выдержали бы нервы Хейуорда это необычайное испытание, но, к счастью, вскоре ему стало легче. Они добрались наконец до места, откуда исходил слабый свет, все это время мерцавший впереди.

Большая пещера в недрах скалы была на скорую руку приспособлена для жилья и разделена на несколько помещений. Материалом для нехитрых, но ловко сложенных перегородок послужили камни вперемешку с бревнами и ветками. Отверстие в кровле пропускало свет днем, а ночью костры и факелы заменяли солн-

це. Здесь гуроны хранили самые главные свои ценности, особенно те, что составляли достояние всего племени; здесь же, как выяснилось, поместили и больную женщину, одержимую злым духом, потому что, по убеждению дикарей, этому мучителю труднее нападать на людей через каменные стены, чем через сплетенные из ветвей крыши хижин. Помещение, куда проводник ввел Дункана, было целиком отведено для больной. Вождь подошел к ее ложу, окруженному женщинами, среди которых Хейуорд с удивлением обнаружил своего исчезнувшего друга Давида.

С одного взгляда на больную мнимый врач понял, что его медицинских познаний недостаточно для ее исцеления. Она лежала, словно в параличе, равнодушная ко всему окружающему и, к счастью, не чувствуя своих страданий. Хейуорд был даже доволен, что ему придется испробовать свои шарлатанские приемы на человеке, слишком больном для того, чтобы сознавать, успешно лечение или нет. Угрызения совести, ранее беспокоившие его при мысли о преднамеренном обмане пациента, теперь прошли, и он стал лихорадочно обдумывать, как поестественней сыграть свою роль, но вдруг обнаружил, что его опередили и что больную пробуют исцелить силой музыки.

Гамут, совсем было собравшийся излить душу в песнопении и задержавшийся с этим лишь из-за прихода посетителей, переждал минуту, задал тон камертоном и запел гимн, который, вероятно, совершил бы чудо, если бы вера в его целительное действие могла чем-нибудь помочь в данном случае. Ему дали допеть до конца: индейцы — из уважения к его безумию, Дункан — от радости, что представилась возможность хоть немного отсрочить страшное для него испытание. Замирающие звуки гимна еще звучали в ушах молодого человека, как вдруг он невольно отскочил в сторону: кто-то позади него подтягивал певцу получеловеческим, полузагробным голосом. Хейуорд оглянулся и увидел косматое чудище, которое уселось в темном углу пещеры и, непрерывно и неуклюже раскачиваясь, глухим рычанием вторило если уж не словам, то звукам, причем воспроизводило мелодию не без известного сходства.

Впечатление, произведенное таким странным эхом на Давида, легче представить себе, чем описать. Глаза его широко раскрылись, словно он не верил своим ушам, голос пресекся от изумления. Хитроумный, заранее придуманный способ, которым он должен был передать Хейуорду важные сведения, мигом вылетел у него из головы под напором чувства, похожего на страх, хотя сам певец склонен был считать его восхищением. Забыв обо всем на свете, он громко выпалил: «Она здесь и ждет вас!» — и стремительно выскочил из пещеры.

ГЛАВА XXV

М и л я г а. А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дадите, а то у меня память очень туга на ученье.
П и г в а. Тут и учить-то нечего, и так сыграешь: тебе придется только рычать.

Ш е к с п и р. Сон в летнюю ночь[1]

Сцена представляла собой диковинное сочетание комического с торжественным. Медведь продолжал раскачиваться, что, по-видимому, нисколько его не утомляло, хотя он и прекратил забавные попытки подражать мелодии, как только Давид покинул помещение. Дункану показалось, что в словах Гамута, произнесенных им на родном языке, был тайный смысл, но покамест ничто вокруг не помогало ему обнаружить следы той, на кого намекал певец. Скоро, однако, раздумьям молодого человека был положен конец: вождь подошел к ложу больной и отогнал столпившихся вокруг женщин, с любопытством ожидавших минуты, когда незнакомец покажет свое искусство. Женщины нехотя, но тем не менее беспрекословно повиновались его знаку и ушли. Когда эхо, повторившее стук захлопнувшейся двери, смолкло в отдалении, индеец указал на бесчувственную больную, оказавшуюся его дочерью, и молвил:

— А теперь пусть мой брат покажет свое могущество.

Получив такой недвусмысленный приказ исполнить принятые на себя обязанности, Хейуорд с тревогой подумал, что малейшее промедление может оказаться опасным. Припомнив все, что знал, он уже собрался приступить к тем нелепым заклинаниям и обрядам, которыми индейские колдуны обычно прикрывают свое невежество и бессилие. Вполне вероятно, что при том разброде, в каком находились сейчас его мысли, он очень быстро совершил бы подозрительную, а возможно, и роковую ошибку, но его в самом начале остановил свирепый рев медведя. Трижды возобновлял он свои попытки, но встречал то же необъяснимое сопротивление четвероногого, и рычание его с каждым разом становилось все более свирепым и угрожающим.

— Злые духи ревнуют,— сказал гурон.— Я ухожу. Брат, эта женщина — жена одного из храбрейших моих молодых воинов; вылечи ее. Успокойся! — добавил он, обращаясь к рассерженному зверю.— Я ухожу.

---

[1] Перевод. Т. Щепкиной-Куперник.

Вождь не замедлил привести свои слова в исполнение, и Дункан остался в этом мрачном уединенном жилище наедине с беспомощной больной и свирепым опасным зверем. Медведь прислушивался к шагам индейца с тем смышленым выражением, какое так свойственно этому животному; когда же новый раскат эха возвестил о том, что краснокожий тоже покинул пещеру, зверь, переваливаясь, подошел к Дункану и уселся напротив него, совсем как человек. Майор оглянулся в поисках оружия, чтобы достойно отразить нападение, которого ожидал теперь уже всерьез.

Однако в настроении зверя произошла неожиданная перемена. Он перестал рычать и выказывать другие признаки гнева, а затрясся всем косматым телом, словно одолеваемый смехом, и огромными неуклюжими передними лапами принялся тереть ухмыляющуюся морду. Хейуорд с настороженным вниманием следил за каждым его движением, как вдруг страшная голова зверя свалилась набок и на ее месте возникло честное суровое лицо разведчика, от всей души заливавшегося своим беззвучным смехом.

— Тс-с! — прервал осторожный обитатель лесов изумленное восклицание Хейуорда.— Мошенники шныряют вокруг, и любые звуки, не имеющие касательства к заклинаниям, могут привлечь сюда целую толпу!

— Но объясните же, что означает этот маскарад и почему вы отважились на такое рискованное предприятие?

— Да потому, что разум и расчет часто отступают перед случаем,— ответил Соколиный Глаз.— Но так как всякая история начинается с начала, расскажу все по порядку. Когда мы расстались, я поместил полковника и сагамора в старой бобровой хатке, где они находятся в большей безопасности от гуронов, чем в форте Эдуард: индейцы на северо-западе еще не занялись торговлей и по-прежнему почитают бобров. Затем я вместе с Ункасом, как мы и уговорились, отправился в селение делаваров. Кстати, видели вы молодого могиканина?

— К великому сожалению, да. Он взят в плен, приговорен к смерти и с восходом солнца будет казнен.

— Я предчувствовал, что мальчика ждет такая судьба,— промолвил Соколиный Глаз уже менее бодрым и веселым тоном. Впрочем, голос разведчика тут же обрел обычную твердость, и он продолжал: — Его несчастье, собственно, и привело меня сюда: нельзя же отдать такого малого в жертву гуронам! Вот бы возликовали эти мошенники, если бы им удалось привязать к одному столбу Быстроногого Оленя и Длинный Карабин, как они называют меня, хотя мне до сих пор непонятно — почему. Между оленебоем и настоящим канадским карабином разница ничуть не меньше, чем между глиняной трубкой и кремнем.

— Не уклоняйтесь в сторону,— нетерпеливо перебил Хейуорд.— Мы не знаем, когда вернутся гуроны.

— Их нечего опасаться. Знахарю, как и странствующему проповеднику в поселениях белых, полагается давать время. Нам будут чинить не больше помех, чем миссионеру в начале двухчасовой речи. Так вот, мы с Ункасом наткнулись на отряд этих мошенников, возвращавшийся в деревню, а мальчик еще не созрел для того, чтобы быть разведчиком; впрочем, особенно винить его не приходится — больно уж у него горячая кровь. К тому же один из гуронов оказался трусом, пустился наутек и тем самым вывел Ункаса на засаду.

— Дорого же поплатился этот гурон за свою слабость!

Разведчик выразительно провел ребром ладони по горлу и кивнул, словно хотел сказать: «Я понял вас»,— после чего продолжал, но уже языком не жестов, а слов, хотя и довольно сбивчиво:

— Когда мальчик исчез, я, как вы догадываетесь, насел на гуронов. Мне удалось свести счеты с несколькими отставшими их воинами, но это, как говорится, к делу не относится. Перестреляв этих бездельников, я без всяких осложнений подобрался довольно близко к гуронским хижинам. И куда же, по-вашему, привел меня счастливый случай? Именно туда, где их знаменитый колдун переодевался перед единоборством со злым духом. Впрочем, с какой это стати я именую счастливым случаем то, в чем вижу теперь промысел господень?.. Ловкий удар по голове, и обманщик на время вышел из строя. Чтобы он не поднял крик, я набил ему рот орехами вместо ужина и накрепко привязал его врастяжку к двум молодым деревцам. А чтобы дело не стояло на месте, я воспользовался пожитками этого лгуна и сам сыграл роль медведя.

— Изумительно сыграли: настоящий медведь — и тот мог бы у вас поучиться!

— Полно, майор! — возразил польщенный разведчик.— Я был бы изрядным тупицей, если бы, прожив всю жизнь в лесу, не умел изобразить движения и повадки такого немудрящего зверя! Вот будь это дикая кошка или, скажем, пума, я дал бы вам представление, на которое стоит взглянуть! Изображать же неуклюжего медведя — дело нехитрое, хотя должен сказать, что переиграть можно и в этой роли. Да, да, не каждый, кто копирует натуру, знает, что ее легче преувеличить, чем представить в подлинном виде... Но главное еще впереди. Где девушка?

— Один бог знает. Я облазил все хижины в деревне и не обнаружил никаких следов ее пребывания у этого племени.

— Но вы же слышали, что крикнул певец, удирая: «Она здесь и ждет вас».

— Я полагал, что он имеет в виду эту несчастную больную.

— Простофиля струсил и все перепутал, но, поверьте, в словах его кроется более глубокий смысл. Здесь понастроено столько стен, что хватило бы на целую деревню. Медведь умеет карабкаться, а потому заберусь-ка я наверх. Может быть, в этих скалах припрятаны горшки с медом, а я — зверь, питающий, как вам известно, пристрастие к сладкому.

Разведчик засмеялся над собственной шуткой, огляделся и полез на стену, подражая неуклюжим движениям зверя, роль которого разыгрывал, но едва выбрался наверх, как тут же знаком велел Хейуорду молчать и поспешно скатился вниз.

— Она здесь,— шепнул он.— К ней можно войти через эту дверь. Я охотно сказал бы несколько слов в утешение бедняжке, да побоялся, как бы вид такого чудовища не помутил ее разум. Впрочем, вы и сами, майор, не так уж привлекательны в этой раскраске.

Услышав столь обескураживающие слова, Дункан, который ринулся было к двери, круто остановился.

— Неужто я выгляжу так ужасно? — с нескрываемым огорчением осведомился он.

— Вы, разумеется, не испугаете волка, американским королевским стрелкам дать залп тоже не помешаете, но при всем том раньше вы были покрасивее,— отозвался разведчик.— Конечно, ваша полосатая физиономия может приглянуться индианке, но белые девушки отдают предпочтение людям одного с ними цвета кожи. Впрочем, поглядите сюда! — прибавил он, указывая на трещину в скале, откуда струилась вода, образуя кристально чистый ключ и растекаясь затем по другим щелям.— Умойтесь, и вы без труда избавитесь от мазни сагамора, а когда вернетесь, я намалюю вам новую маску. Колдун меняет свою внешность не реже, чем франт-горожанин наряд.

Охотнику не пришлось слишком долго убеждать молодого человека в разумности своего совета. Он еще не договорил, как Дункан уже начал умываться. Минуту спустя страшная, уродливая раскраска исчезла, и красивые, изысканные черты лица, которыми природа наделила Хейуорда, опять появились на свет. Приготовившись таким образом к свиданию с возлюбленной, он поспешно покинул спутника и скрылся за указанной дверью. Соколиный Глаз проводил его снисходительным взглядом и, покачав головой, негромко бросил ему вслед наилучшие свои пожелания, после чего принялся хладнокровно осматривать кладовую гуронов, так как пещера, помимо всего прочего, служила местом, где хранилась охотничья добыча.

У Дункана был теперь один проводник — мерцающий вдали свет, который, однако, вполне заменял влюбленному Полярную звезду. С помощью этого света он и вошел в гавань своих надежд,— ее представляло собой соседнее помещение, полностью предоставленное столь важной пленнице, как дочь коменданта форта Уильям-Генри. Оно было завалено всевозможным скарбом, награбленным при захвате злосчастной крепости. Среди этого хаоса Дункан увидел Алису, бледную, взволнованную, боязливую, но по-прежнему прекрасную. Давид уже подготовил ее к его посещению.

— Дункан! — вскрикнула она дрожащим голосом, словно пугаясь звука собственных слов.

— Алиса! — ответил он, перепрыгивая через ящики, картонки, оружие и мебель и подбегая к ней.

— Я знала, что вы не покинете меня, Дункан,— сказала девушка, и радость озарила ее удрученное личико.— Но вы один? Как я ни признательна вам за то, что вы не забыли меня, я все же предпочла бы видеть вас с друзьями.

Заметив, что Алиса дрожит и еле держится на ногах, Дункан ласково усадил ее и торопливо пересказал главные события, которые мы уже почли долгом изложить. Алиса слушала, затаив дыхание, и хотя молодой человек, стараясь щадить слушательницу, лишь бегло коснулся страданий ее убитого горем отца, слезы потекли по щекам дочери таким обильным ручьем, словно она плакала впервые в жизни. Однако нежные заботы Хейуорда вскоре умерили первый порыв ее отчаяния, и она дослушала до конца не только внимательно, но и почти полностью овладев собой.

— А теперь, Алиса,— заключил молодой человек,— очень многое зависит от вас. С помощью нашего многоопытного, неоценимого друга-разведчика мы ускользнем от этого дикого племени, но вам придется проявить всю твердость, на какую вы способны. Помните, что вы спешите в объятия своего достойного отца и что счастье его, равно как ваше, зависит от ваших усилий!

— Могу ли я жалеть их для отца, которому стольким обязана?

— И для меня тоже,— подхватил молодой человек, сжимая обеими руками ее нежную ручку.

Невинный и недоуменный взгляд, каким ему ответила девушка, убедил Дункана в необходимости объясниться.

— Здесь не место и не время задерживать вас признаниями, милая Алиса,— добавил он.— Но скажите, чье сердце, столь же переполненное, как мое, не пожелало бы сбросить лежащее на нем бремя? Говорят, несчастье — крепчайшее из всех уз; благодаря страданиям, которые мы с вашим отцом претерпели из-за вас, между нами мало что осталось недоговоренным.

— А моя дорогая Кора, Дункан? Надеюсь, вы не забыли о ней?

— Конечно, нет! О ней горюют так сильно, как редко горюют о женщине. Ваш благородный отец, Алиса, не делает разницы между своими детьми, но я... Вы не рассердитесь, Алиса, если я скажу, что в моих глазах ее достоинства затмеваются...

— Значит, вы не знаете достоинств моей сестры,— возразила Алиса, отдергивая руку.— Она говорит о вас как о самом дорогом своем друге!

— И я с радостью отвечу ей тем же,— поспешно согласился Дункан.— Я хочу, чтобы она стала для меня даже больше, чем другом. Но что до вас, Алиса, ваш отец позволил мне надеяться, что нас свяжут еще более близкие и дорогие для человека узы.

Девушка затрепетала и, уступая волнению, свойственному в таких случаях ее полу, на мгновение отвернулась, но быстро справилась с нахлынувшими чувствами и овладела собой настолько, чтобы не выдать их.

— Хейуорд,— сказала она, смотря ему в глаза с трогательным выражением невинности и доверия,— не требуйте от меня ответа, пока я не встречусь с отцом и не получу его благословения.

«Сказать больше я был не вправе, а меньше не мог»,— собирался уже ответить молодой человек, но его остановил легкий удар по плечу. Он вскочил на ноги, повернулся к непрошеному гостю, и взгляд его упал на темную фигуру и злобное лицо Магуа. Низкий гортанный смех дикаря показался Дункану в эту минуту адским хохотом сатаны. Поддайся майор внезапному порыву охватившего его гнева, он бы бросился на гурона и решил свою участь в смертельном поединке. Но без оружия, не зная, на какую подмогу может рассчитывать коварный противник, и вдобавок обязанный спасти девушку, ставшую с этой минуты ему еще дороже, чем раньше, молодой человек сразу же отказался от своего отчаянного намерения.

— Что вам нужно? — спросила Алиса, кротко сложив руки на груди и пытаясь скрыть мучительный страх за Хейуорда холодной сдержанностью, с какой она обычно встречала своего похитителя.

Торжествующий индеец вновь принял угрюмый вид, хотя благоразумно отступил на шаг под грозным, сверкающим взглядом майора. Секунду он пристально смотрел на пленников, затем отошел в сторону и заложил бревном дверь, но не ту, через которую появился Дункан, а другую. Молодой человек понял теперь, каким образом его захватили врасплох; он счел себя безвозвратно погибшим и, прижав к груди Алису, почти без сожалений приготовился встретить неизбежную участь,— он ведь был вместе с лю-

бимой. Но Магуа отнюдь не собирался немедленно прибегнуть к насилию. Первым делом он принял меры для того, чтобы не дать новому пленнику ускользнуть, и даже не удостоил еще одним взглядом неподвижные фигуры, стоявшие посреди пещеры, пока окончательно не лишил их малейшей надежды на бегство через потайной выход, которым воспользовался сам. Хейуорд, не выпуская из объятий хрупкий стан Алисы, следил за каждым движением краснокожего и старался сохранить твердость, не желая просить пощады: для этого он был слишком горд и, кроме того, понимал, сколь бесполезно обращаться с подобной просьбой к врагу, чьи замыслы он столько раз расстраивал. Закончив работу, Магуа вернулся к пленникам и по-английски сказал:

— Бледнолицые ловят в западни мудрых бобров, зато краснокожие умеют ловить ингизов.

— Делай свое гнусное дело, гурон! — воскликнул в бешенстве Хейуорд, забыв, что на ставке не только его жизнь.— Я презираю и тебя, и твою месть!

— Повторит ли бледнолицый эти слова у столба? — спросил Магуа и усмехнулся, давая понять, как мало он верит в решимость противника.

— Я сказал это здесь и повторю перед всем твоим племенем! — отрезал неустрашимый Хейуорд.

— Хитрая Лисица — великий вождь! — отозвался индеец.— Сейчас он позовет своих молодых воинов — пусть они посмотрят, как бледнолицый будет смеяться под пыткой.

С этими словами он повернулся и хотел уже покинуть пещеру тем путем, каким пришел Хейуорд, как вдруг чей-то грозный рев донесся до его слуха и вынудил дикаря остановиться. В дверях появился медведь и мирно уселся на пороге, по привычке раскачиваясь из стороны в сторону. Магуа, как до него отец больной женщины, внимательно посмотрел на зверя, словно силясь понять, что тот собой представляет. Хитрый индеец стоял выше предрассудков своего племени и, узнав хорошо ему знакомую одежду колдуна, с холодным презрением двинулся мимо него. Но еще более громкий и грозный рев опять заставил его остановиться. Затем, решив, видимо, что с него довольно шуток, Магуа внезапно и уверенно шагнул вперед. Тогда мнимый зверь, который тем временем подошел поближе, отступил, снова загородил проход и, встав на задние лапы, замолотил передними по воздуху, как это часто делают настоящие медведи.

— Глупец!—прикрикнул Магуа по-гуронски.— Иди забавляться с женщинами и детьми, а мужчин предоставь их мудрости.

Он вновь попытался пройти мимо предполагаемого колдуна, не сочтя даже нужным пригрозить ему острым ножом, висевшим у него на поясе. Вдруг зверь вытянул руки, вернее, лапы, и сгреб гурона в объятия, а они не уступали по силе хваленой медвежьей хватке. Хейуорд, который, затаив дыхание, наблюдал за действиями Соколиного Глаза, оставил Алису и схватил ремень из оленьей кожи, стягивавший какой-то тюк; когда же молодой человек увидел, что железные объятия разведчика приковали руки Магуа к телу, он ринулся на помощь и связал индейца, несколько раз обмотав его ремнем и проделав все это быстрее, чем мы сумели описать. Когда могучий гурон был крепко-накрепко скручен, разведчик разжал руки, и Дункан опрокинул беспомощного врага на спину.

Во время этой необычной и нежданной схватки Магуа не проронил ни слова, хотя отчаянно боролся до тех пор, пока не понял, что угодил в руки человеку, чьи нервы и мышцы несравненно крепче его собственных. Даже тогда, когда Соколиный Глаз, решив объяснить все противнику, без ненужных слов сдвинул набок косматую голову зверя и выставил напоказ свое честное суровое лицо, гурон настолько сохранил свое стоическое самообладание, что у него вырвалось лишь обычное индейское «ха!».

— Ага, вспомнил-таки, что у тебя есть язык! — невозмутимо усмехнулся победитель.— А теперь, чтобы ты на нашу погибель не воспользовался им, мне придется заткнуть тебе глотку.

Поскольку времени терять было нельзя, Соколиный Глаз немедленно принял вышепомянутую необходимую меру предосторожности, надежно заткнув индейцу рот, и теперь мог с полным основанием считать, что враг его выбыл из строя.

— Как пробрался сюда этот мошенник? — полюбопытствовал неутомимый разведчик, покончив с делом.— После того как вы ушли, ни одна живая душа не проскользнула мимо меня.

В ответ Дункан указал на дверь, через которую пришел Магуа и которая сейчас представляла собой почти непреодолимое препятствие для бегства.

— Ну, так выводите девушку,— продолжал его друг.— Мы выберемся в лес через другой вход.

— Невозможно! — возразил Дункан.— Она без чувств — страх окончательно сломил ее... Алиса! Дорогая, любимая моя Алиса, вставайте! Мы должны бежать!.. Бесполезно! Она слышит меня, но не в силах пошевелиться. Ступайте, мой достойный и благородный друг! Спасайтесь и предоставьте меня судьбе!

— Каждый след приходит к концу, каждая беда служит уроком! — отозвался разведчик.— Вот, закутайте ее в это индейское покрывало. Да, да, с головой, — девушка ведь такая маленькая.

Ножки тоже скройте, иначе они выдадут ее — в здешней глуши вторых таких не найдешь. Заворачивайте ее всю-всю. А теперь берите на руки и следуйте за мной. Остальное уже мое дело.

Дункан, как это можно было заранее предположить, с величайшей охотой повиновался, и не успел разведчик договорить, как майор поднял девушку на руки и последовал за ним. Беглецы прошли мимо больной, по-прежнему одиноко лежавшей в беспамятстве. Миновав галерею, они очутились у маленькой плетеной двери, за нею раздавался приглушенный говор, возвестивший им, что друзья и родичи больной собрались у входа и терпеливо ждут разрешения войти.

— Если я раскрою рот,— прошептал Соколиный Глаз,— мой английский язык, на котором только и подобает говорить белому человеку, выдаст мошенникам присутствие врага. Поговорите-ка с ними на вашей французской тарабарщине, майор, и скажите, что мы заперли злого духа в пещере, а женщину несем в лес, чтобы подкрепить ее там целебными кореньями. Пустите в ход всю вашу хитрость и не стесняйтесь: наше дело правое.

Дверь приоткрылась, словно кто-то прислушивался снаружи к тому, что делается внутри, и это вынудило разведчика прервать наставления. Свирепый рев тут же отогнал любопытного, после чего Соколиный Глаз смело распахнул дверь и вышел, продолжая разыгрывать роль медведя. Дункан двинулся за ним по пятам и вскоре очутился среди довольно многочисленной группы встревоженных родичей и друзей больной.

Толпа расступилась, пропустив вперед отца и еще одного молодого воина, по всей видимости, мужа больной.

— Прогнал ли мой брат злого духа? — осведомился отец.— И кто это у него на руках?

— Твое дитя,— торжественно ответил Дункан.— Злой дух вышел из нее и заперт в скале. Я несу женщину в лес, чтобы подкрепить ее и навсегда излечить. С восходом она вернется в вигвам мужа.

Когда отец перевел смысл слов чужестранца на язык гуронов, в толпе послышался сдержанный одобрительный гул: новость явно удовлетворила собравшихся. Сам вождь, знаком велев Дункану продолжать путь, принял величественную позу и твердо объявил:

— Иди! Я — мужчина; я войду в пещеру и сражусь со злым духом.

Дункан, с радостью подчинившийся ему, хотел было уйти, но, услышав эти слова, прирос к месту.

— Уж не сошел ли мой брат с ума? — воскликнул он.— Или он не жалеет свою дочь? Он встретится со злым духом, и тот либо войдет в него, либо ускользнет в лес и там снова настигнет боль-

ную. Нет, пусть дети мои ждут его здесь, у входа, и если он появится, забьют его дубинами. Он хитер и спрячется в горах, когда увидит, сколько людей готово вступить с ним в бой.

Этот странный совет возымел желательное действие. Отец и муж не вошли в пещеру, а вытащили томагавки и встали у входа, готовые отомстить мнимому мучителю больной, а женщины и дети принялись с той же целью ломать ветки и собирать камни. Лжеколдуны воспользовались благоприятным случаем и скрылись.

Хотя Соколиный Глаз рассчитывал на суеверия индейцев, он тем не менее знал, что наиболее умные вожди краснокожих скорее терпят эти предрассудки, чем разделяют их. Он хорошо понимал, насколько дорога сейчас каждая минута. Как ни глубоко было заблуждение врагов, как ни способствовало оно его планам, малейшее подозрение, возникни оно у хитрых индейцев, могло оказаться роковым. Поэтому он выбрал тропинку, где можно было меньше всего опасаться, что их заметят, и обогнул деревню, не заходя в нее. Вдали, при свете потухающих костров, еще видны были воины, переходившие от хижины к хижине. Но дети уже прекратили игры, забрались в постели из звериных шкур, и ночная тишина постепенно пришла на смену шуму и суматохе хлопотливого вечера, отмеченного такими важными событиями.

На свежем воздухе Алиса ожила, а так как изменили ей лишь силы, но отнюдь не разум, спутникам не потребовалось объяснять ей, что же, собственно, произошло.

— Пустите, я попробую идти сама,— сказала она, когда они углубились в лес, и неприметно покраснела при мысли, что так долго оставалась в объятиях Дункана.— Право, я уже могу идти.

— Нет, Алиса, вы еще чересчур слабы.

Девушка осторожно попыталась высвободиться, и Дункану нехотя пришлось расстаться со своей драгоценной ношей. Человек, скрытый сейчас под личиной медведя, разумеется, не представлял себе, какой восхитительный трепет испытывает влюбленный, несущий свою милую на руках. Столь же незнакомо ему, вероятно, было и чувство стыда, мучившее дрожащую Алису, пока они все дальше углублялись в лес. Когда беглецы оказались на изрядном расстоянии от хижин, разведчик остановился и повел речь о предмете, который знал в совершенстве.

— Эта тропинка приведет вас к ручью,— сказал он.— Идите по северному берегу, пока не доберетесь до водопада; там поднимитесь на холм справа и увидите оттуда костры соседнего племени. Ступайте к нему и просите убежища: если это настоящие делавары, вы будете в безопасности. С нежной девушкой далеко не убежишь. Гуроны пойдут по нашим следам и скальпируют нас

раньше, чем мы пройдем дюжину миль. Ступайте, и да хранит вас бог!

— А вы? — изумленно осведомился Хейуорд.— Неужели мы расстаемся с вами?

— Гуроны держат в плену гордость делаваров: в их власти последний отпрыск великих могикан! — ответил Соколиный Глаз. Я иду на разведку: надо посмотреть, что можно сделать для его спасения. Завладей они вашим скальпом, майор, за каждый ваш волос гурон заплатил бы жизнью; но если молодого сагамора поставят к столбу, краснокожие заодно увидят, как умеет умирать чистокровный белый.

Нисколько не обиженный тем явным предпочтением, какое суровый житель лесов отдавал Ункасу,— молодого вождя можно было в известной мере считать его названым сыном,— Дункан все же попытался отговорить разведчика от безнадежной затеи. Алиса помогала ему, умоляя отказаться от решения, сулившего так много опасностей и так мало надежд на успех. Соколиный Глаз слушал внимательно, но нетерпеливо и наконец прервал спор. Тоном, который тотчас же заставил Алису смолкнуть, а Хейуорду показал всю бесполезность дальнейших уговоров, он заявил:

— Я слыхал, что в молодости бывает чувство, которое привязывает мужчину к женщине крепче, нежели отца к сыну. Может, это и правда. Я редко бывал там, где живут женщины моего цвета кожи, но допускаю, что в поселениях природа проявляет себя именно так. Вы, например, тоже рисковали жизнью и всем, чем дорожите, лишь бы спасти эту нежную девушку, и я думаю, ваш поступок был вызван этим чувством. А вот я учил Ункаса обращаться с ружьем, и мальчик сполна отблагодарил меня! Мы дрались с ним плечом к плечу во многих кровавых схватках, и пока одно мое ухо внимало его ружью, а другое — ружью сагамора, я знал, что с тылу меня не возьмешь. Зимой и летом, ночью и днем бродили мы вместе по глухим лесам, ели из одной миски; пока один из нас спал, другой караулил. И прежде чем кто-нибудь скажет, что Ункаса повели на пытку, когда я был рядом... Какой бы у нас ни был цвет кожи, бог над всеми один, и я клянусь его именем, что друг оставит молодого могиканина умирать не раньше, чем на земле исчезнет верность и оленебой станет таким же безвредным, как свистулька певца!

Дункан отпустил руку разведчика, который повернулся и твердым шагом направился к хижинам. Проводив глазами его удалявшуюся фигуру, Хейуорд и Алиса, одновременно счастливые и опечаленные, двинулись вдвоем к далекому селению делаваров.

ГЛАВА XXVI

Оспова. Давайте я вам и Льва сыграю!

Шекспир. Сон в летнюю ночь [1]

Несмотря на всю свою неколебимую решимость, Соколиный Глаз прекрасно отдавал себе отчет в предстоящих ему трудностях и опасностях. Возвращаясь в деревню, он напрягал свой острый, проницательный ум в поисках способа, который помог бы ему обмануть настороженность и подозрительность врагов, не уступавших в этом отношении самому разведчику. Магуа и колдуна,—а они могли бы стать первыми жертвами, принесенными Соколиным Глазом во имя своей безопасности,— спас только цвет его кожи: разведчик считал такой поступок, вполне естественный для индейца, недостойным чистокровного белого. И, возложив упование на прочность ремней и прутьев, которыми он связал пленников, Соколиный Глаз проследовал прямо к центру селения.

По мере того как он приближался к хижинам, шаги его становились все осторожнее, а от пытливого взора его не ускользал ни один признак дружелюбия или враждебности индейцев. Чуть впереди других стояла хижина,— ее, казалось, бросили недостроенной из-за нехватки нужных материалов, скажем, бревен или воды. Однако сквозь щели пробивался слабый свет, доказывая, что сейчас, несмотря на все ее несовершенства, в ней кто-то живет. Туда и направился разведчик, словно осторожный генерал, который сам осматривает неприятельские аванпосты, прежде чем скомандовать наступление.

Опустившись на четвереньки, как положено медведю, Соколиный Глаз подкрался к небольшому отверстию в стене,— через него можно было заглянуть внутрь хижины. Она оказалась жилищем Давида Гамута. Верный учитель пения перебрался теперь сюда со всеми своими горестями, страхами и упованиями на защиту провидения. И в тот момент, когда неуклюжая фигура певца попала в поле зрения разведчика, последний, хотя и в обличье медведя, как раз был предметом глубочайших раздумий одинокого служителя искусства.

Как ни слепо верил Давид в чудеса, свершавшиеся в древности, он тем не менее отрицал возможность непосредственного вмешательства сверхъестественных сил в дела современные. Иными словами, свято веря в то, что Валаамова ослица могла заговорить, он скептически относился к пению медведя. А между тем пение

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

это было фактом, в подлинности которого он удостоверился собственными чуткими ушами! По виду и жестам певца Соколиный Глаз сразу понял, что тот пребывает в полном смятении. Давид, подперев голову руками, сидел на охапке хвороста и, подбрасывая время от времени несколько веток в чахлое пламя, предавался раздумьям. Костюм любителя музыки не претерпел изменений с тех пор, как был описан нами, если не считать того, что певец прикрыл лысую голову касторовой треуголкой, слишком непривлекательной, чтобы пробудить алчность в ком-нибудь из гуронов.

Вспомнив, с какой поспешностью Гамут покинул свой пост у постели больной, сметливый разведчик сообразил, кому посвящены сейчас печальные размышления певца. Обойдя вокруг хижины и убедившись, что она стоит на отшибе и благодаря характеру обитателя застрахована от визитеров, Соколиный Глаз собрался с духом, вошел в низенькую дверь и оказался прямо перед Давидом. Их разделял костер, и, когда разведчик уселся по другую его сторону, оба с минуту молча глядели друг на друга. Внезапное появление столь необычного посетителя оказалось непосильным испытанием для веры и твердости — не смею уж сказать «стоицизма» — Давида. Он торопливо нащупал в кармане камертон и поднялся с безотчетным намерением пустить в ход чары музыки.

— Мрачное и загадочное чудовище! — воскликнул он, надевая дрожащими руками очки и хватаясь за своего неизменного утешителя в горестях — томик столь талантливо переложенных псалмов.— Я не знаю ни тебя, ни твоих намерений, но если ты замышляешь недоброе против смиреннейшего из слуг храма, то выслушай вдохновенную речь израильского отрока и покайся!

Медведь затрясся всем косматым туловищем, после чего хорошо знакомым голосом ответил:

— Отложите свистульку и приучите глотку к воздержанию. Пяток простых и понятных английских слов стоят сейчас дороже целого часа завываний.

— Кто ты? — вопросил Давид, задыхаясь и начисто утратив способность осуществить свое намерение.

— Такой же человек, как вы, и кровь моя столь же мало смешана с медвежьей, как ваша. Неужели вы так быстро забыли, кто вернул вам дурацкую свистульку, которую вы держите в руках?

— Возможно ли? — воскликнул Давид, вздыхая свободнее, по мере того как перед ним открывалась истина.— За время пребывания у язычников я видел много чудес, но такого — еще никогда!

— Полно, полно! — прервал Соколиный Глаз, открывая свое честное лицо, чтобы окончательно убедить недоверчивого собеседника.— Посмотрите-ка на мою кожу. Она хоть не так бела, как у наших нежных леди, но все же обязана своим красным оттенком лишь солнцу да ветру поднебесному. А теперь перейдем к делу.

— Сначала расскажите про девушку и молодого человека, который так отважно искал ее,— перебил Давид.

— Они счастливо избегли томагавков этих негодяев!.. Но не можете ли вы навести меня на след Ункаса?

— Юноша связан, и, боюсь, участь его решена. Я от души скорблю, что человек с такими прекрасными задатками умрет в невежестве, и подобрал замечательный гимн...

— Можете отвести меня к нему?

— Дело нетрудное,— нерешительно отозвался Давид.— Я только опасаюсь, что ваше присутствие не облегчит его горькую судьбу, а лишь ухудшит ее.

— Довольно слов! Ведите,— скомандовал Соколиный Глаз, снова закрыл лицо и, подавая пример, первым вышел из хижины.

По дороге разведчику удалось выяснить, что благодаря своему предполагаемому безумию его спутник имеет доступ к Ункасу. Кроме того, певец снискал благосклонность одного из стражей,— индеец немного владел английским и был избран Давидом для обращения в истинную веру. Весьма сомнительно, что гурон понимал намерения своего нового друга, но поскольку исключительное внимание льстит дикарю не меньше, чем цивилизованному человеку, вряд ли стоит удивляться что оно принесло плоды. Мы считаем излишним описывать те уловки, с помощью которых разведчик выпытал все эти подробности у простодушного Давида; не станем мы останавливаться и на тех наставлениях, которые он ему дал, после того как получил нужные сведения,— это станет ясно читателю из дальнейшего повествования.

Хижина, где содержался Ункас, находилась в самой середине деревни и стояла на таком месте, что ни подойти к ней, ни выйти из нее незамеченным было невозможно. Впрочем, Соколиный Глаз и не думал прятаться. Уповая на свою личину и умение сыграть взятую на себя роль, он выбрал наиболее прямую и открытую дорогу. Однако поздний час сам по себе отчасти восполнял предосторожности, которыми так явно пренебрег разведчик. Дети давно спали крепким сном, женщины и большинство мужчин также разошлись на ночь по хижинам. Перед темницей Ункаса прохаживалось всего с полдесятка воинов, зорко наблюдавших за пленником.

Увидев Гамута в сопровождении медведя, чей облик обычно принимал один из самых почитаемых колдунов, они охотно посторонились и пропустили новоприбывших. Тем не менее ни один не выказал намерения удалиться. Напротив, их еще сильнее приковали к месту любопытство и желание поглядеть на таинственные манипуляции, которых, несомненно, следовало ожидать после прихода таких посетителей.

Поскольку разведчик был не в состоянии объясняться с гуронами на их языке, он по необходимости передоверил переговоры с ними Давиду. Несмотря на свое простодушие, певец наилучшим образом выполнил полученные инструкции и не только не обманул ожиданий своего наставника, но даже превзошел их.

— Делавары — трусливые женщины! — воскликнул он, обращаясь к дикарю, немного понимавшему по-английски.— Ингизы, мои глупые одноплеменники, приказали им поднять томагавки, чтобы убивать своих канадских отцов, и делавары забыли, что они мужчины. Хочет мой брат услышать, как Быстроногий Олень попросит дать ему юбку и зальется слезами перед гуронами, когда его поставят к столбу?

Громкое «ха!» со всей наглядностью подтвердило, что гуроны испытают немалое наслаждение, увидев такую слабость со стороны врага, которого так давно ненавидело и страшилось их племя.

— Тогда пусть он отойдет в сторону, и колдун напустит злого духа на собаку-делавара! Передай это другим моим братьям.

Гурон перевел слова Давида остальным воинам, которые, в свой черед, выслушали этот план с удовольствием, какого и следовало ожидать от людей с необузданными страстями, предвкушающих новую утонченную жестокость. Они отошли от двери и знаком разрешили колдуну войти в хижину. Но медведь отнюдь не послушался, а остался на месте и зарычал.

— Мудрый прорицатель боится, как бы дыхание его не коснулось наших братьев и не превратило их в трусов,— поспешил объяснить намек Давид.— Пусть они встанут поодаль.

Гуроны, почитавшие подобную возможность величайшим из бедствий, разом отпрянули и заняли позицию, откуда, хоть и не слыша, что́ происходит в темнице, могли продолжать наблюдение за входом в нее. Тогда, сделав вид, что он убедился в безопасности соплеменников, разведчик покинул свое место и неторопливо отправился в хижину. Там царили угрюмое безмолвие и полумрак: в помещении не было никого, кроме пленника, и освещалось оно лишь угасающим пламенем костра, на котором с вечера готовили пищу.

Ункас, крепко связанный по рукам и ногам прочными ивовыми прутьями, сидел в дальнем углу, прислонясь к стене. Когда

страшный зверь предстал перед молодым могиканином, тот не удостоил его даже взглядом. Разведчик, который оставил Давида у двери, чтобы удостовериться, не следят ли за ними, счел за благо не выходить из роли, пока не убедится, что они одни. Поэтому он не заговорил, а принялся выделывать разные штуки, характерные для изображаемого им животного. Молодой могиканин, решивший сначала, что враги впустили к нему настоящего медведя, чтобы помучить пленника и испытать его стойкость, быстро подметил несколько промахов в ужимках четвероногого, показавшихся Хейуорду столь естественными, и догадался, что это обман. Знай Соколиный Глаз, как низко оценивает его искусство столь сведущий в повадках зверей Ункас, он, наверно, затянул бы представление в пику молодому вождю. Но презрительный взгляд могиканина допускал так много толкований, что достойный разведчик не усмотрел причин для обиды. И потому, как только Давид подал условный сигнал, в хижине вместо громкого рычанья послышался тихий шипящий звук.

Ункас, который по-прежнему сидел, прислонясь к стене, уже закрыл глаза, словно желая оградить себя от мерзкого и недостойного зрелища. Но как только раздалось шипение змеи, он встрепенулся, нагнул голову и стал испытующе осматриваться, пока его зоркие глаза, словно прикованные неведомыми чарами, не остановились на косматом чудовище. Шипение повторилось, и оно — это было совершенно очевидно — исходило из пасти медведя. Ункас еще раз обвел хижину взглядом, вновь остановил его на медведе и, приглушив голос, тихо воскликнул:

— Ха!

— Разрежьте путы,— приказал Соколиный Глаз Давиду, подоспевшему к ним в эту секунду.

Певец повиновался, и Ункас почувствовал себя свободным. В то же мгновение пересохшая медвежья шкура затрещала, и Соколиный Глаз собственной персоной предстал присутствующим. Могиканин, видимо, инстинктом угадавший намерение друга, ни словом, ни взглядом не выдал своего изумления. Тем временем разведчик, распустив ремни, стягивавшие на нем косматое одеяние, сбросил его с себя, вытащил длинный сверкающий нож и вложил его в руку Ункаса.

— У хижины стоят Красные гуроны,— предупредил он.— Будем наготове.

С этими словами он выразительно указал на другой такой же нож, который, как и первый, ему удалось раздобыть у врагов.

— Идем! — сказал Ункас.

— Куда?

— К Черепахам: они дети моих предков.

— Э, мальчик! — ответил разведчик на английском языке, к которому прибегал в минуты раздумий. — В жилах у них, действительно, течет твоя кровь, но время и расстояние малость изменили ее цвет! А как нам быть с мингами, караулящими у дверей? Их шестеро, а наш певец — все равно что ничего.

— Гуроны — бахвалы! — презрительно процедил Уикас.— Их тотем — лось, но бегают они, как улитки. Делавары — дети черепахи, но могут перегнать оленя.

— Верно, мальчик, и я не сомневаюсь, что в беге ты опередишь все их племя. Делавары живут в двух милях отсюда; ты доберешься туда и даже успеешь отдышаться быстрее, чем гурон отбежит от своей хижины на такое расстояние, что в соседней деревне услышат его приближение. Но у белого человека руки работают лучше, чем ноги. Я, конечно, всегда сумею вышибить из гурона мозги, но состязаться с ними в беге мне не под силу.

Уикас, который уже подошел к двери и приготовился выйти первым, отступил и снова направился в угол хижины. Соколиный Глаз, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы заметить это, продолжал рассуждать — скорее с самим собой, чем со спутниками:

— В конце концов, неразумно, чтобы человек, наделенный каким-то даром, зависел от того, кто лишен этого дара. Словом, Уикас, ты беги, а я опять влезу в шкуру и попробую одолеть хитростью там, где не могу взять проворством.

Молодой могиканин не ответил, а скрестил руки на груди и спокойно прислонился к одному из столбов, поддерживавших стену хижины.

— Ну, что же ты мешкаешь? — удивился разведчик, взглянув на него.— У меня-то времени хватит: мошенники первым делом погонятся за тобой.

— Уикас остается,— последовал невозмутимый ответ.

— Зачем?

— Чтобы драться вместе с братом моего отца и умереть вместе с другом делаваров.

— Да, мальчик,— отозвался разведчик, стиснув железными пальцами руку Уикаса,— что там ни говори, а если бы ты покинул меня, это был бы поступок, скорее достойный минга, чем могиканина. Но я считал долгом сделать тебе такое предложение: я ведь знаю, как молодость любит жизнь. Ну, ладно, где на войне не взять в лоб, там заходят с тыла. Влезай в шкуру! Уверен, что ты изобразишь медведя не хуже, чем я.

Каково бы ни было мнение Уикаса об артистических способностях друга, его серьезное лицо не выразило даже намека на уверенность в собственном превосходстве. Он проворно натянул

на себя шкуру животного и молча стал ждать дальнейших распоряжений старшего товарища.

— А теперь, приятель,— обратился Соколиный Глаз к Давиду,— вам полезно переменить одежду: ваша мало подходит для жизни в лесах. Вот, возьмите мою охотничью рубашку и шапку, а мне отдайте свое покрывало и треуголку. Придется вам доверить мне заодно свои очки, книжку и свистульку; если мы доживем до лучших времен, вы получите все это обратно вместе с моей благодарностью.

Давид отдал названные предметы с готовностью, которая сделала бы честь его великодушию, если бы эта жертва не была ему столь выгодна во многих отношениях. Соколиный Глаз, не мешкая, облачился в одолженное ему одеяние. Его быстрые, зоркие глаза скрылись за стеклами очков, голова утонула в треуголке, и теперь при слабом свете звезд он вполне мог сойти за псалмопевца,— они были почти одного роста. Покончив с переодеванием, разведчик повернулся к Давиду для последних наставлений.

— Скажите, вы очень подвержены трусости? — не церемонясь, полюбопытствовал он, словно желая до конца уяснить себе положение вещей, прежде чем давать указания.

— Я — человек мирных занятий и по характеру, смею надеяться, склонен к любви и милосердию,— ответил Давид, несколько уязвленный столь откровенным недоверием к его мужеству.— Но никто не скажет, что я даже в самых затруднительных обстоятельствах переставал уповать на бога.

— Опаснее всего будет та минута, когда дикари поймут, что их провели. Если вам тут же не проломят голову, то в дальнейшем вам послужит защитой безумие, и у нас будут все основания полагать, что вы умрете в своей постели. Если согласны остаться, садитесь в тень и изображайте Ункаса, пока хитрые индейцы не обнаружат обман, а уж тогда, как я и предупредил, для вас настанет миг испытания. Словом, выбирайте сами, уйти или оставаться.

— Вот именно,— отчеканил Давид.— Я остаюсь вместо делавара. Он храбро и великодушно сражался за меня, и я готов не только на это, но и на гораздо большее, лишь бы оказать ему услугу.

— Вот это речь мужчины и человека, из которого могло бы выйти что-нибудь путное, получи он воспитание поразумней. Опустите голову и подберите ноги: они у вас такие длинные, что могут раскрыть правду раньше времени. Молчите как можно дольше, а уж если придется заговорить, лучше всего внезапно разразитесь гимном, чтобы напомнить гуронам о своем безумии. А если, несмотря ни на что, они снимут с вас скальп, хотя я думаю и верю,

что этого не случится, помните: мы с Ункасом не забудем вас и отомстим, как подобает воинам и верным друзьям.

— Погодите! — вскричал Давид, выслушав эти уверения и заметив, что разведчик с Ункасом собираются уйти.— Я недостойный и смиренный последователь того, кто возбранил нам руководствоваться греховной жаждой мести. Посэтому если я погибну, не приносите кровавых жертв моим останкам и простите моих убийц. А уж коли вам доведется поминать их, поминайте в молитвах, умоляя господа не дать им закоснеть в невежестве и лишиться вечного блаженства!

Разведчик смущенно остановился.

— В ваших словах есть резон,— произнес он наконец.— Правда, они противоречат закону лесов, но если призадуматься, желание ваше благородно и прекрасно.— Затем, тяжело вздохнув и, вероятно, в последний раз вспомнив о той жизни, с которой давно расстался, прибавил: — Я тоже хотел бы мыслить так, как полагается чистокровному белому, но с индейцем не всегда можно обращаться тем же манером, что с христианином. Да благословит вас бог, друг мой! Мне кажется, вы идете по верному пути, если, конечно, хорошенько поразмыслить о нем да иметь перед глазами вечность. Впрочем, многое тут зависит от способностей, какими тебя наградила природа, и от соблазнов, которые тебе приходится преодолевать.

С этими словами разведчик сердечно пожал Давиду руку и, засвидетельствовав таким образом свою дружбу, поспешно покинул хижину в обществе новоявленного медведя.

Как только Соколиный Глаз попал в поле зрения гуронов, он тотчас же вытянулся во весь рост, чтобы больше походить на Давида, поднял руку, принялся отбивать ею такт и в подражание псалмопевцу затянул нечто, напоминающее гимн.

К счастью для самого разведчика и успеха его рискованного предприятия, ему пришлось иметь дело с ушами, мало искушенными в сладкозвучной гармонии, иначе жалкие потуги Соколиного Глаза немедленно выдали бы его. Беглецам предстояло пройти в опасной близости от кучки дикарей, и по мере приближения к ним голос поющего становился все громче. Когда гуроны оказались совсем близко, тот из них, что говорил по-английски, протянул руку и остановил мнимого учителя пения.

— Что с собакой-делаваром? — спросил он, наклонившись и стараясь сквозь мглу прочитать ответ на лице певца.— Он испугался? Гуроны услышат его стоны?

Зверь зарычал так свирепо и натурально, что гурон отдернул руку и отступил, словно желая удостовериться, кто же перед ним — человек, притворяющийся медведем, или настоящий медведь.

Соколиный Глаз, опасавшийся, как бы голос его не навел хитрых врагов на подозрения, с радостью воспользовался случаем и разразился залпом таких музыкальных звуков, какие в более утонченном обществе были бы названы какофонией. Однако у неискушенных слушателей эти звуки лишь снискали ему еще большее уважение, в котором дикари никогда не отказывают людям, страдающим помрачением рассудка. Кучка гуронов разом подалась назад, пропустив тех, кого они приняли за колдуна и его вдохновенного помощника.

Ункас и разведчик вынуждены были продолжать путь той же размеренной, величавой походкой, а это требовало немалого самообладания; особенно трудно им стало, когда они заметили, что любопытство караульных взяло верх над страхом и гуроны приблизились к хижине, чтобы взглянуть, как подействовали заклинания на пленника. Малейшее неосторожное или нетерпеливое движение Давида могло выдать их, разведчику же для спасения необходимо было выиграть время. Громкое пение — а Соколиный Глаз счел за благо не прекращать его — привлекло к дверям близлежащих хижин немало любопытных; несколько раз под носом у беглецов дорогу пересекали смутлые воины, движимые суеверием или бдительностью. Однако никто не остановил уходивших: ночной мрак и дерзость предприятия оказались самыми надежными их покровителями.

Разведчик и могиканин уже выбрались из деревни и приближались к опушке леса, когда из хижины, служившей темницей Ункасу, донесся громкий протяжный вопль. Молодой вождь вздрогнул, и косматая шкура на нем заходила так, словно зверь, которого он изображал, собирался сделать какое-то отчаянное усилие.

— Постой! — сказал Соколиный Глаз, хватая друга за плечо.— Пусть завопят еще раз! Это был только крик изумления.

Однако медлить им не пришлось: в следующую же секунду новый взрыв криков огласил воздух и разнесся по всему селению. Ункас сбросил медвежью шкуру и вновь предстал во всей красе своей гибкой, идеально сложенной фигуры. Разведчик потрепал его по плечу и скользнул вперед.

— Ну, а теперь пусть эти дьяволы идут по нашему следу!— объявил он, вытащил из-под куста два ружья со всем необходимым снаряжением и, передав одно из них Ункасу, потряс оленебоем над головой.— По крайней мере, двое из них живыми не вернутся.

Беглецы опустили ружья, как это делают охотники, готовясь преследовать зверя, и углубились в непроглядный мрак леса.

ГЛАВА XXVII

Антоний
Не забуду.
Исполню все, что Цезарь повелит.
Шекспир. Юлий Цезарь[1]

Как мы уже видели, любопытство дикарей, оставшихся у темницы Ункаса, победило в них боязнь пострадать от дыхания колдуна. Осторожно, с замиранием сердца они подобрались к щели, через которую пробивался слабый свет костра. Несколько минут они принимали Давида за пленника, но затем все произошло так, как предвидел Соколиный Глаз. Устав сидеть в скорченной позе, певец понемногу начал вытягивать свои длинные ноги, пока одной из них не отгреб в сторону потухающие угли. Сперва гуроны подумали, что сила чар преобразила делавара. Но когда Давид, не подозревавший, что за ним наблюдают, повернул голову и краснокожие увидели его кроткое, простодушное лицо вместо сурового и надменного лица Ункаса, все сомнения туземцев, несмотря на свойственное им легковерие, окончательно рассеялись. Они ринулись в хижину, бесцеремонно повернули пленника к свету и тотчас же убедились, что их обманули. Вот тогда и раздался крик, услышанный беглецами. За ним последовал еще один; в нем уже звучали ярость и жажда мести. Как ни тверд был Давид в своей решимости прикрыть бегство друзей, но сейчас он поверил, что наступает его смертный час. У него не было больше ни томика псалмов, ни камертона, но он прибег к помощи памяти, редко изменявшей ему в делах песнопения, и попытался облегчить себе переход в лучший мир, громко и пылко исполнив первую строфу заупокойного гимна. Звуки эти своевременно напомнили индейцам о его умственном расстройстве, и краснокожие выбежали из хижины, подняв всю деревню на ноги неистовыми воплями.

Туземный воин не носит никаких доспехов и сражается в той же одежде, в какой спит. Поэтому не успел раздаться сигнал тревоги, как двести человек были уже на ногах, готовые к погоне или к бою — в зависимости от того, что от них потребуется. Весть о бегстве пленника разнеслась почти мгновенно, и все племя сгрудилось вокруг хижины совета, нетерпеливо ожидая распоряжений вождей. Сейчас, когда от последних требовалась вся их мудрость, они вряд ли могли обойтись без хитрого Магуа. Имя его полетело из уст в уста, и все оглядывались, удивляясь, куда он запропастил-

[1] Перевод М. Зенкевича.

ся. Наконец к нему в хижину отправили гонцов с требованием немедленно явиться.

Тем временем наиболее проворные и сметливые из молодых воинов получили приказ обойти прогалину, держась под прикрытием леса, и проверить, не замышляют ли недоброе их соседи-делавары.

Женщины и дети метались взад и вперед, все становище было охвачено неописуемым смятением. Однако мало-помалу порядок начал восстанавливаться, и через несколько минут старейшие и наиболее влиятельные вожди уже собрались в хижине совета.

Вскоре шум голосов возвестил о приближении небольшого отряда; теперь можно было ожидать сведений, проливающих свет на загадочный побег. Толпа расступилась, и в хижину ввалилась кучка воинов, неся на руках злополучного колдуна, которого разведчик так долго продержал в прискорбной неволе.

Хотя гуроны по-разному относились к этому человеку — одни считали его обманщиком, другие слепо верили в его могущество, сейчас все они без исключения слушали знахаря с глубочайшим вниманием. Когда он закончил свой краткий рассказ, вперед выступил отец больной женщины и, в свой черед, сжато и кратко поведал то, что было известно ему. Два эти рассказа направили по нужному руслу дальнейшие поиски, которые велись теперь с осмотрительностью и хитростью, столь свойственными дикарям.

Гуроны даже не подумали броситься всей толпой к пещере, а, выбрав десять самых умных и смелых вождей, поручили им осмотреть ее. Времени терять было нельзя, и выбранные воины тут же молча покинули хижину. У входа в пещеру младшие вожди пропустили вперед старших, и все двинулись в глубь темной низкой галереи с твердостью истинных бойцов, готовых пожертвовать собой ради общего блага, хотя втайне побаивались той неведомой силы, с какой им предстояло встретиться.

В первом помещении пещеры по-прежнему царили мрак и безмолвие. Женщина лежала там же и в той же позе, хотя среди присутствующих были люди, совсем недавно уверявшие, будто ее на их глазах унес в лес «врачеватель бледнолицых». При виде столь явного и неоспоримого доказательства того, что история, поведанная отцом больной, оказалась небылицей, на него устремились все взгляды. Раздраженный этим немым обвинением и в глубине души смущенный таким необъяснимым обстоятельством, вождь подошел к постели, наклонился и недоверчиво посмотрел дочери в лицо, как будто все еще сомневаясь, она ли это. Женщина была мертва.

На мгновение естественное чувство скорби заглушило в старом воине все остальные, и он сокрушенно закрыл глаза ру-

кой. Затем, овладев собою, оглянулся, указал на труп и воскликнул:

— Жена моего молодого воина покинула нас! Великий дух разгневан на своих детей!

Печальная весть была встречена торжественным молчанием. После короткой паузы один из самых старых индейцев хотел было заговорить, как вдруг из соседнего помещения, прямо под ноги гуронам, выкатился какой-то темный предмет. Не зная, с чем им придется иметь дело, краснокожие отшатнулись и растерянно таращили глаза, пока неведомое существо не остановилось под слабым лучом света, где, отчаянно извиваясь, приподняло голову и явило взорам искаженное, но по-прежнему свирепое и угрюмое лицо Магуа. За этим открытием последовал единодушный громкий крик изумления.

Однако, едва гуроны уяснили себе истинное положение Хитрой Лисицы, в воздухе сверкнули ножи, и вождь был мгновенно освобожден от пут и кляпа во рту. Магуа встал и встряхнулся, как лев, покидающий логово. С уст его не сорвалось ни слова, только рука судорожно сжимала рукоятку ножа да прищуренные глаза пытливо всматривались в лица присутствующих, словно он искал, на ком бы выместить злобу.

К счастью для Ункаса, разведчика и даже Давида, Магуа не мог в эту минуту дотянуться до них, потому что даже стремление насладиться утонченной жестокостью не отсрочило бы сейчас их смерти — они пали бы под ударами дикаря, буквально задыхавшегося от беспредельной ярости. Но, видя вокруг лишь лица друзей, он заскрежетал зубами и смирил свой гнев за неимением жертвы, на которую мог бы обрушить его. Состояние Магуа не ускользнуло от взоров присутствующих, и, опасаясь еще больше раздражить вождя, без того уже дошедшего до бешенства, несколько минут никто не произносил ни слова. Лишь когда прошло достаточное время, старейший из вождей отважился заговорить:

— Мой друг встретил врага. Скажи, где он, и гуроны отомстят ему.

— Пусть делавар умрет! — загремел Магуа.

Вновь воцарилось долгое выразительное молчание, которое, как и прежде, с надлежащей осторожностью прервал все тот же вождь:

— У могиканина быстрые ноги и длинный прыжок, но мои воины идут по его следу.

— Он убежал?— спросил Магуа сдавленным гортанным голосом, словно исходившим из самых сокровенных глубин его существа.

— Злой дух появился среди нас, и делавар сумел ослепить наши глаза.

— Злой дух! — с горечью передразнил Магуа.— Этот дух лишил жизни многих гуронов, убил моих молодых воинов у водопада, снял с них скальпы у целебного источника, а теперь связал руки Хитрой Лисице.

— О ком говорит мой друг?

— О собаке с белой кожей, но с отвагой и хитростью гурона — о Длинном Карабине.

Упоминание этого грозного имени, как обычно, произвело на слушателей сильное впечатление. Но когда, поразмыслив, воины сообразили, что отважный и страшный враг дерзнул пробраться в самое сердце их лагеря, изумление сменилось неудержимой яростью, и бешенство, клокотавшее в груди Магуа, тотчас же охватило его соплеменников. Одни злобно скрежетали зубами, другие дали выход своим страстям в диких воплях, третьи бешено размахивали кулаками, словно нанося удары ненавистному врагу. Но внезапная вспышка ярости быстро уступила место угрюмому, сдержанному молчанию, которое индейцы обычно хранят, когда бездействуют.

Магуа, в свой черед, тоже успел обдумать случившееся, взял себя в руки и заговорил с видом человека, знающего, что надо делать в столь серьезных обстоятельствах.

— Идемте к моему народу, — сказал Лисица. — Он ждет нас.

Спутники безмолвно повиновались, и, покинув пещеру, кучка дикарей вернулась в хижину совета. Когда присутствующие расселись, все взоры устремились на Магуа, дав ему понять, что он должен рассказать о случившемся с ним. Лисица встал и, ничего не искажая и не утаивая, изложил всю историю. Таким образом, уловка, к которой прибегли Дункан и Соколиный Глаз, полностью раскрылась, и даже наиболее суеверные из индейцев не сомневались больше в истинном характере происшедшего. Было совершенно ясно, что гуронов провели самым оскорбительным, наглым и постыдным для них образом. Когда Магуа кончил и опустился на свое место, племя — так как послушать Лисицу собрались, в сущности, все воины — долго не вставало с мест: гуроны переглядывались с видом людей, в равной мере пораженных как дерзостью, так и успехом врагов. Затем краснокожие принялись обдумывать возможности и способы мести.

По следу беглецов послали еще один отряд, а вожди открыли совет. Старейшие из них сделали немало предложений, которые Магуа выслушал в почтительном молчании. Хитрый дикарь полностью обрел обычное самообладание и теперь осторожно и ловко

шел к своей цели. Высказал он свое мнение не прежде, чем выступили все, кто желал говорить. Мнение это приобрело особую весомость, потому что кое-кто из посланных на разведку воинов уже вернулся и сообщил: следы беглецов, вне всякого сомнения, ведут в соседнюю деревню делаваров, считающихся союзниками гуронов. Воспользовавшись преимуществом, которое давала ему эта важная новость, Магуа осторожно изложил свои планы; как следовало ожидать при его хитрости и красноречии, они были приняты без единого возражения. Из дальнейшего будет видно, что планы эти были подсказаны Лисице прежде всего расчетом.

Мы уже говорили, что согласно правилу, от которого дикари редко отступают, сестер разлучили сразу же по прибытии в становище гуронов. Магуа давным-давно смекнул, что, держа в плену Алису, он приобретает весьма действенное средство влиять на Кору. Поэтому он оставил младшую при себе, а старшую, представлявшую для него бóльшую ценность, вверил надзору союзного племени. Пребывание Коры у соседей, естественно, рассматривалось как временное; Магуа пошел на это отчасти для того, чтобы польстить союзникам, отчасти из нежелания отступать от индейских обычаев.

Беспрестанно снедаемый жаждой мести, которая вообще редко дремлет в сердце дикаря, он тем не менее не упускал из виду и собственную выгоду. В молодости он совершил ряд проступков, в частности, изменил родному племени, теперь же ему предстояло искупать их, чтобы вернуть себе доверие своего народа, а завоевать авторитет у индейцев, не пользуясь их доверием, невозможно. В этом трудном и щекотливом положении умный дикарь не пренебрегал никакими средствами, чтобы усилить свое влияние на соплеменников. Наибольшей его удачей на этом пути был блестящий успех попыток установить добрые отношения с могучим и опасным соседом — племенем делаваров. Этот успех как нельзя лучше оправдал ожидания Магуа: ведь гуронам тоже не чужд был всеобщий закон природы, побуждающий нас оценивать дарования человека в зависимости от того, как оценивают их ближние.

Однако, идя на немалые жертвы ради того, чтобы завоевать общественное мнение, Лисица ни на минуту не забывал о собственных интересах. Последним же был нанесен немалый ущерб непредвиденными событиями, которые разом лишили его власти над своими пленниками, и теперь он был вынужден заискивать перед теми, кому еще недавно всячески давал понять, насколько они ему обязаны.

Некоторые вожди предлагали коварно и внезапно напасть на делаваров, захватить их деревню и вернуть пленников, поскольку

все единодушно считали, что интересы и честь племени, равно как загробный покой и блаженство погибших сородичей, требуют незамедлительной мести и жертв. Однако подобные планы были сопряжены с такой большой опасностью, а надежда на успех настолько сомнительна, что Магуа без труда удалось отклонить их. С обычным своим красноречием он доказал, насколько они обманчивы и рискованны, и, опровергнув таким образом все мнения, невыгодные для него, изложил собственный план.

Речь он начал с того, что польстил самолюбию слушателей, а это, как известно, наивернейшее средство овладеть вниманием любой аудитории. Приведя много примеров храбрости и мужества, которые проявили гуроны, мстя за нанесенные им обиды, он произнес похвальное слово мудрости. Хитрый индеец заявил, что именно это достоинство отличает бобра от других зверей, людей от животных и, наконец, гуронов от остальных народов. Воздав хвалу благоразумию, он объяснил, как проявить его в тех обстоятельствах, в каких находится сегодня племя. С одной стороны, напомнил Лисица, существует их Великий Белый Отец, губернатор Канады, и он смотрит суровыми глазами на своих детей, с тех пор как они окрасили томагавки кровью; с другой, племя, не менее многочисленное, чем гуроны, которое говорит на ином языке, имеет иные интересы, не любит своих соседей и будет радо любому предлогу навлечь на них гнев Великого Белого Отца. Затем Магуа заговорил о нуждах гуронов, о наградах, каких они вправе ожидать за прошлые заслуги, о том, как они еще далеки от родных селений и охотничьих угодий, и, наконец, о том, что в таком критическом положении следует скорее внять голосу осторожности, чем следовать велениям сердца. Однако, заметив, что пожилые люди одобряют его умеренность, но многие из наиболее свирепых и прославленных воинов слушают с хмурым видом, он ловко перевел разговор на более приятную для последних тему. Он открыто заявил, что плодом, который принесет гуронам их мудрость, будет полная победа над врагами. Он даже туманно намекнул, что при надлежащей предусмотрительности успех может превзойти ожидания, и племя уничтожит всех, кого имеет причины ненавидеть. Одним словом, Хитрая Лисица умудрился так переплести воинственные призывы с лукавством и хитростью, что угодил обеим сторонам и укрепил каждую в ее надеждах, хотя ни одна из сторон не могла бы похвастаться, что ясно понимает его стремления.

Оратор или политик, способный добиваться таких результатов, как бы ни относилось к нему потомство, всегда популярен у современников. Все уразумели, что Магуа имеет в виду больше, чем сказал, и каждый тешил себя мыслью, что недосказанное отвечает его собственным чаяниям.

Не удивительно, что при таком благоприятном стечении обстоятельств мнение Магуа взяло верх. Племя согласилось действовать осмотрительно и в один голос поручило руководить делом вождю, предложившему столь мудрый и многообещающий план.

Магуа достиг наконец великой цели своих хитростей и уловок. Он полностью вернул себе расположение своего народа и даже стал во главе его. По существу, он был теперь правителем и, пока сохранял свою популярность, ни один монарх не мог пользоваться более неограниченной властью, чем он, особенно сейчас, когда племя еще находилось на вражеской территории. Поэтому он прервал совет и принял уверенный, властный вид для поддержания своего достоинства в новом положении.

Во все стороны были отправлены разведчики, в лагерь делаваров послали лазутчиков с наказом выведать намерения соседей; воинов распустили по домам, но предупредили, что услуги их могут скоро понадобиться; женщинам и детям велели удалиться и поменьше болтать. Приняв эти меры, Магуа прошел по лагерю и заглянул в те хижины, владельцам которых могло польстить его посещение. Он поддержал уверенность в друзьях, победил недоверие колеблющихся и угодил всем. Затем он вернулся к себе. Жена, которую Магуа бросил, когда был изгнан из племени, умерла. Детей у него не было, и теперь он жил один. Хижина его представляла ту самую полуразвалившуюся постройку на отшибе, где нашел себе пристанище Давид, и в те редкие минуты, когда Магуа встречался с псалмопевцем, он с презрительным равнодушием и высокомерным превосходством терпел его присутствие.

Сюда и удалился Магуа, покончив с государственными делами. Гуроны улеглись спать, но он не сомкнул глаз и не искал отдыха. Если бы нашелся человек, достаточно любопытный, чтобы понаблюдать за новоизбранным вождем, он увидел бы, что Магуа, обдумывая свои планы, просидел в углу хижины всю ночь вплоть до часа сбора воинов. По временам ветер, пробивавшийся сквозь щели, раздувал слабое пламя тлеющего костра, и тогда трепещущий свет озарял одинокую фигуру индейца. В такие минуты хмурого дикаря нетрудно было представить себе князем тьмы, раздумывающим о своих мнимых обидах и замышляющим зло.

Задолго до рассвета воины один за другим потянулись в одинокое жилище Магуа, и вскоре там собралось человек двадцать. Хотя раскраска у всех была мирная, каждый захватил с собой ружье и боевые припасы. Появление этих свирепых людей не оторвало Магуа от его раздумий. Некоторые расселись по темным углам, другие, словно неподвижные статуи, в полном молчании встали у стен, ожидая, пока весь отряд окажется налицо.

Наконец Магуа встал, подал знак следовать за ним и первым двинулся в путь. Воины шли за предводителем гуськом, в том хорошо известном порядке, который получил название «индейской цепочки». В отличие от остальных народов, выступающих на войну с шумом и гамом, краснокожие выскользнули из лагеря тихо и незаметно, походя скорее на скользящие призраки, чем на воинов, намеренных стяжать себе славу отчаянно смелыми подвигами.

Магуа повел отряд к становищу делаваров не прямой дорогой, а направился берегом извилистого ручья к бобровой запруде. Когда гуроны вышли на прогалину, расчищенную этими умными, трудолюбивыми животными, уже начало рассветать. Хотя Магуа облачился в свой прежний наряд из звериных шкур с изображением лисы, в отряде был воин, чья одежда была украшена изображением бобра, его личного тотема. Со стороны этого воина было бы кощунством пройти мимо столь большой общины своих предполагаемых родичей, не засвидетельствовав им почтение. Поэтому он остановился и произнес такую ласковую и дружескую речь, как будто обращался к существам, наделенным разумом. Он назвал животных братьями и напомнил, что лишь благодаря его влиянию и заступничеству они остаются невредимы в дни, когда множество жадных торговцев подбивают индейцев убивать их. Он обещал и впредь быть им защитой и призвал их не забывать о признательности. После этого он сообщил о цели настоящей экспедиции и намекнул, хотя с величайшей деликатностью и не без околичностей, что бобрам не худо бы поделиться с родичами частицей своей прославленной мудрости.

Товарищи воина выслушали это необычное обращение так серьезно и внимательно, словно все они были равно убеждены в его уместности. Над поверхностью воды несколько раз мелькнули черные головы, к явному удовольствию гурона, полагавшего, что эти слова не пропали даром. В ту минуту, когда он закончил речь, из отверстия в хатке, глиняные стены которой настолько разрушились, что она показалась дикарям необитаемой, высунулась голова крупного бобра. Оратор счел добрым предзнаменованием такой необычайный знак доверия и, хотя животное тут же спряталось, не поскупился на благодарности и похвалы.

Когда Магуа решил, что на изъявление родственных чувств потеряно уже достаточно времени, он знаком приказал тронуться дальше. Индейцы удалились шагом, не слышным для обыкновенного уха, и тогда все тот же почтенный бобер еще раз отважился высунуться из своего жилища. Если бы кто-нибудь из гуронов обернулся, он бы увидел, что животное следит за их маршем с любопытством и наблюдательностью, которые легко можно было при-

нять за признаки разумности. В самом деле, движения и повадки бобра были настолько осмысленны, что самый опытный наблюдатель — и тот затруднился бы объяснить это явление. Но едва последний воин скрылся в лесной чаще, все стало понятно. Бобер вылез из хатки, выпрямился, и из-под накинутой на голову шкуры выглянуло суровое, настороженное лицо Чингачгука.

ГЛАВА XXVIII

Только покороче, прошу вас. Сейчас время для меня очень хлопотливое.

Шекспир. Много шума из ничего [1]

Племя, или, вернее, полплемени, делаваров, о котором мы так часто упоминали и которое сейчас расположилось лагерем неподалеку от становища гуронов, могло выставить примерно столько же воинов, что и последние. Подобно соседям, оно вторглось с Монкальмом во владения английской короны и совершало смелые и дальние набеги на охотничьи угодья могауков, хотя со свойственной индейцам загадочной предусмотрительностью умудрилось воздержаться от помощи чужеземцам в момент, когда те особенно в ней нуждались. Французы объясняли такое неожиданное отступление от союзнических обязательств различными причинами. Наиболее общепринятое мнение сводилось к тому, что делавары поступили так из уважения к старинному договору. Согласно этому договору они когда-то находились под защитой оружия ирокезов, почему и не хотели сейчас воевать со своими былыми покровителями. Что до самих делаваров, то они ограничились тем, что с индейской лаконичностью передали Монкальму: «Томагавки наши притупились, и, чтобы отточить их, нужно время». Дипломатичный правитель Канады счел, что лучше иметь бездеятельных друзей, чем превращать их в открытых врагов неуместной суровостью.

В то утро, когда Магуа вел свой молчаливый отряд мимо колонии бобров в лес, солнце, взойдя над селением делаваров, озарило людей, хлопотливо предававшихся обычным повседневным занятиям. Женщины бегали из хижины в хижину: одни стряпали, другие убирались, третьи же — и таких было большинство — сходились кучками, чтобы наспех перемолвиться словечком с подругами. Воины стояли группами, не столько беседуя, сколько предаваясь размышлениям, а если время от времени и произносили несколько фраз, то делали это с глубокомысленным видом

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

людей, взвешивающих каждое слово. Между хижинами валялось всякое охотничье снаряжение, но на охоту покамест никто не собирался. То тут, то там воины осматривали свое оружие со вниманием, которое индеец редко уделяет этому занятию, если ему предстоит встреча только с лесными зверями. Порою целая группа воинов разом устремляла взгляды на большую безмолвную хижину в центре деревни, словно она и являлась предметом общих раздумий.

В эту минуту на дальнем конце скалистого плато, где расположился лагерь, неожиданно возник человек. Он был безоружен, и раскраска скорее смягчала, чем усугубляла природную суровость его угрюмого и примечательного лица. Оказавшись в пределах видимости, он остановился, в знак дружелюбия поднес руку ко лбу, а затем выразительно прижал ее к груди. Делавары ответили на приветствие сдержанным шумом голосов и такими же дружелюбными жестами пригласили пришельца подойти поближе. Ободренный теплым приемом, смуглый незнакомец покинул край естественной скалистой террасы, где он стоял, вырисовываясь на фоне заалевшего утреннего неба, и с достоинством проследовал на середину становища. Ступал он бесшумно, и приближение его возвещали только позвякивание серебряных украшений на его руках и шее да звон бубенчиков, окаймлявших его мокасины из оленьей кожи. На ходу он приветливо здоровался со встречными мужчинами, не обращая, однако, никакого внимания на женщин, словно считал, что ему не нужно завоевывать их расположение для успеха дела, по которому он прибыл. Поравнявшись с группой воинов, состоявшей, судя по их надменному виду, из главных вождей племени, он остановился, и делавары увидели, что этот осанистый быстроногий пришелец — не кто иной, как Хитрая Лисица, хорошо знакомый им вождь гуронов.

Встретили его угрюмо, молчаливо и настороженно. Стоявшие впереди воины расступились, давая дорогу лучшему оратору делаваров, владевшему всеми языками северных туземцев.

— Мудрый гурон — наш желанный гость,— начал делавар на языке макуасов.— Он пришел, чтобы отведать сакетеш вместе со своими озерными братьями?

— Он пришел,— подтвердил Магуа, наклоняя голову с величавостью восточного государя.

Вождь протянул ему руку, и они еще раз обменялись дружеским приветствием. Затем делавар пригласил гостя к себе в хижину, чтобы разделить с ним утреннюю трапезу. Предложение было принято, и оба вождя в сопровождении нескольких стариков молча удалились. Как ни хотелось оставшимся узнать причину столь необычного посещения, они ни словом, ни жестом не выдали своего нетерпения.

За недолгой и скудной трапезой разговор велся крайне осторожно: беседа шла главным образом об охоте, в которой недавно участвовал Магуа. Люди самого утонченного воспитания — и те не смогли бы принять гостя непринужденней и учтивее, чем это удалось делаварам, хотя каждый из хозяев прекрасно понимал, что посещение Магуа продиктовано какими-то тайными и немаловажными для их племени соображениями. Когда собравшиеся утолили голод, а женщины убрали блюда и тыквенные бутыли, обе стороны приготовились к щекотливому и трудному словесному поединку.

— Обратил ли снова свое лицо мой Великий канадский Отец к его детям гуронам? — осведомился делаварский златоуст.

— А разве он отвращал его?— отпарировал Магуа.— Он называет мой народ любимейшим своим сыном.

Делавар молча наклонил голову в знак согласия с тем, что, как он прекрасно знал, было заведомой ложью, и продолжал:

— Томагавки ваших молодых воинов густо окрасились кровью!

— Это правда. Но сейчас они снова блестят и затупились: ингизы мертвы, а делавары — наши соседи!

Собеседник ответил на этот миролюбивый комплимент учтивым жестом и смолк. Магуа, сделав вид, что намек на резню навел его на мысль об одном из ее последствий, полюбопытствовал:

— Не доставляет ли моя пленница слишком много хлопот моим братьям делаварам?

— Мы рады ей.

— Тропа от делаваров к гуронам коротка и нахожена; если пленница беспокоит моих братьев, отошли ее к моим женщинам.

— Мы рады ей,— еще выразительней повторил вождь делаваров.

Магуа растерялся и на несколько секунд замолчал, стараясь всем своим видом выразить полное безразличие к отказу, на который натолкнулся при первой же попытке вернуть Кору.

— Оставляют ли делаварам в горах мои молодые воины достаточно места для охоты? — спросил он наконец.

— Ленапе сами хозяева у себя в горах,—раздался несколько высокомерный ответ.

— Это хорошо. Среди краснокожих царит справедливость! Зачем им чистить томагавки и точить ножи друг на друга? Разве с них мало бледнолицых врагов?

— Верно! — в один голос воскликнули несколько слушателей.

Магуа выждал, чтобы слова его успели смягчить делаваров, и лишь потом добавил:

— Не наткнулись ли мои братья в лесах на следы чужих мокасин? Не попадались ли им отпечатки ног белых?

— Пусть мой канадский Отец приходит,— уклончиво отозвался хозяин.— Его дети рады встретиться с ним.

— Великий вождь приходит в вигвамы индейцев, чтобы выкурить с ними трубку. Гуроны тоже рады ему. Но у ингизов длинные руки, а ноги их не знают усталости! Моим молодым воинам показалось, что они заметили следы ингизов у становища делаваров.

— Ингизы не застанут ленапе спящими.

— Это хорошо. Воин, чьи глаза открыты, видит врага,— одобрил Магуа, снова меняя тему: он убедился, что ему не перехитрить собеседника.— Я принес моему брату подарки. Его племя не встало на тропу войны, потому что не сочло нужным, но друзья его не забыли, где оно живет.

Объявив о своих щедрых намерениях, хитрый вождь гуронов поднялся и с торжественным видом разложил подарки перед ослепленными глазами хозяев. Подарки эти представляли собой главным образом дешевые безделушки, сорванные с убитых и пленных женщин из форта Уильям-Генри. В распределении их лукавый гость проявил не меньше искусства, чем в выборе. Самые ценные он преподнес двум старейшим вождям, одним из которых был хозяин хижины, а остальные роздал более молодым с такими любезными и кстати сказанными комплиментами, что никто не смог считать себя обиженным. Одним словом, вся эта церемония столь удачно воззвала и к алчности и к самолюбию, что коварный Магуа без труда прочел в глазах собеседников результаты своей щедрости, так обильно сдобренной лестью.

Хорошо рассчитанный дипломатический ход Хитрой Лисицы немедленно возымел действие. Делавары отбросили обычную суровую сдержанность, и на лицах у них появилось более сердечное выражение; хозяин же, с особенным удовольствием разглядывая доставшуюся ему щедрую долю подарков, подчеркнуто выразительно проговорил:

— Мой брат — мудрый вождь. Мы рады ему.

— Гуроны любят своих друзей делаваров,— подхватил Магуа.— И почему бы им не любить? Тех и других окрасило одно и то же солнце, а праведные люди обоих племен будут по смерти охотиться на одних и тех же угодьях. Краснокожие должны дружить и открытыми глазами следить за бледнолицыми... Не встречал ли мой брат соглядатаев в лесу?

Делавар, чье имя в переводе на английский означало «Твердое Сердце», забыл, что вероятнее всего заслужил свое прозвище

упорством и неподатливостью. Лицо его подобрело, и на этот раз он удостоил гостя более определенным ответом:

— Возле моего лагеря проходили чужие мокасины. Следы их ведут в мои хижины.

— Брат мой прогнал собак? — спросил Магуа, ничем не напомнив вождю о его прежних уклончивых ответах.

— Так не годится. Чужеземец — всегда желанный гость для ленапе.

— Чужеземец, но не лазутчик.

— Неужели ингизы делают лазутчиками женщин? Разве вождь гуронов не сказал, что в сражении он захватил пленниц?

— Он сказал правду. Ингизы подослали сюда лазутчиков. Они побывали в моих вигвамах, но никто не принял их как гостей. Тогда они убежали к делаварам. Они говорят: «Делавары — наши друзья; их души отвернулись от их канадского Отца».

Эти слова попали прямо в цель и в более цивилизованном обществе принесли бы Магуа славу искусного дипломата. Недавнее поведение племени, как было известно делаварам, вызвало недовольство их французских союзников, которые дали почувствовать, что впредь будут относиться к ним с недоверием. Даже не вдаваясь в тонкости политики, нетрудно было понять, что при таком положении вещей любая провинность делаваров могла навлечь на них неприятности. Их родные дальние деревни, охотничьи угодья, сотни женщин и детей, равно как значительная часть воинов находились на французской территории. Поэтому тревожная весть, как и рассчитывал Магуа, была принята если уж не с испугом, то с явным беспокойством.

— Пусть мой канадский Отец посмотрит мне в лицо — он не увидит там перемены,— возразил Твердое Сердце.— Правда, мои молодые воины не вышли на тропу войны: вещие сны воспретили им сделать это. Но они любят и чтут великого белого вождя.

— Поверит ли он им, если узнает, что его опаснейший враг скрывается в лагере его детей? Что будет, если ему скажут, что проклятый ингиз курит трубку у вашего костра? Что бледнолицый, убивший стольких его друзей, свободно разгуливает по вашему становищу? Нет, мой Великий канадский Отец не так глуп!

— Где же этот ингиз, которого так боятся делавары? — возразил собеседник.— Кто убивал моих молодых воинов? Кто смертельный враг моего великого отца?

— Длинный Карабин.

При упоминании этого хорошо известного имени делавары встрепенулись, доказав своим удивлением, что только сейчас узнали, что в их власти человек, стяжавший такую славу среди индейских союзников Франции.

— Что хочет сказать мой брат? — спросил Твердое Сердце удивленным голосом, разительно отличавшимся от спокойного и бесстрастного тона, свойственного обычно людям его расы.

— Гурон никогда не лжет,— холодно отчеканил Магуа, прислонившись к стене хижины и запахивая плащ на груди.— Пусть делавары пересчитают пленных — среди них они найдут одного, чья кожа не красна, но и не бела.

Последовало долгое молчание. Затем вождь посовещался в стороне с соплеменниками и отправил гонцов с приказом собрать на совет наиболее заслуженных воинов.

Вызванные один за другим начали входить в хижину, и вождь по очереди знакомил каждого с важной новостью, только что сообщенной Магуа. Все как один с изумлением выслушали ее, издавая обычное негромкое гортанное «ха!». Весть передавалась из уст в уста, пока наконец волнение не охватило все становище. Женщины бросили работу и с жадностью ловили каждое слово, нечаянно срывавшееся с уст воинов. Мальчишки прекратили игры и бесстрашно шныряли среди взрослых, любопытными и восхищенными взглядами встречая краткие изумленные восклицания, которые без стеснения издавали их отцы, поражаясь дерзости ненавистного врага. Словом, дела были заброшены, и мужчины, равно как женщины, оторвались от повседневных занятий, чтобы — каждый на свой лад — открыто излить обуревавшие их чувства.

Когда страсти несколько поостыли, старейшины принялись серьезно обсуждать, что же именно следует предпринять для охраны чести и безопасности племени в данных щекотливых и затруднительных обстоятельствах. Во время всей этой суеты и сумятицы Магуа не только не двинулся с места, но и сохранил прежнюю позу, неподвижную и внешне равнодушную, словно ему было совершенно безразлично, чем кончится дело. Однако ни один признак, по которому можно было судить о намерениях хозяев, не ускользал от его бдительного взора. В совершенстве изучив характер тех, с кем имел дело, Хитрая Лисица предвидел все их возможные решения; мы не побоимся даже сказать, что во многих случаях он угадывал намерения делаваров еще до того, как последние сами успевали осознать их.

Совет закончился быстро. Сразу же после этого всеобщая суматоха возвестила, что теперь последует общее и торжественное собрание племени. Поскольку такие собрания созывались редко и лишь в самых важных случаях, хитрый гурон, все еще сидевший поодаль, коварно и мрачно наблюдая за происходящим, понял теперь, что планы его близятся к завершению. Он покинул хижину и молча проследовал на окраину лагеря, куда уже начали стягиваться воины.

Примерно через полчаса все, не исключая детей и женщин, заняли свои места. Задержка произошла потому, что такое необычно торжественное собрание требовало не менее серьезных приготовлений. Но когда солнце встало над вершиной горы, на склоне которой был разбит лагерь делаваров, большинство их уже расселось, и яркие лучи дня, пробившись сквозь листву окаймлявших плато деревьев, осветили настороженные, внимательные, глубоко заинтересованные лица такой огромной толпы, какую не часто встретишь на заре. Число собравшихся перевалило за тысячу.

Серьезный характер подобной сходки у дикарей исключает возможность появления среди них нетерпеливого честолюбца, готового втянуть слушателей в необдуманный или неблагоразумный спор ради того, чтобы покрасоваться перед племенем. Подобная самонадеянность и бестактность навсегда погубили бы репутацию даже человека незаурядного. Излагать собранию обсуждаемый предмет имели право только старейшие и опытнейшие. Пока один из них не заговорил первым, ни воинские подвиги, ни природные дарования, ни репутация оратора не оправдали бы молодого человека, решившегося прервать молчание. Однако на этот раз престарелый воин, которому предстояло открыть совещание, долго безмолвствовал, подавленный, по-видимому, значительностью события. Молчание длилось уже гораздо дольше обычной паузы, предшествовавшей совету, но ни один мужчина, ни даже самый младший из мальчуганов не проявлял признаков удивления или нетерпения. По временам кто-нибудь поднимал потупленные глаза и бросал взор на одну из хижин, ничем не отличавшуюся от других, если не считать того, что она была с особой тщательностью защищена от непогоды.

Наконец по рядам пробежал тихий шепот, столь способный подчас взволновать толпу, и племя, словно повинуясь единому порыву, разом поднялось на ноги. В ту же секунду дверь хижины распахнулась, и три человека не спеша направились к месту, где происходил совет. Все они были старше даже самого старого из присутствующих, а тот, что шел посредине, опираясь на спутников, достиг возраста, дожить до которого редко удается человеку. Стан его, некогда высокий и стройный, как кедр, согнулся под бременем более чем ста лет жизни. Он уже не ступал, как бывало, легкой, упругой походкой индейца, а медленно передвигал отяжелевшие ноги, дюйм за дюймом преодолевая расстояние. Темное морщинистое лицо его удивительно резко контрастировало с длинными белоснежными кудрями, ниспадавшими на плечи так обильно, будто с тех пор, как он стригся в последний раз, прошло не одно поколение.

Наряд этого патриарха, потому что возраст, равно как любовь

и влияние, которыми старец пользовался у своего народа, дают право называть его именно так, был богат и внушителен, хотя не отличался покроем от одежды простых индейцев. Он был сшит из тончайшей кожи, выделанной из звериных шкур и украшенной изображениями его былых воинских подвигов. Грудь старца была увешана серебряными и даже золотыми медалями, полученными за долгую жизнь от разных христианских правителей. На руках и ногах его поблескивали золотые браслеты. На голове, сплошь покрытой волосами, так как старик давно уже не участвовал в походах, он носил нечто вроде серебряной диадемы, в свой черед украшенной драгоценностями. Сверкая среди трех выкрашенных в черный цвет страусовых перьев, они создавали трогательный контраст с белоснежными прядями волос. Острие его томагавка почти исчезало под накладным серебром, а рукоятка ножа горела, словно рог из массивного золота.

Как только поутих взволнованный и радостный гул, которым было встречено появление всеми почитаемого старца, из уст в уста шепотом полетело имя Таменунд. Магуа не раз доводилось слышать о славе этого мудрого и справедливого делавара; ему даже приписывали редкий дар — способность общаться с Великим духом. Позднее имя его, в слегка искаженной форме, перешло к белым захватчикам древних владений его племени и стало означать вымышленного святого, покровителя нашего обширного государства. Поэтому Магуа отделился от толпы и занял место впереди нее, чтобы получше рассмотреть лицо человека, чье решение могло сильнейшим образом повлиять и на судьбу самого вождя гуронов.

Глаза старца были закрыты, словно устали слишком долго взирать на эгоистическую игру человеческих страстей. Цвет его кожи был не такой, как у всех: она казалась темней и богаче оттенками, так как почти все тело было покрыто тонкими переплетающимися линиями татуировки, которые образовывали сложные и красивые фигуры. Хотя Магуа выдвинулся вперед, мудрый делавар прошел мимо, не обратив ни малейшего внимания на молчаливого и настороженного гурона; опираясь на двух почтенных спутников, он проследовал к холмику, вокруг которого расположились делавары, и сел посреди своего народа с видом отца и достоинством монарха.

Трудно представить себе чувство, превосходящее по глубине ту любовь и благоговение, с какими племя встретило появление человека, скорее принадлежавшего уже к иному миру. После подобающей долгой паузы наиболее заслуженные вожди поднялись и стали поочередно класть его руку себе на голову, словно почтительно прося благословения. Молодые воины довольствовались

тем, что прикасались к его одежде, а то и просто останавливались поблизости, чтобы подышать одним воздухом с таким престарелым, справедливым и доблестным человеком. Но даже эту церемонию разрешалось проделывать лишь немногим из них, кто уже успел отличиться; большинство же почитало за счастье хотя бы взглянуть на человека, столь уважаемого и любимого. Оказав старцу все знаки преданности и почтения, вожди вновь заняли свои места, и во всем лагере воцарилось глубокое молчание.

Немного подождав, один из спутников Таменунда шепотом отдал какое-то распоряжение нескольким юношам; те встали, покинули сходку и вошли в хижину, привлекавшую к себе всеобщее внимание в продолжение целого утра. А еще через несколько минут они возвратились, ведя к судилищу людей, ставших причиной всех этих торжественных приготовлений. Толпа раздалась, давая проход пленникам; когда же они прошли, она вновь сомкнулась.

ГЛАВА XXIX

Собрание уселось, и Ахилл
К царю народов слово обратил.

Поп. Илиада

Впереди пленников стояла Кора, держа Алису за руки со всей нежностью, на какую только способна любящая сестра. Хотя великодушную девушку стеной окружали грозные ряды свирепых дикарей, никакие опасения не могли заставить ее оторвать взор от бледного, встревоженного личика дрожащей Алисы. Подле них поместился Хейуорд, который в эту минуту пугающей неизвестности одинаково волновался за обеих сестер, вряд ли отдавая предпочтение той из них, кого так горячо любил. Соколиный Глаз встал несколько позади из уважения к общественному положению спутников; он помнил об этом даже сейчас, перед лицом одинаково нависшей над всеми ними угрозы. Ункаса среди них не было.

Когда вновь установилось полное молчание, один из двух старейших вождей, сидевших по бокам патриарха, встал и после обычной долгой многозначительной паузы осведомился на вполне сносном английском языке:

— Кто из моих пленников Длинный Карабин?

Ни Дункан, ни разведчик не ответили. Однако первый обвел взглядом молчаливую толпу и невольно отшатнулся, увидев злобное лицо Магуа. Майор сразу сообразил, что подлый дикарь имеет какое-то тайное касательство к вызову их на совет племени, и решил сделать все, чтобы разрушить его злокозненные планы. Он уже был однажды очевидцем быстроты, с какой индейцы вершат

расправу, и сейчас смертельно боялся, как бы разведчика не постигла подобная участь. Встав перед этой грозной дилеммой и не имея времени на размышления, он тут же решил выручить верного друга хотя бы ценой собственной жизни. Но не успел он раскрыть рот, как тот же вождь вновь, еще громче и отчетливей, повторил свой вопрос.

— Дайте нам оружие и поставьте вон там, у леса,— надменно ответил молодой человек.— Пусть за нас говорят наши дела.

— Значит, ты и есть тот воин, чье имя так давно звучит у нас в ушах? — спросил вождь, разглядывая Хейуорда с интересом, который всегда пробуждается в человеке при встрече с ближним, стяжавшим громкую славу благодаря своим заслугам, добродетелям, преступлениям или просто счастливой случайности.

— Что привело белого человека к делаварам?

— Нужда. Я пришел в поисках пищи, крова и друзей.

— Этого не может быть. Леса полны дичи; воину не нужно иного крова, чем ясное небо; делавары же враги, а не друзья ингизам. Довольно! Язык твой говорит, но сердце отмалчивается.

Дункан, не находя возражений, несколько растерялся и смолк, но разведчик, который внимательно прислушивался к разговору, смело выступил вперед и взял слово.

— Я не отозвался на прозвище Длинный Карабин не из стыда или трусости, потому что честный человек не знает этих чувств,— начал он.— Но я не считаю мингов вправе давать кличку тому, кому друзья за его природные дарования дали другое имя. Да и прозвище это — сущая ложь: оленебой — никакой не карабин, а простое ружье. Но я, действительно, тот человек, кого родители нарекли Нэтениэлом, делавары, живущие на своей реке, называют лестным именем Соколиный Глаз, а ирокезы кличут Длинным Карабином, не испросив на этот счет согласия наиболее заинтересованного лица.

Взоры присутствующих, до сих пор с любопытством направленные на Хейуорда, разом обратились к высокой, словно отлитой из железа фигуре нового претендента на прославленное имя. В том, что честь называться им оспаривали двое, ничего удивительного не было: самозванцы попадались и среди туземцев, хотя сравнительно редко. Но для справедливых и суровых делаваров было весьма важно не допустить здесь ошибки. Старейшины тихо посовещались и, видимо, решили допросить на этот счет гостя гурона.

— Мой брат сказал, что в наш лагерь прокралась змея,— обратился один из них к Магуа.— Кого из двоих он имел в виду?

Гурон молча указал на разведчика.

— Неужели мудрый делавар верит вою волка?— воскликнул Дункан, еще более убеждаясь во враждебных намерениях заклятого своего недруга.— Собака никогда не лжет, но слыхано ли, чтобы волк говорил правду?

В глазах Магуа вспыхнуло пламя, но, вовремя вспомнив, как важно ему сохранять самообладание, он лишь презрительно отвернулся, уверенный, что проницательные делавары не преминут установить истину. Он не ошибся: вновь и недолго посовещавшись с вождями, осторожный делавар вторично обратился к гурону и объявил ему — правда, в самой вежливой форме — их решение:

— Моего брата обозвали лжецом, и его друзья рассердились. Они хотят показать, что он говорил правду. Пленникам дадут ружья — пусть они докажут, кто из них Длинный Карабин.

Магуа притворился, будто в этом решении, продиктованном, как он сам понимал, недоверием к нему, он видит знак учтивости, и жестом выразил согласие, заранее радуясь, что правдивость его слов подтвердит столь меткий стрелок, как разведчик. Друзьям-соперникам немедленно вручили ружья и предложили выстрелить над головами сидевшей толпы в глиняный сосуд, случайно забытый на пне, ярдах в пятидесяти от места, где они стояли.

При мысли о состязании с разведчиком Хейуорд втайне улыбнулся, хотя и решил настаивать на своем обмане, пока не узнает намерений Магуа. Вскинув ружье, он с величайшим тщанием трижды прицелился и спустил курок. Пуля задела пень в нескольких дюймах от сосуда, и всеобщий возглас одобрения возвестил, что выстрел был сочтен бесспорным доказательством умения пользоваться оружием. Даже Соколиный Глаз кивнул головой, словно хотел сказать, что выстрел оказался лучше, чем он ожидал. Но вместо того, чтобы выразить намерение потягаться с удачливым стрелком, он оперся на ружье и с минуту стоял, погруженный в глубокое раздумье. Однако из этого состояния его вскоре вывел один из молодых воинов, который, тронув пленника за плечо, осведомился на крайне ломаном английском языке:

— Может бледнолицый выстрелить лучше?

— Да, гурон! — воскликнул разведчик, обращаясь к Магуа, и, подняв правой рукой короткое ружье, погрозил им дикарю с такой легкостью, словно это была тростинка.— Да, гурон, я мог бы сейчас прикончить тебя, и никакая земная сила не помешала бы этому! Сокол, парящий над горлицей,— и тот не так уверен в том, что настигнет свою жертву, как я в том, что могу всадить тебе пулю в сердце. А почему бы и не всадить ее? Почему? Да только потому, что мне запрещают это моя белая кожа и страх

навлечь беду на головы нежных, ни в чем не повинных созданий! Если ты знаешь, что такое бог, возблагодари его от глубины души — у тебя есть на то причина!

Вспыхнувшее лицо и горящие глаза выпрямившегося во весь рост разведчика вселили тайный трепет во всех, кто слушал его. Делавары ждали, затаив дыхание, но сам Магуа, хотя и не верил в снисхождение со стороны врага, по-прежнему стоял среди окружавшей его толпы так спокойно и недвижимо, словно прирос к месту.

— Стреляй! — повторил молодой делавар, стоявший рядом с разведчиком.

— Куда стрелять, дурень? Куда? — вскричал Соколиный Глаз, вновь потрясая ружьем над головой, но уже не глядя на Магуа.

— Если бледнолицый — тот, за кого выдает себя, пусть попадет ближе к цели,— сказал старый вождь.

Разведчик громко, язвительно расхохотался, изумив Хейуорда этим необычным для Соколиного Глаза смехом, перекинул ружье на вытянутую левую руку, и оно, словно от сотрясения, тут же выстрелило, вдребезги разбив глиняный сосуд и разбросав осколки вокруг пня. Не успело ружье отгрохотать, как разведчик пренебрежительно швырнул его наземь.

В первую секунду этот мастерский выстрел вызвал у собравшихся единодушное восхищение. Затем по толпе пробежал тихий ропот, который, все нарастая, превратился в крики, выражавшие весьма различные чувства. Кое-кто открыто восторгался столь беспримерной меткостью, но подавляющее большинство племени было склонно считать удачу стрелка простой случайностью. Хейуорд не замедлил присоединиться к мнению, благоприятствовавшему его целям.

— Это случайность! — воскликнул он.— Не целясь, нельзя попасть в мишень.

— Случайность? — возбужденно повторил разведчик, решив любой ценой отстаивать подлинность своей личности и потому не обращая внимания на знаки, украдкой подаваемые Хейуордом.— А вон тот лживый гурон тоже считает это случайностью? Дайте ему ружье, поставьте нас лицом к лицу без всякого прикрытия и прочих уловок, и пусть спор решат провидение и наши собственные глаза! Я не делаю этого предложения вам, майор, потому что кожа наша одного цвета и служим мы одному властелину.

— То, что гурон — лжец, совершенно очевидно,— невозмутимо согласился Хейуорд.— Вы же сами слышали, как он утверждал, будто вы и есть Длинный Карабин.

Трудно угадать, какие веские доводы привел бы Соколиный Глаз в упрямых попытках отстоять свое подлинное лицо, если бы снова не вмешался старый делавар.

— Сокол, спустившийся из-под облаков, может опять взлететь, когда захочет,— сказал он.— Дайте им ружья.

На этот раз разведчик схватился за ружье с откровенной жадностью, и опасения Магуа, зорко наблюдавшего за каждым движением стрелка, окончательно рассеялись.

— А теперь, перед лицом всего племени делаваров, докажем, кто из нас лучший стрелок! — вскричал разведчик, постукивая по дулу пальцем, столько раз спускавшим роковой курок.— Видите тыквенную бутыль, что висит вон там, на дереве, майор? Прострелите ее, если вы стрелок, годный для службы на границе.

Дункан взглянул на указанную ему мишень и приготовился к новому испытанию. Бутыль представляла собой обычный небольшой индейский сосуд и висела на ремне из оленьей кожи на суке невысокой сосны, стоявшей в доброй сотне ярдов от соревнующихся. Самолюбие — чувство настолько странное и сложное, что молодой офицер, прекрасно сознавая, как мало для него значит похвала судей-дикарей, тем не менее настолько поддался желанию отличиться, что начисто забыл о причинах состязания. Как мы уже видели, стрелял он неплохо, а сейчас еще тверже решил не ударить в грязь лицом. Если бы даже от этого выстрела зависела его жизнь, он и тогда не смог бы прицелиться более тщательно и осторожно. Дункан выстрелил, несколько молодых индейцев ринулись к мишени и громкими криками возвестили, что пуля попала в дерево почти рядом с бутылью.

— Недурно для офицера американской королевской армии!— одобрил Соколиный Глаз, заливши своим беззвучным добродушным смехом.— Но если бы мое ружье часто вот так же брало в сторону от цели, немало куниц, чьи шкурки пошли на дамские муфты, разгуливало бы до сих пор по лесу и не один проклятый минг, отправившийся на тот свет, доныне выкидывал бы свои дьявольские фокусы! Надеюсь, у хозяйки бутыли есть в вигваме еще одна, потому что эта больше не удержит воду.

Говоря это, разведчик насыпал пороху на полку и взвел курок. Окончив речь, он выдвинул ногу для упора и медленно поднял ствол. Движения его были спокойными, плавными, размеренными. Оказавшись на нужном уровне, дуло на секунду застыло в воздухе, словно и человек и ружье были высечены из камня. В этот момент полной неподвижности из дула вырвалась струя яркого пламени. Молодые индейцы вторично метнулись к сосне, но их разочарованный вид после недолгих поисков показал, что пули они не нашли.

— Уходи отсюда, волк в шкуре собаки! — с отвращением бросил разведчику старый вождь.— Я буду говорить с Длинным Карабином ингизов.

— Эх, будь у меня в руках ружье, принесшее мне это прозвище, я бы не стал портить бутыль, а просто перебил ремень, чтобы она свалилась с дерева! — произнес Соколиный Глаз, нисколько не смущенный словами делавара.— Дурни, если вы хотите найти пулю настоящего стрелка из здешних лесов, ищите ее не около мишени, а в ней самой!

Молодые индейцы тотчас же поняли его, потому что на этот раз он говорил по-делаварски, сорвали бутыль с дерева и высоко подняли ее над головой, с восторженными криками указывая на отверстие в дне сосуда, пробитое пулей, которая вошла в горлышко и вышла с другой стороны. Это неожиданное зрелище исторгло у присутствовавших на совете воинов неистовый, оглушительный вопль восхищения. Выстрел, разрешивший спор, утвердил за Соколиным Глазом его опасную репутацию: любопытные, восторженные взгляды, ранее обращенные на Хейуорда, устремились теперь на обветренное лицо разведчика, который немедленно стал главным предметом внимания окружавших его простых, непосредственных натур. Когда внезапное возбуждение поутихло, старый вождь возобновил допрос.

— Зачем ты затыкал мне уши? — обратился он к Дункану.— Разве делавары — глупцы, не умеющие отличить молодую пуму от кошки?

— Они еще поймут, сколь фальшиво пение такой птицы, как гурон,— ответил Дункан, силясь подражать образному языку индейцев.

— Хорошо. Мы узнаем, кто пробует затыкать людям уши. Брат,— добавил вождь, поворачиваясь к Магуа,— делавары слушают.

Теперь, когда от него прямо потребовали изложить свои намерения, гурон встал, вышел на середину круга с решительным, полным достоинства видом и, остановившись перед пленниками, приготовился говорить. Но прежде чем открыть рот, он медленно обвел глазами живое кольцо торжественных лиц, словно подбирая выражения, наиболее понятные его слушателям. На разведчика он взглянул враждебно, но уважительно; на Дункана — с непримиримой ненавистью; Алису же, едва державшуюся на ногах, вообще не удостоил внимания. Но когда взор его упал на непреклонную, величавую и все-таки прекрасную Кору, Магуа долго не мог оторвать от нее глаз, и выражение, появившееся на его лице, трудно было бы определить. Затем, подстегнутый своими мрачными замыслами, он заговорил на языке жителей

Канады, который, как он знал, был понятен большинству слушателей.

— Дух, создавший людей, дал им кожу разного цвета,— начал хитрый гурон.— Одни чернее неуклюжего медведя. Этих он создал рабами, повелев им всю жизнь трудиться, как трудятся бобры. Когда дует ветер с юга, вы можете слышать их стоны, более громкие, чем мычанье бизонов; они разносятся вдоль берегов великого соленого озера, по которому большие пироги возят толпы этих людей. Других он наделил лицом, что светлее лесного горностая: этим он приказал быть торговцами, собаками у своих женщин и волками для своих рабов. Он уподобил их природу голубиной: крылья их не знают усталости; плодовиты они так, что детей у них больше, чем листьев на дереве; алчность же их такова, что они готовы проглотить вселенную. Он наградил их языком, лживым, как мяуканье дикой кошки, сердцем зайца, хитростью свиньи — не лисицы! — и руками длиннее ног лося. Язык их затыкает индейцу уши; сердце учит нанимать чужих воинов, чтобы те дрались за них; хитрость подсказывает им, как завладеть богатствами; а руки захватывают землю от берегов соленых вод до островов на великом озере. Они страдают ненасытностью. Великий дух дал им достаточно, но они хотят иметь все. Таковы бледнолицые. Третьих Великий дух создал с кожей ярче и краснее солнца,— продолжал Магуа, выразительно указывая вверх на огненное светило, пробивавшееся сквозь туман на горизонте,— и этих он сотворил по своему подобию. Он дал им землю такой, какой создал ее,— покрытой лесами и полной дичи. Ветер корчевал для них деревья, солнце и дождь растили плоды, а снег напоминал им, что они должны быть благодарны творцу. Им не нужны были дороги, чтобы путешествовать; они видели сквозь горы! Бобры трудились, а они лежали в тени и любовались работой этих зверей. Ветер освежал их летом, звериные шкуры согревали зимой. Если они и сражались между собой, то лишь затем, чтобы доказать, что они — мужчины. Они были храбры, они были справедливы, они были счастливы.

Здесь оратор остановился и еще раз обвел собрание взглядом, проверяя, завоевал ли он симпатии слушателей своим рассказом. Все взоры были прикованы к нему, головы высоко подняты, ноздри раздувались, словно каждый присутствующий чувствовал себя способным и готовым даже в одиночку отомстить за причиненное его расе зло.

— Правда, Великий дух дал своим краснокожим детям разные языки,— продолжал Магуа тихим, ровным, печальным голосом,— но сделал так для того, чтобы понимать их могли все животные. Одних он поселил в снегах вместе с их двоюродным бра-

том медведем. Других — в стране заходящего солнца на пути к угодьям счастливой охоты. Третьих — на землях у пресных вод, но самому великому, самому любимому своему народу отдал песчаные отмели соленого озера. Известно ли моим братьям имя этого избранного народа?

— Это были ленапе! — одновременно вскрикнуло голосов двадцать.

— Это были лениленапе,— подтвердил Магуа, притворно склоняя голову перед их былым величием.— Это были племена ленапе! Солнце вставало из соленой воды и закатывалось в пресную, никогда не скрываясь от их глаз. Но зачем мне, лесному гурону, пересказывать мудрому народу его предания? Зачем напоминать о нанесенных ему обидах, о былом величии, подвигах, славе, несчастьях, потерях, поражениях и беде? Разве нет среди них человека, который видел это сам и знает, что это правда? Я сказал. Язык мой умолк, но уши открыты.

Когда голос говорившего внезапно стих, все лица и глаза в едином порыве устремились к почтенному Таменунду. С той минуты, как он занял свое место, уста патриарха еще ни разу не дрогнули, и он не подавал никаких признаков жизни. Согнувшись от слабости, и, по-видимому, не сознавая, где находится, он безмолвно сидел все время, пока проверялось удивительное искусство Соколиного Глаза. Однако при звуках хорошо поставленного размеренного голоса Магуа он проявил некоторые признаки внимания и даже раза два поднял голову, словно прислушиваясь. Когда же хитрый гурон назвал имя его племени, веки старца приподнялись, и он посмотрел на толпу пустым, ничего не выражающим взглядом призрака.

Затем он сделал попытку подняться и, поддержанный спутниками, встал на ноги, приняв исполненную достоинства повелительную позу, хотя его и шатало от слабости.

— Кто вспомнил здесь о детях ленапе? — спросил он низким, гортанным голосом, который благодаря царившей в толпе гробовой тишине казался поразительно громким.— Кто говорит о делах прошлого? Разве яйцо не становится личинкой, чтобы та стала мухой и погибла? Зачем напоминать делаварам о том хорошем, что позади? Не лучше ли возблагодарить Маниту за то, что у них осталось?

— Это был вейандот и друг Таменунда,— ответил Магуа, подходя ближе к возвышению, на котором стоял старик.

— Друг? — повторил мудрец, мрачно нахмурившись, что сразу придало его лицу суровость, делавшую его таким грозным в более молодые года.— Разве землей правят минги? Что привело сюда гурона?

— Жажда справедливости. Его пленники здесь, у его братьев, и он пришел за тем, что принадлежит ему.

Таменунд повернул голову к одному из своих спутников и выслушал его краткие объяснения. Затем взглянул на просителя, некоторое время с глубоким вниманием рассматривал его, а затем тихо и сдержанно ответил:

— Справедливость — закон великого Маниту. Накормите чужестранца, дети мои. А потом, гурон, бери то, что тебе принадлежит, и уходи.

Объявив это торжественное решение, патриарх снова сел и закрыл глаза, словно ему доставляло больше радости созерцать образы прошлого, воскресавшие в его неисчерпаемой памяти, чем видеть людей реального мира. Среди делаваров не нашлось ни одного человека, достаточно смелого, чтобы возроптать на приговор старца, а уж тем более открыто оспорить его. Едва он кончил говорить, как полдюжины молодых воинов, набросившись сзади на Хейуорда и разведчика, так быстро и ловко скрутили их ремнями, что белые не успели опомниться, как уже оказались крепко связаны. Дункан был слишком поглощен заботами о почти потерявшей сознание Алисе, чтобы заметить их намерения, прежде чем они были выполнены; разведчик же, считавший даже враждебную англичанам часть делаваров существами более высокого порядка, нежели остальные индейцы, подчинился без сопротивления. Возможно, однако, что Соколиный Глаз и не проявил бы такой покорности, если бы хорошо понимал язык, на котором шел разговор, предшествовавший этому событию.

Магуа окинул собрание торжествующим взглядом и лишь потом приступил к дальнейшему осуществлению своих замыслов. Убедившись, что пленники-мужчины не в силах оказать сопротивление, он посмотрел на ту, кого ценил больше всех. Кора встретила его взгляд так спокойно и твердо, что решимость дикаря поколебалась. Но тут, припомнив прежнюю свою удачную уловку, он принял Алису из рук воина-делавара, сделал Хейуорду знак следовать за ним и двинулся в расступившуюся толпу. Однако против его ожиданий Кора не подчинилась, а бросилась к ногам патриарха и громко воскликнула:

— Справедливый и почтенный делавар, мы просим защиты у твоей мудрости и могущества! Не верь речам этого коварного безжалостного чудовища! Он отравляет твой слух ложью, чтобы утолить жажду мести. Ты, проживший так долго и видавший, сколько зла творится на земле, не можешь не помочь несчастным.

Глаза старца медленно раскрылись, и он опять посмотрел на толпу. Когда звучный голос просительницы достиг его слуха, он медленно перевел глаза на девушку, и взор его остался прико-

ванным к ней. Кора стояла перед ним на коленях, прижав руки к груди и напоминая собой прекрасную живую статую, олицетворяющую всю прелесть женственности; глаза ее с благоговением смотрели на увядшие, но величавые черты старца. Мало-помалу выражение лица Таменунда изменилось: в отсутствующем взгляде вспыхнуло восхищение, в глазах засверкал тот ум, который сто лет назад позволял вождю заражать своим юношеским пылом многочисленные отряды делаваров. Поднявшись без посторонней помощи и, видимо, без всякого усилия, он спросил голосом, чья твердость поразила слушателей:

— Кто ты?

— Женщина, принадлежащая к ненавистному тебе племени ингизов, но никогда не причинившая вреда ни тебе, ни твоему народу, которому не может повредить, если бы даже хотела. Она просит твоего заступничества.

— Скажите, дети мои,— хрипло продолжал патриарх, обращаясь к окружающим, но по-прежнему не отрывая взгляд от коленопреклоненной Коры,— где разбили сейчас свой лагерь делавары?

— В ирокезских горах, вблизи прозрачных вод Хорикэна.

— Много раз приходило и уходило знойное лето с тех пор, как я в последний раз пил воду из своей реки,— продолжал мудрец.— Дети Микуона — самые справедливые люди среди белых, но жажда одолела их, и они забрали эту реку себе. Неужели они и здесь преследуют нас?

— Мы никого не преследуем и ничего не домогаемся,— пылко возразила Кора.— Нас силой взяли в плен, привели к вам, и мы просим лишь отпустить нас с миром к нашим родным. Разве ты не Таменунд, отец, судья, я чуть не сказала — пророк своего народа?

— Да, я — Таменунд, проживший много-много дней.

— Лет семь тому назад один из твоих воинов оказался в руках белого вождя на границе этой провинции. Он сказал, что принадлежит к племени доброго и справедливого Таменунда. «Иди,— ответил белый вождь.— Я возвращаю тебе свободу ради твоих родных». Помнишь ты имя этого английского военачальника?

— Я помню, что, когда был еще веселым мальчишкой,— отозвался патриарх с той глубокой сосредоточенностью, какая отличает старческие воспоминания,— я стоял на песчаном берегу и увидел большую пирогу с крыльями белее, чем у лебедя, и шире, чем у многих орлов сразу. Она приплыла оттуда, где восходит солнце...

— Нет, нет, я говорю не о таких далеких временах, а о ми-

лости, оказанной одним из моих родственников твоему. Это не могут не помнить даже самые молодые твои воины.

— Быть может, это было в дни, когда ингизы дрались с голландцами за охотничьи угодья делаваров? Тогда Таменунд был вождем и первым сменил лук на мечущее молнии оружие бледнолицых...

— Нет, и не тогда, а гораздо позже,— вновь перебила его Кора.— Я говорю о недавних, можно сказать, о вчерашних делах. Ты, конечно, не мог это забыть.

— Только вчера дети ленапе были владыками мира,— возразил старец глухим голосом, в котором зазвучали трогательные патетические ноты.— Рыбы соленого озера, птицы, звери и лесные менгуэ чтили их как своих сагаморов.

Кора безнадежно опустила голову и с минуту боролась с охватившим ее отчаянием. Но затем, подняв прелестное лицо и лучистые глаза, она опять заговорила тоном едва ли менее проникновенным, чем неземной голос самого патриарха:

— Скажи, Таменунд, ты — отец?

Старец с высоты холмика посмотрел на нее со снисходительной улыбкой на исхудалом лице и, медленно обведя глазами присутствующих, ответил:

— Да, я отец своего народа.

— Я ничего не прошу для себя,— продолжала Кора, судорожно прижав руки к сердцу и склонив голову, так что ее пылающие щеки почти исчезли под волной шелковистых смоляных кудрей, в беспорядке рассыпавшихся по плечам.— Ты и твой народ прокляли моих предков, проклятье это легло на их дитя, и я готова нести кару за их грехи. Но рядом со мной стоит девушка, до сих пор не испытавшая тяжесть гнева небесного. Она — дочь престарелого, убитого горем человека, чьи дни близятся к концу. Многие, очень многие любят ее и считают своей отрадой. Она слишком добра, слишком хороша, чтобы стать жертвой этого негодяя.

— Я знаю, что бледнолицые — племя алчное и гордое. Я знаю, что они не только стремятся завладеть всей землей, но и считают, что самый недостойный человек одного с ними цвета выше краснокожих сахемов. Собаки и вороны их племени — и те поднимут лай и карканье,— строго продолжал престарелый вождь, не замечая, как слова его ранят слушательницу, которая от стыда склонила голову чуть не до земли,— прежде чем согласятся взять в свой вигвам женщину, чья кожа не белей снега. Но пусть они не слишком громко бахвалятся перед лицом Маниту. Они пришли в эту страну со стороны восхода, но еще могут уйти туда, где солнце закатывается! Я не раз видел, как саранча поедала листву, но время цветенья вновь наступало для деревьев.

— Да, это так,— подтвердила Кора с глубоким вздохом, словно выходя из оцепенения. Потом подняла голову, откинула назад густые пряди волос и с пылающим взглядом, так не вязавшимся с ее смертельной бледностью, добавила: — Но почему, почему не выслушать нас? Здесь есть еще один пленник, которого не привели к тебе, хотя он из твоего собственного племени. Выслушай его, прежде чем позволить гурону с торжеством удалиться отсюда.

Заметив, что Таменунд недоуменно оглядывается, один из его спутников пояснил:

— Это змея, краснокожий наемник ингизов. Мы не привели его, потому что будем пытать.

— Пусть придет,— ответил мудрец.

С этими словами Таменунд опустился на свое место и, пока молодые воины исполняли его приказ, стояла такая тишина, что в соседнем лесу можно было явственно различить шелест листьев, колеблемых легким утренним ветерком.

ГЛАВА XXX

Откажется — плюю на ваш закон!
Венеции декреты не надежны.
Я жду суда. Ответьте — будет он.

Шекспир. Венецианский купец[1]

В течение нескольких минут ни один звук не нарушал тревожного молчания. Затем толпа колыхнулась, расступилась и вновь сомкнулась живым кольцом вокруг Ункаса. Прежде все глаза жадно всматривались в лицо мудреца, надеясь прочесть на нем решение Таменунда; теперь они с тайным восхищением устремились на высокого, стройного, безупречно сложенного юношу. Однако ни присутствие всеми чтимого патриарха, ни исключительное внимание, предметом которого оказался пленник, не лишили молодого могиканина спокойствия и самообладания. Он обвел твердыми проницательными глазами собравшихся делаваров, встречая враждебные взоры вождей с такой же невозмутимостью, как любопытные взгляды насторожившихся детей. Но когда глаза его, зорко и надменно обежав весь круг, остановились на Таменунде, он уже не отрывал их от старца, словно все остальное перестало существовать. Затем Ункас легким, бесшумным шагом приблизился к возвышению и остановился перед мудрецом. Он ждал, не спуская глаз с патриарха, не замечавшего его, пока один из вождей не возвестил старцу о приходе могиканина.

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— На каком языке обращается пленник к Маниту? — спросил Таменунд, не раскрывая глаз.

— На языке делаваров, как и его отцы,— ответил Ункас.

При этом неожиданном заявлении по толпе пробежал негромкий, но сердитый ропот, который можно было сравнить с рычанием льва в минуту, когда гнев его лишь просыпается, предвещая близкий взрыв всесокрушающей ярости. Впечатление, произведенное этими словами на старца, было не менее сильным, но выразилось иначе. Он заслонил глаза рукой, словно ограждая себя от постыдного зрелища, и низким, гортанным голосом повторил только что услышанное имя:

— Делавар!.. Я дожил до того, что видел, как племена ленапе были прогнаны от родных костров совета и рассеяны по ирокезским горам, как стадо оленей! Я видел, как топоры чужеземцев вырубают в долинах деревья, которые пощадил даже вихрь небесный! Я видел, как звери, бегающие по горам, и птицы, парящие в воздухе, мирно живут в вигвамах людей, но никогда не встречал делавара, настолько низкого, чтобы тайком, подобно ядовитой змее, вползать в становище своего народа.

— Фальшиво поющие птицы раскрыли свой клюв, и Таменунд внял им,— мягким, мелодичным голосом возразил Ункас.

Мудрец вздрогнул и склонил голову набок, словно силясь поймать звуки замирающего мотива.

— Не снится ли Таменунду сон? — воскликнул старец.— Чей голос долетел до его слуха? Не ушли ли зимы вспять? Быть может, к детям ленапе вновь возвратилось лето?

Бессвязные слова, сорвавшиеся с уст делаварского пророка, были встречены почтительным, торжественным молчанием. Племя с готовностью вообразило, будто эта непонятная речь — одна из таинственных бесед, которые старец нередко вел с Великим духом, и теперь с благоговейным трепетом ожидало откровений. Однако после долгой терпеливой паузы один из старых спутников патриарха, сообразив, что тот забыл, для чего они здесь собрались, отважился напомнить ему о пленнике.

— Лживый делавар дрожит в ожидании слов Таменунда,— сказал старик.— Он — собака, которая радостно воет, когда ингизы указывают ей след.

— А вы — собаки, радостно виляющие хвостом, когда француз кидает вам объедки затравленного им оленя,— отпарировал Ункас, сурово оглядывая окружающих.

При этом язвительном, хотя, вероятно, заслуженном ответе в воздухе сверкнуло десятка два ножей, и столько же воинов разом вскочили на ноги, но один из вождей жестом подавил эту вспышку негодования и восстановил видимость спокойствия.

Задача эта оказалась бы, пожалуй, и не столь легкой, не сделай Таменунд знак, что опять хочет говорить.

— Делавар,— начал он,— ты недостоин носить это имя. Много зим мой народ не видел яркого солнца, а воин, покидающий свое племя, когда над ним нависают тучи,— вдвойне предатель. Закон Маниту справедлив. Так должно быть, пока текут реки и стоят горы, пока деревья отцветают и вновь цветут. Так должно быть!.. Этот человек — ваш, дети мои! Поступите с ним по закону.

Никто не шелохнулся, не вздохнул глубже или громче обычного, пока с уст Таменунда не слетело последнее слово приговора. Затем раздался яростный вопль, такой оглушительный, словно этот свирепый предвестник кровавых намерений исходил из уст всего племени. Под дикие крики один из вождей пронзительным голосом объявил, что пленник осуждается на страшную пытку огнем. Круг распался, и восторженные восклицания слились с шумом и суматохой начавшихся приготовлений. Хейуорд отчаянно вырывался из рук державших его индейцев, разведчик с нескрываемой тревогой оглядывался вокруг, а Кора вновь бросилась к ногам патриарха с мольбой о пощаде.

На протяжении всех этих страшных минут только Уикас сохранял несокрушимое спокойствие. Он смотрел на приготовления твердым взглядом, а когда мучители подошли и набросились на него, встретил их с непоколебимой стойкостью. Один из них, более свирепый и злобный, чем его товарищи, схватил Уикаса за ворот охотничьей рубахи и одним движением сорвал ее с тела. Затем он с исступленным радостным воплем подскочил к своей не оказавшей никакого сопротивления жертве, чтобы вести ее на костер. Но в тот момент, когда в дикаре, казалось, начисто угасли человеческие чувства, он остановился так внезапно, словно за Уикаса вступилась какая-то сверхъестественная сила. Глаза делавара вылезли из орбит, рот раскрылся, и весь он как бы окаменел от изумления. Он поднял руку и медленным, размеренным жестом указал пальцем на грудь пленника. Остальные в не меньшем удивлении сгрудились вокруг него, и все глаза, по его примеру, уставились на украшавшее грудь Уикаса изображение маленькой черепахи, отчетливо вытатуированное ярко-синей краской.

Секунду Уикас, спокойно улыбаясь, наслаждался своим торжеством. Затем, отстранив толпу величественным и надменным жестом, он с царственным видом вышел вперед и возвысил голос, перекрывший восхищенный ропот зрителей:

— Люди лениленапе! — сказал он.— Мой род — опора вселенной! Ваше слабое племя стоит на моем панцире! Разве огонь, разведенный делаварами, может сжечь сына моих отцов? — добавил он, гордо указывая на простой герб у себя на груди.— Кровь,

берущая начало из такого источника, погасила бы ваш костер. Мой род — праотец всех племен!

— Кто ты? — спросил Таменунд, которого подняли на ноги не столько слова пленника, сколько звук его голоса.

— Уикас, сын Чингачгука,— ответил пленник, скромно отворачиваясь от толпы и склоняя голову в знак уважения к возрасту и положению старца.— Сын Унамис, Великой Черепахи.

— Близится последний час Таменунда! — воскликнул пророк.— Ночь кончилась, наступает день! Благодарю Маниту за то, что появился человек, который сядет на мое место у костра совета. Уикас, внук Уикаса, отыскался! Дай же глазам умирающего орла взглянуть на восходящее солнце!

Юноша легко, но горделиво взбежал на возвышение, откуда мог быть виден всей изумленной и взволнованной толпе. Таменунд долго держал его на расстоянии вытянутой руки, вглядываясь в каждую точеную черту его прекрасного лица ненасытным взором человека, вспоминающего дни былого счастья.

— Не стал ли Таменунд юношей? — вскричал наконец восхищенный старец.— Неужели я видел во сне так много зим? Видел мой народ, рассеянный, как гонимый ветром песок, видел ингизов, более многочисленных, чем листья на деревьях? Ныне стрела Таменунда не спугнет молодую лань; рука его иссохла, как ветвь мертвого дуба; улитка перегонит его в беге. И все-таки передо мной Уикас, такой же, с каким я когда-то ходил на бой с бледнолицыми! Уикас — пума своего племени, старший сын ленапе, мудрейший сагамор могикан! Скажите, о делавары, неужели Таменунд проспал сто лет?

Глубокое, ничем не возмутимое молчание, последовавшее за этими словами, достаточно убедительно показало, с каким безмерным почтением народ воспринял речь патриарха. Никто не отважился ответить, но все, затаив дыхание, ждали, что еще может произойти. Один Уикас, глядя Таменунду в лицо с почтением и нежностью любимого сына, осмелился взять слово в силу своего высокого и признанного теперь сана.

— Четыре воина из рода Уикаса жили и умерли с тех пор, как друг Таменунда водил свой народ на войну,— сказал он.— Кровь Черепахи текла в жилах многих вождей, но все они вернулись в землю, откуда пришли, кроме Чингачгука и его сына.

— Правда. Это правда,— согласился мудрец, чья память, словно яркий луч облака, разогнала сладкие грезы и вернула его к подлинной истории родного племени.— Наши мудрецы часто рассказывали, что в горах, среди ингизов, живут два воина древнего рода. Почему же так долго пустовали их места у костра совета делаваров?

При этих словах молодой могиканин поднял голову, которую из почтения все еще держал склоненной, возвысил голос, чтобы его слышали все, и сказал, словно желая раз и навсегда объяснить поведение своего рода:

— Некогда мы спали там, где можно слышать сердитый говор волн соленого озера. В те дни мы были властителями и сагаморами всей страны. Но когда у каждого ручья нам стали встречаться бледнолицые, мы пошли за оленями обратно к родной реке нашего племени. Делавары покинули ее. Лишь немногие воины остались утолять жажду водой из любимого потока. Предки мои сказали: «Мы будем охотиться здесь. Воды нашей реки текут в соленое озеро. Если мы двинемся на закат, мы найдем потоки, текущие в Великие пресные озера, а там могикане умрут, как морская рыба умирает в прозрачном источнике. Когда Маниту решит, он скажет: «Идите!» — и мы спустимся по реке к морю и вновь отберем то, что принадлежит нам. Вот, делавары, во что верят дети Черепахи! Глаза наши устремлены на восход, а не на закат. Мы знаем, откуда приходит солнце, а не куда оно уходит. Я сказал.

Ленапе слушали его слова со всем благоговением, какое только может вселять в людей суеверие, и втайне наслаждались образным языком, которым молодой сагамор излагал свои мысли. Уикас пытливым взором следил за слушателями и, убеждаясь, что его краткие объяснения производят на толпу желательное действие, постепенно смягчал тон. Затем, медленно обведя взглядом тех, кто окружал холмик, где пребывал Таменунд, он впервые заметил связанного разведчика. Быстро сбежав вниз, могиканин проложил себе дорогу через толпу, поравнялся с другом и, разрезав его путы яростным взмахом ножа, знаком велел окружающим расступиться. Суровые, настороженные индейцы безмолвно повиновались и снова сомкнули круг, как до появления Уикаса. Юноша взял разведчика за руку и подвел к патриарху.

— Отец,— молвил он,— взгляни на этого бледнолицего. Он — справедливый человек и друг делаваров.

— Он сын Микуона?

— Нет. Он прославленный воин ингизов, и макуасы страшатся его.

— Какое имя заслужил он подвигами?

— Мы зовем его Соколиный Глаз,— ответил Уикас, именуя друга его делаварским прозвищем,— потому что зрение никогда не изменяет ему. Среди мингов он больше всего известен благодаря своему смертоносному ружью, разящему их воинов; они прозвали его Длинный Карабин.

— Длинный Карабин! — вскричал Таменунд, открыв глаза

и сурово глядя на разведчика.— Мой сын поступает дурно, называя его другом.

— Я зову другом того, кто доказывает дружбу делом,— негромко, но твердо возразил молодой вождь.— Если делавары рады Ункасу, значит, и Соколиный Глаз находится среди друзей.

— Бледнолицый убивал моих молодых воинов. Его имя прославлено ударами, которые он нанес ленапе.

— Если это нашептал делаварам минг, то лишь доказал, что он — фальшиво поющая птица,— заговорил разведчик, сочтя, что настало время снять с себя столь оскорбительное обвинение; объяснялся Соколиный Глаз на языке слушателей, но приноравливал свой слог к индейской образности.— Не стану отрицать: я убивал макуасов даже у их собственного костра совета. Но рука моя ни разу не нанесла умышленного вреда делаварам. Это противоречило бы моей натуре, потому что я друг им и каждому, кто принадлежит к их племени.

Тихий одобрительный гул пронесся по рядам воинов, и они переглянулись между собой с видом людей, начинающих сознавать свою ошибку.

— Где гурон? — спросил Таменунд.— Неужели ему удалось заткнуть мне уши?

Магуа, чьи переживания во время сцены торжества Ункаса легче представить себе, чем описать, смело выступил вперед и встал перед патриархом.

— Справедливый Таменунд,— возвысил он голос,— не оставит себе то, что гурон вверил ему на время.

— Скажи мне, сын моего брата,— сказал мудрец, отворачиваясь от угрюмого лица Хитрой Лисицы и радостно вперяя взор в открытые черты Ункаса,— имеет ли чужеземец над тобой права победителя?

— Нет. Пума может угодить в ловушку, расставленную женщинами, но она могуча и знает, как вырваться на свободу.

— А Длинный Карабин?

— Он смеется над мингами... Иди к своим женщинам, гурон, и спроси у них, какого цвета у медведя шкура.

— А чужеземец и белая девушка, которые пришли вдвоем в мой лагерь?

— Должны беспрепятственно уйти по какой угодно тропе.

— А женщина, которую гурон оставил у моих воинов?

Ункас промолчал.

— А женщина, которую минг привел в мой лагерь?— строго повторил Таменунд.

— Она моя! — вскричал Магуа, торжествующе погрозив рукой Ункасу.— Ты знаешь, могиканин, что она моя.

— Мой сын молчит? — спросил Таменунд, пытаясь прочесть ответ на лице горестно отвернувшегося юноши.

— Гурон сказал правду,— тихо подтвердил Уикас.

Последовала короткая, но красноречивая пауза, показавшая, как неохотно признает собрание справедливость домогательств Магуа. Наконец патриарх, а только от него и зависело решение, твердо произнес:

— Уходи, гурон.

— А как он должен уйти, справедливый Таменунд? — лукаво осведомился Магуа.— Один или с доказательством честности делаваров? Вигвам Хитрой Лисицы пуст. Отдай то, что принадлежит ему.

Старец задумался, потом наклонился к одному из своих спутников и спросил:

— Верно ли расслышали мои уши?

— Верно.

— Этот минг — вождь?

— Первый в своем племени.

— Чего ж тебе еще надо, девушка? Тебя берет в жены великий вождь. Ступай! Твой род не угаснет.

— Пусть он лучше тысячу раз угаснет, чем я подвергнусь такому унижению! — воскликнула сраженная ужасом Кора.

— Гурон, душа ее — в палатках ее отцов. Девушка, которую берут в жены насильно, не приносит счастья в вигвам.

— Она говорит языком своего народа,— возразил Магуа, с горькой иронией взирая на свою жертву.— Она из племени торгашей и не подарит ласкового взгляда, не поторговавшись. Пусть Таменунд скажет свое слово.

— Возьми за нее выкуп и нашу любовь.

— Магуа возьмет лишь то, что принес сюда.

— Ну что ж, уходи с тем, что тебе принадлежит. Великий Маниту не позволяет делавару быть несправедливым.

Магуа ринулся к Коре и крепко схватил ее за руку, делавары молча отступили, и девушка, поняв, что мольбы бесполезны, без сопротивления подчинилась своей участи.

— Стой, стой!—вскричал Дункан, бросаясь вперед.— Сжалься, гурон! Ты получишь за нее такой выкуп, что станешь богаче всех в своем племени.

— Магуа — краснокожий: ему не нужны побрякушки бледнолицых.

— Золото, серебро, порох, свинец — все, что необходимо воину, все будет у тебя в вигваме! Все, что подобает великому вождю!

— Хитрая Лисица — могуч,— закричал Магуа, неистово по-

трясая рукой, которою сжимал руку беспомощной Коры.— Он отомстил!

— Боже правый, неужели ты потерпишь это? — взорвался Хейуорд, в отчаянии сжимая руки.— Справедливый Таменунд, молю тебя, пощади!

— Делавар сказал,— ответил старец, закрывая глаза, и откинулся назад, словно окончательно истощенный телесным и душевным усилием.— Мужчина не говорит дважды.

— Мудрый вождь не тратит время на отмену своих решений и поступает благоразумно,— вмешался Соколиный Глаз, сделав Дункану знак молчать.— Но каждому воину следует хорошенько подумать, прежде чем метнуть томагавк в голову своему пленнику. Я не люблю тебя, гурон; могу также сказать, что никогда не давал спуску мингам. Есть все основания полагать, что, если война скоро не кончится, многие твои воины еще повстречаются со мной в лесу. Вот и рассуди, кого ты предпочитаешь привести пленником к себе в лагерь — эту леди или меня, человека, которого все твое племя хотело бы увидеть безоружным.

— Неужели Длинный Карабин отдаст жизнь за женщину? — заколебался Магуа, уже собравшийся увести свою жертву.

— Нет, я этого не сказал,— возразил Соколиный Глаз, благоразумно решив поторговаться при виде жадности, с какой Магуа выслушал его предложение.— Это была бы неравная мена: разве можно отдать воина в расцвете сил даже за лучшую девушку на всей границе? Отпусти пленницу, и я соглашусь уйти на зимние квартиры сегодня же, то есть, по крайней мере, за полтора месяца до листопада.

Магуа с холодным презрением покачал головой и нетерпеливо подал толпе знак пропустить его.

— Ну что ж,— добавил разведчик, делая вид, что он не пришел еще к окончательному решению.— Я, пожалуй, готов дать в придачу свой оленебой. Этому ружью нет равного, можешь поверить слову опытного охотника.

Магуа, не удостоив его ответом, стал раздвигать перед собой толпу.

— Быть может...— продолжал разведчик, теряя напускное хладнокровие в той же мере, в какой Магуа выказывал равнодушие к обмену,— быть может, мы столкуемся, если я дам слово обучить твоих воинов, как надо обращаться с этим ружьем?

Лисица свирепо глянул на делаваров, которые все еще окружали его плотным кольцом в надежде, что он согласится на мирные предложения, и потребовал очистить дорогу, угрожая в противном случае вновь воззвать к справедливости патриарха.

— Чему быть, того не миновать,— вздохнул Соколиный Глаз, устремляя печальный и покорный взгляд на Ункаса.— Негодяй сознает свое преимущество и пользуется им! Благослови тебя бог, мой мальчик! Ты нашел друзей среди соплеменников, и, надеюсь, они будут так же верны тебе, как был человек без примеси индейской крови. Что до меня, рано или поздно я должен умереть, и хорошо, что оплакивать меня придется немногим. В конце концов, не сегодня-завтра эти мерзавцы умудрятся снять с меня скальп, так что день-другой не составляет большой разницы, особенно перед лицом вечности. Благослови тебя бог,— повторил суровый разведчик, грустно склонив голову, но тут же поднял ее и устремил на юношу задумчивый взгляд.— Я любил вас обоих — и тебя, и твоего отца, Ункас, хотя кожа у нас разного цвета, да и привычки не совсем одинаковые. Передай сагамору, что я никогда, даже в самые опасные минуты, не забывал о нем, а сам вспоминай обо мне иногда, если нападешь на удачный след. И помни, мальчик: одно над нами небо или два, все равно в потустороннем мире отыщется тропа, которая вновь сведет вместе честных людей. Ружье мое найдешь там, где мы его припрятали. Возьми его и храни в память обо мне. И вот еще что: не стесняйся пускать его в дело против мингов: это отвлечет тебя от мысли о моей смерти и поможет отвести душу... Гурон, я принимаю предложение. Освободи женщину. Твой пленник — я.

При этих великодушных словах в толпе раздался тихий, но явственный шепот одобрения. Даже самые свирепые делаварские воины — и те восхищались мужеством человека, способного на такое самопожертвование. Магуа остановился, и было тревожное мгновение, когда он, казалось, заколебался; однако, посмотрев на Кору взглядом, где злоба причудливо сочеталась с восторгом, он окончательно принял решение.

Выразив надменным поворотом головы презрение к намерениям разведчика, он твердо и решительно объявил:

— Хитрая Лисица — великий вождь; он делает то, что сказал. Идем,— прибавил он, фамильярно опуская руку на плечо девушки и подталкивая ее вперед.— Гурон — не пустой болтун: мы идем.

Кора, лицо которой при этом оскорблении залил румянец, горячий и яркий, словно луч заходящего солнца, отстранила дикаря с гордой сдержанностью женщины, и черные глаза ее вспыхнули.

— Я — твоя пленница, и, когда придет время, пойду даже на смерть, но принуждать меня не нужно,— холодно отчеканила она и прибавила, обращаясь к Соколиному Глазу.— Великодушный охотник, от всей души благодарю вас. Предложение ваше

мне не поможет, да я и не приняла бы его. Но вы все-таки можете оказать мне услугу, и даже бóльшую, чем входило в ваши благородные намерения. Взгляните на это милое обессилевшее дитя! Не покидайте ее до тех пор, пока она не доберется до мест, где живут цивилизованные люди. Не стану говорить,— продолжала она, крепко пожимая руку разведчику,— что отец ее не останется у вас в долгу: люди, подобные вам,— выше наград, но он будет всю жизнь благодарить и благословлять вас. А благословение честного престарелого человека, поверьте мне, имеет цену даже в глазах всевышнего. Ах, если бы он мог благословить меня в эту страшную минуту!

Голос Коры пресекся, и она на секунду замолчала; затем, подойдя к Дункану, поддерживавшему ее бесчувственную сестру, продолжала тоном более спокойным, но все же выдававшим жестокую борьбу обуревавших ее чувств:

— Мне не надо просить вас беречь сокровище, которым вы будете обладать. Вы любите ее, Хейуорд, а значит, простите ей любые недостатки, даже если они у нее есть. Но она так добра, нежна и прелестна, как только может быть земная женщина! У нее нет ни одного телесного или душевного изъяна, который мог бы вселить отвращение в самого гордого из мужчин. Она хороша собой, ах, удивительно хороша!— Тут Кора положила свою тонкую, хоть и не такую белую, как у сестры, руку на мраморный лоб Алисы и с грустной нежностью откинула золотистые локоны, упавшие девушке на глаза.—А душа ее не менее чиста и белоснежна, чем кожа! Я могла бы сказать больше, гораздо больше, чем диктует холодный разум, но пощажу и вас и себя...

Кора умолкла и с грустью склонилась над сестрой. Крепко и горячо поцеловав ее, девушка выпрямилась и, со смертельно бледным лицом, но без единой слезинки в лихорадочно горящих глазах, повернувшись к дикарю, по-прежнему надменно бросила:

— А теперь, если тебе угодно, я готова в путь.

— Да, иди,— вскричал Дункан, передавая Алису подбежавшей индейской девушке.— Иди, Магуа, иди! У делаваров свои законы, запрещающие удерживать тебя, но я... я не обязан им подчиняться. Иди, злобное чудовище! Ну, что же ты медлишь?

Трудно описать выражение, с каким Магуа выслушал эту угрозу. В первое мгновение лицо его озарилось злобной радостью, но затем на нем вновь застыла обычная маска холодного коварства.

— Леса открыты для всех. Щедрая Рука может последовать за мной,— отозвался он.

— Стойте! — воскликнул Соколиный Глаз, хватая Дункана за руку и силой удерживая его.— Вы не знаете, как вероломен этот мерзавец. Он заведет вас в засаду на верную смерть...

— Гурон,— перебил разведчика Ункас, который, подчиняясь суровым обычаям своего племени, до сих пор оставался лишь серьезным и внимательным слушателем.— Гурон, справедливость делаваров внушена им великим Маниту. Взгляни на солнце. Сейчас оно озаряет ветви вон тех кустов. Путь твой недолог и открыт. Когда солнце встанет над вершинами деревьев, по твоему следу пойдут воины.

— Я слышу карканье ворона! — насмешливо расхохотался Магуа.— Догоняй! — прибавил он, грозя рукой нехотя расступившейся толпе.— Где у делаваров юбки? Пусть отдадут вейандотам стрелы и ружья и получат за это дичь и маис. Собаки, зайцы, воры, я плюю на вас!

Прощальные оскорбления гурона были встречены зловещим, гробовым молчанием. С этими язвительными словами торжествующий Магуа под защитой нерушимых законов индейского гостеприимства беспрепятственно углубился в лес, уводя с собой покорную пленницу.

ГЛАВА XXXI

> Ф л ю э л л е н. Избивать мальчишек и обоз! Это противно всем законам войны. Более гнусного злодейства — как бы это сказать — и придумать нельзя.
>
> *Ш е к с п и р. Король Генрих* V[1]

Пока их враг, уводивший свою жертву, еще был виден, делавары оставались неподвижны, словно их приковали к месту какие-то тайные силы, покровительствующие гурону, но как только он исчез, могучие страсти вырвались наружу, и толпа заколыхалась. Ункас стоял на возвышении, не отрывая глаз от удалявшейся Коры, пока цвет ее платья не слился с лесной зеленью. Тогда он спустился вниз, молча прошел через толпу и скрылся в той хижине, откуда его так недавно вывели. Несколько наиболее суровых и проницательных воинов, заметив, каким гневом пылают глаза молодого вождя, последовали за ним туда, где он решил предаться размышлениям. Таменунда и Алису увели, женщинам и детям велели разойтись. Весь следующий час становище походило на растревоженный улей, ожидающий только появления матки, чтобы немедленно пуститься в дальний полет.

Наконец из хижины Ункаса вышел молодой воин, решительным и торжественным шагом направился к карликовой сосне, рос-

[1] Перевод Е. Бируковой.

шей в расселине скалистой террасы, ободрал с деревца кору и молча вернулся назад. Вскоре за ним последовал другой, который обломал у деревца ветви, оставив лишь голый ствол. Третий раскрасил ствол темно-красными полосами. Эти приметы воинственных намерений вождей были встречены угрюмым, зловещим молчанием воинов. Последним появился сам молодой могиканин, совершенно обнаженный, если не считать набедренной повязки и легкой обуви. Прекрасные черты его лица наполовину исчезали под угрожающей черной раскраской.

Медленно и величаво Ункас приблизился к размалеванному столбу и заходил вокруг него размеренным, напоминающим какой-то древний танец шагом, сопровождая свои движения дикими отрывистыми звуками боевой песни. Песня эта, исполняемая на предельных нотах голосового регистра, казалась порой настолько жалобной и печальной, что соперничала с птичьими трелями, но затем внезапно приобретала такую глубину и силу, что этот резкий переход заставлял невольно вздрагивать. Слов в ней было немного, и они часто повторялись; певец начинал с заклинания или гимна божеству, затем излагал свои воинственные намерения и заканчивал новым прославлением власти Великого духа над людьми. Если выразительный, мелодичный язык, на котором пел Ункас, хоть в малой степени поддается переводу, песня эта звучала примерно так:

Маниту, Маниту, Маниту,
Великий, благой, могучий!
Маниту, Маниту,
Ты всегда справедлив.

В небе на тучах я вижу
Много пятен, темных и красных.
О, как много я вижу
В небе туч!

В чаще леса я слышу
Клич боевой и стон.
О, как в лесу мне слышен
Клич боевой!

Маниту, Маниту, Маниту,
Слаб и неловок я.
Маниту, о всесильный,
Мне помоги!

В конце каждой, если можно так выразиться, строфы певец делал паузу и брал особенно высокую протяжную ноту, что удивительно соответствовало чувствам, им выражаемым. Первая

строфа звучала торжественно и благоговейно; вторая носила описательный характер, но в ней уже ощущалась тревога; третья же была хорошо нам знакомым страшным боевым кличем, который, срываясь с уст молодого воина, передавал всю гамму грозных звуков сражения. Последняя строфа, уподобляясь первой, опять становилась смиренной, покорной и умоляющей. Ункас трижды повторил песню и столько же раз обошел в танце столб.

Когда молодой могиканин пропел свой призыв в первый раз, его примеру последовал один из самых прославленных и уважаемых вождей ленапе, правда, исполнив на тот же мотив собственные слова. Затем, один за другим, к танцующим присоединились все наиболее известные и влиятельные воины племени. Зрелище стало устрашающим: свирепые, грозные лица вождей казались еще более жуткими от их гортанных голосов, сливавшихся в диком напеве. В этот момент Ункас вогнал в дерево свой томагавк, испустив крик, означавший его личный боевой клич. Этим он объявлял, что берет на себя предводительство в предстоящем походе.

Сигнал пробудил дремавшие страсти племени. Сотня юношей, которых до сих пор удерживало сознание своей молодости, бешено ринулась к стволу, олицетворявшему врага, и разнесла его в щепы топорами, так что от дерева остались лишь ушедшие в землю корни. Исступление было настолько безудержным, что расправа над обломками совершилась с такой же свирепостью и жестокостью, как над настоящими живыми жертвами. С одних кусков символически содрали скальп, в другие всадили острые томагавки, третьи пронзили не знающими промаха ножами. Одним словом, воинственный пыл и боевой задор выразились настолько явственно и недвусмысленно, что вскоре все поняли: это будет не просто набег, а истребительная война.

Вонзив в дерево томагавк, Ункас тут же вышел из круга и поднял глаза к солнцу — оно как раз вставало над вершинами деревьев, возвещая конец перемирия с Магуа. Молодой могиканин тут же сообщил об этом выразительным жестом, подкрепив его соответствующим криком, и возбужденные воины прервали военную игру, чтобы приготовиться к настоящему и более опасному походу.

Облик лагеря изменился. Воины, уже вооруженные и в боевой раскраске, вновь стали так безмолвны, словно вообще были неспособны к проявлению чувства. Напротив, женщины высыпали из хижин с песнями, где ликующие вопли причудливо переплетались со скорбными причитаниями; слушая их, трудно было решить, что же берет верх — радость или печаль. Никто из индианок не оставался без дела. Одни выносили наиболее ценные пожитки, другие выводили детей, третьи переправляли стариков и больных

в лес, изумрудным ковром расстилавшийся по склону горы. Туда же, после краткого трогательного прощания с Ункасом, удалился и Таменунд, как всегда спокойный и сосредоточенный, хотя расстался он с молодым могиканином не более охотно, чем отец, обретший в конце концов давно потерянного сына. Тем временем Дункан, поместив Алису в безопасное место, разыскал разведчика, и лицо его явно свидетельствовало, с каким нетерпением майор ожидает приближающегося боя.

Однако Соколиный Глаз, давно привыкший к боевым песням и обрядам туземцев, не проявил особого интереса к происходившей перед ним сцене. Он лишь мельком взглянул на приготовления, чтобы оценить количество и достоинства воинов, изъявивших готовность идти с Ункасом в бой. На этот счет он остался доволен: как мы уже видели, сильная натура молодого вождя быстро увлекла за ним всех боеспособных мужчин. Уяснив себе это существенное обстоятельство, разведчик послал мальчишку-индейца за оленебоем и ружьем Ункаса на опушку леса, где, приближаясь к лагерю делаваров, молодой могиканин и Соколиный Глаз спрятали накануне оружие с двойной целью — спасти его на случай, если они вдруг окажутся пленниками, и предстать чужому племени в облике беззащитных беглецов, а не людей, могущих постоять за себя. Посылая мальчика за своим бесценным ружьем, разведчик отнюдь не пренебрег обычной осторожностью. Он знал, что Магуа явился не один и что соглядатаи гуронов по всему краю леса следят за действиями новых врагов. Следовательно, попытка самому отправиться за ружьями могла стоить ему жизни; такая же участь ожидала любого другого воина; мальчишке же опасность грозила бы лишь в том случае, если бы гуронам стала известна причина пребывания его в лесу. Когда Хейуорд подошел к Соколиному Глазу, тот как раз хладнокровно ожидал, чем кончится этот эксперимент.

Между тем посланец, мальчик достаточно крепкий и получивший все необходимые наставления, с беззаботным видом, но гордый оказанным ему доверием и преисполненный честолюбивых надежд, пересек опушку и вошел в лес недалеко от места, где были спрятаны ружья. Едва густой кустарник скрыл его смуглую фигуру, юный делавар припал к земле и с ловкостью змеи пополз к заветному сокровищу. Поиски увенчались успехом, и минуту спустя, держа по ружью в каждой руке, он уже стрелой мчался по узкому открытому проходу, окаймлявшему подножье плато, на котором был разбит лагерь. Он успел добраться до скал и с неимоверным проворством перескакивал с одной на другую, когда выстрел, донесшийся из лесу, показал, насколько обоснованны были опасения разведчика. Мальчишка ответил слабым, но пре-

зрительным криком, и тут же с другой стороны леса в него пустили вторую пулю. Однако в следующую секунду он взлетел на террасу, торжествующе поднял ружье над головой и с победоносным видом поспешил к знаменитому охотнику, удостоившему его столь почетным поручением.

Несмотря на живое участие, которое Соколиный Глаз принимал в судьбе своего гонца, он схватил оленебой с радостью, на минуту заставившей его позабыть обо всем на свете. Разведчик зорким, внимательным взглядом осмотрел ружье, раз десять—пятнадцать взвел и спустил курок, с такой же тщательностью обследовал замок и, лишь убедившись, что все в порядке, ласково и заботливо осведомился у мальчишки, не ранен ли тот. Мальчишка с гордостью посмотрел ему в глаза, но не ответил ни слова.

— Эге, эти мошенники поцарапали тебя, дружок! — сказал разведчик, беря терпеливого юнца за руку, где одна из пуль оставила довольно глубокую рану.— Приложи-ка сюда растертые ольховые листья, и все пройдет, как по волшебству. А пока что я наложу тебе повязку. Ты рано вступил на тропу войны, мой храбрый мальчик, и, наверно, унесешь с собой в могилу не один почетный шрам. Я знаю немало молодых воинов, уже снимавших скальпы, которые не могут похвастаться таким знаком отличия, как у тебя. Ступай,— закончил он, перевязав руку.— Ты станешь вождем!

Мальчик убежал, гордясь струящейся кровью больше, чем самый лукавый царедворец мог бы гордиться алой орденской лентой, и вернулся к сверстникам, став предметом их общего восхищения и зависти. Однако племя было так занято важными и ответственными приготовлениями, что подвиг юного смельчака не привлек к себе особенного внимания и не принес ему тех похвал, какие посыпались бы на него в более спокойное время. Зато делавары смогли теперь уяснить себе позиции и намерения врага. Немедля был снаряжен небольшой отряд воинов с задачей выбить из лесу засевших там лазутчиков. Она оказалась им более по силам, чем слабому, хотя и смелому мальчику, и они быстро справились с ней, так как гуроны сами сочли за благо удалиться, увидев, что местопребывание их обнаружено. Делавары гнались за ними довольно далеко, но затем остановились, ожидая дальнейших приказов, а также опасаясь, как бы их не заманили в засаду. Обе стороны затаились, и в лесу вновь воцарились тишина и покой, столь характерные для погожего летнего утра в безлюдной глуши.

Ункас, спокойный с виду, но втайне снедаемый нетерпением, собрал вождей и разделил свои силы. Разведчика он представил как испытанного бойца, безусловно заслуживающего доверия. Увидев, что друг его встречен благожелательно, он отдал ему под

начало двадцать воинов, столь же ловких, решительных и предприимчивых, как сам Соколиный Глаз. Ункас объяснил делаварам, какой чин имеет Хейуорд в войске ингизов, и поручил ему отряд той же численности. Однако Дункан отказался от подобной чести, заявив, что готов служить простым волонтером под командой разведчика. После этого молодой могиканин распределил ответственные посты между вождями и, так как время уже не терпело, отдал приказ выступать. Более двухсот воинов с радостью, хотя и молча повиновались ему.

Делавары беспрепятственно вошли в лес, не встретив на пути ничего, что могло бы вызвать тревогу или дать им необходимые сведения о противнике. Так же спокойно добрались они до места, где сидели в засаде их собственные разведчики. Здесь последовал приказ остановиться, и вожди шепотом начали совещаться. Были предложены различные планы, но ни один из них не отвечал желаниям пылкого молодого предводителя. Следуй Ункас влечению сердца, он немедля повел бы своих воинов в бой, чтобы в первой же стычке решить исход борьбы, но такие действия противоречили бы опыту и взглядам его соплеменников. Поэтому он поневоле соблюдал осторожность, столь ненавистную ему в его теперешнем состоянии, и прислушивался к советам, приводившим его в ярость, когда он вспоминал о наглости Магуа и опасности, грозящей Коре.

Безрезультатное совещание длилось уже довольно долго, как вдруг делавары заметили, что со стороны врага к ним приближается одинокая фигура, и притом так поспешно, что в ней можно было предполагать посланца, отряженного с целью завязать мирные переговоры. Однако ярдах в стах от деревьев, под прикрытием которых происходил совет, незнакомец заколебался, видимо, не зная, куда идти, и наконец остановился. Теперь все устремили взоры на Ункаса, ожидая его распоряжений.

— Соколиный Глаз,— тихо бросил молодой вождь,— он больше не должен говорить с гуронами.

— Час его пробил,— последовал лаконичный ответ, и разведчик, выдвинув из-за кустов длинный ствол своего ружья, прицелился перед роковым выстрелом. Но вместо того чтобы спустить курок, он опустил дуло и залился беззвучным смехом.— Я-то, грешник, принял беднягу за минга,— сказал он.— Но только я стал присматривать у него меж ребер местечко, куда вогнать пулю, как вдруг — ну, что ты скажешь, Ункас! — вижу свистульку нашего музыканта. Да, да, это не кто иной, как человек по имени Гамут, а уж от его смерти никому выгоды не будет. Зато жизнь Давида, если, конечно, язык его способен на что-нибудь, кроме пения, может оказаться полезна для наших целей. Надеюсь, звуки не утратили своей власти над этим честным малым; сейчас

я поговорю с ним, и, ручаюсь, голос мой больше придется ему по вкусу, чем рявканье оленебоя.

С этими словами Соколиный Глаз отставил ружье и пополз через кусты, пока не оказался на таком расстоянии, что Давид мог расслышать его. Там он остановился и попробовал воспроизвести музыкальные упражнения, которые с таким успехом и блеском помогли ему выбраться живым из гуронского становища.

Обмануть тонкий слух псалмопевца было нелегко; к тому же, по совести говоря, издавать подобные звуки вряд ли сумел бы кто-нибудь, кроме Соколиного Глаза; поэтому Давид, уже слышавший их однажды, догадался, от кого они исходят. У бедняги, видимо, отлегло от сердца, потому что он без колебаний пошел на голос,— задача, не более трудная для него, чем отыскать по грохоту артиллерийскую батарею,— и вскоре наткнулся на притаившийся источник столь мелодичного шума.

— Интересно, что подумают на этот счет гуроны! — со смехом бросил разведчик, схватив Давида за руку и поспешно увлекая его к своим.— Если мошенники засели неподалеку, они решат, что у них стало два умалишенных вместо одного! Но здесь вы, приятель, в безопасности,— добавил он, указывая на Ункаса и его товарищей.— А теперь выкладывайте на чистом английском языке и без всяких дурацких завываний, что там надумали минги.

Давид в немом изумлении таращил глаза на окружавших его свирепых туземных вождей. Однако, успокоенный присутствием старых знакомых, он настолько овладел собой, что сумел вполне вразумительно ответить на вопрос.

— Язычники вышли из лагеря в большом количестве, и, боюсь, с дурными намерениями,— начал он.— Весь последний час в хижинах не смолкал ужасный вой и шел нечестивый разгул, сопровождаемый такими звуками, воспроизвести которые немыслимо. Сказать по правде, именно в поисках покоя я и убежал к делаварам.

— Ваши уши вряд ли выиграли бы от этого, будь вы побыстрей на ногу,— суховато заметил разведчик.— Но сейчас речь не о том. Где гуроны?

— Сидят в засаде здесь, в лесу, на полдороге от селения, и в таком числе, что вам разумней вернуться восвояси.

Ункас окинул гордым взглядом стену деревьев, скрывавших его воинов, и осведомился:

— Магуа?

— Он с ними. Привел с собой девушку, жившую у делаваров, оставил ее в пещере и, как бешеный волк, бегом повел сюда своих дикарей. Не знаю, чем он так разъярен...

— Вы говорите, он оставил ее в пещере? — перебил Хей-

уорд.—К счастью, мы знаем, где она находится. Нельзя ли попробовать немедленно освободить Кору?

Ункас пытливо посмотрел на разведчика и лишь потом спросил:

— Что скажет Соколиный Глаз?

— Дай мне двадцать моих воинов. Я возьму вправо, берегом ручья спущусь до бобровой запруды и прихвачу там сагамора и полковника. Оттуда мы подадим вам боевой клич — при этом ветре его за целую милю расслышать можно. Тогда, Ункас, атакуй врага в лоб; когда же гуроны окажутся от нас на расстоянии выстрела, они получат такое угощение, что — клянусь добрым именем старого жителя границы! — их линия прогнется, как ясеневый лук. Затем мы нагрянем к ним в становище, вызволим девушку из пещеры и навсегда покончим с мошенниками, дав им открытый бой по тактике белых или действуя из засады и под прикрытием на индейский манер. Может, конечно, мой план составлен и не по-ученому, майор, но, набравшись смелости и терпения, его можно выполнить.

— Мне он очень нравится! — вскричал Дункан, видя, что освобождение Коры — главная цель разведчика.— Очень! Давайте же немедленно приведем его в исполнение.

После короткого обсуждения план боя был уточнен, его сообщили всем отрядам делаваров, договорились об условных сигналах, и вожди разошлись по своим местам.

ГЛАВА XXXII

Покуда синеокой Хрисеиды
Без выкупа не возвратит Атрид,
Мор жертвы уносить не прекратит.

Поп. Илиада

Пока Ункас составлял диспозицию и люди его занимали боевой порядок, в чаще царила такая тишина, что, если не считать совещавшихся делаваров, лес выглядел столь же пустынным, как в день, когда его сотворила рука всемогущего. Куда бы ни устремлялся взор, как бы глубоко ни проникал он в тень, скрывавшую узкие промежутки между деревьями,— везде он видел одни естественные приметы мирного дремотного ландшафта. Лишь изредка в листве высоких буков порхала птица да белка роняла орех, на секунду приковывая к себе тревожные взоры всего отряда. Но как только подобные случайные звуки стихали, все опять погружалось в безмолвие, и только ветерок, шелестя над головами листвой, рябил поверхность этого зеленого океана, который ра-

скинулся на огромном пространстве, кое-где прорезанном речками и озерами. Безмолвие было таким глубоким и величавым, что казалось, нога человека никогда не ступала по глухой лесной полосе, пролегшей между лагерем делаваров и становищем их врагов. Однако Соколиный Глаз, возглавивший теперь самостоятельную экспедицию, слишком хорошо знал нрав противников, чтобы доверять предательской тишине.

Когда его маленький отряд собрался, разведчик взял оленебой на изготовку, знаком велел следовать за собой, повернул назад и, пройдя с полсотни футов, вывел воинов к ручейку, тому самому, что они пересекли, направляясь сюда. Здесь он выждал, пока подтянутся все его молчаливые, настороженные спутники, и обратился к ним на делаварском языке:

— Знает ли кто-нибудь из моих воинов, куда приведет нас этот ручей?

Один из делаваров растопырил два пальца и, указав на то место ладони, где они сходятся, ответил:

— Прежде чем солнце пройдет свой дневной путь, малая вода сольется с большой.— И, протянув руку, добавил: — А где они сходятся вместе, там их хватает для бобров.

— Так я и думал, судя по направлению ручья и положению гор,— сказал разведчик, взглянув на просвет между верхушками деревьев.— Будем держаться под прикрытием берега, пока не учуем гуронов.

Воины издали краткое одобрительное восклицание, но, заметив, что их предводитель собирается встать во главе отряда и вести его, знаком показали, что еще не все в порядке. Перехватив их выразительные взгляды, Соколиный Глаз обернулся и обнаружил, что за ними увязался учитель пения.

— Известно ли вам, приятель,— сурово и не без гордости за возложенную на него задачу обратился к Давиду разведчик,— что это отряд смельчаков, отобранных для особо отчаянного предприятия и состоящий под началом человека, который — хоть другой на моем месте выразился бы менее скромно — не оставит их без дела? Может быть, не пройдет не то что получаса — пяти минут, как нам придется шагать по телам живых или мертвых гуронов.

— Хоть я не осведомлен о ваших намерениях,— возразил Давид, и лицо его внезапно покрыл румянец, а спокойные, обычно маловыразительные глаза загорелись огнем,— но ваши воины напоминают мне сынов Иакова, идущих войной на сихемитов, чей соплеменник возымел дерзкое желание вступить в брак с женщиной из народа, возлюбленного господом. Я же долгое время делил в пути горе и радость с девушкой, которую вы ищете. Правда, я —

человек не воинственный, и бедра мои не препоясаны острым мечом, но все-таки с радостью нанесу удар-другой ради ее избавления.

Разведчик заколебался, словно взвешивая достоинства и недостатки столь странного рекрута, и наконец ответил:

— Вы не умеете обращаться с оружием. Ружья у вас нет, а ведь минги, поверьте мне, с лихвой вернут то, что получат от нас.

— Я, разумеется, не кровожадный бахвал Голиаф, но все же не забыл пример израильского отрока,— возразил Давид, вытаскивая пращу из-под пестрых лохмотьев, прикрывавших его тело.— В молодости я часто упражнялся во владении этим древним оружием и, надеюсь, доныне не разучился управляться с ним.

— Н-да! — процедил Соколиный Глаз, окинув ремень и пращу холодным, обескураживающим взглядом.— Эта штука, пожалуй, еще сгодилась бы против стрел и даже ножей, но французы давно снабдили каждого минга добрым ружьем. Впрочем, поскольку вы, кажется, наделены способностью оставаться невредимым под огнем и до сих пор не слишком пострадали... Поосторожнее, майор! У вас взведен курок, а один преждевременный выстрел может стоить нам двадцати бесцельно потерянных скальпов... Ладно, певец, следуйте за нами. Бог даст, мы извлечем пользу даже из вашего умения драть горло.

— Благодарю вас, друг,— отозвался Давид, по примеру своего библейского тезки усердно запасаясь камнями на берегу ручья.— Если бы вы не взяли меня с собой, я сильно пал бы духом, хоть и не одержим страстью к убийству.

— Помните,— добавил разведчик, многозначительно постукивая себя по голове в том месте, где у Давида была еще не совсем зажившая рана,— мы идем воевать, а не заниматься музыкой. Пока не раздался общий боевой клич, молчит все, кроме ружей.

Давид кивнул, словно выражая согласие с поставленным условием, Соколиный Глаз еще раз окинул отряд внимательным взглядом и знаком приказал выступать.

С милю они двигались по руслу ручья. Хотя обрывистый берег, поросший кустарником, защищал отряд от опасности, разведчик не пренебрег ни одной предосторожностью, принятой у индейцев. Дозорные на флангах не шли, а скорее ползли, лишь изредка распрямляясь, чтобы бросить взгляд на лес; через каждые несколько минут все останавливались и прислушивались к подозрительным звукам с чуткостью, вряд ли доступной человеку, вышедшему из первобытного состояния. Однако ничего не случилось, и делавары достигли места, где ручей вливался в реку, не заметив никаких признаков, которые свидетельствовали бы, что

движение их замечено врагом. Здесь разведчик опять сделал остановку и сверился с лесными приметами.

— Похоже, денек выдался подходящий для боя! — сказал он по-английски Хейуорду, взглянув на облака, начавшие заволакивать небо.— Яркое солнце и сверкающий ствол не в дружбе с меткостью. Пока что все складывается удачно; ветер дует со стороны гуронов, стало быть, донесет до нас и шум и дым, что уже не мало. Зато с нашей стороны сперва раздастся выстрел, а уж потом гуроны узнают, в чем дело. Однако прикрытие наше кончилось: этими берегами сотни лет владеют бобры, и, как сами видите, от запруды до места, где они хранят запасы еды, пней много, а деревьев мало.

Нельзя отрицать, что этими несколькими словами Соколиный Глаз неплохо описал открывшуюся перед отрядом картину. Русло потока было в ширину очень неровным: он то сужался, прорываясь через узкий проход между скалами, то разливался в низинах на целые акры, образуя нечто вроде прудов. Всюду по берегам виднелись погибающие деревья в разных стадиях умирания: одни со скрипом покачивались на расшатанных корнях, с других совсем недавно была начисто содрана кора, так загадочно охраняющая их жизнь. На прогалине, словно памятники древних, давно ушедших поколений, были разбросаны невысокие кучи длинных и уже поросших мохом стволов.

Разведчик изучал все эти подробности с интересом и вниманием, какого они, вероятно, никогда еще не вызывали. Он знал, что становище гуронов расположено в половине короткой мили вверх по реке, и с недоверчивостью человека, боящегося скрытой опасности, крайне беспокоился, не обнаруживая никаких признаков врага. Несколько раз его подмывало даже скомандовать наступление и попытаться с ходу захватить гуронский лагерь, но опыт быстро подсказывал ему, что такая попытка и опасна и бесполезна. Тогда он, до боли напрягая слух, пробовал поймать какие-нибудь тревожные звуки в той стороне, где остался Ункас. Но все по-прежнему было безмолвно, если не считать завываний ветра, порывы которого, предвещая непогоду, все чаще ощущались в лесу. Наконец, повинуясь скорее нетерпению, чем голосу своего богатого опыта, Соколиный Глаз решил действовать и, не таясь больше, осторожно, но неуклонно двигаться вверх по речке.

Предаваясь наблюдениям, разведчик стоял в тени кустарника, а воины его все еще лежали в лощине, где протекал ручей. Теперь, заслышав тихий, но внятный сигнал, делавары бесшумно, как темные призраки, взобрались на берег и окружили предводителя. Указав избранное направление, Соколиный Глаз пошел впереди, а воины, исключая, конечно, Хейуорда и Давида, растянулись

цепочкой и двинулись вслед за ним, с поразительной тщательностью ступая след в след, чтобы создать впечатление, будто здесь прошел лишь один человек.

Не успел, однако, отряд выйти из-под прикрытия, как с тыла грянул залп из дюжины ружей, и один из делаваров, высоко подпрыгнув, словно раненый олень, во весь рост растянулся на земле: он был убит наповал.

— Вот таких дьявольских штучек я и опасался! — вскричал по-английски разведчик и, молниеносно перейдя на делаварский, скомандовал: — Под прикрытие, и огонь!

Отряд мгновенно рассыпался, и, прежде чем Хейуорд оправился от изумления, рядом с ним остался лишь Давид. К счастью, гуроны сразу же отступили, и оба англичанина оказались в безопасности от вражеских выстрелов. Но так, естественно, не могло тянуться долго, и разведчик первым начал преследование медленно отступающих гуронов, посылая в них пулю за пулей, перебегая от дерева к дереву и увлекая за собой товарищей.

Первую атаку гуроны, видимо, осуществили очень небольшими силами, но по мере того как они отходили к своим, число их воинов заметно увеличивалось, и вскоре ответная пальба соплеменников Магуа почти сравнялась по плотности с огнем наступающих делаваров. Хейуорд бросился в гущу схватки и, подражая тактике своих союзников, открыл частый огонь из ружья. Дело становилось все более жарким и упорным. Раненых пока что было немного, поскольку обе стороны старались по возможности прятаться за деревьями и высовывались из-за них лишь для того, чтобы прицелиться. Однако перевес постепенно переходил на сторону противника. Проницательный разведчик быстро заметил надвигавшуюся угрозу, но не знал, как предотвратить ее. Он понимал, что отступать еще опаснее, чем оставаться на месте, так как гуроны, накопившись на флангах, вскоре почти лишили делаваров возможности выдвигаться из-за прикрытия и отстреливаться. В эту критическую минуту, когда люди Соколиного Глаза уже полагали, что вражеское племя вот-вот окружит их и уничтожит, из той части леса, где остался Ункас со своими воинами, донеслись крики сражающихся и бряцание оружия; местность эта лежала, так сказать, в низине, по сравнению с прогалиной, где сражался разведчик.

Такой поворот событий мгновенно и сильно облегчил положение отряда. Атака его не удалась, потому что гуроны лишили делаваров преимущества внезапности; зато теперь враги, в свой черед, ошиблись в намерениях и численности нападающих и оставили слишком мало людей для отражения нежданного и стремительного натиска молодого могиканина. Это со всей очевид-

ностью подтверждалось и тем, с какой быстротой Ункас продвигался к вражескому лагерю, и тем, как мгновенно поредели ряды воинов, окружавших отряд Соколиного Глаза: гуроны ринулись спасать положение на лобовом,— теперь это уже стало ясно,— главном участке фронта.

Ободряя соратников голосом и примером, Соколиный Глаз скомандовал наступление.

Последнее в подобной примитивной войне сводилось к перебежкам от прикрытия к прикрытию для постепенного сближения с противником, и маневр этот делавары осуществили быстро и успешно. Гуронам пришлось отступить, и сражение переместилось со сравнительно открытой местности в самую чащу, где нападающим легче было укрываться в зарослях. Здесь бой стал еще ожесточеннее, хотя исход его по-прежнему казался сомнительным: убитых у делаваров, правда, не было, но они ослабели от потери крови, так как за свою невыгодную позицию отряд поплатился большим числом раненых.

В эту переломную минуту Соколиный Глаз ухитрился проскользнуть к дереву, под защитой которого стоял Хейуорд; большая часть его воинов располагалась неподалеку, справа, ведя частый, хотя и бесполезный огонь по укрывшемуся противнику.

— Вы молоды, майор,— сказал разведчик, опуская ружье на землю и устало опираясь на дуло.— Быть может, вам еще придется когда-нибудь вести армию на этих мошенников-мингов. Сегодня вы видели, как воюют индейцы. Тут важнее всего меткая рука, зоркий глаз и надежное прикрытие. Ну, что бы вы, скажем, делали, будь в вашем распоряжении полк королевских солдат? Как бы вы им распорядились?

— Проложил бы себе дорогу штыками.

— Что ж, с точки зрения белого человека, в ваших словах есть резон. Но в этой глуши первый вопрос, какой приходится себе задавать, это сколько жизней можно сберечь,— продолжал разведчик, в раздумье покачивая головой.— Нет, здесь один выход — кавалерия. Кони — вот что рано или поздно будет решать судьбу подобных схваток, хоть мне и стыдно в этом признаваться. Животные в таких делах нужнее людей, и к ним мы в конце концов и прибегнем! Пускайте лошадь по следу мокасинов, и если краснокожий выстрелит, он уже не успеет остановиться, чтобы перезарядить ружье.

— Об этом предмете мы потолкуем в другой раз,— возразил Хейуорд.— Не пора ли сейчас перейти в наступление?

— Не вижу ничего зазорного в том, что человек тратит минуту передышки на размышления,— скромно отпарировал раз-

ведчик.— А наступление мне мало по вкусу, потому как обойдется оно нам в несколько скальпов. И все же,— добавил он, наклоняя голову набок и вслушиваясь в шум отдаленного сражения,— если мы хотим помочь Ункасу, надо покончить с мерзавцами, преградившими нам дорогу!

Затем, отвернувшись от Хейуорда, Соколиный Глаз быстро и решительно заговорил со своими воинами. В ответ делавары издали громкий клич и по сигналу разом выскочили из-за деревьев. Появление такого множества смуглых тел перед глазами гуронов повлекло за собой торопливый и, следовательно, не слишком меткий залп с их стороны. Ни на секунду не останавливаясь, чтобы перевести дух, делавары огромными скачками, как пумы, прыгающие на добычу, ринулись в глубь леса. Соколиный Глаз бежал впереди, потрясая грозным оленебоем и вдохновляя воинов своим примером. Несколько более пожилых и сметливых гуронов не поддались на вражескую уловку, целью которой было вызвать преждевременный залп и не дать противнику время перезарядить ружья; подтвердив опасения разведчика, они выстрелами с короткой дистанции, сразили трех его воинов, бежавших впереди. Но эта потеря оказалась не настолько значительной, чтобы задержать атакующих. Делавары ворвались туда, где укрывался неприятель, и стремительно, со свойственной им в бою беспощадностью подавили все попытки к сопротивлению.

Рукопашная оказалась краткой, и гуроны в беспорядке отступили на другой край чащи, где с отчаянным упорством затравленных зверей снова засели под прикрытие деревьев. В этот решающий момент, когда исход схватки опять стал сомнителен, в тылу у гуронов прогремел выстрел, пуля просвистела между хатками бобров, расположенными на прогалине, и вслед за этим раздался свирепый, оглушительный боевой клич.

— Это сагамор! — вскричал Соколиный Глаз, громовым голосом отвечая на зов друга.— Ну, теперь мы зажали их и с фронта и с тыла.

Выстрел и клич возымели мгновенное действие. Обескураженные нападением с той стороны, где не было никакого прикрытия, гуроны в один голос издали отчаянный вопль разочарования и рассеялись, ища спасения в бегстве. Многие из них пали под пулями и ударами преследовавших врага делаваров.

Мы не станем подробно описывать ни встречу разведчика с Чингачгуком, ни еще более трогательный разговор Дункана и взволнованного отца его возлюбленной. Несколько коротких, наспех брошенных фраз — и обе стороны уяснили себе положение. Затем Соколиный Глаз, указав воинам на сагамора, передал командование вождю могикан. Эту должность, на которую Чингач-

гук имел полное право по рождению и по опыту, индеец принял с суровым достоинством, придающим непререкаемость приказам туземного вождя. Он повел отряд по следам разведчика обратно через чащу, и его воины попутно скальпировали нескольких мертвых гуронов, а заодно укрыли тела павших соратников. Наконец они добрались до места, где Чингачгук счел возможным сделать остановку.

Воины, уже успевшие перевести дух после недавней схватки, оказались теперь на небольшой равнине, достаточно густо усеянной деревьями для прикрытия в бою. Впереди виднелся крутой обрыв, а под ним на несколько миль узкой полосой тянулся густой темный лес — там Ункас вел сейчас бой с главными силами гуронов.

Могиканин подошел с друзьями к краю обрыва и настороженно прислушался к звукам сражения. Над деревьями метались вспугнутые из укромных гнезд птицы; кое-где поднимались облачки дыма, уже растворявшиеся в воздухе и указывавшие, что под ними схватка кипит особенно долго и ожесточенно.

— Поле битвы, по-моему, перемещается выше,— заметил Дункан, кивая в сторону, откуда донесся новый залп.— Мы находимся слишком близко от центра боевого порядка наших друзей, а значит, мало чем способны им помочь.

— Они повернут в ущелье, где лес гуще, и тогда мы очутимся как раз на фланге,— возразил разведчик.— Иди туда, сагамор. Ты еле-еле поспеешь издать вовремя боевой клич и пустить в дело своих воинов. Я же останусь здесь во главе тех, чья кожа одного цвета с моей. Ты меня знаешь, могиканин: мой оленебой не даст ни одному гурону зайти незамеченным тебе в тыл.

Индейский вождь помедлил еще с минуту, наблюдая за сражением, поле которого быстро перемещалось вверх по склону, что было верным признаком торжества делаваров, и не двинулся с места, пока не убедился, что друзья и враги уже близко; это подтвердили делаварские пули, защелкавшие в сухих листьях, словно градинки, предвестницы бури. Соколиный Глаз и трое его спутников отошли немного назад и встали под прикрытие, ожидая исхода сражения с тем спокойствием, какое дает лишь большой опыт.

Вскоре выстрелы перестали отдаваться громким эхом в лесу и зазвучали так, словно бой шел на открытой местности. То тут, то там на опушке замелькали гуроны, вытесненные из лесу; достигнув прогалины, они поспешно стягивались, словно готовясь дать последний отпор. Число их все возрастало, и вскоре они слились в одну темную шеренгу, с упорством отчаяния искавшую хоть

какое-нибудь прикрытие. Хейуорд, охваченный нетерпением, тревожно посмотрел на Чингачгука. Вождь с бесстрастным лицом сидел на скале и взирал на происходящее так хладнокровно, как будто находился здесь лишь для того, чтобы полюбоваться зрелищем.

— Могиканину пора бы ударить на врага! — сказал Дункан.

— Нет, еще нет,— возразил разведчик.— Когда Чингачгук увидит, что наши близко, он даст им знать о себе. Смотрите-ка, мерзавцы облепили вон те сосны, словно рой пчел, возвратившихся в улей. Ей-богу, по такому клубку темных шкур женщина — и та не промахнется.

В ту же секунду Чингачгук издал клич, и дюжина гуронов рухнула наземь под пулями его воинов. В ответ на зов могиканина из лесу донесся боевой клич, и воздух огласился таким оглушительным воем, словно тысяча голосов слилась в едином усилии. Гуроны дрогнули, ряды их смешались, и в образовавшуюся брешь ворвалась из лесу сотня делаваров во главе с Уикасом.

Молодой вождь махнул рукой направо и налево, указывая направление своим людям, которые тут же разделились и бросились преследовать противника. Боковая линия гуронов окончательно распалась, и оба ее крыла опять устремились в лес, гонимые победоносными ленапе. Прошло не более минуты, а шум боя уже стал затихать, рассеиваясь в разные стороны и замирая под густыми лиственными сводами. Однако небольшая кучка гуронов не пожелала искать спасения в лесу, а медленно и мрачно, подобно стае затравленных львов, отходила вверх по косогору, с которого только что спустился Чингачгук со своим отрядом, чтобы принять деятельное участие в погоне. В середине этой кучки было отчетливо видно свирепое, дикое лицо Магуа, даже теперь сохранявшего властный вид вождя.

Стремясь ускорить преследование, Уикас разделил свои силы и остался почти один. Но едва он увидел Хитрую Лисицу, как забыл обо всем на свете. С боевым кличем, на который к нему сбежалось человек шесть-семь его воинов, он, не задумываясь о неравенстве сил, ринулся на врага. Магуа, не спускавший с могиканина глаз, со злобной радостью остановился и приготовился к отпору. Но в тот момент, когда он уже решил, что пылкий могиканин по неосмотрительности угодил ему в руки, раздался еще один боевой клич, и Длинный Карабин в сопровождении своих белых соратников кинулся на выручку другу. Гурон немедленно повернул и устремился вверх по откосу.

Сейчас было не до приветствий и поздравлений: Уикас, словно не замечая, что друзья рядом, с быстротой ветра продолжал гнаться за врагом. Напрасно Соколиный Глаз кричал ему: «Дер-

жись под прикрытием!» Молодой могиканин не обращал внимания на вражеский огонь и вскоре принудил отступающих бежать столь же стремительно, как он сам. К счастью, это состязание в скорости длилось недолго; к тому же удачная позиция белых дала им такой выигрыш во времени и расстоянии, который не позволил могиканину перегнать спутников и пасть жертвой собственной отваги. Предупреждая подобное бедствие, преследователи на плечах преследуемых ворвались в селение вейандотов.

При виде родных жилищ утомленные гуроны собрались с духом, остановились у хижины совета и с яростью отчаяния возобновили бой. Делавары нападали с неистовством урагана, сея на своем пути смерть и разрушение. Томагавк Ункаса, ружье Соколиного Глаза, даже твердая еще рука Манроу — все пошло в ход, и вскоре трупы врагов усеяли землю. Тем не менее Магуа, по-прежнему смело кидавшийся в самую гущу схватки, увертывался от сыпавшихся на него ударов так ловко, словно находился под защитой некой волшебной силы, охранявшей любимцев судьбы, как повествуют древние сказания. Увидев, что его сотоварищи пали, коварный вождь испустил яростный вопль отчаяния и вместе с двумя уцелевшими друзьями покинул поле боя, предоставив делаварам снимать с убитых кровавые трофеи победы.

Ункас, тщетно искавший соперника глазами во время жестокой схватки, бросился теперь в погоню за гуроном; Соколиный Глаз, Хейуорд и Давид последовали за молодым вождем. Разведчик мог сделать для своего юного друга только одно — выставить дуло ружья чуть-чуть вперед и прикрывать им Ункаса, словно заколдованным щитом. Магуа возымел было намерение в последний раз попытаться отомстить за свой проигрыш, но намерение это, видимо, рассеялось столь же быстро, как возникло, потому что Лисица сперва укрылся от преследователей в густых кустах, а затем нежданно проскользнул в уже известную читателю пещеру. Соколиный Глаз, который не пустил ему вдогонку пулю лишь из боязни попасть в Ункаса, издал торжествующий крик и объявил, что дело выиграно. Преследователи устремились в длинный узкий проход как раз вовремя, чтобы не потерять из виду бегущих гуронов. Они гнались за ними по галерее и смежным помещениям, сопровождаемые криками и воплями сотен женщин и детей. В тусклом неверном свете пещера казалась адом, где мечутся толпы грешных душ, преследуемые кровожадными демонами.

Ункас не спускал глаз с Магуа, словно только гурон и существовал для него на свете. Хейуорд и разведчик следовали по пятам за молодым вождем, движимые тем же, хотя, может быть, и не столь всепоглощающим чувством. Но темные и мрачные переходы становились все более запутанными, а фигуры убегающих врагов

мелькали все реже и менее отчетливо. На мгновение белым почудилось даже, что они потеряли след, как вдруг в дальнем конце прохода, который, по-видимому, вел к горе, мелькнуло светлое платье.

— Это Кора! — вскричал Хейуорд, и в голосе его радость смешалась с ужасом.

— Кора! Кора! — повторил Ункас, устремляясь вперед с быстротой оленя.

— Это девушка! — воскликнул разведчик.— Держитесь, леди! Мы идем, идем!

Мимолетный взгляд на пленницу удесятерил рвение преследователей. Но путь их был усеян всяческими препятствиями, неровен, местами почти непроходим. Ункас отшвырнул ружье и очертя голову понесся вперед. Хейуорд столь же быстро последовал его примеру, хотя уже через секунду оба они убедились, насколько безрассуден их поступок: раздался раскатистый грохот ружья, которое гуроны, улучив удобное мгновение, разрядили в узкий проход между скалами, и пуля оцарапала молодого могиканина.

— Мы должны сойтись с ними в рукопашную! — крикнул разведчик, отчаянным скачком опережая друзей.— На расстоянии мерзавцы перебьют нас всех до одного. Видите, они прикрываются девушкой, как щитом!

Хотя спутники разведчика не обратили внимания на эти слова или, вернее, не расслышали их, они последовали его примеру и ценой невероятного напряжения сил настолько сократили дистанцию между собой и беглецами, что увидели, как два воина тащат Кору, а Магуа, руководящий отступлением, указывает им дорогу. На секунду все четыре фигуры отчетливо вырисовались на фоне неба и тут же исчезли. Обезумев от отчаяния, Ункас и Хейуорд удвоили свои без того уже нечеловеческие усилия и выскочили наконец из пещеры на склон горы как раз вовремя, чтобы заметить, куда кинулись преследуемые. Теперь им предстоял подъем, так что путь стал еще опаснее и утомительнее.

Разведчик, обремененный ружьем, чуть-чуть отстал от остальных, а Ункас опередил Хейуорда. Они с поразительной быстротой перебирались через скалы, расселины и прочие преграды, которые в другое время и при других обстоятельствах сочли бы непреодолимыми. Пылкие молодые люди вскоре были вознаграждены за труд: они увидели, что гуроны, волочившие за собой Кору, быстро утрачивают выигрыш в расстоянии.

— Стой, вейандотская собака! — вскричал Ункас, потрясая сверкающим томагавком.— Делавар приказывает тебе: «Стой!»

— Я не пойду дальше! — закричала Кора, внезапно останавливаясь на краю утеса, нависшего над бездонной пропастью, неподалеку от вершины горы.— Убей меня, если хочешь, проклятый гурон, но дальше я не пойду!

Дикари, тащившие девушку, занесли над ней томагавки с дьявольским ликованием, которое охватывает извергов, готовящихся совершить злодеяние, но Магуа неожиданно перехватил их поднятые руки. Вождь гуронов швырнул в пропасть отнятое у соплеменников оружие, вытащил нож и повернулся к пленнице с выражением, выдававшим жестокую борьбу противоречивых страстей в его душе.

— Женщина, выбирай,— бросил он.— Или вигвам Магуа, или нож.

Кора не удостоила его даже взглядом. Она опустилась на колени, лицо ее залил румянец, она подняла глаза, протянула руки к небу и кротко, но твердо произнесла:

— Я — твоя раба, господи! Да свершится воля твоя!

— Выбирай, женщина! — хрипло повторил Магуа, тщетно силясь поймать ясный взгляд ее сияющих глаз.

Но Кора не слышала его и не обращала на него внимания. Гурон задрожал и высоко занес над нею нож, но тут же опустил руку со смятенным видом человека, находящегося в нерешительности. После мгновения внутренней борьбы он вновь поднял свое острое оружие, но в этот момент над головой у него прозвучал пронзительный крик, и Уикас, стремительно прыгнув с головокружительной высоты, упал между ними. Магуа отшатнулся, один из его людей воспользовался этим и вонзил нож Коре в сердце.

Гурон, как тигр, ринулся на дерзкого соплеменника, уже кинувшегося наутек, но тело Уикаса помешало этой противоестественной схватке. Обезумев при виде убийства, совершенного на его глазах, Магуа оставил дикаря и всадил нож в спину распростертого делавара. Тем не менее Уикас, собрав последние силы, вскочил, кинулся, как раненая пума, на убийцу Коры, поверг его мертвым к своим ногам и окинул Магуа суровым, неумолимым взглядом, словно желая сказать, что он сделал бы с врагом, если бы сам не был при смерти. Магуа отвел теперь уже беспомощную руку делавара и трижды пронзил ему ножом сердце, пока Уикас, все еще не спускавший с противника невыразимо презрительного взгляда, не рухнул бездыханный к его ногам.

— Сжалься, гурон! Сжалься! — кричал сверху Хейуорд, задыхаясь от ужаса.— Пощади, и тебя пощадят!

Магуа только погрозил Дункану окровавленным ножом и

издал свирепый ликующий крик, такой громкий, что звуки дикого торжества донеслись до тех, кто сражался в долине, на тысячу футов ниже. В ответ раздался оглушительный крик разведчика, чья высокая фигура приближалась к дикарю по скользкому краю утеса такими отчаянно смелыми скачками, словно обладала способностью парить в воздухе. Но добежав до места кровавой резни, Соколиный Глаз нашел там лишь мертвые тела. На мгновение он задержал зоркий взгляд на жертвах, но тут же устремил его на гору, оценивая трудности предстоящего подъема. На вершине горы, у самого края головокружительной пропасти, он увидел фигуру, стоявшую с поднятыми руками в страшной, угрожающей позе. Не раздумывая, кто это может быть, разведчик вскинул ружье, но в ту же секунду камень, пущенный рукой незнакомца, обрушился на голову одного из убегавших гуронов, и Соколиный Глаз разглядел пылавшее гневом лицо честного Гамута. Затем из соседней расщелины показался Магуа, равнодушно перешагнул через труп последнего соратника, перепрыгнул через вторую широкую расселину и спустился по скале туда, где его уже не могла настичь рука Давида. Еще один прыжок — и он был бы в безопасности. Но прежде чем совершить этот спасительный маневр, Магуа остановился, погрозил разведчику рукой и крикнул:

— Бледнолицые — собаки! Делавары — бабы! Магуа оставляет их на скале в добычу воронам!

Он хрипло расхохотался, сделал отчаянный скачок, сорвался, но успел все же ухватиться руками за куст и повис над пропастью. Увидев это, Соколиный Глаз припал к земле, словно хищный зверь перед прыжком; он так дрожал от нетерпения, что его слегка приподнятое ружье ходило у него в руках, как колеблемый ветром листок. Сообразительный Магуа не стал утомлять себя бесполезными рывками, а нащупал ногой небольшой выступ, на который мог опереться. Затем, собравшись с силами, он сделал попытку вскарабкаться на утес, и ему уже удалось подтянуть колени к краю. И вот теперь, когда тело врага сжалось в комок, разведчик, подавив свое волнение, поднял ружье и прицелился. Окрестные скалы — и те вряд ли были неподвижней, чем его оленебой перед выстрелом. Просвистела пуля, руки гурона ослабли, тело откинулось назад, но колени еще оставались в прежнем положении. Магуа посмотрел на врага глазами, полными непримиримой ненависти, и с мрачным вызовом погрозил ему. Но тут он, выпустив ветку, за которую держался, прорезал воздух, перелетел через окаймлявший гору кустарник, и его смуглое тело стремительно понеслось вниз головой навстречу гибели.

ГЛАВА XXXIII

Отряд отважно турок бил,
Стяжал победу он,
Но Бо́царис в сраженье был
Десятком пуль пронзен.
На клич «ура!» друзьям вокруг
Улыбкою ответив вдруг,
Смежил глаза герой,
Так закрываются цветы
Пред наступленьем темноты
Закатною порой.

Холлек

Вставшее утром солнце застало племя ленапе в глубокой скорби. Битва отгремела, делавары утолили жажду мести и рассчитались с ненавистными мингами за недавнюю обиду, уничтожив целую их общину. Черные клубы смрадного дыма, поднимавшиеся над местом, где был разбит лагерь гуронов, достаточно красноречиво свидетельствовали об участи, постигшей это кочевое племя, а сотни воронов, темными стаями кружившихся над вершиной горы и над широкой полосой леса, указывали путь туда, где произошла роковая схватка. Словом, глаз любого человека, маломальски знакомого с характером военных действий на границе, без труда обнаружил бы несомненные приметы тех страшных последствий, к каким обычно приводит месть индейцев.

И все же солнце застало племя ленапе в глубокой скорби. Не слышно было ни криков ликования, ни торжествующих песен в честь победы. Воины, свершив свое страшное дело, вернулись в лагерь лишь затем, чтобы поскорей сорвать с себя кровавые трофеи и слить голос со стоном и рыданиями соплеменников. Гордость и восторг уступили место смирению, самые жестокие человеческие страсти сменились искренним выражением безысходного горя.

Хижины опустели, но поблизости от них широким кольцом в глубоком молчании стояли с хмурыми лицами все уцелевшие обитатели становища. Мужчины и женщины, образовавшие эту живую стену, были все, без различия пола, возраста и положения, проникнуты одним чувством. Все глаза были устремлены на середину кольца, где и находились предметы всеобщего внимания.

Шесть делаварских девушек с длинными черными волосами, распущенными и свободно ниспадавшими на грудь, стояли поодаль и лишь изредка подавали признаки жизни, осыпая благоуханными травами и лесными цветами ложе из покрытых индейскими покрывалами душистых ветвей, где покоились останки пылкой, благородной, великодушной Коры. Тело ее было закутано в такие же простые индейские ткани, а лицо навсегда укрыто от

людских взоров. В ногах ее сидел безутешный Манроу. Голова старика склонилась чуть ли не до земли, лицо выражало безропотную покорность воле провидения, но страдальчески сдвинутые брови, лишь наполовину скрытые беспорядочно рассыпавшимися прядями седых волос, выдавали тайное отчаяние. Рядом с полковником, смиренно обнажив голову, стоял Гамут, и его грустный, участливый взгляд то и дело переходил с томика стихов, содержавшего столько утешительных священных песнопений, на останки той, скорбь о которой душа его жаждала сейчас смягчить успокоительными чарами музыки. Хейуорд тоже был неподалеку и, опершись о дерево, напрягал все силы, чтобы не поддаться порыву горя.

Эта печальная сцена все же была менее трогательна, нежели та, что развертывалась на противоположном конце плато. Уикас в самых богатых одеждах и драгоценных украшениях, какие только нашлись у его племени, сидел, словно живой, в величественной, исполненной достоинства позе. Над головой его развевались роскошные перья, тело его было обильно украшено ожерельями, браслетами, медалями, но потухшие глаза и неподвижные черты лица слишком явственно опровергали суетную басню о том, будто обладание сокровищами делает человека гордым и счастливым.

Перед трупом Уикаса сидел Чингачгук без оружия, раскраски и каких бы то ни было украшений, кроме ярко-синей эмблемы племени, неизгладимо запечатленной на его нагой груди. Соплеменники могиканина давно уже собрались, а он все еще не отводил глаз от похолодевшего, безжизненного лица сына. Взгляд его был так пристален и упорен, поза так неподвижна, что посторонний не понял бы, кто из них живой, а кто мертвый, если бы по временам душевная мука не искажала смуглые черты старого вождя, в отличие от мертвенного покоя, сковавшего лицо юноши.

Рядом, задумчиво опираясь на ствол рокового, сполна отомстившего врагу ружья, стоял разведчик, а Таменунд, поддерживаемый двумя старейшинами, занимал обычное место на холмике, откуда мог взирать на скорбные и безмолвные лица своего народа.

Внутри круга, но у самого края плато стоял офицер в чужеземном мундире, а за кольцом туземцев его ждали боевой конь и целая свита всадников, готовых, видимо, отбыть в дальнюю дорогу. Одежда иноземца свидетельствовала, что он занимает важную должность при наместнике Канады: по всей вероятности, он приехал сюда, чтобы восстановить мир между союзниками французов, но увидел, что намерения его разбились о свирепость и непримиримость враждующих племен, и удовольствовался тем, что стал молчаливым очевидцем последствий той схватки, предотвратить которую так и не успел.

Время близилось к полудню, а толпа, собравшаяся еще на заре, до сих пор хранила безмолвие, лишь изредка прерываемое подавленными рыданиями. За все эти томительные часы никто не шелохнулся, если не считать юных делаварок, воздававших по временам простые и трогательные почести погибшей красавице. Только терпеливые и твердые индейцы способны были на столь неколебимую и продолжительную сосредоточенность, словно превратившую их смуглые неподвижные фигуры в каменные изваяния.

Но вот делаварский мудрец протянул вперед руки и, опираясь на плечи спутников, встал с места. Сейчас Таменунд был так слаб, что, казалось, прошло еще целое столетие, с тех пор как накануне он появился перед своим народом.

— Люди ленапе! — начал он глухим голосом прорицателя, возвещающего чью-то высшую волю.— Маниту скрыл свой лик за тучами! Глаза его отвратились от вас, уши глухи, уста не дают ответа! Вы не видите его, но приговор его — перед вами. Пусть же сердца ваши откроются, а души не лгут. Люди ленапе, Маниту скрыл свой лик за тучами!

Эти простые, но страшные слова были встречены таким глубоким благоговейным молчанием, словно их изрек не человек, а сам Дух, почитаемый делаварами. Даже бездыханный Ункас казался живым существом в сравнении с подавленной и неподвижной толпой, окружавшей его. Когда же первое впечатление постепенно прошло, голоса из толпы негромко затянули песнь в честь усопших. Пели женщины, и голоса их звучали удивительно мягко и нежно. Правда, в словах не было последовательности, но едва одна исполнительница смолкала, песню или, вернее, причитание подхватывала другая, и каждая давала волю чувствам, выражая их тем языком, какой они ей подсказывали. По временам пение прерывалось взрывами всеобщего горя, и тогда девушки, собравшиеся вокруг Коры, хватали с ее ложа цветы и травы, словно потеряв голову от скорби. Но порыв утихал, и они опять клали на место эти эмблемы чистоты и прелести, всеми способами выражая свою нежность и печаль. Хотя подобные вспышки еще более нарушали логическую связь между произносимым, в словах певиц содержался известный смысл, который, словно припев, передавал определенную цепь мыслей и представлений.

Девушка, которой ввиду ее происхождения и добродетелей было поручено оплакать усопших, начала со скромных намеков на мужество и красоту погибшего воина, украшая свой слог по-восточному образными выражениями в манере, принесенной, видимо, индейцами с другого континента; эта манера сама по себе уже является звеном, связующим древнюю историю Старого и

Нового Света. Девушка именовала Ункаса «пумой своего племени», изображала его человеком, чьи мокасины не оставляли следа на росистой траве, чей прыжок был подобен прыжку молодого оленя, глаза сияли ярче звезд на ночном небосводе, а голос звучал в битве, как гром Маниту. Она напоминала ему о матери, родившей его, и о том, какое счастье иметь такого сына. Она просила передать ей, когда они встретятся в мире духов, что юные делаварки оросили слезами могилу ее сына, а ту, что дала ему жизнь, называли благословенной.

Затем певицу сменили другие плакальщицы; еще более мягкими и нежными голосами, с еще большей проникновенностью и женской деликатностью они запели о чужеземной девушке, покинувшей этот мир почти одновременно с Ункасом, чем Великий дух выразил свою волю слишком ясно, чтобы этим можно было пренебречь. Они умоляли покойного быть добрым с ней и снисходительно относиться к ее неосведомленности в вещах, необходимых для благоденствия такого воина, как он. Они без малейшей зависти превозносили ее несравненную красоту и благородную решительность, как, вероятно, лишь ангелы способны восхищаться превосходством соперника, и закончили тем, что природные достоинства покойной вполне искупают небольшие пробелы ее воспитания.

Вслед за ними другие девушки, подхватив напев, обратились со словами нежности и любви к самой Коре. Они уговаривали ее быть веселой и не опасаться за свое благополучие. Ее спутник — охотник, который сумеет обеспечить все ее нужды, воин, который защитит ее от любой опасности. Они обещали, что путь ее будет приятным, а ноша — легкой. Они просили ее не предаваться ненужным сожалениям о друзьях детства и местах, где жили ее предки, уверяя, что в «благословенных охотничьих угодьях ленапе» она найдет не менее прекрасные долины, чистые источники и ароматные цветы, чем в «небесах бледнолицых». Они советовали ей быть внимательной к своему спутнику и никогда не забывать о различии, столь мудро установленном между ними Маниту. Затем в общем неудержимом порыве они слили голоса, восхваляя молодого могиканина. Они утверждали, что он был благороден, отважен, щедр и обладал всеми достоинствами, которые подобают воину и за которые девушка может полюбить юношу. Облекая мысли в самые изысканные и тонкие образы, они дали ему понять, что за краткое время их знакомства они, с присущей их полу чуткостью, угадали влечение его сердца. Делаварские девушки не пленили его взор! Он принадлежал к роду, владычествовавшему некогда на берегах соленого озера, и сердцем тянулся к племени, живущему у могил его предков. Почему бы и не

одобрить такую склонность? То, что избранная им девушка была лучше и чище своего племени,— это видели все. То, что она была пригодна для трудной и опасной жизни в лесах,— это доказало ее поведение, и теперь, добавляли они, «мудрый владыка земли» перенес ее в край, где она встретит родные души и будет вечно счастлива.

Затем, переменив напев и тему, плакальщицы упомянули о другой девушке, рыдавшей в соседней хижине. Они сравнили ее со снежинкой, сверкающей, чистой, белой, застывающей от зимней стужи и тающей знойным летом. Они выразили уверенность, что она кажется столь же прекрасной и глазам молодого вождя, так сходного с ней и цветом кожи, и горем. Но хотя делаварки и не высказались до конца, было ясно, что они считают ее менее совершенной, нежели ту, кого оплакивают. При всем том они не отказали Алисе ни в одной похвале, притязать на которую ей позволяла ее редкая красота. Золотистые кудри ее были уподоблены вьющейся виноградной лозе, глаза — голубому небосводу, а румяные щеки — белоснежному облачку, окрашенному алыми закатными лучами, с той лишь разницей, что последнее менее привлекательно.

Эти и другие последовавшие за ними песни были исполнены в тишине, нарушаемой лишь голосами певиц, потому что толпа по-прежнему безмолвствовала, облегчая душу только исступленными взрывами отчаяния — их можно было бы условно назвать хором. Делавары слушали, как зачарованные, и постоянно менявшееся выражение их лиц со всей очевидностью свидетельствовало, сколь искренне и глубоко они сожалеют об усопших. Даже Давид охотно прислушивался к нежному, мелодичному пению, и задолго до того, как оно кончилось, его восхищенные взоры доказали, что он покорен им.

Разведчик, единственный из белых, кому были понятны слова песен, переменил свою задумчивую позу и склонил голову набок, чтобы получше расслышать плакальщиц. Но когда они завели речь о будущем Коры и Уикаса, он покачал головой, как человек, сознающий всю ложность их наивных верований, вновь оперся на ружье и оставался в этом положении до самого конца церемонии, если можно назвать так обряд, проникнутый столь искренним и глубоким чувством. К счастью, ни Хейуорд, ни Манроу не понимали смысла слов, иначе им нелегко было бы сохранить самообладание.

Чингачгук был единственным исключением в толпе туземцев, проявлявшей самый живой интерес к обряду. На протяжении всей сцены глаза его ни на миг не оторвались от сына, и ни один мускул не дрогнул на его суровом лице даже во время самых громких или

трогательных причитаний. Для него существовали сейчас на свете лишь холодные, безжизненные останки сына, и все остальные чувства его словно застыли, дабы глаза могли в последний раз запечатлеть черты, которые он так долго любил и которые ныне навсегда скроются от него.

В эту минуту из толпы медленно выступил воин, прославленный боевыми подвигами, особенно своими заслугами в последнем сражении, и с суровым, мрачным видом встал рядом с усопшим.

— Зачем ты покинул нас, гордость делаваров? — обратился он к мертвому Ункасу, словно тело могиканина еще сохраняло в себе живую душу.— Жизнь твоя была подобна солнцу, когда оно еще только поднимается над вершинами деревьев; слава твоя сияла ярче, нежели свет его в полдень. Ты ушел, молодой воин, но целая сотня вейандотов сметает колючки с пути, которым ты следуешь в мир духов. Кто из видевших тебя в битве поверил бы, что и ты смертен? Кто, кроме тебя, мог повести в бой такого воина, как Уттаву? Ноги твои были схожи с орлиными крыльями, руки — тяжелей могучих ветвей сосны, голос — как голос великого Маниту, когда он гремит в тучах. Язык Уттавы слаб,— добавил оратор, печально озираясь вокруг.— На сердце его безмерная тяжесть. Гордость делаваров, зачем ты покинул нас?

За Уттавой в строгом порядке последовали другие воины, пока большинство самых известных и одаренных мужчин племени не высказали или не пропели хвалу останкам погибшего вождя. Когда голос последнего из них смолк, снова воцарилось глубокое безмолвие.

Но вот послышался низкий, глубокий звук, подобный отдаленной музыке, и такой тихий, что, хотя он был хорошо слышен, можно было только догадываться, откуда он летит и что означает. За ним, однако, последовали другие, все более повышавшиеся, пока до слуха присутствующих не донеслись сначала протяжные и часто повторяемые восклицания, а потом и слова. Губы Чингачгука раскрылись, и это позволило догадаться, что сейчас запел он, отец усопшего. Хотя ни один взгляд не устремился на него и толпа не проявила ни малейших признаков волнения, но вид, с каким туземцы подняли головы и прислушались, показывал, что они ловят эти звуки не менее внимательно, чем речь самого Таменунда. Но ожидания их оказались напрасны. Звуки, усилившиеся и ставшие было внятными, вновь понизились, задрожали и наконец совсем замерли, словно унесенные дыханием мимолетного ветерка. Губы сагамора сомкнулись, он смолк и замер, по-прежнему не отрывая глаз от сына. Поза Чингачгука была так неподвижна, как если бы всемогущий, создав его, забыл наделить жизнью. Это подсказало делаварам, что их соплеменник не в

силах сейчас проявить наивысшую степень твердости — исполнить погребальную песню, и они с врожденной деликатностью перестали прислушиваться, перенеся внимание на похороны чужеземки.

Один из старейших вождей подал знак девушкам, окружавшим тело Коры. По его приказу они подняли носилки на плечи и неторопливым, размеренным шагом двинулись вперед, не прерывая нежной и жалобной песни в честь покойницы.

Гамут, неотрывно наблюдавший за обрядом, который почитал языческим, наклонился к отцу девушки и прошептал:

— Они уносят останки вашей дочери. Не пойти ли нам с ними и позаботиться, чтобы ее предали земле по христианскому обычаю?

Манроу вздрогнул, словно в ушах его загремела труба Страшного суда, торопливо бросил встревоженный взгляд на окружающих, встал и последовал за траурной процессией твердым шагом воина, хотя на нем и тяготело безмерное бремя родительской скорби. Друзья шли за ним с выражением такого глубокого горя, которое нельзя было назвать просто сочувствием. Даже молодой француз присоединился к процессии с видом человека, искренне растроганного и опечаленного безвременной трагической гибелью столь прелестной девушки. Но когда самая последняя и скромная из делаварок примкнула к погребальному шествию, воины ленапе вновь сомкнулись плотными рядами вокруг Ункаса, такие же молчаливые, торжественные и неподвижные, как прежде.

Для могилы Коры был выбран холмик, увенчанный группой молодых стройных сосен, чья грустная тень осеняла место погребения. Дойдя до него, девушки опустили носилки на землю и в течение нескольких минут с присущим индианкам терпением и застенчивостью ожидали от тех, кто имел самое близкое касательство к покойной, какого-либо знака, свидетельствующего, что те удовлетворены свершенным обрядом. Наконец разведчик, хорошо знакомый с туземными обычаями, произнес по-делавар-ски:

— Дочери мои сделали все очень хорошо. Белые люди благодарят их.

Обрадованные похвалой девушки уложили тело Коры в гроб, искусно и даже красиво изготовленный из березовой коры, а затем опустили его в последнее мрачное жилище. Так же бесхитростно и молчаливо они засыпали могилу, прикрыв свежую землю листьями и цветами. Но когда добрые женщины, выказав искреннее дружелюбие, закончили свое печальное дело, они остановились в нерешительности, не зная, как поступить дальше. Тут Соколиный Глаз вновь обратился к ним:

— Молодые женщины сделали достаточно. У бледнолицых другой закон — душа их не нуждается ни в пище, ни в одежде... Но я вижу,— добавил он, взглянув на Давида, уже приготовившего заветный томик с очевидным намерением пропеть священный гимн,— что один из них, лучше знакомый с христианскими обрядами, собирается заговорить.

Женщины скромно отступили в сторону, превратившись из главных действующих лиц в смиренных и внимательных зрительниц предстоящей сцены. За все время, пока Давид изливал свои благочестивые чувства, они не проявили ни одного признака удивления, не позволили себе ни одного нетерпеливого взгляда. Они слушали так, словно понимали значение странных для них слов, и, казалось, разделяли ту смесь горя, надежды и покорности судьбе, которая выражалась в этих словах.

Взволнованный только что увиденной сценой, а может быть, движимый и собственным тайным чувством, псалмопевец превзошел самого себя. Его звучный бархатистый голос выдержал сравнение с нежными голосами девушек, а его более мелодичный гимн возымел,— во всяком случае, на тех, кому предназначался,— сугубое действие благодаря тому, что был им понятен. Он закончил свое торжественное песнопение, как и начал, среди глубокой, ничем не возмущаемой тишины.

Но когда смолкли последние звуки гимна, боязливые взгляды, украдкой устремленные на отца покойной, равно как общее, хотя и сдержанное волнение, пробежавшее по толпе, показали, что от Манроу чего-то ожидают. Полковник, видимо, почувствовал, что для него наступило время сделать, быть может, величайшее усилие, на какое способен человек. Он обнажил убеленную сединами голову и обвел вновь примолкшую толпу твердым признательным взглядом. Затем, сделав знак разведчику, проговорил:

— Скажите этим добрым, великодушным женщинам, что убитый горем старик благодарит их. Скажите, что всемогущий создатель, которого мы все чтим, хоть и под разными именами, не забудет их сострадания, когда все мы, без различия пола, чинов и цвета кожи, соберемся вскоре у подножия его престола!

Разведчик выслушал слова ветерана, произнесенные дрожащим голосом, и, когда несчастный отец умолк, медленно и с сомнением покачал головой.

— Сказать им это,— заметил он,— значит сказать, что снег выпадает летом, а солнце светит ярче всего, когда деревья уже лишились листвы.

Затем, повернувшись к женщинам, он выразил им признательность отца, но в таких выражениях, какие, на его взгляд, были доступны пониманию слушательниц. Голова Манроу снова

поникла на грудь, и он опять стал погружаться в прежнее оцепенение, но тут вышепомянутый молодой француз отважился наконец тронуть его за руку. Ему удалось привлечь внимание подавленного горем старика, и он указал ему сперва на группу молодых индейцев, приближавшихся с легкими, но плотно закрытыми носилками, а затем, не менее выразительно,— вверх на солнце.

— Понимаю вас, сэр,— ответил Манроу, силясь придать голосу твердость,— понимаю вас. Это воля провидения, и я покоряюсь ей... Кора, дитя мое! Если бы молитвы убитого горем отца могли быть тебе хоть чем-нибудь полезны, как ты была бы теперь счастлива! Идемте, джентльмены! — добавил он, оглядываясь с показным спокойствием, ибо мука, исказившая его морщинистое лицо, была слишком сильна, чтобы ее удалось скрыть.— Мы отдали последний долг. Идемте же отсюда.

Хейуорд с радостью повиновался и покинул место, где, как он чувствовал, самообладание каждую минуту грозило изменить ему. Однако, пока его спутники садились на коней, он успел пожать разведчику руку и подтвердить, что непременно встретится с ним в расположении английской армии, как они уговорились. Затем он с облегчением вскочил в седло, пришпорил лошадь и поехал рядом с носилками, откуда доносились подавленные рыдания — единственный признак, выдававший присутствие Алисы. Мало-помалу Манроу, чья голова снова понурилась, Хейуорд и Давид, сопровождаемые адъютантом Монкальма и его конвоем, словом, все белые, кроме разведчика, в грустном молчании скрылись с глаз делаваров и вскоре исчезли в густом лесу.

Однако узы, которые в минуту общего горя связали чувства этих простых обитателей леса и чужеземцев, случайно их посетивших, оказалось не так просто порвать. Прошло много лет, прежде чем история белой девушки и молодого могиканского воина, превратившаяся в легенду, перестала помогать делаварам коротать долгие вечера, скрашивать утомительные многодневные переходы и воодушевлять храбрых молодых воинов желанием отомстить врагам. Не позабыли ленапе и второстепенных участников событий.

От разведчика, долгое время служившего связующим звеном между ними и цивилизованным миром, они, в ответ на расспросы, узнали, что Седая Голова вскоре ушел к праотцам, сведенный в могилу, как ошибочно полагали, своими военными неудачами; что Щедрая Рука увез его дочь далеко в поселения бледнолицых, где слезы ее в конце концов иссякли и сменились радостной улыбкой, куда более подобавшей ее жизнелюбивой натуре.

Впрочем, все эти события произошли гораздо позже того времени, о коем мы повествуем. А пока что Соколиный Глаз,

покинутый соотечественниками, возвратился туда, куда сердце влекло его с силой, стоящей превыше всех узаконенных союзов и связей. Он поспел как раз вовремя, чтобы бросить прощальный взгляд на Ункаса, которого уже обряжали в последнюю одежду из звериных шкур. Делавары остановились, чтобы дать разведчику пристально, долго и любовно всмотреться в лицо мертвеца, а потом завернули тело и больше не открывали его. Процессия, похожая на первую, двинулась в путь, и вскоре все племя собралось вокруг временной могилы молодого вождя — временной потому, что в свой день и час останкам его предстояло упокоиться среди могил предков.

Жесты и чувства всех индейцев были общими и одинаковыми. Они провожали Ункаса, как и Кору, с теми же сдержанными проявлениями горя, в том же угрюмом молчании, с тем же почтением к человеку, для которого утрата оказалась особенно тяжела. Тело могиканина предали земле в сидячем положении, в позе отдохновения, лицом к восходу; рядом с ним положили оружие для войны и охоты, приготовленное к последнему пути. В берестяном гробу, предохранявшем тело от соприкосновения с почвой, было проделано отверстие, чтобы душа покойного могла, в случае необходимости, сообщаться со своим земным обиталищем. Могилу засыпали и со свойственной индейцам изобретательностью приняли меры для защиты ее от хищных зверей. На этом погребальная церемония закончилась, и присутствующие перешли к духовной, так сказать, стороне обряда.

Еще раз предметом общего внимания стал Чингачгук. Он еще ничего не сказал, и теперь все надеялись услышать из уст столь великого вождя что-нибудь утешительное и назидательное по поводу такого из ряда вон выходящего события. Сознавая, чего желает народ, суровый и сдержанный, воин поднял понурую до сих пор голову, обнажил лицо, закрытое складками одежды, и твердым взглядом обвел собравшихся. Его крепко сжатые выразительные губы разомкнулись, и впервые за всю церемонию голос зазвучал отчетливо и громко.

— Зачем печалятся мои братья? — начал он, глядя на хмурые, скорбные лица воинов, окружавших его.— Зачем рыдают мои дочери? Уж не потому ли, что молодой воин ушел на угодья счастливой охоты, что вождь с честью прожил жизнь? Он был добр, он был почтителен, он был храбр. Кто дерзнет отрицать это? Маниту нуждался в таком воине и призвал его к себе. А я, сын и отец Ункаса, остался оголенной сосной на прогалине бледнолицых. Род мой покинул берега соленого озера и делаварские холмы. Но кто посмеет сказать, что Змей своего племени утратил былую мудрость? Я одинок...

— Нет, нет! — вскричал Соколиный Глаз, который до сих пор тоскливыми глазами взирал на суровые черты друга, но сохранял самообладание, покинувшее его лишь при этих словах.— Нет, сагамор, ты не одинок. Кожа у нас разного цвета, но бог повелел нам идти одной тропой. У меня нет близких и — могу сказать это, как ты,— нет родного народа. Ункас был твой сын и родился краснокожим; наверно, он ближе тебе по крови, но если я когда-нибудь забуду мальчика, который так часто сражался бок о бок со мной в дни войны и спокойно спал рядом в дни мира, пусть и меня забудет тот, кто создал нас всех, какого бы цвета ни была наша кожа! Мальчик на время покинул нас, но ты не одинок, сагамор!

Чингачгук сжал руки, горячо и порывисто протянутые ему разведчиком над свежей могилой, и в этой дружеской позе двое суровых и неустрашимых обитателей леса склонили головы, роняя жгучие слезы, орошавшие могилу Ункаса, словно капли дождя.

Гробовое молчание, каким делавары встретили вспышку чувств знаменитых воинов, было нарушено голосом Таменунда.

— Довольно! — сказал он.— Идите, дети ленапе. Гнев Маниту еще не угас. Зачем Таменунду жить дальше? Хозяевами земли стали бледнолицые, а время краснокожих еще не пришло. Мой день был слишком долог. На утре его я видел детей Унамис сильными и счастливыми, но, прежде чем для меня наступила ночь, я увидел смерть последнего воина из мудрого рода могикан!

ШПИОН

Роман Д.-Ф. Купера «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» («The Spy: A Tale of the Neutral Ground») увидел свет 2 декабря 1821 года. Он имел большой успех как в Америке, так и в Англии и выдержал уже в прошлом столетии ряд переизданий. Особого внимания заслуживает лондонское иллюстрированное издание (Генри Колберн и Ричард Бентли) 1831 года, просмотренное автором, который добавил новое введение и примечания к роману.

Этому изданию «Шпиона» предшествует эпиграф из Вальтера Скотта («Песнь последнего менестреля», песнь шестая), обычно опускаемый в последующих изданиях:

Где тот мертвец из мертвецов,
Чей разум глух для нежных слов:
«Вот милый край, страна родная!»

В дальнейшем английский текст романа «Шпион» перепечатывался по изданию 1831 года.

Третье, нью-йоркское, издание 1852 года (Стринджера и Таунсенда) содержит авторское посвящение английскому знакомому Купера, Джеймсу Эйтчисону, в котором писатель считает нужным специально пояснить, что в образе полковника Уэлмира не хотел задеть англичан. В предисловии к этому изданию Купер говорит об особенностях американской действительности, отмечая положительные и отрицательные стороны «здравого смысла», отличительной черты американского характера. По мнению автора «Шпиона»,

«человек здесь — создание иного рода, чем в других странах. Короче говоря, весь тот блеск, который можно придать повествованию с помощью забытых легенд, тонких различий и образов, связанных с ассоциациями идей, отсутствует в этой стране фактов».

Через год после напечатания «Шпион» был переведен на французский язык, а позже и на другие языки. На русском языке роман появился впервые в 1825 году в неудачном переводе с французского издания, выполненном Ив. Кропениковым. Это издание явилось первым переводом Купера на русский язык.

Из дореволюционных изданий «Шпиона» следует отметить полный перевод романа, выполненный Е. М. Чистяковой-Вэр с английского оригинала 1831 года. Это русское издание, напечатанное П. П. Сойкиным в 1913 году, сохраняет авторское «Введение». Оно снабжено биографическим очерком, авторскими и редакторскими примечаниями, иллюстрировано пятьюдесятью рисунками М. Андриолли.

В советское время роман «Шпион» впервые был издан в составе полного собрания романов Д.-Ф. Купера под редакцией Н. Могучего (т. I, М.-Л., «Земля и фабрика», 1927).

В 1946 году «Шпион» выходил в издательстве «Детгиз», а по нему переиздавался республиканскими издательствами: в 1949 году — в Петрозаводске, в 1956 году — в Кишиневе, в издательстве «Шкоала Советикэ», с объяснениями А. Умикян и куперовским «Введением» к роману.

В настоящем издании «Шпион» печатается в переводе Э. Бер (Березиной) и Е. Шишмаревой, сделанном для шеститомного собрания сочинений Д.-Ф. Купера, изданного Государственным издательством детской литературы в 1962 году.

Стр. 23. *Распря между Англией и Соединенными Штатами Америки хотя и не была строго говоря настоящей семейной ссорой...*— Имеются в виду события Войны за независимость (1775—1783 гг.), в результате которой тринадцать английских колоний на Атлантическом побережье Северной Америки, получив самостоятельность, образовали США.

Стр. 24. *Мистер Х, рассказчик этой истории...*— Имеется в виду Джон Джей (1745—1829), американский государственный деятель. В период Войны за независимость поддерживал дело патриотов и занимал ряд высоких государственных должностей.

Тори — название консервативной партии в Англии с XVII до начала XIX в. В Северной Америке в эпоху, описываемую в романе, «тори» или «лоялистами» американские колонисты называли сторонников английского короля. Напротив, «вигами» в североамериканских колониях назывались борцы за независимость.

Стр. 28. *Гертруда из Вайоминга* — эпическая поэма английского поэта Томаса Кэмпбелла (1777—1844), опубликованная в 1809 г. Рассказывает о романтической любви Гертруды, уроженки Вайоминг-Вэлли, и ее

возлюбленного Уолдгрейва, которые трагически погибают вскоре после свадьбы.

Вест-Честер — одно из графств штата Нью-Йорк; граничит с городом Нью-Йорк, расположенным на острове Манхаттан. Город Нью-Йорк, в описываемые времена находившийся в руках англичан, сообщался с нейтральной территорией графства Вест-Честер посредством моста Кингс-Бридж.

Стр. 28—29. *...находя опору в близости континентальных войск...* — Словом «континентальный» (или «конфедеративный»), в отличие от английского, то есть «островного», обозначали учреждения и институты американского революционного правительства.

Стр. 29. *...можно было бы вытащить на свет божий королевские охранные грамоты...* — Грамоты, пожалованные английским королем Георгом III (1760—1820) на право владения землей и ведения торговли в Америке. Во время Войны за независимость сторонники Англии выдавали себя за американских патриотов, боясь расправы и конфискации имущества.

Стр. 33. *...от таких мощных сил, какими командует Рошамбо...*—Рошамбо, Жан-Батист-Донатьен де Вимер (1725—1807) — во время Войны за независимость — генерал-лейтенант, командующий шеститысячным французским войском, переброшенным из Европы для помощи восставшим колониям в их борьбе против Англии.

Гейтс и Корнваллис там, видимо, хотят покончить с войной.— Гейтс Хорэйшио (1728—1806) — американский генерал. Во время Войны за независимость разбил английского генерала Джона Бергойна (1722—1777) в битве при Саратоге (1777 г.), что заставило последнего капитулировать. Уортон имеет в виду сокрушительное поражение Гейтса при Кэмдене (1780 г), нанесенное ему известным английским генералом Чарльзом Корнваллисом (1738—1805).

Стр. 35. *Янки* — происходит от «йенкиз» или «йенгиз» (искаженное «инглиш», «англичанин») — собирательное имя, которым, согласно ряду источников, индейцы-массачусеты называли первых колонистов-англичан. В период Войны за независимость слово «янки» было презрительной кличкой, которой английские солдаты называли американцев; позже, однако, последние стали сами называть себя янки.

Стр. 36. *Скиннер* — в переносном смысле «живодер». Скиннерами во время Войны за независимость называли шайку грабителей, выдававших себя за сторонников американцев и бесчинствовавших на нейтральной территории.

Стр. 37. *Их отряд получил забавное название «ковбойского»...*—Каубой— по-английски «коровий пастух». Ковбойский отряд представлял собой банду мародеров, орудовавших на стороне англичан. Грабя население, ковбои угоняли обычно и весь скот. Командовал ими английский полковник де Ланси.

Стр. 39. ...*под красным мундиром может биться только честное сердце.*— До начала XX в. в английской армии были приняты офицерские мундиры красного цвета.

Стр. 41. *Генерал Старк взял немцев в плен...*— Старк Джон (1728—1822) — американский военный деятель. В 1777 г. у города Беннингтона разбил два отряда армии Бергойна, взяв в плен пятьсот немецких солдат. Купленные Георгом III у владетельных немецких князей, немецкие солдаты составляли около трети английского войска, посланного в Америку для подавления восставших колоний.

...*лорд Перси, потерпевший поражение при Лексингтоне, не потомок ли героя старинной баллады «Чеви Чейз»*?— Английская баллада XVI в. «Чеви Чейз» («Охота на Чевиотских холмах») рассказывает о битве при Оттерберне между Генри Перси, графом нортумберлендским, и шотландским графом Дугласом, происшедшей в 1388 г. на Чевиотских холмах. Решив поохотиться на шотландской земле, Перси вынужден был принять бой с шотландцами, в котором потерпел поражение, и был взят в плен.

Френсис говорит о битве при Лексингтоне (19 апреля 1775 г.), первом крупном сражении Войны за независимость, во время которого группа американских ополченцев, применив партизанскую тактику, нанесла тяжелые потери отряду англичан под командованием лорда Перси.

Стр. 43. *Желаю Вашингтону побольше таких героев.*— Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США, вошедший в историю как организатор и руководитель борьбы за независимость американских колоний. В 1775 г. решением Конгресса был назначен главнокомандующим американской революционной армией и лично руководил рядом боевых операций. Американцы чтут Вашингтона как национального героя.

Казнь Андре взбудоражила обе стороны. Сэр Генри грозит отомстить за его смерть...— Андре Джон (1751—1780) — майор английской армии, повешенный американцами в 1780 г. за шпионаж и тайную связь с предателем революционной армии генералом Бенедиктом Арнольдом (1741—1801). Арнольд при помощи Андре вел переговоры с главнокомандующим английской армией сэром Генри Клинтоном (1738—1795) о переходе на сторону англичан и сдаче крепости Уэст-Пойнт.

Стр. 46. *Куин-стрит* — один из аристократических кварталов Нью-Йорка.

Стр. 49. ...*Тарльтон разбил генерала Самтера на Тайгер-Ривер.*— Тарльтон, сэр Бэнестр (1754—1833) — офицер английской армии, отправившийся в Америку добровольцем вместе с Корнваллисом (см. прим. к стр. 33). Бёрч упоминает, по-видимому, о победе Тарльтона, одержанной им над американским генералом Томасом Самтером (1734—1832) в 1780 г., который несколько позже, в свою очередь, нанес ему поражение при Блэкстоке.

Стр. 50. ...*отряд регулярных войск*...—Войска английской армии назывались регулярными, в отличие от войск американской армии, созданной из партизанских отрядов и милиции (ополчения) штатов.

Стр. 51. *Виргинская кавалерия* — американская кавалерия, сформированная в штате Виргиния.

Стр. 54. «*Лицо таинственного лорда*...».— Эпиграф взят из поэмы Вальтера Скотта «Повелитель островов» (1815), посвященной шотландскому королю Роберту Брюсу.

Стр. 60. *Саунд* — морской пролив, отделяющий остров Лонг-Айленд от острова Манхаттан.

Стр. 62. ...*пригоршню монет с изображением Карла III*...—Карл III— испанский король (1759—1788) из династии Бурбонов. В 1780—1782 гг. Испания участвовала в войнах против своего соперника — Англии. Испанские доллары имели тогда хождение в Америке.

Стр. 72. ...*он у меня будет кататься на суку березы*!—Игра слов: по-английски имя Бёрч звучит так же, как «береза».

Стр. 84. ...*полк гессенских стрелков*...— Большая часть немецких наемников в английской армии была из немецкого герцогства Гессен-Кассель.

Стр. 86. *Гарлем* — часть Манхаттана. Теперь негритянский квартал в Нью-Йорке.

Стр. 92. *Джон Булл* (по-английски «Джон Бык») — насмешливое прозвище, данное англичанам английским писателем-сатириком Джонатаном Свифтом (1667—1745).

Стр. 96. Эпиграф взят из стихотворения английского поэта Роберта Саути (1774—1843) «Бленхеймская битва» (1798), написанного в форме народной баллады.

Стр. 116. *Гален* — римский врач, живший во II в. до н. э. Вплоть до средних веков был признанным авторитетом в области медицины.

Эпиграфы к главам X и XXXV (стр. 348) взяты из стихотворения «Элегия, написанная на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея (1716—1771).

Стр. 118. *Хау* Уильям (1729—1814)—генерал, до 1778 г.—главнокомандующий английскими войсками на территории США. В 1776 г. в результате битвы на острове Лонг-Айленд захватил город Нью-Йорк и установил контроль над близлежащей территорией, но не смог покончить с революционной армией.

Стр. 125. ...*душа капитана Кидда бродит возле того места, где он в прежнюю войну зарыл золото*.—Кидд Уильям (1645—1701), больше известный под именем «Капитан Кидд». Капер на службе английского короля против французов, позже— пират. Арестованный в 1696 г., был привезен в Лондон и казнен. Будучи одно время жителем Нью-Йорка, капитан Кидд, по легенде, спрятал в его окрестностях огромные сокровища.

Стр. 138. *Дуо* (от лат. duo — «два») — в музыке старинное название инструментального или вокального дуэта.

Стр. 148. *Аккомак* — городок в штате Виргиния.

Стр. 157. Эпиграф взят из поэтического произведения английского поэта Джорджа Крабба «Приходские списки» (1807), часть III, «Похороны».

Стр. 188. *...люди из отряда Паулдинга сваляли дурака, не дав уйти адъютанту генерала...*— Сторожевой отряд из трех человек под начальством Паулдинга, задержавший английского шпиона Андре, отказался отпустить его на свободу за взятку (см. прим. к стр. 43).

Стр. 209. *Колосс Родосский* — бронзовая тридцатидвухметровая статуя греческого бога солнца Гелиоса, изваянная в 250 г. до н. э. и стоявшая в гавани острова Родоса.

...подобно косам на древних колесницах? — В древности к осям боевых колесниц прикрепляли косы, которые при вращении колес наносили урон врагу.

Стр. 212. *Йоркшортский отшельник* — стихотворение в форме баллады, включенное исследователем английского фольклора Томасом Перси (1729—1811) в сборник «Памятники старинной английской поэзии» (1765).

Стр. 258. *Голдсмит* Оливер (1730—1774)—известный английский поэт и прозаик. Эпиграф взят из поэмы «Путешественник» (1765).

Стр. 261. *...принадлежит ли он к «верхним» или к «нижним».*—Сторонников американцев называли партией «верхних», а сторонников англичан— партией «нижних». Эти названия происходят от расположения войск на реке Гудзон во время описываемых событий.

Стр. 269. *...если бы близ Территауна разгорелось сражение?*—Территаун — город в штате Нью-Йорк, где был задержан Андре.

Стр. 272. *Хис* Уильям (1737—1814)—американский военный деятель. Во время описываемых событий — генерал-майор, командующий американскими войсками в Вест-Честере.

Стр. 273. *Королевские офицеры дали Хэйлу всего один час...*—Хэйл Натаниэль (1755—1776) — американский офицер, схваченный в расположении английских войск, где он занимался сбором военной информации. Был осужден и повешен. Во время казни кто-то из англичан упрекнул Хэйла в том, что тот позорит звание офицера. Хэйл ответил: «Джентльмены, всякая смерть почетна, если человек умирает за свободу и независимость родины».

Стр. 287. *...унылым, гнусавым голосом, каким принято петь псалмы в Восточных штатах.*—Восточными здесь названы штаты Новой Англии (Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт), в описываемое время населенные пуританами.

Стр. 288. *...вместе с законами о гербовом сборе и пошлиной на чай?*—Здесь имеются в виду попытки Англии обложить прямым налогом свои колонии в Северной Америке.

Закон о гербовом сборе (принят английским парламентом в 1765 г.) — налог, взимавшийся в колониях путем обязательного употребления гербовой бумаги при составлении официальных документов. Вызвавший бурное возмущение, закон был вскоре отменен.

По «чайному закону», принятому парламентом в 1773 г., чай, ввозимый из Англии в Америку, освобождался от пошлины, но облагался налогом. В знак протеста в декабре 1773 г. группа жителей американского города Бостона, переодевшись индейцами, напала на английский корабль и выбросила в море весь груз чая. Это событие, получившее в истории название «Бостонского чаепития», непосредственно предшествовало Войне за независимость.

Стр. 299. Эпиграф взят из юмористического стихотворения английского поэта Уильяма Купера (1731—1800) «Занимательная история Джона Гилпина» (1782), написанного в форме баллады.

Стр. 308. Эпиграф взят из баллады Голдсмита «Отшельник, или Эдвин и Ангелина», написанной в 1764 г.

Стр. 325. *Рокби* — романтическая поэма Вальтера Скотта, написанная в 1813 г.

Стр. 328. *...южнее Кротона.*—Кротон—местность в графстве Вест-Честер на восточном берегу реки Гудзон.

Стр. 331. *Банкер-Хилл*—одна из высот, господствующих над Бостоном, где 17 июня 1775 г. американцы отразили три ожесточенные атаки англичан и оставили поле боя лишь после того, как у них иссякли запасы пороха. Одержав победу при Банкер-Хилле, англичане, однако, не смогли снять осаду с Бостона, осажденного американскими военачальниками А. Уордом, Н. Грином и Дж. Старком. Мужественная оборона американцев при Банкер-Хилле сильно подняла моральный дух колонистов.

Стр. 337. *Холлек* Фитцгрин (1790—1867)—американский поэт. Эпиграфом взяты первые строки элегии «На смерть Джозефа Родмэна Дрейка», друга поэта.

Стр. 345. *Дева озера* — романтическая поэма из истории Шотландии, написанная Вальтером Скоттом в 1810 г.

На Юге Грин вел с Роудоном кровопролитные бои...— Грин Нэтениэл (1742—1786) — один из наиболее известных американских деятелей Войны за независимость, ближайший помощник Вашингтона. В 1780 г. был назначен командующим южной армией и вскоре очистил Юг от войск английского генерала Френсиса Роудона-Хастингса (1754—1826).

Стр. 350. *...теперь военные действия развернулись не на берегах Гудзона, а близ Ниагары.*— Имеется в виду англо-американская война 1812—1814 гг., возникшая из-за новых попыток Англии подчинить себе бывшие колонии в Северной Америке. Окончилась победой США.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Роман «Последний из могикан, или Повесть о 1757 годе» («The Last of the Mohicans, a Narrative of 1757») впервые был издан в начале января 1826 года.

Среди изданий романа на английском языке особенно интересно американское издание 1896 года (Хьютон Миффлин, Кембридж, Массачусетс). Оно содержит «Введение» Сузен Купер, дочери писателя, и биографический очерк, а также краткий словарик произношения географических названий и имен собственных.

Специального внимания заслуживает введение к этому изданию.

В нем рассказывается, что замысел романа возник у писателя в 1825 году после посещения с группой англичан озер Джордж и Шамплейн. Но, задумав написать роман «индейский по основным характерам и событиям», Купер столкнулся с крайней скудостью сведений по истории и культуре американских индейцев. Могущественные союзники и сильные враги в Америке колониального периода, индейцы после Войны за независимость были забыты. Американская этнография как наука еще только зарождалась.

Сузен Купер называет источники, которыми пользовался Купер, приступая к созданию романа. Это были исторические труды миссионеров К. Колдена и Дж. Хекиуэлдера, отчеты о путешествиях Лонга, Льюиса и Кларка, Макензи. Из раннего детства писатель помнил также встречи с небольшими группами ирокезов, посещавших иногда берега озера Отсего.

Внимательно изучая жизнь индейцев, Купер знал о знаменитом роде могиканских вождей Уикасов, видел их родовое кладбище неподалеку от Норвича в штате Коннектикут. Он знал о жизни и деятельности образованного могиканина Самсона Оккома (1723—1792), сочетавшего в себе черты проповедника и народного вождя. Несомненно, Купер знал также об эпизоде, связанном со знаменитым могиканином Хендриком (Сойенгаратой). Когда этот вождь был убит в 1755 году в битве у озера Джордж, его сын, ударив себя в грудь, воскликнул: «Мой отец не убит, его дух живет здесь!» Однако, хотя во время Купера племя могикан еще существовало, «Последний из могикан» должен был подчеркнуть, что возвышенный тип воина и сахема безвозвратно отошел в прошлое.

«Последний из могикан» впервые был издан в России в 1874 году в переводе С. Майковой.

Роман «Последний из могикан» недаром считается самой популярной книгой Д.-Ф. Купера. Не случайно послесловие В. Быкова к русскому изданию «Шпиона» 1913 года в основном посвящено не этому роману, а серии «Рассказов о Кожаном Чулке», и прежде всего «Последнему из могикан», на примере которого производится анализ мастерства Купера-пейзажиста и бытописателя.

В советское время «Последний из могикан» впервые был издан в составе полного собрания романов Д.-Ф. Купера под редакцией Н. Могучего (т. 5, кн. 3, М.-Л., «Земля и фабрика», 1927).

В последующие годы роман неоднократно издавался в «Детгизе» в сокращенном переводе Е. Чистяковой-Вэр и А. П. Репиной, по которому переиздавался в Минске (1955), Ташкенте (1955), Алма-Ате (1956), Киеве (1956), Кишиневе (1957). В этом же переводе роман вошел в шеститомное собрание сочинений Д.-Ф. Купера (т. I, М., Детгиз, 1961) со вступительной статьей А. Елистратовой и послесловием Н. Эйшискиной.

Настоящий перевод, выполненный П. Мелковой, содержит полный текст романа «Последний из могикан».

Стр. 360. *Родовое имя этой народности было уапаначки...*— Имеются в виду абенаки, племя алгонкинской семьи, родственное делаварам, проживавшее на территории штата Мэн и в Новой Шотландии; или в широком смысле: все индейцы-делавары. Название абенаки происходит от делаварского слова уа-бан — «рассветные», то есть восточные.

«Длинный дом» или «большой костер совета» всех этих родственных племен.— Купер преувеличивает значение родственных связей между союзными племенами делаваров и ошибочно приписывает им коалиционное единство шести ирокезских племен, которые называли свой союз Великой лигой, а также «длинным домом». Однако есть основания полагать, что ирокезской конфедерации исторически предшествовала сходная по строению конфедерация индейцев алгонкинов.

Стр. 361. *...называли менгуэ макуасами, а порою, презрительно, мингами. Французы окрестили их ирокезами...*— Каждое индейское племя имело древнее родовое самоназвание (например, ирокезское «онондага»: «люди холмов»); а также имя, данное ему соседним племенем (делаварское «минго» для ирокезов). Позже к этому добавились европейские названия («макуас», данное голландцами, «ирокуа», данное французами).

Стр. 362. *Хекиуэлдер* Джон Готлиб Эрнест (1743—1823),—английский миссионер, принявший американское подданство, автор ряда книг об индейцах, в частности, «Сообщения об истории, нравах и обычаях индейских народов, некогда населявших Пенсильванию» (1819).

Стр. 364. *...озером Святых даров.*—Имеется в виду озеро Джордж в штате Нью-Йорк, названное в честь Георга I, основателя Ганноверской династии. Название Хорикэн происходит от индейского поселения XVII в., по мнению ряда исследователей, находившегося в этом районе.

Лье — старинная французская мера длины, равная примерно 4,5 км.

Аллеганы — цепь в горной системе Аппалачей в США, тянущаяся с севера на юг, параллельно побережью Атлантического океана.

Стр. 365. *...в третий год последней войны между Англией и Францией...*— В XVII—XVIII вв. северо-восточная часть США, принадлежавшая тогда

Англии, и юго-восточная часть Канады — французской колонии — четырежды служили театром военных действий между этими державами, боровшимися за гегемонию в Европе. События, описанные в романе, относятся к четвертой из этих колониальных кампаний (1755—1762 гг.), одному из эпизодов так называемой Семилетней войны (1756—1763 гг.). Итогом этой кампании был захват англичанами Канады, ставшей английской колонией по Парижскому договору 1763 г.

...спасена от полного истребления лишь благодаря хладнокровию и мужеству духа юноши-виргинца...—Имеется в виду сражение 9 июля 1755 г. у форта Дюкен (ныне г. Питтсбург в штате Пенсильвания), когда около тысячи человек французов и индейцев под командованием капитана Контрекера разгромили экспедицию генерал-майора Эдуарда Брэддока (1695—1755 гг.). Англичан от полного истребления спасло лишь мужество подполковника Джорджа Вашингтона, уроженца штата Виргиния, будущего героя Войны за независимость и первого президента США.

Стр. 366. *Монкальм* — Луи-Жозеф де Монкальм-Гозон, маркиз де Сен-Веран (1712—1759), генерал, командующий французскими силами в Канаде. Погиб 14 сентября 1759 г. на плоскогорье Поля Авраама, где произошла знаменитая битва за Квебек (в то время столицу Канады) во время осады города англичанами. Падением Квебека завершилась многолетняя борьба за колонии между Францией и Англией и переход Северной Америки под контроль последней.

Вэбб Дэниэл (1700—1773) — генерал, заместитель графа Джона Лаудона (1709—1782), главнокомандующего английскими войсками в Северной Америке в 1756 г. Вэбб, оказавшийся крайне бездарным военачальником, был отозван в декабре 1757 г.

Стр. 369. *Нью-Хейвен* — город-порт в штате Коннектикут.

Стр. 373. *Нэррегенсет* — порода лошадей, выведенная на побережье одноименной бухты в штате Род-Айленд.

Стр. 377. *...юность моя, подобно юности царя Давида, была потеряна для музыки...* — Согласно Библии, израильский царь Давид, искусный певец, музыкант и сочинитель псалмов, провел юность в междоусобной войне против своего предшественника, царя Саула. Давид прославился еще в отрочестве, убив из пращи великана-филистимлянина Голиафа во время одной из войн евреев против филистимлян.

Стр. 378. *Гендель* Георг Фридрих (1685—1759) — выдающийся немецкий композитор, почти пятьдесят лет проживший в Лондоне и в 1726 г. принявший английское подданство.

Стр. 379. *Брайент* Уильям Каллен (1794—1878) — американский поэт-романтик. Эпиграф взят из стихотворения «Индеец на кладбище предков» (1824).

Стр. 380. *Вампум* (а л г о н к. «белый»). — Этим словом у индейцев края Великих озер назывались бусы двух родов (красные и белые), которые служили единицей обмена между племенами. Пояс из вампума символически

изображал важные исторические события — объявление войны, заключение мира. У ирокезов существовала специальная должность —«Наследственный Хранитель Вампума».

Стр. 383. *...пока не добрались до Великой реки.* — Имеется в виду Миссисипи. Здесь и далее излагается предание о древнем странствии племени делаваров с их легендарной прародины, лежащей где-то к северо-западу от Миссисипи. Пиктографическая хроника делаваров «Валам олум» («Красная запись»), обнаруженная в 1820 г. и переведенная на английский язык в 1833 г., почти дословно подтверждает пересказ Купера.

...зарыли томагавк в землю.— Традиционная метафора индейского красноречия, обозначающая заключение мира. Вырыть томагавк — объявить войну.

Стр. 384. *Сагамор* (абенакск.) — вождь, старейшина; однозначно ирокезскому названию «сахем».

Стр. 388. *...которых вы именуете гуронами.*— Французы называли гуронами индейцев из племени вейандотов, родственных ирокезам. Во время описываемых событий гуроны выступали французскими союзниками.

Стр. 392. *...гордится своим прозвищем, совершенно не понимая истинного его смысла.*— В подлиннике стоит «Le Renard Subtil» (Хитрый Лис); таким образом, французское имя Магуа восходит к славившемуся своей хитростью Лису-Ренару, герою «Романа о Лисе», памятника литературы французского средневековья.

Стр. 399. *Мы у подножия Гленна...*—Водопады Гленна. Водопады на реке Гудзон. Во времена событий, описываемых в романе, они были еще безымянными. Свое название они получили только в 1788 г.

Стр. 403. *Сассафрас* — дикорастущий сассафрас, ароматическое дерево или кустарник семейства лавровых. Встречается в приатлантических штатах США.

Стр. 411. Эпиграфы к этой и следующей главам взяты из пиндарической оды «Бард» Томаса Грея.

Стр. 429. *Смерть Агриппины.*— Имеется в виду «Агриппина», незаконченная трагедия Томаса Грея.

Стр. 444. *...предпочитал попасть к сэру Уильяму Джонсону...*—Джонсон, сэр Уильям (1715—1774) — англо-американский военный деятель, суперинтендант по делам Союза шести племен, пользовавшийся у ирокезов большим авторитетом. В октябре 1755 г. в сражении у озера Джордж разбил франко-индейскую армию под командованием генерала Людвига Августа Дискау (1701—1767), немца по происхождению, за что получил титул баронета и обширное поместье на реке Могаук в теперешнем штате Нью-Йорк.

Стр. 448. *...пока не достиг Города Пушек.*— По-видимому, имеется в ви-

ду бывший французский порт Луисбург, когда-то контролировавший вход в залив Святого Лаврентия. Он славился своей батареей и крепостью. В 1758 г. попал в руки англичан.

Стр. 449. *Чиппевеи* (правильнее чиппева) — отделившаяся в древности ветвь народа оджибве. Оба названия употребляются для обозначения крупной индейской народности, проживавшей в XVIII в. к западу от территорий, занятых гуронами, ирокезами и др.

Стр. 467. *...пятьдесят лет спустя к нему и соседним родникам...*— Имеется в виду курорт Боллстон-Спа в штате Нью-Йорк к западу от озера Джордж.

Стр. 471. *...превышающих протяженностью угодья любого олбенского землевладельца...*— В XVIII в. Голландия, которой принадлежала тогда территория теперешнего штата Нью-Йорк с его столицей Олбени, усиленно насаждала в своей колонии крупное полуфеодальное землевладение (поместья размером до 63 кв. км). Поселения голландцев существовали там и позже.

Стр. 478. *...этому чертову французскому немцу!* — См. прим. к стр. 444.

Стр. 488. *Гласис* — земляная пологая насыпь впереди наружного рва укрепления.

Стр. 490. *Тикондерога* — город в штате Нью-Йорк. В XVIII в.— крепость у истоков озера Шамплейн, на склонах горы Маунт-Дифайенс («Непокорная»). Построена французами в 1755 г. В 1759 г. была взята англичанами. Во время Войны за независимость Тикондерога перешла в руки американцев (1775 г.), но была временно захвачена англичанами под командованием Джона Бергойна (1722—1792), получившего за это чин генерал-лейтенанта.

...при государственном деятеле, не побоявшемся рискнуть престижем...— Имеется в виду де Уитт Клинтон (1769—1828), губернатор штата Нью-Йорк в 1817—1823 и 1825—1828 гг., инициатор строительства системы каналов между Великими озерами и рекой Гудзон, вопрос о постройке которых вызвал большой спор в политических кругах того времени.

Стр. 494. *Лотьен*—одно из административных делений Шотландии, юго-восток.

Стр. 495. *Вулвич Уоррен* — крупнейший английский арсенал и Королевская военная академия, расположенные в Вулвиче, предместье Лондона.

Стр. 498. *В нашем салическом законе...*— Салический закон—древнейший свод законов у салических франков, населявших в VI в. территорию нынешней Франции. По этому закону земля наследовалась исключительно по мужской линии. Во многих западноевропейских странах этот закон позже служил юридическим основанием для отстранения женщин от престолонаследия.

Стр. 501. *Орден Святого Людовика* — в королевской Франции орден за военные заслуги, учрежденный в 1693 г. Назван по имени Людовика IX Святого (1226—1270), канонизированного в 1297 г.

Чертополох! Вот это древний почетный орден... — Имеется в виду британский орден св. Андрея, на звезде которого был изображен цветущий чертополох, эмблема Шотландии.

Стр. 505. *Вобан* Себастьян Ле Претр, маркиз де (1633—1707) — знаменитый французский военный деятель и экономист, маршал Франции с 1703 г., выдающийся военный инженер, крупнейший теоретик и практик фортификации, создатель системы постепенной осады крепостей.

Стр. 513. *...не пачкать французские лилии.* — То есть не позорить Францию. Лилии — эмблема дома Бурбонов и дореволюционной Франции.

Стр. 523. *Освего* — город в штате Нью-Йорк, расположенный при впадении одноименной реки в озеро Онтарио; в XVIII в.— английский форт. Взят войсками Монкальма штурмом в августе 1756 г.

Стр. 540 *...в обеих Канадах...* — Уже во времена французского владычества Канада делилась на Нижнюю (считая по течению реки Св. Лаврентия), населенную преимущественно французами, и Верхнюю, населенную преимущественно англичанами; границей между ними была река Оттава. После перехода Канады под власть Англии исторически сложившееся деление было закреплено в 1791 г. образованием двух самостоятельных колоний: Нижней Канады (нынешняя провинция Квебек, столица г. Квебек) и Верхней Канады (нынешняя провинция Онтарио, столица г. Торонто). Это деление просуществовало до 1840 г.

Стр. 552. *...поселения располгутся вширь от берегов обеих рек.* — Имеются в виду, вероятно, реки Гудзон и Делавар, две наиболее крупные водные артерии штата Нью-Йорк.

Стр. 554. *Скрун.* — Имеется в виду озеро в штате Нью-Йорк, расположенное к западу от озера Джордж.

Стр. 567. *Тотем* (а л г о н к.) — «его род». Животное, растение, реже предмет неживой природы, которые у первобытных народов являлись предметами культа. Тотем выражает родственную связь внутри племени (клана, рода), члены которого верят в общее происхождение от определенного мифического предка и покровителя. Тотем является также эмблемой, гербом племени.

...за милостью и помощью они обращаются только к доброму Великому духу. — В описываемые времена стало сказываться влияние христианского монотеизма на индейское анимистическое многобожие. Идея единого бога соединилась с индейской концепцией мистической животворной силы, разлитой в природе (у алгонкинов — Маниту, у ирокезов — Оренда).

Стр. 568. *Вождь Черепах.* — Согласно преданию о сотворении мира, изложенному в хронике «Валам олум» (см. прим. к стр. 383), первый островок

земли (прародина делаваров) поднялся со дна Мирового океана на спине огромной черепахи. Наиболее важным из трех родов, на которые делилось племя, был род Унамис (Черепахи).

Стр. 576. *Ингизы.*— См. прим. к роману «Шпион», к стр. 35.

Стр. 584. *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт, автор вольного перевода «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Стр. 587. *...набил табаком отверстие на полой его рукоятке...*— Слово «томахаук» (а л г о н к.) до прихода европейцев в Америку означало боевую палицу с шипом или утолщением на конце. Позже оно перешло на металлический топорик, предмет оживленной торговли между индейцами и европейцами; идея соединения трубки и топора также принадлежит европейцам.

Стр. 606. *...Валаамова ослица могла заговорить...*—Выражение возникло из библейской легенды о Валааме, ослица которого однажды заговорила человеческим языком, чтобы предупредить его о грозящем ему наказании от бога в случае, если он проклянет народ Израиля. Употребляется иронически в применении к молчаливым, покорным людям, неожиданно заговорившим.

Стр. 624. *Сакетеш*— индейское кушание из вареной кукурузы и фасоли.

Стр. 630. *...святого, покровителя нашего обширного государства.*— Имеется в виду вымышленный святой, патрон США Таммани, исторически восходящий к реальной личности — вождю племени делаваров Таменунду («Дружественный»), который жил в XVII в. Первое печатное упоминание о святом Таммани относится к 1771 г.

Стр. 640. *Дети Микуона* — то есть европейцы, потомки Уильяма Пенна (1644—1718), английского политического деятеля, основавшего в 1682 г. в Северной Америке колонию, превратившуюся затем в штат Пенсильвания. Микуон (д е л а в.)—«игольный отец». На слух имя Пенн звучит по-английски так же, как и «перо». Зная уже, что существует перо, или «игла, которой пишут», делавары отождествили его с именем первого губернатора Пенсильвании.

Стр. 646. *...вновь отберем то, что принадлежит нам.*—Мечта о восстановлении прав индейских народов на Американском континенте свойственна многим индейским народам и основывается на древних пророчествах, которые предсказывают будущее единение племен на освобожденной земле, наступление прочного мира.

Стр. 660. *...сынов Иакова, идущих войной на сихемитов...*— Имеется в виду библейское предание (Книга Бытия, 34) о борьбе сыновей израильского патриарха Иакова с жителями палестинского города Сихема из-за дочери Иакова Дины, обесчещенной Сихемом, сыном Еммора, правителя города Сихема.

Стр. 662. *Короткая миля*—английская государственная миля (1,609 км), в отличие от морской мили (1,852 км).

Стр. 672. *Боцарис* Марко (1788—1823) — прославленный полководец, герой национальной освободительной войны греков против турецкого ига (1821—1829), пал в неравном бою с турецким войском при Карпенице.

Эпиграф взят из поэмы «Марко Боцарис» американского поэта Холлека, опубликованной в 1825 г.

Стр. 674. *...в манере, принесенной, видимо, индейцами с другого континента...*— Автор преувеличивает влияние фольклорной традиции Древнего Востока на выходцев из Азии, предков индейских народов Северной Америки. Фольклор американских индейцев, с его неповторимой поэтической образностью, складывался уже на Американском континенте.

А. Ващенко

СОДЕРЖАНИЕ

А. Елистратова. Джеймс Фенимор Купер и его романы 5

ШПИОН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ
Перевод Э. Бер и Е. Шишмаревой

Предисловие 23
Глава I 28
Глава II 37
Глава III 44
Глава IV 54
Глава V 65
Глава VI 74
Глава VII 84
Глава VIII 96
Глава IX 108
Глава X 116
Глава XI 127
Глава XII 138
Глава XIII 147
Глава XIV 157
Глава XV 166
Глава XVI 171
Глава XVII 181
Глава XVIII 186
Глава XIX 193
Глава XX 203
Глава XXI 212
Глава XXII 225

Глава XXIII 238
Глава XXIV 248
Глава XXV 258
Глава XXVI 263
Глава XXVII 274
Глава XXVIII 285
Глава XXIX 299
Глава XXX 308
Глава XXXI 319
Глава XXXII 325
Глава XXXIII 337
Глава XXXIV 345
Глава XXXV 350

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О 1757 ГОДЕ

Перевод П. Мелковой

Предисловие 359
Глава I 363
Глава II 371
Глава III 379
Глава IV 387
Глава V 394
Глава VI 402
Глава VII 411
Глава VIII 421
Глава IX 429
Глава X 436
Глава XI 445
Глава XII 456
Глава XIII 468
Глава XIV 477
Глава XV 489
Глава XVI 499
Глава XVII 510
Глава XVIII 523
Глава XIX 533
Глава XX 544
Глава XXI 553
Глава XXII 563
Глава XXIII 573
Глава XXIV 584
Глава XXV 595
Глава XXVI 606

Глава XXVII 615
Глава XXVIII 623
Глава XXIX 631
Глава XXX 642
Глава XXXI 652
Глава XXXII 659
Глава XXXIII 672

Примечания *А. Ващенко* 685

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 91

Джеймс Фенимор
Купер

ШПИОН
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

*

Редактор Е. Осенева
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Иллюстрации Андриолли гравировал
Л. Быков
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
С. Ефимова
Корректоры Н. Шкарбанова
и Д. Эткина

*

Сдано в набор 27/XII 1973 г. Подписано к печати 6/VI 1974 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 44 печ. л. 41,052 усл. печ. л. 44,922+1 вкл.+7 накидок=45,935 уч.-изд. л. Тираж 303000 экз. Заказ 961. Цена 2 р. 22 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

ФЕНИМОР КУПЕР

ШПИОН

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН